

Лев Толстой

Об истине, жизни и поведении

«Public Domain»

Толстой Л. Н.

Об истине, жизни и поведении / Л. Н. Толстой — «Public Domain»,

Выдающийся памятник литературно-философской мысли, наиболее значительное философское произведение Л.Н.Толстого. Наряду с собственными высказываниями он включил в книгу наиболее яркие и глубокие суждения мыслителей и писателей всего мира, органически связав их в целостное видение мира человека.

Содержание

«Эта радостная работа»	15
Круг чтения	20
Предисловие	20
Январь	21
1 ЯНВАРЯ (Знание)	21
2 ЯНВАРЯ (Вера)	23
3 ЯНВАРЯ (Устройство жизни)	24
4 ЯНВАРЯ (Единение)	25
5 ЯНВАРЯ (Слово)	26
6 ЯНВАРЯ (Усилие)	27
7 ЯНВАРЯ (Доброта)	29
Недельное чтение	31
8 ЯНВАРЯ (Вера)	33
9 ЯНВАРЯ (Знание)	35
10 ЯНВАРЯ (Воспитание)	37
11 ЯНВАРЯ (Смирение)	39
12 ЯНВАРЯ (Лжеучение)	41
13 ЯНВАРЯ (Вера)	43
14 ЯНВАРЯ (Любовь)	45
Недельное чтение	47
15 ЯНВАРЯ (Вера)	49
16 ЯНВАРЯ (Устройство жизни)	51
17 ЯНВАРЯ (Мудрость)	53
18 ЯНВАРЯ (Просвещение)	55
19 ЯНВАРЯ (Самоотречение)	56
20 ЯНВАРЯ (Бессмертие)	58
21 ЯНВАРЯ (Самосовершенствование)	59
Недельное чтение	61
22 ЯНВАРЯ (Война)	62
23 ЯНВАРЯ (Зло)	64
24 ЯНВАРЯ (Мудрость)	66
25 ЯНВАРЯ (Знание)	68
26 ЯНВАРЯ (Милосердие)	70
27 ЯНВАРЯ (Любовь)	72
28 ЯНВАРЯ (Закон)	74
Недельное чтение	76
29 ЯНВАРЯ (Мудрость)	79
30 ЯНВАРЯ (Устройство жизни)	81
31 ЯНВАРЯ (Лжеучение)	83
ФЕВРАЛЬ	85
2 ФЕВРАЛЯ (Смерть)	88
3 ФЕВРАЛЯ (Доброта)	90
4 ФЕВРАЛЯ (Разум)	92
Недельное чтение	93
I	93
II	94

5 ФЕВРАЛЯ (Сила мысли)	95
6 ФЕВРАЛЯ (Страсти)	97
7 ФЕВРАЛЯ (Самосовершенствование)	99
8 ФЕВРАЛЯ (Слово)	101
9 ФЕВРАЛЯ (Война)	103
10 ФЕВРАЛЯ (Смирение)	105
11 ФЕВРАЛЯ (Закон)	107
Недельное чтение	108
12 ФЕВРАЛЯ (Бессмертие)	111
13 ФЕВРАЛЯ (Вера)	113
14 ФЕВРАЛЯ (Божественная природа души)	115
15 ФЕВРАЛЯ (Простота)	117
16 ФЕВРАЛЯ (Духовная природа)	119
17 ФЕВРАЛЯ (Равенство)	121
18 ФЕВРАЛЯ (Самоотречение)	123
Недельное чтение	125
I. Самоотречение	125
II. Свободный человек	126
19 ФЕВРАЛЯ (Труд)	128
20 ФЕВРАЛЯ (Прогресс)	130
21 ФЕВРАЛЯ (Вегетарианство)	132
22 ФЕВРАЛЯ (Бог)	134
23 ФЕВРАЛЯ (Устройство жизни)	136
24 ФЕВРАЛЯ (Истина)	138
25 ФЕВРАЛЯ (Молитва)	140
Недельное чтение	142
Архангел Гавриил	142
Молитва	143
26 ФЕВРАЛЯ (Слово)	147
27 ФЕВРАЛЯ (Богатство)	149
28 ФЕВРАЛЯ (Искусство)	151
29 ФЕВРАЛЯ (Идеал)	153
МАРТ	155
2 МАРТА	157
3 МАРТА (Добро)	159
Недельное чтение	161
4 МАРТА (Воздержание)	163
5 МАРТА (Смирение)	165
6 МАРТА (Бог)	167
7 МАРТА (Труд)	169
8 МАРТА (Молитва)	171
9 МАРТА (Война)	173
10 МАРТА (Единение)	175
Недельное чтение	177
I. Единение	177
II. Морское плавание	178
11 МАРТА (Брак)	179
12 МАРТА (Дела)	181
13 МАРТА (Мудрость)	183

14 МАРТА (Разум)	185
15 МАРТА (Любовь)	187
16 МАРТА (Знание)	189
17 МАРТА (Устройство жизни)	191
Недельное чтение	193
Непротивление злу насилием	193
18 МАРТА (Осуждение)	195
19 МАРТА (Богатство)	197
20 МАРТА (Тайна)	199
21 МАРТА (Смысл жизни)	201
22 МАРТА (Справедливость)	202
23 МАРТА (Устройство жизни)	204
24 МАРТА (Бог)	206
Недельное чтение	208
Суратская кофейная	208
25 МАРТА (Взаимное служение)	212
26 МАРТА (Приближение Царства Божия)	214
27 МАРТА (Мужество)	216
28 МАРТА (Мудрость)	218
29 МАРТА (Воздержание)	220
30 МАРТА (Доброта)	222
31 МАРТА (Покаяние)	224
Недельное чтение	226
Корней Васильев	226
АПРЕЛЬ	236
2 АПРЕЛЯ (Усилие)	238
3 АПРЕЛЯ (Смерть)	240
4 АПРЕЛЯ (Радость)	242
5 АПРЕЛЯ (Труд)	244
6 АПРЕЛЯ (Самосовершенствование)	246
7 АПРЕЛЯ (Добро)	248
Недельное чтение	250
Добро	250
8 АПРЕЛЯ (Война)	252
9 АПРЕЛЯ (Бессмертие)	254
10 АПРЕЛЯ (Приближение Царства Божия)	256
11 АПРЕЛЯ (Зло)	258
12 АПРЕЛЯ (Бог)	260
13 АПРЕЛЯ (Разум)	262
14 АПРЕЛЯ (Устройство жизни)	264
Недельное чтение	266
Уличный торговец	266
15 АПРЕЛЯ (Возмездие)	274
16 АПРЕЛЯ (Достоинство человека)	277
17 АПРЕЛЯ (Вера)	279
18 АПРЕЛЯ (Знание)	281
19 АПРЕЛЯ (Страдание)	284
20 АПРЕЛЯ (Самоотречение)	287
21 АПРЕЛЯ (Устройство жизни)	289

Недельное чтение	291
Из письма	291
22 АПРЕЛЯ (Божественная природа души)	293
23 АПРЕЛЯ (Простота)	295
24 АПРЕЛЯ (Мужество)	297
25 АПРЕЛЯ (Божественная природа души)	299
26 АПРЕЛЯ (Бог)	301
27 АПРЕЛЯ (Осуждение)	303
28 АПРЕЛЯ (Труд)	305
Недельное чтение	307
Зерно с куриное яйцо	307
29 АПРЕЛЯ (Болезнь)	309
30 АПРЕЛЯ (Смысл жизни)	310
МАЙ	313
2 МАЯ (Слово)	315
3 МАЯ (Знание)	317
4 МАЯ (Сила мысли)	319
5 МАЯ (Воспитание)	321
Недельное чтение	323
Воспитание	323
Из письма о воспитании	324
6 МАЯ (Вегетарианство)	327
7 МАЯ (Все в себе)	329
8 МАЯ (Смирение)	331
9 МАЯ (Усилие)	333
10 МАЯ (Дух)	335
11 МАЯ (Идеал)	338
12 МАЯ (Смерть)	340
Недельное чтение	343
Смерть в госпитале	343
13 МАЯ (Все в себе)	345
14 МАЯ (Божественная природа души)	347
15 МАЯ (Истина)	349
16 МАЯ (Вера)	351
17 МАЯ (Юродство)	353
18 МАЯ (Божественная природа души)	355
19 МАЯ (Закон)	357
Недельное чтение	359
Закон насилия и закон любви	359
20 МАЯ (Свобода)	361
21 МАЯ (Добро)	363
22 МАЯ (Рост)	365
23 МАЯ (Воздержание)	367
24 МАЯ (Любовь)	369
25 МАЯ (Слово)	371
26 МАЯ (Смерть)	373
Недельное чтение	375
Суд над Сократом и его защита	375
27 МАЯ (Свобода)	377

28 МАЯ (Богатство)	379
29 МАЯ (Божественная природа души)	381
30 МАЯ (Устройство жизни)	383
31 МАЯ (Радость)	385
ИЮНЬ	387
2 ИЮНЯ (Женщина)	389
Недельное чтение	391
Душечка	391
Послесловие к рассказу чехова «Душечка»	398
3 ИЮНЯ (Единение)	401
4 ИЮНЯ (Лжеучение)	403
5 ИЮНЯ (Дух)	405
6 ИЮНЯ (Зло)	407
7 ИЮНЯ (Смирение)	409
8 ИЮНЯ (Доброта)	411
9 ИЮНЯ (Устройство жизни)	413
Недельное чтение	415
Неужели так надо?	415
10 ИЮНЯ (Бессмертие)	417
11 ИЮНЯ (Сила мысли)	419
12 ИЮНЯ (Рост)	421
13 ИЮНЯ (Разум)	423
14 ИЮНЯ (Осуждение)	425
15 ИЮНЯ (Бог)	427
16 ИЮНЯ (Устройство жизни)	429
Недельное чтение	431
Первое горе	431
17 ИЮНЯ (Война)	438
18 ИЮНЯ (Божественная природа души)	440
19 ИЮНЯ (Совесть)	442
20 ИЮНЯ (Вегетарианство)	444
21 ИЮНЯ (Мудрость)	446
22 ИЮНЯ (Дела)	447
23 ИЮНЯ (Свобода)	449
Недельное чтение	451
Добровольное рабство	451
Орел	456
24 ИЮНЯ (Смерть)	458
25 ИЮНЯ (Тщеславие)	460
26 ИЮНЯ (Разум)	462
27 ИЮНЯ (Усилие)	464
28 ИЮНЯ (Семья)	466
29 ИЮНЯ (Уныние)	468
30 ИЮНЯ (Устройство жизни)	470
Недельное чтение	472
Ягоды	472
ИЮЛЬ	479
2 ИЮЛЯ (Искусство)	481
3 ИЮЛЯ (Свобода)	483

4 ИЮЛЯ (Наказание)	485
5 ИЮЛЯ (Благо)	487
6 ИЮЛЯ (Война)	489
7 ИЮЛЯ (Бог)	492
Недельное чтение	494
Паскаль	494
8 ИЮЛЯ (Любовь)	498
9 ИЮЛЯ (Знание)	500
10 ИЮЛЯ (Лжеучение)	502
11 ИЮЛЯ (Милосердие)	504
12 ИЮЛЯ (Единение)	505
13 ИЮЛЯ (Устройство жизни)	507
14 ИЮЛЯ (Приближение Царства Божия)	510
Недельное чтение	512
I. Устройство мира	512
II. Отношение первых Христиан к войне	513
III. Письмо крестьянина Ольховика, отказавшегося от военной службы	515
15 ИЮЛЯ (Слияние своей воли с волей Бога)	516
16 ИЮЛЯ (Слово)	519
17 ИЮЛЯ (Насилие)	521
18 ИЮЛЯ (Божественная природа души)	522
19 ИЮЛЯ (Простота)	524
20 ИЮЛЯ (Сострадание и вегетарианство)	526
21 ИЮЛЯ (Любовь)	529
Недельное чтение	531
Неверующий	531
22 ИЮЛЯ (Дела)	535
23 ИЮЛЯ (Усилие)	537
24 ИЮЛЯ (Закон)	539
25 ИЮЛЯ (Страдание)	541
26 ИЮЛЯ (Вера)	543
27 ИЮЛЯ (Знание)	545
28 ИЮЛЯ (Покаяние)	547
Недельное чтение	549
I. Покаяние	549
II. Камни	551
29 ИЮЛЯ (Разум)	552
30 ИЮЛЯ (Смирение)	553
31 ИЮЛЯ (Богатство)	555
АВГУСТ	557
2 АВГУСТА (Смерть)	560
3 АВГУСТА (Возмездие)	562
4 АВГУСТА (Самоотречение)	564
Недельное чтение	566
Большая Медведица (Ковш)	566
Воробей	567
5 АВГУСТА (Внушение)	568
6 АВГУСТА (Разум)	570

7 АВГУСТА (Тщеславие)	572
8 АВГУСТА (Лжеучение)	575
9 АВГУСТА (Зло)	577
10 АВГУСТА (Настоящее)	579
11 АВГУСТА (Все в себе)	581
Недельное чтение	583
Одиночество	583
12 АВГУСТА (Слияние своей воли с волей Бога)	586
13 АВГУСТА (Мудрость)	588
14 АВГУСТА (Насилие)	590
15 АВГУСТА (Радость)	592
16 АВГУСТА (Единение)	594
17 АВГУСТА (Доброта)	596
18 АВГУСТА (Вера)	598
Недельное чтение	600
Католицизм и христианство	600
19 АВГУСТА (Благо)	602
20 АВГУСТА (Простота)	604
21 АВГУСТА (Молитва)	606
22 АВГУСТА (Знание)	608
23 АВГУСТА (Истина)	610
24 АВГУСТА (Рост)	612
25 АВГУСТА (Труд)	615
Недельное чтение	617
Об освобождении земли, по учению Генри Джорджа	617
26 АВГУСТА (Справедливость)	619
27 АВГУСТА (Все в себе)	620
28 АВГУСТА (Вера)	622
29 АВГУСТА (Божественная природа души)	624
30 АВГУСТА (Приближение Царства Божия)	626
31 АВГУСТА (Искусство)	628
СЕНТЯБРЬ	630
Недельное чтение	632
Для чего люди одурманиваются?	632
2 СЕНТЯБРЯ (Лжеучение)	634
3 СЕНТЯБРЯ (Бог)	636
4 СЕНТЯБРЯ (Усилие)	638
5 СЕНТЯБРЯ (Наказание)	640
6 СЕНТЯБРЯ (Заблуждение)	642
7 СЕНТЯБРЯ (Смерть)	644
8 СЕНТЯБРЯ (Детство)	646
Недельное чтение	649
Беглец	649
Сила детства	654
9 СЕНТЯБРЯ (Знание)	656
10 СЕНТЯБРЯ (Совесть)	658
11 СЕНТЯБРЯ (Вера)	660
12 СЕНТЯБРЯ (Богатство)	662
13 СЕНТЯБРЯ (Мудрость)	664

14 СЕНТЯБРЯ (Насилие)	666
15 СЕНТЯБРЯ (Истина)	668
Недельное чтение	669
Петр Хельчицкий	669
16 СЕНТЯБРЯ (Знание)	672
17 СЕНТЯБРЯ (Устройство жизни)	674
18 СЕНТЯБРЯ (Божественная природа души)	676
19 СЕНТЯБРЯ (Лжеучение)	678
20 СЕНТЯБРЯ (Усилие)	680
21 СЕНТЯБРЯ (Сила мысли)	682
22 СЕНТЯБРЯ (Бессмертие)	684
Недельное чтение	686
Из завещания мексиканского царя	686
Смерть Сократа[38]	687
23 СЕНТЯБРЯ (Знание)	692
24 СЕНТЯБРЯ (Вегетарианство)	694
25 СЕНТЯБРЯ (Труд)	696
26 СЕНТЯБРЯ (Закон)	698
27 СЕНТЯБРЯ (Осуждение)	700
28 СЕНТЯБРЯ (Внушение)	702
29 СЕНТЯБРЯ (Война)	704
Недельное чтение	706
За что?	706
30 СЕНТЯБРЯ (Мудрость)	720
ОКТАБРЬ	722
2 ОКТАБРЯ (Вера)	724
3 ОКТАБРЯ (Богатство)	726
4 ОКТАБРЯ (Любовь)	728
5 ОКТАБРЯ (Усилие)	730
6 ОКТАБРЯ (Болезнь)	732
Недельное чтение	733
Живые мощи	733
7 ОКТАБРЯ (Бог)	739
8 ОКТАБРЯ (Наука)	741
9 ОКТАБРЯ (Божественная природа души)	743
10 ОКТАБРЯ (Смерть)	745
11 ОКТАБРЯ (Гордость)	747
12 ОКТАБРЯ (Мужество)	749
13 ОКТАБРЯ (Насилие)	751
Недельное чтение	752
Закон Бога и закон мира сего	752
14 ОКТАБРЯ (Искусство)	757
15 ОКТАБРЯ (Рост)	759
16 ОКТАБРЯ (Божественная природа души)	761
17 ОКТАБРЯ (Бог)	763
18 ОКТАБРЯ (Божественная природа души)	765
19 ОКТАБРЯ (Смысл жизни)	767
20 ОКТАБРЯ (Служение)	769
Недельное чтение	771

Ламенэ	771
21 ОКТЯБРЯ (Спокойствие)	774
22 ОКТЯБРЯ (Осуждение)	776
23 ОКТЯБРЯ (Совесть)	778
24 ОКТЯБРЯ (Единение)	780
25 ОКТЯБРЯ (Достоинство человека)	782
26 ОКТЯБРЯ (Дела)	784
27 ОКТЯБРЯ (Лжеучение)	786
Недельное чтение	788
Откровение и разум	788
28 ОКТЯБРЯ (Страдание)	791
29 ОКТЯБРЯ (Внушение)	793
30 ОКТЯБРЯ (Самоотречение)	795
31 ОКТЯБРЯ (Лжеучение)	797
НОЯБРЬ	799
2 НОЯБРЯ (Соблазн)	801
3 НОЯБРЯ (Богатство)	803
Недельное чтение	805
Божеское и человеческое	805
4 НОЯБРЯ (Слово)	825
5 НОЯБРЯ (Сила мысли)	827
6 НОЯБРЯ (Осуждение)	829
7 НОЯБРЯ (Бессмертие)	831
8 НОЯБРЯ (Бог)	833
9 НОЯБРЯ (Гордость)	835
10 НОЯБРЯ (Лжеучение)	837
Недельное чтение	839
Христианство и разделение людей	839
11 НОЯБРЯ (Усилие)	843
12 НОЯБРЯ (Внушение)	845
13 НОЯБРЯ (Самосовершенствование)	847
14 НОЯБРЯ (Знание)	850
15 НОЯБРЯ (Богатство)	852
16 НОЯБРЯ (Вера)	854
17 НОЯБРЯ (Настоящее)	856
Недельное чтение	858
Требования любви	858
18 НОЯБРЯ (Добро)	861
19 НОЯБРЯ (Зло)	863
20 НОЯБРЯ (Мужество)	865
21 НОЯБРЯ (Служение)	867
22 НОЯБРЯ (Устройство жизни)	869
23 НОЯБРЯ (Смысл жизни)	871
24 НОЯБРЯ (Милосердие)	873
Недельное чтение	875
Епископ Мириель	875
25 НОЯБРЯ (Война)	879
26 НОЯБРЯ (Устройство жизни)	881
27 НОЯБРЯ (Божественная природа души)	883

28 НОЯБРЯ (Бессмертие)	885
29 НОЯБРЯ (Слово)	887
30 НОЯБРЯ (Смирение)	889
ДЕКАБРЬ	891
Недельное чтение	893
I. Женщины	893
II. Сестры	895
2 ДЕКАБРЯ (Вегетарианство)	900
3 ДЕКАБРЯ (Искусство)	902
4 ДЕКАБРЯ (Достоинство человека)	904
5 ДЕКАБРЯ (Разум)	906
6 ДЕКАБРЯ (Заблуждение)	908
7 ДЕКАБРЯ (Бессмертие)	910
8 ДЕКАБРЯ (Закон)	912
Недельное чтение	914
Учение двенадцати апостолов	914
Предисловие	914
Учение Господа, преподанное народам 12-ю апостолами	915
Любите друг друга	918
9 ДЕКАБРЯ (Отечество)	923
10 ДЕКАБРЯ (Соблазн)	925
11 ДЕКАБРЯ (Труд)	928
12 ДЕКАБРЯ (Доброта)	930
13 ДЕКАБРЯ (Вера)	932
14 ДЕКАБРЯ (Божественная природа души)	934
15 ДЕКАБРЯ (Истина)	936
Недельное чтение	938
Гаррисон и его «провозглашение»	938
Провозглашение основ, принятых членами общества, основанного для установления между людьми всеобщего мира	940
16 ДЕКАБРЯ (Любовь)	942
17 ДЕКАБРЯ (Единение)	944
18 ДЕКАБРЯ (Прогресс)	946
19 ДЕКАБРЯ (Благо)	948
20 ДЕКАБРЯ (Приближение Царства Божия)	950
21 ДЕКАБРЯ (Молитва)	953
22 ДЕКАБРЯ (Устройство жизни)	954
Недельное чтение	957
Поврежденный	957
23 ДЕКАБРЯ (Мудрость)	963
24 ДЕКАБРЯ (Рост)	965
25 ДЕКАБРЯ (Милосердие)	967
26 ДЕКАБРЯ (Воспитание)	969
27 ДЕКАБРЯ (Духовная природа)	971
28 ДЕКАБРЯ (Знание)	973
29 ДЕКАБРЯ (Война)	975
Недельное чтение	977
О секте Назарен, распространившейся в Венгрии, Сербии и Хорватии	977

30 ДЕКАБРЯ (Единение)	979
31 ДЕКАБРЯ (Настоящее)	981
Приложение	983
ЯНВАРЬ	983
ФЕВРАЛЬ	984
МАРТ	985
АПРЕЛЬ	987
МАЙ	988
ИЮНЬ	990
ИЮЛЬ	993
АВГУСТ	994
СЕНТЯБРЬ	995
ОКТАБРЬ	996
НОЯБРЬ	997
Трудолюбие и тунеядство, или торжество земледельца сочинение крестьянина Т. Бондарева	997
Предисловие	997
Трудолюбие и тунеядство	998
ДЕКАБРЬ	1004
Указатель содержания дней	1019
Комментарии	1021

Лев Толстой

Об истине, жизни и поведении

«Эта радостная работа» (Книга жизни великого русского мыслителя)

«Избранные мысли многих писателей об истине, жизни и поведении», или «Круг чтения Толстого», которые у нас не включаются в его Собрания сочинений, принадлежат к числу наиболее значительных философских произведений XX века. Наряду с блестящим памфлетом «Не могу молчать», также не вошедшим в последнее массовое 22-томное Собрание сочинений, – это еще до конца не понятые и по достоинству не оцененные создания писателя.

Лев Толстой творил в контексте мировой литературы, и воспринимать, исследовать его наследие необходимо, очевидно, также в ряду произведений всемирной литературы. И не столько ради раскрытия так называемого «мирового значения» его творчества, что уже неоднократно предпринималось с большим и меньшим успехом, сколько для понимания самих произведений великого писателя и философа.

Недооценка «Круга чтения» как центрального произведения последнего периода жизни и творчества Толстого объясняется также тем, что его наследие анализировалось и пропагандировалось нашей наукой без подлинного учета зарубежной литературы как фактора творчества самого писателя.

Толстой считал, что искусство есть одно из средств единения людей и народов. Этой мысли он подчинял отбор своих выписок для «Круга чтения», рассматривая всемирную литературу как форму такого единения. Своеобразным прообразом этой книги был «Франклиновский журнал», который, по собственному признанию в дневнике (11 июня 1855 г.), Толстой вел с 15 лет. Этический кодекс американского просветителя, философа и ученого Б. Франклина был во многом близок Толстому особенно в начале и в конце его творческого пути, связуя нравственные искания раннего и позднего периодов его жизни.

6 марта 1884 года Толстой сообщил Н. Н. Ге (отцу), что занят отбором и переводом изречений философов и писателей разных народов. Это самое раннее свидетельство о замысле книги. 15 марта того же года в дневнике Толстого появляется запись: «Надо себе составить Круг чтения: Эпиктет, Марк Аврелий, Лаоцы, Будда, Паскаль, Евангелие. – Это и для всех бы нужно» (49, 68).

В это время Толстой читал китайских философов, и его секретарь Н. Н. Гусев замечает по этому поводу: «Так чтение древних китайских мудрецов привело Толстого к новому замыслу, осуществлению которого он впоследствии посвятил много времени и сил».¹

Летом 1885 года Толстой пишет В. Г. Черткову: «... я по себе знаю, какую это придает силу, спокойствие и счастье – входить в общение с такими душами, как Сократ, Эпиктет, Арнольд. Паркер... Очень бы мне хотелось составить Круг чтения, т. е. ряд книг и выборки из них, которые все говорят про то одно, что нужно человеку прежде всего, в чем его жизнь, его благо» (85, 218).

Через три года Толстой вновь возвращается к той же мысли в письме Г. А. Русанову 28 февраля 1888 года: «Вопрос в том, что читать доброе по-русски, заставляет меня страдать укорами совести. Давно уже я понял, что нужен этот круг чтения, давно уже я читал многое, могущее и долженствующее войти в этот круг, и давно я имею возможность и перевести и

¹ Гусев Н.Н. Лев Николаевич Толстой. М., 1970. С. 286.

издать, — и я ничего этого не сделал. Назвать я могу: Конфуция, Лао-дзы, Паскаля, Паркера, М.Арнольда и мн. др., но ничего этого нет по-русски».

История написания «Круга чтения» привлекала внимание исследователей, пожалуй, в большей степени, чем само это произведение, его место в творчестве писателя и роль в русской общественно-литературной и философской жизни до 1917 года, после которого оно перестало переиздаваться.

* * *

В истории текста «Круга чтения» выделяют три этапа: первоначальный вариант — изданный в 1903 году сборник «Мысли мудрых людей на каждый день». Затем первая редакция «Круга чтения», изданная в 1906 году, и, наконец, вторая редакция (1908), увидевшая свет уже после смерти писателя с многочисленными цензурными изъятиями. Полный текст второй редакции был напечатан в 41—42-м томах Полного собрания сочинений Л.Н.Толстого в 1957 году тиражом 5 тысяч (как мы бы теперь сказали, для служебного пользования специалистов).

Еще в 1886 году Толстой составил «Календарь с пословицами на 1887 год», который издательство «Посредник» выпустило в январе 1887 года. Уже здесь проявился интерес писателя к изречениям, афоризмам, определивший во многом жанровую специфику «Круга чтения» как произведения философско-публицистического и в то же время связанного со всем художественным творчеством писателя (таким переходным мостком стали в «Круге чтения» «Недельные чтения», в которые вошли художественные произведения, а также не увидевшие света «Месячные чтения»).

Во время тяжелой болезни в декабре 1902 года Толстой начал обдумывать, а с января 1903 года и составлять календарь изречений на каждый день (в «Календаре с пословицами на 1887 год» записи были даны помесечно). Результатом этой работы стала книга «Мысли мудрых людей на каждый день», выпущенная «Посредником» в августе 1903 года и поднесенная редакцией издательства писателю 28 августа в день его 75-летия. И. Бунин в книге «Освобождение Толстого» говорит о «Мыслях мудрых людей»: «В этот сборник он включал наиболее трогавшие его, наиболее отвечавшие его уму и сердцу „мысли мудрых людей“ разных стран, народов и времен, равно как и некоторые свои собственные».²

При сравнении «Мыслей мудрых людей» с «Кругом чтения» бросается в глаза, что от изречений «мудрых людей» прошлых эпох Толстой все больше и больше переходил к своим собственным высказываниям, обращаясь подчас к своим дневниковым записям, мыслям, высказывавшимся в письмах. Если в «Мыслях мудрых людей» было всего несколько толстовских мыслей, то в книге «Путь жизни», конечном этапе работы Толстого в этом жанре, картина прямо обратная: всего несколько изречений других писателей, а все остальное принадлежит Толстому.

Правда, в предисловии к отдельным выпускам книжек «Путь жизни» Толстой счел нужным сообщить: «Большинство этих мыслей, как при переводе, так и при переделке, подверглись такому изменению, что я нахожу неудобным подписывать их именами их авторов. Лучшие из этих неподписанных мыслей принадлежат не мне, а величайшим мудрецам мира» (45, 17).

Эта тенденция к «обезличиванию» мыслей отражает основную направленность работы Толстого над «Кругом чтения» — достижение органического синтеза заимствованной мысли со своей и стремление к утрате авторства, как в народной литературе, фольклоре. В черновом предисловии к книге «На каждый день» он писал: «Под мыслями, которые я заимствовал у других мыслителей, я обозначаю их имена. Но многие из таких мыслей были мною сокращены и изменены, согласно моему разумению» (44, 396).

² Бунин И.А. Собрание сочинений. В 9 т. М., 1967. Т. 9. С. 33.

В первоначальном черновом предисловии к «Кругу чтения», датированном 28 августа 1904 года, Толстой рассказывает о работе над книгой. Отмечая, что большинство собранных мыслей взято преимущественно из английских книг и сборников, он признается: «Часто я переводил мысли немецких, французских и итальянских мыслителей с английского, и поэтому переводы мои могут оказаться не вполне верны подлинникам» (42, 470).

Переводя иностранный текст, Толстой строго не придерживался оригинала, иногда сокращая его, выпускал некоторые слова и фразы, которые, по его мнению, ослабляли силу впечатления, даже заменял целые предложения, если считал эту замену необходимой для ясности понимания.

Подобный подход был своего рода принципиальной установкой Толстого в деле перевода. Еще в письме к В.Г. Черткову 22 февраля 1886 года он изложил свое понимание задач перевода как выражения высшей, а не буквальной правды: «Надо только как можно смелее обращаться с подлинником: ставить выше Божью правду, чем авторитет писателя».

В черновом предисловии к «Кругу чтения» он вновь вернулся к той же мысли о необходимости «свободного» перевода, выразив ее с полемической заостренностью: «Я знаю, что такое отношение к подлинникам, особенно классических сочинений, не принято и считается преступным, но я полагаю, что такое мнение есть очень важный и вредный предрассудок, произведший и продолжающий производить очень много зла, и пользуюсь случаем выразить свое по этому поводу мнение» (42, 470).

Черновик предисловия Толстой закончил таким пожеланием: «...если бы нашлись желающие переводить эту книгу на другие языки, то я бы советовал им не отыскивать на своем языке места подлинников англичанина Кольриджа, немца Канта, француза Руссо, а если они уж хотят переводить, то переводить с моего» (42, 473). Действительно, в 1907 году в Дрездене появился первый немецкий перевод «Круга чтения».

Так решал вопрос об источниках «Круга чтения» Толстой, не обозначивший, из каких сочинений взяты эти мысли. По-иному предстает эта проблема перед сегодняшним исследователем, желающим проникнуть в творческую лабораторию писателя, проследить его работу над последним великим произведением, главной книгой позднего периода жизни Толстого.³ При этом не следует забывать, что Толстого интересовало не филологически точное воспроизведение текстов классики мировой литературы и философии, а творческое обогащение «Круга чтения», этого оригинального художественно-публицистического сочинения.

Замысел расширить «Мысли мудрых людей» возник у Толстого еще в январе 1904 года. Так, по существу, началась работа над «Кругом чтения». 24 сентября 1904 года он писал Г.А. Русанову: «Я занят последнее время составлением уже не календаря, но Круга чтения на каждый день, составленного из лучших мыслей лучших писателей. Читая все это время, не говоря о Марке Аврелии, Эпиктете, Ксенофоне, Сократе, о браминской, китайской, буддийской мудрости, Сенеке, Плутарха, Цицерона и новых – Монтескье, Руссо, Вольтера, Лессинга, Канта, Лихтенберга, Шопенгауэра, Эмерсона, Чаннинга, Паркера, Рёскина, Амиеля и др. (при этом не читаю второй месяц ни газет, ни журналов), я все больше и больше удивляюсь и ужасаюсь тому не невежеству, а „культурной“ дикости, в которую погружено наше общество. Ведь просвещение, образование есть то, чтобы воспользоваться, ассимилировать все то духовное наследство, которое оставили нам предки, а мы знаем газеты, Зола, Метерлинка, Ибсена, Розанова и т. п. Как хотелось бы хоть сколько-нибудь помочь этому ужасному бедствию...» (75, 168–169).

Толстой работал над «Кругом чтения» с большим увлечением. «Поправлял „Круг чтения“ и „Мысли мудрых людей“». Это радостная работа», – записал он в дневнике 16 января 1906

³ Вызывает удивление односторонность нашего толкования, когда в недавней академической «Истории русской литературы» в четырех томах (Л., 1983. Т. 4) в главе «Поздний Толстой» эта книга оказалась даже неупоминутой.

года. Н.Н.Гусев вспоминает, как в разгар работы над «Кругом чтения» Толстой сказал, выйдя утром к завтраку: «А я сегодня провел время в прекрасной компании: Сократ, Руссо, Кант, Амиель... – Он прибавил, что удивляется, как могут люди пренебрегать этими великими мудрецами и вместо них читать бездарные и глупые книги модных писателей. – Это все равно, – сказал Лев Николаевич, – как если бы человек, имея здоровую и питательную пищу, стал бы брать из помойной ямы очистки, мусор, тухлую пищу и есть их».⁴

Первое издание «Круга чтения» вышло в свет в двух томах, причем второй том имел два полутома. Книги появились на прилавках магазинов соответственно в феврале, июле и октябре 1905 года. А в августе 1907 года Толстой уже готовит вторую переработанную редакцию и с января 1908 года передает ее частями через В.Г.Черткова И.Д.Сытину для издания.

В течение 1908 года Толстой прочитал всю корректуру второй редакции, однако книга в свет не вышла. Н.Н.Гусев следующим образом объясняет нежелание издателя печатать ее: «Сытин по двум причинам задерживал печатание „Круга чтения“: он опасался судебного процесса и, кроме того, как церковник и староста одного из кремлевских соборов, не сочувствовал антицерковным взглядам Толстого. Толстой так и не дождался выхода в свет второго издания „Круга чтения“ (42, 578).

Опасения были не напрасны. Когда в декабре 1910 года издательство «Посредник» отпечатаło новый тираж «Круга чтения» в первой редакции, то руководитель издательства И.И.Горбунов-Посадов был предан суду и приговорен к заключению в крепость на один год. На допросе у судебного следователя 4 марта 1911 года он заявил: «По моему глубочайшему убеждению, место „Круга чтения“, этой последней из величайших работ Льва Толстого, не на скамье подсудимых, а единственно в Пантеоне великих, благотворнейших для всего человечества произведений мировой литературы» (42, 580).

По предписанию суда в книге было уничтожено 12 мест: мысль Генри Джорджа о богатстве (8 октября, в настоящем издании соответственно 31 июля, № 3), Толстого о государстве (13 октября, № 2 и 8; в настоящем издании 12 ноября), Мадзини об освобождении народа (20 декабря, в настоящем издании 10 апреля, № 6), две мысли Толстого о войне (29 декабря, вступление и заключение), два недельных чтения из книги чешского религиозного мыслителя Петра Хельчицкого «Сеть веры» и статья Толстого в недельных чтениях «Гаррисон и его „Провозглашение“ вместе с самим „Провозглашением“ американского аболициониста У.Л.Гаррисона. В таком урезанном виде „Круг чтения“ был издан в 1911 году также в Собрании сочинений Толстого (тома 14–17) в издании В.М.Саблина.

Вторая редакция «Круга чтения», не увидевшая света при жизни Толстого, была выпущена Сытиным в 1911–1912 годах с многочисленными цензурными купюрами. Изъято было даже кое-что из того, что прошло в первом издании 1906 года.

В сентябре 1907 года Толстой приступил к составлению нового «Круга чтения» – сборника «На каждый день», в котором последовательно излагает свое мировоззрение, разнося его по различным дням месяца и варьируя те же мысли по тем же дням других месяцев. В предисловии, датированном 31 марта 1910 года, Толстой писал: «Книга эта состоит, так же как и первоначальный „Круг чтения“, из собрания мыслей на каждый день. Разница только в том, что мысли расположены здесь не так случайно, как в той книге. Здесь в каждом месяце содержание, общий смысл мыслей каждого дня вытекает из содержания мыслей предыдущих дней» (44, 393).

К концу 1908 года работа над книгой «На каждый день» была закончена, и в 1909 году стали появляться ее отдельные выпуски.

Но работа продолжалась. В январе 1910 года, еще не закончив «На каждый день», Толстой начал новый труд – «Путь жизни», законченный менее чем за месяц до смерти и выпущен-

⁴ Гусев Н.Н. Два года с Л.Н.Толстым. С. 47.

ный в свет «Посредником» в 1911 году в виде тридцати отдельных книжечек. Горбунов-Посадов вспоминал, что Толстой собирался и дальше работать над книжечками «Путь жизни», чтобы «еще упростить их, сделать их еще доступнее всем и каждому» (45, 553). Смерть помешала продолжить эту «радостную работу».

* * *

После окончания работы над «Кругом чтения» Толстой записал в дневнике 21 января 1905 года: «В последнее время я почувствовал, как я духовно опустился после той духовной, нравственной высоты, на которую меня подняло мое пребывание в общении с теми лучшими, мудрейшими людьми, которых я читал и в мысли которых вдумывался для своего Круга Чтения. Несомненно, можно духовно поднимать и спускать себя тем обществом присутствующих или отсутствующих людей, с которым общаешься» (55, 120).

Разрушение нравственного мира русского человека в период сталинщины привело к тому, что несколько поколений читателей были лишены одного из памятников русской философской мысли и литературы – «Круга чтения». Ущерб не меньший, чем «забвение» в годы советского «иконоборчества» Достоевского и Чаадаева, Н.Бердяева и В.Розанова и многих других великих мыслителей. Но русское поле никогда не было пустынно. У нас осталось наше духовное наследие. Непредвзятое прочтение заново литературной и философской классики поможет воссоздать веру в человека, в добро и в справедливость. Лишь освободившись от тяжести упрощенных идеологических представлений, можно воспринять, с пониманием подойти к этической философии Толстого как части общечеловеческих ценностей.

Есть определенный смысл читать «Круг чтения» не подряд, а по темам, вынесенным в Содержание и сгруппированным в Указателе содержания. Тогда мысль Толстого предстает в развитии, светит различными сторонами мудрости.

Каждый может составить из толстовского «Круга чтения» свой небольшой «круг чтения», выбрав то, что ему особенно близко и понятно. В этом одна из сторон всеобщности и необходимости Толстого для нас.

Счастливая особенность книги Толстого – в ее обращенности и к молодежи, и к зрелому возрасту, и к старости. Каждый находит в ней свое. Она неисчерпаема – всякий читает ее на своем уровне понимания, связывает с толстовскими записями свой собственный жизненный опыт. В этом и состоит важнейшая особенность народной литературы.

А.Николюкин

Круг чтения

Предисловие

Мысли, собранные здесь, взяты мною из очень большого количества сочинений и сборников мыслей.

Мысли без подписи или взяты мною из сборников, в которых не обозначены их авторы, или принадлежат мне.

Остальные мысли подписаны их авторами, но, к сожалению, когда я выписывал их, я не обозначал точно, из какого именно сочинения они взяты.

Часто я переводил мысли авторов не с подлинников, а с переводов на другие языки, и потому переводы мои могут оказаться не вполне верны подлинникам. Другая причина, по которой мысли эти могут не вполне соответствовать подлинникам, в том, что, выбирая часто отдельные мысли из длинного рассуждения, я должен был, для ясности и цельности впечатления, выпускать некоторые слова и предложения и иногда не только заменять одни слова другими, но и выражать мысль вполне своими словами, так как *цель моей книги состоит* не в том, чтобы дать точные словесные переводы писателей, а *в том, чтобы, воспользовавшись великими, плодотворными мыслями разных писателей, дать большому числу читателей доступный им ежедневный круг чтения, возбуждающего лучшие мысли и чувства*.

Я желал бы, чтоб читатели испытали при ежедневном чтении этой книги то же благотворное, возвышающее чувство, которое я испытал при ее составлении и продолжаю испытывать теперь как при ежедневном чтении ее, так и при работе над улучшением ее второго издания.

Лев Толстой

Март 1908 г. Ясная Поляна.

Январь

1 ЯНВАРЯ (Знание)

Лучше знать немного истинно хорошего и нужного, чем очень много посредственного и ненужного.

1

Какое огромное богатство может быть в маленькой избранной библиотеке. Общество мудрейших и достойнейших людей, избранное из всех цивилизованных стран мира на протяжении тысяч лет, предоставило нам здесь в лучшем порядке результаты своего изучения и своей мудрости. Сами люди скрыты и недоступны, они, может быть, были бы нетерпеливы, если бы мы нарушили их уединение и прервали их занятия, может быть, общественные условия сделали бы невозможным общение с ними, но мысль, которую они не открывали даже лучшим своим друзьям, написана здесь ясными словами для нас, посторонних людей иного века. Да, мы обязаны хорошим книгам самыми главными духовными благодеяниями в нашей жизни.

Эмерсон

2

Мы из породы жвачных, и нам недостаточно только набивать себя множеством книг: если только мы не пережует и не переварим хорошенько всего, что проглотили, книги нам не дадут силы и питания.

Локк

3

Опасайся того, чтобы чтение многих писателей и всякого рода книг не произвело смутности и неопределенности в твоей голове. Следует питать свой ум только писателями несомненного достоинства, если желаешь извлечь что-нибудь полезное. Слишком много книг развлекает ум. Поэтому читай только книги, признанные бесспорно хорошими. Если когда-нибудь явится желание перейти на время к другого рода сочинениям, не забывай никогда возвращаться опять к прежним.

Сенека

4

Читайте прежде всего лучшие книги, а то вы и совсем не успеете прочесть их.

Торо

5

Читать следует только тогда, когда иссяк источник собственных мыслей, что нередко случается и с самым умным человеком. Но спугнуть, ради книги, собственную неокрепшую мысль – это значит совершить преступление против духа.

Шопенгауэр

6

В литературе повторяется то же, что и в жизни. Куда ни обернешься, наталкиваешься на неисправимую чернь человечества – имя же ей легион, – всюду кишашую и все загаживающую, словно летние мухи. Отсюда такое размножение плохих книг, такой необычайный урожай литературных плевел, заглушающих хорошее зерно. Такие книги крадут у публики время, деньги и внимание, которые по-настоящему должны бы доставаться только на долю отборных произведений.

Плохие книги не только бесполезны, но положительно вредны. Ведь девять десятых текущей литературы только затем и печатаются, чтобы выманить из кармана доверчивой публики пару лишних талеров; ради этого же авторы, издатели и типографщики умышленно утолщают книжки.

Еще более вредный, наглый и бессовестный обман совершают построчные писаки: взимая по грошу за строчку своей стряпни, эти поденщики извращают вкус читателя и уничтожают истинное просвещение.

В противовес этой пагубе необходимо отвыкать читать, т. е., выражаясь другими словами, не следует вовсе читать книг, которые занимают общественное внимание или производят шум. Нужно, попросту говоря, отплеиваться от всех тех изданий, первый год существования которых будет и последним их годом.

Нельзя, впрочем, не оговориться, что, кто пишет для глупцов, тот всегда найдет обширный круг читателей; а между тем человечеству следовало бы употреблять коротко и скупотмеренные существования на ознакомление с первоклассными мастерами всех веков и народов, с богато одаренными творцами, поднимающимися, словно башни, над множеством плохих писателей. Только писатели этого сорта способны *образовывать и поучать*.

Плохих книг никогда не прочтешь слишком мало, а хороших никогда не удастся прочесть слишком много. Плохие книги – нравственный яд, притупляющий ум.

Вследствие того что толпа упорствует читать не лучшие книги всех времен, но лишь новейшие произведения современной литературы, теперешние писаки вертятся в тесном круге все тех же повторяемых идей, все твердят одно и то же, и наш век не вылезает из собственной грязи.

Шопенгауэр

Различие между ядами вещественными и умственными в том, что большинство ядов вещественных противны на вкус, яды же умственные, в виде газет и дурных книг, к несчастью, часто привлекательны.

2 ЯНВАРЯ (Вера)

Одно из самых грубых суеверий есть суеверие большинства так называемых ученых нашего времени о том, что человек может жить без веры.

1

Всегда, во все века люди жаждали знать или иметь по крайней мере какое-нибудь понятие о начале или конечной цели своего земного существования, и религия являлась, чтобы удовлетворить этому требованию их и чтобы осветить ту связь, которая соединяет всех людей, как братьев, имеющих один общий источник происхождения, одну общую задачу жизни и одну общую конечную цель.

Иосиф Мадзини

2

Истинная религия есть такое установленное человеком отношение к окружающей его бесконечной жизни, которое связывает его жизнь с этой бесконечностью и руководит его поступками.

3

Сущность всякой религии состоит только в ответе на вопрос, зачем я живу и какое мое отношение к окружающему меня бесконечному миру. Нет ни одной религии, от самой возвышенной и до самой грубой, которая не имела бы в основе своей этого установления отношения человека к окружающему его миру.

4

Религия есть высший и благороднейший деятель в воспитании человека, величайшая сила просвещения, между тем как внешние проявления веры и политическая своекорыстная деятельность суть главные препятствия движению вперед человечества. Деятельность и духовенства и государства противоположны религии. Сущность религии, вечная и божественная, одинаково наполняет сердце человека везде, где только оно чувствует и бьется. Все наши исследования указывают нам на единую основу всех великих религий, на единое учение, развивающееся с самого начала жизни человечества до настоящего дня.

В глубине всех вер течет поток единой вечной истины.

Пусть парсы носят свои таовиды, евреи свои филактерии, христиане свой крест, мусульмане свой полумесяц, но пусть все они помнят, что это только внешние знаки, но основная сущность всех религий – любовь к ближнему – одинаково требуется Ману, Зороастром, Буддой, Моисеем, Сократом, Гиллелем, Иисусом, Павлом, Магометом.

Морис Флюгель

5

Не содержание известных учений как божественных откровений (ибо это называется богословием), но содержание всех наших обязанностей вообще, как Божьих заповедей, составляет сущность всякой религии.

По Канту

Жизнь человека без веры – жизнь животного.

3 ЯНВАРЯ (Устройство жизни)

«Пища моя в том, чтобы творить волю Пославшего меня и совершить дело Его», – сказал Христос. У каждого из нас это дело Его. Мы не можем знать, в чем состоит все то дело, которое Бог делает через нас, но не можем не знать, в чем должно состоять наше участие в нем.

1

Не всякий, говорящий Мне Господи! – войдет в царство небесное, но исполняющий волю Отца Моего небесного.

Мф. гл. 7, ст. 21

2

Если нет сил гореть и разливать свет, то хоть не засти его.

3

Тот, кто знает правила здравого разума, ниже того, кто их любит. Тот, кто их любит, ниже того, кто их исполняет.

Китайская мудрость

4

Главный вопрос жизни нашей только в том, то ли мы делаем в этот короткий, данный нам срок жизни, чего хочет от нас Тот, Кто послал нас в жизнь.

То ли мы делаем?

5

Мне тяжело, я прошу Бога помочь мне. Да ведь мое дело служить Богу, а не Ему служить мне. Стоит вспомнить это, и тяжесть облегчится.

6

Нет пропасти между землей и небом, и было бы кошунством думать, что та обитель, которую Бог нам дал, должна вечно находиться во власти зла, своекорыстия и угнетения. Земля не место искупления, а наше жилище, в котором мы должны трудиться для достижения правды и справедливости, стремление к которым таится в душе каждого человека.

Мадзини

Предназначенный нам труд мы должны выполнять честно и безукоризненно, все равно – надеемся ли мы со временем стать ангелами или верим в то, что когда-то были слизняками.

Джон Рёскин

Вообрази себе, что цель жизни – твое счастье, – и жизнь жестокая бессмыслица. Признай то, что говорит тебе и мудрость людская, и твой разум, и твое сердце: что жизнь есть служение Тому, Кто послал тебя в мир, и жизнь становится постоянной радостью.

4 ЯНВАРЯ (Единение)

Если бы мы и не хотели этого, мы не можем не чувствовать нашей связи со всем миром людей: нас связывает и промышленность, и торговля, и искусство, и знания, и, главное, единство нашего положения, единство нашего отношения к миру.

1

Добрые люди друг другу пособляют, даже не подозревая того, а злые умышленно противодействуют один другому.

Китайская пословица

2

У всякого свое бремя, свои недостатки: никому нельзя обойтись без помощи других: а потому мы должны помогать друг другу утешением, советами и взаимными предостережениями.

Из «Благочестивых мыслей»

3

Устройство нашего мира таково, что тысяча людей, работая вместе, могут произвести во много раз больше, чем сколько могла бы произвести та же тысяча человек, работая порознь. Однако это не доказывает еще необходимости того, чтобы девятьсот девяносто девять человек делались рабами одного.

Генри Джордж

4

Хороший человек – учитель дурного, дурной человек – то самое, над чем должен работать хороший человек. Тот, кто не уважает своего учителя и не любит того, над чем должен работать, хотя бы и был очень умен, ошибается.

Лао-Тсе

5

Все дети Адама – члены одного тела. Когда страдает один член, все другие страдают. Если ты равнодушен к страданиям других, ты не заслуживаешь названия человека.

Саади

6

Жизнь отдельного человека должна совершенно плотно срастись с общей жизнью человечества, ибо все творение проникнуто согласиём и единством. Как во внешней природе, так и в области духовной все явления жизни состоят в тесной связи между собою.

Марк Аврелий

Вся история человечества с тех пор, как мы знаем ее, есть движение человечества все к большему и большему единению. Единение это совершается самыми разнообразными средствами, и служат ему не только те, которые работают для него, но даже те, которые противятся ему.

5 ЯНВАРЯ (Слово)

Один человек крикнет в наполненном народом здании: «Горим!» – и толпа бросается, и убиваются десятки, сотни людей.

Таков явный вред, производимый словом. Но вред этот не менее велик и тогда, когда мы не видим людей, пострадавших от нашего слова.

1

Рана, нанесенная огнестрельным оружием, еще может быть излечена, но рана, нанесенная языком, никогда не заживает.

Персидское изречение

2

Кто не согрешает в слове, тот человек совершенный, могущий обуздать и все тело. Вот мы влагаем удила в рот коням, чтобы они повиновались нам, и управляем всем телом их; вот и корабли, как ни велики они и как ни сильными

ветрами носятся, небольшим рулем направляются, куда хочет кормчий; так и язык: небольшой член, но много делает. Посмотри, небольшой огонь как много вещества зажигает; и язык – огонь, прикраса неправды.

Посл. Иакова, гл. 3, ст. 2–6

3

Когда услышишь, как люди говорят о порочности других людей, не разделяй их удовольствия. Когда услышишь о дурных делах людей, не дослушивай до конца и старайся забыть то, что услышал. Слушая же разговоры о добродетели людей, запоминай и рассказывай.

Делай так, и скоро ты так привыкнешь к этому, что когда услышишь о зле людей, то это будет для тебя так же больно, как если бы бранили тебя самого, и, когда сорвется у тебя с языка злое слово о ближнем, тебе будет это так же больно, как если бы ты сам ударил себя.

С восточного

4

К спорам прислушивайся, но в споры не вмешивайся. Храни тебя Бог от запальчивости и горячки, хотя бы даже в малейшем выражении. Гнев везде неуместен, а больше всего в деле правом, потому что затемняет и мутит его.

Гоголь

5

Я сказал: буду я наблюдать за путями моими, чтобы не согрешать мне языком моим, буду обуздывать уста мои, доколе нечестивый предо мною.

Псал. XXXVIII, 2

Бойся быть нарушителем единения людей, вызвав в них словами недобрые чувства друг против друга.

6 ЯНВАРЯ (Усилие)

Усилие нужно для делания добра, но еще нужнее для воздержания от зла.

1

Для достижения святости нет ничего важнее воздержания. Воздержание же должно быть раннею привычкою. Если оно ранняя привычка, то оно утверждает в добродетели. Для того, кто утверждён в добродетели, нет ничего, чего бы он не мог превозмочь.

Лао-Тсе

2

Все то, чем люди так восхищаются, все, ради приобретения чего они так волнуются и хлопочут, все это не приносит им ни малейшего счастья. Покуда люди хлопочут, они думают, что благо их в том, чего они домогаются. Но лишь только они получают желаемое, они опять начинают волноваться, сокрушаться и завидовать тому, чего у них еще нет. Не удовлетворением своих праздных желаний достигается спокойствие, но, наоборот, избавлением себя от таких желаний.

Если хочешь увериться в том, что это правда, то приложи к освобождению себя от своих пустых желаний хоть наполовину столько же труда, сколько ты до сих пор тратил на их исполнение, и ты сам скоро увидишь, что, поступая так, ты получишь гораздо больше покоя и счастья.

По Эпиктету

3

Слава человеку, не поддающемуся искушению. Бог испытывает всякого: одного богатством, другого бедностью; богатого – откроет ли он руку нуждающемуся, бедного же – снесет ли он безропотно, с покорностью свои страдания.

Талмуд

4

Лишь того я назову верным возничим, кто сдерживает свой гнев, несущийся подобно стремительной колеснице; другие же, бессильные, только держатся за поводья.

Буддийская мудрость⁵

5

Если, обремененный неприятными делами, ты чувствуешь приступ гнева или возмущения, то спеши уйти в самого себя и не теряй самообладания. Чем больше мы упражняемся в том, чтобы силою воли вернуться к спокойному настроению души, тем способность удерживать спокойствие духа усиливается.

Марк Аврелий

Сколько бы раз ни пришлось тебе падать, не достигнув победы над своими страстями, не унывай. Всякое усилие борьбы уменьшает силу страсти и облегчает победу над ней.

⁵ Дхаммапада

7 ЯНВАРЯ (Доброта)

Доброта в отношениях с людьми обязательна. Если ты не добр к человеку, то ты не исполнишь главной своей обязанности.

1

Надо уважать всякого человека, какой бы он ни был жалкий и смешной. Надо помнить, что во всяком человеке живет тот же дух, какой и в нас. Даже тогда, когда человек отвратителен и душой и телом, надо думать так: «Да, на свете должны быть и такие уроды, и надо терпеть их». Если же мы показываем таким людям наше отвращение, то, во-первых, мы несправедливы, а во-вторых, вызываем таких людей на войну не на живот, а на смерть. Какой он ни есть, он не может переделать себя, что же ему больше делать, как только бороться с нами, как с смертельным врагом? Ведь в самом деле, мы хотим быть с ним добры, только если он перестанет быть таким, какой он есть. А этого он не может. И потому надо быть добрым со всяким человеком, какой бы он ни был, и не требовать от него, чего он не может сделать, чтобы он стал другим человеком.

По Шопенгауэру

2

*Не будьте жестокосердны к тому, кто подвергается искушению, но старайтесь утешить его так, как бы вы сами желали быть утешены.
Из «Благочестивых мыслей»*

3

- 1) Не откладывай до завтра, что можешь сделать нынче.
- 2) Не заставляй другого делать то, что можешь сделать сам.
- 3) Гордость обходится дороже, чем все, что нужно для еды, питья, жилища, одежды.
- 4) Сколько мы перемучились из-за того, что не случилось, но лишь могло случиться.
- 5) Если рассердишься, прежде чем что-нибудь сделаешь или скажешь, сочти десять. Если сердце не прошло, сочти сто, и то не прошло – сочти тысячу.

По Джефферсону

4

Никого не презирайте, подавляйте в своем сердце недобрые суждения, обидные подозрения на ближнего, объясняйте себе всегда в лучшем смысле чужие поступки и слова.
Из «Благочестивых мыслей»

5

Святой не имеет непреклонного сердца. Он приравнивает свое сердце к сердцам всех людей. К добродетельному человеку он относится как к добродетельному, а к порочному – как к человеку, способному к добродетели.
Восточная мудрость

6

Чем человек умнее и добрее, тем больше он замечает добра в людях.

Доброта украшает жизнь, разрешая все противоречия, запутанное делает ясным, трудное – легким, мрачное – радостным.

Недельное чтение

Воров сын

Собрались в одном городе суд присяжных. Были присяжными и крестьяне, и дворяне, и купцы. Старшиной присяжных был почтенный купец Иван Акимович Белов. Все купца этого уважали за добрую жизнь: и честно вел дела, никого не обманывал, не обсчитывал и людям помогал. Был он старик лет под 70. Собрались присяжные, присягнули, сели по местам, и привели к ним подсудимого, конокрада, за то, что он у мужика лошадь угнал. Только хотели начать судить, Иван Акимович встал и говорит судье: «Простите меня, господин судья, я не могу судить».

Удивился судья: «Как, говорит, почему?»

– Да так, не могу. Отпустите меня.

И вдруг задрожал у Ивана Акимовича голос, и заплакал он. Заплакал, заплакал так, что и говорить не может. Потом оправился и говорит судье:

– Не могу я, господин судья, судить потому, что я и отец мой, может быть, много хуже этого вора, как же мне судить такого же, как я. Не могу, отпустите, прошу вас.

Отпустил судья Ивана Акимовича и потом вечером позвал его к себе и стал спрашивать: «Отчего вы, говорит, отказываетесь от суда?»

– А вот отчего, – сказал Иван Акимович и рассказал судье про себя такую историю.

– Вы, говорит, думаете, что я сын купца и что я родился в вашем городе. Это неправда. Я сын крестьянина, отец мой был крестьянином, первый вор в округе, и помер в остроге. Человек он был добрый, да только пьяный, а в пьяном виде и мать мою бил, и буянил, и на всякое дурное дело был готов, а потом сам же каялся. Раз он и меня с собой вместе на воровство повел. И этим самым разом мое счастье сделалось.

– Было дело так. Был мой отец в компании с ворами в кабаке, и стали они говорить, где бы им поразжиться. А мой отец и говорит им: «Вот что, ребята. Вы знаете, говорит, купца Белова амбар, что на улицу выходит. Так вот в амбаре этом добра сметы нет. Только забраться туда мудрено. А вот я придумал. А придумал я вот что. Есть в этом амбаре оконце, только высоко да и тесно, большому человеку не пролезть. Так я вот что вздумал. Есть, говорит, у меня парнишка, ловкач мальчишка, – это про меня, значит, – так мы, говорит, возьмем его с собою, обвяжем его веревкой, пододвинем к окну, он влезет, спустим его на веревке, а другую веревку ему в руки дадим, а на эту самую веревку будет он нам добро из амбара навязывать, а мы будем вытягивать. А когда наберем сколько надобно, мы его назад вытащим».

– И полюбилось это ворами, и говорят: «Ну что ж, веди сынишку».

– Вот пришел отец домой, кличет меня. Мать говорит: «На что тебе его?» – «Значит, надо, коли зову». Мать говорит: «Он на улице». – «Зови его». Мать знает, что, когда он пьяный, с ним говорить нельзя, исколотит. Побежала за мной, кликнула меня. И говорит мне отец: «Ванька! Ты лазить горазд?» – Я куды хошь влезу. – «Ну, говорит, идем со мной». Мать стала отговаривать, он на нее замахнулся, она замолчала. Взял меня отец, одел и повел с собою. Повел с собою, привел в кабак, дали мне чаю с сахаром и закуски, посидели мы до вечера. Когда смерклось, пошли все – трое всех было – и меня взяли.

– Пришли мы к этому самому дому купца Белова. Тотчас обвязали меня одной веревкой, а другую дали в руки и подняли. «Не боишься?» – говорят. – Чего бояться, я ничего не боюсь. – «Лезь в окно да смотри оттуда доставай что получше: меховое больше, да обвязывай веревкой, той, что в руках. Да привязывай, смотри, не на конец веревки, а в середину веревки, так, чтобы, когда мы вытащим, у тебя бы конец оставался. Понимаешь?» – говорят. – Как не понять, понимаю.

– Вот подсадили они меня до оконца, пролез я в него, и стали они спускать меня по веревке. Стал я на твердое и тотчас стал ощупывать ручонками. Видать ничего не вижу – темно, только шупаю. Как ощупаю что меховое, сейчас к веревке, не к концу, а к середине навязываю, а они тащат. Опять притягиваю веревку и опять навязываю. Штуки три таких чего-то вытящили, вытянули к себе всю веревку, значит – будет, и потянули меня опять кверху. Держусь я ручонками за веревку, а они тащат. Только потянули ло половины: хлоп! оборвалась веревка, и упал я вниз. Хорошо, что попал на подушки, не зашибся.

– Только в это самое время, как я после узнал, увидал их сторож, сделал тревогу, и бросились они бежать с наворованным.

– Они убежали, а я остался, ушли они. Лежу один в темноте, и страх на меня нашел, плачу и кричу: Мама, мама! мама, мама! И так я устал и от страха, и от слез, да и ночь не спал, что и сам не слышал, как заснул на подушках. Вдруг просыпаюсь, стоит против меня с фонарем этот самый купец Белов и с полицейским. Стал меня полицейский спрашивать, с кем я был. Я сказал – с отцом. – «А кто твой отец?» И стал я опять плакать. А Белов старик и говорит полицейскому: «Бог с ним. Ребенок – душа Божья. Не годится ему на отца показывать, а что пропало, то пропало».

– Хороший был покойник, царство небесное. А уж старушка его еще жалостливее. Взяла она меня с собою в горницу, дала гостинцев, и перестал я плакать: ребенок, известно, всему радуется. Наутро спрашивает меня хозяйка: «Хочешь домой?» Я и не знаю, что сказать. Говорю: да, хочу. «А со мной оставаться хочешь?» – говорит. Я говорю: хочу. «Ну и оставайся».

– Так я и остался. И остался, остался, так и жил у них. И выправили они на меня бумаги, вроде подкидыша, приемышем сделали. Сначала жил мальчиком на посылках, потом, как стал подрастать, сделали они меня приказчиком, заведовал я в лавке. Должно быть, служил я недурно. Да и добрые люди были, так полюбили меня, что даже и дочь за меня замуж отдали. И сделали они меня заместо сына. А помер старик – все имение мне и досталось.

Так вот кто я такой. И сам вор, и вора сын, как же мне судить людей. Да и не христианское это дело, господин судья. Нам всех людей прощать и любить надо, а если он, вор, ошибся, то его не казнить, а пожалеть надо. Помните, как Христос сказал.

Так сказал Иван Акимович.

И перестал судья спрашивать и задумался сам о том, можно ли по христианскому закону судить людей.

По Лескову изложил Л.Н.Толстой

8 ЯНВАРЯ (Вера)

Христианское учение так ясно, что младенцы понимают его в его настоящем смысле. Только люди, желающие казаться и называться христианами, но не быть ими в действительности, могут не понимать его.

1

Будда сказал: человек, который начинает жить для души, подобен человеку, который вносит свет в темный дом. Темнота тотчас же рассеивается. Только упорствуя в такой жизни, и в тебе совершится полное просветление.

2

Народ (я говорю о добрых, о тех, кого не коснулась порча, происходящая от правящих классов), освобожденный от того, что Христос называет ослеплением богатства, довольный хлебом насущным, просящий у Отца небесного лишь того, что Он дает малым птицам, которые не сеют и не жнут, – народ живет истинной жизнью, жизнью сердца больше, чем прочие люди, погруженные в желания и заботы мира сего. Вот почему геройских подвигов, самопожертвования надо искать в нем, в народе. Откиньте народ – что станется с заветами долга, с тем, чем единственно держится общество, с тем, что составляет величие и силу нации? Когда нации слабеют, кто их обновляет, оживляет их, как не простой народ? А если болезнь неизлечима, если надо, чтобы народы умерли, из чего выходит молодой стебель, предназначенный заменить старое дерево, как не опять-таки из народа? И потому к народу обращается Христос, и потому народ признает в Нем посланца Отца, славит имя Его, провозглашает Его власть, покаясь ей. Князья же церкви, книжники, проклинают Его и убивают. Но, несмотря на их насилие и хитрости, несмотря на казнь, Христос восторжествовал в народе, народ основал Его царство в мире, и народом оно будет в нем распространяться, народом будет рождена новая жизнь, божественный зародыш которой так хотели бы задушить насильнические власти, уже объятые ужасом за близкий конец свой.

Ламенэ

3

Нужно остерегаться двух одинаково пагубных суеверий: суеверия богословов, учащих тому, что сущность Божества может быть выражена словами, и суеверия науки, полагающей, что божественная сила может быть объяснена научными исследованиями.

Джон Рёскин

4

Последняя заповедь Христа выражает все его учение: «Любите друг друга, как я полюбил вас, и потому все узнают, что вы мои ученики, если вы будете иметь любовь друг к другу». Он не говорит: «если вы верите в то или в это», но «если вы любите». Вера изменяется вместе с

неперестающим изменением взглядов и знаний; она связана с временем и изменяется вместе с временем. Любовь же не временна, она неизменна, вечна.

5

Моя религия – это любовь ко всему живому.

Ибрагим Кордовский

Для осуществления христианства недостает только уничтожения его извращения.

9 ЯНВАРЯ (Знание)

Знание только тогда знание, когда оно приобретено усилиями своей мысли, а не памятью.

1

Только когда мы совсем забудем то, чему учились, мы начинаем истинно познавать. Я ни на волос не приближусь к познанию предмета до тех пор, пока буду предполагать, что мое отношение к нему установлено ученым человеком. Чтобы познать предмет, я должен подойти к нему как к чему-то совершенно чуждому.

Торо

2

Непрерывный приток чужих мыслей должен задерживать и заглушать собственные, а за долгий период времени – даже совершенно ослаблять силу мысли, если она не обладает в высокой мере упругостью, чтобы сопротивляться этому неестественному притоку. Вот чем постоянное чтение и изучение расстраивает голову, а также еще и тем, что система наших собственных мыслей и познаний утрачивает свою цельность и непрерывную связь, если мы так часто произвольно прерываем ее, чтобы уделить место совершенно чуждому ходу мысли. Разгонять свои мысли, чтобы дать место книжным, – по-моему, все равно что продавать свою землю, чтобы повидать чужие, – в чем Шекспир упрекал туристов своего времени.

Вредно даже читать о предмете прежде, чем сам не пораздумал о нем. Ибо вместе с новым материалом в голову прокрадывается чужая точка зрения на него и чужое отношение к нему, и это тем вероятнее, что человеку естественно из лени и равнодушия стараться избавиться от усилий мышления и принимать готовые мысли и давать им ход. Эта привычка затем вкореняется, и тогда мысли уж идут обычной дорожкой подобно ручейкам, отведенным в канавы: найти собственную, новую мысль тогда уже вдвойне трудно. От этого-то и встречается так редко самостоятельность мысли у ученых.

Шопенгауэр

3

Знание подобно ходячей монете. Человек имеет отчасти право гордиться обладанием ею, если он сам поработал над ее золотом и пробовал ее чеканить или по крайней мере честно приобрел ее уже испробованною. Но когда он ничего такого не делал, а получил ее от какого-то прохожего, который бросил ее ему в лицо, то какое же основание имеет он гордиться ею?

Джон Рёскин

4

Для человеческого ума менее вредно совсем не учиться, чем учиться слишком рано и слишком много.

5

Заслуга величайших мыслителей состоит именно в том, что они, независимо от существовавших до них книг и преданий, выражали то, что сами думали, а не то, что думали или прежде жившие, или окружающие их люди.

Так же точно и каждый из нас должен подстерегать и улавливать те светлые мысли, которые, подобно искрам, от времени до времени вспыхивают и разгораются в нашем сознании. Для каждого из нас подобные внутренние просветления имеют гораздо больше значения, нежели созерцание и изучение целого созвездия поэтов и мудрецов.

Эмерсон

6

Мысль только тогда движет жизнью, когда она добыта своим умом или хотя отвечает на вопрос, возникший уже в душе. Мысль же чужая, воспринятая умом и памятью, не влияет на жизнь и уживается с противными ей поступками.

Меньше читайте, меньше учитесь, больше думайте. Учитесь и у учителей, и в книгах только тому, что вам нужно и хочется знать.

10 ЯНВАРЯ (Воспитание)

Основа воспитания – установление отношения к началу всего и вытекающего из этого отношения руководства поведения.

1

А кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его в глубине морской.

Горе миру от соблазнов, ибо надобно прийти соблазнам; но горе тому человеку, через которого соблазн приходит.

Мф. гл. 18, ст. 6—7

2

Воспитывая детей, надо помнить, что мы воспитываем их не для жизни в теперешнем, а в будущем, лучшем состоянии человеческого рода, т. е. для жизни в иных, лучших условиях жизни. Обыкновенно же родители воспитывают детей только так, чтобы онигодились для настоящего мира, хотя и испорченного. Воспитывая же детей для будущего, лучшего устройства мира, мы этим самым улучшаем будущее устройство мира.

По Канту

3

Для того чтобы воспитать человека, годного для будущего, надо воспитывать его, имея в виду вполне совершенного человека, – только тогда воспитанник будет достойным членом того поколения, в котором ему придется жить.

4

Довести ребенка до сознания божественной природы в себе представляется мне главной обязанностью родителей и воспитателей.

Чаннинг

5

Цель истинного воспитания – не только в том, чтобы заставлять людей делать добрые дела, но и находить в них радость; не только быть чистыми, но и любить чистоту; не только быть справедливыми, но и алкать и жаждать справедливости.

Джон Рёскин

Религиозное учение – основа воспитания, а между тем в нашем христианском мире учат тому, во что никто не верит. Дети проницательны и видят это и не верят не только тому, чему их учат, но и тем, которые их учат.

11 ЯНВАРЯ (Смирение)

Без смирения невозможно совершенствование. «Зачем мне совершенствоваться, когда я и так хорош?»

1

Чем ты выше, тем больше смирайся. Многие живут на высоте и в славе, но тайны открываются только низким. Не ищи вещей слишком трудных и сверх своих сил. Но то, что предписано тебе, о том помышляй с уважением. Не будь любопытен в том, чего тебе не нужно. Тебе открыто и так больше того, что можешь понимать.

Многие бывают обмануты своим тщеславным мнением, и потому не хвастайся знанием, которого нет у тебя.

Экклесиаст (апокрифический)

2

Иисус же, подозвав их, сказал: вы знаете, что князья народов господствуют над ними и вельможи властвуют ими; но между вами да не будет так; а кто хочет между вами быть большим, да будет вам слугою; и кто хочет между вами быть первым, да будет вам рабом; так как Сын Человеческий не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих.

Мф. гл. 20, ст. 25—28

3

Тот, кто оскорблен и может спокойно перенести оскорбление, не возвращая его, тот одержал великую победу в деле жизни.

Женевио-Лаке

4

Часть друзей твоих порицает тебя, а часть хвалит; приближайся к порицающим и удаляйся от восхваляющих.

Талмуд

5

Займи место ниже, чем тебе подобает. Лучше, если тебе скажут: взойди выше, нежели: сойди вниз. Кто возвышает себя, того Бог унижает, а кто себя смиряет, того Бог возвышает.

Талмуд

6

Старайтесь неотступно уничтожать в себе всякое желание властвовать, не ищите славы и похвал – все это может лишь погубить вашу душу. Остерегайтесь мысли, что у вас есть такие добродетели, каких нет у других.

Из «Благочестивых мыслей»

7

Хотя мудрец строг к себе, но от других он ничего не требует. Он бывает доволен своим положением и никогда не жалуется на небо, не обвиняет других за свою участь – поэтому, находясь в низкой доле, он покоряется судьбе. Неразумный же человек, ища земных благ, попадает в опасности.

Когда стрела не попадает в цель, стреляющий винит в этом себя самого, а не другого. Так поступает и мудрец.

Конфуций

8

Больший из вас да будет вам слуга; ибо кто возвышает себя, тот унижен будет, а кто унижает себя, тот повысится.

Мф. гл. 23, ст. 11–12

Вспоминай все дурное, сделанное тобой. Это поможет тебе не делать дурного. Если же будешь вспоминать сделанное тобою хорошее, это помешает тебе делать доброе.

12 ЯНВАРЯ (Лжеучение)

Есть люди, которые берут на себя право решать за других их отношение к Богу и к миру, и есть люди, огромное большинство, которые отдают это право другим и слепо верят тому, что говорят им. Одинаково преступны и те и другие.

1

Есть люди, которые, узнав, что все религиозные вопросы уже разрешены и все религиозные законы установлены, тотчас же отдаются в руки тех людей, которые берутся за такое разрешение и установление.

Зачем им заботиться о том, что другие так решительно признают своим неотъемлемым делом? На их долю остается приятно проводить время, заполняя сутки удовольствиями и развлечениями и, таким образом, укачивая себя на целые годы в приятных снах.

Плодом такого тупого довольства и является отсутствие в народе стремлений к оценке того, что ему внушается.

Боюсь, что рабский отпечаток от железного ярма, созданного слепой верой, надолго останется на нашей шее.

Мильтон

2

С той минуты, когда человек отказался от своей нравственной независимости, с той минуты, когда человек стал определять свою обязанность не по внутреннему голосу, но по взглядам известного сословия или партии, с той минуты, когда он стряхнул с себя свою личную ответственность потому, что он только один из миллионов, – с этой минуты он лишился своей нравственной силы, он ожидает уже от людей того, что может совершить один Бог, он ставит на место божественной силы грубые предписания человеческого ума.

Чаннинг

3

Все мы похожи на детей, сперва повторяющих неопровержимые истины своих бабушек, потом – учителей, а по мере возраста – и других замечательных людей, попадающихся на нашем пути.

С каким трудом стараемся мы вытвердить наизусть слова, слышанные нами от них! Когда же сами доходим до той ступени, на которой стояли эти наши наставники, и понимаем смысл их слов, то разочарование наше бывает настолько сильно, что мы бы с охотой забыли все, что от них слышали.

Эмерсон

4

Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные: по плодам их узнаете их. Собирают ли с терновника виноград или с репейника смоквы? Так всякое дерево доброе приносит и плоды добрые, а худое дерево приносит и плоды худые: не может дерево доброе приносить плоды худые, ни дерево худое приносить плоды добрые. Итак, по плодам их узнаете их.

Мф. гл. 7, ст. 15–20

5

Человек может пользоваться тем преданием, которое перешло к нему от мудрых и святых людей прошедшего, но он сам должен проверить своим разумом то, что передается ему, и откинуть одно и принять другое.

Каждый человек должен сам устанавливать свое отношение к миру и Богу.

13 ЯНВАРЯ (Вера)

Вера суть понимание смысла жизни и признание вытекающих из этого понимания обязанностей.

1

*Кто добрый человек? – Добр только верующий человек. – Но что такое вера? – Это согласие своей воли с совестью, с всемирным разумом.
Китайский буддизм*

2

Дело веры не в том только, чтобы сделать человека хорошим. Вера хорошего человека поднимает его на такую высоту, с которой ему все легко, радостно.
По Лессингу

3

Одно необходимо: отдаться Богу. Будь сам в порядке и предоставь Богу распутывать моток мира и его судеб. Пусть будет уничтожение или бессмертие. То, что должно быть, – будет. То, что будет, – будет благом. Чтобы совершить путь жизни, для человека ничего не нужно, кроме веры в добро.
Амиель

4

Есть двоякий покой. Есть покой отрицательный, это – отсутствие шума, грызущих забот, это – спокойствие после борьбы, после бурь. Но есть другой, более совершенный покой души, которому этот первый покой только предшествует, – то Божественное спокойствие, которое все понимает, истинное название которого – «Царство Божие внутри нас». К этому покою души принадлежит то спокойствие, которое дает нам религия. Это сознательное единение с Богом и миром, союз любви со всеми существами, любовь ко всему чистому и невинному, умение жертвовать своими желаниями и интересами, участие в духе и жизни вселенной, полное согласие своей воли с ее бесконечным источником. В этом истинное спокойствие и счастье человека.
Чаннинг

5

Говорят, что в последний день будет общий суд и что добрый Бог будет гневаться. Но от благого Бога не может произойти ничего, кроме добра. Не бойся: конец будет полон радости. Какие бы ни были на свете веры, истинная вера только одна та, что Бог есть любовь. А от любви не может быть ничего, кроме добра.

С персидского

6

Люди спрашивают: что будет после смерти? На это надо отвечать так: если ты точно не языком, а сердцем говоришь: да будет воля твоя как на земле, так и на небе, т. е. как во временной этой жизни, так и в вечной, то тебе нечего и думать о том, что будет после смерти. Отдайся в волю бесконечного существа, благословляя ее; ты знаешь, что она есть любовь, – так чего же тебе бояться?

Христос, умирая, сказал: «Отец! в руки Твои отдаю дух Мой». Если кто говорит эти слова не одним языком, а всем сердцем, то такому человеку ничего больше не нужно.

Если дух мой возвращается к Отцу, то для него ничего, кроме самого лучшего, быть не может.

7

Чтобы иметь истинную веру, надо воспитывать ее в себе. А чтобы воспитывать, надо творить дела веры.

Сущность же дел веры не в великих подвигах, а в делах незаметных, ничтожных, но творимых исключительно для Бога.

«Умирать придется одному», – сказал Паскаль. И жизнь истинная – только та, когда живешь один, перед Богом, а не перед людьми.

Не думайте, что можно найти душевный мир без веры.

14 ЯНВАРЯ (Любовь)

Любить в себе можно только Того, Кто один во всех. Любить же Того, Кто один во всех, значит любить Бога.

1

Учитель! какая наибольшая заповедь в законе? Иисус сказал: возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею и всем разумением твоим: сия есть первая и наибольшая заповедь; вторая же, подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя; на сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки.

Мф. гл. 22, ст. 36–40

2

Живы все люди не тем, что они сами себя обдумывают, а тем, что есть любовь в людях.

Как будто бы Бог не хотел, чтобы люди врозь жили, и затем не открыл им того, что каждому для себя нужно, а хотел, чтобы они жили заодно, и затем открыл им то, что им всем для себя и для всех нужно.

Людям кажется, что они заботой о себе живы, а живы они одною любовью. Если бы не было любви в людях, не вырос бы ни один ребенок, не остался бы жив ни один человек.

3

Люди живы любовью; любовь к себе – начало смерти, любовь к Богу и людям – начало жизни.

4

Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог – в нем. Бога никто никогда не видел. Если мы любим друг друга, то Бог в нас пребывает, и любовь Его совершенна есть в нас. Кто говорит: я люблю Бога, а брата своего ненавидит, тот лжец; ибо не любящий брата своего, которого видит, как может любить Бога, которого не видит? Братья, будем любить друг друга, ибо любящий рожден от Бога и знает Бога, потому что Бог есть любовь. Пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог – в нем.

1-е Послание Иоанна, из гл. 4

5

Если человек не может простить брата, он не любит его. Истинная любовь бесконечна, и нет количества тех оскорблений, которые она не простила бы, если она истинная любовь.

6

Любить того, кто нам приятен, не значит любить. Истинная любовь только та, когда в человеке любишь того же Бога, какой в тебе. Этой любовью любишь не только своих родных, не только тех, которые любят тебя, но любишь неприятных, злых людей, ненавидящих тебя. Чтобы любить таких людей, надо помнить, что тот, с кем имеешь дело, любит себя так же, как и ты себя, и что в нем тот же Бог, какой и в тебе. Если помнишь это, то и поймешь, как тебе надо отнестись к нему. И если поймешь, то полюбишь его, а если полюбишь так, то такая любовь даст тебе больше радости, чем любовь к любящим тебя.

Любовь не есть основное начало нашей жизни. Любовь – следствие, а не причина. Причина любви – сознание в себе Божеского, духовного начала. Это сознание требует любви, производит любовь.

Недельное чтение

Кающийся грешник

И сказал Иисусу: помяни меня, Господи, когда приидеши в царствие Твое! И сказал ему Иисус: истинно говорю тебе, ныне же будешь со Мною в раю.

Лк. гл. 23, ст. 42–43

Жил на свете человек семьдесят лет, и прожил он всю жизнь в грехах. И заболел этот человек и не каялся. И когда пришла смерть, в последний час заплакал он и сказал: «Господи! как разбойнику на кресте, прости мне!» Только успел сказать – вышла душа. И возлюбила душа грешника Бога и поверила в милость его и пришла к дверям рая.

И стал стучаться грешник и проситься в царство небесное.

И услышал он голос из-за двери: «Какой человек стучится в двери райские? И какие дела совершил человек этот в жизни своей?»

И отвечал голос обличителя и перечислил все грешные дела человека этого. И не назвал добрых дел никаких.

И отвечал голос из-за двери: «Не могут грешники войти в царство небесное. Отойди отсюда».

И сказал человек: «Господи! голос твой слышу, а лица не вижу и имени твоего не знаю».

И отвечал голос: «Я – Петр апостол».

И сказал грешник: «Пожалей меня, Петр апостол, вспомни слабость человеческую и милость Божию. Не ты ли был ученик Христов, не ты ли из самых уст его слышал учение его и видал пример жизни его? А вспомни – когда Он тосковал и скорбел душою и три раза просил тебя не спать, а молиться, и ты спал, потому глаза твои отяжелели, и три раза Он застал тебя спящим. Так же и я.

А вспомни еще, как обещал Ему самому до смерти не отречься от Него, и как ты три раза отрекся от Него, когда повели его к Каиафе. Так же и я.

И вспомни еще, как запел петух, и ты вышел вон и заплакал горько. Так же и я. Нельзя тебе не впустить меня».

И затих голос за дверьми райскими.

И, постояв недолго, опять стал стучаться грешник и проситься в царство небесное.

И послышался из-за двери другой голос и сказал: «Кто человек этот, и как он жил на свете?»

И отвечал голос обличителя, и опять повторил все худые дела грешника, и не назвал добрых дел никаких.

И отвечал голос из-за двери: «Отойди отсюда, не могут такие грешники жить с нами вместе в раю».

И сказал грешник: «Господи! голос твой слышу, а лица не вижу и имени твоего не знаю».

И сказал ему голос: «Я – царь и пророк Давид». И не отчаялся грешник, не отошел от двери рая и стал говорить: «Пожалей меня, царь Давид, и вспомни слабость человеческую и милость Божию. Бог любил тебя и возвеличил перед людьми. Все было у тебя: и царство, и слава, и богатство, и жены, и дети, а увидел ты с крыши жену бедного человека, и грех вошел в тебя, и взял ты жену Урия и убил его самого мечом амонитян. Ты, богач, отнял у бедного последнюю овечку и погубил его самого. То же делал и я. И вспомни потом, как ты покаялся и говорил: я сознаю вину свою и сокрушаюсь о грехе своем. Так же и я. Нельзя тебе не впустить меня».

И затих голос за дверьми.

И, постояв недолго, опять стал стучаться грешник и проситься в царство небесное. И послышался из-за дверей третий голос и сказал: «Кто человек этот? И как прожил он на свете?»

И отвечал голос обличителя и в третий раз перечислил худые дела человека и не назвал добрых.

И отвечал голос из-за двери: «Отойди отсюда. Не могут грешники войти в царство небесное».

И отвечал грешник: «Голос твой слышу, но лица не вижу и имени твоего не знаю».

И отвечал голос: «Я – Иоанн Богослов, любимый ученик Христа».

И обрадовался грешник и сказал: «Теперь нельзя не впустить меня: Петр и Давид впустят меня за то, что они знают слабость человеческую и милость Божию. А ты вступишь меня потому, что в тебе любви много. Не ты ли, Иоанн Богослов, написал в книге своей, что Бог есть любовь и что, кто не любит, тот не знает Бога? Не ты ли при старости говорил людям одно слово: „Братья, любите друг друга!“ Как же ты теперь возненавидишь и отгонишь меня? Или отрекись от того, что сказал ты сам, или полюби меня ипусти в царство небесное».

И отворились врата райские, и обнял Иоанн кающегося грешника ипустил его в царство небесное.

Л. Толстой

15 ЯНВАРЯ (Вера)

Основной смысл учения Христа – в установлении непосредственного общения человека – Сына Божия – с Отцом Богом.

1

Вы спрашиваете, в чем главная сущность характера Христа. Я отвечаю, что это – Его уверенность в величии человеческой души. Он видел в человеке отражение и образ божества и потому любил человека, кто бы он ни был, какие бы ни были условия его жизни и характера. Иисус смотрел на людей взором, пронизывающим материальную оболочку, – тело исчезало перед ним. Он смотрел сквозь наряды богатого и лохмотья нищего в душу человека; и там, среди мрака невежества и пятен греха, Он находил зачатки силы и совершенства, которые могут бесконечно развиваться, духовную, бессмертную природу. В самом низко падшем, развращенном человеке Он видел существо, которое может превратиться в ангела света. Даже более того: Он чувствовал, что в Нем Самом нет ничего такого, чего бы не мог достигнуть каждый человек.

Чаннинг

2

Для народов, как и для личностей, освобождение от предрассудков не уменьшает нравственных преград, но только заменяет более грубые руководства жизни более возвышенными. Многие бедные души теряют при этой замене свою поддержку. Но в этом нет ничего дурного или опасного. Это только рост. Ребенок должен выучиться ходить один. Сначала человек, лишившийся привычного суеверия, чувствует себя потерянным, бездомным. Но это отнятие от него внешних поддержек загоняет его внутрь себя и этим самым укрепляет его. Он чувствует себя лицом к лицу с Богом; он читает не по книге, а в душе своей смысл учения, и его маленькая часовня расширяется до величественного храма небесного свода.

Эмерсон

3

Познание Бога может быть или умственным, или нравственным, основанным на вере. Умственное познание ненадежно и подвержено опасным ошибкам; нравственное же познание приписывает Богу только такие свойства, которые требуют нравственных поступков. Такая вера естественна и сверхъестественна.

По Канту

4

*Ищите не только нравственной жизни, но стремитесь к тому, что
выше нравственности.*

Торо

Бойтесь всего, что становится между вами и Богом — духом, живущим в вашей душе.

16 ЯНВАРЯ (Устройство жизни)

Главная причина дурного устройства жизни – ложная вера.

1

Жизнь человека – в том, чтобы приводить неразумное в своей жизни к разумному. И для этого нужны два дела:

- 1) видеть во всем его значении неразумие жизни и не отвращать от него внимания;
- 2) сознавать во всей чистоте разумность возможной жизни.

Сознавая всю неразумность и всегда вытекающую из нее бедственность жизни, человек невольно отвращается от нее; и, с другой стороны, ясно сознавая возможность разумной жизни, человек невольно стремится к ней. Не скрывать поэтому зла неразумия и выставлять во всей ясности благо разумной жизни должно бы составлять задачу всех учителей человечества.

Но тут-то на седалище Моисеево всегда садятся те, которые не идут к свету, потому что дела их злы; и потому всегда люди, выставляющие себя учителями, не только не стараются уяснить неразумие теперешней жизни и разумность жизни, какая должна быть, а, напротив, стараются скрыть неразумие нынешней жизни и подорвать доверие к разумности той жизни, какая должна быть. С этою целью существуют и действуют и полиция, и войска, и уголовные законы, и тюрьмы, и приюты для детей, и богадельни для стариков, и воспитательные дома, и дома терпимости, и сумасшедшие дома, и больницы, и страховые общества, и все обязательные и устраиваемые на насильственно собираемые средства образовательные учреждения, и учреждения для малолетних преступников и многие другие.

Роковым образом каждое из этих учреждений, кроме скрывания зла, порождает новое зло и увеличивает неудержимо, как снежный ком, то зло, которое оно предполагает уничтожить.

Если бы только одна тысячная тех усилий, которые употребляются на устройство всего этого, имеющего целью скрыть зло и только увеличивающего его, была бы употреблена на противодействие тому, для скрывания чего служат все эти учреждения, зло это, ставшее явным для нас, быстро уничтожилось бы.

2

Мы должны с глубоким вниманием относиться к нашим общественным делам, мы должны быть готовы изменять наши мнения, отказываться от старых взглядов, усваивать новые. Мы должны бросать предрассудки и рассуждать с совершенно свободным умом. Моряк, который будет ставить одни и те же паруса, невзирая на перемены в ветре, никогда не достигнет своей гавани.

Генри Джордж

3

Рабочие и капиталисты, для того чтобы улучшить свои отношения, должны оставить древний Моисеев закон «око за око и зуб за зуб» и провести в жизнь закон любви – поступать с другими так, как желаешь, чтобы другие поступали с тобой.

Люси Малори

4

Никакая насильственная реформа не исправит зла, пока люди останутся таковы, каковы они есть, и потому ждать исправления зла можно не от изменения формы нашей жизни, а только от распространения доброты и разумности.

5

Стоит прямо и просто принять учение Христа, чтобы ясен был тот ужасный обман, в котором живем все мы и живет каждый из нас.

Подчинение требованиям ложной веры – в этом главная причина бедствия людей.

17 ЯНВАРЯ (Мудрость)

Исполняя свое внутреннее назначение, живя для души, человек невольно и самым действительным образом служит улучшению общественной жизни.

1

Нельзя людей освобождать в наружной жизни больше, чем они освобождены изнутри.

Герцен

2

Мечтатель часто верно определяет будущее, но он не хочет дожидаться его. Он хочет своими усилиями приблизить его. То, на что природе нужны тысячи лет, он хочет видеть совершенным во время своей жизни.

Лессинг

3

Зачем напрасно мучаете вы себя в своем бедственном положении? Желание наше добро, но вы не знаете, как его достигнуть. Знайте, что только тот, кто отдаст жизнь, может получить ее. Вы ничего не достигнете без Бога. Вы ворочаетесь на вашем ложе страданий, и что же вы нашли? Вы уничтожили несколько угнетателей, – явились другие, худшие, чем прежние. Вы уничтожили законы рабства, и вам дали новые законы крови и еще новые законы рабства. Не верьте людям, которые становятся между вами и Богом, чтобы тень их скрыла Его от вас. Люди эти имеют дурные намерения. Потому что только от Бога исходит сила освобождающая, потому что только от Бога исходит любовь соединяющая. Что может сделать для вас человек, который руководится только своею мыслью и законом своей воли? Если он имеет добрые намерения и желает только добра, он все-таки даст вам свою волю вместо закона и свою мысль вместо правила. Это делают все угнетатели. Не стоит разрушать для того, чтобы заместить одно насилие другим. Свобода состоит не в том, чтобы властвовал этот, а не тот, а в том, чтобы никто не властвовал. Там же, где Бог не властвует, властвует человек. Царство Бога есть царство справедливости в умах и милосердия в сердцах; основа этому – вера в закон, провозглашенный Христом, закон милосердия, закон справедливости. Закон справедливости учит тому, что все равны перед Отцом Богом и единым учителем Христом. Закон милосердия учит любви и помощи друг другу, как сыновьям одного отца и ученикам одного учителя.

Если же люди говорят вам: «До нас никто не знал, что такое справедливость; справедливость от нас, верьте нам, и мы устроим вам такую справедливость, которая удовлетворит вас», – то такие люди обманывают вас или, если искренно обещают вам свободу, сами обманываются, – потому что они хотят, чтобы вы признали их господами, и тогда свобода ваша будет только послушанием новым господам этим. Отвечайте им, что господин ваш один Бог и вы не хотите другого, и Бог освободит вас.

Ламенэ

4

Хорошо бы было, если бы мудрость была такого свойства, чтобы могла переливаться из того человека, который полон ею, в того, в котором ее нет, как вода переливается через шерсть из одного сосуда в другой до тех пор, пока оба будут равны. Но горе в том, что для восприятия чужой мудрости нужна прежде всего самостоятельная работа.

5

Если вы можете научить человека добру и не делаете этого – вы теряете брата.

Китайская мудрость

Делай свое дело жизни, совершенствуя и улучшая свою душу, и будь уверен, что только этим путем ты будешь самым плодотворным образом содействовать улучшению общей жизни.

18 ЯНВАРЯ (Просвещение)

Просвещенный человек – тот, который знает свое назначение в жизни.

1

Ученый – тот, кто много знает из книг; образованный – тот, кто усвоил себе все самые распространенные в его время знания и приемы; просвещенный – тот, кто понимает смысл *своей* жизни.

2

С тех пор как существует человечество, всегда у всех народов являлись учителя, составлявшие науку о том, что нужнее всего знать человеку. Наука эта учила всегда тому, в чем назначение, и потому истинное благо каждого человека и всех людей. Только по этой науке и можно судить о значении всех других знаний.

Предметов наук *бесчисленное* количество, и без знания того, в чем состоит назначение и благо всех людей, нет возможности выбора в этом бесконечном количестве предметов, и потому без этого знания все остальные знания и искусства становятся, как они и сделались в наше время в христианском мире, праздной и вредной забавой.

3

Единственное объяснение той безумной жизни, противной сознанию лучших людей всех времен, которую ведут люди нашего времени, заключается в том, что молодые поколения обучаются многим самым трудным предметам: о положении небесных тел, о состоянии земли за миллионы лет, о происхождении организмов и т. п. Не обучаются только тому одному, что всем и всегда нужно, тому, какой смысл человеческой жизни, как надо прожить ее и что думали об этом вопросе и как решили его мудрейшие люди древности. Не только не обучаются этому молодые поколения нашего мира, но вместо этого обучаются, под названием закона Бога, самым явным бессмыслицам, в которые не верят и сами обучающие. Под все здание нашей жизни вместо камня положены надутые воздухом пузыри. Как же не валиться этому зданию?

4

Самое обычное явление нашего времени – видеть то, что люди, считающие себя учеными, образованными и просвещенными, зная бесчисленное количество ненужных вещей, коснеют в самом глубоком невежестве, не только не зная смысла своей жизни, но гордясь этим незнанием. И наоборот, не менее обычное явление встречать среди малограмотных и безграмотных людей, ничего не знающих о химической таблице, паралаксах и свойствах радия, людей истинно просвещенных, знающих смысл своей жизни и не гордящихся этим, а только жалеющих тех мнимо просвещенных людей, которые безграничной самоуверенностью делают неразрушимым свое невежество.

Единое на потребу в науке – знание того, как должен жить человек. И знание это доступно всем.

19 ЯНВАРЯ (Самоотречение)

Общественная жизнь может быть улучшена только самоотречением.

1

Говорят: одна ласточка не делает весны. Но неужели оттого, что одна ласточка не делает весны, не лететь той ласточке, которая уже чувствует весну, а дожидаться? Если так дожидаться всякой почке и травке, то весны никогда не будет. Так же и нам для установления Царства Божия не надо думать о том, первая ли я или тысячная ласточка.

2

Небо и земля вечны. Вечны они потому, что они существуют не для себя. Поэтому они и вечны.

Так же и святой муж отрешается от себя и этим становится вечен. Становясь же вечным, он становится и могущественным и совершает все, что ему нужно.

Лао-Тсе

3

В частной и общей жизни один закон: хочешь улучшить жизнь, будь готов отдать ее.

4

В те времена, когда народы ждут только знака, для того чтобы начать величайшее когда-либо бывшее на земле сражение между добром и злом, когда во всех частях света уже слышатся глухие раскаты грома, когда люди чувствуют, что близко то время, когда столкнутся между собой два войска – войско Бога и войско сатаны, и что будущая судьба человечества – освобождение или порабощение его – зависит от этого столкновения, в эти торжественные времена надо прежде всего помнить, что звание воина Божьего войска можно заслужить, только следуя примеру его вождя, уподобившегося бедным, для того, чтобы спасти людей: отречься от всего, не иметь места, куда преклонить голову, чтобы не разнеживаться, чтобы иметь полную возможность быть сегодня здесь, завтра там, быть везде, где есть опасность, где идет борьба, и предоставить мертвым погребать мертвых. Мертвые же – те, которые, погрузившись в заботы о преходящем и в хлопоты о вещественном, не знают даже, что в них есть душа, требующая освобождения, что жить – значит бороться, значит умирать, что только этим путем может совершиться великое освобождение.

Ламенэ

5

Совершенствование человека измеряется степенью его освобождения от личности. Чем больше освобождается человек от своей личности, тем он совершеннее.

Тщетны все попытки улучшения жизни без жертвы. Такие попытки только отдалают возможность улучшения.

20 ЯНВАРЯ (Бессмертие)

Смерть и рождение – два предела. За этими пределами одинаковое что-то.

1

Когда подумаешь о том, что будет с душою после смерти, нельзя не подумать о том, что было с душою до рождения. Если ты идешь куда-нибудь, то, наверное, откуда-нибудь ты вышел. Так и в жизни. Если ты пришел в эту жизнь, то откуда-нибудь. Если будешь жить после, то жил и прежде.

2

Куда мы идем после смерти? Туда, откуда пришли. Там, откуда мы пришли, не было того, что мы называем своим «я», – от этого-то мы и не помним того, где мы были, долго ли мы там были и что там было. Если мы после смерти придем туда, откуда вышли, то и после смерти не будет того, что мы называем своим «я».

От этого мы никак не можем понять, какая будет наша жизнь после смерти. Одно можно, наверное, сказать, что как нам не было дурно до рождения, так не может быть дурно и после смерти.

3

Когда человек живет хорошей жизнью, то он бывает счастлив сейчас и не думает о том, что будет после этой жизни. Если же и вспомнит о смерти, то, судя по тому, как хорошо устроена для нас жизнь теперь, верит, что она и после смерти все будет так же хороша. Верить в то, что Бог добр и сделал и делает все для нас самое лучшее, много спокойнее и вернее, чем верить во все блаженства рая.

4

*Когда мы рождаемся, наши души кладутся в гроб нашего тела.
Гроб этот – наше тело – постепенно разрушается, и душа наша все
больше и больше освобождается. Когда же тело умирает, душа совсем
освобождается.
По Гераклиту*

Человеку не нужно загадывать о том, что будет после этой жизни, а в этой жизни стараться поступать по той воле Пославшего нас, которую мы знаем в своем разуме и сердце.

21 ЯНВАРЯ (Самосовершенствование)

Чем больше укрепляется в человеке разум и затихают страсти, тем больше освобождается в нем духовная жизнь любви к Богу и ближнему. Счастлив человек, когда он сознательно помогает этому.

1

Если бы мы увидали, что человек, вместо того чтобы покрыть крышу своего дома и вставить окна, всякий раз, когда заходит дождь и ветер, выходил бы наружу и, стоя на ветру и под дождем, сердился бы на тучи и кричал бы на них, приказывая одной идти направо, другой налево, – мы, наверно, увидав такого человека, сказали бы, что он сумасшедший. А между тем мы все делаем это самое, когда мы сердимся за то зло, которое делают люди, ругая людей, а не заботясь о том, чтобы искоренить зло в себе. А между тем избавиться от зла в себе – прикрыть свою крышу, вставить свои окна – в нашей власти, а искоренить зло из мира так же мало в нашей власти, как распорядиться тучами. Если бы люди, вместо того чтобы учить других, хоть изредка занимались тем, чтобы учить самих себя, – все меньше и меньше становилось бы зла в мире и все легче и легче было бы жить людям.

2

Пусть ошибки и ложные приемы не смущают тебя. Ничто так не научает, как сознание своей ошибки. Это одно из главных средств самовоспитания.
Карлейль

3

Охраняйте ваше сердце от чуждых вам забот; не вмешивайтесь в то, что до вас не касается; старайтесь лучше о том, чтобы исправиться и преуспевать на пути к совершенству.
Из «Благочестивых мыслей»

4

Наши жизни составляют для нас нравственное предание, как жизнь предков составляет предание для рода. Совершенный нами великий поступок представляется нам побудительной причиной к тому, чтобы вся жизнь наша соответствовала этому поступку.
Джордж Элиот

5

Не думай никогда, что не важно то маленькое дурное дело, которое сделал. «Нынче сделал, больше не буду делать». Это неправда: тебе трудно будет удержаться, чтобы не сделать в другой раз то, что ты сделал один раз.

Никогда не говори про доброе дело: не стоит и стараться, это так легко, когда захочется, всегда сделаю. Не думай и не говори так. Всегда самое небольшое доброе дело придает силы для доброй жизни, так же как недоброе дело убавляет эти силы.

6

Упало от старого дерева спелое яблоко рядом с молодой яблонькой. И сказала молодая яблонька яблоку: «Здравствуй, яблочко, желаю тебе поскорее созреть, чтобы сделаться таким же, как я». – «Сопрей ты сама, коли тебе нравится, невежа этакая, – сказала яблоко. – Разве ты не видишь, какое я румяное, хорошее, крепкое, сочное. Я не преть хочу, а хочу радоваться». – «Да ведь вся твоя красота и все твое тело – все это только покров на время, во всем этом нет жизни. Жизнь только в том зерне, которое есть в тебе и которого ты само не знаешь». – «Никакого зерна нет, все глупости», – сказала яблоко и перестало разговаривать.

Так же думают и люди, которые не сознают того, что в них есть духовная жизнь, и живут одной жизнью животных. Но хочет или не хочет этого человек, так же как и яблоко, чем больше он живет, тем все больше и больше слабеет, исчезает в нем то, что он считал своей жизнью, и все яснее и яснее обозначается истинная, растущая, неумирающая жизнь. Так не лучше ли с самого начала жить не той жизнью, которая умирает, а той, которая не переставая растет и не уничтожается.

Нам кажется, что самая главная на свете работа – это работа над чем-нибудь видимым: строить дом, пахать поле, кормить скот, собирать плоды, а работа над своей душой, над чем-то невидимым – это дело неважное, такое, какое можно делать, а можно и не делать. Между тем только одно это дело, работа над душой, над тем, чтобы делаться с каждым днем лучше и добрее, только эта работа настоящая, а все остальные работы, видимые, полезны только тогда, когда делается эта главная работа над душою.

Недельное чтение

Совершенствование

Человеку невозможно достигнуть совершенства Бога, но он постоянно должен делать усилия для того, чтобы все больше и больше к нему приближаться. Этот путь, идти по которому было от века предписано человеческому роду. Это путь тернистый и тяжелый по тем трудностям, которые встречаются на каждом шагу его. Но это путь утешительный и отрадный по тем плодам, которые он приносит и из которых последний плод – братский мир, царство мира и любви на земле. Тогда наступит и конечное великое единство. Но единство ведь есть не что иное, как слияние жизни каждого с жизнью всех, и потому для осуществления этого единства нет другого средства, как отрешение от самого себя постольку, поскольку этого требует единство, – вольный отказ от всего, что разделяет и уединяет. В этом – все евангельское учение. Оно все – в милосердии, во всеобщей любви, включающей в себя Бога и все Его творения. И во всех творениях Бога все изменяется прежде всего в этом направлении. Из себялюбия вытекает гордость, любостязание, чувственные вожделения, зависть, гнев, неприязнь; из чувства общности жизни, основа которого есть Бог, рождаются кротость, самоотречение, внутренний мир – чистые радости, превращающие земные страдания в ничем не нарушаемое блаженство.

Но помните: чем дальше вы будете подвигаться по этому пути, тем большие препятствия вы встретите от детей века, подданных царя прошлого. Они вас будут ненавидеть и преследовать, таскать по судам и ввергать в темницы для того, чтобы заглушить добро в зародыше, – то добро, семена которого вы рассеиваете вокруг вас, – для того, чтобы продолжать зло, которому они служат. Утвердитесь в сердцах ваших, укрепитесь в мужестве вашем, чтобы не пасть в этой священной борьбе. Завершайте эту борьбу, как самую заветную часть вашего наследства, тем, кто следует за вами. Отдых будет после битвы; битва же продолжится до того дня, когда будет сказано: Бог победил, царство его установлено на земле, и у детей Его есть отечество.

Ламенэ

Закон нравственный – «любить ближнего, как самого себя», как сказано в Евангелии, не пройдет, пока не будет исполнен. Это закон такой же неизбежный, как и закон тяготения, закон химических соединений и как все другие физические законы.

Можно предположить, что и законы физические когда-то колебались, были не общи всем явлениям природы, вырабатывались, но, наконец, стали необходимостью. То же и с нравственным законом: он нами вырабатывается.

Ближайшей целью жизни мира представляется разумному человеку объединение всех существ мира. Сначала одни люди, все более и более подчиняясь закону разума, будут понимать то, что благо жизни достигается не стремлением каждого существа к своему личному благу, а стремлением каждого существа к благу всех других; а потом это же самое будут все больше и больше понимать или будут к этому приведены и все другие существа.

22 ЯНВАРЯ (Война)

Никакие условия не могут сделать того, чтобы убийство перестало быть самым грубым и явным нарушением закона Бога, выраженного и во всех религиозных учениях и в совести людей.

1

Где Христос? Где его ученье? Где его можно найти у христианских народностей? В учреждениях – его там нет; в законах, проникнутых духом неправого неравенства, – нет его там; в правах, проникнутых эгоизмом, – его там нет. Где же учение Христа? Оно в грядущем, подготовляемом работой в глубинах человеческой природы; оно в движении, волнуящем народы из края в край земли; оно в стремлениях чистых душ и праведных сердец; оно в сознании всех, ибо все сознают, что существующее не может длиться, потому что оно есть зло, отрицание милосердия, братства, есть наследие Каинова племени, есть нечто уже отринутое, подлежащее рассеянию от дуновения Бога.

Ламенэ

2

Что такое военная служба? А вот что. Как только молодой человек возрос, окреп, может помогать своим родителям, его приводят в приемную, велят раздеться, осмотрят и потом велят на кресте и Евангелии поклясться, что он будет слушаться во всем своих начальников и будет убивать всех тех, кого ему велят убивать. Когда же он исполнит это, противное и разуму, и совести, и даже букве закона Христа, выраженного в Евангелии, приказание, его наряжают в мундир, дают ружье, обучают стрельбе и посылают убивать людей – своих братьев. Люди, которых ему велят убивать, не сделали ему никакого зла, он никогда не видал их, но стреляет их, потому что поклялся делать это на Евангелии, – на том самом Евангелии, в котором сказано, что не должно клясться и не только убивать, но и гневаться на брата.

3

Военная служба вообще развращает людей, ставя поступающих в нее в условия совершенной праздности, т. е. отсутствия разумного и полезного труда, и освобождая их от общих человеческих обязанностей, взамен которых выставляет только условную честь полка, мундира, знамени и, с одной стороны, безграничную власть над другими людьми, а с другой – рабскую покорность высшим себя начальникам.

В особенности развращающе действует на военных их праздная, распущенная жизнь потому, что, если не военный человек ведет такую жизнь, он в глубине души не может не стыдиться ее. Военные же люди считают, что это так должно быть, хвалятся, гордятся такой жизнью, особенно в военное время. «Мы готовы жертвовать жизнью на войне, и потому такая беззаботная, веселая жизнь не только простительна, но и необходима для нас. Мы и ведем ее».

4

Один человек не должен убивать. Если он убил, он преступник, он убийца. Два, десять, сто человек, если они делают это, они убийцы. Но государство или народ может убивать сколько хочет, и это не будет убийство, а хорошее, доброе дело. Только собрать побольше народа, и бойня десятков тысяч людей становится невинным делом. Но сколько именно нужно людей для этого? Вот в чем вопрос. Один не может красть, грабить, но целый народ может. Но сколько именно нужно для этого? Почему один, десять, сто человек не должны нарушать законы Бога, а очень много могут?

А.Балу

В каждом теле человека живет одно и то же божественное начало, и поэтому ни отдельный человек, ни собрание людей не могут иметь права нарушать это установленное соединение божественного начала с человеческим телом, т. е. лишать человека жизни.

23 ЯНВАРЯ (Зло)

Из всех грехов только один гнев на брата прямо противен главному благу жизни человеческой – благу любви, и потому нет греха, более верно лишаящего человека лучшего блага жизни.

1

Римский мудрец Сенека говорил, что для того, чтобы удержаться от гнева, самое лучшее средство – то, чтобы, чувствуя поднимающийся гнев, замереть, ничего не делать: не ходить, не двигаться, не говорить. Если дать волю телу, языку, гнев будет все больше разгораться.

Хорошо тоже, говорит Сенека, для того чтобы отучить себя от гнева, приглядываться на других людей, когда они злятся. Когда глядишь на других людей и видишь, каковы они в гневе, когда видишь, что они становятся похожи на пьяных, на зверей, с красными, злыми, безобразными лицами, с противным хриплым голосом, когда слышишь их сквернословие, вспомни о том, как бы и тебе не быть таким же отвратительным.

2

Часто люди поддаются гневу и не удерживаются от него потому, что думают, что в гневе есть какое-то молодечество. Я, мол, не дал спуска, а так разнес его и т. п. Но это неправда. Чтобы не поддаваться гневу, надо помнить о том, что в гневе нет и не может быть ничего хорошего, что гнев – это признак слабости, а не силы.

Когда тот, кто гневается, дерется или бьет слабого, ребенка или женщину, даже когда бьет собаку или лошадь, то он этим показывает не силу, а слабость.

3

Как ни вреден гнев для других людей, он более всего вреден тому, кто гневается. Он всегда более вреден, чем та обида, которая его вызвала.

4

Можно понять, зачем корыстный и скупой человек обижает других: он хочет завладеть их имуществом, чтобы самому обогатиться; он вредит людям для своей выгоды. Злой же человек вредит другим без всякой для себя выгоды, мало того: вредя другим, делает и себе вред.

По Сократу

5

Тот, чья злоба не имеет границ, – тот, кто обвит ею, как повиликой, скоро приведет сам себя туда, куда хотел бы втолкнуть его только злейший враг.
*Буддийская мудрость*⁶

6

Злом воздаст тебе твой враг, больно отплатит ненавистник, но несравненно больше зла принесет тебе гнев в твоём сердце.
Ни отец, ни мать, ни родные, ни близкие не сделают тебе столько добра, сколько твоё сердце, когда оно простит и забудет обиду.
*Буддийская мудрость*⁷

7

Никогда своего гнева на людей не считай справедливым и ни одного человека не называй и не считай пропащим или негодным.

8

Сердится человек только оттого, что не знает, отчего произошло то, на что он сердится. Потому что если бы он знал, то сердился бы не на следствие, а на причину. Но внешняя причина всякого явления так отдалена, что её нельзя найти; причина же внутренняя – всегда ты сам.

9

Отчего мы так рады обвинять и так злобно, несправедливо обвиняем? Оттого что обвинение других снимает с нас ответственность. Нам кажется, что нам дурно не оттого, что мы дурны, а оттого, что другие виноваты.

Когда люди злобно спорят друг с другом, ребенок не разбирает того, кто прав и кто виноват, а с грустью бежит от таких людей, осуждая обоих, и он всегда правее и того и другого из спорящих.

⁶ Дхаммапада

⁷ Дхаммапада

24 ЯНВАРЯ (Мудрость)

Куда придет человечество, это не дано знать людям. Высшая мудрость состоит в том, чтобы знать, куда тебе идти. А это ты знаешь: идти к высшему совершенству.

1

Узок путь, ведущий в жизнь, и немногие находят его. Немногие находят его, потому что большинство идет по широкому пути, по тому, по которому идут все. А настоящий путь – узкий, только на одного человека. И для того, чтобы найти его, надо идти не с толпой, а за теми одинокими людьми: Буддой, Конфуцием, Сократом, Христом, которые сами для себя и для нас всех, один за другим, прокладывали одну и ту же узкую дорогу.

По Люси Малори

2

Есть только три разряда людей: одни обрели Бога и служат Ему; люди эти разумны и счастливы. Другие не нашли и не ищут Его; эти безумны и несчастны. Третьи не обрели, но ищут Его; эти люди разумны, но еще несчастны.

Блез Паскаль

3

Где начинается искание истины, там всегда начинается жизнь; как только прекращается искание истины, прекращается и жизнь.

Джон Рёскин

4

Видеть все вещи в Божественном совершенстве, сделать из своей жизни движение к этому совершенству – в этом удивительная точка зрения мудрецов древности: Сократа, Эпиктета, Марка Аврелия. Есть такое христианство, которое злословит мудрость и хочет не признавать ее. А между тем насколько мудрость, довольствующаяся Царством Божиим на земле, выше того учения, которое учит тому, что оно возможно только за гробом.

Признак ложного учения – тот, чтобы откладывать жизнь до другого времени и ценить верующего в свое учение человека выше добродетельного.

По Амелию

5

Если человек ищет мудрости, он умен, но если он думает, что нашел ее, он безумен.

Персидская мудрость (из Албитиса)

6

Важно не то место, которое мы занимаем, а то направление, в котором мы движемся.

Гольмс

Не цели, общие с окружающими тебя людьми, должны определять твою деятельность, а назначение твоей жизни, одинаковое с назначением всех людей мира.

25 ЯНВАРЯ (Знание)

Есть знания, необходимые каждому человеку. Пока человек не усвоил этих знаний, все другие знания будут во вред ему.

1

Сократ постоянно указывал своим ученикам на то, что при правильно поставленном образовании в каждой науке надо доходить только до известного предела, который не следует переступать. По геометрии, говорил он, достаточно знать настолько, чтобы при случае быть в силах правильно измерить кусок земли, который продаешь или покупаешь, или чтоб разделить на части наследство, или чтоб суметь распределить работу рабочим. «Это так легко, – говорил он, – что при небольшом старании не будешь затрудняться ни над каким измерением, хотя бы пришлось размерять всю землю». Но он не одобрял увлечения большими трудностями в этой науке, и хотя сам лично знал их, но говорил, что они могут занять всю жизнь человека и отвлечь его от других полезных наук, тогда как они ни к чему не нужны. По астрономии он находил желательным знать настолько, чтоб по небесным приметам узнавать часы ночи, дни месяца и времена года, уметь не потерять дорогу, держать направление в море и сменять сторожей. «Эта наука настолько легка, – прибавлял он, – что она доступна всякому охотнику, всем мореплавателям, вообще всякому, кто хочет сколько-нибудь ею заняться». Но доходить в ней до того, чтоб изучать различные орбиты, описываемые небесными телами, высчитывать величину планет и звезд, их отдаленность от земли, их движения и изменения, – это он крайне осуждал, потому что не видел в таких занятиях никакой пользы. Он был такого низкого мнения о них не по неведению, так как сам изучил эти науки, а потому, что не хотел, чтоб на излишние занятия тратилось время и силы, которые могли быть употреблены на самое нужное человеку: на его нравственное совершенствование.

Ксенофонт

2

Горе ученым, которые собирают знания, горе самодовольным философам, ненасытным исследователям. Эти дурные богачи ежедневно празднуют на своих умственных пирах, тогда как Лазарь непрестанно голодает. Люди эти наполнены тем, что есть ничто, потому что это пустое знание не содействует ни внутреннему, ни общественному совершенствованию.

Фенелон

3

Отврати свое зрение от мира обмана и не доверяй своим чувствам, они лгут, но в тебе самом, во вневичном ищи вечного человека.

*Буддийская мудрость*⁸

4

Опытные науки, когда ими занимаются ради них самих, разрабатывая их без руководящей философской мысли, подобны лицу без глаз. Они представляют одно из занятий, подходящих для средних способностей, лишенных, однако, высших дарований, которые были бы только помехой при этих кропотливых изысканиях. Люди с такими средними способностями сосредоточивают все свои силы и все свое умение на одном единственном ограниченном научном поле, где они и могут поэтому достигнуть возможно полного знания, при условии совершенного невежества во всех других областях. Их можно сравнить с рабочими в часовых мастерских, из которых одни делают только колеса, другие – только пружины, третьи – только цепи.

Шопенгауэр

5

Лучше знать немного правил жизни, чем выучиться многим бесполезным наукам. Правила жизни удержат тебя от злого, направят на доброе; знание же бесполезных наук только введет тебя в соблазн гордости и помешает тебе ясно понимать нужные тебе правила жизни.

Бойся не незнания, а ложного знания. Лучше ничего не знать, чем считать правдой то, что неправда. Лучше ничего не знать про небо, чем думать, что оно твердое и на нем сидит Бог. Но не много лучше и то, чтобы думать, что то, что нам видимо, как небо, есть бесконечное пространство: бесконечное пространство так же не точно, как и твердое небо.

⁸ Дхаммапада

26 ЯНВАРЯ (Милосердие)

Богатому нельзя не быть немилосердным. Дай он волю естественному чувству милосердия, он скоро перестанет быть богатым.

1

Не крайняя ли несообразность в том, что мы сами сидим за трапезою в смехе и пресыщении, а между тем, слыша, как другие плачут, проходя по улице, не только не обращаем на их плач внимания, но еще негодуем на них и называем их обманщиками? Ты говоришь, обманщики. Но неужели из-за одного хлеба станет кто-нибудь обманывать? А если ты думаешь, что он обманывает, то тем более тебе надо сжалиться над ним и тем более нужно избавить его от нужды. Если же ты не хочешь подать, то, по крайней мере, не оскорбляй.

Иоанн Златоуст

2

Прежде отстань от хищения, а потом давай милостыню. Удержи руки от лихоимства и тогда простирай их на милостыню. Если же мы теми же самыми руками одних будем обнажать, а других одевать, то милостыня будет поводом к преступлению. Лучше не оказывать милосердия, чем оказывать такое милосердие.

Иоанн Златоуст

3

Ни на чем так не видна жестокость жизни богатых, как на их попытках милосердия.

4

У богатого на 3-х человек 15 комнат, и нельзя пустить согреться и переночевать нищего. У крестьянина 7-аршинная изба на 7 душ, и он охотно пускает странника.

5

Мы любим предметы за их несовершенство, которое божественно предопределено для того, чтобы законом человеческой жизни было усилие, а законом человеческого суда милосердие.

Джон Рёскин

6

Как первое правило мудрости состоит в познании самого себя, — хотя это всего труднее, — так и первое правило милосердия состоит в том, чтобы довольствоваться малым, хотя и это так же трудно; и только такой довольный и умиротворенный человек и явится сильным для оказания милосердия другим.

Джон Рёскин

7

*Кто имеет достаток в мире, но, видя брата своего в нужде, затворяет от него сердце свое, — как пребывает в том любовь Божия? Дети мои! станем любить не словом или языком, но делом и истиною.
1 Ин. гл. 3, ст. 17—18*

Для того чтобы любить не словом или языком, а делом и истиною, богатому надо давать просящему, как сказал Христос.

А если давать просящему, то, как бы много именья ни было у человека, он скоро перестанет быть богат. А перестанет быть богат, то исполнит то, что Христос сказал богатому юноше.

27 ЯНВАРЯ (Любовь)

Любовь к людям дает истинное, неотъемлемое внутреннее благо, соединяя человека с другими людьми и Богом.

1

Никто не может помешать духовному развитию человека, кроме его самого. Ни физическая слабость, ни умственная неспособность не могут быть препятствием к развитию духовной природы, ибо развитие духовной природы – только в увеличении любви, а ничто не может препятствовать этому увеличению.

Люси Малори

2

Разумный человек любит не потому, что ему выгодно, а потому, что он в самой любви находит благо.

3

Не сожалейте о прошлом, какая польза в сожалении? Ложь говорит: сокрушайся; правда говорит: только люби. Удали от себя все воспоминания. Не говори о прошедшем; живи в свете любви, и пусть проходит все остальное.

Персидская мудрость

4

У китайского мудреца спросили: «В чем наука?» Он сказал: «В том, чтобы знать людей». У него спросили: «В чем добродетель?» Он сказал: «В том, чтобы любить людей».

5

Человек не может достигнуть счастья, потому что чем выше его стремления к мирскому счастью, тем менее они осуществимы. Исполнение долга тоже не может дать счастья. Исполнение это дает мир, а не счастье.

Только божественная, святая любовь и слияние с Богом дают истинное благо, потому что если жертва стала радостью, постоянной, растущей, ненарушимой радостью, то душа обеспечена непрерывающим благом.

Амиель

6

Постарайся полюбить того, кого ты не любил, осуждал, кто оскорбил тебя. И если тебе удастся это сделать, то ты испытаешь совершенно новое и удивительное чувство радости. Ты сразу увидишь в этом человеке того же Бога, который живет в тебе. И как свет ярче светит после темноты, так и в тебе, когда ты освободишься от нелюбви, сильнее и радостнее разгорится свет любви божеской.

7

Я сознаю в себе силу, которая со временем преобразит мир. Она не толкает и не давит, но я чувствую, как она понемногу и неудержимо влечет меня. И я вижу, что меня что-то притягивает, так же как я бессознательно притягиваю других. Я увлекаю их, и они увлекают меня, и мы сознаем стремление к новому соединению.

И я спросил ту силу, которая была во мне: кто ты?

И она ответила: я – любовь, владыка неба и хочу быть владыкой земли.

Я – могущественнейшая из всех сил небесных, и я пришла, чтобы образовать общество будущего.

Кросби

8

Как мать, рискуя своей жизнью, воспитывает и оберегает свое детище, свое единственное детище, так пусть каждый человек воспитывает и оберегает в себе дружелюбное чувство ко всему живому.

Метта-сутта

Бесстрашие, спокойствие, радость, которые дают любовь, так велики, что блага мирские, даваемые любовью (любовь людей), незаметны для человека, познавшего внутреннее благо любви.

28 ЯНВАРЯ (Закон)

Для того чтобы человеку узнать тот закон, которому он подчинен и который дает ему свободу, ему надо подняться из телесной жизни в духовную.

1

Пославший меня есть истинен, и что Я слышал от Него, то и говорю миру.
Не поняли, что Он говорил им об Отце.

Итак, Иисус сказал им: когда вознесете Сына Человеческого, тогда узнаете, что это Я и что ничего не делаю от Себя, но как научил Меня Отец Мой, так и говорю.

Ин. гл. 8, ст. 26–28

Признание своей жизни не в своей личности, а в том духе Божьем, который живет в каждом человеке, Христос называет вознесением Сына Человеческого.

2

Христос был истинный пророк. Он видел тайну души. Он видел величие человека. Он был верен тому, что в вас и во мне. Он видел Бога воплощенным в человеке. И в состоянии величественного восторга Он сказал: «Я божественен, Бог действует чрез меня, чрез Меня говорит. Хочешь видеть – смотри на себя, когда ты думаешь и чувствуешь так же, как Я теперь думаю и чувствую». И люди услышали эти слова и в следующем поколении сказали: «Это был Иегова, сошедший с неба. И я убью всех тех, кто скажет, что это был человек».

Способы выражения, Его язык, Его притчи заняли место Его истины; церкви основывались не на Его истинах, а на Его сравнениях. И христианство стало мифом так же, как прежние поэтические учения греков, египтян.

Он уважал Моисея и пророков, но не считал нужным удерживать их первобытные откровения и подчинял их вечному откровению сердца. Познав тот повелевающий закон, который живет в сердцах людей, он не подчинил этот закон никакому другому. Он признал этот закон самим Богом.

Эмерсон

3

Я и Бог – одно! – сказал учитель. Но если вы считаете за Бога мое тело, то ошибаетесь. Если принимаете за Бога мое нетелесное существо, особое от других существ, тоже ошибаетесь. Не ошибетесь только тогда, когда поймете в себе истинное мое я, то, которое действительно едино с Богом и одно во всех людях. Для того чтобы познать это я, надо возвысить в себе человека. И когда возвысите, увидите, что между вами и другими людьми нет никакой разницы.

Нам только кажется, что мы отдельные существа, как кажется всякому цветку на яблоне, что он отдельное существо, а все они – только цвет одной яблони и все произошли от одного зародыша.

Федор Страхов

4

Надо жить короткий срок этой жизни по закону вечной жизни.

Торо

5

«Душа человеческая по природе своей христианка».

Христианство воспринимается людьми всегда как что-то забытое, вдруг вспомнившееся. Христианство поднимает человека на такую высоту, с которой ему открывается радостный мир, подчиненный разумному закону. Чувство, испытываемое человеком, узнающим истину христианства, подобно тому, которое испытал бы человек, запертый в темной, душной башне, когда бы он поднялся на высшую, открытую площадку башни, с которой увидел бы невидный прежде прекрасный мир.

Сознание подчинения закону человеческого порабощает, сознание подчинения божескому закону освобождает.

Недельное чтение

Сущность Христианского учения

Всегда, с самых древних времен, люди чувствовали бедственность, непрочность и бессмысленность своего существования и искали спасения от этой бедственности, непрочности и бессмысленности в вере в Бога или богов, которые могли бы избавлять их от различных бед этой жизни и в будущей жизни давали бы им то благо, которого они желали и не могли получить в этой жизни. И потому с древнейших времен среди разных народов были и разные проповедники, которые учили людей о том, каков тот Бог или каковы те боги, которые могут спасать людей, и о том, что нужно делать для того, чтобы угодить этому Богу или богам, для того чтобы получить награду в этой или будущей жизни.

Одни религиозные учения учили тому, что Бог этот есть солнце и олицетворяется в разных животных; другие учили, что боги – это небо и земля; третьи учили тому, что Бог создал мир и избрал из всех народов один любимый народ; четвертые учили, что есть много богов и что они участвуют в делах людей; пятые учили тому, что Бог, приняв образ человека, сошел на землю. И все эти учителя, перемешивая истину с ложью, требовали от людей кроме воздержания от поступков, считавшихся дурными, и исполнения дел, считавшихся добрыми, еще и таинства, и жертвы, и молитвы, которые больше всего другого должны были обеспечивать людям их благо в этом мире и будущем.

Но чем больше жили люди, тем меньше и меньше удовлетворяли эти вероучения требованиям души человеческой.

Люди видели, во-первых, то, что счастье в этом мире, к которому они стремились, не достигается, несмотря на исполнение требований Бога или богов.

Во-вторых, вследствие распространения просвещения доверие к тому, что проповедывали религиозные учителя о Боге, о будущей жизни и о наградах в ней, не совпадая с уяснившимися понятиями о мире, все ослабевало и ослабевало.

Если прежде люди без колебаний и сомнений могли верить тому, что Бог сотворил мир 6000 лет тому назад, что земля есть центр вселенной, что под землей находится ад, что Бог сходил на землю и потом улетел на небо и т. п., то теперь уже этому нельзя верить, потому что люди верно знают, что мир существует не 6000 лет, а сотни тысяч лет, что земля не есть центр мира, а только очень маленькая планета в сравнении с другими небесными телами, и знают, что под землей ничто не может быть, так как земля шар; знают, что улететь на небо нельзя, потому что неба нет, а есть только кажущийся свод небесный.

В-третьих, главное – подрывалось доверие к этим различным учениям тем, что люди, вступая в более близкое общение между собой, узнавали про то, что в каждой стране религиозные учителя проповедуют свое особенное учение, признавая одно свое истинным, и отрицают все другие.

И люди, зная про это, естественно делали вывод о том, что ни одно из этих учений не более истинно, чем другое, и что потому ни одно из них не может быть принято за несомненную и непогрешимую истину.

Недостижимость счастья в этой жизни, все распространяющееся просвещение человечества и общение людей между собой, вследствие которого они узнавали вероучения других народов, делали то, что доверие людей к преподаваемым им вероучениям все ослабевало и ослабевало. А между тем потребность объяснения смысла жизни и разрешения противоречия между стремлением к счастью и жизни, с одной стороны, и все более и более уяснившимся сознанием неизбежности бедствий и смерти – с другой, становилось все настоятельнее и настоятельнее.

Человек желает себе блага, видит в этом смысл своей жизни, и чем больше он живет, тем более видит, что благо это для него невозможно; человек желает жизни, продолжения ее и видит, что и он и все существующее вокруг него обречено на неизбежное уничтожение и исчезновение; человек обладает разумом и ищет разумного объяснения явлений жизни и не находит никакого разумного объяснения ни своей, ни чужой жизни. Если в древности сознание этого противоречия между жизнью человеческою, требующей блага и продолжения ее, и неизбежностью смерти и страданий было доступно только лучшим умам, как Соломону, Будде, Сократу, Лао-Тсе и др., то в позднейшее время это стало истиной, доступной всем, и потому разрешение этого противоречия стало нужнее, чем когда-нибудь.

И вот именно в то время, когда разрешение противоречия стремления к благу и жизни с сознанием невозможности их стало особенно мучительно необходимым для человечества, оно и дано было людям христианским учением в его истинном значении.

Древние вероучения своими уверениями о существовании Бога-творца, промыслителя и искупителя, старались скрыть противоречие жизни человеческой; христианское же учение, напротив, показывает людям это противоречие во всей его силе; показывает им то, что оно должно быть, и из признания противоречия выводит и разрешение его. Противоречие состоит в следующем.

Действительно, с одной стороны, человек есть животное и не может перестать быть животным, пока он живет в теле; с другой стороны, он есть духовное существо, отрицающее все животные требования человека.

Человек в первое время своей жизни живет, не зная о том, что он живет, так что живет не он сам, но через него живет та сила жизни, которая живет во всем, что мы знаем. Человек начинает жить сам только тогда, когда знает, что он живет. Знает же он, что живет, когда знает, что желает блага себе и что другие существа желают того же. Это знание дает ему пробудившийся в нем разум.

Узнав же то, что он живет и желает блага себе и что того же желают другие существа, человек неизбежно узнает и то, что благо, которого он желает для своего отдельного существа, недоступно ему и что вместо того блага, которого он желает, ему предстоят неизбежные страдания и смерть и что то же самое предстоит и всем другим существам. И является противоречие, которому человек ищет разрешения такого, при котором его жизнь, такая, какая она есть, имела бы разумный смысл. Он хочет, чтобы жизнь продолжала бы быть тою, какою она была до пробуждения его разума, т. е. совсем животною, или чтобы она была уже совсем духовною. Человек хочет быть зверем или ангелом, но не может быть ни тем ни другим.

И тут-то является то разрешение этого противоречия, которое дает христианское учение. Оно говорит человеку, что он ни зверь, ни ангел, но ангел, рождающийся от зверя, – духовное существо, рождающееся из животного. Что все наше пребывание в этом мире есть не что иное, как это рождение.

Как только человек пробуждается к разумному сознанию, сознание это говорит ему, что он желает блага; а так разумное сознание его пробудилось в его отдельном существе, – то ему кажется, что его желание блага относится к его отдельному существу. Но это самое разумное сознание, которое показало ему себя отдельным существом, желающим себе блага, показывает ему и то, что отдельное существо это не соответствует тому желанию блага и жизни, которое он ему приписывает; он видит, что отдельное существо это не может иметь ни блага, ни жизни.

«Что же имеет истинную жизнь?» – спрашивает он себя и видит, что истинной жизни не имеет ни он, ни те существа, которые окружают его, а только то, что желает блага. И, познав это, человек перестает признавать собою свое отдельное от других, телесное и смертное существо, а признает собою то, нераздельное от других, духовное и потому не смертное существо, которое открыто ему его разумным сознанием.

В этом состоит рождение в человеке нового духовного существа.

Существо, открываемое человеку его разумным сознанием, есть желание блага, есть то же самое желание блага, которое и прежде составляло цель его жизни, но с той разницей, что желание блага прежнего существа относилось к отдельному, одному телесному существу и не сознавало себя, теперешнее же желание блага сознает себя и потому относится ни к чему-либо отдельному, а ко всему существующему.

В первое время пробуждения разума человеку кажется, что желание блага, которое он сознает собою, относится только к тому телу, в которое оно заключено. Но чем яснее и тверже становится разум, тем яснее становится, что истинное существо, истинное «я» человека, как скоро он сознает себя, есть не его тело, не имеющее истинной жизни, а желание блага само в себе, другими словами – желание блага всему существующему. Желание же блага всему существующему есть то, что дает жизнь всему существующему, то, что мы называем Богом.

Так что существо, которое открывается человеку его сознанием, рождающееся существо, – есть то, что дает жизнь всему существующему, – есть Бог.

По прежним учениям, для познания Бога человек должен был верить тому, что ему другие люди говорили о Боге, о том, как Бог сотворил будто бы мир и людей и потом проявил себя людям; по христианскому же учению, человек непосредственно познает Бога своим сознанием в самом себе. В самом себе сознание показывает человеку, что сущность его жизни есть желание блага всему существующему, есть нечто необъяснимое и не выразимое словами, и вместе с тем самое близкое и понятное человеку.

Начало желания блага появилось в человеке сначала как жизнь его отдельного животного существа; потом – как жизнь тех существ, которые он любил; потом, с тех пор, как пробудилось в нем его разумное сознание, оно проявилось как желание блага всему существующему. Желание же блага всему существующему есть начало всякой жизни, есть любовь, есть Бог, как и сказано в Евангелии, что Бог есть любовь.

Л. Толстой

29 ЯНВАРЯ (Мудрость)

Не думай, чтобы мудрость представляла из себя свойство только особенных людей. Мудрость необходима всем людям и потому свойственна всем людям. Мудрость в том, чтобы знать свое назначение и средства исполнять его.

1

Тремя путями можем мы прийти к мудрости: во-первых, путем размышлений, это – путь самый благородный; во-вторых, путем подражания, это – путь самый легкий, и, в-третьих, путем опыта, это – путь самый тяжелый.
Конфуций

2

Достоинство человека измеряется не той истиной, которой он владеет, а тем трудом, который он приложил для ее приобретения.
Лессинг

3

Жизнь – школа, в которой неудача – лучший учитель, чем удача.
Сулейман Гренадский

4

Хочешь себя изучить – посмотри на людей и дела их.
Хочешь людей изучить – в сердце к себе загляни.
Шиллер

5

Понимать вещи – значит побывать в них и потом выйти из них. Нужно, стало быть, пленение и потом освобождение; очарование и потом разочарование; увлечение и охлаждение. Тот же, который находится еще под очарованием, так же как и тот, который не был очарован, – одинаково не могут понимать. Мы знаем хорошо только то, чему прежде поверили и потом обсудили. Чтобы понимать, надо быть свободным, но прежде этого быть плененным.
Амиель

6

Когда продолжительность жизни человека или народа нам представляется такой же ничтожной, как и жизнь мушкарки, и, наоборот, жизнь мушкарки так же бесконечна, как и жизнь небесного тела со всей его пылью народов, мы чувствуем себя и очень малыми и очень великими, и мы со всей высоты небесных пространств можем рассматривать наше собственное существование и те маленькие вихри, которые волнуют нашу маленькую Европу. Вот что делает мысль свободной.

Амиель

7

Изнутри или сзади светит через нас свет, – мы можем знать, что мы ничто, а что всё этот свет. То, что мы обыкновенно называем человеком – едящее, пьющее, сажающее, считающее существо, – не представляет нам человека в его истинном свете, но, напротив, показывает нам его в ложном. Истинный человек – это та душа, которая живет в нем. Если бы он только проявил ее делами, мы бы преклонялись перед ней.

Мудрая пословица говорит: «Бог приходит к нам без звона». Это значит, что нет перегородки между нами и началом всего, нет стены между человеком – последствием и Богом – причиной.

Эмерсон

8

Душа сама в себе есть и свой судья и свое прибежище. Не оскорбляй твою сознающую душу – высшего внутреннего судью.

Ману

Нет таких положений и нет таких незначительных дел, в которых не могла бы проявиться мудрость.

30 ЯНВАРЯ (Устройство жизни)

Земля не может быть предметом собственности.

1

Когда Сократа спросили, откуда он родом, он сказал, что он гражданин всего мира; он считал себя жителем и гражданином всей вселенной.

Цицерон

2

Если предположить, что вся обитаемая земля может быть собственностью землевладельцев и что они имеют право на ее поверхность, то все неземлевладельцы не имеют на нее права. Так что неземлевладельцы могут существовать на земле только под условием согласия на то землевладельцев. Они получают право на место, занимаемое их ногами, только под условием согласия на то землевладельцев. Так что если бы эти не пожелали дать им места, они должны бы были быть свержены с земного шара.

Герберт Спенсер

3

Собственность на землю, подобно собственности на рабов, по самому существу своему отличается от собственности на предметы, созданные трудом.

Отнимите у человека или у народа деньги, товары, скот, ваш грабеж окончится вместе с вашим уходом. Течение времени, конечно, не сделает вашего преступления делом хорошим, но оно уничтожит его последствия. Оно быстро уходит в даль прошлого вместе с людьми, которые участвовали в нем.

Но отнимите у народа землю, и ваш грабеж будет продолжаться вечно. Он будет новым грабежом для каждого нового ряда сменяющихся поколений, для каждого нового года, для каждого нового дня.

Генри Джордж

4

Мы занимаем остров, на котором живем трудами рук своих. Разбитый в кораблекрушении моряк выброшен на наш берег. В чем его право? Может ли он сказать: я тоже человек, я тоже имею естественное право обрабатывать землю, я могу, на том же основании, как и вы, занимать частицу земли для того, чтобы кормиться своим трудом.

Лавелэ

5

Причина величайших бедствий – это грубое и чудовищное утверждение о том, что земля может быть чьей-нибудь частной собственностью. Это так же несправедливо и жестоко, как и рабство.

Ньюмэн

6

Если есть человек, не имеющий право на землю, то незаконно право на землю – мое, ваше, всякого человека.

Эмерсон

7

Земля – общая наша мать, она кормит нас, дает нам приют, радует и любовно обогревает нас; с минуты рождения и пока мы не успокоимся вечным сном на ее материнской груди; она постоянно своими нежными объятиями лелеет нас.

И вот, несмотря на это, люди толкуют о ее продаже, и, действительно, в наш продажный век земля представляется на рынок для оценки и для так называемой продажи. Но продажа земли, созданной небесным творцом, является дикой нелепостью. Земля может принадлежать только всемогущему Богу и всем сынам человеческим, работающим на ней, или тем, что будут на ней работать. Она представляет собственность не одного какого-либо поколения, но всех прошлых, настоящих и будущих поколений, работающих на ней.

Карлейль

Никто не может иметь права собственности на землю.

31 ЯНВАРЯ (Лжеучение)

Высшая степень дерзости – это установление одними людьми такого религиозного закона, который не подлежит обсуждению других и должен быть принят другими людьми на веру.

Для чего это может быть нужно людям?

1

Если что правда, то давайте верить в это все: бедные, богатые, мужчины, женщины и дети. Если же это неправда, то не будем верить никто: ни богатые, ни бедные, ни толпы людей, ни женщины, ни дети. Истину надо провозглашать с крыш.

Постоянно нашептывают, что опасно открывать некоторые вещи народу. Говорят: мы знаем, что это неправда, но это так полезно для народа, можно сделать много зла, поколебав его веру.

Но кривые пути остаются кривыми, хотя бы они были предназначены для обмана больших масс народа, а не отдельных личностей. И поэтому мы признаем только одно побуждение: следование истине, которую знаем, куда бы она ни привела нас.

Клиффорд

2

Невежественность и суеверность народа в значительной степени обусловливается тем, что всегда находились и теперь находятся такие жестокие люди, которые, просветившись сами, употребляют свой свет не на то, на что они должны бы употреблять его, – на помощь выбивающемуся из мрака невежества народу, – а только на то, чтобы закреплять его в нем.

3

Странное дело! Во все времена негодяи старались маскировать свои гнусные поступки преданностью интересам религии, нравственности и любви к отечеству.

Гейне

4

Остерегайтесь книжников, которые любят ходить в длинных одеждах и любят приветствия в народных собраниях, председания в синагогах и предвозлежания на пиршествах, которые поедают дома вдов и лицемерно долго молятся; они примут тем большее осуждение.

Лк. гл. 20, ст. 46—47

5

А вы не называйтесь учителями, ибо один у вас Учитель – Христос, все же вы – братья; и отцом себе не называйте никого на земле, ибо один у вас Отец, Который на небесах; и не называйтесь наставниками, ибо один у вас Наставник – Христос.

Мф. гл. 23, ст. 8—10

6

Все учение Христа в том, чтобы исполнять Его заповеди. Войдут в Царство Небесное не те, кто говорит: «Господи! Господи!», а те, кто исполняет волю Отца.

Христос учил людей тому, что между Богом и человеком не нужно посредников. Он учил тому, что все люди – сыны Бога. Какие же могут быть нужны посредники между отцом и сыном?

ФЕВРАЛЬ

1 ФЕВРАЛЯ (Дух)

Никакие рассуждения не могут свести духовное к вещественному и объяснить происхождение духовного от вещественного.

1

Человек считает собою и свое тело, и свою душу. Но заботится человек всегда, особенно в молодости, только о теле. А между тем главное в каждом человеке – не тело, а душа. И поэтому заботиться должно больше всего не о теле, а о душе. Привыкни к этому, вспоминай чаще, что жизнь твоя в духе, соблюдай его от всякой житейской грязи, не давай плоти подавлять его, подчини тело духу, и тогда ты исполнишь свое назначение и проживешь жизнь радостно.

По Марку Аврелию

2

Все дело в том: верить или не верить в действительность духа. Люди разделяются в духовном отношении на живых и мертвых, т. е. на верующих и неверующих.

Неверующий говорит: «Какой там дух... А вот что съел, наслаждался, то и мое!» И он, много не думая, заботится только о внешнем, делая свои плотские и злые дела, лжет, величается, рабствует и не чувствует в себе потребностей высших: свободы, правды, любви. Такой человек хоронится от света разума, потому что мертв и потому что свет только живому дает жизнь, а мертвое сушит и гноит.

Вера в действительность духовной жизни дает другое направление мыслям человека.

Верующий в духовную жизнь обращает внимание свое вовнутрь, старается разобраться в своих чувствах, в своих мыслях, старается направить свою жизнь сообразно с высшими требованиями: сделать ее свободной, правдивой, любовной; старается своими поступками слагать жизнь свою из таких мыслей и чувств, которые наиболее соответствуют целям добра. Такой человек ищет истину и тянется к свету, потому что жизнь духа невозможна без света разума, как жизнь мира видимого невозможна без света солнца.

Среди людей нет ни совершенных жителей тьмы, ни совершенных жителей света, а все на распутье, и каждый, имея в себе власть идти, идет туда или сюда. И всякий, верующий в действительность духа, живущий под светом разума, пребывает в царстве Бога и имеет жизнь вечную.

Бука

3

Пускай ученые, философы придумывают свои предопределения, свои необходимые движения, пусть думают, что мир создавался из ряда случайностей. Я вижу в мире то единство замысла, которое, несмотря на их утверждение, заставляет меня признавать Единое Начало. Все равно, как если бы они мне сказали, что Илиада составила из случайно брошенного типографского шрифта. Я бы не колеблясь сказал им на это: это неправда, хотя у меня нет никакой другой причины не верить в это, кроме той, что *не могу верить в это*.

«Все это суеверие», – говорят ученые. Может быть, и суеверие, отвечаю я, однако что может сделать ваш столь неясный рассудок против суеверия, которое убедительнее его?

Вы говорите: «Нет двух начал, духовного и телесного». Я говорю, что нет ничего общего между моей мыслью и деревом.

И что забавнее всего, это то, что они сами себя взаимно разбивают своими софизмами и готовы присвоить душу скорее камням, чем признать ее в человеке.

Руссо

4

Я не знаю, может ли собака выбирать, помнить, любить, бояться, воображать, думать; так что, когда мне говорят, что все это в ней не страсти, не чувства, но естественное и необходимое действие устройства ее организма, который составлен из различных сочетаний частей вещества, то я могу согласиться с таким мнением. Но я мыслю, и я знаю, что я мыслю. Что же может быть общего между тем, что думает, и тем или другим сочетанием частей вещества, т. е. пространства, поддающегося делению во всех своих направлениях и измерениях, – в длину, ширину и глубину?

Ламбрюйер

5

Если все только вещество и если мысли во мне, как и во всех людях, есть только следствие сочетаний частиц вещества, то кто же зародил в мире мысль о каких-либо других существах, кроме телесных? Как может быть вещество причиной того, что его отрицает и исключает из своего существования? Как может оно быть в человеке тем, что мыслит, то есть тем, что и служит убеждением человеку, что он не вещество?

Ламбрюйер

6

Метафизика существует в действительности, если и не как наука, то как природная склонность, потому что человеческий разум, подвигаясь неудержимо вперед, побуждаемый к тому не одним только тщеславным желанием многознания, а и собственной потребностью, доходит до таких вопросов, на которые не может дать ответа никакая опытная деятельность разума и выведенные из нее основы. Таким образом, действительно у всех людей, у которых разум расширился до умозрения, всегда была какая-нибудь метафизика; и она всегда будет у них.

Кант

Различие духовного от вещественного одинаково ясно самому простому, детскому уму и самому глубокому уму мудреца. Бесполезны рассуждения и споры о духовном и вещественном. Рассуждения эти ничего не объясняют, а только затемняют то, что ясно и бесспорно.

2 ФЕВРАЛЯ (Смерть)

Жизнь с забвением смерти и жизнь с сознанием ежечасного приближения к смерти – два совершенно различных состояния.

1

Чем больше перенесена жизнь из области телесной в область духовную, тем менее страшна смерть. Для человека, живущего вполне духовной жизнью, страха этого не может быть.

2

Когда ты твердо убежден и помнишь, что с часу на час тебе предстоит сбросить свою внешнюю оболочку, свое тело, т. е. умереть, тебе легче соблюдать справедливость и поступать по правде, легче покоряться судьбе своей. Думай только о том, как бы не отступить от правды в каждом предстоящем тебе сегодня деле и как бы покорно нести то, что сейчас предстоит тебе. Живи так – и ты не только встретишь невозмутимо всякие людские толки, пересуды, покушения, – ты даже не станешь думать о них, но все бедствия, которые могут постигнуть тебя, покажутся тебе не важными, потому что, живя так, все желания твои сольются в одно – исполнять волю Бога. А это ты всегда можешь сделать.

По Марку Аврелию

3

Думай чаще о смерти и живи так, как будто ты знаешь, что должен скоро умереть.

Как бы ты ни сомневался в том, как поступить, представь себе, что ты умрешь к вечеру, и сомнение тотчас же разрешается, тотчас же ясно, что дело долго и что личные желания.

4

Мысль о близости смерти распределяет все наши поступки по степени их истинной важности для нашей жизни. Приговоренный к немедленной казни не станет заботиться об увеличении, сохранении своего состояния, ни об установлении о себе доброй славы, ни о торжестве своего народа перед другими, ни об открытии новой планеты и т. п., но за минуту перед смертью постарается утешить огорченного, поднимет упавшего старика, перевяжет рану, починит игрушку ребенку...

5

Я люблю свой сад, люблю читать книжку, люблю ласкать детей. Умирая, я лишаюсь этого, и потому мне не хочется умирать, и я боюсь смерти.

Может случиться, что вся моя жизнь составлена из таких временных, мирских желаний и их удовлетворения. Если так, то мне нельзя не бояться того, что прекращает эти желания. Но если эти желания и их удовлетворение изменились во мне и заменились другим желанием

– исполнять волю Бога, отдаться ему в том виде, в котором я теперь, и во всех возможных видах, в которых буду, то чем больше заменилась моя воля волей Бога, тем меньше не только страшна мне смерть, но тем меньше существует для меня смерть. А если совсем заменяются мои желания блага своей личности желанием исполнения воли Бога, то и не будет для меня ничего, кроме жизни.

Заменять мирское, временное вечным – это путь жизни, и по нем-то надо идти. А как? Это в своей душе знает каждый из нас.

Вспоминать о смерти значит жить без мысли о ней. О смерти нужно не вспоминать, а спокойно, радостно жить с сознанием ее постоянного приближения.

3 ФЕВРАЛЯ (Доброта)

Доброта для души – то же, что здоровье для тела: она незаметна, когда владеешь ею.

1

Люди истинно добродетельные не считают себя добродетельными, поэтому они добродетельны. Люди не истинно добродетельные никогда не забывают о своей добродетели и потому не бывают добродетельными. Настоящая добродетель не утверждает сама себя и не выказывается. Ненастоящая добродетель утверждает сама себя и выказывается.

Истинное добродушие не знает само себя и не старается выказаться. Неистинное добродушие утверждает само себя и старается выказаться. Истинная справедливость проявляется, когда это нужно, но не старается выказаться. Неистинная справедливость всегда проявляет себя и старается выказаться.

Истинное приличие проявляется, когда нужно, и не старается выказаться. Неистинное приличие проявляется всегда и, когда никто не отвечает на него, силою заставляет исполнять свои правила.

Когда потеряна истинная добродетель, является добродушие, когда потеряно добродушие, является справедливость, когда же потеряна справедливость, является приличие.

Правила приличия – это только подобия правды и начало всякого беспорядка.

Лао-Тсе

2

Человек истинной добродетели старается идти прямым путем до конца. Сделать половину дороги и потом ослабеть – это то, чего надо бояться.

Китайская мудрость

3

Добродетель в человеке должна иметь свойство драгоценного камня, который неизменно сохраняет свою природную красоту, что бы с ним ни приключилось.

Марк Аврелий

4

Делай добро тайно и жалея, когда про него узнают, и ты научишься радости творить добро. Сознание доброй жизни, без одобрения за нее людей, есть лучшая награда доброй жизни.

5

*Человек увеличивает свое счастье в той мере, в какой он доставляет
его другим.
Бентам*

6

*Воля Бога в том, чтобы мы жили счастьем и жизнью друг друга.
Джон Рёскин*

7

Как благо растения – в свете, и потому, как ничем не закрытое растение не может спрашивать и не спрашивает, в какую сторону ему расти и хорош ли свет, не подождать ли ему другого, лучшего, а берет тот единственный свет, который есть в мире, и тянется к нему, – так и отрекшийся от блага личности человек не рассуждает о том, как ему любить: тех ли, кого он любит сейчас, или нет ли какой еще лучшей любви, чем та, которая возможна сейчас, а отдает себя той любви, которая доступна ему и есть перед ним.

8

Нет иной любви, как такой, которая отдает душу свою за други своя. Любовь – только тогда любовь, когда она есть жертва собой. Только когда человек забывает себя и живет жизнью того, кого любит, – только такая любовь есть истинная, и только в такой любви мы находим благо, награду любви. И только тем, что есть такая любовь в людях, только тем и стоит мир.

Ничто так не украшает жизнь и других людей, как установившаяся привычка быть добрым.

4 ФЕВРАЛЯ (Разум)

Свободен человек только тогда, когда он в истине. Истина же открывается разумом.

1

Вспомни, что отличительное свойство разумного существа есть свободное подчинение своей судьбе, а не постыдная борьба с нею, свойственная животным.

Марк Аврелий

2

Если бы человек не знал, что глаза могут видеть, и никогда не раскрывал бы их, он был бы очень жалок. Так же и еще более жалок человек, если он не понимает того, что ему дан разум для того, чтобы спокойно переносить всякие беды. Если человек живет разумно, то ему легко переносить всякие беды, потому что разум скажет ему, что всякие беды проходят и часто превращаются в добро. А между тем люди, вместо того чтобы смотреть прямо в глаза беде, стараются увернуться от нее. Не лучше ли радоваться тому, что Бог дал нам власть не огорчаться тем, что с нами случается помимо нашей воли, и благодарить Бога за то, что Он подчинил нашу душу только тому, что в нашей власти, – нашему разуму. Он ведь не подчинил нашей души ни родителям нашим, ни братьям, ни богатству, ни телу нашему, ни смерти. Он подчинил ее одному тому, что от нас зависит, – нашему разуму.

По Эпиктету

3

Разбросайте на улице орехи и пряники – сейчас же прибегут дети, станут подбирать их, подерутся между собою. Взрослые же не станут драться из-за этого. А пустые скорлупки и дети не станут подбирать.

Для разумного человека богатство, почести, слава – или детские сласти, или пустые скорлупки. Пусть дети подбирают их, пусть дерутся из-за них, пусть целуют руки богачей и правителей и их прислужников: для разумного человека все это – скорлупки. Если случайно попадет в руки разумного человека какой-нибудь орех, почему же и не съесть его. Но нагибаться для того, чтобы его поднять, бороться из-за него, валить кого-нибудь с ног или самому валиться – не стоит из-за таких пустяков.

Эпиктет

Мы не свободны и подчинены и своим страстям, и другим людям в той степени, в какой отступаем от требований разума. Истинное освобождение совершается только разумом.

Недельное чтение

Разум

I

Как во всех вещах этого мира каждое новое средство, новое преимущество и каждое новое превосходство тотчас же вносит с собой и свои невыгоды, так и разум, давая человеку такое великое преимущество перед животными, приносит с собой свои невыгоды и открывает такие пути соблазна, на которые никогда не может попасть животное. Через них приобретают власть над его волей нового рода побуждения, которым животное недоступно, именно *отвлеченные* побуждения, – просто мысли, которые далеко не всегда извлечены из собственного опыта, а часто порождаются словами и примерами других, внушением и литературой. С возможностью *разумения* тотчас же открывается человеку и возможность *заблуждения*. А каждое заблуждение, рано или поздно, приносит вред, и тем больший, чем оно было больше. За личное заблуждение когда-нибудь придется заплатить, и нередко дорогой ценой; то же, в крупном масштабе, и с заблуждениями целых народов. Поэтому нельзя достаточно напоминать, что надо преследовать и искоренять, как врага человеческого, всякое заблуждение, где бы оно ни встретилось, и что не может быть безвредных и тем более полезных заблуждений. Мыслящий человек должен вступить с ними в борьбу, должен, даже если бы человечество громко вопило при этом, как больной, которому доктор вскрывает нарыв.

Для массы место настоящего образования заступает своего рода дрессировка. Производится она примером, привычкой и вбиванием накрепко с раннего детства известных понятий, прежде чем накопится настолько опыта рассудка и силы суждения, чтобы бороться против этого. Так-то и прививаются мысли, которые потом сидят так крепко и остаются столь непобедимыми для какого бы то ни было поучения, как если бы они были *врожденными*; да их часто и считают таковыми даже философы. Таким путем можно с одинаковым успехом привить людям и справедливое, и разумное, и самое нелепое – приучить их, например, приближаться к тому или иному идолу не иначе, как проникшись священным трепетом, и при произнесении его имени повергаться в прах не только телом, но и всей своей душой; класть добровольно свою жизнь и имущество за слова, за имена, на защиту самых причудливых пустяков; считать за величайшую честь или за величайший позор, по произволу, то или это и, сообразно с этим, уважать или презирать человека от глубины души; воздерживаться от всякой мясной пищи, как в Индостане, или есть еще теплые и трепещущие куски, вырезанные у живого животного, как в Абиссинии; пожирать людей, как в Новой Зеландии, или отдавать своих детей в жертву Молоху; оскотничать самих себя, добровольно бросаться в костер, на котором сжигают покойника, – словом, можно их приучить *к чему угодно*. Отсюда крестовые походы, распутства изуверных сект, отсюда хилиасты и хлысты, преследования еретиков, аутода-фе (костры инквизиции) и все то, что можно найти в длинном свитке человеческих заблуждений.

Трагизм заблуждений и предрассудков – в практической их стороне, комизм – в теоретической: нет нелепости, которая, если она внушена сначала хотя троим, не могла бы стать всенародным убеждением.

Таковы невыгодные стороны, которые связаны с присутствием в нас разума.

Шопенгауэр

II

Заблуждения и несогласия людей в деле искания и признания истины происходят не от чего иного, как от их недоверия к разуму; вследствие этого жизнь человеческая, руководимая обычаями, преданиями, модами, суевериями, предрассудками, насилием и всем, чем угодно, кроме разума, течет сама по себе, а разум существует сам по себе. Часто бывает и то, что если орган разума – мышление – и применяется к чему-нибудь, то не к делу искания и распространения истины, а к тому, чтобы во что бы то ни стало оправдать и поддержать обычаи, предания, моды, суеверия, предрассудки.

Заблуждения и несогласия людей в деле признания единой истины – не оттого, что разум у людей не один или не может доказать им единую истину, а оттого, что они не верят в него.

Если бы они поверили в свой разум, то нашли бы способ сверять показания разума в себе с показаниями его же в других. А нашедши этот способ взаимной проверки, убедились бы, что разум один, несмотря на то что, вследствие различных степеней силы органа разума – мышления, он показывает разное.

С разумом то же, что и с зрением. Как орган зрения – глаза открывают людям различные по величине радиусов физические горизонты не вследствие отсутствия единства законов зрения, а благодаря различию степеней дальновзоркости или точек зрения (в прямом смысле), так и орган разума – мышление – открывает людям различные умственные и нравственные горизонты не вследствие отсутствия единства законов мышления, а вследствие различия или степеней умственной дальновзоркости или точек зрения (в переносном смысле).

И как в деле обозрения горизонта, односторонность отдельных частных точек зрения исправляется объединением их в одну общую, например, высочайшую точку зрения (в прямом смысле этого слова), а различие в степенях дальновзоркости уравнивается оптическими приборами: очками, биноклями, телескопами, так и в деле изучения нравственного и духовного горизонтов та же односторонность единичных точек зрения исправляется подобным же объединением их в одну общую, высшую точку зрения; различие же в степенях умственной дальновзоркости уравнивается при помощи просвещения, причем лучшим органом такого уравнивания является слово, исходящее из уст мудрейших людей.

Мудрец *помогает самостоятельному рождению в людях их собственных идей и чувств*, вложенных в них от вечности. Его роль вполне уподобляется роли зрительной трубы, которая не дарует зрения слепому, а лишь усиливает зрение хотя бы самых плохих глаз. Сократ уподоблял мудреца повивальной бабке, которая не дарует женщине ребенка, а лишь помогает ей произвести на свет своего собственного.

Но не в одном различии точек зрения и степеней разумения лежит причина разногласия людей в деле признания единой истины. Причина такого разногласия кроется еще в самолюбии людей, благодаря которому очень часто человек, уже признавший внутренне разумность доводов своего собеседника, все-таки продолжает отстаивать уже раз высказанное им мнение.

Федор Страхов

5 ФЕВРАЛЯ (Сила мысли)

Все, что совершается в жизни отдельного человека и человеческих обществ, имело свое начало и мысли. И потому объяснение всего того, что случается с людьми, – не в предшествующих событиях, а в предшествовавших событиям мыслях.

1

Едва ли не важнее знать то, о чем не надо думать, чем то, о чем надо думать.

2

Наша жизнь – следствие наших мыслей, она исходит из наших мыслей. Если человек говорит или действует со злою мыслью – страдание неотступно следует за ним, как колесо за ногами вола, влекущего повозку.

Наша жизнь – следствие наших мыслей, она рождается в нашем сердце, она творится нашею мыслью. Если человек говорит или действует с доброю мыслью – радость следует за ним как тень, никогда не покидающая.

Буддийская мудрость⁹

3

Человек не изменится оттого, что выбелится его обиталище. Благо народа не увеличится оттого, что ему дадут возможность больших удовольствий и материальных удобств. Душа творит свое тело. Только мысль устраивает достойное для себя жилище.

Мадзини

4

Наши привычные мысли придают в нашем уме свойственную им окраску всему, с чем мы приходим в соприкосновение. Ложны эти мысли – и они извратят наиболее возвышенные истины. Атмосфера, создаваемая вокруг нас нашими привычными мыслями, представляет из себя для каждого из нас нечто более твердое, чем дом, в котором мы живем. Она является чем-то вроде раковины улитки, которую она всюду носит с собой.

Люси Малори

⁹ Дхаммапада

5

Наша мысль, хорошая или дурная, отправляет нас в рай или в ад, не на небе и не под землей, а здесь, в этой жизни.

Люси Малори

6

Мысль кажется свободною, но в человеке есть нечто могущественнее ее, могущее управлять ею.

Для того чтобы изменить установившийся ход жизни в себе или в людях, надо бороться не с событиями, а с теми мыслями, которые произвели и производят их.

6 ФЕВРАЛЯ (Страсти)

Самые захватывающие нас желания – это желания похотливые, такие желания, которые никогда не удовлетворяются, и чем больше удовлетворяются, тем больше разрастаются.

1

Посмотрите на то, как хочет жить раб. Прежде всего он хочет, чтобы его отпустили на волю. Он думает, что без этого он не может быть ни свободным, ни счастливым. Он говорит так: если бы меня отпустили на волю, я сейчас же был бы вполне счастлив: я не был бы принужден угождать и прислуживаться моему хозяину, я мог бы говорить с кем угодно как с равным себе, я мог бы идти куда хочу, не спрашиваясь ни у кого.

А как только отпустят его на волю, он сейчас же разыскивает, к кому бы подольститься, чтобы пообедать, потому что хозяин больше не кормит его. Для этого он готов идти на всякие мерзости и попадает опять в рабство, более тяжелое, чем прежде.

Когда ему приходится особенно трудно, он вспоминает о прежнем своем рабстве и говорит:

– А ведь мне недурно было у моего хозяина! Не я о себе заботился, а меня одевали, обували, кормили и, когда я болен бывал, заботились обо мне. Да и служба была нетрудная. А теперь сколько бед! Был у меня один хозяин, а теперь сколько их стало у меня! Скольким людям должен я угождать, чтобы разбогатеть!

Для того чтобы разбогатеть, он терпит всякие невзгоды, а когда получит то, чего хотел, то опять оказывается, что он оплел себя разными неприятными заботами.

И все-таки он не берется за разум. Он думает: вот если бы я стал великим полководцем, все мои несчастья кончились бы: как бы восхваляли меня! И он отправляется в поход. Он терпит всякие лишения, страдает, как каторжный, и все-таки просится в поход во второй и в третий раз. И жизнь его все ухудшается и ухудшается.

Если он хочет избавиться от всех своих бед и несчастий, пусть он опомнится. Пусть он узнает, в чем истинное благо жизни. Истинное благо в том, чтобы на каждом шагу своей жизни поступать согласно законам правды и добра, начертанным в душе каждого человека. Только поступая так, получит человек и истинную свободу, и то благо, которого желает всякое сердце человеческое.

По Эпиктету

2

Кто охвачен низменной жадой телесных наслаждений – этой жадой, полной отравы, вокруг того обовьются страдания подобно выходящей повилке.

Кто же побеждает эту жажду, от того отпадают все страдания, как с листка лотоса скатываются дождевые капли.

Буддийская мудрость¹⁰

¹⁰ Дхаммапада

3

Желают, волнуются, страдают из-за дурного. Истинно хорошее получается часто не только независимо от наших желаний, но противно им и часто только после волнений и страданий из-за дурного.

4

Часто люди гордятся более силою своих желаний, чем силою власти над своими желаниями. Какое странное заблуждение!

Вспомни, как страстно желал ты в прошедшем многого, что теперь вызывает в тебе если не отвращение, то пренебрежение. То же будет и с теми желаниями, которые теперь волнуют тебя.

Вспомни, как много ты потерял, стараясь удовлетворить твои прежние желания. То же будет и теперь. Смирись, утишай их, это всегда самое выгодное и вместе с тем всегда возможное.

7 ФЕВРАЛЯ (Самосовершенствование)

Самосовершенствование есть и внутренняя работа, и внешняя. Человек не может совершенствоваться без общения с людьми и без воздействия их на него и своего на них.

1

Три соблазна мучают людей: похоти тела, гордость и любовь к богатству. От этого – бедствия людей. Без похотей, гордости и корыстолюбия все люди жили бы счастливо. Как же избавиться от этих ужасных болезней? Избавиться от них трудно, главное, оттого, что зародыш их в самой природе нашей.

Для избавления себя от них есть только одно средство: работа каждого над самим собою. Часто думают, что помочь могут законы и правительства, но этого не может быть, потому что пишут законы и правят людьми такие же люди, страдающие от тех же соблазнов похоти, гордости и корыстолюбия. И потому на законы и правителей нельзя надеяться. И потому одно, что могут сделать люди для своего блага, это уничтожение в себе и похоти, и гордости, и корыстолюбия. Никакое улучшение невозможно, пока каждый не начнет это улучшение с самого себя.

По Ламенэ

2

Чтобы научиться терпению, нужно практиковаться столько же, как при изучении музыки, а мы между тем, как только учитель приходит, как только выпадает случай поучиться терпению, убегаем от урока.

Джон Рёскин

3

«Будьте совершенны, как совершенен Отец ваш Небесный», – сказано в Евангелии. Это не значит то, что Христос велит человеку быть таким же, как Бог, а значит то, что всякий человек должен стараться приближаться к Божественному совершенству.

4

Совершенство без всякой примеси – это Бог; приближение к Богу – это жизнь человека. Тот, кто постоянно стремится к своему совершенствованию, тот разумен и может отличить добро от зла. А когда человек знает, что добро – добро, а зло – зло, то он прилепляется к добру и удаляется от зла.

Конфуций

5

Как бы я ни был малообразован, я могу идти по пути разума. Одно, чего мне нужно бояться, это – самомнения. Высший разум очень прост, но люди не понимают его, потому что думают, что понимают то, чего не понимают.

По Лао-Тсе

6

Странно! Человек возмущается злом, исходящим извне, от других, – тем, чего устранить он не может, а не борется со своим собственным злом, хотя это всегда в его власти.

Марк Аврелий

7

Если бы то время и те силы, которые расходуются теперь на нападки на богатых и на попытки придумать средства к изменению существующего устройства жизни и к установлению справедливого раздела богатств, расходовались бы на дело самоусовершенствования, то быстро наступила бы та перемена к лучшему в нашей государственной, общественной и нравственной жизни, которой мы так желаем. Научись человечество правильно мыслить – и наш мир сделался бы настолько же счастливым, насколько теперь он несчастен. Но народ не хочет знать той истины, которая освобождает, потому что она противна тем государственным и религиозным заблуждениям, с которыми он свыкся.

Люси Малори

Нет ничего вреднее для себя и других – деятельности, исключительно направленной на улучшение своей животной жизни, и нет ничего благотворнее для себя и других – деятельности, направленной на улучшение своей души.

8 ФЕВРАЛЯ (Слово)

Отчего люди так любят осуждать друг друга? Оттого, что всякий человек, осуждая другого, думает, что он не сделал бы того, за что осуждает ближнего. От этого же люди и любят слушать осуждение ближних.

1

Осуждение не только несправедливое, но и справедливое вредит сразу трем: тому, о ком говорят дурно, тому, кому говорят дурное, но более всего тому, кто осуждает. «Скрой чужой грех, Бог два простит», – говорит пословица. И это правда.

2

Злословие так нравится людям, что очень трудно удержаться от того, чтобы не сделать приятное своим собеседникам: не осудить человека.

3

Когда два человека ссорятся – всегда оба виноваты. И потому прекратиться может ссора только тогда, когда один из двух признает свою вину.

4

Не судите, да не судимы будете; ибо каким судом судите, таким будете судимы; и какою мерою мерите, такую и вам будут мерить. И что ты смотришь на сучок в глазе брата твоего, а бревна в твоем глазе не чувствуешь? Или как скажешь брату твоему: дай я выну сучок из глаза твоего; а вот в твоем глазе бревно? Лицемер! вынь прежде бревно из твоего глаза, и тогда увидишь, как вынуть сучок из глаза брата твоего.

Мф. гл. 7, ст. 1—5

5

Постоянно наблюдай за собою и, прежде чем осудить другого, подумай о собственном исправлении.

Из «Благочестивых мыслей»

6

Много вреда можно нанести неосторожной похвалой и осуждением, но главный вред наносится осуждением.

Джон Рёскин

Перестань осуждать людей – и ты почувствуешь то, что чувствует пьяница, когда бросит пить, или курильщик курить: почувствуешь, что легче на душе стало.

9 ФЕВРАЛЯ (Война)

Вещественное зло, производимое войной, как оно ни огромно, ничтожно в сравнении с тем злом извращения понятий о добре и зле, которое она вносит в души простых, малодумающих людей рабочего народа.

1

Страсти, возбуждаемые войной, международная ненависть, благоговение перед военной славой, жажда победы или мщения заглушают народную совесть, превращают взаимное расположение людей друг к другу в низменное, безрассудное себялюбие, называемое патриотизм, убивают любовь к свободе, доводят людей до подчинения угнетателям из-за дикого пожелания перерезать горло другим людям или из боязни, чтобы другие люди не перерезали горло им. Страсти, возбуждаемые войной, так извращают религиозное чувство людей, что признанные учителя христианства благословляют, от имени Христа, принадлежности убийства и грабежа и возносят благодарения Богу мира за победы, при которых земля покрывается горами искалеченных трупов и печаль наполняет сердца неповинных людей.

Генри Джордж

2

Ребенок, встречая ребенка улыбкой, выражает доброжелательную радость, также и всякий неразвращенный человек. А между тем человек одного народа, не видя даже иноплеменика, уж ненавидит его и готов наносить ему страдания и смерть. Какие же великие преступления те, кто вызывает в людях эти чувства и поступки!

3

Самое прекрасное оружие есть неблагословенное оружие. И потому разумный человек не полагается на него. Он больше всего дорожит миром и спокойствием. Он побеждает, но не оружием.

Лао-Тсе

4

«Разделяй и царствуй» – в этом главная хитрость всех угнетателей. Только возбуждая племенную вражду, международную ненависть и местные предрассудки, только восстанавливая одни народы против других, могут устраиваться и поддерживаться аристократия и самовластие. Поэтому, кто хочет освободить людей, должен поднять их выше ненавистнических чувств, иначе он не достигнет цели.

Генри Джордж

Война есть такое состояние людей, в котором получают власть и славу самые низкие и порочные люди.

10 ФЕВРАЛЯ (Смирение)

Чем выше в своем собственном мнении поднимается человек, тем положение его ненадежнее; чем ниже он опускается, тем тверже его положение.

1

Чтобы быть сильным, надо быть как вода. Нет препятствий – она течет; плотина – она остановится; прорвется плотина – она снова потечет; в четырехугольном сосуде она четырехугольна; в круглом – она кругла. Оттого, что она так уступчива, она нужнее всего и сильнее всего.

По Лао-Тсе

2

Смирение состоит в том, чтобы признавать себя грешником и не вменять себе в достоинство свои добрые дела.

3

Чем больше человек углубляется в себя, тем ничтожнее он представляется себе. В этом первый урок мудрости. Будем же смиренными, чтобы быть мудрыми. Будем знать свою слабость, и это даст нам силу.

Чаннинг

4

Как вода не держится на вершинах, а сливает в низкие места, так и добродетель не удерживается людьми, возвышающими себя, а удерживается только в людях смиренных.

По Талмуду

5

Мудрый человек огорчается своим бессилием сделать то добро, которого он желает, но не огорчается тем, что люди не знают его или ложно судят о нем.

Китайская мудрость

6

Несмотря на общее большинству людей малое внимание к своим недостаткам, нет человека, который не знал бы о самом себе чего-либо более дурного, чем то, что он знает о ближнем.

Вольслей

7

Первая отличительная черта доброго и мудрого человека заключается в сознании, что он знает очень мало, что есть много людей гораздо умнее его, причем он всегда желает узнать, научиться, а не учить.

Желающие же поучать или управлять не могут хорошо ни учить, ни управлять.

Джон Рёскин

8

Тот, кто лучше всего знает сам себя, тот менее всего себя и уважает.

Старайтесь узнать свои силы. Узнавая же их, не бойтесь умалить, а бойтесь преувеличить их.

11 ФЕВРАЛЯ (Закон)

Жизнь человеческая хороша только в той мере, в какой она есть исполнение закона жизни, закона Бога.

1

Зло, в виде смерти и страданий, видно человеку только тогда, когда он закон своего плотского, животного существования принимает за закон своей жизни. Только когда он, будучи человеком, спускается на степень животного, только тогда для него становятся страшны и смерть и страдания. Смерть и страдания, как пугала, со всех сторон ухают на него и загоняют на одну открытую ему дорогу человеческой жизни: исполнения закона Бога, выражающегося в любви. Смерть и страдания суть только преступления человеком этого закона. Для человека же, вполне живущего по закону Бога, нет смерти, нет страдания.

2

Что делать, когда все нас оставляет: здоровье, радость, привязанность, свежесть чувства, память, способность к труду, когда нам кажется, что солнце холодеет, а жизнь как будто теряет все свои прелести? Как быть, когда нет никакой надежды? Одурманиваться или каменеть? Ответ всегда один: слияние своей воли с волей Бога. Будь что будет, если чувствуешь спокойствие совести, если чувствуешь себя примиренным и на своем месте. Будь тем, чем ты должен быть, – остальное дело Божье. И если бы даже не было Бога любви, а был бы только закон всего, долг был бы все-таки разгадкой тайны.

Амиель

3

Исполнение долга не имеет ничего общего с личным наслаждением. У долга свой особый закон, свой особый суд, и если бы ты захотел смешать долг и личное наслаждение, чтобы жить этой смесью, то долг и наслаждение сейчас же сами собою отделились бы друг от друга.

По Канту

Закон Бога мы знаем и из преданий всех религий, и из своего сознания, когда оно не затемнено страстями и обманами мысли, и можем узнать из приложения этого закона к жизни: все те требования закона, которые дают нам неотъемлемое благо, все это требования истинного закона.

Недельное чтение

Будда

Две тысячи четыреста лет тому назад жил в Индии царь Судходана. У него было две жены, две родные сестры, но детей ни от одной, ни от другой не было. Царь очень огорчился этим, и вдруг, когда он уже перестал надеяться, старшая жена его, Майя, родила сына.

Царь не мог нарадоваться на сына и ничего не жалел для него, чтобы радовать, веселить и обучать сына всяким наукам. Сидхарта – так называли сына – был мальчик и умный, и красивый, и добрый. Когда Сидхарте минуло 19 лет, отец женил его на его двоюродной сестре и поселил молодых в великолепном дворце, среди прекрасных садов и рощ. Во дворце и садах молодого Сидхарты было все то, чего только может желать человек.

Желая видеть своего любимого сына всегда счастливым и веселым, царь Судходана строго приказал приближенным и слугам Сидхарты не только ничем не огорчать его, но и скрывать от него все то, что могло бы опечалить молодого наследника или навести его на грустные мысли.

Сидхарта не выезжал из своих владений, а в своих владениях он не видал ничего испорченного, нечистого, стареющего. Слуги старались убирать все то, что могло быть неприятно для вида, не только удаляя все нечистое, но и убирали и срывали с деревьев и кустов завядшие листья. Так что молодой Сидхарта видел вокруг себя только все молодое, здоровое, красивое и веселое.

Так прожил Сидхарта более года после женитьбы. Один раз, катаясь по своим садам, Сидхарта вздумал выехать из своих владений, чтобы посмотреть, как живут другие люди.

Сидхарта приказал своему вознице Чанне везти его в город. Все, что он увидел: улицы, дома, мужчин и женщин в различных одеждах, лавки, товары, все это было ново для Сидхарты и приятно заняло и развлекло его.

Но вдруг на одной из улиц он увидал такого странного человека, каких он никогда не видел. Станный человек сидел скорчившись у стены дома и громко и жалобно стонал. Лицо этого человека было бледно и сморщено, и он весь дрожал.

– Что с этим человеком? – спросил Сидхарта у возницы Чанны.

– Верно, болен, – сказал Чанна.

– Что значит болен?

– Болен – значит то, что тело его расстроилось.

– И что же, ему больно?

– Должно быть, больно.

– Почему же это случилось с ним?

– Напала болезнь.

– И на всех так может напасть болезнь?

– На всех.

Сидхарта больше не спрашивал.

Немного дальше к колеснице Сидхарты подошел старик нищий. Дряхлый, с согнутой спиной, с слезящимися красными глазами, старик насилу переставлял высохшие, трясущиеся ноги и, шамкая беззубым ртом, просил милостыню.

– Это тоже больной? – спросил Сидхарта.

– Нет, это старик, – сказал Чанна.

– Что значит старик?

– Значит: состарился.

– Отчего же это случилось?

- Жил долго.
- Все люди стареются? Это делается со всеми, кто долго живет?
- Со всеми.
- Сделается и со мной, если я долго проживу?
- Со всеми то же, – отвечал Чанна.
- Вези меня домой, – сказал Сидхарта.

Чанна погнал лошадей, но на выезде из города их задержали люди. Они на носилках несли что-то, похожее на человека.

- Что это? – спросил Сидхарта.
- Это мертвый, – ответил Чанна.
- Что значит мертвый? – спросил Сидхарта.
- Мертвый – значит, что жизнь кончилась.

Сидхарта слез с колесницы и подошел к людям, несущим мертвеца. Мертвец с открытыми, остановившимися, стеклянными глазами, оскаленными зубами и окостеневшими членами лежал так неподвижно, как только лежат мертвецы.

- Отчего это случилось с ним? – спросил Сидхарта.
- Смерть пришла. Все умирают.

– Все умирают, – повторил Сидхарта и, вернувшись на колесницу, не поднимая головы, доехал до дома.

Целый день Сидхарта просидел один в дальнем углу сада и не переставая думал о том, что он видел.

«Все люди болеют, все люди стареются, все люди умирают, – как же могут люди жить, зная, что всякий час они могут заболеть, что они с каждым часом стареются, обезображиваясь и теряя силы, и, кроме того, знают, что всякий час могут умереть, наверное умрут рано или поздно. Как же можно чему-нибудь радоваться, что-нибудь делать, как же жить, зная наверное, что умрешь? Этого не должно быть, – сказал себе Сидхарта. – Надо найти избавление от этого. И я найду его. И когда найду, передам его людям. Но для того, чтобы найти это, надо уйти из этого дворца, где все развлекает мои мысли, уйти от жены, от отца и матери и пойти к пустынникам и мудрецам и спросить их, как они понимают обо всем этом».

И, решив это, Сидхарта на следующую ночь позвал своего возницу Чанну, велел оседлать себе лошадь и отворить ворота. Прежде чем уехать из дому, он вошел к своей жене. Она спала. Он не стал будить ее, но, мысленно простившись с нею, тихим шагом, стараясь не разбудить спящих рабов и рабынь, вышел навсегда из своего дворца и, сев на лошадь, один уехал из родного дома.

Проехав так далеко, как могла везти лошадь, он слез с нее и пустил ее, а сам, переменяя платье с встретившимся монахом и обрезав себе волосы, пошел к браминским мудрецам-пустынникам и просил их объяснить ему то, что он не понимал: зачем болезнь, старость и смерть и как избавиться от них. Один брамин принял его и передал ему браминское учение. Учение это было в том, что душа человеческая переселяется из одного существа в другие, что всякий человек был в прежней жизни животным и по смерти, смотря по своей жизни, переселяется в высшее или низшее существо. Сидхарта понял это учение, но не принял его. Он прожил у браминов полгода и ушел от них в дремучие леса, где жили знаменитые учителя-пустынники, и прожил с ними шесть лет в посте и трудах. И он так много трудился и постился, что о нем прошла слава в народе, и около него собрались ученики, и люди стали восхвалять его. Но и в учении этих пустынников он не нашел того, чего искал, и на него нашло искушение, и он стал жалеть о том, что покинул, и хотел вернуться к своему отцу и жене. Но он не пошел домой, а ушел от своих почитателей и учеников и удалился в место, где никто не знал его, и думал все о том же: как спастись от болезни, старости и смерти.

Долго он мучился, но один раз, когда он сидел под деревом и думал все о том же, ему вдруг открылось то, чего он искал: открылся путь спасения от страданий, старости и смерти. Путь спасения представился ему в четырех истинах.

Первая истина была в том, что все люди подвержены страданиям. Вторая истина в том, что причина страданий – страсти. Третья истина в том, что для того, чтобы избавиться от страдания, надо уничтожить в себе страсти. Четвертая истина в том, что для того, чтобы уничтожить страсти, нужно четыре дела.

Первое – пробуждение сердца; второе – очищение мыслей; третье – освобождение себя от недоброжелательства и раздражительности; четвертое – пробуждение в себе любви не только к людям, но ко всему живому.

Умерщвлять свою плоть излишне, нужнее всего очищение души от дурных помыслов. Истинное же освобождение – только в любви. Только человек, заменивший любовью свои похотливые желания, порывает цепи невежества, страстей и избавляется от страдания и смерти.

Когда учение это открылось ему, Сидхарта оставил пустыню, перестал поститься и изнурять свое тело и стал ходить по народу и проповедовать открывшуюся ему истину.

Сначала ученики оставили его, но потом, поняв его учение, опять присоединились к нему. И несмотря на то что брамины преследовали Сидхарту-Будду, учение его все более и более распространялось.

Учение свое Сидхарта проповедовал народу в *десяти заповедях*.

Первая заповедь: не убивай, береги жизнь всего живого.

Вторая заповедь: не крадь, не грабь, не отнимай у людей произведения их труда.

Третья заповедь: будь целомудрен и в мыслях, и в жизни.

Четвертая заповедь: не лги, говори правду, когда нужно, бесстрашно, но любовно.

Пятая заповедь: не говори дурного о людях и не повторяй того дурного, что говорят о людях.

Шестая заповедь: не клянись.

Седьмая заповедь: не трать время на пустые речи, но говори дело или молчи.

Восьмая заповедь: не корыстуйся и не завидуй, а радуйся благу ближнего.

Девятая заповедь: очищай сердце от злобы, никого не ненавидь, а люби всех.

Десятая заповедь: старайся понять истину.

В продолжение пятидесяти лет Будда, переходя из места в место, проповедовал свое учение.

Последние годы Будда был слаб, но все еще ходил и проповедовал. На одном из таких переходов он почувствовал приближение смерти и, остановившись, сказал: «Меня томит жажда». Ученики подали ему воды, он выпил немного, посидел и пошел дальше. Но около реки Харанеавата он опять остановился и, сев под дерево, сказал ученикам своим: «Пришла моя смерть. Помните без меня все, что я говорил вам». Любимый ученик его Ананда, слушая его, не мог сдержаться и, отойдя в сторону, заплакал. Сидхарта тотчас же послал за ним и сказал: «Полно, Ананда! Не плачь, не тревожься. Рано или поздно мы должны расстаться со всем, что нам дорого здесь. Разве на этом свете есть что-нибудь вечное? Друзья мои, – прибавил он, обращаясь к другим ученикам, – живите так, как я учил вас. Освобождайтесь от опутывающей людей сети страстей. Идите по тому пути, который я указал вам. Помните всегда, что телесное все разрушается, только истина неразрушима и вечна. В ней ищите спасение».

Это были последние слова его.

Изложил Л.Н.Толстой

12 ФЕВРАЛЯ (Бессмертие)

Нет ничего более несомненного, чем то, что смерть ожидает каждого из нас, а между тем все мы живем так, как будто ее никогда не будет.

1

Кончается ли наша жизнь со смертью, это вопрос самой большой важности, и нельзя не думать об этом. Смотря по тому, верим ли мы или нет в бессмертие, и поступки наши будут разумны или бессмысленны.

Поэтому главная наша забота должна быть в том, чтобы решить вопрос: совсем или не совсем умираем мы в плотской смерти, и если не совсем, то что именно в нас бессмертно. Когда же мы поймем, что есть в нас то, что смертно, и то, что бессмертно, то ясно, что и заботиться мы в этой жизни должны больше о том, что бессмертно, чем о том, что смертно. Люди же обыкновенно поступают как раз наоборот.

По Паскалю

2

Это ужасный мир, если страдания в нем не производят добра. Это какое-то злое устройство, сделанное для того, чтобы духовно и телесно мучить людей. Если это так, то мир невыразимо безнравственен, так как он делает зло не для будущего добра, но праздно, бесцельно. Он как будто нарочно заманивает людей только для того, чтобы они страдали. Он бьет нас с рождения, подмешивает горечь ко всякой чаше счастья и делает смерть всегда грозящим ужасом. И, конечно, если нет Бога и бессмертия, то понятно высказываемое людьми отвращение к жизни: оно вызывается в них существующим порядком или, скорее, беспорядком – ужасным нравственным хаосом, как его следует назвать.

Но если только есть Бог над нами и вечность перед нами, то изменяется все. Мы прозреваем добро в зле, свет в мраке, и надежда прогоняет отчаяние.

Какое же из двух предположений вероятнее? Разве можно допустить, чтобы нравственные существа – люди – были поставлены в необходимость справедливо проклинать существующий порядок мира, тогда как перед ними выход, разрешающий их противоречие. Они должны проклинать мир и день своего рождения, если нет Бога и будущей жизни. Если же, напротив, есть и то и другое, жизнь сама по себе становится благом и мир – местом нравственного совершенствования и бесконечного увеличения счастья и святости.

Эразм

3

Чем глубже сознаешь свою жизнь, тем меньше веришь уничтожению в смерти.

4

Мы часто стараемся изобразить себе смерть и переход *туда*, но это совершенно невозможно, как невозможно изобразить себе Бога. Все, что можно, это то, чтобы верить, что смерть есть, как и все исходящее от Бога, – добро.

5

Что бы такое ни было то начало в человеке, которое чувствует, понимает, живет и существует, оно свято, божественно и потому должно быть вечно.

Цицерон

Не верит в бессмертие только тот, кто никогда серьезно не думал о смерти.

13 ФЕВРАЛЯ (Вера)

Религия – это всем понятная философия.

1

*Человек может угодить Богу только хорошей жизнью. И потому все, чем, кроме хорошей, чистой, доброй, смиренной жизни, человек думает угодить Богу, все это один обман и ложное служение Богу.
По Канту*

2

Особенность христианского учения в том, чтобы представлять себе нравственно-хорошее и нравственно-дурное отличающимися одно от другого не как небо и земля, а как небо от ада. Представление ада с его вечными мучениями возмущает душу, но по смыслу своему это представление верно. Оно служит нам предостережением от того, чтобы мы не думали, что добро и зло, царство света и царство тьмы стоят рядом и что есть между ними постоянные переходные ступени. Представление это указывает на то, что добро и зло отделены друг от друга неизмеримой бездной.
По Канту

3

Первое и самое древнее мнение в отвлеченных вещах – всегда самое вероятное, потому что здоровый человеческий ум тотчас же напал на него. Таково существование всемирного начала – Бога.
По Лессингу

4

Религия – это упрощенная и обращенная к сердцу мудрость. Мудрость – это разумом оправданная религия.

5

Из того, что люди называют религией, вытекают их правила воспитания, их политика, социальная экономия и искусство.
Иосиф Мадзини

6

Человек без религии, т. е. без какого-либо отношения к миру, так же невозможен, как и человек без сердца. Человек может не знать, что у него есть сердце; но как без сердца, так и без религии человек не может существовать.

7

Надо правила доброй жизни (не убивай, не сердись, не блуди, не плати злом и другие) считать истинными и обязательными для нас не потому, что это Божьи заповеди, а надо считать их Божьими заповедями потому, что мы чувствуем, что они внутренне обязательны для нас.

По Канту

8

«Как же жить, не зная, что будет, не зная, что нас ожидает?»

Только тогда и начинается настоящая жизнь, когда не знаешь, что нас ожидает. Только тогда творишь жизнь и исполняешь волю Бога. *Он* знает. Только такая деятельность служит свидетельством веры в Бога и в Его закон. Только тогда и свобода и жизнь.

Религия может осветить философские рассуждения. Философские рассуждения могут подтвердить религиозные истины. И потому ищите общения с истинно религиозными людьми и с истинными философами, как живыми, так и умершими.

14 ФЕВРАЛЯ (Божественная природа души)

В человеке живет дух Божий.

1

Если кто не родится свыше, не может увидеть Царствия Божия.

Ин. гл. 3, ст. 3

2

Разум может проясняться только в добром человеке. Человек может быть добрым, только когда в нем прояснен разум. Для доброй жизни нужен свет разума, для света разума нужна добрая жизнь. Одно помогает другому. И потому, если разум не помогает доброй жизни, это не настоящий разум. И если жизнь не помогает разуму, то это не добрая жизнь.

Китайская мудрость

3

Купец, женившись на царевне, построил ей дворец, накопил ей дорогих нарядов, приставил к ней сотни слуг, всячески стараясь веселить ее. Но царевна скучала и все думала о своей царской породе. Так и душа в человеке. Окружи ее человек всеми земными удовольствиями, она скучает по своему дому, по тому началу – Богу, от которого она вышла.

Талмуд

4

Хотя люди не знают, что такое добро, но они имеют его в себе.

Конфуций

5

Жил в древности в Риме мудрец Сенека. Он не знал Христа и его учения, но понимал жизнь так же, как Христос. Вот что писал своему другу: «Ты хорошо делаешь, любезный Люцилий (так звали друга), что стараешься сам своими силами держать себя в хорошем и добром духе. Всякий человек всегда может сам себя так настроить. Для этого не нужно поднимать руки к небу или просить сторожа при храме, чтоб он пускал нас поближе к Богу, чтобы он нас лучше расслышал. Бог всегда близко к тебе, он внутри тебя. Да, милый Люцилий, я утверждаю, что в нас Святой Дух, свидетель и страж всего хорошего и дурного. Он обходится с нами, как мы обходимся с Ним. Если мы бережем Его, Он бережет нас.

В каждом добром человеке живет Бог».

6

Так же, как ты не видишь души человека, ты не видишь Бога, но ты познаешь Его в Его творениях. Так же не можешь ты не признать божественную силу души, проявляющуюся в ее вечном стремлении к совершенству.

Сенека

В каждом из нас живет Бог. Ничто так не удерживает человека от зла и поможет делать доброе, как память об этом.

15 ФЕВРАЛЯ (Простота)

Есть простота естественная, и есть простота мудрости. И та и другая вызывают любовь и уважение.

1

Большинство жизненных задач решаются как алгебраические уравнения: приведением их к самому простому виду.

2

Слова истины всегда без украшений и просты.
Марцеллин

3

Величайшие истины – самые простые.

4

Простота всегда привлекательна. От этого привлекательность детей и животных.

5

Природа ничего не знает о том ненавистном разделении, которое люди устроили между собою. Она оделяет людей душевными свойствами, не предпочитая благородных и богатых. Естественные добрые чувства, кажется, даже чаще встречаются среди простых людей.
Лессинг

6

Когда люди говорят мудрено, хитро и красиво, то они либо хотят обмануть, либо хотят величаться. Таким людям не надо верить, не надо подражать им.
Хорошие речи просты, понятны всем и разумны.

7

Простота есть сознание своего человеческого достоинства.
Буаст

8

Простота всегда бывает следствием возвышенности чувств.
Д'Аламбер

9

Слово сближает людей, и потому надо стараться говорить так, чтобы все могли понимать тебя и чтобы все, что ты говоришь, была правда.

Избегай всего искусственного, исключительного, всего могущего обратить на тебя внимание. Ничто так, как простота, не содействует сближению людей.

16 ФЕВРАЛЯ (Духовная природа)

Чем моложе и маломысленнее человек, тем больше он верит в то, что сущность его жизни в теле. Чем старше и разумнее, тем все более и более понимает он основу жизни и своей и всего мира в духовном.

1

Хорошо почаще вспоминать о том, что наша истинная жизнь – не одна та наружная, телесная, какую мы проживаем здесь, на земле, но что вместе с этой жизнью есть в нас и другая, внутренняя жизнь – духовная.

Видимая телесная жизнь наша – это то же, что леса для постройки здания. Леса сами по себе нужны только до тех пор, пока строится здание. Когда же здание кончено, они не нужны и их снимают. То же и с нашей телесной жизнью. Она нужна только для постройки здания духовной жизни, а когда это здание построено, тело уничтожается.

Когда мы видим огромные, высокие, скрепленные железом леса, тогда как самое здание только чуть поднимается над фундаментом, нам кажется, что все дело в лесах, а не в здании. То же нам кажется, когда мы всю свою жизнь видим в нашем теле.

Хорошо напоминать и себе и друг другу, что как леса только затем, чтобы можно было построить здание, так и тело наше только затем, чтобы выросла жизнь духовная.

2

Взгляни на небо и на землю и подумай: все это преходяще, все эти и горы, и реки, и различные формы жизни, и произведения природы. Все это проходит. Как только ты ясно поймешь это, тотчас явится просветление, и ты узнаешь то, что есть и не преходит.

Буддийское изречение

3

Мы удивляемся на величину зданий гор, небесных тел, высчитываем в них миллионы кубических футов, пудов, а все эти кажущиеся столь великими вещи – ничто в сравнении с тем, что знает про все это. Самое могущественное в мире то, что не видно, не слышно и чего нельзя ощупать.

4

Помни, что смертен не ты, а твоё тело, что живо не твоё тело, а дух в теле. Не тело твоё заставляет твой дух понимать твою жизнь и жизнь мира, а дух, живущий в тебе, двигает, чувствует, вспоминает, предвидит, управляет и руководит твоим телом и твоими поступками. И как невидимая сила управляет твоим телом, так должна быть и та невидимая сила, которая управляет всем миром.

По Цицерону

Только освободившись от обмана чувств, признающих действительно существующим и важным мир *телесный*, человек может понять свое истинное назначение и исполнить его.

17 ФЕВРАЛЯ (Равенство)

Все люди мира имеют одинаковые права на пользование естественными благами мира и одинаковые права на уважение.

1

Мы удивляемся на то, как извращено было христианство, как оно мало, даже совсем не осуществлено в жизни, а между тем разве это могло быть иначе с учением, которое своим требованием поставило истинное равенство людей: все – сыны Бога, все – братья, жизнь всех одинаково священна. Истинное равенство требует не только уничтожения каст, званий, преимуществ, но уничтожения главного орудия неравенства – насилия. Равенство не может быть осуществлено, как это думают, гражданскими мероприятиями, оно осуществляется только любовью к Богу и людям. Любовь же к Богу и людям внушаются не гражданскими мероприятиями, а истинным религиозным учением.

То, что люди могли впасть в грубое заблуждение о том, что свобода, братство и равенство могут быть введены казнями, угрозами казней, насилием, не показывает того, чтобы то, к чему стремились люди, было неверно, а только то, что был неверен тот путь, которым заблуждающиеся люди пытались осуществить свободу, братство и равенство.

2

Говорят, равенство невозможно, потому что всегда будут одни люди сильнее, умнее других. Именно поэтому-то, потому что одни люди сильнее, умнее других, говорит Лихтенберг, особенно и нужно равенство прав людей. Угнетение слабых сильными оттого-то и так ужасно теперь, что кроме неравенства ума и силы есть еще и неравенство прав.

3

Стоит взглянуть на жизнь христианских народов, разделенных на людей, проводящих всю жизнь в одуряющем, убивающем, ненужном им труде, и других, пресыщенных праздностью и всякого рода наслаждениями, чтобы быть пораженным той ужасной степенью неравенства, до которой дошли люди, исповедующие закон христианства, и в особенности той ложью проповеди равенства при устройстве жизни, ужасающей самым жестоким и очевидным неравенством.

4

Никто так, как дети, не осуществляет в жизни истинное равенство. И как преступны взрослые, нарушая в них это святое чувство, научая их тому, что есть императоры, короли, богачи, знаменитости, к которым должно относиться с уважением, и есть слуги, рабочие, нищие, к которым можно относиться с пренебрежением! «И кто соблазнит одного из малых сих...»

Христос открыл людям то, что они всегда знали: то, что все люди равны между собой, равны потому, что один и тот же дух живет во всех них. Но люди с давних времен так разделились между собой на царей, вельмож, богачей, рабочих и нищих, что, хотя и знают, что они

все равны, живут, как будто не зная этого, и говорят, что на деле равенство людей не может быть. Не верь этому. Учись у малых детей. Делай так же, как они, сходишь со всеми людьми с любовью и лаской и со всеми одинаково. Если одним людям говоришь «ты», то всем говори «ты», если «вы», то всем говори «вы». Если люди возвышают себя, не уважай их больше других. Если же людей унижают, то этих-то унижаемых особенно старайся уважать, чтобы не поддаться дурному примеру.

18 ФЕВРАЛЯ (Самоотречение)

Личность каждого человека есть покров, скрывающий живущее в нем Божество. Чем больше отрекается человек от своей личности, тем больше проявляется в нем это Божество.

1

Нужно любить только Бога и ненавидеть только себя.

Паскаль

2

Потому любит Меня Отец, что Я отдаю жизнь Мою, чтобы опять принять ее.

Никто не отнимет ее у Меня, но я Сам отдаю ее. Имею власть отдать ее и власть имею опять принять ее. Сию заповедь получил Я от Отца Моего.

Ин. гл. 10, ст. 17—18

3

Чем больше человек заботится о себе, занят собой, чем больше он бережет свою жизнь, тем слабее он делается и тем больше он связан. А напротив: чем меньше человек заботится о себе, чем меньше занят собою и бережет себя, тем он сильнее и тем свободнее.

4

Все будет легко и хорошо, если будет сделано с отречением от себя, от своей воли.

5

Слова учения истины прочны у того только, кто отрицает в себе личность.

Талмуд

6

Кто хочет душу (жизнь) свою сберечь, тот потеряет ее; а кто потеряет душу (жизнь) свою ради меня и Евангелия, тот сбережет ее.

Мф., гл. 8, ст. 35

7

Кто в своем преходящем, в своем имени и в своей телесности не видит себя, тот знает истину жизни.

Буддийская мудрость¹¹

8

У человека нет никаких данных для оценки, а тем более права для суждения о результатах жизни, полной безусловной самоотверженности, пока у него не явится смелости самому испытать такую жизнь, по крайней мере на время; но я думаю, что ни один разумный человек не пожелает и ни один честный человек не посмеет отрицать то благотворное влияние, какое имели на его душу и тело хотя те случайные минуты, когда он забывал себя и отрекался от своей личности.

Джон Рёскин

Стоит вспомнить о себе в середине речи – и теряешь нить своей мысли. Только когда мы совершенно забываем себя, выходим из себя, только тогда мы можем плодотворно общаться с другими, служить им и влиять на них.

¹¹ Дхаммапада

Недельное чтение

I. Самоотречение

И для самых твердых людей бывают часы уныния. Видишь добро, стремишься к нему, хочешь осуществить его – и все усилия кажутся тщетными, и чувствуешь себя оставленным теми, ради которых пожертвовал собой. Терпишь ненависть, клевету, гонения. Вот тогда-то из сердца и вырывается крик: «Отче, избавь Меня от часа сего...» Это испытывал Христос. Один среди мира больного, слепого, глухого, среди учеников, которые не понимали его, среди толпы грубой и равнодушной, среди беспощадных врагов, предвидя казнь, которая должна была быть первым плодом его дела, Христос сказал: «Отче, спаси Меня от часа сего», но тут же прибавил, предчувствуя и мучения и крестную смерть: «Но на сей час Я пришел».

Да, именно на это, на то, чтобы страдать и умереть и победить страданием, победить смертью.

Вечный пример для тех, кто хочет продолжить его дело! Он учит их, что оно плодоносно лишь чрез самопожертвование, что тот, кто сеет, не жнет, *что если он не умрет, то останется один, а если умрет, то разовьется, как зерно, брошенное в землю, и принесет много плода.*

Вы, которые чувствуете, что душа ваша смущается, потому что ваше слово отвергнуто, потому что вы не видите его действия, и что будущее, которое должно было из него выйти, будет, как вам кажется, вместе с вами брошено в могилу, в которую сыны сатаны хотели бы схоронить самую правду, – верьте, напротив, что в это-то именно время и начнется работа жизни, *что на сей час вы пришли.*

Ученики Христа, вы не больше своего учителя, вы должны следовать за Ним по пути, который Он проложил вам, исполнить долг для самого долга и, ничего не прося на сей земле, ничего больше не ожидая, сказать, как Дидим: *И мы тоже идем и умираем с Ним.* Сейте и сейте под палящим солнцем, под ледяным дождем; сейте всюду, в судилищах и в тюрьмах, на самых местах казни; сейте, жатва придет в свое время.

Ламенэ

Для того чтобы точно, не на словах, быть в состоянии любить других, надо не любить себя – тоже не на словах, а на деле. Обыкновенно же бывает так: других мы думаем, что любим, уверяем в этом себя и других, но любим только на словах, себя же любим на деле. Других мы забудем покормить и уложить спать, себя же никогда. И потому для того, чтобы точно любить других на деле, надо выучиться забывать покормить себя и уложить себя спать, так же как мы забываем это сделать относительно других.

Чем больше жертва, тем больше любви, а чем больше любви, тем плодотворнее дела, тем больше пользы людям.

Есть два предела: один тот, чтобы отдать жизнь за други своя; другой тот, чтобы жить, не изменяя условий своей жизни. Между этими двумя пределами находятся все люди: одни на степени учеников Христа, оставивших все и пошедших за Ним; другие на степени богатого юноши, тотчас же отвернувшегося и ушедшего, когда Ему сказали об изменении жизни. Между этими двумя пределами находятся различные Закхеи, отчасти только изменяющие свою жизнь. Но для того чтобы быть даже Закхеем, надо не переставая стремиться к первому пределу.

Л.Н.Толстой

II. Свободный человек

Нехлюдов стоял у края парома, глядя на широкую, быструю реку. Из города донесся по воде гул и медное дрожание большого охотничьего колокола. Стоявший подле Нехлюдова ямщик и все подводники один за другими сняли шапки и перекрестились. Ближе же всех стоявший у перил невысокий, лохматый старик, которого Нехлюдов сначала не заметил, не перекрестился, а, подняв голову, уставился на Нехлюдова. Старик этот был одет в заплатанный озям, суконные штаны и разношенные, заплатанные бродни. За плечами была небольшая сумка, на голове высокая меховая вытертая шапка.

– Ты что же, старый, не молишься? – сказал ямщик Нехлюдова, надевая шапку. – Аль некрещеный?

– Кому молиться-то? – решительно наступающе и быстро выговаривая слог за слогом, сказал лохматый старик.

– Известно кому – Богу, – иронически проговорил ямщик.

– А ты покажи мне, где он? Бог-то?

Что-то было такое серьезное и твердое в выражении лица старика, что ямщик, почувствовав, что он имеет дело с сильным человеком, несколько смутился, но не показывал этого и, стараясь не замолчать и не осрамиться перед прислушивающейся публикой, быстро отвечал:

– И где? Известно, на небе.

– А ты был там?

– Был не был, а все знают, что Богу молиться надо.

– Бога никто же видел нигде же. Единородный сын, сущий в недре Отчем. Он явил, – строго хмурясь, той же скороговоркой сказал старик.

– Ты, видно, нехристь, дырник. Дыре молишься, – сказал ямщик, засовывая кнутовище за пояс и оправляя шлею на пристяжной.

Кто-то засмеялся.

– А ты какой, дедушка, веры? – спросил немолодой уже человек, с возом стоявший у края парома.

– Никакой веры у меня нет. Потому никому я, никому не верю, кроме себе, – так же быстро и решительно ответил старик.

– Да как же себе верить? – сказал Нехлюдов, вступая в разговор. – Можно ошибиться.

– Ни в жисть, – тряхнув головой, решительно отвечал старик.

– Так отчего же разные веры есть? – спросил Нехлюдов.

– Оттого и разные веры, что людям верят, а себе не верят. И я людям верил и блудил, как в тайге; так заплутался, что не чаял выбраться. И староверы, и нововеры, и субботники, и хлысты, и поповцы, и беспоповцы, и австрияки, и молокане, и скопцы. Всякая вера себя одна восхваляет. Вот все и расползлись, как кутята¹² слепые. Вер много, а дух один. И в тебе, и во мне, и в нем. Значит, верь всяк своему духу, и вот будут все соединены. Будь всяк сам себе, и все будут за едино.

Старик говорил громко и все оглядывался, очевидно, желая, чтобы как можно больше людей слушали его.

– Что же, вы давно так исповедуете? – спросил Нехлюдов.

– Я-то? Давно уж. Уж они меня двадцать третий год гонят.

– Как гонят?

– Как Христа гнали, так и меня гонят. Хватают да по судам, по попам – по книжникам, по фарисеям и водят; в сумасшедший дом сажали. Да ничего мне сделать нельзя, потому я

¹² Щенки

свободен. «Как, говорят, тебя зовут?» Думают, я звание какое приму на себя. Да я не принимаю никакого. Я от всего отрекся, нет у меня ни имени, ни места, ни отечества – ничего нет. Я сам себе. «Зовут как?» – Человеком. – «А годов сколько?» – Я говорю, не считаю, да и счесть нельзя, потому что я всегда был, всегда и буду. – «Какого, говорят, ты отца и матери?» – Нет, говорю, у меня ни отца, ни матери, кроме Бога и земли. Бог – отец, земля – мать. – «А царя, говорят, признаешь?» – Отчего не признавать? Он себе царь, а я себе царь. – «Ну, говорят, с тобой разговаривать». Я говорю: я и не прошу тебя со мной разговаривать. Так и мучают.

– А куда же вы идете теперь? – спросил Нехлюдов.

– А куда Бог приведет. Работаю, а нет работы – прошу, – закончил старик, заметив, что паром подходит к тому берегу, и победоносно оглянулся на всех, слушавших его.

Паром причалил к другому берегу. Нехлюдов достал кошелек и предложил старику денег. Старик отказался.

– Я этого не беру. Хлеб беру, – сказал он.

– Ну, прощай.

– Нечего прощать. Ты меня не обидел. А и обидеть меня нельзя, – сказал старик и стал на плечо надевать снятую сумку.

Между тем перекладную телегу выкатили и запрягли лошадей.

– И охота вам, барин, разговаривать, – сказал ямщик Нехлюдову, когда он, дав на чай паромщикам, взлез на телегу. – Так, бродяжка непутевый.

Л.Н.Толстой. Из романа «Воскресение»

19 ФЕВРАЛЯ (Труд)

Грех не работать потому, что ты можешь жить не работая.

1

Ничто так, как труд, не облагораживает человека. Без труда не может человек соблюсти свое человеческое достоинство. От этого-то праздные люди так заботятся о внешнем величии: они знают, что без этой обстановки люди презирали бы их.

2

Физически невозможно, чтобы истинно религиозное понимание и чистая нравственность существовали в тех классах народа, которые не добывают своего хлеба трудами рук своих.

Джон Рёскин

3

Стоит принять истину совсем и покаяться совсем, чтобы понять, что прав, преимуществ, особенностей в деле жизни никто не имеет и не может иметь, а обязанностям нет конца и нет пределов и что первая и несомненная обязанность человека есть участие в борьбе с природой за свою жизнь и жизнь других людей.

4

Одна из несомненных и чистых радостей есть отдых после труда.

Кант

5

Богатый и бедный, сильный и слабый, всякий неработающий человек – негодяй. Всякий человек должен научиться мастерству, настоящему ручному труду. Только работая, можно узнать одну из лучших, чистых радостей. Отдых после труда и радость эта тем больше, чем тяжелее труд.

По Руссо

6

Работай постоянно, не почитай работу для себя бедствием и не желай себе за это похвалы.

Марк Аврелий

7

Самые выдающиеся дарования губятся праздностью.

Монтень

Справедливость требует, чтобы брать от людей не больше того, что даешь им. Но нет возможности взвесить свои труды и труды других, которыми пользуешься; кроме того, всякий час ты можешь лишиться возможности трудиться, а должен будешь пользоваться трудом других. И потому старайся давать больше, чем берешь, чтобы не быть несправедливым.

20 ФЕВРАЛЯ (Прогресс)

Человечество не переставая идет вперед. Движение вперед должно быть и в вере.

1

Склад жизни людей зависит от их веры. Вера с движением времени становится все проще, понятнее, яснее, согласнее с истинным знанием. И соответственно с упрощением, уяснением веры все больше и больше соединяются между собой люди.

2

Если человек думает, что мы должны остановиться на том понимании веры, какое открылось нам теперь, то он очень далек от истины. Свет, который мы получили, был нам дан не для того, чтобы мы не перестали смотреть на него, но для того, чтобы благодаря ему нам открывались новые, скрытые еще от нас истины.

По Мильтону

3

Дух Иисуса, который сильные мира сего силятся задушить с высоты своих тронов и кафедр, тем не менее всюду ярко проявляется. Разве дух евангельский не проник в народы? Разве не начинают они видеть свет? Понятия о правах, об обязанностях не яснее ли стали для каждого? Не слышны ли со всех сторон призывы к законам более справедливым, к учреждениям, охраняющим слабых, основанным на справедливом равенстве? Разве не гаснет прежняя вражда между теми, которых разъединяли государи? Разве народы не чувствуют себя братьями? Уже дрожат притеснители, как будто внутренний голос предсказывает им скорый конец. Встревоженные страшными видениями, цари судорожно сжимают в своих руках те цепи, в которые они заковали народы, на освобождение которых пришел Христос и которые распадутся скоро. Подземный гул тревожит их сон. В тайных глубинах общества совершается работа, остановить которую они не могут всей силой своей власти и непрерывный успех которой повергает их в невыразимую тревогу. Это работа зародыша, готового развиться, работа любви, которая снимет грех с мира, оживит слабеющую жизнь, утешит огорченных, разобьет оковы заключенных, откроет народам новый путь жизни, внутренний закон которой будет уже не насилие, а любовь людей друг к другу.

Ламенэ

4

Человечество движется вперед только оттого, что движется вперед вера. Движение же вперед веры состоит не в открытии новых религиозных истин, не в отыскании нового отноше-

ния человека к миру и к Началу его – нового ничего нет, – а в откидывании всего лишнего, что было присоединено к религиозному пониманию. Новых религиозных истин нет: с тех пор, как мы знаем разумного человека, отношение его к миру и Началу его было установлено такое же, какое оно и теперь. Если же есть движение в религии, то оно не в открывании чего-либо нового, а только в очищении того, что уже открыто и выражено.

5

Вера – это указатель того высшего, доступного в данное время и в данном обществе лучшим, передовым людям понимания жизни, к которому неизбежно и неизменно приближаются все остальные люди этого общества.

Не надо смешивать прогресса истинного, прогресса религиозного с прогрессом техническим, научным, художественным. Успех технический, научный, художественный может быть очень велик вместе с отсталостью религиозною, как оно происходит в наше время.

Хочешь служить Богу – будь прежде всего работником религиозного прогресса, состоящего в борьбе с суевериями и в уяснении и упрощении религиозного сознания.

21 ФЕВРАЛЯ (Вегетарианство)

Было время, когда люди ели друг друга; пришло время, когда они перестали это делать, но продолжают еще есть животных. Теперь пришло время, когда люди все больше и больше бросают и эту ужасную привычку.

1

Как странно, что разные общества защиты детей и покровительства животных относятся совершенно безучастно к вегетарианству, тогда как именно потребление мяса и является в большинстве случаев причиной той жестокости, с которой они хотят бороться путем наказания. Исполнение закона любви может содержать жестокость сильнее, чем страх уголовной ответственности. Едва ли есть разница между жестокостью, которая совершается при истязании и убийстве с целью удовлетворить своему чувству гнева, и жестокостью, которая совершается при истязании и убийстве с целью воспользоваться мясом животных, питаясь которым люди разжигают в себе главный очаг жестокости.

Люси Малори

2

Великая троица проклятий: табак, вино и мясо животных. От этой ужасной троицы и великие бедствия, и великие разорения. Попадая во власть этой троицы, люди приближаются к животным и лишаются и человеческого образа, и лучшего блага человеческой жизни: ясного разума и доброго сердца.

По Гильсу

3

В заблуждении о том, что наши деяния относительно животных не имеют нравственного значения, или, говоря языком общепринятой морали, что перед животными не существует никаких обязанностей, в этом заблуждении проявляется возмутительная грубость и варварство.

Шопенгауэр

4

Один путешественник подошел к африканским людоедам в то время, когда они ели какое-то мясо. Он спросил их, что они едят? Они отвечали, что мясо это было человеческое.

«Неужели вы можете есть это?» – вскрикнул путешественник. «Отчего же, с солью очень вкусно», – отвечали ему африканцы. Они так привыкли к

тому, что делали, что даже не могли понять, к чему относилось восклицание путешественника.

Так же не понимают мясоеды того возмущения, которое испытывают вегетарианцы при виде свиней, ягнят, быков, поедаемых только потому, что мясо это вкусно с солью.

По Люси Малори

5

Убийство и поедание животных происходит, главное, оттого, что людей уверяли в том, что животные предназначены Богом на пользование людей и что нет ничего дурного в убийстве животных. Но это неправда. В каких бы книгах ни было написано то, что не грех убивать животных, в сердцах всех нас написано яснее, чем в книгах, что животное надо жалеть так же, как и человека, и мы все знаем это, если не заглушаем в себе совести.

Не смущайтесь тем, что при вашем отказе от мясной пищи все ваши близкие домашние нападут на вас, будут осуждать вас, смеяться над вами. Если бы мясоедение было безразличное дело, мясоеды не нападали бы на вегетарианство; они раздражаются потому, что в наше время уже сознают свой грех, но не в силах еще освободиться от него.

22 ФЕВРАЛЯ (Бог)

Все, что было сказано о Боге, и все, что можно сказать о нем, все это не удовлетворяет. То, что в Боге может понять человек и чего не может выразить, – это-то нужно всякому человеку и это только дает жизнь ему.

По Агнелусу Силезиусу

1

Разум, который можно уразуметь, не есть вечный разум. Существо, которое можно назвать, не есть вечное существо.

Лао-Тсе

2

Есть существо, содержащее в себе все и без которого не было бы ни неба, ни земли; существо это спокойно, бестелесно; свойства его называют разумом, любовью, но само существо не имеет имени. Оно самое отдаленное, и оно самое близкое.

По Лао-Тсе

3

Бог – это то бесконечное, что требует от нас праведности.

Мэтью Арнольд

4

Бог – это то все, чего мы сознаем себя частью.

5

Безумны те, которые спрашивают, где Бог. Бог во всей природе и в душе каждого человека. Веры различны, но Бог один. Если человек не познает самого себя, как он познает Бога?

Индийская мудрость

6

Меня никогда не было и не от меня зависело быть когда-нибудь, как не от меня, существующего теперь, зависит перестать быть, – стало быть, я начал и продолжаю быть силой чего-то такого, что было до меня, что будет после

меня и что могущественнее меня. И мне говорят, что нет ничего такого, что мы называем Богом.

Лабрюйер

7

Подобно тому как человек, с рождения запертый в горнице с матовыми стеклами в окне, стал бы называть солнце матовым стеклом, т. е. именем единственного предмета, пропускающего через себя свет солнца в горницу, — так и Евангелие определяет понятие Бога именем того высшего чувства или той высшей человеческой способности, которая служит единственным проводником Божественного откровения свыше. А именно называет Бога любовью, разумением (словом).

И как лишь освобождение из заключения дает возможность узнику отличить само солнце от освещенного им матового стекла, так точно лишь та или иная степень освобождения от уз телесности, материальности дает душе человеческой возможность более непосредственного единения с сущностью Божества.

А до тех пор люди, чтущие выше всего свой разум, будут отождествлять Бога с разумом и называть Его разумом; люди, чтущие выше всего чувство любви, будут отождествлять Бога с любовью и называть Его любовью.

И наконец, люди, еще не верящие ни в свой разум, ни в свою любовь и именно вследствие этого слепо и беспрекословно верующие в авторитет чужой личности, будут отождествлять Бога с личностью.

Федор Страхов

Если глаза твои слепнут от солнца, то ты не говоришь, что нет солнца. Не скажешь ты и того, что нет Бога, оттого, что твой разум путается и теряется, стараясь понять его.

По Ангелу Силезиусу

23 ФЕВРАЛЯ (Устройство жизни)

Существующее устройство жизни не соответствует ни требованиям совести, ни требованиям рассудка.

1

Большинство деловых людей считает, что самым подходящим порядком вещей в этом мире является попросту тот, при котором огромная и беспорядочная толпа вырывает друг у друга все, что может, и топчет детей и стариков в грязь и фабрикует различные негодные предметы при помощи рабочих, которых можно соблазнить и собрать, а впоследствии разогнать, предоставляя им свободно умирать с голоду.

Джон Рёскин

2

Представьте себе стаю голубей на ржаном поле. Представьте, что 99 из них вместо того, чтобы клевать то, что они хотят, и пользоваться только необходимым, собирают все то, что они могут добыть, в большую кучу и, не оставляя для себя ничего, кроме мякины, сохраняют эту кучу для одного самого слабого и худшего из голубей стаи. Вообразите себе эту картину, как они, сидя кругом, смотрят, как этот один, наевшись, бросает и тратит добро, и как они бросаются и разрывают на куски одного более смелого и более голодного, чем другие, за то только, что он тронул одно зернышко из кучи.

Если бы вы видели все это, вы увидели бы только то, что установлено и постоянно делается между людьми.

Палей

3

Могу ли я видеть без огорчения, как люди употребляют свой ум на то, чтобы ссориться друг с другом, чтоб готовить друг другу ловушки, обманывать и выдавать. Могу ли я без слез глядеть на то, что основы добра и зла заброшены или, скорее, неизвестны.

Феогнист

4

В почве и солнечном свете, в растительном и животном царствах, в рудных месторождениях и силах природы, которыми мы только еще начинаем пользоваться, заключаются неисчерпаемые богатства, из которых люди, руководимые разумом, могли бы удовлетворять все свои материальные потребности. В природе нет причин для бедности – даже для бедности

горбатого или дряхлого. Ибо человек по природе своей – общественное животное, и если бы не было оскотинивающего влияния хронической нищеты, то семейная любовь и общественное сострадание доставляли бы все необходимое для тех, которые сами не в силах содержать себя.

Генри Джордж

5

Для улучшения общей жизни необходимо, чтобы в управление общественными делами вкладывалось все более и более разума и любви не только со стороны некоторых лиц, а со стороны всего общества. Мы не можем благоразумно предоставить наши общественные дела государственным людям. Народ сам должен думать, ибо только он может действовать.

Генри Джордж

6

Сколь устойчивой ни казалась бы нам наша цивилизация, а в ней развиваются уже разрушительные силы. Не в пустынях и лесах, а в городских трущобах и на шоссежных дорогах воспитываются те варвары, которые сделают с нашей цивилизацией то же, что сделали гунны и вандалы с древней.

Генри Джордж

7

Преображения должны совершаться народом и для народа; до тех пор, пока они, как теперь, являются достоянием и монополией одного класса, они ведут лишь к замене одного зла другим и не служат к спасению народа.

Мадзини

Люди – разумные существа. Для чего же они в общественной жизни руководствуются не разумом, а насилием?

24 ФЕВРАЛЯ (Истина)

Для того чтобы истина была услышана, надо, чтобы она была высказана с добротой. Как бы умно и верно ни было то, что сказано с сердцем, оно не передается другому. И потому знай, что если то, что ты говоришь человеку, не воспринимается им, то одно из двух: или то, что ты считаешь истиной, не истина, или ты передаешь ее без доброты, или и то и другое вместе.

1

Единственное средство передавать истину – это говорить любовно.
Только слова любящего человека бывают услышаны.
Торо

2

Говорить правду – то же, что хорошо шить, ловко косить, красиво писать. Это дается только тому, кто много шил, много косил, много писал. Как ни старайся, не сделаешь хорошо того, чего не делал много и много раз. И потому для того, чтобы говорить правду, надо приучить себя к этому. А чтобы приучить себя к этому, надо во всяком, хотя бы маленьком деле говорить одну правду.

3

Мы так привыкли притворяться перед другими, что часто притворяемся перед самим собой.
Ларошфуко

4

В сущности, только собственные основные мысли обладают истинностью и жизнью, только их понимаешь в их настоящем смысле. Чужие, вычитанные мысли – объедки с чужого стола, платье с плеча чужестранца.
Шопенгауэр

5

Если человек сробеет перед истиной и, увидев ее, не признает ее, а будет заглушать в себе сознание того, что то, что он считал истиной, есть ложь, то он никогда не узнает, что ему делать.

6

Лучшие умы, любящие истину, не заботятся о присвоении истины в собственность. Они принимают ее с благодарностью везде, где встречаются, и не

кладут на нее клейма чьего-нибудь имени, потому что истина эта издавна, в вечности уже принадлежала им.

Эмерсон

Истина не может заставить человека быть недобрым или самоуверенным. Проявления истины всегда кротки, смиренны и просты.

25 ФЕВРАЛЯ (Молитва)

Молиться – значит признавать и вспоминать законы вечного и бесконечного существа Бога и примерять с ним свои прошедшие и будущие поступки. Полезно делать это как можно чаще.

1

Прежде чем приступить к молитве, испытай себя, способен ли ты сосредоточиться мыслями, иначе не молись.

Кто делает из молитвы своей привычку, молитва того неискренна.

Талмуд

2

Зачем лишать себя молитвы, этого средства против нашей слабости? Все душевные стремления, которые приближают нас к Богу, освобождают нас от мысли о себе. Прося помощи у Бога, мы научаемся находить эту помощь в себе. Не Он изменяет нас, а мы изменяем себя, приближаясь к Нему. Все, чего мы просим у Него как должного, мы сами даем себе.

Руссо

3

И когда молишься, не будь как лицемеры, которые любят в синагогах и на углах улиц, останавливаясь, молиться, чтобы показаться пред людьми. Истинно говорю вам, что они уже получают награду свою.

Ты же, когда молишься, войди в комнату твою и, затворив дверь твою, помолись Отцу твоему, Который втайне; и Отец твой, видящий такое, воздаст тебе.

А молясь, не говорите лишнего, как язычники, ибо они думают, что в многословии своем будут услышаны.

Не уподобляйтесь им, ибо знает Отец ваш, в чем вы имеете нужду, прежде вашего прошения у Него.

Мф. гл. 6, ст. 5—8

4

С древних времен признано, что для человека необходима молитва.

Для людей прежнего времени молитва была – и теперь остается для большинства людей – обращением, при известных условиях, в известных местах, при известных действиях и словах, к Богу или богам для умиловления их.

Христианское учение не знает таких молитв, но учит тому, что молитва необходима не как средство избавления от мирских бедствий и приобретения мирских благ, а как средство укрепления человека в борьбе с грехами.

5

Молитва состоит в том, чтобы, отрешившись от всего мирского, от всего, что может развлекать мои чувства (магометане прекрасно делают, когда, входя в мечеть или начиная молиться, закрывают пальцами глаза и уши), вызвать в себе божеское начало. Самое лучшее для этого – то, чему учит Христос: войти одному в клеть и затвориться, т. е. молиться в полном уединении, будет ли оно в клети, в лесу или в поле. Молитва – в том, чтобы, отрешившись от всего мирского, внешнего, вызвать в себе божественную часть своей души, перенестись в нее, посредством нее вступить в общение с тем, кого она есть частица, сознать себя рабом Бога и проверить свою душу, свои поступки, свои желания по требованиям не внешних условий мира, а этой божественной части души.

И такая молитва бывает не праздное умиление и возбуждение, которое производит молитвы общественные с их пением, картинами, освещениями и проповедями, а такая молитва – помощь, укрепление, возвышение души. Такая молитва есть исповедь, проверка прежних и указание направления будущих поступков.

Хорошо возобновлять свою молитву, т. е. выражение своего отношения к Богу. Человек постоянно растет, изменяется, и потому должно изменяться и уясняться и его отношение к Богу. Должна изменяться и молитва.

Недельное чтение

Архангел Гавриил

Однажды архангел Гавриил услышал из рая голос Бога – Бог благословил какого-то человека. Ангел сказал: «Верно, это важный слуга Всевышнего, верно, какой-нибудь святой пустынный, мудрец». Ангел спустился на землю, чтобы найти этого человека, но не мог найти его ни на небе, ни на земле. Тогда он обратился к Богу и сказал: «О, Господи! Покажи мне путь к этому предмету твоей любви». Бог отвечал: «Поди в деревню, и там в одном маленьком храме ты увидишь огонь». Ангел спустился к храму и там увидел, что человек молится перед идолом. Ангел вернулся к Богу и сказал: «О, Господи, неужели ты с любовью смотришь на идолопоклонника». Бог сказал: «Я не смотрю на то, что он неверно понимает Меня. Понять Меня, какой Я точно есмь, никто из людей не может. И самый великий мудрец из людей так же далек от истинного понимания того, что такое Я, как и этот человек. Я смотрю не на ум, а на сердце. Сердце же этого человека ищет Меня и поэтому близко ко Мне».

Персидское (Амтар)

Молитва

...Знает Отец ваш, в чем вы имеете нужду, прежде вашего прошения...
Мф. VI, 8.

– Нет, нет и нет! Этого не может быть... Доктор! Да разве ничего нельзя? Да что же вы молчите все?!

Так говорила молодая мать, выходя большими, решительными шагами из детской, где умирал от водянки в голове ее первый и единственный трехлетний мальчик.

Тихо разговаривающие между собою муж и доктор замолчали. Муж робко подошел к ней, ласково коснулся рукой ее растрепанной головы и тяжело вздохнул. Доктор стоял, опустив голову, своим молчанием и неподвижностью показывая безнадежность положения.

– Что ж делать! – сказал муж. – Что же делать, милая...

– Ах, не говори, не говори! – вскрикнула она как будто злобно, укоризненно и, быстро повернувшись, пошла назад в детскую.

Муж хотел удержать ее.

– Катя! не ходи...

Она, не отвечая, взглянула на него большими усталыми глазами и вернулась в детскую.

Мальчик лежал на руке няни с подложенной под голову белой подушкой. Глаза его были открыты, но он не глядел ими. Из сжатого ротика пузырилась пена. Няня со строгим, торжественным лицом смотрела куда-то мимо его лица и не пошевелилась при входе матери. Когда мать вплоть подошла к ней и подсунула руку под подушку, чтобы перенять ребенка от няни, няня тихо сказала: «Отходит!» – и отстранилась от матери. Но мать не послушалась ее и ловким, привычным движением взяла мальчика себе на руки. Длинные вьющиеся волосы мальчика запутались. Она оправила их и взглянула в его лицо.

– Нет, не могу, – прошептала она и быстрым, но осторожным движением отдала его няне и вышла из комнаты.

Ребенок болел вторую неделю. Во время болезни мать по несколько раз в день переходила от отчаяния к надежде. Во все это время она спала едва ли полтора часа в сутки. Все это время она не переставая по несколько раз в день уходила в свою спальню, становилась перед большим образом Спасителя в золотой ризе и молилась Богу о том, чтобы он спас ее мальчика. Чернолицый Спаситель держал в маленькой черной руке золоченую книгу, на которой чернью было написано: «Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас». Стоя перед этим образом, она молилась, все силы своей души вкладывая в свою молитву. И хотя в глубине души и во время молитвы она чувствовала, что не сдвинет горы и что Бог сделает не по ее, а по-Своему, она все-таки молилась, читала известные молитвы и свои, которые она сочиняла и говорила вслух с особенным напряжением.

Теперь, когда она поняла, что он умер, она почувствовала, что в голове ее что-то случилось, как будто сорвалось что-то и стало кружиться, и она, придя в свою спальню, с удивлением оглянулась на все свои вещи, как будто не узнавая места. Потом легла на кровать и упала головой не на подушку, а на сложенный халат мужа и потеряла сознание.

И вот во сне она видит, что ее Костя, здоровый, веселый, сидит с своими кудрявыми волосами и тонкой белой шейкой на креслице, болтает пухлыми в икрах ножками и, выпятив губки, старательно усаживает куклу-мальчика на картонную лошадку без одной ноги и с прогнуптой спиной.

«Как хорошо, что он жив, – думает она. – И как жестоко то, что он умер. Зачем? Разве мог Бог, Которому я так молилась, допустить, чтобы он умер? Зачем это Богу? Разве он мешал

кому-нибудь? Разве Бог не знает, что в нем вся моя жизнь, что я не могу жить без него? И вдруг взять и измучить это несчастное, милое, невинное существо и разбить мою жизнь, и на все мои мольбы отвечать тем, чтобы у него остановились глаза, чтобы он вытянулся, заглодел, закастел».

И она опять видит. Вот он идет. Такой маленький, в такие высокие двери идет, размахивая ручонками, как большие ходят. И глядит и улыбается... «Милый! И его-то Бог хотел измучить и уморить! Зачем же молиться Ему, если Он может делать такие ужасы?»

И вдруг Матреша, девочка, помощница няни, начинает что-то говорить очень странное. Мать знает, что это Матреша, а вместе с тем она и Матреша и ангел. «А если она ангел, то отчего у нее нет за спиной крыльев?» – думает мать. Впрочем, она вспоминает, что кто-то – она не помнит кто, но кто-то заслуживающий доверия, – говорил ей, что ангелы бывают теперь и без крыльев. И ангел-Матреша говорит: «Напрасно вы, сударыня, на Бога обижаетесь. Ему никак нельзя всех слушать. Они часто о таком просят, что одному сделаешь, другого обидишь. Вот сейчас по всей России молятся, да какие люди! Самые первые архиереи, монахи в соборах, в церквях над мощами, все молятся, чтобы Бог дал победы над японцами. А ведь это разве хорошее дело? И молиться об этом не годится, да и угодить-то Ему никому нельзя. Японцы тоже молятся, чтобы им победить. А ведь Он один у нас, батюшка. Как же ему быть?»

– Как же Ему быть, барыня? – говорит Матреша.

– Да, это так. Это старое. Это еще Вольтер говорил. Все это знают, и все это говорят. Я не об этом. А отчего же Он не может исполнить просьбу, когда я прошу не о вредном о чем-нибудь, а только о том, чтобы не уморить моего милого мальчика. Я ведь без него жить не могу, – говорит мать и чувствует, как он обнимает ее за шею своими пухлыми ручонками, и она своим телом чувствует его тепленькое тельце. «Хорошо, что это не случилось», – думает она.

– Да ведь не одно это, барыня, – пристаёт Матреша так же бестолково, как всегда, – ведь не одно это. Бывает, что и один просит, да никак невозможно сделать Ему того, что он хочет. Нам это вполне известно. Я-то ведь знаю, потому что я докладываю, – говорит Матреша-ангел точно таким голосом, каким она вчера, когда барыня посылала ее к барину, говорила няне: «Я-то знаю, что барин дома, потому что я докладывала».

– Сколько раз приходилось докладывать, – говорит Матреша, – что вот хороший человек – из молодых, все больше просит помочь ему, чтобы он дурных дел не делал, не пьянствовал, не распутничал, просит, чтобы из него, как занозу, вынули порок.

«Как, однако, хорошо говорит Матреша», – думает барыня.

– А Ему никак нельзя этого, потому каждому надо самому стараться. Только от старания и польза бывает. Вы сами, барыня, давали мне читать сказку о черной курице. Там рассказано, как мальчику черная курица дала за то, что он ее спас от смерти, волшебное конопляное зернышко, такое, что, пока оно у него в штанах и кармане лежало, он не уча все уроки знал, и как он от этого самого зернышка совсем перестал учиться и память потерял. Нельзя Ему, батюшке, из людей вынимать зло. И им не просить об этом надо, а самим вырывать, вымывать, вывертывать его из себя.

«Откуда она эти слова знает?» – думает барыня и говорит:

– Ты все-таки, Матреша, не отвечаешь мне на вопрос.

– Дайте срок, все скажу, – говорит Матреша. – А то и так бывает: докладываю, что разорилась семья не по своей вине, все плачут, вместо хороших комнат живут в угле, даже чаю нет, просят хоть как-нибудь помочь им. И тоже никак нельзя Ему сделать по-ихнему, потому Он знает, что это им же не на пользу. Они не видят, а Он, батюшка, знает, что, если бы они в достатке жили, они бы вдрызг избаловались.

«Это правда, – думает барыня. – Но зачем же она так вульгарно выражается о Боге? „Вдрызг“... это совсем нехорошо. Непременно скажу ей при случае»...

– Но я не про то спрашиваю, – повторяет опять мать. – Я спрашиваю: зачем, за что хотел это твой Бог взять у меня моего мальчика? – И мать видит перед собой своего Костю живого и слушает его, как колокольчик, звонкий, детский, его особенный, милый смех. – Зачем они взяли его у меня? Если Бог мог это сделать, то Он злой, дурной Бог и совсем не надо Его и не хочу знать Его.

И что же это такое? Матреша уже совсем не Матреша, а какое-то совсем другое, новое, странное, неясное существо, и говорит это существо не устами вслух, а каким-то особенным способом, прямо в сердце матери.

– Жалкое ты, слепое и дерзкое, зазнавшееся создание, – говорит это существо. – Ты видишь своего Костю, каким он был неделю тому назад со своими крепенькими, упругими членами и длинными вьющимися волосами и с наивной, ласковой и осмысленной речью. Но разве он всегда был такой? Было время, когда ты радовалась, что он выговаривает «мама» и «баба» и понимает кто – кто, и еще прежде ты восхищалась тем, что он стоял дыбочки и, качаясь, перебегает мягкими ножками к стулу, а еще прежде вы все восхищались тем, что он, как зверок, ползает по зале, а еще прежде радовались, что он узнает, что держит безволосую головку с дышащим темечком, а еще прежде восхищались тем, что берет сосок и нажимает его своими беззубыми деснами. А еще прежде радовались, что он, весь красный и еще не отделенный от тебя, жалостно кричит, обновляя свои легкие. А еще прежде, за год, где был он, когда его совсем не было? Вы все думаете, что вы стоите и что вам и тем, кого вы любите, следует всегда быть такими, какие они сейчас. Но ведь вы не стоите ни минуты, все вы течете, как река, все летите, как камень, книзу, к смерти, которая, рано или поздно, ждет вас. Как же ты не понимаешь, что если он из ничего стал тем, что он был, то он не остановился бы и ни минуты не оставался бы таким, каким был, когда умер; а как из ничего сделался сосунком, из сосунка сделался ребенком, так из ребенка сделался бы мальчиком-школьником, юношей, молодым человеком, взрослым, стареющим, старым. Ты ведь не знаешь, чем он был бы, если бы остался жив. А я знаю.

И вот мать видит в отдельном, ярко освещенном электричеством кабинете ресторана (один раз муж возил ее в такой ресторан), перед столом с остатками ужина видит одутловатого, морщинистого, с подведенными кверху усами, противного, молодящегося старика. Он сидит, глубоко затонув в мягком диване, и пьяными глазами жадно оглядывает развращенную, подкрашенную, с оголенной белой толстой шеей женщину и пьяным языком выкрикивает, повторяя несколько раз, неприличную шутку, очевидно, довольный одобрительным хохотом такой же другой, как он, пары.

– Неправда, это не он, это не мой Костя! – вскрикивает мать, с ужасом глядя на гадкого старика, который тем и ужасен, что что-то есть в его взгляде, в его губах, напоминающее особенное Костино. «Хорошо, что это сон, – думает она. – Костя настоящий – вот он». И она видит беленького, голенького, с пухлыми грудками Костю, как он сидит в ванне и, хохоча, болтает ножонками, не только видит, но чувствует, как вдруг он охватывает ее обнаженную по локоть руку и целует, целует и под конец кусает ее, не зная, что бы ему еще сделать с этой милой ему рукой.

«Да, вот это Костя, а не тот ужасный старик», – говорит она себе. И на этих словах просыпается и с ужасом признает действительность, от которой уже некуда проснуться.

Она идет в детскую. Няня уже обмыла и убрала Костю. С восковым и утончившимся носиком, с ямочками у ноздрей и приглаженными от лба волосиками он лежит на каком-то возвышении. Вокруг горят свечи и стоят на столике в головах белые, лиловые и розовые гиацинты. Няня поднимается со стула и, подняв брови и вытянув губы, смотрит на поднятое кверху каменно-неподвижное личико. Из другой двери навстречу матери входит Матреша с своим простым, добродушным лицом и заплаканными глазами.

«Как же она мне говорила, что нельзя огорчаться, а сама плакала», – думает мать. И она переводит свой взгляд на покойника. В первую минуту ее поражает и отталкивает ужасное сходство мертвого личика с тем лицом старика, которого она видела во сне, но она отгоняет эту мысль и, перекрестившись, притрагивается теплыми губами к холодному, восковому лобику, потом целует сложенные остывшие маленькие ручки, и вдруг запах гиацинтов как будто что-то новое говорит ей о том, что его нет и никогда больше не будет, и ее душат рыдания, и она еще раз целует его в лоб, и в первый раз она плачет. Она плачет, но плачет не безнадежными, но покорными, умиленными слезами. Ей больно, но она уже не возмущается, не жалуется, а знает, что то, что было, должно было быть, и потому было хорошо.

– Грех, матушка, плакать, – говорит няня и, подойдя к маленькому покойнику, вытирает сложенным платочком слезы матери, оставшиеся на восковом лбу Кости. – От слез его душеньке тяжело будет. Ему хорошо теперь. Ангельчик безгрешный. А жив бы был, кто знает, что бы было.

– Так, так, а все-таки больно, больно! – говорит мать.

Лев Толстой

26 ФЕВРАЛЯ (Слово)

После долгого разговора постарайся вспомнить все то, о чем было говорено, и ты удивишься, как пусто и ненужно и часто дурно было многое, а иногда и все то, что говорилось.

1

Глупому человеку лучше всего молчать. Но если бы он знал это, он бы не был глупым человеком.

Саади

2

Когда ты говоришь, слова твои должны быть лучше молчания.

Арабская поговорка

3

Если один раз пожалеешь, что не сказал, то сто раз пожалеешь о том, что не промолчал.

4

Добрые не бывают спорщиками; спорщики не бывают добрыми.
Мудрые не бывают учены. Ученые не бывают мудры.
Истинные слова не бывают приятны. Приятные слова не бывают истинны.

Лао-Тсе

5

Ручной труд полезен уже тем, что избавляет от пустых разговоров.

6

Хочешь быть умным, научись разумно спрашивать, внимательно слушать, спокойно отвечать и переставать говорить, когда нечего больше сказать.

Лафатер

7

Если люди долго спорят, то это доказывает то, что то, о чем они спорят, неясно для них самих.

Вольтер

8

Сколько нелепостей говорится людьми только из желания сказать что-нибудь новое.

Вольтер

9

Язык немого лучше языка лгуна.

Турецкая поговорка

Если имеешь время подумать, прежде чем начинать говорить, то подумай, стоит ли, нужно ли говорить, не может ли повредить кому-нибудь то, что ты хочешь сказать.

27 ФЕВРАЛЯ (Богатство)

Благотворение только тогда благотворение, когда оно жертва.

1

Золото ваше и серебро изоржавело, и ржавчина их будет свидетельством против вас и съест плоть вашу, как огонь: вы собрали себе сокровища на последние дни.

Послан. Иакова, гл. 5, ст. 3

2

В деньгах, в самых деньгах, в обладании ими есть что-то безнравственное.

3

Если хочешь милости Божьей, покажи дела. Но, может быть, и теперь кто-нибудь, как богатый юноша, скажет: «Я все исполнил: не врал, не убивал, не любодействовал». Но Христос сказал, что нужно не это только, а еще что-то другое. Что же такое? «Продай, – говорит, – имение твое и дай нищим, и иди за Мною» (Мф., гл. 19, ст. 21). Идти же за Ним – значит подражать ему в делах. В каких делах? В любви к ближнему. А если юноша, живя в таком изобилии, мог не раздать свое имение бедным, то как же он мог сказать, что любит ближнего? Если любовь сильна и не на одних словах, то она покажет себя на деле. А богатому показать любовь на деле – значит отказаться от богатства.

По Иоанну Златоусту

4

Жалостливый не бывает богат; богатый – наверное, нежалостлив.
Маньчжурская поговорка

5

Богатые благотворители не видят того, что то, чем они благодетельствуют бедного, они вырвали из рук часто еще более бедных.

6

Если богатые и дают милостыню бедным, то они все-таки делают великий вред народу тем, что они богаты и живут роскошно. Они не думают о том, что их обожание богатства, их роскошь жизни, их презрение к бедности и серой

жизни развращают бедных и внушают им ту мысль, что на свете есть только одно благо – богатство и что надо прежде всего добиваться его.

По Чаннингу

7

Трудно богатому войти в Царство Небесное! Легче верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие.

Мф. гл. 19, ст. 23—24

Богатством нельзя делать добро. Для того чтобы богатый мог делать добро, он должен прежде всего освободиться от богатства.

28 ФЕВРАЛЯ (Искусство)

Искусство есть одно из средств единения людей.

1

Если изящные искусства не проникнуты общими всему человечеству нравственными идеями, которые одни только и соединяют людей, то такие искусства служат только развлечением, в котором люди чувствуют тем большую потребность, чем больше к нему прибегают, чтобы заглушить недовольство самими собою; но этим они делают себя постоянно еще бесполезнее и еще недовольнее.

Кант

2

Можно допустить, что искусство умрет, но немыслимо, чтобы искусство могло жить, раболепствуя перед богатством и глумясь над бедностью.

Моррис

3

Искусство есть одно из самых могущественнейших средств внушения. А так как внушено может быть и порочное (и порочное всегда легче внушается), и хорошее, то ни перед какими способами внушения не надо быть больше настороже, как перед внушением искусства.

4

Чем меньше в религиозном учении влияния внушения, тем оно выше, и наоборот.

5

Достоинство искусства и достоинство науки – в бескорыстном служении на пользу людей.

Джон Рёскин

6

Художник – одно из двух: или первосвященник, или более или менее ловкий скоморох.

Иосиф Мадзини

7

Искусство только тогда на надлежащем своем месте, когда цель его – нравственное совершенствование. Задача искусства – поучать любовно. Если же искусство не помогает людям открывать истину, а только доставляет приятное времяпрепровождение, то оно является постыдным, а не возвышенным делом.

Джон Рёскин

8

Наше искусство, поставившее себе целью поставку потех для богатых классов, не только похоже на проституцию, но есть не что иное, как проституция.

Рассуждения об искусстве – самые праздные рассуждения. Тот, кто понимает искусство, знает, что каждое искусство говорит своим особенным языком и что говорить об искусстве словами – бесполезно. Оттого и бывает то, что больше всего говорят об искусстве те, которые не понимают, не чувствуют его.

29 ФЕВРАЛЯ (Идеал)

Для того чтобы идти, надо знать, куда идешь. То же нужно и для того, чтобы разумно и хорошо жить. Надо знать, куда ведет жизнь и моя, и всех людей.

1

*Совершенство свойственно Богу. Желать совершенного – свойственно человеку.
Гёте*

2

Жизнь дана не затем, чтобы веселиться не трудясь. Нет, жизнь – это борьба и поход. Борьба добра со злом, справедливости с неправдой, свободы с гнетом, любви с похотями личности; жизнь – это шествие нашего «я» к осуществлению того идеала, который сияет брезжащей зарей нашему уму и нашему сердцу.
Иосиф Мадзини

3

Мы все знаем, что живем не так, как надо, и не так, как мы могли бы жить. Вот эту-то мысль о том, что жизнь может и должна быть лучше, надо никогда не оставлять. Но помнить об этом надо не затем только, чтобы осуждать теперешнюю жизнь, а затем, чтобы устанавливать лучшую жизнь. Надо верить, что жизнь должна быть лучше, чем теперешняя, и жить так, чтобы она могла становиться лучше.

4

Часто люди говорят: «Человек слаб, святым не сделаешься, нечего и стараться, а будем жить как все». В этих словах большая ошибка. Стараться жить хорошо надо не для того, чтобы сделаться святым, а для того, чтобы становиться лучше, чем был. В этом главное дело жизни всех людей. И в этом благо и каждого человека, и всего человечества.

5

Идеал в тебе самом. Препятствия к достижению его – в тебе же. Твое положение есть тот материал, из которого ты должен осуществить этот идеал.
Карлейль

6

Совершенство только тогда совершенство, когда осуществление его возможно только в мысли, когда оно представляется достижимым только в бесконечности и когда поэтому возможность приближения к нему бесконечна.

Надеяться и верить, что добро, которое мы сознаем, осуществится и в нас, и в мире, есть главное условие возможности его осуществления. Не верить же в это и думать, что всегда мы будем такими же плохими, как теперь, и все люди будут всегда жить так же дурно, как живут теперь, есть главное препятствие приближению к его осуществлению.

МАРТ

1 МАРТА (Смерть)

Страх смерти несвойствен разумному существу. Страх смерти в человеке есть сознание греха.

1

Животное не предвидит неминуемой смерти и поэтому не знает страха смерти. Человек же часто боится смерти. Неужели обладание человеком разумом, открывающим ему неизбежность смерти, ухудшает, в сравнении с животным, его положение? Это было бы так, если бы человек употреблял свой разум на предвидение смерти, а не на улучшение своей жизни. Чем больше живет человек духовной жизнью, тем менее страшна ему смерть. Если человек живет одной духовной жизнью, то смерть совсем не страшна ему. Смерть для такого человека – только освобождение духа от тела. Он знает, что то, чем он живет, не может уничтожиться.

2

Тот не живет, кто страшится смерти.
Зейме

3

Ничто так не утверждает в неуничтожаемости, безвременности своей жизни, ничто так не способствует спокойному принятию смерти, как мысль о том, что, умирая, мы вступаем не в новое состояние, а только возвращаемся в то, в котором *были* до рождения. Нельзя даже сказать: *были*, а в то состояние, которое нам так же свойственно, как и то, в котором мы находимся здесь и теперь.

4

Смерть – это перемена в теле самая большая и самая последняя. Перемены в нашем теле мы все переживали и переживаем сейчас: то мы были голыми комочками мяса, потом стали грудными детьми, потом повзросли волосы, зубы, потом попадали зубы, выросли новые, потом мы стали сидеть, плешиветь. И всех этих перемен мы не боялись. Отчего же мы боимся последней перемены? Оттого, что никто не рассказал нам, что с ним случилось после этой перемены. Но ведь никто не скажет про человека, если он уехал от нас и не пишет нам, что его нет, а скажет только, что нет о нем известий. То же самое и об умерших: то, что мы не знаем того, что будет с нами после смерти, как и то, что было с нами до этой жизни, показывает только то, что нам это не дано знать, потому что не нужно знать. Одно мы знаем: что жизнь наша не в переменах тела, а в том, что живет в этом теле. А живет в этом теле существо духовное, а для духовного существа нет ни начала, ни конца, потому что нет времени.

5

Сократ говорил, что если смерть есть такое же состояние, как то, в котором мы бываем, когда спим, теряя всякое сознание жизни, то мы все знаем, что в этом состоянии нет ничего страшного. Если же смерть есть переход к лучшей жизни, как думают многие, то смерть не зло, а благо.

Смерть вернее, чем завтрашний день, чем ночь после дня, зима после лета. Отчего же мы готовимся к завтрашнему дню, к ночи, к зиме, а не готовимся к смерти? Надо готовиться к ней. А приготовление к смерти одно – добрая жизнь. Чем лучше жизнь, тем менее страшна смерть и тем легче смерть. Для святого нет смерти.

2 МАРТА

(Слияние своей воли с волей Бога)

Чем больше слил человек свою волю с волей Бога, тем тверже человек в своих поступках.

1

Мы не знаем и не можем знать, для чего мы живем, какое для жизни мира мы делаем дело, но мы знаем, что если мы покорно исполняем волю Пославшего, то делаем, что должно, и нам хорошо. Лошадь, запряженная в воз, не может знать, куда, зачем и что она везет; но если она кротка и смирна и везет, то она знает, что она работает хозяину, и ей хорошо. Так же и люди. «Иго мое благо и бремя Мое легко», – сказал Христос. То, чего хочет от нас Бог, легко и благо для нас, если мы только делаем то, что Он от нас хочет.

2

Исполняй волю Бога, как свою, тогда Он будет исполнять твою волю, как Свою; поступишь своим желанием в угоду Его желанию, тогда Он сделает, что другие поступят своими желаниями в угоду твоим желаниям.
Талмуд

3

Какая сила в человеке, который действует всегда по воле Бога и во всем Ему покорен!
Марк Аврелий

4

Когда на большой дороге грабят разбойники, то путешественник не выезжает один: он выжидает, не поедет ли кто-нибудь со стражей, присоединяется к нему и тогда уж не боится разбойников.

Так же поступает в своей жизни и разумный человек. Он говорит себе: «В жизни много всяких бед. Где найти защиту, как уберечься от всего этого? Какого дорожного товарища подождать, чтобы проехать в безопасности? За кем ехать следом – за тем ли или за другим? За богатым ли, за важным вельможей или за самим царем? Но уберегут ли они меня? Ведь и их грабят и убивают, и они так же бедствуют, как и другие люди. Может быть, еще и то, что тот, с кем я пойду, сам нападет на меня и ограбит. Какого же мне найти себе такого сильного и верного дорожного товарища, который был бы мне защитой и сам не напал бы на меня? За кем мне идти следом?»

Только один есть такой верный товарищ. Товарищ этот – Бог. За ним надо идти, чтобы не попасть в беду. А что значит идти за Богом? Это значит

желать того, чего Он хочет, и не желать того, чего Он не хочет. А как достигнуть этого? Понять Его законы и следовать им.

По Эпиктету

5

Только тогда работник будет хорошо исполнять свое дело, когда он поймет свое положение. Учение Христа завладевает человеком только тогда, когда человек ясно поймет, что жизнь его – не его, а Того, кто дал ее, и что цель жизни не в человеке, а в воле Того, кто дал ее, и что поэтому надо узнать и делать ее.

6

Ты ничего не желаешь; не думай, что это то, что нужно: нужно желать того, чего хочет Бог.

Амиель

7

Не думай, что твое положение таково, что ты в нем не можешь сделать того, что предназначено человеку. На всякой точке земли мы одинаково близки к небу и к бесконечному.

Амиель

Путь доброй жизни узкий. Но узнать его легко. Мы познаем его так же легко, как узнаем путь, проложенный досками через трясину. Как только в ту или другую сторону сошел с него, попал в трясину неразумия и зла. Разумный человек, оступившись в трясину, тотчас же возвращается на доски, безумный же все дальше и дальше забивается в трясину, и все труднее и труднее ему выбраться из нее.

3 МАРТА (Добро)

Какая еще награда за доброе дело? Награда уже получена в той радости, которую испытал человек, делая доброе дело. Всякая награда уменьшает эту радость.

1

Тот, кто делает добро другому, делает больше всего добра самому себе – не в том смысле, что ему будет за это награда, а тем, что сознание сделанного добра дает уже большую радость.

Сенека

2

Один святой жизни человек молился так Богу о людях: «О, Боже! будь милостив к злым, потому что к добрым ты уже был милостив: им хорошо потому, что они добрые».

Саади

3

Делать добро и требовать награды – значит уничтожать действие и силу добра.

Из «Благочестивых мыслей»

4

Очень часто не остается для нас следа одолжений, оказанных нам другими, но никогда не останутся бесследными услуги, оказанные нами другим.

Из «Благочестивых мыслей».

5

Пусть левая рука твоя не знает, что делает правая.

Мф. гл. 6, ст. 3

6

Одни люди, если сделают кому-нибудь услугу, ждут себе за это награду или благодарность; другие, хотя и не ждут награды и благодарности, все-таки не забывают того, что они сделали, и считают тех, кому они сделали добро, своими должниками. Но истинное добро – добро только тогда, когда оно

сделано не для другого, а для себя, и человек, сделавший его, не ищет награды, а делает добро так, как плодое дерево, когда оно вырастит свои плоды и вполне довольно тем, что плодами этими пользуются те, кому они нужны.

По Марку Аврелию

7

Относитесь хорошо к людям в расчете получить выгоду от их благодарности – и вы не получите ни малейшей отплаты за вашу доброту; но относитесь к ним хорошо без всяких корыстных соображений – и вы достигнете и благодарности и пользы. И так во всем: «Кто хочет душу свою сберечь – потеряет ее, а кто потеряет душу свою ради меня, тот обретет ее».

Джон Рёскин

8

Упражняйся во всякой добродетели и избегай всякого порока. Одна добродетель влечет за собою другие, один порок – другие пороки. Награда добродетели – добродетель, возмездие за порок – порок.

Бенчасай

Радостно делать добро. Радость увеличивается, когда знаешь, что никто не знает про сделанное добро.

Недельное чтение

Бедные люди

В рыбацкой хижине сидит у огня Жанна, жена рыбака, и чинит старый парус. На дворе свистит и воет ветер и, плескаясь и разбиваясь о берег, гудят волны... На дворе темно и холодно, на море буря, но в рыбацкой хижине тепло и уютно. Земляной пол чисто выметен; в печи не потух еще огонь; на полке блестит посуда. На кровати с опущенным белым пологом спят пятеро детей под завывание бурного моря. Муж-рыбак с утра вышел на своей лодке в море и не возвращался еще. Слышит рыбацкая гул волн и рев ветра. Жутко Жанне.

Старые деревянные часы с хриплым боем пробили десять, одиннадцать... Мужа все нет. Жанна задумывается. Муж не жалеет себя, в холод и бурю ловит рыбу. Она сидит с утра до вечера за работой. И что же? Еле-еле кормятся. А у ребяток все нет обуви: и летом и зимой бегают босиком; и хлеб едят не пшеничный – хорошо и то, что хватает ржаного. Только и приправы к еде, что рыба. «Ну да слава Богу, дети здоровы. Нечего жаловаться, – думает Жанна и опять прислушивается к буре. – Где-то он теперь? Сохрани его, Господи, спаси и помилуй!» – говорит она и крестится.

Спать еще рано. Жанна встает, накидывает на голову толстый платок, зажигает фонарь и выходит на улицу посмотреть, не тише ли стало море, не светает ли, и горит ли лампа на маяке, и не видать ли лодки мужа. Но на море ничего не видно. Ветер рвет с нее платок и чем-то оторванным стучит в дверь соседней избушки, и Жанна вспоминает о том, что она еще с вечера хотела зайти проведать больную соседку. «Некому и приглядеть за ней», – подумала Жанна и постучала в дверь. Прислушалась... Никто не отвечает.

«Плохое вдовье дело, – думает Жанна, стоя у порога. – Хоть и не много детей – двое, а все одной обдумать надо. А тут еще болезнь! Эх, плохое вдовье дело. Зайду, проведаю».

Жанна постучалась еще и еще. Никто не отвечал.

– Эй, соседка! – крикнула Жанна. «Уж не случилось ли что», – подумала она и толкнула дверь.

В избушке было сыро и холодно. Жанна подняла фонарь, чтобы оглядеть, где больная. И первое, что ей бросилось в глаза, это – постель прямо против двери, и на постели она, соседка, лежит на спине так тихо и неподвижно, как лежат только мертвые. Жанна поднесла фонарь еще ближе. Да, это она. Голова закинута назад; на холодном, посиневшем лице спокойствие смерти. Бледная, мертвая рука, будто потянувшаяся за чем-то, упала и свесилась с соломы. И тут же, недалеко от мертвой матери, двое маленьких детей, кудрявых и толстощеких, прикрытых старым платьем, спят, скорчившись и прижавшись друг к другу белокуроми головками. Видно, мать, умирая, еще успела закутать им ножки старым платком и накрыть их своим платьем. Дыхание их ровно и спокойно. Они спят сладко и крепко.

Жанна снимает колыбельку с детьми и, закутав их платком, несет домой. Сердце ее сильно бьется; она сама не знает, как и зачем она сделала это, но она знает, что не могла не сделать то, что сделала.

Дома она кладет непрснувшихся детей на кровать со своими детьми и торопливо задергивает полог. Она бледна и взволнованна. Точно мучит ее совесть. «Что-то скажет он?... – сама с собой говорит она. – Шутка ли, пятеро своих ребятишек – мало еще ему было с ними заботы... Это он?... Нет, нет еще!.. И зачем было брать!.. Прибьет он меня! Да и поделом, я и стою того. Вот он! Нет!.. Ну, тем лучше!..»

Дверь скрипнула, будто кто вошел. Жанна вздрогнула и приподнялась со стула.

«Нет. Опять никого! Господи, и зачем я это сделала?... Как ему теперь в глаза взгляну?...» И Жанна задумывается и долго сидит молча у кровати.

Дождь перестал; рассвело, но ветер гудит, и море ревет по-прежнему.

Вдруг дверь распахнулась, в комнату ворвалась струя свежего морского воздуха, и высокий смуглый рыбак, волоча за собой мокрые разорванные сети, входит в горницу со словами:

– Вот и я, Жанна!

– Ах, это ты! – говорит Жанна и останавливается, не смея поднять на него глаз.

– Ну уж ночь! Страх!

– Да, да, погода была ужасная! Ну а как ловля?

– Дрянь, совсем дрянь! Ничего не поймал. Только сети разорвал. Плохо, плохо!.. Да, я тебе скажу, и погода ж была! Кажется, такой ночи и не запомню. Какая там ловля! Слава Богу, что жив домой добрался... Ну, а ты что тут без меня делала?

Рыбак втащил сети в комнату и сел у печки.

– Я? – сказала Жанна, бледнея. – Да что ж я... Сидела шила... Ветер так завывал, что страшно становилось. Боялась за тебя.

– Да, да, – пробормотал муж, – погода чертовски скверная! Да что поделаешь!

Оба помолчали.

– А знаешь, – сказала Жанна, – соседка-то Симон умерла.

– Ну?

– И не знаю, когда; верно, еще вчера. Да, тяжело ей было умирать. Да и за детей-то, должно быть, как сердце болело! Ведь двое детей – крошки... Один еще не говорит, а другой чуть начинает ползать...

Жанна замолчала. Рыбак нахмурился; лицо его сделалось серьезно, озабоченно.

– Ну, дела! – проговорил он, почесывая в затылке. – Ну да что станешь делать! Придется взять, а то проснутся, каково им с покойницей? Ну да что уж, как-нибудь перебьемся! Ступай же скорей!

Но Жанна не двигалась с места.

– Что ж ты? Не хочешь? Что с тобой, Жанна?

– Вот они, – сказала Жанна и отдернула полог.

Виктор Гюго. Изложил Л.Н.Толстой

4 МАРТА (Воздержание)

Обжорство – самый обыкновенный порок. Мы мало замечаем его только потому, что почти все ему подвержены.

1

Есть грехи против людей и есть грехи против себя. Грехи против людей бывают оттого, что мы не уважаем дух Божий в другом человеке. Грехи против самого себя – оттого, что не уважаем дух Божий в самих себе. Один из самых обыкновенных грехов против самого себя – это объедение.

2

Если бы не жадность, ни одна птица не попала бы в сети. На эту же приманку ловят и людей. Брюхо – это цепь на руки и кандалы на ноги. Раб брюха – всегда раб. Хочешь быть свободен – прежде всего освобождай себя от брюха. Ешь для того, чтобы утолить голод, а не для того, чтобы получить удовольствие.

По Саади

3

Объедающийся человек не в состоянии бороться с ленью, а объедающемуся и праздному человеку еще труднее бороться с половой похотью. И потому по всем учениям стремление к воздержанию начинается с борьбы с похотью обжорства, начинается постом.

4

Всякий человек подобен укротителю диких зверей, а эти звери – его страсти. Вырвать их клыки и когти, зануздать их, приручить, сделать из них домашних животных, слуг, хотя бы и рычащих, но все-таки покорных, – в этом задача самовоспитания.

Амиель

5

Бог послал людям пищу, а дьявол – поваров.

6

Мудрец Сократ сам воздерживался от всего лишнего, такого, что едят не для утоления голода, а для вкуса, и уговаривал своих учеников делать так же. Он говорил, что и для тела, и для души большой вред от лишней еды и питья и советовал никогда не наедаться, а выходить из-за стола, пока еще есть хочется. Он напоминал своим ученикам сказку о мудром Клиссе:

как волшебница Цирцея не могла заколдовать его только оттого, что он не стал объедаться, а товарищей его, как только они набросились на ее сладкие кушанья, всех обратила в свиней.

7

Не беда, если тело пострадает от душевной работы, но стыдно, когда самое дорогое в человеке – душа – пострадает от тела.

По Талмуду

8

Наблюдай за твоим ртом: через него входят болезни. Поступай так, чтобы тебе хотелось еще есть, когда ты встаешь от обеда.

Невоздержание в пище не считается грехом только потому, что оно не производит заметного вреда другим. Но есть грехи против сознания человеком своего достоинства. Невоздержание в пище – один из них.

5 МАРТА (Смирение)

Как человек не может сам поднять себя, так не может человек и восхвалить себя. Напротив, всякая попытка человека хвалить себя роняет его в глазах людей.

1

Не хвали и не брани себя пред людьми. Если будешь хвалить, люди не поверят, если будешь хулить, они подумают о тебе еще хуже, чем ты сказал. И потому самое лучшее – ничего не говорить о себе.

2

Тот не смиренен, кто говорит про себя, что он смиренен. Тот, кто говорит, я ничего не знаю, – тот умен; кто говорит, я учен, – тот болтун. Тот, кто молчит, – тот умнее и лучше всех.

Вамана Пурана

3

Персиянин Саади рассказывает, как он раз, сидя при отце своем, во всю ночь не закрывая глаз, читал священную книгу Коран, в то время как все домашние крепко спали. В середине ночи, рассказывает Саади, я, оторвавшись от книги, сказал отцу: «Никто не помолится и не послушает священной книги, а все спят как мертвые». – «И тебе бы лучше спать, – сказал отец, – чем осуждать людей».

4

Тот, кто хвалится, ничего не видит, кроме себя. Лучше бы ему быть слепым, чем видеть только себя.

Саади

5

Хотите, чтобы о вас хорошо говорили, не говорите о себе хорошего.

Паскаль

6

Мысль и ее выражение – слово – дело серьезное. Нехорошо играть мыслями и словами для оправдания своих поступков.

7

Тот, кто слушает то, что люди говорят про него, никогда не будет спокоен.

8

Льстец льстит только потому, что он невысокого мнения и о себе и о других.

Лабрюйер

Если хотите доброй славы или хотя не худой славы, не только не хвалите сами себя, но и не позволяйте другим хвалить себя.

6 МАРТА (Бог)

Любовь к Богу есть любовь сама к себе – любовь к любви. Любовь эта есть высшее благо. Такая любовь не допускает возможности нелюбви к какому бы то ни было существу. Как только не любишь хоть одного человека, теряешь уже любовь к Богу и благо этой любви.

1

И один из них, законник, искушая его, спросил, говоря: Учитель! какая наибольшая заповедь в законе? Иисус сказал ему: возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим: сия есть первая и наибольшая заповедь; вторая же подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя; на сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки.

Матф. гл. 22, стр. 35–40

2

Откуда все бедствия и душевные муки? Только от привязанности души к таким вещам, постоянное обладание которыми невозможно, так как они подлежат бесконечным изменениям. Люди ведь боятся и страдают только за любимые ими предметы, и все оскорбления, подозрения, вражды – все только от этой любви к предметам, которыми человек никогда не может обладать вполне.

Только любовь к предмету вечному и бесконечному дает нашей душе чистую радость; и вот к этому-то благу мы и должны стремиться всеми силами.

И потому высшее благо человека не только зависит от познания Бога, но и вполне в нем заключается. Что это так, ясно из того, что совершенство человека возрастает по степени совершенства того предмета, который он любит больше всех других, и обратно. И потому ясно, что человек тем более будет совершенен и причастен к высшему блаженству, чем более он будет любить совершеннейшее существо, т. е. Бога, и чем более будет отдаваться этой любви. Потому и наше высшее благо и основа нашего блаженства – только в познании Бога и в любви к Нему.

Раз это признано, то очевидно, что средство достижения этой конечной цели человеческих стремлений могут и должны быть признаны заповедями Божиими, так как пользование этими средствами предписывается нам Самим Богом, поскольку Он существует в нашей душе. А потому и правила поведения, ведущие к этой цели, могут быть названы Божескими заповедями или Божественным законом. Божественный же закон весь вполне заключается в одной высшей заповеди: любить Бога как высшее благо, т. е. не из страха наказания и не из любви к другому предмету, а так, чтобы любовь к Нему была конечной целью, к которой были бы направлены все наши поступки.

Плотской человек не понимает этого, правило это представляется ему пустым, потому что он о Боге имеет только несовершенное понятие и не видит в том высшем благе, которое ему предлагается, ничего осязательного, ничего приятного для чувств, ничего удовлетворяющего тело, источник его наслаждений, так как предлагаемое ему благо заключается только в отвлеченном мышлении, в разуме. Но те люди, которые способны понять, что в человеке нет ничего выше разума и совершеннее чистой души, без сомнения, не могут так думать.

Если же мы рассмотрим внимательно сущность этого божественного закона, то мы увидим, во-первых, то, что закон этот всемирный, т. е. общ всем людям, так как он выведен из

природы всех людей; во-вторых, что закон этот не нуждается в поддержке посредством каких бы то ни было исторических рассказов; так как, выводя закон этот исключительно из природы человека, мы найдем его в душе всякого человека, живущего ли в уединении или среди себе подобных. В-третьих, мы увидим и то, что этот природный божественный закон любви к Богу не требует от нас никаких богослужебных обрядов, т. е. такого рода действий, которые, будучи сами по себе безразличны, считаются хорошими только в силу признаваемого всеми предания; так как тот природный свет разума, который живет в нас, не требует от нас ничего такого, чего бы мы не были в состоянии понять и ясно представить себе, как хорошее в самом себе и как средство достигнуть блаженства. В-четвертых, мы увидим, наконец, и то, что наградой за исполнение божественного закона будет самый закон, т. е. знание Бога и чистая, свободная и непреходящая любовь к Нему. Наказанием же для нарушителей закона будет только лишение этих благ, рабство тела и души, всегда переменчивой и всегда смятенной.

Спиноза

3

Любовь к ближнему без любви к Богу – все равно что растение без корней. Любовь к человеку без любви к Богу – это любовь к тем, кто нас любит, кто нам приятен, кто красивый и веселый. Такая любовь часто из любви делается враждою. Когда же любишь ближнего оттого, что любишь Бога, то любишь и тех, кто не любит нас, кто неприятен нам, кто уродливый, гадкий телом. Эта любовь настоящая и твердая, и такая любовь не ослабевает, а что дальше, то больше укрепляется и все больше и больше дает блага тому, кто испытывает ее.

4

Люди говорят: я не понимаю, что такое значит любить Бога. Но кто же понимает, что такое значит любить что бы и кого бы то ни было? Понимает это только тот, кто любит.

Если человек не знает, что такое значит любить искусство, науку, как объяснить ему это, если он не знает, что такое искусство, наука?

Как же объяснить человеку, что значит любить Бога, когда он не только не знает того, что такое Бог, но гордится тем, что не знает этого.

Говорят, надо бояться Бога. Это неправда. Бога надо любить. А как же любить того, кого боишься. Да кроме того, нельзя бояться Бога еще и оттого, что Бог есть любовь. Как же бояться любви? Не бояться Бога надо, а любить Его. А если будешь любить Бога и не будешь бояться Его, то не будешь бояться ничего на свете.

7 МАРТА (Труд)

Труд, упражнение своих сил есть необходимое условие жизни. Человек может заставить других делать то, что ему нужно, но не может освободить себя от телесной потребности работы. Если он не будет работать нужное и разумное, он будет работать ненужное и глупое.

1

Человек, как и всякое животное, так сотворен, что ему необходимо работать для того, чтобы не умереть от голода и холода. И работа эта, чтобы прокормить себя и защитить от непогоды, как для всякого животного, так и для человека, – не мученье, а радость. Но люди так устроили свою жизнь, что одни сами ничего не работают, а заставляют других за себя работать и скучают оттого, что не знают, что делать, и выдумывают всякие глупости и гадости, чтобы занять себя, а другие работают через силу и скучают работой, скучают оттого, что им приходится работать не на себя, а на других.

Нехорошо и тем и другим. Первым, неработающим, худо оттого, что они от праздности губят свои души, вторым же худо то, что они через силу тратят тело.

Но работающим все-таки лучше, чем неработающим. Душа дороже тела.

2

Если работа для вас главное, а плата вещь второстепенная, то вашим господином будет труд и его творец – Бог. Но если работа для вас вещь второстепенная, а главное плата, то вы рабы платы и творца ее – дьявола, и притом самого низкого и последнего из дьяволов.

Рёскин

3

Дьявол, ловя людей на свою уду, насаживает разные приманки. Но для праздного человека не нужно никаких, он идет на голый крючок.

4

Европеец восхваляет перед китайцем преимущество машинного производства: «Оно освобождает человека от труда». Но труд есть благо. Освобождение от труда было бы великим бедствием, отвечает китаец.

5

Всякий ручной труд облагораживает человека. Не обучать сына ручному труду – все равно что готовить его к грабежу.

Талмуд

Без упражнения своих мускулов не может жить животное, не может жить и человек.

Для того же, чтобы упражнение это удовлетворяло, радовало, надо упражнять его на полезное, и лучше всего на служение другим. Это лучшее его употребление.

8 МАРТА (Молитва)

Молитва – это напоминание себе своего отношения к бесконечному, к Богу.

1

Жизнь путает, раздражает нас, рассеивает наши мысли. От этого-то и бывает так полезна для души молитва. Молитва – это крепительное лекарство, оно возвращает нам мир и мужество. Она напоминает нам наши грехи, нашу обязанность прощения всех, она говорит нам: «Ты любим – люби; ты получил – давай; ты должен умереть – делай свое дело; побеждай гнев великодушием, зло добром. Что нужды до ложного суждения людей о тебе. Ты не обязан ни угождать им, ни иметь успех. Делай, что должно; пусть будет, что будет. Твой свидетель – твоя совесть, а твоя совесть – это Бог, Который говорит в тебе. Вспоминай и освежай в себе все это – в этом молитва».

Амиель

2

Знай, что мы молимся Богу и выражаем пред ним свои желания не потому, чтобы Его воля подлежала изменению, но потому, что, обращаясь к Нему, мы тем самым признаем Его, а признавая Его власть, душа наша очищается и возвышается.

Талмуд

3

Молитва обращается к личному Богу не потому, что Бог личен (я даже знаю наверно, что он не личен, потому что личность есть ограниченность, а Бог беспределен), а потому, что я – личное существо.

У меня зеленое стеклышко на глазу, и я все вижу зеленым; не могу не видеть мира зеленым, хотя и знаю, что он не таков.

4

Молитва – это выяснение своего отношения к началу всего; это выяснение своей связи с людьми, своих обязанностей к ним, как к детям одного с нами Отца, сведение счетов с самим собою по всем своим действиям и обсуждение своего темного прошлого для того, чтобы уберечься в будущем от ошибок прошедшего.

Талмуд

5

Хорошо молиться в определенное время. Но если не можешь собраться с мыслями, лучше не молись, не повторяй слова одним языком.

6

Хороша и нужна молитва в уединении, но нужнее всего молитва среди шума людского, когда ты взволнован, увлечен, раздражен. Вспомнить в такие минуты о своей душе и о Боге – в этом самая нужная и лучшая молитва.

Не думай, что можно угодить Богу молитвой, а не повиновением Ему. Молитва – это только напоминание себе о том, что ты такое и в чем твое дело жизни.

9 МАРТА (Война)

Война и христианство несовместимы.

1

Стоит человеку сказать себе про дурное дело, что хотя я и знаю, что это дело дурно, нельзя не делать его, – стоит человеку сказать себе это, и он будет делать самые ужасные дела и не только думать, что дела эти можно делать, но будет еще и гордиться ими. Одно из таких ужасных дел – война.

2

Вооруженный мир и война если и будут когда-либо уничтожены, то никак не царями, не сильными мира. Война слишком выгодна для них. Война прекратится только тогда, когда те, кто больше всего страдают от войны, поймут, что их судьба в их же руках, и для своего освобождения от бедствий войны употребят самое простое и естественное средство: перестанут повиноваться тем, кто вовлекает их в войну, делает их солдатами.

По Хардьюэну

3

Тем, которые, не понимая нашей веры, хотят, чтобы мы взяли в руки оружие и убивали людей ради общего дела, мы можем ответить: «Ваши жрецы, приставленные к вашим идолам и вашим храмам, блюдут свои руки чистыми для того, чтобы жертвы, которые они приносят вашим богам, совершались бы руками чистыми, не оскверненными кровью и убийством. Какая бы ни началась война, вы никогда не зачисляете их в войско. Если этот обычай разумен, то не гораздо ли еще разумнее то, чтобы мы, христиане, соблюдали свои руки чистыми от всякого осквернения».

Когда мы нашими увещаниями поощряем народы к ненарушению союзов и условий мира, мы гораздо полезнее властителям, чем их воины. Мы истинно участвуем в трудах, имеющих целью общественное благо, когда к нашим увещаниям мы присоединяем еще размышления и упражнения, поучающие людей освобождению от похотей. Да, мы более всех других воюем за благо императора. Правда, мы не служим под его знаменами и не будем служить, если бы он и заставил нас, но мы сражаемся за него добрыми делами.

Ориген (писатель первой половины III века)

4

Иисус положил основание новому обществу. До него народы принадлежали одному или многим господам, как стада принадлежат своим хозяевам. Князья и сильные мира давили народ всей тяжестью своей гордости и

корыстолюбия. Иисус кладет конец этому неустройству, поднимает согбенные головы, освобождает рабов. Он научает их тому, что, будучи равными перед Богом, люди свободны, что никто не может иметь сам по себе власти над своими братьями, что равенство и свобода, божественные законы человеческого рода, ненарушимы; что власть не может быть правом; что в общественном устройстве она есть должность, служение, некоторого рода рабство, свободно принятое на себя ввиду общего блага. Таково общество, которое устанавливает Иисус. Это ли мы видим в мире? Это ли учение царствует на земле? Слуги или господа – князья народов в нашем мире? В продолжение 19 веков поколение за поколением передают друг другу учение Христа и говорят, что верят в него, а что же изменилось в мире? Народы, задавленные и страдающие, все ждут обещанного освобождения, и не оттого, чтобы слово Христа было неверно или недействительно, но оттого, что народы или не поняли, что осуществление учения должно совершиться их собственными усилиями, их твердой волей, или, заснувши в своем унижении, не сделали того одного, что дает победу, не готовы умереть за истину. Но они проснутся. Уже что-то шевелится среди них; они слышат голос, который говорит: спасение близко.

Ламенэ

Человек вообще, и в особенности христианин, обязан не участвовать в войне и в приготовлениях к ней ни лично, ни деньгами, ни рассуждениями о ней.

10 МАРТА (Единение)

То, что дает жизнь, едино во всем.

1

Все живое боится мучения, все живое боится смерти; пойми самого себя во всяком живом существе, не мучай и не убивай, не причиняй страданий и смерти.

Все живое хочет того же, чего и ты, все живое дорожит своей жизнью; пойми же самого себя во всяком живом существе.

*Буддийская мудрость*¹³

2

Все, что ты видишь, все, в чем есть божественное и человеческое, – все это едино: мы – члены одного великого тела. Природа создала нас родными, произведя нас на свет из одного и того же материала и для одной и той же цели. Она заложила в нас взаимную любовь и сделала нас общительными, дружелюбными; утвердила в нас стремление к справедливости и чувство долга; по его установлению, губить хуже, чем гибнуть; по ее велению, рука должна быть всегда готова на помощь. Мы рождены для единения. Наш союз подобен каменному своду, который рухнул бы, если бы камни не опирались друг на друга.

Сенека

3

Счастье свое человек находит только в служении ближним, и благодаря этому служению он становится един с основой жизни мира.

4

Единство свое с человеком я живо сознаю и чувствую. Такое же единство я чувствую (хотя и слабее) между собой и животным. Еще слабее я чувствую его с насекомыми, с растениями, и сознание этого единства совершенно исчезает у меня по отношению к микроскопическим и телескопическим существам. Но то, что у меня нет чувственного органа для познания этого единства, не доказывает того, чтобы оно не существовало.

5

Путь жизни – один, и все мы рано или поздно сойдемся на этом пути. Знание этого пути слишком ясно заложено в наше сердце, слишком широка и

¹³ Дхаммапада

заметна эта дорога для того, чтобы не попасть на нее. В конце дороги этой – Бог, и Он зовет нас к Себе, и как больно смотреть на людей, когда они идут мимо этой дороги, дорогою смерти.

Путь жизни широк, но многие не знают его и идут дорогою смерти.

По Гоголю

Отгоняй от себя все то, что мешает тебе чувствовать твою связь со всем живым.

Недельное чтение

I. Единение

«Каждая личность есть существо, вполне отдельное от всех остальных. Истинное мое бытие – лишь во мне самом, все же остальное – не я и мне чуждо». Вот познание, истинность которого удостоверяют плоть и кости, которое лежит в основе всякого себялюбия и реальным выражением которого служит каждый нелюбовный, несправедливый или злобный поступок.

«Мое истинное внутреннее существо живет во всем живом столь же непосредственно, как в моем самосознании оно раскрывается лишь мне самому». Это познание, выражающееся в санскрите неизменной формулой *tat-tvam-asī*, т. е. «все это ты», проявляется в виде сострадания, на котором основывается поэтому всякая истинная, т. е. несвоекорыстная, добродетель и реальным выражением которого служит каждый добрый поступок. На это-то познание и рассчитывает в конце концов всякий призыв к кротости, человеколюбию, милосердию, ибо подобного рода призыв есть напоминание о такой точке зрения, с которой все мы – одно и то же существо. Напротив, себялюбие, зависть, ненависть, гонение, черствость, мщение, злорадство, жестокость основаны на том, первом познании и держатся его. Умиление и восторг, который мы ощущаем, слыша, еще больше – видя, а больше всего – совершая благородный поступок, имеет свое глубочайшее основание в том, что он вселяет в нас уверенность в том, что под множественностью и разнообразием личностей кроется их единство, действительно существующее и доступное нам, так как оно обнаружилось на деле.

Проявление того или другого рода познания из этих двух сказывается не только в отдельных поступках, но и во всем свойстве сознания и состояния духа людей. У человека с добрым характером сознание это совсем иное, чем у человека с злым характером. Человек с злым характером всюду чувствует твердую перегородку между собой и всем, что вне его. Мир для него – не я, и его отношение к нему – с самого начала враждебное; потому основное настроение его всегда – неприязненность, подозрительность, зависть, злорадство. Человек же доброго характера живет не в себе одном, а во внешнем мире, который он сознает односущным себе; другие для него – не не я, а «все я же и я». И потому его отношение к каждому – всегда дружественное: он чувствует свое родство со всеми существами, принимает непосредственное участие в их благополучии и несчастьи и доверчиво предполагает и в них ту же участливость. И в нем твердо укрепляются мир и то уверенное, спокойное, довольное состояние духа, от которого каждому делается хорошо вблизи него.

Шопенгауэр

II. Морское плавание

Я плыл из Гамбурга в Лондон. Нас было двое пассажиров: я да маленькая обезьяна, самка из породы уистити, которую один гамбургский купец отправлял в подарок своему английскому компаньону.

Она была привязана тонкой цепочкой к одной из скамеек на полубе и металась и пищала жалобно, по-птичьи.

Всякий раз, когда я проходил мимо, она протягивала мне свою черную холодную ручку и взглядывала на меня своими грустными, почти человеческими глазенками. Я брал ее руку, и она переставала пищать и метаться.

Стоял полный штиль. Море растянулось кругом неподвижной скатертью свинцового цвета.

Непрестанно и жалобно, не хуже писка обезьяны, звякал небольшой колокол у кормы.

Изредка всплывал тюлень и, круто кувыркнувшись, уходил под едва возмущенную гладь.

А капитан, молчаливый человек с загорелым сумрачным лицом, курил короткую трубку и сердито плевал в застывшее море.

На все мои вопросы он отвечал отрывистым ворчанием; поневоле приходилось обращаться к моему единственному спутнику – обезьяне.

Я садился возле нее; она переставала пищать и опять протягивала мне руки.

Снотворной сыростью обдавал нас обоих неподвижный туман; и, погруженные в одинаковую бессознательную думу, мы пребывали друг возле друга словно родные.

Я улыбаюсь теперь... но тогда во мне было другое чувство.

Все мы – дети одной матери, и мне было приятно, что бедный зверок так доверчиво утихал и прислонялся ко мне, словно к родному.

Ив. Тургенев

11 МАРТА (Брак)

Как пища есть необходимое условие жизни отдельного человека, так брак есть необходимое условие жизни человечества; и как злоупотребление пищей порождает зло для отдельного человека, так и злоупотребления брака порождают величайший вред для отдельного человека и для человечества.

1

Сожительство, последствием которого может быть деторождение, есть истинный, действительный брак; всякие же обряды, заявления, условия не составляют брака и употребляются большею частью для того, чтобы признать все предшествующие сожительства не браком.

2

Ты можешь пренебречь своею обязанностью перед супругом или супругой, можешь избавиться от той печали, которую дают тебе эти обязанности, можешь уйти. Но что же ты найдешь?

Ту же печаль, но без сознания исполненной обязанности.

Джордж Элиот

3

Брак, как условие, есть обязательство двух людей разных полов иметь детей только друг от друга. Нарушение этого условия есть обман, измена и преступление.

4

Великое дело то, когда две души чувствуют, что они соединены навеки с тем, чтобы поддерживать друг друга во всяком труде, во всяком горе, помогать друг другу во всяком страдании и быть соединенным друг с другом в те молчаливые невыразимые минуты последнего прощания.

Джордж Элиот

5

Какого великого блага могут достигнуть два любящие супруга, если они поставят своей целью совершенствование и будут помогать в этом друг другу: напоминанием, советом, примером?

6

И приступили ко Христу фарисеи и, искушая Его, говорили Ему: по всякой ли причине позволительно человеку разводиться с женою своею?

Он сказал им в ответ: не читали ли вы, что Сотворивший в начале мужчину и женщину сотворил их? И сказал: посему оставит человек отца и мать и прилепится к жене своей, и будут два одною плотью (Быт. 1, 27; 2, 24). Так что они уже не двое, но одна плоть. Итак, что Бог сочетал, того человек да не разлучает.

Мф. гл. 19, ст. 3, 4, 5, 6

7

Всякий, разводящийся с женою своею и женящийся на другой, прелюбодействует, и всякий, женящийся на разведенной с мужем, прелюбодействует.

Лк. гл. 16, ст. 18

Соединение мужчины и женщины для продолжения рода человеческого есть дело такое великое и важное и для каждого отдельного человека, и для всего человечества, что делать его нельзя кое-как и как кому вздумается и как кому приятно, а надо делать его так, как решили о нем и обдумали его жившие прежде нас мудрые и святые люди.

12 МАРТА (Дела)

Дела человека – его жизнь. И дела его становятся его судьбой, хорошей или дурной. В этом закон нашей жизни, и потому для человека важнее всего в мире то, что он сейчас делает.

Индийская Агни Пурана

1

У персиян есть такой рассказ:

Душа после смерти летела на небо, и вот навстречу ей появилась ужасная женщина, безобразная, грязная, вся в гнойных ранах. «Зачем ты здесь, такая отвратительная и мерзкая, хуже всякого дьявола? – спросила душа. – Кто ты?» Ужасная женщина отвечала:

– Я – твои дела.

2

Делать добрые дела, быть милосердным, кротким, смиренным, говорить хорошие речи, желать добра другим, иметь чистое сердце, всегда поучаться, всегда говорить правду, удерживать гнев, быть терпеливым и довольным, быть дружелюбным, стыдливым, уважительным к старым, почитать родителей и учителей – все это друзья добрых и враги злых.

Говорить неправду, красть, нечистым взглядом смотреть на женщин, обманывать, браниться, желать зла ближнему, быть гордым, праздным, клеветником, скупым, непочтительным, бесстыдным, горячим, брать чужое, быть мстительным, упрямым, завистливым, делать зло ближнему, быть суеверным – все это друзья злого и враги доброго.

Персидский катехизис

3

Важны не рассуждения о доброй жизни, а добрые дела.

Талмуд

4

Никогда не откладывай доброго дела, если можешь сделать его нынче, потому что смерть не разбирает того, сделал ли или не сделал человек то, что должно. Смерть никого и ничего не дожидается. У нее нет ни врагов, ни друзей.

Индийская Агни Пурана

5

Когда ты явился на свет, ты плакал, а кругом все радовались; сделай же так, чтобы, когда ты будешь покидать свет, все плакали, а ты один улыбался.

Индийское изречение

6

Только когда исполнишь ту истину, которую знаешь, откроется тебе новая истина.

Люси Малори

Как ни сильно влияние прошедших дел на направление жизни, человек все-таки всегда усилием духа может изменить его.

13 МАРТА (Мудрость)

Условие мудрости – нравственная чистота; последствие ее – душевный мир.

1

Хороший человек заботится больше о том, чтобы делать то, что должно, чем о том, что с ним случается. Делать то, что должно, – мое дело, говорит такой человек, то, что случается, – дело Божье. И что бы ни случилось, ничто не может помешать мне делать то, что я должен.

2

Человек, который поставит себе за правило делать то, что ему хочется, недолго будет хотеть делать то, что делает.

3

Когда мы чувствуем себя всего слабее телом, мы можем быть всего сильнее духом.

Люси Малори

4

Самым лучшим доказательством мудрости является непрерывно хорошее расположение духа.

Монтэнь

5

Делай только то, что духовно поднимает тебя, и будь уверен, что этим самым ты более всего можешь быть полезен обществу.

6

Когда что-либо тебя огорчает и мучает, подумай: 1) как много еще более неприятного могло бы с тобою случиться и случается с другими людьми; 2) вспомни, как в прежнее время огорчали и точно так же, как теперь, мучили тебя события или обстоятельства, о которых теперь ты вспоминаешь спокойно и совершенно равнодушно, и 3) главное – подумай о том, что то, что огорчает и мучит тебя, есть только испытание, на котором ты можешь проявить свою духовную силу и укрепить ее.

7

Души людей бывают временами в состоянии наибольшего совершенства, временами же в состоянии наибольшей развращенности. Дорожи хорошими часами, удерживай их и прогоняй от себя дурные и тогда все чаще и чаще будешь жить хорошими часами и реже и реже дурными.

По Бэкону

8

Мудрым может быть только тот, кто не считает себя мудрым. А не считает себя мудрым только тот, кто всегда видит перед собой совершенство Бога.

9

Очень богат тот, кому нечего терять.

Китайская пословица

Мудрость бесконечна – чем дальше подвигаешься к ней, тем она становится нужнее. Человек всегда может делаться лучше.

14 МАРТА (Разум)

Любовь влечет людей к единению; разум, единый у всех, утверждает это единение.

1

Человек мыслит – так он создан. Ясно, что он должен мыслить разумно. Разумно мыслящий человек прежде всего думает о том, для какой цели он должен жить: он думает о своей душе, о Боге. Посмотрите же, о чем думают мирские люди? О чем угодно, только не об этом. Они думают о плясках, о музыке, о пении; они думают о постройках, о богатстве, о власти; они завидуют положению богачей и царей. Но они вовсе не думают о том, что значит быть человеком.

Паскаль

2

Одна из главных обязанностей человека состоит в том, чтобы заставить светить во всю силу то светлое начало разума, которое мы получаем от неба.

Китайская мудрость

3

Только то, что признают и не могут не признавать все люди, только то есть проявление истинного разума.

4

Кто хочет сделаться истинным человеком, тот должен отбросить угождение миру; кто хочет жить истинной жизнью, тот пусть не руководится тем, что принято считать добром, а пусть тщательно доискивается, где и что есть истинное добро. Нет ничего святее и производительнее самостоятельной душевной пытливости. Прежде всего установите в себе такое отношение к явлениям жизни, а потом уже решайте сами для себя все возникающие вопросы.

Эмерсон

5

Мы оскорбляем истину, когда, сомневаясь в ее силе, разрешаем или запрещаем выражение тех или других мыслей. Пусть истина и ложь вступают в рукопашную: истина непобедима в свободной и равной борьбе. Опровержением лжи она уничтожает ее лучше всяких запрещений.

Мильтон

6

Наше церковное христианство построено на пустых и шатких основаниях; полагающиеся на него находятся в постоянной опасности и всегда чего-то боятся. Сильно выраженное сомнение, потрясающее все его основы, вызывает гром и молнии со стороны представителей церкви, и чем основательнее сомнения, тем сильнее тревога.

Разве люди боятся, чтобы горы провалились? Церковное же предание ежеминутно готово разрушиться. «Может – справедливо, может – нет» – вот все, что могут о нем сказать люди, полагающиеся на него. Тем не менее из него сделали основу религии. Авторитет принимается за истину, и слепое доверие стало сущностью религии.

Паркер

Ничто не может изменить решения разума. Все, что мы знаем, мы знаем через разум. И потому не верь тем, которые говорят, что не надо следовать разуму. Те, которые говорят так, подобны людям, которые советовали бы затушить свет единственного фонаря, руководящего нами во мраке.

15 МАРТА (Любовь)

Только тот знает истинную любовь, кто любит людей неприятных, враждебных. Проверка истинной любви – любовь к врагам.

1

Любить человека, любящего нас, приятного нам можно человеческой любовью; но только врага можно любить божескою. Любя человеческой любовью, можно от любви перейти к ненависти; но божеская любовь не может измениться. Ничто, даже смерть, не может разрушить ее. Она есть сущность души.

2

Если делаете добро тем, которые вам делают добро, какая вам за то благодарность? ибо и грешники то же делают. И если займы даете тем, от которых надеетесь получить обратно, какая вам за это благодарность? ибо и грешники дают займы грешникам, чтобы получить обратно столько же. Но вы любите врагов ваших и благотворите и займы давайте, не ожидая ничего; и будет вам награда великая, и будете сынами Всевышнего, ибо Он благ и к неблагодарным и злым. Итак, будьте милосерды, как и Отец ваш милосерд.
Лк. гл. 6, ст. 33–36

3

*Любите врагов ваших – и не будет у вас врага.
Учение 12 апостолов*

4

«Вы слышали, что сказано: люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего (Лев. 19, 17–18). А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас; да будете сынами Отца вашего небесного; ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных.
Мф. гл. 5, ст. 43–45

Если Бог равняет всех людей, не делает разницы между злыми и добрыми – а Он знает сердца людей, – как можем мы, не зная того, что делается в сердцах людей, по одной видимости разделять их и любить одних и не любить других.

5

Страстность предпочтения одних людей другим, называемая неверно любовью, есть только дичок, на котором может быть привита истинная любовь и дать плоды ее. Но как дичок не есть яблоня и не дает плодов или дает плоды горькие вместо сладких, так и пристрастие не есть любовь и не дает добра людям или производит еще большее зло.

6

Росток любви, при появлении своем нежный, не терпящий прикосновения, могуществен только при своем разросе. Все, что будут делать над ним люди, только хуже для него. Ему нужно одно – чтобы ничто не скрывало от него солнца разума, которое одно возвращает.

7

Совершеннейший из людей тот, кто любит всех ближних своих и делает им добро без разбора, хороши ли они или дурны.

Магомет

8

Противополагай кротость развращенности: острый меч не разрезает мягкий шелк.

Нежными словами и добротой можно на волоске вести слона.

Саади

Всякий раз, когда кто-нибудь обидит тебя и ты почувствуешь зло к человеку, постарайся вспомнить о том, что все люди одинаковые сыны Божии и что, как бы ни был тебе неприятен человек, ты не должен переставать любить его, как брата, такого же, как и ты, сына Божия.

16 МАРТА (Знание)

Главное зло науки нашего времени в том, что она, не будучи в состоянии изучать *все* и не зная, без помощи религии, *что должно* изучать, изучает только *нужное* и *приятное* для самих людей науки, живущих неправильной жизнью.

Нужнее же всего им – существующий, выгодный для них порядок.

Приятнее же – удовлетворение праздной любознательности.

1

Изучение естественной истории дошло наконец в Германии до безумия. Хотя для Бога насекомое и человек – равноценны, однако для нашего разума это не так. Как много должен человек привести в порядок, прежде чем он дойдет до птиц и мотыльков! Изучи свою душу; приучи свой ум к осторожности в суждениях, сердце – к миролюбию. Научись познавать человека и вооружись мужеством говорить правду на благо твоих ближних. Навостри ум свой математикой, если не найдешь для этого никакого иного средства; остерегайся только классификации букашек, поверхностное знание которой совершенно бесполезно, а точное уводит в бесконечность.

«Но Бог бесконечен в насекомом так же, как и в солнце», – скажешь ты. Я охотно признаю это. Он неизмерим и в песке морском, разновидностей которого еще никто не систематизировал. Если ты не чувствуешь особенного призвания ловить жемчуг в тех странах, где этот песок находится, оставайся здесь и возделывай свое поле: оно потребует всего твоего прилежания, и не забывай, что вместимость твоего мозга конечна. Там, где сидит какая-нибудь история бабочки, нашлось бы, может быть, место для мыслей мудрецов, которые могли бы вдохновить тебя.

Лихтенберг

2

Мудрость не в том, что много знать. Всего знать мы никак не можем. Мудрость не в том, чтобы знать как можно больше, а в том, чтобы знать, какие знания самые нужные, какие менее и какие еще менее нужны. Из всех же знаний, нужных человеку, самое важное знание того, как жить хорошо, т. е. жить так, чтобы делать как можно меньше зла и как можно больше добра. В наше же время люди учатся всяким ненужным наукам, а не учатся этой одной, самой нужной.

3

В чем самая великая дерзость? В том, чтобы не допускать для Бога таких соображений, которые непонятны нам.

Кальвин

4

Много говорит тот, кто мало знает; кто знает, тот больше молчит.

Бывает это оттого, что кто мало знает, считает важным все то, что он знает, и хочет рассказать это всем. Тот же, кто много знает, знает и то, что можно знать еще гораздо больше того, что он знает, и потому говорит только, когда это нужно другим, а если его не спрашивают – молчит.

По Руссо

5

Когда истинный ученый поймет требования разума, он старается осуществить их. Когда обыкновенный ученый услышит о требованиях разума, он временами будет удовлетворять им, временами осуществляя, временами же не осуществляя их. Когда плохой ученый услышит о требованиях разума, он глумится над ними. Если бы над разумом не глумились, разум не был бы разумом.

Лао-Тсе

6

Значительным и необходимым доказательством ума и понимания служит уже то, если человек знает, какие вопросы можно задавать. Ибо если вопрос сам по себе нелеп и вызывает ненужные ответы, то такой вопрос, кроме того, что он срамит того, кто его задает, имеет еще и то неудобство, что неосторожный слушатель невольно даст на него нелепый ответ. И получится смехотворное зрелище, как один, по словам древних, доит козла, а другой подставляет решето.

Кант

Если бы все знания были знания истины, то всякое знание было бы полезно. Но так как за знание часто выдаются знания ложных рассуждений людей, то нельзя быть достаточно строгим в выборе тех знаний, которые хочешь приобрести.

17 МАРТА (Устройство жизни)

Спасение от дурного устройства мира только в одном – в распространении среди людей истинной веры.

1

Никогда не было ни одного серьезного шага в деле усовершенствования человеческого общества без того, чтобы главная причина этого усовершенствования не была бы вера. И потому всякое учение, не основанное на вере, всегда было и будет бессильно улучшить общественный строй. Ему, может быть, удастся создать прекрасные формы, но этим формам будет вечно недоставать той искры, которую Прометей похитил с неба.

Мадзини

2

«Ищите прежде всего Царства Божия и правды Его, и все остальное приложится вам». Первый шаг к естественному и здоровому устройству общества всегда в обеспечении за всеми людьми их естественных, равных и неотчуждаемых прав на материальный мир. Достигнуть этого не значит сделать все необходимое, но значит сделать все остальное более легким. И пока это не будет достигнуто, ничто другое не принесет никакой пользы.

Генри Джордж

3

Общество не может существовать без общей веры и общей цели; общественная деятельность должна заключаться в приложении к жизни начал, установленных религией.

Мадзини

4

Апостолы жили так, что у всех было одно сердце и одна душа. А если бы они были несогласны между собою, то никто не знал бы о Христовой вере. Ведь и теперь язычники не принимают христианства потому, что не видят в христианах единения и любви. Ничто не привлекает так людей, как добродетель, и ничто так не отталкивает, как порок. От этого и отвращаются люди от христианства, потому что, когда человек видит, что тот, кому заповедано любить и врагов, лихоимствует, грабит, воюет, возбуждает ко вражде и обращается с людьми как с дикими зверями, он не может верить учению о любви. Когда же видит, что христианин боится смерти, то уже никак не поверит в бессмертие. Мы, христиане, виноваты в том, что они не верят

в Христово учение. Может быть, мы скажем: «Берите пример с старинных святых людей». Но люди хотят видеть добродетельных теперешних людей. Покажи нам, говорят, веру от дел твоих, а дел нет. Напротив, они видят, что мы хуже зверей терзаем ближнего своего. Вот что удерживает людей от христианского учения. Мы говорим, что исповедуем его, а только отпугиваем от него людей.

По Иоанну Златоусту

5

Христианство, если только оно искренно принято, действует как самый страшный динамит, разрывая все старое и открывая новые бесконечные горизонты.

Если ты видишь, что устройство общества дурно и ты хочешь исправить его, то знай, что для этого есть только одно средство: то, чтобы все люди стали лучше; а для того, чтобы люди стали лучше, в твоей власти только одно: самому сделаться лучше.

Недельное чтение

Непротивление злу насилием

«Вы слышали, что сказано: „око за око и зуб за зуб“. А Я говорю вам: „не противься злому“ (Мф., гл. 5, ст. 38, 39).

Христос учит тому, чтобы не противиться злу. Учение это истинно, потому что оно вырывает с корнем зло из сердца и обиженного и обижающего. Учение это запрещает делать то, от чего умножается, а не прекращается зло в мире. Когда один человек нападает на другого, обижает его, он этим зажигает в другом чувство ненависти, корень всякого зла. Что же нам сделать, чтобы потушить это чувство зла? Неужели сделать то самое, что вызывает это чувство зла, – обидеть другого, т. е. повторить дурное дело? Поступить так – значит вместо того, чтобы изгнать дьявола, усилить его. Сатану нельзя изгнать сатаной, неправду нельзя очистить неправдою, и зло нельзя победить злом.

Поэтому *непротивление* злу злом есть единственное средство победить зло. Оно убивает злое чувство и в том, кто сделал зло, и в том, что понес его.

«Но, спрашивают, если мысль учения и верна, то исполнимо ли оно?» Так же исполнимо, как всякое добро, предписываемое законом Божиим. Добро во всех обстоятельствах не может быть исполнимо без самоотречения, лишения, страдания и, в крайних случаях, без потери самой жизни. Но тот, кто дорожит жизнью более, чем исполнением воли Бога, уже мертв для единственной истинной жизни. Такой человек, стараясь спасти свою жизнь, потеряет ее. Кроме того, и вообще там, где непротивление стоит пожертвования одною жизнью или каким-нибудь существенным благом жизни, противление стоит тысячи таких жертв.

Непротивление сохраняет, противление разрушает.

Несравненно безопаснее поступать справедливо, чем несправедливо; сносить обиду, чем противиться ей насилием, – безопаснее даже в отношении к настоящей жизни. Если бы все люди не противились злу злом, наш мир был бы блажен.

«Но когда лишь немногие будут так поступать, что станет с ними?» Если бы так поступал даже только один человек, а все остальные согласились бы распять его, то не более ли славно было бы ему умереть, молясь за врагов своих, чем быть царем, нося корону, обрызганную кровью убитых? Но один ли или тысячи людей твердо решили не противиться злу злом – все равно, они, среди просвещенных ли или среди диких ближних, гораздо больше безопасны от насилия, чем те, которые полагаются на насилие. Разбойник, убийца, обманщик скорее оставит их в покое, чем тех, кто сопротивляется оружием. Взявшие меч от меча погибнут, а ищущие мира, поступающие дружелюбно, безобидно, забывающие и прощающие обиды большею частью наслаждаются миром или если умирают, то умирают благословляемыми.

Таким образом, если бы все соблюдали заповедь непротивления, то, очевидно, не было бы ни обиды, ни злодейства. Если бы таких было большинство, то они установили бы управление любви и доброжелательства даже над обижающими, никогда не противясь злу злом, никогда не употребляя насилия. Если бы таких людей было довольно многочисленное меньшинство, то они оказали бы такое нравственное влияние на общество, что всякое жестокое наказание было бы отменено, а насилие и вражда заменились бы миром и любовью. Если бы их было только малое меньшинство, то оно редко испытывало бы что-нибудь худшее, чем презрение мира, а мир между тем, сам того не чувствуя и не будучи за то благодарен, постоянно становился бы мудрее и лучше.

И если бы, в самом худшем случае, некоторые из членов меньшинства были бы гонимы до смерти, то эти погибшие за правду оставили бы по себе свое учение, уже освященное их мученической кровью.

*Балу*¹⁴

¹⁴ Руководитель одной из американских духовных общин Адин Балу, скончавшийся в августе 1890 года, в продолжение 50 лет писал и издавал книги преимущественно о вопросе непротivления злу насилieм. В сочинениях этих, прекрасных по ясности и красоте изложения, вопрос рассмотрен со всех возможных сторон. Одним из главных сочинений его является «Катехизис непротivления».

18 МАРТА (Осуждение)

Осуждение другого всегда неверно, потому что никто никогда не может знать того, что происходило и происходит в душе этого другого.

1

Мы часто судим о людях: одного называем добрым, другого злым, одного глупым, другого умным. А этого нельзя делать. Человек течет, как река. Он каждый день тот же и не тот же: был глуп, стал умен; был зол, стал добр, и наоборот. Нельзя судить человека. Ты осудил, а он уже другой.

2

Если ты так счастлив, что всегда говоришь только то, что есть на самом деле, отвергаешь то, что ложно, сомневаешься только в том, что сомнительно, желаешь только добра и пользы, то ты не будешь негодовать на злых и безрассудных людей.

«Да ведь они воры и мошенники!» – говоришь ты. А что такое вор и мошенник? Ведь это человек порочный и заблудший. А такого человека жалеть надо, а не гневаться на него. Если ты можешь, то убеди его в том, что для него самого нехорошо так жить, как он живет, и он перестанет делать зло. А если он еще не понимает этого, то неудивительно, что он скверно живет.

«Но неужто, – скажешь ты, – таких людей не должно наказывать!» Не говори так. А лучше скажи: этот человек заблуждается в том, что важнее всего на свете. Он слеп не телесной слепотой, но духовной. И как только ты себе скажешь это, так ты и поймешь, как ты был жесток к нему. Если у человека глаза заболели и он лишился зрения, то ведь ты не скажешь, что его надо за это наказывать. Так почему же ты хочешь наказать такого человека, который лишен того, что дороже глаз, лишен самого большого блага – умения жить разумно? Не сердиться нужно на таких людей, а только жалеть их.

Пожалей же этих несчастных и старайся, чтобы их заблуждения не обозлили тебя. Вспомни, как часто ты сам заблуждался и согрешал, и понегодуй лучше на себя за то, что в душе твоей гнездятся злоба и жестокость.
Эпиктет

3

Если будешь помнить свои собственные недостатки и будешь стараться исправлять их, то и в мысль не придет осуждать других, да и некогда будет.

4

*Не осуждай ближнего своего, пока не будешь на его месте.
Талмуд*

5

Прощай другим многое, себе ничего.

Публилий Сирус

Я знаю про себя, что я не хочу делать зла, а если и делаю, то оттого, что не могу удержаться. Все другие, если они делают зло, то также оттого, что не могут удержаться. Так зачем я думаю об них дурное и осуждаю их?

19 МАРТА (Богатство)

Как превратно должно быть то устройство мира, при котором люди богатые, живущие трудами бедных, обстраиваемые, питаемые, одеваемые бедными, могут думать, что они – благодетели бедных!

1

Падает камень на кувшин – горе кувшину, падает кувшин на камень – горе кувшину; так или иначе, все горе кувшину.

Талмуд

2

Если богатые люди могут благотворить бедным своим богатством, то это происходит оттого, что правительство, покровительствуя некоторым, вводит имущественное неравенство и тем порождает необходимость в благотворительности. А при таких условиях помощь, которую богатый окажет бедному, заслуживает ли вообще имени благотворительности, которой любят кичиться как заслугой?

Кан

3

Удовольствия богачей приобретаются слезами бедняков.

4

Пусть мы не похищаем золота и стольких-то десятин земли; но все же посредством какого-нибудь обмана и утайки делаем то же самое в меньших размерах и сколько можем. Когда, например, в торговых обязательствах и при покупке или продаже чего-либо мы спорим и усиливаемся заплатить меньше, чем следует, и всячески стараемся об этом, – не разбой ли это? Не варварство ли и хищение? Не говори мне, что ты отнял не дом, не рабов. Несправедливость определяется не ценностью того, что похищается, а намерением похитителей. Несправедливость и справедливость имеют одинаковую силу, как в большом, так и в малом. И я одинаково называю вором того, кто, отрезав кошелек, возьмет чужие деньги, так и того, кто, покупая что-нибудь на рынке, удержит часть настоящей цены. И грабитель не тот только, кто разломает стену и похитит что-либо из дому, но и тот, кто нарушит справедливость и отнимет что-либо у ближнего.

Иоанн Златоуст

5

«Не будь грабителем бедного, потому что он беден», – говорит Соломон. А между тем это «ограбление бедного, потому что он беден», – самое обыкновенное дело: богатый всегда пользуется нуждой бедного для того, чтобы заставить его на себя работать или купить то, что он продает, по самой низкой цене.

Ограбление богатого на больших дорогах за то, что он богат, гораздо реже встречается, потому что грабить богатого опасно, бедного же можно грабить, ничем не рискуя.

Джон Рёскин

6

Правда, что богатство – это скопление труда; но обыкновенно один человек производит труд, а другой – скопление. И это-то мудрыми людьми называется «разделением труда»!

С английского

Праведное богатство может быть только среди людей достаточных. Там же, где, как у нас, на каждого богача приходится сотни бедных, нельзя быть праведно богатым.

20 МАРТА (Тайна)

Тот, кто живет для исполнения воли Божией, не может быть чувствительным к суждениям людей.

1

Надо думать так, как будто всякий может видеть то, что делается в нашей душе.
Сенека

2

Живи открыто.
Огюст Конт

3

Нехорошо скрывать дурные дела, но еще хуже делать их открыто, гордиться ими.

4

Стыд перед людьми – хорошее чувство, но лучше всего стыд перед самим собой.

5

Ничто вернее того, чего человек стыдится и чего не стыдится, не показывает ту ступень нравственного совершенства, на которой он находится.

6

Не скрывайте ничего, когда вас спрашивают, но не рассказывайте про свои дурные дела без надобности.

7

Как хорошо бы было, если бы в людях страх перед Богом был так же силен, как страх перед людьми. Перед людьми человек надеется скрыть свои дурные дела; перед Богом же нельзя скрывать: надо не делать.

8

Перед людьми утаишь, а перед Богом не утаишь.
Пословица

9

Почти всегда дурно то, что люди стараются скрыть.

10

Хорошо скрывать только свои добрые дела.

11

Нет ничего тайного, что не сделалось бы явным, ни сокровенного, что не сделалось бы известным и не обнаружилось бы.

Лк. гл. 8, ст. 17

Живи так, чтобы тебе не было нужды скрывать, а также не было охоты являть перед людьми дела твоей жизни.

21 МАРТА (Смысл жизни)

Жизнь мы знаем только здесь, в этом мире, и потому если есть смысл в нашей жизни, то он должен быть здесь, в этом мире.

1

Нет успокоения ни тому, кто живет для мирских целей среди людей, ни тому, кто живет для духовных целей один. Успокоение получает только тот, кто живет для служения Богу среди людей.

2

Не желай смерти потому, что тебе тяжело жить. Вся тяжесть мира на плечах каждого нравственного существа заставляет его исполнять свое призвание. Единственное средство избавления от этой тяжести – это исполнение своего призвания. Тебя отпустят, только когда ты сделаешь назначенное тебе дело.

Эмерсон

3

Жизнь истинная только в настоящем. То, что было, того уже нет, нет и того, что будет, – есть только то, что сейчас. И об том, чтобы сейчас жить хорошо, только об этом всеми силами души и надо стараться. Если люди учат тому, что в этой жизни надо жить для будущей жизни, не верьте им. Жизнь мы знаем и проживаем только эту. И потому все силы надо направить на то, чтобы эту жизнь – и не только всю эту жизнь, но всякий час этой жизни прожить как можно лучше.

4

Жизнь – не страдание и не наслаждение, а дело, которое мы обязаны делать и честно довести его до конца.

Токвиль

5

Ты страдаешь, и тебе кажется, что ты не можешь жить так хорошо, как бы ты хотел, что ты лучше сделал бы то, что считаешь должным, если бы жизнь твоя была другая. Познай же ту истину, что в этой жизни, в тех условиях, в которых ты сейчас, ты всегда можешь сделать то, что должно.

По Карлейлю

Здесь, в этом мире, место нашего служения, и потому на исполнение служения здесь и должны быть направлены все наши силы.

22 МАРТА (Справедливость)

Если правда обличает нашу жизнь, то все-таки лучше признать правду, чем скрывать ее: жизнь наша может измениться, правда же всегда останется правдою и не перестанет обличать нас.

1

Нам следовало бы жить, как будто мы на виду у всех. Нам следовало бы мыслить так, как будто бы сокровеннейшие уголки души нашей доступны чьему-либо взору. Зачем скрывать что-либо от людей? От Бога скрыть ничего невозможно. Все Божеское и человеческое учение сводится к одной истине: к той, что мы все – члены одного великого тела. Природа соединила нас в одну семью, и все мы созданы так, чтобы сообща, помогая друг другу, проживать нашу жизнь.

По Сенеке

2

Христианское откровение было учением о равенстве людей, о том, что Бог есть отец, а люди – братья. Оно ударило в самый корень того ужасного насилия, которое душило цивилизованный мир; оно разбивало цепи рабов и уничтожало ту великую неправду, которая давала возможность кучке людей роскошествовать на счет массы и лишало рабочих людей произведений их труда. Вот почему преследовалось первое христианство, и вот почему, когда стало ясно, что его нельзя уничтожить, правящие классы приняли его и извратили. Оно перестало в своем торжестве быть истинным христианством первых времен и сделалось служителем богатых людей.

По Генри Джорджу

3

Твой брат по рождению – разумею рождение духовное – погибает от голода, а ты изнемогаешь от пресыщения. Брат ходит с обнаженным телом, а ты и для одежд устрояешь одежды, чтобы охранять их от червей чрез такие покровы. А не гораздо ли лучше было бы прикрыть ими тела бедных? Тогда и одежды остались бы целыми, и ты был бы свободен от лишней заботы. Ибо, если не хочешь, чтобы одежды твои съедены были молью, – отдай их бедным: они умеют хорошо вытряхивать одежды. Если люди, упоенные богатством, заграждают свой слух для моих слов, зато заметят их живущие в бедности. Но как, скажешь, идет это к бедным? Ведь у них нет ни золота, ни многих одежд? Но у них есть хлеб и холодная вода и ноги, чтобы посетить больных: есть язык и слово, чтобы утешить несчастного; дом и кров, чтобы принять странника.

Иоанн Златоуст

4

Ошибка всех добрых людей в наше время состоит в том, что, вежливо протягивая руку злым, поддерживая их в их зле и часто даже содействуя им, они надеются отвратить последствия зла.

Утром они, чтобы удовлетворить сердечной потребности, помогают нужде двух или трех разоренных семей, а по вечерам обедают с разорителями этих семей, завидуют им и готовят себя следовать примеру богатого спекулятора, разорившего две или три тысячи людей. Таким образом, они разрушают в несколько часов больше, чем в силах исправить в течение десятков лет. Они подобны, в лучшем случае, людям, которые, пытаясь накормить голодающее население в тылу всеистребляющей армии, стараются все более увеличить численность этой армии и быстроту ее передвижения.

Джон Рёскин

5

Вы толкаете человека в яму и затем говорите ему, что он должен быть доволен тем положением, в которое поставило его Провидение. Таково наше современное христианство. Вы говорите: «мы не толкали его». Да, конечно, мы до тех пор не будем сознавать всего, что делаем и чего не делаем, пока каждое утро не будем задавать себе вопроса, как нам в течение дня делать не то, что выгодно, а что свойственно человеку.

Джон Рёскин

Если правда не указывает нам того, что мы должны делать, то она всегда укажет нам то, что мы не должны делать или должны перестать делать.

23 МАРТА (Устройство жизни)

Земля, как воздух и солнце, – достояние всех и не может быть предметом собственности.

1

Вы все странники в этом мире. Иди на север, юг, запад или восток, – везде, где ты остановишься, найдется человек, который прогонит тебя, говоря: «Это моя земля». И, обойдя все страны мира, вы вернетесь, узнав, что нигде нет несчастного куска земли, где бы ваша жена могла родить и где бы вы могли остановиться возделывать землю, и где ваши дети могли бы похоронить ваши кости.

Ламенэ

2

Бросить человека посреди Атлантического океана, сказав ему, что он волен идти на берег, было бы не большим издевательством над ним, чем помещение его на земле, сплошь захваченной в частную собственность, сказав ему при этом, что он – свободный человек, волен работать на себя и пользоваться своим заработком.

Генри Джордж

3

Незаконное право земельной собственности лишило больше чем половину людей каждого народа их естественного наследия.

Томас Пэм

4

Поместите сто человек на острове, из которого нет выхода, и сделаете ли вы одного из этих людей полным властелином над остальными 99, или полным властелином земли всего острова, не будет никакой разницы.

Генри Джордж

5

Разве это не рабство, что хотя в Англии довольно земли, чтобы содержать в десять раз больше людей, чем теперь, все-таки многие должны просить милостыню у своих братьев, или тяжело работать за поденную плату, или

умирать с голода, воровать, или быть повешенными, как люди, недостойные жить на земле.

Джерард Винстэнлоу

6

Право на собственность земли означает голод, жажду, отсутствие одежд, труд, потраченный даром, захват произведений готового труда, уничтожение домов, нищету, болезни, смерть родителей, детей, жен, отчаяние и одичание в сердцах бедных, когда законная сила поражает их в самые чувствительные и жизненные права человечества. Все это заключается в праве земельной собственности.

Кардинал Манинг

Тот, кто владеет земельной собственностью в большем размере того, что нужно ему для пропитания своего и своей семьи, не только участник, но и виновник той нужды, тех бедствий и того развращения, от которых страдают народные массы.

24 МАРТА (Бог)

Только тот, кто исполняет закон Бога, познает и самого Бога. И чем кто ближе исполняет закон Бога, тем яснее и лучше он познает Бога.

1

Иисус говорит ей: поверь Мне, что наступает время, когда и не на горе сей и не в Иерусалиме будете поклоняться Отцу.

Но настанет время, и настало уже, когда истинные поклонники будут поклоняться Отцу в духе и истине, ибо таких поклонников Отец ищет Себе. Бог есть дух; и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в духе и истине.

Ин. гл. 4, ст. 21, 23, 24

2

Нет ни одного верующего человека, на которого бы не находили минуты сомнения в существовании Бога. И эти сомнения не вредны, напротив, они ведут к высшему пониманию Бога.

Тот Бог, которого знал, стал привычен, и не веришь больше в Него. Веришь вполне в Бога только тогда, когда Он вновь открывается, а открывается Он тебе с новой стороны, когда ты всей душой ищешь Его. А сторон – бесчисленное количество.

3

Моисей говорит Богу: «О Господи, где я найду Тебя?» Бог сказал: «Когда ты ищешь Меня, ты уже нашел Меня».

У мудреца спросили, почему он знает, что есть Бог? Он сказал: «Разве нужен факел, чтобы видеть солнце?»

Нет у нас слов, чтобы сказать, что такое Бог, но мы без слов знаем, что Он есть.

Арабская мудрость

4

Два рода людей знают Бога: люди со смиренным сердцем, все равно – умные ли они или глупые, и люди истинно разумные. Только люди гордые и среднего разума не знают Бога.

По Паскалю

5

Как всякую вещь можно узнать, только близко подойдя к ней, так и Бога узнаешь, когда приблизишься к нему. А приблизиться к Богу можно только добрыми делами: тем, чтобы

исполнять Его закон. И чем больше познаешь Бога, тем охотнее исполняешь Его закон. И чем лучше исполняешь закон, тем ближе узнаешь Бога. Одно помогает другому.

У евреев считается грехом называть имя Бога. И они правы – Бог есть дух. А всякое имя – телесно, не духовно.

Недельное чтение

Суратская кофейная

Была в индийском городе Сурате кофейная. И сходились туда из разных земель проезжие и иностранцы и часто беседовали.

Зашел туда раз персидский ученый богослов. Он всю жизнь изучал сущность Божества и читал и писал о том книги. Долго думал, читал и писал он о Боге, зашел у него ум за разум, спуталось у него все в голове, и дошел он до того, что перестал верить в Бога.

Узнал про это царь и изгнал его из персидского царства.

Так-то, всю жизнь рассуждая о первой причине, запутался несчастный богослов и, вместо того чтобы понять, что у него уже не стало разума, стал думать, что не стало больше высшего разума, управляющего миром.

Был у этого богослова раб-африканец, ходивший за ним повсюду. Когда богослов вошел в кофейную, африканец остался на дворе, за дверью, и сел на камень на припеке солнца; он сидел и отгонял от себя мух. А сам богослов лег на диван в кофейной и велел подать себе чашку опиума. Когда он выпил чашку и опиум начал расшевеливать его мозг, он обратился к своему рабу.

– Что, раб презренный, – сказал богослов, – скажи мне, как ты думаешь: есть Бог или нет?

– Разумеется, есть! – сказал раб и тотчас достал из-за пояса маленького деревянного идола. – Вот, – сказал раб, – вот тот Бог, который меня хранит с тех пор, как я живу на свете. Бог этот сделан из сука того самого священного дерева, которому поклоняются все в нашей стране.

Услыхали этот разговор между богословом и рабом бывшие в кофейной и удивились.

Удивительным показался им вопрос господина и еще более удивительным ответ раба.

Один брамин, слышавший слова раба, обратился к нему и сказал:

– Несчастный безумец! разве можно думать, чтобы Бог мог находиться за поясом у человека? Бог есть один – Брама. И этот Брама больше всего мира, потому что он сотворил весь мир. Брама есть единый, великий Бог, тот Бог, которому построены храмы на берегах реки Гангеса, тот Бог, которому служит его единственные жрецы – брамины. Одни эти жрецы знают истинного Бога. Прошло уже сто двадцать тысяч лет, и сколько ни было переворотов в мире, жрецы эти остаются такими же, какими были всегда, потому что Брама, единый, истинный Бог, покровительствует им.

Так сказал брамин, думая убедить всех; но бывший тут же еврейский меняла возразил ему.

– Нет, – сказал он. – Храм истинного Бога не в Индии!.. И Бог покровительствует не касте браминов! Истинный Бог есть Бог не браминов, а Бог Авраама, Исаака и Иакова. И покровительствует истинный Бог только одному Своему народу, израильскому. Бог с начала мира не переставая любил и любит один наш народ. И если теперь и рассеян наш народ по земле, то это только испытание, а Бог, как и обещал, соберет опять народ Свой в Иерусалим, с тем чтобы, восстановив чудо древности, Иерусалимский храм, поставить израиля владыкой над всеми народами.

Так сказал еврей и заплакал. Он хотел продолжать речь, но бывший тут итальянец перебил его.

– Неправду вы говорите, – сказал итальянец еврею. – Вы приписываете Богу несправедливость. Бог не может любить один народ больше других. Напротив, если Он даже и покровительствовал прежде Израилю, то вот уже 1800 лет прошло с тех пор, как Бог разгневался и в знак Своего гнева прекратил существование его и рассеял этот народ по земле, так что вера

эта не только не распространяется, но только кое-где остается. Бог не оказывает предпочтения никакому народу, а призывает всех тех, которые хотят спастись, в лоно единой римско-католической церкви, вне которой нет спасения.

Так сказал итальянец. Но бывший тут протестантский пастор, побледнев, отвечал католическому миссионеру:

– Как можете вы говорить, что спасение возможно только в вашем исповедании? Знайте же, что спасены будут только те, которые, по Евангелию, будут служить Богу в духе и истине по закону Иисуса.

Тогда турок, служивший в суратской таможне, который тут же сидел, куря трубку с важным видом, обратился к обоим христианам.

– Напрасно вы так уверены в истине своей римской веры, – сказал он. – Ваша вера уже около шестисот лет тому назад заменена истинною верой Магомета. И как вы сами видите, истинная вера Магомета все больше и больше распространяется и в Европе, и в Африке, и в Азии, и даже в просвещенном Китае. Вы сами признаете, что евреи отвержены Богом, и доказательством тому приводите то, что евреи в унижении и вера их не распространяется. Признайте же истинность веры Магомета, потому что она находится в величии и постоянно распространяется. Спасутся только верующие в последнего пророка Божия, Магомета. И то только последователи Омара, а не Али, так как последователи Али – неверные.

При этих словах персидский богослов, принадлежащий к секте Али, хотел возразить. Но в кофейной в это время поднялся великий спор между всеми бывшими тут иностранцами разных вер и исповеданий. Были тут христиане абиссинские, индийские ламы, измаилиты и огнепоклонники.

Все спорили о сущности Бога и о том, как нужно почитать Его. Каждый утверждал, что только в его стране знают истинного Бога и знают, как надо почитать Его.

Все спорили, кричали. Один только бывший тут китаец, ученик Конфуция, сидел смирно в углу кофейной и не вступал в спор. Он пил чай, слушал, что говорили, но сам молчал.

Турок, заметив его среди спора, обратился к нему и сказал:

– Поддержи хоть ты меня, добрый китаец. Ты молчишь, но ты мог бы сказать кое-что в мою пользу. Я знаю, что у вас, в Китае, вводятся теперь разные веры. Ваши торговцы не раз говорили мне, что ваши китайцы из всех других вер считают магометанскую самой лучшей и охотно принимают ее. Поддержи же мои слова и скажи, что ты думаешь об истинном Боге и Его пророке.

– Да, да, скажи, что ты думаешь, – обратились к нему и другие.

Китаец, ученик Конфуция, закрыл глаза, подумал и потом, открыв их, выпростал руки из широких рукавов своей одежды, сложил их на груди и заговорил тихим и спокойным голосом.

– Господа, – сказал он, – мне кажется, что самолюбие людей более всего другого мешает их согласию в деле веры. Если вы потрудитесь меня выслушать, я объясню вам это примером.

Я выехал из Китая в Сурат на английском пароходе, обошедшем вокруг света. По пути мы пристали к восточному берегу острова Суматры, чтобы набрать воды. В полдень мы сошли на землю и сели на берегу моря в тени кокосовых пальм, недалеко от деревни жителей острова. Нас сидело несколько человек из различных земель.

Пока мы сидели, к нам подошел слепой.

Человек этот ослеп, как мы узнали после, оттого, что слишком долго и упорно смотрел на солнце, потому что захотел понять, что такое солнце. Он хотел это узнать, чтобы завладеть светом солнца.

Бился он долго, пускал в дело все науки: хотелось ему захватить несколько лучей солнца, поймать их и закупорить в бутылку.

Долго он бился и все смотрел на солнце и ничего не мог сделать, а сделалось с ним только то, что от солнца у него заболели глаза, и он ослеп.

Тогда он сказал себе:

– Свет солнечный не жидкость, потому что если бы он был жидкостью, то можно было бы переливать его и он колебался бы от ветра, как вода. Свет солнечный тоже не огонь, потому что, если бы это был огонь, он бы тух в воде. Свет тоже не дух, потому что он вииден, и не тело, потому что нельзя им двигать. А так как свет солнечный не жидкость, не огонь, не дух, не тело, то свет солнечный – ничто.

Так он рассудил, и в одно время оттого, что все смотрел на солнце и все думал о нем, потерял и зрение и разум.

Когда же он стал совсем слеп, тогда уже совершенно уверился в том, что солнца нет.

С этим слепцом подошел и его раб. Он посадил своего господина в тень кокосового дерева, поднял с земли кокосовый орех и стал из него делать ночник. Он сделал светильню из волокна кокосового, выжал из ореха масло в скорлупу и обмакнул в него светильню.

Пока раб делал свой ночник, слепой, вздохнув, сказал ему:

– Ну что, раб, правду я тебе сказал, что нет солнца? Видишь, как темно. А говорят – солнце... Да и что такое солнце?

– А не знаю я, что такое солнце, – сказал раб. – Мне нет до него дела. А вот свет знаю. Вот я сделал ночник: мне и будет светло, и тебе могу им службу оказать и все найти в своем шалаше.

И раб взял в руку свою скорлупу. «Вот, говорит, мое солнце».

Тут же сидел хромой с костылем. Он услышал это и засмеялся.

– Ты, видно, от рождения слеп, – сказал он слепому, – что не знаешь, что такое солнце. Я тебе скажу, что оно такое: солнце – огненный шар, и шар этот каждый день выходит из моря и каждый вечер садится в горах нашего острова; это мы все видим, и ты бы видел, если бы был зрячий.

Рыбак, сидевший тут же, услышал эти слова и сказал хрому:

– И видно же, что ты нигде не был дальше твоего острова. Если бы ты был не хром да поездил бы по морю, ты бы знал, что солнце садится не в горах нашего острова, а как выходит из моря, так вечером опять и садится в море. Я говорю верно, потому что каждый день вижу это своими глазами.

Услыхал это индеец.

– Удивляюсь, – сказал он, – как может умный человек говорить такие глупости. Разве возможно, чтобы огненный шар спускался в воду и не потухал? Солнце вовсе не огненный шар, а солнце – Божество, Божество это называется Дэва. Божество это ездит на колеснице по небу вокруг золотой горы Мерува.

– Бывает, что злые змеи Рагу и Кету нападают на Дэва и проглатывают его, и тогда делается темно. Но жрецы наши молятся о том, чтобы Божество освободилось, и тогда оно освобождается. Только такие невежественные люди, как вы, никогда не ездившие дальше своего острова, могут воображать, что солнце светит только на их остров.

Тогда заговорил бывший тут же хозяин египетского судна.

– Нет, – сказал он, – и это неправда: солнце не Божество и не ходит только вокруг Индии и ее золотой горы. Я много плавал и по Черному морю, и по берегам Аравии, был и на Мадагаскаре и на Филиппинских островах, – солнце освещает все земли, а не одну Индию; оно не ходит кругом одной горы, но оно встает у берегов Японии и потому и острова те называются Я пен, то есть, на их языке, рождение солнца, и садится оно далеко-далеко на западе, за островами Англии. Я это хорошо знаю, потому что и сам видел много и слышал много от деда. А дед мой плавал до самых краев моря.

Он хотел еще говорить, но английский матрос нашего корабля перебил его.

– Нет земли, кроме Англии, – сказал он, – где бы лучше знали о том, как ходит солнце. Солнце, мы все это знаем в Англии, нигде не встает и нигде не ложится. А оно ходит беспрестанно вокруг земли. Мы это хорошо знаем, потому что сами вот только что обошли вокруг земли и нигде не натолкнулись на солнце. Везде оно так же, как здесь, утром показывается и вечером скрывается.

И англичанин взял палку, начертил на песке круг и стал толковать, как ходит солнце по небу вокруг земли. Но он не сумел растолковать хорошо и, показав на кормчего своего корабля, сказал:

– Он, впрочем, более меня учен и лучше вам все это растолкует.

Кормчий был человек разумный и слушал разговор молча, пока его не спросили. Но теперь, когда все обратились к нему, он начал говорить и сказал:

– Все вы обманываете друг друга и сами обманываетесь. Солнце не вертится вокруг земли, а земля вертится вокруг солнца, и сама еще вертится, поворачивая к солнцу в продолжение двадцати четырех часов и Японию, и Филиппинские острова, и Суматру, на которой мы сидим, и Африку, и Европу, и Азию, и множество еще других земель. Солнце светит не для одной горы, не для одного острова, не для одного моря и даже не для одной земли, а для многих таких же планет, как и земля. Все это каждый из вас мог бы понять, если бы смотрел вверх на небо, а не себе под ноги и не думал бы, что солнце светит только для одного него или для одной его родины.

Так сказал мудрый кормчий, много ездивший по свету и много смотревший вверх на небо.

– Да, заблуждения и несогласия людей в вере – от самолюбия, – продолжал китаец, ученик Конфуция. – Что с солнцем, то же и с Богом. Каждому человеку хочется, чтобы у него был свой особенный Бог или, по крайней мере, Бог его родной земли. Каждый народ хочет заключить в своем храме Того, Кого не может объять весь мир.

– И может ли какой храм сравниться с тем, который Сам Бог построил для того, чтобы соединить в нем всех людей в одно исповедание и одну веру?

– Все человеческие храмы сделаны по образцу этого храма – мира Божия. Во всех храмах есть купели, есть своды, светильники, образа, надписи, книги законов, жертвы, алтари и жрецы. В каком же храме есть такая купель, как океан, такой свод, каков свод небесный, такие светильники, каковы солнце, луна и звезды, такие образа, каковы живые, любящие, помогающие друг другу люди? Где надписи о благодати Бога, столь же понятные, как те благодеяния, которые повсюду рассеяны Богом для счастья людей? Где такая книга закона, столь ясная каждому, как та, которая написана в его сердце? Где жертвы, подобные тем жертвам самоотречения, которые любящие люди приносят своим ближним? И где алтарь, подобный сердцу доброго человека, на котором Сам Бог принимает жертву?

– Чем выше будет понимать человек Бога, тем лучше он будет знать Его. А чем лучше будет знать он Бога, тем больше будет приближаться к Нему, подражать Его благодати, милосердию и любви к людям.

– И потому пусть тот, который видит весь свет солнца, наполняющий мир, пусть тот не осуждает и не презирает того суеверного человека, который в своем идоле видит только один луч того же света, пусть не презирает и того неверующего, который ослеп и вовсе не видит света.

Так сказал китаец, ученик Конфуция, и все бывшие в кофейной замолчали и не спорили больше о том, чья вера лучше.

Бернарден де Сен-Пьер (перевод Л.Н.Толстого)

25 МАРТА (Взаимное служение)

Люди век людям помогают, говорит пословица. Без такой помощи не могут жить люди. Помощь эта должна бы быть взаимная, но жизнь наша так сложилась, что одни люди помогают, а другие только пользуются этой помощью.

1

Всякий человек пользуется трудами других людей, и потому для того, чтобы не быть вором, надо самому трудиться и отдавать другим людям свои труды за то, что берешь от них.

Взвесить, сколько берешь и сколько даешь, никак нельзя, и потому, чтобы не быть вором, надо стараться брать себе чужих трудов как можно меньше, а давать своих другим людям как можно больше.

2

Приобретая каждый предмет и пользуясь им, помни, что это – произведение человеческого труда и что, тратя, уничтожая, портя его, ты уничтожаешь труд, тратишь жизнь человеческую.

3

Какие бы посредники ни стояли между тобою и приобретенным предметом, предмет этот сделан твоим братом человеком, труд которого ты обязан уважать. Выразить же это уважение ты можешь только своим бережливым отношением к произведениям труда братьев и трудом для них.

Джон Рёскин

4

У богатых, кроме отношения их к труду других, выражаемого покупкой, есть прямое отношение к трудящимся, к прислуге. Ни на чем так не видно наше непризнание христианства, как на нашем отношении к прислуге. Люди отдают все свое время на служение нам, исполняя за нас самую грязную, неприятную и бессмысленную работу, и мы большею частью думаем, что мы в расчете с ними, если отдали условленные деньги. Но ведь они братья наши, и если склад нашей жизни таков, что эти люди должны служить нам за деньги, то наименьшее, что мы можем сделать, это то, чтобы установить с ними человеческие отношения.

Если они служат нам, то почему бы нам не быть вместе с ними и одинаково с ними? Почему бы нам не отдыхать, не веселиться и не поучаться вместе с ними?

5

Смотрите на все ваши дарования и знания как на средства помощи другим.

Сильному и мудрому даны его дары не для того, чтобы угнетать, а чтобы помогать и поддерживать слабого.

Джон Рёскин

Мало того, что помощь людям должна быть взаимна: люди, принимающие помощь от своих братьев, должны оплачивать за нее не только деньгами, но еще и уважением и благодарностью.

26 МАРТА (Приближение Царства Божия)

Главное изменение жизни народов – это изменение их верований.

1

Иисус, приближаясь к пределу Своей жизни, занят преимущественно двумя вопросами: вопросом о том злоупотреблении, которое сделают из Его имени, и об окончательном, после глубоких и разрушительных потрясений, утверждении Его закона. Христос перед смертью говорил Своим ученикам и всем людям, что явятся после него лжехристы и лжепророки и что надо остерегаться их, как бы они ни удивляли людей. Он говорит, что они будут могущественны и что могущество их соблазнит людей.

Он говорит о том, как будет можно узнать то, что учение их ложно. Узнать это можно по тому же, по чему мы узнаем хорошее дерево от дурного – по плодам. Если не будет в учении презрения к прелестям мира сего, не будет отречения от себя, не будет милосердия и любви ко всем без всякого разделения, везде, где этого не будет, не будет истинного христианского учения, а будут лжехристы и лжепророки. И Христос говорит, что их будет много. Они будут являться один за другим до тех пор, пока не придет тот день и час, про который знает только Отец Небесный.

Но час этот придет, придет время, когда все заколеблется в человеческих обществах, когда одни народы опрокинутся на другие, когда власти и силы начнут падать и сделается всеобщее смятение. Тогда-то, говорит Христос, и будет конец старого мира и начало нового мира и установления Царства Божия. И время этого нового мира недалеко, говорит Христос, потому что уже видно, что старый мир, мир лжехристов, лжепророков, уходит. И народы уже с радостью поднимают голову и оглядываются во все стороны, чтобы приветствовать пришествие Царства Божия.

По Ламенэ

2

Когда в древности народ был несчастен, пророки говорили ему: «Ты забыл Бога, отступил от Божьих путей, – иначе несчастье не постигло бы тебя. Ты жил не по вечным законам и не руководился ими, а следовал законам лжи, обмана, сознательно не почитая действительности, и теперь ты видишь, что долготерпение природы истощилось».

Все это вполне понятно простым, неразвращенным людям. Но в последнее время явились люди, которые природу считают мертвой, чем-то вроде недельных часов, сделанных много тысяч лет тому назад; они все еще тикают, но никуда не годятся. На таких людей никакие увещания и обличения не могут действовать. Но, к счастью, не все люди такие, и есть люди, понимающие то, что если жизнь их дурна, то виноваты в этом только они сами.

По Карлейлю

3

Как пьяный человек, стоящий на краю пропасти, отвечает глупым смехом и непристойными речами на предостережения людей, желающих удержать его от падения, так и наш мир, опьяненный разного рода нечистыми вожделениями, насмехается над пророками, хотящими спасти его от грозящей ему участи. Как и в древнее время, можно сказать теперь: «О Иерусалим, Иерусалим, избивающий пророков и камнями побивающий посланных к тебе! Сколько раз я хотел собрать детей твоих, как птица собирает птенцов своих под крылья, но ты не хотел этого».

Люси Малори

4

Человечество есть вечно учащийся человек. Отдельные люди умирают, но истина, до которой они додумались, та правда, которую они высказали, не погибает вместе с ними. Человечество хранит все это, и человек из могил умерших пользуется тем, что добыто людьми, жившими до него. Каждый из нас рождается в мире верований человечества, жившего до нас; и каждый бессознательно вносит что-нибудь более или менее ценное для жизни человечества, которое ему унаследует. Воспитание человечества совершается подобно тем восточным пирамидам, для которых каждый проходивший мимо клал по камню. Мы, минутные жильцы, отзывающиеся для пополнения нашего воспитания в иное место, уходим; но воспитание человечества, хотя и медленно, но совершается непрерывно.

По Мадзини

Большая ошибка думать, что вера может быть одна на все времена. Чем больше живут люди, тем вера их становится понятнее и проще, тверже.

И чем понятнее, проще и тверже вера, тем согласнее и лучше жизнь людей.

Верить в то, что одна и та же вера годится для всех времен и не должна изменяться, все равно что верить в то, что те сказки, прибаутки, какие рассказывала тебе мать, когда ты был младенцем, – истинная правда, и тебе нельзя перестать верить в них.

27 МАРТА (Мужество)

Чем больше человек верит в Бога, тем меньше он боится людей.

1

Не падай духом и не отчаивайся, если тебе не вполне удастся в поступках твоих исполнить все то хорошее, что ты желал бы.

Если ты упал с высоты своей, старайся снова подняться, – кротко претерпеть испытание жизни и охотно, сознательно прийти назад к своим основам.

Марк Аврелий

2

Кто людей боится, тот Бога не боится. А кто Бога боится, тот людей не боится.

3

Почитай того, чья жизнь есть непрерывающаяся победа, – того, кто, благодаря тому, что стремится к бесконечному и истинному, находит поддержку не в похвалах, а в труде, – кто не блесит и не хочет блеснуть. Он, вперед зная, что пострадает за это, избрал ту добродетель, которая подвергается ругательствам, ту истину, для истребления которой соединяются все разрозненные враги ее. Высшая добродетель всегда противна мирскому закону.

Эмерсон

4

Всякая великая истина, для того чтобы войти в сознание человечества, должна неизбежно пройти три ступени. Первая ступень: «Это так нелепо, что не стоит и обсуждать». Вторая ступень: «Это безнравственно и противно религии». Третья ступень: «Да это давно уже все известно».

5

Тот, кто ничего не боится и готов всегда отдать свою жизнь за истину, гораздо сильнее того, кого все боятся и кто держит в своей власти жизнь других людей.

6

Ищи лучшего человека среди тех, кого осуждает мир.

7

Делай то, что ты считаешь должным, не ожидая за это никакой славы. Помни, что глупый человек – плохой судья разумных поступков.

Если хочешь спастись от власти людей, отдайся власти Бога. Если сознаешь себя во власти Бога, то люди не могут ничего сделать тебе.

28 МАРТА (Мудрость)

Мудрость достигается внутренней работой в уединении и такой же работой над самим собою в общении с людьми.

1

Слушай, будь внимателен, но говори мало.

Никогда не говори, если тебя не спрашивают, но если тебя спрашивают, отвечай тотчас же и коротко и не стыдись, если ты должен признаться, что не знаешь того, о чем тебя спрашивают.

Не спорь ради спора.

Не хвастайся.

Не ищи высшего места и не принимай, если даже тебе и предложат его.

В безразличных делах, т. е. таких, где не приходится изменять долгу, сообразуйся с привычками и желаниями тех, с кем живешь.

Не старайся делать что-либо, не составляющее твоей обязанности и не содействующее удобству твоих сожителей, а то эта привычка сделается идолом. А каждый человек должен разбивать своих идолов.

Суфийская мудрость

2

Лишь чужими глазами можно видеть свои недостатки.

Китайская пословица

3

Каждый человек имеет в другом зеркало, в котором он может ясно разглядеть свои собственные пороки, недостатки и всякого рода дурные стороны; но мы большею частью поступаем при этом, как собака, которая лает на зеркало в том предположении, что видит там не себя, а другую собаку.

Шопенгауэр

4

«Познай самого себя» есть основное правило. Но неужели вы думаете, что можно познать себя, всматриваясь в себя? Нет. Вы можете познать себя только присматриваясь к тому, что вне вас. Сравнивайте ваши силы с силами других, ваши интересы с их интересами; старайтесь думать о своих интересах как о чем-то второстепенном, преклоняйтесь перед достоинствами других, исходя из уверенности, что в вас, вероятно, нет ничего особенного.

Джон Рёскин

5

Если мы сойдемся трое, то я наверное найду двух учителей. Доброму человеку я буду стараться подражать, а глядя на дурного человека, буду стараться исправить себя.

Китайская мудрость

6

Многому я научился у своих наставников, еще более у своих товарищей, но более всего у своих учеников.

Талмуд

7

Когда видишь святого человека, думай о себе, не можешь ли и ты быть таким же. Когда видишь развратника, подумай о себе, нет ли и в тебе тех же пороков.

Китайская мудрость

8

«Будь осторожен, когда хочешь в человеке бить по дьяволу, как бы не задеть в нем Бога». Это значит то, что, осуждая человека, не забывай того, что в нем дух Божий.

9

«С грехом ссорься, с грешником мирись». Ненавидь дурное в человеке, а человека люби.

10

Любовь истинная не на словах, а на деле не только не может быть глупа, но только одна любовь дает истинную проницательность и мудрость.

Живя с людьми, не забывай того, что ты узнал в уединении. И в уединении обдумывай то, что узнал из общения с людьми.

29 МАРТА (Воздержание)

Если чувствуешь иногда, что, несмотря на все желание победить страсть, страсть преодолевает тебя, то не думай, что ты не можешь победить страсть. Это доказывает только то, что на этот раз ты не мог этого сделать. Возница не бросает вожжей оттого, что не сразу остановит коней, но продолжает тянуть – и кони останавливаются. Так и ты: не удержался один раз, продолжай бороться и наверное победишь ты, а не страсти.

1

Настраивать свой ум выше своих влечений – это и есть смысл воздержания. О нем один из отцов церкви говорит, что это не добродетель, а великое дело добродетели.

Джонсон

2

Приучайся повелевать над жадностью, сном, роскошью, гневом.

3

Тот, кто победил себя, гораздо больший победитель, чем тот, кто победил тысячу раз тысячу людей в сражении. Лучше победить себя, чем всех других людей.

Тот, кто победил других людей в сражении, может быть побежден, но тот, кто победил себя и владеет собою, останется навсегда победителем.

Дхаммапада

4

Владеть собою настолько, чтобы уважать других, как самого себя, и поступать с ними так, как мы желаем, чтобы с нами поступали, – вот что можно назвать учением о человеколюбии. Выше этого нет ничего.

Конфуций

5

Молодой человек! отказывай себе в удовлетворении твоих желаний (в увеселениях, в роскоши и т. п.), если и не из намерения совсем отказаться от удовлетворения их, то из желания иметь в виду все более возрастающее наслаждение. Такая бережливость по отношению к твоему жизненному чувству делает тебя, благодаря отсрочке наслаждения, в действительности богаче. Сознание, что наслаждение находится в твоей власти, плодотворнее

и обширнее, чем удовлетворенное посредством этого наслаждения чувство, потому что вместе с удовлетворением оно уничтожается.

Кант

6

Страсть в сердце человека сначала – паутина, потом – толстая веревка.

Страсть вначале – как чужой, после – как гость и, наконец, как хозяин дома.

Талмуд

7

Всякая невожатанность есть зачаток самоубийства; это невидимый поток под домом, который рано или поздно подмывает его фундамент.

Блекки

8

Истинно могуч тот, кто побеждает самого себя.

Восточная мудрость

9

Главные мои желания в том, чтобы никогда не сердиться, всегда говорить правду, говорить ее любовно, так, чтобы никого не оскорбить, быть терпимым с нетерпимыми, добрым с осуждающими, свободным от страсти среди страстных. Вот в чем мои главные желания.

Дхаммапада

Воздержание не достигается сразу, но всегда может быть достигнуто. Жизнь всякого человека идет не к усилению страстей, а к ослаблению их.

Время помогает усилиям и воздержанию.

30 МАРТА (Доброта)

Истинная доброта – не только добродетель и радость, но и орудие борьбы, гораздо более могущественное, чем насилие.

1

Правда, что трудно быть добрым с человеком порочным, лживым, особенно с тем, кто оскорбляет нас, но с ним-то, с этим именно человеком, и нужно быть добрым и для него, и для себя.

2

Тогда Петр приступил к Нему и сказал: Господи, сколько раз прощать брату моему, согрешающему против меня, до семи ли раз?

Иисус говорит ему: не говорю тебе до семи, но до седмижды семидесяти раз.

Мф. гл. 18, ст. 21—22

3

Если ты знаешь, как надо жить людям для их блага, и желаешь добра людям, то будешь высказывать им это и высказывать так, чтобы они поверили тебе. Для того же, чтобы они поверили тебе и поняли тебя, тебе надо постараться передавать свои мысли спокойно и с добротой.

А между тем как часто мы поступаем как раз наоборот. Мы хорошо умеем беседовать с человеком, согласным или почти согласным с нами; когда же мы видим, что собеседник наш не верит в ту истину, которую мы признаем, или даже не понимает ее и, несмотря на наши усилия объяснить ему, он продолжает не соглашаться с нами и, как нам кажется, упрямится или извращает наши слова, то как легко мы теряем наше спокойствие и раздражаемся! Мы или начинаем сердиться и говорить нашему собеседнику неприятности, или прекращаем разговор, думая, что с таким непонятливым или упрямым человеком не стоит и рассуждать.

Когда ты хочешь показать твоему собеседнику в разговоре какую-нибудь истину, то самое главное при этом – не раздражаться и не сказать ни одного недоброго или обидного слова.

По Эпиктету

4

Если ты заметил в ком-либо ошибку, поправь его кротко и укажи ему, в чем он ошибся. Если же он не слушает тебя, вини одного себя или, еще лучше, никого не вини, а продолжай быть кротким.

Марк Аврелий

Если ты разошелся с человеком, если он недоволен тобой, если он не согласился с тобой, когда ты был прав, виноват не он, а, наверное, ты тем, что ты не был добр, когда имел с ним дело.

31 МАРТА (Покаяние)

Каяться – значит видеть всю степень своей порочности, своей слабости. Покаяние есть порицание всего дурного в себе, есть чистка души, приготовление ее к принятию добра.

1

Если добрый человек не признает своих ошибок, а старается всегда оправдывать себя, то он очень скоро из доброго делается очень недобрым.

2

Присуще ли тебе нечто такое, что достойно порицания, сам спеши признать это.

3

Ничто так не размягчает сердца, как сознание своей вины, и ничто так не окаменывает его, как желание быть всегда правым.

По Талмуду

4

Если человек и чувствует в душе себя виноватым пред Богом, но не признается в своей вине ни перед другими людьми, ни перед собой, то такой человек всегда охотно обвинит других людей, и в особенности тех, перед кем виноват.

5

Добрый человек – это тот, кто помнит свои грехи и забывает свое добро, а злой – наоборот, тот, кто помнит свое добро и забывает свои грехи.

Не прощай себе, и тогда легко будешь прощать другим.

Талмуд

6

Тот, кто свои прежние злые дела покрыл добрыми, светит в этом мрачном мире подобно месяцу в облачной ночи.

Буддийская мудрость¹⁵

¹⁵ Дхаммапада

7

Хорошо каяться в грехах, когда еще в силах.

Каяться – значит очищать свою душу и готовиться к доброй жизни, и потому хорошо каяться, пока еще силы жизни не оставили человека. Надо подливать масла, пока еще не погасла свечка.

По Талмуду

Сознание человеком своей конечности среди бесконечного мира и своей греховности, т. е. неисполнения всего того, что он мог бы и должен был сделать, но не сделал, всегда было и всегда будет до тех пор, пока человек будет человеком.

Недельное чтение

Корней Васильев

I

Корнею Васильеву было пятьдесят четыре года, когда он в последний раз приезжал в деревню. В густых курчавых волосах у него не было еще ни одного седого волоса, и только в черной бороде у скул пробивалась седина. Лицо у него было гладкое, румяное, загривок широкий и крепкий, и все сильное тело обложилось жиром от сытой городской жизни.

Он двадцать лет тому назад отбыл военную службу и вернулся со службы с деньгами. Сначала он завел лавку, потом оставил лавку и стал торговать скотиной. Ездил в Черкассы за «товаром» (скотиной) и пригонял в Москву.

В селе Гаях, в его каменном, крытом железом доме, жила старуха мать, жена с двумя детьми (девочка и мальчик), еще сирота племянник, немой 15-летний малый, и работник. Корней был два раза женат. Первая жена его была слабая, больная женщина и умерла без детей, и он уже немолодым вдовцом женился второй раз на здоровой красивой девушке, дочери бедной вдовы из соседней деревни. Дети были от второй жены.

Корней так выгодно продал последний «товар» в Москве, что у него собралось около трех тысяч денег. Узнав от земляка, что недалеко от его села выгодно продается у разорившегося помещика роща, он вздумал заняться еще и лесом. Он знал это дело и еще до службы жил помощником приказчика у купца в роще.

На железнодорожной станции, с которой сворачивали в Гаи, Корней встретил земляка, гаевского кривого Кузьму. Кузьма к каждому поезду выезжал из Гаев за седоками на своей парочке плохеньких косматых лошадей. Кузьма был беден и оттого не любил всех богатых, а особенно богача Корнея, которого он звал Корнюшкой.

Корней в полушубке и тулупе, с чемоданчиком в руке вышел на крыльцо станции и, выпятив брюхо, остановился, отдуваясь и оглядываясь. Было утро. Погода была тихая, пасмурная, с легким морозцем.

– Что ж не нашел седоков, дядя Кузьма? – сказал он. – Свезешь, что ли?

– Что ж, давай рублевку. Свезу.

– Ну и семь гривен довольно.

– Брюхо наел, а тридцать копеек у бедного человека оттянуть хочешь.

– Ну ладно, давай, что ль, – сказал Корней. И, уложив в маленькие санки чемодан и узел, он широко уселся на заднем месте.

Кузьма остался на козлах.

– Ладно. Трогай.

Выехали из ухабов у станции на гладкую дорожку.

– Ну а что, как у вас, не у нас, а у вас на деревне? – спросил Корней.

– Да хорошего мало.

– А что так? Моя старуха жива?

– Старуха-то жива. Надясь в церкви была. Старуха твоя жива. Жива и молодая хозяйка твоя. Что ей делается. Работника нового взяла.

И Кузьма засмеялся как-то чудно, как показалось Корнею.

– Какого работника? А Петра что?

– Петра заболел. Взяла Евстигней Белого из Каменки, – сказал Кузьма, – из своей деревни, значит.

– Вот как? – сказал Корней.

Еще когда Корней сватал Марфу, в народе что-то бабы болтали про Евстигней.

– Так-то, Корней Васильич, – сказал Кузьма. – Очень уж бабы нынче волю забрали.

– Что и говорить! – промолвил Корней. – А старая твоя сивая стала, – прибавил он, желая прекратить разговор.

– Я и сам не молод. По хозяину, – проговорил Кузьма в ответ на слова Корнея, постегивая косматого кривоногого мерина.

На полдороге был постоялый двор. Корней велел остановить и вошел в дом. Кузьма приворотил лошадь к пустому корыту и оправлял шлею, не глядя на Корнея и ожидая, что он позовет его.

– Заходи, что ль, дядя Кузьма, – сказал Корней, выходя на крыльцо, – выпьешь стаканчик.

– Ну что ж, – отвечал Кузьма, делая вид, что не торопится.

Корней потребовал бутылку водки и поднес Кузьме. Кузьма, не евши с утра, тотчас же захмелел. И как только захмелел, стал шепотом, пригибаясь к Корнею, рассказывать ему, что говорили в деревне. А говорили, что Марфа, его жена, взяла в работники своего прежнего полюбовника и живет с ним.

– Мне что ж. Мне тебя жалко, – говорил пьяный Кузьма. – Только нехорошо, народ смеется. Видно, греха не боится. Ну да погоди же ты, говорю. Дай срок, сам приедет. Так-то, брат, Корней Васильич.

Корней молча слушал то, что говорил Кузьма, и густые брови все ниже и ниже спускались над блестящими, черными как уголь глазами.

– Что ж, поить будешь? – сказал он только, когда бутылка была выпита, – а нет, так и едем.

Он расплатился с хозяином и вышел на улицу.

Домой он приехал сумерками. Первый встретил его тот самый Евстигней Белый, про которого он не мог не думать всю дорогу. Корней поздоровался с ним. Увидав худощавое, белобрысое лицо заторопившегося Евстигнея, Корней только недоуменно покачал головой. «Наврал, старый пес, – подумал он на слова Кузьмы. – А кто их знает. Да уж я дознаюсь».

Кузьма стоял у лошади и подмигивал своим одним глазом на Евстигнея.

– У нас, значит, живешь? – спросил Корней.

– Что ж, надо где-нибудь работать, – отвечал Евстигней.

– Топлена горница-то?

– А то как же? Матвевна тама, – отвечал Евстигней.

Корней поднялся на крыльцо. Марфа, услышав голоса, вышла в сени и, увидав мужа, вспыхнула и торопливо и особенно ласково поздоровалась с ним.

– А мы с матушкой уж и ждать перестали, – сказала она и вслед за Корнеем вошла в горницу.

– Ну что, как живете без меня?

– Живем все по-старому, – сказала она и, подхватив на руки двухлетнюю дочку, которая тянула ее за юбку и просила молока, большими решительными шагами вошла в сени.

Корнеева мать с такими же черными глазами, как у Корнея, с трудом волоча ноги в валенках, вошла в горницу.

– Спасибо проведать приехал, – сказала она, покачивая трясущейся головой.

Корней рассказал матери, по какому делу заехал, и, вспомнив про Кузьму, пошел вынести ему деньги. Только он отворил дверь в сени, как прямо перед собой он увидел у двери на двор Марфу и Евстигнея. Они близко стояли друг от друга, и она говорила что-то. Увидав Корнея, Евстигней шмыгнул во двор, а Марфа подошла к самовару, поправляя гудевшую над ним трубу.

Корней молча прошел мимо ее согнутой спины и, взяв узел, позвал Кузьму пить чай в большую избу. Перед чаем Корней роздал московские гостинцы домашним: матери шерстяной платок, Федьке книжку с картинками, немому племяннику жилетку и жене ситец на платье.

За чаем Корней сидел насупившись и молчал. Только изредка неохотно улыбался, глядя на него, который забавлял всех своей радостью. Он не мог нарадоваться на жилетку. Он укладывал и развертывал ее, надевал ее и целовал свою руку, глядя на Корнея, и улыбался.

После чая и ужина Корней тотчас же ушел в горницу, где спал с Марфой и маленькой дочкой. Марфа оставалась в большой избе убирать посуду. Корней сидел один у стола, облокотившись на руку, и ждал. Злоба на жену все больше и больше ворочалась в нем. Он достал со стены счеты, вынул из кармана записную книжку и, чтобы развлечь мысли, стал считать. Он считал, поглядывая на дверь и прислушиваясь к голосам в большой избе.

Несколько раз он слышал, как отворялась дверь в избу и кто-то выходил в сени, но это все была не она. Наконец послышались ее шаги, дернулась дверь, отлипла, и она, румяная, красивая, в красном платке, вошла с девочкой на руках.

– Небось с дороги-то уморился, – сказала она, улыбаясь, как будто не замечая его угрюмого вида.

Корней взглянул на неё и стал опять считать, хотя считать уж нечего было.

– Уж не рано, – сказала она и, спустив с рук девочку, прошла за перегородку.

Он слышал, как она убирала постель и укладывала спать дочку.

«Люди смеются, – вспомнил он слова Кузьмы. – Погоди же ты...» – подумал он, с трудом переводя дыхание, и медленным движением встал, положил обгрызок карандаша в жилетный карман, повесил счеты на гвоздь, снял пиджак и подошел к двери перегородки. Она стояла лицом к иконам и молилась. Он остановился, ожидая. Она долго крестилась, кланялась и шепотом говорила молитвы. Ему казалось, что она давно перечитала все молитвы и нарочно по несколько раз повторяет их. Но вот она положила земной поклон, выпрямилась, прошептала в себя какие-то молитвенные слова и повернулась к нему лицом.

– А Агашка-то уж спит, – сказала она, указывая на девочку, и, улыбаясь, села на заскрипевшую кровать.

– Евстигней давно здесь? – сказал Корней, входя в дверь.

Она спокойным движением перекинула одну толстую косу через плечо на грудь и начала быстрыми пальцами расплетать ее. Она прямо смотрела на него, и глаза ее смеялись.

– Евстигней-то? А кто его знает, недели две али три.

– Ты живешь с ним? – проговорил Корней.

Она выпустила из рук косу, но тотчас же поймала опять свои жесткие густые волосы и опять стала плести.

– Чего не выдумают. Живу с Евстигнеем? – сказала она, особенно звучно произнося слово Евстигней. – Выдумают же! Тебе кто сказал?

– Говори: правда, нет ли? – сказал Корней и сжал в кулаки засунутые в карманы могучие руки.

– Будет болтать пустое. Снять сапоги-то?

– Я тебя спрашиваю, – повторил он.

– Ишь добро какое. На Евстигнея польстилась, – сказала она. – И кто только наврал тебе?

– Что ты с ним в сенях говорила?

– Что говорила. Говорила, на бочку обруч набить надо. Да ты что ко мне пристал?

– Я тебе велю: говори правду. Убью, сволочь поганая.

Он схватил ее за косу.

Она выдернула у него из руки косу, лицо ее скосилось от боли.

– Только на то тебя и взять, что драться. Что я от тебя хорошего видела? От такого житья не знаю что сделаешь.

– Что сделаешь? – проговорил он, надвигаясь на нее.

– За что полкосы выдрал? Во, так шмотами и лезут. Что пристал. И правда что...

Она не договорила. Он схватил ее за руку, сдернул с кровати и стал бить по голове, по бокам, по груди. Чем больше он бил, тем больше разгоралась в нем злоба. Она кричала, защищалась, хотела уйти, но он не пускал ее. Девочка проснулась и бросилась к матери.

– Мамка, – редела она.

Корней ухватил девочку за руку, оторвал от матери и как котенка бросил в угол. Девочка визгнула, и несколько секунд ее не слышно было.

– Разбойник! Ребенка убил, – кричала Марфа и хотела подняться к дочери.

Но он опять схватил ее и так ударил в грудь, что она упала навзничь и тоже перестала кричать. Только девочка кричала отчаянно, не переводя духа.

Старуха без платка, с растрепанными седыми волосами, с трясущейся головой, шатаясь, вошла в каморку и, не глядя ни на Корнея, ни на Марфу, подошла к внучке, заливавшейся отчаянными слезами, и подняла ее.

Корней стоял, тяжело дыша и оглядываясь, как будто спросонья, не понимая, где он и кто тут с ним.

Марфа подняла голову и, стоная, вытирала окровавленное лицо рубахой.

– Злодей постылый! – проговорила она. – И живу с Евстигнеем и жила. На, убей до смерти. И Агашка не твоя дочь; с ним прижила, – быстро выговорила она и закрыла локтем лицо, ожидая удара.

Но Корней как будто ничего не понимал и только сопел и оглядывался.

– Ты глянь, что с девчонкой сделал: руку вышиб, – сказала старуха, показывая ему вывернутую, висящую ручку не переставая заливавшейся криками девочки. Корней повернулся и молча вышел в сени и на крыльцо.

На дворе было все так же морозно и пасмурно. Снежинки инея падали ему на горевшие щеки и лоб. Он сел на приступки и ел горстями снег, собирая его на перилах. Из-за дверей слышно было, как стонала Марфа и жалостно плакала девочка; потом отворилась дверь в сени, и он слышал, как мать с девочкой вышла из горницы и прошла через сени в большую избу. Он встал и вошел в горницу. Завернутая лампа горела малым светом на столе. Из-за перегородки слышались усилившиеся, как только он вошел, стоны Марфы. Он молча оделся, достал из-под лавки чемодан, уложил в него свои вещи и завязал его веревкой.

– За что убил меня? За что? Что я тебе сделала? – заговорила Марфа жалостным голосом. Корней, не отвечая, поднял чемодан и понес к двери. – Каторжник. Разбойник! погоди ж ты. Али на тебя суда нет? – совсем другим голосом злобно проговорила она.

Корней, не отвечая, толкнул дверь ногой и так сильно захлопнул ее, что задрожали стены.

Войдя в большую избу, Корней разбудил немого и велел ему запрягать лошадь. Немой, не сразу проснувшись, удивленно-вопросительно поглядывал на дядю и обеими руками расчесывал голову. Поняв наконец, что от него требовали, он вскочил, надел валенки, рваный полушубок, взял фонарь и пошел на двор.

Уж было совсем светло, когда Корней выехал с немым в маленьких пошевнях за ворота и поехал назад по той же дороге, по которой с вечера приехал с Кузьмою.

Он приехал на станцию за пять минут до отхода поезда. Немой видел, как он брал билет, как взял чемодан и как сел в вагон, кивнув ему головой, и как вагон укатился из вида.

У Марфы кроме побоев на лице были сломаны два ребра и разбита голова. Но сильная, здоровая, молодая женщина справилась через полгода, так что не осталось никаких следов побоев. Девочка же на век осталась полукалекой. У нее были переломаны две кости руки, и рука осталась кривая.

Про Корнея же с тех пор, как он ушел, никто ничего не знал. Не знали, жив ли он или умер.

II

Прошло семнадцать лет. Была глухая осень. Солнце ходило низко, и в четвертом часу вечера уж смеркалось. Андреевское стадо возвращалось в деревню. Пастух, отслужив срок, до заговенья ушел, и гоняли скотину очередные бабы и ребята.

Стадо только что вышло с овсяного жнивья на грязную, испещренную раздвоенно-копытными следами, черноземную, взрытую колеями, большую грунтовую дорогу и с неперестающим мычанием и блеянием подвигалось к деревне. По дороге впереди стада шел в потемневшем от дождя, заплатанном зипуне, в большой шапке, с кожаным мешком за сутуловатой спиной высокий старик с седой бородой и курчавыми седыми волосами; только одни густые брови были у него черные. Он шел, тяжело двигая по грязи мокрыми и разбившимися грубыми хохлацкими сапогами и через шаг равномерно подпираясь дубовой клюкой. Когда стадо догнало его, он, опершись на клюку, остановился. Гнавшая стадо молодайка, покрывшись с головой дерюжкой, в подтыканной юбке и мужских сапогах, перебежала быстрыми ногами то на ту, то на другую сторону дороги, подгоняя отстающих овец и свиней. Поравнявшись с стариком, она остановилась, оглядывая его.

– Здорово, дедушка, – сказала она звучным, нежным, молодым голосом.

– Здорово, умница, – проговорил старик.

– Что ж, ночевать, что ль?

– Да, видно, так. Уморился, – хрипло проговорил старик.

– А ты, дед, к десятскому не ходи, – ласково проговорила молодайка. – Иди прямо к нам, третья изба с краю. Станных людей свекровь так пущает.

– Третья изба. Зиновеева, значит? – сказал старик, как-то значительно поводя черными бровями.

– А ты разве знаешь?

– Бывал.

– Ты чего, Федюшка, слюни распустил, хромая-то вовсе отстала, – крикнула молодайка, указывая на ковылявшую позади стада трехногую овцу, и, взмахнув правой рукой хворостиной и как-то странно снизу кривой левой рукой перехватив дерюжку на голове, побежала назад за отставшей хромой мокрой черной овцой.

Старик был Корней. А молодайка была та самая Агашка, которой он выломил руку семнадцать лет тому назад. Она была выдана в Андреевку, в богатую семью, за четыре версты от Гаев.

III

Корней Васильев из сильного, богатого, гордого человека стал тем, что он был теперь: старым побирушкой, у которого ничего не было, кроме изношенной одежды на теле, солдатского билета и двух рубаш в сумке. Вся эта перемена сделалась так понемногу, что он не мог бы сказать, когда это началось и когда сделалось. Одно, что он знал, в чем был твердо уверен, это то, что виною его несчастья была его злодейка жена. Ему странно и больно было вспоминать то, что он был прежде. И когда он вспоминал про это, он с ненавистью вспоминал про ту, кого он считал причиной всего того дурного, что он испытал в эти семнадцать лет.

В ту ночь, когда он избил жену, он поехал к помещику, где продавалась роцца. Роцци не довелось купить. Она была уже куплена, и он вернулся в Москву и там запил. Он и прежде пивал, но теперь пьянствовал без просыпу две недели и, когда опомнился, уехал на низ за скотиной. Покупка была неудачная, и он понес убыток. Он поехал в другой раз. И вторая покупка

не задалась. И через год у него из трех тысяч осталось двадцать пять рублей, и пришлось наниматься к хозяевам. Он и прежде пил, а теперь стал выпивать чаще и чаще.

Сначала он прожил год приказчиком у скотопромышленника, но дорогой запил, и купец расчел его. Потом он нашел по знакомству место торговца вином, но и тут прожил недолго. Запутался в расчетах, и ему отказали. Домой ехать и стыдно было, и злоба брала. «Проживут и без меня. Может, и мальчишка-то не мой», – думал он.

Все шло хуже и хуже. Без вина он не мог жить. Стал наниматься уж не в приказчики, а в погонщики к скотине, потом и в эту должность не стали брать.

Чем хуже ему становилось, тем больше он обвинял ее и тем больше разгоралась его злоба на нее.

В последний раз Корней нанялся в погонщики к скотине к незнакомому хозяину. Скотина заболела. Корней не был виноват, но хозяин рассердился и рассчитал и приказчика, и его. Наниматься некуда было, и Корней решил идти странствовать. Состроил он себе сапоги хорошие, сумку, взял чаю, сахару, денег восемь рублей и пошел в Киев. В Киеве ему не понравилось, и он пошел на Кавказ в Новый Афон. Не доходя Нового Афона, его захватила лихорадка. Он вдруг ослабел. Денег оставалось рубль семьдесят копеек, знакомых никого не было, и он решил идти домой к сыну. «Может, она и померла теперь, злодейка моя, – думал он. – А жива, так хоть перед смертью выскажу ей все; чтоб знала она, мерзавка, что со мной сделала», – думал он и пошел к дому.

Лихорадка трепала его через день. Он слабел все больше и больше, так что не мог уходить больше 10, 15 верст в день. Не доходя 200 верст до дому, деньги все вышли, и он шел уж Христовым именем и ночевал по отводу десятского. «Радуйся, до чего довела меня!» – думал он про жену, и по старой привычке старые и слабые руки сжимались в кулаки. Но и бить некого было, да и силы в кулаках уже не было.

Две недели шел он эти двести верст, и совсем больной и слабый добрел до того места, в четырех верстах от дома, где встретился, не узнав ее и не быв узнан, с той Агашкой, которая считалась, но не была его дочерью и которой он выломал руку.

IV

Он сделал, как сказала ему Агафья. Дойдя до Зиновеева двора, он попросился ночевать. Его пустили.

Войдя в избу, он, как и всегда делал, перекрестился на иконы и поздоровался с хозяевами.

– Застыл, дед! Иди, иди на печь, – сказала сморщенная веселая старушка хозяйка, убиравшаяся у стола.

Муж Агафьи, моложавый мужик, сидел на лавке у стола и заправлял лампу.

– И мокрый же ты, дед! – сказал он. – Да что станешь делать. Сушись!

Корней разделся, разулся, повесил против печки онучи и влез на печь.

В избу вошла и Агафья с кувшином. Она уже успела пригнать стадо и убраться с скотиной.

– А не бывал старик странный? – спросила она. – Я велела к нам заходить.

– А вот он, – сказал хозяин, указывая на печь, где, потирая мохнатые костлявые ноги, сидел Корней.

К чаю хозяева кликнули и Корнея. Он слез и сел на краю лавки. Ему подали чашку и кусок сахара.

Разговор шел про погоду, про уборку. Не дается в руки хлеб. У помещиков проросли копны в поле. Только начнут возить, опять дождь. Мужички свезли. А у господ там дуром преет. А мыша в снопах – страсть.

Корней рассказал, что он видел по дороге целое поле полно копен. Молодайка налила ему пятую чашку жидкого, чуть желтого чаю и подала.

– Ничего. Пей, дедушка, на здоровье, – сказала она на его отказ.

– Что ж это рука у тебя неисправная? – спросил он у нее, осторожно принимая от нее полную чашку и пошевеливая бровями.

– С мальства еще сломали, – сказала говорливая старушка свекровь. – Это ее отец нашу Агашу убить хотел.

– С чего ж это? – спросил Корней. И, глядя на лицо молодайки, ему вспомнился вдруг Евстигней Белый с его голубыми глазами, и рука, державшая чашку, так задрожала, что он разлил половину чая, пока донес ее до стола.

– А такой был в Гаях у нас человек, отец ей, Корней Васильевым звали. Богатей был. Так возгордился на жену. Ее избил и ее вот испортил.

Корней молчал, взглядывая из-под не переставая шевелившихся черных бровей то на хозяина, то на Агашу.

– За что же? – спросил он, откусывая сахар.

– Кто их знает. Про нашу сестру всякое сболтнут, а ты отвечай, – говорила старуха. – Из-за работника что-то у них вышло. Работник малый хороший был, из нашей деревни. Он и помер у них в доме.

– Помер? – переспросил Корней и откашлялся.

– Давно помер... У них мы и взяли молодайку. Жили хорошо. Первые на селе были. Пока жив был хозяин.

– А он что же? – спросил Корней.

– Тоже помер, должно. С того раза пропал. Лет пятнадцать будет.

– Больше никак, мне мамушка сказывала, меня она только кормить бросила.

– Что ж ты на него не обижаешься за то, что он руку... – начал было Корней и вдруг захлопал.

– Разве он чужой – отец ведь. Что ж, еще пей с холоду-то. Налить, что ль?

Корней не отвечал и всхлипывая плакал.

– Чего ж ты?

– Ничего, так, спаси Христос.

И Корней дрожащими руками ухватился за столбик и за полати и полез большими худыми ногами на печь.

– Вишь ты! – сказала старушка сыну, подмигивая на старика.

V

На другой день Корней поднялся раньше всех. Он слез с печи, размял высохшие подвертки; с трудом обул заскорузшие сапоги и надел мешок.

– Что ж, дед, позавтракал бы? – сказала старуха.

– Спаси Бог. Пойду.

– Так вот возьми хоть лепешек вчерашних. Я тебе в мешок положу.

Корней поблагодарил и простился.

– Заходи, когда назад пойдешь, живы будем...

На дворе был тяжелый осенний туман, закрывающий все. Но Корней хорошо знал дорогу, знал всякий спуск и подъем, и всякий куст, и все ветлы по дороге, и леса направо и налево, хотя за семнадцать лет одни срубили и из старых стали молодыми, а другие из молодых стали старыми.

Деревня Гаи была все та же, только построились с краю новые дома, каких не было прежде. И из деревянных домов стали кирпичные. Его каменный дом был такой же, только

постарел. Крыша была давно не крашена, и на угле выбитые были кирпичи, и крыльцо покровилось.

В то время как он подходил к своему прежнему дому, из скрипучих ворот вышла матка с жеребенком, старый мерин чалый и третьяк. Старый чалый был весь в ту матку, которую Корней за год до своего ухода привел с ярмонки.

«Должно, это тот самый, что у нее тогда в брюхе был. Та же вислозадина и та же широкая грудь и косматые ноги», – подумал он.

Лошадей гнал поить черноглазый мальчишка в новых лапотках. «Должно, внук, Федькин сын, значит, в него черноглазый», – подумал Корней.

Мальчик посмотрел на незнакомого старика и побежал за заигравшим по грязи стригуном. За мальчиком бежала собака, такая же черная, как прежний Волчок.

«Неужели Волчок?» – подумал он. И вспомнил, что тому было бы двадцать лет.

Он подошел к крыльцу и с трудом взошел на те ступеньки, на которых он тогда сидел, плотая снег с перил, и отворил дверь в сени.

– Чего лезешь не спросясь? – окликнул его женский голос из избы. Он узнал ее голос. И вот она сама, сухая, жилистая, морщинистая старуха высунулась из двери. Корней ждал той молодой красивой Марфы, которая оскорбила его. Он ненавидел ее и хотел укорить, и вдруг вместо нее перед ним была какая-то старуха. – Милостыни, так под окном проси, – пронзительным, скрипучим голосом проговорила она.

– Я не милостыни, – сказал Корней.

– Так чего же ты? Чего еще?

Она вдруг остановилась. И он по лицу ее увидел, что она узнала его.

– Мало ли вас шляется. Ступай, ступай. С Богом.

Корней привалился спиной к стене и, упираясь на клюку, пристально смотрел на нее и с удивлением чувствовал, что у него не было в душе той злобы на нее, которую он столько лет носил в себе, но какая-то умиленная слабость вдруг овладела им.

– Марфа! помирать будем.

– Ступай, ступай с Богом, – быстро и злобно говорила она.

– Больше ничего не скажешь?

– Нечего мне говорить, – сказала она. – Ступай с Богом. Ступай, ступай. Много вас, чертей, дармоедов, шляется.

Она быстрыми шагами вернулась в избу и захлопнула дверь.

– Чего ж ругать-то, – послышался мужской голос, и в дверь вошел с топором за поясом черноватый мужик, такой же, как был Корней сорок лет тому назад, только поменьше и похудее, но с такими же черными блестящими глазами.

Это был тот самый Федька, которому он семнадцать лет тому назад подарил книжку с картинками. Это он упрекнул мать за то, что она не пожалела нищего. С ним вместе вошел и тоже с топором за поясом немой племянник. Теперь это был взрослый, с редкой бородкой, морщинистый жилистый человек, с длинной шеей, решительным и внимательно-пронизывающим взглядом. Оба мужика только позавтракали и шли в лес.

– Сейчас, дедка, – сказал Федор и указал немому сначала на старика, а потом на горницу и показал рукою, как режут хлеб.

Федор вышел на улицу, а немой вернулся в избу. Корней все стоял, опустив голову, прислонившись к стене и опираясь на клюку. Он чувствовал большую слабость и с трудом удерживал рыдания. Немой вышел из избы с большим пахучим ломтем свежего черного хлеба и, перекрестившись, подал Корнею. Когда Корней, приняв хлеб, тоже перекрестился, немой обратился к двери в избу, провел двумя руками по лицу и начал делать вид, что плюет. Он выражал этим неодобрение тетке. Вдруг он замер и, разинув рот, уставился на Корнея, как будто узнавая. Корней не мог больше удерживать слезы и, вытирая глаза, нос и седую бороду полон

кафтана, отвернулся от него и вышел на крыльцо. Он испытывал какое-то особенное, умиленное, восторженное чувство смирения, унижения перед людьми, перед нею, перед сыном, перед всеми людьми, и чувство это и радостно и больно раздирало его душу.

Марфа смотрела из окна и спокойно вздохнула только тогда, когда увидала, что старик скрылся за углом дома.

Когда Марфа уверилась, что старик ушел, она села за стан и стала ткать. Она ударила раз десяток бердом, но руки не шли, она остановилась и стала думать и вспоминать, каким она сейчас видела Корнея, – она знала, что это был он – тот самый, который убивал ее и прежде любил ее, и ей было страшно за то, что она сейчас сделала. Не то она сделала, что надо было. А как же надо было обойтись с ним? Ведь он не сказал, что он Корней и что он домой пришел.

И она опять взялась за челнок и продолжала ткать до самого вечера.

VI

Корней с трудом добрал к вечеру до Андреевки и опять попросился ночевать к Зиновьевым. Его приняли.

– Что ж, дед, не пошел дальше?

– Не пошел. Ослаб. Видно, назад пойду. Ночевать пустите?

– Место не пролежишь. Иди сушишь.

Всю ночь Корнея трепала лихорадка. Перед утром он забылся, а когда проснулся, домашние все разошлись по своим делам, и в избе оставалась одна Агафья.

Он лежал на хорах, на сухом кафтане, который подостлала ему старуха. Агафья вынимала хлеба из печи.

– Умница, – позвал он ее слабым голосом, – подойди ко мне.

– Сейчас, дед, – отвечала она, высаживая хлеба. – Напиться, что ль? Кваску?

Он не отвечал.

Высавив последний хлеб, она подошла к нему с ковшиком кваса. Он не повернулся к ней и не стал пить, а как лежал кверху лицом, так и стал говорить, не поворачиваясь.

– Гаха, – сказал он тихим голосом, – время мое доспело. Я помирать хочу. Так вот ты прости меня Христа ради.

– Бог простит. Что ж, ты мне худого не делал...

Он помолчал.

– А еще вот что: сходи ты, умница, к матери, скажи ей... странник, мол, скажи... вчерашний странник, скажи...

Он стал всхлипывать.

– А ты разве был у наших?

– Был. Скажи, странник вчерашний... странник, скажи... – опять он остановился от рыданий и, наконец, собравшись с силами, договорил: – Попрощаться к ней приходил, – сказал он и стал шарить у себя около груди.

– Скажу, дед, скажу. А ты чего ищешь? – сказала Агафья.

Старик, не отвечая, сморщившись от усилия, достал своей худой волосатой рукой бумагу из-за пазухи и подал ей.

– А это вот отдай, кто спросит. Билет мой солдатский. Слава Богу, развязались все грехи. – И лицо его сложилось в торжественное выражение. Брови поднялись, глаза уставились в потолок, и он затих.

– Свечку, – проговорил он, не шевеля губами.

Агафья поняла. Достала от икон обгоревшую восковую свечку, зажгла и подала ему. Он прихватил ее большим пальцем.

Агафья отошла убрать в сундучок его билет, и когда подошла к нему, свеча валилась у него из руки, и остановившиеся глаза уже не видели, и грудь не дышала. Агафья перекрестилась, задула свечу, достала полотенце чистое и закрыла его лицо.

Во всю ночь эту Марфа не могла заснуть и все думала о Корнее. Наутро она надела зипун, накрылась платком и пошла узнавать, где вчерашний старик. Очень скоро она узнала, что старик в Андреевке. Марфа взяла из плетня палку и пошла в Андреевку. Чем дальше она шла, тем все страшнее и страшнее ей становилось. «Попрощаемся с ним, возьмем домой, грех развяжем. Пускай хоть помрет дома при сыне», – думала она.

Когда Марфа стала подходить к дочернему двору, она увидала большую толпу народа у избы. Одни стояли в сенях, другие под окнами. Все уж знали, что тот самый знаменитый богач Корней Васильев, который двадцать лет тому назад гремел по округе, бедным странником помер в доме дочери. Изба тоже была полна народа. Бабы перешептывались, вздыхали и охали.

Когда Марфа вошла в избу и народ расступился, пропуская ее, она под святыми увидала обмытое, убранное, прикрытое полотном мертвое тело, над которым грамотный Филипп Кононыч, подражая дьячкам, читал нараспев славянские слова псалтыря.

Ни простить, ни просить прощенья уже нельзя было. А по строгому, прекрасному, старому лицу Корнея нельзя было понять, прощает ли он или еще гневается.

Л. Н. Толстой

АПРЕЛЬ

1 АПРЕЛЯ (Знание)

Наук бесчисленное множество, и всякая наука бесконечна, можно все дальше и дальше идти к ней. И потому во всякой науке самое первое и главное – это знать, какие предметы самые важные, какие менее важные, какие еще менее важны и какие еще и еще менее важны. Узнать это нужно для того, что так как всего изучить нельзя, то надо изучить самое нужное.

1

В наше время накапливается огромное количество знаний, достойных изучения. Скоро наши способности будут слишком слабы, а жизнь слишком коротка, чтобы усвоить хотя бы одну только наиболее полезную часть этих знаний. К нашим услугам полное изобилие богатств, но, восприняв их, мы должны снова отбрасывать многое как бесполезный хлам. Было бы лучше иногда не обременять себя им.

Кант

2

При нашем преждевременном и часто слишком обильном чтении, дающем нам так много непереваженного материала, наша память становится обыкновенно хозяином наших чувств и вкусов; поэтому-то нам часто необходимо большое усилие мысли, чтобы вернуть первобытную невинность нашему чувству, найти *себя* среди мусора чужих мыслей и взглядов, чтобы *самим* начать чувствовать и говорить и, я почти готов сказать, чтобы начать когда-нибудь *самим* существовать.

Лихтенберг

3

Персидский мудрец говорит: «Когда я был молод, я сказал себе: хочу познать всю науку. И я дошел до того, что оставалось уже немного вещей, которых я не знал, но когда я стал стар, я увидел, что жизнь моя прошла, и я не знал ничего».

4

Выбросьте из вашего сердца и ума мысль познать все на небе и на земле. Очень немного вообще существует такого, что мы можем когда-либо познать как относительно путей Провиденья, так и законов существования. Но и этого немногого достаточно, вполне достаточно; стремиться к большему не благо для нас. И будьте уверены, что за пределами действительных нужд нашего скромного существования и того царства, которым каждому из нас предназначено управлять в невозмутимом самообладании, т. е. самим собою,

своими мыслями, словами, поступками, всякое увеличение труда усиливает безумие, всякое увеличение знания усиливает горе.

Джон Рёскин

5

Наблюдения и вычисления астрономов научили нас многому, достойному удивления; но самый важный результат их исследований, пожалуй, тот, что они обнаружили перед нами бездну всего того, что мы не можем знать: без этих человеческих знаний разум никогда не мог бы представить себе всю огромность этой бездны, а размышление об этом может произвести большую перемену в определении конечных целей деятельности нашего разума.

Кант

6

«Есть травы на земле: мы их видим, с луны их было бы не видно. На этих травах есть нити, в этих нитях – маленькие животные, но дальше этого ничего уж нет». – Какая самонадеянность! «Сложные тела состоят из элементов, а элементы неразложимы». – Какая самонадеянность!

Паскаль

7

Не бойся незнания, бойся ложного знания. От него все зло мира.

Знание бесконечно. И потому знающий очень много бесконечно мало превосходит того, кто знает очень мало.

2 АПРЕЛЯ (Усилие)

Настоящая жизнь – в том, чтобы становиться лучше, побеждать свое тело силою духа, приближаться к Богу. Это не делается само собой. Для этого нужно усилие. И это усилие дает радость.

1

Привычку никогда нельзя признать добром, даже и привычку к хорошим поступкам. Хорошее благодаря ей перестает быть добродетелью. Добро только то, что добывается усилием.

Кант

2

Неси свое бремя и знай, что в нем твое благо; извлеки из него то, что нужно для разумной жизни твоей, как желудок извлекает из пищи все нужное для плоти или как огонь, который разгорается светлее, когда в него что-нибудь бросят.

Марк Аврелий

3

Чем больше отталкиваешь свой крест, тем он становится тяжелее.

Амиель

4

Будь всегда внимателен к тому, что делаешь, и ничего не считай недостойным внимания.

Конфуций

5

Постоянное исполнение незаметных обязанностей с простым и нравственно возвышенным чувством укрепляет характер до той степени, при которой он будет мужественно и сильно действовать в шуме мира и на плахе.

Эмерсон

6

Рост есть медленный процесс, а не судорожный взрыв. Так же невозможно победить грех судорогою раскаяния, как познать целую

науку мгновенным порывом мысли. Действительное средство внутреннего совершенствования – только в постоянном, терпеливом усилии, руководимом мудрым рассуждением.

Чаннинг

Нравственное усилие и радость сознания жизни чередуются так же, как телесный труд и радость отдыха. Без труда телесного нет радости отдыха; без усилия нравственного нет радости сознания жизни.

3 АПРЕЛЯ (Смерть)

Когда мы умираем, то может быть только одно из двух: или то, что я считаю собою, перейдет в другое отдельное существо, или я перестану быть отдельным существом и сольюсь с Богом. То или другое – в обоих случаях будет хорошо.

1

Если жизнь есть сон, а смерть – пробуждение, то тогда то, что я вижу себя отдельным от всего существом, есть сновидение.

По Шопенгауэру

2

Смерть есть разрушение того тела, посредством которого я воспринимал мир, каким он представляется в этой жизни; это разрушение того стекла, через которое я смотрел. О том, будет ли оно заменено другим, или то, что смотрело через окно, сольется со Всем, – мы не можем знать.

3

Известный предел жизни должен существовать, так же, как плоды деревьев и земли, так же, как времена года, все должно начинаться, продолжаться и проходить. Мудрые люди охотно подчиняются этому порядку.

Цицерон

4

На вопрос о том, буду ли я, я – отдельный от всего мира – жить после смерти, на этот вопрос есть только один ответ: если лучше, чтобы продолжалась отдельная жизнь после смерти, она будет продолжаться; если же не лучше, то она прекратится.

Все, что я знаю о Боге, заставляет меня верить в то, что то, что Он сделал, – самое лучшее для нас.

По Эмерсону

5

Смерть так легко избавляет от всех затруднений и бедствий, что неверующие в бессмертие люди должны бы были желать ее. Люди же, верующие в бессмертие, ожидающие новой жизни, еще больше должны бы были желать ее. Если и те и другие не желают ее, то только потому, что при умирании люди страдают. Страдание удерживает людей от смерти.

6

Никто не знает, что такое смерть, зло она или добро. А все люди боятся ее, как будто знают наверное, что она зло.

Платон

7

Если человек и знает, что, когда гремит гром, молния уже ударила и потому гром не может убить, он всегда все-таки пугается громового удара. То же и со смертью. Если мы и знаем, что телесная смерть разрушает только тело, но не жизнь духа, мы все-таки не можем не бояться ее. Но человек просвещенный, поборов в себе этот страх, помнит о том, что жизнь его не в теле, а в духе; непросвещенному же человеку кажется, что со смертью погибает все, и он так боится ее и прячется от нее, как глупый человек прячется от громового удара, тогда как удар этот никак уже не может убить его.

Надо жить так, чтобы не бояться смерти и не желать ее.

4 АПРЕЛЯ (Радость)

Жизнь должна и может быть непрерывающей радостью.

1

Жизнь здесь – не юдоль плача, не место испытания, а нечто такое, лучше чего мы ничего не можем себе представить. Радость этой жизни бесконечна, только бы мы пользовались ею для того, для чего она дана нам.

2

Недоброе расположение человека к другим людям делает его несчастным и отравляет жизнь другим. Любовное же настроение как маслом смазывает колеса жизни и делает ее легкою и приятною и для него, и для всех тех, с кем он общается.

3

Люди большею частью так относятся к своим удовольствиям, что огорчаются, если теряют их. Но прав только тот человек, который умеет радоваться и вместе с тем не огорчаться, когда проходит причина его радости.
Паскаль

4

Попробуй, может быть, тебе удастся прожить, как человеку, довольному своей судьбой, приобретшему внутренний мир любовью и добрыми делами.
Марк Аврелий

5

Главный секрет для сохранения веселости в том, чтобы не позволять пустякам тревожить нас и вместе с тем ценить те маленькие удовольствия, которые выпадают нам на долю.
Смайльс

6

Никогда не ищите удовольствия, но будьте всегда готовы находить во всем удовольствие. Если ваши руки заняты, а сердце свободно, то самая ничтожная вещь доставит вам удовольствие, и вы найдете долю интересного и приятного во всем, что услышите. Но если вы обратите удовольствие в цель

вашей жизни, то настанет день, когда самые комические сцены не вызовут у вас истинного смеха.

Джон Рёскин

7

Истинно мудрый человек всегда весел.

Главное средство жить радостно – это верить, что жизнь дана на радость. Если радость кончается, ищи, в чем ты ошибся.

5 АПРЕЛЯ (Труд)

Избежать исполнения закона труда можно только грехом: или совершением насилия, участием в нем, или лестью и угодничеством перед насилием.

1

Лучше лишиться жизни, чем льстить низким. Нищета лучше, чем роскошь через служение богатым. Не стоять у дверей богатого и не говорить голосом просителя – это лучшая жизнь.

Инд. Гитопадезе

2

Лучше человеку умереть голодной смертью, чем лишиться невинности ради добывания хлеба.

Торо

3

Были два брата: один служил у царя, а другой питался трудом рук своих. Богатый брат сказал раз бедному:

– Зачем ты не поступаешь на служение к царю? Ты бы избавился от тяжести труда.

На это бедный сказал:

– А зачем ты не трудишься, чтобы избавиться от тяжести унижения? Мудрецы сказали, что лучше спокойно есть хлеб своего труда, чем носить золотой пояс и быть слугою другого. Лучше месить руками известь и глину, чем складывать их на груди в знак своего рабства. Лучше довольствоваться куском хлеба, чем рабски гнуть спину.

Саади

4

Как ни прекрасна одежда, жалованная царем, своя грубая одежда лучше, и хотя вкусны яства богатых, лучше кусок хлеба со своего стола.

Саади

5

Лучше, много лучше каждому человеку взять веревку и пойти в лес за дровами и продать вязанку дров на пищу, чем просить ее у людей. Если люди

не дадут, будет стыдно и досадно, а если дадут, будет еще хуже: будешь обязан перед теми, кто дал.

Магомет

6

Кто не работает землю, тому земля говорит: «За то, что ты не работаешь меня правой и левой рукой, вечно будешь стоять у чужих дверей вместе со всеми попрошайками, вечно будешь пользоваться отбросами богатых».

Зороастр

7

Хорошо жить людям, если они убеждены в том, что трудовая жизнь уважительнее праздной, – убеждены в этом и живут так и сообразно этому и ценят и уважают людей.

Если не хочешь трудиться – или насилуй, или унижайся.

6 АПРЕЛЯ (Самосовершенствование)

Люди занимаются самыми различными, почитаемыми ими очень важными делами, но почти никогда не занимаются тем единственным делом, которое одно предназначено им и включает все остальные – улучшением своей души, освобождением божественного начала души. То, что именно это дело предназначено человеку, видно из того, что это единственная цель, для достижения которой человеку нет препятствий.

1

В молодых годах люди верят, что та добродетель, которую мы желаем себе и другим, возможна, и что назначение человека в постоянном совершенствовании, и что возможно и даже легко исправить все человечество, уничтожить все пороки и несчастья. Мечты эти не смешны, а напротив, в них гораздо больше истины, чем в суждениях старых, завязших в соблазнах людей, когда люди эти, проводившие всю жизнь не так, как это свойственно человеку, советуют другим ничего не желать, не искать, а жить как живется. Ошибка мечтаний молодости только в том, что совершенствование себя, своей души юноши переносят на других, и еще в том, что то, что должно совершиться в будущем, они хотят видеть сейчас.

2

Я считаю, что нельзя лучше жить, как стараясь делаться лучше, и что нет большего удовольствия, как чувствовать, что действительно становишься лучше. Это – счастье, которое я не переставал испытывать до сих пор, и о том, что счастье это настоящее, говорит мне моя совесть.

Сократ

3

Мы должны благодарить тех, которые указывают нам наши недостатки. Хотя недостатки наши от этого указания и не пропадают, потому что их слишком много у нас, но зато, когда недостатки наши нам известны, то они начинают тревожить нашу душу, не дают совести gloхнуть, и мы стараемся исправиться и освободиться от них.

Паскаль

4

Состояние нашего сознания имеет для нас больше значения, чем суждение всего внешнего мира, ибо мы живем в своем сознании непрерывно и вечно. Наше счастье или несчастье зависит не от того, как другие относятся к нам, а от того, как мы относимся к себе. Улучшайте себя, свою душу, и вы сделаете этим самое лучшее, что можете сделать и для себя, и для других.

Люси Малори

5

*Самое лучшее счастье – чувствовать себя в конце года лучше, чем в начале.
Торо*

6

«Будьте совершенны, как Отец ваш небесный» – значит: старайтесь освободить в себе божеское начало своей жизни.

Совершенствоваться нельзя, живя постоянно в суете мирской, и еще меньше возможно, живя постоянно в уединении. Самое выгодное условие для совершенствования – это то, чтобы в уединении вырабатывать и утверждать свое мировоззрение и потом, живя в мире, применять его к делу.

7 АПРЕЛЯ (Добро)

Платить добром за зло и естественнее, и легче, и разумнее, чем платить злом за зло.

1

И когда пришли на место, называемое Лобное, там распяли Его и злодеев, одного по правую, а другого по левую сторону. Иисус же говорил: Отче! прости им, ибо не знают, что делают.

Лк. гл. 23, ст. 33—34

2

Никто никогда не уставал доставлять себе всевозможные блага. Но ведь величайшее благо, которое человек может себе доставить, это действовать сообразно со своей высшей природой, а высшая, божественная природа твоей души велит тебе не уставая делать добро другим, как высшее благо для самого себя.

Марк Аврелий

3

Плати добром за зло.

Талмуд

4

Чем отомстить своему врагу? Стараться делать ему как можно больше добра.

Эпиктет

5

Побеждай гнев кротостью, зло добром, скупого щедростью, лгуна правдой.

Дхаммапада

6

Обращаясь с ближними так, как они того заслуживают, мы делаем их только хуже. Обращаясь же с ними так, как будто они лучше того, что они в действительности, мы заставляем их становиться лучше.

Гёте

7

Отвечай добром за зло – и ты уничтожишь в злом человеке все удовольствие, которое он получает от зла.

8

Учи свое сердце, а не учись у него.

Буддийское изречение

Тот, кто хоть раз испытал радость отплатить добром за зло, тот никогда уж не пропустит случая получить эту радость.

Недельное чтение

Добро

В мире внешней природы, у растений, у животных нет ни добра, ни зла; нет также этого и в живом, неосмысленном теле человеческом. Грань эта, отделяющая добро от зла, начинается в душе человека его способностью сознавать и разуметь. В душе человека с юных лет идет непрестанная борьба со злом. И там, и только там, в своей душе, борьба со злом и свойственна человеку, и плодотворна. Борьба же со злом вне этой области и несвойственна человеку, и неплототворна. Это самое и говорит заповедь Христа о непротиивлении злу насиллем. Заповедь о непротиивлении злом злomu точно и ясно определяет место для борьбы со злом. Место это – в самом себе.

Пределы насилия для каждого разумного человека ограничиваются своим телом, своею плотью, потому что в этом насилии духа над плотью состоит работа и питание души. Другой же человек, чужая плоть имеет своего однородного хозяина, и насилие, направленное на нее, не имеет разумного оправдания; оно не нужно. Учение о непротиивлении злomu имеет именно эту самую цель – цель обнаружения ненужности насилия, направленного на другого.

Кто возьмется утверждать, чтобы человек сам, своей волею не мог управиться сам в себе, чтобы он не мог понимать и делать все то, что требуется от него для жизни того мира, в котором он живет? Утверждать это – значит отрицать данную Богом человеку свободу жизни, свободу спасти себя или погубить, отрицать свое разумное существо, утверждать это – значит отрицать человека. Воля человека может простираться за пределы его существа, но кто решится утверждать, чтобы она была там необходима? Кто решится утверждать, чтобы в жизни мира мог быть ущерб от его, человеческого, личного невмешательства? Утверждать это – значит говорить о недостаточности воли Божией, значит отрицать Бога. Мирское зло именно в том и состоит, что люди простирают свою волю за пределы своего существа, т. е. ставят свою волю на место воли Божией. Святотатство это обнаруживается заповедью о непротиивлении злomu.

Успех оправдывает дело: победил, так и прав; правда в победе. Таково плотское, животное, языческое понимание об истине – понятие, по которому слово «истина» только пустой звук. «Что такое истина? Вот уже повесят тебя с твоей истиной!» – сказал Пилат. Но Христос видит истину, и видит ее на противоположном конце: прав побежденный. Если ты лично в борьбе с человеком победил силою, то знай, что не прав непременно ты, что истина не на твоей стороне. Истина в побежденном, в побежденном Бог, побежденный воплощает в себе понятие о господстве Бога – первое и основное понятие разумного существа. Таково положение человека на земле, и единственный путь из этого на первый взгляд печального положения – это не противиться злomu, не бороться с человеком, признать себя навсегда побежденным заранее, быть навсегда побежденным Богом, – путь, который освещается и возвеличивается истинною религиею, разумением о жизни человека.

Непротиивление, устраняя борьбу, освобождает вероятность и возможность успокоения, освобождает поле для иного, духовного взаимодействия, в котором уже другие силы и другие интересы. Призвание же человека на земле, как показано это в Евангелии искушением Иисуса от дьявола и беседою с Никодимом, именно в том и состоит, чтобы освободить и выше всего возвеличивать в мире людей божественную способность человека сознавать и разуметь, – освободить и возвеличивать это разумное сознание, этого сына человеческого, этого сына Божия в человеке. Не противиться – значит пробуждать, воскрешать сына Божия, воскрешать Христа; противиться – угнетать, распинать Его. Человек – разумное существо. Благо разумного существа – в торжестве и господстве разума. Для торжества же и господства разума необходимо

прежде всего успокоение страстей плоти. И как в жизни одного человека, так и в общественной жизни народов никогда не может утвердиться господство разума на почве страстей, гордости, суда, власти, насилия. Заповедью о непротивлении злему достигается осуществление в жизни этой аксиомы мудрости.

Разумение и сознание заложено Богом в души всех людей, и Евангелие внушает ценить это дороже всего. «Кто скажет брату своему: „рака“, подлежит суду, а кто скажет: „безумный“, подлежит геенне огненной». Только души человеческие находят в сознании и разумении единение и любовь; во внешнем же мире каждое существо любит само себя больше всего остального мира. Заповедь о непротивлении злему, определяя место для борьбы со злом, разрушает вопрос вечного противоречия между внешним миром розни и вражды и духовным миром единения и любви и соединяет их в одно царство Бога, как об этом вдохновенно сказал Иисус Нафанаилу: «Отныне уничтожается грань между небом и землею, и силы неба будут так же служить человеку, как служат ему силы земли» (Ин. 1, 51).

Бука

8 АПРЕЛЯ (Война)

Люди думают, что если они назовут преступление убийства «войною», то убийство перестанет быть убийством, преступлением.

1

Можно разными способами отрицать Христа: во-первых, можно грубо кощунствовать, издеваться над величием – но такой способ не опасен. Религия слишком дорога людям, чтобы чьи-либо насмешки могли отнять ее у них. Но есть другой способ: это называть Христа Господом и не исполнять его заповедей; заглушать его словами свободную мысль и прикрывать, освящать его именем все безумия, заблуждения и грехи людей. Этот второй способ особенно опасен.

Теодор Паркер

2

Неправда, чтобы война против чужеземца была священна; неправда, чтобы земля алкала крови. Земля просит у неба воды своих рек и чистой росы его облаков, а не крови. Война проклята Богом и даже теми людьми, которые в ней участвуют.

Альфред де Виньи

3

Только беззакония ваши были средостением между вами и Богом вашим, и грехи ваши закрыли лицо Бога от вас, чтобы Он не слышал: потому что руки ваши осквернены кровью и персты ваши беззаконием; уста ваши говорят ложь, язык ваш произносит неправду. Никто не поднимает голову за правду, и никто не вступает за истину; уповают на пустое и говорят ложь, начинают беду и рожают беззаконие. Дела их суть дела греховные, и руки их производят насилие; ноги их бегут ко злу, и они спешат на пролитие невинной крови; помышления их – помышления греховные; опустошение и гибель на пути их; они не знают пути мира, и нет правосудия на стезях их; они сами искривили свои пути; никто, ходящий по ним, не знает мира. Потому-то и далеко от нас правосудие, и правда не доходит до нас; мы ожидаем света, но вот тьма; ждем сиянья, но ходим во мраке; ощупываем стену, как слепые, и ощупью ходим, как безглазые; в полдень спотыкаемся, как в сумерки; между живыми как мертвецы.

Исаии, гл. 59, ст. 2—10

4

Изумительное и ужасное совершается в сей земле: пророки пророчествуют ложь, и священники господствуют при посредстве их, и народ Мой любит это. Что же вы будете делать после всего этого?

Иеремии, гл. 5, ст. 30—31

5

И по причине умножения беззакония во многих охладает любовь.
Мф. гл. 24, ст. 12

6

Ныне ваше время и власть тьмы.
Лк. гл. 22, ст. 53

7

Война – это занавес, за которым люди и народы предаются таким грехам, которых мир не потерпел бы иначе.
Спрингфильд

8

Перекуют они мечи свои на плуги и копья свои на серпы, не поднимет народ на народ меча и не будут более учиться воевать, но каждый будет сидеть под своею виноградною лозою и под своею смоковницей, и никто не будет устрашать их. Ибо уста Господа Саваофа изрекли это.
Михея, гл. 4, ст. 3—4

Преступление убийства – всегда преступление, кто бы ни разрешал его и какое бы ни было его оправдание. И потому убийцы, совершающие убийства или приготовляющиеся к ним, – преступники, по отношению к которым нужно не уважение, одобрение и восхищение, а сожаление, исправление и увещание.

9 АПРЕЛЯ (Бессмертие)

Любовь к добру и вера в бессмертие – нераздельны.

1

Никто не может сказать, что он *знает* то, что есть будущая жизнь. Наше убеждение в этом основано не на логической, но на нравственной достоверности, и потому я не могу сказать, что несомненно то, что есть Бог и мое бессмертие, но я должен сказать, что я нравственно убежден, что есть Бог и что мое «я» бессмертно. Это значит то, что вера в Бога и в другой мир так связана с моей природой, что вера эта не может быть отделена от меня.

Кант

2

Чем жизнь наша становится духовнее, тем более мы верим в бессмертие. По мере того как природа наша удаляется от животной грубости, уничтожаются и ее сомнения. Покрывало снимается с будущего, мрак рассеивается, и мы здесь уже чувствуем свое бессмертие.

По Мартино

3

Все, что я видел и знаю, учит меня верить тому, чего я не видел и не знаю. То, что готовит для нас Провидение в будущем, что бы это ни было, должно быть нечто величественное, благое, в том же роде, как и те дела Его, которые мы знаем здесь. Наше будущее должно соответствовать тому самому высшему, что мы можем только вообразить, живя в этой жизни.

Эмерсон

4

В смерти нет ничего страшного; смерть представляется страшной только в той мере, в какой мы отступаем в этой жизни от вечного закона.

5

Мы в мире подобны ребенку, который вошел в комнату, где ученый человек говорит о своей науке. Ребенок не слышал начала и уходит прежде конца. Он услышал кое-что, но не понял того, что услышал. Великая речь Бога начата много веков прежде, чем мы начали свое учение, и будет продолжаться и тогда, когда мы будем прахом. Мы слышали только часть ее и не поняли

большую часть того, что слышали. Но все-таки хотя и немного и смутно, но мы поняли что-то великое и торжественное.

Давид Томас

6

Кто истинно любит Бога, тот не будет стремиться к тому, чтобы Бог любил его. Ему достаточно самому любить Бога.

Спиноза

Тот, кто всем существом любит добро (Бога), не может сомневаться в своем бессмертии.

10 АПРЕЛЯ (Приближение Царства Божия)

Совершающееся все большее и большее освобождение божественного начала в людях ведет неизбежно к изменению существующего порядка и устройству иного.

1

Чем дольше я живу, тем больше дела передо мной. Мы живем в важное время. Никогда людям не предстояло столько дела. Наш век есть век революции в лучшем смысле этого слова – не материальной, но нравственной революции. Вырабатывается высшая идея общественного устройства и человеческого совершенства. Мы не доживем до жатвы, но сеять с верою есть великое счастье.

Чаннинг

2

Прислушайтесь к тому глубокому недовольству теперешней формой христианства, которое распространяется в обществе, выражается ропотом, иногда озлоблением, печалью. Все жаждут пришествия царства Бога. И оно приближается.

Более чистое христианство хотя и медленно, но все более и более занимает место того, которое называется этим именем.

Чаннинг

3

Как сухость (отсутствие сырости) в природе зависит от двух противоположных друг другу причин: от большого холода (зимних морозов) и большого тепла (летних жаров), так и решительность характера (отсутствие колебаний) в человеке обусловлено двумя противоположными друг другу причинами: чисто языческим самосознанием человека, с одной стороны, и чисто христианским – с другой.

И как весною, т. е. при переходном времени от зимы к лету, наблюдается меньше всего сухости, а, наоборот, обнаруживается больше всего сырости, так и в человеке во время его переходного состояния от язычества к христианству меньше всего обнаруживается решительность в характере, а, наоборот, проявляется больше всего колебания относительно того, что ему сделать и как поступить.

Не радоваться как весеннему времени, так и переходному состоянию от язычества к христианству могут только люди, не понимающие того, чем это время и состояние вызваны. Люди же, понимающие, что весенняя сырость в природе и нерешительность, колебания в человеке вызваны переходным состоянием в природе и в человеке, а именно поворотом солнца к лету в первом случае и повышением жизнепонимания во втором, не только не будут печалиться наблюдаемой ими сыростью и нерешительностью, но будут радоваться тому и другому как явным признакам приближения лета в природе и Царства Божия в человечестве.

Федор Страхов

4

В наше время общего религиозного сознания братства людей истинная наука должна указать способы применения этого сознания к жизни, искусство же должно переводить это сознание в чувство.

5

Чем более отдалена цель, тем более необходимо идти вперед. Не спеша, но и не отдыхая.

Мадзини

6

Я вижу перед собой народ в ливрее рабства и политического бесправия, народ в лохмотьях, голодный, измученный, подбирающий крохи, которые оскорбительно бросаются ему с роскошного пира богачей, или же вижу его мечущимся в порыве грозного мятежа, опьяненного зверской злобой и дикой радостью, и вспоминаю при этом, что эти озверевшие лица носят на себе отпечаток перста Божьего и имеют общее с нами назначение. Обращаю потом взоры к будущему, и передо мною рисуется народ, восстающий во всем его величии, как братья по вере, соединенные одними общими узами равенства и любви; вижу этот народ будущего, не развращенный роскошью, не озверяемый нищетой, проникнутый сознанием своего человеческого достоинства. И при этом видении сердце мое мучительно сжимается за настоящее и радостно трепещет за будущее.

Мадзини

«Да не смущается сердце ваше: веруйте в Бога и в Меня веруйте», т. е. веруйте в божественность вашей природы, которую Христос открыл вам. Сознание этой божественности не может не быть признано человеком и потому не может не быть осуществлено.

11 АПРЕЛЯ (Зло)

В нравственном мире все связано еще теснее, чем в плотском. Всякий обман влечет за собой ряд обманов, всякая жестокость – ряд жестокостей.

1

Если человек раз нарушил легкую заповедь, то он в конце не остановится пред нарушением важной. Если он преступил заповедь: «Люби ближнего твоего, как самого себя», то он впоследствии будет нарушать и запреты: не мсти и не имей злобы и не возненавидь брата твоего, – и дойдет, наконец, до пролития крови.

Талмуд

2

Часто люди гордятся чистотой своей совести только потому, что они обладают короткой памятью.

Жонизад Рафезский

3

Пусть человек не думает легкомысленно о зле, говоря в сердце своем: оно ведь не коснется меня. Малыми каплями наполняется водный сосуд; весь наполняется злом безумец, мало-помалу творя злое.

Пусть человек не думает небрежно о добре, говоря в сердце своем: нет во мне сил воспринять добро. Как капля за каплей вода наполняет сосуд, так и мало-помалу, творя доброе, весь наполняется добром человек, стремящийся к благу.

Буддийская мудрость¹⁶

4

Есть пороки в нас, которые держатся только другими нашими пороками и которые пропадают, когда мы уничтожаем основные пороки, как падают ветви, если подрубить ствол.

Паскаль

¹⁶ Дхаммапада

5

Уничтожь один порок, а десять исчезнут.

Род

6

Совесть есть указание того пути, по которому должно идти. Люди сбиваются с этого пути и тогда делают одно из двух: или жизнь направляют по пути совести, или скрывают от себя указания своей совести. Для первого есть один только способ – увеличение в себе света и внимание к тому, что он освещает; для второго – для скрытия от себя указаний совести – есть два способа: внешний и внутренний. Внешний способ состоит в занятиях, отвлекающих внимание от указаний совести; внутренний состоит в затемнении самой совести. Бойся этого. Только сойди с пути добра – и не успеешь опомниться, как завязнешь в зле.

Следи за зарождением зла. Есть голос души, который указывает это зарождение: становится неловко, стыдно. Верь этому голосу. Остановись и ищи, и ты найдешь зарождающийся обман.

12 АПРЕЛЯ (Бог)

На известной степени углубления в себя человек сознает в себе нечто сверхчеловеческое.

1

Бог уже потому существует, что мы существуем. Называйте это Богом или как хотите, но бесспорно то, что в нас есть жизнь, не созданная нами, а дарованная нам, и источник ее называйте Богом или как хотите.

Мадзини

2

Воображение творит призраки и боится их – это простительно ему потому, что оно воображение. Но чтобы ум подчинялся и боялся тех рассуждений, которые он порождает, непростительно ему потому, что он не может и не должен быть обманут. А между тем суеверие величины есть обман ума, творящего понятие пространства. Сотворенное же не может быть больше творца, сын не больше отца. Тут необходима поправка. Ум должен освободиться от пространства, дающего ему ложное понятие о нем самом. Но освобождение это возможно только тогда, когда мы научимся видеть пространство в уме, вместо того чтобы видеть ум в пространстве. Как же так? Возвратив пространство к его основному свойству. Пространство есть условие деятельности ума.

Поэтому Бог везде, не занимая миллиардов кубических верст, ни в сто раз меньше, ни в сто раз больше.

В сознании мир не имеет пространства, но при рассуждении о нем нужны небеса в небесах.

Время и число также не нужны для сознания, а находятся только в уме; поэтому человек не меньше, а больше самого огромного пространства и бесконечного времени и числа.

Амиель

3

Когда я, стоя в лесу, смотрю на козявку, которая ползет по земле, стараясь спрятаться от меня в еловых иглах, и спрашиваю себя, зачем она так робка и прячет свою голову от меня, когда я, может быть, готов быть ее благодетелем и сообщить ей и всему ее роду, может быть, весьма радостные сведения, – я невольно вспоминаю о том большом Благодетеле, Который стоит надо мною, человеком-козявкою.

Торо

4

Нет Бога только для того, кто Его не ищет. Только начни искать Его – и Он в тебе и ты в Нем.

5

Бога искать – все равно, что воду сетью зачерпывать. Пока зачерпываешь – вода находится в сети. Как потащил – ничего не захватил.

Пока ищешь Бога мыслью и делом – Бог в тебе. Как только решил, что нашел Бога, и успокоился – потерял Его.

Федор Страхов

6

Удивительно, как мог я не видеть прежде той несомненной истины, что за этим миром и нашей жизнью в нем есть Кто-то, что-то знающее, для чего существует этот мир, и мы в тем, как в кипятке пузыри, вскакиваем, лопаемся и исчезаем.

7

В этом великом единении существ, где все тихо говорит о Боге, неверующий видит одно только вечное безмолвие.

Руссо

Если человек не сознает Бога, то он никакого права не имеет заключать из этого, что Его нет.

13 АПРЕЛЯ (Разум)

Духовное, божественное начало нашей жизни мы сознаем, с одной стороны, разумом, с другой стороны – любовью.

1

Свойство мудрого человека состоит в трех вещах: первое – делать самому то, что он советует делать другим, второе – никогда не поступать против справедливости и третье – терпеливо переносить слабости людей, окружающих его.

2

Великие мысли исходят из сердца.
Вовенарг

3

Наши нравственные чувства так переплетены с умственными силами, что мы не можем затронуть одних, не затронув и других. Большой ум, при отсутствии нравственного чувства, источник великих бедствий.
Джон Рёскин

4

Все исследуй. Верь только тому, что согласно с разумом.

5

Разум и ум – два совершенно различных свойства. Есть много людей с большим умом, лишенных разума. Ум есть способность понимать и соображать жизненные, мирские условия; разум же есть божественная сущность души, открывающая ей ее отношение к миру и Богу. Разум не только не одно и то же, что ум, но противоположен ему: разум освобождает человека от тех соблазнов и обманов, которые накладывает на человека ум. В этом главная деятельность разума; уничтожая соблазны, разум освобождает сущность души человеческой – любовь и дает ей возможность проявлять себя.

6

Обыкновенно делают различие между разумом и совестью, говоря, что добрые дела важнее сильного мышления. Но таким разделением неразрывно соединенных сил души мы калечим нашу природу. Отнимите мысль о добродетели, что останется? Без силы мысли то, что мы называем совестью, вырождается в мечтания, преувеличение, оправдание зла. Самые жестокие

дела на свете были совершены во имя совести. Люди ненавидели, убивали друг друга по долгу совести.

Чаннинг

Разумный человек не может быть зол. Добрый человек всегда разумен. Увеличивай в себе доброту упражнением разума и разум упражнением в любви.

14 АПРЕЛЯ (Устройство жизни)

Не может быть благоустройства в обществе, разделенном на богатых – властвующих и бедных – повинующихся.

1

Нужно сознаться, что мы с нашим поклонением маммоне пришли к странному заключению. Мы говорим, что живем в обществе и между тем открыто проповедуем полнейшее разделение и крайнюю обособенность. Наша жизнь представляет не картину взаимной помощи, а поприще взаимной вражды, прикрытую строго точными законами войны, под именем честного соперничества и т. п. Мы совсем забыли то, что все междучеловеческие отношения не сводятся к плате наличными деньгами. «Что мне за дело до умирающих с голода рабочих? – говорит богатый фабрикант. – Разве я открыто не нанимал их на рынке и не уплатил им до последнего гроша все, что следовало им по уговору. Какое же мне еще дело до них?» Да, поклонение маммоне очень грустная вера. Когда Каин из собственной выгоды убил брата своего Авеля и его спросили: «Где твой брат?» – он тоже отвечал: «Разве я сторож брата моего?» Так же говорит и фабрикант: «Разве я не отдал брату его плату – все, что он заслужил?»

Карлейль

2

Так как человек может жить лишь от земли и на земле, то, сделав землю, на которой он должен существовать, собственностью другого, мы столь же полно поработим его, как сделав собственностью другого его плоть и кровь. И в конце концов, на известной степени общественного развития, рабство, вытекающее из захвата земли, в силу того, что отношения между хозяином и рабом бывают при нем менее прямыми и явными, становится более жестоким и более развращающим, чем рабство, делающее собственностью тела людей.

Генри Джордж

3

Сколько средств, чтобы быть счастливым, сколько удобств, о которых не имели понятия наши предки! И что же, счастливы ли мы? Если малое число более счастливо, то большинство тем более несчастно. Увеличивая средства жизни для малого числа богатых, мы заставили большинство быть и считать себя несчастными. Какое может быть счастье, которое приобретается в ущерб счастью других!

Руссо

4

Положим, что я спас утопающего, но перед этим я выговорил у него большую часть его собственности. Тут, очевидно, услуга за услугу. Он ценит свою жизнь дороже своей собственности. Но что сказать о таком уговоре? А между тем так отбирается собственность людей, потому что миллионы людей владеют или самым малым или ничтожным, и им за их труды, т. е. за их собственность, дают средства существования.

Вольтер

5

Бродяга есть необходимое дополнение к миллионеру.

Генри Джордж

6

Вы не можете основать Христова братства там, где, с одной стороны, невежество, нищета, рабство и развращенность, а с другой стороны, культура, богатство и власть мешают взаимно уважать и любить друг друга.

Иосиф Мадзини

Быть угнетателем-господином хуже, чем быть покорным рабом. Не тяготись бедностью, тяготись излишеством.

Если ты получаешь доход, не заработавши его, то кто-нибудь другой зарабатывает его не получая.

Маймонид

Недельное чтение

Уличный торговец

Жером Кренкебиль, торговец овощами, возил по городу свою тележку и покрикивал: «Капусты, моркови, репы!» А когда у него бывал порей, он кричал: «Свежая спаржа!» – так как порей – спаржа бедняков. Однажды, 20 октября, в час пополудни, когда он спускался по улице Монмартр, из лавки вышла мадам Баяр, жена сапожника, и подошла к тележке с овощами. Презрительно подняв пучок порея, она сказала:

- Не очень-то хорош ваш порей. Почем пучок?
- Пятнадцать су, хозяйка. Лучше не найдете.
- Пятнадцать су за такой плохой порей?

И она с отвращением бросила пучок обратно в тележку.

В это время подошел полицейский, номер 64, и сказал Кренкебилю:

- Проезжайте!

Кренкебиль уже целых пятьдесят лет ездил с утра до вечера. Приказание полицейского показалось ему законным и вполне в порядке вещей. Готовый его исполнить, он попросил хозяйку взять поскорее, что ей было по вкусу.

- Мне нужно еще сначала выбрать товар, – сердито заметила сапожница.

И она снова принялась перетрогивать все пучки порея, выбрала себе тот, который показался ей лучше других, и крепко прижала его к груди.

– Я дам вам четырнадцать су. Этого вполне достаточно. Я сейчас принесу вам их из лавки, у меня нет с собой.

И, захватив свой порей, она вернулась в лавку, куда только что вошла покупательница с ребенком на руках.

В эту минуту полицейский, номер 64, во второй раз сказал Кренкебилю:

- Проезжайте!
- Я дожидаюсь денег, – ответил Кренкебиль.

– Я вам не говорю, чтобы вы не ждали денег; я приказываю вам только проезжать, – строго сказал полицейский.

Между тем сапожница примеряла в своей лавке голубые башмачки полуторагодовалому ребенку. Покупательница сильно торопилась, и зеленые головки порея спокойно лежали на конторке.

Кренкебиль, в течение целых пятидесяти лет возивший по улицам города свою тележку, умел повиноваться представителям власти. Но на этот раз он попал в исключительное положение между правом и обязанностью. Он мало смыслил в законах и не понял того, что пользование личным правом не освобождало его от исполнения общественных обязанностей. Он слишком сосредоточил свое внимание на своем праве получить четырнадцать су и недостаточно серьезно отнесся к своей обязанности возить тележку и проезжать вперед, все вперед. Он не двинулся.

В третий раз полицейский, номер 64, спокойно и без всякого раздражения отдал ему приказание проезжать:

- Разве вы не слышите, что я приказываю вам проезжать?

У Кренкебиля была слишком важная в его глазах причина оставаться на месте. И он снова просто и безыскусственно изложил ее:

- Господи, Боже мой! Да ведь я же говорю вам, что дожидаюсь денег.

Полицейский ответил ему на это:

– Может быть, вы желаете, чтобы я привлек вас к ответственности за неисполнение полицейских правил? Если вы этого желаете, то вам стоит только заявить.

На эти слова Кренкебиль только медленно пожал плечами, уныло взглянул на полицейского и поднял свой взор к небу. И взор этот говорил:

«Бог видит, какой я противник законам!...»

Может быть, потому, что он не понял выражения этого взора или не нашел в нем достаточного оправдания неповиновению, полицейский снова резким и суровым тоном спросил торговца, понял ли тот его.

Как раз в эту минуту в улице Монмартр было необыкновенное скопление повозок. Извозчики, дрожки, мебельные фуры, omnibusы и тележки, прижатые одна к другой, казалось, были неразрывно связаны между собой. Отовсюду раздавались крики и проклятия.

Кучера лениво обменивались издали крепкими ругательствами с сидельцами из лавок, а кондуктора omnibusов, считая Кренкебиля причиной замешательства, называли его «гадким пореем».

Между тем на тротуаре собрались любопытные и прислушивались к спору. И полицейский, видя, что за ним наблюдают, думал теперь только о том, чтобы показать свою власть.

– Хорошо, – сказал он и вынул из кармана грязную записную книжечку и очень короткий карандаш.

Кренкебиль упорствовал, повинуюсь какой-то внутренней силе. Впрочем, ему и невозможно было теперь двинуться ни назад ни вперед. Колесо его тележки, к несчастью, зацепилось за колесо повозки молочника.

И в отчаянии теребя свои волосы, он воскликнул:

– Да ведь я же говорю вам, что жду денег! Что это еще за несчастье! Вот беда, так беда! Господи, Боже ты мой!

Полицейский, номер 64, счел себя оскорбленным этими словами, выражающими, впрочем, больше отчаяние, чем протест. И так как всякое оскорбление облекалось для него в традиционную, правильную, освященную обычаем и, можно даже сказать, почти обрядовую форму выражения: «Смерть коровам!»¹⁷ – то в этой именно форме он воспринял и реализовал в своем мозгу слова преступника.

– А! Вы сказали: «Смерть коровам?» Хорошо, следуйте за мной.

Торговец с крайним недоумением и отчаянием взглянул своими широко раскрытыми глазами на полицейского, номер 64, и, скрестив руки на своей синей блузе, воскликнул:

– Я сказал: «Смерть коровам?» Я?.. О!..

Арест этот был встречен смехом лавочных сидельцев и уличных мальчишек. Он отвечал страсти всякой человеческой толпы к низким и жестоким зрелищам. Но в это время сквозь толпу зевак пробился старик, одетый во все черное и в высокой шляпе. Он подошел к полицейскому и сказал ему тихим, кротким, но очень твердым голосом:

– Вы ошиблись. Этот человек не оскорблял вас.

– Не суйтесь не в свое дело, – ответил ему полицейский, не сопровождая на этот раз своих слов угрозами, так как он обращался к хорошо одетому человеку.

С большим спокойствием и сдержанностью старик продолжал настаивать. Тогда полицейский объявил ему, что он должен объясняться у комиссара полиции.

Между тем Кренкебиль снова воскликнул:

– И я сказал: «Смерть коровам!» О-о!..

Когда он произносил эти странные слова, из лавки к нему вышла мадам Баяр, сапожница, с деньгами в руках. Но полицейский уже держал его за шиворот, и мадам Баяр, считая, что не

¹⁷ «Коровами» на воровском жаргоне Парижа зовут полицейских. Это выражение считается для них очень оскорбительным. – *Примеч. пер.*

стоит отдавать своего долга человеку, которого ведут в полицию, положила свои четырнадцать су обратно в карман передника.

Поняв вдруг, что тележка его задержана, личная свобода потеряна и под его ногами разверзлась пропасть и померкло солнце, Кренкебиль пробормотал:

– Все равно!

У комиссара незнакомый старик объяснил, что, будучи задержан на улице чрезвычайным скоплением экипажей, он сделался свидетелем происшествия. Он утверждал, что полицейский отнюдь не был оскорблен, что он просто ошибся. Старик сказал свое имя и звание: Давид Матье, главный врач больницы Амбруаз-Паре, кавалер Почетного легиона.

Кренкебиль, арест которого продолжался, провел ночь в полиции, а наутро его переправили в арестантской тележке в тюрьму.

Тюрьма не показалась ему ни унижительной, ни тяжелой. Она представилась ему скорее необходимой. Что его особенно поразило в ней, это чистота стен и пола.

Он сказал:

– Для такого места здесь очень чисто. Правду можно сказать: тут хоть ешь с полу.

Оставшись один, он хотел подвинуть свою табуретку, но увидел, что она прикована к стене. Старик громко выразил свое удивление:

– Вот так штука! Ни за что я бы не выдумал ничего подобного, ни за что!

Он сел и с удивлением трогал руками все окружающее. Тишина и уединение удручали его. Ему было скучно, и он с тревогой думал о своей тележке, полной капусты, моркови, сельдерея и салата. Он с тоской спрашивал себя: «Куда они дели мою тележку?»

На третий день к нему пришел его адвокат, господин Лемерль, один из самых младших членов суда.

Кренкебиль попробовал рассказать ему свое дело, что для него было далеко не легко, так как он не привык владеть словом. Может быть, при некоторой помощи он и справился бы с этим, но адвокат его только недоверчиво покачивал головой на все, что говорил старик, и, перелистывая бумаги, бормотал про себя: «Гм! гм!.. я ничего этого не вижу в деле...»

Потом, с усталым видом и покручивая свои белокурые усики, он сказал ему:

– В ваших интересах, может быть, было бы лучше во всем признаться; я с своей стороны считаю вашу систему полного отрицания очень неудачною.

Может быть, Кренкебиль теперь и в самом деле признался бы, если бы он только знал, в чем ему нужно признаваться.

Господин президент Бурриш посвятил целых шесть минут допросу Кренкебиля. Этот допрос мог пролить несколько более света, если бы обвиняемый отвечал на предлагаемые ему вопросы. Но Кренкебиль не привык вести споры, и, кроме того, в таком обществе страх и уважение закрывали ему рот. Итак, он хранил молчание, а президент сам давал ответы; они подтверждали обвинение. Президент кончил:

– Наконец, вы признаете, что сказали: «Смерть коровам!»

Только теперь из горла обвиняемого Кренкебиля послышались звуки, напоминающие шум старого железа или звон разбитого стекла.

– Я сказал: «Смерть коровам!», потому что господин полицейский сказал: «Смерть коровам!» Тогда только я сказал: «Смерть коровам!» – Он хотел дать понять, что изумленный таким непредвиденным обвинением, он, растерявшись, повторил страшные слова, которые можно приписывать ему и которых он, разумеется, не произносил.

Господин президент Бурриш понял его не так.

– Вы заявляете, – сказал он, – что полицейский первый произнес эти слова?

Кренкебиль отказался объяснять. Это было слишком трудно для него.

– Вы не настаиваете. И вы имеете на это полное основание, – сказал президент.

И он велел позвать свидетелей.

Полицейский, номер 64, носящий имя Бастиен Матро, поклялся, что будет говорить правду и только одну правду. Потом он изложил следующее:

– Отправляя свою службу двадцатого октября, в час пополудни, я заметил в улице Мон-мартр человека, показавшегося мне уличным торговцем. Тележка его незаконно стояла на месте, у дома номер триста двадцать восемь, что послужило поводом к скоплению здесь экипажей. Я три раза отдал ему приказание проезжать, но он отказался удовлетворить его. Когда же я предупредил его, что составлю протокол, он крикнул мне: «Смерть коровам!» – что мне показалось очень оскорбительным.

Это простое и сжатое объяснение было с видимою благосклонностью выслушано трибуналом. Защита представила госпожу Баяр, сапожницу, и господина Давида Матье, главного доктора больницы Амбруаз-Паре, кавалера Почетного легиона. Госпожа Баяр ничего не видела и ничего не слыхала. Доктор Матье находился в толпе, собравшейся вокруг полицейского, который заставил торговца проезжать. Его показание вызвало курьезный инцидент.

– Я был свидетелем происшествия, – сказал он. – Я заметил, что полицейский ошибся: его никто не оскорбил. Я подошел и заметил ему это. Но полицейский все-таки арестовал торговца и пригласил меня следовать за ним к комиссару полиции, что я и сделал. Я дал уже мое показание перед комиссаром.

– Можете сесть, – сказал президент. – Привратник, позовите опять свидетеля Матро.

– Матро, когда вы арестовали обвиняемого, не заметил ли вам господин доктор Матье, что вы ошиблись?

– То есть он меня оскорбил, господин президент.

– Что же он вам сказал?

– Он сказал: «Смерть коровам!»

Ропот и смех пробежал по зале.

– Можете уйти, – поспешно сказал президент, и он предупредил публику, что если эти неприличные манифестации повторятся, то он очистит залу. Между тем защита торжествовала, и все в эту минуту думали, что Кренкебиль будет оправдан.

Когда тишина снова восстановилась в зале, поднялся господин Лемерль. Он начал свою защитительную речь похвалой агентам полиции, «этим скромным служителям общества, которые за ничтожное жалованье переносят усталость, подвергаются непрерывным опасностям и ежедневно совершают геройские дела. Это все бывшие солдаты, которые и остаются солдатами. Солдаты!.. Уже одно это слово говорит все...» И господин Лемерль принялся приводить высшие соображения насчет военных добродетелей. По его словам, он сам был из тех, «которые не позволяют затронуть армию, эту национальную армию, к которой он имел честь принадлежать».

Президент кивнул головой.

Господин Лемерль был в самом деле лейтенантом милиции. Он был также националистским кандидатом в квартале Виель-Одриет.

Адвокат продолжал:

– Нет, разумеется, я хорошо знаю те скромные и драгоценные услуги, которые ежедневно оказывают эти охранители спокойствия доблестному населению Парижа. И я никогда бы не согласился, господа, взять на себя защиту Кренкебиля, если бы я видел в нем оскорбителя бывшего солдата. Моего клиента обвиняют в том, что он сказал: «Смерть коровам!» Смысл этой фразы всем известен. Если вы заглянете в известный словарь, вы там прочтете: «Корова, лентяй, тунеядец. Лениво валяется, как корова, вместо того чтобы работать. Корова, продающаяся полиции: полицейский шпион». «Смерть коровам!» – говорится в известном кругу людей. Но весь вопрос в том, как сказал это Кренкебиль? И даже сказал ли он это? Позвольте мне, господа, в этом усомниться. Я не подозреваю полицейского Матро ни в каком дурном

намерении. Но он, как мы уже заметили, отправляет тяжелую службу. Он иногда утомлен ею, измучен. При таких условиях он легко мог быть жертвою некоторого рода галлюцинации. И если он вам говорит, господа, что доктор Давид Матье, кавалер Почетного легиона, главный врач больницы Амбруаз-Паре, представитель науки и человек из общества, тоже крикнул ему: «Смерть коровам!» – мы вынуждены признать, что Матро есть жертва психоза и, если выражение не покажется вам слишком сильным, жертва бреда преследования.

– И даже в том случае, если бы Кренкебиль в самом деле крикнул: «Смерть коровам!» – нужно еще узнать, имеют ли эти слова характер преступления в его устах. Кренкебиль – незаконный сын уличной торговли, погибшей от пьянства и разврата; он родился алкоголиком. Вы видите его здесь отупевшим от шестидесяти лет нищеты, и вы скажете, господа, что он не ответственен.

Господин Лемерль сел, и президент Бурриш прочел сквозь зубы приговор, осуждавший Жерома Кренкебиля к двум неделям тюремного заключения и 50 франкам штрафа. Трибунал основывал свое мнение на показании полицейского Матро.

Когда Кренкебиля вели длинными и темными коридорами здания суда, старик почувствовал страшную потребность в сочувствии. Он обернулся к сопровождавшему его сторожу и три раза назвал его:

– Служивый!.. Служивый!.. А?.. Служивый! – старик вздохнул. – Если бы мне две недели тому назад сказали, что со мной случится то, что случилось!..

Потом он высказал следующую мысль:

– Слишком скоро говорят они, эти господа. Они хорошо говорят, только слишком уж скоро. С ними нельзя столковаться... Служивый, как вам кажется, скоро они говорят?

Но солдат шагал, не говоря ни слова и не поворачивая головы. Кренкебиль спросил его:

– Почему же вы мне не отвечаете?

Солдат продолжал хранить молчание. Старик с горечью заметил ему:

– Ведь и с собакой разговаривают. Почему же вы ничего не говорите мне? Может быть, вы никогда не открываете рта; значит, вы боитесь проветривать его иногда.

Отведенный снова в тюрьму, Кренкебиль в встревоженном удивлении сел на свой прикованный к стене табурет. Он не понимал путем, что судьи его ошиблись. Под величием форм трибунал скрыл от него свои слабости. Ему трудно было поверить, что прав был он, а не эти важные чиновники, рассуждений которых он не понимал. Ему и в голову не приходило, чтобы в таком торжественном обряде что-нибудь хромало. Не бывая ни в церкви, ни в Елисейских полях, он во всю свою жизнь не видал ничего великолепнее суда исправительной полиции. Он хорошо знал, что не говорил: «Смерть коровам!» Но если его приговорили за эти слова к двум неделям тюремного заключения, то все дело представлялось в его мозгу какой-то величественной тайной, одним из тех догматов веры, с которыми набожные люди соглашались, не понимая их, – каким-то таинственным откровением, величественным и ужасным в одно и то же время.

Этот бедный старик признавал себя виновным в том, что он как-то мистически оскорбил полицейского, номер 64, подобно тому как маленький мальчик, принимающийся учить катехизис, считает себя виновным в грехе Евы. Сажая его в тюрьму, ему сказали, что он кричал: «Смерть коровам!» Следовательно, он это действительно кричал каким-нибудь таинственным, ему самому неизвестным способом. Он был перенесен в сверхъестественный мир, и суд над ним показался ему каким-то апокалипсисом.

Если он не мог составить себе ясного представления о своем преступлении, то не более ясно было у него и представление о наказании. Его осуждение казалось ему торжественным и величественным обрядом, ослепительным событием, которого нельзя понять, нельзя оспаривать и которое не должно ни радовать, ни огорчать.

Выйдя из тюрьмы, Кренкебиль по-прежнему возил свою тележку по улице Монмартр и кричал: «Капусты, репы, моркови!» Он не гордился своим приключением и не стыдился его. У него не осталось от него также и тяжелого воспоминания. В его мозгу оно имело вид театрального представления, путешествия, сна. Одна старушка, подойдя к тележке и выбирая сельдерей, спросила его:

– Что с вами случилось, дядя Кренкебиль? Целых три недели мы вас не видели. Уж не были ли больны? Вы побледнели немного.

– Я барином жил это время, мадам Мальош, – сказал старик.

Ничто не изменилось в его жизни, кроме того, что в этот день он чаще, чем обыкновенно, заходил в кабак, потому что ему все казалось, что теперь праздник и что он познакомится с очень добрыми людьми. Он немного навеселе вернулся в свой угол. Растянувшись на матраце и укрывшись вместо одеяла мешками, которые ему одолжил торговец каштанами с угла, старик подумал: «На тюрьму нечего жаловаться; там все есть, что нужно человеку. Но все-таки у себя дома лучше».

Его благосостояние продолжалось недолго. Скоро он заметил, что его покупательницы кисло смотрели на него.

– Прекрасный сельдерей, мадам Куантро!

– Мне ничего не нужно.

– Как вам ничего не нужно? Ведь не воздухом же вы питаетесь!

Но мадам Куантро, ни слова ему не ответив, гордо вернулась в свою большую булочную. Лавочницы и привратницы, так недавно еще с нетерпением ожидавшие его засыпанной зеленью и цветами тележки, теперь отворачивались от него. Подъехав к сапожной лавке, откуда начались все его приключения, он крикнул:

– Мадам Баяр, мадам Баяр, вы должны мне еще пятнадцать су.

Но мадам Баяр, сидевшая у своей конторки, не удостоила даже повернуть голову.

Вся улица Монмартр знала, что Кренкебиль вышел из тюрьмы, и никто не хотел больше знать его. Слух об его заключении дошел и до предместья, и до шумного угла улицы Рише. Там около полудня он заметил мадам Лор, его добрую и верную покупательницу. Она нагнулась над тележкой маленького Мартэна и ощупывала большой кочан капусты.

При виде этого у Кренкебиля сжалось сердце. Он толкнул своей тележкой повозку маленького Мартэна и жалобным тоном сказал мадам Лор:

– Нехорошо с вашей стороны изменять мне.

Мадам Лор ни слова не ответила Кренкебилю, разыгрывая оскорбленную.

И старый уличный торговец, почувствовав обиду, заорал во все горло:

– Ах ты, шлюха!

Мадам Лор уронила свою капусту и закричала:

– Убирайся ты, старый негодяй! Тоже, выйдут из тюрьмы и оскорбляют еще людей!

Кренкебиль в спокойном состоянии никогда не упрекнул бы мадам Лор за ее поведение. Но на этот раз старик вышел из себя. Он три раза назвал мадам Лор шлюхой, негодной и стервой. И эта сцена окончательно уронила Кренкебиля в глазах всего предместья Монмартр и улицы Рише.

Старик ушел, ворча про себя:

– Этакая шлюха! Другой такой шлюхи и не встретишь.

Самое худшее то, что не одна она обращалась с ним, как с каким-то отверженным. Никто не хотел его больше знать.

И характер его стал портиться. Поссорившись с мадам Лор, он стал теперь вздорить со всеми. За всякий пустяк он говорил грубости своим постоянным покупательницам, а если они долго выбирали товар, он прямо называл их трещотками и лентяйками; в кабаке он тоже постоянно ругался с товарищами. Его друг, торговец каштанами, просто не узнавал его и объявил,

что дядя Кренкебиль стал настоящим дикобразом. Отрицать этого было нельзя: он сделался неуживчивым, сварливым человеком, грубым и дерзким на язык. Находясь в необразованном обществе, ему, разумеется, было труднее, чем какому-нибудь профессору общественных наук в университете, высказать свои мысли о несовершенстве современного строя и о необходимых изменениях в нем, да и самые мысли плохо и беспорядочно укладывались в его голове.

Несчастье сделало его несправедливым, и он мстил теперь тем, кто вовсе не желал ему зла или был даже иногда слабее его. Так, он однажды больно ударил Альфонса, маленького сына кабатчика, за то, что тот спросил его, хорошо ли было в тюрьме.

– Ах ты, гадкий мальчишка! – крикнул он на него. – Это твоему отцу следовало бы сидеть в тюрьме, а не наживать себе барыши, торгуя отравой.

Наконец он окончательно упал духом. В таком состоянии человек не может уже больше подняться. Все прохожие толкают его ногами.

Пришла нищета, самая черная нищета. Старый уличный торговец, уносивший когда-то из предместья Монмартр полные карманы пятифранковых монет, не имел теперь ни одного су. Стояла зима. Выгнанный из своего угла, он спал теперь в сарае, под телегами. После почти целого месяца дождей сточные трубы переполнились и залили сарай.

Сидя на корточках в своей тележке над вонючей водой, в обществе крыс, пауков и голодных кошек, старик размышлял в темноте. Не евши целый день и не имея теперь даже мешков, чтобы укрыться, он вспоминал те дни, когда правительство давало ему кров и пищу. Он позавидовал участи узников, не страдающих ни от голода, ни от холода, и ему вдруг пришла в голову мысль:

«Я ведь теперь знаю способ; почему бы мне им не воспользоваться?» Он встал и вышел на улицу. Было не позже одиннадцати часов ночи. Стояла темная и сырая погода. Падала какая-то изморось, холоднее и пронзительнее всякого дождя. Редкие прохожие жались у стен.

Кренкебиль прошел мимо церкви св. Евстафия и повернул в улицу Монмартр. Она была совершенно пуста. Страж порядка стоял на тротуаре, у входа в церковь, под газовым рожком; кругом огня видно было, как падал мелкий дождик. Полицейский был укрыт капюшоном и имел совершенно окоченелый вид. Но потому ли, что он предпочитал свет мраку или просто устал ходить, но он неподвижно стоял под своим канделябром, точно около близкого друга. Этот дрожащий огонек был его единственным собеседником в темную безлюдную ночь. Его неподвижность казалась почти нечеловеческою; отражение его сапог на мокром тротуаре, превратившемся в озеро, удлиняло вниз его фигуру и придавало ему издали вид гигантской амфибии, наполовину вышедшей из воды. Вблизи полицейский в своем капюшоне походил на монаха и на военного. Крупные черты его лица, казавшиеся еще крупнее от тени капюшона, были спокойны и печальны. У него были короткие, густые и уже поседевшие усы. Это был старый сержант лет за сорок.

Кренкебиль тихонько подошел к нему и дрожащим и слабым голосом сказал:

– Смерть коровам!

Потом он стал ждать действия этих священных слов. Но никакого действия не последовало. Полицейский стоял молча и неподвижно, скрестив руки под своим широким плащом. Его широко раскрытые глаза, светящиеся в темноте, внимательно, печально и с некоторым презрением смотрели на старика. Кренкебиль, удивленный, но все еще сохраняя остаток решимости, пробормотал:

– Ведь я вам сказал: смерть коровам!

Наступило долгое молчание, в продолжение которого только сыпал дождик и царила глубокая тьма. Наконец полицейский проговорил:

– Этого не следует говорить... Я вам серьезно советую не говорить этого. В ваши лета следовало бы быть немного опытнее... Проходите своей дорогой.

– Почему же вы не арестуете меня? – спросил Кренкебиль.

Полицейский покачал головой под своим мокрым капюшоном:

– Если бы хватать всех грубиянов, которые говорят то, чего не следует, то слишком много было бы работы!.. И к чему бы это послужило?

Кренкебиль, подавленный этим великодушным презрением, долго в недоумении стоял молча среди большой лужи. Но прежде, чем уйти, он попытался объяснить.

– Я ведь не для вас сказал: «Смерть коровам!» И не для кого-либо другого. Это я сказал ради одной определенной цели.

Полицейский ответил ему с строгим спокойствием:

– Ради какой-либо цели или ради чего другого, но это вовсе не следовало говорить, потому что, когда человек исполняет свои обязанности и терпит при этом немало страданий, его не следует оскорблять пустыми словами... Я вам повторяю, чтобы вы проходили своей дорогой.

И Кренкебиль, опустив голову и размахивая руками, исчез под дождем в темноте ночи.

Анатоль Франс

15 АПРЕЛЯ (Возмездие)

Последствия наших поступков никогда не могут быть доступны нам, потому что последствия наших поступков в бесконечном мире представляются нам бесконечными.

1

Наши поступки – это наше, последствия же их – дело небес.
Франциск

2

Ты – поденщик; отработай свой день и получи поденную плату.
Талмуд

3

Тщетны усилия людей проникнуть в тайну бытия Бога: их дело только в том, чтобы соблюдать закон Его.
Талмуд

4

Исполняй долг свой, а последствия предоставь Возложившему его на тебя.
Талмуд

5

Результаты ваших дел оценят другие; старайтесь только о том, чтобы сердце ваше сейчас, в настоящую минуту, было чисто и правдиво.
По Джонсу Рёскину

6

Святой муж заботится о внутреннем, а не о внешнем; он пренебрегает внешним, а избирает внутреннее.
Лао-Тсе

7

Одно из определенных условий труда человека состоит в том, что чем отдаленнее цель наших стремлений, чем меньше мы желаем сами видеть плоды наших трудов, тем больше и обширнее будет мера нашего успеха.

Джон Рёскин

8

Самые важные и нужные для самого и для других дела человека – это те, последствия которых он не увидит.

9

Каждый человеческий поступок тем почетнее, лучше и великолепнее, чем отдаленнее его последствия.

Джон Рёскин

10

Поступок, совершенный без всяких соображений о каких бы то ни было последствиях, ввиду только исполнения воли Бога, есть наилучший поступок, который может быть совершен человеком.

11

В мире, как порох в mine, скрыты огромные залежи зла и неправды. Когда нам приходится делать в эту мину новые вклады тех же зла и лжи, то, по-видимому, мы не нарушаем этим общего спокойствия и равновесия людского общежития; когда же в виде вклада в мину мы приносим не зло и ложь, а добро и правду, то добро и правда как искры взрывают порох зла и лжи, и зло и ложь обнаруживаются, делаются явными.

Воздерживаться от совершения добра людям и продолжать участвовать в поддержании царящей неправды только во избежание взрыва пороха в mine – значит не понимать значения взрыва пороха, который лишь разряжает накопившееся зло и тем не увеличивает, а уменьшает его количество.

Христос, Сам признавший, что принес Своим учением не мир, но меч и разделение на земле, не смущался тем злом, которое вызывал таким образом наружу, а радовался явному столкновению добра со злом и света с тьмою, которое и должно доставить явное торжество свету и добру.

Федор Страхов

12

Жизнь Христа особенно важна как образец невозможности для человека видеть плоды своих трудов. И тем меньше, чем важнее дело. Моисей мог войти со своим народом в обетованную землю, но Христос никак не мог видеть плодов Своего учения, если бы Он жил до сих пор. А мы хотим делать дело Божье, а награду получать людскую.

Если ты можешь видеть все последствия своей деятельности, то знай, что эта деятельность ничтожна.

16 АПРЕЛЯ (Достоинство человека)

Признание достоинства человека в себе и других несовместимо ни с подчинением, ни с покровительством, ни с благодетельствованием одного человека другому.

1

Всякий человек может требовать уважения к себе и точно так же должен уважать ближнего.

Ни один человек не может быть ни орудием, ни целью. В этом состоит его достоинство. И как он не может располагать собою ни за какую цену (что было бы противно его достоинству), так же не имеет он права отступать от обязательного, равного уважения ко всем людям, т. е. он обязан в действительности признавать достоинство человеческого звания в каждом человеке и потому должен выражать это уважение по отношению к каждому человеку.

Кант

2

В своих рассуждениях о благе трудящихся представители власти впадают в тон снисходительного покровительства. Людей, сознающих истинное достоинство труда, этот тон оскорбляет более, чем могло бы их оскорбить открыто выраженное презрение. Во всех изъяснениях их сочувствия слышится признание, что нищета есть естественное состояние трудящихся, в которое они должны впадать всюду, где им благосклонно не покровительствуют. Никто и вида не показывает, чтобы землевладельцы или капиталисты нуждались в покровительстве. Они, говорят нам, могут сами позаботиться о себе; лишь бедным рабочим надо покровительствовать.

Генри Джордж

3

Покровительство массам во все времена было предлогом к насилию – оправданием монархии, аристократии и преимуществ разного рода. Но есть ли хоть один пример в истории мира, когда, при монархическом ли, при республиканском ли правлении, покровительство рабочим массам не означало бы их угнетения? Покровительство, какое оказывали трудящимся люди, державшие в своих руках законодательную власть, в лучших случаях было лишь покровительством, какое человек оказывает скотине. Он покровительствует ей, чтобы пользоваться затем ее силой и мясом.

Генри Джордж

4

Самые ничтожные мелочи содействуют образованию характера.

Не говори, что мелочи – пустяки. Только истинно нравственный человек видит всю значительность мелочей.

5

Есть верующие люди, которые имеют обычай кланяться в ноги перед каждым человеком, с которым они входят в сношение. Они говорят, что делают это потому, что в каждом человеке живет дух Божий. Как ни странен этот обычай, основание его глубоко истинно.

6

Человек робок и все выпрашивает себе снисхождения. Он едва отваживается сказать: я есмь, я мыслю.

Эмерсон

Человек, служа другому, должен знать, что он не подчиняется, не покровительствует, не благодетельствует, а исполняет свою обязанность – не перед человеком, а перед вечным законом.

17 АПРЕЛЯ (Вера)

Христианство – это учение о божественном в человеке.

1

Христианство – простое дело, очень простое: любовь к человеку, любовь к Богу. Будь совершенен, как Отец твой Небесный; живи в Боге, т. е. делай наилучшие дела, лучшим способом и ради наилучших целей.

Все это очень просто: малое дитя может понять это; и так прекрасно, что великий ум не придумает ничего прекраснее.

Паркер

2

От Моисея до Иисуса совершилось великое умственное и религиозное развитие среди отдельных людей и народов. От времени Иисуса до нашего это движение как в отдельных людях, так и в народах было еще значительнее. Старые заблуждения откинута, и новые истины вошли в сознание человечества. Один человек не может быть так же велик, как человечество. Если великий человек настолько впереди своих собратьев, что они не понимают его, – приходит время, когда они сначала догоняют, потом обгоняют его и уходят так далеко, что в свою очередь становятся непонятными для тех, которые стоят на том месте, где стоял прежний великий человек, и тогда нужен новый великий человек, и он является и открывает дальнейший путь.

Паркер

3

Без ясного понимания смысла своей жизни, без того, что называется верой, человек всякую минуту может отречься от всего того, во имя чего он жил, и начать жить во имя того, что он проклинал.

4

Человеку не может быть доступна цель его жизни. Знать может человек только ее направление.

5

Сущность всех религиозных учений – в любви. Особенность христианского учения о любви – в том, что оно ясно и точно определило главное условие любви, условие, нарушение которого уничтожает возможность любви.

Условие это есть непротивление злу насилием.

6

Любовь христианская вытекает из сознания единства божественного начала в себе и во всех людях, и не только в людях, но и во всем живом.

Хотите быть спокойны и сильны – утверждайте в себе веру.

18 АПРЕЛЯ (Знание)

Важно не количество знаний, а качество их. Можно знать очень многое, не зная самого нужного.

1

*Не стыдно и не вредно не знать. Всего знать никто не может, а стыдно и вредно при-
творяться, что знаешь, чего не знаешь.*

2

Люди не могут знать и понимать всего того, что делается на свете, и потому суждения их о многих вещах неверны. Неведение человека бывает двоякое: одно неведение есть чистое, природное неведение, в котором люди рождаются; другое неведение – так сказать, неведение истинно-мудрого. Когда человек изучит все науки и узнает все то, что люди знали и знают, то он увидит, что эти знания все, вместе взятые, так ничтожны, что по ним нет возможности действительно понять мир Божий, и он убедится в том, что ученые люди, в сущности, все так же ничего не знают, как и простые, неученые. Но есть люди верхогляды, которые кое-чему поучились, нахватались верхушек разных наук и зазнались. Они ушли от природного неведения, но не успели дойти до истинной мудрости тех ученых, которые поняли несовершенство и ничтожество всех человеческих знаний. Эти-то люди, считающие себя умниками, и мутят мир. Они обо всем судят самоуверенно и опрометчиво и, разумеется, постоянно ошибаются. Они умеют бросать пыль в глаза, и часто люди к ним относятся с уважением, но простой народ их презирает, видя их бесполезность; они же презирают народ, считая его невежественным.

Паскаль

3

Если бы только одним людям разрешено было производить пищу, а всем остальным было бы запрещено это делать, или бы они были поставлены в невозможность производить пищу, то пища была бы нехороша. Это самое случилось с науками и искусствами, монополию которых присвоила одна каста, но только с той разницей, что в телесной пище не может быть очень больших отклонений от естественности; в духовной же пище могут быть самые большие отклонения.

4

Мудрость – предмет великий и обширный, она требует всего свободного времени, которое может быть посвящено ей. С каким бы количеством вопросов ты ни успел справиться, тебе все-таки придется промучиться над множеством вопросов, подлежащих исследованию и решению. Эти вопросы так обширны, так многочисленны, что требуют отстранения из сознания всего

излишнего для того, чтобы предоставить полный простор работе ума. Тратить ли мне свою жизнь на одни слова? А часто бывает, что ученые больше думают о разговорах, нежели о жизни. Заметь, какое зло порождает чрезмерное мудрствование и как оно может быть опасно для истины.

Сенека

5

Методическая болтовня высших училищ зачастую есть только общее соглашение уклоняться от решения трудно разрешимых вопросов, придавая словам неясный, изменчивый смысл, потому что удобное и большей частью равнодушное «не знаю» неохотно выслушивается в академиях.

Кант

6

Истине приходится преодолевать тысячу препятствий, чтобы невредимо добраться до бумаги и с бумаги снова до головы. Лжецы – самые слабые враги истины. Самые опасные враги истины – это, во-первых, восторженный писатель, говорящий о всех вещах и рассматривающий все вещи, как иные люди, когда они подвыпили; во-вторых, это человек, считающий себя знатоком людей, который в каждом поступке человека видит или хочет видеть отраженную всю его жизнь, и, наконец, добродетельный, благочестивый человек, всему верящий из почтения, ничего не исследующий из выученного им до пятнадцати лет и строящий то немногое, что он подвергает исследованию на неисследованном основании. Вот эти-то люди – самые опасные враги истины.

Лихтенберг

7

Самыми горячими защитниками всякой науки, не выносящими малейшего косо́го взгляда на нее, бывают обыкновенно такие личности, которые недалеко ушли в ней и тайно сознают за собой этот недостаток.

Лихтенберг

8

Культура – это фанера, которой чаще бывает покрыто невежество, чем просвещение.

Люси Малори

9

Ученый, ничего не производящий, подобен туче, не дающей дождя.
Восточная мудрость

10

Плохи главным образом те писатели, которые свои непосредственные мысли тщатся выразить словами, подходящими для мыслей, хорошо продуманных. Если бы они не делали этого, а высказывали бы свои мысли соответствующими словами, они всегда вносили бы свою часть, содействующую улучшению целого, и были бы достойны внимания.

Лихтенберг

Для истинного знания вреднее всего употребление понятий и слов не вполне ясных. А это-то самое и делают мнимые ученые, придумывая для неясного понятия неясные, несуществующие, выдуманные слова.

19 АПРЕЛЯ (Страдание)

Человек, не сознающий благодетельности страданий, еще не начинал жить разумной, т. е. истинной, жизнью.

1

Все великое совершается в человечестве лишь при условии страдания. Иисус знал, что этого надо было ожидать и Ему, и Он все предвидел: и ненависть тех, власть которых Он пришел разрушить, и их тайные заговоры, и их насилия, и неблагодарную измену того народа, которого болезнь Он излечивал, которого в пустыне старого общества Он питал небесным хлебом Своего слова; Он предвидел и крест, и смерть, и оставление Своими, еще более горестное, чем самая смерть. И мысль эта не покидала Его, но это ни на минуту не останавливает Его. Если телесная природа Его отталкивает «чашу сия», воля более сильная принимает ее без колебания. И в этом Он дает всем тем, кто продолжит Его дело, – всем тем, кто, как Он, придет трудиться для спасения людей, для освобождения их от бремени заблуждения и зла, – дает им пример, который должен быть всегда памятен. Если люди хотят достичь цели, к которой ведет Христос, надо, чтобы и они шли тем же путем. Только этой ценой люди служат людям. Вы хотите, чтобы они были истинно братьями, вы призываете их к законам их общей природы, вы боретесь против всякого притеснения, всякого беззакония, всякого лицемерия; вы призываете на землю царство справедливости, долга, правды, любви – как же могут те, которых власть основана на противном, не подняться против вас? Разве они могут без борьбы оставить вас разрушать их храм и строить другой: не такой, как их – уже не дело рук человеческих, – но вечный храм, основы которого положил сам Бог? Оставьте эту надежду, если когда-либо вы и были так легкомысленны, что имели ее. Вы выпьете чашу до последней капли. Вас возьмут как воров; против вас будут искать ложных свидетельств, а на то, которое вы сами о себе дадите, подыметесь крик: он богохульствует! и судьи скажут: он достоин смерти. Когда это случится, радуйтесь: это последнее знамение – знамение того, что вы истинно посланы Отцом.

Ламенэ

2

Как мрак ночи открывает небесные светила, так только страдания открывают все значение жизни.

Торо

3

Без страданий не может быть духовного роста, невозможно увеличение жизни – от этого-то страдания и сопутствуют всегда смерти. Страдание – необходимое и благодетельное условие жизни. От этого-то и говорят в народе, что Бог любит того, кого посещают бедствия.

4

Болезнь, лишение члена, жестокое разочарование, потеря имущества, потеря друзей кажется в первое время невозвратимой потерей. Но года проявляют глубокую врачебную силу, которая лежит в этих потерях.

Эмерсон

5

Благовестование в том и состоит, что истина о жизни человека есть дверь, открытая для перехода людей от жизни стихийно-бессознательной к разумно-сознательной; так что и страдания остаются страданиями, и смерть остается смертью, но в разумном сознании они принимаются благом – благом жизни общей, мировой, Божьей, вечной, бессмертной.

Бука

6

Несомненно важнее, как принимает человек судьбу, нежели какова она на самом деле.

Тумбольдт

7

Малые страдания выводят нас из самих себя, великие же возвращают нас самим себе. Треснувший колокол издает глухой звук: разбейте его на две части – и он снова издает чистый звук.

Жан-Поль (Рихтер)

8

Сила и благодать религии в том, что она объясняет человеку смысл его существования и его конечное назначение. Когда же (как мы все сделали это в наш век науки и умственной свободы) мы откинули все основы нравственности, вытекающей из религии, нет уже никакого средства узнать, зачем мы явились в этот мир и что нам в нем делать.

Тайна судьбы обнимает нас со всех сторон своими могущественными вопросами, и, действительно, надо совсем не думать, чтобы не чувствовать мучительную, ужасающую бессмысленность жизни. Телесные страдания, нравственное зло, боли души, счастье злых, унижение праведного – все это можно было бы перенести, если бы можно было понять внутренний порядок устройства мира, если бы можно было предполагать в этом Провидение. Верующий радуется на свои раны, он терпеливо переносит несправедливости и насилия своих врагов; грех, даже преступления не лишают его надежды. Но

для человека, в котором погашена всякая вера, зло и страдания теряют смысл,
и жизнь представляется только как отвратительная шутка.

Анатоль Франс

Человек, живущий духовной жизнью, не может не видеть, что страдания подвигают его
к желанной цели совершенствования, и для такого человека страдание теряет всю свою горечь
и становится благом.

20 АПРЕЛЯ (Самоотречение)

Самоотречение для человека, сознающего свою духовность, есть такое же благо, как и удовлетворение страстей и похотей для человека, живущего животной жизнью.

1

Тот добр, кто делает добро другим. Если он страдает за то, что делает добро, он еще лучше; если страдает от тех, кому он делает добро, он достигает высшей доброты, усилить которую может только увеличение страданий за то, что он продолжает делать; если он умрет за это – это самое высшее совершенство.

Лабрюйер

2

Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня, и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто не берет креста своего и не следует за Мной, тот не достоин Меня. Сберегший душу свою потеряет ее, а потерявший душу свою ради Меня сбережет ее.

Мф. гл. 10, ст. 37—39

3

Для человека нет высшего блага, как бескорыстно работать для блага других, – работать для Вечного Блага. Когда люди подчинятся общему интересу, как подчиняются они теперь своим личным стремлениям, тогда они узнают мир и счастье, и пред ними раскроются те бесконечные проявления небесной мудрости, которых они не видят теперь.

Люси Малори

4

Тогда Иисус сказал ученикам Своим: если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя и возьми крест свой и следуй за Мною; ибо кто хочет душу (жизнь) свою сберечь, тот потеряет ее; а кто потеряет душу свою ради Меня, тот обретет ее. Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит? или какой выкуп даст человек за душу свою?

Мф. гл. 16, ст. 24—26

5

Как огонь уничтожает свечу, так добро уничтожает личную жизнь.

Как тает воск от лица огня, так сознание личной жизни уничтожается участием в добре.

Смерть разрушает тело, как разрушают леса, когда здание построено. И тот, чье здание построено, радуется разрушению лесов, т. е. своего тела.

6

Есть всегда темное пятно в нашем солнечном свете: это тень, которая падает от нашей личности.

Карлейль

7

Себялюбие – это тюрьма для духа, которая лишает счастья так же верно, как острог лишает физической свободы.

Люси Малори

8

Мы лишь тогда истинно живем для себя, когда живем для других. Это кажется странным, но испытай, и ты на опыте убедишься.

Если человек живет духовной жизнью, то отречение от мирских благ не может представляться ему заслугой. Он не может поступить иначе. Он при этом улучшает, а не ухудшает свое положение.

21 АПРЕЛЯ (Устройство жизни)

Предстоящее изменение устройства жизни людей нашего христианского мира состоит в замене насилия любовью, в признании возможности, легкости, блаженства жизни, основанной не на насилии и страхе его, а на любви.

1

Трудно приучиться к тому, чтобы не жалеть людей в том, в чем они сами о себе жалеют: в потере имущества, семьи, красоты, здоровья, людской славы, а жалеть их в том, в чем они истинно жалки: в потере их нравственности, чистоты разума, добрых привычек. А между тем такое отношение к людям необходимо для того, чтобы исполнять свои обязанности к ним.

2

Сие заповедую вам, да любите друг друга. Если мир вас ненавидит, знайте, что Меня прежде вас возненавидел. Если бы вы были от мира, то мир любил бы вас; а как вы не от мира, но Я избрал вас от мира, потому ненавидит вас мир.

Ин. гл. 15, ст. 17—19

3

Люди думают, что есть положения, в которых можно обращаться с человеком без любви, а таких положений нет. С вещами можно обращаться без любви: можно рубить деревья, делать кирпичи, ковать железо без любви, но с людьми нельзя обращаться без любви, так же как нельзя обращаться с пчелами без осторожности. Свойство пчел таково, что если станешь обращаться с ними без осторожности, то им повредишь и себе. То же и с людьми.

И это не может быть иначе, потому что взаимная любовь между людьми есть основной закон жизни человеческой. Правда, что человек не может заставить себя любить, как он может заставить себя работать; но из этого не следует, что можно обращаться с людьми без любви, особенно если чего-нибудь требуешь от них. Не чувствуешь любви к людям – сиди смирно, занимайся собой, вещами, чем хочешь, но только не людьми. Как есть можно без вреда и с пользой только тогда, когда хочется есть, так и с людьми можно обращаться с пользой и без вреда только тогда, когда любишь. Только позволь себе обращаться с людьми без любви – и нет пределов жестокости и зверства по отношению других людей, и нет пределов страдания для себя.

4

До тех пор, пока я не увижу того, чтобы соблюдалось важнейшее правило Христа – любовь к врагам, – до тех пор я не перестану сомневаться в том, чтобы выдающие себя за христиан были ими.

Лессинг

5

Как только допущены такие условия, при которых человек может делать ближнему то, чего он не хотел бы для себя: всякого рода насилия, как всякие наказания и даже убийство, так все учение о любви становится пустыми словами.

6

Не должно делать ни малейшего зла для того, чтобы доставить успех величайшему благу.

Паскаль

7

Самой губительной ошибкой, которая когда-либо была сделана в мире, было отделение политической науки от нравственной.

Шелли

Живи не так, чтобы, будучи согласным с миром, быть готовым продолжать такую жизнь. Если ты так живешь, ты отдаляешь приближение царства любви. Живи так, чтобы возможно было наступление этого царства. А для того чтобы жить так, оснуй свою жизнь не на насилии, а на любви.

Недельное чтение

Из письма

Перед человеком мир, который был до него и останется после него, и он знает, что мир этот вечен и что он желал бы участвовать в этой вечности. Раз человек был призван к жизни, он требует своей доли в той жизни вечной, которая окружает его, возбуждает его, подсмеивается над ним и уничтожает его. Он знает, что начался, и не хочет кончиться. Он громко призывает, он тихим голосом молит о достоверности, которая постоянно ускользает от него для его же счастья, потому что достоверное знание было бы для него неподвижностью и смертью, так как сильнейший двигатель человеческой энергии есть неизвестное. Человек не может установиться в достоверности и носится в неопределенных стремлениях к совершенству, и как бы далеко он ни отклонялся в скептицизм, в отрицание вследствие гордости, любопытства, злобы, моды – он всегда возвращается к надежде, без которой он не может жить.

Так что бывает иногда затмение, но нет никогда полного исчезновения человеческого стремления к совершенству. Через него проходят философские туманы, как облака перед месяцем, но белое светило продолжает свое шествие и вдруг появляется из-за них нетронутым и блестящим. Эта неудержимая потребность совершенства в человеке объясняет то, что человек бросался с таким доверием, с таким восторгом, без разумного контроля в различные религиозные учения, которые, обещая ему бесконечное, предлагали ему ему сообразно его природе и ставили его в известные рамки, всегда необходимые даже для совершенства.

Но вот уже давно, при каждой станции движения человечества, новые люди выходят из мрака во все большем и большем количестве, в особенности за последние 100 лет, и люди эти во имя разума, науки, наблюдения отрицают то, что считалось истинами, объявляют их относительными и хотят разрушить те учения, которые их содержат.

А между тем та сила, какая бы она ни была, которая сотворила мир, так как он, как мне кажется, все-таки не мог сотвориться сам, сделав нас своими орудиями, удержала за собой право знать, зачем она нас сделала и куда она нас ведет. Сила эта, несмотря на все намерения, которые ей приписывали, и на все требования, которые к ней предъявляли, – сила эта, как кажется, желает удержать свою тайну, и потому (я скажу здесь все, что думаю) мне кажется, что человечество начинает отказываться от желания проникнуть в нее. Человечество обращалось к религиям, которые ничего не доказали ему, потому что они были различны; обращалось к философиям, которые не более того разъяснили ему, потому что они были противоречивы; оно постарается теперь управиться одно со своим простым инстинктом и своим здравым смыслом, и, так как оно живет на земле, не зная зачем и как, оно постарается быть настолько счастливым, насколько это возможно, теми средствами, которые предоставляет ему наша планета.

Есть люди, которые предлагают как средство против всех затруднений в жизни труд. Лекарство известное, и от этого оно не менее хорошо, но оно всегда было и продолжает быть недостаточным. Пусть работает человек своими мускулами или своим умом, все-таки никогда не может быть его единственной заботой приобретение пищи, наживание состояния или приобретение славы. Все те, которые ограничивают себя этими целями, чувствуют и тогда, когда они достигли их, что им еще недостает чего-то: дело в том, что, что бы ни производил человек, что бы ни говорил, что бы ему ни говорили, он состоит не только из тела, которое надо кормить, и ума, который надо образовать и развивать, – у него, несомненно, есть еще и душа, которая еще заявляет свои требования. Эта-то душа находится в неперестающем труде, в постоянном развитии и стремлении к свету и истине. До тех пор, пока она не получит весь свет и не завоеует всю истину, она будет мучить человека.

И вот она никогда так не занимала, никогда не налагала с такой силой свою власть на человека, как в наше время. Она, так сказать, разлита во всем том воздухе, который вдыхает мир. Те несколько индивидуальных душ, которые отдельно желали общественного перерождения, мало-помалу отыскали, призвали друг друга, сблизились, соединились, поняли себя и составили группу, центр притяжения, к которому стремятся теперь другие души с четырех концов света, как летят жаворонки на зеркало: они составили, таким образом, общую душу, с тем чтобы люди вперед осуществляли сообща, сознательно и неудержимо предстоящее единение и правильное движение вперед народов, недавно еще враждебных друг другу. Эту новую душу я нахожу и узнаю в явлениях, которые кажутся более всего отрицающими ее.

Эти вооружения всех народов, эти угрозы, которые делают друг другу их правители, эти возобновления гонений известных народностей, эти враждебности между соотечественниками суть явления дурного вида, но не дурного предзнаменования. Это – последние судороги того, что должно исчезнуть. Болезнь в этом случае есть только энергическое усилие живого существа освободиться от смертоносного начала.

Те, которые воспользовались и надеялись еще долго и всегда пользоваться заблуждениями прошедшего, соединяются с целью помешать всякому изменению. Вследствие этого – эти вооружения, эти угрозы, эти гонения, но, если вы взглянете внимательнее, вы увидите, что все это только внешнее. Все это огромно, но пусто.

Во всем этом уже нет души: она перешла в иное место. Все эти миллионы вооруженных людей, которые каждый день упражняются ввиду всеобщей истребительной войны, не ненавидят уже тех, с которыми они должны сражаться, ни один из их начальников не смеет объявить войны. Что касается до упреков, даже заражающих, которые слышатся снизу, то уже сверху начинает отвечать им признающее их справедливость великое и истинное сострадание.

Взаимное понимание неизбежно наступит в определенное время и более близкое, чем мы полагаем. Я не знаю, происходит ли это оттого, что я скоро уйду из этого мира и что свет, исходящий из-под горизонта, освещающий меня, уже затемняет мне зрение, но я думаю, что наш мир вступает в эпоху осуществления слов: «любите друг друга», без рассуждения о том, кто сказал эти слова: Бог или человек.

Спиритуалистическое движение, заметное со всех сторон, которым столько самолюбивых и наивных людей думают управлять, будет, безусловно, человечно. Люди, которые ничего не делают с умеренностью, будут охвачены безумием, бешенством любить друг друга. Это сначала, очевидно, не совершится само собой. Будут недоразумения, может быть, и кровавые: так уж мы воспитаны и приучены ненавидеть друг друга часто теми самыми людьми, которые призваны научить нас любви. Но так как очевидно, что этот великий закон братства должен когда-нибудь совершиться, я убежден, что наступают времена, в которые мы неудержимо пожелаем, чтобы это совершилось.

Александр Дюма

22 АПРЕЛЯ (Божественная природа души)

Познание себя есть познание Бога.

1

Иисус же возгласил и сказал: верующий в Меня не в Меня верует, но в Пославшего Меня; и видящий Меня видит Пославшего Меня. Я, свет, пришел в мир, чтобы всякий верующий в Меня не оставался во тьме. И если кто услышит Мои слова и не поверит, Я не сужу его, ибо Я пришел не судить мир, но спасти мир. Отвергающий Меня и не принимающий слов Моих имеет судью себе: слово, которое Я говорил; оно будет судить его в последний день. Ибо Я говорил не от Себя; но пославший Меня Отец. Он дал Мне заповедь, что сказать и что говорить. И Я знаю, что заповедь его есть жизнь вечная. Итак, что Я говорю, говорю, как сказал Мне Отец.

Ин. гл. 12, ст. 44—50

2

Величайшее знание есть знание самого себя: кто себя познает, тот познает и Бога.

3

Основное свойство человека – более или менее любить одно и не любить другое – не происходит от пространственных и временных условий; но, напротив, пространственные и временные условия действуют или не действуют на человека только потому, что человек, входя в мир, уже имеет весьма определенное свойство любить одно и не любить другое. Только от этого и происходит то, что люди, рожденные и воспитанные в совершенно одинаковых пространственных и временных условиях, представляют часто самую резкую противоположность своего внутреннего «я».

4

Без чистоты души зачем поклонение Богу? Зачем говорить: я пойду на поклонение Богу? Как может поклоняться Богу тот, кто делает зло?

Святость не в лесах, не на небе, не на земле, не в священных реках. Очисти свое тело, и ты увидишь Его. Преврати тело в храм, откинь дурные мысли и созерцай Бога внутренним оком. Когда мы познаем Его, мы познаем самих себя. Без личного опыта одно писание не уничтожит наших страхов, так же как темнота не разгоняется написанным огнем. Какая бы ни была твоя вера и твои молитвы, пока в тебе нет правды, ты не достигнешь пути блага. Тот, кто познает истину, тот родится снова.

Источник истинного блага – в сердце: безумен тот, кто ищет его в ином месте. Он подобен пастуху, ищущему ягненка, который у него за пазухой.

Зачем вы собираете камни и строите великие храмы? Зачем мучаете себя так, тогда как Бог живет постоянно внутри вас?

Дворная собака лучше, чем безжизненный идол в доме, и лучше, чем все полубоги, великий Бог мира.

Тот свет, который, как утренняя звезда, живет внутри сердца каждого человека, этот свет – наше прибежище.

Вамана Пурана

5

Странно кричать человеку, который не знает себя, чтобы он от самого себя переходил к Богу! Хорошо говорить это человеку, который знает себя.

Паскаль

Человек может перенести свое «я» из области подчиненной, непостоянной и бедственной в то, что свободно, неизменно и радостно: в сознание своей духовной, божественной сущности.

23 АПРЕЛЯ (Простота)

Истинное добро всегда просто.

Простота так привлекательна, так выгодна, что удивительно, как мало людей бывают просты.

1

Не ищи счастья за морем. Благодарение Всевышнему, что нужное Он сделал нетрудным, а трудное – ненужным.

Григорий Сковорода

2

Все истинно хорошие вещи дешевы, все вредные – дороги.

Торо

3

Каждое приобретение так называемого прогресса сопряжено с некоторым лишением: общество обогатится, например, новым изобретением, а между тем утратит некоторое свойство, врожденное каждому из нас. Образованный человек имеет экипажи, но едва владеет своими ногами. У него прекрасные женевские часы, но ему не узнать часа по солнцу. Он купит астрономический календарь и, полагаясь на то, что найдет в нем все нужное, не сумеет отличить ни одной звезды на небе, не подметит ни осеннего, ни весеннего равноденствия.

Разумный человек, откидывая все излишнее, в конце концов возвращается к тому, что для него необходимо.

Эмерсон

4

Почти все наши расходы делаются для того, чтобы быть похожими на других.

Эмерсон

5

Служи общему делу – делай дело любви – словом, воздержанием, усилием: тут не сказал словечка дурного, не сделал того, что было бы хуже, тут преодолел робость и ложный стыд и сделал и сказал то, что надо, что хорошо, то, что любовно, – все крошечные, незаметные поступки и слова, и из этих-то горчичных зерен вырастает дерево любви, закрывающее ветвями весь мир.

6

Не нужно искать подвигов. Если только будешь делать то, что от тебя требуется сейчас в том положении, в котором ты находишься, наилучшим образом, по-христиански, всю, то жизнь будет полна, и нечего будет искать подвигов.

7

Всякое величайшее дело делается в условиях незаметности, скромности, простоты: ни пахать, ни строить, ни пасти скотину, ни мыслить даже нельзя при глуме и блеске. Великие, истинные дела – всегда просты, скромны.

Менее всего просты люди, желающие казаться простыми. Умышленная простота есть самая большая и неприятная искусственность.

24 АПРЕЛЯ (Мужество)

Истинное мужество в борьбе свойственно только тому, кто знает, что его союзник – Бог.

1

В мире будете иметь скорбь; но мужайтесь: Я победил мир.
Ин. гл. 16, ст. 33

2

Подвизайся за истину до смерти – и Бог поборет за тебя.
Иисус, сын Сирахов

3

Счастлив тот, кто, отвергнув побуждения и причины, по которым обыкновенно действует человечество, решается иметь доверие к самому себе. Высока должна быть душа, тверда воля, ясен взгляд у того, кто может заменить себе общество, обычай, постановления и довести себя до того, чтобы одно внутреннее убеждение имело над ним ту же силу, какую для других имеет «железная необходимость».
Эмерсон

4

Что бы ни случилось, не теряй бодрости. Ничего дурного, не свойственного тебе, как человеку, случиться не может.

5

Все неопределенно, туманно и мимолетно, одна добродетель и ясна и не может быть сокрушена никаким насилием.
Цицерон

6

Человек, отрекающийся от своей личности, могуществен, потому что личность скрывала в нем Бога. Как скоро он откинул личность, действует в нем уже не он, а Бог.

7

Раз римская императрица потеряла свои драгоценности. Тогда было объявлено по всей империи следующее: «Кто найдет и возвратит потерю в течение тридцати дней, получит богатое вознаграждение; если же кто возвратит их после тридцати дней, то будет казнен смертью». Еврейский раввин Самуил вскоре нашел потерянные драгоценности, но возвратил их по истечении тридцати дней. «Ты был за границей?» – спросила его императрица. «Нет, я был дома», – ответил он. «Но ты, может быть, не знал о том, что было объявлено?» – «Нет, знал», – сказал Самуил. «Так отчего же ты не возвратил их до истечения тридцати дней? Ведь ты подлежишь смертной казни».

«Я хотел тебе показать, – сказал Самуил, – что не из страха перед наказанием я возвратил тебе твою потерю, а из страха перед Господом Богом».

Не жди совершения того Божьего дела, которому ты служишь, но знай, что каждое твое усилие не останется бесплодно и подвигает дело.

25 АПРЕЛЯ (Божественная природа души)

Человек может сознавать себя телесным и духовным существом. Сознвая себя телесным, человек не может быть свободен. Для духовного же существа не может быть даже вопроса о какой-нибудь несвободе.

1

Истинно, истинно говорю вам: слушающий слово Мое и верующий в Пославшего Меня имеет жизнь вечную и на суд не приходит, но перешел от смерти в жизнь. Истинно, истинно говорю вам: наступает время, и настало уже, когда мертвые услышат глас Сына Божия и, услышавши, оживут. Ибо как Отец имеет жизнь в Самом Себе, так и Сыну дал иметь жизнь в Самом Себе.

Ин. гл. 5, ст. 21—26

2

Что такое «любовь к Богу» как не усиленное стремление внести в свое существование наивысшую творческую энергию. Божественная Творческая Сила заключается во всем, но величайшее ее проявление в этом мире – в человеке; для того же, чтоб она действовала, человек должен признавать ее.

Не признавая того, что он может творить наилучшее, человек неизбежно творит наихудшее.

Из «Передовой мысли мира»

3

Я знаю, что надо постоянно наблюдать за собою, знаю, что Небо знает все и что его законы неизменны. Я знаю, что оно видит все, входит во все, присутствует во всем. Небо проникает в глубину всех сердец так же, как дневной свет освещает темную комнату. Мы должны стремиться отражать его свет так же, как два музыкальные инструмента, одинаково настроенные, отвечают друг другу.

Китайский Ши-Кинг

4

Природа человека пряма. Если эта естественная прямота потеряется во время жизни, то человек не может быть счастлив.

Китайская мудрость

5

Когда думаешь о свойствах души, то гораздо труднее понять, что такое душа, заключенная в теле, где она живет, как в чужой стране, чем то, что она такое, когда она освободится от тела и соединится с тем, кого она себя чувствует частью.

По Цицерону

6

Только когда истинно, от всей души скажешь, что во всем том, в чем ты знаешь волю Бога, ты не имеешь своей, а делаешь только то, что Он хочет, только тогда ты сделаешься вполне свободным.

Эпиктет

Человек чувствует свою свободу в той мере, в которой он переносит свою жизнь из плотского существования в духовное.

26 АПРЕЛЯ (Бог)

Сознание Бога просто и доступно всякому. Познание Его недоступно никакому человеку.

1

Человек разумный и скромный, с развитым, но ограниченным умом, чувствует свои пределы и не выходит из них и в этих пределах находит понятие своей души и своего Творца, сознавая невозможность довести эти понятия до полной ясности и созерцать их так, как только чистый дух мог бы созерцать их. Он с покорностью останавливается перед ними и не дотрагивается до покрова, удовлетворяясь сознанием того, что стоит перед высоким существом. До этого предела только полезна и нужна философия. То, что сверх этого, есть праздные отвлеченности, не свойственные человеку, от которых воздерживается разумный человек и которые чужды человеку толпы.

Все народы мира знают и чтут Бога; хотя каждый одевает его по-своему, но под всеми этими одеждами все тот же Бог. Избранное меньшинство с более высокими требованиями учения, не удовлетворяясь данными простого здравого смысла, ищет Бога более отвлеченного. Я не осуждаю этих людей. Но оно не право, если, становясь на место всего человечества, это меньшинство утверждает, что Бог скрыт от людей, потому что оно не видит Его. Я признаю, что может случиться, что хитрые проделки людей могут на время убедить большинство, что нет Бога, но эта мода не может продолжаться. И так или иначе, человек будет всегда нуждаться в Боге. Если бы, противно закону природы, Божество проявилось бы нам с еще большей очевидностью, я уверен, что люди, противные Богу, придумали бы новые тонкости, чтобы отрицать Его. Разум всегда подчиняется тому, чего требует сердце.

Руссо

2

Самое для меня несомненное из всего на свете – это мое сознание себя в настоящем.

3

Вера в Бога так же свойственна природе человека, как способность его ходить на двух ногах; вера эта может у некоторых людей видоизменяться и даже совсем заглухнуть, но, как общее правило, она существует и необходима для разумной жизни.

По Лихтенбергу

4

Одинаково непостижимы положения, что есть Бог и что нет Его, что есть душа в теле и что нет в нас души, что мир сотворен и что он не сотворен.

Паскаль

5

Религия – от Бога, а богословие – от людей.

Д'Эшерни

Живи в Боге, живи с Богом, сознавая Его в себе, и не пытайся определять Его словами.

27 АПРЕЛЯ (Осуждение)

Недобрые чувства вызывают осуждение людей, но очень часто осуждение людей вызывает в нас недобрые к ним чувства, и тем более недобрые, чем больше мы осуждаем их.

1

Не судите, да не судимы будете; ибо каким судом судите, таким будете судимы; и какою мерою мерите, такою и вам будут мерить. И что ты смотришь на сучок в глазе брата твоего, а бревна в твоем глазе не чувствуешь? Или, как скажешь брату твоему: дай я выну сучок из глаза твоего, а вот в твоем глазе бревно? Лицемер! вынь прежде бревно из твоего глаза, и тогда увидишь, как вынуть сучок из глаза брата твоего.

Мф. гл. 7, ст. 1—5

2

Одно из самых обычных и распространенных суеверий то, что каждый человек имеет свои определенные свойства, что бывает человек добрый, злой, умный, глупый, горячий, холодный и т. д. Люди не бывают такими.

Мы можем сказать про человека, что он чаще бывает добр, чем зол, чаще умен, чем глуп, чаще горяч, чем холоден, и наоборот, но будет неправда, если мы скажем про одного человека, что он всегда добрый или умный, а про другого, что он всегда злой или глупый. А мы всегда так делим людей. И это неверно.

3

Вы видите слабость ближнего, но не знаете, что, может быть, один из его поступков приятнее Богу, чем вся ваша жизнь. Если даже ваш ближний имел несчастье пасть, то вы не видали слез, пролитых им прежде, ни последующего затем раскаяния, и между тем как Бог, свидетель его скорби и сокрушения, уже оправдал его, вы продолжаете осуждать его.

Из «Благочестивых мыслей»

4

Если между двумя людьми есть вражда, то виноваты оба. Какую бы величину ни помножить на нуль, будет нуль. Если же произведена вражда, то вражда была и в каждом из враждующих.

5

Если произошла ссора между людьми, то виноваты в ней, хотя бы в самых различных степенях, непременно оба ссорящиеся. Ведь при полной безупречности поведения одной из сторон так же невозможно возгореться

ссоре, как невозможно зажечься спичке об абсолютно гладкую поверхность, например о зеркало.

Б

6

Пойми хорошенько и постоянно помни, что человек всегда поступает так, как ему кажется лучше для себя. Если это на самом деле лучше для него, то он прав: если же он ошибается, то ему же хуже, потому что за всяким заблуждением непременно следует и страдание.

Если ты будешь постоянно помнить это, то ты ни на кого не станешь ни сердиться, ни возмущаться, никого не будешь ни попрекать, ни бранить и ни с кем не будешь враждовать.

Эпиктет

Живя с близким человеком, хорошо уговориться о том, чтобы останавливать друг друга, как скоро тот или другой начнет осуждать ближнего.

28 АПРЕЛЯ (Труд)

Несомненное условие счастья есть труд: во-первых, любимый и свободный труд; во-вторых, труд телесный, дающий аппетит и крепкий, успокаивающий сон.

1

Жизнь аркадских пастушков и наша возлюбленная придворная жизнь обе нелепы и неестественны, хотя и привлекательны. Ибо никогда не может быть истинного удовольствия там, где удовольствия превращаются в занятия. Только отдохновения от занятий, редкие и краткие и без подготовки, бывают истинно приятны и полезны.

Кант

2

Телесный труд не только не исключает возможность умственной деятельности, не только улучшает ее достоинство, но и поощряет ее.

3

Ручной труд есть долг и счастье для всех; деятельность ума и воображения есть деятельность исключительная; она становится долгом и счастьем только для тех, которые к ней призваны. Призвание можно распознать и доказать только жертвой, которую приносит ученый или художник своему покою и благосостоянию, чтобы отдаться своему призванию.

4

Надобно бы было включить вечную праздность в муки ада, а ее-то, напротив, поместили среди радостей рая.

Монтескье

5

В самом низком труде душа человека успокаивается, как только он берется за работу. Сомнения, печаль, уныние, негодование, самоотчаяние – все эти бесы караулят бедняка, как и всякого человека, но он бодро возьмется за работу, и все бесы не смеют подойти к нему и только издали ворчат на него. Человек стал человеком.

Карлейль

6

Труд есть потребность, лишение которой составляет страдание, но никак не добродетель. Возведение труда в достоинство есть такое же уродство, каким бы было возведение питания человека в достоинство и добродетель.

Хочешь доброго расположения духа: трудись до усталости, но не через силу. Хорошее душевное состояние нарушается всегда праздностью и только иногда чрезмерным трудом.

Недельное чтение

Зерно с куриное яйцо

Нашли раз ребята в овраге штучку с куриное яйцо, с дорожкой посредине и похоже на зерно. Увидал у ребят штучку проезжий, купил за пятак, повез в город, продал царю за редкость.

Позвал царь мудрецов, велел им узнать, что за штука такая – яйцо или зерно? Думали, думали мудрецы – не могли ответа дать. Лежала эта штучка на окне, влетела курица, стала клевать, проклевала дыру; все и увидали, что зерно. Пришли мудрецы, сказали царю: «Это – зерно ржаное».

Удивился царь. Велел мудрецам узнать, где и когда это зерно родилось? Думали, думали мудрецы, искали в книгах – ничего не нашли. Пришли к царю, говорят: «Не можем дать ответа. В книгах наших ничего про это не написано; надо у мужиков спросить, не слыхал ли кто от стариков, когда и где такое зерно сеяли?»

Послал царь, велел к себе старого мужика привести. Разыскали старика старого, привели к царю. Пришел старик зеленый, беззубый, насилу вошел на двух костылях.

Показал ему царь зерно, да не видит уже старик; кое-как половину разглядел, половину руками ошупал.

Стал его царь спрашивать: «Не знаешь ли, дедушка, где такое зерно родилось? Сам на своем поле не севал ли хлеба такого? Или на своем веку не покупывал ли где такого зерна?»

Глух был старик, насилу-насилу расслышал, насилу-насилу понял. Стал ответ держать: «Нет, – говорит, – на своем поле хлеба такого сеять не севал, и жинать не жинал, и покупывать не покупывал. Когда покупали хлеб, все такое же зерно мелкое было, как и теперь. А надо, – говорит, – у моего батюшки спросить; может, он слыхал, где такое зерно рожалось?»

Послал царь за отцом старика, велел к себе привести. Нашли и отца старикова, привели к царю. Пришел старик старый на одном костыле. Стал ему царь зерно показывать. Старик еще видит глазами, хорошо разглядел. Стал царь его спрашивать: «Не знаешь ли, старичок, где такое зерно родилось? Сам на своем поле не севал ли хлеба такого? Или на своем веку не покупывал ли где такого зерна?»

Хоть и крепонек на ухо был старик, а расслышал лучше сына. «Нет, – говорит, – на своем поле такого зерна сеять не севал и жинать не жинал. А покупать не покупывал, потому что на моем веку денег еще и в заводе не было. Все своим хлебом кормились, а по нужде – друг с дружкой делились. Не знаю я, где такое зерно родилось. Хоть и крупнее теперешнего и умолотнее наше зерно было, а такого видать не видал. Слыхал я от батюшки – в его время хлеб лучше против нашего раживался и умолотней и крупней был. Его спросить надо».

Послал царь за отцом стариковым. Нашли и деда; привели к царю. Вошел старик к царю без костылей; вошел легко – глаза светлые, слышит хорошо и говорит внятно. Показал царь зерно деду. Поглядел дед, повертел. «Давно, – говорит, – не видал я старинного хлебушка». Откусил дед зерна, пожевал крупинку.

– Оно самое, – говорит.

– Скажи же мне, дедушка, где такое зерно родилось? На своем поле не севал ли ты такой хлеб? Или на своем веку где у людей не покупывал ли?

И сказал старик: «Хлеб такой на моем веку везде раживался. Этим хлебом, – говорит, – я век свой кормился и людей кормил».

И спросил царь: «Так скажи же мне, дедушка, покупал ли ты где такое зерно, или сам на своем поле сеял?»

Усмехнулся старик.

– В мое время, – говорит, – и вздумать никто не мог такого греха, чтобы хлеб продавать, покупать. А про деньги и не знали; хлеба у всех своего вволю было. Я сам такой хлеб сеял, и жал, и молотил.

И спросил царь: «Так скажи же мне, дедушка, где ты такой хлеб сеял и где твое поле было?»

И сказал дед: «Мое поле было – земля Божья. Где вспахал, там и поле. Земля вольная была. Своей земли не знали. Своим только труды свои называли».

– Скажи же, – говорит царь, – мне еще два дела: одно дело – отчего прежде такое зерно рожалось, а нынче не родится? А другое дело – отчего твой внук шел на двух костылях, сын твой пришел на одном костыле, а ты вот пришел и вовсе легко, глаза у тебя светлые и зубы крепкие, и речь ясная и приветная? Отчего, скажи, дедушка, эти два дела сталися?

И сказал старик: «Оттого оба дела сталися, что перестали люди своими трудами жить – на чужие стали зариться. В старину не так жили: в старину жили по-Божьи; своим владели, чужим не корыстовались».

Лев Толстой

29 АПРЕЛЯ (Болезнь)

Человек может одинаково исполнить свое назначение в болезненном, как и в здоровом состоянии.

1

Если бы человек не сомневался в неразрушимости своей жизни после смерти, то все болезни представлялись бы ему только приближением к переходу из одной жизни в другую – переходу скорее желательному, чем нежелательному, – и тогда он переносил бы боль от болезни так же, как мы переносим боль от напряжения труда, который, мы знаем, кончится добром. Во время болей мы имели бы объяснение совершающегося с нами и готовились бы к новому состоянию.

2

Обыкновенно думают, что можно служить Богу и быть полезным людям, только будучи здоровым. Неправда! Часто напротив. Христос больше всего послужил Богу и людям, будучи совсем умирающим на кресте, когда Он прощал убивающим Его. То же может делать всякий человек больной. И нельзя сказать, какое состояние: здоровья или болезни – более удобно для служения Богу и людям.

3

С тех пор как люди стали думать, они признали, что ничто столь не содействует нравственной жизни людей, как памятование о смерти. Ложно же направленное врачебное искусство: вместо того, чтобы заботиться об облегчении страданий, ставит себе целью избавлять людей от смерти и научает их надеяться на избавление от смерти, на удаление от себя мысли о смерти и тем лишает людей главного побуждения к нравственной жизни.

4

Для себя только, для служения себе нужно побольше здоровья, силы, а для служения Богу не только не нужно, но часто – напротив.

5

Как часто, имея дело с больными, мы забываем то, что главное, что нужно больному, это не скрывание от него приближающейся смерти, а, напротив, призывание его к сознанию своей духовной, растущей божественной природы, не подлежащей уменьшению или смерти.

Болезни почти всегда, уничтожая телесную силу, освобождают силу духовную. И для человека, перенесшего свое сознание в духовную область, они не лишают его блага, а, напротив, увеличивают его.

30 АПРЕЛЯ (Смысл жизни)

Казалось бы, нельзя жить, не зная, для чего живешь, и что первое, что человек должен уяснить себе, это смысл своей жизни – тем более что были и есть люди, знающие этот смысл. А между тем большинство людей, считающих себя образованными, гордятся тем, что дошли до той кажущейся им высоты, при которой они видят, что жизнь не имеет никакого смысла.

1

Есть два различных и противоположных воззрения людей на жизнь.

Одни говорят: я вижу себя, рожденное от своих родителей существо, так же как и все другие окружающие меня живые существа, живущие в известных, подлежащих моему исследованию и изучению условиях, и изучаю себя и другие существа, как живые, так и неживые, и те условия, в которых они находятся, и сообразно с этим изучением устанавливаю свою жизнь. Вопросы о происхождении я исследую точно так же и наблюдением и опытом достигаю все большего и большего знания. Вопросы же о том, откуда произошел весь этот мир, зачем он существует и зачем я существую в нем, я оставляю неотвеченными, так как не вижу возможности так же определенно, ясно и доказательно ответить на них, как я отвечаю на вопросы об условиях существующего в мире. И потому ответы на эти вопросы, состоящие в том, что существует Бог, от которого я произошел, и что этот Бог для известной своей цели определил закон моей жизни, эти ответы на вопросы я не признаю, как не имеющие той ясности и доказательности, которые имеют ответы на вопросы о причинах и условиях различных жизненных явлений.

Так говорит неверующий человек и, не допуская возможности какого-либо другого знания, кроме того, которое приобретается наблюдением, рассуждениями над этими наблюдениями, он, если и не прав, то совершенно разумно последователен.

Христианин же, признающий Бога, говорит: я сознаю себя живущим только потому, что я сознаю себя разумным, сознавая же себя разумным, я не могу не признать того, что жизнь моя и всего существующего должна быть также разумна. Для того же, чтобы быть разумной, она должна иметь цель. Цель же этой жизни должна быть вне меня – в том Существо, для достижения цели которого существую я и все, что существует. Существо это есть, и я должен в жизни исполнить закон (волю) его. Вопросы же о том, каково то Существо, которое требует от меня исполнения своего закона, и когда возникла эта разумная жизнь во мне, и как она возникает в других существах во времени и пространстве, т. е. что такое Бог: личный или безличный, как Он сотворил и сотворил ли Он мир, и когда во мне возникла душа, в каком возрасте, и как она возникает в других, и откуда она взялась, и куда уйдет, и в каком месте тела живет, – все эти вопросы я должен оставить неотвеченными, потому что знаю вперед, что в области наблюдения и рассуждения над ними я никогда не приду к окончательному ответу, так как все скроется в бесконечности времени и пространства. По этому самому я не признаю даваемых наукой ответов о том, как зачался мир, как зачинается душа и в какой части головного мозга она находится.

В первом случае: неверующий человек, признавая себя только животным существом и потому признавая только то, что подлежит внешним чувствам, не признает духовного начала и примиряется с нарушающей требования разума бессмысленностью своего существования.

Во втором случае: христианин, признавая себя только разумным существом и потому признавая только то, что соответствует требованиям разума, не признает действительности данных внешнего опыта и потому считает данные эти фантастическими и ошибочными.

Оба одинаково правы. Но разница – и существенная – между ними в том, что по первому мировоззрению все в мире строго научно, логично и разумно, за исключением самой жизни человека и всего мира, не имеющих никакого смысла; и потому из такого мировоззрения, несмотря на все попытки противного, вытекает очень много интересных и забавных соображений, но не вытекает ничего нужного для руководства жизни; тогда как по второму мировоззрению жизнь человека и всего мира получает определенный и разумный смысл и самое прямое, простое и доступное всем приложение его к жизни, причем не нарушается и возможность научных исследований, которые ставятся при этом на свойственное им место.

2

Жизнь есть то, что открывается через сознание, и она всегда и везде есть. Наше заблуждение в том, что то, что закрывает от нас жизнь, мы называем жизнью.

3

Истинная цель жизни в том, чтобы узнать жизнь бесконечную.

4

Человек не может знать, зачем он живет; но не может не знать, как ему надо жить.

Работник на большом заводе не знает, зачем он делает то, что делает; но знает, если он хороший работник, как надо делать то, что он делает.

5

Есть между людьми два взгляда на жизнь. Одни смотрят на жизнь со стороны чувственной, личной, полагая, что мир устроен для них и что Бог выдуман на потребу человеку, и возмущаются бессмысленными страданиями и бессмысленной смертью. Другие имеют взгляд на жизнь противоположный, духовный, по которому, наоборот, человек живет для мира, для Бога и по которому ясно, что если человек страдает и умирает, то, стало быть, так надо для жизни мира, так угодно Богу. По этому второму взгляду есть смысл и нашего рождения, и нашей страдальческой жизни, и нашей страдальческой смерти; по этому взгляду мир устроен разумно и целесообразно, тогда как по первому взгляду все бессмысленно и нецелесообразно.

И сообразно этим двум взглядам на жизнь люди двумя путями приходят к истине, к одной цели. По первому, чувственному взгляду человек, не желая быть побежденным, борется, встречает отовсюду неудачу, огорчения, утомление, пресыщение и болезни, наполняет жизнь страданием, но в конце концов покоряется силе вещей, т. е. закону и воле Бога, покоряется бессознательно, невольно, как раб на цепи, с гораздо большим трудом и с гораздо меньшим благом для себя. По второму же, Божескому взгляду человек сознательно идет навстречу истине и, как разумное дитя небесного Отца, Отца истины, обходит мимо все те страдания, которые составляют удел бессознательного раба на цепи. А радости жизни, радости и блага не искусственные, а настоящие, природные и потому самые драгоценные, даются

равно всем, независимо от взгляда; и как по первому взгляду пользуются ими люди, так не отнимаются они от людей и по второму взгляду на жизнь.

Бука

Каждое существо имеет органы, указывающие ему на место в мире. Для человека этот орган есть разум.

Если разум не указывает тебе твоего места в мире и твоего назначения, то знай, что виновато в этом не дурное устройство мира, не твой разум, а ложное направление, которое ты дал ему.

МАЙ

1 МАЯ (Мужество)

Для человека, полагающего свою жизнь в духовном совершенствовании, не может быть страха перед внешними событиями.

1

Абу Ганифах умер в тюрьме в Багдаде, куда он был ввергнут калифом Альманзором за то, что отказался признать учение Кадда. Этот знаменитый учитель, получив раз тяжелый удар, сказал тому человеку, который ударил его: «Я могу воздать обидой за обиду, но я не сделаю этого. Я могу жаловаться на тебя калифу, но не буду жаловаться. Я могу в своих молитвах передать Богу о том оскорблении, которое ты сделал мне, но я воздержусь от этого. В день суда я буду иметь возможность призвать на тебя божественное мщение, но, если бы день этот наступил сейчас и мои мольбы были бы услышаны, я вступил бы в рай только вместе с тобою».

Персидская мудрость (из Дербело)

2

Не думай, чтобы мужество человека состояло только в храбрости и силе: высшее мужество – в том, чтобы стать выше гнева и любить обидевшего.

Персидская мудрость (из Дербело)

3

Осуждай свои дела. И когда ты осудишь, не отчаивайся.

Эпиктет

4

Что говорю вам в темноте, говорите при свете; и что на ухо слышите, проповедуйте на кровлях.

И не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более того, кто может и душу и тело погубить.

Мф. гл. 10, ст. 27—28

5

Трусость – в том, чтобы знать, что должно делать, и не делать этого.

Конфуций

6

Никакое горе так не велико, как страх перед ним.

Чокке

7

Если меня кто оскорбил, это – его дело, такова его наклонность, таков его нрав; у меня свой нрав – такой, какой, по моему мнению, свойственен человеку, и я останусь в своих поступках верен своему нраву.

Марк Аврелий

8

«Не разъедай своего сердца, – говорят мудрецы, – не оплакивай прошлого, похороненного прошлого». Делай то, что должно, и, как звезда, не отдыхай и не спеши.

Хаджи Абдул Гезди

Если ты чего боишься, то знай, что причина твоего страха не вне тебя, а в тебе.

2 МАЯ (Слово)

Люди не соглашаются с истиной чаще всего оттого, что они чувствуют себя оскорбленными той формой, в которой предлагается им истина.

1

Зарождающаяся ссора подобна пробивающемуся сквозь плотину потоку:
как только он пробился, ты уже не удержишь его.

Талмуд

2

Человек легко может затеять спор, но, как разгоревшийся огонь, трудно бывает потушить его.

3

Как только мы почувствовали гнев во время спора, мы уже спорим не за истину, а за себя.

Карлейль

4

Я не могу никогда убедить другого человека иначе, как только его же собственными мыслями. Значит, я должен предположить, что у него хороший и верный рассудок; в противном случае бесполезно надеяться, что я могу привлечь его на мою сторону моими доводами. Точно так же я не могу тронуть сердце другого иначе, как его же собственными чувствами. Значит, я должен предположить, что другой человек обладает известной добротой сердца; в противном случае он никогда не почувствует отвращения к пороку и побуждения к добродетели при моем описании порока и при моем восхвалении добродетели.

Кант

5

Старайся, чтобы в споре слова твои были мягки, а доводы тверды. Надо не досадить противнику, а убедить его.

Вилькинс

6

Ничто так не содействует торжеству разума, как спокойствие тех, которые служат ему. Истина страдает часто более от горячности своих защитников, чем от нападков своих противников.

Пэн

7

Пусть говорящий – безумец, слушатель, будь мудр!

Кроткий ответ удаляет злобу; обидные слова возбуждают гнев.

8

Если человек заслуживает похвалы, старайтесь не отказывать ему в ней, иначе вы не только можете этим отклонить его от настоящего пути, лишая его поддержки и одобрения, в которых он нуждается, но и сами лишаетесь радости воздать человеку должное за его труд.

Джон Рёскин

Если ты знаешь истину или хотя думаешь, что знаешь ее, то передавай ее как можно проще, а главное, как можно мягче, любовнее к тому, кому передаешь ее.

3 МАЯ (Знание)

В чем бы ни полагали люди свое назначение и благо, наука будет учением об этом назначении и благе.

1

*Умные люди учатся для того, чтобы знать; ничтожные – для того, чтобы их знали.
Восточная мудрость*

2

То, что называется у нас наукой и искусством, есть произведение праздного ума и чувства, имеющее целью щекотать такие же праздные умы и чувства. Науки и искусства наши непонятны и ничего не говорят народу, потому что не имеют в виду его блага.

3

Человек живет только для того, чтобы, насколько это позволяют его силы и его положение, содействовать благу своему и своих ближних. Чтобы скорее достигнуть при этом своей конечной цели, он пользуется опытом предшественников. Он учится.

Учиться помимо этой цели, просто для того, чтобы иметь возможность *пересказать* все, что другие *сделали*, значит заниматься последней из наук. Такой человек так же мало может называться действительно ученым, как каталог – книгой. Быть человеком значит не только знать, но и делать для будущих поколений то же, что предшествовавшие сделали для нас. Неужели я должен проводить жизнь в изучении *истории ученых* только для того, чтобы не открыть снова того, что было уже открыто прежде? Повторяют же умышленно одну и ту же мысль дважды, и никакой беды в этом нет, если она только выражена с новой стороны. Если ты думал сам, то твое открытие того, что раньше открыто, будет все-таки нужно.
Лихтенберг

4

Чтобы достигнуть нравственного совершенства, нужно прежде всего заботиться о душевной чистоте. А душевная чистота достигается в том только случае, когда сердце ищет правды и воля стремится к святости. И все это зависит от *истинного* знания.
Конфуций

5

Если спросят тебя, как узнать пророка, отвечай: это тот, кто дает мне знание о моем собственном сердце.

Персидский Дезатир

6

Когда люди занимаются учением для самих себя, учение это полезно для них; когда же люди делают это для других, чтобы казаться учеными, ученость эта не только бесполезна, но вредна.

Китайская мудрость

7

Люди часто ближе к существенной истине в своих суевериях, чем в своей науке.

Торо

Цель жизни всякого отдельного человека одна: совершенствование в добре. И потому нужны только те знания, которые ведут к этому.

4 МАЯ (Сила мысли)

Всякая мысль, выраженная словами, есть сила, действие которой беспредельно.

1

Можно быть одиноким в своей частной и временной среде, но каждая из наших мыслей и каждое из наших чувств находит, находило и будет находить свой отголосок в человечестве. Для некоторых людей, которых большая часть человечества признает своими вождями и просветителями, отголосок этот огромен и раздаётся с особенной силой; но нет человека, мысли которого не производили бы на других такого же, хотя и во много раз меньшего действия. Всякое искреннее проявление души, всякое заявление личного убеждения служит кому-нибудь или чему-нибудь – даже если не знают об этом и даже когда зажимают вам рот или накидывают мертвую петлю на шею. Слово, сказанное кому-нибудь, сохраняет неразрушимое действие и, как всякое движение, превращается в иные формы, но не уничтожается.

Амиель

2

Добрые правила, исходящие из сердца человека, так же полезны, как хорошие примеры.

Сенека

3

Мысли, которые вы имеете и высказываете, превращаются в конце концов в способность делать добро или зло, которое в своем развитии или росте возвращается к вам же.

Люси Малори

4

Сильные, коротко выраженные мысли много содействуют улучшению жизни.

Цицерон

5

Невинность и детство священны. Сеятель, кидающий семена, отец или мать, которые бросают в душу ребенка плодотворное слово, совершают священное дело и должны бы всегда совершать его религиозно, с

благоговением и молитвой, ибо они трудятся для Царствия Божия. Всякий посев есть дело таинственное: попадает ли семя на земную почву или в души человеческие. Всякий человек подобен земледельцу; вся задача его, если ее хорошо понять, заключается в разработке жизни и рассеивании ее повсюду; таково призвание человечества, и призвание это свято. И слово – его главное орудие.

Мы слишком часто забываем, что слово в одно и то же время – и посев и откровение. Последствия слова, сказанного вовремя, неисчислимы. О, как глубоко значение слова, но мы тупы, потому что мы телесны! Мы видим камни, деревья по сторонам дороги, обстановку наших жилищ, мы видим все, что есть вещество. Но мы не замечаем вереницы невидимых мыслей, которые наполняют воздух и постоянно быют своим крылом вокруг каждого из нас.

Амиель

6

Мысль есть разумная жизненная сила, которая, выходя из человека, делает или дело проклятия, или дело благословения, смотря по своему качеству.

Люси Малори

7

Истина, выраженная словами, есть могущественнейшая сила в жизни людей. Мы не сознаем эту силу только потому, что последствия ее не тотчас обнаруживаются.

Пользуйся добрыми мыслями людей и если не можешь воздать им тем же, то, по крайней мере, не распространяй неясных и потому ложных своих или чужих мыслей.

5 МАЯ (Воспитание)

Основа воспитания – религиозное учение, т. е. объяснение смысла и назначения жизни.

1

Люди считают преступлением ложь перед судом и неблагородными поступками неправдивые слова в общении с равными, но с детьми говорить всякий вздор и всякую ложь считается не только не неправильным, но, напротив, почти необходимым. А как ясно, казалось бы, то, что с детьми-то и надо быть особенно осторожным в том, что говорится им старшими.

2

Религиозное учение как объяснение смысла и назначения жизни, отвечавшее запросам людей тысячу лет тому назад, не может удовлетворить людей нашего времени. А детей прежде всего учат тому, что отвечало требованию людей тысячи лет тому назад, – это ужасная ошибка.

«Если бы только можно было воспитывать детей так, чтобы все неясное оставалось им вполне непонятным!» (Лихтенберг).

Слова эти значат то, что детям не надо внушать, как это обыкновенно делается, что все невероятности суеверия могут иметь основание. Дети, принимая такое суждение, приучаются к неясным полудоказательствам и считают понятным непонятное.

3

О чем мы узнаем слишком много и преждевременно в детском возрасте, из того мы, наверное, не будем знать ничего после и в старости, и человек, любящий основательность, под конец становится софистом своих юношеских заблуждений.

Кант

4

Надо передавать детям только то, что они могут понять так, чтобы, и будучи взрослыми, они ничего не могли бы прибавить к такому пониманию.

5

Будь правдив всегда, и особенно с ребенком. Исполни́й обеща́нное ему, иначе приучи́шь его ко лжи.

Талмуд

6

Хорошо бы исследовать вопрос о том: не вредно ли слишком полировать детей при воспитании? Мы еще недостаточно знаем человека, чтобы не

предоставить выполнение этого случаю, если можно так выразиться. Я уверен, что если бы нашим педагогам удалось достигнуть своей цели, – я хочу сказать: если бы они оказались в состоянии воспитывать детей вполне так, как они хотят этого, – то мы не имели бы более ни одного истинно великого человека. Самому нужному в жизни нас обыкновенно никто не учил.

Избави Бог, чтобы человек, учителем которого является вся природа, сделался бы куском воска, на котором отпечатал бы свой возвышенный образ какой-нибудь профессор.

Лихтенберг

Не говори воспитываемому и в особенности не выдавай за священную, непререкаемую истину того, во что ты или совсем не веришь, или в чем хотя сомневаешься. Поступать так – великое преступление.

Недельное чтение

Воспитание

Каждый человек обладает особенным дарованием и способен выполнить определенную задачу. Нужно постараться открыть в ребенке это особенное дарование и соответственно ему направлять его образование. После общего обучения тем отраслям знания, которые хороши для всех людей, нужно направлять образование на развитие тех особенных дарований, которые в нем найдены. Воспитание – значит питание способностей ребенка, а не создание тех новых способностей, которых в нем нет. Последнее невозможно.

Но одно необходимо для всех детей. Необходимо дать им верное понятие о жизни и о том, что представляет из себя тот мир, в который они посланы для выполнения их человеческой задачи.

Жизнь – долг, задача, посланничество. Ради всего святого не проповедуйте им учений о счастье ни личном, ни общем. Вера в личное счастье сделает ребенка себялюбцем; вера в общее счастье рано или поздно приведет его к тому же. Он будет мечтать о том, чего не может осуществить, и в молодости бороться за это неосуществимое; затем, когда он найдет, что не может скоро осуществить мечты своей души, он сосредоточится на себе и постарается завоевать личное счастье и, таким образом, погрязнет в себялюбии.

Учите его, что жизнь имеет смысл лишь как задача или долг; что счастье, солнце счастья, сияющее путнику, может улыбнуться и ему, и тогда он должен радоваться и благословлять за него Бога; но поиски за счастьем ведут человека только к гибели и, вероятнее всего, к лишению его возможности когда-либо наслаждаться счастьем. Учите его, что совершенствовать себя нравственно и умственно ради совершенствования своих братьев – людей есть его прямая обязанность, что он должен добиваться истины и затем служить ей словом и делом, воплощая ее в жизни бестрепетно и непрестанно, что для определения истины ему даны два руководства: свое собственное сознание, своя совесть и предание, или сознание всего человечества.

Иосиф Мадзини

Из письма о воспитании

В основу всякого воспитания должно стать прежде всего то, что заброшено в наших школах: религиозное понимание жизни, и не столько в форме преподавания, сколько в форме руководящего начала всей воспитательной деятельности. Религиозное понимание жизни, которое, по моему разумению, может и должно стать основой жизни людей нашего времени, выраженное наиболее кратко, будет такое: смысл нашей жизни состоит в исполнении воли того бесконечного начала, которого мы сознаем себя частью; воля же эта – в соединении всего живого и прежде всего людей: в братстве их, в служении друг другу. С другого конца это же религиозное понимание жизни выразится так: дело жизни есть единение со всем живым – прежде всего братство людей, служение друг другу. И это так потому, что мы живы только в той мере, в которой сознаем себя частью всего бесконечного, закон же бесконечного есть это единение. Во всяком случае жизненное проявление религиозного понимания – единение всего, достигаемое любовью, есть прежде всего братство людей: оно – практический, главный закон жизни, и оно-то и должно быть поставлено в основу воспитания, и потому хорошо и должно быть развиваемо в детях все то, что ведет к единению, и подавляемо все, что ведет к обратному.

Дети находятся всегда – и тем более, чем моложе – в том состоянии, которое врачи называют первой степенью внушения. И учатся и воспитываются дети только благодаря этому их состоянию. (Эта их способность ко внушению отдает их в полную власть старших, и потому нельзя быть достаточно внимательным к тому, что и как мы внушаем им.) Так что учатся и воспитываются люди всегда только через внушение, совершающееся двояко: сознательно и бессознательно. Все, чему мы обучаем детей – от молитв и басен до танцев и музыки, – все это сознательное внушение; все то, чему независимо от нашего желания подражают дети – в особенностях в нашей жизни, в наших поступках, – есть бессознательное внушение. Сознательное внушение – это обучение, образование; бессознательное – это пример, воспитание в тесном смысле, или, как я назову, это просвещение. На первое в нашем обществе направлены все усилия; второе же невольно, вследствие того, что наша жизнь дурна, находится в пренебрежении. Люди, воспитатели, или, самое обыкновенное, скрывают свою жизнь и вообще жизнь взрослых от детей, ставя их в исключительные условия (корпуса, институты, пансионы и т. п.), или переводят то, что должно происходить бессознательно, в области сознательного: предписывают нравственные жизненные правила, при которых необходимо прибавлять: *fais ce que je dis, mais ne fais pas ce que je fais* (делай то, что я говорю, но не делай того, что я делаю).

От этого происходит то, что в нашем обществе так несоответственно далеко ушло образование и так не только отстало, но совершенно отсутствует истинное воспитание, или просвещение. Если где оно и есть, то только в бедных рабочих семьях. А между тем из двух сторон воздействия на детей, бессознательного и сознательного, без всякого сравнения важнее и для отдельных личностей, и для общества людей – первое, т. е. бессознательное нравственное просвещение.

Живет какая-нибудь семья банкира, землевладельца, чиновника, художника, писателя богатой жизнью – живет, не пьянствует, не распутничает, не бранясь, не обижая людей, и хочет дать нравственное воспитание детям; но это так же невозможно, как невозможно выучить детей новому языку, не говоря на этом языке и не показывая им книг, написанных на этом языке. Дети будут слушать правила о нравственности, об уважении к людям, но бессознательно будут не только подражать, но и усвоят себе, как правило, то, что одни люди призваны чистить сапоги и платье, носить воду и нечистоты, готовить кушанье, а другие – пачкать платье, горницы, есть кушанья и т. п. Если только серьезно понимать религиозную основу жизни – братство людей, то нельзя не видеть, что люди, живущие на деньги, отобранные от других, и заставляющие этих других за эти деньги служить себе, живут безнравственной жизнью, и никакие проповеди их

не избавят их детей от бессознательного безнравственного внушения, которое или останется в них на всю жизнь, извращая все их суждения о явлениях жизни, или с великими усилиями и трудом будет, после многих страданий и ошибок, разрушено ими.

Итак, воспитание, бессознательное внушение, есть самое важное. Для того же, чтобы оно было хорошее, нравственное, нужно, страшно сказать, чтобы вся жизнь воспитателя была хорошая. Что назвать хорошою жизнью? – спросят. Степеней хорошества бесконечно много, но одна есть общая и главная черта хорошей жизни: это стремление к совершенствованию в любви. Вот это самое, если есть в воспитателях и если этим заразятся дети, то воспитание будет не дурное.

Для того чтобы воспитание детей было успешно, надо, чтобы воспитывающие люди не переставая воспитывали себя, помогали бы друг другу все более и более осуществлять то, к чему стремятся. Средств же для этого, кроме главного – внутреннего, работы каждого человека над своей душой, – может быть очень много. Надо искать их, обдумывать, прилагать, обсуждать...

Все это намеки на одну сторону дела – воспитание. Теперь об образовании. Об образовании я думаю вот что: наука, учение есть не что иное, как передача того, что думали самые умные люди. Умные же люди думали всегда в трех разных направлениях мысли – думали: 1) философски, религиозно о значении своей жизни – религия и философия, 2) опытно, делая выводы из известным образом обставленных наблюдений, – естественные науки: механика, физика, химия, физиология, и 3) думали математически, делая выводы из положений своей мысли: математика и математические науки. Все эти три рода наук – настоящие науки. Нельзя подделаться под знание их, и не может быть полужнания: знаешь или не знаешь. Все эти три рода наук космополитичны, все они не только не разъединяют, но соединяют людей. Все они доступны всем людям и удовлетворяют требованию братства людей. Науки же юридические и специально исторические суть не науки или науки вредные и должны быть исключены. Но, кроме того, что существуют три отрасли наук, существуют и три способа передачи этих знаний. (Пожалуйста, не думайте, что я подгоняю к трем; мне хотелось, чтобы было четыре или десять, но вышло по три.)

Первый способ передачи – самый обычный – слова. Но слова на разных языках, и потому является еще наука – языки, опять соответствующая требованию братства людей (может быть, нужно и преподавание эсперанто, если бы было время и ученики желали бы). Второй способ – это пластическое искусство, рисование или лепка, – наука о том, как для глаза передать то, что знаешь, другому. И третий способ – музыка, пение, – наука, как передать свое настроение, чувство.

Кроме этих шести отраслей преподавания должна быть введена еще седьмая: преподавание мастерства и опять соответствующее требованию братства, т. е. такое, которое всем нужно: слесарное, столярное, плотничное, швейное... Так что преподавание распадается на семь предметов.

Какую часть времени употребить на каждое, кроме обязательного труда для *своего* обслуживания, решит склонность каждого ученика.

Мне представляется так: преподаватели для себя распределяют часы, но ученики вольны приходить или нет. Как ни странно это кажется нам, так уродливо поставившим образование, полная свобода обучения, т. е. чтобы ученик, ученица сами бы приходили учиться, когда хотят, – есть необходимое условие всякого плодотворного обучения, так же как необходимое условие питания есть то, чтобы питающемуся хотелось есть. Разница только в том, что в материальных делах вред отступления от свободы сейчас же проявляется, сейчас же будет рвота или расстройство желудка, в духовных же вредные последствия проявятся не так скоро, может быть через года. Только при полной свободе можно вести лучших учеников до тех пределов, до которых они могут дойти, а не задерживать их ради слабых, а они, лучшие ученики, – самые

нужные. Только при свободе можно избежать обычного явления: вызывания отвращения к предметам, которые, если бы преподавать в свое время и свободно, были бы любимы; только при свободе возможно узнать, к какой специальности какой ученик имеет склонность, только свобода не нарушает воспитательного влияния. А то я буду говорить ученику, что не надо в жизни насилия, а над ним буду совершать самое тяжелое – умственное насилие.

Знаю я, что это трудно, но что же делать, когда поймешь, что всякое отступление от свободы губительно для самого дела образования. Да и не так трудно, когда твердо решишься не делать глупого.

Лев Толстой

6 МАЯ (Вегетарианство)

Сострадание к животным так естественно нам, что мы только привычкой, преданием, внушением можем быть доведены до безжалостности к страданию и смерти животных.

1

Сострадание к животным так тесно связано с добротой характера, что можно с уверенностью утверждать, что не может быть добрым человеком тот, кто жесток с животными. Сострадание к животным проистекает из одного источника с добрым отношением к человеку. Так, например, человек чуткий при напоминании, что он, находясь в скверном расположении духа, в гневе, или разгорячившись от вина, побил свою собаку, лошадь, обезьяну – незаслуженно, или напрасно, или чересчур больно, – почувствует такое же недовольство собой, как и при напоминании об обиде, нанесенной человеку, которое мы в этом случае называем карающим голосом совести.

Шопенгауэр

2

Бойтесь Бога, не мучьте животных. Пользуйтесь ими, пока они служат охотно, и отпускайте их, когда они устали, и давайте вволю пищи и питья бессловесным.

Магомет

3

Мясная пища не может быть добыта без вреда животным, а убийство животных затрудняет путь к блаженству. Пусть поэтому человек воздерживается от мясоедения.

Из браминского закона Ману

4

Не потому человек выше других животных, что он может бессердечно мучить их, но потому, что он жалеет их.

Буддийская мудрость¹⁸

¹⁸ Дхаммапада

5

Не позволяй своим детям убивать насекомых: с этого начинается
человекоубийство.

Пифагор

Те радости, которые дает человеку чувство жалости и сострадания к животным, окупают
ему во много раз те удовольствия, которых он лишится отказом от охоты и употребления мяса.

7 МАЯ (Все в себе)

Ошибается человек, надеющийся найти благо вне себя как в этой жизни, так и в будущей.

1

Я обошел всю землю, отыскивая руководящий свет. Я без отдыха искал его и днем и ночью, и наконец, я услышал проповедника, который открыл мне истину. Проповедник этот был в моей душе, и тот свет, который я искал по всему миру, был во мне.

Суфийская мудрость

2

Мы являемся и собственными спасителями, и собственными губителями. Ничто внешнее человеку не может причинить ему зла. Если он живет по законам своего бытия, то никакое зло не заденет его даже среди разрушения вещества и гибели миров.

Люси Малори

3

Христос стремится к преобразованию внутреннего человека противно тому, что делают фарисеи, которые заняты только внешностью. Он упрекает их в том, что они уничтожили своими преданиями заповедь Божию. Когда дух жизни оставляет тех, которые берут на себя поучение людей, когда учреждения теряют свою первую силу и ослабевают, совершаются две вещи: увеличиваются, усложняются обычаи внешнего богопочитания, и им приписывают воображаемую действительность, уверяя людей, что внешнее богопочитание заменяет действительную добродетель и освобождает от исполнения настоящего закона. И тогда среди обществ, подверженных такому бедственному учению, образуется как бы *ложная совесть*. Целые народы, часто с большим рвением, соблюдают отвлеченную веру и вместе с тем спокойно коснеют в пренебрежении самых священных обязанностей и в развращении, захватывающем всю их жизнь. Они моют руки перед тем, как есть телесный хлеб, очищают медные сосуды, не заботясь об очищении души. Сердце заброшено, а из сердца исходят кучей те страшные грехи, которые перечисляет Иисус. Иисус говорит напротив того: «Спуститесь в сердце свое, чтобы из него вырвать корни всего дурного. Внешнее не важно. И добро и зло во внутреннем». Вот чему учит Христос. Кто же учит другому, тот учит не как Христос, тот не ученик Христа, тот злоупотребляет именем Христа, чтобы обманывать людей; он из тех лжепророков, о которых сказал сам Христос: «Берегитесь тех, которые придут к вам в овечьей шкуре, а внутри волки»

хищные». И еще: «Все те, которые говорят: Господи, Господи, которые молятся языком, а желаниями своими пребывают во зле, не войдут в царство небесное». *Ламенэ*

4

В судьбе нет случайностей; человек создает, а не встречает свою судьбу.
Вильмен

5

Сам совершаешь грех, сам замышляешь зло, сам убегаешь от греха, сам очищаешь помыслы, сам собой ты порочен или чист, другому не спасти тебя. *Дхаммапада*

6

Тело твоё – это город, полный добра и зла. Ты – султан, а разум – твой великий визирь. *Сейф Мулук*

7

Счастье и несчастье человека – не в собственности и не в золоте; счастье и несчастье – в его душе.

Не тот добр, кто не делает несправедливостей, а тот, кто не чувствует ни малейшей охоты к этому.

Мудрый чувствует себя как дома в каждой стране; отечеством для благородной души служит вся вселенная.

Демокрит Абдерский

Ничто так не ослабляет силы человека, как надежда в чем-либо, кроме своего усилия, найти спасение и благо.

8 МАЯ (Смирение)

Нет ничего привлекательнее смирения с добротой. Но надо искать его: оно не выставляется.

1

Ахав сказал человеку, который шел за ним, ругая его: «Если тебе есть еще что сказать против меня, то говори это прежде, чем мы войдем в город, а то другие услышат и нападут на тебя».

Египетская мудрость

2

Был же и спор между ними, кто из них должен почитаться большим. Он же сказал им: цари господствуют над народами, и владеющие ими благодетелями называются; а вы не так: но кто из вас больше, будь как меньший, и начальствующий, как служащий. Ибо кто больше: возлежащий или служащий? Не возлежащий ли? А Я посреди вас, как служащий.

Лк. гл. 22, ст. 24—27

3

Однажды зимой Франциск шел с братом Львом из Перузы к Порционкюлю; было так холодно, что они дрожали от стужи. Франциск позвал брата Льва, который шел впереди, и сказал ему: «О брат Лев, дай Бог, чтобы наши братья подавали по всей земле пример святой жизни; запиши, однако, что не в этом радость совершенная».

Пройдя немного далее, Франциск опять позвал брата Льва: «И запиши еще, брат Лев, что если наши братья будут исцелять больных, изгонять бесов, будут делать слепых зрячими или будут воскрешать четырехдневноумерших, — запиши, что и в этом не будет радости совершенной».

И, пройдя еще далее, Франциск сказал Льву: «Запиши еще, брат Лев, что если бы наши братья знали все языки, все науки и все писания, если бы они пророчествовали не только про будущее, но знали бы все тайны совести и души, — запиши, что и в этом нет радости совершенной».

Пройдя еще далее, Франциск опять позвал Льва и сказал: «И еще запиши, брат Лев, овечка Божия, что если бы мы научились говорить на языках ангельских, если бы мы узнали течение звезд и если бы нам открылись все клады земли, и мы познали бы все тайны жизни птиц, рыб, всех животных, людей, деревьев, камней и вод, — запиши, что и это не было бы радостью совершенною».

И, пройдя еще немного, Франциск опять позвал брата Льва и сказал ему: «Запиши еще, что если бы мы были такими проповедниками, что обратили бы всех язычников в веру Христа, — запиши, что и в этом не было бы радости совершенной».

Тогда брат Лев сказал Франциску: «В чем же, брат Франциск, радость совершенная?»

И Франциск отвечал: «А вот в чем: в том, что если, когда мы придем в Порционкюль грязные, мокрые, ооченелые от холода и голодные и попросимся пустить нас, а привратник

скажет нам: „Что вы, бродяги, шатаетесь по свету, соблазняете народ, крадете милостыню бедных людей, убирайтесь отсюда!“ – и не отворит нам. И если мы тогда не обидимся и со смирением и любовью подумаем, что привратник прав, что сам Бог внушил ему так поступить с нами, и мокрые, холодные и голодные пробудем в снегу и в воде до утра без ропота на привратника, тогда, брат Лев, только тогда будет радость совершенная».

4

То, что реки и моря властвуют над теми долинами, по которым текут, происходит оттого, что они ниже их.

Поэтому святой человек, если он хочет быть выше народа, должен стать ниже его. Если он хочет руководить им, то должен быть позади него.

Поэтому святой человек если и стоит выше народа, народ не чувствует этого. Если стоит и впереди народа, народ не видит этого и не страдает от этого. Он не спорит ни с кем, никто в мире не спорит с ним. От этого-то мир не переставая и восхваляет его.

Лао-Тсе

5

Мудрецу сказали о том, что его считают дурным человеком. Он отвечал: «Хорошо еще, что они не все знают про меня, они бы еще не то сказали».

Избегай суждения о себе и главное сравнения себя с другими. Сравнивай себя только с совершенством.

9 МАЯ (Усилие)

Жизнь есть непрестающее изменение: ослабление плотской и усиление, увеличение духовной жизни.

1

Борьба с собой и насилие над собой не могут не быть вследствие наших прежних грехов; но это насилие над собой – любовное, законное. Мать вырывает ребенка своего из пасти зверя. Ребенку больно, но он, конечно, должен приписать свое страдание не матери своей, спасающей его, а зверю, желающему удержать его. Так же точно и человек должен относиться к борьбе добра со злом: добро, как мать, вырывает нашу душу от зла, и хотя борьба эта и мучительна для нас, но она необходима и дает нам благо. Плохо было бы для нас, если бы не было этой борьбы. Без нее мы не могли бы быть добры.

Паскаль

2

По мере того как свет увеличивается в нас, мы видим себя худшими, чем мы прежде думали. Мы удивляемся на свою прежнюю слепоту по мере того, как видим выступающий из нашего сердца целый рой постыдных чувствований. Мы никогда не воображали, что могли хранить в себе такие гадости, и с ужасом смотрим на их появление. Но не надо ни удивляться, ни отчаиваться. Мы не стали хуже, чем были, напротив.

Фенелон

3

Пока живешь – поучайся. Не жди, чтоб старость принесла с собой мудрость.

Солон

4

Нам нужно главным образом освободиться от нелепой мысли, будто Небо исправит со временем наши крупные ошибки. Если вы неряшливо готовите какое-нибудь кушанье, то вы не рассчитываете, что Провидение сделает его вкусным; и точно так же, если вы в течение целого ряда безумных лет ложно направляли свою жизнь, то не должны ожидать, что Божественное вмешательство направит и устроит вас к лучшему.

Джон Рёскин

5

Добродетель всегда двигается вперед и все-таки всегда начинается сначала.
Кант

6

Доброта голубя – не добродетель. Голубь не добродетельнее волка. Добродетель и ее степени начинаются только тогда, когда начинается усилие.

7

Если бы Богу было угодно, он бы сделал всех нас одним народом, но он испытывает нас.

Где бы вы ни были, все стремитесь изо всех сил к добру: придет день, когда Бог соединит всех вас.

Коран

Нельзя останавливаться на пути самосовершенствования. *Как только ты почувствуешь больший интерес к внешнему миру, чем к своей душе, знай, что ты остановился; мир движется мимо тебя, а ты стоишь.*

10 МАЯ (Дух)

Действительно существует только духовное. Все телесное есть только видимость.

1

Никто не может служить двум господам: ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить, или одному станет усердствовать, а о другом не радеть. Не можете служить Богу и мамоне.

Мф. гл. 6, ст. 24

Два господина эти: душа и тело.

2

Нельзя заботиться зараз и о душе своей, и о мирских благах. Если хочешь мирских благ, откажись от души; если хочешь уберечь свою душу, отрекись от мирских благ. Иначе ты будешь постоянно раздваиваться и не получишь ни того ни другого.

Эпиктет

3

Если люди думают, что существует только то, что они могут осязать руками, то такие люди еще очень невежественны.

Платон

4

Человек может жить двояко: истинной (внутренней) жизнью или жизнью ложной, призрачной (внешней). Под внутренней жизнью я понимаю ту жизнь, когда человек уже не живет одними впечатлениями, но когда сквозь все видит одну пристань и берег – Бога и во имя Его стремится и спешит употребить в дело данный ему талант, а не зарыть его в землю, – зная, что не для своих удовольствий дана ему жизнь.

Гоголь

5

Чувство долга заставляет нас чувствовать действительность вещественного мира и участвовать в его жизни и вместе с тем отрывает нас от него и показывает нам его недействительность.

По Амиелю

6

Действительно только то, что невидимо, неосознано, что духовно и что мы познаем в себе и собою. Все же видимое, осознано есть произведение наших чувств и потому только кажущееся.

7

Есть учения тела и учения духа. Берегитесь первых, они ведут народы к рабству. Кто трудится лишь для тела, тот кует себе кандалы, в которые он скоро будет закован. Горе тому, кто живет чувственной жизнью, забывая о жизни духа, будь то человек или целый народ, который пал настолько, что весь погрузился в интересы плоти и этими интересами питается, откармливается – готовит пир червям. Лишь учения духа дают свободу, жизнь, спасение; ими одними то, что было уже мертво, возрождается вновь к жизни. Слушайте же голос духа вы, которые хотите возродиться, которые хотите выйти из могилы старого мира, полного гнили и костей. Откуда этот голос приходит, никто не знает, ибо это не голос чего-либо известного. Этот голос не услышишь с кафедр, не услышишь в общественных собраниях, где люди собираются слушать пустые слова безразличного учения. Он – как дуновение из пустыни, о котором никто не может сказать: здесь это дуновение зародилось или там. Докуда дойдет этот голос – неизвестно; сегодня он здесь, а завтра там, всюду, где находит уши внимательные и сердца приготовленные. И неизвестно, до каких пределов доведет он тех, кто скажет этому голосу: руководи мною.

Ламенэ

8

В сущности, есть только один предмет изучения: это разные виды и превращения духа. Все другие предметы сводятся к этому же; все другие изучения сводятся к тому же.

Амиель

9

Я могу послать свои мысли к разным людям; они пересекут моря и овладеют всеми землями, если только в них будет божественная сила любви и мудрости. Мои мысли суть духовные части моего я и, следовательно, могут находиться в тысячах мест сразу, в то время как мое тело во всякий данный момент может находиться только в одном каком-либо месте.

Люси Малори

10

Природа несправедлива. Если мы – произведение природы, то почему же мы недовольны несправедливостью природы? Почему следствие восстает против причины? Происходит ли это возмущение от пустого и детского тщеславия? Нет, это крик, вырвавшийся из глубины нашего существа, признающего себя независимым от природы и требующего во что бы то ни стало справедливости! Небо и земля могут уничтожиться, но добро должно существовать, и несправедливость должна быть уничтожена. Таково сознание всего человечества. Дух не зависит от природы.

По Амиелю

Нам всегда кажется, что самое ясное, понятное, самое действительно существующее – это все телесное, познаваемое нашими чувствами, а между тем это-то и есть самое неясное, непонятное, противоречивое и недействительное.

11 МАЯ (Идеал)

Совершенство так далеко от нас, что, как ни различны наши жизни, расстояние наше от совершенства одинаково для всех нас.

1

Тот, кто не имеет представления о совершенстве, довольствуется тем, что есть, не спорит с действительностью, которая становится для него тождественной со справедливостью, с благом, с красотой. Для такого человека нет движения, нет жизни.

По Амиелю

2

Двигающая сила во всех совершенствованиях как личностей, так и народов не есть знание того, что есть, а представление того, что может быть.

Мартино

3

«Человек слаб, надо дать задачу по силам», – говорят люди. Это все равно что сказать: руки мои слабы, и я не могу провести линию, которая была бы кратчайшая между двумя точками; поэтому я, чтобы облегчить себя, желая проводить прямую, возьму за образец кривую или ломаную.

Чем слабее моя рука, тем совершеннее мне нужен образец.

4

«Будьте совершенны, как Отец ваш Небесный».

Совершенство Бога, т. е. совершенство высшего добра всех, есть то, к чему стремится все человечество.

5

Христианское учение о совершенстве есть то единое учение, которое может руководить человечеством.

Нельзя, не должно заменять данное в учении Христа представление о совершенстве внешними правилами, а надо твердо держать это представление перед собой во всей чистоте его и, главное, верить в него.

Плавающему недалеко от берега можно говорить: держись того возвышения, мыса, берега и т. п. Но когда пловцы удалились от берега, руководством им должны и могут служить только недостижимые светила и компас, показывающий направление. И то и другое дано нам.

Как бы ни пал человек, он всегда может видеть то совершенство, к которому он может идти.

12 МАЯ (Смерть)

Жизнь есть непрерывающееся приближение к смерти, и потому жизнь может быть благом только тогда, когда смерть не представляется злом.

1

Дней лет наших – семьдесят лет, а при большей крепости – восемьдесят лет; и самая лучшая пора их – труд и болезнь, ибо проходит быстро, и мы летим.

Пс. 89, ст. 10

2

Когда мы во всей силе здоровья и ума, мы думаем о людях и о самых ничтожных заботах, а не о Боге: точно как будто приличия и обычай требуют того, чтобы мы думали о Боге только в таком состоянии, когда у нас остается разума лишь настолько, чтобы признаться, что мы уже не владем им.

Лабрюйер

3

Представьте себе толпу людей в цепях. Все они приговорены к смерти, и каждый день одни из них умерщвляются на глазах у других. Остающиеся, видя этих умирающих и ожидающих своей очереди, видят свою собственную участь.

Как надо жить людям, когда они в таком положении? Неужели заниматься тем, чтобы бить, мучить, убивать друг друга? Самые злые разбойники в таком положении не будут делать зла друг другу. А между тем все люди находятся в этом положении – и что же они делают?

По Паскалю

4

Мы видим, как человек, занимающий важное место, падает и скоропостижно умирает; как другой заметно, понемногу тает, каждый день ослабевая, и наконец потухает. Такие поразительные события остаются незамеченными, никого не затрагивая. Люди не обращают на них больше внимания, чем на цветок, который вянет, или на падающий лист. Они завидуют оставшимся местам или осведомляются, заняты ли они и кем.

Лабрюйер

5

«Здесь я буду обитать во время дождей, там я поселюсь летом». Так мечтает безумец и не помышляет о смерти, а она внезапно приходит и уносит человека озабоченного, корыстного, рассеянного.

Ни сын, ни отец, ни родные и близкие – никто не поможет нам, когда поразит нас смерть; благой и мудрый, ясно сознавши смысл этого, расчищает путь, ведущий к успокоению.

Буддийская мудрость

6

Человек приходит в мир со сжатыми ладонями и как бы говорит: весь мир мой, а уходит из него с открытыми ладонями и как бы говорит: смотрите, ничего не беру с собой.

Талмуд

7

И сказал Христос притчу: у одного богатого человека был хороший урожай в поле; и он рассуждал сам с собой: что мне делать? некуда мне собрать плодов моих. И сказал: вот что сделаю: сломаю житницы мои и построю большие и соберу туда весь хлеб мой и все добро мое и скажу душе моей: душа! много добра лежит у тебя на многие годы; покойся, ешь, пей, веселись. Но Бог сказал ему: безумный! в сию ночь душу твою возьмут у тебя; кому же достанется то, что ты заготовил?

Лк. гл. 12, ст. 16—20

8

«Мне принадлежат эти сыновья, мне принадлежат эти богатства» – вот мысли безумца. Как могут сыновья и богатства принадлежать ему, когда он сам не принадлежит себе?

Буддийская мудрость

9

Мы беззаботно стремимся в пропасть, держа перед собою заслон, чтобы не видеть ее.

Паскаль

10

Живи так, как будто ты сейчас должен проститься с жизнью, как будто время, оставленное тебе, есть неожиданный подарок.
Марк Аврелий

11

Вся твоя жизнь — это крошечная частица бесконечного времени. Так смотри же сделай из нее все, что возможно.
Саид бен Хамед

Помни, что ты не живешь в мире, а проходишь через него.

Недельное чтение

Смерть в госпитале

И вот теперь, как я пишу это, ярко припоминается мне один умирающий, чахоточный, тот самый Михайлов, который лежал почти против меня. Самого Михайлова, впрочем, я мало знал. Это был еще очень молодой человек, лет двадцати пяти, не более, высокий, тонкий и чрезвычайно благообразной наружности. Он жил в особом отделении и был до странности молчалив, всегда как-то тихо, как-то спокойно-грустный. Точно он «засыхал» в остроге.

Так по крайней мере о нем потом выражались арестанты, между которыми он оставил о себе хорошую память. Вспоминаю только, что у него были прекрасные глаза. Он умер часа в три пополудни, в морозный и ясный день. Помню, солнце так и пронизывало крепкими, косыми лучами зеленые, слегка подмерзшие стекла в окнах нашей палаты. Целый поток их лился на несчастного. Умер он не в памяти и тяжело, долго отходил, несколько часов сряду. Еще с утра глаза его уже начинали не узнавать подходивших к нему. Его хотели как-нибудь облегчить, видели, что ему очень тяжело; дышал он трудно, глубоко, с хрипением; грудь его высоко подымалась, точно ему воздуха было мало. Он сбил с себя одеяло, всю одежду и, наконец, начал срывать с себя рубашку. Страшно было смотреть на это длинное-длинное тело, с высохшими до кости ногами и руками, с опавшим животом, с поднятою грудью, с ребрами, отчетливо рисовавшимися, точно у скелета. На всем теле его остались один только деревянный крест с ладонкой и кандалы, в которые, кажется, он бы теперь мог продеть иссохшую ногу. За полчаса до смерти его все у нас как будто притихли, стали разговаривать чуть не шепотом. Кто ходил, ступал как-то неслышно. Разговаривали меж собой мало, о вещах посторонних, изредка только взглядывали на умиравшего, который хрипел все более и более. Наконец он блуждающей и нетвердой рукой нащупал на груди свою ладонку и начал рвать ее с себя, точно и та была ему в тягость, беспокоила, давила его. Сняли и ладонку. Минут через десять он умер. Стукнули в дверь караульному, дали знать. Вошел сторож, тупо посмотрел на мертвеца и отправился к фельдшеру. Фельдшер, молодой и добрый малый, явился скоро; быстрыми шагами, ступая громко по притихшей палате, подошел к покойнику и с каким-то особенно развязным видом взял его за пульс, пощупал, махнул рукою и вышел. Тотчас же отправились дать знать караулу: преступник был важный, особого отделения; его и за мертвого-то признать надо было с особыми церемониями.

В ожидании караульных кто-то из арестантов тихим голосом подал мысль, что не худо бы закрыть покойнику глаза. Другой внимательно его выслушал, молча подошел к мертвецу и закрыл глаза. Увидев тут же лежавший на подушке крест, взял его, осмотрел и молча надел его опять Михайлову на шею, надел и перекрестился. Между тем мертвое лицо костенело; луч света играл на нем, рот был полураскрыт; два ряда белых молодых зубов сверкали из-под тонких, прилипших к деснам губ. Наконец вошел караульный унтер-офицер при тесаке и в каске, за ним два сторожа. Он подходил, все более и более замедляя шаги, с недоумением посматривая на затихших и со всех сторон сурово глядевших на него арестантов. Подойдя на шаг к мертвецу, он остановился как вкопанный, точно оробел. Совершенно обнаженный, иссохший труп, в одних кандалах, поразил его, и он вдруг отстегнул чешую, снял каску, чего вовсе не требовалось, и широко перекрестился. Это было суровое, седое, служилое лицо. Помню, в это же самое мгновение тут же стоял Чекунов, тоже седой старик. Все время он молча и пристально смотрел в лицо унтер-офицера, прямо в упор, и с каким-то странным вниманием вглядывался в каждый жест его. Но глаза их встретились, и у Чекунова вдруг отчего-то дрогнула нижняя

губа. Он как-то странно скривил ее, оскалил зубы и быстро, точно нечаянно, кивнув унтер-офицеру на мертвеца, проговорил:

– Тоже ведь мать была! – и пошел прочь.

Но вот труп стали поднимать, подняли вместе с койкой; солома захрустела, кандалы звонко, среди всеобщей тишины, брякнули об пол... Их подобрали. Тело понесли. Вдруг все громко заговорили. Слышно было, как унтер-офицер, уже в коридоре, посылал кого-то за кузнецом. Следовало расковать мертвеца...

Достоевский (из «Записок из Мертвого дома»)

13 МАЯ (Все в себе)

Каждому человеку самому надо решить для себя вопросы о смысле жизни и смерти.

1

Мудрый человек требует всего только от себя; ничтожный же человек требует всего от других.

Китайская мудрость

2

Душа не учится; она только вспоминает то, что она всегда знала.

Дауд ель Гаффир

3

Мудрый человек всегда находит себе помощь во всем, потому что дар его состоит в том, чтобы извлекать добро из всего.

Джон Рёскин

4

Политическая победа, увеличение дохода, выздоровление ваших больных, возвращение отсутствующих друзей или что-нибудь еще в том же роде благоприятное поднимает ваш дух, и вы думаете, что настанут для вас лучшие дни. Не верьте этому. Ничто не принесет вам мира, кроме вас самих.

Эмерсон

5

Тщетно будете вы искать во внешнем мире ответов на вопросы, касающиеся назначения жизни. Ответы на все ваши вопросы находятся внутри вас, но лишь в зародышах. Вы должны вырастить ваши ответы хорошей жизнью. Это единственный путь к мудрости.

Люси Малори

6

Горе тому, кто ищет товарища, потому что верный товарищ – только он сам, ищущий же не может быть верным товарищем сам себе.

Торо

7

Истина заученная только прилипает к нам, как искусственный член, вставной зуб, восковой нос и самое большее – как нос из чужой кожи. Истина же, приобретенная собственным мышлением, подобна настоящему члену тела; только она одна действительно принадлежит нам.

Шопенгауэр

Если на вопросы о жизни и смерти человек принимает ответы других, прежде живших, мудрых людей, то все-таки выбор и признание этих ответов зависит от него самого.

14 МАЯ (Божественная природа души)

Сознание божественности души дает бесстрашие перед всеми бедствиями жизни.

1

Мы знаем, что душа божественна. Не могу сказать, соберутся ли опять в телесной оболочке те удивительные свойства, которые живут во мне теперь; также не могу сказать о том, имели ли они прежде своего появления здесь такую же естественную историю, как то тело, которое я вижу перед собою; но одно я знаю верно, что свойства эти не начинали существовать, не могут быть больны вместе с болезнью моего тела, не могут быть похоронены ни в каком гробу, но что они были прежде, чем был мир. И это дает мне веру, мужество и надежду.

Душа все знает. Никакое сообщение не может удивить ее. Ничто не может быть больше ее. Пусть боится, кто хочет. Душа живет в своем прирожденном царстве, она пространнее пространства и старее времени.

Эмерсон

2

Бог живет во всех людях, но не все люди живут в Боге. В этом причина страданий людей.

Как лампа не может гореть без огня, так не может человек жить без Бога.

Браминская мудрость¹⁹

3

Ты боишься, что тебя будут презирать за твою кротость, но люди справедливые не могут презирать тебя за это, а до других людей тебе дела нет, – не обращай внимания на их суждения. Не станет же искусный столяр огорчаться тем, что человек, ничего не понимающий в столярном деле, не одобряет его хорошей работы.

Не думай, что злые люди могут повредить тебе. Разве может кто-нибудь повредить твоей душе? Так чем же ты смущаешься?

Я смеюсь про себя над теми, которые думают, что они могут повредить мне: они не знают, ни кто я, ни того, в чем я полагаю добро и зло; они не знают, что они не могут даже прикоснуться до того, что есть воистину мое и чем одним я живу.

Эпиктет

¹⁹ Рамакришна

4

Все вещи мира принадлежат мне; творение и разрушение происходят по моей воле; мир только скорлупа, я его ядро, как же мне бояться того, что прах вернется к праху? Я не прах. Покорись Богу и живи в мире.
Персидская мудрость

5

Разум спрашивает, как и почему? Любовь говорит: я – любовь. И, не отвечая на вопрос, вполне удовлетворяет спрашивающего.

Не бойся никого и ничего. То, что в тебе самое дорогое, не может пострадать ни от кого и ни от чего.

15 МАЯ (Истина)

Правдивость не есть добродетель, но признак отсутствия пороков.

1

Истине никогда не вредила насмешка, но рост истины останавливается в насмехающемся.

Люси Малори

2

Самая обычная и распространенная причина лжи есть желание обмануть не людей, а самого себя. Эта же ложь и самая вредная.

3

Тысячи путей ведут к заблуждению; к истине – только один.

Руссо

4

Нет несчастья хуже того, когда человек начинает бояться истины, чтобы она не обличила его.

5

Только одна самоочевидная правда должна осуществляться людьми.

Конфуций

6

Нельзя утверждать никакой неправды, не присочинив для нее еще другой неправды.

Лессинг

7

Как, кажется, легко говорить правду, а как много нужно внутренней работы, чтобы достигнуть этого.

Степень правдивости человека есть указатель степени его нравственного совершенства.

8

Правдивость – единственная монета, которой везде ход.

Китайская пословица

9

Будем правдивы. В этом тайна красноречия и добродетели, в этом нравственное влияние, в этом высшее правило искусства и жизни.

Амиель

Очень обычная ошибка думать, что есть такие дела, в которых можно отступить от правды. Последствия, и внутренние и внешние, всякой самой малой неправды во много раз вреднее той неловкости, неприятности, которая может произойти от высказывания правды.

16 МАЯ (Вера)

Без религии никогда не жило и не может жить человечество.

1

Ученые люди нашего времени решили, что религия не нужна, что наука заменит или уже заменила ее, а между тем, как прежде, так и теперь, без религии никогда не жило и не может жить ни одно человеческое общество, ни один *разумный человек* (я говорю разумный человек – неразумный же человек, так же как и животное, может жить и без религии).

А не может жить без религии разумный человек потому, что религия дает разумному человеку понимание своего отношения к бесконечному миру, среди которого он живет, и вытекающее из этого понимания руководство в его поступках.

Пчела, собирающая корм, не может иметь никаких сомнений о том, хорошо или дурно собирать его. Но человек, собирая жатву или плоды, не может не думать о том, не уничтожает ли он на будущее время произрастания хлеба или плодов, и о том, не отнимает ли он этим собиранием пищу у ближних. Не может не думать он и о том, что будет из тех детей, которых он кормит, и многое другое. Самые важные вопросы поведения в жизни не могут разумным человеком быть решены окончательно именно по обилию последствий, которых он не может не видеть. Всякий разумный человек, если не знает, то чувствует, что в самых важных вопросах жизни ему нельзя руководствоваться ни личными побуждениями чувств, ни соображениями о ближайших последствиях его деятельности, потому что последствий этих он видит слишком много различных и часто противоречивых, т. е. таких, которые также, вероятно, могут быть благодетельны или зловредны как для него, так и для других людей.

Поэтому разумный человек не может удовлетвориться теми соображениями, которые руководят поступками животных. Человек может рассматривать себя как животное среди животных, живущих сегодняшним днем; он может рассматривать себя и как члена семьи, и как члена общества, народа, живущего веками; может и даже непременно должен (потому что к этому неудержимо влечет его разум) рассматривать себя как часть всего бесконечного мира, живущего бесконечное время. И потому разумный человек должен был устанавливать и всегда устанавливал, кроме отношения к ближайшим явлениям жизни, свое отношение ко всему бесконечному по времени и пространству миру, понимая его как одно целое. И такое установление отношения человека к тому целому, которого он чувствует себя частью и из которого он выводит руководство в своих поступках, и есть то, что называлось и называется религией.

И потому религия всегда была и не может перестать быть необходимостью и неустраняемым условием жизни разумного человека и разумного человечества.

2

Чем сильнее в человеке религиозное чувство, тем яснее бывает представление того, что должно быть, и тем определеннее руководство поступков.

Не имеющие или в малой степени имеющие это чувство руководятся, напротив, тем, что было, – прошедшим, преданием, и их-то, этих людей, толпа называет религиозными. Человек же истинно религиозный пренебрегает прошедшим и, руководясь только тем, что должно быть, часто представляется толпе безбожником.

3

То, что видишь часто людей, жертвующих всем, даже жизнью, ради суеверий: дуэли, война, самоубийства, а редко таких, которые отдавали бы жизнь за истину, происходит оттого, что можно без убеждения легко отдать жизнь под влиянием внушения, производимого одобрением толпы, и очень трудно быть настолько твердо убежденным в истине, чтобы быть готовым умереть за нее в несогласии с толпою.

4

Достаточно заткнуть себе уши в зале, где танцуют, чтобы вообразить себя в доме сумасшедших. На человека, уничтожившего в себе религиозное сознание, все религиозные поступки человечества должны производить такое же впечатление. Но опасно ставить себя вне закона человеческого рода и считать себя правее всех остальных людей.

Амиель

5

Часто говорят, что религия утратила свою власть над людьми. Но этого нет и не может быть. Это происходит оттого, что люди, думающие так, наблюдают только известный класс людей, лишенный религиозного чувства.

Если человек живет бедственно, то причина всегда одна: отсутствие веры; то же и с обществом людей.

17 МАЯ (Юродство)

*Радость совершенная, по словам Франциска Ассизского, в том, чтобы перенести неза-
служенный укор, потерпеть от него телесное страдание и не испытать враждебности к при-
чине укора и страдания, радость в сознании настоящей веры и любви, такой, какую не может
нарушить ни зло людей, ни свои страдания.*

1

Смотрите не творите милостыни вашей перед людьми, с тем чтобы они
видели вас, иначе не будет вам награды от Отца вашего Небесного. Итак,
когда творишь милостыню, не труби перед собой, как делают лицемеры в
синагогах и на улицах, чтобы прославляли их люди. Истинно говорю вам: они
уже получают награду свою.

Мф. гл. 6, ст. 1—2

2

Выше всего то, когда тебя осуждают за доброе дело и ты не огорчаешься,
а радуешься.

По Марку Аврелию

3

Быть неизвестным людям или не понимаемым ими и не печалиться об
этом — есть свойство истинно добродетельного человека.

Китайская мудрость

4

Ругают, осуждают — радуйся; хвалят, одобряют — бойся, огорчайся.

5

Клевета, ложное дурное мнение, от которого нельзя оправдаться, есть лучшая школа
добра.

6

Хорошо приучить себя к тому, чтобы, встречаясь с людьми, ожидать и ждать от них (для
испытания себя, для уничтожения своей гордости) не одобрения и похвалы, а, напротив, уни-
жения, оскорбления и превратного о тебе мнения.

То, что называется юродством, т. е. поведением, вызывающим осуждение и нападки людей, несправедливо в той мере, в которой оно вызывает дурные поступки людей, но понятно и желательно, как единственная поверка своей любви к Богу и ближнему.

18 МАЯ (Божественная природа души)

Нельзя сказать, что сознание божественности своей души дает могущество. Сознание это поднимает человека в ту область, в которой нет уже понятия силы и слабости, следовательно – могущества.

1

Небо ближе, чем земля, к людям, очистившим свои души и свободным от сомнения.

Даже те, которые имеют все то знание, которое можно получить от пяти чувств, не найдут в нем выгоды, если они не знают истинную природу вещей.

Истинное знание относительно всякой вещи есть понимание о том, что в этой вещи есть истинное существо.

Индийский Курал

2

Пусть не думают, что для души есть другое рождение помимо познания истинного существа.

Те, кто вступил на этот путь, уже не возвращаются.

Индийский Курал

3

Человек есть существо могущественное, и тот, кто сознает могущество своей души и знает, что он слабеет, когда ищет силу вне себя, – тот, обуздав тело и дух, делается истинным властелином, идет прямо и совершает чудеса. Он похож на человека, который, стоя на своих ногах, естественно, сильнее упавшего на землю. Эмерсон

4

У тебя спросят: почему ты знаешь Бога? Отвечай: потому что Он в моем сердце. Если бы это была неправда, люди были бы совершенно беспомощны. Смотри на Самосущего не этими твоими глазами, а глазами твоего сердца. Разве может знать Бога тот, кто не знает сам себя? Истинное самосознание есть знание Бога.

Персидская мудрость

5

Кто может тебе сделать что-нибудь дурное и кто может быть могущественнее тебя, когда ты соединишься с Богом? И ты можешь сделать это.

6

Одно мы знаем или можем знать, если захотим, а именно, что сердце и совесть человека божественны, что в отрицании зла и признании добра человек сам является воплощенным божеством, что его радость в любви, его страдания в гневе, его негодование при виде несправедливости, его слава в самопожертвовании являются вечными, неоспоримыми доказательствами его единства с верховным Властелином.

Джон Рёскин

Человек, признающий божественность своей души и живущий ею, имеет все то, чего может желать для своего блага.

19 МАЯ (Закон)

Основа всех вер одна и та же.

1

Одно есть несомненное проявление Божества – это законы добра, которые человек чувствует в себе и в признании которых он не то что соединяется, а волею-неволею соединен с другими людьми.

2

Только кажется, что человечество занято торговлей, договорами, войнами, науками, искусствами; одно дело только для него важно и одно только дело оно делает – оно уясняет себе те нравственные законы, которыми оно живет. И это уяснение нравственного закона есть не только главное, но единственное дело всего человечества.

3

Мудреца спросили: есть ли такое слово, которое можно было бы исполнять для своего блага до конца жизни?

Мудрец сказал: есть слово *шу*; смысл этого слова такой: чего мы не хотим, что бы нам делали, не надо делать другим.

Китайская мудрость

4

«Заповедь эта, которую Я заповедую тебе сегодня, не недоступна для тебя и не далека. Не на небе она, чтобы можно было сказать: кто взойдет бы для нас на небо, и достал ее нам, и возвестил ее нам, и мы исполнили бы ее? И не за морем она, чтобы можно было сказать: кто сходил бы для нас за море, и достал ее нам, и возвестил ее нам, и мы исполнили бы ее? Но весьма близко к тебе это слово: оно в устах твоих и в сердце твоём, чтобы исполнять его».

Второзаконие, гл. 30, ст. 11—14

Так написано было в еврейской книге, больше чем за 2000 лет до нас.

5

Поступай так, чтобы ты мог сказать каждому: поступай так, как я.
По Канту

6

Источник наших обязанностей – в Боге. Определение наших обязанностей заключается в Его законе. Все больше раскрывать и применять этот закон – такова задача человечества.

Иосиф Мадзини

7

Разумность, наблюдаемая в природе, побуждающая человека делать должное и удерживающая от дурного, становится законом не потому, что записана в книгах, но потому, что это закон одинаково вечный, божественный, как и разум человеческий. И потому истинный, непреложный закон, повелевающий и запрещающий, есть разум Высшего Существа.

Цицерон

Вспоминай при каждом столкновении с людьми закон взаимности: то, чтобы поступать с другими как хочешь, чтобы поступали с тобой. Это может сделаться привычкой.

Недельное чтение

Закон насилия и закон любви

Христианину нельзя насильничать. Сказано так: «Если кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую». Смысл этих слов тот, что если тебя ударили, то лучше, чем отдать удар за удар, подставь щеку. Таков закон Бога для христианина. Кто бы ни сделал насилие и для чего бы оно ни было сделано, все равно – зло, как зло убийства, блуда, – все равно, для чего бы оно ни было сделано, и кто бы ни сделал его, и один ли человек, или миллионы людей, – зло все зло, потому что перед Богом все люди равны и потому что заповедь Божия не похожа на заповеди человеческие с их исключениями, примечаниями и обходами по времени и месту. Заповедь Божия одна для всех людей, потому что дух, живущий в нас, один и тот же во всех. Для христианина в крайнем случае лучше быть убитым, чем убийцей; лучше подвергнуться насилию, чем самому насильничать. Если меня люди обижают, то я, как христианин, должен рассуждать так: я тоже обижал людей, и потому хорошо, что Бог посылает мне испытание для моего вразумления и очищения от грехов. Если же меня люди обижают в правоте, тогда мне вдвойне хорошо, потому что я через это становлюсь товарищ передовых бойцов за жизнь, за свет, за свободу. Нельзя спасти душу свою злом, нельзя прийти к добру дорогою зла, как нельзя прийти домой, идя прочь от дома. Сатана сатану не изгоняет: зло не побеждается злом, а только накладывается зло на зло и укрепляется. Зло побеждается только противным духом, правдивостью и добром. Добром, только добром и терпением и страданием можно и следует гасить зло.

Но люди не живут по закону христианскому, закону разума, смирения, самоотвержения, прощения и братской любви; а живут по закону животного, звериному, по которому «кто кого может, тот того и гложет». Можно допустить, что человек употребит насилие над горячечным больным, над пьяным, над сумасшедшим, над глупым ребенком не с целью делать ему зло, а с целью предупредить беду. Можно терпеть, простить и допустить такое насилие как неизбежное зло, но не возвеличивать. Когда же закон звериной жизни возводится в дело общественное как закон для всех, возвеличивается как закон будто бы божественный, то это для людей разумных, особенно для христиан, становится уже делом противоестественным, антихристовым, хулою на дух Христов – это грех непростительный.

Христос и антихрист живут от века, как две противоположные силы. Жить по Христу – значит жить по-человечески, любить людей, делать добро и за зло воздавать добром. Жить по антихристу – значит жить по-звериному, любить только себя и за зло и за добро воздавать злом. Чем больше в своей обыкновенной, ежечасной жизни мы будем стараться жить по Христу, тем больше будет любви и счастья между людьми. Чем больше мы будем придерживаться учения антихриста, тем жизнь людей будет бедственнее. Заповедь о непротивлении злему ясно показывает два разные пути: путь истины, путь Христов, путь искренности мысли и чувства – путь жизни; и другой путь: путь обмана, путь дьявола, путь всякого лицемерия – путь смерти. И пусть страшно взять на себя крест заповеди о непротивлении злему, пусть страшно отдать себя в жертву злодею, но мы знаем, где дорога добра, дорога спасения. Будем же употреблять усилие, чтобы идти по ней, и будем освещать этот путь светом своего разума и зная, что мы не упираемся в стену, а что впереди есть дорога и свет.

Не противиться злему силою не значит, что нужно отказаться от охраны и жизни, и трудов своих, и других людей, а значит только, что охранять все это нужно иным способом, так, чтобы охрана эта не была противна разуму. Охранять жизнь и труды других людей и свои нужно тем, чтобы стараться пробудить в нападающем злодее доброе чувство. А для того чтобы

человек мог это сделать, надо, чтобы он сам был добр и разумен. Если я вижу, например, что один человек намерен убить другого, то лучшее, что я могу сделать, это поставить самого себя на место убиваемого – и защитить, накрыть собою того человека и, если можно, спасти, утешить, спрятать его – все равно, как я стал бы спасать человека из пламени пожара или утопающего: либо самому погибнуть, либо спасти. Если же я оказываюсь бессилён в этом способе, потому что я сам заблудший грешник, то это мое бессилие не даёт мне права пробуждать в себе зверя и вносить беспорядок в мир злом насилия и его оправданием.

Бука

20 МАЯ (Свобода)

Для человека, как животного существа, не может быть речи о свободе. Вся его жизнь обусловлена рядом причин. Но если человек сознает себя духовным существом, то для него не может быть речи о несвободе. Понятие несвободы неприменимо к проявлению разума, сознания, любви.

1

Помни, что разумение твое, имея свойство жизни в самом себе, делает тебя свободным, если ты не подгибаешь его служению плоти. Душа человека, просвещенная разумением, свободная от страстей, затмевающих этот свет, есть настоящая твердыня, и нет прибежища для человека, которое было бы вернее и неприступнее для зла. Кто не знает этого, тот слеп, а кто, зная, не входит в твердыню разумения, тот злосчастный.

Марк Аврелий

2

*Познаете истину, и истина сделает вас свободными.
Ин. гл. 8, ст. 32*

3

Зла не существует для вещественной природы, но зло существует для каждого человека, которому дано сознание добра и свобода выбора между добром и злом.

Марк Аврелий

4

Свободным человеком бывает только тот, с которым случается все так, как он того хочет. Но значит ли это, что с ним непременно случится все то, что ему вздумается? Нисколько. Ведь грамота, например, научает нас писать буквами и словами все, что мы захотим; но для написания хоть своего имени я не могу писать такие буквы, какие мне вздумается: этак я никогда не напишу своего имени. А я должен пожелать писать именно такие буквы, какие нужны, и в том порядке, который нужен. И во всем так. Мы бы никогда ничему не научились, если бы делали так, как только нам вздумается. Значит, для того чтобы быть свободным человеком, не следует желать всего того, что только придет в голову. Напротив того, свободный человек должен выучиться желать и соглашаться со всем тем, что с ним случается, потому что то, что с человеком случается, случается только по воле Того, Кто управляет всем миром.

Эпиктет

5

Мы гораздо яснее сознаем, что наша воля свободна, чем то, что все совершающееся должно иметь свою причину. Разве нельзя было бы обратить этот аргумент и сказать: наши понятия о причине и следствии должны быть очень неправильны, так как наша воля не могла бы быть свободна, если бы они были справедливы.

Лихтенберг

6

Быть высоконравственным – значит быть свободным душой. Люди, постоянно гневающиеся на кого-нибудь, беспрестанно боящиеся чего-нибудь и всецело предающиеся страстям, не могут быть свободны душой.

Конфуций

Люди, отрицающие свободу, подобны слепым, отрицающим цвета: они не знают той области, в которой люди свободны.

21 МАЯ (Добро)

Чтобы поверить в добро, надо начать делать его.

1

Украшай каждый проходящий день добрым делом.

2

Всего лучше начинать каждый день так: думать при пробуждении о том, нельзя ли в этот день доставить радость хоть одному человеку.

Ницше

3

Доброта – это наша обязанность. Тот, кто часто исполняет ее и видит, как его добрые намерения осуществляются, в конце концов начинает действительно любить того, для кого сделал добро. Слова: «Люби ближнего своего, как самого себя» – не значат то, что ты должен сначала его полюбить и уже затем, как следствие своей любви, делать ему добро. Нет, ты должен делать добро твоему ближнему, и эта твоя деятельность зажжет в тебе любовь к человечеству, которая и будет последствием твоей деятельности, направленной на добро.

Кант

4

Добрая воля хороша не тем, что она выполняет, – не своей пригодностью к достижению какой-нибудь намеченной цели, а сама по себе; рассматриваемая сама по себе, без всякого сравнения, она имеет гораздо более высокую цену, чем все, что посредством ее могло быть когда-либо выполнено на пользу кого бы то ни было, даже на пользу всех людей. Если бы по особенному несчастью или по причине слишком скудных способностей такая воля была бы совершенно лишена возможности выполнить свое намерение, если бы при ее величайшем напряжении все-таки ничего не было бы ею сделано и осталась бы только одна добрая воля (конечно, не как одно голое желание, а как применение всех средств, какие только в нашей власти), то и в таком случае такая воля все-таки сверкала бы сама для себя как драгоценный алмаз, как нечто такое, в чем в нем самом заключается величайшая ценность.

По Канту

5

Никто не может иметь понятия о добре, пока не начал творить его. И никто не может истинно любить его, пока не делал его часто и с жертвой. И никто не может найти успокоения в нем, пока не делает его всегда.

Мартино

6

Сделал ли ты своему ближнему зло, хотя бы и небольшое, считай таковое большим, а сделал ты ему большое добро, считай его маловажным; небольшое же добро, оказанное тебе другим, считай большим.

Благословение Божие снизойдет на того, кто дает бедному; двойное благословение почиет на том, кто при этом встречает и провожает его ласково.

Талмуд

7

Делая добро, будь благодарен за это.

8

Твердо знайте и глубоко чувствуйте, что вы должны каждый день вашей жизни посвящать благу других, делая для них все, что можете. Делая, а не болтая.

Джон Рёскин

Если не можешь приучить себя к тому, чтобы искать случая сделать добро, как охотник ищет своей дичи, то по крайней мере не упускай случая делать добро.

22 МАЯ (Рост)

Самые великие изменения и все в природе совершается незаметно, медленным нарастанием, а не взрывами.

То же самое и в духовной жизни.

1

Все истинные мысли – живые мысли и проявляют свою жизнь в том, что способны питать и изменяться. Но изменяются они подобно дереву, а не облаку.

Джон Рёскин

2

Все истинно великое совершается медленным, незаметным ростом.

3

Совершенство отдельных людей и общества никогда не достигается на все времена, ибо для каждого времени есть свое совершенство.

Люси Малори

4

Жизнь должна быть рождением души. Животное должно быть очеловечено, плоть должна быть претворена в дух; телесная деятельность должна быть превращена в мысль, в сознание, в разум, справедливость, великодушие, как свеча в свет и теплоту. Эта высшая алхимия оправдывает наше присутствие на земле; в этом наше призвание и наше достоинство.

Амиель

5

Как нельзя разбить яйца, в котором сидит цыпленок, без опасности для его жизни, так не может один человек освободить другого без опасности для его духовной жизни. Когда дух достигнет известного роста, он сам разобьет свои оковы.

Люси Малори

6

Жизнь есть непрекращающееся чудо. Зная, что такое рост, мы знаем сокровеннейшую из тайн природы.

Люси Малори

Ничто так не вредно для нравственного совершенствования, как сознание своего преуспеяния.

К счастью, путь истинного нравственного улучшения совершается так незаметно, что человек и не может видеть своих успехов иначе, как после долгих промежутков времени.

Если ты думаешь, что ты совершенствуешься, замечаешь это, – знай, что ты заблуждаешься, остановился или идешь назад.

23 МАЯ (Воздержание)

Чем к меньшему мы привыкли, тем меньше нам угрожает лишений.

1

Воздержание не означает подавления силы, не означает приостановки в добре, в проявлении любви или веры, но, наоборот, проявление силы духовной, препятствующей делать то, что человек считает дурным.

Джон Рёскин

2

Как дым изгоняет пчел из улья, так обжорство изгоняет духовные дары и совершенства ума.

Василий Великий

3

Великое благо иметь то, чего мы желаем; еще более великое благо ничего не желать, кроме того, что мы имеем.

Менедем

4

Ночная бабочка летит в огонь лампы, не зная боли ожога; и рыба глотает червяка на удочке, не зная опасности; а вот мы не расстаемся с чувственными наслаждениями, хотя отлично знаем, что они опутаны сетью бедствий. Такова бездонная глубина безрассудства.

Индусская пословица

5

Наши желания – то же, что маленькие дети, которые всегда беспокойны и всегда просят у матери то того, то другого и никогда не довольны ничем. Чем более им уступают, тем более они делаются докучливыми.

Из «Благочестивых мыслей»

6

Кто мудр? – У всех чему-нибудь обучающийся.
Кто силен? – Себя обуздывающий.

Кто богат? – Довольствующийся своей участью.
Талмуд

7

То, от чего человек отказался, не может причинить ему страдания. Тот, кто уничтожил в себе гордость, говорящую «я», «мое», тот перешел в высший мир.
Индийский Курал

8

Чем больше торопишься, тем меньше успеваешь.

9

Никто никогда не раскаивался, что съел слишком мало.

10

Природа требует мало, воображение – много.

11

Из наслаждения возникает печаль, из наслаждения возникает страх; кто свободен от наслаждений, нет для того уже ни печали, ни страха.
*Буддийская мудрость*²⁰

12

Славнее господства над землей, прекраснее восхождения до небес, славнее владычества над мирами – святая радость первых ступеней освобождения.
*Буддийская мудрость*²¹

Увеличение потребностей не есть усовершенствование, как это часто думают, напротив: чем больше ограничил человек свои потребности, тем больше в нем сознания своего человеческого достоинства, тем он свободнее, мужественнее и, главное, способнее служить Богу и людям.

²⁰ Дхаммапада

²¹ Дхаммапада

24 МАЯ (Любовь)

Бог не есть любовь. Любовь есть только одно из проявлений Бога в человеке.

1

Что мы любим детей Божиих, узнаем из того, когда любим Бога и соблюдаем заповеди Его. Ибо это есть любовь к Богу, чтобы мы соблюдали заповеди Его. И заповеди Его не тяжки.

1-е Послание Иоанна, 5, гл. ст. 2—3

2

Один из книжников, слыша прения и видя, что Иисус хорошо им отвечал, подошел и спросил Его: какая первая из всех заповедей?

Иисус отвечал ему: первая из всех заповедей: слушай, израиль! Господь Бог наш есть господь единый. И возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим, и всею крепостью твоей: вот первая заповедь.

Вторая подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя. Иной, большей сих, заповеди нет.

Мрк. гл. 12, ст. 28—31

3

Эпикурейство приводит к отчаянию. Философия долга менее безотрадна. Но спасение заключается в согласии долга и счастья, в соединении личной воли с волей божественной, в вере, что эта высшая воля управляема любовью.

Амиель

4

Человеколюбие включает справедливость.

Вовенарг

5

Мудрец сказал: мое учение просто, и смысл его легко постигнуть. Оно все состоит в том, чтобы любить ближнего, как самого себя.

Китайская мудрость

6

Цель жизни есть проникновение всех ее явлений любовью, есть медленное, постепенное претворение злой жизни в добрую, – есть творчество истинной жизни (потому что истинная жизнь есть только жизнь любовная), есть рождение истинной, т. е. любовной, жизни.

7

Доброта есть нечто самобытное и действительное. Сколько в человеке доброты, столько в нем и жизни. Сознание этого закона законов пробуждает в душе чувство, которое мы называем религиозным и которое составляет наше высшее счастье.

Эмерсон

8

Для того чтобы быть счастливым, надо одно – любить, и любить с самоотвержением, любить всех и все, раскидывать на все стороны паутину любви: кто попадется, того и брать.

9

Кто из живых людей не знает того блаженного чувства, хоть раз испытанного, и чаще всего в самом раннем детстве, при котором хочется любить всех: и близких, и отца, и мать, и братьев, и злых людей, и врагов, и собаку, и лошадь, и травку; хочется одного, чтобы всем было хорошо, чтобы все были счастливы, и еще более хочется того, чтобы самому сделать так, чтобы всем было хорошо, самому отдать себя, всю свою жизнь на то, чтобы всегда всем было хорошо и радостно. Это-то и есть и это одно есть та любовь, в которой жизнь человека.

10

Если есть в тебе силы деятельности, то пусть деятельность твоя будет любовна; если нет сил и ты слаб, то слабость твоя пусть будет любовная.

11

Добродетель человеколюбия недалеко от нас: стоит только пожелать иметь человеколюбие, и оно само придет к тебе.

Очисти свою душу от всего засоряющего ее, и останется одна любовь. И любовь эта, отыскивая для себя предмет, не удовольствуется тобою, а изберет предметом все живое и То, что живет живое, – Бога.

25 МАЯ (Слово)

Нравственность человека видна в его отношении к слову.

1

Если кто из вас думает, что он благочестив, и не обуздывает своего языка, но обольщает свое сердце, у того пустое благочестие.

Посл. Иакова, гл. 1, ст. 26

2

Внимание к чужим недостаткам происходит от нерадения о себе. Часто, осуждая ближнего, мы впадаем в те же ошибки, которые только что порицали. Кто не занят спасением своей души и не старается исправиться, тот легко впадает в искушение и увлекается дурным примером.

Из «Благочестивых мыслей»

3

Если вы узнали о слабостях ближнего, не сообщайте о них никому.

4

Не пересказывайте обидных и оскорбительных слов, не говорите ни другу, ни недругу о недостатках ближнего и не открывайте того, что знаете дурного в его поведении. Слушая осуждение ближнего, старайтесь заглушить его.

Из «Благочестивых мыслей»

5

Нет более очевидного вреда для человека быстрых умственных способностей, как соблазн остроумного осуждения и насмешки над ближним.

6

Осуждение остроумное – под соусом труп. Без соуса отвратился бы, а под соусом не заметишь, как проглотишь.

7

Не слушайте никогда тех, которые говорят дурно о других и хорошо о вас.

Не думать вперед о том, что ты скажешь, можно только тогда, когда чувствуешь себя спокойным, добрым и любящим. Но чем ты беспокойнее, недобродушнее и раздраженнее, тем больше берегись согрешить словом.

26 МАЯ (Смерть)

Смертью мы называем и самое уничтожение жизни и минуты или часы умирания. Первое – вне нашей власти, второе же, умирание, есть последнее и огромной важности дело жизни.

1

*Смерть может быть согласием и потому нравственным поступком.
Животное издыхает, человек должен вручить свою душу ее Создателю.
Амиель*

2

Великое слово, приписываемое Христу, это Его молитва перед смертью о тех, которые не знают, что творят.

3

Слова и поступки умирающего имеют великую власть над людьми, и потому как ни важно хорошо жить, едва ли не важнее всего хорошо умереть. Дурная, непокорная смерть ослабляет влияние хорошей жизни; хорошая, покорная, твердая смерть искупляет дурную жизнь.

4

Когда из одной сцены декорации переносятся в другую, видно, что то, что мы считали действительностью, есть только представление. *Так и в минуту смерти должно быть видно человеку то, что было действительностью и что было декорацией.*

5

Умирающий с трудом понимает все живое, но при этом чувствуется, что он не понимает живого не потому, что он лишен сил понимания, а потому, что он понимает что-то другое, такое, чего не понимают и не могут понимать живые и что поглощает его всего.

6

В минуту смерти человека свеча, при которой он читал исполненную тревог, обманов, горя и зла книгу, вспыхивает более ярким, чем когда-нибудь, светом, освещает ему все то, что прежде было во мраке, трещит, меркнет и навсегда потухает.

7

То, что умирает, отчасти причастно уже вечности. Кажется, что умирающий говорит с нами из-за гроба. То, что он говорит нам, кажется нам повелением. Мы представляем его себе почти пророком. Очевидно, что для

того, который чувствует уходящую жизнь и открывающийся гроб, наступило время значительных речей. Сущность его природы должна проявиться. То божественное, которое находится в нем, не может уже скрываться.

Амиель

Готовься к смерти не в том смысле, как обыкновенно понимают приготовление, полагая эту готовность в исполнении обрядов или в заботе о мирских делах, а готовься к тому, чтобы наилучшим образом умереть, т. е. воспользоваться теми торжественными минутами смерти, во время которых человек уже находится как бы в ином мире и слова и поступки его получают особенную власть над остающимися.

Недельное чтение

Суд над Сократом и его защита (По «Апологии» Платона)

Обвинения, возведенные на Сократа, состояли: 1) в том, что он не признает государственную религию, и 2) в том, что он развращает юношей, научая их неверию в государственную религию.

С Сократом случилось то же, что потом случилось с Христом и с большинством пророков и учителей человечества. Сократ указывал людям открывшийся ему в его сознании разумный путь жизни и, указывая этот путь, не мог не отрицать тех ложных учений, на которых основывалась общественная жизнь того времени. И большинство афинян, будучи не в силах вступить на указываемый им путь, хотя и признавая его истинным, не могло терпеть осуждения всего того, что оно считало священным, и, чтобы избавиться от обличителя и разрушителя установленного порядка, предало Сократа суду, который должен был кончиться смертью приговоренного. Сократ знал это и потому не защищался, а только воспользовался судом, чтобы высказать афинянам, почему он поступает так, как поступал, и почему и впредь, если бы ему оставили жизнь, он будет продолжать поступать так же.

Судьи признали Сократа виновным и приговорили его к смертной казни. Спокойно выслушав приговор, Сократ обратился к судьям с следующей речью:

«Люди скажут теперь, – сказал он, – что вы, граждане афинские, неосновательно умертвили мудреца Сократа; скажут, что я был мудрец, хотя я и вовсе не мудрец, только для того, чтобы укорить вас; скажут, что вы неосновательно умертвили меня, потому что, если бы вы немного обождали, это случилось бы само собою, так как я по своему возрасту уж и так близок к смерти. Еще же хочу сказать вам – тем, которые приговаривают меня, – то, что вы напрасно, приговорив меня к смерти, думаете, что я не знаю, чем бы я мог спастись от смерти. Я знаю это, но не делаю, потому что считаю это недостойным себя. Я знаю, что вам бы приятно было слушать, если бы я рыдал, стонал, делал и говорил много другого. Но ни мне, ни кому-либо другому не следует стараться спастись от смерти недостойным образом. Во всех опасностях есть средства избежать смерти, если только не уважать себя. Избежать смерти нетрудно, гораздо труднее избежать зла: зло быстрее смерти и скорее захватит. Я вот тяжел и стар, и меня захватила смерть, а вы, мои обвинители, вы бодры и быстры, и вас захватило нечто более быстрое – зло. Так что меня, присужденного вами, постигнет смерть; вас же, присудивших меня, постигнет зло и позор, к которым вас приговаривает истина. И я останусь при своем наказании, а вы при своем. Все это так и должно было быть, и все к лучшему.

Кроме того, я хочу еще предсказать кое-что вам, моим обвинителям. Ведь перед смертью люди яснее провидят будущее. Так вот я и предсказываю вам, сограждане, то, что вы будете наказаны тотчас же после моей смерти, – наказанием гораздо более тяжким, чем то, к которому вы меня приговорили. А именно, что с вами случится противное тому, что вы ожидали. Умертвив меня, вы возбудите против себя всех тех осуждающих вас, которых я сдерживал, хотя вы этого и не замечали, и осудители эти будут для вас тем неприятны, что они моложе, и вам будет еще тяжелее переносить их нападки. Так что моя смерть не избавит вас от порицания за вашу дурную жизнь. Вот это я и хотел предсказать вам, моим осудителям. Нельзя избавиться от порицания, умерщвляя людей. Самое простое и действительное средство для этого одно: жить лучше.

Теперь обращаюсь еще к вам, к тем, которые на суде не обвиняли, а оправдывали меня. В последний раз беседуя с вами, я хочу рассказать вам нечто удивительное, случившееся со мной нынче, и то, что я вывожу из этого необыкновенного случая. Во всей моей жизни, в самых важных и самых незначительных обстоятельствах я всегда слышал таинственный голос в моей душе, который предупреждал меня и удерживал от поступков, которые могли принести мне несчастье. Нынче же, как вы сами видите, несмотря на то что со мной случилось обстоятельство, которое считается обыкновенно крайним бедствием, – нынче этот голос не предупреждал и не удерживал меня ни поутру, когда я выходил из дому, ни в то время, когда я входил сюда – в суд, ни во время моей речи.

Что же это значит? А то, я думаю, что то, что нынче случилось со мною, не только не зло, а благо. Ведь, в самом деле, одно из двух: смерть есть полное уничтожение и исчезновение сознания или же, согласно преданию, только перемена и переселение души из одного места в другое. Если смерть есть полное уничтожение сознания и подобна глубокому сну без сновидений, то смерть – несомненное благо, потому что пускай каждый вспомнит проведенную им ночь в таком сне без сновидений и пусть сравнит с этой ночью те другие ночи и дни со всеми их страхами, тревогами, неудовлетворенными желаниями, которые он испытывал и наяву и в сновидениях, и я уверен, что всякий немного найдет дней и ночей счастливее ночи без сновидений. Так что если смерть – такой сон, то я по крайней мере считаю ее благом. Если же смерть есть переход из этого мира в другой и если правда то, что говорят, будто бы там находятся все прежде нас умершие мудрые и святые люди, то разве может быть благо больше того, чтобы жить там с этими существами? Я желал бы умереть не раз, а сто раз, только бы попасть в это место.

Так что и вам, судьи, и всем людям, я думаю, следует не бояться смерти и помнить одно: для доброго человека нет никакого зла ни в жизни, ни в смерти.

И потому, хотя намерение тех, которые осудили меня, было то, чтобы сделать мне зло, я не сержусь ни на осудивших меня, ни на обвинителей.

Однако уже время расходиться: мне – с тем, чтобы умереть, вам – чтобы жить. Кому из нас лучше – знает только Бог».

Вскоре после суда смертный приговор над Сократом был исполнен тем, что он выпил чашу с ядом и спокойно умер среди своих учеников. Подробности о его кончине описаны его учеником Платоном в разговоре «Федон».

27 МАЯ (Свобода)

Часто вся деятельность ума людей направляется не на то, чтобы открыть истину, а на то, чтобы скрыть ее. Такая деятельность ума – главная причина соблазнов.

1

Суд имеет целью только сохранение общества в настоящем положении и для этого преследует и казнит как тех, которые стоят выше общего уровня и хотят поднять его, так и тех, которые стоят ниже его.

2

Во всяком нравственном практическом предписании есть возможность противоречия этого предписания с другими предписаниями, вытекающими из той же основы.

Воздержание: что же, не есть и сделаться неспособным служить людям? Не убивать животных: что же, дать им съесть себя? Не пить вино: что же, не причащаться, не лечиться вином? Быть целомудренным: что же, желать прекращения рода человеческого? Не противиться злу насилием: что же, дать убить человеку самого себя и других?

Отыскивание этих противоречий показывает только то, что человек, занятый этим, не хочет следовать нравственному правилу.

Все одна и та же история: из-за одного человека, которому нужно лечиться вином, – не противиться пьянству. Из-за страха прекращения рода человеческого – не воздерживаться от распутства. Из-за одного воображаемого насильника – убивать, казнить, заточать.

3

Человек не может сделать всего, но то, что он не может сделать всего, не доказывает того, чтобы он должен был делать дурное.

Торо

4

С тех пор как есть люди, разумные существа, они различали добро от зла и пользовались тем, что до них в этом различении сделали люди, – боролись со злом, искали истинный, наилучший путь и медленно, но неотступно подвигались на этом пути. И всегда, заграждая этот путь, становились перед людьми различные обманы, имеющие целью показать им, что этого не нужно делать, а нужно жить, как живется.

5

Я люблю мужиков: они недостаточно учены, чтобы рассуждать превратно.

Монтескье

6

Удивляешься иногда, зачем человек защищает самые странные, неразумные положения: религиозные, политические, научные. Поищи – и ты найдешь, что он защищает свое положение.

Как только поступок объясняется сложным рассуждением, будь уверен, что поступок дурной. Решения совести прямые и простые.

28 МАЯ (Богатство)

Для языческого мира богатство составляет славу и величие. Для христианина богатство есть обличение его слабости или лжи. Сказать: богатый христианин – все равно что сказать: безногий скакун.

1

Люди так погрязли в материальных интересах, что на проявления души человеческой, выражающиеся в отношениях к людям, смотрят только с точки зрения улучшения своего имущественного положения. Их уважение измеряется богатством того и другого, а не внутренним достоинством человека. Но человек истинно просвещенный стыдится своих владений, своих денег из уважения к своему разумному я.

Эмерсон

2

Послушайте вы, богатые: плачьте и рыдайте о бедствиях ваших, находящихся на вас. Богатство ваше сгнило, и одежды ваши изъедены молью. Золото ваше и серебро изоржавело, и ржавчина их будет свидетельствовать против вас и съест плоть вашу, как огонь: вы собрали себе сокровища на последние дни. Вот плата, удержанная вами у работников, пожавших поля ваши, вопиет, и вопли жнецов дошли до слуха Господа Саваофа.

Послание Иакова. гл. 5, ст. 1–4.

3

Я вижу всюду заговор богачей, ищущих своей собственной выгоды под именем и предлогом общего блага.

Томас Мор

4

Бедность научает нас и мудрости и терпению. Ведь и Лазарь жил в бедности и, однако, был увенчан; и Иаков желал иметь только хлеб, и Иосиф находился в крайней бедности и был не только рабом, но и узником, и, однако ж, поэтому мы еще более удивляемся ему. Мы не столько восхваляем его в том случае, когда он раздавал пшеницу, сколько в том, когда находился в темнице, – не столько тогда, когда имел на себе царский венец, сколько тогда, когда был в оковах, – не тогда, когда восседал на троне, а когда подвергался козням и был продан. Итак, представляя себе все это и помышляя о венцах, сплетаемых этими подвигами, будем удивляться не богатству и почестям, не

удовольствиям и владычеству, а бедности, оковам, узам и терпению ради добродетели.

Иоанн Златоуст

5

Обладание богатством есть школа гордости, жестокости, самодовольного невежества и разврата.

Пюисё

6

Бесчувственность богачей не так жестока, как их сострадание.

По Руссо

Не уважать надо богатых, а удаляться от их жизни, жалеть их. Богатому должно не гордиться своим богатством, а стыдиться его.

29 МАЯ (Божественная природа души)

Жизнь есть сознание своей божественной сущности, заключенной в пределах.

1

Единственная непосредственная достоверность есть достоверность сознания.

Декарт

2

Берклей и Фихте правы и Эмерсон тоже: мир есть только подобие чего-то; волшебные сказки, легенды так же истинны, как и естественная история, – даже более, так как они – более понятные подобию. Истинно существует только душа. Что же все остальное? Тень, предлог, образ, подобие и сновидение. Одно сознаваемое нами духовно. Мир – это какая-то игра, цель которой – образование и усиление души. Истинно есть только сознание и солнце его – любовь.

По Амиелю

3

Под ногами морозная, твердая земля, кругом огромные деревья, над головой пасмурное небо, тело свое чувствую, занят мыслями, – а между тем знаю, чувствую всем существом, что и крепкая, морозная земля, и деревья, и небо, и мое тело, и мои мысли – случайно, что все это только произведения моих пяти чувств, мое представление, мир, построенный мною, что все это таково только потому, что я составляю такую, а не иную часть мира, что таково мое отделение от мира. Знаю, что стоит мне умереть – и все это не исчезнет, но видоизменится, как бывают превращения в театрах: из кустов, камней сделаются дворцы, башни и т. п. Смерть произведет во мне такое превращение, если только я не совсем уничтожусь, а перейду в другое, иначе отделенное от мира существо. Теперь я себя, свое тело со своими чувствами считаю собою, тогда же совсем иначе выделится что-то в меня. И тогда весь мир, оставаясь таким же для тех, которые живут в нем, для меня станет другим. Ведь мир такой, а не иной только потому, что я считаю собою то, а не другое отделенное от мира существо. А отделенных от мира существ может быть бесчисленное количество.

4

Ищите Бога в своем собственном сердце, вы не найдете Его больше нигде.

Алманзор дар Гафед

5

Жизнь наша есть наше сознание себя вечным, бесконечным, т. е. безвременным и внепространственным духом, ограниченным условиями временных и пространственных явлений.

Человеческое сознание есть сознание божества.

30 МАЯ (Устройство жизни)

Земля так же мало может быть предметом купли и продажи, как и личность человека. Продажа и покупка земли есть только скрытая продажа личности.

1

Сущность рабства заключается в предоставлении одному человеку власти брать труд другого, не вознаграждая его. Частная собственность на землю предоставляет эту власть в такой же мере, как и право собственности на раба. Рабовладелец должен оставлять своему рабу из добываемого его трудом столько, сколько тому требуется для жизни. И разве более этого получает огромная масса рабочих в так называемых свободных странах.

Генри Джордж

2

Земля есть торжественный дар, который природа сделала человеку; *рождение каждого есть право на владение землею*. Право это так же естественно, как право ребенка на грудь своей матери.

Мармонтель

3

Так как я рожден для земли, то земля и дана мне для того, чтобы брать из нее, что мне нужно для обработки и посадки, и я имею право требовать себе свою долю.

Эмерсон

4

Человек в нашем обществе не может спать, не платя за то место, на котором он спит. Воздух, вода и солнечный свет принадлежат ему только на большой дороге. Единственное право, признанное за ним законом, – это ходить по этой большой дороге до тех пор, пока он не зашатается от усталости, потому что он не может остановиться, а должен ходить.

Грант Аллен

5

Тела мужчин и женщин, а тем более их души не должны быть покупаемы или продаваемы, а также и земля, вода, воздух, потому что эти вещи – необходимые условия поддержания тел и душ людских.

Джон Рёскин

6

Нельзя без большого греха участвовать в продаже, покупке, закреплении, управлении земельной собственностью.

Люди стремятся в жизни не к тому, чтобы делать то, что они считают хорошим, а к тому, чтобы называть как можно больше вещей своими.

31 МАЯ (Радость)

Как человек, не привыкший к роскоши, но случайно попавший в нее, с целью возвысить себя в глазах людей, делает вид, что роскошь так привычна ему, что он не только не удивляется ей, но пренебрегает ею, так и неразумный человек, считая признаком возвышенного мировоззрения пренебрежение к радостям жизни, делает вид, что жизнь ему надоела, что он может представить себе нечто гораздо лучшее.

1

Быть счастливым, иметь жизнь вечную, быть в Боге, быть спасенным – все это одно и то же: это решение задачи, цель существования. И блаженство растет, как может расти и горе. Неизменно мирный и вечный рост, все более глубокое вникновение, все более сильное и глубокое овладение небесной радостью – вот в чем счастье. Счастью нет границ, потому что в Боге нет ни дна, ни берегов, а счастье есть овладение Богом через любовь.

Амиель

2

Главная причина нашего недовольства жизнью есть ни на чем не основанное предположение о том, что мы имеем право на ничем не нарушаемое счастье, что мы рождены для такого счастья.

Нам дано ни с чем не сравнимое благо жизни, со всеми ее радостями, и мы говорим: мало радостей. Нам дают величайшие радости жизни: общения с миром телесным и духовным; мы говорим: зачем так мало жизни, зачем она кончается? Надо продолжить ее.

Только бы мы понимали и ценили все то великое благо жизни, которое дает нам возможность общения через любовь с миром телесным и духовным, – мы никогда не подумали бы о том, что можно желать чего-нибудь еще.

3

Лучшее богопочитание есть благодарная радость.

Лессинг

4

Радость духа есть признак его силы.

Эмерсон

5

Надо верить в возможность счастья, чтобы быть счастливым.

6

Дайте величайшие блага, те самые, которых он желал бы, человеку, нарушающему закон своей жизни, закон Бога, и он будет несчастным. Отнимите у человека, положившего свое благо в исполнении закона, все то, что считается людьми благом, и он все-таки будет счастлив.

7

Человек испортил себе желудок и жалуется на обед. То же и с людьми, недовольными жизнью.

8

Мы не имеем никакого права быть недовольными этой жизнью. Если нам кажется, что мы недовольны ею, то это значит только то, что мы имеем основание быть недовольными собою.

ИЮНЬ

1 ИЮНЯ (Дела)

Лучше ничего не делать, чем делать вредное.

1

Часто люди с гордостью отказываются от невинных увеселений, говоря, что им некогда, потому что у них есть дело. А между тем, не говоря уже о том, что добродушная, веселая игра нужнее и важнее многих дел, то дело, которым хвастаются занятые люди, часто бывает такое, что лучше бы его никогда не делать.

2

Занимаясь делом – не дурным (дурным никак и никогда не надо заниматься), но безразличным и даже добрым и предаваясь хорошим удовольствиям, надо помнить, что есть требования души (совесть), которые важнее всяких удовольствий и дел; и все такие дела должны быть сейчас же оставлены, как скоро совесть призывает к исполнению своего требования. А между тем дела и удовольствия имеют свойство так поглощать людей, что добрые, нравственные люди на нравственные требования отвечают: «Мне некогда, мне надо испытать купленных волов, надо похоронить умершего отца».

Надо помнить значение слов: пусть мертвые хоронят мертвых.

3

Люди жестокие стараются всегда быть занятыми для того, чтобы в своих занятиях находить оправдание своей жестокости.

4

Как лошадь на колесе не может не идти, так и человек не может ничего не делать. И потому в том, что человек работает, заслуги столько же, как и в том, что человек дышит; важно то, что человек делает.

5

Очень обычное заблуждение – считать удовольствия, увеселения неважным и даже дурным делом (магометанство, старинное православие, пуританство). Удовольствие так же важно, как и труд; оно – награда труда. Труд не может продолжаться непрерывно. Необходимый отдых, естественно, украшается удовольствиями.

Удовольствия только тогда нехороши, когда для них, во-первых, нужен труд других людей (для приготовления тенниса, театра, скачек и т. п.). Во-вторых, когда удовольствия переходят в острую борьбу соревнования, как это часто бывает в играх ловкости, и, в-третьих, когда удовольствия устраиваются только для немногих. Если этого нет, то удовольствие, в особенности для молодежи, не только недурное, но хорошее дело.

6

Нет дела более пустого и бесполезного и более вредного для души, как забота об увеличении имущества, и нет дела, которое бы так затягивало, как это, и которому приписывалась бы такая важность.

Дело и удовольствие, правильно чередуясь, делают жизнь радостной. Но не всякое дело и не всякие удовольствия.

2 ИЮНЯ (Женщина)

Назначение женщины и мужчины одно и то же: служение Богу. Но способы служения того и другого пола различны и точно определены. И потому каждый пол должен служить Богу своим, определенным для него способом. Главное, исключительное дело женщины, ей только одной предоставленное и необходимое для жизни и совершенствования человечества, – это рождение и первое воспитание детей. И потому на это дело и на то, что соприкасается с ним, должны быть направлены все силы и внимание женщины. Женщина может делать все то, что делает мужчина, но мужчина не может делать того, что делает женщина (деторождение и первое воспитание). И потому женщина должна полагать все силы на то, чтобы хорошо делать то дело (деторождения и первого воспитания), которое она одна может делать.

1

Женщина, мать семейства, которая не умеет быть счастлива дома, не будет счастлива нигде.

2

Служение человечеству само собою разделяется на две части: одно – увеличение блага в существующем человечестве, другое – продолжение самого человечества. К первому призваны преимущественно мужчины; ко второму призваны преимущественно женщины.

3

Мужчина и женщина – те две ноты, без которых струны человеческой души не дают правильного и полного аккорда.

Иосиф Мадзини

4

Существует странное, укоренившееся заблуждение о том, что стряпня, шитье, стирка, нянчанье составляют исключительно женское дело и что делать это мужчине – даже стыдно. А между тем стыдно обратное: стыдно мужчине, часто незанятому, проводить время за пустяками или ничего не делать, в то время как усталая, часто слабая, беременная женщина через силу стряпает, стирает или нянчит больного ребенка.

5

Весь мир и все в нем прекрасно, но самое прекрасное в мире – это добродетельная женщина.

Магомет

6

Добродетели женщины и мужчины одни и те же: воздержание, правдивость, доброта. Но в женщине те же добродетели получают особенную прелесть.

7

Деторождение есть для женщины школа самоотречения. Воспитав в себе способность самоотречения, женщина легко проявляет ее и в других условиях жизни.

8

Женщина, старающаяся походить на мужчину, так же уродлива, как женоподобный мужчина.

9

Истинное и прочное соединение мужчины и женщины – только в духовном общении. Половое общение без духовного – источник страданий для обоих супругов.

10

Женщина делает большое дело: рождает детей, но не рождает мыслей, это делает мужчина. Женщина всегда только следует тому, что внесено мужчиной и что уже распространено, и дальше распространяет. Так и мужчина только воспитывает детей, а не рождает.

Пока ты не замужем и с тех пор, как ты освободилась от деторождения, делай все то, что делает мужчина; но знай, что дело, в котором ничто не может заменить женщины, это – деторождение и первое воспитание.

Недельное чтение

Душечка

Оленька, дочь отставного коллежского асессора Племянникова, сидела у себя во дворе на крылечке, задумавшись. Было жарко, назойливо приставали мухи, и было так приятно думать, что скоро уже вечер. С востока надвигались темные дождевые тучи, и оттуда изредка потягивало влагой.

Среди двора стоял Кукин, антрепренер и содержатель увеселительного сада «Тиволи», квартировавший тут же во дворе, во флигеле, и глядел на небо.

– Опять! – говорил он с отчаянием. – Опять будет дождь! Каждый день дожди, каждый день дожди – точно нарочно! Ведь это петля! Это разоренье! Каждый день страшные убытки!

Он всплеснул руками и продолжал, обращаясь к Оленьке:

– Вот вам, Ольга Семеновна, наша жизнь. Хоть плачь! Работаешь, стараешься, мучишься, ночей не спишь, все думаешь, как бы лучше, – и что же? С одной стороны, публика – невежественная, дикая. Даю ей самую лучшую оперетку, феерию, великолепных куплетистов, но разве ей это нужно? Разве она в этом понимает что-нибудь? Ей нужен балаган! Ей подавай пошлость! С другой стороны, взгляните на погоду. Почти каждый вечер дождь. Как зарядило с десятого мая, так потом весь май и июнь, просто ужас! Публика не ходит, но ведь я за аренду плачу? Артистам плачу?

На другой день под вечер опять надвигались тучи, и Кукин говорил с истерическим хохотом:

– Ну, что ж? И пускай! Пускай хоть весь сад зальет, хоть меня самого! Чтоб мне не было счастья ни на этом, ни на том свете! Пускай артисты подают на меня в суд! Что суд? Хоть на каторгу в Сибирь! Хоть на эшафот! Ха-ха-ха!

И на третий день то же...

Оленька слушала Кукина молча, серьезно, и, случалось, слезы выступали у нее на глазах. В конце концов несчастья Кукина тронули ее, она его полюбила. Он был мал ростом, тощ, с желтым лицом, с зачесанными височками, говорил жидким тенорком, и на лице у него всегда было написано отчаяние, но все же он возбудил в ней настоящее, глубокое чувство. Она постоянно любила кого-нибудь и не могла без этого. Раньше она любила своего папашу, который теперь сидел больной, в темной комнате, в кресле и тяжело дышал; любила свою тетю, которая иногда, раз в два года, приезжала из Брянска; а еще раньше, когда училась в прогимназии, любила своего учителя французского языка. Это была тихая, добродушная, жалостливая барышня с кротким, мягким взглядом, очень здоровая. Глядя на ее полные, розовые щеки, на мягкую белую шею с темной родинкой, на добрую, наивную улыбку, которая бывала на ее лице, когда она слушала что-нибудь приятное, мужчины тоже улыбались, а гости-дамы не могли удержаться, чтобы вдруг среди разговора не схватить ее за руку и не проговорить в порыве удовольствия:

– Душечка!

Дом, в котором она жила со дня рождения и который в завещании был записан на ее имя, находился на окраине города, в Цыганской Слободке, недалеко от сада «Тиволи»; по вечерам и по ночам ей слышно было, как в саду играла музыка, как лопались с треском ракеты, и ей казалось, что это Кукин воюет со своей судьбой и берет приступом своего главного врага – равнодушную публику; сердце у нее сладко замирало, спать совсем не хотелось, и когда под утро он возвращался домой, она тихо стучала в окошко из своей спальни и, показывая ему сквозь занавески только лицо и одно плечо, ласково улыбалась...

Он сделал предложение, и они повенчались.

Он был счастлив, но так как в день свадьбы и потом ночью шел дождь, то с его лица не сходило выражение отчаяния.

После свадьбы жили хорошо. Она сидела у него в кассе, смотрела за порядками в саду, записывала расходы, выдавала жалование, и ее розовые щеки, милая, наивная, похожая на сияние улыбка мелькали то в окошечке кассы, то за кулисами, то в буфете. И она уже говорила своим знакомым, что самое замечательное, самое важное и нужное на свете – это театр и что получить истинное наслаждение и стать образованным и гуманным можно только в театре.

– Но разве публика понимает это? – говорила она. – Ей нужен балаган! Вчера у нас шел «Фауст наизнанку», и почти все ложи были пустые, а если бы мы с Ванечкой поставили какую-нибудь пошлость, то, поверьте, театр был бы битком набит. Завтра мы с Ванечкой ставим «Орфея в аду», приходите.

И что говорил о театре и об актерах Кукин, то повторяла и она. Публику она так же, как и он, презирала за равнодушие к искусству и за невежество, на репетициях вмешивалась, поправляла актеров, смотрела за поведением музыкантов, и когда в местной газете неодобрительно отзывались о театре, то она плакала и потом ходила в редакцию объясняться.

Актеры любили ее и называли «мы с Ванечкой» и «душечкой»; она жалела их и давала им понемножку взаймы, и если, случалось, ее обманывали, то она только потихоньку плакала, но мужу не жаловалась.

И зимой жили хорошо. Сняли городской театр на всю зиму и сдавали его на короткие сроки то малороссийской труппе, то фокуснику, то местным любителям. Оленька полнела и вся сияла от удовольствия, а Кукин худел и желтел и жаловался на страшные убытки, хотя всю зиму дела шли недурно. По ночам он кашлял, а она поила его малиной и липовым цветом, натирала одеколоном, кутала в свои мягкие шали.

– Какой ты у меня славненький! – говорила она совершенно искренно, приглаживая ему волосы. – Какой ты у меня хорошенький!

В Великом посту он уехал в Москву набирать труппу, а она без него не могла спать, все сидела у окна и смотрела на звезды. И в это время она сравнивала себя с курами, которые тоже всю ночь не спят и испытывают беспокойство, когда в курятнике нет петуха. Кукин задержался в Москве и писал, что вернется к Святой, и в письмах уже делал распоряжения насчет «Тиволи». Но под Страстной понедельник, поздно вечером, вдруг раздался зловещий стук в ворота; кто-то бил в калитку, как в бочку: бум! бум! бум! Сонная кухарка, шлепая босыми ногами по лужам, побежала отворять.

– Отворите, сделайте милость! – говорил кто-то за воротами глухим басом. – Вам телеграмма!

Оленька и раньше получала телеграммы от мужа, но теперь почему-то так и обомлела. Дрожащими руками она распечатала телеграмму и прочла следующее:

«Иван Петрович скончался сегодня скоростижно сючала ждем распоряжений хохороны вторник».

Так и было напечатано в телеграмме: «хохороны» и какое-то еще непонятное слово «сючала»; подпись была режиссера опереточной труппы.

– Голубчик мой! – зарыдала Оленька. – Ванечка мой миленький, голубчик мой! Зачем же я с тобой повстречалась? Зачем я тебя узнала и полюбила? На кого ты покинул свою бедную Оленьку, бедную, несчастную?..

Кукина похоронили во вторник, в Москве, на Ваганькове; Оленька вернулась домой в среду, и как только вошла к себе, то повалилась на постель и зарыдала так громко, что слышно было на улице и в соседних дворах.

– Душечка! – говорили соседки, крестясь. – Душечка Ольга Семеновна, матушка, как убивается!

Три месяца спустя как-то Оленька возвращалась от обедни, печальная, в глубоком трауре. Случилось, что с нею шел рядом, тоже возвращавшийся из церкви, один из ее соседей, Василий Андреич Пустовалов, управляющий лесным складом купца Бабакаева. Он был в соломенной шляпе и в белом жилете с золотой цепочкой и походил больше на помещика, чем на торговца.

– Всякая вещь имеет свой порядок, Ольга Семеновна, – говорил он степенно, с сочувствием в голосе, – и если кто из наших ближних умирает, то, значит, так Богу угодно, и в этом случае мы должны себя помнить и переносить с покорностью.

Доведя Оленьку до калитки, он простился и пошел далее. После этого весь день слышался ей его степенный голос, и едва она закрывала глаза, как мерещилась его темная борода. Он ей очень понравился. И, по-видимому, она тоже произвела на него впечатление, потому что немного погодя к ней пришла пить кофе одна пожилая дама, мало ей знакомая, которая, как только села за стол, то немедля заговорила о Пустовалове, о том, что он хороший, солидный человек и что за него с удовольствием пойдет всякая невеста. Через три дня пришел с визитом и сам Пустовалов; он сидел недолго, минут десять, и говорил мало, но Оленька его полюбила, так полюбила, что всю ночь не спала и горела как в лихорадке, а утром послала за пожилой дамой. Скоро ее просватали, потом была свадьба.

Пустовалов и Оленька, поженившись, жили хорошо. Обыкновенно он сидел в лесном складе до обеда, потом уходил по делам, и его сменяла Оленька, которая сидела в конторе до вечера и писала там счета и отпускала товар.

– Теперь лес с каждым годом дорожает на двадцать процентов, – говорила она покупателям и знакомым. – Помилуйте, прежде мы торговали местным лесом, теперь же Васечка должен каждый год ездить за лесом в Могилевскую губернию. А какой тариф! – говорила она, в ужасе закрывая обе щеки руками. – Какой тариф!

Ей казалось, что она торгует лесом уже давно-давно, что в жизни самое важное и нужное – это лес, и что-то родное, трогательное слышалось ей в словах: балка, кругляк, тес, шелевка, безымянка, решетник, лафет, горбыль...

Какие мысли были у мужа, такие и у нее. Если он думал, что в комнате жарко или что дела теперь стали тихие, то так думала и она. Муж ее не любил никаких развлечений и в праздники сидел дома, и она тоже.

– И все вы дома или в конторе, – говорили знакомые. – Вы бы сходили в театр, душечка, или в цирк.

– Нам с Васечкой некогда по театрам ходить, – отвечала она степенно. – Мы люди труда, нам не до пустяков. В театрах этих что хорошего?

По субботам Пустовалов и она ходили ко всенощной, в праздники – к ранней обедне, и, возвращаясь из церкви, шли рядышком, с умиленными лицами, от обоих хорошо пахло, и ее шелковое платье приятно шумело; а дома пили чай со сдобным хлебом и с разными вареньями, потом кушали пирог. Каждый день в полдень во дворе и за воротами на улице вкусно пахло борщом и жареной бараниной или уткой, а в постные дни – рыбой, и мимо ворот нельзя было пройти без того, чтобы не захотелось есть. В конторе всегда кипел самовар, и покупатели угощали чаем с бубликами. Раз в неделю супруги ходили в баню и возвращались оттуда рядышком, оба красные.

– Ничего, живем хорошо, – говорила Оленька знакомым, – слава Богу! Дай Бог всякому жить, как мы с Васечкой.

Когда Пустовалов уезжал в Могилевскую губернию за лесом, она сильно скучала и по ночам не спала, плакала. Иногда по вечерам приходил к ней полковой ветеринарный врач Смирнин, молодой человек, квартировавший у нее во флигеле. Он рассказывал ей что-нибудь или играл с нею в карты, и ее это развлекало. Особенно интересны были рассказы из его собственной семейной жизни; он был женат и имел сына, но с женой разошелся, так как она ему

изменила, и теперь он ее ненавидел и высылал ей ежемесячно по сорока рублей на содержание сына. И, слушая об этом, Оленька вздыхала и покачивала головой, и ей было жаль его.

– Ну, спаси вас, Господи, – говорила она, прощаясь с ним и провожая его со свечой до лестницы. – Спасибо, что поскучали со мной, дай Бог вам здоровья, царица небесная...

И все она выражалась так степенно, так рассудительно, подражая мужу; ветеринар уже скрывался внизу за дверью, а она окликала его и говорила:

– Знаете, Владимир Платоныч, вы бы помирились с вашей женой. Простили бы ее хоть ради сына!.. Мальчишечка-то небось все понимает.

А когда возвращался Пустовалов, она рассказывала ему вполголоса про ветеринара и его несчастную семейную жизнь, и оба вздыхали и покачивали головами и говорили о мальчике, который, вероятно, скучает по отце, потом, по какому-то странному течению мыслей, оба становились перед образами, клали земные поклоны и молились, чтобы Бог послал им детей.

И так прожили Пустоваловы тихо и смирно, в любви и полном согласии шесть лет. Но вот как-то зимой Василий Андреич в складе, напившись горячего чаю, вышел без шапки отпустить лес, простудился и занемог. Его лечили лучшие доктора, но болезнь взяла свое, и он умер, проболев четыре месяца. И Оленька опять овдовела.

– На кого же ты меня покинул, голубчик мой? – рыдала она, похоронив мужа. – Как же я теперь буду жить без тебя, горькая я и несчастная! Люди добрые, пожалейте меня, сироту круглую...

Она ходила в черном платье с плерезами и уже отказалась навсегда от шляпки и перчаток, выходила из дому редко, только в церковь или на могилку мужа, и жила дома как монашенка. И только когда прошло шесть месяцев, она сняла плерезы и стала открывать на окнах ставни. Иногда уже видели по утрам, как она ходила за провизией на базар со своей кухаркой, но о том, как она жила у себя теперь и что делалось у нее в доме, можно было только догадываться. По тому, например, догадывались, что видели, как она в своем садике пила чай с ветеринаром, а он читал ей вслух газету, и еще по тому, что, встретясь на почте с одной знакомой дамой, она сказала:

– У нас в городе нет правильного ветеринарного надзора, и от этого много болезней. То и дело слышишь, люди заболевают от молока и заражаются от лошадей и коров. О здоровье домашних животных, в сущности, надо заботиться так же, как о здоровье людей.

Она повторяла мысли ветеринара и теперь была обо всем такого же мнения, как он. Было ясно, что она не могла прожить без привязанности и одного года и нашла свое новое счастье у себя во флигеле. Другую бы осудили за это, но об Оленьке никто не мог подумать дурно, все было так понятно в ее жизни. Она и ветеринар никому не говорили о перемене, какая произошла в их отношениях, и старались скрыть, но это им не удавалось, потому что у Оленьки не могло быть тайн. Когда к нему приходили гости, его сослуживцы по полку, то она, наливая им чай или подавая ужинать, начинала говорить о чуме на рогатом скоте, о жемчужиной болезни, о городских бойнях, а он страшно конфузился и, когда уходили гости, хватал ее за руку и шипел сердито:

– Я ведь просил тебя не говорить о том, чего ты не понимаешь! Когда мы, ветеринары, говорим между собой, то, пожалуйста, не вмешивайся. Это, наконец, скучно!

А она смотрела на него с изумлением и с тревогой и спрашивала:

– Володечка, о чем же мне говорить?!

И она со слезами на глазах обнимала его, умоляла не сердиться, и оба были счастливы.

Но, однако, это счастье продолжалось недолго. Ветеринар уехал вместе с полком, уехал навсегда, так как полк перевели куда-то очень далеко, чуть ли не в Сибирь. И Оленька осталась одна.

Теперь уже она была совершенно одна. Отец давно уже умер, и кресло его валялось на чердаке, запыленное, без одной ножки. Она похудела и подурнела, и на улице встречные уже не

глядели на нее, как прежде, и не улыбались ей; очевидно, лучшие годы уже прошли, остались позади, и теперь начиналась какая-то новая жизнь, неизвестная, о которой лучше не думать. По вечерам Оленька сидела на крылечке, и ей слышно было, как в «Тиволи» играла музыка и лопались ракеты, но это уже не вызывало никаких мыслей. Глядела она безучастно на свой пустой двор, ни о чем не думала, ничего не хотела; ела и пила она точно поневоле.

А главное, что хуже всего, у нее уже не было никаких мнений. Она видела кругом себя предметы и понимала все, что происходило кругом, но ни о чем не могла составить мнения и не знала, о чем ей говорить. Видит, например, как стоит бутылка, или идет дождь, или едет мужик на телеге, но для чего эта бутылка, или дождь, или мужик, какой в них смысл, сказать не может. При Кукине и Пустовалове и потом при ветеринаре Оленька могла объяснить все и сказала бы свое мнение о чем угодно, теперь же и среди мыслей и в сердце у нее была такая же пустота, как и на дворе.

Город мало-помалу расширялся во все стороны; Цыганскую Слободку уже называли улицей, и там, где были сад «Тиволи» и лесные склады, выросли уже дома и образовался ряд переулков. Как быстро бежит время! Дом у Оленьки потемнел, крыша заржавела, сарай покосился, и весь двор порос бурьяном и колючей крапивой. Сама Оленька постарела, подурнела; летом она сидит на крылечке, а зимой сидит у окна и глядит на снег. Повеет ли весной, донесет ли ветер звон соборных колоколов, и вдруг нахлынут воспоминания о прошлом, сладко сожмется сердце и из глаз польются обильные слезы, но это только на минуту, а там опять пустота, и неизвестно, зачем живешь. Черная кошечка Брыска ласкается и мягко мурлычет, но не трогают Оленьку эти кошачьи ласки. Это ли ей нужно? Ей бы такую любовь, которая захватила бы все ее существо, всю душу, разум, дала бы ей мысли, направление жизни, согрела бы ее стареющую кровь. И она страхивает с подола черную Брыску и говорит ей с досадой:

– Поди, поди... Нечего тут!

И так день за днем, год за годом, – и ни одной радости, и нет никакого мнения. Что сказала Мавра кухарка, то и хорошо.

В один жаркий июльский день, под вечер, когда по улице гнали городское стадо и весь двор наполнился облаками пыли, вдруг кто-то постучал в калитку. Оленька пошла сама отворять и, как взглянула, так и обомлела: за воротами стоял ветеринар Смирнин, уже седой и в штатском платье. Ей вдруг вспомнилось все, она не удержалась, заплакала и положила ему голову на грудь, не сказавши ни одного слова, и в сильном волнении не заметила, как оба потом вошли в дом, как сели чай пить.

– Голубчик мой! – бормотала она, дрожа от радости. – Владимир Платоныч! Откуда Бог принес?

– Хочу здесь совсем поселиться, – рассказывал он. – Подал в отставку и вот приехал попробовать счастья на воле, пожить оседлой жизнью. Да и сына пора уж отдавать в гимназию. Вырос. Я-то, знаете ли, помирился с женой.

– А где же она? – спросила Оленька.

– Она с сыном в гостинице, а я вот хожу и квартиру ищу.

– Господи, батюшка, да возьмите у меня дом! Чем не квартира? Ах, Господи, да я с вас ничего и не возьму, – заволновалась Оленька и опять заплакала. – Живите тут, а с меня и флигеля довольно. Радость-то, Господи!

На другой день уже красили на доме крышу и белили стены, и Оленька, подбоченься, ходила по двору и распоряжалась. На лице ее засветилась прежняя улыбка, и вся она ожила, посвежела, точно очнулась от долгого сна. Приехала жена ветеринара, худая, некрасивая дама с короткими волосами и с капризным выражением, и с нею мальчик, Саша, маленький не по летам (ему шел уже десятый год), полный, с ясными голубыми глазами и с ямочками на щеках. И едва мальчик вошел во двор, как побежал за кошкой, тотчас же послышался его веселый радостный смех.

– Тетенька, это ваша кошка? – спросил он у Оленьки. – Когда она у вас ощенится, то, пожалуйста, подарите нам одного котеночка. Мама очень боится мышей.

Оленька поговорила с ним, напоила его чаем, и сердце у нее в груди стало вдруг теплым и сладко сжалось, точно этот мальчик был ее родной сын. И когда вечером он, сидя в столовой, повторял уроки, она смотрела на него с умилением и с жалостью и шептала:

– Голубчик мой, красавчик... Деточка моя, и уродился же ты такой умненький, такой беленький!

– Островом называется, – прочел он, – часть суши, со всех сторон окруженная водою.

– Островом называется часть суши... – повторила она, и это было ее первое мнение, которое она высказала с уверенностью после стольких лет молчания и пустоты в мыслях.

И она уже имела свои мнения и за ужином говорила с родителями Саши о том, как теперь детям трудно учиться в гимназиях, но что все-таки классическое образование лучше реального, так как из гимназии всюду открыта дорога: хочешь – иди в доктора, хочешь – в инженеры.

Саша стал ходить в гимназию. Его мать уехала в Харьков к сестре и не возвращалась; отец его каждый день уезжал куда-то осматривать гурты и, случалось, не живал дома дня по три, и Оленьке казалось, что Сашу совсем забросили, что он лишний в доме, что он умирает с голода; и она перевела его к себе во флигель и устроила его там в маленькой комнате.

И вот уже прошло полгода, как Саша живет у нее во флигеле. Каждое утро Оленька входит в его комнату; он крепко спит, подложив руку под щеку, не дышит. Ей жаль будить его.

– Сашенька, – говорит она печально, – вставай, голубчик! В гимназию пора.

Он встает, одевается, молится Богу, потом садится чай пить; выпивает три стакана чаю и съедает два больших бублика и полфранцузского хлеба с маслом. Он еще не совсем очнулся от сна и потому не в духе.

– А ты, Сашенька, не твердо выучил басню, – говорит Оленька и глядит на него так, будто провожает его в дальнюю дорогу. – Забота мне с тобой. Уж ты старайся, голубчик, учись... Слушайся учителей.

– Ах, оставьте, пожалуйста! – говорит Саша.

Затем он идет по улице в гимназию, сам маленький, но в большом картузе, с ранцем на спине. За ним бесшумно идет Оленька.

– Сашенька-а! – окликает она.

Он оглядывается, а она сует ему в руку финик или карамельку. Когда поворачивают в тот переулок, где стоит гимназия, ему становится совестно, что за ним идет высокая, полная женщина; он оглядывается и говорит:

– Вы, тетя, идите домой, а теперь уже я сам дойду.

Она останавливается и смотрит ему вслед, не мигая, пока он не скрывается в подъезде гимназии. Ах, как она его любит! Из ее прежних привязанностей ни одна не была такою глубокой, никогда еще раньше ее душа не покорялась так беззаветно, бескорыстно и с такой отрадой, как теперь, когда в ней все более и более разгоралось материнское чувство. За этого чужого ей мальчика, за его ямочки на щеках, за картуз она отдала бы всю свою жизнь, отдала бы с радостью, со слезами умиления. Почему? А кто ж его знает – почему?

Проводив Сашу в гимназию, она возвращается домой тихо, такая довольная, покойная, любвеобильная; ее лицо, помолодевшее за последние полгода, улыбается, сияет; встречные, глядя на нее, испытывают удовольствие и говорят ей:

– Здравствуйте, душечка Ольга Семеновна! Как поживаете, душечка?

– Трудно теперь стало в гимназии учиться, – рассказывает она на базаре. – Шутка ли, вчера в первом классе задали басню наизусть, да перевод латинский, да задачу... Ну, где тут маленькому?

И она начинает говорить об учителях, об уроках, об учебниках, – то же самое, что говорит о них Саша.

В третьем часу вместе обедают, вечером вместе готовят уроки и плачут. Укладывая его в постель, она долго крестит его и шепчет молитву, потом, ложась спать, грезит о том будущем, далеком и туманном, когда Саша, кончив курс, станет доктором или инженером, будет иметь собственный большой дом, лошадей, коляску, женится и у него родятся дети... Она засыпает и все думает о том же, и слезы текут у нее по щекам из закрытых глаз. И черная кошечка лежит у нее под боком и мурлычет:

– Мур... мур... мур...

Вдруг сильный стук в калитку. Оленька просыпается и не дышит от страха; сердце у нее сильно бьется. Проходит полминуты, и опять стук.

«Это телеграмма из Харькова, – думает она, начиная дрожать всем телом. – Мать требует Сашу к себе в Харьков... О Господи!»

Она в отчаянии; у нее холодеют голова, ноги, руки, и кажется, что несчастнее ее нет человека на всем свете. Но проходит еще минута, слышатся голоса: это ветеринар вернулся домой из клуба.

«Ну, слава Богу!» – думает она.

От сердца мало-помалу отстает тяжесть, опять становится легко; она ложится и думает о Саше, который спит крепко в соседней комнате и изредка говорит в бреду:

– Я тебе! Пошел вон! Не дерись!

Антон Чехов

Послесловие к рассказу чехова «Душечка»

Есть глубокий по смыслу рассказ в «Книге Числ» о том, как Валак, царь Моавитский, пригласил к себе Валаама для того, чтобы проклясть приблизившийся к его пределам народ израильский. Валак обещал Валааму за это много даров, и Валаам, соблазнившись, поехал к Валаку, но на пути был остановлен ангелом, которого видела ослица, но не видал Валаам. Несмотря на эту остановку, Валаам приехал к Валаку и взошел с ним на гору, где был приготовлен жертвенник с убитыми тельцами и овцами для проклятия. Валак ждал проклятия, но Валаам вместо проклятия благословил народ израильский.

23 гл. (11) «И сказал тогда Валак Валааму: что ты со мной делаешь? Я взял тебя, чтобы проклясть врагов моих, а ты вот благословляешь?

(12) И отвечал Валаам и сказал: не должен ли я в полностью сказать то, что влагает Господь в уста мои?

(13) И сказал ему Валак: пойди со мной на другое место... и прокляни его оттуда».

И взял его на другое место, где тоже были приготовлены жертвы.

Но Валаам опять вместо проклятья благословил.

Так было и на третьем месте.

24 гл. (10) «И воспламенился гнев Валака на Валаама, и всплеснул он руками своими, и сказал Валак Валааму: я призвал тебя проклясть врагов моих, а ты благословляешь и вот уж третий раз.

(11) Итак, ступай на свое место; я хотел почтить тебя, но вот Господь лишает тебя чести».

И так и ушел Валаам, не получив даров, потому что вместо проклятья благословил врагов Валака.

То, что случилось с Валааком, очень часто случается с настоящими поэтами-художниками. Соблазняясь ли обещаниями Валака – популярностью или своим ложным, навеянным взглядом, поэт не видит даже того ангела, который останавливает его и которого видит ослица, и хочет проклинать, и вот благословляет.

Это самое случилось с настоящим поэтом-художником Чеховым, когда он писал этот прелестный рассказ «Душечка».

Автор, очевидно, хочет посмеяться над жалким по его рассуждению (но не по чувству) существом «Душечки», то разделяющей заботы Кукина с его театром, то ушедшей в интересы лесной торговли, то под влиянием ветеринара считающей самым важным делом борьбу с жемчужной болезнью, то, наконец, поглощенной вопросами грамматики и интересами гимнастики в большой фуражке. Смешна и фамилия Кукина, смешна даже его болезнь и телеграмма, извещающая об его смерти, смешон лесоторговец с своим степенством, смешон ветеринар, смешон и мальчик, но не смешна, а свята, удивительная душа «Душечки», со своей способностью отдаваться всем существом своим тому, кого она любит.

Я думаю, что в рассуждении, не в чувстве автора, когда он писал «Душечку», носилось неясное представление о новой женщине, об ее равноправности с мужчиной, развитой, ученой, самостоятельной, работающей не хуже, если не лучше, мужчины на пользу обществу, о той самой женщине, которая подняла и поддерживает женский вопрос, и он, начав писать «Душечку», хотел показать, какою не должна быть женщина. Валак общественного мнения пригласил Чехова проклясть слабую, покоряющуюся, преданную мужчине, неразвитую женщину, и Чехов пошел на гору, и были возложены тельцы и овны, но, начав говорить, поэт благословил то, что хотел проклинать. Я по крайней мере, несмотря на чудный, веселый комизм всего произведения, не могу без слез читать некоторые места этого удивительного рассказа. Меня трогает и рассказ о том, как она с полным самоотречением любит Кукина и все, что любит Кукин, и также лесоторговца, и также ветеринара, и еще больше о том, как она стра-

дает, оставшись одна, когда ей некого любить, и как она, наконец, со всей силой и женского и материнского чувства (которого непосредственно не испытала) отдалась безграничной любви к будущему человеку, гимназисту в большом картузе.

Автор заставляет ее любить смешного Кукина, ничтожного лесоторговца и неприятного ветеринара, но любовь не менее свята, будет ли ее предметом Кукин или Спиноза, Паскаль, Шиллер, и будут ли предметы ее сменяться так же быстро, как у «Душечки», или предмет будет один во всю жизнь.

Давно как-то мне случилось прочесть в «Новом времени» прекрасный фельетон господина Ата о женщинах. Автор высказал в этом фельетоне замечательно умную и глубокую мысль о женщинах. «Женщины, – говорит он, – стараются нам доказать, что они могут делать все то же, что и мы, мужчины. Я не только не спорю с этим, – говорит автор, – но готов согласиться, что женщины могут делать все то, что делают мужчины, и даже, может быть, и лучше, но горе в том, что мужчины не могут делать ничего, близко подходящего к тому, что могут делать женщины».

Да, это, несомненно, так, и это касается не одного рождения, кормления и первого воспитания детей, но мужчины не могут делать того высшего, лучшего и наиболее приближающего человека к Богу дела, – дела любви, дела полного отдания себя тому, кого любишь, которое так хорошо и естественно делали, делают и будут делать хорошие женщины. Что бы было с миром, что бы было с нами, мужчинами, если бы у женщин не было этого свойства и они не проявляли бы его? Без женщин-врачей, телеграфисток, адвокатов, ученых, сочинительниц мы обойдемся, но без матерей, помощниц, подруг, утешительниц, любящих в мужчине все то лучшее, что есть в нем, и незаметным внушением вызывающих и поддерживающих в нем все это лучшее, – без таких женщин плохо было бы жить на свете. Не было бы Марии и Магдалины у Христа, не было бы Клары у Франциска Ассизского, не было бы на каторге жен декабристов, не было бы у духоводов их жен, которые не удерживали мужей, а поддерживали их в их мученичестве за правду, не было бы тысяч и тысяч безызвестных, самых лучших, как все безвестное, женщин, утешительниц пьяных, слабых, развратных людей, тех, для которых нужнее, чем кому-нибудь, утешения любви. В этой любви, обращена ли она к Кукину или к Христу, главная, великая, ничем не заменимая сила женщины.

Удивительное недоразумение весь так называемый женский вопрос, охвативший, как это должно быть со всякой пошлостью, большинство женщин и даже мужчин!

«Женщина хочет совершенствоваться», – что может быть законнее и справедливее этого?

Но ведь дело женщины по самому ее назначению другое, чем дело мужчины. И потому и идеал совершенства женщины не может быть тот же, как идеал совершенства мужчины. Допустим, что мы не знаем, в чем этот идеал, во всяком случае несомненно то, что не идеал совершенства мужчины. А между тем к достижению этого мужского идеала направлена теперь вся та смешная и недобрая деятельность модного женского движения, которое теперь так путает женщин.

Боюсь, что Чехов, писавши «Душечку», находился под влиянием этого недоразумения.

Он, как Валаам, намеревался проклясть, но бог поэзии запретил ему и велел благословить, и он благословил и невольно одел таким чудным светом это милое существо, что оно навсегда останется образцом того, чем может быть женщина для того, чтобы быть счастливой самой и делать счастливыми тех, с кем ее сводит судьба.

Рассказ этот оттого такой прекрасный, что он вышел бессознательно.

Я учился ездить на велосипеде в манеже, в котором делаются смотры дивизиям. На другом конце манежа училась ездить дама. Я подумал о том, как бы мне не помешать этой даме, и стал смотреть на нее. И, глядя на нее, я стал невольно все больше и больше приближаться к ней, и, несмотря на то, что она, заметив опасность, спешила удалиться, я наехал на нее и сва-

лил, т. е. сделал совершенно противоположное тому, что хотел, только потому, что направил на нее усиленное внимание.

То же самое, только обратное, случилось с Чеховым: он хотел свалить Душечку и обратил на нее усиленное внимание поэта и вознес ее.

Л. Толстой

3 ИЮНЯ (Единение)

Знают они это или не знают этого, все существа неразрывно связаны между собой.

1

Сын человеческий, не обманул ли Ты своих братьев? Нет, нет, ибо Ты сказал им: «Придите ко Мне, и Я успокою вас». Но они не пришли к Тебе, не восприняли учение Твое сердцем и делами, не покорились велениям Твоим, не возлюбили друг друга, как дети одного Отца. Если бы они точно пришли к Тебе, то любили бы друг друга, были бы все едино, а если бы они были все едино – где та сила, которая могла бы помешать им утвердить справедливость и основать Царство Божие? Теперь же они бессильны, потому что, разъединенный, каждый из них слаб и стоит один против заблудших угнетателей. Они бессильны, потому что у них нет ни веры, которая все побеждает, ни любви, которая сильнее самой веры. Они бессильны, потому что они застыли в своем себялюбии, потому что в них нет того самого, в силу чего люди приносят себя в жертву, в силу чего борются не один день, а все дни, никогда не уставая, никогда не теряя надежды. Они бессильны, потому что они боятся людей, потому что они не понимают того, что Ты сказал им, а именно то, что сберегший свою жизнь потеряет ее, а что потерявший ее ради того, чтобы основать царство закона Твоего, спасет ее.

Ламенэ

2

Человек, который считает только свою личность истинно существующей, другие же существа – призраками, за которыми он признает некоторое относительное существование только потому, что они могут способствовать или противодействовать его целям, такой человек, чувствуя себя отделенным неизмеримо глубокой пропастью от всех других существ, не может, признавая себя существующим только в своей личности, не видеть того, что с его смертью гибнет не только то одно, что существовало, т. е. он сам, но вместе с ним и весь мир.

Человек же, во всех других и во всем живом видящий свое собственное существо, сливающийся через свою жизнь с существованием всего живого, такой человек теряет при смерти лишь небольшую долю своего существования: такой человек продолжает существовать во всех других – в тех, в ком он всегда узнавал и любил свое существо и себя самого; для такого человека исчезает обман, отделявший его сознание от сознания остальных.

В этом-то если не исключительно, то главным образом и коренится различие того, как встречают свой смертный час особенно добрые и особенно злые люди.

По Шопенгауэру

3

Никогда не буду искать и не буду принимать отдельного, личного спасения. Не хочу получать успокоения один; но всегда и везде буду жить и трудиться, стремясь к всеобщему спасению всякого существа во всех мирах. До тех пор пока все не будут освобождены, не покину мира греха, печали и борьбы.

Китайский Кван-Хин

4

Разумные существа, призванные трудиться вместе за одной и той же работой, исполняют в общей мировой жизни то назначение, которому служат члены в человеческом теле. Они сотворены для разумного единодействия. В сознании, что ты – член великого духовного братства, есть что-то ободряющее и утешительное.

Марк Аврелий

5

Человечество живо начинает сознавать то, что все должны подниматься или падать вместе. Люди все больше и больше прислушиваются к тому голосу, который не переставая говорит внутри нас.

Люси Малори

Не думай, чтобы могло быть благо отдельного существа или чтобы зло отдельного существа не было бы злом всего мира и не отразилось бы на тебе.

4 ИЮНЯ (Лжеучение)

Благодаря извращению христианства жизнь наша стала хуже языческой.

1

Человек должен быть рабом. Выбор для него только в том, чьим: если своих страстей, то непременно и людей; если же своего духовного начала, то только Бога.

Всякому лестно иметь высшего хозяина.

2

Жестокость в наше время еще больше развивается вследствие тонкого поощрения себялюбия учением о том, что все то, что считается злом, приводит все-таки к благу. Учение это практически ведет к тому, что мы хотя и употребляем те же серьезные усилия, чтобы избежать всего для нас неприятного, однако самодовольно и спокойно следим за действием того зла, которое испытывают другие.

Джон Рёскин

3

«Нищих вы всегда имеете с собой». Никакие слова писания не перетолковывались с такими дьявольскими целями, как именно эти слова. Если, несмотря на все наши успехи, мы до сего времени еще имеем у себя нищих людей, которые не по своей вине не могут встать в здоровые и нормальные жизненные условия, то совершается это по *нашей* вине и к *нашему* стыду. Всякий, кто посмотрит вокруг себя, увидит, что только неправда, отнимающая естественные удобства у трудящихся и лишаящая их плодов их трудов, что только она мешает нам всем быть богатыми.

Генри Джордж

4

Большая часть преступлений и зла мира совершается по недоверию к разуму: «Верь или будь проклят». В этом главная причина зла. Принимая без рассуждения то, что он должен бы был разбирать своим разумом, человек в конце концов отвыкает от рассуждения и действительно подпадает проклятию сам и вводит в грех своих ближних. Спасение людей лишь в том, чтобы научиться мыслить самостоятельно, для того чтобы верно направлять свою мысль.

Эмерсон

5

Система, по которой действуют все народы мира, основана на самом грубом обмане, на самом глубоком невежестве или на соединении обоих; так что ни при каких видоизменениях тех основ, на которых держится эта система, она не может произвести добро для людей; напротив – практические последствия ее должны всегда быть зло.

Роберт Овен

6

Чем большим уважением окружены предметы, обычаи, законы, тем внимательнее надо исследовать их право на уважение.

Исправление существующего зла жизни не может начаться ни с чего другого, как только с обличения религиозной лжи и свободного установления религиозной истины в самом себе каждым отдельным человеком.

5 ИЮНЯ (Дух)

Весь внешний мир, каким мы его видим, таков только для нас. Сказать, что этот мир действительно такой, каким мы его видим, это все равно что сказать, что не может быть существ с иными, чем мы, внешними чувствами.

1

Людам кажется странной мысль о том, что все вещественное – только наше представление. «Все-таки стол есть, и всегда... И уйду из комнаты, он есть, и для всех он есть такой же, какой и для меня», – говорят обыкновенно. Ну а когда закрутишь два пальца и катаешь один шарик, чувствуешь несомненно два? Ведь точно так же всякий раз, как я так возьму шарик, будет два, и для всякого, кто возьмет такой шарик, будет два, а между тем двух шариков нет. Точно так же и стол только для закрученных пальцев моих чувств – стол, а он, может быть, полстола, одна сотая стола, может быть, совсем даже не стол, а что-нибудь совсем другое.

2

Я смотрю и видимые линии пригоняю к форме, живущей в моем представлении. Вижу белое на горизонте и невольно даю этому белому форму церкви. Не так ли и все то, что мы видим в этом мире, получает ту форму, которая уже живет в нашем представлении, вынесенном из прежней жизни?

3

Я думаю, что вопрос, имеют ли предметы вне нас самостоятельное существование, поистине лишен разумного смысла. Мы по нашей природе вынуждены об известных предметах нашего восприятия говорить: они находятся вне нас; мы не можем иначе. Вопрос о том, действительно ли существует то, что мы признаем существующим, так же нелеп, как такой, например: действительно ли синяя краска *синяя*. Мы выйти из этого вопроса не можем. Я говорю, что вещи суть вне меня, так как я вынужден их так рассматривать; впрочем, это *вне меня сущее* может иметь какое угодно устройство; об этом судить мы не в состоянии.

Лихтенберг

4

Закон жизни в том, что невидимое производит видимое. Причина скрыта, последствия видны. Причина бесконечна, последствия конечны. Верить в невидимое – значит верить в причину всякой силы; признавать только видимое – значит верить в причину всякой силы; признавать только видимое – значит быть бесполезным, неплодотворным, преходящим, смертным.

Люси Малори

5

Двумя способами представляем мы себе предметы действительно существующими: или поскольку мы их наблюдаем в их соотношении с известным местом и временем, или поскольку мы думаем, что они содержатся в Боге и вытекают из необходимости божественной природы. Такими предметами мы признаем все духовное.

По Спинозе

Внешний мир в действительности, сам по себе, не такой, каким мы его познаем. И потому все, что вещественно в этом мире, неважно. Что же важно? То, что, наверное, такое же везде, всегда и одно и то же для всех существ: духовное начало нашей жизни.

6 ИЮНЯ (Зло)

Зло, совершенное человеком, не только лишает человека его истинного блага, умаляя его душу, но часто возвращается и в этом мире на совершившего его.

1

Зло в этом мире не тотчас дает плоды, но, как земля, понемногу и в свое время. И плоды эти ужасны.

Индийские Ману

2

Не делать зла даже врагам – в этом главная добродетель.

Новерное погибает тот, кто обдумывает гибель другого.

Не делай зла. Бедность не может служить оправданием зла. Если будешь делать зло, станешь еще беднее.

Люди могут избежать последствий злобы своих врагов, но никогда не избегнут последствий своих грехов. Эта тень их будет следовать по пятам их до тех пор, пока не погубит их.

Пусть не делает зла другому тот, кто не хочет того, чтобы печали преследовали его.

Если человек любит себя, пусть он не делает зла, как бы мало оно ни было.

Индийский Курал

3

Как верно то, что камень, брошенный кверху, не остается там, но возвращается на землю, так же верно и то, что, смотря по добрым или злым делам твоим, будет отмерено тебе исполнение желаний твоего сердца, в каком бы виде и в какой бы мир ты ни вступил.

Синглезское буддийское

4

Злой человек счастлив, пока сделанное им зло не созрело; но когда оно созрело, тогда злой человек познает зло. Зло возвращается на того, кто его сделал, так же как пыль, брошенная против ветра.

Ни на небе, ни на море, ни в глубине гор, нет во всем мире места, в котором человек мог бы освободиться от злого дела.

Дхаммапада

5

Обдумывающий месть поддерживает свои раны. Они бы зажили, если бы он этого не делал.

Бэкон

Делать зло так же опасно, как дразнить дикого зверя.

Большей частью в этом мире и в самой грубой форме зло возвращается на того, кто его сделал.

7 ИЮНЯ (Смирение)

Смирение дает радости, недоступные самодовольному и гордому.

1

Мир между людьми есть необходимое условие хорошей жизни; главное же препятствие для мира – наша гордость; только смирение, готовность перенести унижение, быть оклеветанным, ложно понятым, только при такой готовности человек может вносить мир в отношение свое к другим людям и людей между собой.

2

Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас. Возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня; ибо Я кроток и смирен сердцем; и найдете покой душам вашим. Ибо иго Мое благо и бремя Мое легко.
Мф. гл. 11, ст. 28—30

3

Когда свет осуждает нас, клеветает на нас, мы не должны сердиться, а скорее рассмотреть, нет ли в осуждениях этих какого основания.
Юм

4

Если твое самолюбие страдает при воспоминании о том, что в былое время ты пренебрегал мудростью, не жил, как живут мудрецы, и едва ли заслужишь славу мудреца, то не тужи об этом. Если ты не прослывешь за мудреца, тем лучше. Будь доволен, если можешь теперь, сейчас же, начать жить так, как того требует твоя совесть.
Марк Аврелий

5

Первое, чему человек должен научиться раньше, чем он может успевать на пути к счастью, это – смирение. Надменность, властность и тщеславие должны уступить место кротости и мягкости. *Надменность ничего не может приобрести, так как предполагает, что уже все имеет.*
Из «Передовой мысли мира»

6

Гордость защищает не только себя, но и все другие грехи человека, потому что она ненавидит укоризну и отталкивает лечение, она прячет и оправдывает грех. Сознание греха, смиряющее человека, полезнее, чем доброе дело, раздувающее его гордость.

Бакстер

7

Будьте строги к самим себе и снисходительны к другим, и вы не будете иметь врагов.

Китайская мудрость

Не бойся унижения, если ты сумеешь принять его с смирением: оно во много раз окупится теми духовными благами, которые соединены с ним.

8 ИЮНЯ (Доброта)

Без правдивости не может быть добра; без доброты не может быть передаваема истина.

1

Добро и истина обуславливают друг друга.

2

Те, кто знают истину, равны тем, которые любят ее; а те, которые любят ее, не равны тем, которые с любовью творят ее.

Конфуций

3

Что вы зовете меня: Господи! Господи! – и не делаете того, что я говорю? Всякий приходящий ко мне и слушающий слова мои и исполняющий их, скажу вам, кому подобен.

Он подобен человеку, строящему дом, который копал, углубился и положил основание на камне, почему, когда случилось наводнение и вода наперла на этот дом, то не могла поколебать его, потому что он основан был на камне.

А слушающий и неисполняющий подобен человеку, построившему дом на земле без основания, который, когда наперла на него вода, тотчас же обрушился; и разрушение дома сего было великое.

Лк. гл. 6, ст. 46—49

4

Отвечайте добротою на ненависть. Рассматривайте трудность, когда она еще легка. Обращайтесь с большой вещью, когда она еще мала. Самые трудные предприятия мира возникают, когда они легки. Самые великие предприятия возникают, когда они еще малы.

Лао-Тсе

5

Есть два пути, ведущие к добродетели: быть справедливым и не делать зла живым существам.

Книга Ману

6

Истина никогда яростно не ополчается против зла: ее наглядность, очевидность и внутренняя мощь сильнее всего поражает зло.

Торо

7

Всякая злость происходит от бессилия.

Руссо

Нет ничего хуже притворства доброты. Притворство доброты отталкивает больше, чем откровенная злоба.

9 ИЮНЯ (Устройство жизни)

Существующее устройство христианских обществ противно христианскому закону в его истинном значении.

1

Все почти усилия человеческого ума направляются не на то, чтобы облегчить труд трудящихся, а только на то, чтобы облегчить и украсить праздность празднующих.

2

Люди нашего времени устроили себе жизнь, противную и нравственной и физической природе человека, и все силы своего ума напрягают на то, чтобы уверить человека, что это и есть самая настоящая жизнь. Все, что называется в наше время культурой: наши науки, искусства, усовершенствования, – все это только попытки обмануть нравственные требования человека.

3

Если бы кто взглянул на наш мир, сколько увидел бы он безрассудства, сколько пролил бы слез, каким посмеялся бы смехом, сколько почувствовал бы ненависти! Мы, действительно, поступаем так, что наши дела и смешны, и глупы, и жалки, и ненавистны. Вот один кормит собак, чтобы ловить диких зверей, а сам впадает в зверство; другой – волов и ослов, чтобы возить камни, а презирает людей, умирающих от голода; тратит бездну золота, чтобы соорудить каменных людей, а настоящих, которые от бедствий сделались каменными, оставляет в небрежении. Иной собирает драгоценные камешки и с большим трудом убирает ими стены, а, видя нагие члены нищих, нисколько не трогается. Одни к своим одеждам придумывают еще одежды, а другие не имеют, чем покрыть и нагого тела.

Иной расточает все на блудниц и тунеядцев, другой на комедиантов и плясунов, иной на пышные постройки, на покупку сел и домов. Один вычисляет проценты, другой проценты на проценты, иной сочиняет бумаги, наполненные многими убийствами, даже ночью не имеет отдыха, неусыпно бодрствуя на пагубу других. Едва настал день, один бежит на прибыль несправедливую, другой на трату распутную, а иные на кражу государственную. Вообще об излишнем и преступном много заботы, а о необходимом нет и мысли.

Иоанн Златоуст

4

Так же как противно закону природы то, чтобы дитя управляло взрослыми или безумный мудрым человеком, так же противно закону природы

и то, чтобы горсть людей была пресыщена излишествами, в то время как голодная толпа не имеет необходимого.

Руссо

5

В века людоедства сильные пожирали слабых, попросту поедали их тела. Но, несмотря на все установленные людьми законы, несмотря на успехи наук, сильные, бессердечные люди до сих пор продолжают жить на счет слабых, несчастных и глупых. Правда, они не едят их мяса, не пьют их крови, но они все равно живут от их лишений и нужды. Бедняки, калечащие себя работой и проводящие всю свою жизнь лишь в заботах о прокормлении себя и своих семей, в сущности, поедаются своими братьями. Видя распадение цивилизованного мира, его беспокойство и слезы, разбитые надежды и жалкую действительность, голодовки и преступления, унижение и позор, невольно приходишь к заключению, что людоедство было не более жестокой формой существования на чужой счет.

Люси Малори

Есть, было и всегда будет для человека только одно дело, на которое стоит положить всю жизнь. Дело это есть любовное общение с людьми и разрушение тех преград, которые воздвигли люди между собой.

Недельное чтение

Неужели так надо?

Стоит среди полей обнесенный стеною чугунолитейный завод, с не переставая дымящимися огромными трубами, с гремящими цепями, домнами, с подъездной железной дорогой и раскинутыми домиками заведующих и рабочих. На заводе этом и в шахтах его, как муравьи, копаются рабочие люди: одни на 100 аршин под землю, в темных, узких, душных, сырых, постоянно угрожающих смертью проходах, с утра до ночи или с ночи до утра выбивают руду; другие в темноте, согнувшись, подвозят эту руду или глину к дудке и везут назад пустые вагончики и опять наполняют их, и так работают по двенадцати, четырнадцать часов в день всю неделю.

Так работают в шахтах. На самой домне работают одни у печей при удушающей жаре, другие у спуска растопленной руды и шлака. Третьи – машинисты, кочегары, слесаря, кирпичники, плотники – в мастерских, также по двенадцати, четырнадцать часов всю неделю.

По воскресеньям все эти люди получают расчет, моются, а иногда и немые напиваются в трактирах и кабаках, со всех сторон окружающих завод и заманивающих рабочих, и с раннего утра в понедельник опять становятся на ту же работу.

Тут же около завода мужики пашут на измученных, захудалых лошадях чужое поле. Мужики эти встали на заре, если они не провели ночь в ночном, т. е. не ночевали у болота – единственное место, где они могут накормить лошадь, – встали они на заре, приехали домой, запрягли лошадь и, захватив краюху хлеба, поехали пахать чужое поле.

Другие же мужики тут же, недалеко от завода, сидят на шоссе на дороге, пригородив себе из рогожки защиту, и бьют шоссе камень. Ноги у этих людей избиты, руки в мозолях, все тело грязно, и не только лицо, волосы и борода, но и легкие их пропитаны известковой пылью.

Взяв из неразбитой кучи большой неразбитый камень, люди эти, укладывая его между обутыми в лапти и обмотанными ветошками ступнями ног, бьют по камню тяжелым молотом до тех пор, пока камень рассядется; а когда рассядется, берут разбитые куски и бьют по ним до тех пор, пока и эти не разобьются на мелкий щебень; и опять берут целые камни и опять сначала... И так работают эти люди от утренней летней зари до ночи – 15, 16 часов, отдыхая только часа два после обеда, и два раза, в завтрак и в полдень, подкрепляют себя хлебом и водою.

И так живут все эти люди и в шахтах, и на заводе, и пахари, и каменобойцы, с молодых лет и до старости; и так же живут в непосильных трудах их жены и матери, наживая маточные болезни; и так же живут их отцы и дети, плохо накормленные, плохо одетые, в сверхсильной, губящей здоровье работе, с утра и до вечера, с молодости и до старости.

А вот мимо завода, мимо каменобойцев, мимо пахущих мужиков, встречая и обгоняя оборванных мужчин и женщин с котомками, бредущих из места в место и кормящихся Христовым именем, катится, позвякивая бубенцами, коляска, запряженная одномастной, гнедой четверней пятивершковых коней, из которых худший стоит всего двора каждого из любующихся на эту четверню мужиков. В коляске сидят две барышни, блестя яркими цветами зонтиков и лент и перьев шляп, стоящих каждая дороже той лошади, на которой пашет мужик свое поле; на переднем месте сидит блестящий на солнце галунами и пуговицами офицер в свежем вымытом кителе; на козлах грузный кучер в шелковых синих рукавах рубахи и бархатной поддевке. Он чуть не задавил богомолку и не сбил в канаву проезжавшего порожнем мужика, в его испачканной рудой рубахе, трясущегося на телеге.

– А это не видишь? – говорит кучер, показывая кнут недостаточно скоро свернувшему мужику, и мужик одной рукой дергает за вожжу, а другой испуганно снимает шапку с головы.

За коляской беззвучно несутся, блестя на солнце никелированными частями машин, два велосипедиста и одна велосипедистка и весело смеются, перегоняя и пугая крестьящихся богомолок.

Стороной же от шоссе едут два верховых: мужчина на английском жеребце и дама на иноходце. Не говоря о цене лошадей и седла, одна черная шляпа с лиловым вуалем стоит два месяца работы каменобойцев, а за стик – хлыст модный английский – заплачено столько, сколько получит за неделю подземной работы тот малый, который идет довольный тем, что нанялся в шахты, и сторонится, любуясь на гладкие фигуры лошадей и всадников и на жирную, иноземную, огромную собаку в дорогом ошейнике, бегущую с высунутым языком за ними.

Неподалеку за этой компанией едут на телеге улыбающаяся, с завитыми кудряшками, нарядная девица в белом фартуке и толстый, румяный мужчина с расчесанными бакенбардами, с папироской в зубах, что-то нашептывающий девице. В телеге видны самовар, узлы в салфетках, мороженица.

Это – прислуга людей, едущих в коляске, верхом и на велосипедах. Нынешний день не представляет для них ничего исключительного. Они живут так все лето и почти каждый день делают прогулки, а иногда, как нынче, – с чаем, напитками и сладостями, с тем, чтобы есть и пить не в одном и том же, а в новом месте.

Господа эти – три семьи, живущие в деревне и на даче. Одна семья помещика – владельца 2000 десятин земли, другая – чиновника, получающего 3000 р. жалованья, третья – самая богатая семья – дети фабриканта.

Все эти люди нисколько не удивлены и не тронуты видом всей той нищеты и каторжного труда, которые окружают их. Они считают, что все это так и должно быть. Занимает их совсем другое.

– Нет, это невозможно, – говорит дама верхом, оглядываясь на собаку, – я не могу видеть этого. – И она останавливает коляску. Все говорят вместе по-французски, смеются и сажают собаку в коляску и едут дальше, застилая облаками известковой пыли каменобойцев и прохожих по дороге.

И коляска, и верховые, и велосипедисты промелькнули, как существа из другого мира, а заводские, каменобойцы, мужики-пахари продолжают свою тяжелую, однообразную, чужую работу, которая кончится вместе с их жизнью.

«Живут же люди», – думают они, провожая глазами проехавших. И еще мучительнее представляется им их мучительное существование.

Неужели это так надо?

Лев Толстой

10 ИЮНЯ (Бессмертие)

В душе нашей есть нечто такое, что не подлежит смерти. Мы можем сознать это нечто и можем не сознать его.

1

Знающий других людей умен; знающий самого себя – просвещен.
Побеждающий других силен; побеждающий самого себя – могуществен.
Тот же, кто, умирая, знает, что он не уничтожается, – вечен.

Лао-Тсе

2

И родятся и живут люди только как некоторые подробности Бога, которые поэтому уничтожиться не могут, – скрыться из глаз наших могут, но не уничтожиться.

3

То, что один человек дольше проходил через открытое мне поле зрения, а другой быстро прошел через него, никак не может заставить меня приписать большей действительной жизни первому и меньше второму. Я несомненно знаю, что если я видел проходящего мимо моего окна человека, – скоро ли или медленно, все равно, – я несомненно знаю, что этот человек был и до того времени, когда я увидал его, и будет продолжать быть и скрывшись из моих глаз.

4

Я не верю ни в одну из существующих религий и потому не могу быть заподозрен в том, что слепо следую какому-либо преданию или влияниям воспитания. Но я в продолжение всей моей жизни думал настолько глубоко, насколько был способен, о законе нашей жизни. Я отыскивал его в истории человечества и в моем собственном сознании, и я пришел к ненарушиму убеждению, что смерти не существует; что жизнь не может быть иная, как вечная; что бесконечное совершенствование есть закон жизни, что всякая способность, всякая мысль, всякое стремление, вложенное в меня, должно иметь свое практическое развитие; что в нас есть мысли, стремления, далеко превосходящие возможности нашей земной жизни; что именно то, что в нас есть эти стремления и мы не можем проследить их происхождения от наших чувств, служит доказательством того, что они входят в нас из области, находящейся вне земли, и могут быть осуществлены только вне ее; что ничто не погибает здесь на земле, кроме разных видов вещества, что думать, что мы умираем, потому что умирает наше тело, – *все равно что думать, что работник умер, потому что орудия его износились.*

Иосиф Мадзини

5

Тот, кто знает, что основа жизни его – дух, вне всякой опасности. Затворяя врата своих чувств в конце жизни, он не испытывает никакого беспокойства.

По Лао-Тсе

6

Бог есть жизнь вечная и всемирная в бесконечном времени и пространстве. Он – все, что есть, и нет другого Бога, кроме Бога. Все в Нем, и ничто не существует вне Его. И потому всякое существование есть проявление Его жизни, и всякая жизнь при рождении выходит не из несуществования, а из Него и при смерти не перестает существовать, а возвращается к Нему.

Анфантен

7

Истинная жизнь – вне времени и пространства, и потому смерть может только изменить проявление жизни в этом мире, но никак не уничтожить самую жизнь.

8

Веру в бессмертие нельзя принять от кого-нибудь, нельзя себя убедить в бессмертии. Чтобы была вера в бессмертие, надо, чтобы оно было, а чтобы оно было, надо понимать свою жизнь в том, в чем она бессмертна.

9

Верить в будущую жизнь может только тот, кто установил в своем сознании то новое отношение к миру, которое не умещается в этой жизни.

Живи той частью твоей души, которая сознает себя бессмертной, которая не боится смерти. Эта часть души есть любовь.

11 ИЮНЯ (Сила мысли)

Все внешние изменения нашей жизни ничтожны в сравнении с теми изменениями, которые совершаются в наших мыслях.

1

Для того чтобы могла произойти перемена в чувствах и поступках человека, должна произойти прежде всего перемена в его мыслях. Для того же, чтобы могла произойти перемена в мыслях, человеку необходимо сосредоточиться в сознании своей духовной природы и ее требований.

2

Эпохи нашей жизни определяются не заметными нам, совершаемыми по нашей воле поступками: браком, получением места и т. п., но мыслями, которые приходят во время прогулки, среди ночи, за едою, в особенности теми мыслями, которые, охватывая все наше прошлое, говорят нам: ты поступил так, но лучше было бы поступить иначе. И все наши дальнейшие поступки, как рабы, служат этим мыслям: исполняют их волю.

Торо

3

Каждая мысль, на которой останавливается человек, все равно, выражает он ее или нет, непременно или вредит, или помогает его жизни.

Люси Малори

4

Чтобы избегать грехов и побеждать их, прежде всего надо признать то, что корень каждого греха – в дурных мыслях.

Мы все – только последствия того, что мы думаем.

Будда

5

Определяет судьбу человека то, как он понимает себя.

Торо

6

Беспорядочная мысль делает с нашим умом то же, что сделал бы с нашим домом беспорядочный человек, приглашенный нами пожить у нас.

Люси Малори

7

Мы ясно видим изменения, совершающиеся в области вещественной жизни: ездили и возили гужом, – теперь паром, жгли лучину, сало, – теперь газ, электричество; но мы не видим таких же изменений в духовном мире людей. А эти изменения – самые важные.

Мы жалеем о потерянном кошельке с деньгами, но добрую мысль, которая пришла нам или которую мы услышали или прочли, – мысль, которая, если бы мы запомнили ее, приложили к жизни, могла бы сделать много добра, – мы теряем, забывая, и не жалеем о том, что дороже миллионов.

12 ИЮНЯ (Рост)

Страдания – необходимые условия роста как физического так и духовного.

1

Истинно, истинно говорю вам: вы восплачете и возрыдаете, а мир возрадуется; вы печальны будете, но печаль ваша в радость будет. Женщина, когда рождает, терпит скорбь, потому что пришел час ее; но когда родит младенца, уже не помнит скорби от радости, потому что родился человек в мир.

Ин. гл. 16, ст. 20—21

2

Мы жалуемся на страдания. А страдания, всякие страдания всегда нам на благо. Иногда нам видно, что телесные страдания нам на пользу, как это бывает, когда дети растут или когда назревает нарыв и т. п. Но иногда мы не видим пользы от страданий и телесных и духовных, и тогда мы жалуемся. А не знаем того, что все страдания нам на благо: помогают нам становиться лучше и приближаться к Богу.

3

Облегчает горесть страданий, во-первых, живое представление о гораздо худших, чем твои, страданиях других людей и, во-вторых, сознание того, что перенесение страданий может быть дурное – возмущенное и хорошее – покорное.

4

Растем мы вот как. В каждой мысли каждого человека лежит уже высшая мысль; в том характере, который проявляет человек нынче, уже готовится высший характер. Юноша откидывает иллюзии детства, муж откидывает незнание и бурные страсти юношества, старец откидывает себялюбие мужа и становится все более и более всемирною душою. Он поднимается на высшую и на более твердую ступень жизни. Внешние отношения и условия вымирают, и он все больше входит в Бога и Бог в него, – до тех пор, пока не спадает с него последняя одежда себялюбия, и он соединяется с Богом, сливает свою волю с Его волей и участвует в Его величии.

Эмерсон

5

По мере совершения мудрых дел все более и более жизни прибывает к человеку.
Джон Рёскин

6

При тяжелом душевном состоянии надо не сдаваться, не высказываться никому, кроме Бога. Важно молчать, перетерпеть. То страдания перейдут к другим и заставят их страдать, а то перегорят в тебе и помогут тебе возвыситься, приблизиться немного к совершенству.

7

Добродетель и сила души укрепляются и совершенствуются в несчастьи, в страданиях, в болезни. Поэтому вы не должны опасаться испытаний, которые могут пасть на вашу долю, но переносить их с твердостью. Каждое испытание более и более приближает вас к Богу.
Из «Благочестивых мыслей»

8

Бедствие – это оселок для человеческой жизни.
Флетчер

Ищи в страданиях их значения для твоего душевного роста, и уничтожится горечь страдания.

13 ИЮНЯ (Разум)

Разум есть отличительное от животных свойство человека.

1

Будда говорил: в размышлениях, в жизни, в разговоре, в изучении я никогда не забываю главного: требований Разума.

2

Разумное и нравственное всегда совпадают.

3

Если самоуверенный человек будет общаться с мудрым человеком всю свою жизнь, он так же мало познает истину, как ложка познает вкус того, что она передает в рот.

Восточная мудрость

4

То, что мы признаем достоинство в самом звании «человек», обязывает нас уважать в человеке и то, как он пользуется своим разумом. Человек должен не упрекать другого за его несообразности, не называть их глупостями, не говорить, что они нелепы, но, наоборот, должен предположить, что в основе их должно быть что-нибудь разумное, и стараться найти это. К этому присоединяются еще дальнейшие обязанности: раскрыть те ложные представления, которые его обманули, и, таким образом, объяснив причину его заблуждения, поддержать его доверие к своему разуму. И в самом деле, как можем мы убедить человека, когда мы не признали в нем разума? То же самое относится и к упрекам в пороках. Такие упреки никогда не должны доходить до презрения порочного человека. Не должно отрицать в человеке его нравственное достоинство, не должно предполагать невозможность восстановления его нравственного характера, так как такое предположение противно понятию человека, как нравственного существа, не могущего никогда потерять способности доброй воли.

Кант

5

Я не могу никого сделать лучше иначе, как только посредством остатков добра, заключающихся в нем самом. Я не могу никого сделать умнее

иначе, как только посредством остатков благоразумия, заключающихся в нем.

Кант

6

Люди, уверяющие других, что разум не может быть руководителем жизни, – это те люди, которые, отказавшись от разума, испортили свою жизнь и не хотят изменить ее.

Разум один во всех людях. Общение людей основано на разуме. И потому для каждого человека обязательны требования единого для всех разума.

14 ИЮНЯ (Осуждение)

Как мало нужно усилия для того, чтобы не осуждать ближнего, и как облегчается жизнь того, кто не осуждает других. А как мало людей делают это усилие.

1

В житиях святых есть рассказ про то, как старец, увидев во сне умершего слабого по жизни монаха в лучшем месте рая и спросив, за что удостоился этот нестоящий, со многими слабостями монах такого великого блага, получил ответ: за то, что он в жизни своей не осудил никого.

2

Итак, неизвинителен ты, всякий человек, судящий другого, ибо тем же судом, каким судишь другого, осуждаешь себя, потому что, судя другого, делаешь то же.

Римлян. гл. 2, ст. 1

3

Не осуждайте чужих поступков. Осуждая других, мы себя напрасно тревожим и впадаем в большие ошибки. Вникайте в самих себя, и труд ваш не останется тщетным.

Из «Благочестивых мыслей»

4

Чем строже и безжалостнее осудишь себя, тем справедливее и снисходительнее будешь судить других.

Конфуций

5

Не ищи славы в бесславии других.

Человеку доброму подобает скрывать позор других, даже тех, которые нанесли ему вред.

Не напоминай кающемуся про его прежние прегрешения.

Талмуд

6

Легко замечать заблуждения других, но трудно заметить свои; любят разбираться в ошибках своих ближних, но скрывают свои, как вор старается спрятать свою отмычку.

Человек любит осуждать других; он смотрит только на ошибки людей, а его собственные страсти разрастаются все более и более, удаляя его от улучшения.

*Буддийская мудрость*²²

7

До тех пор, пока ты сам грешен, не говори ни слова о грехах других.

Таблички бабидов

Отучи себя от осуждения на словах, и ты почувствуешь в своей душе увеличение способности любви, почувствуешь увеличение жизни и блага.

²² Дхаммапада

15 ИЮНЯ (Бог)

Любить Бога – значит любить то высшее добро, какое мы только можем себе представить.

1

Часто говорят: я не понимаю любви к Богу. Вернее сказать: я не понимаю никакой любви без любви к Богу.

2

Истинная любовь к Богу есть нравственное чувство, основанное на ясном понимании высшего совершенства. Так что любовь к Богу совпадает вполне с любовью к добродетели, справедливости, доброте.

Чаннинг

3

Человек, усвоивший себе знание закона, но чуждый любви к Богу, подобен тому казначею, коему вручены внутренние ключи без внешних.

Талмуд

4

Исполнять Божьи заповеди надо по любви к Богу, а не из страха перед ним.

Талмуд

5

Каким чувствует себя в душе человек, таким, в сущности, бывает и его Бог: или он добрый, любящий, справедливый, или мстительный, гневный и злобный.

Люси Малори

6

Если любишь человека, не любя в нем Бога, т. е. добро, то такую любовью готовишь себе разочарование и страдания.

7

Тот, кто говорит, что любит Бога, но не любит ближнего, тот обманывает людей. Тот же, кто говорит, что любит ближнего, но не любит Бога, тот обманывает самого себя.

Вполне достойно любви только совершенство.

Для того чтобы испытать совершенную любовь, мы должны или приписать совершенство несовершенному предмету нашей любви, или любить совершенство – Бога.

16 ИЮНЯ (Устройство жизни)

Улучшить устройство общественной жизни может только нравственное совершенствование людей.

1

Если государство достигает своей цели, то установит такое же состояние, как если бы повсюду воцарилась полная справедливость в складе мыслей. Но внутренняя сущность и происхождение этих двух состояний – подобию справедливости и полной справедливости – прямо противоположны. Именно в последнем случае состояние было бы такое, что никто не хотел бы *творить* несправедливостей; в первом же случае такое, что никто не хотел бы *терпеть* несправедливостей, и избранные средства совершенно отвечали бы этой цели. Так, достигнуть внешней цели можно двумя противоположными средствами. Так, хищный зверь в наморднике столь же безвреден, как и травоядное. Дальше же этого предела государство не может вести: стало быть, оно не может развернуть перед нами картину, какая сложилась бы при взаимной благожелательности и любви между всеми.

Шопенгауэр

2

Против окна, у которого я пишу, огромный бык привязан за кольцо, продетое сквозь ноздри. Пощипывая траву, он обмотал свою веревку вокруг столба и, как узник, стоит теперь, томимый голодом ввиду роскошной травы, лишенный возможности даже вскинуть голову, чтобы отогнать мух, которые кусают его плечи. Он много раз делал тщетные усилия, чтобы освободиться, но всякий раз, жалобно промычав, затихал, чтобы молча страдать.

Этот бык, обладающий мощной силой, но не имеющий достаточного соображения, чтобы понять, как ему можно освободиться, страдающий от голода посреди изобилия и делающийся беспомощной жертвой слабейших созданий, – представляется мне как бы эмблемой рабочих классов.

Во всех странах люди, трудом которых создается изобилие богатства, бьются в бедности. В то время как прогрессирующая цивилизация расширяет горизонт мысли и пробуждает новые желания, эти люди опускаются, ради удовлетворения своих животных потребностей, до уровня скотского существования. Сознывая всю горечь неправды, чувствуя в тайниках души, что они созданы совсем не для такой несчастной жизни, – люди эти тоже по временам борются и протестуют. Но до тех пор, пока они не научатся связывать следствие с причиной, до тех пор, пока они не поймут, каким образом они спутаны и как они могут освободиться, – до тех пор их усилия и протесты будут столь же тщетными, как усилия и жалобные мычания запутавшегося быка, – будут даже более тщетными. Я выйду из комнаты и отгоню быка, направляя его так, чтобы развернулась веревка, тогда как людей никто не направит к свободе.

До тех пор пока они не станут пользоваться разумом, которым они одарены, никто не поможет им, никто не сделает их свободными.

Истинная власть, при всевозможных видах правления, в действительности всегда находится в руках массы. И в действительности совсем не короли или аристократы, совсем не землевладельцы или капиталисты поработают повсюду народ. Его поработает его невежество.

Генри Джордж

3

Нельзя бороться против дурной организации не только насилием, но даже хорошей организацией.

Отчего не организовать труд!

Можно заняться и этим. Но не надо забывать, что, организуя труд, мы достигаем не благополучия человечества, а лишь успешности и производительности самого труда.

Благополучие же человечества может быть достигнуто только самостоятельным нравственно-религиозным путем.

Ведь досадно и возмутительно не столько то, что существует дурное общественное устройство, сколько то, что человек породил его, терпит его и даже пользуется им ради своих корыстных целей.

А что более возмущает, с тем и надо начинать бороться.

Федор Страхов

4

Мы живем в эпоху дисциплины, культуры и цивилизации, но далеко еще не в эпоху морали. При настоящем состоянии людей можно сказать, что счастье государств растет вместе с несчастьем людей. И еще вопрос: не счастливее ли мы были бы в первобытном состоянии, когда у нас не было бы этой культуры, чем в нашем настоящем состоянии?

Ибо как можно сделать людей счастливыми, когда их не делают нравственными и мудрыми!

Кант

Побороть общее зло жизни можно только одним средством: нравственным усовершенствованием своей жизни.

Недельное чтение

Первое горе

Когда Гриша выходил на балкон, ему стоило только прищурить свои большие синие глаза, чтобы видеть за открытыми воротами конюшни круглый светлый зад Ловкого в его стойле, ряд уздечек на перегородке и кучера Игната в его старой безрукавке и с неугасимой трубкой в зубах. Обыкновенно Гриша недолго противился искушению: он засовывал обе руки в карманы своих коротеньких штанишек, спускался с лесенки балкона и шел через большой заросший двор прямо в конюшню.

– Ну что? – спрашивал он Игната, оглядывая знакомую и милую ему обстановку каретного сарая. – Левая все еще хромает?

– Хромает еще, хромает! – с полной готовностью поддержать разговор отвечал Игнат.

– А хомут починил?

– Да вот починая.

– Смотри: сегодня моего Королька никому не давать!

– Да разве моя воля? Скажут: надо на станцию ехать либо в село, запрягай Королька... Я и запрягу.

– Что это, право! Все мою лошадь, все мою... – ворчливо замечал мальчик. – А овса ей всыпал?

– Откуда же я возьму, ежели мне не приказано? – отвечал Игнат, и бородатое, обыкновенно хмурое лицо его принимало лукавое выражение. – Папенька не велел.

– Без овса! – отчаянно вскрикивал Гриша, и гневные слезы навертывались у него на глазах.

Игнат весело и ласково смеялся.

– Ишь, порох какой! Право, порох, – успокоительно говорил он. – Да уж будьте покойны: не обижу я вашего Королька. У других отниму, а Королек у меня всегда в полном удовольствии.

Он ласково заглядывал в глаза мальчику и проводил по его голове своей корявой, грубой рукой. Гриша успокаивался и начинал свой обычный обход. Он садился поочередно во все экипажи, взлезал на козлы и делал попутно свои замечания.

– Хо-орошая тележка! – говорил он тоном знатока.

– Дурного в ней нет! – сочувственно отзывался Игнат.

– И прочная?

– Дегтем вымажешься, баловник! – предостерегал кучер. – Нянюшка будет браниться.

Игнат служил в усадьбе первый год, но очень быстро сошелся с маленьким барином, и между ними завязалась странная, но искренняя дружба.

– Вот как я у Луховских господ жил, – начинал Игнат, – была у них лошадь...

– Ты у них до нас жил?

– Нет. До вас жил я тут у одного купца... Конечно, нужда... Без нужды дня бы у него не прожил!.. Тоже в суд!.. А за что меня в суд? Разве я чужое брал?

– А разве тебя купец хотел судить?

– Чего уж там хотел! Прямо, значит, подал жалобу. Будто я у него лошадь и телегу увел. Жалованья не платил целый год, а отпустить тоже не отпускает. Живи! Мы с бабой и так и этак. Пользуется, значит, что пачпорта не было. Что ты тут делать будешь? Взяли мы с Матреной, с бабой моей, ночью лошадь в телегу запрягли, да и... домой. Не пешком же нам было идти, да еще с ребенком малым, до дому-то верст шестьдесят будет. Хватился купец, а нас и след

простыл. Лошадь я бы ему вернул. Неужто взял бы? А он, вишь, рассвирепел, что даровой работник ушел, да в суд, да жалобу: так, мол, и так, обокрали.

– И судили тебя?

– Говорят, судили.

– Ну как же?

– А вот и так же! – неопределенно отвечал Игнат, и густые брови его озабоченно хмурились, и все лицо надолго принимало угрюмое, почти страдальческое выражение.

– А ты бы сказал, что не виноват, – советовал Гриша серьезно.

– Да разве меня спрашивали? У нас суды-то какие? Где она, соколик, правда-то? Судили, судили, да вором меня и сделали. Вот как!

– Как сделали? – жадно допытывался мальчик.

– А вот так! – хмурясь и горько усмехаясь, отвечал Игнат.

Иногда разговор принимал другое направление.

– Разве Матрена твоя жена? – спрашивал Гриша.

– А то чья же! – добродушно отзывался Игнат.

– Чего же она не с тобой, а все в землянке хлебы печет?

Игнат улыбался.

– А чего ей тут со мной? Сказки мне, что ли, сказывать?

– Зачем сказки? – горячо возражал мальчик. – Мама сказки папе не рассказывает, так живет... А Полька, значит, твоя дочь?

– Значит, дочь.

– А еще у вас дети были?

– Нет, только и всего.

– Отчего у вас больше не было?

Игнат смеялся и крутил головой.

– Ну уж и ребенок! – говорил он.

– Чего смеешься? – слегка обижаясь и объясняя свою мысль, продолжал Гриша. – Вот у папы с мамой трое детей... Игнат! – ласково просил он тут же, заглядывая в глаза своего приятеля. – Когда уедем в город, ты уж побереги моего Королька.

– Уберегу! Уберегу! – обещал Игнат. – Да только, милый, как бы мне раньше вашего не уехать.

– А куда? – удивленно спрашивал мальчик.

– А вот... туда! – с своей обычной загадочной манерой отвечал Игнат.

Нередко душевную беседу друзей прерывала старуха няня.

– Гришенька! Здесь, что ли? – спрашивала она, заглядывая в сарай. – И что это, право, – ворчливо продолжала она, – господское дите, а в конюшне живмя живет. Вот пожалуюсь маме! Скажите на милость: приятеля себе нашел. Иди сейчас, иди! А ты, непутевый, – обращалась она к Игнату, – чем тебе ребенка образумить, ты его пуще заманиваешь.

– Да я что же, Анна Герасимовна? Я ничего, – сконфуженно оправдывался Игнат. – Если бы я его дурному учил...

– Еще бы тебя в учителя! – презрительно замечала няня. – Иди, баловник, иди!

Отца и мать Гриша видел большей частью только за столом. Отец всегда был занят, мать целыми днями сидела у себя в спальне и считалась нездоровой. Когда у нее не болела голова, то болело что-нибудь другое, что не позволяло ей переносить шумного общества детей и даже яркого света дня. Когда Грише приходила в голову мысль забежать к ней, она ласкала его, порывисто целовала несчетное число раз и сейчас же просила уйти и не беспокоить ее.

Иногда Гриша сопротивлялся.

– Мама, – говорил он, – я буду сидеть тихо, очень тихо.

Он садился в кресло и складывал руки на коленях.

– Ты здоров? – с беспокойством спрашивала мать.

– Да, – рассеянно отвечал он, занятый какой-нибудь посторонней мыслью, и сейчас же переходил на интересующий его вопрос.

Говорил он шепотом, чтобы не нарушать общего настроения тишины и спокойствия.

– Мама, – шептал он, – отчего, когда жарко, непременно вспотеешь?

– А тебе жарко? – спрашивала мать.

– Жарко... А ты думаешь, я в двух рубашках?

– Разве в одной?

– Конечно, в одной! Вот! – звонко вскрикивал Гриша и, расстегнув ворот ситцевой косоворотки, показывал свою голую грудь.

Мать болезненно морщилась.

– Зачем ты кричишь? – упрекала она.

– Ах, я забыл! – виновато говорил мальчик и умолкал. – Мама! – шептал он опять минуту спустя, – скажи: зачем хвост?

– Какой хвост?

– А у лошадей, у собак?

– Как зачем? Так, просто хвост. Так уж устроено.

– Ан не просто! А мух махать. Чем бы им мух-то махать?

Болтовня мальчика начинала раздражать нервную женщину, но она еще терпела молча, в полной уверенности, что Грише самому надоест полумрак комнаты и он уйдет. Но Гриша скользил по спинке кресла, укладывался спиной на сиденье и задирал ноги, закладывая их одну на другую.

– Мама! – говорил он опять, – а ты знаешь, где заводятся блохи?

Мать брезгливо морщилась и закрывала глаза.

– Ну уж, Гриша! Что это за разговор!

– В гужах. Если заведутся блохи, надо гужи выбросить и уж новые...

– Вот что значит, что ты все по конюшням! С осени найму тебе гувернантку. Мне стыдно за тебя!

– Отчего стыдно-то? – спрашивал мальчик.

– Ну хорошо. Ну иди! Иди к няне и сестрам. Все ты или один, или с мужиками.

Гриша глубоко вздыхал, нехотя поднимался с кресла и опять вздыхал: ему еще не хотелось уходить из прохладной комнаты, от своей грустной, больной, но все же нежно любимой мамы.

– Поцелуй меня! – тихо говорила мать.

Он целовал, терся лицом об ее лицо, а она нащупывала под рубашкой его острые плечики и впадала в жалобный тон:

– Худой ты у меня! Бледненький! Гриша, отчего ты такой?

– Шалю! – отвечал по привычке мальчик, но сострадательная нежность матери действовала на его нервы и жалобила его.

– Ты у меня плохонький! И тебе нелегко! И у тебя часто невесело на душонке, мой мальчик!

И случалось, что, тронутый ее жалостью и непонятными еще для него словами, Гриша вдруг начинал рыдать на ее плече.

– Что ты? О чем ты? – испуганно допрашивала его мать и трогала его голову, чтоб узнать, нет ли жару.

Но Гриша сейчас же успокаивался и уходил. И не успевал он дойти до двери, как уже забывал о своих беспричинных слезах, занятый какой-нибудь новой интересной мыслью. Что-то еще вздрагивало и всхлипывало в груди, а он уже радостно нащупывал в кармане забытую веревку и соображал, какое бы сделать из нее наилучшее употребление.

А между тем первое серьезное горе уже висело над его головой.

В одно утро отец, не отрываясь от газеты, сказал маме через стол:

– Да... ты знаешь? За Игнатом приехали!

– Приехали? Уже? – испуганно переспросила мама и, словно обдумывая что-то, опустила на стол недопитую чашку.

– Неужели ничего нельзя было сделать? Ведь у них дети, – тихо сказала она.

– Что ж прикажешь? – сказал отец, пожав плечами. – Не связываться же с этим мерзавцем... Ну как его там? С купцом этим... Я его немного знаю: кулак и мошенник.

– Ну вот видишь, тем более, – сказала мама.

– Чего же тем более? Увел лошадь, да еще замок сломан, ну, значит, воровство со взломом... Дело ясно.

– Но что же им было делать? – спросила мама. – Ведь этот человек воспользовался какой-то задержкой с паспортом, не платил жалованья, вымогал даровую работу... Ведь Игнат просто убежал из рабства...

– А уводить лошадь все-таки не следовало! Ну будет, что теперь толковать! – с досадой ответил отец и опять углубился в газету.

Гриша жадно слушал и ничего не понимал.

– Мама, куда везут Игната? – спросил он, широко раскрывая глаза.

Мать рассеянно поглядела на него, но вдруг вспомнила о дружбе мальчика с кучером, чуть-чуть нахмурилась и отвела глаза.

– Кто приехал за Игнатом, мама? – продолжал допытываться Гриша.

– Отчего не сказать ему? – недовольным тоном заговорил отец. – Что это за вечная боязнь огорчить, повлиять на нервы? И выйдет какая-то мокрая курица, тряпка, а не человек.

– Боже мой, да говори сам, разве я мешаю! – со слезами на глазах вскрикнула мама, подняла руки к вискам и вышла из-за стола.

– Вечные сцены! Вечные сцены! – закричал ей вслед отец.

– Твоего Игната везут в острог за кражу со взломом. Понимаешь? – сказал он жестко. Гриша побледнел. – Игната за кражу, а его жену Матрену за пособничество. Его на три года, а ее на полтора.

– А Польшу? – спросил Гриша.

– А Польшу... Ну что ж Польшу? Конечно, ее не в острог... Я уж не знаю, куда ее... Польшу.

Гриша в упор глядел на отца, и глаза его делались блестящими и злыми. Он бледнел все сильнее, но он боялся отца и сдерживался, насколько мог.

– Это за что же? – вызывающим тоном спросил он.

– Он украл, тебе говорят. Или все равно что украл.

– Совсем не все равно!.. И сам же ты сказал, что купец – мошенник.

– Ну сказал.

– Так что же это? Как же это? Разве это можно?

Отец вдруг рассердился.

– Пожалуйста, пожалуйста, без историй! Разбаловали так, что сил нет никаких.

Сдерживаясь насколько мог, Гриша встал и вышел из комнаты. Но только он очутился за дверью, как гнев и обида на кого-то словно стиснули ему горло. Он побежал по коридору и выскочил на балкон. Его первой мыслью было повидать Игната, но ворота конюшни были закрыты, и это означало, что Игната там нет. Гриша побежал в девичью. Там у стола сидела няня и пила чай, а против нее сидел какой-то незнакомый Грише мужчина в военной форме. Военный, манерно отставляя локоть, доставал из банки варенье и ел, запивая его чаем. Гриша сейчас же узнал нянину банку и понял, что няня угощает военного, но он был так занят неожиданной вестью об отъезде Игната, что не обратил внимания на присутствие няниного гостя.

– Няня, кто приехал за Игнатом? – дрожащим голосом спросил он.

Няня ответила не сразу.

– Да, отвезут теперь твоего голубчика; не будешь больше от няньки бегать.

– Кто приехал, няня?

– Теперь уж не отвертится... Кто приехал-то? Да вот кто приехал.

Гриша понял не сразу. Тот, кто должен был везти Игната и Матрену в тюрьму, представлялся ему огромным, страшным и отвратительным на вид, а на него глядело загорелое, добродушное лицо няниного гостя и улыбалось не то смущенной, не то просто глупой улыбкой. Кроме него и няни, никого больше в комнате не было. Наконец Гриша понял.

– Ты? – удивленно и недоверчиво спросил он, глядя в упор на военного.

– Я-с! – осклабяясь в широкую улыбку, ответил тот, видимо колеблясь, встать ли ему перед барчком или продолжать сидеть.

– Ты? Ты... ты негодный!.. Я тебя... я тебя расколочу! – взвизгнул он и бросился вперед.

Но вдруг лицо его передернулось, углы рта задрожали, и он заплакал громко и жалобно, как плачут беспомощные, огорченные дети. Урядник смущенно смеялся и оглядывался по сторонам, разводя руками...

Гриша убежал в детскую, забился в угол около своей кровати и прижался к стене, держась обеими руками за грудь. Бессильное негодование все еще клокотало в нем и искало себе выхода. Он увидел на полу сестрину куклу, стал топтать ее ногами и наконец отшвырнул ее в другой конец комнаты. На стене висела его собственная картинка; он сорвал ее и бросил на пол. От такой усиленной деятельности нервная напряженность его несколько ослабла: он сел, прислонился лбом к железу кровати, затих и стал мечтать... Он мечтал о силе...

Ему нужна была сила, чтобы мстить, чтобы покарать всех этих жестоких и виноватых людей: судей, которые осудили Игната, урядника, который должен был увезти его; няню за то, что она угощала урядника вареньем, и даже отца... На отца Гриша негодовал за его видимое равнодушие к судьбе Игната. Он должен был заступиться, должен был прогнать урядника, а он оставался спокойным, читал свои газеты и даже сказал, что Игнат «все равно что вор».

Грише хотелось отомстить всем этим людям, так жестоко обижавшим его друга. Он думал о том, как он накажет отца, няню, урядника, и, придумывая наказания, ковырял ногтем отставшую краску на железе. Вдруг он насторожился: ему послышался громкий говор отца и в ответ ему робкий голос Игната. Мигом он вскочил и выбежал в девичью. Среди комнаты, низко опустив голову, стояли Игнат и Матрена и переминались с ноги на ногу. Около Матрены, уткнувшись носом в сборки ее платья, стояла Польшка, а мать глядела на нее сверху, и на лице ее было больше тупого недоумения, чем страха и горя. Сзади них из-за дверей выглядывали любопытные лица дворни.

– Ну, ладно, – громко говорил Гришин отец, – теперь уж поздно и ничего не поделаешь. Насчет Польшки не беспокойтесь. Худо ей не будет, а в животе и смерти один Бог волен. Обещаемся ее беречь. С Богом, Игнат! Что ж делать?!

Отец махнул рукой, как бы давая понять, что прощание кончено, но никто не трогался с места. Игнат молчал и тупо глядел себе под ноги.

– Да, мы обещаемся, – дрожащим голосом прибавила мама, протянула руку к Польшке, но сейчас же опустила ее и отвернулась.

– Дела теперь уже не поправишь! – опять заговорил отец, видимо, начинавший тяготиться немой сценой отчаяния этих людей. – Уж надо как-нибудь... Срок не так велик, переживешь. Что же делать?

Матрена тихо отстранила Польшку, сделала шаг вперед и молча повалилась барыне в ноги, касаясь лбом пола.

– Матрена! – вскрикнула та, и слезы сразу брызнули у нее из глаз. – Не кланяйся мне, Матрена! Поверь ты мне: я уберегу твою девочку... Не кланяйся в ноги!

Она наклонилась, дотронулась дрожащей рукой до плеча Матрены и сама опустилась на пол рядом с ней.

– Надо терпеть... Всем надо терпеть! – торопливо шептала она. – Всем надо...

– Ну довольно, довольно! – не скрывая своего нетерпения, заговорил отец. – Я очень огорчен. Я был доволен тобой, Игнат. Отбудешь срок, приходи опять. Возьму. И не беспокойся за дочь. С Богом теперь!

Он взял за руку жену и хотел увести ее с собой, но та освободила руку и еще раз крепко обняла Матрену.

– Надо терпеть! – шепнула она еще раз.

Матрена встала. Она обвела комнату недоумевающим взглядом и остановилась на Грише. Один миг женщина и мальчик глядели друг другу в глаза, потом Гриша робко опустил ресницы и двинулся вперед.

– Прощай! – сказал он очень тихо и очень ласково. Но Матрена продолжала глядеть на него молча, все еще недоумевая над чем-то. Тогда Гриша направился к Игнату. Он протянул руку, Игнат взял ее и вдруг наклонился к самому лицу ребенка.

– Польку... будешь жалеть? – спросил он.

– Буду! – серьезно и торжественно ответил Гриша и смелым, блестящим взором взглянул в печальные глаза своего друга. Игнат провел рукой по голове мальчика, истово перекрестился на образ и направился к двери.

– Матрена! – позвал кто-то из двора. – Матрена! Игнат-то вышел. Ждут тебя, поди! Телега у крыльца.

Молодая женщина встрепенулась, тупое выражение недоумения сменилось испугом. Рядом с ней, по-прежнему уткнувшись лицом в складки платья, стояла Полька и дрожала всем телом. Она медленно повернулась и вышла.

Мальчик, сдерживая рыдания, сначала шагом, потом бегом вбежал в детскую и сел опять за кровать, мрачно смотря перед собой. В коридоре послышались шаги отца. Он вошел в детскую и остановился перед Гришей.

– Что ты тут сидишь? Иди к няньке, – сказал он.

Мальчик молчал и не трогался с места.

– Гриша! – строго крикнул отец. – Тебе я говорю или нет?

Ребенок поднял голову и остановил на нем серьезный, неприязненный и пристальный взгляд.

– Послушай, – невольно смягчаясь, заговорил отец, – ты, кажется, сердишься на меня? Я-то тут при чем? Разве я виноват? Это мне тебя следовало бы хорошенько отчитать: как ты смел кричать на урядника? Да говори же! – нетерпеливо крикнул он, чувствуя, что упорный взгляд сына раздражает и как будто стесняет его.

– Пусть... – тихо и спокойно сказал Гриша.

– Что пусть?

– Пусть ты меня бранишь. Мне теперь все равно.

Отец немного растерялся.

– Ну прекрасно! – сказал он. – А я с тобой теперь и говорить не хочу.

Он повернулся и направился к двери.

– По-твоему, – крикнул ему вслед Гриша, – по-твоему, его вареньем кормить, как няня?

Отец остановился.

– Всякий делает свое дело, – заметил он, – исполняет свой долг. Уряднику приказано было ехать за Игнатом, он поехал. Он хороший, добрый человек, а ты обидел его. И ты обидел меня, няньку... За что?

Гриша медленно опустил глаза, и на лице его ясно выразилось недоумение и боль.

– Нехорошо, брат! – укоризненно заключил отец и вышел из комнаты.

Гриша сидел неподвижно.

«Нехорошо, брат! – вспомнился ему укоризненный, почти ласковый голос отца. – Нехорошо?.. Обидел?.. – мучительно раздумывал мальчик. – Я обидел... А они все... Игната... за что?»

Гриша опустил голову и по-детски нахмурился.

«Всякий делает свое дело... А как же вышло такое нехорошее, злое дело?..»

Он поднял глаза, и в его остановившемся взгляде застыл мучительно тяжелый вопрос.

Л. Авилова

17 ИЮНЯ (Война)

Бедствия войн и военных приготовлений не только не соответствуют тем причинам, которые выставляются в их оправдание, но причины их большей частью так ничтожны, что не стоят обсуждения и совершенно неизвестны тем, которые гибнут в войнах.

1

Безумие современных войн оправдывается династическим интересом, национальностью, европейским равновесием, честью. Оправдание войн честью самое странное, потому что нет ни одного народа, который не осквернил бы себя во имя чести всеми преступлениями и постыдными поступками. Нет ни одного, который во имя чести не испытал бы всевозможных унижений. Если же и существует честь в народах, то какой же странный способ поддерживать ее войной, т. е. всеми теми преступлениями, которыми бесчестит себя частный человек: поджигательством, грабежами, убийством.

Анатоль Франс

2

Вы спрашиваете: необходима ли еще война между цивилизованными народами? Я отвечаю: не только «уже» не необходима, но никогда не была необходима. Не иногда, но всегда она нарушала правильное историческое развитие человечества, нарушала справедливость, задерживала прогресс.

Если последствия войн иногда и бывали выгодны для общей цивилизации, то вредных последствий было гораздо больше. Мы не видим их потому, что только часть вредных последствий тотчас же очевидна. Большая часть их, и самые важные, незаметны нам. И потому мы не можем допустить слово «еще». Допущение этого слова дает право защитникам войны утверждать, что спор между нами есть дело только временного соответствия и личной оценки, и разногласие наше тогда сведется к тому, что мы считаем войну бесполезной, тогда как они считают ее еще полезной. Они охотно согласятся с нами, с такой постановкой вопроса и скажут, что война действительно может сделаться бесполезной и даже вредной только завтра, но не нынче. Нынче же они считают нужным произвести над народом те страшные кровопускания, называемые войнами, которые совершаются только для удовлетворения личных честолюбий самого малого меньшинства.

Потому что такова была и такова теперь единственная причина войн: власть, почести, богатства малого числа людей в ущерб массам, естественное легкоеверие которых и предрассудки, вызываемые и поддерживаемые этим меньшинством, делают войны возможными.

Гастон Мох

3

Удивительно, до какой степени самое ничтожное несогласие может превратиться в священную войну. Когда Англия и Франция объявили войну России в 1855 году, то это произошло по такому ничтожному обстоятельству, что надо долго рыться в дипломатических архивах, чтобы понять эту причину. А вместе с тем последствием этого странного недоразумения была смерть 500 тысяч добрых людей и израсходование от 5 до 6 миллиардов.

В сущности, причины были, но такие, в которых не признаются. Наполеон III хотел посредством союза с Англией и счастливой войны утвердить свою, преступного происхождения, власть; русские хотели захватить Константинополь; англичане хотели утвердить могущество своей торговли и помешать влиянию русских на Востоке. Под тем или другим видом это всегда тот же дух завоевания и насилия.

Пуше

4

Иногда один властитель нападает на другого из страха, чтобы тот не напал на него. Иногда начинают войну потому, что неприятель слишком силен, а иногда потому, что он слишком слаб, иногда наши соседи желают того, чем мы владеем, или владеют тем, чего нам недостает. Тогда начинается война и продолжается до тех пор, покуда они захватят то, что им нужно, или отдадут то, что нужно нам.

Джонатан Свифт

5

Ни на каком из поступков людей не видна с такой ясностью сила внушения, подчинения не разуму, а преданию, как на войне. Люди, миллионы людей делают с восторгом, с гордостью дело, признаваемое ими всеми глупым, гадким, вредным, опасным, разорительным, мучительным, злодейским и ни на что не нужным, знают и повторяют все доводы против этого дела – и продолжают делать его.

Поводы, выставляемые правительством к войнам и содержанию войск, всегда ширмы, за которыми скрываются совсем другие побуждения.

18 ИЮНЯ (Божественная природа души)

Сознание долга дает нам сознание божественности нашей души, и, наоборот, сознание божественности нашей души дает нам сознание долга.

1

В нашей душе есть нечто такое, что мы, если обратим на него как следует внимание, будем всегда наблюдать с величайшим удивлением (а где удивление законно, там оно в то же время действует на нашу душу возвышающе), – это нечто – первоначальные нравственные наклонности, заложенные в нас.

Кант

2

Достоинство человека – в том духовном начале, которое называется иногда разумом, иногда совестью. Начало это, поднимаясь выше местного и временного, содержит несомненную истину и вечную правду. В среде несовершенного оно видит совершенство. Оно всеобще, беспристрастно и всегда в противоречии со всем тем, что пристрастно и себялюбиво в человеческой природе. Это начало властно говорит каждому из нас, что ближний наш столь же драгоценен, как и мы, и что его права столь же священны, как и наши. Оно велит нам воспринимать истину, как бы она ни противна была нашей гордости, и быть справедливым, как бы это ни было невыгодно нам. Оно же, это начало, призывает нас к тому, что прекрасно, свято и счастливо, в ком бы мы ни встретили эти свойства. *Начало это есть луч Божества в человеке.*

Чаннинг

3

Люди достигают небесной радости, достигают блаженства в телесной жизни. Такие люди чисты, потому что поглощены только желанием доброй жизни. Когда же ум и сердце чисты, то им открывается Божество.

Браминская мудрость (Вишну Пурана)

4

Новая, тайная, радостная и сверхъестественная красота представляется человеку, когда сердце его открывается добродетели. Он познает тогда то, что выше его. Он знает тогда, что существо его беспредельно, познает, что, как ни низок он теперь, он рожден для добра, для совершенства. То, что он почитает,

уже принадлежит ему, хотя он еще не ощущает его. *Он должен,* — он знает теперь значение этого великого слова.

Эмерсон

Голос совести — голос Бога.

19 ИЮНЯ (Совесьть)

Совесьть есть сознание своего духовного начала. И только тогда, когда она есть такое сознание, она – верный руководитель жизни людей.

1

В период сознательной жизни человек часто может заметить в себе два отдельных существа: одно – слепое, чувственное, и другое – зрячее, духовное. Слепое, животное, ест, пьет, отдыхает, спит, плодится и движется, как движется заведенная машина; зрячее, духовное, существо, связанное с животным, само ничего не делает, но только оценивает деятельность животного существа тем, что совпадает с ним, когда одобряет эту деятельность, и расходится с ним, когда не одобряет ее.

Зрячее – это духовное существо, проявление которого в просторечии мы называем совестью, можно сравнить со стрелкою компаса, которая всегда показывала бы одним концом на добро, другим, противоположным, на зло, и не видно нам до тех пор, пока мы не отклоняемся от даваемого им направления, т. е. от добра ко злу. Но стоит сделать поступок, противный направлению совести, и появляется сознание духовного существа, указывающее отклонение животной деятельности от направления, указываемого совестью.

2

Бог дал вам предание, или сознание всего человечества, и ваше личное сознание, т. е. вашу совесть, как те два крыла, при помощи которых вы можете приближаться и возноситься к нему и познавать истину. Зачем же вы хотите подрезать одно из этих крыльев? Зачем уединяться от мира или поглощаться миром? Зачем заглушать или голос своей совести, или голос человечества? Оба они священны. Бог говорит вам и тем и другим. Каждый раз, как они совпадают, когда голос вашего сознания или совести подтверждается сознанием человечества, вы находитесь в присутствии Бога и можете быть уверены, что нашли истину или прочли по крайней мере часть закона Бога, так как один голос служит проверкой другого.

Иосиф Мадзини

3

Люди говорят о предании нравственного учения, или религии, и о совести как о двух отдельных руководителях человека. В действительности же есть только один руководитель – совесть, потому что только совесть признает или не признает предания нравственного учения, или религии.

4

Совесьть! ты – божественный, бессмертный и небесный голос, ты – единственный верный руководитель невежественного и ограниченного, но разумного и свободного существа, ты – непогрешимый судья добра,

ты одна делаешь человека подобным Богу! От тебя превосходство его природы и нравственности его поступков. Без тебя нет во мне ничего, возвышающего меня над животным, кроме печального преимущества путаться в заблуждениях вследствие беспорядочного рассудка и разума без руководства.

Руссо

5

Ты молод и переживаешь время увлечений, страстей. Тем более в этой поре слушай голос своей совести, почитай его выше всего. Не отступай от него ни ради похоти, ни ради страсти, ни ради подчинения людским внушениям, обычаям, хотя бы их называли законом. Всегда спрашивай себя: согласно ли это с моей совестью? Будь мужественен и самоотвержен ради требований совести. Не бойся того, что разойдешься с мнением людей.

Паркер

6

Человек как будто всегда слышит за собой голос, но не может повернуть голову и увидеть говорящего. Голос этот говорит на всех языках, управляет всеми людьми, но никто никогда не видал говорящего. Если только человек станет точно повиноваться этому голосу, примет его в себя так, что не будет более в мыслях отделять себя от него, ему будет казаться, что он сам есть этот голос, он сольется с ним. И чем внимательнее он будет слушать этот голос, тем большая мудрость сообщится ему, и голос этот разрастется в величественный и торжественный призыв, который откроет ему блаженную жизнь. Но если он занят делами мирскими, а не той истиной, ради которой дела должны быть делами, тогда голос этот становится слаб и слышится только как слабое жужжание.

Эмерсон

7

От нас зависит, заглушить ли нашу совесть или озариться от нее светом, прислушиваясь к ней: если она повелевает нам сделать что-нибудь и мы этого не исполняем, если она продолжает нас предупреждать и мы все-таки не внимаем ей, то голос ее начинает мало-помалу ослабевать и наконец совершенно замолкает. Поэтому постоянно прислушивайтесь к ней. Не обращая внимания на ничтожные проступки, мы легко можем впасть в большие прегрешения. Незначительные погрешности чаще всего прививают нам опасные привычки. Постараемся пресечь зло, пока оно еще не пустило в нас глубоких корней. Зло и добро возрастают в нас по мере того, как мы допускаем их в наше сердце.

Из «Благочестивых мыслей»

Берегись всего того, что не одобряется твоею совестью.

20 ИЮНЯ (Вегетарианство)

Было время, когда люди ели человеческое мясо и не находили в этом ничего дурного. И теперь еще есть такие дикие люди. Переставали люди есть человеческое мясо понемногу. Так же и теперь понемногу перестают есть мясо животных, *и очень скоро придет время, когда люди будут чувствовать такое же отвращение к мясу животных, какое они чувствуют теперь к человеческому.*

По Ламартину

1

Как теперь считается гнусным и позорным подкидывать детей, устраивать бой гладиаторов, мучить пленников и совершать другие зверства, никому не казавшиеся прежде ни предосудительными, ни противными чувству справедливости, так подходит время, когда будет считаться безнравственным и непозволительным убивать животных и употреблять в пищу их трупы.

Д-р Циммерман

2

Если вы увидите детей, мучающих для своей забавы котенка или птичку, вы останавливаете их и учите их жалости к живым существам, а сами идете на охоту, на стрельбу голубей, на скачку и садитесь за обед, для которого убито несколько живых существ, т. е. делаете то самое, от чего вы удерживаете детей.

Неужели это кричащее противоречие не делается явным и не остановит людей?

3

Воздержание от мяса все больше и больше распространяется. Едва ли теперь есть сколько-нибудь значительный город, в котором не было бы от одной до дюжины и более вегетарианских столовых, где готовят пищу без мяса.

Люси Малори

4

«Мы не можем заявлять прав на животных, существующих на суше, которые питаются одинаковой пищей, вдыхают тот же воздух, пьют ту же воду, что и мы; при их умерщвлении они смущают нас своими ужасающими криками и заставляют стыдиться нашего поступка».

Так думал Плутарх, исключая почему-то водных животных. Мы же по отношению земнородных животных стали далеко позади его.

5

Не поднимай руки против брата твоего и не проливай крови никаких живых существ, населяющих землю, — ни людей, ни домашних животных, ни зверей, ни птиц; в глубине твоей души вещей голос запрещает тебе проливать кровь, ибо в ней жизнь, а жизнь ты не можешь вернуть.

Ламартин

В наше время, когда ясна преступность убийства животных для удовольствия или вкуса, охота и мясоедение уже не суть безразличные, но прямо дурные поступки, влекущие за собой, как всякий дурной сознательно совершаемый поступок, много еще худших поступков.

21 ИЮНЯ (Мудрость)

Страдания жизни неразумной приводят к сознанию необходимости разумной жизни.

1

Я, как разбойник, знал, что жил и живу скверно, видел, что большинство людей вокруг меня живет так же. Я так же, как разбойник, знал, что я несчастлив и страдаю и что вокруг меня люди так же несчастливы и страдают, и не видел никакого выхода, кроме смерти, из этого положения. Я так же, как разбойник к кресту, был пригвожден какой-то силой к этой жизни страданий и зла. И как разбойника ожидал страшный мрак смерти после бессмысленных страданий и зла жизни, так и меня ожидало то же.

Во всем этом я был совершенно подобен разбойнику, но различие мое от разбойника было в том, что он умирал уже, а я еще жил. Разбойник мог поверить тому, что спасение его будет там, за гробом, а я не мог поверить этому, потому что, кроме жизни за гробом, мне предстояла еще жизнь здесь. А я не понимал этой жизни. Она мне казалась ужасною. И вдруг я услышал слова Христа, понял их, и жизнь и смерть перестали мне казаться злом, и вместо отчаяния я испытал радость и счастье жизни, не нарушимые смертью.

2

Большинство людей – блудные сыновья и дочери, которые растрачивают свои жизненные силы и средства на то, что не имеет никакой цены. Они отходят все дальше и дальше от «отчего дома», питаюсь, как блудный сын, рожками; наконец, духовная бедность заставляет их вернуться к «отчему дому», и им приходится тогда, как младенцам, с самого начала изучать путь истинной жизни.

Люси Малори

3

Тремя путями мы познаем мудрость: *размышлением* – самый благородный путь; *подражанием* – это самый легкий и третий, *опытный* – это самый тяжелый.

Конфуций

4

При всяком постигшем тебя страдании думай не столько о том, как тебе избавиться от страдания, сколько о том, чего, каких усилий для нравственного совершенствования оно требует от тебя.

Все бедствия и всего человечества и отдельных людей не бесполезны и ведут человечество и людей, хотя и окольным путем, все к той же одной цели, которая поставлена людям: проявлению Бога каждым человеком в себе и во всем человечестве.

22 ИЮНЯ (Дела)

Истинная религия одна для всех людей.

1

Дурно то, что люди не знают Бога, но хуже всего то, что люди признают Богом то, что не есть Бог.

Лактанций

2

Различие религий – какое странное выражение! Конечно, могут быть различные веры в исторические события, передаваемые от поколения к поколению для укрепления религии. Точно так же могут быть и различные религиозные книги (Зендавеста, Веды, Коран и т. д.). Но может быть только одна действительная для всех времен *религия*. Все же различные веры не могут содержать в себе ничего иного, как только вспомогательное средство для религии, которое является случайно и может быть различным, смотря по различию времени и места.

Кант

3

Верить можно только в то, про что мы знаем, что оно несомненно есть, но чего мы не можем обнять разумом и выразить словами.

4

Большинству людей мы оказываем слишком много чести, когда говорим про них, что они исповедуют ту или иную религию. Ибо они не знают и не ищут никакой религии; уставная церковная вера – вот все, что они подразумевают под этим словом. И так называемые религиозные войны, которые так часто потрясали мир и заливали его кровью, никогда не были не чем иным, как только препирательствами из-за церковной веры; и люди, жаловавшиеся на религиозные угнетения, жаловались, в сущности, не на то, что им препятствовали принадлежать к их религии, ибо этого не может сделать никакая внешняя сила, а на то, что им не позволяли следовать публично их церковной вере.

Кант

5

Утверждение о том, что ты во лжи, а я в истине, есть самое жестокое слово, которое может один человек сказать другому, в особенности когда это касается самого важного на свете дела. А между тем это самое говорят друг другу люди, спорящие о религии.

6

Если ты мусульманин, иди и живи с христианами; если христианин – живи с евреями; если католик – живи с православными. Какая бы ни была твоя религия, общайся с людьми других верований. Если речи их не возмущают тебя и ты можешь свободно общаться с ними, ты достиг мира. Гафиз сказал: предмет всех религий один и тот же; все люди ищут любви, и весь мир есть обиталище любви, зачем же говорить о мечети или о церкви!

Суфийская мудрость

7

Истинно верующий человек – не тот, который слепо следует известному учению или Библии, а тот, который полагает свою веру в чистой совести и ясной мысли – вернейших выразителях воли Бога.

Герберт Бигелов

Не бойтесь сомнений – смело исследуйте разумом предлагаемые вам положения веры.

23 ИЮНЯ (Свобода)

Свободным может быть только тот, кто сущность жизни своей полагает не в телесной, а в духовной жизни.

1

Раб, довольный своим положением, вдвойне раб, потому что не одно его тело в рабстве, но и душа его.

Бурке

2

Если люди делают зло, они делают зло самим себе; тебе же они не могут сделать зла. Ты рожден не для того, чтобы творить зло и грешить вместе с людьми, но для того, чтобы помогать им в добрых делах и в этом находить свое счастье.

Знай и помни, что если человек несчастен, то он сам в этом виноват, потому что Бог создал всех людей для их счастья, а не для того, чтобы они были несчастны.

Из всего того, что Бог предоставляет нам в этой жизни, он одну часть отдал в наше полное распоряжение: она составляет как бы нашу собственность; другая же часть находится вне нашей власти, так сказать, не принадлежит нам: все, что другие могут связать, насиловать, отнять у нас, не принадлежит нам, а все то, чему никто и ничто не может помешать и повредить, составляет нашу собственность. И Бог по Своей благодати дал нам в нашу собственность как раз то, что и есть настоящее благо. Значит, Бог не враг нам; он поступил с нами как добрый отец: он не дал нам только того, что не может дать нам блага.

И потому мудрый человек заботится только о том, чтобы исполнять волю Божию, и размышляет о глубине своей души так: если Ты желаешь, Господи, чтобы я еще жил, то я буду жить так, как ты велишь, буду распоряжаться тою свободой, которою Ты дал мне во всем, что принадлежит мне.

Но если я Тебе больше не нужен, то пусть будет по-Твоему.

Я до сих пор жил на земле единственно для того, чтобы служить Тебе; если же Ты пошлешь мне смерть, то я уйду из мира, повинуюсь Тебе, как слугитель, понимающий приказания и запрещения своего хозяина. А пока я остаюсь на земле, я хочу быть тем, чем Ты хочешь, чтобы я был.

Эпиктет

3

Мир – великое благо, но если мир достигается рабством, то он становится не благом, а бедствием. Мир – это свобода, основанная на признании прав всякого человека, рабство – это отрицание прав человека, его человеческого

достоинства. И потому надо жертвовать всем для достижения мира и еще больше для избавления от рабства.

По Цицерону

4

Помни, что изменить свое мнение и следовать тому, что исправляет твою ошибку, – более соответствует свободе, чем настойчивость в своей ошибке.

Марк Аврелий

5

Я назову только ту душу свободной, которая действует по внутренним мотивам неизменных начал, свободно воспринятых ею. Я назову свободной только ту душу, которая не подчиняется рабству обычая, которая не довольствуется старыми, приобретенными добродетелями, которая не замыкается в определенные правила, которая забывает то, что позади, а прислушивается к призывам совести и радуется тому, что может стремиться к новым и высшим задачам.

Чаннинг

6

Только та есть действительная обязанность, которая не имеет целью наше рабство. Только то есть знание, которое содействует нашей свободе.

Всякая другая обязанность – только новое ярмо. Всякое другое знание – только праздная выдумка.

Вишну Пурана

Нет середины: будь рабом Бога или людей.

Недельное чтение

Добровольное рабство

23

Врачи советуют не заниматься неизлечимыми ранами; и я боюсь, что я поступаю глупо, желая давать советы народу, который давно потерял всякое понимание и который тем, что не замечает уже своей болезни, показывает, что болезнь его смертельна.

Прежде всего несомненно то, что если бы мы жили теми правилами и поучениями, которые дала нам природа, то мы были бы покорны своим родителям, подчинялись бы разуму и не были бы ничьими рабами. О повиновении каждого своему отцу и матери свидетельствуют все люди – каждый сам в себе или для себя. О разуме же я думаю, что он есть естественное свойство души, и если люди поддерживают его в себе, то он расцветает в добродетель.

Но в чем нельзя сомневаться и что вполне ясно и очевидно, это то, что природа сделала нас всех одинаковыми, – как бы вылила в одну форму, – с тем чтобы мы считали друг друга товарищами или, скорее, братьями; и если при дележе наших способностей она дала некоторым телесные и духовные преимущества, то она все-таки не хотела посеять вражды между нами, не хотела, чтобы более сильные и умные, как разбойники в лесу, нападали бы на слабых; но скорее, надо думать, что, наделив одних большими способностями в сравнении с другими, она создала тем самым возможность братской любви, в силу которой более сильные помогали бы тем, которые нуждаются в их помощи.

И если эта добрая мать-природа дала нам один и тот же внешний вид для того, чтобы каждый мог видеть и узнавать себя в другом; если она всем нам дала великий дар слова для того, чтобы мы, сделав обычай из взаимного обмена мыслей и общения наших волей, узнавали друг друга и сближались все более и более; если она старалась всеми средствами объединить и сплотить наше общество, связав его при помощи общения как бы в крепкий узел, и так как, наконец, это ее стремление к объединению подтверждается и природой всех вещей в мире, то нет сомнения, что мы должны быть сотоварищами и что никто не может думать, чтобы природа одним определила быть рабами, а другим – господами.

И поистине излишне разбирать, естественна ли свобода, так как никто не может не чувствовать страданий, находясь в рабстве, и нет на свете ничего столь невыносимого, как унижение. Следовательно, нужно признать, что свобода естественна и что нам от рождения свойственна не только свобода, но и потребность защищать ее. Но если бы случилось, что мы усомнились бы в этом или до такой степени заглубели, что утратили бы способность познания нашего блага и естественных наших стремлений, то удостоились бы чести поучиться этому самому у грубых животных. Животные, если люди окажутся не слишком глухи, будут кричать им: «Да здравствует свобода!» В самом деле, многие из них умирают, лишь только их лишают свободы. Другие – и большие и малые, – когда их ловят, отбиваются всеми силами: и клювом, и когтями, и рогами, показывая этим, как они дорожат тем, что теряют; когда же они пойманы, показывают весьма недвусмысленно, насколько они сознают свое несчастье, и продолжают свою жизнь больше для того, чтобы сокрушаться о потерянном, чем для того, чтобы

²³ Этьен де ла Боэти родился в 1530 г. и 16-ти лет написал речь о добровольном рабстве, выдержка из которой здесь приводится. Де ла Боэти был членом суда в Бордо и близким другом Монтэня. Монтэнь высоко ценил его как писателя и как человека и составил описание его болезни и смерти. Де ла Боэти умер в 1563 году. Издатель его речи прекрасно говорит о ней, что чтение таких речей есть питание тем мозгам костей львов (*moëlle de lion*), которого, к несчастью, лишены современные поколения.

довольствоваться своим рабством. Мы приучаем коня к службе чуть не с самого его рождения; но сколько бы мы ни ласкали его, когда дело приходит к тому, чтобы смирить его, он начнет кусать удила и рваться как бы для того, чтобы хоть этим показать, что служит он не по собственному желанию, но по нашему принуждению. Так что все существа, которые имеют чувства, сознают зло подчинения и стремятся к свободе. Животные, которые ниже человека, не могут привыкнуть покоряться иначе, как против воли. Что же за странное явление, что один только человек до такой степени изменил своей природе, что, рожденный для того, чтобы жить свободно, потерял даже воспоминание о свободе и желание возвратить ее!

Есть три рода тиранов (я говорю о злых государях): одни властвуют по выбору народа, другие – по силе оружия, третьи – по наследству. Те, которые властвуют по праву войны, держат себя так, что видно, что они властвуют по праву победы. Те, которые рождены государями, не лучше первых: будучи воспитаны в преданиях тирании, они с молоком матери всасывают природу тиранов, пользуются подчиненными им народами как унаследованными рабами; смотря по своему расположению – корыстолюбивы ли они или расточительны, – они распоряжаются государством как своим наследством. Тот же, который получил свое право от народа, казалось, должен бы был быть более способен; и я думаю, он был бы таким, если бы он не чувствовал себя превознесенным над другими, если бы не был окружен лестью и тем, что называют величием, с которыми он не хочет расстаться, если бы он не пользовался своею властью для того, чтобы передать ее своим детям. И странное дело, эти самые государи, властвующие по выбору народа, превосходят всех других тиранов всякого рода пороками и даже жестокостью. Помимо усиления рабства – урезывания свободы у своих подданных, той свободы, которой и без того так мало у них осталось, – они не видят иных средств утверждения своей власти. Так что, говоря по правде, хотя я и вижу некоторое различие между указанными мною тремя родами тиранов, однако, в сущности, они все одинаковы, и хотя достигают власти различными путями, однако способ властвования у них всегда один и тот же. Что же касается завоевателей, то они считают, что на завоеванных они имеют такое же право, как на свою добычу. Наследники же их поступают с подданными, как со своими естественными рабами.

Но если бы в наше время родились люди совсем новые, не привыкшие ни к подчинению, ни к свободе, – люди, которые не знали бы ни того ни другого, и если бы этим людям предложили одно из двух: или быть подданными, или жить свободно, – что бы они выбрали? Нетрудно решить, что они предпочли бы повиноваться лучше одному разуму, чем служить одному человеку. Но это только в том случае, если бы они не были похожи на тех израильтян, которые без принуждения и без всякой надобности создали себе тирана. Историю этого народа я никогда не читаю без чувства досады, которое доводит меня до того, что я делаюсь бесчеловечен и радуюсь тем бедствиям, которые израильтяне сами на себя накликали. Что же касается до всех людей, то в той мере, в которой они – люди, нужно одно из двух для того, чтобы их подчинить, – нужно или принудить, или обмануть их.

Удивительно, как народ, как скоро он подчинен, впадает тотчас же в такое забвение свободы, что ему трудно проснуться, чтобы возвратить ее. Он служит так охотно, что, глядя на него, думаешь, что он потерял не свободу свою, а свое рабство. Правда, что сначала люди бывают принуждаемы и побеждаемы силой; но следующее поколение, никогда не видавшее свободы и не знающее, что это такое, служит уже без сожаления и добровольно делает то, что его предшественники делали по принуждению. От этого люди, рожденные под игом и потому воспитанные в рабстве, принимают за естественное состояние то, в котором они родились, принимают его, не заглядывая вперед, а довольствуясь жизнью в том положении, в каком они родились, и не думая добиваться ни иных прав, ни иных благ, кроме тех, которые они находят. Ведь как бы ни был расточителен и небрежен наследник, он все же когда-нибудь да просмотрит свои акты наследства, чтобы узнать, всеми ли своими правами он пользуется, не отняли ли чего-нибудь у него или у его предшественника. Но привычка, которая вообще имеет над

нами великую власть, ни в чем не имеет над нами такой силы, как в том, чтобы научить нас быть рабами и приучить с легкостью проглатывать горький яд рабства, подобно Митридату, понемногу приучившему себя к самоотравлению.

* * *

Во всех странах и во всяком воздухе противно рабство и приятна свобода, и потому надо жалеть тех, которые родились с игом на шее. Но надо и извинять таких людей, так как они никогда не видали даже тени свободы и потому не замечают всего зла рабства. Ведь никто не сожалеет о том, чего никогда не имел, и приходит сожаление только после потерянного удовольствия.

Для человека естественно быть свободным и желать быть им, но вместе с тем его природа такова, что он привыкает ко всему.

Итак, мы скажем, что человеку естественны все вещи, к которым он привыкает. Так что первая причина добровольного рабства есть привычка – та привычка, по которой самые лучшие кони сначала грызут свои удила, а потом играют ими, сначала рвутся из-под седла, а под конец как бы с гордостью гарцуют в своей сбруе. Люди говорят, что они всегда были подданными, что их отцы жили таковыми, – думают, что должны переносить неволю, заставляют себя верить в это и на основании давности оправдывают власть тех, которые их тиранят. Но среди таких покорных встречаются и благородные люди, которые, чувствуя тяжесть ига, желают свергнуть его и никогда не привыкают к подчинению. Эти люди, как Улисс, который на море и на земле желал видеть дым своего родного очага, помнят о своих естественных правах и о свободных своих предках; обладая ясным пониманием и проницательным умом, они не довольствуются, подобно грубой толпе, только тем, что у них под ногами, но имеют головы на плечах, – головы, воспитанные образованием и наукой. И эти люди, если бы свобода совсем покинула мир, если бы навсегда была потеряна для людей, все-таки чувствовали бы ее в своем духе и любили бы ее, так как рабство им всегда противно, как бы его ни наряжали.

Турецкий султан догадался об этом. Он решил, что книги и ученье более всего пробуждают в людях сознание самих себя и ненависть к тирании. Говорят, что в его владениях есть только такие ученые, которые ему нужны. И от этого, как бы ни были многочисленны люди, сохранившие в себе, несмотря ни на что, преданность свободе, они при всем их желании и рвении не имеют никакого влияния; и это потому, что, при полном отсутствии свободы говорить и даже думать, они не могут знать друг друга.

Итак, главная причина, по которой люди добровольно отдаются в рабство, в том, что они рождаются и воспитываются в этом положении. От этой причины происходит и другая – та, что под властью тиранов люди легко делаются трусливыми и женственными. Тиран никогда не думает, чтобы его власть была прочная, и потому старается, чтобы под его властью не было ни одного достойного человека.

Эта хитрость, при помощи которой тираны одурают своих подданных, ни на чем так ясно не обнаруживается, как на том, что сделал Кир с лидийцами после того, как завладел их главным городом Лидией и взял в плен Креза, этого богатого государя, и увез его с собой. Когда ему объявили, что лидийцы возмутились, он скоро вновь покорил их; но не желая разрушать такой прекрасный город и постоянно держать там армию, чтобы сохранять его за собой, он придумал другое средство: он устроил там увеселительные места, трактиры, публичные дома, зрелища и сделал предписание, чтобы все жители пользовались всем этим. И этот способ оказался столь действительным, что после этого ему уже не нужно было воевать с лидийцами. Эти несчастные люди забавлялись тем, что придумывали разные новые игры; так что римляне от них заимствовали слово, которым мы называем провождением времени: «ludi».

Тираны не признают открыто того, что они хотят развратить своих подданных, но то, что Кир откровенно применил, то в действительности делают все. Так как свойство простого народа в городах таково, что он бывает подозрителен лишь к тем, которые его любят, и прост и податлив по отношению к тем, которые его обманывают. Не думаю, чтобы нашлась какая-либо птица, которая бы лучше ловилась на приманку, или рыба, которая лучше попадала бы на крючок, чем все народы попадают в рабство из-за малейшего перышка, которым им, как говорится, помажут по губам (так что надо удивляться, как они легко поддаются, лишь только пощекочут их). Театры, игры, представления, шутовства, гладиаторы, странные животные, картины и другие подобные глупости составляли для древних приманку рабства, цену их свободы и оружие тирании. Таковы были приемы приманок древних тиранов, употреблявшиеся ими с целью усыпления их подданных под их игом. Таким образом, одуренные этими забавами, увеселяемые пустыми зрелищами, устраиваемыми перед их глазами, народы привыкали рабствовать не хуже, чем малые дети, которые выучиваются читать лишь для того, чтобы знать содержание блестящих картинок в книжках.

Ассирийские цари и после них мидийские показывались народу по возможности реже, чтобы народ думал, что они представляют из себя нечто необычайно великое, и чтобы так и оставался в этом заблуждении, ибо людям свойственно преувеличивать в своем воображении то, чего они не могут видеть. Таким образом, народы, находившиеся под властью ассирийского владычества, были приучены рабствовать при помощи этой тайны и тем охотнее рабствовали, чем меньше знали своего господина; а иногда и совсем не знали, есть ли он, и все по доверию боялись того, кого никто не видал. Первые цари Египта показывались не иначе, как имея иногда ветку, а иногда огонь на голове, и выходили в масках и этим возбуждали в своих подданных уважение и удивление; тогда как люди, не слишком раболепные и глупые, мне кажется, сочли бы их только забавными и смешными. Прямо жалки и ничтожны те уловки, которыми пользовались тираны древности ради утверждения своей тирании в народе, столь податливом на их обманы. Не было такой сети, в которую не попадался бы народ; и никогда тираны легче не обманывали народ, легче не подчиняли его, как когда сами смеялись над ним. Итак, было ли такое время, когда бы тираны, ради утверждения своей власти, не приучали народ не только к повиновению и рабству, но и к обожанию?

Все, что я сказал до сих пор о том, как тираны учат людей повиноваться им, касается простого и грубого народа.

Теперь же я подхожу к вопросу, который составляет секрет и главное оружие тирании. Тот, кто думает, что тираны охраняют себя оружием стражи и орудиями крепости, тот очень заблуждается; правда, они пользуются этим, но больше для формы и для страха, чем на самом деле полагаются на них. Телохранители не допускают во дворцы не тех людей, которые опасны, а лишь тех ничтожных людей, которые не могут причинить тирану никакого вреда.

Если мы подсчитаем число убитых римских императоров, то увидим, что их телохранители не столько избавляли их от опасностей, сколько убивали их. Не оружие и не вооруженные люди – конные и пешие – защищают тиранов, но, как ни трудно этому поверить, три или четыре человека поддерживают тирана и держат для него всю страну в рабстве. Всегда круг приближенных тирана состоял из пяти или шести человек; эти люди или сами вкрадывались к нему в доверие, или были приближаемы им, чтобы быть соучастниками его жестокостей, товарищами его удовольствий, устроителями его наслаждений и сообщниками его грабительств. Эти шестеро заставляют своего начальника быть злым не только его собственной, но еще и их злостью. Эти шестеро имеют шестьсот, находящихся под их властью и относящихся к шестерым так же, как шестеро относятся к тиранам. Шестьсот же имеют под собой шесть тысяч, которых они возвысили, которым дали управление провинциями или денежными делами, с тем чтобы они служили их корыстолюбию и жестокости и чтобы делали зло, которое может продолжаться только при них и только ими избавляется от законной кары. За этими следует

еще большая свита. И тот, кому охота забавляться – распутывать эту сеть, увидит, что не только шесть тысяч, но сотни тысяч, миллионы скованы этой цепью с тираном. Ради этого умножаются должности, которые все суть поддержка тирании, и все занимающие эти должности люди имеют тут свои выгоды, и этими выгодами они связаны с тиранами, и людей, которым тирания выгодна, такое множество, что их наберется почти столько же, сколько тех, которым свобода была бы радостна. И как доктора говорят, что если есть в нашем теле что-нибудь испорченное, то тотчас же к этому больному месту приливают все дурные соки, так же точно и к государю, как скоро он делается тираном, собирается все дурное – все подонки государства, куча воров и негодяев, не способных ни на что, но корыстолюбивых и алчных, – собираются, чтобы участвовать в добыче, чтобы быть под большим тираном маленькими тиранятами. Так делают большие грабители и знаменитые корсары. Одни делают разведки, другие останавливают путешественников; одни караулят, другие в засаде; одни убивают, другие грабят, и хотя между ними есть различие, ибо одни – слуги, а другие – начальники, – все они участники в добыче.

Так что тиран подчиняет одних подданных посредством других и бывает охраняем теми, которых, если бы они не были негодяи, он бы должен был опасаться. Но, как говорится, «чтобы колоть дрова, делают клинья из того же дерева», – так и его телохранители таковы же, как и он. Бывает, что и они страдают от него; но эти оставленные Богом, потерянные люди готовы переносить зло, только бы им быть в состоянии делать его не тому, кто делает зло им, но тем, которые переносят его и не могут иначе.

Ла Бэти

Орел

Проживал у нас тоже некоторое время в остроге орел (Карагуш), из породы степных, небольших орлов. Кто-то принес его в острог раненого и измученного. Вся каторга обступила его; он не мог летать: правое крыло его висело по земле, одна нога была вывихнута. Помню, как он яростно оглядывался кругом, осматривая любопытную толпу, и разевал свой горбатый клюв, готовясь дорого продать свою жизнь.

Когда на него насмотрелись и стали расходиться, он отковылял, хромая, прискакивая на одной ноге и помахивая здоровым крылом, в самый дальний конец острога, где забился в углу, плотно прижавшись к палям. Тут он прожил у нас месяца три и во все время ни разу не вышел из своего угла. Сначала приходили часто глядеть на него, натравливали на него собаку. Шарик кидался на него с яростью, но, видимо, боялся подступить ближе, что очень потешало арестантов.

– Зверь! – говорили они, – не дается!

Потом и Шарик стал больно обижать его; страх прошел, и он, когда натравливали, изловчался хватать его за больное крыло. Орел защищался изо всех сил когтями и клювом и гордо и дико, как раненый король, забившись в свой угол, оглядывал любопытных, приходивших его рассматривать. Наконец всем он наскучил, все его бросили и забыли, и, однако ж, каждый день можно было видеть возле него клочки свежего мяса и черепок с водой. Кто-нибудь да наблюдал же его. Он сначала и есть не хотел, не ел несколько дней; наконец стал принимать пищу, но никогда из рук или при людях.

Мне случалось не раз издали наблюдать его. Не видя никого и думая, что он один, он иногда решался недалеко выходить из угла и ковылять вдоль паль, шагов на двенадцать от своего места, потом возвращался назад, потом опять выходил, точно делал моцион.

Завидя меня, он тотчас же изо всех сил, хромая и прискакивая, спешил на свое место и, откинув назад голову, разинув клюв, оцетинившись, тотчас же приготавливался к бою. Никакими ласками я не мог смягчить его: он кусался и бился, говядины от меня не брал и все время, бывало, как я над ним стою, пристально-пристально смотрит мне в глаза своим злым пронзительным взглядом. Одиноко и злобно он ожидал смерти, не доверяя никому и не примиряясь ни с кем.

Наконец арестанты точно вспомнили о нем, и хоть никто не заботился, никто и не помнил о нем месяца два, но вдруг во всех точно явилось к нему сочувствие. Заговорили, что надо вынести орла.

– Пусть хоть околет, да не в остроге, – говорили одни.

– Вестимо, птица вольная, суровая, не приучишь к острогу-то, – поддакивали другие.

– Знать, он не так, как мы, – прибавил кто-то.

– Вишь, сморозил: то птица, а мы, значит, человеки.

– Орел, братцы, есть царь лесов... – начал краснобай Скуратов, но его на этот раз не стали слушать.

Раз после обеда, когда пробил барабан на работу, взяли орла, зажав ему клюв рукой, потому что он начал жестоко драться, и понесли из острога.

Дошли до вала. Человек двенадцать, бывших в этой партии, с любопытством желали видеть, куда пойдет орел. Странное дело: все были чем-то довольны, точно отчасти сами они получили свободу.

– Ишь, собачье мясо: добро ему творишь, а он все кусается! – говорил державший его, почти с любовью смотря на злую птицу.

– Отпускай его, Микитка!

– Ему, знать, черта в чемодане не строй. Ему волю подавай, заправскую волю-волюшку.

Орла бросили с вала в степь. Это было глубокою осенью, в холодный и сумрачный день. Ветер свистал в голой степи и шумел в пожелтелой, иссохшей, клочковатой степной траве. Орел пустился прямо, махая больным крылом и как бы торопясь уходить от нас куда глаза глядят.

Арестанты с любопытством следили, как мелькала в траве его голова.

– Вишь его! – задумчиво проговорил один.

– И не оглянется! – прибавил другой.

– Ни разу-то, братцы, не оглянулся, бежит себе!

– А ты думал, благодарить воротится? – заметил третий.

– Знамо дело, воля! Волю почуял.

– Слобода, значит.

– И не видать уж, братцы...

– Чего стоять-то? Марш! – закричали конвойные; и все молча поплелись на работу.

Ф. М. Достоевский (из «Записок из Мертвого дома»)

24 ИЮНЯ (Смерть)

Памятование о смерти учит человека выбирать из предстоящих дел такие, которые всегда закончены. А эти дела – самые нужные.

1

Говорят, что в человеке особенно сильно желание сохранения своей жизни. Это справедливо. Но большая доля этого желания воспитана людьми. Человек по природе своей заботится о сохранении своей жизни только в той мере, в которой он имеет для этого средства. Как только он чувствует себя лишенным этих средств, он успокаивается и перестает бесполезно мучиться. Средство покорности дано нам самой природой. Дикие, так же как и животные, не отбиваются от смерти и переносят ее без жалоб. Когда же это средство утеряно, устанавливается другое, происходящее от разума, но немногие пользуются им.

Руссо

2

Как скоро тебе придется умереть! А все еще ты не можешь освободиться от притворства и страстей, не можешь отстать от предрассудка считать, что мирское внешнее может вредить человеку, не можешь сделаться кротким со всяким.

Марк Аврелий

3

Разумный человек думает больше о жизни, чем о смерти.

Спиноза

4

Для духа нет смерти, и потому живущий духовной жизнью человек свободен от смерти.

5

Если хочешь привыкнуть без страха помышлять о смерти, то попробуй всмотреться и живо войти в положение тех людей, которые из всех сил привержены были к жизни. Им представлялось, что смерть постигла их преждевременно. Между тем самые долголетние, похоронившие многих, наконец все-таки умерли. Как краток этот промежуток времени, как много вмещается в нем горя, зла и как хрупок сосуд жизни!

Стоит ли говорить об этом мгновении! Подумай – за тобой вечность, впереди тоже вечность. Между этими двумя безднами, какую может для тебя составить разницу – проживешь ли ты три дня или три века.

Марк Аврелий

6

Загромождение мешает свободе, а загромождение происходит от откладывания. Уметь быть готовым – значит уметь кончать. Ничто не сделано, что не окончено. Дела, которые мы оставляем за собой, впоследствии опять восстанут перед нами и затруднят наш путь. Пусть каждый наш день управится с тем, что его касается, очистит свои дела, пусть бережет последующий день, и тогда мы всегда будем готовы. Уметь быть готовым – в сущности значит уметь умереть.

Амиель

7

Часто говорят: «Мне уже не к чему, мне уже помирать пора». Все, что не к чему, потому что помирать пора, не к чему было и когда-либо делать. А есть дело, которое всегда нужно и, чем ближе к смерти, тем нужнее, – дело души: растить, воспитывать душу.

8

При каждом разрешении вопроса: поступать так или этак? – спроси себя, как бы ты поступил, если бы знал, что ты умрешь к вечеру, и притом никто никогда не узнал бы о том, как ты поступил.

Смерть учит людей умению кончать свои дела. Из всех же дел есть только один род дел, которые всегда вполне закончены, – это дела любви, не ищущей награды.

25 ИЮНЯ (Тщеславие)

Чем свободнее человек от угождения людям, от тщеславия, тем легче ему служить Богу, и наоборот.

1

Живи не так, чтобы другие думали о тебе известным образом, а чтобы ты сам думал о себе хорошо.

Люси Малори

2

Те самые недостатки, которые в других тяжелы и несносны, в нас самих точно и ничего не весят: их не чувствуешь; некоторые, говоря о другом и представляя его в ужасном виде, не замечают, что рисуют самих себя.

Ничто быстрее не исправляло бы нас от наших недостатков, как если бы мы были в силах видеть в других самих себя. На таком расстоянии увидав наши недостатки, каковы они в действительности, мы возненавидели бы их, как они того стоят.

Лабрюйер

3

Успокоение добрых – в их совести, а не в устах людей.

4

Человек обладает непреодолимым стремлением верить, что его не видят, когда он ничего не видит, – как дети, которые закрывают глаза, чтобы их не увидели.

Очень полезно представить себе то впечатление, которое наша жизнь, наши поступки производят на других.

5

Самое быстрое и верное средство прослыть добродетельным человеком – это работать над собой, с тем чтобы быть им. Рассмотрите все добродетели, и вы увидите, что все они увеличиваются трудом и упражнением.

Беседы Сократа

6

Осуждают того, кто молчит; осуждают того, кто много говорит; осуждают и того, кто мало говорит. Нет того человека, которого бы не осуждали.

Дхаммапада

7

Похвальная черта в человеке – это стыдливость: стыдливый не скоро согрешит.

Талмуд

8

Никогда не оправдывайтесь.

9

Предпочитай чужого человека, любящего правду, своим ближним, не уважающим ее.

Демофил

10

Назовете ли вы счастливым того человека, который полагает свое счастье в детях своих, в друзьях, в вещах непрочных и гибнущих? В одно мгновение может рухнуть все его благополучие. Не признавайте другой опоры себе, кроме вас самих и божества.

Демофил

11

Тщеславие есть чувство самое несообразное с истинною горестью, и вместе с тем чувство это так крепко привито к натуре человека, что очень редко даже самое сильное горе изгоняет его.

Тщеславие в горести выражается желанием казаться или огорченным, или несчастным, или твердым; и эти низкие желания, в которых мы не признаемся, но которые почти никогда – даже в самой сильной печали – не оставляют нас, лишают нас того сострадания, которое обыкновенно вызывает в людях горе ближнего.

К самым добрым поступкам примешивается доля тщеславия, желания похвалы людской. Это желание безвредно только тогда, когда человек может сказать себе, что, заслужи он за свое поведение порицание вместо похвалы, он не изменил бы его.

26 ИЮНЯ (Разум)

Любовь показывает человеку цель его жизни; разум показывает средства исполнения ее.

1

Солнце непрестанно изливает свой свет на весь мир, но свет его не исчерпывается этим; точно так же должен светить твой разум, разливаясь по всем направлениям. Он льется всюду, не исчерпываясь, и, когда встречает препятствие, не должен проявлять ни раздражительности, ни гнева, а освещать спокойно все то, что жаждет принять его, не падая, не утомляясь, покрывая все обращенное к свету и оставляя в тени только то, что само отвращается от лица его.

Марк Аврелий

2

В сравнении с окружающим его миром человек – не более как слабый тростник; но он – тростник, одаренный разумением.

Какого-нибудь пустяка достаточно, чтобы убить человека. И все-таки человек выше всяких тварей, выше всего земного, потому что он и умирая будет разумом своим сознавать, что он умирает. Человек может сознать ничтожество своего тела перед природою. Природа же ничего не сознает.

Все наше преимущество заключается в нашей способности разуметь. Одно только разумение возвышает нас над остальным миром. Будем же ценить и поддерживать наше разумение, и оно осветит нам всю нашу жизнь, укажет нам, в чем добро, в чем зло.

Паскаль

3

Человек отличается от животных лишь своим разумом. Иные развивают его, но многие пренебрегают им: точно как будто хотят отречься от того, что отличает их от скотов.

Восточная мудрость

Я прославляю христианство потому, что оно расширяет, усиливает и возвышает мою разумную природу. Если бы я не мог оставаться разумным, будучи христианином, то я не колебался бы в выборе. Я чувствую себя обязанным пожертвовать ради христианства собственностью, славой и жизнью, но ни для какой религии я не должен жертвовать тем разумом, который возвышает меня над животным и делает меня человеком. Я не знаю большего святотатства, как отречение от высшей способности, полученной от Бога. Поступая так, мы противопоставляем нашу телесную природу тому божественному началу, которое живет в нас. Разум есть высшее выражение

нашей мыслящей природы. Он соответствует единству Бога и вселенной и стремится сделать душу отражением, зеркалом высшего единства.

Чаннинг

Если бы у человека не было разума, он бы не мог отличать хорошее от дурного, не мог бы искать истинного блага и обладать им.

27 ИЮНЯ (Усилие)

Добрая жизнь дается только тому, кто не переставая старается о ней.

1

Для того чтобы добиться доброй жизни, надо не брезгать никаким добрым делом. Нужно не менее силы для маленьких добрых дел, чем для самого большого и громкого хорошего дела.

2

Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищаются им.

Мф. гл. 11, ст. 12

3

Если человек знает, в чем добродетель, и не делает того, чего она требует от него, то он делает то же, что путешественник, если он, зная, что, только продолжая путь, он найдет пристанище и пищу, остановится и будет дожидаться того, чтобы пристанище само пришло к нему.

4

Чтобы не пролить полный сосуд, нужно внимательно держать его прямо.

Чтобы лезвие было остро, нужно постоянно точить его.

То же и с твоей душой, если ты ищешь истинного блага.

Лао-Тсе

5

Если и есть великое и доброе для вас, оно не явится к вам по первому или второму зову, не явится к вам легко, без труда и усилия.

Эмерсон

6

Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам. Ибо всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворят.

Мф. гл. 7, ст. 7—8

7

Старайтесь жить жизнью, наиболее соответствующей добродетели, говорил Пифагор. Она может быть наиболее трудною, но по мере привычки к ней она становится наиболее радостной.

8

Животным Бог дал все, что им нужно. Но человеку он не дал этого, человек сам должен добыть все, что ему необходимо. Высшая мудрость человека не родилась вместе с ним, он должен трудиться, чтобы достичь ее, и чем более его труды, тем более награда. Он не может приблизиться к совершенной мудрости, если он не сделает великого усилия.

Таблички бабидов

Если хочешь блага, исполняй закон Бога. Исполнение же закона Бога возможно только усилием. Усилие не только вознаграждается радостной жизнью, но само усилие дает самое большое благо жизни.

28 ИЮНЯ (Семья)

Семейная связь только тогда тверда и дает благо людям, когда она не только семейная, но и религиозная, когда все члены семьи верят одному Богу и закону Его.

Без этого семья – источник не радости, но страдания.

1

Эгоизм семейный жесточе эгоизма личного. Человек, который устыдится пожертвовать благами другого для себя одного, считает своей обязанностью пользоваться несчастьем, нуждою людей для блага семьи.

2

Самое обычное и несправедливое оправдание своих дурных поступков – это благо семьи. Скарედность, взяточничество, угнетение рабочих, нечестные промыслы – все это оправдывается любовью к семье.

3

Связи семьи и отечества не могут и не должны ограничивать душу. Человек со дня рождения окружен малым числом людей, с тем чтобы нежность этих людей вызывала в нем чувство любви к человеку. Но когда привязанности семейные и народные становятся исключительными и благодаря этому исключают всеобщие требования человеческого рода, тогда вместо того, чтобы быть воспитательницами сердца, они становятся его могилой.

Чаннинг

4

Любовь к семье есть чувство себялюбивое и потому может быть причиной, но не оправданием несправедливых, недобрых поступков.

5

И дали знать Ему: Мать и братья Твои стоят вне, желая видеть Тебя. Он сказал им в ответ: мать Моя и братья Мои суть слушающие слово Божие и исполняющие его.

Лк. гл. 8, ст. 20—21

6

Кто любит отца или мать более, нежели Меня, недостойн Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, недостойн Меня.

Мф. гл. 10, ст. 37

7

«Если кто приходит ко Мне и не возненавидит отца своего, и матери, и жены, и детей, и братьев, и сестер, а притом и самой жизни своей, тот не может быть моим учеником» (Ев. Лк. 14, 26). «Возненавидит» – в этом стихе не значит то, чтобы Христос отвергал семью или учил ненависти к ней, а значит только то, что сказано в стихе 24 8-й гл. Луки, – то, что Христу и ученикам и подражателям Его близки и любезны люди не по семейным связям, а по связи их с Богом и потому друг с другом.

Стихи эти обыкновенно соблазняют людей, имеющих в виду состояние человека распутного и более нравственно высокое состояние человека семейного, но не имеющих в виду состояния человека религиозного, для которого состояние семейное не есть высшее состояние, а, напротив, большей частью представляет преграду для достижения этого высшего состояния.

8

Одни люди ищут блага во власти, другие в любознательности, в науках, третьи в наслаждениях. Эти три рода вожделений образовали три различных школы, и все философы следовали какой-либо из трех. Те же, которые более других приблизились к истинной философии, поняли, что всеобщее благо – предмет стремления всех людей – не должно заключаться ни в одной из частных вещей, которыми могут владеть только некоторые и которые, будучи разделены, скорее огорчают их обладателя отсутствием недостающей части, чем доставляют наслаждение тою частью, которая ему принадлежит. Они поняли, что истинное благо должно быть таково, чтобы им могли обладать все сразу, без убыли его и без зависти, и чтобы никто не мог потерять его помимо своей воли.

Паскаль

В любви к семье нет, в нравственном смысле, ничего ни хорошего, ни дурного, как и в любви к своей личности: и то и другое – естественные явления. Любовь к семье, так же как и к своей личности, переходя свойственные ей границы, может быть пороком, но никогда не может быть добродетелью.

29 ИЮНЯ (Уныние)

Уныние есть такое состояние души, при котором человек не видит смысла ни в своей, ни во всей жизни мира.

1

Есть люди, которые, находясь в унынии или раздражении, любят на свое состояние, даже гордятся им. Это все равно как, выпустив вожжи от лошади, которая несет тебя под гору, ты еще стал бы хлестать ее кнутом.

2

Уныние и дурное расположение духа не только мучительно для окружающих, но и заразительно, и потому порядочный человек, так же как он все неприятные для других дела делает в уединении, так же в уединении предается и своему унынию и раздражению.

3

Думать, что внешние причины влияют на душевное состояние человека, есть вредное и очень обычное заблуждение. Состояние тела, усталость, голод, болезнь влияют на душевное состояние человека, сознающего духовную основу своей жизни, только в том смысле, что ослабляют его деятельность, но не изменяют ее направления. Только люди, живущие одной внешней жизнью (дети, нерелигиозные люди), изменяют вследствие внешних причин все свое отношение к жизни: впадают в уныние или раздражение и осуждают и ненавидят то, что прежде хвалили и любили.

4

Не верь себе, когда все представляется тебе в мрачном свете, все кажутся виноватыми, всем хочется сказать и даже сделать злое. Смотри на себя в таком состоянии, как на пьяного, ничего не предпринимая, и дожидаясь, когда пройдет это состояние. Чем меньше будешь делать, находясь в этом состоянии, тем скорее оно пройдет: это воздержание так же нужно, как для пьяного сон.

5

Большинство людей, которых называют злыми, сделались такими только оттого, что принимали свое дурное расположение духа за свое законное состояние и отдавались ему.

6

Когда мир кажется некрасивым, люди неприятными и недобрыми и все дела их глупыми и гадкими, спешి воспользоваться этим состоянием, обратив внимание на себя, и ты увидишь в себе то, чего не видал прежде, и это признание своей гадости будет на пользу тебе.

7

Мало бывает несчастий безысходных; отчаяние более обманчиво, чем надежда.
Вовенарг

8

Никогда не унывай.

9

Человек обязан быть счастливым; если он несчастлив, то он виноват.

10

Мне кажется, что человек должен за первое правило себе поставить – быть счастливым и довольным. Надо стыдиться, как дурного поступка, своего недовольства и знать, что если у меня или во мне что-нибудь не ладится, то мне не рассказывать надо об этом другим и не жаловаться, а поскорее постараться поправить то, что не ладится.

11

Помоги мне, Господи, не переставая радоваться, исполняя в чистоте, смирении и любви волю твою.

12

И физические страдания и периоды упадка духа – удел здешней жизни, и надо дожидаться, пока пройдет и то и другое или сама жизнь эта.

Когда испытываешь чувство недовольства всем окружающим и своим положением, уйди, как улитка в свою раковину, в сознание своего назначения в мире и выдержи времени, когда пройдут те условия, которые ввели тебя в это состояние, и ты будешь опять в силах делать свое дело жизни.

30 ИЮНЯ (Устройство жизни)

Стоит человеку отвернуться от разрушения внешних вопросов и поставить себе единый, истинно свойственный человеку внутренний вопрос: как ему лучше прожить свою жизнь? – чтобы все внешние вопросы получили наилучшее разрешение.

1

Мы не знаем, не можем знать, в чем состоит общее благо, но твердо знаем, что достижение этого общего блага возможно только при исполнении каждым, следовательно и мною, того закона добра, который открыт каждому человеку.

2

Истинная жизнь происходит не там, где совершаются большие внешние изменения, где передвигаются, сталкиваются, дерутся, убивают друг друга, а она происходит только там, где совершаются чуть-чуточные, незаметные изменения: в духовном сознании людей.

3

Марфа! Марфа! ты заботишься и суетишься о многом; а одно только на потребу. Мария же избрала благую часть, которая не отнимется у нее.
Лк. гл. 10, ст. 41—42

4

Народы земли трепещут и содрогаются. Всюду чувствуется какая-то работа сил, как бы подготовляющая землетрясение. Никогда еще человек не имел за собой такой огромной ответственности. Каждый момент приносит с собой все более и более важные заботы. Чувствуется, что что-то великое должно совершиться. Но пред явлением Христа мир ждал великих событий и, однако, не принял Его, когда Он пришел. Так и теперь мир может испытывать муки родов пред Его новым пришествием и все не понимать того, что происходит.
Люси Малори

5

Существует два рода социализма. Оба они преследуют наибольшее благосостояние всех.

Один стремится достигнуть всеобщего счастья; другой – дать возможность всякому быть счастливым по-своему.

Один признает власть государства; другой не признает никакой власти.

Один требует монополии для государства; другой желает уничтожения всех монополий.

Один желает, чтобы управляемый класс стал правящим; другой желает уничтожения классов.

Один верит в социальную войну; другой верит только в дела мира.

Существует только эти два социализма. Один в возрасте детства; другой – возмужалости. Один уже прошлое; другой – будущее. Один должен дать место другому. И каждый из нас должен выбрать между этими двумя социализмами или же совсем не признавать себя социалистом.

Эрнест Лесинь

6

«Когда среди 100 человек один властвует над 99 – это несправедливо, это деспотизм; когда 10 властвуют над 90 – это также несправедливо, это олигархия; когда же 51 властвуют над 49 (и то только в воображении – в сущности же опять 10 или 11 из этих 51) – тогда это совершенно справедливо, это свобода!»

Может ли быть что-нибудь смешнее, по своей очевидной нелепости, такого рассуждения. А между тем это самое рассуждение служит основой деятельности всех улучшателей государственного устройства.

7

Трудно различить голос истины среди криков возбужденных партий.

Шиллер

8

Человек, желающий служить правде и справедливости, должен быть готовым остаться в одиночестве.

Берсье

9

Нет такой политической алхимии, посредством которой можно бы было получить золотое поведение из свинцовых инстинктов.

Герберт Спенсер

10

Когда бы люди захотели, вместо того чтобы спасти мир, спасти себя; вместо того чтобы освободить человечество, себя освободить, – как много бы они сделали для спасения мира и для освобождения человечества!

Герцен

Чем больше будут верить люди в то, что они могут быть приведены чем-то внешним, действующим само собою, помимо их воли, к изменению и улучшению своей жизни, тем труднее совершится это изменение и улучшение.

Недельное чтение

Ягоды

Стояли жаркие безветренные июньские дни. Лист в лесу сочен, густ и зелен, только кое-где срываются пожелтевшие березовые и липовые листья. Кусты шиповника осыпаны душистыми цветами, в лесных лугах сплошной медовый клевер, рожь густая, рослая, темнеет и волнуется, до половины налилась, в низах перекликаются коростели, в овсах и ржах то хрипят, то шелкают перепела, соловей в лесу только изредка сделает колено и замолкнет, сухой жар печет. По дорогам лежит неподвижно на палец сухая пыль и поднимается густым облаком, уносимым то вправо, то влево случайным слабым дуновением.

Крестьяне доделывают постройки, возят навоз, скотина голодает на высохшем пару, ожидая отавы. Коровы и телята зыкаются с поднятыми крючкато хвостами, бегают от пастухов со стойла. Ребята стерегут лошадей по дорогам и обрезают. Бабы таскают из леса мешки травы, девки и девочки в перегонку друг с другом ползают между кустов по срубленному лесу, собирают ягоды и носят продавать дачникам.

Дачники, в разукрашенных, архитектурно вычурных домиках, лениво гуляют под зонтиками в легких, чистых, дорогих одеждах по усыпанным песком дорожкам или сидят в тени деревьев, беседок, у крашенных столиков и, томясь от жары, пьют чай или прохладительные напитки.

У великолепной дачи Николая Семеныча с башней, верандой, балкончиком, галереями – все свеженькое, новенькое, чистенькое – стоит ямская с бубенцами тройка в коляске, привезшая из города за 15 «взад-назад», как говорит ямщик, петербургского барина.

Барин этот – известный либеральный деятель, участвовавший во всех комитетах, комиссиях, подношениях, хитро составленных, как будто верноподданнических, а в сущности самых либеральных адресов. Он приехал из города, в котором он, как всегда, страшно занятой человек, пробудет только сутки, к своему другу, товарищу детства и почти единомышленнику.

Они немного только расходятся в способах применения конституционных начал. Петербуржец больше европеец, с маленьким пристрастием даже к социализму, получает очень большое жалованье по местам, которые он занимает. Николай же Семеныч чисто русский человек, православный, с оттенком славянофильства, владеет многими тысячами десятин земли.

Они пообедали в саду обедом из пяти кушаний, но от жару почти ничего не ели, так что труды 40-рублевого повара и его помощников, особенно усердно работавших для гостя, пропали почти даром. Покушали только ботвинью ледяную со свежей белорыбицей и разноцветное мороженое в красивой форме и разукрашенное разными сахарными волосами и бисквитами. Обедал гость, либеральный врач, учитель детей студент, отчаянный социал-демократ, революционер, которого Николай Семенным умел держать в узде, Мари, жена Николая Семеныча, и трое детей, из которых меньшей только приходил к пирожному.

Обед был немножко натянут, потому что Мари, сама очень нервная женщина, была озабочена расстройством желудка Гоги, так (как и водится у порядочных людей) назывался меньшей мальчик Николай, и еще оттого, что, как только начинался политический разговор между гостем и Николаем Семенным, отчаянный студент, желая показать, что он ни перед кем не стесняется высказывать свои убеждения, врывается в разговор, и гость замолкал, Николай же Семеныч утишал революционера.

Обедали в семь часов. После обеда приятели сидели на веранде, прохладжась холодным нарезаном с легким белым вином, и беседовали.

Разногласие их прежде всего выразилось в вопросе о том, какие должны быть выборы, двухстепенные или одностепенные, и они горячо начали было спорить, когда их позвали к чаю в защищенную сетками от мух столовую. За чаем шел общий разговор с Мари, которую разговор этот не мог занимать, так как она вся была поглощена мыслью о признаках расстройства желудка Гоги. Разговор шел о живописи, и Мари доказывала, что в декадентской живописи есть *un je ne sais quoi*, которое нельзя отрицать. Она в эту минуту вовсе не думала о декадентской живописи, но говорила то, что говорила много раз. Гостю уже совсем это было не нужно, но он слышал, что говорят против декадентства, и говорил все это так похоже, что никто бы не догадался о том, что ему не было никакого дела до декадентства или не декадентства. Николай же Семеныч, глядя на жену, чувствовал, что она чем-то недовольна и что будет, пожалуй, какая-нибудь неприятность, – кроме того, ему очень скучно было слушать то, что она говорила и что он слышал, ему казалось, больше чем сто раз.

Зажгли дорогие бронзовые лампы и фонари на дворе, детей уложили спать, подвергнув больного Гогу лечебным операциям.

Гость с Николаем Семенычем и доктором вышли на веранду. Лакей подал свечи с колпаками и еще нарзану, и начался около двенадцати часов уж настоящий, оживленный разговор о том, какие должны были быть приняты государственные меры в настоящее, важное для России время. Оба не переставая курили, разговаривая.

Снаружи, за воротами дачи, побрякивали бубенчиками ямщицкие лошади, стоявшие без корма, и то зевал, то храпел тоже без корма сидевший в коляске старик ямщик, двадцать лет живший у одного хозяина и все свое жалованье, за исключением рублей трех или пяти, которые он пропивал, отсылавший домой брату. Когда уж с разных дач стали перекликаться петухи, и особенно один громкий, тонкий в соседней даче, ямщик усомнился, не забыли ли его, сошел с коляски и вошел в дачу. Он видел, что его седок сидел и пил что-то и в промежутках громко говорил. Он забоялся и пошел отыскивать лакея. Лакей в ливрейном пиджачке сидя спал в передней. Ямщик разбудил его. Лакей, бывший дворový, кормивший своей службой (служба была выгодная – пятнадцать рублей жалованья и от господ на чай в год рублей иногда до ста) свою большую семью – пять девок и два мальчика, вскочил и, оправившись и отряхнувшись, пошел к господам сказать, что ямщик беспокоится, просит отпустить.

Когда лакей вошел, спор был в самом разгаре. Подошедший к ним доктор участвовал в нем.

– Не могу я допустить, – говорил гость, – чтобы русский народ должен был идти по каким-то иным путям развития. Прежде всего нужна свобода – свобода политическая – та свобода, как это всем известно, наибольшая свобода – при соблюдении наибольших прав других людей.

Гость чувствовал, что он запутался и что-то не так говорит, но в горячке спора он не мог хорошенько вспомнить, как надо говорить.

– Это так, – отвечал Николай Семеныч, не слушая гостя и только желая высказать свою мысль, которая ему особенно нравилась. – Это так, но достигается это другим путем, не большинством голосов, а всеобщим согласием. Посмотрите на решения мира.

– Ах, этот мир.

– Нельзя отрицать, – сказал доктор, – что у славянских народов есть свой особенный взгляд. Например, польское право *veto*. Я не утверждаю, чтобы это было лучше.

– Позвольте, я доскажу всю мою мысль, – начал Николай Семеныч. – Русский народ имеет особенные свойства. Свойства эти...

Но пришедший с заспанными глазами в своей ливрее Иван перервал его:

– Ямщик беспокоится...

– Скажите ему (петербургский гость всем лакеям говорил вы и гордился этим), что я поеду скоро. И за лишнее заплачу.

– Слушаю-с.

Иван ушел, и Николай Семеныч мог досказать всю свою мысль. Но и гость и доктор слышали ее двадцать раз (или, по крайней мере, им так казалось) и стали опровергать ее, особенно гость, примерами истории. Он отлично знал историю.

Доктор был на стороне гостя и любовался его эрудицией и был рад случаю знакомства с ним.

Разговор так затянулся, что стало светло за лесом на другой стороне дороги, и соловей проснулся, но собеседники все курили и разговаривали, разговаривали и курили.

Может быть, разговор продолжался бы еще, но из двери вышла горничная.

Горничная эта была сирота, которая, чтобы кормиться, должна была поступить в услужение. Сначала она жила у купцов, где приказчик соблазнил ее и она родила. Ребенок ее умер, она поступила к чиновнику, где сын, гимназист, не давал ей покоя, потом поступила помощницей горничной к Николаю Семенычу и считала себя счастливой, что ее не преследовали более своей похотью господ и платили исправно жалованье. Она вошла доложить, что барыня зовут доктора и Николая Семеныча.

«Ну, – подумал Николай Семеныч, – верно, с Гогой что-нибудь?»

– А что? – спросил он.

– Николай Николаевич что-то нездоровы, – сказала горничная. Николай Николаевич, они, это был одержимый поносом объевшийся Гога.

– Ну и пора, – сказал гость, – смотрите, как светло. Как мы засиделись, – сказал он улыбаясь, как бы хваля себя и своих собеседников за то, что они так долго и много говорили, и простился.

Иван долго бегал усталыми ногами за шляпой и зонтиком гостя, которые сам гость засунул в самые неподходящие места. Иван надеялся получить на чай, но гость, всегда щедрый и никак не пожалевший бы дать ему рубль, увлеченный разговором, совсем забыл про это и вспомнил только дорогой, что он ничего не дал лакею. «Ну нечего делать».

Ямщик влез на козлы, подобрал вожжи, сел бочком и тронул. Бубенчики звенели. Петербуржец, покачиваясь на мягких рессорах, ехал и думал об ограниченности и предвзятости мыслей своего приятеля.

То же самое думал Николай Семеныч, не сразу пошедший к жене. «Ужасна эта петербургская ограниченная уость. Не могут они выйти из этого», – думал он.

К жене же он медлил входить, потому что от этого свидания теперь не ожидал ничего хорошего. Дело все было в ягодах. Мальчики вчера принесли ягоду. Николай Семеныч купил, не торговавшись, две тарелки не совсем спелых ягод. Дети прибежали, прося себе, начали есть прямо с тарелок. Мари еще не выходила. И когда вышла и узнала, что Гоге дано было ягод, ужасно рассердилась, так как у него желудок уже был расстроен. Она стала упрекать мужа, он ее. И вышел неприятный разговор, почти ссора. К вечеру точно Гога нехорошо сходил. Николай Семеныч думал, что этим кончится, но призыв доктора обозначал, что дело приняло дурной оборот.

Когда он вошел к жене, она в пестром шелковом халате, который ей очень нравился, но о котором она теперь не думала, стояла в детской с доктором над горшком и светила ему туда текущей свечкой.

Доктор с внимательным видом, в пенсне, смотрел туда, палочкой ворочая вонючее содержимое.

– Да, – сказал он значительно.

– Все эти проклятые ягоды.

– Ну отчего же ягоды, – робко сказал Николай Семеныч.

– Отчего ягоды? Ты вот накормил его, а я ночь не сплю, и ребенок умрет...

– Ну не умрет, – улыбаясь, сказал доктор, – маленький прием висмута и осторожность. Дадим сейчас.

– Он заснул, – сказала Мари.

– Ну лучше не тревожить. Завтра я зайду.

– Пожалуйста.

Доктор ушел, Николай Семеныч остался один и еще долго не мог успокоить жену. Когда он заснул, было уж совсем светло.

В соседней деревне в это самое время возвращались из ночного мужики и ребята. Некоторые были на одной, у некоторых были лошади в поводу и позади бежали стригуны и двухлетки.

Тараска Резунов, малый лет двенадцати, в полушубке, но босой, в картузе, на пегой кобыле с мерином в поводу и таким же пегим, как мать, стригуном, обогнал всех и поскакал в гору к деревне. Черная собака весело бежала впереди лошадей, оглядываясь на них. Пегий сытый стригун сзади взбрыкивал своими белыми в чулках ногами то в ту, то в другую сторону. Тараска подъехал к избе, слез, привязал лошадей у ворот и вошел в сени.

– Эй вы, заспались, – закричал он на сестер и брата, спавших в сенях на дерюжке.

Мать, спавшая рядом с ними, встала уже доить корову.

Ольгушка вскочила, оправляя обеими руками взлохмаченные длинные белесые волосы, Федька же, спавший с ней, все еще лежал, уткнувшись головой в шубу, и только потирал заскоружлой пяткой высунувшуюся из-под кафтана стройную детскую ножку.

Ребята с вечера собирались за ягодами, и Тараска обещал разбудить сестру и малого, как только вернется из ночного.

Он так и сделал. В ночном, сидя под кустом, он падал от сна; теперь же разгулялся и решил не ложиться спать, а идти с девками за ягодами. Мать дала ему кружку молока. Ломоть хлеба он сам отрезал себе и уселся за стол на высокой лавке и стал есть.

Когда он в одной рубашке и портках, быстрыми шагами прокладывая отчетливые следы босых ног по пыли, пошел по дороге, по которой лежали уже несколько таких же, одних побольше, других поменьше, босых следов с четко отпечатанными пальчиками, девки уже красными и белыми пятнышками виднелись далеко впереди на темной зелени рощи. (Они с вечера приготовили себе горшочек и кружечку и, не завтракая и не запасшись хлебом, перекрестились раза два на передний угол и побежали на улицу.) Тараска догнал их за большим лесом, только что они свернули с дороги.

Роса лежала на траве, на кустах, даже на нижних ветвях и кустов и дерев, и голые ножонки девочек тотчас намокли и сначала заволодели, а потом разогрелись, ступая то по мягкой траве, то по неровностям сухой земли. Ягодное место было по сведенному лесу. Девчонки вошли прежде в прошлогоднюю вырубку. Молодая поросль только что поднималась, и между сочных молодых кустов выдавались места с невысокой травой, в которой зрели и прятались розовато-белые еще и кое-где красные ягоды.

Девчонки, перегнувшись вдвое, ягодку за ягодкой выбирали своими маленькими загорелыми ручонками и клали какую похуже в рот, какую получше в кружку.

– Ольгушка! Сюда иди. Тут бяда сколько.

– Ну? Вре! Ау! – перекликались они, далеко не расходясь, когда заходили за кусты.

Тараска ушел от них дальше за овраг в прежде, за год, срубленный лес, на котором молодая поросль, особенно ореховая и кленовая, была выше человеческого роста. Травы были сочнее и гуще, и, когда попадались места с земляникой, ягоды были крупнее и сочнее под защитой травы.

– Грушка!

– Аась!

– А как волк?

– Ну что ж волк? Ты что ж пугаешь. А я небось не боюсь, – говорила Грушка, и, забывшись, она, думая о волке, клала ягоду за ягодой, и самые лучшие не в кружку, а в рот.

– А Тараска-то наш ушел за овраг. Тараска-а!

– Я-о! – отвечал Тараска из-за оврага, – идите сюда.

– А и то пойдем, тама больше.

И девчата полезли вниз в овраг, держась за кусты, а из оврага отвершками на другую сторону, и тут, на припоре солнца, сразу напали на полянку с мелкой травой, сплошь усыпанную ягодами. Обе молчали и не переставая работали и руками и губами.

Вдруг что-то шархнулось, и среди тишины со страшным, как им показалось, грохотом затрещало по траве и кустам.

Грушка упала от страха и рассыпала до половины кружки набранные ягоды.

– Мамушка! – завизжала она и заплакала.

– Заяц это, заяц. Тараска! Заяц. Вон он, – кричала Ольгушка, указывая на серо-бурую спинку с ушами, мелькавшую между кустов. – Ты чего? – обратилась Ольгушка к Грушке, когда заяц скрылся.

– Я думала, волк, – отвечала Грушка и вдруг тотчас же после ужаса и слез отчаяния расхохоталась.

– Вот дура-то.

– Страсть испугалась! – говорила Грушка, заливаясь звонким, как колокольчик, хохотом.

Подобрали ягоды и пошли дальше. Солнце уже взошло и светлыми яркими пятнами и тенями расцветило зелень и блестело в каплях росы, о которую вымокли девчонки теперь по самый пояс.

Девчата были уж почти на конце леса, все уходя дальше и дальше в надежде, чем что дальше, то больше будет ягод, когда в разных местах послышались звонкие ауканья девок и баб, вышедших позднее и также собиравших ягоды.

В завтрак кружка и горшочек были уже наполовину полны, когда девчата сошлись с теткой Акулиной, тоже вышедшей по ягоды. За теткой Акулиной ковылял на толстых кривых ножонках крошечный толстопузый мальчик в одной рубашонке и без шапки.

– Увязался со мной, – сказала Акулина девчатам, взяв мальчика на руки. – И оставить не с кем.

– А мы сейчас зайца здорового выпугнули. Как затреши-ит – жуть...

– Вишь ты! – сказала Акулина и спустила опять с рук малого.

Переговорившись так, девочки разошлись с Акулиной и продолжали свое дело.

– Знать, посидим таперича, – сказала Ольгушка, садясь под густую тень орехового куста. – Уморилая. Эх, хлебушка не взяли, поесть бы теперь.

– И мне хочется, – сказала Грушка.

– Что это тетка Акулина кричит больно чего-то. Чуешь? Ау, тетка Акулина.

– Ольгушка-а! – отозвалась Акулина.

– Чаго!

– Малый не с вами? – кричала Акулина из-за отвершка.

– Нету!

Но вот зашелестели кусты, и из-за отвершка показалась сама тетка Акулина с подобранной выше колен юбкой, с кошелкой на руке.

– Малого не видали?

– Нету.

– Вот грех какой! Мишка-а-а!

– Мишка-а-а!

Никто не отзывался.

– Ох, горюшко, заплутается он. В большой лес забредет.

Ольгушка вскочила и пошла с Грушкой искать в одну сторону, тетка Акулина в другую. Не переставая звонкими голосами кликали Мишку, но никто не откликался.

– Уморилась, – говорила Грушка, отставая, но Ольгушка не переставая аукала и шла то вправо, то влево, поглядывая по сторонам.

Акулинин голос отчаянный слышался далеко к большому лесу. Ольгушка уже хотела бросить искать и идти домой, когда в одном сочном кусте, около пня липовой молодой поросли, она услышала упорный и сердитый, отчаянный писк какой-то птицы, вероятно с птенцами, чем-то недовольной. Птица, очевидно, чего-то боялась и на что-то сердилась. Ольгушка оглянулась на куст, обросший густой и высокой с белыми цветами травой, и под самым им увидела синенькую, не похожую ни на какие лесные травы кучку. Она остановилась, пригляделась. Это был Мишка. И его-то боялась и на него сердилась птица.

Мишка лежал на толстом брюхе, подложив ручонки под голову и вытянув пухлые, кривые ножонки, сладко спал.

Ольгушка покликнула мать и, разбудивши малого, дала ему ягод.

И долго потом Ольгушка всем, кого встречала, и дома матери, и отцу, и соседям, рассказывала, как она искала и как нашла Акулининова малого.

Солнце уж совсем вышло из-за леса и жарко пекло землю и все, что было на ней.

– Ольгушка! Купаться, – пригласили Ольгу сошедшиеся с ней девочки. И все большим хороводом пошли с песнями к реке. Барахтаясь, визжа и болтая ногами, девчата не заметили, как с запада заходила черная низкая туча, как солнце стало скрываться и открываться и как запахло цветами и березовым листом и стало погромыхивать. Не успели девки одеться, как полил дождь и измочил их до нитки.

В прилипших к телу и потемневших рубашонках девчонки прибежали домой, поели и понесли на поле, где отец перепаживал картофель, обедать.

Когда они вернулись и пообедали, рубашонки уж высохли. Перебрав землянику и уложив ее в чашки, они понесли ее на дачу к Николаю Семенычу, где хорошо платили; но на этот раз им отказали.

Мари, сидевшая под зонтиком в большом кресле и томившаяся от жары, увидав девочек с ягодами, замахала на них веером.

– Не надо, не надо.

Но Валя, старший, двенадцатилетний мальчик, отдохавший от переутомления классической гимназии и игравший в крокет с соседями, увидав ягоды, подбежал к Ольгушке и спросил:

– Сколько?

Она сказала:

– Тридцать копеек.

– Много, – сказал он. Он потому сказал: много, что так всегда говорили большие. – Подожди, только зайди за угол, – сказал он и побежал к няне.

Ольгушка с Грушкой между тем любовались на зеркальный шар, в котором виднелись какие-то маленькие дома, леса, сады. И этот шар и многое другое было для них не удивительно, потому что они ожидали всего самого чудесного от таинственного и непонятного для них мира людей-господ.

Валя побежал к няне и стал просить у нее тридцать копеек. Няня сказала, что довольно 20, и достала ему из сундучка деньги. И он, обходя отца, который только что встал после вчерашней тяжелой ночи, курил и читал газеты, отдал двугривенный девочкам и, пересыпав ягоды в тарелку, напустился на них.

Вернувшись домой, Ольгушка развязала зубами узелок в платке, в котором был завязан двугривенный, и отдала его матери. Мать спрятала деньги и собрала белье на речку.

Тараска же, с завтрака пропахивавший с отцом картофель, спал в это время в тени густого, темного дуба, тут же сидел и отец его, поглядывая на спутанную отпряженную лошадь, которая паслась на рубеже чужой земли и всякую минуту могла зайти в овсы или чужие луга.

Все в семье Николая Семеныча было нынче так, как обыкновенно. Все было исправно. Завтрак из трех блюд был готов, мухи давно ели его, но никто не шел, потому что никому не хотелось есть.

Николай Семеныч был доволен справедливостью своих суждений, которая выяснялась из того, что он прочел нынче в газетах. Мари была спокойна, потому что Гога сходил хорошо. Доктор был доволен тем, что предложенные им средства принесли пользу. Валя был доволен тем, что съел целую тарелку земляники.

Л.Н. Толстой

ИЮЛЬ

1 ИЮЛЯ (Божественная природа души)

Душа человека божественна.

1

Всякая истина имеет своим началом Бога. Когда она проявляется в человеке, то это не показывает того, чтобы она исходила из человека, но только, что человек имеет свойство такой прозрачности, что может проявлять ее.

Паскаль

2

Когда дождевая вода течет по желобам, то нам кажется, что она вытекает из них, тогда как в действительности она падает с неба. То же и со святыми поучениями, которые высказывают нам божественные люди. Кажется, что они исходят от них, в действительности же они исходят от Бога.

Рамакришна

3

Ставить свои духовные силы вне зависимости от силы божеской – это, по учению Лао-Тсе, все равно что верить, что мех не есть прибор, лишь пропускающий через себя воздух, а самостоятельный источник, сам из себя его производящий, и что мех мог бы дуть и в безвоздушном пространстве.

4

Я испытываю с особенной силой то, что человек во всем том, что он делает или может делать прекрасного, великого и доброго, есть только орудие чего-то или кого-то высшего его. Это чувство есть вера. Человек верующий присутствует с трепетом священной радости при этих совершающихся *чрез него, а не от него* чудесах, которые происходят в нем. Он отдает им в распоряжение свою волю, стараясь почтительно стереться, ради того чтобы как можно меньше извратить высшее дело этой силы, которая на время пользуется им для исполнения своего дела. Он обезличивается и уничтожается; он чувствует, что его «я» должно исчезнуть, когда говорит святой дух, когда действует Бог. Так пророк слышит призыв, так молодая мать чувствует, как двигается плод в ее утробе. До тех пор пока мы чувствуем свое «я», мы ограничены, себялюбивы, пленники; когда же мы в согласии с жизнью мира отзываемся на голос Бога, наше «я» исчезает.

Амиель

5

Если мы только на один миг отрешимся от своего маленького «я», не будем замышлять злого, будем только чистым стеклом, отражающим лучи, – чего только мы не отразим! Все мироздание развернется в лучезарном блеске вокруг нас.

Торо

6

Истинная мудрость учит нас тому, что основы мыслей всякого человека живут в его более скромных братьях и что те свойства, которые выказывает ученый в своих глубочайших открытиях, совершенно те же самые, как и те, которые обыкновенный человек употребляет в своих ежедневных жизненных трудах.

Истинное понимание великих людей состоит в том, что они только примеры и проявления нашей общей природы, показывающие то, что свойственно всем душам, хотя оно и раскрывается еще лишь в немногих. Свет, исходящий от них, есть не что иное, как слабое откровение той силы, которая таится в каждом человеческом существе. Они не диво, не чудо, но естественное развитие человеческой души.

Из «Передовой мысли мира»

7

Истинное дело человека на земле в том, чтобы держать свое существо в согласии с вечным; тогда только всемогущая сила любви и разума может изливаться через него, как через чистый канал.

Из «Передовой мысли мира»

8

Жизнь дана нам, как ребенок дан няньке, чтобы возрастить его. Это самое говорит притча о талантах.

Мф. гл. 24, ст. 14—30

Держи себя в чистоте от зла, с тем чтобы сила Божия могла проходить через тебя. В этом прохождении силы Божией – великое благо.

2 ИЮЛЯ (Искусство)

Ни в какой области нет такого злоупотребления словом, как в оценке произведений – в особенности мнимого – искусства.

1

Мы только тогда бываем вполне удовлетворены впечатлением от художественного произведения, когда оно оставляет после себя нечто такое, чего мы, при всем усилии мысли, не можем довести до полной ясности.

Шопенгауэр

2

Искусство есть такое воздействие на людей, при котором в душах их таинственное становится очевидным, смутное делается ясным, сложное – простым, случайное – необходимым. Истинный художник всегда упрощает.

По Амиелю

3

Если целый мир, как представление, есть лишь видимость, то искусство есть разъяснение этой видимости, камер-обскура, показывающая предметы чище и позволяющая лучше обозреть и охватывать их. Искусство есть зрелище в зрелище, сцена на сцене, как в «Гамлете».

Шопенгауэр

4

Человек, одаренный обыкновенными чувствами, сообразует мысли с вещами; художник сообразует вещи со своими мыслями. Обыкновенный человек считает природу неизменно укрепленной и твердой; художник – текучей, переливающейся и кладет на нее отпечаток своего существа. Для него непокорный мир покорен и податлив; он одевает прах и камни человеческими свойствами и превращает их в выражения разума.

Эмерсон

5

Помните, что ничего нельзя делать прекрасного из соперничества, ничего благородного из гордости.

Джон Рёскин

6

Науки и искусства могут быть нужны народу только тогда, когда люди, живущие среди народа и как народ, не заявляя никаких прав, будут предлагать ему свои научные и художественные услуги, принять или не принять которые будет зависеть от воли народа.

7

Есть два несомненных признака истинной науки и истинного искусства: первый, внутренний – тот, что служитель науки и искусства не для выгоды, а с самоотвержением исполняет свое призвание, и второй, внешний – тот, что произведение его понятно всем людям.

8

Наука и искусство так же тесно связаны между собой, как легкие и сердце, так что если один орган извращен, то и другой не может правильно действовать.

Наука истинная изучает и вводит в сознание людей те истины знания, которые людьми известного времени и общества считаются самыми важными. Искусство же переводит эти истины из области знания в область чувства.

Занятие искусством хотя и не такое высокое дело, каким считают его обыкновенно те, которые занимаются им, но дело небесполезное и доброе, если оно соединяет людей и вызывает в них добрые чувства; занятие же искусством таким, которое одобряется богатыми классами нашего мира, – искусством, разъединяющим людей и вызывающим в них недобрые чувства, есть дело не только бесполезное, но вредное.

3 ИЮЛЯ (Свобода)

Человек бывает несвободен только настолько, насколько он жизнь свою полагает в своем животном.

1

Говорят, что для человека самое большое благо есть его свобода. Если свобода есть благо, то человек свободный не может быть несчастным. Значит, если ты видишь, что человек несчастен, страдает, ноет, – знай, что этот человек несвободный: он непременно кем-нибудь или чем-нибудь поработен.

Если свобода есть благо, то свободный человек не может быть добровольным рабом. И потому, если ты увидишь, что человек унижается перед другими, льстит им, – знай, что человек этот также не свободен. Он раб, который добивается или обеда, или выгодной должности, или еще чего-нибудь, вообще добивается того, чтобы распоряжаться тем, что не принадлежит ему.

Свободный человек распоряжается только тем, чем можно распоряжаться беспрепятственно. А распоряжаться вполне беспрепятственно можно только самим собою. И потому если ты увидишь, что человек хочет распоряжаться не самим собою, а другими, то знай, что он не свободен: он сделался рабом своего желания властвовать над людьми.

Эпиктет

2

Без внутренней свободы внешняя свобода ничего не стоит. Какая мне польза, если я не подавлен внешним насилием, но вследствие незнания, порока, эгоизма, страха я не управляю своей душой. Я назову только того человека свободным, который не замкнут в себе или своей секте, который побеждает гордость, гнев, леность и готов отдать себя в жертву за благо человечества.

Чаннинг

3

Ничего не делается без веры. Сомнение убивает человека, убивает народы. Почему освобождение народов так трудно, так тяжело, так длительно? Потому что у них нет веры в их право, в непобедимую силу их права. Почему всюду угнетенные классы стонут в ожидании обещания, которое так и не приходит? Потому что у них нет веры ни в себя, ни в Бога, всегда готового спасти их, но не без их участия, потому что преимущество свободных существ – быть тем, чем они хотят быть, как и наказание их в том, чтобы быть тем, чем их хотят сделать, когда они покорно склоняются под гнетом несправедливости и угнетения. Но и тогда Бог не оставляет их. Для пробуждения их он посылает вестников Своего милосердия, вкладывает в них

Свое слово, облакает их Своим могуществом – и мир вдруг колеблется, толпы сбегаются слушать, народы волнуются, они поднимаются, как забродившее тесто; смутное представление лучшего будущего является их воображению. При виде его они трепещут, они проникаются чувством избытка жизни.

Но вот являются и угнетатели, фарисеи и книжники. Смущенные, встревоженные, дрожащие за свою пошатнувшуюся власть, они или душат посланцев Отца Небесного или, если могут, клеветают и на учение их, и на дела; они в самом деле добра, творимого этими посланцами, находят предлоги для осуждения их. Они говорят: «Правда, мы не можем отрицать этого, – эти люди изгоняют бесов, но они изгоняют их силой князя бесовского». Подымите, подымите голову, и поверх той тьмы, которую эти лицемеры стараются сгустить вокруг вас, на востоке вы увидите уже восстающее солнце, которое скоро осветит вас своим полным светом и согреет своими лучами.

Ламенэ

4

Чтобы сделаться истинно свободным, ты должен всегда быть готовым отдать Богу то, что ты от Него получил. Ты должен соединить свою волю с волей Бога. Только в том, что противно воле Бога, человек может быть несвободен. Желая же только того, чего желает Бог: правды, любви, ты не можешь быть несвободен. Нет такого положения, в котором ты бы не мог проявить правду и любовь, и потому нет того положения, в котором ты бы мог быть лишен свободы. Если же ты не хочешь этого, то ты на всю жизнь останешься рабом между рабами, хотя бы у тебя и были всевозможные мирские почести, хотя бы ты и сделался самым царем.

По Эпиктету

5

Где нет свободы, там жизнь сводится к жизни животного.

Иосиф Мадзини

6

Не будь рабом одного или немногих. Делаясь рабом всех, ты делаешься другом всех.

По Цицерону

7

Человеческое достоинство и свобода свойственны нам. Будем же хранить их или умрем с достоинством.

Цицерон

Если ты чувствуешь себя несвободным, ищи причину в себе.

4 ИЮЛЯ (Наказание)

Наказание есть понятие, из которого начинает вырастать человечество.

1

Другую притчу предложил Он им, говоря:

Царство Небесное подобно человеку, посеявшему доброе семя на поле своем. Когда же люди спали, пришел враг его и посеял между пшеницею плевелы и ушел. Когда возшла зелень и показался плод, тогда явились и плевелы. Пришедши же рабы домовладыки сказали ему: Господин! не доброе ли семя сеял Ты на поле Твоем? откуда же на нем плевелы? Он же сказал им: враг человек сделал это. А рабы сказали: хочешь ли, мы пойдем, выберем их? Но Он сказал: нет, чтобы, выбирая плевелы, вы не выдергали вместе с ними пшеницы.

Мф. гл. 13, ст. 24—29

2

Когда ребенок бьет тот пол, о который он ударился, – это очень неразумно, но так же понятно, как то, что человек прыгает, когда он больно зашибся. Понятно также, когда человек, получив удар, под влиянием боли, отвечает тем же ударившему. Но делать хладнокровно зло человеку, потому что он сделал зло когда-то прежде, и объяснять это разумными доводами было бы совершенно непонятно, если бы человек не имел способности и склонности придумывать разумные объяснения своим дурным поступкам.

3

Люди так поверили в те оправдания, которые они придумали своей мстительности, что они приписали мстительность Богу, назвав мстительность справедливостью, возмездием.

4

Человек сделал зло. И вот другой человек или люди для противодействия этому злу не находят ничего лучшего, как сделать еще другое зло, которое они называют наказанием.

5

Всякое наказание основывается никак не на рассуждении и не на чувстве справедливости, а на одном дурном желании сделать зло тому, кто сделал зло тебе или другому.

6

Наказание, прилагаемое к воспитанию, к общественному устройству, к религиозному пониманию, не только не содействовало и не содействует улучшению детей, обществ и всех

людей, верящих в наказание за гробом, но произвело и производит неисчислимые бедствия, ожесточая детей, развращая общество и обещанием ада лишая добродетель ее главной основы.

7

Уже много лет тому назад люди начали понимать неразумность наказания и стали придумывать различные теории устрашения, пресечения, исправления. Но все эти теории падают одна за другой, потому что в основе их всех только месть, и все теории стараются только скрыть эту основу. Придумывают очень многое, но не решаются сделать одного нужного, а именно того, чтобы ничего не делать, а оставить того, кто согрешил, каяться или не каяться, исправляться или не исправляться; самим же придумывающим теории и прилагающим их – жить доброй жизнью.

8

Наказание и весь уголовный закон будет таким же предметом недоумения и удивления будущих поколений, каким для нас представляется людоедство, принесение людей в жертву божеству и т. п. «Как могли они не видеть всю бессмысленность, жестокость и зловредность того, что они делали?» – скажут наши потомки.

9

Смертная казнь представляет самое очевидное доказательство того, что устройство нашего общества совершенно чуждо христианству.

10

Накладывать наказание все равно что греть огонь. Всякое преступление несет всегда с собой и более жестокое, и более разумное, и более удобопринимаемое наказание, чем то, которое могут наложить люди.

11

Большинство людей, наполняющих наши тюрьмы и умирающих на виселицах, это все существа, обездоленные тем самым законом, который присваивает себе право наказывать их.

Герберт Бигелов

Надо знать и помнить, что желание наказать есть низшее, животное чувство, которое требует своего подавления, а не возведения в разумную деятельность.

5 ИЮЛЯ (Благо)

Зло может делать только сам человек. То же, что совершается помимо воли человека, все благо.

1

Соломон и Иов лучше всего знали и лучше всего говорили о ничтожестве мирской жизни; один был самым счастливым, другой – самым несчастным; один испытал суетность удовольствий, другой – действительность бедствий.
Паскаль

2

Всякому созданию полезно не только все то, что посылается ему Провидением, но и в то самое время, когда оно посылается.
Марк Аврелий

3

Жизнь человека есть стремление к благу; к чему он стремится, то и дано ему – жизнь, не могущая быть смертью, и благо, не могущее быть злом.

4

Когда же не плоть, а ты будешь глава в человеке? Когда поймешь ты блаженство любви ко всякому, когда освободишь себя разумением жизни от скорбей и похотей, не нуждаясь для своего счастья, чтобы люди служили тебе своею жизнью или смертью; когда поймешь ты, что истинное благо всегда в твоей власти и не зависит от других людей?
Марк Аврелий

5

Убедись, что нет у тебя иной собственности, кроме твоей души. Избери решительно самый лучший образ жизни, привычка сделает его приятным для тебя. Богатство – якорь ненадежный, а слава – и того хуже. То же и тело, то же и власть, то же и почет: все это ничтожно и бессильно. В чем же надежный якорь для жизни? Только в добродетели. Таков уж божественный закон, что только добродетель держится твердо и непоколебимо; все же остальное – ничто.
Пифагор Самосский

6

Ты уже несчастен, если страшишься несчастья, а кто его заслуживает, тот его вечно страшится.

Китайская пословица

7

Истинной природе человека свойственно приобретать жизненное, неиссякаемое духовное достояние. Зависимость же от внешних материальных благ доводит нас до рабского подчинения людям и случайностям.

Эмерсон

8

Одни говорят: войди в самого себя, и ты найдешь покой. В этом еще не вся правда.

Другие, напротив, говорят: выйди из самого себя, постарайся забыть себя и найти счастье в развлечениях. И это несправедливо, хотя бы только потому, что этим путем нельзя избавиться, например, от болезней.

Покой и счастье – не внутри нас, не вне нас; они – в Боге, который и внутри и вне нас.

Паскаль

9

Внешние препятствия не делают вреда человеку, сильному духом, ибо вред есть все то, что обезображивает и ослабляет, – как бывает с животными, которых препятствия озлобляют; человеку же, встречающему их с тою силою духа, которая ему дана, всякое препятствие прибавляет нравственной красоты и силы.

Марк Аврелий

10

Все от Бога и потому все благо, – зло есть только не видимое нами по близорукости благо.

Все внешние бедствия, которые могут постигнуть человека, понявшего то, что зло для него может быть только в его поступках, ничто в сравнении с благом того спокойствия и свободы, которое он испытывает.

6 ИЮЛЯ (Война)

Ни описания, ни вид ужасов войны не останавливают людей от участия в войне. Одна из причин этого та, что, созерцая ужасы войны, всякий невольно приходит к невыраженному, смутному соображению о том, что если столь ужасное дело существует и допускается, то существуют, вероятно, и скрытые от него причины этого ужасного дела. Это соображение делает то, что люди, часто не злые, защищают войну, отыскивая ее благодетельные стороны, как отыскивают благодетельность стихийных явлений, забывая то, что они сами ее делают.

1

Мысль с ужасом останавливается перед неизбежно ожидающей нас в конце века катастрофой, и надо приготавливаться к ней. В продолжение 20 лет (теперь уже более 50) все усилия знания истощаются на то, чтобы изобретать орудия разрушения, и скоро будет достаточно нескольких пушечных выстрелов, чтобы уничтожить целую армию. Под ружьем теперь уже не так, как прежде, несколько тысяч продажных бедняков, но народы, целые народы готовятся убивать друг друга. Для того чтобы приготовить их к убийству, разжигают их ненависть, уверяя их, что их ненавидят, и кроткие люди верят этому, и вот-вот толпы мирных граждан, получив нелепое приказание убивать друг друга, Бог знает из-за какого смешного распределения границ или каких-нибудь торговых, колониальных интересов, бросятся друг на друга с жестокостью диких зверей.

И пойдут они, как бараны, на бойню, зная, на что они идут, зная, что они оставляют своих жен, что дети их будут голодать, но они будут идти, до такой степени опьяненные звучными и лживыми словами, до такой степени обманутые, что, воображая, что бойня составляет их обязанность, будут просить Бога благословить их кровавые дела. И будут они идти, растапывая урожай, которые они сеяли, сжигая города, которые они строили, с восторженным пением, криками радости, праздничной музыкой, будут идти без возмущения, покорные и смиренные, несмотря на то что в них сила и что, если бы они могли согласиться, они установили бы здравый смысл и братство вместо диких хитростей дипломатов.

Под

2

Очевидец рассказывает, что он увидел в русско-японскую войну, войдя на палубу «Варяга». Зрелище было ужасное. Везде кровь, обрывки мяса, туловища без голов, оторванные руки, запах крови, от которого тошнило самых привычных. Боевая башня более всего пострадала. Гранату разорвало на ее вершине и убило молодого офицера, который руководил наводкой. От несчастного осталась только сжатая рука, державшая инструмент. Из четырех людей, бывших с командиром, два были разорваны в куски, два другие сильно ранены (им отрезали обе ноги и потом должны были еще раз отрезать их); командир отделался ударом осколка в висок.

И это не все. Нейтральные не могут принять на свои пароходы раненых, потому что гангрена и горячка заразительны.

Гангрена и гнойные, госпитальные заражения составляют вместе с голодом, пожаром, разорениями, болезнями, тифом, оспой тоже часть военной славы. Такова война.

А между тем Жозеф Местр так воспевал благоденствия войны:

«Когда человеческая душа вследствие изнеженности теряет свою упругость, становится неверующей и усваивает гнилостные пороки, которые следуют за излишками цивилизации, она может быть восстановлена только в крови».

Но бедняки, из которых делается пушечное мясо, имеют право не соглашаться с этим.

К несчастью, они не имеют мужества своих убеждений. От этого все зло. Привыкнув издавна позволять убивать себя ради вопросов, которых они не понимают, они продолжают это делать, воображая, что все идет очень хорошо.

От этого-то теперь там лежат трупы, которые под водой поедают морские раки.

В то время когда картечь разбивала все вокруг них, едва ли они рады были думать, что все это делается для их блага, чтобы восстановить душу их современников, потерявшую свою упругость от излишка цивилизации.

Несчастные, вероятно, не читали Жозефа Местра. Я советую читать его раненым между двумя перевязками. Они узнают, что война так же необходима, как и палач, потому что, как и он, она есть проявление справедливости Бога.

И эта великая мысль будет служить им утешением в то время, когда пила хирурга будет распиливать их кости.

Гардюен

3

Война более ужасна, чем когда-либо. Искусный артист этого дела, гениальный убийца г-н Мольтке, такими странными словами отвечал делегатам мира:

«Война свята, божественное учреждение, один из священных законов мира. Она поддерживает в людях все великие и благородные чувства: честь, бескорыстие, добродетель, храбрость – одним словом, спасает людей от отвратительного материализма».

Так что соединиться в стада четырехсот тысяч человек, ходить без отдыха день и ночь, ни о чем не думать, ничего не изучать, ничему не научиться, ничего не читать, не быть полезным никому, загнивать в нечистоте, спать в грязи, жить как скоты, в постоянном одурении, грабить города, сжигать деревни, разорять народы, потом, встретив такое же другое скопище человеческого мяса, бросаться на него, проливать озера крови, покрывать поля разорванным мясом и кучами трупов устилать землю, быть искалеченным, быть разможенным без пользы для кого бы то ни было и, наконец, издохнуть где-нибудь на чужом поле, тогда как ваши родители, ваша жена и дети дома умирают с голода, – это называется спасать людей от отвратительного материализма.

Ги де Мопассан

4

Прошло время рассуждать о вреде войны. Об этом все уже сказано. Теперь осталось одно, с чего следовало начать каждому человеку: не делать того, что он считает недолжным.

Неправда, что существование войны доказывает ее необходимость. Совесть человечества говорит, что это неправда и войны не должно быть.

7 ИЮЛЯ (Бог)

Отрицать Бога – значит отрицать себя как духовное, разумное существо.

1

Бога и душу я знаю не путем определения, но совершенно другим путем. Определение разрушает во мне это знание. Я несомненно знаю, что есть Бог и что моя душа есть. Но это знание несомненно для меня потому только, что я неизбежно приведен к нему. К несомненности знания Бога я приведен вопросом: откуда я? К знанию души я приведен вопросом: что я такое?

Откуда я?

Я родился от своей матери, а та от бабушки, от прабабушки, а самая последняя от кого? И я неизбежно прихожу к Богу.

Кто такой я?

Ноги – не я, руки – не я, голова – не я, чувства – не я, даже мысли – не я. Что же я?

Я – я, – моя душа.

С какой бы стороны я ни пришел к Богу, будет то же самое: начало моей мысли, моего разума – Бог; начало моей любви – Он же; начало вещественности – Он же.

То же и с понятием души. Обращусь ли я к своему стремлению к истине, я знаю, что стремление к истине есть невещественная основа меня – моя душа; обращусь ли я на чувство своей любви к добру, я тоже причину этой любви нахожу в своей душе.

2

Самый неверующий человек, хочет он или не хочет этого, признает Бога. Он не может не признавать того, что есть закон его жизни, – закон, которому он может подчиняться или от которого может уклоняться. Вот это-то признание высшего, недоступного человеку и известного ему закона своей жизни и есть Бог или хотя проявление Его.

3

Бог проявляется в лучших мыслях, в правде речи, в искренности поступка и духом Своим дает благоденствие и вечность миру.

Зендавеста

4

Бог есть. Мы не должны и нам не нужно это доказывать. Всякая попытка доказать Его бытие есть уже кощунство; всякое же отрицание Его есть безумие. Бог живет в нашей совести, в сознании человечества, в окружающей нас вселенной. Наше сознание, наша совесть взывает к Нему во все наиболее торжественные минуты горя и радости. Отрицать Бога под сводом звездного неба ночи, у гроба дорогих людей или при казни мученика может только или очень жалкий, или очень преступный человек.

Мадзини

5

Жизнь мира совершается по чьей-то воле – кто-то этою жизнью всего мира и нашими жизнями делает свое какое-то дело. Тот, кто это делает, и есть то, что мы называем Богом.

Люди не верят в Бога только тогда, когда они верят лжи, выдаваемой за Бога.

Недельное чтение

Паскаль

Ни одна страсть не удерживает людей так долго в своей власти, не скрывает от них так прочно, иногда до самого конца, тщету временной мирской жизни и ни одна не отдаляет так людей от понимания смысла человеческой жизни и ее истинного блага, как страсть славы людской, в какой бы форме она ни проявлялась: мелочного тщеславия, честолюбия, славолюбия.

Всякая похоть носит в себе свое наказание, и страдания, которые сопутствуют ее удовлетворению, обличают ее ничтожество. Кроме того, всякая похоть ослабевает с годами, славолюбие же с годами все больше и больше разгорается. Главное же то, что забота о славе людской всегда соединяется с мыслью о служении людям, и человеку легко обманываться, когда он ищет одобрения людей, что он живет не для себя, а для блага тех людей, одобрения которых он добивается. И потому это самая коварная и опасная страсть и труднее всех других искореняемая. Освобождаются от этой страсти только люди с большими душевными силами.

Большие душевные силы дают этим людям возможность быстро достигнуть большой славы, и эти же душевные силы дают им возможность увидеть ничтожество ее.

Таким человеком был Паскаль. Таким же был близкий нам русский человек Гоголь (я по Гоголю, думаю, понял Паскаля). И тот и другой, хотя с совсем различными свойствами и с совершенно различным складом и размером ума, пережили одно и то же. Оба очень скоро достигли той славы, которой страстно желали; и оба, достигнув ее, тотчас же поняли всю тщету того, что казалось им самым высоким, самым драгоценным в мире благом, и оба ужаснулись тому соблазну, во власти которого находились. Они все силы души положили на то, чтобы показать людям весь ужас того заблуждения, из которого они только что вышли, и чем сильнее было разочарование, тем настоятельнее представлялась им необходимость такой цели, такого назначения жизни, которое ничем не могло бы быть нарушено.

В этом причина того страстного отношения к вере как нашего Гоголя, так и Паскаля; в этом же и причина пренебрежения их ко всему сделанному ими прежде. Ведь все это делалось для славы. А слава прошла, и в ней ничего не было, кроме обмана. Стало быть, не нужно и ничтожно было все то, что делалось для ее приобретения. Важно одно, только одно: то, чего не было, то, что было заслонено мирскими желаниями славы. Важно и нужно было одно: та вера, которая дает смысл этой преходящей жизни и твердое направление всей ее деятельности. И это сознание необходимости веры и невозможности жить без нее так поражает таких людей, что они не могут не удивляться на то, как могли они сами, как могут вообще люди жить без веры, объясняющей им смысл их жизни и ожидающей их смерти.

Таким человеком был Паскаль, и в этом его великая, неоценимая и далеко неоцененная заслуга.

Паскаль родился в Клермоне в 1623 году. Отец его был известный математик. Мальчик, как и все дети, подражая отцу с первого детства, занялся математикой, и у него обнаружились необыкновенные способности. Отец, не желая преждевременно развивать ребенка, не давал ему математических книг; но мальчик, слушая разговоры отца с его знакомыми математиками, сам стал вновь выдумывать геометрию. Отец, увидав эти необыкновенные для ребенка работы, был так поражен этим, что пришел в восхищение, расплакался от умиления и с тех пор сам стал преподавать сыну математику. Мальчик скоро не только усвоил все то, что открыл ему отец, но стал делать сам математические открытия. Успехи его обратили на себя внимание не только близких, но и ученых, и Паскаль очень молодым приобрел известность замечательного математика. Слава выдающегося, несмотря на молодые годы, ученого поощряла его к занятиям,

большие способности давали ему возможность увеличивать славу, и Паскаль все свое время и силы посвятил научным занятиям и исследованиям. Но здоровье его с детства было слабое, усиленные же занятия еще более ослабили его, и в юношеском возрасте он тяжело заболел. После болезни он, по просьбе отца, сократил свои занятия до двух часов в день, свободное же время употреблял на чтение философских сочинений.

Он прочел Эпиктета, Декарта и опыты Монтэня. Книга Монтэня особенно поразила его – она возмутила его своим скептицизмом и равнодушием к религии. Паскаль всегда был религиозен и по-детски верил тому католическому учению, в котором был воспитан. Книга Монтэня, вызвав в нем сомнения, заставила его задуматься над вопросами веры, в особенности же о том, насколько необходима вера для разумной жизни человека, и он стал еще строже к себе в исполнении религиозных обязанностей и, кроме философских сочинений, стал читать книги религиозного содержания. В числе этих книг ему попала книга голландского теолога Янсена «Преобразования внутреннего человека».

В книге этой было рассуждение о том, что, кроме похоти плоти, есть еще и похоть духа, состоящая в удовлетворении человеческой пытливости, в основе которой лежит то же, что и во всякой похоти: эгоизм и самолюбие, и что такая утонченная похоть более всего другого удаляет человека от Бога. Книга эта сильно поразила Паскаля. Со свойственной великим душам правдивостью он почувствовал истинность этого рассуждения по отношению к себе, и несмотря на то, что отказаться от занятий наукой и от связанной с нею славы было для него великим лишением, или именно потому, что это было для него великим лишением, он решил оставить соблазнявшие его занятия наукой и все свои силы направил на разъяснение для себя и для других тех вопросов веры, которые все сильнее и сильнее занимали его.

Ничего не известно об отношении Паскаля к женщинам и какое влияние имели на его жизнь соблазны женской любви. Биографы его на основании его небольшого сочинения «Discours sur les passions de L'amour»,²⁴ в котором он говорит, что величайшее счастье, доступное человеку, – любовь есть чувство чистое, духовное и должно служить источником всего возвышенного и благородного, делают заключение, что Паскаль в своей молодости был влюблен в женщину, стоявшую выше его по положению и не отвечавшую его любви. Во всяком случае, если и была такая любовь, она не имела никаких последствий для жизни Паскаля. Главные интересы его молодой жизни заключались в борьбе между его стремлениями к занятиям наукой и к славе, которую они давали ему, и сознанием пустоты, ничтожества этих занятий и зловредности соблазна славолубия и желанием все свои силы посвятить только служению Богу.

Так, уже в тот период его жизни, когда он решил отказаться от занятий наукой, ему случилось прочесть исследования Торичелли о пустоте. Чувствуя, что вопрос этот решается неверно и что возможно более точное определение, Паскаль не мог удержаться от желания проверить эти опыты. Проверая же их, он сделал свое знаменитое открытие о тяжести воздуха. Открытие это обратило на него внимание всего ученого мира. Ему писали, его посещали ученые и восхваляли его. И борьба с соблазном славы людской стала еще труднее.

Для борьбы этой Паскаль носил на теле пояс с гвоздями, обращенными к телу, и всякий раз, как ему казалось, что при чтении или выслушивании себе похвал в нем поднимается чувство честолюбия, гордости, он прижимал пояс локтем к боку, гвозди кололи его тело, и он вспоминал весь тот ход мыслей и чувств, которые отвлекали его от соблазна славы.

В 1651 году с Паскалем случилось событие, казалось бы, неважное, но сильно поразившее его и имевшее большое влияние на его душевное состояние. На мосту Нельи он упал из экипажа и был на волоске от смерти. В это же время умер отец Паскаля. Это двойное напоминание о смерти заставило Паскаля еще больше, чем прежде, углубиться в вопросы жизни и смерти.

²⁴ «Рассуждение о страданиях любви» (франц.).

Религиозное настроение все более и более захватывало жизнь Паскаля, так что в 1655 году он совершенно удалился от мира. Он переехал в Янсенистскую общину Пор-Рояля и стал жить там жизнью почти монашеской, обдумывая и приготавливая то большое сочинение, в котором он хотел показать, во-первых, необходимость религии для разумной жизни людской и, во-вторых, истинность той религии, которую он сам исповедывал. Но и здесь соблазны славы людской не оставили Паскаля.

Янсенистская община Пор-Рояля, в которой жил Паскаль, вызвала к себе враждебность могущественного ордена иезуитов, и происки иезуитов сделали то, что существовавшие при Пор-Рояле школы мужская и женская были закрыты, и самому монастырю Пор-Рояля угрожала опасность быть закрытым.

Живя среди янсенистов и разделяя их учение, Паскаль не мог оставаться равнодушным к положению своих единоверцев и, увлекшись их спором с иезуитами, написал в защиту янсенистов книгу, которую он назвал «Письмами провинциала». В сочинении этом Паскаль не столько оправдывал и защищал учение янсенистов, сколько осуждал врагов их – иезуитов, обличая безнравственность их учения. Книга имела большой успех, но слава эта уже не могла соблазнить Паскаля.

Вся жизнь его была уже непрерывающим служением Богу.

Он установил себе правила жизни и строго следовал им, не уклоняясь от них ни по лени, ни по болезни. Бедность он считал основанием добродетели. «В бедности и нищете, – говорил он, – не только нет зла, но в них наше благо. Христос был беден и нищ и не имел, где главу преклонить». Отдавая все, что мог, бедным, Паскаль жил так, что у него было лишь необходимое; он обходился по возможности без прислуги, допуская ее, только когда он по болезни не мог двигаться. Жилище его было самое простое, как и пища и одежда. Он сам убирал свои комнаты и приносил себе обед. Болезнь его все усиливалась, и он не переставал страдать. Но страдания свои он переносил не только с терпением, удивлявшим его близких, но даже с радостью и благодарностью. «Не жалейте, – говорил он тем, которые соболезновали его положению, – болезнь есть естественное состояние христианина, потому что в этом положении христианин бывает таким, каким должен быть всегда. Она приучает к лишению всяких благ и чувственных удовольствий, приучает удерживаться от страстей, которые всю жизнь обуревают человека, быть без честолюбия, без жадности, быть всегда в ожидании смерти».

Та роскошь, которой пытались окружить его любящие его родные, тяготила его. Он просил сестру перевести его в больницу для неизлечимых больных, чтобы провести с ними последние дни своей жизни, но сестра не исполнила его желания, и он умер у себя.

Последние часы он был без сознания. Только перед самым концом он приподнялся с постели и с ясным и радостным выражением сказал: «Не оставь меня, Господи». Это были его последние слова.

Он скончался 19 августа 1662 года.

Человеку для его блага нужны две веры: одно – верить, что *есть* объяснение смысла жизни, и другое – *найти* это наилучшее объяснение жизни.

Паскаль сделал, как никто, первое дело. Судьба, Бог не дали ему сделать второго.

Как человек, умирающий от жажды, набрасывается на ту воду, которая есть перед ним, не разбирая ее качества, так Паскаль, не разбирая качества того католицизма, в котором он был воспитан, видел в нем истину и спасение людей. Довольно, что вода, довольно, что вера.

Само собою разумеется, что никто не имеет права гадать о том, что могло бы быть, но нельзя себе представить гениального, правдивого перед самим собой Паскаля, верующего в католичество. Он не успел подвергнуть его той силе мысли, которую он направил на доказательство необходимости веры, и потому в душе его догматический католицизм остался целым. Он, не трогая его, опирался на него. Опирался на то, что было и есть в нем истинного. Он

взял из него напряженную работу самосовершенствования, борьбу с соблазнами, отвращение к богатству и твердую веру в милосердного Бога, Которому Он отдавал, умирая, свою душу.

Он умер, сделав только одну часть работы, – не доделав, даже не начав делать другую. Но от того, что не сделана эта вторая часть работы, не менее драгоценна первая: удивительная книга «Мыслей», собранная из разрозненных клочков бумаги, на которых больной, умирающий Паскаль записывал свои мысли.

Удивительная судьба этой книги.

Является пророческая книга – толпа стоит в недоумении, пораженная силой пророческого слова, встревожена, хочет понять и уяснить, узнать, что делать. И вот приходит один из тех людей, которые, как говорил Паскаль, думают, что знают, и поэтому мутят мир; приходят эти люди и говорят: «Тут нечего понимать и уяснять, все это очень просто. Этот Паскаль (то же самое было с Гоголем), как вы видите, верил в Троицу, в причастие; ясно, что он был больной, ненормальный и потому по своей слабости и болезни все понимал наизусть. Лучшее доказательство этого то, что он отверг, отрекся даже от того хорошего, что сам сделал и что нам нравится (потому, что мы это понимаем), и приписывал большую важность совершенно бесполезным „мистическим“ рассуждениям о судьбе человека, о будущей жизни. Поэтому надо брать из него не то, что он сам считал важным, а то, что мы можем понять и что нам нравится».

И толпа рада: то она не понимала, ей надо было усилие, чтобы подняться до той высоты, на которую ее хотел поднять Паскаль, а тут все совершенно просто. Паскаль открыл закон, по которому делают насосы. Насосы очень полезны, и это очень хорошо; а все то, что он там говорит о Боге, бессмертии, все это пустяки, потому что он верил в Троицу, Библию. Нам не нужно усилия, чтобы подниматься до него; напротив, мы с высоты своей нормальности можем покровительственно и снисходительно признавать его заслуги, несмотря на его ненормальность.

Паскаль показывает людям, что люди без религии – или животные, или сумасшедшие, тыкает их носом в их безобразие и безумие, показывает им, что никакая наука не может заменить религию. Но Паскаль верил в Бога, в Троицу, в Библию, и потому для них дело решенное, что и то, что он им говорил о безумии их жизни и тщете науки, – неправда. Та самая наука, та самая суета жизни, то самое безумие, которое так неотразимо выяснено им, эта самая суета, эта самая наука, это самое безумие они считают настоящей жизнью, истиной, а рассуждения Паскаля считают плодом его болезненной ненормальности. Им нельзя не признать силы мысли и слова этого человека, и они причисляют его к классикам, но содержание его книги ненужно им. Им кажется, что они стоят неизмеримо выше того высшего душевного состояния религиозного сознания, до которого только может достигнуть человек и на котором стоит Паскаль, и потому значение удивительной книги безнадежно скрыто от них.

Да, ничто так не злобно, не пагубно для истинного прогресса человечества, как эти ловко обставленные всякого рода современными украшениями рассуждения людей *qui croient savoir* (которые думают, что знают) и которые, по мнению Паскаля, *bouleversent le monde* (мутят мир).

Но свет и во тьме светит, и есть люди, которые, не разделяя веры Паскаля в католичество, но понимая то, что он, несмотря на свой великий ум, мог верить в католичество (предпочитая верить в него, чем ни во что не верить), понимают и все значение его удивительной книги, неотразимо доказывающей людям необходимость веры, невозможность человеческой жизни без веры, т. е. без определенного, твердого отношения человека к миру и Началу его.

И поняв это, люди не могут не найти и тех, соответствующих степени их нравственного и умственного развития, ответов веры на вопросы, поставленные Паскалем.

В этом его великая заслуга.

Л. Н. Толстой

8 ИЮЛЯ (Любовь)

Чувство, разрешающее все противоречия жизни человеческой и дающее наибольшее благо человеку, знают все люди. Чувство это – любовь.

1

Как победить друное расположение духа? Прежде всего *смирением*: когда знаешь свою слабость, зачем раздражаться, когда другие указывают на нее? Это нелюбезно с их стороны, но они правы. Потом *рассуждением*: в конце концов останешься все-таки тем, чем был, и если слишком уважал себя, то приходится только изменить о себе мнение; неучтивость ближнего оставляет нас такими, какими мы и были. Главное же – *прощением*: есть только одно средство не ненавидеть тех, которые делают нам зло и обиды, – это делать им добро, победить свой гнев добротой; их не переменишь этой победой над своими чувствами, но обуздаешь себя.

Амиель

2

Какая цена глазам, в которых нет доброты? Доброта есть истинное богатство. Собственностью владеют и добрые и злые. Стой на истинном пути, соображай и будь добр; хотя бы ты и изучил правила всех религиозных учений, только доброта даст тебе благо. Тот, в душе которого живет доброта, никогда не вступит в область мрака и печали. Никакое зло не постигнет того, кто добр и служит всем существам.

Индийский Курал

3

Любовь уничтожает смерть и превращает ее в пустой призрак; она же обращает жизнь из бессмыслицы в нечто осмысленное и из несчастья делает счастье.

4

Ничем нельзя вынуть из раны отравленного жала, как только бальзамом молчаливого и предупредительного милосердия. Зачем позволять себе раздражаться на человеческую злобу, на неблагодарность, на зависть, даже на коварство? Перекорам, жалобам, наказаниям никогда не будет конца. Самое простое – стереть все. Обиды, упреки, вспышки возмущают душу. Надо иметь средство исцеления от этих зол. Оно очищает все в вещественном мире; любовь – в мире духовном.

Амиель

5

Если вы сознательно не добры ко всем, то будете часто бессознательно жестоки ко многим.
Джон Рёскин

6

Любовь выводит человека из себя, из своей личности, и потому, если личность страдает, любовь избавляет от страданий.

7

Чем меньше любви, тем больше человек подвержен мучительности страдания; чем больше любви, тем меньше мучительности страдания; жизнь же вполне разумная, вся деятельность которой проявляется только в любви, исключает возможность всякого страдания. Мучительность страдания – это только та боль, которую испытывают люди при попытках разрывания цепи любви, которая соединяет жизнь человеческую с жизнью мира.

Когда тебе тяжело, когда ты боишься людей и себя, когда ты запутался в рассуждениях и делах, скажи себе: буду любить тех, с кем меня сводит жизнь, и старайся делать это, и увидишь, как все пройдет, обегчится, распутается, и тебе нечего будет ни желать, ни бояться.

9 ИЮЛЯ (Знание)

Ошибочно думают, что многознание есть достоинство. Важно не количество, а качество знания.

1

Сократ хотя и считал глупость несовместимой с мудростью, не называл невежество глупостью. Но не знать самого себя и воображать себе, что знаешь то, чего не знаешь, вот что он называл безумием.

Ксенофонт

2

Мы живем в век философии, наук и разума. Кажется, что все науки соединились, чтобы осветить путь в этом лабиринте человеческой жизни. Огромные библиотеки открыты для всех, везде гимназии, школы, университеты дают нам с детства возможность воспользоваться мудростью людей, проявившейся в продолжение тысячелетий. Все, казалось бы, содействует образованию нашего ума и утверждению разума. Что же, стали ли мы лучше или мудрее от всего этого? Лучше ли мы знаем путь и назначение нашего призвания? Лучше ли мы знаем, в чем наши обязанности и, главное, благо жизни? Что приобрели мы от всего этого тщетного знания, кроме вражды, ненависти, неизвестности и сомнений? Всякое религиозное учение и секта доказывает, что она одна нашла истину. Всякий писатель один знает, в чем наше благо. Один доказывает нам, что нет тела, другой – что нет души, третий – что между душой и телом нет связи, четвертый – что человек животное, пятый – что Бог только зеркало.

Руссо

3

Какое огромное преимущество на стороне того человека, который ничего не знает о предмете и, что очень редко, – знает, что ничего не знает о нем, перед тем, кто действительно кое-что знает, но думает, что он знает все! Какое огромное преимущество на стороне первого!

Торо

4

Как много ненужного чтения могли бы мы избегнуть при самостоятельном мышлении!

Разве чтение и учение одно и то же? Кто-то не без основания утверждал, что книгопечатание если и способствовало более широкому распространению

учености, то в ущерб ее качеству и содержанию. Слишком много читать вредно для мышления. Величайшие мыслители, встречавшиеся мне среди ученых, которых я изучал, были как раз наименее начитанными.

Если бы людей учили, как они должны мыслить, а не только тому, что они должны мыслить, – недоразумение было бы предотвращено.

Лихтенберг

5

Не бойся незнания, бойся ложного знания. От него все зло мира.

6

Человек, который умеет скрывать свою глупость, лучше, чем человек, который хочет выказать свою мудрость.

7

Чтобы достигнуть нравственного совершенства, нужно прежде всего заботиться о душевной чистоте. А душевная чистота достигается в том только случае, когда сердце ищет правды и воля стремится к святости. И все это зависит от истинного знания.

Конфуций

8

Ум укрепляется или расслабляется чтением решительно так же, как тело свежим или гнилым воздухом.

Джон Рёскин

Сомнительно знание, вызывающее споры.

10 ИЮЛЯ (Лжеучение)

В нашем мире истинная вера большей частью заменена общественным мнением: люди верят не в Бога, а в то, чему учат люди.

1

Главный и самый обычный способ отрицать существование Бога состоит в том, чтобы признавать всегда безусловно справедливым общественное мнение и не придавать никакого значения своему сознанию Бога.

Джон Рёскин

2

Бог предоставляет каждой душе выбор между истиной и спокойствием. Выбирай одно из двух. Нельзя иметь и то и другое. Как маятник, колеблется человек между тем и другим. Тот, в ком преобладает любовь к спокойствию, воспримет первую встретившуюся ему веру, философию, политическую партию, – чаще всего ту, которую исповедывал Его Отец, и Он получит спокойствие, удобство и общественное уважение, но Он затворит дверь перед истиной.

Эмерсон

3

Несчастье и зло людей происходит не столько оттого, что люди не знают своих обязанностей, сколько оттого, что они признают своими обязанностями не то, что есть их обязанность.

4

У церкви, у государства, у общества имеются известные типичные формы, в которые отливается мысль молодежи. И когда приходит время, в которое должны бы были проявиться особенности нового поколения, оказывается, что мысль его уже окостенела в этих формах и не может принять в себя ничего нового.

Люси Малори

5

Вера не устанавливается большинством голосов. Тот, кто в большинстве голосов видит признак истинности веры, не знает того, что есть вера.

6

Каждое общество, исходящее из положения, что «нет Бога», приходит к некоторым неожиданным результатам. Так как мировой порядок представляется такому обществу рядом случайностей и бесконечных обманов, то какие-нибудь единичные случайности или обманы не могут, конечно, уже никого удивить. И потому все те ужасы, которые совершаются в нашей жизни, уже никого не поражают и не удивляют. Все это вполне в порядке вещей.

Карлейль

7

Причина того бедственного положения, в которое впало наше общество, заключается в том, что люди высших классов живут без всякой веры, стараясь заменить отсутствие веры одни – лицемерием, притворяясь, что они еще верят во внешние религиозные формы, другие – смелым провозглашением своего неверия, третьи – утонченным скептицизмом, четвертые – признанием законности эгоизма и возведением его в религиозное учение.

Причина болезни – непринятие учения Христа в его истинном, т. е. полном, значении. Исцеление от болезни только в одном – в признании этого учения во всем его значении. А это признание в наше время не только возможно, но и необходимо.

Основная причина того зла, от которого страдают теперь люди, – это то, что у большинства людей нашего времени нет никакой веры.

11 ИЮЛЯ (Милосердие)

Истинное милосердие – только милосердие сильного, отдающего свои труды и усилия слабому.

1

Подача милостыни только тогда доброе дело, когда то, что подается, есть произведение труда.

Пословица говорит: сухая рука прижимиста, потная рука торовата. Так и в «Учении 12 апостолов» сказано: пусть милостыня твоя потом выходит из руки твоей.

2

Мощь дана человеку не для того, чтобы он давил слабого, а чтобы он поддерживал его и помогал ему.

Джон Рёскин

3

Всякое доброе дело есть милосердие. Дать воды жаждущему – это милосердие. Принять камни с дороги – это милосердие. Убеждать ближних, чтобы они были добродетельны, – милосердие. Указать страннику его путь – тоже милосердие. Улыбнуться, глядя в лицо ближнего, – милосердие.

Предание Мишикат (Магомет)

4

Всякому, просящему у тебя, давай и от взявшего у тебя не требуй назад. И как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними.

Лк. гл. 5, ст. 30—31

5

То, что ты отдал, – твое, а то, что ты удержал, – потерянное.

Восточная мудрость

6

Хвалили человека, раздавшего все свое имение. «Меня не за что хвалить, – сказал этот человек, – я ничего еще не сделал. Я только, подойдя к реке, через которую мне надо переплыть, разделся, чтобы одежда не мешала мне. Дело в том, как я поплыву».

Если богатый человек будет истинно милосерд, он скоро перестанет быть богатым.

12 ИЮЛЯ (Единение)

Основание любви есть сознание каждым человеком единства духовного начала, живущего во всех людях.

1

Все, что вносит единение между людьми, есть благо и красота; все, что их разъединяет, — зло и уродство. Все люди знают эту истину. Она запечатлена в нашем сердце.

2

Какое ужасное страдание — знать, что я страдаю и лишаюсь жизни не от завала горы, не от бактерий, а от людей, от братьев, которые должны бы любить и которые вот ненавидят меня, если заставляют страдать! Это чувство подобно тому, которое должен испытывать самоубийца.

3

Нет такого дурного дела, за которое был бы наказан только тот, кто его сделал. Мы не можем так уединиться, чтобы то зло, которое есть в нас, не распространялось. Наши дела, как наши дети: они живут и действуют независимо от нашей воли.

Джордж Элиот

4

Я до такой степени убежден, что человек все делает из собственной выгоды (понимая это слово надлежащим образом), что верю, что это так же необходимо для мировой жизни, как чувствительность для сохранения жизни тела. Наша «первопричина» так мудро сумела связать интересы одной части с интересами других, что мы не можем сделать себе истинного добра иначе, как сделав его ближнему.

Лихтенберг

5

Никто один не может достигнуть истины; только камень за камнем, с участием всех, миллионами поколений, от праотца Адама и до нашего времени, воздвигается тот храм, который должен быть достойным жилищем Великого Бога.

6

Жизнь человека есть самодвижущийся круг, который из бесконечно малого расходится во все стороны, в новые и все большие круги, не имеющие конца.

Эмерсон

7

Всякое неподдельное благодеяние, всякая вполне и поистине бескорыстная помощь, имеющая, стало быть, в виду исключительно чужую нужду, оказывается, строго говоря, при исследовании дела до последних основ, поступком таинственным и необъяснимым, потому что вытекает из таинственного сознания единства всего существующего и не поддается никакому иному объяснению. В самом деле, подать хотя бы милостыню, не имея в виду, даже в отдаленных соображениях, ничего другого, как только уменьшить нужду, давящую другого, – возможно лишь потому, что подающий познает, что то, что является ему сейчас под видом того жалкого нищего, есть он же сам, потому что он узнает свое собственное существо само по себе в этом ином, чуждом явлении.

Шопенгауэр

Мы внешне отделены и внутренне связаны со всеми живыми существами.

Некоторые из колебаний духовного мира мы чувствуем, некоторые еще не дошли до нас, но они идут, как идут колебания света от звезд, еще не видимых для нашего глаза.

13 ИЮЛЯ (Устройство жизни)

Нельзя приводить существующий порядок в оправдание своих поступков. Существующий порядок не есть что-либо постоянное; он подлежит постоянному изменению, переходу от худшего к лучшему. И переход этот может совершиться только благодаря нашему несогласию с существующим устройством.

1

Пока развитое меньшинство, поглощая жизнь поколений, едва догадывалось, отчего ему так ловко жить, пока большинство, работая день и ночь, не совсем догадывалось, что вся выгода работы – для других, и те и другие считали это естественным порядком, – мир антропофагии мог держаться. Люди часто принимают предрассудок, привычку за истину – и тогда она их не теснит. Но когда они однажды поняли, что их истина вздор, – дело кончено. Тогда только силою можно заставить делать то, что человек считает нелепым.

Герцен

2

Все наши благотворительные учреждения, все наши карательные законы, все наши ограничения и запрещения, которыми мы стараемся предупредить и пресечь преступления – что такое они, в лучшем случае, как не выдумки дурака, который, взвалив весь груз в корзинку с одной стороны осла, решил помочь несчастному животному, навалив столько же камней в корзинку с другой его стороны?

Генри Джордж

3

Отвратительная бедность, кишущая в самых центрах нашей цивилизации, преступления, развращенность и хищничество, порождаемые ею, являются следствием наших законов о земле, не желающих знать простого закона справедливости, настолько простого и ясного, что его признают даже наиболее грубые из дикарей. То, что по самой природе своей является нашим правом от рождения, сделано исключительной собственностью некоторых лиц, и то, что в силу естественного закона должно бы быть общим фондом, из которого покрывались бы все наши общественные нужды, мы отдаем немногим людям, с тем чтобы они господствовали над своими собратиями. И вот одни обжираются, в то время как другие голодают, и средств расточается более, чем сколько нужно бы их было, чтобы содержать всех в роскоши.

Генри Джордж

4

Мудрое потребление гораздо труднее мудрого производства. Что двадцать человек с трудом произведут, то один легко может потребить, и вопрос жизни, как для каждого отдельного лица, так и для целого народа, состоит не в том, сколько он произведет, а в том, на что эти продукты тратятся.

Люди обыкновенно утверждают, что личная практическая деятельность бессильна сколько-нибудь повлиять на изменение или задержку обширной системы современной промышленности или способов производства и торговли.

Я же, вдумываясь в ту массу умных разговоров, которая входит в одно длинное ухо мира и выходит из другого, не производя ни малейшего впечатления на его ум, испытываю иногда непреодолимое желание попытаться весь остаток жизни употребить на то, чтобы молча делать то дело, которое я считаю разумным, и никогда ни о чем больше не говорить.

Джон Рёскин

5

Не должны ли мы стремиться к такому идеалу народной жизни, при котором возвышение по ступеням общественной лестницы будет не столько пленять, сколько страшить лучших людей?

Джон Рёскин

6

Мы очень много изучали и усовершенствовали в последнее время великое изобретение цивилизации – разделение труда; только мы даем ему ложное название. Правильно выражаясь, надо сказать: не работа разделена, но люди разделены на частицы людей, разломлены на маленькие кусочки, на крошки; так что та малая часть рассудка, которая оставлена в человеке, недостаточна, чтобы сделать целую булавку или целый гвоздь, и истощается на то, чтобы сделать кончик булавки или шляпку гвоздя. Правда, что хорошо и желательно делать много булавок в день; но если бы только мы могли видеть, каким песком мы полируем их – песком человеческой души, то мы бы подумали о том, что это тоже и невыгодно.

Можно заковывать, мучить людей, запрягать их, как скот, убивать, как летних мух, и все-таки такие люди в известном смысле, в самом лучшем смысле, могут оставаться свободными. Но давить в них бессмертные души, души и превращать в гниющие обрубки младенческие ростки их человеческого разума, употреблять их мясо и кожу на ремни, для того чтобы двигать машинами, – вот в чем истинное рабство. Только это унижение и превращение человека в машину заставляет рабочих безумно, разрушительно и тщетно бороться за свободу, сущности которой они сами не понимают. Озлобление их против богатства и против господ вызвано не давлением голода, не уколами оскорбленной гордости (эти две причины производили свое действие всегда; но основы общества не были никогда так расшатаны, как теперь). Дело не в том, что люди дурно питаются, но в том, что они не испытывают удовольствия от той работы, посредством которой они добывают хлеб, и потому они смотрят на богатство как на единственное средство удовольствия.

Не в том дело, что люди страдают от презрения к ним высших классов, но в том, что они не могут переносить свое собственное к себе презрение за то, что чувствуют, что труд, к которому они приговорены, унизителен, развращает их, делает их чем-то меньше людей. Никогда высшие классы не проявляли столько любви и симпатии к низшим, как теперь, а между тем никогда они не были так ненавидимы ими.

Джон Рёскин

7

Если государство управляется на началах разума, то надо стыдиться, если есть бедность и нищета; если же государство управляется не на началах разума, то надо стыдиться богатства и почестей.
Китайская мудрость

Для осуществления закона Бога, насколько он выяснен нам, нужно наше усилие, и усилие это делается людьми, и, как ни медленно, мы все-таки приближаемся к этому осуществлению.

14 ИЮЛЯ (Приближение Царства Божия)

Царство Божие есть осуществление среди людей закона Бога в той мере, в которой он открыт Им.

1

Куда денется нищета, если каждый будет искать прежде всего Царствия Божия и правды Его? То есть если, добровольно покоряясь закону Бога, каждый будет стремиться к добросовестному исполнению обязанностей, налагаемых этим законом?

Нищета – дочь несправедливости, любостяжания, преступного презрения к священным обязанностям человечества, – столь общего и постоянного нарушения их, что мы, вследствие ужасающего помрачения нашей совести, привыкли даже считать нищету необходимым условием порядка жизни. Итак, да придет Царствие Твое, Господи; да будет закон Твой законом обновления мира; да не будет нагота уделом трех четвертей человеческого рода; да будет мир не жилищем ожесточенных и вредящих друг другу врагов, а жилищем братьев, рвущихся друг к другу на помощь. Умножаясь ежедневно, да сплотятся сыны Божии для уничтожения зла, для низложения храма сатаны и для построения Твоего храма из его развалин.

Ламенэ

2

Тогда только можно будет с полным основанием сказать, что пришло к нам Царствие Божие, когда открыто признана будет необходимость перехода церковной веры во всеобщую разумную религию. Пусть полное осуществление этого царствия бесконечно удалено от нас; но в этом установлении всеобщей разумной религии вместо церковных вер, как в развивающемся и потом размножающемся зародыше, содержится уже все то, что должно просветить мир и овладеть им.

В жизни мира тысячи лет как один день. Мы должны терпеливо работать над этим осуществлением и ждать его.

Кант

3

Царство Божие на земле – это конечная цель и желание человечества («Да придет царствие Твое»). Христос приблизил к нам это Царство, но люди не поняли его и воздвигли у нас царство попов, а не Царство Бога.

Кант

4

Приходит время, когда обрядовое, словесное богослужение, притягивающее людей к себе своей поэзией и благолепием, и насильническое общественное устройство, считающееся неизбежным условием жизни, будут вытеснены разумением о жизни человека. Приходит время Царства Небесного, Царства Бога на земле, когда сама жизнь наша в наших делах вся наполнится сознательным исполнением закона Бога.

Требуется одно главное, требуется понять религию в ее истинном значении: не в смысле колдовства и мороченья людей, а в смысле истинной науки, разумения о жизни человека, – понять так, чтобы под богослужением разуметь не что-нибудь таинственное, сверхъестественное, чего без попа, без благодати сделать нельзя, а понимать под богослужением любовь к Богу и ближнему, служение ближнему, деятельность на благо ближнего, на благо общее, – чтобы понимать под богослужением делание добра.

Бука

Царство Божие внутри вас есть. И потому ищите Царства Божия в себе, и остальное все сделается так, как только мы можем желать.

Недельное чтение

I. Устройство мира

Мир – это общество такое, каким оно было во времена Иисуса и каково оно в сущности и теперь, так как восемнадцать веков христианства не изменили его основ, а только смягчили их проявления. Несмотря на изменение внешних форм, это общество держится везде на силе и себялюбии.

Повелевают только потому, что имеют власть; угнетают, мучают потому, что повелевают для себя. Таков мир, и между миром и Иисусом вечная борьба, потому что то, чего хочет Иисус, прямо противоположно тому, чего хочет мир. Иисус хочет, чтобы люди были свободны, чтобы, будучи равными перед общим отцом, они были равны и друг перед другом, чтобы братская любовь соединила их в одну семью. Мир же хочет подчинения почти всех некоторым; хочет не братьев, но малых и великих, – малых, лишенных всяких прав, и великих, которым бы они принадлежали и которые располагали бы ими как хотят.

Иисус хочет, чтобы власть была служением; мир хочет, чтобы она была господством. Поэтому Иисус осуждает мир, и мир ненавидит Иисуса, и ненависть эта, распространяясь на учеников Иисуса, подвергает их гонениям от мира. Если бы мир терпел их, если бы между ним и ими была бы связь какая бы то ни было, они были бы учениками Иисуса, но изменниками его учению, соучастниками того, кто предал его поцелуем.

Итак, вы – те, которые хотите того, чего хотел Иисус, те, которых Он избрал для того, чтобы продолжать Его дело, будьте готовы к тому, что ожидает вас в мире; но знайте и то, что мир не будет сильнейшим до конца, а будет побежден, потому что та истина, которая должна победить, уже начинает светиться перед глазами всех, начинает шевелить все совести, и мир тщетно старается убить ее, как он убил Иисуса. Времена приближаются, глухой ропот предвещает освобождение; со всех сторон слышен треск разрывающихся цепей; сильные смущены – чувствуют, что они слабеют; слабые же поднимают голову. Должна произойти последняя битва. Пусть всякий твердо стоит в этой битве, решающей вопрос о том, будет ли человечество освобождено Христом по Его обещанию или вечно будет рабом сынов того, кто был човекоубийцей от начала.

Ламенэ

II. Отношение первых Христиан к войне

«Безумствует мир во взаимном кровопролитии, и убийство, считаемое преступлением, когда люди совершают его поодиночке, именуется добродетелью, если делается скопищем». Так писал в третьем веке знаменитый Киприан, говоря про воинство.

Так же относилась к войне и вся христианская община первых веков до пятого века. Христианская община определенно признавала в лице своих руководителей, что христианам запрещено всякое убийство, а потому и убийство на войне.

Перешедший в христианство во втором веке философ Татиан считает убийство на войне так же недопустимым для христиан, как и всякое убийство, и почетный воинский веноч считает непристойным для христианина. В том же столетии Афинагор Афинский говорит, что христиане не только сами никогда не убивают, но и избегают присутствовать при убийствах.

В третьем столетии Климент Александрийский противопоставляет языческим «воинственным» народам «мирное племя христиан». Но всего яснее выразил отвращение христиан к войне знаменитый Ориген. Прилагая к христианам слова Исаии, что придет время, когда люди перекуют мечи на серпы и копья на плуги, он совершенно определенно говорит: «Мы не поднимаем оружия ни против какого народа, мы не учимся искусству воевать, ибо через Иисуса Христа мы сделали детьми мира». Отвечая на обвинение Цельзом христиан в том, что они уклоняются от военной службы, так что, по мнению Цельза, если только Римская империя сделается христианской, она погибнет, Ориген говорит, что христиане больше других сражаются за благо императора, сражаются за него добрыми делами, молитвой и добрым влиянием на людей. Что же касается борьбы оружием, что совершенно справедливо, говорит Ориген, что христиане не сражаются вместе с императорскими войсками и не пошли бы даже в том случае, если бы император их к этому принуждал.

Так же решительно высказывается и Тертуллиан, современник Оригена, о невозможности христианину быть военным. «Не подобает служить знаку Христа и знаку дьявола, – говорит он про военную службу, – крепости света и крепости тьмы; не может одна душа служить двум господам. Да и как воевать без меча, который отнял сам Господь? Неужели можно упражняться мечом, когда Господь сказал, что каждый, взявшийся за меч, от меча погибнет? И как будет участвовать в сражении Сын мира?»

В четвертом веке Лактанций говорит то же. «Не должно быть никакого исключения в заповеди Божьей, что убить человека всегда грех, – говорит он. – Носить оружие христианам не дозволено, ибо их оружие – только истина». В правилах египетской церкви третьего века и в так называемом «Завещании господина нашего Иисуса Христа», безусловно, запрещено всякому христианину поступать на военную службу под страхом отлучения от церкви.

В «Деяниях святых» много примеров христианских мучеников первых веков, пострадавших за отказ продолжать службу в римских легионах.

Так, Максимилиан, приведенный в присутствие по отбыванию воинской повинности, на первый вопрос проконсула о том, как его зовут, отвечал: «Мое имя христианин, и потому я сражаться не могу». Несмотря на это заявление, его зачисляли в солдаты, но он отказался от службы. Ему было объявлено, что он должен выбрать между отбыванием воинской повинности и смертью. Он сказал: «Лучше умру, но не могу сражаться». Его отдали палачам.

Марцеллий был сотником в Троянском легионе. Поверив в учение Христа и убедившись в том, что война – нехристианское дело, он в виду всего легиона снял с себя военные доспехи, бросил их на землю и объявил, что, став христианином, он более служить не может. Его посадили в тюрьму, но он и там говорил: «Нельзя христианину носить оружие». Его казнили.

Вслед за Марцеллием отказался от военной службы служивший в том же легионе Касьян. Его также казнили.

При Юлиане Отступнике отказался продолжать военную службу Мартын, воспитавшийся и выросший в военной среде. На допросе, сделанном ему императором, он сказал только: «Я – христианин и потому не могу сражаться».

Первый вселенский собор (325 г.) ясно определил строгую эпитимию за вторичное поступление в войска христиан, оставивших службу. Подлинные слова этого постановления в переводе, признанном православной церковью, таковы:

«Благодатию призванные к исповедыванию веры и первый порыв ревности явившие и отложившие воинские поясы, но потом, аки псы, на свою блевотину возвратившиеся... таковые 10 лет да припадают к церкви, прося прощения, по трилетнем слушании Писания в притворе».

Оставшимся в войсках христианам вменялось в обязанность во время войны не убивать врагов. Еще в четвертом веке Василий Великий рекомендует в течение трех лет не допускать до причащения солдат, виновных в нарушении этого постановления.

Таким образом, не только в первые три века христианства, во время гонений на христиан, но и в первые времена торжества христианства над язычеством, когда христианство было признано господствующей, государственной религией, в среде христиан еще держалось убеждение, что война несовместима с христианством. Ферруций высказал это определенно и решительно (и был за это казнен):

«Не дозволено христианам проливать кровь, даже в справедливой войне и по приказу христианских государей».

В четвертом веке Люцифер, епископ Кальярский, учит, что даже самое дорогое для христиан благо – свою веру – они должны защищать «не убийством других, а собственной смертью». Павлин, епископ Ноланский, умерший в 431 году, еще грозил вечными муками за службу кесарю с оружием в руках.

Таков был взгляд христиан первых четырех веков на отношение христианства к военной службе.

(Составлено по книгам: барона Таубе «Христианство и международный мир» и Руинарта «Деяния первых мучеников».)²⁵

²⁵ Составлено Н. Н. Гусевым. Под редакцией Л. Н. Толстого.

III. Письмо крестьянина Ольховика, отказавшегося от военной службы

«1895 года октября 15 дня я был призван к отбыванию воинской повинности. Когда пришла очередь мне тянуть жребий, я сказал, что жребия тянуть не буду. Чиновники посмотрели на меня, потом поговорили друг с другом и спросили меня, почему я не буду тянуть.

Я отвечал, что это потому, что я ни присягать, ни ружья брать не буду.

Они сказали, что это дело будет после, а жребий тянуть надо.

Я опять отказался. Тогда велели тянуть старосте жребий. Староста вытянул; оказался № 674. Записали.

Входит воинский начальник, вызывает меня в канцелярию и спрашивает: «Кто тебя всему этому научил, что ты не хочешь присягать?»

Я отвечал: «Сам научился, читая Евангелие».

Он говорит: «Не думаю, чтобы ты сам понял так Евангелие; ведь там все непонятно; чтобы понимать, для этого надо много учиться».

На это я сказал, что Христос учил не мудрости, потому что самые простые неграмотные люди и те понимали его учение.

Тогда он сказал солдату, чтобы отправил меня в команду. С солдатом мы пошли в кухню, там пообедали.

После обеда стали спрашивать меня, почему не присягал.

Я сказал: «Потому что в Евангелии сказано: не клянись вовсе».

Они удивились; потом спросили: «Да разве это есть в Евангелии? А ну найди».

Я нашел, прочитал; они послушали.

«Хотя и есть, а все-таки нельзя не присягать, потому что замучат».

Я сказал на это: «Кто погубит земную жизнь, тот наследует жизнь вечную».

20 числа меня поставили в ряд с другими молодыми солдатами и рассказали нам солдатские правила. Я им сказал, что я ничего этого делать не буду. Они спросили: «Почему?»

Я сказал: «Потому что, как христианин, не буду носить оружия и защищаться от врагов, потому что Христос велел любить и врагов».

Они сказали: «Да разве только ты один христианин? Ведь мы же вот христиане».

Я сказал: «Про других я ничего не знаю, знаю только про себя, что Христос говорил делать то, что я делаю».

Он опять сказал: «Если ты не будешь заниматься, то я тебя сгною в тюрьме».

На это я сказал: «Что хотите, то и делайте со мной, а служить я не буду».

Сегодня смотрела комиссия. Генерал говорил офицерам: «Какие убеждения находит этот молокосос, что отказывается от службы! Какие-нибудь миллионы служат, а он один отказывается. Его выпороть хорошенько розгами, тогда он оставит свои убеждения».

Ольховика арестовали и сослали в Якутскую область.

15 ИЮЛЯ (Слияние своей воли с волей Бога)

Телесная жизнь моя подлежит страданиям и смерти, и никакие усилия мои не могут избавить меня ни от страданий, ни от смерти. Духовная же жизнь моя не подлежит ни страданиям, ни смерти. И потому спасение мое от страданий и смерти только в одном: в перенесении моего сознания в свое духовное «я».

1

Есть два способа познания внешнего мира.

Один – самый грубый и неизбежный – способ познания пятью чувствами. Если бы этот способ познания был один, то из этого способа познания не сложился бы в нас тот мир, который мы знаем, а был бы бессмысленный хаос.

Другой способ – в том, чтобы, познав любовью к себе себя, познать тою же любовью другие существа: людей, животных, растения, камни, небесные тела, и опять, посредством любви, отношения существ между собою и из этих отношений образовать весь мир, как мы знаем его.

Этот способ познания есть восстановление нарушенного первым способом познания единения между существами. Способ познания этот основан на любви, т. е. на слиянии себя со всеми другими существами, с Богом.

2

...не Моя воля, но Твоя да будет.

Лк. 22, 42.

...но не чего Я хочу, а чего Ты.

Мрк. 14, 36.

...не как Я хочу, но как Ты.

Мф. 26, 39.

3

Одно только нужно: сознать Бога. Все чувства, все силы души и ума, все внешние средства понимания суть только просветы на божество, суть только способы обожать Бога. Надо уметь оторваться от всего, что может быть потеряно, и привязаться исключительно к вечному и основному, всем же остальным наслаждаться, как данным взаймы на время. Обожать, понимать, принимать, чувствовать, давать, действовать – вот твой закон, твой долг, твое счастье, твое небо, – пусть будет что будет, хотя бы и смерть. Установи внутреннее согласие, живи перед Богом, в общении с Ним и предоставь вечным силам, с которыми не можешь бороться, руководить твоею жизнью. Если смерть еще не берет тебя, тем лучше. Если она унесет тебя, опять тем лучше. Если она убьет тебя наполовину, все-таки тем лучше: она закрывает для тебя поприще успеха для того, чтобы открыть тебе поприще подвига, самоотречения, нравственного величия. Всякая жизнь имеет свое величие, и

так как тебе невозможно выйти из Бога, то лучше сознательно избрать Его своим обиталищем.

Амиель

4

Сколько нравственных мучений – и все это, чтобы умереть через несколько минут! Чем интересоваться и зачем?

Но ведь время – ничто, и жизнь твоя полна, и сей день стоит сотни лет, если ты в течение этого дня найдешь Бога.

Амиель

5

Центр жизни не в мысли, не в чувстве, не в воле, даже не в сознании, насколько оно мыслит, чувствует и хочет, потому что нравственная истина может быть усвоена всеми этими средствами и все-таки ускользнет от нас. *Глубже нашего сознания находится наше существо:* наша сущность, наша истинная основа. Только те истины, которые входят в эту область, сделавшись нами самими, неожиданно и невольно, инстинктивно и бессознательно, только те составляют действительную нашу жизнь, т. е. наше истинное «я». Пока мы различаем какое-либо пространство между истиной и нами, мы вне ее. Мысль, чувство, желание, сознание жизни – все это не есть еще жизнь. В сущности, мы можем найти мир и спокойствие только в жизни, и в жизни вечной. Жизнь же вечная – это жизнь божественная, это Бог. Быть божественным существом – вот в чем, стало быть, цель жизни; только тогда истина не может быть нами утрачена, потому что она уже не вне нас, ни даже в нас, но мы составляем истину, а истина нас; мы тогда истина, воля и дело Божие. Свобода делается тогда нашей природой, творение составляет одно с Творцом, соединяется с ним любовью, делается тем, чем оно должно быть. Его воспитание окончено, и начинается его окончательное блаженство. Солнце времени заходит, и появляется свет вечного блаженства.

Амиель

6

Сущность любви к Богу состоит в стремлении души и влечении ее к Создателю, чтобы слиться с Его высшим светом.

Талмуд

7

Если ты хочешь достигнуть познания всеобъемлющего «я», то ты должен прежде всего узнать самого себя. Для того чтобы познать самого себя, ты должен пожертвовать своим «я» всемирному «я». Жертвуй своей жизнью, если

ты хочешь жить в духе. Удаляй свои мысли от внешних вещей и всего, что представляется извне. Старайся удалять от себя возникающие образы, для того чтобы они не кидали темной тени на твою душу.

Твои тени живут и исчезают. То, что в тебе вечно, то, что понимает, принадлежит непреходящей жизни. Это вечное есть существо, которое было, есть и будет и час которого не пробьет никогда.

Браминская мудрость

То, что мы называем счастьем и несчастьем нашего животного «я», вне нашей Воли, зависит от высшей Воли; но благо или зло нашего духовного «я» зависит от нас, от нашей покорности или непокорности этой высшей Воле.

16 ИЮЛЯ (Слово)

Ничто так не поощряет праздности, как пустые разговоры. Если бы люди молчали и не говорили тех пустяков, которыми они отгоняют от себя скуку праздности, они не могли бы переносить ее.

1

Тот, кто много говорит, редко приводит в действие свои слова. Мудрый же человек всегда боится, чтобы слова его не превзошли его дел.

Китайская мудрость

2

Мудрые не говорят пустых слов, боясь того, чтобы дела их не были несоответственны их словам.

Китайская мудрость

3

Прежде думай, потом говори! Остановись, прежде чем тебе скажут: «довольно». Человек выше животного способностью речи, но он ниже его, если делает недолжное употребление из нее.

«Гулистан» Саади

4

Не отвечай безумцу в духе его безумия, чтобы не быть подобным ему.

5

Пребывающий в безмолвии легко возносится к Богу; рассеяние и пустые разговоры влекут за собою скуку и раздражительность.

Из «Благочестивых мыслей»

6

Из тысячи раз, когда мы раскаемся в том, что говорили, едва ли случится один раз раскаяться в том, что промолчали.

7

Больше всех говорит тот, кому нечего сказать.

8

Если вы желаете удержать человека от какого-нибудь поступка, заставьте его разговориться на эту тему: чем больше люди говорят, тем меньше у них склонности делать.

Карлейль

Чем меньше будешь говорить, тем больше будешь работать.

17 ИЮЛЯ (Насилие)

Основа устройства древнего общества – насилие; основа устройства общества, свойственного нашему времени, – разумное согласие и отрицание насилия.

1

Вы слышали, что сказано: око за око и зуб за зуб. А Я говорю вам: не противься злему. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую.

Мф. гл. 5, ст. 38–39.

2

Тот, кто искусен в пользовании людьми, бывает смирен. Это называется добродетелью непротивления. Это называется согласованием с Небом.

Лао-Тсе

3

Те, которые думают, что нельзя руководить людьми иначе, как насилием, пренебрегая их разумом, делают с людьми то же, что делают с лошадьми, ослепляя их, чтобы они смиреннее ходили по кругу.

4

Так называемые образованные люди, – те, которые должны бы давать пример того отношения к насилию, которое свойственно разумному существу, – ученые, либеральные, революционные даже люди рассуждают, осуждают, проповедуют свободу, достоинство человека. Но все это до тех пор, пока не свистнут ему, чтобы он шел под хомут. И кончаются все рассуждения и весь либерализм и толки о свободе; и наряжают его в пеструю ливрею, дают в руки ружье или саблю и велят ему бегать, и прыгать, и стоять, и вертеться, и надевать шапку, и кланяться, и кричать «ура», и, главное, быть готовым по приказанию убить отца родного, и он – либерал, ученый, революционер, проповедник свободы – прыгает, и кланяется, кому велят, и кричит «ура», и готов с ружьем убить, кого прикажут.

Так что те самые люди, – образованные, которым естественнее всего было бы стремиться к приведению жизни в согласие с сознанием, – люди эти не верят в то, о чем проповедуют, чему учат.

5

Для чего же разум людей, если на них можно воздействовать только насилием?

Во всех случаях, где употребляется насилие, прилагай разумное убеждение, и ты редко потеряешь в мирском смысле, в духовном же сознании испытаешь полное удовлетворение.

18 ИЮЛЯ (Божественная природа души)

Веруя в вечную жизнь, люди веруют только в то, что начало жизни духовно и потому не временно.

1

Человек, преступивший закон, думает, что со смертью вполне уже кончится его жизнь; такой человек способен склоняться ко всему злему.
*Буддийская мудрость*²⁶

2

В душе нашей лежит зародыш истины бессмертия. Он лежит в разуме, который видит неполноту нашего существования в этом мире, требующую продолжения для достижения своей цели. Зародыш этот – в нашей жажде счастья, столь сильной, что она никогда не может быть удовлетворена в этом мире. Зародыш этот – в любви к добру, которая по мере того, как мы воспитываем ее, пробуждает в нас стремление к полному совершенству и единению с Совершенным.
Чаннинг

3

Люди не знают ничего о том мире и потому желают остаться здесь. Самое большое желание их – это жить в этом мире вечно. Но птица, побывавшая в цветущем саду, не хочет быть запертой в клетке. Если она и попадет в клетку, она будет желать вырваться из нее, чтобы снова возвратиться в сад. Так и человек: когда он будет освобожден от тела, он не захочет возвратиться в него. Разве есть такой ребенок, который, родившись, снова пожелал бы возвратиться в чрево матери? Разве есть человек, который, будучи освобожден из тюрьмы, захотел бы снова вернуться в нее? Разве есть птица, которая, ускользнув из клетки, захочет снова быть запертой в ней? Так и человек не будет бояться предстоящего ему освобождения от тела, если он не привязан к телесной жизни.
Таблички бабидов

4

Человек познает, что он не умрет, только тогда, когда он познает то, что он никогда не рождался, а всегда был, есть и будет.

Человек поверит в свое бессмертие только тогда, когда он поймет, что его жизнь не есть волна, а есть то вечное движение, которое в этой жизни проявляется только волною.

²⁶ Дхаммапада

5

Думать о смерти нечего, но надо жить ввиду ее. Вся жизнь ввиду смерти становится торжественна, значительна, истинно плодотворна и радостна. Она становится такою и потому, что она всякую минуту может прекратиться, и потому, что ввиду смерти нельзя не делать того одного, что нужно для неумирающей жизни, т. е. для Бога. А когда так живешь, жизнь становится радостной, и нет того пугала смерти, которое отравляет жизнь людей, живущих одной животной жизнью. Страх смерти обратно пропорционален хорошей жизни. При святой жизни этот страх – нуль.

Тому, кто верит в то, что жизнь не началась с рождением и не кончится со смертью, легче жить доброй жизнью, чем тому, кто не понимает этого и не верит этому.

19 ИЮЛЯ (Простота)

Истинно полезное, истинно доброе и потому истинно великое всегда просто.

1

Язык правды прост.
Сенека

2

Доброе свойственно человеку, и потому все доброе просто и незаметно.

3

Истинное величие человеческой жизни почти всегда совершенно невидимо. Очень может быть, что перед нами молчаливо и тайно совершается величайший подвиг, великодушнейшая жертва, зарождается возвышеннейший замысел, а мы и не подозреваем этого. Я верю, что такое величие очень обыкновенно среди многих людей, имен которых мы не слышим и не знаем. Я уверен, что среди так называемого простого народа чаще встречаются мужественно перенесенные страдания, чаще встречаются неприкрашенная правда, твердая вера и то истинное великодушие, которое отдает то, что необходимо дающему, и, главное, чаще, чем между богатыми, встречается верное понимание смысла жизни и смерти.
По Чаннингу

4

Часто самые простые, неученые и необразованные люди вполне ясно, сознательно и легко воспринимают истинное, разумное учение жизни, тогда как часто самые ученые люди именно этой своей ученостью лишены возможности воспринять то, что одно нужно им и всякому человеку.

5

Для того чтобы прокормиться, одеться и иметь жилище, нужно очень немного; остальное же приобретается для того, чтобы приспособиться к чужим вкусам или чтобы затмить других.
Восточная мудрость

6

Простота жизни, языка, привычек придает силу народу, а роскошь жизни, вычурность языка и изнеженность привычек ведет к слабости и гибели.

Джон Рёскин

7

Самые ясные понятия часто затемняются сложными рассуждениями.

Цицерон

Если хочешь найти пример для подражания, то ищи его среди простых, смиренных людей. Только там истинное, не только не выставляющееся, но не сознающее себя величие.

20 ИЮЛЯ (Сострадание и вегетарианство)

Сострадание к живым существам вызывает в нас чувство, подобное телесной боли. И так же как можно загубить к телесной боли, можно загубить и к боли сострадания.

1

Сострадание ко всем живым существам есть самое верное и надежное ручательство в нравственности поведения. Кто истинно сострадателен, тот, наверное, никого не оскорбит, не обидит, никому не сделает больно, ни с кого не взыщет, каждому простит, так что все его поступки будут носить печать справедливости и человеколюбия. Пусть кто-нибудь скажет: «Это – человек добродетельный, но он не знает жалости», или: «Это – несправедливый и злой человек, но он очень жалостлив», – и вы почувствуете противоречие.

Шопенгауэр

2

Полно вам, люди, себя осквернять недозволенной пищей!
Есть у вас хлебные злаки; под тяжестью ноши богатой
Сочных, румяных плодов преклоняются ветви деревьев;
Грозди на лозах висят наливные; корни и травы
Нежные, вкусные зреют в полях; а другие —
Те, что грубее, – огонь умягчает и делает слаще;
Чистая влага молочная и благовонные соты
Сладкого меда, что пахнет душистой травой – тимьяном,

Не запрещается вам. Расточительно-щедро все блага
Вам предлагает земля; без жестоких убийств и без крови
Вкусные блюда она вам готовит.
Лишь дикие звери
Голод свой мясом живым утоляют; и то не все звери:
Лошади, овцы, быки – ведь травой питаются мирно,
Только породы свирепые хищников: лютые тигры,
Львы беспощадно жестокие, жадные волки, медведи
Рады пролитию крови...
И что за обычай преступный,
Что за ужасная мерзость: кишками кишок поглощение!
Можно ль откармливать мясом и кровью существ нам подобных
Жадное тело свое и убийством другого создания, —
Смертью чужою – поддерживать жизнь?
Неужели не стыдно
Нам, окруженным так щедро дарами земли благодатной,
Матери нашей кормилицы, – нам, – не животным, а людям,
Жадно зубами жестокими рвать и терзать с наслаждением
Ключья израненных трупов, как лютые дикие звери?

Разве нельзя утолить, не пожертвовав жизнью чужою,
Люди, ваш голод неистовый, алчность утроб ненасытных?
Был – сохранилось преданье – век золотой, – не напрасно
Названный так; жили люди счастливые, кроткие – просто;
Были довольны и сыты одними плодами земными,
Кровью уста не сквернили. И птицы тогда безопасно
Воздух кругом рассекали; и робкие зайцы бесстрашно
В поле бродили; на удочке рыбка тогда не висела
Жертвой доверия; не было хитрых силков и капканов;
Страха, предательства, злобы не ведал никто. И повсюду
Царствовал мир.
Где ж он ныне? И чем свою смерть заслужили
Вы, безобидные овцы, незлобные, смирные твари,
Людам на благо рожденные? Вы, что нас поите щедро
Влагой сосцов благодатных и греете мягкой волною.
Вы, чья счастливая жизнь нам полезней, чем смерть ваша злая?
Чем провинился ты, вол, предназначенный людям на помощь,
Ты, безответно-покорный товарищ и друг хлебопашца?
Как благодарность забыть, как решиться жестокой рукою
Острый топор опустить на послушную, кроткую шею,
Стертую тяжким ярмом? Обагрить мать-кормилицу землю
Кровью горячей работника, давшего ей урожай?..
Страшен ваш гнусный обычай и скользок ваш путь к
преступленьям,
Люди! Убить человека нетрудно тому, кто, внимая
Жалким предсмертным хрипеньям, режет телят неповинных,
Кто убивает ягненка, чьи слабые вопли подобны
Плачу дитяти, кто птицу небесную бьет для забавы
Или, – нарочно, своею рукою вскормив, – пожирает!
С вашей привычной жестокостью рядом стоит людоедство!
О, воздержитесь, опомнитесь, я заклинаю вас, братья!
Не отрывайте убийством от плуга вола земледельца;
Пусть он, служивший вам верно, умрет не насильственной
смертью:
Не истребляйте стада беззащитные: пусть одевают,
Греют вас мягким руном и поят молоком своим щедро,
Мирно живя, умирая спокойно на пастбищах ваших.
Бросьте силки и капканы! Не трогайте пташек небесных;
Пусть, беззаботно порхая, поют нам о счастье и воле.
Хитросплетенные сети, крючки с смертоносной наживой
Бросьте! Доверчивых рыб не ловите обманом коварным,
Уст человеческих кровью созданий живых не скверните;
Смертные – смертных щадите!
Питайтесь дозволенной пищей, —
Пищей, пригодной для любящей, чистой души человека.

Овидий (перевод А. П. Барыковой)

3

Первое условие для проведения религии в жизнь – любовь и жалость ко всему живому.

Фо-пен-хинг-тзи-кинг

4

Сострадание к животным так тесно связано с добротой характера, что можно с уверенностью утверждать, что, кто жесток с животными, тот не может быть добрым человеком.

Шопенгауэр

5

Всякое убийство отвратительно, но едва ли не отвратительнее всего убийство с целью съесть то существо, которое убито. И чем больше человек обдумывает форму убийства, чем больше сосредоточивает внимание и старание на том, чтобы убитое животное съесть с наибольшим удовольствием, чтобы дать убитому существу наибольшую вкусность, тем это убийство отвратительнее.

Гольдштейн

Когда испытываешь боль при виде страдания другого существа, не отдавайся первому животному чувству скрыть от себя зрелище страданий, бежать от страдающего, а, напротив, беги к страдающему и ищи средства помочь ему.

21 ИЮЛЯ (Любовь)

Любовь – это проявление божественной сущности, для которой нет времени, и потому любовь проявляется только в настоящем, сейчас, во всякую минуту настоящего.

1

Любить вообще значит делать доброе. Так мы все понимаем и не можем иначе понимать любовь.

И любовь не есть только слово, но есть деятельность, направленная на благо других.

Если человек решает, что ему лучше воздержаться от требований настоящей, самой малой любви, во имя другого, будущего проявления большей любви, то он обманывает или себя, или других, и никого не любит, кроме себя одного.

Любви в будущем не бывает; любовь есть только деятельность в настоящем. Человек же, не проявляющий любви в настоящем, не имеет любви.

2

Не будем медлить, чтобы быть справедливыми, сострадательными, внимательными к тем, кого мы любим; не будем ждать, когда они или мы будем поражены болезнью или угрожаемы смертью. Жизнь коротка, и не может быть слишком много времени, чтобы радовать сердца наших спутников в этом коротком переезде. Поспешим же быть добрыми.

Амиель

3

Скрывайтесь от несчастного, которому помогаете: пусть он наслаждается благодеянием, не зная имени своего благодетеля.

Из «Благочестивых мыслей»

4

Помогайте бедному, не стараясь узнавать причин его нищеты, чтобы не открыть того, что может ослабить ваше участие.

Из «Благочестивых мыслей»

5

Будь добр, хотя бы мир и осуждал тебя. Это лучше, чем когда тебя хвалят и ты продолжаешь быть дурным.

Лоди

6

Учение Евангелия содержит простую веру, а именно веру в Бога и почитание Его или, что то же самое, послушание Его закону. Весь же закон Его только в одном: любить ближнего. Любить ближнего, как самого себя, значит подчиняться закону и быть счастливым в исполнении закона и, наоборот, презирать и ненавидеть своего ближнего – это значит впасть в возмущение и упорство.

Спиноза

7

Существует два рода любви.

По одному, я просто люблю людей, не зная любви к единому во всех людях духовному началу.

По другому, я во всех людях только одно и люблю – это единое во всех людях духовное начало.

Разница между тою и другою любовью в том, что в первом случае я буду любить людей только до тех пор, пока они будут приятны мне.

Во втором же случае, когда я буду любить в людях их сущность, единую во всех нас, я буду любить людей даже тогда, когда они будут неприятны мне.

В первом случае мы будем то и дело менять предметы своей любви, менять жен, друзей, мужей и т. д., так как люди, которых мы любим, постоянно изменяются, изменяются и наши чувства к ним.

Во втором случае, по мере собственного нашего нравственного роста, мы все больше и больше будем любить то божеское духовное начало, которое мы все яснее и яснее будем познавать во всех людях.

Федор Страхов

Мучительно тяжело бывает вспоминать о том, как ты мог сделать и не сделал дело милосердия, как ты непоправимо навсегда лишил помощи того, кто ждал ее от тебя, а себя радостного сознания исполнения должного.

Недельное чтение

Неверующий

Вечно новым и постоянно возрастающим удивлением и благоговением две вещи наполняют душу, чем чаще и постоянное ими занимается размышление: звездное небо надо мною и закон нравственности во мне.

Кант

В начале 1852 года, когда я жил в Брюсселе, ко мне вошел незнакомый мне молодой человек. Лицо вошедшего было приятное, с искренней улыбкой и таким же искренним и живым взглядом. Одет он был с некоторой изысканностью: на нем был бархатный жилет с резными пуговицами, желтые перчатки, цветок в петлице и тросточка в руке, и видно было много очень белого белья. На вопрос, кто он, он отвечал мне, что он – священник.

– Или, скорее, был им, – сказал он. – Я оставил ложное для истинного. Теперь я – то же, что вы: изгнанник.

Я попросил изгнанника садиться.

– Меня зовут Анатолий Лёрэ, – сказал он.

Мы разговорились. Он рассказал мне свою жизнь. Оказалось, что он был так воспитан, что он, сам не зная, как и для чего, в 25 лет очутился священником. Это разбудило его. Сновидение продолжительного мистического воспитания рассеялось для него в тот день, когда он увидел непроходимую стену тьмы, т. е. священства, которая возникла между природой и им. Первая обедня была для него так же тяжела, как последний час жизни; уходя от престола, он показался себе привидением.

Он с ужасом смотрел на то, что ожидало его. Ему было 25 лет. Он чувствовал всю силу жизни в своих жилах; вся природа через него требовала себе удовлетворения. А между тем эти требования природы представлялись ему только кипением грехов.

Коротко сказать, он не имел призвания и ужаснулся тому, что так поздно понял это.

Эта борьба священника против того, что было поставлено ему в обязанность, все усиливаясь и усиливаясь, продолжалась в нем несколько лет. Он был строг, верен и честен в исполнении взятых на себя обязанностей.

Но кончилось все-таки тем, что, после многих страданий, он вышел из борьбы побежденным, т. е. победителем. Человек восторжествовал над священником. Лёрэ отдался молодости, жизни и святой, непреодолимой природе. Это его собственные выражения, когда он толковал мне про это. Он предпочел быть отступником перед Римом, чем лицемером перед своей совестью. Он вышел из священства. Для тех, кто выходит из церкви, есть только одна открытая дверь: демократия. Все склонности Лёрэ влекли его к ней. Прежде чем быть духовным лицом, он был дитя народа. Он был родом из бедной бретанской семьи; так что он вернулся к народу так же естественно, как капля воды возвращается в океан. И ему было хорошо.

Он рассказывал мне все это просто, с наивным и сильным красноречием. Его возвращение к народу дало ему зрелость. В нем был политический мыслитель; он писал в нескольких газетах. Это был революционер, горячий и крайний по убеждениям.

Рассказав историю своей жизни, он перешел к изложению своих мыслей. Я внимательно слушал.

В середине этого изложения его взорвало.

– Да, милостивый государь, – вскричал он, – пусть это будет нам уроком. Демократия должна принять меры. Надо переделать человека, обновить народ в детях. Только в воспитании мы покажем логику революции.

– Я тоже так думаю, – сказал я.

Он оживился еще более.

– Для меня, – сказал он, – все воспитание в одном: освободить человеческий ум от всего сверхъестественного.

– Что вы подразумеваете под сверхъестественным? – спросил я.

– Я понимаю то, что человек погибает от этих религиозных фантазмагорий. Суеверия душат будущее. До тех пор покуда народы будут вдыхать в себя ходячий фанатизм, нельзя рассчитывать на человеческий разум. Да! этот старый человеческий разум гибнет под покровами и тонет в священных химерах. Его лодка течет со всех сторон. Будем держаться одной несомненной действительности. Дважды два – четыре: вне этого нет спасения. Надо строить философию только на фактах, не допускать ничего, что не может быть проверено разумом. Действительно только видимое и ощущаемое. Надо, чтобы все верования были в моих десяти пальцах. Да, война, война не на живот, а на смерть со всем чудесным. Надо, чтобы народ верил только в самого себя. Надо, чтобы он понимал, что в колыбели нет ничего, кроме того, что мы видим, – ничего, кроме зародыша, и в гробу ничего, кроме уничтожения. Прочь все призраки! Нет ничего, кроме земли и жизни. Нет никакого другого неба, кроме того, в котором мы уже живем; наша земля вертится в нем. Надо здраво и ясно рассуждать, и прочь все мечтания! Кто не хочет плода, подрезает дерево: надо отнять у религии всякий предлог для ее существования.

– В чем ваша религия? – спросил я.

– Я ведь сказал, что я – воспитанник семинарии.

– Ну?

– Стало быть, я – атеист.

– Я не могу согласиться с таким выводом, – сказал я. – Школы иезуитов не производят непременно Вольтеров. Впрочем, я слушаю вас. Продолжайте.

– Кажется, я все сказал, – отвечал он. – Избавиться от гипотез, выйти из тюрьмы химер и помочь человеческому роду избавиться от них – вот что нужно.

– Я не более вас охотник до гипотез, которые делаются суевериями, и до тех химер, которые становятся на пути человеческому разуму, – сказал я. – Так что может казаться, что мы с вами думаем одинаково, а между тем едва ли мы согласны. Впрочем, я бы желал, чтобы вы высказали точнее ваше мнение.

– Хорошо, – сказал он, – вот оно: полное прекращение того, что спиритуалисты называют идеалом. Идеал – это сверхъестественность, а сверхъестественное должно быть изгнано из мира, значит, и из человека. Сверхъестественное в мире – это Бог, – уничтожим Бога; сверхъестественное в человеке – это душа, следовательно, уничтожим душу; нет ничего ни вечного, ни бессмертного. И эти истины поставим в основу воспитания. Я кончил.

– Нет, вы только что начали, – отвечал я. – По-вашему, что же такое мир?

– Одна материя.

– А человек?

– Одна материя.

– Но делаете ли вы различие между такой или иной материей?

– Я был бы безумен, если бы я делал это. Материя всегда равна материи. В этом главная основа равенства.

– Ну, а организмы? – сказал я.

– Организмы – это только виды. И виды эти, неизбежно являющиеся и слепые сами в себе, производят те миражи, которые составляют как бы лестницу, первую ступеньку которой вы называете умом, следующую – совестью, следующую – душой, следующую – Богом. Лестница

эта устраивается всеми религиями. Ее-то надо уничтожить. Надо разбить все ее ступеньки: ступеньку Бог, ступеньку душа, ступеньку совесть, ступеньку ум и даже ступеньку организм. Долой организм, если он делается чудесным, если предполагают из различия организмов вывести преимущество одной формы материи над другой! Долой аристократию организмов: виды, которые исчезают, суть не что иное, как изображение ничего. Все делается атомом, атомом неразделимым и несознательным. Атом, который бы был выше других, был бы Бог. Кто говорит: материя, тот говорит: равенство. Материя всегда равна самой себе.

Я пристально смотрел на него.

– Стало быть, и комар, который летает, и репейник, который растет, и камень, который катится, равны человеку?

Он на минутку задумался, но потом с полной честностью, которая казалась сильнее его воли, ответил:

– Хотя силлогизм ваш и жесток, но он верен.

– Прямолинейные мыслители редки, – сказал я. – Вы рассуждаете совершенно последовательно с неизменной добросовестностью. Я не хочу злоупотреблять ею и потому отказываюсь от этой жестокости крайнего силлогизма. Будем говорить только о человеке, прилагая к нему ваши аксиомы: нет души, нет Бога, нет сверхъестественного, нет идеала, материя равна самой себе. Я буду говорить только об одной из бесчисленных сторон вопроса.

– Я вас слушаю, – сказал он.

– Какая, по вашему мнению, – сказал я, – цель жизни человека на земле?

– Счастье.

– Я же думаю, это – долг, обязанность, – сказал я. – Но дело не в моей мысли, а в вашей. Я отстраняю все сентиментальные рассуждения. На весах равенства материи насколько счастье одного человека превосходит в весе и в ценности счастье другого человека?

– На нуль.

– Прежде чем пойдем дальше, согласны ли вы с тем, что по логике для каждого поступка нужны непременно определяющие его мотивы?

– Несомненно.

– Продолжаю. Стало быть, если представляется случай, когда счастьем одного человека должно пожертвовать для счастья другого, – на весах, где будут взвешиваться эти два счастья, какое количество веса определит необходимость или законность жертвы одним для другого?

– Нуль.

– Следовательно, – сказал я, – наблюдая только материальный факт, в чем, по-вашему, единственная мудрость, человек не имеет никакого повода жертвовать собою, своим благом для блага другого человека?

Всякое колебание, казалось, исчезло в его мысли. Он ответил мне спокойно:

– Никакого.

– И следовательно, – возразил я, – и никакого повода пожертвовать своим счастьем для счастья человеческого рода?

Здесь Лёрэ вздрогнул.

– Если это касается рода человеческого, то другое дело.

– Отчего? – сказал я. – Сумма нулей все-таки всегда будет нуль.

Он на минуту замолчал, потом с некоторым усилием согласился со мной.

– Истина всегда истина, – сказал он, – вы жестки, но ваш силлогизм верен.

Я продолжал:

– Я не обсуждаю ваших принципов; я только вывожу то, что из них следует. И вы сами шаг за шагом делаете этот вывод. Вы логически правильно думаете, и этого мне достаточно. Итак: человек есть материя, он происходит из ничего и возвращается к ничему. У него есть только жизнь; только эта жизнь принадлежит ему. Весь его разум, весь его здравый смысл,

вся его философия состоит в том, чтобы пользоваться этой жизнью и сделать так, чтобы она продолжалась как можно дольше. Единственная нравственность есть гигиена; цель жизни – счастье. Цель жизни – наслаждение ею; цель жизни – в том, чтобы жить. Из этого можно бы сделать много выводов, но я не хочу их делать теперь; я ограничусь только тем, что спрошу вас: неужели вы истинно так думаете?

– Да, я истинно так думаю.

– Так что, если молодой человек, здоровый, отдает свою жизнь для одного или для многих людей, равных ему, своих ближних, таких же атомов и такой же материи, как он сам, то как вы назовете такого человека?

– Болваном.

Мы холодно расстались.

Анатолий Лёрэ, уехав из Брюсселя, проехал Англию, потом поплыл в Австралию. Путешествие продолжалось пять месяцев.

В тот день, когда пароход подходил к гавани, поднялась буря. Корабль выбросило; пассажиры и матросы спаслись почти все, кто на лодках, кто вплавь. Анатолий Лёрэ был один из тех, кому удалось спастись. Но в этой страшной суеде кораблекрушения, где ужас людей отвечает хаосу волн и где всякий думает только о себе, он увидел разбитую лодку, которая носилась по волнам, то показываясь, то исчезая. В лодке были три женщины. Море еще было страшно бурно. Ни один из самых смелых матросов не решался броситься в море, чтобы помочь этим погибавшим.

Но Анатолий Лёрэ бросился в воду, доплыл до лодки и с величайшими усилиями вытащил одну из женщин. Но две оставались еще в лодке. Он бросился во второй раз и вытащил другую. Ему кричали: «Довольно! довольно!» Но, усталый, растерзанный, он бросился в третий раз – и уже не показывался.

Виктор Гюго (перевод Л. Н. Толстого)

22 ИЮЛЯ (Дела)

Вера – не вера, если жизнь не согласна с нею.

1

Итак, всякого, кто слушает слова Мои сии и исполняет их, уподоблю мужу благоразумному, который построил дом свой на камне; и пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и устремились на дом тот, и он не упал, потому что основан был на камне.

А всякий, кто слушает сии слова Мои и не исполняет их, уподобится человеку безрассудному, который построил дом свой на песке; и пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и налегли на дом тот, и он упал, и было падение его великое.

Мф. гл. 7, ст. 24—27

2

Смерть неизбежна для всего рожденного, так же как и рождение неизбежно для всего смертного. Поэтому не должно сетовать на то, что неизбежно. Прежнее состояние существ неизвестно, среднее состояние очевидно, будущее состояние не может быть познано, о чем же заботиться и беспокоиться? Некоторые люди смотрят на душу как на чудо, а другие говорят и слушают про нее с удивлением, но никто ничего не знает про нее.

Дверь неба открыта для тебя ровно настолько, насколько тебе нужно. Освободись от заботы и тревог и направь свою душу на духовное. Пусть твои поступки будут руководимы тобою, а не событиями. Не будь из тех, цель поступков которых – награда. Будь внимателен, совершай свой долг, оставь мысль о последствиях, так чтобы тебе было все равно, кончится ли дело приятно или неприятно для тебя.

Индийский Богавата

3

Что пользы, братия мои, если кто говорит, что он имеет веру, а дел не имеет? Может ли эта вера спасти его? Если брат или сестра наги и не имеют дневного пропитания, а кто-нибудь из вас скажет им: идите с миром, грейтесь и питайтесь, но не даст им потребного для тела: что пользы? Так и вера, если не имеет дел, мертва сама по себе. Но скажет кто-нибудь: ты имеешь веру, а я имею дела – покажи мне веру твою без дел твоих, а я покажу тебе веру мою из дел моих.

Видите ли, что человек оправдывается делами, а не верою только? Ибо как тело без духа мертво, так и вера без дел мертва.

Посл. Иак. гл. 2, ст. 14–18, 24, 26

4

Человек, знающий закон, но не исполняющий его, подобен человеку,
который пашет, но не сеет.

Восточная мудрость

Если человек не спешит исполнить то, что он признает законом Бога, то он не верит ни
в Бога, ни в закон его.

23 ИЮЛЯ (Усилие)

Усилие есть необходимое условие нравственного совершенствования.

1

Добродетель – в исполнении того, что считаешь своим долгом; но исполнение это никогда не должно превращаться в привычку, а когда привык исполнять то, что считаешь своим долгом, новое требование долга должно возникать из души человека.

По Канту

2

Как дозоры бдительно сторожат крепость, сторожат и вокруг стены и внутри ее, так и человек должен бодро охранять себя, ни на одно мгновение не упуская себя из вида, в особенности в отношениях с людьми; кто упустит из вида решительную минуту в жизни, тот неминуемо вступит на путь в преисподнюю.

Дхаммапада

3

Безнадежно положение того, кто в своих невзгодах упрекает не себя, а судьбу, утверждая этим свое самодовольство.

«Мы были бы добры и кротки, если бы нас не раздражали; мы были бы набожны, если бы не были так заняты. Я был бы терпелив, если бы был здоров; я бы удивил мир, если бы я имел известность».

Если мы не можем сделать добрым, святым то положение, в котором мы находимся, то мы никакое положение не сделаем добрым и святым.

Затруднения нашего положения даны нам для того, чтобы мы сгладили, уничтожили их своей добротой и твердостью; мрачность нашего положения дана нам для того, чтобы мы осветили ее божественным светом внутренней, духовной работы; горести – для того, чтобы мы терпеливо и доверчиво переносили их; опасности – для того, чтобы мы проявили наше мужество; искушения – для того, чтобы мы победили их нашей верою.

Мартино

4

Как жестоко ошибаются те, которые думают, что они могут жить высокой духовной жизнью, в то время, как тела их коснеют в праздности и роскоши. Тело всегда первый ученик души.

Торо

5

Ничто не будет зачтено человеку, а только его усилие. Только в своем усилии человек является в своем истинном свете.

Коран

Мы сердимся на обстоятельства, огорчаемся, хотим изменить их; а между тем все возможные обстоятельства суть не что иное, как указания того, в каких положениях как нужно действовать. Ты здоров – делай усилие, чтобы употребить на служение людям твои силы; ты болен – делай усилие не мешать людям твоей болезнью. Ты богат – делай усилие избавиться от богатства; ты беден – делай усилие не требовать ничего от людей. Ты обижен – делай усилие любить своих обидчиков. Ты обидел – делай усилие уничтожить сделанное тобою зло.

24 ИЮЛЯ (Закон)

Сознание человеком своего закона есть проявление того Бога, который живет в нем.

1

Понятие о долге во всей его чистоте не только несравненно проще, яснее, понятнее для каждого на деле, чем это же понятие, выведенное из стремления к счастью или связанное и считающееся с ним (и всегда требующее немало искусственности и тонких соображений), но и пред судом обыкновенного здравого смысла гораздо могущественнее, настойчивее и более обещает успеха, чем все побуждения, исходящие из своекорыстия, – если только понятие о долге усвоено здравым смыслом, совершенно независимо от своекорыстных побуждений.

Сознание, что я могу, потому что должен, открывает в человеке глубину божественных дарований, которая дает ему почувствовать величие и возвышенность его истинного назначения. И если бы человек почаще обращал на это внимание и привык бы совершенно отделять добродетель от всей массы выгод, служащих наградой ей за исполнение долга, и представлять ее себе во всей ее чистоте; если бы основой частного и общественного обучения было сделано непрестанное упражнение в добродетели (именно метод настаивать на исполнении обязанностей, что почти всегда оставалось в пренебрежении), то нравственное состояние людей скоро улучшилось бы. В том, что исторический опыт до сих пор не давал хороших результатов для учения о добродетели, виновато то ложное предположение, что побуждение, выведенное из идеи долга, будто бы слишком слабо и отдаленно, а что сильнее действует на душу более близкое побуждение, проистекающее из расчета на выгоды, которых надо ждать отчасти в этом, а также и в будущем мире за исполнение закона. Между тем как сознание человеком в себе божественного начала сильнее всяких внешних наград побуждает его к исполнению закона добра.

По Канту

2

Нравственность – это направление воли на цели общие, всемирные. Безнравственен тот, кто действует для частной цели. Нравственен тот – мы говорим это с Марком Аврелием и Кантом, – чья цель или побудительная причина может быть поставлена целью всех разумных существ. Мы утверждаем, что это величественное понимание или заповедь лежит в сознании каждого человека. Это-то и есть присутствие вечного в каждом смертном.

Эмерсон

3

Каждый человек, от императора до нищего, прежде всего должен заботиться о совершенствовании, потому что только совершенствование дает благо всем людям.

Конфуций

4

В конце концов люди достигают только того, что ставят себе целью. И потому ставить целью надо только самое высокое.

Торо

Исполнение закона добра не имеет ничего общего с благом вещественным, мирским. Благо вещественное, совпадающее с исполнением закона, вредит душе человека. Высший же подъем духа дают такие условия, в которых противоположность добра нравственного добру вещественному производит страдание.

25 ИЮЛЯ (Страдание)

Если связь между нашими страданиями и нашими грехами и не видна нам, связь эта все-таки существует.

1

«Мне отплатили злом на мое добро».

Но если ты любишь того, кому ты делаешь добро, то ты уже получил возмездие в том благе, которое получил оттого, что любишь.

Так что добро, которое ты делаешь, любя, ты делаешь всегда себе.

2

Награда добродетели находится в самом сознании доброго поступка.

Цицерон

3

Провозглашая будущее спасение, Иисус объявляет народу, каковы с Его стороны необходимые условия для этого. Оно будет плодом любви, самопожертвования, милосердия, всепрощения.

Итак, если освобождение еще не наступило, если теперь все еще время голода, и время плача, и время притеснения, вините в этом лишь себя.

Исполнили ли вы повеления Христа? Сделали ли вы, что должны были сделать? Не раз вы пытались вновь получить ваше право, разорвать ваши старые цепи, выйти из темных и жалких убежищ, куда загнала вас незаконная сила, и построить себе лучшее жилище. К чему привели ваши усилия? Почему всегда так скоро оказывалось разрушенным то, что с таким трудом было вами созидаемо? Почему же, если не потому, что вы уподобились человеку, который построил дом свой на песке? Река ринулась на дом, и дом не устоял против этого толчка и обрушился, и разрушение дома было великое.

Ламенэ

4

Когда человек находит причины своего личного страдания в своем личном заблуждении и направляет свою деятельность на уничтожение заблуждения, он не возмущается против страдания и легко и часто радостно несет его. Но когда такого человека постигает страдание, выходящее за пределы видимой ему связи страдания и заблуждения, ему кажется, что его постигает то, чего не должно быть, и он спрашивает себя: зачем, за что? – и, не находя предмета, на который бы он мог направить свою деятельность, возмущается против страдания, и страдание его делается ужасным мучением.

Когда человек не видит связи между испытываемыми страданиями и своею жизнью, он может сделать одно из двух: или продолжать нести такие страдания, как мучения, не имеющие

никакого смысла, или признать то, что страдания его суть указания на совершенные им грехи, указания и на средства избавления от этих грехов себя и других людей.

При первом взгляде страдания не имеют никакого объяснения и не вызывают никакой другой деятельности, кроме постоянно растущего и ничем не разрешимого отчаяния и озлобления. При втором – страдания вызывают ту самую деятельность, которая и составляет движение истинной жизни: сознание греха, освобождение от заблуждений и подчинение закону разума.

5

Легенда о падении человека – о грехе и об искуплении от страданий и смерти – есть только образное утверждение связи страданий и грехов.

6

Только испытав страдания, узнал я близкое сродство человеческих душ между собой. Стоит только хорошенько выстрадаться самому, как уже все страдающие становятся тебе понятны, и почти знаешь, что нужно сказать им. Этого мало, самый ум проясняется: дотоле скрытые положения и поприща людей становятся тебе известны, и делается видно, что кому потребно. Велик Бог, нас умудряющий. И чем же умудряющий? Тем самым горем, от которого мы бежим и хотим скрыться. Страданиями и горем определено нам добывать крупницы мудрости, не приобретаемой в книгах.

Гоголь

7

Для человека, живущего духовной жизнью, страдание есть всегда поощрение к совершенствованию, просветлению, приближению к Богу. Для таких людей страдание всегда может быть претворено в дело жизни.

Ищи причину зла, от которого ты страдаешь, в себе. Иногда это зло непосредственное последствие твоей деятельности, иногда оно через сложную передачу вернулось на тебя, но всегда источник его в тебе, и спасение от него – в изменении твоей деятельности.

26 ИЮЛЯ (Вера)

Во всякой вере истинно только то, что духовно.

1

Иисус не говорит самарянам: оставьте ваши верования, ваши предания для еврейских; он не говорит евреям: присоединяйтесь к самарянам; но он говорит самарянам и евреям: вы одинаково заблуждаетесь. Бог есть дух, и вера в него только внутренняя, не связанная ни с местом, ни с какой-либо внешней формой. Важен не храм и не служение в храме. Важен не Гаризим или Иерусалим. Настанет время и настало уже, когда будут поклоняться Отцу не в Гаризиме, не в Иерусалиме, но когда истинные поклонники будут поклоняться Отцу в духе и истине, ибо таких поклонников Отец ищет себе.

Он их искал во времена Иерусалима. Он их ищет еще и теперь. Когда же Он найдет их? Когда всякий, наскучив черпать из источников, которые не утоляют, скажет Иисусу: «Господи, дай мне этой воды, чтобы мне не иметь жажды и не приходить черпать сюда!»

Ламенэ

2

Христос пришел для того, чтобы открыть, что *вечное* не есть *будущее*, но только *невидимое*, – что вечность не есть тот океан, в который люди сносят рекой времени, но что она вокруг них теперь и что их жизни только в той мере действительны, в какой они чувствуют ее присутствие. Он пришел, чтобы научить их, что Бог не есть случайная какая-то отвлеченность, бесконечно отделенная от них в далеком небе, но что Он – Отец, в котором они живут, движутся и существуют, и что служение, которое Он любит, не состоит в торжественном исполнении обрядов церкви, но в милосердии, справедливости, смирении и любви.

Фаррар

3

Бог есть дух, и поклоняться Ему надо в духе и истине.
Иоанна гл. 4, ст. 24

4

Религия, состоящая в положениях и движениях тела, ниже даже упражнений борца.

При отсутствии внутреннего ведения не хвались словесным почитанием божества.

Ложна та вера, которая говорит, что выгодно отказаться от настоящей жизни: разве не очевидно, что вечная жизнь начинается в этой жизни.

Человек, достигший совершенства, не делает различия между душою и всемирной природой, между собою и другим человеком.

Только тот из сынов человеческих заслуживает название святого, кто сознает Бога в своем сердце. Познай сам себя – и ты станешь божеством.

Не зная того, что начало жизни сейчас существует в твоём духе, зачем ты ищешь его, воображая, что его можно найти в другом месте? Кто поступает так, подобен человеку, который зажигает светильник при свете солнца.

Индийская Вамана Пурана

5

Нельзя сказать, чтобы для спасения души было безусловно необходимо признавать Христа во плоти; но для спасения души безусловно необходимо признавать Сына Божия, т. е. ту вечную мудрость Божию, которая проявляется во всех вещах и преимущественно в душе человека и более всего проявилась в Иисусе Христе. Без этой мудрости никто не может достигнуть состояния блаженства, потому что она одна указывает, что истинно и что ложно, что добро и что зло.

Спиноза

Не бойся откидывать от своей веры все телесное, все видимое, осязаемое. Чем больше ты очистишь духовное ядро твоей веры, тем тверже она будет для тебя.

27 ИЮЛЯ (Знание)

Знание – орудие, а не цель.

1

Люди мало знают оттого, что они стремятся познать или то, что не дано их пониманию, недоступно им: Бог, вечность, дух; или то, о чем не стоит думать: о том, как мерзнет вода, о теории чисел, о том, какие бактерии в какой болезни, и т. п.

Путь истинного знания один: знать нужно только то, как жить.

2

Для того чтобы вынуть занозившую ногу спицу, берут другую и с помощью ее вынимают занозу; когда же это сделано, бросают и ту и другую. Точно так же ум нужен только для того, чтобы устранить безумие, затемняющее зрение божественного я, но ум сам по себе не составляет достоинства. Он только орудие.

Браминская мудрость

3

– О, какой я несчастный! Мне хотелось заняться чтением прекрасной и полезнейшей книги, и вот вместо того изволь исполнять просьбы этого докучливого человека.

– А разве, – отвечу я тебе, – твоя обязанность в том и состоит, чтобы читать книги в то время, когда от тебя просят помощи? Тебе надо знать и помнить одно: что хочет Бог, чтобы ты сделал теперь, и чего Он не хочет. Недавно Он устроил так, чтобы ты был в одиночестве, чтобы ты беседовал сам с собою, читал, писал, готовился к добрым делам. А сегодня Он послал к тебе людей, которые просят себя помочь им делом. Этим самым Бог как бы говорит:

«Выходи из своего одиночества и покажи на деле то, чему ты выучился, потому что пришло время и тебе и людям увидеть пользу того, о чем ты читал и думал».

Не ударь же лицом в грязь; не сетуй на людей за то, что они прервали твоё занятие: ведь если б не было людей, то кому бы ты служил и к чему было бы читать книжки о том, как лучше служить людям?

Эпиктет

4

Наука должна быть употребляема на утверждение религии, а не на приобретение богатства.

«Гулистан» Саади

6

Люди, думающие, что главное дело в жизни – в знании, подобны тем бабочкам, которые летят на свечи – сами погибают и затемняют свет.

7

В слове *ученый* заключается только понятие о том, что кто-то много чему-то учился. Но это еще не значит, что он научился чему-нибудь.

Лихтенберг

Цель жизни – исполнение закона Бога, а не приобретение знаний.

28 ИЮЛЯ (Покаяние)

Совершенствованию всегда предшествует покаяние. Плохо, если человек считает себя или свой народ не нуждающимся в покаянии.

1

Опасно отыскивать причину зла вне нас. Покаяние при этом становится невозможным.

Робертсон

2

Жить следует так, чтобы можно было злейшему врагу доверить все, что у тебя на душе.

Сенека

3

Не сознаваться в своих проступках – значит увеличивать их.

4

Если человек несчастен, то что следует ему прежде всего делать? Жаловаться на того или другого человека, на то или другое обстоятельство? Наполнять весь мир сетованиями и упреками? Конечно, нет. Все проповедники нравственности советуют никого не винить, кроме себя одного. Несчастный должен прежде всего признать, что он потому и несчастен, что был неразумен. Если бы он был верен природе и ее законам, то природа с ее неизменными законами дала бы ему благо и счастье; но он не следовал законам природы, и она, истощив свое терпение, оставляет его без утешений и говорит ему: не этим, а иным путем достигнешь ты благополучия; этот путь, как ты сам видишь, ведет только к злополучию: брось его. Все учителя нравственности советуют человеку, раскаявшись, сказать себе: «Да, я не был достаточно разумен, я отступил от законов Божиих и последовал мнимым, ложным законам, – законам дьявола. Поэтому-то я и дошел до этого состояния».

Карлейль

5

Тяжело у меня на душе. Во всю свою долгую жизнь никого не сделал я счастливым: ни своих друзей, ни семьи, ни даже самого себя. Много-много наделал я зла... Я был виновником трех больших войн. Из-за меня погибло

более 800 000 людей на полях сражений; их теперь оплакивают матери, братья, вдовы... И все это стоит между мною и Богом.

Бисмарк

Человек тем лучше, чем быстрее он движется к бесконечному совершенству, независимо от той ступени, на которой он находится. Быстрота же движения всегда зависит от степени довольства или недовольства собой.

Недельное чтение

I. Покаяние

Не противиться злему не значит не бороться против зла: наоборот, это значит бороться со злом, но не бороться с человеком, бороться только против того, что есть злого, ошибочного в человеке, бороться со злом, сострадая и любя человека, одержимого злом.

Слова и поступки человека зависят от направления, которое он дает своим мыслям. И потому борьба со злом в том, чтобы стараться переменить мысли или суметь вызвать перемену мысли человека, делающего зло. В этом смысле открывается возможность апостольской борьбы со злом. Люди, чувствующие в своей душе потребность подвига, самоотвержения, могут идти одиночками навстречу злодеям в их лагерь, в близкие братья, в сожители к ним и ценою личного страдания и унижения, усилием всей жизни своей пробуждать сына Божия в падших братьях. Способ состоит в том, чтобы, посвятив себя Богу, связать свою жизнь с жизнью злодея и во всех добрых делах житейского обихода братски разделить с ним благо жизни, а злодейству его мешать своим присутствием и своим убеждением, рискуя своею личною телесною жизнью и таким образом посвящая ее Богу. Это прекрасный исход для великой души в наше время, когда есть столько легких способов поведать истину громадному большинству жаждущих ее людей, когда особое призвание апостольства среди мирных братьев уже не имеет места, когда если еще не возвеличивается, то сознается уже людьми братство людей и народов; и недалеко то время, когда все люди будут научены Богом и когда, можно надеяться, что на месте злодеев окажутся больные, несчастные люди, злодействовавшие только потому, что они были заброшены. Во всяком случае, враг только тогда может быть побежден, когда на борьбу с ним выходят лучшие силы. Борьба со злом всегда должна быть уделом лучших представителей человечества, а не как теперь в существующем порядке: полицейских, тюремщиков, чиновников, людей корысти, тщеславия, гордости, лицемерия и лицеприятия, так что если исключить эти пороки из привилегий теперешних борцов со злом, эти большие жалования, предосудительные доходы, чины, ордена, подчиненность и угодничество, то все эти теперь такие усердные борцы и ораторы, – все они разбегутся.

Чтобы связать зло в человеке, надо вызвать в нем перемену мыслей. Обманом, хотя и ненадежно, но все-таки можно вызвать перемену мыслей, насилием же никогда и ни в каком случае.

Есть несомненный расчет людям не противиться злодею – расчет в том, чтобы непротивлением и добром приобрести человека кающегося. А мы не можем даже приблизительно вообразить, чем может наградить нас душа, очищенная покаянием. В каждом злодее, которого мы насилуем и наказываем, мы теряем, может быть, подвижника. Евангелие говорит, что «на небесах, у ангелов Божиих, больше бывает радости об одном кающемся грешнике, нежели о девяноста девяти праведниках, не имеющих нужды в покаянии». Если бы хоть не все, хоть сотая часть всех так называемых преступников, которые бессмысленно убиты и убиваются, которые мучались и мучаются, отбывая наказание, в нем полагая свое искупление; если бы хоть тысячная доля их под влиянием непротивления и добра до конца покаялись бы и сами отыскивали бы средства своего искупления, то как можем мы знать, что могли бы дать нам эти покаянные души. Может быть, царство Бога давно уже было бы среди нас в славе и в силе и мы давно уже не видали бы всех тех бедствий, среди которых теперь не видим просвета. Так что, противясь злему, мы не только нарушаем соразмерность, правильность нашей жизни, вредим своему духовному здоровью, но и необыкновенно, неизмеримо много теряем: теряем то, что при желании могли бы приобрести.

Бука

II. Камни

Пришли две женщины к старцу за поучением. Одна считала себя великой грешницей. Она в молодости изменила мужу и не переставая мучилась. Другая же, прожив всю жизнь по закону, ни в каком особенном грехе не упрекала себя и была довольна собой.

Старец расспросил обеих женщин об их жизни. Одна со слезами призналась ему в своем великом грехе. Она считала свой грех столь великим, что не ожидала за него прощения; другая же сказала, что не знает за собой никаких особенных грехов. Старец сказал первой:

– Поди ты, раба Божия, за ограду и найди ты мне большой камень – такой, какой поднять можешь, и принеси... А ты, – сказал он той, которая не знала за собой больших грехов, – принеси мне тоже каменьев, сколько осилишь, только все мелких.

Женщины пошли и исполнили приказание старца. Одна принесла большой камень, другая полный мешок мелких каменьев.

Старец осмотрел камни и сказал:

– Теперь вот что сделайте: снесите вы назад камни и положите на те самые места, где взяли, и, когда положите, приходите ко мне.

И женщины пошли исполнять приказание старца. Первая легко нашла то место, с которого взяла камень, и положила его, как он был; но другая никак не могла вспомнить, с какого места брала какой камень, и так, не исполнив приказания, с тем же мешком каменьев вернулась к старцу.

– Так вот, – сказал старец, – то же бывает и с грехами. Ты легко положила большой и тяжелый камень на прежнее место, потому что помнила, откуда взяла его.

А ты не могла, потому что не помнила, где взяла мелкие камни.

То же и с грехами.

Ты помнила свой грех, несла за него укоры людей и своей совести, смирялась и потому освобождалась от последствий греха.

– Ты же, – обратился старец к женщине, принесшей назад мелкие камни, – греша мелкими грехами, не помнила их, не каялась в них, привыкла к жизни в грехах и, осуждая грехи других, все глубже и глубже завязала в своих.

Все мы грешны, и все мы погибнем, если не будем каяться.

29 ИЮЛЯ (Разум)

Чем нужнее предмет, тем губительнее злоупотребление им. Большая часть бедствий людей происходит от злоупотребления самым драгоценным орудием жизни – разумом.

1

Бог дал дух Свой, разум, чтобы мы могли понимать Его волю и исполнять ее; а мы этот дух употребляем на исполнение своей воли.

2

Разум, становясь слугой порока, орудием страстей, защитником лжи, не только извращается, но делается больным, теряя способность различения правды и лжи, добра и зла, праведного и неправедного.

Чаннинг

3

Когда человек употребляет свой разум на разрешение вопроса о том, зачем существует мир и зачем он сам живет в этом мире, с человеком делается что-то вроде дурноты, головокружения. Ум человека не может придумать ответы на эти вопросы. Что же это значит? А то, что разум человеку не дан на то, чтобы отвечать на эти вопросы, что самое задавание таких вопросов означает заблуждение разума. Разум решает только вопрос: «как жить?» И ответ ясен: жить так, чтобы было хорошо и мне и всем людям. Это нужно всему живущему и мне. И возможность этого дана всему живущему и мне. И это решение исключает вопросы: *отчего* и *зачем*.

4

Те люди, которые употребляют свой разум на ненужные предметы, похожи на ночных птиц, которые видят в темноте, но слепнут при солнечном свете. Их ум очень проницателен, когда они употребляют его на научные пустяки, но он перестает видеть, когда его поражает истинный свет.

Питтакус

5

Долга ночь для того, кто не спит. Длинна верста тому, кто устал; долга жизнь для безумного.

Назначение разума – открывание истины, и потому великое и губительное заблуждение – употребление разума на скрывание или извращение истины.

30 ИЮЛЯ (Смирение)

Только тот, кто знает все свои слабости, может быть справедлив к слабостям ближнего.

1

Дети мои! Если кто нанесет вам обиду словом, то не придавайте этому значения, а смотрите на это как на дело, не заслуживающее внимания. Если же у вас вырвалось оскорбительное слово о другом, то не вступайте в сделку со своею совестью, говоря: «Что же мы такое сказали, ведь это мелочь, что за важность». Нет, не рассуждайте так, а смотрите на свой поступок как на дело великой важности и не успокаивайтесь до тех пор, пока вам собственными мольбами или посредничеством друзей не удастся склонить обиженного к совершенному примирению.

Талмуд

2

Если бы мы переносили себя на место других лиц, то часто освобождались бы от чувств ненависти, которые мы питаем к ним; и если бы ставили других на свое место, то часто уменьшали бы свою гордость.

3

Кто не умеет прощать, разрушает мост, через который ему самому придется проходить, ибо всякий человек нуждается в прощении.

Лорд Герберт

4

Лучший ответ безумцу – молчание. Каждое слово ответа отскочит от безумца на тебя. Платить обидой за обиду – все равно что подкидывать дров в пламя, но тот, кто встречает обвинителя с спокойствием, этим самым уже победил его.

Магомет и Али встретили раз человека, который, считая Али своим обидчиком, начал ругать его. Али переносил это с терпением и в молчании довольно долго, но потом не удержался и стал отвечать ругательствами на ругательства. Тогда Магомет пошел дальше, оставив этих двоих оканчивать свою ссору. Когда Али опять подошел к Магомету, он с обидой сказал ему: зачем ты оставил меня одного переносить ругательства этого дерзкого человека? Магомет отвечал: когда этот человек бранил тебя, а ты молчал, я видел вокруг тебя десять ангелов, которые отвечали ему. Но когда ты начал отвечать ему бранью, ангелы все оставили тебя, отошел и я.

Мусульманское предание

5

Почти всегда, поискав в себе, мы найдем тот же грех, который мы осуждаем в другом. Если же мы не знаем за собой именно того самого греха, то стоит только поискать, и мы найдем худшее.

Глубокая река не возмутится от того, что в нее бросить камень; религиозный человек, который возмутится оскорблениями, не река, а лужа. Если тебя постигло бедствие, неси его с тем, чтобы, прощая других, ты сам заслужил прощение. Будем помнить, что все мы вернемся в землю, и будем смиренны. Будем посыпать главу пеплом, прежде чем превратимся в прах.

Саади

Стоит только немного подумать, и мы всегда найдем за собою какую-нибудь вину перед человечеством (пусть это будет хотя бы только та вина, что благодаря гражданскому неравенству людей мы пользуемся известными преимуществами, ради которых другие должны испытывать еще больше лишений); и это помешает нам отогнать мысль о долге посредством себялюбивых представлений о своих заслугах.

Кант

31 ИЮЛЯ (Богатство)

Если бы христиане исповедовали свой закон, не могло бы быть ни богатых, ни бедных.

1

И вот некто, подошед, сказал Ему: Учитель Благий! Что сделать мне доброго, чтобы иметь жизнь вечную? Иисус сказал ему: если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи и следуй за Мною.

Мф. гл. 19, ст. 16, 21

2

Нечувствителен и равнодушен к чужому горю бывает человек богатый.

Талмуд

3

Богатые и бедные являются как бы дополнением друг друга. Класс богачей предполагает собой класс бедняков, и безумная роскошь не может не быть связанной со страшной нуждой, заставляющей людей неимущих служить безумной роскоши. Богатые – это грабители, бедные – это ограбленные. От этого-то Христос и выражал всегда сочувствие к бедным и отвращение к богатству. По Его учению, быть ограбленным лучше, чем быть грабителем. В царстве правды, которое он проповедовал, богатые и бедные были бы одинаково невозможны.

Генри Джордж

4

Страшно, истинно страшно сребролюбие; оно закрывает глаза и уши, делает нас свирепее зверей, не позволяет думать ни о совести, ни о дружбе, ни об общении, ни о спасении собственной души, но, зараз лишивши всего, делает людей своими рабами. И что всего хуже в этом горьком рабстве – заставляет людей услаждаться своим рабством, так, что чем больше предаются ему люди, тем больше увеличивается их удовольствие. Оттого-то преимущественно эта болезнь и бывает неизлечима, оттого-то и неукротим этот зверь.

Иоанн Златоуст

5

Общество, составленное из очень богатых и очень бедных, легко делается добычей людей, захватывающих в свои руки власть. У очень бедных не бывает достаточно духа, чтобы оказать сопротивление, а у очень богатых бывает слишком много на ставке, чтобы они могли рисковать.

Генри Джордж

6

Богатства так же, как навоз, воняют, когда они в куче; когда же они разбросаны – удобряют землю.

Какое усиленное затемнение нравственных чувств должно быть в человеке, который в христианском обществе среди нуждающихся тысяч гордится своим богатством.

АВГУСТ

1 АВГУСТА (Свобода)

Освобождает человека только разум – чем неразумнее жизнь человека, тем она несвободнее.

1

Ты спросишь, каким путем достигнуть свободы? Для этого надо научиться различать добро и зло самому, а не по указанию толпы.

Сенека

2

Если нет в тебе желания делать зло честолюбия, то нет и добродетельного поступка, на который ты бы не был способен.

Китайская мудрость

3

Победить самого себя – это лучшее средство для того, чтобы не быть побежденным. Обуздать самого себя – это лучшее средство для того, чтобы не иметь над собой господина.

Восточная мудрость

4

Привязаться к известной идее это почти то же, что привязаться к столбу, врытому в землю. Мера свободы, которой будет пользоваться человек, всецело будет зависеть от длины его привязи, и наибольшей свободой будет пользоваться тот, кто привяжется к идее блага для всех.

Люси Малори

5

Живет свободно только тот, кто находит радость в исполнении своего долга, кто обдумал тот путь, который он должен пройти в жизни; кто подчиняется нравственному закону не из страха, а уважает и слушается его потому, что считает, что так должно; над кем нет иной власти, кроме собственного желания и суждения.

Цицерон

6

Только про того человека можно сказать, что он свободен, который живет так, как он хочет. Разумный человек всегда живет так, как он хочет, потому что он желает только того, что возможно получить. И потому только разумный человек свободен.

Никто не желает быть виноватым; никто не хочет жить в заблуждениях, несправедливо; никто не выбирает себе нарочно такой жизни, от которой он будет печалиться и мучиться; никто не скажет, что ему хочется жить скверно и развратно. Значит, все люди, живущие несправедливой жизнью, живут так не по своему желанию, а против воли. Они не хотят ни печали, ни страха, а между тем постоянно страдают и боятся. Они делают то, чего не хотят. Стало быть, они не свободны.

Мудрец Диоген говорил: «Только тот истинно свободен, кто всегда готов умереть». Он писал персидскому царю: «Ты не можешь сделать истинно свободных людей рабами, как не можешь поработить рыбу. Если ты и возьмешь их в плен, они не будут рабствовать тебе. А если они умрут в плену у тебя, то какая тебе прибыль от того, что ты забрал их в плен?»

Вот это – речи человека свободного: такой человек знает, в чем состоит истинная свобода.

Эпиктет

7

Мы устроили себе жизнь, противную и нравственной и физической природе человека, и, живя такой жизнью, хотим быть свободны.

8

Послушание хорошо и необходимо, если это – послушание добру и истине; но если это послушание тому, что дурно и ложно, то это, напротив, высшая степень человеческой подлости и унижения.

Карлейль

9

Кто охвачен пламенем страстных влечений, кто жаждет наслаждений, тот все растит свои похоти и сам заковывает себя в цепи.

Кто помышляет только о радостях успокоения, кто, углубленный в свои думы, счастлив тем, в чем люди не видят счастья, тот разорвет эти цепи смерти, тот навсегда сбросит их.

*Буддийская мудрость*²⁷

²⁷ Дхаммапада

10

Свобода достигается не исканием свободы, а исканием истины. Свобода не должна быть целью, а может быть только последствием.

Свобода не может быть дана человеку человеком. Каждый человек только сам может освободить себя.

2 АВГУСТА (Смерть)

Если человек есть только телесное существо, то смерть есть конец всего. Если же человек есть существо духовное и тело есть только ограничение духовного существа, то смерть – только изменение.

1

Наше тело ограничивает то божественное, духовное начало, которое мы называем душою. И это-то ограничение, – как сосуд дает форму жидкости или газу, заключенному в нем, – дает форму этого божественному началу. Когда разбивается сосуд, то заключенное в нем перестает иметь ту форму, которую имело, и разливается. Соединяется ли оно с другими веществами? получает ли новую форму? – мы этого ничего не знаем, но знаем наверное то, что оно теряет ту форму, которую оно имело в своем ограничении, потому что то, что ограничивало, разрушилось, но не можем знать ничего о том, что совершится с тем, что было ограничено. Душа после смерти становится чем-то другим, – таким, о чем мы судить не можем.

2

Эмерсона, утверждавшего свое бессмертие, спросили: «Ну а как же, когда мир кончится?» Он отвечал: «Для того чтобы не умереть, я не нуждаюсь в мире».

3

Смирение нужно не только для жизни, но нужно и для смерти. Надо сделаться малым перед людьми, перед собою, чтобы войти в дом Бога. Отрекись от себя, и ты сольешься с Ним. Чем больше отречения, тем ближе к нему, тем легче смерть.

4

Смерть есть только один шаг в нашем непрерывном развитии. Таким же шагом было и наше рождение с той лишь разницей, что рождение есть смерть для одной формы бытия, а смерть есть рождение в другую форму бытия.

Смерть – это счастье для умирающего человека. Умирая, перестанешь быть смертным. Я не могу смотреть на эту перемену с ужасом, подобно некоторым людям. По-моему, смерть есть перемена к лучшему. Разве мы не безумны, когда говорим о приготовлении к смерти? Наше дело – жить. Тот, кто умеет жить, сумеет и умереть. Я хочу жить, душа наша никогда не говорит нам, что мы умрем. Чувства умирают, а чувства-то и создали смерть. Так стоит ли беспокоиться о ней разумным людям?

Теодор Паркер

5

Последний день несет нам не уничтожение, а только перемену.

Цицерон

6

Жизнь есть освобождение души (духовной, самобытно живущей сущности) от тех условий телесной личности, в которые она поставлена.

Для человека, живущего духовной жизнью, нет смерти.

3 АВГУСТА (Возмездие)

Мы ищем возмездия совершенного нами добра и зла во времени и часто не находим его. Но добро и зло совершается в духовной области вне времени, и в этой области, хотя мы и не видим явных признаков этого возмездия, мы, несомненно, в нашей совести сознаем его.

1

Кажется, что бесстыдному человеку, хвастуну, хитрецу, хулителю, дерзкому и бездельнику живется легко; что тяжела жизнь того смертного, который непрестанно стремится к непорочному, всегда кроток, разумен, бескорыстен; но это только кажется. Первый всегда тревожен, второй всегда спокоен.

*Буддийская мудрость*²⁸

2

Спешите к добродетели, хотя и незначительной, и бежите от всякого греха, ибо одно доброе дело влечет за собой другое, а один грех порождает другой: награда добродетели – добродетель, наказание порока – порок.

Талмуд

3

Наказание только в сознании того, что не воспользовался тем великим благом, которое ты мог получить. Не ожидай больших наказаний: тяжелее этого не может быть никакого.

4

Ты ищешь причину зла. Она только в тебе.
Руссо

5

То, что вы делаете другим, вы делаете себе. Вот почему всякое дело милосердия заставляет вас чувствовать в себе доброту, а дело жестокости – злобу.

Люси Малори

²⁸ Дхаммапада

6

Делай добро не разбирая кому. Добро, которое ты сделал, не пропадет, хотя бы ты и забыл про него.

7

Делать добро есть единственный поступок, наверное дающий нам благо.

8

Что посеешь, то и пожнешь. Ударь, и ты пострадаешь. Служи, и тебе будут служить. Если ты в жизни своей служишь людям, то никакою хитростью не можешь избежать вознаграждения.

Эмерсон

9

Когда ты сделал кому-нибудь добро и это добро принесло плоды, зачем ты домогаешься еще похвалы и награды за свое доброе дело?

Марк Аврелий

Не ищи видимого возмездия за добро, оно дано тебе одновременно с поступком. И не думай, что если ты не видишь возмездия за совершенное зло, то его не будет. Оно уже есть в твоей душе. Ты ошибаешься, относя боль твоей души к другим причинам.

4 АВГУСТА (Самоотречение)

Самоотречение не есть отречение от себя, а только отречение от своего животного.

1

Каждый человек содержит в себе сознание жизни всего человечества. Оно лежит глубоко в душе человека, но оно есть. И рано или поздно человек должен прийти к сознанию этой более обширной жизни.

Отречение от своих личных целей, которое совершается в нем, тотчас же вознаграждается более сильной жизнью, в которую он вступает.

Только отрекаясь от своей исключительной личности, человек делается настоящей живой личностью и, признавая свою жизнь других, сознает в себе жизнь, не имеющую ни пределов, ни конца.

Карпенгер

2

Человек, который думает только о себе и ищет во всем своей выгоды, не может быть счастлив. Хочешь жить для себя, живи для других.

Сенека

3

Величайшее благо, которое только может знать человек, состояние полнейшей свободы и счастья, есть состояние самоотвержения и любви. Разум открывает человеку единственно возможный путь к этому благу, и чувство устремляет человека по этому пути.

4

Многим кажется, что если исключить из жизни личность и любовь к ней, то ничего не останется. Им кажется, что без личности нет жизни. Но это только кажется людям, которые не испытывали радости самоотвержения. Откинь от жизни личность, отрекись от нее, и только тогда ты узнаешь лучшее благо жизни – любовь.

5

Жизнь истинная начинается только тогда, когда начинается самоотречение.

Карлейль

6

Когда потухает свет в твоём сердце, то мрак скрывает от тебя путь твой. Остерегайся этого ужасного мрака. Никакой свет твоего разума не может уничтожить мрак, исходящий из твоего сердца до тех пор, пока не будут изгнаны из него все себялюбивые мысли.

Браминская мудрость

7

Стремление к личному благу есть только продолжение в нас животности; человеческая жизнь начинается только с отречением от него.

Амиель

8

Чем больше человек даёт людям и меньше требует себе, тем он лучше; чем меньше даёт другим и больше требует себе, тем он хуже. Но люди нашего времени рассуждают не так. Они придумывают самые разнообразные и хитрые рассуждения, но только не то, которое естественно представляется всякому простому человеку. По их рассуждениям, воздерживаться от предметов роскоши совсем не нужно. Можно соболезновать положению рабочих, говорить речи и писать книги в их пользу и вместе с тем продолжать пользоваться теми трудами, которые мы считаем для них губительными.

То, что мы называем самоотречением, есть только следствие перенесения сознания из своего животного в своё духовное «я». Если это изменение сознания совершилось, то то, что казалось отречением до этого изменения, представляется уже не отречением, а только естественным удалением от ненужного.

Недельное чтение

Большая Медведица (Ковш)

Была давно-давно на земле большая засуха: пересохли все реки, ручьи, колодцы, и засохли деревья, кусты и травы, и умирали от жажды люди и животные.

Раз ночью вышла девочка из дома с ковшиком поискать воды для больной матери. Нигде не нашла девочка воды и с усталости легла в поле на траву и заснула. Когда она проснулась и взялась за ковшик, она чуть не пролила из него воду. Он был полон чистой, свежей воды. Девочка обрадовалась и хотела было напиться, но потом подумала, что неостанет матери и побежала с ковшиком домой. Она так спешила, что не заметила под ногами собачки, споткнулась на нее и уронила ковшик. Собачка жалостно визжала. Девочкахватила ковшик.

Она думала, что разлила его, но нет, он стоял прямо на своем дне, и вся вода была цела в нем. Девочка отлила в ладонь воды, и собачка все вылакала и повеселела. Тогда девочка взялась опять за ковшик, он из деревянного стал серебряным. Девочка принесла ковшик домой и подала матери. Мать сказала: «Мне все равно умирать, пей лучше сама» – и отдала ковшик девочке. И в ту же минуту ковшик из серебряного стал золотой. Тогда девочка не могла уже больше удерживаться и только хотела приложиться к ковшику, как вдруг в дверь вошел странник и попросил напиться. Девочка проглотила слюни и поднесла страннику ковшик. И вдруг на ковшике выскочило семь огромных брильянтов, и из него полилась большая струя чистой, свежей воды.

А семь брильянтов стали подниматься выше и выше и поднялись на небо и стали Большой Медведицей.

С английского

Воробей

Я возвращался с охоты и шел по дорожке сада. Собака бежала впереди меня.

Вдруг она уменьшила свои шаги и начала красться, как бы зачуяв перед собою дичь. Я глянул в даль дорожки и увидел молодого воробья с желтизной около клюва и пухом на голове. Он упал из гнезда (ветер сильно качал березы) и сидел неподвижно, беспомощно растопырив едва прораставшие крылышки.

Моя собака медленно приближалась к нему, как вдруг, сорвавшись с близкого дерева, старый черногрудый воробей камнем упал перед самой ее мордой и, весь взъерошенный, искаженный, с отчаянным и жалким писком прыгнул раза два в направлении зубастой раскрытой пасти.

Он кинулся спасать, он заслонил собою свое детище, а все его маленькое тело трепетало от ужаса, голосок одичал и охрип, он замирал, он жертвовал собою! Каким громадным чудовищем должна была ему казаться собака! И все-таки он не мог усидеть на своей высокой, безопасной ветке... Сила, сильнее его воли, сбросила его оттуда.

Собака остановилась, попятилась... Видно, и она признала эту силу.

Я поспешил отозвать смущенного пса и удалился, благоговая.

Да, я благоговел перед той маленькой великодушной птицей, перед любовным ее порывом.

Любовь, думал я, сильнее смерти и страха смерти. Только ею, только любовью держится и движется жизнь.

И. С. Тургенев

5 АВГУСТА (Внушение)

Большая часть ложных и вредных мнений распространяется и поддерживается внушением.

1

Мы склонны усваивать те взгляды и мысли, которые разделяются людьми, живущими с нами, а не стараемся дальше и глубже развить их. От этого ничтожество наших характеров и жизней.

2

Душа поддается влиянию другой души. И человек вполне свободен, только когда один.

3

Легко жить в мире, следуя общественному мнению, а в уединении только своему. Силен тот человек, кто в толпе удерживает кротость и независимость уединения.

Эмерсон

4

Блажен муж, который не ходил на совет нечестивых и на пути грешных не стоял и в заседании кошунствующих не сидел (Пс. I, 1). Нет ничего заразительнее примера. Он вносит в нашу жизнь такие поступки, которые мы никогда не подумали бы совершить без воздействия примера.

5

Не поддавайся настроению духа того, кто тебя оскорбляет, и не становись на тот путь, на который бы ему хотелось увлечь тебя.

Марк Аврелий

6

Человек может привыкнуть к самой плохой жизни, в особенности если он видит, что все окружающие его живут так же.

7

Мне стыдно думать о том, как часто я уступчиво жертвовал своими убеждениями и как легко подчинялся омертвелым учреждениям и обычаям.
Эмерсон

8

Распространяемые внушением ложные понятия и вредные настроения можно узнать по тому блеску и торжественности, которыми они окружаются. Истина не нуждается во внешней обстановке.

Внушение – необходимое условие общественной жизни, но нельзя быть достаточно осторожным в сознательном употреблении его. Способность внушения заставляет нравственного человека быть вдвойне строгим к словам и поступкам, которые могут воздействовать на других.

6 АВГУСТА (Разум)

Разум как каждого отдельного человека, так и совокупности людей есть единственный руководитель человеческой жизни.

1

Светильник тела есть око; итак, если око твое будет чисто, то и все тело твое будет светло; а если оно будет худо, то и тело твое будет темно; итак, смотри: свет, который в тебе, не есть ли тьма?

Лк. гл. 11, ст. 34—35

2

Если мы посмотрим на жизнь большинства людей, то нам покажется, что человек – существо, созданное для того, чтобы, подобно растению, поглощать в себя различные соки, расти, продолжать свой род на земле, наконец состариться и умереть. В таком случае из всех существ человек меньше всего достигает цели своего существования, потому что он свои превосходные способности употребляет для таких целей, которых остальные существа достигают гораздо вернее и лучше. И из всех существ человек наиболее заслуживал бы презрения, по крайней мере в глазах истинной мудрости, если бы он не осуществлял отчасти и не надеялся бы осуществить вполне ту не одну животную, но разумную, свойственную только человеку жизнь, возможность которой он сознает.

По Канту

3

Все живет вместе и все живет отдельно: живет отдельно человек, живет отдельно червь. И каждое отдельное существо считает себя одного живущим и требует от жизни всего для себя одного, а между тем всякое отдельное существование не переставая приближается к смерти, к уничтожению отдельного существования.

Противоречие это было бы неразрешимо, если бы в мире не было разума. Но разум есть в человеке, и разум уничтожает это противоречие.

4

Разумная жизнь подобна человеку, несущему далеко перед собой фонарь, освещающий его путь. Такой человек никогда не доходит до конца освещенного места, освещенное место идет впереди его. Такова разумная жизнь, и только при такой жизни нет смерти, потому что фонарь не переставая освещает до последней минуты, и уходишь за ним так же спокойно, как и во все продолжение жизни.

5

Все люди живут и действуют отчасти по своим мыслям, отчасти по мыслям других людей. В том, насколько люди живут по своим мыслям и насколько по мыслям других людей, состоит одно из главных различий людей между собой. Одни люди в большинстве случаев пользуются своими мыслями как умственной игрой, обращаются со своим разумом как с маховым колесом, с которого снят передаточный ремень, а в поступках своих подчиняются обычаю, преданию, закону; другие же, считая свои мысли главными двигателями всей своей деятельности, прислушиваются к требованиям своего разума, подчиняются ему и только изредка, и то после критической оценки следуют тому, что решено другими.

Каждый человек может и должен пользоваться всем тем, что выработал совокупный разум человечества, но вместе с тем может и должен своим разумом проверять истины, выработанные прежде него жившими людьми.

7 АВГУСТА (Тщеславие)

Тщеславный человек хочет, чтобы его хвалили. Для того чтобы его хвалили, ему нужно быть тем, что люди считают хорошим. Люди же считают хорошим то, что им нравится. А нравится им то, чтобы их считали хорошими. И потому нет более тщетного занятия, как удовлетворение тщеславия.

1

Кто стыдится непостыдного и не стыдится бесстыдного, тот, следуя ложному мнению, вступает на злой путь погибели.
*Буддийская мудрость*²⁹

2

Тщеславный так полон самим собою, что в нем нет места ничему другому.
Пэн

3

Себя уморишь, а людей не удивишь.
Пословица

4

«Надо поступать так, как поступают другие». Правило это означает почти всегда то, что надо поступать дурно.
Лабрюйер

5

Один человек спросил у другого, для чего он делает то дело, которому не сочувствует.

- Потому что все так делают, – отвечал тот.
- Ну, положим, что не все, – сказал первый, – потому что вот я этого не делаю, да и некоторые другие, на которых я могу тебе указать.
- Ну коли не все, то очень многие, большая часть людей.
- А скажи мне, пожалуйста, – снова спросил первый, – каких людей больше на свете, умных или глупых?
- Конечно, глупых!

²⁹ Дхаммапада

– А коли так, то, стало быть, ты, подражая большинству, подражаешь глупым.

К.

6

Заставить умных людей считать нас не тем, что мы на самом деле из себя представляем, в большинстве случаев труднее, чем действительно стать такими, какими мы хотим казаться.

Лихтенберг

7

Человек бывает настолько самонадеян, насколько он ограничен пониманием.

Поп

8

И теперь и прежде высмеивают того, кто молчит, и того, кто много говорит, и того, кто говорит мало, – нет никого на земле, кого бы не осуждали.

Никогда не было, никогда не будет и нет никого, кого бы постоянно порицали, как нет и того, кого бы всегда хвалили.

*Буддийская мудрость*³⁰

9

Нет более ложного руководства в жизни, как людское мнение.

10

Очень трудно не соглашаться с нашим самолюбием и не находить приятными тех, кто нас одобряет.

Амиель

11

Гордость людская – свойство странное, не так-то легко позволяющее себя подавить; только заштопал одну дыру, не успел оглянуться, а та же гордость в другом виде выглядывает из другой дыры, а заткнешь эту, она уже глядит из третьей дыры и т. д.

Лихтенберг

³⁰ Дхаммапада

12

Мы одобряем других постольку, поскольку находим их похожими на нас;
так что часто уважать кого-нибудь значит только уравнивать его с собой.

Лабрюйер

13

Истинная добродетель никогда не озирается назад на тень свою – славу.

Гёте

Заботиться о славе людской, об одобрении людей уже потому неразумно, что люди не только не все считают одно и то же хорошим, но часто одни считают дурным то самое, что другие считают самым хорошим.

8 АВГУСТА (Лжеучение)

Приписывание особенного, исключительного значения и важности писателям, признанным большинством великими, составляет большое препятствие для познания истины. Божественная истина может проявиться в лепете ребенка, в болтовне дурачка, в бреде сумасшедшего, не говоря уже о разговорах, письмах простых людей, и очень слабые и ложные мысли встречаются в книгах, считающихся великими или священными.

1

Есть много традиционных истин, которые кажутся нам вероятными только потому, что мы никогда серьезно не подумали о них.
Род

2

Надо считать Евангелие святым не потому, что его написали апостолы, а потому, что в нем истина. Истина, сказанная Буддой, Магометом, всяким человеком, так же важна, как и истина Евангелия.

3

Настаивать на применении древних и устарелых законов, находящихся в наших уставах, все равно что заставлять людей нашего времени жить в домах и пользоваться орудиями наших предков, живших за несколько поколений до нас.
Люси Малори

4

Для большей части человечества религия есть обычай или, скорее, обычай есть религия. Как ни кажется это странным, но я убежден, что первый шаг к нравственному совершенствованию есть освобождение себя от религии, в которой вырос. Ни один человек не шел к совершенствованию иначе, как по этому пути.
Торо

5

Мысль, выраженная в Евангелии, Библии, Коране, Упанишадах, не становится истинной потому, что она выражена в книгах, считающихся священными. Считать истинным все то, что сказано в признанной священной книге, есть идолопоклонство книг, более вредное, чем всякое другое идолопоклонство.

Всякая мысль, от кого бы она ни исходила, подлежит обсуждению, и всякая мысль, от кого бы она ни исходила, заслуживает внимания.

9 АВГУСТА (Зло)

Большая часть зла, совершаемая людьми, совершается не по злой воле, а по распространенной ложной, принятой на веру мысли.

1

Материальные результаты – только позднее проявление невидимых сил. Ядро уже давно вылетело, когда звук выстрела доходит до нас. Решающие события совершаются в мысли.

Амиель

2

Из сердца исходят злые помыслы, убийства, прелюбодеяния, любодеяния, кражи, лжесвидетельства, хуления.

Мф. гл. 15, ст. 19

3

Действия не так добры или порочны, как наши желания.

Вовенарг

4

Много хуже дурного поступка те мысли, от которых происходят все дурные поступки. Поступка дурного можно не повторять и раскаяться в нем; дурные же мысли родят дурные поступки. Дурной поступок накатывает дорогу к дурным поступкам; дурные же мысли неудержимо влекут по этой дороге.

5

Вдаль несутся бестелесные помыслы, тихо крадутся они, глубоко сокровенные; кто подчинит их себе, кто обуздает их, тот освободится от их соблазна.

Буддийская мудрость³¹

6

Думай хорошо, и мысли созреют в добрые поступки.

³¹ Дхаммапада

7

Все дело в мыслях. Мысль – начало всего. И мыслями можно управлять. И потому главное дело совершенствования: работать над мыслями.

Когда тебя постигают несчастья, ищи причину их не столько в поступках твоих, сколько в мыслях, побудивших тебя к совершению их. Точно так же и когда совершающиеся внешние события огорчают, возмущают тебя, ищи причины их не в предшествующих поступках людей, а в предшествующих мыслях, вызвавших поступки.

10 АВГУСТА (Настоящее)

Говорят: человек не свободен, потому что все, что он делает, имеет свою, предшествующую во времени причину. Но человек действует всегда только в настоящем, а настоящее вне времени, оно только точка соприкосновения двух времен: прошедшего и будущего, и потому в момент настоящего человек всегда свободен.

1

Спросили у мудреца, какое время в жизни самое важное, какой человек самый важный и какое дело самое важное.

И мудрец ответил: «Время самое важное одно настоящее, потому что в нем одном человек властен над собою.

Человек самый важный тот, с кем в эту настоящую минуту ты имеешь дело, потому что никто не может знать, будет ли он еще иметь дело с каким-либо другим человеком.

Дело же самое важное то, чтобы быть в любви с этим человеком, потому что только для того, чтобы быть в любви со всеми людьми, послан человек в жизнь».

2

*Никогда не вернешь потерянного времени, никогда не исправшишь
сделанного зла.
Джон Рёскин*

3

Только тогда мы сумеем воспользоваться каждой минутой, когда мы будем уверены в своей вечности.

Только когда мы внесем в нее сознание нашей духовности, самая ничтожная обязанность не будет казаться нам низкой.

Мартино

4

Первый и самый обычный соблазн, который захватывает человека, есть соблазн приготовления к жизни вместо самой жизни.

«Теперь мне можно на время отступить от того, что должно и чего требует моя духовная природа, потому что я не готов, – говорит себе человек. – А вот я приготовлюсь, наступит время, и тогда я начну жить уже вполне сообразно со своей совестью».

Ложь этого соблазна состоит в том, что человек отступает от жизни в настоящем, одной действительной жизни, и переносит ее в будущее, тогда как будущее не принадлежит человеку.

Для того, чтобы не подпасть этому соблазну, человек должен понимать и помнить, что готовиться некогда, что он должен жить лучшим образом сейчас, такой, какой он есть, что совершенствование, нужное для него, есть только одно совершенствование в любви, а это совершенствование совершается только в настоящем. А потому должен не откладывая жить

всякую минуту всеми своими силами настоящим, для Бога, т. е. для всех тех, кто предъявляет требования к его жизни, зная, что всякую минуту он может быть лишен возможности этого служения и что для этого-то ежечасного служения он и пришел в мир.

Настоящее есть то состояние, в котором одним проявляется наша божественная сущность. Будем же благоговеть перед настоящим – в нем Бог.

11 АВГУСТА (Все в себе)

Как умирает человек один, так и живет человек своей внутренней духовной жизнью всегда один.

1

Счастливее всего та страна, которая мало или вовсе не нуждается во ввозе; также счастливее всех тот человек, который довольствуется своим внутренним богатством и для своего существования нуждается в немногом или вовсе ни в чем извне. Подвоз извне дорого обходится, порождает зависимость, влечет за собой опасности, вызывает досаду, а в конце концов служит плохой заменой продуктов собственной почвы. От других, вообще извне, нельзя ожидать многого в каком бы то ни было отношении. То, чем один может быть для другого, ограничено очень тесными рамками: в конце концов каждый остается сам с собой, и тогда весь вопрос в том, кто тот, с кем приходится человеку оставаться, когда он остается сам с собой.

Шопенгауэр

2

Если с нами случается какая-нибудь неприятность или мы попадаем в какое-нибудь затруднение, то все мы бываем склонны обвинять в этом других людей или судьбу свою, вместо того чтобы сообразить, что если внешнее, от нас не зависящее становится для нас неприятностью или затруднением, то, значит, в нас самих что-нибудь не в порядке.

Эпиктет

3

То, что человек делает, тем он и владеет. Пусть никто не считает ничего прочным добром, кроме того, что находится в нем самом и что должно расти в нем до тех пор, пока он жив.

Эмерсон

4

Сам совершаешь грех, сам замышляешь зло, сам убегаешь от греха, сам очищаешь помыслы, сам собой ты зол или чист, другому не спасти тебя.

Дхаммапада

5

Самое обычное и вредное заблуждение людей: думать, что чего-нибудь может мешать их свободе и благу.

6

Человек просит, чтобы ему помогли люди или Бог; а помочь ему никто не может, кроме его самого, потому что помочь ему может только его добрая жизнь. А это может сделать только он сам.

У каждого человека есть глубина внутренней жизни, сущность которой нельзя сообщить другому. Иногда хочется передать это людям. Но тотчас же чувствуется, что передать это вполне другому человеку невозможно.

Потребность эта есть потребность общения с Богом. Устанавливай это общение и не ищи другого.

Недельное чтение

Одиночество

После веселого обеда в холостой компании мой старый приятель сказал мне:

– Не хочешь ли пройтись по Елисейским полям?

И мы пошли, медленно шагая, по длинной аллее между деревьями, слабо одетыми листвою. Ни малейшего шума, кроме этого вечного глухого гула от непрерывного парижского движения. Свежий ветерок дул нам в лицо, и по темному небу рассыпалась золотистая пыль бесчисленных звезд.

Товарищ мой заговорил:

– Не знаю почему, но ночью мне здесь дышится легче, чем где-либо. Мысль моя как будто растет. Минутами ум мой озаряется яркими проблесками света, и мне в эти мгновения кажется, что мы отгадываем божественную тайну жизни. Но окно захлопывается... И кончено.

Двойные тени мелькали порой между деревьями; мы прошли мимо скамейки; рядом сидевшая на ней парочка сливалась в одно темное пятно.

Мой приятель проговорил:

– Жалкие люди! Не отвращение, а беспредельную жалость чувствую я к ним. Из всех тайн человеческой жизни я постиг только одну: пытка нашего существования в том, что мы вечно одиноки, и все, что мы делаем, мы делаем, чтобы бежать от этого одиночества. Вон и эти влюбленные парочки на скамейках под открытым небом ищут возможности, как и мы, как и все живые существа, хотя бы на мгновение избежать своего одиночества, но они остаются и вечно останутся одинокими, и мы тоже.

Одни люди чувствуют это сильнее, другие слабее, вот и все.

С некоторого времени я испытываю невыносимую пытку: я понял, я постиг мое страшное одиночество и знаю, что ничто – понимаешь ли? – ничто в мире не в силах прекратить его. Все наши попытки, старания, порывы сердца, все призывы наших уст, все наши объятия тщетны и тщетны – мы всегда одиноки.

Я увлек тебя сюда, на эту прогулку, чтобы не идти домой, – меня теперь невыносимо мучает одиночество моей квартиры. Но и это ни к чему. Я говорю, ты меня слушаешь, мы идем вдвоем, рядом, вместе, но каждый из нас один. Понимаешь ли ты меня?

«Блаженны нищие духом», – говорит писание. Эти не утратили призрака счастья. Они не ведают нашего горя одиночества, они не бредут по жизненному пути, как я, соприкасаясь с людьми только локтями, без иной радости, кроме эгоистического удовлетворения тем, что понимаешь, видишь, угадываешь и без конца страдаешь от сознания своего вечного одиночества.

Ты думаешь, что я сошел с ума. Правда?

Но выслушай меня. С тех пор как я почувствовал одиночество моего существования, мне кажется, что я с каждым днем все больше погружаюсь в какое-то мрачное подземелье, краев и конца которого я не вижу и из которого, может быть, нет и выхода. Я иду по нем, но ни со мной, ни рядом нет ни одного живого существа. Подземелье – это наша жизнь. Порой я слышу шум, голоса, крики... Я ошупью спешу на них. Но откуда они раздаются, я никогда наверное не знаю; я не встречаю никого, не нахожу руки другого человека в мраке, окружающем меня. Понимаешь ли?

Были люди, которые иногда угадывали это ужасное страдание. Мюссе восклицает:

Кто там идет? Зовет меня? – Никто.

Один я, как всегда, – пробил час.
О, одиночество! О, нищета!

Но у него это было мимолетное сомнение, а не полная достоверность, как у меня. Он был поэт, наполнял жизнь призраками, грезами. Он никогда не был вполне одинок, как я.

Густав Флобер, этот великий несчастный мира сего, потому что был из числа немногих великих провидцев, писал другу-женщине следующие отчаянные слова: «Мы все в пустыне; никто никого не понимает».

Да, никто никого не понимает; что бы мы ни думали, что бы ни говорили, что бы ни делали, – никто никого не понимает. Знает ли земля, что творится на этих звездах, разбросанных, как огненные зерна в пространстве, так далеко, что мы видим только самую незначительную часть их, тогда как остальные бесчисленные их полчища теряются в бесконечности? А может быть, эти звезды так близки друг к другу, что составляют одно целое, как молекулы одного тела?

И как земля не знает, что творится на этих звездах, так и человек не знает, что происходит в другом человеке. Мы дальше друг от друга, чем эти светила, а главное – более разъединены, потому что мысль бездонна.

Что может быть ужаснее этого постоянного соприкосновения существ при невозможности слиться с ними? Мы любим так, как будто мы прикованы близко друг к другу, и, простирая руки, мы не можем соединиться. Мучительная потребность единения гложет нас; но все наши усилия тщетны, порывы бесплодны, излияния бесполезны, объятия бессильны, ласки пусты. Мы хотим слиться, но, при всех наших стремлениях, мы только стукаемся друг о друга. Я больше всего чувствую себя одиноким, когда отдаю свое сердце другому человеку: тогда эта невозможность становится мне еще очевиднее. Вот он – этот человек, – он смотрит на меня своими ясными глазами, но душу его, позади их, я не знаю. Он слушает меня. А что он думает? Да, что он думает? Ты не понимаешь этой муки? Может быть, он ненавидит, презирает меня, насмехается надо мной? Он взвешивает все мои слова, судит, глумится, осуждает меня, считает меня посредственностью или глупцом? Как знать, что он думает? Как знать, любит ли он меня так же, как я его, и что шевелится в его маленькой круглой голове? Какая страшная тайна – неизвестная мысль другого существа, мысль скрытая и свободная, которую мы не можем ни знать, ни направлять, ни обуздать, ни победить.

А я?... Как я ни стараюсь отдалиться, раскрыть все двери моей души, – мне это невозможно. Всегда на дне, на самом дне остается тайный уголок моего «я», куда никто не проникает. Никто не в силах открыть его, войти туда, потому что никто не похож на меня, и никто никого не понимает.

По крайней мере, в эту минуту понимаешь ли ты меня? Нет. Ты считаешь меня безумным! Ты меня рассматриваешь, ты остерегаешься меня! Ты задаешь себе вопрос: что с ним? Но если когда-нибудь тебе удастся понять мое ужасное и утонченное страдание, о, приди тогда, чтобы сказать только: «я понял тебя», – и я хоть на мгновение буду счастлив.

Женщины в особенности заставляют меня сильнее чувствовать мое одиночество.

О, горе, горе! Как я страдал от них! Они чаще мужчин вызывали во мне ложную надежду на то, что я не одинок.

Когда вступаешь в любовь, кажется, что расширяешься, тебя охватывает нечеловеческое блаженство. Знаешь ли отчего? Знаешь ли, откуда это ощущение огромного счастья? Единственно оттого, что воображаешь себя уже не одиноким. Одиночество, отчуждение человеческого существа, по-видимому, кончилось. Какое жалкое заблуждение!

Женщина еще сильнее нас мучится тою вечною потребностью любви, которая гложет наше одинокое сердце; эта-то женщина и составляет главную ложь мечты.

Тебе знакомы сладостные часы лицом к лицу с этим существом, длинноволосым, пленительным, одни взоры которого сводят нас с ума. Безумный восторг туманит ум! Чудная иллюзия охватывает нас! Кажется, что вот-вот она и я сольемся в одно. Но это только кажется, и после недель ожиданий, надежд и лживых радостей я еще сильнее, чем прежде, чувствую себя одиноким.

После каждого поцелуя, после каждого объятия одиночество растет. И как оно ужасно, как мучительно! Поэт Сюлли Прюдом говорит:

Все ласки – одни безумные порывы,
Бесплодные попытки жалкой любви
Достигнуть союзом тел невозможного слияния душ.

И потом прощай. Все кончено! Мы едва узнаем ту женщину, которая на мгновение была для нас всем и задушевную мысль которой, конечно пошлую, мы даже никогда не знали.

Даже в те минуты, когда нам кажется, что в таинственном согласии наших существ, в полном смешении желаний и всех стремлений мы проникли в самую глубь ее души, – слово, одно слово, случайно сказанное ею, раскрывает наш самообман и, как молния ночью, освещает пропасть, лежащую между нами.

И все-таки ничего нет лучше этих вечеров с любимой женщиной – вечеров молчаливых, когда чувствуешь себя почти счастливым от одного ее присутствия. Не будем требовать большего, потому что никогда два существа не сольются вместе!

Что до меня касается, то я теперь от всех замкнул свою душу. Я никому не говорю, во что я верю, что я думаю, что люблю. Зная, что я осужден на ужасное одиночество, я равнодушно гляжу на все и не высказываюсь. Что мне за дело до чужих мнений, ссор, удовольствий и верований. Не будучи в состоянии делиться ничем с людьми, я безучастен ко всему. Моя невидимая мысль остается неизведанной. У меня есть банальные фразы в ответ на обыденные вопросы и улыбка, когда мне не хочется отвечать.

Понимаешь ли ты меня?

Мы прошли всю длинную аллею до Триумфальной арки. Звезды, спустились до площади Согласия; он говорил медленно и высказал еще многое другое, чего я даже не запомнил.

Наконец он остановился перед гранитным обелиском, стоящим на парижской мостовой. При свете звезд едва обрисовывался длинный египетский профиль этого памятника в изгнании, на боках которого странными знаками начертана история его страны. И вдруг движением руки мой приятель указал на этот обелиск и воскликнул:

– Все мы – как этот камень!

И он ушел, не сказав больше ни слова.

Был ли он пьян, сумасшедший или мудрый, я и теперь не знаю. Порой мне кажется, что он прав, порой – что он сошел с ума.

Гюи де Мопассан

12 АВГУСТА (Слияние своей воли с волей Бога)

Крест, который несет человек, состоит из большой отвесной части, представляющей волю Бога, и малой поперечной части, представляющей волю человека. Приведи свою волю в одно направление с волею Бога, и не будет креста.

1

Человек, который ищет счастья во внешнем благополучии, строит свой дом на песке; прочное счастье может дать лишь согласие внутренней жизни с волею Бога.

Люси Малори

2

Кто не со Мною, тот против Меня; и кто не собирает со Мною, тот расточает.

Лк. гл. 11, ст. 23

3

В состояниях людей есть соединение доброго и злого, но в стремлениях людей нет такого смещения. Стремление к исполнению воли Бога – все доброе, стремление к исполнению своей воли, не согласной с волей Бога, – все злое.

4

Истинно, истинно говорю вам: о чем ни попросите Отца во имя Мое, даст вам.

Ин. гл. 16, ст. 23

5

Судьба сокрушает нас двояким образом: отказывая нам в наших желаниях и исполняя их. Но тот, кто хочет только того, чего хочет Бог, избегает обеих бед. Все обращается к его благу.

Амиель

6

Если ты ничего не ожидаешь и не хочешь получить от других людей, то люди не могут быть страшны тебе, как пчеле не страшна другая пчела, как

лошади не страшна другая лошадь. Но если твое счастье находится во власти других людей, то ты непременно будешь бояться людей.

С этого и надо начать: надо отрешиться от всего того, что нам не принадлежит, отрешиться настолько, чтобы оно не было нашим хозяином; отрешиться от привязанности к своему телу и ко всему, что нужно для него; отрешиться от любви к богатству, к славе, должностям, почестям; в этом смысле отрешиться от своих детей, жены, братьев. Надо сказать себе, что все это не наша собственность.

Тогда не понадобится нам уничтожать людское насилие насилием. Вот тюрьма. Какой вред мне, моей душе, от того, что она стоит? Зачем мне разрушать ее, зачем нападать на людей, производящих насилие, и убивать их? Их тюрьмы, цепи, оружие не поработят моего духа. Тело мое могут взять, но дух мой свободен, и ему никто ни в чем не может помешать, и потому живу я так, как я хочу.

А как я дошел до этого? Я подчинил свою волю воле Бога: хочет Он, чтобы у меня была лихорадка? И я этого хочу. Хочет Он, чтобы я делал это, а не то? И я этого хочу. Хочет Он, чтобы со мною что-нибудь случилось? И я этого хочу. Не хочет Он, и я не хочу. Хочет Он, чтобы я умер, чтобы меня подвергли пытке? И я хочу умереть, хочу перенести пытку.

Эпиктет

7

Та душа велика, которая предается Богу, та же, напротив, мелочна и развращена, которая восстает против Бога, осуждает законы, управляющие миром, и предпочитает исправлять Бога, а не самое себя.

Сенека

8

Кто хочет творить волю Его, тот узнает о сем учении, от Бога ли оно, или Я Сам от Себя говорю.

Ин. гл. 7, ст. 17

9

Приидите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и я успокою вас; возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим; ибо иго Мое благо и бремя Мое легко.

Мф. гл. 11, ст. 28–30.

Не только избавление от бед, не только спокойствие даются слиянием своей воли с волей Бога, но этим только путем получается познание Бога и вера в бессмертие.

13 АВГУСТА (Мудрость)

Житейская мудрость в том, чтобы жить согласно разуму, хотя бы такая жизнь была осуждаема всеми.

1

Когда истина представляется ее врагам в неопровержимой форме, тогда они пускают в ход последнее средство, имеющееся в их распоряжении: это – очернение людей, выражающих истину. Но, закидывая грязью людей, выражающих истину, они лишь покрывают землей семя истины, и оно вырастает тем быстрее.

Люси Малори

2

Негодует на нас Небо за наши грехи, а мир – за наши добродетели.
Талмуд

3

Не интересуйся количеством, а качеством твоих почитателей: *не нравиться дурным – для человека похвально.*
Сенека

4

Человеческий разум – это божественный светильник, свет от которого проникает в самую глубь вещей.
Восточная мудрость

5

Если Меня гнали, будут гнать и вас; если Мое слово соблюдали, будут соблюдать и ваше.
Ин. гл. 15, ст. 20

6

Если мы сидим в движущемся корабле и смотрим на какой-нибудь предмет на этом же корабле, то нам незаметно наше движение; если же мы посмотрим в сторону на предмет, который не движется вместе с нами, например на берег, то мы тотчас же заметим свое движение. То же бывает в

жизни. Когда все люди живут не так, как следует, то это незаметно, но лишь только один опомнится и заживет по-божьи, тотчас же становится очевидным, как скверно поступают остальные. И остальные за это гонят его.

Паскаль

7

Горе вам, если все будут говорить о вас хорошо, сказал Христос.

Смысл этих слов тот, что не следует нам ставить себе внешнюю цель: угождать людям, подлаживаясь и приноравливаясь к множеству их несовершенных и разноречивых вкусов, хотений и капризов, а что следует поставить себе внутреннюю цель: угождать Богу, прислушиваясь и приноравливаясь к его единой и совершенной воле.

И как каменщики могли бы построить здание не тогда, когда вытесывали бы камни, прилаживая их формы к неровностям и особенностям форм других камней, а лишь тогда, когда приноравливали бы их формы к прямоугольнику, так и людям удастся установить Царство Божие на земле не тогда, когда они будут воспитывать себя и детей своих сообразно разноречивым, изменчивым требованиям молвы людской, а лишь тогда, когда будут совершенствоваться по общим для всех законам добра и правды, узнаваемым при помощи совести и разума.

Федор Страхов

Ошибочно огорчаться преследованиями, нападками и гонениями против мудрости. Мудрость была бы не мудрость, если бы она не обличала безумие дурной жизни. А люди были бы не люди, если бы они, не переменив свою жизнь, спокойно могли перенести обличения.

14 АВГУСТА (Насилие)

Люди так привыкли к поддержанию внешнего порядка жизни насилием, что жизнь людей без насилия представляется им невозможной. А между тем если люди насилием учреждают справедливую (по внешности) жизнь, то те люди, которые учреждают такую жизнь, должны знать, в чем справедливость, и быть сами справедливы. Если же одни люди могут знать, в чем справедливость, и могут быть справедливыми, то почему же всем людям не знать этого и не быть справедливыми?

1

Сила есть то орудие, посредством которого невежество заставляет своих последователей делать те дела, к которым они по природе своей не склонны; и (подобно попытке заставить воду идти выше своего уровня) в тот момент, когда орудие это перестает действовать, прекращаются и его последствия. Убеждение же, напротив, подобно спуску, сделанному в реке, который нужно только сделать для того, чтобы река текла сама собой без нашего внимания и усилия. Есть только два средства направлять человеческую деятельность. Одно в том, чтобы заставить человека действовать противно его склонностям и суждениям, и другое в том, чтобы завладеть склонностями, убедить рассуждением. Один способ употребляется невежеством, и последствия его – разочарование, другой подтверждается опытом и всегда увенчивается успехом. Когда ребенок кричит, чтобы ему дали погремушку, он хочет силою получить ее. Когда родители бьют своих детей, то это с тем, чтобы силою заставить их вести себя хорошо. Когда пьяный муж бьет свою жену, то он делает это ввиду исправления ее силою. Когда преступник наказывается, то это делается для того, чтобы улучшить мир силою. Когда один человек судится с другим, то это с тем, чтобы достигнуть справедливости посредством силы. Когда священник говорит об ужасах адских мучений, то делает он это с целью направить своих слушателей на небо силою. Когда один народ воюет с другим, то цель его состоит в том, чтобы приобрести желательное положение силою. И удивительное дело: до сих пор невежество вело и ведет человечество тем самым путем насилия, который всегда вел и ведет к разочарованию.

Комб

2

Право сильного не есть право, но простой факт, который может быть правым, только покуда не встречается протеста и сопротивления. Это как бы холод, тьма, тяжесть, которые должны быть переносимы до тех пор, покуда не найдешь отопления, освещения, рычага. Вся человеческая промышленность есть освобождение из-под власти грубой природы; прогресс же справедливости есть не что иное, как ряд ограничений, которым подвергалась тирания сильного. Как медицина состоит в победе над болезнью, так благо состоит в победе над слепым зверством и необузданными вожделениями человека-зверя. Таким образом, я вижу всегда один и тот же

закон: возрастающее освобождение личности, приближение людей к благу, к справедливости, к мудрости.

Амиель

3

Без Бога можно принуждать, но не убеждать; можно стать тираном, но не воспитателем.

Иосиф Мадзини

4

Насилие, производя подобие справедливости, только удаляет людей от возможности жить справедливо без насилия.

Люди – разумные существа и потому могут жить, руководясь разумом, и неизбежно должны заменить насилие свободным согласием. Всякое же совершаемое насилие отдаляет это время.

15 АВГУСТА (Радость)

Радость жизни свойственна животным, детям и святым: животным потому, что у них нет разума, который, будучи ложно направлен, лишил бы их этой радости; детям потому, что разум их еще не успел извратиться; святым потому, что жизнь дает им то самое, чего они желают: возможность совершенствования, приближения к Богу.

1

Печаль прошедшая становится в воспоминании приятной наряду с прошедшими, будущими и настоящими удовольствиями. Итак, только будущие и настоящие печали мучат нас – замечательный перевес в нашем мире на стороне удовольствий, увеличивающийся еще тем, что мы постоянно стараемся доставлять себе удовольствия и можем во многих случаях с достаточной достоверностью предвидеть наслаждения от них, тогда как печаль, нам еще предстоящую, можно предсказать гораздо реже.

Лихтенберг

2

Вы должны радоваться, думая о том, что Бог сотворил неизмеримо больше прекрасного, чем в силах охватить человеческий взор, но огорчаться при мысли, что человек сделал гораздо больше зла, чем в силах душа его постичь, а рука исправить.

Джон Рёскин

3

Счастье есть удовольствие без раскаяния.

4

О, как счастливы мы, проживая без ненависти к ненавидящим нас; как счастливы мы, если среди ненавидящих мы живем!..

О, как счастливы мы, свободные от жадности среди жадных! Среди людей, снедаемых жадностью, живем мы, свободные от нее!..

О, как счастливы мы, ничего не называя своим! Светлым богам подобны мы, напоенные святостью!..

Буддийская мудрость³²

³² Дхаммапада

5

Выслушайте другую притчу. Был некоторый хозяин дома, который насадил виноградник, обнес его оградой, выковал в нем точило, построил башню и, отдав его виноградарям, отлучился. Когда же приблизилось время плодов, он послал своих слуг к виноградарям взять свои плоды; виноградары, схвативши слуг его, иного прибили, иного убили, а иного побили камнями. Опять послал он других слуг, больше прежнего; и с ними поступили так же. Наконец, послал он к ним своего сына, говоря: постыдятся сына моего. Но виноградары, увидевши сына, сказали друг другу: это наследник; пойдем убьем его и завладеем наследством его. И, схвативши его, вывели вон из виноградника и убили. Итак, когда придет хозяин виноградника, что сделает он с этими виноградарями? Говорят Ему: злодеев сих предаст злой смерти, а виноградник отдаст другим виноградарям, которые будут отдавать ему плоды во времена свои (Мф. 21, 33–41).

Людам дан сад, который сажали не они, и, для того чтобы им радоваться жизнью, им нужно только исполнять условие, под которым им передан сад. Они не исполняют его и говорят, что виноваты не они, а хозяин сада.

6

Ты ищешь рая, хочешь быть там, где нет страданий и вражды, – освободи свое сердце, сделай его чистым и светлым, и тебе уже и здесь будет тот рай, которого ты желаешь.

Если жизнь не представляется тебе великой, незаслуженной радостью, то это только потому, что разум твой ложно направлен.

16 АВГУСТА (Единение)

Мы неразрывно соединены духовной связью не только со всеми людьми, но и со всеми живыми существами.

1

Кто-то сказал мне однажды, что в каждом человеке таится нечто очень хорошее и человеколюбивое, а также и нечто очень дурное и недоброжелательное; и смотря по тому, как он расположен, проявляется то одно, то другое. Это совершенно верно!

Вид чужих страданий вызывает не только в разных людях, но и в одном человеке один раз безграничное сострадание, а другой раз некоторое удовлетворение, которое может усиливаться до самого жестокого злорадства.

Я и сам на себе замечаю, что на все существа я смотрю иногда с задушевным состраданием, иногда с величайшим равнодушием, а подчас с ненавистью и даже злорадством.

Все это служит явным указанием на то, что у нас есть два различных и даже прямо противоположных способа познания: один – по принципу обособленности, разобщенности, отчужденности, когда все существа кажутся нам совершенно чуждыми, когда они – решительно не я: мы не можем тогда к ним чувствовать ничего, кроме равнодушия, зависти, ненависти, злорадства.

И другой способ познания, который мне хотелось бы назвать познанием по сознанию нашего единства со всеми. При этом способе познания все существа кажутся нам тождественными с нашим я, и потому вид их вызывает в нас сострадание и любовь.

Один тип разделяет нас друг от друга непроницаемой стеной, другой убирает стену, и мы сливаемся в одно. Один способ научает нас чувствовать относительно каждого существа, что оно – я, а другой, что оно – не я.

Шопенгауэр

2

Все люди – одного происхождения, подлежат одному закону и все предназначены к одной цели.

И потому у нас должна быть одна вера, одна цель поступков, одно знамя, под которым мы все должны сражаться.

Иосиф Мадзини

3

Мы должны всегда стараться отыскивать не то, что нас отделяет от других людей, а то, что у нас с ними общего.

Джон Рёскин

4

Если бы ты и хотел этого, ты не можешь отделить твою жизнь от человечества. Ты живешь в нем, им и для него. Твоя душа не может освободиться из тех условий, в которых она движется, потому что мы все сотворены для взаимодействия, как ноги, руки, глаза. Действовать друг против друга, сердиться друг на друга и отворачиваться – значит поступать противно природе.

Марк Аврелий

Нельзя сказать, чтобы обезьяны, собаки, лошади, птицы не были бы наши братья. Если сказать, что они чужие нам, то почему же не сказать, что и африканские негры не братья нам? А если негры не братья нам, то не братья нам и люди другого, чем мы, цвета. Кто же ближний? На это есть только один ответ притчи о самарянине: не спрашивай, кто ближний, а сознавай свое единство со всем живым, сострадай и служи всему живому.

17 АВГУСТА (Доброта)

Какая необходимая приправа ко всему – доброта! Самые лучшие качества без доброты ничего не стоят, и самые худшие пороки с нею легко прощаются.

1

Есть доброта природная, зависящая от внешних и телесных причин – от наследственности, хорошего пищеварения, от успеха. Доброта эта очень приятна и для того, кто испытывает ее, и для других людей. И есть доброта, происходящая от духовной, внутренней работы. Такая доброта менее привлекательна, но зато первая может не только исчезнуть, но превратиться в злобу; вторая же не только никогда не исчезает, но постоянно увеличивается.

2

Если, делая дело, которое считаешь добрым, испытываешь враждебность или заставляешь других испытывать враждебность к себе, тотчас остановись: значит, ты не умеешь еще делать то дело, за которое взялся. Если, делая дело, тебе физически больно, то ты останавливаешься и учишься делать дело так, чтобы тебе не было больно. То же самое и со всяким делом, если оно вызывает недобрые чувства. Это верное указание на то, что ты еще не умеешь делать то дело, за которое взялся: надо учиться.

3

Мы должны ценить даже одну только видимость добра в других людях, потому что из этой игры притворства, которою они добывают себе уважение, – может быть, и незаслуженное, – в конце концов может возникнуть, пожалуй, нечто серьезное.

Только видимость добра в *нас самих* мы должны беспощадно стирать – срывать тот покров, которым самолюбие прикрывает наши недостатки.

Кант

4

Сделанное добро радует, но не удовлетворяет. Всегда кажется, что надо было сделать больше.

5

Сколько ни сделаешь добра, всегда останется пожелать еще большего.

Конфуций

6

Не существует непосредственной склонности к дурным в нравственном отношении поступкам, но, несомненно, есть такая непосредственная склонность к хорошим поступкам.

Кант

7

Для того чтобы находить радость в служении людям и вообще живым существам, надо прежде всего приучить себя не делать зла людям и живым существам, не строить свою жизнь на страданиях и жизни других.

Доброта – основное свойство души. Если человек не добр, то только потому, что он подвергся какому-либо обману, соблазну, страсти, которые нарушили это его естественное свойство.

18 АВГУСТА (Вера)

Христианство потому и истинно, что оно, отвечая на самые отвлеченные вопросы, этим самым ответом разрешает и самые практические вопросы жизни. Оно устанавливает царство Бога в духовном мире каждого человека и в общественной жизни людей.

1

Спросите у этих миллионов людей, которые называют себя христианами, что такое христианство, и они ответят вам, что быть христианином – это значит примыкать к известному учению. А между тем исповедующие это учение все несогласны между собой. Одни говорят, что надо верить так, другие – иначе, и из-за этих разногласий возникают обвинения и ненависть, даже преследования, доходящие до кровопролития. Если б в этом было истинное христианство, как бы мог Христос быть освободителем, спасителем народов, быть тем, кого ждал род человеческий? Но Он сам дает нам совсем другое представление о Своем деле. Он послан для того, чтобы принести бедным *благую весть*, для того, чтобы излечить сердца, разбитые страданием, муками, притеснениями; чтобы объявить слепым, что они увидят, что они больше не будут лишены света, в котором им отказывают властители для того, чтобы, оскотинившиеся в невежестве, они терпеливее переносили их иго; чтобы освободить тех, кого давят оковы; чтобы заменить свободой всемирное рабство. Таково было дело Иисуса, но тому ли учат во имя Его? Исполнено ли то, что должен был исполнить желанный народом? Услыхали ли бедные *благую весть*? Излечены ли разбитые сердца? Видят ли слепые? Сняты ли оковы с заключенных? Освобождены ли узники? Нет, Христос еще на кресте в ожидании своих апостолов. Пусть придут они, пусть придут скорее, ибо скорбь велика и глаза устают глядеть на восток, ожидая зарю лета Господня.

Ламенэ

2

Религия не потому истина, что ее проповедывали святые люди, а святые люди проповедывали ее потому, что она истина.

Лессинг

3

Все бедствия людей от отсутствия религии. Без религии нельзя жить. Только религия дает определение хорошего и дурного, и потому человек только на основании религии может сделать выбор из всего того, что он может желать сделать. Только религия уничтожает эгоизм, только вследствие религиозных требований человек может жить не для себя. Только религия уничтожает страх смерти; только религия дает человеку смысл жизни; только религия устанавливает равенство людей; только религия освобождает человека от всех внешних стеснений.

Нельзя не верить такому духовному учению, приложение которого осуществляет самое простое практическое благо всех.

Нет большей поверки истинности учения.

И таково христианское учение.

Недельное чтение

Католицизм и христианство

Не надо смешивать христианство как исторический факт с тем первоисточником, из которого оно произошло. Только благодаря беспримерной недобросовестности могли приписать святость тому, что теперь называется «католической верою». Что отрицал Христос? Как раз то, что теперь называется католической церковью.

Католическая церковь – это полная противоположность тому, что послужило началом христианского учения. Как раз то, что в католическом церковном смысле – Христово, в корне своем – не Христово. Вместо символов там, в церкви, – предметы и лица; вместо вечных событий – история; вместо практики жизни – католические правила, обряды и догмы. Христианство в существе своем равнодушно к культу, священникам, церкви, богослужению.

Практика христианства не имеет в себе никаких фантазмагорий; оно есть средство быть счастливым:

«Нельзя делать различий между чужими и своими. Нельзя гневаться, никого не надо унижать. Милостыню твори тайно. Не надо клясться. Не надо судить. Надо мириться и прощать. Молиться надо втайне».

Иисус обращается прямо к сути дела, к «Царствию Божью» в сердце человеческом, и пути к нему указывает не внешние, состоящие в соблюдении правил иудейской церкви, которой он не признает, а внутренние. Он думает не о внешнем, а о внутреннем.

Так же относится он и ко всем грубым приемам общения с Богом: он учит, как надо жить, чтобы чувствовать себя «обожествленным», учит, что нельзя прийти к этому состоянию через самоистязание. Чтобы стать божественным, главное – это отречься от себя.

Католицизм есть нечто в корне отличное от того, что делал и чего хотел Христос. Христианство представляет из себя великое противоязыческое движение; но учение это, жизнь и слово Христа были подвергнуты совершенно произвольному истолкованию, ради совершенно чуждых христианству целей, и потом были переведены на язык уже существовавших религий.

Тогда как Иисус учил миру и счастью, католицизм оказался выражением мрачного отношения к жизни, и притом отношения слабых, немощных, угнетенных, страждущих.

Евангелие возвещает, что униженным и бедным открыт доступ к счастью; для этого надо только освободиться от всякой установившейся опеки высших классов. Собственность, приобретения, родина, сословие и положение, суд, полиция, государство, церковь, образование, искусство, войско – все это препятствия к достижению счастья, – заблуждения, наваждения дьявола, которым Евангелие грозит страшным судом.

Католицизм сделал из христианства учение, которое в конце концов примиряется с государством: ведет войну, судит, пытается, клянется и ненавидит.

Ему необходимо выдвинуть на первое место понятие вины, греха, ему нужна не новая жизнь по учению Христа, а новый культ, новая вера в чудесное преображение («искупление» через веру).

Он, католицизм, сделал из истории жизни и смерти Христа самый произвольный выбор, все подчеркнул здесь по-своему, везде переместив центры тяжести, – словом, уничтожил первоначальное христианство.

Борьба с языческими и еврейскими священниками и церковью свелась благодаря католицизму к созданию новых священников и богословия, – к новому классу властвующих, – опять к церкви.

В этом весь юмор, трагический юмор: католицизм восстановил в общих чертах все то, что уничтожил Христос. В конце концов, когда вновь создавалась католическая церковь, она даже государство взяла под свое покровительство.

Католицизм – как раз то, против чего проповедывал Христос и с чем он заповедал своим ученикам бороться.

Когда преступник, разбойник на кресте, терпящий тяжелую смерть, рассуждает: «Праведно страдать и умирать так, как Иисус, без ропота и гнева, с добротою и покорностью», – он утверждает Евангелие и попадает в рай.

Христианство осуществимо в каждую данную минуту; оно не нуждается ни в метафизике, ни в аскетизме, ни в «естественных науках». Христианство есть жизнь. Оно учит, как действовать.

Тот, кто скажет: «я не хочу быть военным», «мне дела нет до суда», «полиции мне не надо», «я не хочу делать ничего такого, что могло бы нарушить мой внутренний мир», и «если я от этого пострадаю, то ничто так не умиротворит меня, как это страдание», – тот будет истинным христианином.

Нищие

19 АВГУСТА (Благо)

Жизнь есть движение, а потому и благо жизни не есть известное состояние, а известное направление движения.

Такое направление есть служение не себе, а Богу.

1

Одни ищут блага или счастья во власти, другие – в науке, третьи – в сластолюбии. Те же люди, которые действительно близки к своему благу, понимают, что оно не может быть в том, чем владеть могут только некоторые люди, а не все. Они понимают, что истинное благо человека таково, что им могут обладать все люди разом, без раздела и без зависти; оно таково, что никто не может потерять его, если он сам того не захочет.

Паскаль

2

Счастье – это то, чего человек желает для себя одного; благо – это то, чего человек желает для себя вместе со всеми. Счастье достигается борьбой, благо, напротив, покорностью.

3

Настоящих благ немного. Настоящее благо только то, что благо и добро для всех.

И потому, если хочешь быть полезным, а не вредным людям, делай только то, что согласно с общим благом. Кто будет поступать так – приобретет себе благо.

Марк Аврелий

4

Истинное добро есть служение Богу. Служение достигается всегда тратой своей животной жизни, так же как свет достигается только тратой горючего материала.

5

Делая добро ближним, мы, сами того не замечая, делаем гораздо более для себя, чем для других.

Из «Благочестивых мыслей»

6

Делай добро не разбирая кому. Добро, которое ты сделал, не пропадет, хотя бы ты и забыл про него.

В том, чтобы делать добро, единственно верное средство быть счастливым.

Чем ближе то, что делает или испытывает человек, к истинному благу, тем естественнее желание поделиться этим благом с другими.

20 АВГУСТА (Простота)

Все люди, занятые истинно важным делом, всегда просты, потому что не имеют времени придумывать лишнее.

1

Всякая потребность утихает, а всякий порок увеличивается от удовлетворения.

Амиель

2

Всякое новое желание есть начало новой нужды, зачаток новой скорби.

Вольтер

3

Раб своих страстей – самый низкий из рабов.

Талмуд

4

Чем больше ты окружаешь себя нуждами, тем большему подвергаешься рабству, потому что, чем в большем ты будешь нуждаться, тем более сократишь свою свободу. Совершенная свобода состоит в том, чтобы вовсе ни в чем не нуждаться, а следующая за нею – нуждаться в немногом.

Иоанн Златоуст

5

Наслаждение, роскошь – вот что вы называете счастьем, а я думаю, что ничего не желать – это блаженство богов, и потому нуждаться лишь в небольшом есть приближение к этому высшему счастью.

Сократ

6

Мы должны жить не для нашего тела, но как бы поневоле считаясь с ним. Эпикур говорит: «Если вы станете жить сообразно природе, то никогда не будете бедны; если же будете жить сообразно общепринятым

условным обычаям, то никогда не будете богаты. Природа требует немногого, господствующие же обычаи требуют излишеств».

Сенека

7

Ограничьтесь растениями, если хотите питаться сытно и здорово.

Иоанн Златоуст

Умеренность имеет то великое достоинство, что только при умеренной жизни все люди могли бы жить без нужды и зависти.

21 АВГУСТА (Молитва)

Плодотворная молитва есть восстановление в своем сознании того высшего понимания смысла своей жизни, до которого ты достиг в самые лучшие минуты.

1

Молитва, понимаемая как внутреннее формальное богослужение и потому как средство снискать себе милость, есть суеверное заблуждение. Ибо она не что иное, как только заявленное желание по отношению к существу, которое не нуждается ни в каком заявлении. Такой молитвой мы ничего, в сущности, не делаем и не выполняем ни одной из тех обязанностей, которые возложены на нас как Божии заповеди, и, следовательно, и не служим действительно Богу.

Сердечное желание всем нашим поведением быть угодным Богу – другими словами, чтобы все наши действия сопровождалось настроением выполнять их так, как будто мы, совершая их, находимся на службе Богу, – вот в чем заключается дух молитвы, который может и должен неукоснительно пребывать в вас. Облекать же это желание в слова и формулы (хотя бы и внутренне) – это может иметь самое большее – только ценность средства для оживления такого настроения в нас самих.

Кант

2

Итак, если ты принесешь дар твой к жертвеннику и там вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя, оставь там дар твой пред жертвенником и пойди прежде примирись с братом твоим и тогда приди и принеси дар твой.

Мф. гл. 5, ст. 23—24

3

Иногда хочется по-детски кому-то (Богу) жаловаться, просить помощи. Хорошо ли это чувство? Нехорошо – это слабость, неверие. То, что больше всего похоже на веру: просительная молитва, есть именно неверие – неверие в то, что зла нет, что просить не о чем, что если тебе худо, то это только показывает тебе, что тебе надо поправиться, что происходит то самое, что должно быть и при чем ты должен делать, что должен.

4

А молясь, не говорите лишнего, как язычники; ибо они думают, что в многословии своем будут услышаны; не уподобляйтесь им; ибо знает Отец ваш, в чем вы имеете нужду, прежде вашего прошения у Него.

Мф. гл. 6, ст. 9

5

Один час честной, серьезной мысли дороже недель восторженного обожания, когда обожание не проявляется поступками.
Гаррисон

6

Преданность воле Божьей – необходимое условие христианской жизни – исключает возможность определенного желания и потому прошения, молитвы о том, чтобы случилось то-то и то-то.

Молитесь ежечасно. Самая нужная и самая трудная молитва – это воспоминание среди движения жизни о своих обязанностях перед Богом и законом Его. Испугался, рассердился, смутился, увлекся – вспомни, кто ты и что ты должен делать. В этом молитва. Это трудно сначала, но привычку эту можно выработать.

22 АВГУСТА (Знание)

Вредно распространение между людьми мыслей о том, что наша жизнь есть произведение вещественных сил и находится в зависимости от этих сил. Но когда такие ложные мысли называются науками и выдаются человечеству за святую мудрость, то вред, производимый таким учением, ужасен.

1

Нет людей с более запутанными понятиями о смысле жизни, о добре и зле, чем люди науки нашего времени. От этого и происходит то, что наука нашего времени, совершая большие успехи в области исследования условий материального мира, в жизни людей оказывается не только ни на что не нужной, но еще и особенно вредною.

2

Главное заблуждение, более всего другого препятствующее истинному прогрессу нашего христианского человечества, состоит в том, что люди науки нашего времени, восседающие теперь на седалище Моисеевом, руководясь восстановленным во время Возрождения языческим мирозерцанием, решили, что христианство есть пережитое уже людьми состояние, а что, напротив, то языческое, общественное, древнее и действительно пережитое человечеством понимание жизни, которого они держатся, и есть самое высшее понимание жизни, — такое, которого неуклонно должно теперь держаться человечество.

3

Ложная наука и ложная религия выражают свои догматы всегда высокопарным языком, который непосвященным кажется чем-то таинственным, важным и привлекательным. Рассуждения ученых людей часто бывают столь же мало понятны не только для других, но и для них самих, как речи профессиональных учителей веры. Педант ученый, пользуясь латинскими терминами и вычурными словами, часто делает из самого простого нечто столь же непонятное, как и латинские молитвы патеров для их неграмотных прихожан. Таинственность не есть признак мудрости. Чем мудрее человек, тем проще тот язык, которым он выражает свои мысли.

Люси Малори

4

Быстрое увеличение знаний, приобретаемое ценой очень незначительных личных усилий, не бывает плодотворно.

Ученость также может вся уйти в листья, не давая плодов.

Часто встречаются весьма поверхностные головы, удивительно много знающие. То же, к чему человек приходит самостоятельно, оставляет за собой в его рассудке след, по которому он может идти и при других обстоятельствах.
Лихтенберг

5

Насколько лучше было бы постараться искоренить зло нашей собственной эпохи, нежели прославлять в глазах потомства дурные дела прежних! Насколько лучше было бы восхвалять дела природы, нежели опустошительные набеги какого-нибудь Филиппа или Александра и других, которые, сделавшись знаменитыми благодаря бедствиям народов, были не меньшими бичами человечества, чем наводнения, опустошающие целые страны, или пожар, поглощающий множество живых существ!

Сенека

6

Не смотри на ученость, как на корону, чтобы ею красоваться, ни как на топор, чтобы добывать им пропитание.
Талмуд

7

Знание всегда будет ложно, если целью знания поставлена внешняя выгода. Только то учение, которое вызвано внутренними потребностями, бывает полезно себе и ближним.

8

Наука стала теперь раздавательницей дипломов на праздность.

Законная цель наук есть познание истин, служащих благу людей. Ложная цель есть оправдание обманов, вносящих зло в жизнь человеческую. Таковы юриспруденция, политическая экономия и в особенности богословие.

23 АВГУСТА (Истина)

Если бы люди были вполне добродетельны, они никогда не отступали бы от истины.

1

Свет пришел в мир; но люди более возлюбили тьму, нежели свет, потому что дела их были злы. Ибо всякий, делающий злое, ненавидит свет и не идет к свету, чтобы не обличились дела его, потому что они злы; а поступающий по правде идет к свету, дабы явны были дела его, потому что они в Боге соделаны.
Иоан. гл. 3, ст. 19—21

2

Не бойся человека, высокого или низкого, богатого или бедного, ученого или неученого. Уважай всех людей, люби всех людей, но не бойся никого. Следуй той истине, которую открывает тебе твой разум, и держись своих убеждений во что бы то ни стало. Не дожидаясь отзвука в толпе. Чем меньше голосов на стороне истины, тем сильнее возвышай голос. Верь в то, что истина могущественней заблуждения, предрассудка или страсти, и будь готов на мученичество. Познай, что истина не есть местное и временное явление, но нечто неизменное, вечное, одно и то же во всех мирах, единое с Богом и имеющее его всемогущество.

Чаннинг

3

Ищи истину в мысли, а не в гниющих книгах. Если хочешь видеть месяц, то гляди на небо, а не в лужу.
Персидское изречение

4

Плод всякого сделанного тобою со дня твоего рождения доброго дела погибнет, как только ты отступишь от истины. Тот высший дух, который живет в тебе и про который ты знаешь, что он един с тобою, есть всеведущий наблюдатель добра и зла, которое ты совершаешь.
Законы Ману

5

Истина не познается путем разговоров, а только трудом и наблюдением.
И когда вы овладеете одной истиной – две другие, наверное, предстанут перед вами.

Джон Рёскин

Истина вредна только тому, кто делает зло. Делющие добро любят истину.

24 АВГУСТА (Рост)

Человечество незаметно, но не переставая подвигается к осуществлению Царства Божия, достигаемого любовным единением.

1

Как всякий человек в отдельности, так равно и все человечество в совокупности должно преображаться, переходить от состояния низшего к высшему, не задерживаясь в своем росте, предел которого в Самом Боге. Всякое состояние является последствием предшествующего состояния. Рост совершается непрерывно и незаметно, подобно росту зародыша, – совершается так, что ничто не нарушает цепи последовательных состояний этого непрерывного развития. Но если человеку и всему роду человеческому предназначено преобразоваться, то и для человека и для рода человеческого это преобразование должно совершиться в труде и страданиях.

Прежде чем облечься в величие, прежде чем выйти в свет, нужно двигаться во мраке, терпеть гонения, отдать тело, чтобы спасти душу; надо умереть – умереть на кресте, чтобы возродиться в жизнь более могучую, более совершенную. Вот чему учит нас Иисус Своим словом, Своим примером. И после восемнадцати столетий, совершив один из кругов своего развития, человечество опять стремится преобразиться. Старые системы, старые общества, все, что составляло старый мир, разрушается или уже разрушилось, – и народы живут теперь среди развалин в ужасе и страдании. При виде этих развалин, этих смертей, уже совершившихся или имеющих совершиться, – мужайтесь. То, что уходит, – это изношенное платье нетленного существа; то, что падает, – это лист осенний. Когда солнце понижается – приближается зима, но после зимы приходит весна и веяние дуновения животворящего. И время это наступает.

Ламенэ

2

Нет, слово всемогущего Бога еще не вполне высказано, и мысль Его еще не открыта во всей ее полноте. Он творит и будет творить в течение вечных веков, охватить которые ум человеческий не в силах. Прошедшие века раскрыли нам лишь отрывки его творения. Наше дело никогда не будет закончено. Мы едва знаем его источник и совершенно не ведаем его конечной цели: время знания и открытия лишь расширяют его границы. Из века в век оно восходит до неведомых нам судеб, отыскивая свой закон, немногие строки которого мы в состоянии разобрать.

Иосиф Мадзини

3

Всегда прибавляй, всегда подвигайся; никогда не стой и не возвращайся назад и не сворачивай. Кто стоит, тот не подвигается; кто не продолжает, тот идет назад; кто возмущается, тот сворачивает.

Всегда будь недоволен тем, что ты есть, если хочешь достигнуть того, чтобы быть иным, чем ты есть, потому что на чем ты остановишься, на том ты и останешься. Если же ты скажешь: с меня довольно – ты погиб.

Августин

4

Любите ваше дело, но не любите то, что вы сделали.

С. Маковский

5

Огонь пришел Я низвесть на землю, и как желал бы, чтобы он уже возгорелся! Думаете ли вы, что Я пришел дать мир земле? Нет, говорю вам, но разделение.

Лк. гл. 12, ст. 49, 51

6

Жизнь как отдельного человека, так и всего человечества есть непрерывающаяся борьба плоти и духа. В борьбе этой дух всегда остается победителем, но победа эта никогда не окончательная, борьба эта бесконечна, она-то и составляет сущность жизни.

7

Цель жизни есть проникновение всех ее явлений любовью, есть медленное, постепенное претворение злой жизни в добрую, есть творчество истинной жизни (потому что истинная жизнь есть только жизнь любовная), есть рождение истинной, т. е. любовной, жизни.

8

Между разумом и страстями идет в человеке междуусобная война. Человек мог бы иметь хоть какое-нибудь спокойствие, если бы в нем был только разум, без страстей, или только страсти, без разума. Но так как в нем то и другое, то он не может избежать борьбы, не может быть в мире с одним иначе, как воюя с другим. Он всегда в разделении и в противоречии сам с собой.

Паскаль

Человеческий мир постоянно совершенствуется, и сознание этого совершенствования составляет одну из лучших радостей человека, и радость эта увеличивается для каждого человека еще возможностью участия в этом совершенствовании.

25 АВГУСТА (Труд)

Труд есть необходимое условие телесной жизни. Если бы Робинзон не работал, он бы замерз и умер с голода. Это видит всякий. Но то, что труд есть необходимое условие духовной жизни, не все видят, хотя это так же несомненно, как необходимость труда для тела.

1

Отделение себя от ручного труда не может быть без потери силы и истины даже для пророков. Я не сомневаюсь, что ошибки и пороки нашей литературы и философии – их излишняя утонченность, женственность, меланхоличность – должны быть приписаны ослабленным и болезненным привычкам литературного сословия. Пускай книга будет не так хороша, но только бы тот, кто делает книгу, был бы способнее и лучше и не был бы, как видим мы теперь, смешным контрастом тому, что он пишет.

Эмерсон

2

Ручная работа есть изучение внешнего мира.

Выгоды богатства остаются у того, кто производит богатство, а не у того, кто его получает даром.

Когда я иду в мой сад с лопатой и копаю грядку, я чувствую такую радость и прилив здоровья, что всегда думаю: зачем это я все это время лишал себя этого счастья, позволяя другим делать за меня то, что я мог бы сделать своими руками? Но это не только дело удовольствия, здоровья, но и воспитания.

Мне всегда стыдно перед моим дроворубом, моим пахарем, моим поваром, потому что у них есть способность удовлетворять самим себе и без моей помощи провести и день и год; я же завишу от них и не заслужил права владения моими руками и ногами.

Эмерсон

3

Кто не хочет трудиться, тот и не ешь.

2 посл. Фессалон. гл. 3, ст. 10

4

Тот, кто ничего не делает, делает дурное.

5

У того, кто ничего не делает, всегда много помощников.
Мозг ленивого есть любимое место пребывания дьявола.

6

Природа не знает остановки в своем движении и казнит всякую
бездеятельность.

Göte

Стыдиться можно не какой-либо самой нечистой работы, а только самого нечистого из
нечистых нравственного состояния – телесной праздности, неизбежно соединенной с пользо-
ванием трудами других людей.

Недельное чтение

Об освобождении земли, по учению Генри Джорджа

«Земля Божья», – говорит народ, все более и более начиная понимать, что почти все его беды от того, что земля может быть частной собственностью. Беды от того, что у одних людей ее много, и они не заботятся о том, чтобы ее хорошо обрабатывать, им не нужно этого, они знают, что и без обработки земля приносит им доход тем, что год от году дорожает. У других же людей ее мало, так мало, что нельзя ею толком и пользоваться. От этого люди бегут в города, на фабрики, в конторы, всюду сбивая цены на труд, и от этого главные беды людей.

Но как же сделать, чтобы не было этого и чтобы все люди могли равно пользоваться землею? Отнять ее силою у тех, у кого ее много, и разделить поровну между теми, кто ее работает, так же как делят крестьяне свою мирскую землю? Но и мирскую землю в одной только деревне трудно разделить поровну между всеми ее жителями и еще труднее сохранить этот равный раздел, не увеличивая до крайности чересполосицы и не затрудняя ведение хозяйства. Уже и теперь есть люди по деревням, у которых насчитывается в каждом поле по двадцать и по тридцать полос и которые при всем их желании ничего не могут сделать путного со своей землею именно из-за такого раздела. А как же всю-то землю разделить так между всеми, кто хочет владеть ею, чтобы было всем равно? Ведь по всему миру земли, много больше, чем в одной деревне, различаются по своей доброте. Есть земли песчаные, стоящие рублей 15–20 десятина; есть земли черноземные, стоящие по 300, 400 рублей; есть заливные луга, стоящие по тысяче и больше рублей; есть земли рудные, нефтеносные, земли с каменным углем, такие, что стоят десятки тысяч рублей десятина; есть земли городские, там, где одна сажень стоит тысячу и больше рублей. Кроме того, цены земли меняются. Пройдет железная дорога, прибавится где народа, и цена на землю поднимается.

Мало и того. Есть такие люди, что им земля не нужна, что живут по городам, кто мастеровой, кузнец, слесарь, портной, столяр, кто держит заведение, кто работает на фабрике, кто учитель, кто писец. Всем этим людям не нужна земля для обработки, но все они хотят пользоваться наравне с другими всем тем, что дает земля.

Как же тут быть? Как сделать так, чтобы все люди равно пользовались тем, что дает земля?

Для этого не нужно ни отнимать землю у тех, кто теперь владеет ею, ни делить ее на всех. Пусть кто теперь владеет какой землей, пусть так и владеет ею. Пусть кто разводит огороды, кто сады, кто держит скот, кто сеет хлеб. Пусть, у кого рудная земля, добывает из нее руду, золото, нефть или каменный уголь. Пусть владеют ею все, как теперь, но только пусть платит тот, кто владеет землею, в общую пользу все то, что стоит эта земля за год аренды. Стоит чья земля, скажем пахотная, в год 3, 5, 10 рублей, или заливная – 50, 80, 100 рублей, или рудная и городская – тысячу рублей, пускай платит тот эти деньги ежегодно в общую пользу. Кто с земли своей, если бы сдавать ее на года без построек и улучшений, получил бы сотни и тысячи рублей, тот пусть и платит в общую пользу эти сотни и тысячи; а чья земля стоила бы какие-нибудь пять-шесть рублей, тот пусть и платит эти пять-шесть рублей. Всякий пусть платит с земли своей столько, сколько она может приносить аренды (rentы) в том году, в котором он владеет ею. Так что если, скажем, он в нынешнем году платит за нее 10–15 рублей, а на будущий год нашлись бы охотники платить за нее 15–30 вместо 10–15, то, если он хочет владеть землей, пускай платит за нее то, что дают за нее.

Если так установить, то земли на всех хватило бы, – хватило бы потому, что те, кто теперь владеют землями и сами не работают, живо отказались бы от своих земель, потому что не в

силах бы были, не работая на них, платить за них ренту. А взяли бы эти земли те, кто работает на земле.

Деньги же эти, собираемые с земли, должны идти в общую пользу. Дохода этого получалось бы так много, что он заменил бы все прочие налоги и сборы. В России рента с земель раза в два или в три больше того, что собирается теперь в разных налогах. В одной Москве ее собиралось бы около двадцати миллионов рублей. Будь заведен такой порядок, то не только рабочим на земле было бы хорошо, потому что земли было бы достаточно и не надо было бы платить никаких пошлин и податей, но и городским людям, мастеровым, фабричным жизнь была бы хорошая: народ разошелся бы по деревням, и фабричного, заводского народа стало бы не так, как теперь, много лишнего, такого, что сбивает цены на работу; рабочие бы тогда ставили цены, а не хозяева, и продовольствие стало бы все много дешевле, потому что не было бы ни податей, ни пошлин на товары.

При таком устройстве люди получали бы от земли то, что им определено получать от нее самим Богом, все равно. Не было бы так, как при крепостном праве и рабстве, что одним все, а другим ничего, и как это есть и теперь оттого, что одни люди могут захватывать землю себе и владеть ею как собственностью, отнимая ее у тех, кто хочет работать на ней.

По Генри Джорджу изложил С. Д. Николаев. (Под редакцией Л. Н. Толстого)

26 АВГУСТА (Справедливость)

Справедливость осуществляется не стремлением к справедливости, а любовью.

1

Как для того, чтобы попасть в цель, нужно бить дальше ее, так и для того, чтобы быть справедливым, надо быть самоотверженным, т. е. несправедливым к себе. Если же будешь желать быть только справедливым, то будешь пристрастен к себе и несправедлив к другим.

2

Ни один человек не может быть вполне справедливым во всех своих делах. Но справедливый человек отличается от несправедливого своим усилием быть справедливым, как правдивый от лживого – своим усилием говорить только истину.

3

Есть нечто худшее, чем несправедливость: это лицемерие добродетели, любви и служения Богу, так часто встречающееся в лжехристианском мире. Люди, воображая или притворяясь, что они исполняют закон любви, освобождают себя от требований справедливости и доводят свою несправедливость до самодовольного злодейства. Люди жертвуют на церкви, на бедных, занимаются благотворительностью, тогда как то, что они отдают, – цена слез и крови их братьев.

4

Судья может руководствоваться справедливостью, рассматривая только одну сторону вопроса; в жизни же всякий вопрос имеет много одинаково справедливых, но различных решений, смотря по тому, с какой стороны рассматривается вопрос.

5

Одно только в жизни драгоценно: беспрестанно сталкиваясь с людскою ложью и несправедливостью, не уставать самому быть кротким.
Марк Аврелий

6

Ты страдаешь от несправедливостей – утешься: истинно несчастны не те, кто терпит от них, а те, кто поступает несправедливо.

Точно справедливым нельзя быть. Не доделаешь или переделаешь. Чтобы не согрешить против справедливости – одно средство: *всегда переделывать.*

27 АВГУСТА (Все в себе)

Самый нужный и важный для каждого человека предмет изучения – это он сам, его духовное существо.

1

Человек, знающий все науки, но не знающий самого себя, – жалкий невежда. Человек же, ничего не знающий, кроме самого себя, своего духовного я, – человек вполне просвещенный.

2

Большинство людей хочет знать Бога и не хочет знать самих себя. Но пусть они признают и возрастят добро внутри себя, и они узнают тогда Бога, ибо нет иного пути к Его познанию.

Люси Малори

3

Когда человек спрашивает природу о том, что такое он, – он не получает ответа, ибо только он сам есть ответ на этот вопрос; он должен познать самого себя.

Люси Малори

4

Когда чувствуешь потребность силы – уединись.

Торо

5

Путь к славе пролегает через дворцы, к счастью – через базары, а к добродетели – через пустыни.

Китайская пословица

6

Для огромного большинства их внутренний мир есть как бы океан, настолько обширный, что они не решаются исследовать его; но рано или поздно им придется войти в него и искать в нем того небесного пристанища, которого они тщетно искали во внешнем мире.

Люси Малори

7

У человека есть всегда место спасения от всех бедствий; место это – его душа.

Если бы только человек понимал, кто он такой, как ничтожны бы ему показались его огорчения.

28 АВГУСТА (Вера)

Вера определяет жизнь.

1

Религиозное сознание есть то, на котором зиждется всякое другое. И оттого оно предшествует всякому пониманию.

2

Чтобы понять то, что люди все равны, что человеку лучше отдать свою жизнь для служения другим, чем заставлять других людей служить себе, нужно определить свое отношение к миру, а такое определение отношения человека к миру дает только религия.

3

Попытки основать нравственность помимо религии подобны тому, что делают дети, которые, желая пересадить нравящееся им растение, отрывают от него не нравящийся им и кажущийся им лишним корень и без корня втыкают растение в землю. Без религиозной основы не может быть никакой настоящей, непритворной нравственности, точно так же как без корня не может быть настоящего растения.

4

Доброму, живущему хорошей жизнью крестьянину священник задал на духу обычный вопрос: верует ли он в Бога?

«Грешен, не верю», – отвечал мужик.

«Как? не веришь в Бога?»

«Не верю, батюшка. Если бы верил, разве я бы жил так? Сам только о себе думаешь: ешь, пьешь, а Бога и братьев забываешь».

Что бы было, если бы все понимали веру, как этот крестьянин, и верили бы в закон Христа?

5

Есть две веры: вера доверия к тому, что говорят люди, – это вера в человека или в людей, и таких вер много различных; и вера в свою зависимость от Того, Кто послал меня в мир. Это вера в Бога, и такая вера одна для всех людей.

6

Вера есть неизбежное свойство души.

Человек неизбежно верит во что-нибудь. Он неизбежно верит, потому что кроме тех предметов, которые он знает, он еще входит в отношение с тем, чего он не может знать, а вместе с тем знает, что это есть. Отношение к этому непостижимому и есть вера.

7

Всякий человек всегда чувствует одинаково ничтожество всего того, что понятно, так же как и величие чего-то непонятого и важнейшего.

8

В каком бы ни находился человек положении, всегда достаточно идеала, данного Христом в Его учении, для того чтобы получить самое верное указание тех поступков, которые должно и которых не должно совершать. Но надо верить этому учению вполне, этому одному учению, и перестать верить во все другие, точно так же как мореходу надо верить в компас и перестать приглядываться и руководиться тем, что видишь по сторонам.

9

Есть люди, которые утверждают, что у них нет никакой веры. Это неправда. Они только не знают своей веры или не могут, или не хотят высказать ее, но она есть у них. Отрекаются же они от своей веры только потому, что чувствуют, что она нехороша.

10

«Религия» человека состоит не из тех многих вещей, в которых он сомневается и которым старается верить, но из того немногого, в чем он уверен и вера во что не требует от него никакого труда.

Карлейль

Старайтесь сознать свою веру, то, во имя чего вы живете. Это поможет вам исправить ее, если она ошибочна, и утвердиться в ней, если она истинна.

29 АВГУСТА (Божественная природа души)

Если человек сознает и чувствует Бога в своей душе, он сознает и чувствует свое единство со всеми людьми мира.

1

Все души принадлежат к одной и той же семье, все одного происхождения, одной природы, все оживотворены одним и тем же светом и все стремятся к одному и тому же центру, одному и тому же благу. Эта величайшая для нас истина, лежащая в основе всякой религии, не только доказывается разумом, но мне представляется несомненным свойством нашей природы.

Чаннинг

2

Тот, кто обожает Высшего, у того гордость исчезает из сердца, так же как свет костра при свете солнца. Тот, чье сердце чисто и в ком нет гордости, кто кроток, постоянен и прост, кто смотрит на всякое существо, как на своего друга, и любит каждую душу, как свою, кто одинаково обращается с каждым, с нежностью и любовью, кто желает творить добро и оставить тщеславие, – в сердце того человека живет владыка жизни.

Как земля украшается прекрасными растениями, которые она производит, так же украшается добродетелями тот, в душе которого живет владыка жизни.

Вишну Пурана

3

В тебе, во мне, во всяком другом пребывает Бог жизни; напрасно ты сердись на меня, не переносишь моего приближения: знай, что мы все равны, и потому не будь горд, как бы ни было высоко твое положение.

Индийская Махмуд Гаши

4

Нельзя найти следов земного происхождения душ. В душах нет ничего составного, ничего, что могло бы возникнуть или образоваться на земле; нет даже ничего сродного с влагой, воздухом или огнем. В самом деле, ни в воде, ни в воздухе, ни в огне нет ничего, что обладало бы способностью помнить, понимать, мыслить, удерживать прошлое, заглядывать в будущее и постигать, осмысливать настоящее. Все это свойственно только духовным существам, т. е. богам, и вы никогда не будете в состоянии указать этому иному

происхождения, кроме божественного. А потому всякое существо, раз оно ощущает, мыслит, живет, действует, должно быть небесного и божественного происхождения и потому должно быть вечным. Бога нельзя представить себе иначе, как духовным, свободным от примеси чего-либо тленного. Таков же и человеческий дух.

Цицерон

5

Одна великая мысль завладела моей душой. Мысль эта есть сознание величия моей души, ее единения с Богом не вследствие слепого подчинения Ему, но вследствие ее способности воспринимать Его, вследствие ее способности совершенствования, вследствие ее предназначения к невыразимому величию, вследствие ее бессмертия.

Амиель

Все люди – дети одного отца, и потому неестественно не любить братьев.

30 АВГУСТА (Приближение Царства Божия)

Люди знают, в чем добрая жизнь всего человечества и как она может быть достигнута; а если они знают это, то рано или поздно достигнут такой жизни.

1

Иисус предвидел конец старого общества, уже потрясенного в своих нравственных основах. Он делает ученикам предсказание о том, что храм, вещественный знак учрежденного людьми строя жизни, должен быть разрушен, чтобы быть замененным установлением более совершенным. И к этому предсказанию, долженствовавшему сбыться вскорости, он прибавляет предсказание подобных же событий, которые совершатся в позднейшие времена, и представляет эти события в тех же знакомых образах, в каких конец мира представлялся его современникам.

Мы живем теперь в предсказанное им время. От одного конца земли до другого все распалось. Во всех учреждениях, каких бы то ни было, во всех различных системах, на которых основалась общественная жизнь народов, нет ничего твердого. Все чувствуют, что все это скоро должно разрушиться, и в этом храме также не останется камня на камне. Но как разрушение Иерусалима и храма его, из которого удалился Бог живой, предуготовляло сооружение нового града и нового храма, куда по своей воле стекутся люди всех колен и всех народов, – так и из развалин нынешних храмов и городов воздвигнется новый город и храм, предназначенный стать всемирным храмом и общей родиной рода человеческого, теперь еще разъединенного враждебными друг другу учениями, делающими братьев чужими и сеющих среди них безбожное ненавистничество и отвратительные войны. Когда придет тот, знаемый одним Богом час соединения народов в одном храме и в одном граде, тогда наступит воистину воцарение Христа, окончательное выполнение Его божественного дела. Ведь он и пришел научить людей только тому, чтоб они соединились в законе любви. Пусть зарождение этого святого общества будет болезненно, что же в этом? Вы не должны страшиться последней борьбы зла с добром, которая готова уже возродиться: ваш долг бороться. Каждый из вас – воин Божий. Но в наше время ошаления и безумной гордости берегитесь лжехристов и лжепророков. Христос не в пустыне. Он не в скрытых местах и уже, конечно, ни в одном из собраний тех людей, которые, отделяясь от других, думают, что им одним предназначено спасение, и этим самым отрицают Христа, разрушившего все преграды между людьми и обещавшего мир и радости вечные всякому, кто, любя Бога больше всего и ближнего, как самого себя, воплотит в делах своих эту двойную любовь. Где эта любовь, там и Христос. Не ищите Его в другом месте: вы найдете лишь обманчивую тень.

Ламенэ

2

Те, кто на вершине горы, видят восход солнца раньше обитателей равнин. То же с теми, кто находится на духовных высотах: они видят небесный восход солнца раньше живущих плотской жизнью. Но приходит время, и солнце подымается настолько, что становится видимо и всем.

Из «Передовой мысли мира»

3

Неужели нельзя надеяться, что придет день, когда люди найдут, что жить для других так же легко, как они часто находили, что легко умирать за них? Нужны только подъем и просветление духа в людях, чтобы сделать жизнь человека благородным и прекрасным служением братьям, с которыми Бог соединил его.

Браун

4

Мое воображение отказывается рисовать то блаженное время, когда кроткие наследуют землю. Но день этот неизбежно настанет, и надежды бедных не тщетны. Не силой, не властью, а духом Своим призовет Он кротких на суд Свой и научит их путям Своим.

Джон Рёскин

5

Могущественные силы работают в мире. Никто не может остановить их. Признаки этого: понимание христианства, уважение к человеку, новое чувство братства и одинакового отношения всех людей к Отцу всех. Мы видим это, мы чувствуем это. И перед этим падут все угнетения. Общество, молчаливо проникнутое этим духом, переменит свою вечную войну на мир. Могущество все захватывающего и кажущегося непобедимым себялюбия уступит этой божественной силе. «На земле мир и в людях благоволение» не всегда будет только мечтою.

Чаннинг

Как скоро идеал, более высокий, чем прежний, поставлен перед человечеством, все прежние идеалы меркнут, как звезды перед солнцем, и человек не может не признавать высшего идеала, как не может не видеть солнца.

31 АВГУСТА (Искусство)

Всякое произведение ложного искусства, восхваленное критиками, есть дверь, в которую тотчас же врываются лицемеры искусства.

1

Как ни странно это сказать, с искусством нашего времени и круга случилось то, что случается с женщиной, которая свои женские привлекательные свойства, предназначенные для материнства, продает для удовольствия тех, которые льстятся на такие удовольствия.

Искусство нашего времени и нашего круга стало блудницей. И это сравнение верно до малейших подробностей. Оно так же всегда разукрашено, так же всегда продажно, так же заманчиво и губительно и всегда готово.

Настоящее произведение искусства может проявляться в душе художника только изредка, как плод предшествующей жизни, точно так же, как зачатие ребенка матерью.

Поддельное же искусство производится мастерами, ремесленниками безостановочно, только бы были потребители.

Настоящее искусство не нуждается в украшениях, как жена любящего мужа. Поддельное искусство, как проститутка, должно быть украшено.

Причиной появления настоящего искусства есть внутренняя потребность выразить накопившееся чувство, как для матери причина полового зачатия есть любовь.

Причина поддельного искусства есть корысть, точно так же как и проституции.

Последствие истинного искусства есть внесенное новое чувство в обиход жизни, как последствие любви жены есть рождение нового человека в жизнь. Последствие поддельного искусства есть развращение человека, ненасытность удовольствий, ослабление духовных сил человека.

Вот это должны понять люди нашего времени и круга, чтобы избавиться от заливающего нас грязного потока этого развратного, блудного искусства.

2

Все попытки добывать себе искусством средства к жизни являются одними из худших и вреднейших путей, избираемых людьми. В каждом поколении немного, очень немного таких людей, к словам которых стоит прислушиваться и произведения которых стоят внимания. И эти немногие будут проповедовать, петь и рисовать вопреки существующему спросу: они охотнее станут голодать, как стрекоза басни, чем перестанут петь; и даже если вы не хотите слушать их, то в силу милосердия должны бросить им несколько крох, чтобы поддержать их жизнь. Но люди, принимающиеся писать или рисовать, чтоб этим путем добыть себе средства к существованию, считают себя более благородными и менее презренными, чем обыкновенные нищие, тогда как они являются, в сущности, только шумливыми и вредными попрошайками. Я охотно готов платить за содержание наших бедных бродяг в рабочих домах, но не за то, что они жужжат мне в уши своими шарманками и карикатурами, соблазняют молодых девушек своими негодными повестями или приводят весь народ к гибели тысячами квадратных миль грязно напечатанной лжи, которой упиваются люди. Если люди не в силах добывать

себе хлеб честным трудом, то пусть не кричат на улицах, а придержат свой язык и скромно протягивают свои праздные руки, и их милостиво накормят.
Джон Рёскин

3

Свой талант нельзя продавать. Продавая его, вы одновременно становитесь повинны в симонии и в проституции. Вы можете продавать свой труд, но не свою душу.
Джон Рёскин

До тех пор, пока не будут высланы торговцы из храма, храм искусства не будет храмом. Искусство будущего изгонит их.

СЕНТЯБРЬ

1 СЕНТЯБРЯ (Одурманивание)

Разум указывает людям их отступления от закона жизни. Но отступления эти так привычны людям и кажутся так приятны, что люди стараются заглушить разум, чтобы он не мешал им жить так, как они привыкли.

1

И спасенье и казнь человека в том, что, когда он живет неправильно, он может себя затуманивать, чтобы не видеть бедственности своего положения.

2

Если жизнь не приходится по совести, то одурманиванием совесть сгибается по жизни.

3

Когда солдаты стоят в прикрытии под выстрелами и им делать нечего, они старательно изыскивают себе занятия для того, чтобы легче переносить опасность. И все люди порой представляются такими солдатами, спасающимися от жизни: кто честолубием, кто картами, кто писанием законов, кто женщинами, кто играми, кто лошадьми, кто охотой, кто вином, кто государственными делами.

4

Трудно себе представить то благотворное изменение, которое произошло бы во всей жизни людской, если бы люди перестали одурманивать и вместе с тем отравлять себя водкой, вином, табаком, опиумом.

5

Рассказывают про последователей одной секты, что они в конце собраний тушат свет, чтобы предаваться разврату.

В нашем обществе, для того чтобы предаваться постоянному разврату, не переставая тушат свет разума одуряющими веществами.

6

Одно из главных условий улучшения жизни людей нашего времени – это освобождение себя от того внушения, под которым они находятся, а между тем они не переставая старательно поддерживают себя в этом состоянии табаком, вином, водкой.

7

То, что правительство берет на себя обязанность поставлять, с выгодой для себя, развращающий и убивающий душу и тело людей алкоголь, самым очевидным образом показывает, если бы и не было на то других доказательств, то, что правительство не только не заботится, как оно утверждает, о нравственности и благе народа, а, напротив, самым очевидным образом вредит ему для выгоды людей, составляющих правительство.

8

Одурманивание себя чем бы то ни было хотя не есть еще преступление, но есть уже приготовление себя ко всякого рода преступлениям.

9

Порочность и, главное, бессмысленность жизни людей нашего времени происходит преимущественно от постоянного состояния опьянения, в которое они себя приводят. Непьяные люди не могли бы делать и малой доли того, что делается теперь в нашем мире.

Вы говорите, что нет никакой важности в том, чтобы пить или не пить, курить или не курить. Если нет важности, то что же стоит вам перестать, когда вы знаете про тот вред, который вы делаете этим и себе и другим своим примером?

Недельное чтение

Для чего люди одурманиваются?

В период сознательной жизни человек часто может заметить в себе два отдельные существа: одно – слепое, чувственное и другое – зрячее, духовное. Слепое, животное существо ест, пьет, отдыхает, спит, плодится и движется, как движется заведенная машина; зрячее, духовное существо, связанное с животным, само ничего не делает, но только оценивает деятельность животного существа тем, что совпадает с ним, когда одобряет эту деятельность, и расходится с ним, когда не одобряет ее.

Зрячее существо это можно сравнить с стрелкою компаса, указывающею одним концом на север, другим на противоположный юг и прикрытою по своему притяжению пластинкою. Причем стрелка до тех пор не видна из-под пластинки, пока то, что несет на себе компас, движется по направлению стрелки. Но как скоро то, что несет компас, отклоняется от указываемого стрелкою направления, так стрелка выступает из-под пластинки и становится видной.

Точно так же зрячее, духовное существо, проявление которого в просторечии мы называем совестью, всегда показывает одним концом на добро, другим, противоположным, на зло, и не видно нам до тех пор, пока мы не отклоняемся от даваемого им направления, т. е. от добра к злу. Но стоит сделать поступок, противный направлению совести, и появляется сознание духовного существа, указывающее отклонение животной деятельности от направления, указываемого совестью. И как мореход не мог бы продолжать работать веслами, машиной или парусом, зная, что он идет не туда, куда ему надо, до тех пор, пока он не дал бы своему движению направление, соответствующее стрелке компаса, или не скрыл бы от себя ее отклонение, так точно и всякий человек, почувствовав раздвоение своей совести с животной деятельностью, не может продолжать эту деятельность до тех пор, пока или не приведет ее в согласие с совестью, или не скроет от себя указаний совести о неправильности животной жизни.

Вся жизнь людская, можно сказать, состоит только из этих двух деятельностей: 1) приведения своей деятельности в согласие с совестью и 2) скрывания от себя указаний своей совести для возможности продолжения жизни.

Одни делают первое, другие – второе. Для достижения первого есть один только способ: нравственное просвещение – увеличение в себе света и внимание к тому, что он освещает; для второго – для скрывания от себя указаний совести – есть два способа: внешний и внутренний. Внешний способ состоит в занятиях, отвлекающих внимание от указаний совести; внутренний состоит в затемнении самой совести.

Как может человек скрыть от своего зрения находящийся пред ним предмет двумя способами: внешним отвлечением зрения к другим, более поражающим предметам, и засорением глаз, так точно и указания своей совести человек может скрыть от себя двояким способом: внешним – отвлечением внимания всякого рода занятиями, заботами, забавами, играми, и внутренним – засорением самого органа внимания. Для людей с тупым, ограниченным нравственным чувством часто вполне достаточно внешних отвлечений, для того чтобы не видеть указаний совести о неправильности жизни. Но для людей нравственно-чутких средств этих часто недостаточно.

Внешние способы не вполне отвлекают внимание от сознания разлада жизни с требованиями совести, сознание это мешает жить, и люди, чтоб иметь возможность жить, прибегают к несомненному внутреннему способу затемнения самой совести, состоящему в отравлении мозга одуряющими веществами.

Жизнь не такова, какая бы она должна быть по требованиям совести. Повернуть жизнь сообразно этим требованиям – нет сил.

Развлечения, которые бы отвлекали от сознания этого разлада, недостаточны или они приелись. И вот для того, чтобы быть в состоянии продолжать жить, несмотря на указания совести о неправильности жизни, люди отравляют, на время прекращая его деятельность, тот орган, через который проявляются указания совести, так же как человек, умышленно засоривший глаза, скрыл бы от себя то, чего он не хотел бы видеть.

Л. Н. Толстой

2 СЕНТЯБРЯ (Лжеучение)

Чем ближе люди к истине, тем они терпимее к чужим заблуждениям. И наоборот.

1

Только люди неверующие, т. е. неверующие в духовную основу жизни и принимающие за веру усвоенные ими внешние приемы, могут быть нетерпимы. Они нетерпимы, потому что не понимают того, что истинная вера не зависит от воли человека. От этого-то и происходило и происходит то, что, начиная от фарисеев, замучивших Христа, и до теперешних светских начальников, самые неверующие люди всегда гнали и гонят верующих. От этого же происходило и происходит и то, что гонения эти всегда не только не ослабляли, а всегда усиливали веру верующих.

2

Бог водворяет веру в сердце человека с помощью совести и разума. Водворять веру силою и угрозами нельзя: силою и угрозами водворяют не веру, а ужас. Не следует осуждать и укорять неверующих и заблуждающихся: они и без того достаточно несчастны от своих заблуждений. Следовало бы укорять их только в том случае, если бы это могло принести им пользу, но это, наоборот, только больше отталкивает их и тем причиняет им вред.

Паскаль

3

Есть несомненное правило, которое мы должны всегда помнить: это то, что если доброе дело не может быть совершено без отступления от добра, то или это дело не доброе, или время этого дела еще не наступило.

4

Нет ничего более недостойного разумного существа, как то, чтобы плакаться на то, что то, что наши отцы считали истиной, оказалось ложью.

Не лучше ли искать новых основ единения, таких, которые заменили бы прежние.

Мартино

5

Веру, как любовь, нельзя вызвать насильно. Поэтому вводить ее или стараться утвердить государственными мероприятиями – дело рискованное,

ибо как попытка принудить к любви вызывает ненависть, так попытка принудить к вере вызывает неверие.

Шопенгауэр

6

Отрицание религии – естественное последствие нетерпимости и властолюбия духовенства.

Варбюртон

7

Неверующие люди бывают так же нетерпимы, как и грубоверующие.

Дюкло

Истинная вера не нуждается во внешней поддержке ни насилия, ни торжественного блеска. Не нуждается и в заботах о распространении. (У Бога времени много. Тысячи лет как один год.) Тот, кто хочет поддержать свою веру насилием или внешними торжественными приемами, хочет поскорее распространить ее, – тот сам мало или вовсе не верит.

3 СЕНТЯБРЯ (Бог)

Бог непостижим для человеческого ума. Мы знаем только то, что Он есть, и хотим или не хотим этого, знаем это несомненно.

1

Я прежде видел явления жизни, не думая о том, откуда эти явления и почему я вижу их.

Когда же я стал думать об основной причине всего, я пришел к убеждению, что источник всего есть свет разумения, и я так увлекся этой мыслью, что свел все к одному и совершенно удовлетворился признанием одного разумения началом всего.

Но потом я увидал, что разумение есть свет, доходящий до меня через какое-то матовое стекло. Свет я вижу, но то, что дает этот свет, я не знаю, хотя и знаю, что оно есть.

То же, что есть источник света, освещающего меня, чего я не знаю, но про существование чего я несомненно знаю, и есть Бог.

2

Не пытайся проникнуть в сущность божественной природы: безбожно желать познать то, что не открыто Богом.

Менандер

3

Верь в Бога, служи ему, но не пытайся познать его сущность; ты ничего не получишь от твоего тщетного усилия, кроме разочарования и усталости.

Не заботься даже о том, чтобы узнать, существует Он или нет, служи Ему, как будто Он существует и везде присутствует. Больше ничего не нужно.

Филимон

4

Никто еще не проник в тайну великого начала. Никто не ступил шага вне самого себя. О Ты, в поисках Кого находится весь мир в смятении! Святой, так же, как и порочный, нищий, так же, как и богатый, все одинаково далеки от возможности достигнуть Тебя: имя Твое звучит вместе с существованием всех, но все глухи; Ты перед всеми глазами, но все слепы.

Персидский Хейям XI столетия

5

Мы познаем существование Бога не столько разумом, сколько сознанием той полной зависимости от него, в которой мы себя чувствуем, вроде того чувства, которое испытывает грудной ребенок на руках матери.

Ребенок не знает, кто держит, кто греет, кто кормит его, но знает, что есть этот кто-то, и мало того, что знает, – любит того, во власти кого он находится.

6

Человек стремился сделаться подобным Богу; жрецы сделали Бога подобным человеку, и легкомыслие человеческое удовольствовалось этим представлением о Боге.

Д'Агу

Не смущайся тем, что понятие Бога выражено неясно тебе. Чем яснее оно выражено, тем оно дальше от истины и тем ненадежнее как опора.

4 СЕНТЯБРЯ (Усилие)

Истинное благо приобретается не сразу, а постоянными усилиями, потому что истинное благо только во все большем и большем совершенствовании.

1

Когда мы обучаемся грамоте, то мы учимся, как читать и писать. Но грамота не научит нас, нужно ли написать нашему другу письмо или не нужно. Точно так же и музыка научает нас петь или играть на инструменте, но она не научит нас, когда можно петь и играть.

Один только разум указывает нам то, что следует делать и чего не следует.

Наделив нас разумом, Бог дал нам в распоряжение то, что нам нужнее всего и с чем мы можем справиться.

Создав меня таким, каков я есть, Бог как бы сказал мне так: «Эпиктет! Я мог бы даровать гораздо больше твоему ничтожному телу и твоей маленькой судьбе. Но не упрекай Меня в том, что Я этого не сделал. Я не хотел даровать тебе полной свободы делать все, что тебе вздумается, но Я вселил в тебя божественную частицу Себя Самого. Я даровал тебе способность стремиться к добру и избегать зла; Я вселил в тебя свободное разумение. Если будешь прикладывать свой разум ко всему тому, что случается с тобою, то ничто в мире не будет служить тебе препятствием или стеснением на том пути, который Я тебе назначил; ты никогда не будешь плакаться ни на свою судьбу, ни на людей; не станешь осуждать их или подделываться к ним. Не считай, что этого мало для тебя. Неужели мало для тебя того, чтобы прожить всю твою жизнь разумно, спокойно и радостно? Так довольствуйся же этим!»

Эпиктет

2

На ванне короля Чинг-Чанг были вырезаны следующие слова: «Каждый день возобновляй себя совершенно; делай это снова, снова и опять снова».

Китайская мудрость

3

Добродетель мудрецов напоминает собою путешествие в дальнюю страну и восхождение на высоту: идущие в дальнюю страну начинают свою ходьбу с первого шага; восходящие на высоту начинают с подошвы горы.

Конфуций

4

Чтобы правильно и хорошо сделать какое-нибудь дело, нужно научиться делать его. Это понимает всякий. Так же точно для того чтобы правильно и хорошо жить, нужно научиться жить правильно и хорошо.

Эпиктет

5

Никто, возложивший руку свою на плуг и озирающийся назад, не благонадежен для Царствия Божия.

Лк. гл. 9, ст. 62

6

Человек счастлив только тогда, когда он может сказать, что исполнил свою собственную работу, что вложил душу в труд свой и довел его до конца, насколько мог лучше. Если же он поступит иначе, то, и покончив с трудом, он не почувствует ни отрады, ни облегчения.

Эмерсон

Не жди не только быстрого, но никакого видимого тебе успеха от твоих усилий к добру. Ты не увидишь плодов своих усилий, потому что насколько ты подвинулся, настолько подвинулось перед тобой и совершенство, к которому ты стремишься. Усилия – не средство достижения блага, но сами усилия дают благо.

5 СЕНТЯБРЯ (Наказание)

Наказывать – по-русски значит поучать. Поучать можно только примером. Воздаяние же злом за зло не поучает, а развращает.

1

Тогда Петр приступил к Нему и сказал: Господи! сколько раз прощать брату моему, согрешающему против меня? До семи ли раз? Иисус говорит ему: не говорю тебе: до семи, но до седмижды семидесяти раз.

Мф. гл. 18, ст. 21—22

2

Если допустить недопустимое, что человек имеет право наказывать, то кто же из людей возьмет на себя это право?

Только те люди, которые пали так низко, что не помнят и не знают своих грехов.

3

Тут книжники и фарисеи привели к Иисусу женщину, взятую в прелюбодеянии, и, поставивши ее посреди, сказали Ему: Учитель! эта женщина взята в прелюбодеянии; а Моисей в законе заповедал нам побивать таких камнями. Ты что скажешь? Говорили же это, искушая Его, чтобы найти что-нибудь к обвинению Его. Но Иисус, наклонившись низко, писал перстом на земле, не обращая на них внимания. Когда же продолжали спрашивать Его, Он, восклонившись, сказал им: кто из вас без греха, первый брось в нее камень. И опять, наклонившись низко, писал на земле. Они же, услышавши то и будучи обличаемы совестью, стали уходить один за другим, начиная от старших до последних, и остался один Иисус и женщина, стоящая посреди. Иисус, восклонившись и не видя никого, кроме женщины, сказал ей: женщина! где твои обвинители? Никто не осудил тебя? Она отвечала: никто, Господи! Иисус сказал ей: и Я не осуждаю тебя, иди и впредь не греши.

Ин. гл. 8, ст. 3—11

4

Большая часть бедствий людей происходит оттого, что грешные люди признали за собой право наказания. Мне отмщение, и Аз воздам.

5

Если тебе кажется, что кто-нибудь виноват перед тобой, – забудь это и прости. И если ты прежде не испытал этого, ты узнаешь новую радость – прощать.

6

Действительное наказание за каждое дурное дело то, которое совершается в душе самого преступника и состоит в уменьшении его способности пользоваться благами жизни. Наказание же извне только раздражает преступника.

7

Наказание всегда жестоко-мучительно. Если бы оно не было жестоко-мучительно, оно бы не назначалось. Тюремное заключение для людей нашего времени так же жестоко-мучительно, как было битье кнутом сто лет назад.

8

Американские индейцы никогда не подчинялись никаким законам, никакой власти или тени какого-либо правительства. Их единственный руководитель – это обычай и то нравственное сознание добра и зла, которое, как чувство вкуса и осязания, в каждом человеке составляет часть его природы. Поступки, нарушающие то, что считается между ними должным, наказываются презрением и исключением из общества; в случаях же более важных, как грабеж, убийство, наказание предоставляется тем лицам, которые пострадали. Как ни кажутся несовершенны эти способы наказаний, преступления очень редки между ними.

Если спросить, что более склоняет человека к злу: отсутствие ли закона, как между дикими американцами, или излишество законов, как среди цивилизованных европейцев, то тот, кто видел те и другие условия существования, наверное, ответит, что, конечно, излишество и что овцы счастливее, будучи предоставлены самим себе, а не попечению волков.

Джефферсон

Самым ярким доказательством того, насколько часто под словом «наука» подразумеваются не только самые ничтожные, но и самые вредные учения, служит то, что существует наука о наказании, т. е. о совершении самого грубо невежественного поступка, свойственного только человеку на самой низкой ступени развития, – ребенку, дикому.

6 СЕНТЯБРЯ (Заблуждение)

Заблуждение есть обычное состояние людей. В известные времена и в известных слоях общества оно бывает особенно распространено. Таково оно в наше время в нашем христианском обществе, как оно и не может быть иначе среди людей, или не знающих никакого высшего закона жизни, или знающих, но не исполняющих его.

1

«Кем бы ни совершен был грех, он более всего ужасен, когда его совершает ученый человек. Невежественный и развратный простолюдин лучше, чем невоздержный ученый человек; потому что первый сбился с дороги по слепоте, а второй зрячим упал в колодезь».

Саади

Таков грех людей нашего времени, просвещенных христианством и соединенных никогда прежде не бывшими средствами сообщения.

2

Человек лишился души; прошло несколько времени, и он теперь начинает томиться по ней. Эта потеря души составляет поистине наше больное место, – центр всемирной общественной гангрены, грозящей всем современным явлениям страшной смертью. Нет у нас ни религии, ни бога; человек лишился души и тщательно ищет средств исцеления; но гниlostная проказа, ослабевавшая на один миг, появляется снова еще более сильной и грозной.

Карлейль

3

Наши газеты с их описаниями преступлений и всякого рода ужасов являются как бы дополнением к завтракам из мяса. Есть ли что удивительного в том, что, подвергнув тлетворному влиянию того и другого свою душу и тело, люди оказываются потом склонными к ссорам, войнам и самоубийствам? Разве не странно бы было видеть их счастливыми после такого начинания дня? Расслабляющее влияние их духовной и телесной пищи неизбежно должно довести их до состояния постоянного беспокойства, мучения и отчаяния.

Люси Малори

4

Люди ищут удовольствия, бросаясь из стороны в сторону, только потому, что чувствуют пустоту своей жизни, но не чувствуют еще пустоты той новой потехи, которая их притягивает.

Паскаль

5

Все, что мы делаем для обеспечения нашей жизни, совершенно то же, что делает страус, пряча свою голову, чтобы не видать, как его убивают. Мы делаем хуже страуса: чтобы сомнительно обеспечить нашу сомнительную жизнь в сомнительном будущем, мы наверно губим нашу верную жизнь в верном настоящем.

6

Стоит со стороны взглянуть на жизнь наших богатых классов, чтобы увидеть, что все, что они делают для мнимого обеспечения своей жизни, они делают совсем не для этого, а только для того, чтобы, занимаясь этим, забывать о том, что жизнь никогда не обеспечена и не может быть обеспечена.

7

Люди нашего времени стараются верить в то, что вся бессмысленность и жестокость нашей жизни, с безумным богатством нескольких, с завистливой, озлобленной нищетой большинства, с насилием, вооружениями и войнами, не видны никому и что ничто не мешает им продолжать жить такую жизнь.

Заблуждение не перестает быть заблуждением от того, что большинство разделяет его.

7 СЕНТЯБРЯ (Смерть)

Если жизнь – благо, то благо и смерть, составляющая необходимое условие жизни.

1

Смерть – это освобождение от односторонности личности. От этого-то, по-видимому, и зависит выражение мира и успокоения на лице у большинства покойников. Покойна и легка обыкновенно смерть каждого доброго человека; но умереть с готовностью, охотно, радостно умереть – вот преимущество отрекшегося от себя, того, кто отказывается от воли к жизни, отрицает ее. Ибо лишь такой человек хочет умереть действительно, а не по-видимому, и, следовательно, не нуждается и не требует дальнейшего существования своей личности.

Шопенгауэр

2

Где умершие? Там же, где нерожденные.

Сенека

3

Если смерть страшна, то причина этого не в ней, а в нас. Чем лучше человек, тем меньше он боится смерти.

Для святого нет смерти.

4

Плотская смерть уничтожает то, что соединяет тело, – уничтожает сознание временной жизни. Но ведь это случается с нами беспрестанно и каждый день, когда мы засыпаем. Вопрос в том, уничтожает ли плотская смерть то, что соединяет все последовательные сознания в одно, т. е. мое особенное отношение к миру? Для того же, чтобы утверждать это, надо прежде доказать, что это-то особенное отношение к миру, соединяющее в одно все последовательные сознания, родилось с моим плотским существованием, а потому и умрет с ним. А этого-то и нет.

Рассуждая на основании своего сознания, я вижу, что соединявшее все мои сознания в одно – известная восприимчивость к одному и холодность к другому, вследствие чего одно остается, другое исчезает во мне, – степень моей любви к добру и ненависти к злу, – что это мое особенное отношение к миру, составляющее именно меня, особенного меня, не есть произведение какой-либо внешней причины, а есть основная причина всех остальных явлений моей жизни.

Рассуждая на основании наблюдения, мне представляется, что причины особенности моего *я* находятся в особенностях моих родителей и условий, влиявших на меня и на них; но, рассуждая по этому пути дальше, я не могу не видеть, что если особенное мое *я* лежит

в особенности моих родителей и условий, влиявших на них, то оно лежит и в особенности всех моих предков и в условиях их существования – до бесконечности, т. е. вне времени и вне пространства, – так что мое особенное я произошло вне пространства и вне времени, т. е. то самое, что я и сознаю.

5

Прежде чем достигнуть старости, я старался хорошо жить; в старости я стараюсь хорошо умереть. А хорошо умереть – значит умереть охотно.

Сенека

6

Люди, не понимающие жизни, не могут не бояться смерти.

Ты боишься смерти, но подумай о том, что бы было, если бы ты был обречен в твоей все одной и той же личности на вечную жизнь?

8 СЕНТЯБРЯ (Детство)

В детях все величайшие возможности.

1

И Иисус сказал: истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное. Итак, кто умалится, как это дитя, тот и больше в Царстве Небесном. А кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его в глубине морской.

Мф. гл. 18, ст. 3–4, 6

2

Славлю Тебя, Отче, Господи неба и земли, что Ты утаил сие от мудрых и разумных и открыл то младенцам! Ей, Отче! Ибо таково было Твое благоволение.

Мф. гл. 11, ст. 25—26

3

Отчего дети нравственно выше большинства людей? Оттого, что разум их не извращен ни суевериями, ни соблазнами, ни грехами. На пути к совершенству у них ничего не стоит. Тогда как у взрослых стоят грехи, соблазны и суеверия.

Детям надо только жить, взрослым надо бороться.

4

Как ужасен бы был мир, если бы не рождались постоянно дети, несущие с собой невинность и возможность всякого совершенства!

Джон Рёскин

5

Благословенно детство, которое среди жестокости земли дает хоть немного неба. Эти восемьдесят тысяч ежедневных рождений, о которых говорит статистика, составляют как бы излияния невинности и свежести, которая борется не только против уничтожения рода, но и против человеческой испорченности и всеобщего заражения грехом. Все добрые чувства, вызываемые около колыбели и детства, составляют одну из тайн великого Провидения; уничтожьте вы эту освежающую росу, и вихрь эгоистических страстей как огнем высушит человеческое общество.

Если предположить, что человечество состояло бы из миллиарда бессмертных существ, число которых не могло бы ни увеличиваться, ни уменьшаться, где бы мы были и что бы мы

были, великий Боже! Мы стали бы, без сомнения, в тысячу раз учнее, но и в тысячу раз хуже. Знание накопилось бы, но все добродетели, которые зарождаются от страданий и преданности, т. е. семья и общество, были бы мертвы. Не было бы возмещения.

Благословенно детство за то благо, которое оно дает само, и за то добро, которое оно производит, не зная и не желая этого, только заставляя, позволяя себя любить. Только благодаря ему мы видим на земле частичку рая. Благословенна и смерть. Ангелы не могут нуждаться ни в рождении, ни в смерти для того, чтобы жить: но для людей необходимо, неизбежно и то и другое.

Амиель

6

Господи Боже наш!.. Из уст младенцев и грудных детей Ты устроил хвалу, ради врагов Твоих, дабы сделать безмолвным врага и мстителя.

Пс. 8, 3

7

Детство часто держит в своих слабых пальцах истину, которую не могут удержать взрослые люди своими мужественными руками и открытие которой составляет гордость позднейших лет.

Джон Рёскин

8

Ребенок бережет свою душу, как веко бережет глаз, и без ключа любви никого не пускает в нее.

9

Дети знают истину так же, как часто люди знают иностранный язык, хотя и не умеют говорить на нем. Они не сумеют сказать вам, в чем добро, но безошибочно отвернутся от всего недоброго. Притворство в чем бы то ни было может обмануть самого умного, проницательного человека, но самый ограниченный ребенок, как бы оно ни было искусно скрываемо, узнает его и отвращается.

10

Может ли быть что-нибудь извращеннее того, чтобы только что вступившим в этот мир тотчас же начинать говорить о другом мире?

Кант

11

Какое время может быть лучше детства, когда две лучшие добродетели – невинная веселость и потребность любви – являются единственными побуждениями в жизни.

Уважай всякого человека, но в сто раз больше уважай ребенка и берегись того, чтобы не нарушить девственной чистоты души его.

Недельное чтение

Беглец

Это была длинная процедура. Сначала Пашка шел с матерью под дождем то по скошенному полю, то по лесным тропинкам, где к его сапогам липли желтые листья, шел до тех пор, пока не рассвело. Потом он часа два стоял в темных сенях и ждал, когда отопрут дверь. В сенях было не так холодно и сыро, как на дворе, но при ветре и сюда залетали дождевые брызги. Когда сени мало-помалу битком набились народом, стиснутый Пашка припал лицом к чьему-то тулупу, от которого сильно пахло соленой рыбой, и вздремнул. Но вот щелкнула задвижка, дверь распахнулась, и Пашка с матерью вошел в приемную. Тут опять пришлось долго ждать. Все больные сидели на скамьях, не шевелились и молчали. Пашка оглядывал их и тоже молчал, хотя видел много странного и смешного. Раз только, когда в приемную, подпрыгивая на одной ноге, вошел какой-то парень, Пашке самому захотелось также попрыгать; он толкнул мать под локоть, прыснул в рукав и сказал:

– Мама, гляди: воробей!

– Молчи, детка, молчи! – сказала мать.

В маленьком окошечке показался заспанный фельдшер.

– Подходи записываться! – пробасил он.

Все, в том числе и смешной подпрыгивающий парень, потянулись к окошечку. У каждого фельдшер спрашивал имя и отчество, лета, местожительство, давно ли болен и проч. Из ответов своей матери Пашка узнал, что зовут его не Пашкой, а Павлом Галактионовым, что ему семь лет, что он неграмотен и болен с самой пасхи.

Вскоре после записывания нужно было ненадолго встать; через приемную прошел доктор в белом фартуке и подпоясанный полотенцем. Проходя мимо подпрыгивающего парня, он пожал плечами и сказал певучим тенором:

– Ну и дурак! Что ж, разве не дурак? Я велел тебе прийти в понедельник, а ты приходишь в пятницу. По мне, хоть вовсе не ходи, но ведь, дурак этакой, нога пропадет!

Парень сделал такое жалостное лицо, как будто собрался просить милостыню, заморгал и сказал:

– Сделайте такую милость, Иван Миколаич!

– Тут нечего – Иван Миколаич! – передразнил доктор. – Сказано в понедельник, и надо слушаться. Дурак, вот и все...

Началась приемка. Доктор сидел у себя в комнатке и выкликал больных по очереди. То и дело из комнатки слышались пронзительные вопли, детский плач или сердитые возгласы доктора:

– Ну, что орешь? Режу я тебя, что ли? Сиди смирно!

Настала очередь Пашки.

– Павел Галактионов! – крикнул доктор.

Мать обомлела, точно не ждала этого вызова, и, взяв Пашку за руку, повела его в комнату. Доктор сидел у стола и машинально стучал по толстой книге молоточком.

– Что болит? – спросил он, не глядя на вошедших.

– У парнишки болячка на локте, батюшка, – ответила мать, и лицо ее приняло такое выражение, как будто она в самом деле ужасно опечалена Пашкиной болячкой.

– Раздень его!

Пашка, пытаясь, распутал на шее платок, потом вытер рукавом нос и стал не спеша стаскивать тулупчик.

– Баба, не в гости пришла! – сказал сердито доктор. – Что возишься? Ведь ты у меня не одна тут.

Пашка торопливо сбросил тулупчик на землю и с помощью матери снял рубаху... Доктор лениво поглядел на него и похлопал его по голому животу.

– Важное, брат Пашка, ты себе пузо отрастил, – сказал он и вздохнул. – Ну, показывай свой локоть.

Пашка покосился на таз с кровавыми помоями, поглядел на докторский фартук и заплакал.

– Ме-е! – передразнил доктор. – Женить пора баловника, а он ревет! Бессовестный!

Стараясь не плакать, Пашка поглядел на мать, и в этом его взгляде была написана просьба: «Ты же не рассказывай дома, что я в больнице плакал!»

Доктор осмотрел его локоть, подавил, вздохнул, чмокнул губами, потом опять подавил.

– Бить тебя, баба, да некому, – сказал он. – Отчего ты раньше его не приводила? Рука-то ведь пропащая! Гляди-кась, дура, ведь это сустав болит!

– Вам лучше знать, батюшка... – вздохнула баба.

– Батюшка... Сгноила парню руку, да теперь и батюшка! Какой он работник без руки? Вот век целый и будешь с ним нянчиться. Небось, как у самой прыщ на носу вскочит, так сейчас же в больницу бежишь, а мальчишку полгода гноила. Все вы такие.

Доктор закурил папироску. Пока папироска дымила, он распекал бабу и покачивал головой в такт песни, которую напевал мысленно, и все думал о чем-то. Голый Пашка стоял перед ним, слушал и глядел на дым. Когда же папироса потухла, доктор встрепенулся и заговорил тоном ниже:

– Ну, слушай, баба. Мазями да каплями тут не поможешь. Надо его в больнице оставить.

– Ежели нужно, батюшка, то почему не оставить?

– Мы ему операцию сделаем. А ты, Пашка, оставайся, – сказал доктор, хлопая Пашку по плечу. – Пусть мать едет, а мы с тобой, брат, тут останемся. У меня, брат, хорошо, разлили малина! Мы с тобой, Пашка, вот как управимся, чижей пойдем ловить, я тебе лисицу покажу! В гости вместе поедем! А? Хочешь? А мать за тобой завтра приедет! А?

Пашка вопросительно поглядел на мать.

– Оставайся, детка! – сказала та.

– Остается, остается! – весело закричал доктор. – И толковать нечего! Я ему живую лисицу покажу! Поедем вместе на ярмарку леденцы покупать! Марья Денисовна, сведите его наверх!

Доктор, по-видимому веселый и покладистый малый, рад был компании; Пашка захотел уважить его, тем более что отродясь не бывал на ярмарке и охотно бы поглядел на живую лисицу, но как обойтись без матери? Подумав немного, он решил попросить доктора оставить в больнице и мать, но не успел он раскрыть рта, как фельдшерица уже вела его вверх по лестнице. Шел он и, разинув рот, глядел по сторонам. Лестница, полы и косяки – все громадное, прямое и яркое – были выкрашены в великолепную желтую краску и издавали вкусный запах постного масла. Всюду висели лампы, тянулись половики, торчали в стенах медные краны. Но больше всего Пашке понравилась кровать, на которую его посадили, и серое шершавое одеяло. Он потрогал руками подушки и одеяло, оглядел палату и решил, что доктору живется очень недурно.

Палата была невелика и состояла только из трех кроватей. Одна кровать стояла пустой, другая была занята Пашкой, а на третьей сидел какой-то старик с кислыми глазами, который все время кашлял и плевал в кружку. С Пашкиной кровати видна была в дверь часть другой палаты с двумя кроватями: на одной спал какой-то очень бледный, тощий человек с каучуковым пузырем на голове; на другой, расставив руки, сидел мужик с повязанной головой, очень похожий на бабу.

Фельдшерица, усадив Пашку, вышла и немного погода вернулась, держа в охапке кучу одежды.

– Это тебе, – сказала она. – Одевайся.

Пашка разделся и не без удовольствия стал облачаться в новое платье. Надевши рубаху, штаны и серый халатик, он самодовольно оглядел себя и подумал, что в таком костюме недурно бы пройтись по деревне. Его воображение нарисовало, как мать посылает его на огород к реке нарвать для поросенка капустных листьев; он идет, а мальчишки и девчонки окружили его и с завистью глядят на его халатик.

В палату вошла сиделка, держа в руках две оловянных миски, ложки и два куска хлеба. Одну миску она поставила перед стариком, другую – перед Пашкой.

– Ешь! – сказала она.

Взглянув в миску, Пашка увидел жирные щи, а в щах кусок мяса, и опять подумал, что доктору живется очень недурно и что доктор вовсе не так сердит, каким показался сначала. Долго он ел щи, облизывая после каждого хлебка ложку, потом, когда, кроме мяса, в миске ничего не осталось, покосился на старика и позавидовал, что тот все еще хлебает. Со вздохом он принялся за мясо, стараясь есть его возможно дольше, но старания его ни к чему не привели: скоро исчезло и мясо. Остался только кусок хлеба. Невкусно есть один хлеб без приправы, но делать было нечего. Пашка подумал и съел хлеб. В это время вошла сиделка с новыми мисками. На этот раз в мисках было жаркое с картофелем.

– А где же хлеб-то? – спросила сиделка.

Вместо ответа Пашка надул щеки и выдохнул воздух.

– Ну, зачем сожрал? – сказала укоризненно сиделка. – А с чем же ты жаркое есть будешь?

Она вышла и принесла новый кусок хлеба. Пашка отродясь не ел жареного мяса и, испробовав его теперь, нашел, что оно очень вкусно. Исчезло оно быстро, и после него остался кусок хлеба больше, чем после щей. Старик, пообедав, спрятал свой оставшийся хлеб в столик; Пашка хотел сделать то же самое, но подумал и съел свой кусок.

Наевшись, он пошел прогуляться. В соседней палате, кроме тех, которых он видел в дверь, находилось еще четыре человека. Из них только один обратил на себя его внимание. Это был высокий, крайне исхудалый мужик с угрюмым волосатым лицом; он сидел на кровати и все время, как маятником, кивал головой и махал правой рукой. Пашка долго не отрывал от него глаз. Сначала маятникообразные, мерные кивания мужика казались ему курьезными, производимыми для всеобщей потехи, но, когда он взгляделся в лицо мужика, ему стало жутко, и он понял, что этот мужик нестерпимо болен. Пройдя в третью палату, он увидел двух мужиков с темно-красными лицами, точно вымазанными глиной. Они неподвижно сидели на кроватях и со своими странными лицами, на которых трудно было различить черты, походили на языческих божков.

– Тетка, зачем они такие? – спросил Пашка у сиделки.

– У них, парнишка, воспа.

Вернувшись к себе в палату, Пашка сел на кровать и стал дожидаться доктора, чтобы идти с ним ловить чижей или ехать на ярмарку. Но доктор не шел. В дверях соседней палаты мелькнул ненадолго фельдшер. Он нагнулся к тому больному, у которого на голове лежал мешок со льдом, и крикнул:

– Михайло!

Спавший Михайло не шевельнулся. Фельдшер махнул рукой и ушел. В ожидании доктора Пашка осматривал своего соседа старика. Старик не переставая кашлял и плевал в кружку; кашель у него был протяжный, скрипучий. Пашке понравилась одна особенность старика: когда он, кашляя, вдыхал в себя воздух, то в груди его что-то свистело и пело на разные голоса.

– Дед, что это у тебя свистит? – спросил Пашка.

Старик ничего не ответил. Пашка подождал немного и спросил:

– Дед, а где лисица?

– Какая лисица?

– Живая.

– Где ж ей быть? В лесу!

Прошло много времени, но доктор все еще не являлся. Сиделка принесла чай и побранила Пашку за то, что он не оставил себе хлеба к чаю; приходил еще раз фельдшер и принимался будить Михайлу; за окнами посинело, в палатах зажглись огни, а доктор не показывался. Было уже поздно ехать на ярмарку и ловить чижей; Пашка растянулся на постели и стал думать. Вспомнил он леденцы, обещанные доктором, лицо и голос матери, потемки в своей избе, печку, ворчливую бабку Егоровну... и ему стало вдруг скучно и грустно. Вспомнил он, что завтра мать придет за ним, улыбнулся и закрыл глаза.

Его разбудил шорох. В соседней палате кто-то шагал и говорил полусшепотом. При тусклом свете ночников и лампад возле кровати Михайлы двигались три фигуры.

– Понесем с кроватью аль так? – спросила одна из них.

– Так. Не пройдешь с кроватью. Эка, помер не вовремя, царство небесное!

Один взял Михайлу за плечи, другой – за ноги и приподняли: руки Михайлы и полы его халата слабо повисли в воздухе. Третий – это был мужик, похожий на бабу, – закрестился, и все трое, беспорядочно стуча ногами и ступая на полы Михайлы, пошли из палаты.

В груди спавшего старика раздавались свист и разноголосое пение. Пашка прислушался, взглянул на темные окна и в ужасе вскочил с кровати.

– Ма-а-ма! – простонал он басом.

И, не дожидаясь ответа, он бросился в соседнюю палату. Тут свет лампадки и ночника еле-еле прояснял потемки; больные, потревоженные смертью Михайлы, сидели на своих кроватях; мешаясь с тенями, включенные, они представлялись шире, выше ростом и, казалось, становились все больше и больше; на крайней кровати в углу, где было темнее, сидел мужик и кивал головой и рукой.

Пашка, не разбирая дверей, бросился в палату оспенных, оттуда в коридор, из коридора влетел в большую комнату, где лежали и сидели на кроватях чудовища с длинными волосами и со старушечьими лицами. Пробежав через женское отделение, он опять очутился в коридоре, увидел перила знакомой лестницы и побежал вниз. Тут он узнал приемную, в которой сидел утром, и стал искать выходной двери.

Задвижка щелкнула, пахнул холодный ветер, и Пашка, спотыкаясь, выбежал на двор. У него была одна мысль – бежать и бежать! Дороги он не знал, но был уверен, что если побегит, то непременно очутится дома у матери. Ночь была пасмурная, но за облаками светила луна. Пашка побежал от крыльца прямо вперед, обогнул сарай и наткнулся на пустые кусты: постояв немного и подумав, он бросился назад к больнице, обежал ее и опять остановился в нерешимости: за больничным корпусом белели могильные кресты.

– Ма-амка! – закричал он и бросился назад.

Пробегая мимо темных, суровых строений, он увидел одно освещенное окно.

Яркое красное пятно в потемках казалось страшным, но Пашка, обезумевший от страха, не зная, куда бежать, повернул к нему. Рядом с окном было крыльцо со ступенями и парадная дверь с белой дощечкой; Пашка взбежал на ступени, взглянул в окно, и острая, захватывающая радость вдруг овладела им. В окно он увидел веселого, покладистого доктора, который сидел за столом и читал книгу. Смеясь от счастья, Пашка протянул к знакомому лицу руки, хотел крикнуть, но неведомая сила сжала его дыхание, ударила по ногам; он покачнувшись и без чувств повалился на ступени.

Когда он пришел в себя, было уже светло, и очень знакомый голос, обещавший вчера ярмарку, чижей и лисицу, говорил возле него:

– Ну и дурак, Пашка! Разве не дурак? Бить бы тебя, да некому.

Антон Чехов

Сила детства

– Убить!.. Застрелить!.. Сейчас застрелить мерзавца!.. Убить!.. Горло перерезать убийце!.. Убить, убить!.. – кричали мужские, женские голоса толпы.

Огромная толпа народа вела по улице связанного человека. Человек этот, высокий, прямой, шел твердым шагом, высоко поднимая голову. На красивом, мужественном лице его было выражение презрения и злобы к окружающим его людям.

Это был один из тех людей, которые в войне народа против власти воюют на стороне власти. Его схватили теперь и вели на казнь.

«Что же делать! Не всегда сила на нашей стороне. Что же делать? Теперь их власть. Умереть так умереть, видно, так надо», – думал этот человек и, пожимая плечами, холодно улыбнулся на крики, которые продолжались в толпе.

– Это городской, он еще утром стрелял по нас! – кричали в толпе.

Но толпа не останавливалась, и его вели дальше. Когда же пришли на ту улицу, где по мостовой лежали вчерашние не убранные еще тела убитых войсками, толпа освиrepела.

– Нечего оттягивать! Сейчас тут и застрелить негодяя, куда еще водить его? – кричали люди.

Пленный хмурился и только выше поднимал голову. Он, казалось, ненавидел толпу еще более, чем толпа ненавидела его.

– Перебить всех! Шпионов! Царей! Попов! И этих мерзавцев! Убить, убить сейчас! – взвизгивали женские голоса.

Но руководители толпы решили довести его до площади и там разделаться с ним.

До площади уже было недалеко, когда в минуту затишья в задних рядах толпы послышался плачущий детский голосок.

– Батя! Батя! – всхлипывая, кричал шестилетний мальчик, втискиваясь в толпу, чтобы добраться до пленного. – Батя! Что они с тобой делают? Постой, постой, возьми меня, возьми!..

Крики остановились в той стороне толпы, с которой шел ребенок, и толпа, расступаясь перед ним, как перед силой, пропускала ребенка все ближе и ближе к отцу.

– А какой миленький! – сказала одна женщина.

– Тебе кого? – сказала другая, нагибаясь к мальчику.

– Батю! Пустите меня к батю! – пищал мальчик.

– Тебе сколько лет, мальчик?

– Что вы с батей хотите делать? – отвечал мальчик.

– Иди домой, мальчик, иди к матери, – сказал мальчику один из мужчин.

Пленный уже слышал голос мальчика, и слышал, что говорили ему. Лицо его стало еще мрачнее.

– У него нет матери! – крикнул он на слова того, кто отсылал ребенка к матери.

Все ближе и ближе протискиваясь в толпе, мальчик добрался до отца и полез к нему на руки.

В толпе кричали все то же: «Убить! Повесить! Застрелить мерзавца!»

– Зачем ты из дома ушел? – сказал отец мальчику.

– Что они с тобой хотят делать? – говорил мальчик.

– Ты вот что сделай, – сказал отец.

– Ну?

– Знаешь Катюшу?

– Соседку? Как не знать.

– Так вот, пойдешь к ней и там побудь. А я... я приду.

– Без тебя не пойду, – сказал мальчик и заплакал.

- Отчего не пойдешь?
- Они прибьют тебя.
- Нет же, они ничего, они так.

И пленный спустил с рук мальчика и подошел к тому человеку, который распоряжался в толпе.

– Послушайте, – сказал он, – убивайте меня как и где хотите, но только не при нем, – он показал на мальчика. – Развяжите меня на две минуты и держите за руку, а я скажу ему, что мы с вами гуляем, что вы мне приятель, и он уйдет. А тогда... тогда убивайте как хотите.

Руководитель согласился.

Тогда пленный взял опять мальчика на руки и сказал:

- Будь умник, пойдти к Кате.
- А ты что же?

– А ты видишь, я гуляю вот с этим приятелем, мы пройдем еще немного, а ты иди, а я приду. Иди же, будь умник.

Мальчик уставился на отца, нагнул головку на одну сторону, потом на другую и задумался.

- Иди, милый, я приду.
- Придешь?

И ребенок послушался. Одна женщина вывела его из толпы.

Когда ребенок скрылся, пленный сказал:

- Теперь я готов, убивайте меня.

И тут случилось что-то совсем непонятное, неожиданное. Какой-то один и тот же дух проснулся во всех этих за минуту жестоких, безжалостных, ненавидящих людях, и одна женщина сказала:

- А знаете что. Пустить бы его.
- И то. Бог с ним, – сказал еще кто-то. – Отпустить.
- Отпустить, отпустить! – загремела толпа.

И гордый, безжалостный человек, за минуту ненавидевший толпу, зарыдал, закрыл лицо руками и, как виноватый, выбежал из толпы, и никто не остановил его.

Виктор Гюго. Изложил Л. Н. Толстой

9 СЕНТЯБРЯ (Знание)

Те знания, которые в наше время считаются наукой, более препятствуют, чем содействуют благу человеческой жизни.

1

Астрономия, механика, физика, химия и все другие науки, вместе и каждая порознь, разрабатывают каждая подлежащую ей сторону жизни, не приходя ни к каким результатам о жизни вообще. Только во времена своей дикости, т. е. неясности, неопределенности, некоторые науки эти пытались с своей точки зрения охватить все явления жизни и путались, сами выдумывая новые понятия и слова. Так это было с астрономией, когда она была астрологией, с химией, когда она была алхимией. То же происходит и теперь с той опытной эволюционной наукой, которая, рассматривая одну сторону или некоторые стороны жизни, заявляет притязания на изучение всей жизни.

2

Наука выполняет свою задачу не тем, что объясняет причины появления пятен на солнце, а тем, что выясняет законы нашей собственной жизни и последствия их нарушения.

Джон Рёскин

3

По отношению к природе опыт дает нам в руки правила и является источником истины; но по отношению нравственных законов опыт оказывается, к сожалению, матерью заблуждения. Поэтому было бы в высшей степени недостойно желать законы о том, что я должен делать, вывести из того или ограничить тем, что совершается в природе или совершалось в истории.

Кант

4

Знание смиряет великого, удивляет обыкновенного и раздувает маленького человека.

5

Науки – это пища для ума. И эта пища может быть так же вредна для ума, как и пища телесная для тела, если принимать ее не в меру. Так что и умственной пищи можно переест и заболеть от нее. Для того чтобы этого не было, надо так же, как и в телесной пище, принимать ее только тогда, когда это необходимо нужно.

По Рёскину

6

Для того чтобы знания были важны, нужно, чтобы они служили благу – единению людей. Люди соединяются между собой признанием единой для всех истины. Выражения этой истины должны быть ясны и понятны. В теперешней же науке выражения неясны и непонятны.

7

Сократ говорил, что для людей, которые ничего более не желают, как сделаться хорошими, легка всякая наука, потому что они в каждой науке желают знать только то, что нужно всем людям.

8

Мудрость Сократа состояла в том, что он не думал, что знал то, чего не знал.

Цицерон

Как бы велико ни было знание, оно не может помочь исполнению главной цели жизни – нравственному совершенствованию.

10 СЕНТЯБРЯ (Совесьть)

Указания совести безошибочны, когда они требуют от нас не утверждения своей животной личности, а жертвы ею.

1

Христианин, не знающий, откуда приходит и куда уходит Дух (Иоанна 3, 8), его оживляющий, тот Дух, которого не мерою дает Бог (Иоанна 3, 34), не может себе ставить внешней цели жизни.

Понятие цели заимствовано из обихода земных дел и начинаний. Цель же всего мироздания недоступна человеку, и потому он в жизни своей вынужден руководствоваться не внешней целью, а указаниями воли Божией, познаваемой внутри себя.

Как моряк ради избрания верного направления для хода своего судна может руководствоваться видом берега только тогда, когда он доступен его взору, – например, при переправе через реку, – а при переезде через океан должен обращаться к указаниям компаса, так и христианин ради избрания верного пути жизни может руководствоваться внешними целями только в житейских делах; в деле же искания общего смысла жизни должен обращаться к указанию внутреннего голоса совести, всегда ясно и внятно предостерегающего человека в случаях совершаемого и даже предполагаемого им отступления от пути истины.

Федор Страхов

2

Удовлетворение, которое мы замечаем вслед за каждым бескорыстным поступком, зависит от того, что такой поступок, проистекая из непосредственного узнавания в чуждом явлении нашего же собственного существа, – в свою очередь подтверждает, что мы были правы, признавши, что наше истинное «я» существует не только в нашей личности, не только в этом отдельном явлении, но во всем живом. А как себялюбие стесняет сердце, так это сознание дает простор ему. В самом деле, как себялюбие сосредоточивает весь наш интерес на нашей отдельной личности, причем познание постоянно рисует нам бесчисленные опасности, непрестанно угрожающие этой личности, отчего основным тоном нашего настроения становится тревога и озабоченность, так познание того, что все живое в той же мере, как и наша собственная личность, есть наше же собственное существо, само по себе распространяет наш интерес на все живое, а это дает простор сердцу. А вследствие такого уменьшения интереса к самому себе в корне подсекается и ограничивается тревожная озабоченность; отсюда – спокойная, уверенная радость, которую дает добродетельное расположение духа и чистая совесть, отсюда более живое ощущение радости при каждом добром поступке, проясняющее нам самим основу этого настроения. Эгоист чувствует себя одиноким среди чуждых и враждебных явлений, и все его упования – в его собственном благополучии. А добрый живет в мире дружественных существ; благо каждого из них есть его собственное благо.

Шопенгауэр

3

Сколько перегородок между нами и предметами! Расположение духа, здоровья, все ткани глаз, стекла нашей комнаты, туман, дым, дождь или пыль и даже свет – и все это бесконечно изменяющееся. Гераклит говорил: «Нельзя выкупаться два раза в одной и той же реке»; я бы сказал: нельзя видеть два раза один и тот же пейзаж, потому что и тот, кто наблюдает, и то, что наблюдается, всегда бесконечно изменяются.

Мудрость состоит в том, чтобы *подчиняться всеобщей иллюзии, не будучи обманутым ею.*

Я думаю, что *разум неизбежно приводит нас к сознанию того, что все вещественное есть только сновидение в сновидении.* Выводит нас из сферы волшебных сновидений только чувство долга, нравственные требования. Только совесть отрывает нас от очарования Майи; она рассеивает пары кейфа, галлюцинации опиума и спокойствие созерцательного равнодушия. Она, совесть, вталкивает нас в сознание человеческой ответственности.

Это будильник, это крик петуха, который разгоняет привидения, это архангел, вооруженный мечом, который выгоняет человека из его искусственного рая.

По Амиелю

4

Человек, живущий для тела, может заблудиться в запутанных лабиринтах созерцательной или чувственной жизни, но душа всегда безошибочно знает истину.

Люси Малори

5

Страсти могут быть сильнее совести, голос их может быть громче, но их крик совершенно другой, чем тот, которым говорит совесть. Они не обладают той силой, которой обладает голос совести. В своем торжестве они все-таки робеют перед этим тихим, глубоким и угрожающим голосом.

Чаннинг

Голос совести всегда можно отличить от всех других душевных побуждений тем, что он требует всегда чего-то бесполезного, неосязаемого, но прекрасного и достижимого одним нашим усилием.

Этим отличается голос совести от голоса славолубия, который часто смешивается с ним.

11 СЕНТЯБРЯ (Вера)

Истинная вера влечет к себе не столько тем, что обещает благо верующему, сколько тем, что представляет единственное прибежище спасения не только от всех бед этой жизни, но и от страха смерти.

1

Если ты сознаешь, что у тебя нет веры, знай, что ты в самом опасном положении, в котором только может находиться человек в этом мире.

2

Плохо, если у человека нет чего-нибудь такого, за что он готов умереть.

3

Поклонники пользы не имеют никакой нравственности, кроме нравственности выгоды, и никакой религии, кроме религии материального блага. Они нашли тело человека изуродованным и истощенным нищетой и в своем необдуманном рвении сказали себе: «Давайте излечим это тело; когда оно будет сильно, жирно, хорошо упитано, то душа вернется в него». А я говорю, что излечить это тело можно, только излечив душу. В ней корень болезни, и телесные недуги являются лишь внешними проявлениями этой болезни. Современное человечество умирает от отсутствия общей веры, связующей землю с небом, Вселенную с Богом. От отсутствия этой религии духа, от которой остались лишь пустые слова и безжизненные формы, от полного отсутствия сознания долга, способности жертвовать собою, человек, подобно дикарю, пал, распростертый в прах, и воздвиг на пустом алтаре идол «выгоде». Деспоты и князья мира сего стали его первосвященниками. От них-то и возникло отвратительное учение выгоды, гласящее: «Каждый только для своих, каждый только для себя».

Иосиф Мадзини

4

Рассматривая причины тех бедствий, от которых страдает человечество, восходя от ближайших причин к более основным, всегда придешь к основной причине всех и всяких бедствий людей: к отсутствию или слабости веры, т. е. неясности или ложности установленного отношения человека к миру и началу его.

5

Человек, исповедующий внешний закон, есть человек, стоящий в свете фонаря, приведенного к столбу. Он стоит в свете этого фонаря, ему светло, и идти ему дальше некуда.

Человек религиозный несет фонарь перед собой на более или менее длинном шесте; свет всегда впереди его и всегда побуждает его идти за собой и вновь открывает ему впереди его новое, влекущее к себе освещенное пространство.

Спасение не в обрядах, таинствах, не в исповедании той или иной веры, а в ясном понимании смысла своей жизни.

12 СЕНТЯБРЯ (Богатство)

Нельзя служить Богу и мамоне. Забота об увеличении богатства несовместима с требованиями истинной, духовной жизни.

1

И вот некто, подошед, сказал Ему: Учитель Благой! что сделать мне доброго, чтобы иметь жизнь вечную? Иисус сказал ему: если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим и будешь иметь сокровища на небесах; и приходи и следуй за Мною.
Мф. гл. 19, ст. 16, 21

2

Иисус же сказал ученикам Своим: истинно говорю вам, что трудно богатому войти в Царство Небесное. И еще говорю вам: удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие.
Мф. гл. 19, ст. 23—24

3

Мне кажется, что старинное суеверие о том, что богатство дает счастье, начинает разрушаться.

4

Павел назвал сребролюбие идолослужением, потому что многие, имея богатство, не смеют им пользоваться, но считают его святынею и, не смея коснуться его, передают в целости внукам и их потомкам. А если когда и принуждены бывают коснуться его, то бывают в таком состоянии, как будто сделали что-нибудь непозволительное. С другой стороны, как язычник оберегает идола, так и ты ограждаешь золото дверями и запорами, вместо храма устрояешь для него ковчег и влагаешь его в серебряные сосуды. Язычник скорее отдаст свои глаза и душу, чем идола, так точно и любящие золото. Если ты не поклоняешься золоту, то поклоняешься демону, который вторгается в твою душу от взгляда на золото и от страсти к нему. Страсть сребролюбия хуже демона, и ей многие покорствуют больше, чем иные идолам. Идолов во многом не слушают, а сребролюбию во всем повинуются и исполняют все, что бы оно ни приказало сделать. Что же оно говорит? Будь, говорит оно, для всех врагом и неприятелем, забудь природу, презирай Бога, пожертвуй собою мне. И во всем этом ему повинуются. Истуканам приносят в жертву волов и овец, а сребролюбие говорит: принеси мне в жертву твою душу – и это исполняют.
Иоанн Златоуст

5

Излишняя толщина одежд стесняет движение тела: богатство мешает движению души.

Демофил

6

Жажда желания богатства никогда не утоляется и не удовлетворяется. Те, кто владеют им, мучаются не только желанием приобрести еще больше, но и страхом потерять то, что есть.

Цицерон

7

Бойся не бедности, а богатства.

Люди ищут богатства. А если бы они только ясно видели все, чего они лишаются через него, они бы употребляли для освобождения себя от него такие же усилия, какие они употребляют теперь на его приобретение.

13 СЕНТЯБРЯ (Мудрость)

Мудрый человек не ищет изменения своего положения, потому что знает, что исполнение закона Бога – закона любви – возможно во всяком положении.

1

Мудрец, ищет всего в себе, безумец – всего в других.
Конфуций

2

Я не жаловался на судьбу и не роптал. Но один раз, когда я был разут и не на что было купить обуви, я возроптал. Я вошел тогда с тяжелым сердцем в большую мечеть в Куфа, и вот в мечети я увидел человека без ног. И я возблагодарил Бога за то, что у меня были обе ноги, а только не было башмаков, чтобы обуть их.
Мади

3

Не выходя из ворот и не глядя в окно, разумный человек знает то, что ему нужно знать, сознавая в себе небесный разум. Чем дальше ходишь, тем меньше знаешь. Поэтому разумный человек, не путешествуя, имеет знание, не видя вещей, определяет их и, не работая, совершает великое.
Лао-Тсе

4

Двумя вещами человек никогда не должен огорчаться: тем, чему он может помочь, и тем, чему не может помочь.
«Everybody's Book of Proverbs and Quotations»

5

Если человек недоволен своим положением, он может изменить его двумя средствами: или улучшить условия своей жизни, или улучшить свое душевное состояние. Первое не всегда, второе всегда в его власти.

6

С мыслями своими обходись как с гостями, а с желаниями – как с детьми.
Китайская пословица

7

Человек бывает несчастлив, потому что в нем живет бесконечное, которое, несмотря на все свои усилия, он не может похоронить под временным.
Карлейль

8

Постарайся устанавливать в себе внутреннюю тишину и то совершенное молчание и уст и сердца, когда мы больше не заняты нашими несовершенными мыслями и тщеславными суждениями, но когда сам Бог говорит в нас и мы в простоте сердца прислушиваемся к выражению Его воли для того, чтобы, при молчании нашем, мы бы могли исполнить Его одну волю.
Лонгфелло

Чем больше человек недоволен людьми и обстоятельствами и чем более доволен собою, тем он дальше от мудрости.

14 СЕНТЯБРЯ (Насилие)

Насилие тем особенно вредно, что оно всегда облекается во внешнее величие и этим внушает уважение к тому, что должно бы вызывать одно отвращение.

1

Принуждающий нас силой как бы лишает нас наших прав, и мы потому ненавидим его. Как благодетелей наших, мы любим тех, кто умеет убедить нас. Не мудрый, а грубый, непросвещенный человек прибегает к насилию. Чтобы употребить силу, надо многих соучастников; чтобы убедить, не надо никаких. Тот, кто чувствует достаточно силы в самом себе, чтобы владеть умами, не станет прибегать к насилию: к чему ему устранять человека других взглядов, когда в его же интересе дружеским убеждением привлечь его на свою сторону.

Беседы Сократа

2

Люди, обладающие властью, уверены в том, что движет и руководит людьми только насилие, и потому для поддержания существующего порядка смело употребляют насилие. Существующий же порядок держится не насилием, а общественным мнением, действие которого нарушается насилием. И потому деятельность насилия ослабляет, нарушает то самое, что она хочет поддерживать.

3

Человек так же мало сотворен для того, чтобы принуждать, как и для того, чтобы повиноваться. Люди взаимно портятся от этих двух привычек: тут одурение, там наглость, и нигде истинного человеческого достоинства.

Консидеран

4

Жизнь наша стала бы прекрасна, если бы мы только увидали всю ее низость.

Торо

5

Из того, что возможно насилием подчинить людей справедливости, вовсе не следует, чтобы было справедливо подчинять людей насилием.

Паскаль

6

Несправедлив тот человек, который делает что-нибудь посредством насилия; нет, только тот, кто различает оба пути – правды и неправды, кто поучает других и руководит ими не насилием, но справедливостью, кто верен правде и разуму, – тот только назовется истинно праведным.

Не тот мудрец, кто держит добрые и красивые речи, но кто терпелив, свободен от ненависти и свободен от боязни, – тот только истинно мудрый человек.

*Буддийская мудрость*³³

Всякое насилие противно разуму и любви. Не принимай в нем участия.

³³ Дхаммапада

15 СЕНТЯБРЯ (Истина)

Главное препятствие познания истины есть не ложь, а подобие истины.

1

Если в действительной жизни иллюзия лишь на мгновение искажает действительность, то в отвлеченной области заблуждение может господствовать целые тысячелетия, может надеть свое железное ярмо на целые народы, заглушить самые благородные порывы человечества и с помощью своих рабов, обманутых им, заковать того, кого не смогло обмануть Оно – враг, с которым вели неравную борьбу мудрейшие умы всех времен, и достоянием человечества сделалось только то, что они отвоевали у него. Если говорят, что истины надо доискиваться даже там, где не предвидится от нее никакой пользы, потому что польза может оказаться и обнаружиться там, где ее и не ожидали, то надо еще прибавить, что с таким же рвением надо выискивать и искоренять всякое заблуждение даже там, где не предвидится от него никакого вреда, потому что вред заблуждений легко может оказаться и когда-нибудь обнаружиться там, где его не ожидали, – ибо каждое заблуждение таит в себе яд. Если истина и знание сделали человека властителем земли, то нет заблуждений безвредных, а тем более – почетных и священных.

В утешение же тем, кто посвящает свою жизнь и силы благородной и трудной борьбе с заблуждениями какого бы то ни было рода, смело можно сказать, что хотя до появления истины заблуждение и будет делать свое дело, как совы и летучие мыши – ночью, но что скорее совы и летучие мыши запугают и загонят солнце туда, откуда оно взошло, чем прежнее заблуждение вытеснит познанную и отчетливо и до конца высказанную истину и займет беспрепятственно ее свободное место. Такова сила истины, победа ее трудна и тяжка, но зато, раз она одержана, ее уж не вернешь назад.

Шопенгауэр

2

Разоблаченная ложь есть столь же важное приобретение для блага человечества, как и ясно выраженная истина.

3

Освободить человека от заблуждений – это значит придать ему нечто, а не отнять. Освобождение от лжи есть проповедание истины, знание того, что выдаваемое за истину есть ложь, есть истина. Заблуждение всегда вредит. Рано или поздно оно сделает вред тому, кто признает его за истину.

Шопенгауэр

Движение вперед человечества в области познания заключается в снятии покровов, закрывающих истину.

Недельное чтение

Петр Хельчицкий

Существует написанная более 450 лет тому назад неученым человеком, Петром из деревни Хельчицы, книга, почти совсем неизвестная.

В книге этой, озаглавленной «Сеть веры», мы находим не только простое, ясное, сильное и правдивое обличение того ужасного обмана, в котором жили и живут люди, веруя в самое чуждое истинному христианству и воображая, что они исповедуют христианское учение, мы находим в этой книге еще и ясное указание того единого благого пути жизни, который открыт был людям Христом.

Всякая жизненная истина, долженствующая служить руководством поведения людей, если и проявляется в сознании святых людей сразу, во всей полноте своей, в большинстве людей проявляется медленно, постепенно, незаметно, порывами, иногда как будто совершенно скрываясь и вновь проявляясь новыми усилиями, подобными потугам родов.

Так было, так и теперь еще это происходит с христианством. Христианская истина была принята сначала небольшим числом простых, неважных, небогатых людей во всем ее значении. Но по мере распространения ее среди большого количества людей и людей богатых и знатных она все более и более извращалась, и со времени учреждения церкви (со времен Константина, как говорит Хельчицкий) так извратилась, что главное истинное жизненное значение ее было совершенно скрыто от людей и заменено внешними, чуждыми сущности христианства формами.

Но истина, вошедшая в сознание людей, не может заглухнуть. Вне церкви, в том, что церковники называли ересями, всегда оставались верные пониматели и исполнители истинного христианского учения. И совершались опять и опять новые и новые потуги его возрождения. И всякий раз все большее и большее число людей делалось причастными христианской истине в ее настоящем значении.

Таким верным понимателем и возродителем христианской истины был Хельчицкий. Главное сочинение Хельчицкого, «Сеть веры», есть указание на то, чем должно бы быть христианское общество по учению его основателя и чем оно стало при извращенном учении.

Вот что говорится в предисловии к книге:

«Книга эта, носящая заглавие „Сеть веры“, сочинена Петром из Хельчицы, который жил во времена магистра Рокицаны, был ему хорошо знаком и часто с ним беседовал. Он написал много полезных книг по Закону Божию для преуспевания церкви в борьбе против антихриста и наваждений его, и если книга эта до сих пор мало видела свет, то причиною этого было духовенство, которое не переставало и не перестает представлять народу книги Петра Хельчицкого блудными и еретическими, и все из-за того, что он осуждает его образ жизни. При всем том многие люди из всех сословий охотно читают и эту книгу Петра Хельчицкого и другие его сочинения, невзирая на то, что он был мирянином и в латыни не ученым, потому что хотя он и не был мастером семи искусств, но поистине был исполнителем девяти блаженств и всех заповедей Божиих и был, таким образом, настоящим доктором чешским. В этой книге Хельчицкий касается всех сословий, начиная с императоров, королей, князей, панов, рыцарей, мещан, ремесленников и кончая сельским сословием; но особенное внимание обращает он на духовенство: на пап, кардиналов, епископов, архиепископов, аббатов и всех орденских монахов, деканов, настоятелей приходов, викариев. В первой части этой книги излагается, каким путем и способом страшное развращение проникло в святую церковь, и доказывается, что только удалением из церкви всех человеческих измышлений можно добраться до истинного основа-

ния ее – Иисуса Христа, во второй говорится о возникновении и размножении в церкви разных сословий, которые только препятствуют истинному познанию Христа, ибо они преисполнены духа гордости и всеми силами противятся смиренному и кроткому Христу».

И действительно, Хельчицкий, как в этой книге, так и в других своих сочинениях, не оспаривает, как предшественник его Гус и как жившие и действовавшие после него Лютер, Меланхтон, Кальвин, церковные папские установления и догматы, он только показывает то, что жизнь людей, считающих себя христианами, не христианская; что христианин не может пользоваться властью, не может владеть землями или рабами, не может роскошничать, не может жить распутной жизнью, не может казнить, не может, главное, убивать и воевать.

Хельчицкий не спорит о спасении делами или верою, о предопределении и вообще о догматах: он требует только того, чтобы все постановления церкви были доступны пониманию народа. Он не отрицает их, но говорит о жизни христиан, показывает, что земные владыки, войско, суды, дворянство несовместимы с христианской жизнью (он даже считает городское сословие несовместимым с христианством). Главное же, он показывает, что казни и войны немыслимы для христианина. Он показывает, что соединение христианства с государством – то, которое совершилось теперь, – погубило, уничтожило христианство, но что должно быть наоборот: христианство, соединясь с государством, должно уничтожить государство.

И он доказывает, что это возможно, что отсутствие государственной власти не только не уничтожает порядка в жизни людей, но уничтожает беспорядок и зло, от которого страдают люди.

В этом и причина неизвестности книги и деятельности Хельчицкого. Книга и деятельность Хельчицкого в области христианского человечества занимает то же положение, которое занимает христианство в области всего человечества. Она слишком опережает свое время. Пора ее плодов еще не настала. Уничтожение папского авторитета, индульгенций и многое другое, сделанное Лютером, было по силам современных ему людей, но то, что говорил Хельчицкий, не могло быть принято не потому, что оно неясно или несправедливо, – все, что он говорил, напротив, слишком ясно и справедливо, – а потому, что то, что он говорил, слишком опережало свое время.

То, чего требовал Хельчицкий, не может быть принято и теперь, тем менее могло быть принято в его время. Опровергнуть то, что говорил Хельчицкий, нельзя было; по крайней мере тогда люди были еще настолько честны, что считали невозможным отрицать то, что Христос учил тому, чему учил, т. е. чтобы люди любили не только любящих их, но врагов, переносили обиды, платили добром за зло и считали всех людей братьями, и что такое учение несовместимо с существующим устройством жизни. И потому неизбежно возникал вопрос: что удержать – христианство или установленное устройство?

Если удержать христианство, то ясно, что власть имеющим надо отказаться от власти, богатым отказаться от богатства, средним отказаться от обеспечения себя насилием, бедным и подвластным отказаться от повиновения тому, что противно христианскому закону (а в государстве вся общественная деятельность противна христианскому закону), и поэтому подвергать себя гонениям. И все это страшно.

Если же удержать существующее устройство, зная, что оно нехристианское, то это значит отречься от христианства. И это тоже страшно. Что же оставалось делать? Одно: забыть то, что говорил Христос, что говорил Хельчицкий и говорила совесть; и не думать, не говорить про это.

В этом причина неизвестности Хельчицкого и его книги.

Книгу замолчали, забыли ее. Если десяток ученых знает про нее, то они смотрят на нее только как на исторический, литературный памятник.

Но духовные богатства человечества никогда не погибают, а только доходят, как жесткие плоды. И чем дольше они дождаются своего времени, тем они ценнее. То же и с Хельчицким и его книгой.

Книга его недавно и в первый раз была напечатана русской Академией наук, и никто, разумеется, не только не читал, но и не слышал про нее, как и про все то, что с такими большими расходами и с такой важностью печатается в изданиях академии. Сочинения Ницше, Золя, Верлена напечатаны в десятках изданий и сотнях тысяч экземпляров. Всем известны малейшие подробности жизни этих людей, но книги Хельчицкого до сих пор не напечатаны, даже и в Чехии и в Германии, не говоря уже об Англии и Франции.

И о самом Хельчицком почти ничего неизвестно. Предполагают, что он родился около 1390 года и умер около 1450. Одни думают, что он был дворянин, другие – что он был крестьянин, сапожник или земледелец. Я думаю, что он был земледелец.

О том, что он был земледелец, мужик, я заключаю, во-первых, по сильному, простому, ясному языку книги, во-вторых, по мудрости книги, вследствие которой автор всегда знает, что важно, что менее важно, и всегда на первое место ставит важное, в-третьих, по той сердечности и наивности, с которой он иногда по-мужицки, грубо и сильно, с негодованием, иногда с горькой насмешкой говорит о том, о чем, очевидно, болеет душою.

«Сеть веры» – старая книга по времени, по значению же и содержанию своему – это самая новая книга, настолько новая, что люди нашего времени еще далеко не подготовлены истинным просвещением к тому, чтобы быть в состоянии понимать ее. Но время ее придет и приходит.

Ведь христианство не человеческая выдумка, не одна из временных форм, в которые складываются человеческие общества, но истина, – если не на каменных скрижалях на Синае появившаяся, то еще тверже, чем на камне, написанная на сердцах всех людей. И как только она высказана, ничего уж нельзя выцарапать из сознания людей. Истина эта ждала и будет ждать еще, но от этого только очевиднее делается и только настоятельнее будет требовать своего исполнения.

Вычеркнуть из христианства нельзя то, что христиане, как говорит Хельчицкий, должны «не быть участниками мудрости мирской», не быть чиновниками, судьями, военными, а переносить все несправедливости смиренно, терпеливо, не оплачивая злом за зло, не ропща и не мстя. Сколько ни старались и ни стараются разговорить эти истины, – истины эти остаются истинами и сквозь все веками придуманные для скрытия их софизмы продолжают прямо, непосредственно захватывать сердца людей.

Как же быть? До сих пор решали дилемму тем, что замалчивали христианство или грубо лгали на него и удерживали государство.

Но не миновать людям попробовать и другое, противоположное решение, отказаться от государства и отдаться христианству.

И решение тем более будет благоразумно, что все государства с своим насильническим устройством до сих пор не только не дали тех благ, которые обещали, а, напротив, все больше и больше увеличивают те бедствия, которые несут люди, и люди все больше и больше извериваются в них.

Вот этому-то новому и благому решению и содействует эта мудрая, сердечная и нужная книга Хельчицкого.

Несколько выдержек из нее помещены в недельных чтениях «Круга чтения».

Л. Н. Толстой

16 СЕНТЯБРЯ (Знание)

Сомнения не разрушают, но укрепляют веру.

1

Я не берусь провести непроводимую черту между Богом и нами. Решения воли, несомненно, наши, но в области высшей, в области свободной мысли и чувства, нельзя не признать Его присутствия. Все наиболее глубокое в нас есть только Его отражение.

Он постоянно воодушевляет нас, никогда не перестает действовать через нас, если только мы соглашаемся желать и делать то, чего Он хочет. Он содействует нашим нравственным усилиям, поддерживает нас в правде, принимает наше сотрудничество в борьбе со злом и открывает нам множество вещей слишком прекрасных, чтобы их можно было выразить словами.

Но малейшая неверность Ему – и Он покидает нас.

Мартино

2

Неверие не в том, что человек верит или не верит, а в том, что человек исповедует то, во что он не верит.

Мартино

3

Бывают минуты, когда перестаешь верить в жизнь духа.

Это не неверие, это – периоды веры в жизнь плоти.

Человек, понимающий то, что жизнь его духовна, вдруг начинает бояться смерти. Это всегда бывает, когда он отуманен чем-нибудь и снова начинает верить в то, что жизнь плотская есть жизнь, точно как в театре можно забыться и поверить, что то, что видишь на сцене, происходит в действительности, и испугаться тому, что видишь там, на сцене.

То же случается и в жизни.

Но и в эти минуты иллюзии религиозный человек знает, что то, что происходит в его плотской жизни, не может лишить его блага его истинной жизни.

В периоды упадка духа надо обращаться с собою как с больным – не шевелиться.

4

Мудрый человек может сомневаться в самые свои хорошие минуты. Беспрепятственность сомнения составляет основу его уверенности. Истинная вера всегда сопутствуема сомнениями. Если бы я не мог сомневаться, я бы не верил.

Торо

Удален от Бога не тот, кто сомневается в Его существовании и мучится этим сомнением, а тот, кто на слово поверил в существование или несуществование Бога и не сомневается в том, что ему сказали.

17 СЕНТЯБРЯ (Устройство жизни)

Владение землей как собственностью, так же, даже более несправедливо, чем рабство, т. е. владение человеком как собственностью.

1

Тот, кто первый, огородив кусок земли, решился сказать: «Эта земля моя» и встретил людей столь простых, что они могли поверить этому, – этот человек был первый основатель того гражданского общества, которое существует теперь. От скольких преступлений, войн, убийств, несчастий, ужасов избавил бы человечество тот, кто, вырвав колья и заровняв канаву, сказал бы: «Берегитесь, не верьте этому обманщику; вы пропали, если забудете, что земля не может принадлежать никому и что плоды ее принадлежат всем».

Руссо

2

Простая справедливость не допускает права земельной собственности, потому что если одна часть земельной поверхности может справедливо быть собственностью одного лица и может быть удерживаема им для его личной выгоды и употребления, как вещь, на которую он имеет исключительное право, то и другие части земельной поверхности могут сделаться такой же собственностью, и возможно, что таковую сделается вся земельная поверхность, и потому земной шар сделается частной собственностью.

Герберт Спенсер

3

Само собою разумеется, что тот факт, что какой-нибудь начальник или землевладелец купил какую-нибудь привилегию или унаследовал ее от отцов, не дает ему еще никакого нравственного права на нее. Вопрос в том, справедливо ли, разумно ли его требование само по себе? Потому что неправда и зло – тем более неправда и зло, чем долее они продолжаются.

Грант Аллен

4

Нельзя утверждать, чтобы существующие права на землю были законны. Пусть тот, кто думает так, просмотрит хроники. Насилие, обман, власть, хитрость – вот те источники, из которых исходят эти права.

Герберт Спенсер

5

Люди, владеющие земельной собственностью, и на словах и в судах осуждают людей за присвоение чужой собственности.

Неужели они не понимают, что им, не переставая отнимающим у народа самую неотъемлемую собственность, надо стгореть со стыда, как только будет упомянуто слово *воровство*, а не осуждать и карать за то, в чем они сами, не переставая, кругом виноваты.

6

Взгляните с точки зрения наблюдателя природы на безземельного человека, на существо, имеющее возможность и способность пользоваться землей, вынужденное своими потребностями пользоваться ею и вместе с тем лишенное права на землю. Это так же неестественно, как птица без воздуха или рыба без воды.

Генри Джордж

7

Частная собственность на землю, никогда не возникавшая из естественных отношений людей, а всегда в истории являвшаяся следствием захвата и грабежа, представляется такой крайней нелепостью, такой грубой несправедливостью, таким явным расточением производительных сил и такой преградой к наиболее выгодному пользованию естественными богатствами, такой противоположностью здоровой общественной политике и таким тормозом к истинному улучшению быта человечества, что она терпит только потому, что большинство людей никогда не думает о ней и не слышит, чтобы они рассуждали.

Генри Джордж

8

Из двух систем рабства, при одном и том же уровне нравственного развития, та система, которая превращает в собственность людей, без сомнения, является более гуманной, чем система, которая превращает в частную собственность землю. При признании земли частной собственностью людей изнуряют работой и голодом, лишают всех радостей и прелестей жизни, обрекают на невежество и скотское существование и доводят до преступлений и самоубийства, как будто без участия чьей-либо воли, а в силу как будто роковой необходимости, за которую никто не ответственен.

Генри Джордж

Несправедливость владения земельной собственностью, как всякая несправедливость, неизбежно связана с целым рядом несправедливостей и злых дел, нужных для охранения ее.

18 СЕНТЯБРЯ (Божественная природа души)

Сущность жизни не в теле, а в сознании.

1

Несомненно справедливо, что если бы у меня не было костей и мускулов и других подобных вещей, то я не мог бы делать того, что я считаю справедливым, но было бы совершенно неверно утверждать, что причина того, что я делаю, есть кости и мускулы, а не любовь к благу. Говорить так значит не уметь различать причину от того, что неразрывно связано с причиной. Большинство же людей, идущих ощупью, как в потемках, делают это и называют причиной то, что только сопутствует причине.

Сократ

2

Объяснять жизнь человеческую не силою духа, а материальною силою или хотя совместным действием обеих этих сил только потому, что духовная жизнь не может проявляться без материальной поддержки тела (посредством пищи, питья и воздуха), столь же неправильно, сколь неправильно было бы объяснять движение паровоза не напором пара, а движением золотника, заведующего своевременным впуском пара в цилиндр.

Действительно, пар не мог бы своевременно попадать из котла в цилиндр, если бы этим не заведывал золотник. Но ведь и золотник, в свою очередь, не мог бы двигаться, если бы это движение ему не передавалось от той самой ведущей оси, которая вращается вследствие напора того же пара.

Таков же мнимо заколдованный круг, в который часто попадают люди, поверхностно обсуждающие отношение души к телу. Выхода из этого мнимо заколдованного круга очень часто или совсем не видят и впадают в дуализм, или же находят его в признании материи за единую основу жизни.

Федор Страхов

3

Божественное живет в нас и не переставая стремится к своему началу.

Сенека

4

Истинная разумная жизнь состоит в том, чтобы признавать причиной своих поступков духовное, не имеющее причины начало и этим началом руководиться в жизни.

Люди же, не признающие духовного начала, берут в руководство поступков причинную связь физическую, ту самую, которая так сложна, что мы никогда не можем знать ее, так как каждое следствие есть следствие следствия.

И потому такие люди никогда не могут иметь твердых оснований для своих поступков.

5

Я называю духом в человеке то начало, которое имеет самостоятельную жизнь в самом себе и возбуждает человека к сознательной жизни.

Марк Аврелий

6

Поняв разрушимость сотворенного, ты узришь вечно неизменное.
*Буддийская мудрость*³⁴

7

Душа невидима, но она, только она, видит.
Талмуд

8

Разумением жив человек. Никогда не приписывай свойства жизни телу – сосуду, заключающему в себе эту внутреннюю силу. Вся оболочка человека жива лишь этой силой разума; без нее она – как челнок без ткача, перо без писца.

Марк Аврелий

Духовное руководит телесным, а не наоборот. И потому, чтобы изменить свое состояние, человек должен работать над собой в области духовной, а не плотской.

³⁴ Дхаммапада

19 СЕНТЯБРЯ (Лжеучение)

Нельзя ни взвесить, ни измерить того вреда, который производила и производит ложная вера.

Вера есть установление отношения человека к Богу и миру и вытекающее из этого отношения определение своего назначения и своей деятельности. Какова же должна быть жизнь человека, если это отношение и вытекающее из него определение назначения ложны?

1

Как ни справедливо то, что религиозное неверие и презрение к Божественному есть великое зло, суеверие есть еще худшее.

Плутарх

2

Спросите у большинства христиан, в чем главное зло, от которого Христос освободил человечество, и они скажут: от ада, от вечного огня, от наказания в будущем. Они соответственно этому думают, что спасение – это нечто такое, что другой может совершить для них. Люди убегают от внешнего ада, когда в действительности они носят в себе тот ад, которого они должны больше всего бояться. Спасение, более всего нужное человеку, то, которое дает освобождение человеку, это – спасение от зла в своей душе. Есть нечто много худшее внешнего наказания. Это – состояние души, возмущившейся против Бога, состояние души, одаренной божественной силой, но отдающей себя во власть животных похотей, – души, которая, живя в виду Бога, боится угрозы или гнева человека и предпочитает человеческую славу своему спокойному сознанию добродетели. Нет погибели хуже этой.

Вот этого-то состояния души, которое нераскаившийся человек уносит с собой в могилу, вот этого-то надо бояться.

Спасть, в настоящем значении этого слова, значит поднять упавший дух, излечить больную душу, вернуть ей свободу мысли, совести, любви. Только в этом состоянии то спасение, которому учил Христос.

К такому спасению направлено все истинное учение христианства.

Чаннинг

3

«Потерять душу» не значит быть обреченным к бесконечному церковному аду, но значит затеряться в чаще страстей и, заблудившись, вертеться в узком круге себялюбивых мыслей, как заблудший в лесу кружится на одном месте.

Из «Передовой мысли мира»

4

С церковностью были, благодаря Бога, установлены определенные отношения. Между нею и философией была проведена разделяющая стена, так что церковность и философия могли идти каждая своим путем, не мешая друг другу. Что же делают теперь? Проламывают разделяющую их стену и под предлогом сделать нас разумными христианами делают нас самыми неразумными философами.

Лессинг

5

Люди живут дурно только оттого, что верят в ложь, а не в истину.

6

Управление церковью иерархией может быть монархическое, аристократическое или демократическое: это касается только внутреннего устройства. Сама церковь остается при всяких формах всегда деспотична. Там, где постановления веры считаются основным законом, там царствует клир, который считает себя вправе не нуждаться ни в разуме, ни в науке, потому что он единый имеющий власть хранитель и толкователь воли невидимого законодателя и, имея власть, может не убеждать, но предписывать.

Кант

Недостаточно откинуть ложную веру, т. е. ложное отношение к миру. Нужно еще установить истинное.

20 СЕНТЯБРЯ (Усилие)

Все доброе приобретается только усилием.

1

Если есть люди, которые не занимаются изучением, а если и занимаются им, то не успевают в нем, то пусть эти люди не отчаиваются и не останавливаются; если есть люди, которые не спрашивают просвещенных людей про сомнительные вещи, которых они не знают, а если и спрашивают, то не делают от этого более просвещенными, – пусть они не отчаиваются; если есть люди, которые не размышляют, а если и размышляют, то не могут приобрести ясного понимания смысла жизни, – пусть они не отчаиваются; если есть люди, которые не отличают добра от зла, а если и отличают, то не имеют ясного представления об этом различии, – пусть они не отчаиваются; если есть люди, которые не делают добра, или если и делают, не отдают ему всех своих сил, – пусть они не отчаиваются; то, что другие сделали бы в один раз, они сделают в десять. То, что другие бы сделали в сто раз, они сделают в тысячу.

Тот, кто действительно будет следовать этому правилу постоянства, как бы он ни был невежественен, он непременно сделается просвещенным, и как бы он ни был слаб, непременно сделается сильным.

Китайская мудрость

2

Входите тесными вратами; потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими; потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их.

Мф. гл. 7, ст. 13—14

3

Легко совершаются дурные дела, – дела, несущие нам самим несчастья; то же, что благотворно и хорошо для нас, делается только с трудом и усилием.

Буддийская мудрость³⁵

4

Никогда путь к доброму знанию не пролегает по шелковистой мураве, усеянной лилиями; всегда человеку приходится взбираться по голым скалам.

Джон Рёскин

³⁵ Дхаммапада

5

Искание истины совершается не с веселием, а с волнением и беспокойством; но все-таки надо искать ее, потому что, не найдя истины и не полюбив ее, ты погибнешь. Но, скажешь ты, если бы истина хотела, чтобы я искал ее и полюбил, то она сама открылась бы мне. Она и открывается тебе, но ты не обращаешь на это внимания. Ищи же истину, – она этого хочет.

Паскаль

6

Доброй жизнью может жить только тот, кто постоянно об этом думает.

Человек закричал бы от боли, если бы, не работая, почувствовал в мышцах ту боль, которую он, не замечая ее, испытывает при работе. Точно так же и человек, не работающий духовную работу над своим внутренним миром, испытывает мучительную боль от тех невзгод, которые, не замечая их, переносит человек, полагающий главное дело жизни в нравственном совершенствовании.

21 СЕНТЯБРЯ (Сила мысли)

Самое легкое и мелкое проявление свободы человека состоит в выборе из нескольких безразличных поступков: пойти направо или налево или оставаться на месте. Более трудное и высокое проявление есть выбор между следованием влечению чувства или воздержанием от него. Самое важное и нужное проявление свободы – это дать своей мысли то или другое направление.

1

Работай над очищением твоих мыслей. Если у тебя не будет дурных мыслей, не будет и дурных поступков.
Конфуций

2

Старайся не думать о том, что ты считаешь дурным.
Эпиктет

3

Все во власти Неба, кроме нашего желания служить Богу или себе.
Нам нельзя мешать птицам пролетать над нашею головою, но мы властны не давать им на ней гнездиться. Точно так же нельзя нам воспрепятствовать дурным мыслям промелькать в голове нашей, но в нашей власти не давать им свить себе там гнездо, чтобы высидывать и выводить злые поступки.
Лютер

4

Едва ли есть что-либо более нужное для знания, для спокойной жизни и для успеха всякого дела, чем умение человека владеть своими мыслями.
Локк

5

Мысли – как гости; мы не ответственны за их первое посещение. Но вновь и часто они будут посещать нас, только смотря по тому, как мы принимаем их. То, что ты думаешь нынче, ты сделаешь завтра.

6

«Он обидел меня, он восторжествовал надо мною, он поработил меня, он оскорбил меня», – в сердце, встревоженном такими мыслями, никогда не угаснет ненависть.

«Он обидел меня, он восторжествовал надо мною, он поработил меня», – кто не дает в себе убежища таким помыслам, тот навсегда заглушит в себе ненависть.

Ибо не ненавистью побеждается исходящее из ненависти: оно угашается любовью – таков вечный закон.

*Буддийская мудрость*³⁶

7

Когда определится взгляд на вещи, то будет приобретено знание; когда приобретено знание, то воля будет стремиться к правде; когда стремление воли удовлетворено, то сердце делается добрым.

Конфуций

8

Блуди себя в мыслях, блуди в слове, охраняй от всего дурного свои действия. Соблюдая чистоту этих трех путей, ты вступишь на путь истины.

*Буддийская мудрость*³⁷

9

Грех не только делать, но и думать дурное.

Зороастр

Чувство возникает независимо от воли человека; но во власти человека мыслью одобрять или не одобрять чувство и потому поощрять или задерживать его.

³⁶ Дхаммапада

³⁷ Дхаммапада

22 СЕНТЯБРЯ (Бессмертие)

Человеку свойственна вера в бессмертие.

1

Каждый чувствует, что он не ничто, в известный момент вызванное к жизни кем-то другим. Отсюда его уверенность, что смерть может положить конец его жизни, но отнюдь не его существованию.

Шопенгауэр

2

Душа не живет в теле, как в доме, а живет в нем, как в временном прибежище.

Индийский Курал

3

Сколько царств не знает нас! Вечное молчание этих бесконечных пространств ужасает меня. Когда я размышляю о краткости моей жизни среди предшествующей и последующей вечности, о ничтожности пространства, которое я занимаю, и даже того, которое вижу, – пространства, пропадающего в бесконечной неизмеримости других пространств, которых я не знаю и которые меня не знают, то я прихожу в ужас и изумляюсь, почему я в одном, а не в другом месте; ибо нет никакого основания быть мне здесь, а не там, в настоящую минуту, а не раньше или позже. Кто меня поместил сюда? По чьему повелению и распоряжению мне назначено именно это место, именно это время?

Жизнь – это воспоминание об одном мимолетном дне, проведенном в гостях.

Паскаль

4

Смертные, нам не долго жить; нам даровано лишь несколько мгновений. Но душа наша не испытывает старости и будет жить вечно.

Фосиклид

5

Мы из опыта видим, что многие люди, убежденные в существовании загробной жизни, тем не менее предаются порокам и совершают низкие

поступки, придумывая средства, как бы хитрее избежать грозящих им в будущем последствий их поведения. И в то же время видим, что всякий истинно нравственный человек всегда знает в глубине души, что жизнь его не кончается со смертью. Поэтому мне кажется более соответствующим человеческой природе обосновывать веру в будущую жизнь на чувствах благородной души и хорошей жизни, чем, наоборот, основывать хорошую, нравственную жизнь на надежде на возмездие в будущей жизни. Такова и есть в действительности истинная нравственная вера, простосердечие которой может возвыситься над разными хитросплетениями и мудрствованиями и которая одна только и подходит к каждому состоянию человека, потому что ведет его прямым, а не окольным путем к его истинным целям.

Кант

6

Страх смерти происходит оттого, что люди принимают за жизнь одну маленькую, их же ложным представлением ограниченную часть ее.

7

Смерть есть разрушение телесных органов, посредством которых я воспринимаю мир, каким он представляется мне в этой жизни. Смерть есть разрушение того стекла, через которое я смотрел на мир. Но разрушение стекла никак не включает в себя уничтожение глаза.

Сознание нашего бессмертия – это голос живущего в нас Бога.

Недельное чтение

Из завещания мексиканского царя

Все на земле имеет свой предел, и самые могущественные и радостные падают в своем величии и радости и повергаются в прах. Весь земной шар – только большая могила, и нет ничего на его поверхности, что бы не скрылось в могиле под землею. Воды, реки и потоки стремятся к своему назначению и не возвращаются к своему счастливому источнику. Все спешат вперед, чтобы похоронить себя в глубине бесконечного океана.

Того, что было вчера, уже нет нынче; и того, что есть нынче, не будет уже завтра. Кладбище полно прахом тех, которые когда-то были одушевлены жизнью, были царями, управляли народами, председательствовали в собраниях, предводительствовали войсками, завоевывали новые страны, требовали себе поклонения, раздувались тщеславием, пышностью и властью.

Но слава прошла, как черный дым, выходящий из вулкана, и не оставила ничего, кроме упоминания на странице летописца.

Великие, мудрые, храбрые, прекрасные, – увы! – где они теперь? Все они смешаны с глиной, и то, что постигло их, постигнет и нас; постигнет и тех, которые будут после нас.

Но мужайтесь вы все – и знаменитые начальники, и истинные друзья, и верные подданные, – будем стремиться к тому небу, где все вечно и где нет ни гниения, ни уничтожения.

Темнота – колыбель солнца, и для блеска звезд нужен мрак ночей.

Тетскуко Незагуал Копотль (Около 1460 года до Р. Хр.).

Смерть Сократа³⁸

Вскоре после смерти Сократа один из учеников его, Эхекрат, встретившись с Федоном, другим учеником Сократа, присутствовавшим при смерти учителя, просил рассказать ему подробно все, что произошло в этот день, что говорили окружающие Сократа, что говорил и делал он сам и как умер.

И Федон рассказал следующее:

– Мы и в этот день пришли, как обыкновенно приходили и в предшествующие дни, в здание суда, рядом с тюрьмою. Привратник, обыкновенно впускавший нас в тюрьму, вышел к нам и сказал, чтобы мы подождали немного, так как теперь у Сократа судьи: они снимают с него оковы и объявляют ему повеление нынче же выпить яд. Прошло немного времени, и привратник вышел к нам и сказал, что мы можем войти. Когда мы вошли, у Сократа была его жена Ксантиппа, с ребенком на руках. Она сидела рядом с ним на его кровати.

Как только Ксантиппа увидела нас, она стала плакать и приговаривать жалостные речи, которые обыкновенно говорят женщины в таких случаях: «Вот друзья твои последний раз будут говорить с тобой и ты с ними» и т. п.

Сократ старался успокоить ее и просил на время оставить нас одних с ним. Когда Ксантиппа ушла, Сократ, согнув ногу, стал потирать ее рукой и, обращаясь к нам, сказал: «Вот, друзья мои, удивительная вещь, как удовольствие связано с страданием! Мне было больно от оков, а теперь, когда их сняли, я испытываю особенное удовольствие. Вероятно, боги, желая примирить две противоположности – страдание и удовольствие, связали их цепью, так что нельзя испытать одно без другого». Сократ хотел еще сказать что-то, но, заметив, что Критон тихо разговаривает с кем-то за дверью, спросил, о чем он говорит.

– А вот тот, который должен дать тебе яд, – сказал Критон, – говорит, что тебе надо говорить как можно меньше. Он говорит, что те, которые разговаривают перед принятием яда, разгорячаются, а тогда яд слабо действует, и приходится пить вдвое и втрое больше.

– Ну что ж, – сказал Сократ, – выпьем и вдвое и втрое, если понадобится, а я думаю, что мне не надо упускать случая поговорить с вами именно теперь и показать, что человек, в продолжение своей жизни стремившийся к мудрости, не только не огорчается, но радуется приближению смерти.

– Как же ты можешь радоваться тому, что ты оставляешь нас? – сказал один из нас.

– Правда, – сказал Сократ, – что это кажется нехорошим с моей стороны, но если вы вникнете в мое положение, то вы, наверно, поймете, что человек, всю жизнь стремившийся к покорению своих страстей, в чем препятствовало ему его тело, не может не радоваться освобождению своему от него. А смерть ведь есть только освобождение. Ведь то совершенствование, о котором мы не раз говорили, состоит в том, чтобы отделить, насколько возможно, душу от тела и приучить ее собираться и сосредоточиваться вне тела в себе самой; смерть же дает это самое освобождение. Так разве не было бы странно, что человек всю жизнь готовится жить так, чтобы быть как можно ближе к смертному бытию, а когда приближение это готово совершиться, недоволен им. И потому, как мне ни жалко расставаться с вами и опечалить вас, я не могу не приветствовать смерть, как осуществление того, чего я достигал в продолжение жизни. Так вот вам, друзья, моя защита в том, что я не печалюсь, оставляя вас. Рад буду, если эта моя защита будет убедительнее той, которую я произнес на суде, – сказал он улыбаясь.

– Но для того чтобы это было так, – сказал на это Кевис, – надо быть уверенным, что душа, выходя из тела, не разрушается и не погибает, как какой-нибудь пар или дым: хорошо бы было верить или знать, что это так. Но беда в том, что нельзя быть в этом уверенным.

³⁸ Из «Разговоров» Платона

– Это правда, – сказал Сократ. – Нельзя быть вполне уверенным, но есть большое вероятие, что это так. Предание говорит, что души умерших людей идут в ад и продолжают там существовать до тех пор, пока не возвращаются вновь в мир и вновь рождаются из умерших. Можно верить и не верить преданию, но есть большое вероятие того, что люди рождаются из умерших, потому что не только люди, но все животные, растения – все возрождается из умершего. А если это так, то жизнь не может бояться смерти и смерть есть только возрождение к новой жизни. Подтверждается это еще тем, что все мы, живя в этом мире, носим в себе как бы воспоминания о прежней жизни души. А воспоминаний не могло бы быть, если бы душа не жила прежде этой жизни. Так что, хотя тело человека и смертно, душа с своей способностью знания, воспоминания не может умереть вместе с телом. Но мало того, что все наши знания представляют только воспоминания о прежней жизни души, главное доказательство присутствия в нас независимой от тела и неумирающей души – то, что душе нашей не только свойственны вечные идеи красоты, добра, справедливости, истины, но идеи эти составляют самую сущность нашей души. А так как идеи эти не подлежат смерти, то также не подлежит смерти и наша душа.

Сократ кончил, и мы все молчали, только Кебес и Симлий что-то тихо говорили между собой.

– О чем это вы говорите? – спросил Сократ. – Если вы говорите о том, о чем сейчас говорили, то скажите, что вы думаете. Если вы не согласны или знаете лучшее объяснение, то скажите прямо.

– Я скажу правду, – сказал Симлий, – я не совсем согласен с тем, что ты сказал, и желаю спросить тебя, но боюсь вопросом сделать тебе в твоём положении неприятное.

– Как, однако, трудно, – сказал Сократ, улыбаясь, – убедить людей в том, что я не считаю за несчастье то, что со мной случилось. Если я не могу убедить даже вас, то как же убедить других людей? Напрасно ты думаешь, что я теперь нахожусь в ином расположении духа, чем обыкновенно. Скажи же, в чем твоё сомнение?

– Если так, – сказал Симлий, – то я прямо скажу то, в чем сомневаюсь. Мне кажется, Сократ, что то, что ты сказал о душе, не вполне доказано.

– В чем? – спросил Сократ.

– В том, – сказал Симлий, – что то, что ты сказал о душе, можно сказать о строе лиры. Можно сказать, что хотя лира сама по себе с своими струнами есть нечто телесное, земное и преходящее, но строй лиры и звуки, которые она издает, представляют нечто бестелесное и не подлежащее смерти, и что поэтому если лира и сломается и струны ее порвутся, то все-таки тот строй и те звуки, которые она производила, не могут умереть и непременно остаются где-нибудь и после разрушения лиры. А между тем мы знаем, что как гармония лиры есть следствие сочетания в известном напряжении натянутых струн, так и наша душа есть соединение и взаимодействие находящихся в известном отношении различных элементов тела, и что поэтому, как гармония лиры уничтожается с разрушением составных частей ее, так и душа уничтожается вследствие нарушения отношений, составляющих наше тело; нарушения же эти совершаются вследствие разных болезней или чрезмерного ослабления или напряжения составных частей тела.

Когда Симлий кончил, у всех нас явилось неприятное чувство, как мы после сообщили друг другу. Едва только мы уверились словами Сократа в бессмертии души, как сильные доводы противного опять смутили нас и породили недоверие не только к тому, что было, но, как нам показалось, и всему, что могло быть сказано по этому предмету.

Я часто удивлялся Сократу, но никогда более, как в этот раз. Что он не затруднился ответом, тут нет еще ничего удивительного, но я больше всего удивлялся тому добродушию и спокойствию, с которыми он благосклонно и одобрительно выслушал речь Симлия, и тому,

как он потом, подметив впечатление, произведенное на нас этой речью, искусно помог нам выйти из сомнения.

Я в это время сидел по правой стороне его, у его кровати, на низком стуле, а он, сидя на кровати, был выше меня. Он имел привычку играть моими волосами. Так и теперь, погладив рукой мою голову и сжав мои волосы на затылке, он сказал:

– Завтра, Федон, ты обстрижешь эти прекрасные волосы.

– Да, – сказал я.

– Но погоди остригать их, а сделай, как я.

– Что же? – спросил я.

– А вот что. Обещаем остричь волосы ты свои завтра, а я свои сегодня же, но только если не сумеем защитить свои доводы.

Я шутя сказал, что я согласен, и тогда Сократ обратился к Симлию:

– Хорошо, Симлий, – сказал он. – Душа подобна гармонии. И как гармония возникает при правильном отношении лиры и струн, так же и душа возникает от известного отношения элементов тела. А если это так-то, как согласить это с тем, что мы только что говорили, и с чем ты был согласен, что все знания наши суть воспоминания того, что мы знали в предшествовавших существованиях. Если же душа существовала прежде, чем то тело, в котором она теперь находится, то как же может она быть последствием известного соотношения частей тела. Так что, если мы признаем то, что все наши знания суть воспоминания прежних существований, то мы должны признать и то, что душа наша имеет существование, независимое от условий, в которых находится тело. Кроме того, различие между гармонией и душой еще и то, что гармония не сознает сама себя, душа же сознает свою жизнь и не только сознает, но и управляет ею. Гармония не может изменить положение лиры и зависит от него, душа же независима от тела и может совершенно изменить его состояние. Так, например, сейчас все элементы моего тела находятся в правильном, таком же, как и вчера, соотношении, а между тем моя душа решила то, что нарушит очень скоро это правильное отношение элементов, потому что, как вы знаете, если бы я согласился с предложением Критона бежать из тюрьмы, то я бы был теперь далеко отсюда, а не сидел бы здесь, беседуя с вами в ожидании казни. Не согласился же я на предложение Критона потому, что считал более справедливым подчиниться решению республики, чем уклониться от него.

Так что выходит то, что гармония приговорила лиру к разрушению, т. е. что есть во мне нечто такое, что сознает свое неумирающее начало.

И потому, хотя я и не могу с полной очевидностью доказать этого, сознавая в себе начало разумное и свободное, превышающее телесную оболочку, в которой оно находится, я не могу не верить в то, что душа моя бессмертна.

Если же душа бессмертна, – продолжал Сократ, – то мы обязаны заботиться о ней не только для этой жизни, но и для той, в которую она переходит при смерти тела.

Потому что если душа бессмертна и уносит с собой в другие жизни то, что приобрела здесь, то как же не стараться сделать ее сколь возможно более хорошей и мудрой.

И, помолчав немного, он прибавил:

– Однако, друзья мои, мне кажется, уже пора заняться омовением, потому что лучше выпить яд обмытому, чтобы не доставлять женщинам труд обмывать мертвое тело.

Когда он сказал это, Критон спросил его, что он поручает нам исполнить относительно его детей.

– То, что я всегда говорил, Критон, – сказал он, – ничего нового. Заботясь о самих себе, о своей душе, вы сделаете самое лучшее и для меня, и для моих сыновей, и для вас самих, хотя бы и не обещались мне этого.

– Мы постараемся поступать так, – ответил Критон – Но как похоронить тебя?

– Как хотите, – ответил он и, улыбнувшись, прибавил: – Я все-таки, друзья мои, не могу убедить Критона в том, что Сократ – это только тот я, который сейчас беседует с вами, а не тот, кого он через несколько времени увидит неподвижным и холодным.

Сказавши это, он встал и пошел в комнату, чтобы омыться. Критон пошел за ним, и нам же он приказал ожидать. Итак, мы ожидали, разговаривая между собой о том, что было говорено, и о том несчастье, которое постигло нас, лишая нас друга, учителя и руководителя.

Когда Сократ окончил омовение и к нему были приведены его дети – у него было два маленьких сына и один взрослый – и когда вошли его домашние женщины, он, поговоривши с ними, выслал женщин и детей и опять вышел к нам. Уже было близко к солнечному закату, когда Сократ вышел к нам. Скоро после него вошел слугитель одиннадцати и, подошедши к Сократу, сказал:

– Сократ, ты, конечно, не будешь обвинять меня, раздражаться и бранить меня, как раздражаются и бранят меня приговоренные, когда я по приказанию одиннадцати требую, чтобы они выпили яд. Я узнал тебя за это время и считаю тебя человеком самым благородным, кротким и лучшим из всех тех, которые входили сюда, а потому надеюсь, что и теперь ты негодуешь не против меня, – потому что ты знаешь виновников дела, а против них. Я пришел объявить тебе, что время пить яд, – прощай и старайся перенести как можно легче то, что неизбежно.

Сказав это, слугитель заплакал, – отвернулся в сторону и вышел.

– И ты прощай, – сказал Сократ, – мы же сделаем свое дело. – А затем, обратившись к нам, прибавил: – Какой хороший человек. За это время он навещал меня, беседовал со мною, и я узнал в нем очень хорошего человека. И теперь как трогательно он жалеет меня. Ну, Критон, исполним же его требование, пусть мне принесут яд, если он готов.

– Я думаю, Сократ, – возразил Критон, – что солнце еще высоко, да кроме того, многие принимают яд только очень поздно, а весь вечер пиршествуют, некоторые же даже наслаждаются и удовольствиями любви. Спешить незачем. Есть еще время.

– Те, о которых ты говоришь, любезный Критон, – сказал Сократ, – имели основание поступать так, как поступали, думая, вероятно, что это хорошо для них, я же думаю иначе. Я думаю, что, выпивши яд немного позже, я не выиграю ничего, кроме того, что сделаюсь смешным в собственных глазах. Поди и вели принести яд.

Критон, выслушав это, сделал знак стоявшему за дверью слуге. Слуга вышел и скоро возвратился, ведя с собой человека, который должен был дать Сократу яд.

– Тебе знакомы эти вещи, – сказал ему Сократ, – научи, что нужно делать.

– Нужно только, – ответил тот, – выпивши, ходить до тех пор, пока не отяжелеют ноги, когда же отяжелеют, то лечь, и яд сделает свое дело.

Сказав это, он подал Сократу чашу. Сократ взял ее и с веселым видом, без малейшего страха, несколько не изменившись ни в лице, ни во взоре, но, взглянув, по своему обычаю, пристально на тюремщика, спросил:

– Что ты думаешь относительно возлияния из этого питья в честь какого-нибудь божества: можно или нет?

– Мы приготовили, Сократ, столько, – ответил тот, – сколько считали необходимым.

– Хорошо, – сказал Сократ – Но все-таки должно помолиться богам о том, чтобы переселение мое отсюда туда совершилось благополучно: об этом я и молюсь теперь.

Сказавши это, он поднес чашу ко рту и, не отрываясь, без страха и колебания, выпил все, что в ней было. До этой минуты мы удерживались и не плакали, но когда увидели, что он пьет и уже выпил, то не могли долее удерживаться: у меня против воли полились слезы; закутав голову в плащ, я плакал о себе самом: не его, а свое собственное несчастье оплакивал я, теряя в нем такого друга. Критон, который еще раньше меня не мог удержать своих слез, вышел. Аполлдор и прежде не переставал плакать, теперь же разразился рыданиями.

– Что вы делаете, удивительные вы люди? – сказал Сократ. – Я выслал женщин, чтобы они не сделали чего-нибудь подобного. Умирать должно в благоговейном молчании. Успокойтесь и будьте мужественны.

Сделав над собою усилие, мы перестали плакать. А он походил молча несколько времени, подошел к кровати и, сказав, что у него тяжелеют ноги, лег на спину так, как ему советовал лечь слугитель, принесший яд.

Он лежал неподвижно; слугитель же время от времени трогал его ноги и голени. Сжав ему одну ногу, слугитель спросил, чувствует ли он? Сократ отвечал: «нет». Потом он снова, нажимая руки на голени и ляжки, показывал нам, что Сократ холодеет и коченеет.

– Как только холод дойдет до сердца, – сказал он, – тогда конец.

Холод доходил уже до нижней части живота, когда Сократ, вдруг раскрывшись – потому что он был накрыт, – сказал свое последнее слово:

– Не забудьте принести Асклепию в жертву петуха.

Очевидно, он хотел сказать этим то, что он благодарен богу врачебной науки, который посредством изобретенного им средства излечил его от жизни.

– Исполним, – ответил Критон. – Но не имеешь ли ты еще чего-нибудь сказать?

На этот вопрос Сократ уже ничего не ответил, а спустя немного времени сделал судорожное движение, после чего слугитель раскрыл его. Взор его уже был неподвижен. Критон подошел к нему и опустил ему веки на открытые, остановившиеся глаза.

23 СЕНТЯБРЯ (Знание)

Как бы велико ни казалось знание людей в сравнении с прежним незнанием, оно всегда только бесконечно малая часть всего возможного знания.

1

Сократ не имел столь обычной для ученых слабости толковать о всем существующем, отыскивать происхождение того, что софисты называют природой, и восходить до основных причин, от которых произошли небесные тела. «Неужели, – говорил он, – люди так много занимаются тем, что так мало касается человека потому, что считают, что постигли всё то, что важно человеку знать; или думают они, что можно пренебрегать теми вещами, которые подлежат нашему изучению, а углубляться в те тайны, которые не подлежат ему».

В особенности удивлялся он слепоте тех ложных ученых, которые не понимают того, что человеческий ум не может проникнуть в эти тайны. «Потому-то, – говорил он, – все эти люди, воображающие, что смеют толковать о них, далеко не сходятся в своих основных мнениях, и когда послушаешь их всех вместе, то кажется, что находишься среди сумасшедших. И действительно, какие отличительные признаки несчастных, одержимых безумием? Они боятся того, в чем нет ничего страшного, и не страшатся того, что действительно опасно».

Ксенофонт

2

Странно думать, что науки могут когда-нибудь быть враждебны религии. Науки, если они тщеславны, становятся враждебны не только религии, но и истине; истинная же наука не только не враждебна религии, но всегда содействует ей.

Джон Рёскин

3

Лучше бы не родиться тому, кто надеется приподнять завесу с того, что выше и ниже нас, что было раньше и что будет после.

Талмуд

4

Знание бесконечно, и человек, самый ученый по мнению людей, так же далек от истинного знания, как и безграмотный крестьянин.

Джон Рёскин

5

Мы не можем представить себе наше невежество иначе, как только с помощью науки, так же как слепой не может представить себе тьмы, пока он не прозреет.

Кант

Лучше знать меньше, чем можно, чем знать больше, чем нужно. Не бойся незнания, бойся лишнего, обременяющего, только для тщеславия приобретенного знания.

24 СЕНТЯБРЯ (Вегетарианство)

Извинительно бы было не оставлять мясоедения, если бы оно было необходимо и оправдывалось какими бы то ни было соображениями. Но этого нет. Это просто дурное дело, не имеющее в наше время никакого оправдания.

1

Какая борьба за существование или какое неудержимое безумие понудило вас обогреть ваши руки кровью, чтобы питаться мясом животных? Зачем вы, пользующиеся всем необходимым и всеми удобствами существования, делаете это? Зачем клевете вы на землю, как будто она не в состоянии без мяса животных питать вас?

Плутарх

2

Если бы мы не были так слепо подчинены поработившему нас обычаю, то никто из сколько-нибудь чутких людей не мог бы помириться с мыслью, что для нашего прокормления приходится ежедневно убивать такое множество животных, несмотря на то что благодетельная земля наделяет нас самыми разнообразными растительными сокровищами.

Бернар де-Мандевиль

3

Вы спрашиваете меня, на каком основании Пифагор воздерживался от употребления мяса животных? Я, с своей стороны, не понимаю, какого рода чувство, мысль или причина руководила тем человеком, который впервые решился осквернить свой рот кровью и позволил своим губам прикоснуться к мясу убитого существа. Я удивляюсь тому, кто допустил на своем столе искаженные формы мертвых тел и потребовал для своего ежедневного питания то, что еще так недавно представляло собою существа, одаренные движением, пониманием и голосом.

Плутарх

4

Извинением для тех жалких существ, которые первые прибегли к мясоедению, может служить полное отсутствие и недостаток средств для жизни, так как они (первобытные народы) приобрели кровожадные привычки не из потворства своим прихотям и не для того, чтобы предаться

ненормальному сластолюбию среди избытка всего необходимого, а из нужды.
Но какое может быть оправдание нам в наше время?

По Плутарху

5

Как на одно из доказательств того, что мясная пища несвойственна человеку, можно указать на равнодушие к ней детей и на предпочтение, которое они всегда оказывают овощам, молочным блюдам, печеньям, фруктам и т. п.

Руссо

6

Баран гораздо менее предназначен для человека, чем человек для тигра, так как тигр – животное плотоядное, а человек не создан таковым.

Ритсон

Большая разница между человеком, не имеющим другой пищи, кроме мяса, или таким, который ничего не слышал о грехе мясоедения и наивно верит в Библию, разрешающую поедание животных, и всяким грамотным человеком нашего времени, живущим в стране, где есть овощи и молоко, который знает все то, что высказано учителями человечества против мясоедения. Такой человек совершает великий грех, продолжая делать то, что уже не может не признавать дурным.

25 СЕНТЯБРЯ (Труд)

Труд не есть добродетель, но неизбежное условие добродетельной жизни.

1

Помните всегда великую и неизменную истину, что то, что вы имеете, не может иметь никто другой и что каждая частица любого вещества, которым вы пользуетесь или которое вы потребляете, представляет собою частицу человеческой жизни.

Джон Рёскин

2

Бывает труд ненужный, суетливый, нетерпеливый, раздраженный, мешающий другим и обращающий на себя внимание. Такой труд гораздо хуже праздности. Настоящий труд – всегда тихий, равномерный, незаметный.

3

То, что можешь сделать сам, не налагай на другого. Всякий пусть метет перед своей дверью. А если каждый будет делать это, вся улица будет чиста.

4

Есть только три пути, какими человек может приобретать богатство: путем труда, путем выпрашивания и путем кражи. И если трудящиеся получают так мало, то только потому, что слишком много приходится на долю нищих и воров.

Генри Джордж

5

Если человек, живя один, уволит себя от обязанности борьбы с природою, он тотчас же казнится тем, что тело его погибает. Если же человек уволит себя от этой обязанности, заставляя других людей исполнять ее, то он тотчас же казнится тем, что свойственное человеку движение совершенствования останавливается.

6

Мало того, что вы трудолюбивы! Над чем вы трудитесь?

Торо

7

Если есть человек праздный, то есть другой человек – трудящийся через силу. Если есть человек пресыщенный, то есть другой – голодный.

Большая часть занятий праздных людей, считаемых ими трудами, есть забава, не только облегчающая труд других, но накладывающая на них новые труды. Таковы все роскошные забавы.

26 СЕНТЯБРЯ (Закон)

Закон нравственный одинаково ясно выражен и истинной мудростью и истинной верой.

1

Не требуется исключительного глубокомыслия, чтобы понять, что надо сделать, чтобы воля была доброй. Неопытный в понимании мирового целого, неспособный разобраться, дать отчет во всех событиях, совершающихся в нем, – я спрашиваю себя только об одном: согласен ли я, чтобы побуждения, которыми я руководжусь в поступках, стали обязательным законом для всех? Если нет, то мои побуждения негодны, и негодны не только вследствие вреда, который может приключиться от них мне или другим, но потому, что они непригодны для того, чтобы стать основой законов, обязательных для всех; а между тем разум заставляет меня непосредственно уважать такие законы; хотя я еще и не понимаю, на чем основано это уважение, но понимаю то, что уважаю я в этих законах нечто такое, что по своей ценности далеко превосходит все подсказываемое мне склонностями и что поступать из одного только уважения к нравственному закону есть такой долг, перед которым должно отступить всякое другое побуждение.

Кант

2

И один из них, законник, искушая Его, спросил, говоря: Учитель! какая наибольшая заповедь в законе? Иисус сказал ему: возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим. Сия есть первая и наибольшая заповедь. Вторая же, подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя. На сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки.

Мф. гл. 22, ст. 35—40

3

Весь мир подчинен одному закону, и во всех разумных существах единый разум. И потому для разумных людей понятие о совершенстве одно.

Марк Аврелий

4

Помни, что есть Бог, который хочет не хвалы или славы от людей, созданных им по подобию своему, а того, чтобы они, руководясь данным им разумением, поступками своими уподоблялись ему. Ведь смоковница верна своему делу, собака, пчела также. А человек неужели не исполнит своего

призвания. Но эти великие, святые истины меркнут в памяти твоей; суета ежедневной жизни, неразумный страх, немощь духа и привычка быть рабом заглушают его.

Марк Аврелий

5

Вечно новым и постоянно возрастающим удивлением и благоговением две вещи наполняют душу, чем чаще и постояннее ими занимается размышление: звездное небо надо мною и закон нравственности во мне.

Кант

6

Во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними: ибо в этом закон и пророки.

Мф. гл. 7, ст. 12

Нравственный закон так ясен, что людям нельзя отговариваться незнанием закона. Им остается одно: отречься от разума; они это и делают.

27 СЕНТЯБРЯ (Осуждение)

Осуждение ближнего есть забава, от которой людям, не понимающим всего вреда этой забавы, трудно удержаться. Понимая же весь вред осуждения, грешно не воздерживаться от него только из-за забавы.

1

По тем мыслям, которые человек высказывает, нельзя судить о том, как он поступал бы на деле. Также и наоборот: по делам человека очень трудно судить о том, ради чего он так поступает, какие у него в голове мысли, а в душе побуждения. Если я вижу, что человек без устали хлопочет, читает, пишет или работает с утра до ночи, или даже просиживает за своей работой целые ночи напролет, то я еще не скажу, что человек этот любит трудиться, или трудится ради пользы людей, если я не знаю, зачем он все это делает. Ведь никто не скажет про человека, который по целым ночам кутит с распутными женщинами, что он полезен или что он любит трудиться. И не только скверные, но как будто и прекрасные дела часто делаются ради скверных целей, например из-за денег или ради славы; и нельзя сказать про человека, поступающего так, что он трудолюбив и полезен, как бы неумоимо он ни работал и какие бы громкие дела ни совершал. Я скажу про человека, что он любит труд и полезен людям, только тогда, когда узнаю, что он трудится для души своей – для Бога.

Но чужая душа потемки. Как же я узнаю внутренние побуждения человека, известные только ему самому?

И выходит, что человек не может судить человека, т. е. осуждать или оправдывать его, ни хвалить, ни порицать.

Эпиктет

2

Желая судить меня, будьте не со мной, а во мне.

Мицкевич

3

Добрым так же трудно предполагать зло в других, как злым предполагать доброе.

4

В спорах забывается истина. Прекращает спор умнейший.

5

Главное наше несовершенство в нашем внутреннем зрении: мы страшно дальнорорки для того, чтобы увидеть дурное в других, но дурное в нас невидимо для нас.

Браун

6

Тот истинно благороден, кто легко прощает заблуждения людей и в то же время так боится сделать что-нибудь дурное, как будто он никогда никого не прощал.

Плиний Младший

Как только начинаешь судить человека, помни о том, чтобы не сказать про него дурного даже и тогда, когда ты наверно знаешь про это дурное, а тем более когда ты не знаешь, а повторяешь только чужие слова.

28 СЕНТЯБРЯ (Внушение)

Большая часть поступков людей совершается не по рассуждению, даже не по чувству, а по бессознательному подражанию, по внушению.

1

Поступки, совершаемые по внушению, могут быть добрые и злые. Только поступки, совершенные сознательно, по требованиям совести, не могут быть дурными. А между тем на тысячи поступков, совершаемых нами по внушению, едва ли найдется один, совершаемый сознательно.

2

Просвещение есть выход человека из своего, им же самим поддерживаемого ребячества. Ребячество состоит в его неспособности пользоваться своим разумом без руководства другого. И ребячество это поддерживается самим же человеком, когда причина его лежит не в недостатке разума, но в недостатке решительности и мужества пользоваться им без руководства другого.

Кант

3

Имей мужество пользоваться собственным разумом. Это руководящее правило для просвещения.

Кант

4

Если бы человек из всех голосов, говорящих в его душе, мог бы безошибочно узнавать голос своего истинного, вечного я, он никогда бы не ошибался, не делал зла. Для этого-то и нужно знать самого себя.

5

Посмотрите внимательно на причины невежества народных масс, и вы увидите, что главная причина никак не в недостатке школ и библиотек, как мы привыкли думать, а в тех суевериях, которые внушаются им и, не переставая, поддерживаются в них всеми средствами внушения теми людьми, которым выгодны эти суеверия.

6

Истинное просвещение распространяется только примером нравственной жизни. Вся же мнимо просветительная деятельность школ, книг, газет, театров и т. п. не только не имеет ничего общего с просвещением, но большею частью прямо противоположна ему.

Всякий раз, когда чувствуете, что готовы поступить не по рассуждению и не по внутреннему своему побуждению, а по внешнему, чужому воздействию, остановитесь и подумайте, хорошо или дурно то внушение, которое влечет вас.

29 СЕНТЯБРЯ (Война)

Кроме всех бедствий и ужасов войны, одно из величайших зол ее – это извращение умов: существует войско, военные издержки, надо объяснить это. Разумно объяснить нельзя, и потому извращается разум.

1

Вот что говорит в сказке Вольтера выставляемое им лицо Микромегас, существо с другой планеты, разговаривающий с людьми.

– О вы, разумные атомы, в которых вечное существо выразило свое искусство и свое могущество, вы, верно, пользуетесь чистыми радостями на вашем земном шаре, потому что, будучи так мало материальны и так развиты духовно, вы должны проводить вашу жизнь в любви и мышлении, так как в этом настоящая жизнь духовных существ.

На эту речь все философы покачали головами, и один из них, наиболее откровенный, сказал, что за исключением малого числа мало уважаемых деятелей все остальное население состоит из безумцев, злодеев и несчастных.

– В нас больше телесности, чем нужно, если зло происходит от телесности, и слишком много духовности, если зло происходит от духовности, – сказал он. – Так, например, в настоящую минуту тысячи безумцев в шляпах убивают тысячи других животных в чалмах или убиваемы ими, и так это ведется с незапамятных времен по всей земле.

– Из-за чего же ссорятся маленькие животные?

– Из-за какого-нибудь маленького кусочка грязи, величиной с вашу пятку, – отвечал философ, – и ни одному из людей, которые режут друг друга, нет ни малейшего дела до этого кусочка грязи. Вопрос для них только в том, будет ли этот кусочек принадлежать тому, кого называют султаном, или тому, кого называют кесарем, хотя ни тот, ни другой никогда не видал этого кусочка земли. Из тех же животных, которые режут друг друга, почти никто не видал того животного, ради которого они режутся.

– Несчастные, – вскрикнул житель планеты Сириуса. – Можно ли представить себе такое безумное бешенство! Право, мне хочется сделать три шага и раздавить весь муравейник этих смешных убийц.

– Не трудитесь делать это, – отвечали ему. – Они сами заботятся об этом. Впрочем, и не их надо наказывать, а тех варваров, которые, сидя в своих дворцах, предписывают убийства людей и велят торжественно благодарить за это Бога.

Вольтер

2

Может ли быть что-нибудь нелепее того, что человек имеет право убить меня, потому что он живет на той стороне реки и что его государь в ссоре с моим, хотя я и не ссорился с ним?

Паскаль

3

Придет время, когда народы поймут безумие войны.

Четыре века тому назад жители Пизы и Лукки были разделены между собой такой жестокой ненавистью, что она казалась вечной и что самый ничтожный носильщик Пизы считал бы постыдной изменой воспользоваться чем-нибудь от самого первого гражданина Лукки. И что же осталось теперь от этой ненависти? Что останется от нелепой ненависти пруссака к французу? Можно быть смело уверенным, что эти чувства покажутся нашим потомкам, как ненависть афинян к спартамцам или жителей Пизы к жителям Лукки. Люди поймут, что у них есть более нужные дела, чем нападение друг на друга; что их общие враги – это нищета, невежество, болезни; и что усилия их должны быть направлены против этих ужасных бедствий, а не против своих сотоварищей в несчастьи.

Шарль Рише

4

Различные государства Европы накопили долг в 130 миллиардов, из которых около 110 сделано в продолжение одного века. Весь колоссальный долг этот сделан исключительно для расходов по войне. Европейские государства держат в мирное время в войске более 4 миллионов людей и могут довести это число до 19 миллионов в военное время. Две трети их бюджетов поглощены процентами на долг и содержание армий сухопутных и морских.

Молинари

5

Если бы путешественник увидал на каком-нибудь отдаленном острове людей, дома которых были бы обставлены заряженными орудиями и вокруг этих домов ходили бы днем и ночью часовые, он не мог бы не подумать, что на острове живут одни разбойники. Разве не то же с европейскими государствами?

Как же мало влияния имеет на людей религия, или как мы еще далеки от истинной религии!

Лихтенберг

Не пытайся ни оправдывать, ни отрицать войны и существования военного сословия: всякое приложение разумных доводов к делу явно дурному может только извратить ум и сердце.

Недельное чтение

За что?

I

В 1830 году весной к пану Ячевскому в его родовое имение Рожанку приехал единственный сын его умершего друга молодой Иосиф Мигурский. Ячевский был 65-летний широколобый, широкоплечий, широкогрудый старик, с длинными белыми усами на кирпично-красном лице, патриот времен второго раздела Польши. Он юношей вместе с Мигурским – отцом служил под знаменами Костюшки и всеми силами своей патриотической души ненавидел апокалипсическую, как он называл ее, блудницу Екатерину II и изменника, мерзкого ее любовника Понятовского, и так же верил в восстановление Речи Посполитой, как верил ночью, что к утру опять взойдет солнце. В 12-м году он командовал полком в войсках Наполеона, которого он обожал. Погибель Наполеона огорчила его, но он не отчаивался в восстановлении хотя и искалеченного, но все-таки царства Польского. Открытие сейма в Варшаве Александром I оживило его надежды, но священный союз, реакция во всей Европе, самодурство Константина отдаляло осуществление заветного желания. С 25-го года Ячевский поселился в деревне и безвыездно жил в своей Рожанке, занимая время хозяйством, охотой и чтением газет и писем, посредством которых он все-таки горячо следил за политическими событиями в своем отечестве. Он был женат вторым браком на бедной красивой шляхтенке, и брак этот был несчастлив. Он не любил и не уважал этой своей второй жены, тяготился ею, дурно, грубо обращался с нею, как будто вымещая на ней свою ошибку второго брака. Детей от второй жены не было. От первой же жены было две дочери: старшая, Ванда, величавая красавица, знавшая цену своей красоте и скучавшая в деревне, и меньшая, Альбина, любимица отца, живая, костлявая девочка, с вьющимися белокурыми волосами и широко, как у отца, расставленными большими блестящими голубыми глазами.

Альбине было 15 лет, когда приехал Иосиф Мигурский. Мигурский и прежде студентом бывал у Ячевских в Вильно, где они жили по зимам, и ухаживал за Вандой, теперь же в первый раз уже вполне взрослым, свободным человеком приехал к ним в деревню. Приезд молодого Мигурского был приятен всем жителям Рожанки. Старику Иозё Мигурский был приятен тем, что напоминал ему друга, его отца, в то время, как они оба были молоды, и еще тем, что с жаром и самыми розовыми надеждами рассказывал о революционном брожении не только в Польше, но и за границей, откуда он только что приехал. Пани Ячевской Мигурский был приятен тем, что при гостях старик Ячевский сдерживался и не бранил ее за все, как обыкновенно. Ванде он был приятен потому, что она была уверена, что Мигурский приехал для нее и намеревается ей сделать предложение: она готовилась дать ему согласие, но намеревалась, как она сама с собой говорила: *lui tenir la dragee haute*.³⁹ Альбина была рада тому, что все были рады. Не одна Ванда была уверена в том, что Мигурский приехал с намерением сделать ей предложение. Это думали все в доме – от старика Ячевского до няни Лудвики, хотя никто и не говорил этого.

И это была правда. Мигурский приехал с этим намерением, но, пробыв неделю, он, чем-то смущенный и расстроенный, уехал, не сделав предложения. Все были удивлены этим неожиданным отъездом, и никто, кроме Альбины, не понимал его причины. Альбина знала, что при-

³⁹ Помучить его, чтобы он оценил (*фр.*)

чиной этого странного отъезда была она. Во все время пребывания его в Рожанке она замечала, что Мигурский был особенно возбужден и весел только с нею. Он обращался с ней, как с ребенком, шутил с ней, дразнил ее, но она женским чутьем чуяла, что в этом обращении его с нею было не отношение взрослого к ребенку, а мужчины к женщине. Она видела это в том любующемся взгляде и ласковой улыбке, с которыми он встречал ее, когда она входила в комнату, и провожал, когда она выходила. Она не отдавала себе ясного отчета о том, что такое это было, но это его отношение к ней веселило ее, и она невольно старалась делать то, что нравилось ему. Нравилось же ему все, что она бы ни делала. И потому она в его присутствии с особенным возбуждением делала все, что делала. Ему нравилось, как она наперегонки бегала с прекрасным хортым (борзая собака), прыгавшим на нее и лизавшим ее в раскрасневшееся сияющее лицо; нравилось, как она при малейшем поводе заливалась заразительно звонким смехом; нравилось, как она, продолжая весело смеяться глазами, принимала серьезный вид при скучной проповеди ксендза; нравилось, как с необыкновенной верностью и комизмом представляла то старую няню, то пьяного соседа, то его самого, Мигурского, мгновенно переходя от изображения одного к изображению другого. Нравилось, главное, ее восторженная жизнерадостность, точно как будто она только что сейчас узнала вполне всю прелесть жизни и спешила воспользоваться ею. Ему нравилась эта особенная ее жизнерадостность, а жизнерадостность эта возбуждалась и усиливалась именно тем, что она знала, что эта жизнерадостность восхищает его. И потому одна Альбина знала, отчего Мигурский, приехавший, чтобы сделать предложение Ванде, уехал, не сделав его. Хотя она никому не решилась бы сказать этого, не говорила этого ясно и сама себе, она в глубине души знала, что он хотел полюбить сестру и полюбил ее, Альбину. Альбина очень удивлялась этому, считая себя вполне ничтожной в сравнении с умной, образованной красавицей Вандой, но не могла не знать, что это так, и не могла не радоваться этому, потому что сама всеми силами своей души полюбила Мигурского, полюбила так, как любят только в первый раз и только один раз в жизни.

II

В конце лета газеты принесли известие о парижской революции. Вслед за этим стали приходить известия о готовящихся беспорядках в Варшаве. Ячевский с страхом и надеждой ожидал с каждой почтой известия об убийстве Константина и начале революции. Наконец в ноябре получились в Рожанке сначала весть о нападении на бельведер, о бегстве Константина Павловича, потом о том, что сейм объявил династию Романовых лишеной польского престола, что Хлопицкий объявлен диктатором и польский народ опять свободен. Восстание не дошло еще до Рожанки, но все обитатели ее следили за ходом его, ожидали его у себя и готовились к нему. Старик Ячевский переписывался со старым знакомым, одним из главарей восстания, принимал таинственных евреев факторов, не по хозяйственным, а по революционным делам, и готовился присоединиться к восстанию, когда настанет время. Пани Ячевская не только как всегда, но еще более, чем всегда, заботилась о материальных удобствах мужа и, как всегда, этим самым все больше и больше раздражала его. Ванда отослала свои брильянты подруге в Варшаву, с тем чтобы вырученные деньги отдать в революционный комитет. Альбина интересовалась только тем, что делает Мигурский. Через отца она знала, что он поступил в отряд Дворницкого, и старалась узнать все то, что касалось этого отряда. Мигурский писал два раза: один раз извещал о том, что он поступил в войско, другой раз в половине февраля писал восторженное письмо о победе поляков при Сточке, где взяли 6 русских орудий и пленных: «Zwycikstwo Polakow i klkska Moskali! Wiwat!»⁴⁰ – заканчивал он письмо. Альбина была в восторге. Она рассматривала карту, рассчитывала, где и когда должны быть окончательно побеждены мос-

⁴⁰ Победа поляков и поражение москалей! Ура! (польск.)

кали, и бледнела и дрожала, когда отец медленно распечатывал привезенные с почты пакеты. Один раз мачеха, зайдя в ее комнату, застала ее перед зеркалом в панталонах и конфедератке. Альбина готовилась в мужском платье бежать из дома, чтобы присоединиться к польскому войску. Мачеха сказала отцу. Отец призвал дочь к себе и, скрывая свое сочувствие ей, даже восхищение перед ней, сделал ей строгий выговор, требуя, чтобы она выбросила из головы глупые мысли об участии в войне. «У женщины есть другое дело: любить и утешать тех, которые жертвуют собой за отчизну», – сказал он ей. Теперь она нужна ему, составляя его радость и утешение, а придет время, она также нужна будет мужу. Он знал, чем подействовать на нее. Он намекнул ей на то, что он одинок и несчастен, и поцеловал ее. Она прижалась к нему лицом, скрывая слезы, которые все-таки намочили рукав его халата, и обещала ему ничего не предпринимать без его согласия.

III

Только люди, испытавшие то, что испытали поляки после раздела Польши и подчинения одной части ее власти ненавистных немцев другой – власти еще более ненавистных москалей, могут понять тот восторг, который испытывали поляки в 30 и 31 году, когда после прежних несчастных попыток освобождения новая надежда освобождения казалась осуществимой. Но надежда эта продолжалась недолго. Силы были слишком несоразмерны, и революция опять была задавлена. Опять бессмысленно повинующиеся десятки тысяч русских людей были пригнаны в Польшу и под начальством то Дибича, то Паскевича и высшего распорядителя Николая I, сами не зная, зачем они делают это, пропитав землю кровью своей и своих братьев поляков, задавили их и отдали опять во власть слабых и ничтожных людей, не желающих ни свободы, ни подавления поляков, а только одного: удовлетворения своего корыстолюбия и ребяческого тщеславия.

Варшава была взята, отдельные отряды разбиты. Сотни, тысячи людей были расстреляны, забиты палками, сосланы. В числе сосланных был и молодой Мигурский. Имение его было конфисковано, а сам он определен солдатом в линейный батальон в Уральск.

Ячевские жили зиму 1832 года в Вильне для здоровья старика, после 31 года страдательного сердца. Здесь пришло к ним письмо от Мигурского из крепости. Он писал, что, как ни тяжело для него было то, что он перенес и что предстоит ему, он рад тому, что ему пришлось пострадать за отчизну, что он не отчаивается в том святом деле, за которое он отдал часть своей жизни, и готов отдать остаток ее, и что, если бы завтра явилась новая возможность, он поступил бы так же. Читая письмо вслух, старик зарыдал на этом месте и долго не мог продолжать. В остальной части письма, которую вслух прочла Ванда, Мигурский писал, что, какие бы ни были его планы и мечты в тот последний его приезд, который останется вечно самой светлой точкой во всей его жизни, он теперь и не может и не хочет говорить про них.

Ванда и Альбина поняли каждая по-своему значение этих слов, но никому не объяснили того, как они поняли их. В конце письма Мигурский посылал приветствия всем и, между прочим, с тем же игривым тоном, с которым он обращался с Альбиной во время своего приезда, обращался к ней и в письме, спрашивая ее, так же ли она быстро бежит, перегоняя хортых, и так ли хорошо передразнивает всех. Он желал здоровья старику, успеха в хозяйственных делах матери, достойного мужа Ванде и продолжения той же жизнерадостности Альбине.

IV

Здоровье старика Ячевского шло все хуже и хуже, и в 1833 году вся семья переехала за границу. Ванда встретила в Бадене богатого польского эмигранта и вышла за него замуж. Болезнь старика быстро ухудшалась, и в начале 1833 года он умер за границей на руках Аль-

бины. Желу он не допускат ходить за собой и до последней минуты не мог простить ей той ошибки, которую он сделал, женившись на ней. Пани Ячевская вернулась с Альбиной в деревню. Главный интерес жизни Альбины был Мигурский. В ее глазах это был величайший герой и мученик, служению которому она решила посвятить свою жизнь. Еще до отъезда за границу она начала переписываться с ним сначала по поручению отца, потом от себя. После смерти отца она, вернувшись в Россию, продолжала переписываться с ним и, когда ей минуло 18 лет, объявила мачехе, что она решила ехать в Уральск к Мигурскому, с тем чтобы выйти там за него замуж. Мачеха стала упрекать Мигурского за то, что он эгоистически хочет облегчить свое тяжелое положение тем, чтобы, увлекши богатую девушку, заставить ее разделить его несчастье. Альбина рассердилась и объявила мачехе, что только она одна может приписывать такие подлые мысли человеку, пожертвовавшему всем для своего народа, что Мигурский, напротив, отказывался от той помощи, которую она предлагала ему, и что она бесповоротно решила ехать к нему и выйти за него замуж, если он только захочет дать ей это счастье. Альбина была совершеннолетняя, и деньги у нее были – те 300 000 злотых, которые покойник дядя оставил двум племянницам. Так что ничего не могло задержать ее.

В ноябре 1833 года Альбина простилась с домашними, как на смерть, со слезами проважавшими ее в дальний, неведомый край варварской Московии, села со старой преданной няней Лудвикой, которую она брала с собой, в отцовский, вновь исправленный для дальней дороги возок и пустилась в дальнюю дорогу.

V

Мигурский жил не в казармах, а на своей отдельной квартире. Николай Павлович требовал, чтобы разжалованные поляки не только несли всю тяжесть суровой солдатской жизни, но и терпели все те унижения, которым подвергались в это время рядовые солдаты; но большинство тех простых людей, которые должны были исполнять эти его распоряжения, понимали всю тяжесть положения этих разжалованных и, несмотря на опасность неисполнения его воли, где могли, не исполняли ее. Полуграмотный, выслужившийся из солдат командир того батальона, в который был зачислен Мигурский, понимал положение бывшего богатого, образованного молодого человека, лишившегося всего, жалел его и уважал, и делал ему всякого рода послабления. И Мигурский не мог не оценить добродушия подполковника с белыми бакенбардами на одутловатом солдатском лице и, чтобы отплатить ему, согласился учить его сыновей, готовящихся в корпус, математике и французскому языку.

Жизнь Мигурского в Уральске, тянувшаяся уже седьмой месяц, была не только однообразная, унылая и скучная, но и тяжелая. Знакомств, кроме батальонного командира, с которым он старался держаться как можно дальше, у него был только один сосланный поляк, малообразованный и проницательный, неприятный человек, занимавшийся здесь торговлей рыбой. Главная же тяжесть жизни Мигурского состояла в том, что ему трудно было привыкать к нужде. Средств у него после конфискации его имения не было никаких, и он перебивался продажей золотых вещей, которые у него остались.

Единственная и большая радость его жизни после его ссылки была переписка с Альбиной, поэтическое, милое представление о которой со времени посещения его Рожанки осталось у него в душе и становилось теперь в изгнании все прекраснее и прекраснее. В одном из первых писем своих она, между прочим, спрашивала его, что значат слова его давнишнего письма: «какие бы ни были мои желания и мечты». Он отвечал ей, что теперь он может признаться ей, что мечты его были о том, чтобы назвать ее своей женой. Она ответила ему, что любит его. Он ответил, что лучше бы она не писала этого, потому что ему ужасно думать о том, что могло бы быть и теперь невозможно. Она ответила, что это не только возможно, но что это непременно будет. Он отвечал ей, что не может принять ее жертвы, что в теперешнем положении его

это невозможно. Вскоре после этого своего письма он получил повестку на 2000 злотых. По штемпелю конверта и почерку он узнал, что это было прислано от Альбины, и вспомнил, что в одном из первых писем он в шуточном тоне описывал ей то удовольствие, которое он испытывает теперь, уроками зарабатывая все, что ему нужно, – денег на чай, табак и даже книги. Переложив деньги в другой конверт, он отослал их назад с письмом, в котором он просил ее не портить их святых отношений деньгами. У него всего было довольно, писал он, и он вполне счастлив, зная, что имеет такого друга, как она. На этом остановилась их переписка.

В ноябре Мигурский сидел у подполковника, давая урок мальчикам, когда послышался звук приближающегося почтового колокольца и заскрипели по морозному снегу полозья саней и остановились у подъезда. Дети вскочили, чтобы узнать, кто приехал. Мигурский остался в комнате, глядя на дверь и ожидая возвращения детей, но в дверь вошла сама подполковница.

– А к вам, пан, какие то барыни приехали, вас спрашивают, – сказала она. – Должно, с вашей стороны, похоже – полячки.

Если бы Мигурского спросили, считает ли он возможным приезд к нему Альбины, он бы сказал, что это немыслимо, в глубине же души он ждал ее. Кровь прилила ему к сердцу, и он, задышавшись, выбежал в переднюю. В передней развязывала платок на голове толстая рябая женщина. Другая женщина входила в дверь квартиры полковника. Услышав за собой шаги, она оглянулась. Из-под капора сияли жизнерадостные, широко расставленные, блестящие голубые глаза с заиндевшими ресницами Альбины. Он остолбенел и не знал, как встретить ее, как здороваться. «Юзё!» – вскрикнула она, назвав его так, как называл его отец и как сама с собой она называла его, обхватила руками его шею, прильнула к его лицу своим зардевшимся холодным лицом и засмеялась и заплакала.

Узнав, кто такая Альбина и зачем она приехала, добрая полковница приняла ее и поместила до свадьбы у себя.

VI

Добродушный подполковник выхлопотал разрешение высшего начальства. Из Оренбурга выписали ксендза и обвенчали Мигурских. Жена батальонного командира была посаженной матерью, один из учеников нес образ, а Бржозовский, сосланный поляк, был шафером.

Альбина, как ни странно это может казаться, страстно любила своего мужа, но совсем не знала его. Она теперь только знакомилась с ним. Само собой разумеется, что она нашла в живом человеке с плотью и кровью много такого обыденного и непоэтического, чего не было в том образе, который она носила и растила в своем воображении, но зато именно потому, что это был человек с плотью и кровью, она нашла в нем много такого простого, хорошего, чего не было в том отвлеченном образе. Она слышала от знакомых и друзей про его храбрость на войне и знала про его мужество при потере состояния и свободы и представляла себе его героем, всегда живущим возвышенной, героической жизнью, в действительности же с своей необыкновенной физической силой и храбростью он оказался кротким, смиренным ягненком, самым простым человеком, с добродушными шутками, с той самой детской улыбкой чувственного рта, окруженного белокурой бородкой и усами, которая прельстила ее еще в Рожанке, и с неугасимой трубкой, которая была ей особенно тяжела во время беременности.

Мигурский тоже теперь узнал Альбину, и в Альбине в первый раз узнал женщину. По тем женщинам, которых он знал до женитьбы, он не мог знать женщин. И то, что он узнал в Альбине, как в женщине вообще, удивило его и скорее могло бы разочаровать его в женщине вообще, если бы он не чувствовал к Альбине, как к Альбине, особенно нежного и благодарного чувства. К Альбине, как к женщине вообще, он чувствовал ласковое, несколько ироническое снисхождение, к Альбине же, как к Альбине, не только нежную любовь, но и восхищение и сознание неоплатного долга за ее жертву, давшую ему незаслуженное счастье.

Мигурские были счастливы тем, что, направив всю силу своей любви друг на друга, они испытывали среди чужих людей чувство двух заблудившихся зимою замерзающих и отогревающих друг друга. Радостной жизни Мигурских содействовало и участие в их жизни рабски, самоотверженно преданной своей панюсе добродушно ворчливой, комической, влюбляющейся во всех мужчин няни Лудвики. Мигурские были счастливы и детьми. Через год родился мальчик. Через полтора года девочка. Мальчик был повторением матери: те же глаза и та же резвость и грация. Девочка была здоровый, красивый зверок.

Несчастливы же Мигурские были удалением от родины, и главное, тяжестью своего непривычно униженного положения. Особенно страдала за это унижение Альбина. Он, ее Юзё, герой, идеал человека, должен был вытягиваться перед всяким офицером, делать ружейные приемы, ходить в караул и безропотно повиноваться.

Кроме того, известия из Польши получались самые печальные. Почти все близкие родные, друзья были или сосланы, или, лишившись всего, бежали за границу. Для самих же Мигурских не предвиделось какого либо конца этому положению. Все попытки ходатайствовать о прощении или хотя бы об улучшении положения, о производстве в офицеры, не достигали цели. Николай Павлович делал смотры, парады, учения, ходил по маскарадам, заигрывал с масками, скакал без надобности по России из Чугуева в Новороссийск, Петербург и Москву, пугая народ и загоняя лошадей, и, когда какой-нибудь смельчак решался просить смягчения участи ссыльных декабристов или поляков, страдавших из-за той самой любви к отечеству, которая им же восхвалялась, он, выпячивая грудь, останавливал на чем попало свои оловянные глаза и говорил: «Пускай служат. Рано». Как будто он знал, когда будет не рано, а когда будет время. И все приближенные: генералы, камергеры и их жены, кормившиеся около него, умилялись перед необычайной прозорливостью и мудростью этого великого человека.

В общем все-таки в жизни Мигурских было больше счастья, чем несчастья.

Так прожили они пять лет. Но вдруг обрушилось на них неожиданное, страшное горе. Заболела сначала девочка, через два дня заболел мальчик: горел три дня и без помощи врачей (никого нельзя было найти) на четвертый день умер. Через два дня после него умерла и девочка.

Альбина не утопилась в Урале только потому, что не могла без ужаса представить себе положения мужа при известии об ее самоубийстве. Но жить ей было трудно. Всегда прежде деятельная и заботливая, она теперь, предоставив все свои заботы Лудвике, сидела часами без дела, молча глядя на то, что попадалось под глаза, а то вдруг вскакивала и убегала в свою каморку и там, не отвечая на утешения мужа и Лудвики, тихо плакала, только качала головой, прося их уйти и оставить ее одну. Летом она уходила на могилу детей и там сидела, раздирая себе сердце воспоминаниями о том, что было и что могло бы быть. Особенно мучила ее мысль о том, что дети могли бы остаться живы, если бы они жили в городе, где могла бы быть подана медицинская помощь. «За что? за что? – думала она. – И Юзё и я – мы ничего ни от кого не хотим, кроме того чтоб ему жить так, как он родился и жили его деды и прадеды, а мне только чтобы жить с ним, любить его, любить моих крошек, воспитывать их». «И вдруг его мучают, ссылают, а у меня отнимают то, что мне дороже света. Зачем? за что?» – задавала она этот вопрос людям и Богу. И не могла представить себе возможности какого-нибудь ответа.

А без этого ответа не было жизни. И жизнь ее остановилась. Бедная жизнь в изгнании, которую она прежде умела украшать своим женским вкусом и изяществом, стала теперь невыносима не только ей, но и Мигурскому, страдавшему за нее и не знавшему, чем помочь ей.

VII

В это самое тяжелое для Мигурских время прибыл в Уральск поляк Росоловский, замешанный в грандиозном плане возмущения и побега, устроенного в то время в Сибири сосланным ксендзом Сироцинским.

Росоловский, так же как и Мигурский, так же как и тысячи людей, наказанных ссылкой в Сибирь за то, что они хотели быть тем, чем родились, – поляками, был замешан в этом деле, наказан за это розгами и отдан в солдаты в тот же батальон, где был Мигурский. Росоловский, бывший учитель математики, был длинный, сутуловатый, худой человек с впалыми щеками и нахмуренным лбом.

В первый же вечер своего пребывания Росоловский, сидя за чаем у Мигурских, стал, естественно, рассказывать своим медленным, спокойным басом про то дело, за которое он так жестоко пострадал. Дело состояло в том, что Сироцинский организовал по всей Сибири тайное общество, цель которого состояла в том, чтобы с помощью поляков, зачисленных в казацкие и линейные полки, взбунтовать солдат и каторжных, поднять поселенцев, захватить в Омске артиллерию и всех освободить.

– Да разве это было возможно? – спросил Мигурский.

– Очень возможно, все было готово, – сказал Росоловский, мрачно хмурясь, и медленно, спокойно рассказал весь план освобождения и все принятые меры для успеха дела и, в случае неуспеха, для спасения заговорщиков. Успех был верный, если бы не изменили два злодея. Сироцинский, по словам Росоловского, был человек гениальный и великой душевной силы. Он и умер героем и мучеником. И Росоловский ровным, спокойным басом стал рассказывать подробности казни, на которой он по приказанию начальства должен был присутствовать вместе со всеми судившимися по этому делу.

– Два батальона солдат стояли в два ряда, длинной улицей, у каждого солдата в руке была гибкая палка, такой высочайше утвержденной толщины, чтобы три только могли войти в дуло ружья. Первым повели доктора Шакальского. Два солдата вели его, а те, которые были с палками, били его по оголенной спине, когда он равнялся с ними. Я видел это только тогда, когда он подходил к тому месту, где я стоял. То я слышал только дробь барабана, но потом, когда становился слышен свист палок и звук ударов по телу, я знал, что он подходит. И я видел, как его тянули за ружья солдаты, и он шел, вздрагивая и поворачивая голову то в ту, то в другую сторону. И раз, когда его проводили мимо нас, я слышал, как русский врач говорил солдатам: «Не бейте больно, пожалейте». Но они все били; когда его провели мимо меня второй раз, он уже не шел сам, а его тащили. Страшно было смотреть на его спину. Я зажмурился. Он упал, и его унесли. Потом повели второго. Потом третьего, потом четвертого. Все падали, всех уносили, одних замертво, других еле живыми, и мы все должны были стоять и смотреть. Продолжалось это шесть часов – от раннего утра и до двух часов пополудни. Последнего повели самого Сироцинского. Я давно не видал его и не узнал бы, так он постарел. Все в морщинах бритое лицо его было бледно-зеленоватое. Тело обнаженное было худое, желтое, ребра торчали над втянутым животом. Он шел так же, как и все, при каждом ударе вздрагивая и вздергивая голову, но не стонал и громко читал молитву: «*Miserere mei Deus secundam magnam misericordiam tuam*».⁴¹

Я сам слышал, – быстро прохрипел Росоловский и, закрыв рот, засопел носом.

Лудвика, сидевшая у окна, рыдала, закрыв лицо платком.

⁴¹ Помилуй мя, Боже, по велицей милости твоей (лат.)

– И охота вам расписывать! Звери – звери и есть! – вскрикнул Мигурский и, бросив трубку, вскочил со стула и быстрыми шагами ушел в темную спальню. Альбина сидела как окаменевшая, уставив глаза в темный угол.

VIII

На другой день Мигурский, придя домой с ученья, был удивлен видом жены, которая, как в старину, легкими шагами, с сияющим лицом встретила его и повела в спальню.

– Ну, Юзё, слушай.

– Слушаю. Что?

– Я всю ночь думала о том, что рассказал Росоловский. И я решила: я не могу жить так, не могу жить тут. Не могу! Я умру, но не останусь здесь.

– Да что же делать?

– Бежать.

– Бежать? Как?

– Я все обдумала. Слушай.

И она рассказала ему тот план, который она придумала сегодня ночью. План был такой: он, Мигурский, уйдет из дома вечером и оставит на берегу Урала свою шинель и на шинели письмо, в котором напишет, что лишает себя жизни. Поймут, что он утопился. Будут искать тело, будут посылать бумаги. А он спрячется. Она так спрячет его, что никто не найдет. Можно будет прожить так хоть месяц. А когда все уляжется, они убегут.

Затея ее в первую минуту показалась Мигурскому неисполнимой, но к концу дня, когда она с такой страстью и уверенностью убеждала его, он стал соглашаться с нею. Кроме того, он был склонен согласиться еще и потому, что наказание за неудавшийся побег, такое же наказание, как то, про которое рассказывал Росоловский, падало на него, Мигурского, успех же освобождал ее, а он видел, как после смерти детей тяжела ей была жизнь здесь.

Росоловский и Лудвика были посвящены в замысел, и после долгих совещаний, изменений, поправок план побега был выработан. Сначала хотели сделать так, чтобы Мигурский, после того как он будет признан утонувшим, бежал бы один, пешком. Альбина же выедет в экипаже и в условном месте встретит его. Такой был первый план. Но потом, когда Росоловский рассказал про все неудавшиеся попытки побегов последних пяти лет в Сибири (за все время убежал и спасся только один счастливец), Альбина предложила другой план, тот, чтобы Юзё, спрятанный в экипаже, ехал с нею и Лудвикой до Саратова. В Саратове же ему переодетому идти вниз по берегу Волги и в условленном месте сесть в лодку, которую она наймет в Саратове и в которой поплывет вместе с Альбиной и Лудвикой вниз по Волге до Астрахани и через Каспийское море в Персию. План был этот одобрен всеми и главным устройтелем Росоловским, но представлялась трудность устройства такого помещения в экипаже, которое не обратило бы на себя внимания начальства, а между тем могло бы вместить в себя человека. Когда же Альбина после поездки на могилу детей сказала Росоловскому, как ей больно оставлять прах детей на чужой стороне, он, подумав, сказал:

– Просите начальство о разрешении взять с собой гробы детей, вам разрешат.

– Нет, я не хочу, не хочу этого! – сказала Альбина.

– Просите. В этом все. Мы не возьмем гробов, а для них сделаем большой ящик и в ящик положим Юзефа.

В первую минуту Альбина отвергла это предложение, так ей неприятно было связывать обман с воспоминанием о детях, но, когда Мигурский весело одобрил этот проект, она согласилась.

Так что окончательный план выработался такой: Мигурский сделает все то, что должно убедить начальство, что он утопился. Когда смерть его будет признана, Альбина подаст про-

шение о том, чтобы ей после смерти мужа разрешено было вернуться на родину и взять с собой и прах детей. Когда же ей дадут и это разрешение, будет сделано подобие того, что могилы раскопаны и гробы взяты, но гробы оставят на месте, а вместо детских гробов в приготовленном для этого ящике поместится Мигурский. Ящик поставят в тарантас и так доедут до Саратова. От Саратова они сядут на лодку. В лодке Юзё выйдет из ящика, и они поплывут до Каспийского моря. А там Персия или Турция и свобода.

IX

Прежде всего Мигурские купили тарантас под предлогом отправления Лудвики на родину. Потом началось устройство в тарантасе такого ящика, в котором, не задохнувшись, можно бы было, хотя и скорчившись, лежать и из которого можно бы было скоро и незаметно выходить и опять влезать. Втроем, Альбина, Росоловский и сам Мигурский, придумывали и прилаживали ящик. В особенности важна была помощь Росоловского, который был хороший столяр. Ящик был сделан так, что, утвержденный на дрожины позади кузова, он плотно приходился к кузову, и стенка, приходившаяся к кузову, отваливалась так, что человек, вынув стенку, мог лежать частью в ящике, частью на дне тарантаса. Кроме того, в ящике были провернуты дыры для воздуха, и сверху и с боков ящик должен был быть покрыт рогожей и увязан веревками. Входить и выходить из него можно было через тарантас, в котором было сделано сиденье.

Когда тарантас и ящик были готовы, еще до исчезновения мужа, Альбина, чтобы приготовить начальство, пошла к полковнику и заявила, что муж ее впал в меланхолию и покушался на самоубийство и она боится за него и просит на время отпустить его. Способность ее к драматическому искусству пригодилась ей. Выражаемые ею беспокойство и страх за мужа были так естественны, что полковник был тронут и обещал сделать все, что может. После этого Мигурский сочинил письмо, которое должно было быть найдено за обшлагом его шинели на берегу Урала, и в условленный день, вечером, он пошел к Уралу, дождался темноты, положил на берегу одежду, шинель с письмом и тайно вернулся домой. На чердаке, запиравшемся замком, было приготовлено для него место. Ночью Альбина послала Лудвику к полковнику заявить о муже, что он, выйдя из дома 20 часов назад, не возвращался. Утром ей принесли письмо мужа, и она с выражением сильного отчаяния, в слезах отнесла его полковнику. Через неделю Альбина подала прошение об отъезде на родину. Горе, выражаемое Мигурской, поражаало всех видевших ее. Все жалели несчастную мать и жену. Когда отъезд ее был разрешен, она подала другое прошение о позволении откопать трупы детей и взять их с собою. Начальство подивилось на эту сентиментальность, но разрешило и это.

На другой день после получения и этого разрешения вечером Росоловский с Альбиной и Лудвикой в наемной телеге с ящиком, в который должны были быть вложены гробы детей, приехали на кладбище, к могиле детей. Альбина, опустившись на колени у могил детей, помолилась и скоро встала и нахмурившись, обращаясь к Росоловскому, сказала:

— Делайте то, что надо, а я не могу, — и отошла в сторону.

Росоловский с Лудвикой сдвинули надгробный камень и вскопали лопатой верхние части могилы так, что могила имела вид раскопанный. Когда все было сделано, они кликнули Альбину и с ящиком, наполненным землей, вернулись домой.

Наступил назначенный день отъезда. Росоловский радовался успеху доведенного почти до конца предприятия. Лудвика напекла на дорогу печений и пирожков и, приговаривая свою любимую поговорку: «*Iak mame Kocham*», говорила, что у ней сердце разрывается от страха и радости. Мигурский радовался и своему освобождению с чердака, на котором он просидел больше месяца, и больше всего — оживлению и жизнерадостности Альбины. Она как будто

забыла все прежнее горе и все опасности и, как в девичье время, прибегая к нему на чердак, сияла восторженной радостью.

В три часа утра пришел казак провожать и привел казак ямщик тройку лошадей. Альбина с Лудвикой и собачкой сели в тарантас на подушки, покрытые ковром. Казак и ямщик сели на козлы. Мигурский, одетый в крестьянское платье, лежал в кузове тарантаса.

Выехали из города, и добрая тройка понесла тарантас по гладкой, как камень, убитой дороге между бесконечной, не- паханой, поросшей прошлогодним серебристым ковылем степью.

Х

Сердце замирало в груди Альбины от надежды и восторга. Желая поделиться своими чувствами, она изредка, чуть улыбаясь, указывала Лудвике головой то на широкую спину казака, сидевшего на козлах, то на дно тарантаса. Лудвика с значительным видом неподвижно смотрела перед собой и только чуть-чуть морщила губы. День был ясный. Со всех сторон расстилалась безграничная пустынная степь, блестящая серебристым ковылем на косых лучах утреннего солнца. Только то с той, то с другой стороны жесткой дороги, по которой, как по асфальту, гулко звучали некованные, быстрые ноги башкирских коней, виднелись бугорки насыпанной земли сусликов: на задугах сидел сторожевой зверок и, предупреждая об опасности, пронзительно свистел и скрывался в нору. Редко встречались проезжие: обоз казаков с пшеницей или конные башкиры, с которыми казак бойко перекидывался татарскими словами. На всех станциях лошади были свежие, сытые, и полтинники на водку, которые давала Альбина, делали то, что ямщики гнали, как они говорили, по-фельдъегерски – вскачь всю дорогу.

На первой же станции, в то время как прежний ямщик увел, а новый не приводил еще лошадей, и казак вошел во двор, Альбина, перегнувшись, спросила мужа, как он себя чувствует, не нужно ли ему чего.

– Превосходно, покойно. Ничего не нужно. Легко пролежу хоть двое суток.

К вечеру приехали в большое село Дергачи. Для того чтобы муж мог расправить члены и освежиться, Альбина остановилась не на почтовом, а на постоялом дворе и тотчас же, дав деньги казаку, послала его купить ей яиц и молока. Тарантас стоял под навесом, на дворе было темно и, поставив Лудвику караулить казака, Альбина выпустила мужа, накормила его, и до возвращения казака он опять влез в свое потаенное место. Послали опять за лошадьми и поехали дальше. Альбина чувствовала все больший и больший подъем духа и не могла удерживать своего восторга и веселости. Говорить ей было больше не с кем, как с Лудвикой, казаком и Трезоркой, и она забавлялась ими.

Лудвика, несмотря на свою некрасивость, при всяком отношении с мужчиной тотчас же подозревая в этом мужчине любовные на нее виды, подозревала теперь это самое по отношению к здоровенному, добродушному казаку-уральцу, с необыкновенно ясными и добрыми голубыми глазами, который провожал их и который был особенно приятен обеим женщинам своей простотой и добродушной ласковостью. Кроме Трезорки, на которого Альбина грозилась, не позволяя ему нюхать под сидением, она теперь забавлялась Лудвикой и ее комическим кокетством с не подозревающим приписываемые ему намерения, добродушно улыбающимся на все, что ему говорили, казаком. Альбина, возбужденная и опасностью, и начинающим осуществиться успехом дела, и чудной погодой, и степным воздухом, испытывала давно не испытанное ею чувство детского восторга и веселья. Мигурский слышал ее веселый говор и тоже, несмотря на скрываемую им физическую тяжесть своего положения (особенно жарко ему было и жажда его мучила), забывая о себе, радовался на ее радость.

К вечеру второго дня стало виднеться что-то в тумане. Это был Саратов и Волга. Казак своими степными глазами видел и Волгу и мачту и указывал их Лудвике. Лудвика говорила,

что видела тоже. Но Альбина ничего не могла разобрать. И только нарочно громко – чтобы слышал муж, говорила:

– Саратов, Волга, – как будто разговаривая с Трезором, рассказывала мужу Альбина все то, что она видела.

XI

Не въезжая в Саратов, Альбина остановилась на левой стороне Волги в слободе Покровской, против самого города. Здесь она надеялась в продолжение ночи успеть переговорить с мужем и даже вывести его из ящика. Но казак во всю короткую весеннюю ночь не отходил от тарантаса и сидел подле него в стоявшей под навесом пустой телеге. Лудвика по распоряжению Альбины сидела в тарантасе и, будучи вполне уверена, что казак ради нее не отходит от тарантаса, мигала, смеялась и закрывала свое рябое лицо платком. Но Альбина не видела уж в этом ничего веселого и все больше и больше тревожилась, не понимая, для чего казак так неотлучно держался около тарантаса.

Несколько раз в короткую майскую ночь с зарей, сливающейся с зарей, Альбина выходила из горницы постоялого двора мимо вонючей галереи на заднее крыльцо. Казак все еще не спал и, спустив ноги, сидел на стоявшей подле тарантаса пустой телеге. Только перед рассветом, когда петухи уже проснулись и перекликались со двора на двор, Альбина, сойдя вниз, нашла время переговорить с мужем. Казак храпел, развалившись в телеге. Она осторожно подошла к тарантасу и толкнула ящик.

– Юзё! – ответа не было.

– Юзё, Юзё! – с испугом громче проговорила она.

– Что ты, милая, что! – сонным голосом проговорил Мигурский из ящика.

– Что ты не отвечал?

– Спал, – проговорил он, и она по звуку голоса узнала, что он улыбался. – Что же, выходить? – спросил он.

– Нельзя, казак тут, – и, сказав это, она взглянула на казака, спящего в телеге.

И, удивительное дело, казак храпел, но глаза его, добрые, голубые глаза, были открыты. Он смотрел на нее и, только встретившись с ней взглядом, закрыл глаза.

«Показалось это мне или точно он не спал? – спросила себя Альбина. – Верно, показалось», – подумала она и опять обратилась к мужу.

– Потерпи еще немного, – сказала она. – Поесть хочешь?

– Нет. Курить хочу.

Альбина опять взглянула на казака. Он спал. «Да, это показалось мне», – подумала она.

– Я теперь поеду к губернатору.

– Ну, час добрый...

И Альбина, достав из чемодана платье, пошла в горницу одеваться.

Переодевшись в свое лучшее вдовье платье, Альбина переехала Волгу. На набережной она взяла извозчика и поехала к губернатору. Губернатор принял ее. Хорошенькая, мило улыбающаяся вдова-полька, прекрасно говорящая по-французски, очень понравилась молодящемуся старику губернатору. Он все разрешил ей и просил ее приехать еще завтра к нему, чтобы получить от него приказ к городничему в Царицын. Радуюсь и успеху своего ходатайства, и тому действию ее привлекательности, которое она видела в манере губернатора, Альбина, счастливая и полная надежд, возвращалась под гору по немощеной улице на долгушке к пристани. Солнце взошло уже выше леса и косыми лучами играло на рябящей воде огромного разлива. Справа и слева по горе виднелись, как белые облака, облитые пахучим цветом яблони. Лес мачт виднелся у берега, и паруса белели по играющему на солнце рябящему от ветерка разливу. На пристани, разговарившись с извозчиком, Альбина спросила, можно ли нанять лодку до Аст-

рахани, и десятки шумливых, веселых лодочников предложили ей свои услуги и лодки. Она сговорилась с одним из лодочников, больше других понравившимся ей, и пошла смотреть его лодку косовушку, стоявшую в тесноте других лодок у пристани. На лодке была устанавливаемая небольшая мачта с парусом, так что можно было идти ветром. В случае безветрия были весла и два здоровые, веселые бурлака-гребца, сидевшие на солнце в лодке. Веселый, добродушный лоцман советовал не оставлять тарантас, а, сняв с него колеса, поставить на лодку. «Как раз уставится, и вам покойней сидеть будет. Даст бог погоду, дней в пяток до Астрахани добежим».

Альбина сторговалась с лодочником и велела ему прийти в Покровскую слободу, на Логинов постоялый двор, чтобы посмотреть тарантас и получить задаток. Все удавалось лучше, чем она ожидала. В самом восторженно-счастливом состоянии Альбина переехала Волгу и, разочтясь с извозчиком, направилась к постоялому двору.

ХП

Казак Данило Лифанов был из Стрелецкого Умета на Общем Сырту. Ему было 34 года, и он отслуживал последний месяц своего срока казацкой службы. У него в семье был старик 90-летний дед, помнящий еще Пугачева, два брата, сноха старшего брата, за старую веру сосланного в каторгу в Сибирь, жена, две дочери и два сына. Отец его был убит на войне с французами. Он был старшим в доме. У них во дворе было 16 коней, два цабана быков и было распаханно и засеяно пшеницей своей вольной земли 15 сотейников. Он, Данило, служил в Оренбурге, в Казани и теперь кончал срок. Он твердо держался старой веры, не курил, не пил и не ел из одной посуды с мирскими и так же строго держался присяги. Во всех своих делах он был медлительно твердо обстоятелен, и на то, что ему поручено было делать от начальства, употреблял все свое внимание и не забывал ни на минуту, пока не исполнил всего, как он понимал, своего назначения. Теперь ему велено было проводить до Саратова двух полячек с гробами так, чтобы над ними дорогой ничего худого не сделали, чтобы они ехали смирно, никаких шалостей не делали и в Саратове честь честью сдать их начальству. Так он и доставил их до Саратова и с собачонкой и со всеми гробами ихними. Бабы были смирные, ласковые, хотя и полячки, а ничего худого не делали. Но тут, в Покровской слободе, ввечеру, он, проходя мимо тарантаса, увидел, что собачонка вспрыгнула в тарантас и там стала визжать и хвостом махать, и из-под сиденья тарантаса ему показался чей-то голос. Одна из полячек, старая, увидав собачку в тарантасе, испугалась чего-то, схватила собачонку и унесла.

«Что-то тут есть», – подумал казак и стал примечать. Когда молодая полячка вышла ночью к тарантасу, он притворился, что спит, и явственно услышал мужской голос из ящика. Рано утром он пошел в полицию и заявил о том, что полячки, какие ему поручены, не добром едут, а вместо мертвых везут какого-то живого человека в ящике.

Когда Альбина в своем восторженно-веселом настроении, уверенная в том, что теперь все кончено и они через несколько дней будут свободны, подошла к постоялому двору, она с удивлением увидала у ворот щегольскую пару с пристяжкой на отлете и двух казаков. В воротах толпился народ, заглядывая во двор.

Она была так полна надежды и энергии, что ей и в голову не пришла мысль о том, что эта пара и толпившийся народ имеют отношение к ней. Она вошла во двор и, в одно и то же время взглянув под тот навес, где стоял ее тарантас, увидала, что народ толпится именно около ее тарантаса, и в то же мгновение услышала отчаянный лай Трезорки. Случилось то самое ужасное, что только могло случиться. Перед тарантасом, блестя своим чистым мундиром, с сияющими на солнце пуговицами и полупогонами и лаковыми сапогами стоял осанистый с черными бакенбардами человек и говорил что-то громко хриплым, повелительным голосом. Перед ним между двумя солдатами в крестьянском наряде с сеном в спутанных волосах стоял

ее Юзё и, как бы недоумевая о том, что вокруг него делалось, поднимал и опускал свои могучие плечи. Трезорка, не зная того, что он был причиной всего несчастья, оцетинившись, бесполезно озлобленно лаял на полицмейстера. Увидав Альбину, Мигурский вздрогнул, хотел подойти к ней, но солдаты удержали его.

– Ничего, Альбина, ничего! – проговорил Мигурский, улыбаясь своей кроткой улыбкой.

– А вот и барынька сама! – проговорил полицмейстер. – Пожалуйте сюда. Гробы ваших младенцев? А? – сказал он, подмигивая на Мигурского.

Альбина не отвечала и только, схватившись за грудь, раскрыв рот, с ужасом смотрела на мужа.

Как это бывает в предсмертные и вообще решительные в жизни минуты, она в одно мгновение перечувствовала и передумала бездну чувств и мыслей и вместе с тем не понимала еще, не верила своему несчастью. Первое чувство было знакомое ей давно – чувство оскорбленной гордости при виде ее героя мужа, униженного перед теми грубыми, дикими людьми, которые держали его теперь в своей власти. «Как смеют они держать его, этого лучшего из всех людей, в своей власти?» Другое чувство, одновременно с этим охватившее ее, было сознание совершившегося несчастья. Сознание же несчастья вызвало в ней воспоминание о главном несчастье ее жизни, о смерти детей. И сейчас же возник вопрос: за что? за что отняты дети? Вопрос же, за что отняты дети? вызвал вопрос: за что теперь гибнет, мучается любимый, лучший из людей, ее муж? И тут же она вспомнила о том, какое ждет его позорное наказание, и то, что она, она одна виновата в этом.

– Кто он вам? Муж он вам? – повторил полицмейстер.

– За что, за что? – вскрикнула она и, закатившись истерическим хохотом, упала на снятый теперь с козел и стоявший у тарантаса ящик. Вся трясущаяся от рыданий, с залитым слезами лицом Лудвика подошла к ней.

– Паненка, милая паненка! Як бога кохам, ничего не будет, ничего, – говорила она, бессмысленно водя по ней руками.

На Мигурского надели наручники и повели со двора. Увидав это, Альбина побежала за ним.

– Прости, прости меня, – говорила она. – Все я! Я одна виновата.

– Там разберут, кто виноват. И до вас дело дойдет, – сказал полицмейстер и рукою отстранил ее.

Мигурского повели к переправе, и Альбина, сама не зная, зачем она делала это, шла за ним и не слушала уговаривающую ее Лудвику.

Казак Данило Лифанов во все это время стоял у колес тарантаса и мрачно взглядывал то на полицмейстера, то на Альбину, то себе на ноги.

Когда Мигурского увели, оставшийся один Трезорка, махая хвостиком, стал ласкаться к нему. Он привык к нему во время дороги. Казак вдруг отслонился от тарантаса, сорвал с себя шапку, швырнул ее изо всех сил наземь, откинул ногой от себя Трезорку и пошел в харчевню. В харчевне он потребовал водки и пил день и ночь, пропил все, что было у него и на нем, и только на другую ночь, проснувшись в канаве, перестал думать о мучившем его вопросе: хорошо ли он сделал, донеся начальству о полячкином муже в ящике?

Мигурского судили и приговорили за побег к прогнанию сквозь 1000. Его родные и Ванда, имевшая связи в Петербурге, выхлопотали ему смягчение наказания, и его сослали на вечное поселение в Сибирь. Альбина поехала за ним.

Николай же Павлович радовался тому, что задавил гидру революции не только в Польше, но и во всей Европе, и гордился тем, что он не нарушил заветов русского самодержавия и для блага русского народа удержал Польшу во власти России. И люди в звездах и золоченых мундирах так восхваляли его за это, что он искренно верил, что он великий человек и что жизнь

его была великим благом для человечества и особенно для русских людей, на развращение и одурение которых были бессознательно направлены все его силы.

Л. Н. Толстой

30 СЕНТЯБРЯ (Мудрость)

Чем уединеннее человек, тем слышнее ему всегда зовущий его голос Бога.

1

Silentium!⁴²

Молчи, скрывайся и таи
И чувства и мечты свои!
Пускай в душевной глубине
И всходят и зайдут оне,
Как звезды ясные в ночи:
Любуйся ими и молчи!
Как сердцу высказать себя?
Другому как понять тебя?
Поймет ли он, чем ты живешь?
Мысль изреченная есть ложь.
Взрывая, возмутишь ключи:
Питайся ими и молчи!
Лишь жить в самом себе умей:
Есть целый мир в душе твоей
Таинственно-волшебных дум;
Их заглушит наружный шум,
Дневные ослепят лучи:
Внимай их пенью и молчи.

Тютчев

2

По одному тому, что хорошее намерение высказано, уже ослаблено желание исполнить его. Но как удержать от высказывания благородно самодовольные порывы юности? Только гораздо позже, вспоминая их, жалеешь о них, как о цветке, который не удержался – сорвал нераспустившимся и потом увидел на земле завялым и затоптанным.

3

В важных вопросах жизни мы всегда одни, и наша настоящая история почти никогда не может быть понята другими. Лучшая часть той драмы,

⁴² Молчание! (лат.)

которая происходит в нашей душе, есть монолог или, скорее, задушевное рассуждение между Богом, нашей совестью и нами.

Амиель

4

Паскаль говорит: человек должен умирать один. Так же должен и жить человек. В том, что главное в жизни, человек всегда один, т. е. не с людьми, а с Богом.

5

Хорошо тому человеку, который нужен другим, но которому не нужно товарища.

6

Человек порочный всегда связан с людьми в жизни, но чувствует себя тем более одиноким в своем сознании, чем более он порочен. Человек же добрый и разумный, напротив, чувствует себя часто одиноким среди людей, но зато сознает свое непрерывное единение с человечеством, когда он один.

Временное отрешение от всего мирского и созерцание в самом себе своей божественной сущности есть такое же необходимое для жизни питание души, как пища для тела.

ОКТЯБРЬ

1 ОКТЯБРЯ (Мудрость)

Мудрость не боится незнания, не боится сомнений, не боится труда, исследования, боится одного: утверждения того, что она знает, чего не знает.

1

Надо много учиться, чтобы сознать, что знаешь мало.
Монтэн

2

Никогда не стыдись спрашивать о том, чего не знаешь.
Всегда говори правду, хотя бы ты и знал, что она будет неприятна.
Тот, кто учен, но не прилагает к делу своей учености, подобен человеку, который пахал бы, но не сеял.
Арабское (Албитис)

3

Кто исследует историю философии и естествознания, тот найдет, что величайшие открытия были сделаны людьми, считавшими лишь вероятным то, что всеми признавалось за несомненное.
Лихтенберг

4

Все испытывайте, хорошего держитесь.
1 Фессалон. гл. 5, ст. 21

5

В духовной пище нет недостатка; недостает лишь способности вбирать ее в себя. Не по недостатку воздуха не может дышать умирающий человек, а по недостатку способности усваивать его. Все элементы – физические, умственные и духовные, которые были или когда-либо будут в мире, – находятся в нем и теперь. Дело мудрости понять, как овладеть ими.
Люси Малори

6

Истинная мудрость не в том, чтобы *знать*, что хорошо и что должно делать, а в том, чтобы знать, что самое хорошее, что менее хорошее, и потому, что надо прежде и что после делать.

Содержание мудрости больше отрицательное, чем положительное: знать, что неразумно, что незаконно, что не должно.

2 ОКТЯБРЯ (Вера)

Религия говорит человеку, что он такое и что такое тот мир, среди которого он живет. Нравственное учение есть указание той деятельности, которая вытекает из религиозного понимания жизни.

1

Посему говорю вам: не заботьтесь для души вашей, что вам есть и что пить, ни для тела вашего, во что одеться. Душа не больше ли пищи и тело – одежды?

Взгляните на птиц небесных: они не сеют, не жнут, не собирают в житницы; и Отец ваш Небесный питает их. Вы не гораздо ли лучше их?

Да и кто из вас, заботясь, может прибавить себе росту хотя на один локоть?

Итак, не заботьтесь и не говорите: что нам есть? или что пить? или во что одеться?

Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам.

Итак, не заботьтесь о завтрашнем дне, ибо завтрашний день сам будет заботиться о своем. Довольно для каждого дня своей заботы.

Мф. гл. 6, ст. 25–27, 31, 33 – 34

2

Кто, имея хлеб в корзине, спрашивает: что я буду есть завтра? – принадлежит к маловерующим.

Талмуд

3

Лучшее богопочитание – то, которое делается без надежды на достижение какой-либо цели; худшее такое, которое имеет в виду определенную цель.

Тот, кто обожает высшее существо, должен созерцать его во всяком творении.

Агни Пурана

4

Несомненно то, что преподавать религиозные системы есть насилие, есть тот соблазн детей, про который говорил Христос. Какое право имеем мы преподавать то, что оспариваемо огромным большинством: троицу, чудеса Будды, Магомета, Христа? Одно, что мы можем и должны преподавать детям, это то, что обще всем религиям и понятно всякому: нравственное учение любви и единения.

5

Будда сказал: есть трудные вещи в мире, – будучи бедным, быть милосердным; будучи богатым и знатным, быть религиозным; подавить похоть и плотские желания, видеть приятный предмет и не желать приобрести его; переносить оскорбления без злобы; изучать предмет до самого основания; не осуждать невежественного; избегать споров; совершенно освободиться от самолюбия и быть одинаковым ко всем людям в своем сердце и в жизни.

Китайский буддист

6

Бога не слушаются, а обожают. Лучшие не обожать, а слушаться.

7

Живи до веку и до вечера. Работай, как будто будешь жить вечно, а поступай с людьми, как будто умрешь сейчас.

8

Религия, рассматриваемая сама по себе, есть признание всех наших обязанностей заповедями Бога.

Кант

Нравственное учение неполно, если оно не религиозно, т. е. необязательно. Религия не нужна, если она не нравственна, не ведет к доброй жизни.

3 ОКТЯБРЯ (Богатство)

Богатство никогда не дает удовлетворения: потребности возрастают с увеличением богатства всегда так, что чем больше богатства, тем менее достает его на удовлетворение потребностей.

1

Трудно, если не невозможно, найти разумный предел нашим желаниям собственности. В самом деле: довольство того или иного человека в этом отношении зависит не от абсолютной, а от некоторой чисто относительной величины, именно от отношения между его требованиями и его имуществом. Поэтому имущество само по себе так же мало значит, как числитель без знаменателя. Человек может быть вполне доволен, не имея тех вещей, которых ему и в голову не приходило требовать и которые поэтому излишни ему; между тем другой, имеющий во сто раз больше, чувствует себя несчастным, потому что у него нет того, что ему потребовалось.

Шопенгауэр

2

Кто имеет меньше, чем желает, должен знать, что он имеет больше, чем заслуживает.

Лихтенберг

3

Не тот беден, у кого мало, а тот, кто хочет большего.

Сенека

4

Ничто не может быть «порядочнее», как то, чтобы иметь мало потребностей и самому удовлетворять им, так, чтобы быть в состоянии отдавать, вместо того чтобы пользоваться всяким случаем захватывать.

Гораздо более «порядочно» удовлетворять самому своим нуждам, чем быть роскошно прислуживаемым; это может казаться непорядочным нынче и малому числу, но это единственная «порядочность» всегда и для всех.

Эмерсон

5

Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут; но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут; ибо где сокровище ваше, там будет и сердце ваше.

Мф. гл. 6, ст. 19 – 21

6

Наживи себе то богатство, которого воры не могут похищать, на которое сильные не смеют посягать, которое и по смерти за тобою останется, никогда не убавляясь и не истлевающая. Богатство это – твоя душа.

Индийская поговорка

Есть два средства для того, чтобы не страдать от бедности: увеличивать свое богатство и уменьшать свои потребности. Первое не в нашей, второе всегда в нашей власти.

4 ОКТЯБРЯ (Любовь)

Любовь дает не только духовную внутреннюю радость тому, кто испытывает ее, но она же и главное условие радостной мирской жизни.

1

Истинная любовь – не есть любовь к одному исключительному лицу, а душевное состояние готовности любви ко всем – есть то состояние, в котором одним мы сознаем божественное начало нашей души.

2

Не думай, что твое доброе расположение к людям – это подарок, который ты делаешь своим ближним: ты делаешь этот подарок самому себе.

3

Не старайтесь привлекать к себе любовь других: любите и будете любимы.

Из «Благочестивых мыслей»

4

Обращать горечь жизненного опыта в благодушие, неблагодарность – в благодеяние, оскорбления – в прощение, – вот в чем святая алхимия высоких душ. И это превращение должно сделаться столь обычным, столь легким, чтобы оно представлялось людям естественным и чтобы нам не нужно было за это одобрение людей.

Амиель

5

Любить – значит жить жизнью того, кого любишь.

6

Святой человек не имеет своих чувств. Чувства народа становятся его чувствами. Доброе он встречает с добротой, с добротой же встречает и злое. Верующих он встречает с верою, с такой же верою встречает и неверующих.

Святой человек, живя в мире, озабочен своими отношениями к людям. Он чувствует за всех людей, и все люди обращают к нему свои уши и глаза.

Лао-Тсе

7

Любовь открывает нам благотворительную тайну: жить в согласии с самим собой и со всеми людьми.

Из «Благочестивых мыслей»

8

Без любви никакое дело не приносит пользы, и всякое дело, внушенное любовью, как бы оно мало и ничтожно ни казалось, приносит обильные плоды.

Из «Благочестивых мыслей»

9

Религия есть высшая форма любви.

Паркер

Чем больше человек проявляет любви, тем больше люди любят его. А чем больше его любят, тем ему легче любить других; оттого-то любовь бесконечна.

5 ОКТЯБРЯ (Усилие)

Усилие нравственное потому необходимо, что усилие плотское не переставая совершается. Только перестань работать над собой духовно, и плоть завладеет тобой.

1

Усвоить истину – дело нелегкое для людей, исполненных заблуждений, ибо вредные влияния разного рода с чрезвычайной силой стремятся сохранить над ними свою власть. И потому надо с особенной настойчивостью отыскивать истину и держаться ее.

Люси Малори

2

То, что неясно, следует выяснить. То, что трудно делать, следует делать с великой настойчивостью.

Конфуций

3

Пока ты не уничтожил до самого корня похотливую привязанность свою к женщине, до тех пор дух твой будет привязан к земному, как сосущий телец привязан к своей матери.

Люди, влекомые похотью, мечутся подобно зайцу, попавшему в западню; увязшие в путах телесных желаний, они снова и снова подпадают страданию на долгие времена.

*Буддийская мудрость*⁴³

4

Путь исправления себя, правда, труден, но он труден не сам по себе, а труден потому, что мы так долго предавались порокам. Эти-то пороки и усложняют нам путь исправления. Мы страдаем от этой борьбы настолько, насколько пороки наши успели в нас вкорениться. Мы не можем думать, что Бог виноват в необходимости этой борьбы, потому что, не будь в нас пороков, не было бы и борьбы. Значит, причина борьбы – в нашем собственном несовершенстве. И между тем в этой борьбе наше спасение, и если бы Бог избавил нас от этой борьбы, то мы, несчастные, остались бы навсегда с нашими пороками.

Паскаль

⁴³ Дхаммапада

5

С нашими высшими чувствами бывает то же, что бывает со всеми вообще нашими способностями. Если мы не упражняем их, мы перестаем замечать, что мы ими обладаем. Люди, никогда не упражняющие своих способностей, становятся нечувствительными к их существованию.

Люси Малори

6

Доброе дело совершается всегда с усилием, но когда усилие повторено несколько раз, — то же дело становится привычкой.

Не пренебрегай никаким делом, которое может приучить тебя к деланию добра, а тем более таким, которое может отучить тебя от делания зла.

6 ОКТЯБРЯ (Болезнь)

Болезни – естественное явление, и надо уметь относиться к ним, как к естественному, свойственному людям условию жизни.

1

Пренебрежение к здоровью тела лишает возможности служения людям. Излишняя забота о своем теле приводит к тому же. Для того чтобы найти середину, есть одно средство: заботиться о своем теле в той мере, в которой это не мешает служению, не противоположно ему.

2

Когда больной перестает жить и всю жизнь сосредоточивает на лечении, ему гораздо выгоднее бы было, не только при неизлечимой болезни, но и при болезнях излечимых, не обращая внимания на болезнь, жить обыкновенной жизнью, которая, если бы даже и сократилась от этого (что всегда сомнительно), но была бы жизнью, а не постоянным страхом и заботой о своем теле.

3

Нет такой болезни, которая бы мешала человеку исполнять то, что он должен. Не можешь служить людям трудами, служи примером любовного терпения.

4

Болезни мысли губительнее и встречаются чаще, чем болезни тела.
Цицерон

5

Изречение Гиппократово о том, что основное условие лечения то, чтобы оно не вредило, часто не применяется и по отношению к телу; по отношению же к душе никогда не применяется.

Правило не вредить телу не соблюдалось при прежних кровопусканиях, не соблюдается и теперь при операциях, при принятии ядовитых лекарств и многом другом. О вреде же душе, всегда сопутствующем всякому лечению, никто не думает и не поминает. А между тем вред этот состоит в оправдании самого грубого эгоизма: требования служения себе вместо своего служения людям.

Не бойся болезни, бойся лечения, и лечения не в смысле вредных лекарств, а главное, лечения в смысле признания себя вследствие болезни освобожденным от нравственных требований.

Недельное чтение

Живые мощи

*Край родной долготерпенья —
Край ты русского народа!..*

Ф. Тютчев

На следующий день я проснулся ранехонько. Солнце только что встало; на небе не было ни одного облачка: все кругом блестело сильным двойным блеском, блеском молодых утренних лучей и вчерашнего ливня. Пока мне закладывали таратайку, я пошел побродить по небольшому, некогда фруктовому, теперь одичалому саду, со всех сторон обступившему флигелек своей пахучей, сочной глушью. Ах, как было хорошо на вольном воздухе, под ясным небом, где трепетали жаворонки, откуда сыпался серебряный бисер их звонких голосов! На крыльях своих они, наверно, унесли капли росы, и песни их казались орошенными росой. Я даже шапку снял с головы и дышал радостно — всею грудью... На склоне неглубокого оврага, возле самого плетня, виднелась пасека, узенькая тропинка вела к ней, извиваясь змейкой между сплошными стенами бурьяна и крапивы, над которыми высились бог ведает откуда занесенные остроко- нечные стебли темно-зеленой конопли.

Я отправился по этой тропинке; дошел до пасеки. Рядом с нею стоял плетеный сарайчик, так называемый омшаник, куда ставят улья на зиму. Я заглянул в полуоткрытую дверь; темно, тихо, сухо; пахнет мятой, мелиссой. В углу приспособлены подмости, и на них, прикрытая одеялом, какая-то маленькая фигура... Я пошел было прочь...

— Барин! а, барин! Петр Петрович! — послышался мне голос, слабый, медленный и сип- лый, как шелест болотной осоки.

Я остановился.

— Петр Петрович! Подойдите, пожалуйста! — повторил голос. Он доносился до меня из угла с тех, замеченных мною, подмостков.

Я приблизился и остолбенел от удивления. Передо мною лежало живое человеческое существо; но что это было такое?

Голова совершенно высохшая, одноцветная, бронзовая, — ни дать ни взять — икона ста- ринного письма; нос узкий, как лезвие ножа; губ почти не видать, — только зубы белеют и глаза, да из-под платка выбиваются на лоб жидкие пряди желтых волос. У подбородка, на складке одеяла, движутся, медленно перебирая пальцами как палочками, две крошечные руки тоже бронзового цвета. Я вглядываюсь попристальнее: лицо не только не безобразное, даже краси- вое, — но страшное, необычайное. И тем страшнее кажется мне это лицо, что по нем, по метал- лическим его щекам, я вижу — силится... силится и не может расплыться улыбка.

— Вы меня не узнаете, барин? — прошептал опять голос; он словно испарялся из едва шевелившихся губ. — Да и где узнать! Я — Лукерья... Помните, что хороводы у матушки у вашей, в Спасском, водила, помните... Помните, я еще запевадой была?

— Лукерья! — воскликнул я. — Ты ли это? Возможно ли?

— Я, да, барин, — я. Я — Лукерья.

Я не знал, что сказать, и как ошеломленный глядел на это темное, неподвижное лицо с устремленными на меня светлыми и мертвенными глазами. Возможно ли? Эта мумия — Луке- рья, первая красавица во всей нашей дворне, — высокая, полная, белая, румяная, — хохотунья, плясунья, певунья! Лукерья, умница Лукерья, за которою ухаживали все наши молодые парни, по которой я сам втайне вздыхал, я — шестнадцатилетний мальчик!

– Помилуй, Лукерья, – проговорил я наконец, – что это с тобой случилось?

– А беда такая стряслась! Да вы не побрезгуйте, барин, не погнушайтесь несчастием моим, – сядьте вон на кадушечку – поближе, а то вам меня не слышно будет... вишь, я какая голосистая стала!.. Ну, уж и рада же я, что увидала вас! Как это вы в Алексеевку попали?

Лукерья говорила очень тихо и слабо, но без остановки.

– Меня Ермолай охотник сюда завез. Но расскажи же ты мне...

– Про беду-то мою рассказать? Извольте, барин. – Случилось это со мной уже давно, лет шесть или семь. Меня тогда только что помолвили за Василья Полякова – помните, такой из себя статный был, кудрявый – еще буфетчиком у матушки у вашей служил? Да вас уже тогда в деревне не было: в Москву уехали учиться. Очень мы с Василием слюбились; из головы он у меня не выходил; а дело было весною. Вот, раз, ночью... уж и до зари недалеко... а мне не спится: соловей в саду таково удивительно поет сладко!.. Не вытерпела я, встала и вышла на крыльцо его послушать. Заливается он, заливается... И вдруг мне почудилось: зовет меня кто-то Васиным голосом, тихо так: Луша! Я глядь в сторону, да знать спросонья – оступилась, так прямо с рундучка и полетела вниз – да о землю хлоп! И, кажись, не сильно я расшиблась, потому – скоро поднялась и к себе в комнату вернулась. Только словно у меня что внутри – в утробе – порвалось... Дайте дух перевести... с минуточку... барин...

Лукерья умолкла, а я с изумлением глядел на нее. Изумляло меня собственно то, что она рассказ свой вела почти весело, без охов и вздохов, нисколько не жалуясь и не напрашиваясь на участие.

– С самого того случая, – продолжала Лукерья, – стала я сохнуть, чахнуть; чернота на меня нашла; трудно мне стало ходить, а там уже – полно и ногами владеть; ни стоять, ни сидеть не могу; все бы лежала, и ни пить, ни есть не хочется: все хуже да хуже. Матушка ваша, по доброте своей, и лекарям меня показывала, и в больницу посылала. Однако облегченья мне никакого не вышло. И ни один лекарь даже сказать не мог, что за болезнь у меня за такая. Чего они со мной только не делали: железом раскаленным спину жгли, в колотый лед сажали – и все ничего. Совсем я окостенела под конец... Вот и порешили господа, что лечить меня больше нечего, а в барском доме держать калек неспособно... ну, и переслали меня сюда – потому, тут у меня родственники есть. Вот я и живу, как видите.

Лукерья опять умолкла и опять усилилась улыбнуться.

– Это, однакоже, ужасно, твое положение! – воскликнул я. И, не зная, что прибавить, спросил: – А что же Поляков Василий?

Очень глуп был этот вопрос.

Лукерья отвела глаза немного в сторону.

– Что Поляков? Потужил-потужил – да и женился на другой, на девушке из Глинного. Знаете Глинное? От нас недалече. Аграфеной ее звали. Очень он меня любил, – да ведь человек молодой – не оставаться же ему холостым. И какая уж я ему могла быть подруга? А жену он нашел себе хорошую, добрую, – и детки у них есть. Он тут, у соседа, в приказчиках живет: матушка ваша по пачпорту его отпустила, и очень ему, слава Богу, хорошо.

– И так ты все лежишь да лежишь? – спросил я опять.

– Вот так и лежу, барин, седьмой годок. Летом-то я здесь лежу, в этой плетушке, а как холодно станет – меня в предбанник перенесут. Там лежу.

– Кто же за тобой ходит? Присматривает кто?

– А добрые люди здесь есть тоже. Меня не оставляют. Да и ходьбы за мной немного. Есть-то, почитай, что не ем ничего, а вода – вон она, в кружке-то: всегда стоит припасенная, чистая, ключевая вода. До кружки-то я сама дотянуться могу: одна рука у меня еще действовать может. Ну, девочка тут есть, сиротка; нет, нет, да и наведается, спасибо ей. Сейчас тут была... Вы ее не встретили? Хорошенькая такая, беленькая. Она цветы мне носит: большая я до них

охотница, до цветов-то. Садовых у нас нет, – были да перевелись. Но ведь и полевые цветы хороши; пахнут еще лучше садовых. Вот хоть бы ландыш... на что приятнее!

– И не скучно, не жутко тебе, моя бедная Лукерья?

– А что будешь делать? Лгать не хочу – сперва очень томно было; а потом привыкла, обтерпелась – ничего: иным еще хуже бывает.

– Это каким же образом?

– А у иного и пристанища нет! А иной – слепой или глухой! А я, слава богу, вижу прекрасно и все слышу, все. Крот под землею роется – я и то слышу. И запах я всякий чувствовать могу, самый какой ни на есть слабый! Гречиха в поле зацветет или липа в саду – мне и сказывать не надо: я первая сейчас слышу. Лишь бы ветерком бы оттуда потянуло. Нет, что Бога гневить? – многим хуже моего бывает. Хоть бы то взять: иной здоровый человек очень легко согрешить может, а от меня сам грех отошел. Намеднись отец Алексей, священник, стал меня причащать, да и говорит: «Тебя, мол, исповедывать нечего, – разве ты в твоём состоянии согрешить можешь?» Но я ему ответила: а мысленный грех, батюшка? «Ну, говорит, а сам смеется, это грех не великий». – Да я, должно быть, и этим самым, мысленным грехом, не больно грешна, – продолжала Лукерья, – потому, я так себя приучила: не думать, а пуще того – не вспоминать. Время скорей проходит.

Я, признаюсь, удивился.

– Ты все одна да одна, Лукерья; как же ты можешь помешать, чтобы мысли тебе в голову не шли? Или ты все спишь?

– Ой, нет, барин! Спать-то я не всегда могу. Хоть и больших болей у меня нет, а ноет у меня там, в самом нутре, и в костях тоже, не дает спать, как следует. Нет... а так, лежу я себе, лежу-полеживаю – и не думаю, чую, что жива, дышу – и вся я тут. Смотрю, слушаю. Пчелы на пасеке жужжат да гудят; голубь на крышу сядет и заворкует; курочка-наседочка зайдет с цыплятами крошек поклевать; а то воробей залетит или бабочка – а мне очень приятно. В позапрошлом году так даже ласточки вон там, в углу, гнездо себе свили и детей вывели. Уж как же оно было занятно! – Одна влетит, к гнездышку припадет, деток накормит – и вон. Глядишь – уж на смену ей другая. Иногда не влетит, только мимо раскрытой двери пронесется, а детки тотчас – ну пищать да клювы разевать... Я их и на следующий год поджидала, да их, говорят, один здешний охотник из ружья застрелил. И на что покорыстился? Вся-то она, ласточка, не больше жука... Какие вы, господа охотники, злые!

– Я ласточек не стреляю, – поспешил я заметить.

– А то раз, – начала опять Лукерья, – вот смеху-то было! Заяц забежал, право. Собаки, что ли, за ним гнались, – только он прямо в дверь как прикатит!.. Сел близехонько – и долго-таки сидел, – все носом водил и усами дергал – настоящий офицер! И на меня смотрел. Понял, значит, что я ему не страшна. Наконец встал, прыг-прыг к двери, на пороге оглянулся – да и был таков. Смешной такой!

Лукерья взглянула на меня... аль, мол, не забавно? Я, в угоду ей, посмеялся. Она покусала пересохшие губы.

– Ну, зимою, конечно, мне хуже: потому – темно: свечку зажечь жалко, да и к чему? Я хоть грамоте знаю и читать завсегда охоча была, но что читать? Книг здесь нет никаких, да хоть бы и были, как я буду держать ее, книгу-то? Отец Алексей мне, для рассеянности, принес календарь, да видит, что пользы нет, взял да унес опять. Однако хоть и темно, а все слушать есть что: сверчок затрещит, али мышь где скрестись станет. Вот тут-то хорошо: не думать!

А то я молитвы читаю, – продолжала, отдохнув немного, Лукерья. – Только немного я знаю их, этих самых молитв. Да и на что я стану господу Богу наскучать? О чем я его просить могу? Он лучше меня знает, чего мне надобно. Послал он мне крест – значит, меня он любит. Так нам велено это понимать. Прочту отче наш, богородицу, акафист всем скорбящим, – да и опять полеживаю себе безо всякой думочки. И ничего!

Прошло минуты две. Я не нарушал молчания и не шевелился на узенькой кадушке, служившей мне сиденьем. Жестокая, каменная неподвижность лежавшего передо мною живого несчастного существа сообщилась и мне: я тоже словно оцепенел.

– Послушай, Лукерья, – начал я наконец. – Послушай, какое я тебе предложение сделаю. Хочешь, я распоряжусь: тебя в больницу перевезут, в хорошую, городскую больницу? Кто знает, быть может, тебя еще вылечат? Во всяком случае, ты одна не будешь...

Лукерья чуть-чуть двинула бровями.

– Ох, нет, барин, – промолвила она озабоченным шепотом, – не переводите меня в больницу, не трогайте меня. Я там только больше муки приму. Уж куда меня лечить!.. Вот так-то раз доктор сюда приезжал; осматривать меня захотел. Я его прошу: не тревожьте вы меня, Христа ради. Куда! переворачивать меня стал, руки, ноги разминал, разгибал; говорит: это я для учености делаю; на то я служащий человек, ученый! Потормошил, потормошил меня, назвал мне мою болезнь – мудрено таково – да с тем и уехал. А у меня потом целую неделю все косточки ныли. Вы говорите: я одна бываю, всегда одна. Нет, не всегда. Ко мне ходят. Я смиренная – не мешаю. Девушки крестьянские зайдут, поговорят; странница забредет, станет про Иерусалим рассказывать, про Киев, про святые города. Да мне и не страшно одной быть. Даже лучше, ей-ей!.. Барин, не трогайте меня, не возите в больницу... Спасибо вам, вы добрый, только не трогайте меня, голубчик.

– Ну, как хочешь, как хочешь, Лукерья. Я ведь для твоей же пользы полагал...

– Знаю, барин, что для моей пользы. Да, барин, милый, кто другому помочь может? Кто ему в душу войдет? Сам себе человек помогай! Вы вот не поверите – а лежу я иногда так-то одна... И словно никого в целом свете, кроме меня, нету. Только одна я – живая! И чудится мне, будто что меня осенит... Возьмет меня размышление – даже удивительно!

– О чем же ты тогда размышляешь, Лукерья?

– Этого, барин, тоже никак нельзя сказать: не растолкуешь. Да и забывается оно потом. Придет словно как тучка, прольется, свежо так, хорошо станет, а что такое было – не поймешь! Только думается мне: будь около меня люди – ничего бы этого не было и ничего бы я не чувствовала, окромя своего несчастья.

Лукерья вздохнула с трудом. Грудь ей не повиновалась – так же, как и остальные члены.

– Как погляжу я, барин, на вас, – начала она снова, – очень вам меня жалко. А вы меня не слишком жалеете, право! Я вам, например, что скажу: я иногда и теперь... Вы ведь помните, какая я в свое время была веселая? Бой-девка!.. так знаете что? Я и теперь песни пою.

– Песни?.. Ты?

– Да, песни, старые песни, хороводные, подблюдные, святочные, всякие! Много я их ведь знала и не забыла. Только вот плясовых не пою. В теперешнем моем звании – оно не годится.

– Как же ты поешь... про себя?

– И про себя и голосом. Громко-то не могу, а все – понять можно. Вот я вам сказывала – девочка ко мне ходит. Сиротка, значит, понятливая. Так вот я ее выучила: четыре песни она уже у меня переняла. Аль не верите? Постойте, я вам сейчас...

Лукерья собрала с духом... Мысль, что это полумертвое существо готовится запеть, возбудила во мне невольный ужас. Но прежде чем я мог промолвить слово, в ушах моих задрожал протяжный, едва слышный, но чистый и верный звук... За ним последовал другой, третий. «Во лузях» пела Лукерья. Она пела, не изменив выражения своего окаменелого лица, уставив даже глаза. Но так трогательно звенел этот бедный, усиленный, как струйка дыма колебавшийся голосок, так хотелось ей всю душу вылить... Уже не ужас чувствовал я: жалость несказанная стиснула мне сердце.

– Ох, не могу! – проговорила она вдруг, – силушки не хватает... Очень уж я вам обрадовалась.

Она закрыла глаза.

Я положил руку на ее крошечные, холодные пальчики... Она взглянула на меня – и ее темные веки, опущенные золотистыми ресницами, как у древних статуй, закрылись снова. Спустя мгновение они заблестали в полутьме... Слеза их смочила.

Я не шевелился по-прежнему.

– Экая я! – проговорила вдруг Лукерья с неожиданной силой и, раскрыв широко глаза, постаралась сморгнуть с них слезу. – Не стыдно ли? Чего я? Давно этого со мной не случилось... с самого того дня, как Поляков Вася у меня был, прошлой весной. Пока он со мной сидел да разговаривал – ну, ничего; а как ушел он – поплакала я-таки в одиночку! Откуда бралось!.. Да ведь у нашей сестры слезы не купленные. Барин, – прибавила Лукерья, – чай, у вас платочек есть... Не побрезгуйте, утрите мне глаза.

Я поспешил исполнить ее желание – и платок ей оставил. Она сперва отказывалась... на что, мол, мне такой подарок? Платок был очень простой, но чистый и белый. Потом она охватила его своими слабыми пальцами и уже не разжала их более. Привыкнув к темноте, в которой мы оба находились, я мог ясно различить ее черты, мог даже заметить тонкий румянец, проступивший сквозь бронзу ее лица, мог открыть в этом лице, – так по крайней мере мне казалось, – следы его бывалой красоты.

– Вот вы, барин, спрашивали меня, – заговорила опять Лукерья, – сплю ли я? Сплю я, точно, редко, но всякий раз сны вижу, – хорошие сны! Никогда я больной себя не вижу: такая я всегда во сне здоровая да молодая... Одно горе: проснусь я – потянуться хочу хорошенько – ан, я вся как скованная. Раз мне какой чудесный сон приснился! Хотите, расскажу вам? Ну, слушайте. Вижу я, будто сижу я эдак на большой дороге под ракитой, палочку держу оструганную, котомка за плечами и голова платком окутана – как есть странница! И идти мне куда-то далеко-далеко, на богомолье. И проходят мимо меня все странники: идут они тихо, словно нехотя, все в одну сторону; лица у всех унылые, и друг на дружку все очень похожи. И вижу я: вьется, мечется между ними одна женщина, целой головой выше других, и платье на ней особенное, словно не наше, не русское. И лицо тоже особенное, постное лицо, строгое. И будто все другие от нее сторонятся; а она вдруг верть – да прямо ко мне. Остановилась и смотрит: а глаза у ней, как у сокола, желтые, большие и светлые-пресветлые. И спрашиваю я ее: кто ты? А она мне говорит: «Я смерть твоя». Мне чтобы испугаться, а я, напротив, рада-радехонька, крещусь! И говорит мне та женщина, смерть моя: «Жаль мне тебя, Лукерья, – но взять я тебя с собою не могу. Прощай!» Господи! Как мне тут грустно стало!.. Возьми меня, говорю, матушка, голу-бушка, возьми! И смерть моя обернулась ко мне, стала мне выговаривать... Понимаю я, что назначает она мне мой час, да непонятно так, неясвенно... После, мол, Петровок... С этим я проснулась... Такие-то у меня бывают сны удивительные!

Лукерья подняла глаза вверх... задумалась...

– А то еще видела я сон, – начала она снова, – а быть может, это было мне видение – я уж и не знаю. Почудилось мне, будто я в самой этой плетушке лежу и приходят ко мне мои покойные родители – батюшка да матушка – и кланяются мне низко, и сами ничего не говорят. И спрашиваю я их: зачем вы, батюшка и матушка, мне кланяетесь? «А затем, говорят, что так как ты на сем свете много мучишься, то не одну ты свою душеньку облегчила, но и с нас большую тягу сняла. И нам на том свете стало много способнее. Со своими грехами ты уже покончила, теперь наши грехи побеждаешь». И сказавши это, родители мне опять поклонились – и не стало их видно: одни стены видны. Очень я потом сомневалась, что это такое со мною было. Даже батюшке на духу рассказала. Только он так полагает, что это было не видение, потому что видения бывают одному духовному чину. Только вот беда моя: случается, целая неделя пройдет, а я и не засну ни разу. В прошлом году барыня одна проезжала, увидела меня, да и дала мне скляночку с лекарством против бессонницы; по десяти капель приказала принимать. Очень мне помогало, и я спала; только теперь давно та скляночка выпита... Не знаете ли, что это было за лекарство и как его получить?

Проезжая барыня, очевидно, дала Лукерье опиума. Я обещался доставить ей такую скляночку и опять-таки не мог не подивиться вслух ее терпению.

– Эх, барин! – возразила она. – Что вы это? Какое такое мое терпение? Вот Симеона Столпника терпение было, точно, великое: тридцать лет на столбу простоял! А другой угодник себя в землю зарыть велел по самую грудь, и муравьи ему лицо ели...

Помолчав немного, я спросил Лукерью: сколько ей лет?

– Двадцать восемь... али девять... Тридцати не будет. Да что их считать, года-то! Я вам еще вот что доложу...

Лукерья вдруг как-то глухо кашлянула, охнула...

– Ты много говоришь, – заметил я ей, – это может тебе повредить.

– Правда, – прошептала она едва слышно, – разговорке нашей конец; да куда ни шло! Теперь, как вы уедете, намолчусь я вволю. По крайности душу отвела.

Я стал прощаться с нею, повторил ей мое обещание прислать ей лекарство, попросил ее еще раз хорошенько подумать и сказать мне – не нужно ли ей чего?

– Ничего мне не нужно; всем довольна, слава Богу, – с величайшим усилием, но умиленно произнесла она. – Дай Бог всем здоровья! А вот вам бы, барин, матушку вашу уговорить – крестьяне здешние бедные – хоть бы малость оброку с них она сбавила! Земли у них недостаточно, угодий нет... Они бы за вас Богу помолились... А мне ничего не нужно, – всем довольна.

Я дал Лукерье слово исполнить ее просьбу и подходил уже к дверям... она подозвала меня опять.

– Помните, барин, – сказала она, и чудное что-то мелькнуло в ее глазах и на губах, – какая у меня была коса? Помните – до самых колен! Я долго не решалась... Эдакие волосы!.. Но где же их было расчесывать? В моем-то положении!.. Так уж я их и обрезала... Да... Ну, простите, барин! Больше не могу...

В тот же день, прежде чем отправиться на охоту, был у меня разговор о Лукерье с хуторским десятским. Я узнал от него, что ее в деревне прозывали «Живые мощи», что, впрочем, от нее никакого не видать беспокойства: ни ропота от нее не слышать, ни жалоб. «Сама ничего не требует, а, напротив, за все благодарна; тихоня, как есть тихоня, так сказать надо».

Несколько недель спустя я узнал, что Лукерья скончалась. Смерть пришла-таки за ней... и «после Петровок». Рассказывали, что в самый день кончины она все слышала колокольный звон, хотя от Алексеевки до церкви считают пять верст с лишком и день был будничный. Впрочем, Лукерья говорила, что звон шел не от церкви, а «сверху». Вероятно, она не посмела сказать: с неба.

И. С. Тургенев

7 ОКТЯБРЯ (Бог)

Можно не называть Бога, избегать этого слова, но не признавать его существования нельзя. Ничего нет, если его нет.

1

Все, что я знаю, я знаю потому, что есть Бог, и я знаю его.

Только на этом можно основаться твердо и в отношениях к людям, и к себе, и к внеземной и вневременной жизни. Я не только не нахожу этого мистичным, но нахожу, что противоположный взгляд есть мистицизм, а что это одна самая понятная и всем доступная реальность. На вопрос: что такое Бог? я отвечаю так: Бог – это бесконечное, все, чего я сознаю себя частью.

Бог для меня – это то, к чему я стремлюсь, то, в стремлении к чему состоит моя жизнь, и которое поэтому и есть для меня; но есть непременно такое, чего я понять, назвать не могу. Если бы я Его понял, я бы дошел до Него, и стремиться бы некуда было и жизни бы не было.

Не могу понять и назвать Его, а вместе с тем знаю Его, знаю направление к Нему, и даже из всех моих знаний это самое достоверное. Мне всегда страшно, когда я без Него; а только тогда не страшно, когда я с Ним.

2

Религиозные действия, вытекающие из себялюбивых целей, как молитвы о дожде или жертва для награды в будущем мире, всегда корыстны, и только поступок, совершенный вследствие познания Бога, достоин его.

Признавая высший разум во всех существах и вещах, истинный верующий приносит в жертву свой ум, направляя его к духу Божьему, и приближается к природе Того, Кто светит своим собственным светом.

Пусть каждый внимательно рассматривает природу, видимую и невидимую, как существующую в божественном разуме, потому что, созерцая бесконечный мир в божественном разуме, он не может уже отдаваться злым помыслам.

Законы Ману

3

Когда я говорю тебе о Боге, то ты не думай, что я говорю тебе о каком-нибудь предмете, сделанном из золота или серебра. Тот Бог, о котором я тебе говорю, – ты Его чувствуешь в своей душе. Ты носишь Его в самом себе, и своими нечистыми помыслами и отвратительными поступками оскверняешь Его образ в твоей душе. Перед идолом золотым, которого ты считаешь за Бога, ты остерегаешься делать что-либо непристойное, а перед лицом того Бога, который в тебе самом и который все видит и слышит, ты даже не краснеешь, когда предаешься своим гнусным мыслям и поступкам.

Если б только мы постоянно помнили, что Бог в нас – свидетель всего того, что мы делаем и думаем, то мы перестали бы грешить, и Бог неотлучно

пребывал бы в нас. Давайте же вспоминать Бога, думать и беседовать о Нем как можно чаще.

Эпиктет

4

Бог – не идол, которому нужно молиться и льстить, Бог – идеал, который должен воплощать человек в своей повседневной жизни.

Люси Малори

5

Не тогда, когда я иду к Нему, но именно тогда, когда я отворачиваюсь от Него, оставляю его, – именно тогда я признаю то, что Бог есть. Я говорил «Бог», но не знаю наверное, так ли я называю. Вы поймете, что я разумею.

Торо

6

К Богу никогда не надо ходить нарочно: «Дай я пойду к Богу, стану жить по-Божьи. Жил по-дьявольски, дай поживу по-Божьи, попробую, авось не беда»... Это беда, и большая. К Богу, вроде того, как жениться, надо идти только тогда, когда и рад бы не пойти и рад бы не жениться, да не могу... И потому всякому не то, что скажу: иди в соблазны нарочно; а тому, кто так поставит вопрос: «А что, не прогадаю ли, если пойду не к черту, а к Богу?» закричу во все горло: «Иди, иди к черту, непременно к черту!» Во сто раз лучше обжечься хорошенько на черте, чем стоять на распутье или лицемерно идти к Богу.

7

Если человек и не знает, что он дышит воздухом, он знает, что лишился чего-то, когда задыхается. То же и с человеком, лишившимся Бога, хотя бы он и не признавал Его.

Помнить Бога – великое дело. Не словами поминать Его, но жить так, как будто Он следит за каждым моим поступком, осуждая или одобряя. Русские крестьяне говорят: или ты Бога забыл?

8 ОКТЯБРЯ (Наука)

Только люди, никогда не думавшие о главных и существенных вопросах жизни, могут думать и говорить, что все доступно человеческому разуму.

1

Люди бывают трех родов: одни не верят ни во что, чего нельзя выразить ясными словами; другие верят только в те учения, в которых они воспитаны; третьи верят в тот закон, который они сознают в своем сердце. Такие люди самые разумные и самые твердые. Те люди, которые верят в те учения, в которых они родились, менее разумные и менее твердые, но все-таки не лишены главного человеческого свойства: признавать нечто высшее, непостижимое, требующее от нас доброй жизни. Баба, призывающая Бога, даже Николая Чудотворца, как нечто высшее, духовное, требующее самоотвержения, добрых дел, ближе к истине, чем люди первого рода, не признающие ничего непостижимого рассуждением.

2

Все начала – тайны; причина всякой индивидуальной или коллективной жизни – тайна, т. е. нечто не поддающееся разуму, неизъяснимое, неопределенное. Одним словом, всякая индивидуальность есть неразрешимая загадка, и никакое начало не может быть объяснено. В самом деле, все то, что сделалось, объясняется прошедшим, но начало чего бы то ни было не сделалось. Оно представляет всегда начальное чудо творения, потому что оно не есть следствие чего-либо другого: оно является только между прежними вещами, которые составляют ему среду, случай, обстановку, которые сопутствуют его появлению. Само же появление остается непонятно.

Амиель

3

Благодаря твоему превосходному воспитанию, ты можешь измерять круги и квадраты и все расстояния между звездами. Все стало достижимо для твоей геометрии. Если ты такой прекрасный механик, измерь же ум человеческий. Скажи мне, как он велик или как он мал. Ты знаешь, что такое прямая линия. Какая тебе в этом польза, если ты не знаешь прямого пути в жизни. Все свободные науки оказываются несостоятельны для научения добродетели. Если они и пригодны для чего другого, для добродетели они ничего не стоят. Они не приводят ум к добродетели: они лишь расчищают путь.

Сенека

4

Тайна жизни растения – такая же, как тайна нашей жизни, и физиолог напрасно надеется объяснить ее механическим законом так же, как он

объясняет машину, которую сам сделал. Мы не должны щупать пальцами святую святых жизни животной или даже растительной. Делая это, мы ничего не откроем, кроме внешности.

Торо

5

Вещь, которую мы видим через микроскоп и телескоп, становится незначительной.

Торо

6

Большая библиотека скорее рассеивает, чем поучает читателя. Гораздо лучше ограничиться несколькими авторами, чем необдуманно читать многих.

Сенека

Лучше не знать многого из того, что можно знать, чем пытаться познать то, что не может быть познано.

Ничто так не развращает и не ослабляет умственной силы и не возбуждает так сомнения, как витание в областях непознаваемого. Хуже всего притворяться, что понимаешь то, чего не понимаешь.

9 ОКТЯБРЯ (Божественная природа души)

Тот, кто перенес сознание своей жизни в свое духовное «я», не может испытать зла ни в жизни, ни в смерти.

1

Та материальная форма, в которой застаёт нас в этом мире пробуждение нашего сознания истинной жизни, представляет как бы пределы, ограничивающие наше духовное существо.

Материя есть предел духа. Истинная же жизнь есть постепенное разрушение этого предела, кончающееся полным разрушением, полным освобождением – смертью. Такое понимание жизни даёт человеку полное спокойствие и в жизни и в смерти.

2

Куда бы судьба тебя ни забросила, всюду с тобою твоя сущность, твой дух, средоточие жизни, свободы и силы, когда он верен закону бытия своего. Нет в мире внешних благ или величия, для которых стоило бы человеку нарушать единение свое с духом, расторгать свой союз с ним и подрывать цельность своей души внутренним разладом с самим собою.

Укажи, что мог бы ты купить ценою такой жертвы?

Марк Аврелий

3

Человека иногда томит, радует живо-сознанная им страшная противоположность между чем-то бесконечно великим и всемогущим, которое он сознат в себе, и чем-то узким и слабым, которое он чувствует в себе же.

4

Рожденное от плоти есть плоть, а рожденное от Духа есть Дух.

Не удивляйся тому, что Я сказал тебе: должно вам родиться свыше.

Дух дышит, где хочет, и голос его слышишь, а не знаешь, откуда приходит и куда уходит: так бывает со всяким, рожденным от Духа.

Ин. гл. 3, ст. 6 – 8

5

По многим соображениям душа добрых людей представляется мне божественной и вечной, но, главным образом, потому, что душа лучших и мудрейших людей так переносится в будущее состояние, что кажется, будто все ее мысли сосредоточены на вечности.

Цицерон

6

Только деятельное, нравственное, духовное, глубокое и религиозное сознание придает жизни все ее достоинство и энергию. Оно делает неуязвимым и непобедимым. Землю можно победить только именем Неба.

Все блага даются, кроме того, тому, кто ищет только мудрости. Только тогда бываешь сильнее всего, когда вполне бескорыстен, и мир у ног того, кого он не может обольстить. Почему? Потому что дух властвует над материей, и мир принадлежит Богу. «Мужайтесь, – сказал небесный голос, – я победил мир».

Боже, дай силы слабым, желающим доброго!

Амиель

7

Есть один высший разум, превосходящий все человеческие умы. Он далек и близок. Он выше всех миров и вместе с тем проникает во все существующее.

Человек, который видит, что все вещи содержатся в высшем Духе и что высший Дух проникает все существа, не может относиться с презрением ни к какому существу.

Для того, для кого все духовные существа одинаковы с высшим, не может быть места для заблуждения или для печали.

Те, кто исполняют одни обряды, находятся в густом мраке, но те, кто предаются только бесплодным размышлениям о высшем разуме, находятся в еще большей темноте.

Упанишада из Вед

8

Бог притягивает тех, которые хотят подняться до Него. И потому неудивительно, что человек стремится к Богу. Бог идет к людям, входит в людей. Нет ни одной души, которая была бы хороша без Бога.

Сенека

Спасение от всего – это сознание своей духовности. Что бы ни случилось с человеком, сознающим свою духовность, зло не может коснуться его.

10 ОКТЯБРЯ (Смерть)

Человек, как животное, не может не противиться смерти; как духовное же существо, он не знает смерти и потому не может ни противиться смерти, ни желать ее.

1

Причина, почему представление о смерти не оказывает того действия, какое оно могло бы оказать, заключается в том, что мы по своей природе, в качестве деятельных существ, по-настоящему совсем не должны думать о ней.

Кант

2

Жизнь не имеет ничего общего со смертью. Поэтому-то, вероятно, никогда не оставляет нас смутная надежда, затемняющая разум и заставляющая сомневаться в верности нашего знания о неизбежности смерти. Жизнь стремится упорствовать в бытии. Она повторяет, как попугай в басне, даже в ту минуту, когда его душат: «Это, это ничего!»

Амиель

3

В последние предсмертные минуты духовное начало оставляет тело и, оставляя его, соединяется ли с безвременным, внепространственным началом всего или переходит в другую, опять ограниченную форму, мы не знаем, знаем только то, что вследствие смерти тело оставляется тем, что жило его, и становится только предметом наблюдения.

4

Смерть есть перемена или исчезновение предмета сознания. Само же сознание так же мало может быть уничтожено смертью, как перемена зрелища может уничтожить зрителя.

5

Ты пришел в эту жизнь, сам не зная как, но знаешь, что пришел тем особенным я, которое ты есть, потом шел, шел, дошел до половины и вдруг не то обрадовался, не то испугался и уперся и не хочешь двинуться с места, идти дальше, потому что не видишь того, что там. Но ведь ты не видал тоже и того места, из которого ты пришел, а ведь пришел же ты. Ты вошел во входные ворота и не хочешь выходить в выходные.

Вся жизнь твоя была шествие через плотское существование; ты шел, торопился идти, и вдруг тебе жалко стало того, что совершается то самое, что ты не переставая делал. Тебе страшна большая перемена твоего положения при плотской смерти, но ведь такая большая перемена совершилась с тобою при твоём рождении, и из этого для тебя не только не вышло ничего плохого, но, напротив, вышло такое хорошее, что ты и расстаться с ним не хочешь.

Если мы верим, что все, что случилось с нами в нашей жизни, случилось с нами для нашего блага, – а человек, верующий в благое начало жизни, не может не верить в это, – то мы не можем не верить, что и то, что совершается с нами, когда мы умираем, совершается для нашего блага.

11 ОКТЯБРЯ (Гордость)

Люди большей частью гордятся не тем, что достойно уважения, а тем, что им не нужно или вредно: властью, богатством.

1

Нет того негодяя, который, поискав, не нашел бы негодяев в каком-нибудь отношении хуже себя и который поэтому не мог бы найти повода быть довольным собою.

2

Кто сам не умеет читать и писать, не может учить этому других; как же может указывать людям, что им делать, тот, кто не знает, что ему самому делать?

Марк Аврелий

3

Есть люди, которые едва только послушают мудрых поучений, как уже сами начинают поучать других. Они делают то же самое, что и больной желудок, который тотчас извергает принятую пищу. Не подражай таким людям. Сначала хорошенько перевари в себе то, что ты услышал, а не извергай прежде времени, – иначе выйдет такая гадость, которая не может служить никому пищей.

Эпиктет

4

Гордость совсем не то, что сознание человеческого достоинства. Гордость увеличивается по мере внешнего успеха, сознание своего человеческого достоинства, напротив, по мере внешнего унижения.

5

Человек гордый уважает не себя, а то мнение, которое о нем составляют люди; человек с сознанием своего достоинства уважает только себя и презирает людское мнение.

6

Есть еще ум в глупце, сознающем свою глупость; но, наверное, нет ума в том, кто твердо уверен в своей мудрости.
*Буддийская мудрость*⁴⁴

7

Всю жизнь проведет глупец подле мудрого и нимало не познает истины, как никогда ложка не поймет вкуса пищи.
*Буддийская мудрость*⁴⁵

8

У человека, влюбленного в себя, есть то преимущество, что у него мало соперников.
Лихтенберг

9

Самонадеянный человек всегда ограничен. Одно – причина другого. Он всегда ограничен, потому что самонадеян. И он самонадеян потому, что ограничен. Он сознает в себе невозможность произвести хорошее и потому уверяет себя, что хорошо все то, что он производит.

Гордость сначала так озадачивает, что люди поддаются внушению и начинают приписывать гордому человеку то самое значение, которое он себе приписывает; но внушение проходит, и гордый человек скоро становится смешным.

⁴⁴ Дхаммапада

⁴⁵ Дхаммапада

12 ОКТЯБРЯ (Мужество)

Большого усилия требует всякое отступление от принятых обычаев. А между тем первый шаг к совершенствованию всегда связан с таким отступлением.

1

Я должен поступать так, как я думаю, а не так, как думают люди. Правило это одинаково необходимо как в практической, так и в духовной жизни. Правило это трудно, потому что всегда вы найдете таких людей, которые думают, что они знают ваши обязанности лучше, чем вы сами. В мире легко жить согласно мирскому мнению, а в одиночестве легко следовать своему собственному; но велик тот человек, который среди толпы придерживается независимости своего уединения.

Эмерсон

2

Приноравливание к обычаям, до которых вам, в сущности, нет дела, – вот на что тратятся ваши силы, что лишает вас досуга и стирает всю самобытность вашей природы. При занятии таким делом как трудно распознать, что вы такое на самом деле, не говоря уже о трате на пустяки наилучших ваших способностей. Такая жизнь губит душу и тело.

Эмерсон

3

Общество говорит человеку: «Думай, как думаем мы; верь, как верим мы; ешь и пей, как мы едим и пьем; одевайся, как мы одеваемся, – или будь проклят». Если же кто не подчинится ему, то оно превратит жизнь его в ад своими насмешками, сплетнями, ругательствами, бойкотом и ostracism. Но мужайся.

Люси Малори

4

Человеку, отступающему, по требованию своей совести, от установленных обычаев той среды, в которой он живет, надо быть очень строгим и внимательным к себе: всякая ошибка его, всякая слабость будет поставлена в вину ему и, главное, его отступление от раз принятого им решения.

5

Когда мы, живя добродетельно, подвергаемся преследованию злых людей и за привязанность к добродетели терпим от них осмеяние, не будем печалиться и скорбеть. Таково уж свойство добродетели, что она обыкновенно в людях злых возбуждает к себе ненависть. Завидуя тем, кто хочет жить праведно, и думая самим себе приготовить оправдание, если очернят славу других, злые люди ненавидят добрых, как идущих противоположным путем, и всячески стараются обесславить их жизнь. Но не будем сокрушаться, потому что ненависть злых служит признаком добродетели.

Иоанн Златоуст

Дурно раздражать людей, отступая от принятых ими обычаев, но еще хуже отступать от требований совести и разума, потворствуя людским обычаям.

13 ОКТЯБРЯ (Насилие)

Государственное устройство – какое бы то ни было – до такой степени противно самым основным положениям христианства, что достаточно сказать, что люди живут государственной жизнью, чтобы этим сказать, что люди живут жизнью, вполне противной учению Христа.

1

Там, где великие мудрецы имеют власть, подданные не замечают их существования. Там, где властвуют невеликие мудрецы, народ бывает привязан к ним и хвалит их. Там, где властвуют еще меньшие мудрецы, народ боится их, а там, где еще меньшие, народ презирает их.

Лао-Тсе

2

Для непробудившегося человека государственная власть – это некоторые священные учреждения, составляющие органы живого тела, необходимое условие жизни людей. Для пробудившегося человека – это люди очень заблудшие, приписывающие себе какое-то фантастическое значение, не имеющее никакого разумного оправдания, и посредством насилия приводящие свои желания в исполнение. Все это для пробудившегося человека заблудшие и большею частью подкупленные люди, насилующие других людей, точно такие же, как те разбойники, которые схватывают людей на дорогах и насилуют их. Древность этого насилия, размеры насилия, организация его – не может изменить сущности дела. Для пробудившегося человека нет того, что называется государством; и потому нет оправдания всем совершаемым во имя государства насилиям; и потому для него невозможно участие в них. Насилие государственное уничтожится не внешними средствами, а только сознанием пробудившихся к истине людей.

3

Сила – в обоюдной любви, слабость – во взаимном соперничестве.
Соединяясь в любви – мы держимся; разделяясь в раздоре – мы падаем.

Люси Малори

4

Может быть, что для прежнего состояния людей было нужно государственное насилие, может быть, оно нужно еще и теперь, но люди не могут не видеть, не предвидеть того состояния, при котором насилие может только мешать мирной жизни людей. А видя и предвидя это, люди не могут не стремиться к осуществлению такого порядка. Средство осуществления этого порядка есть внутреннее совершенствование и неучастие в насилии.

Старайся жить так, чтобы насилие было не нужно тебе.

Недельное чтение

Закон Бога и закон мира сего

Одна только вера может сохранить человека в мире от заблуждений и козней дьявола: она одна учит нас распознавать добро и зло; ею одною мы приобщаемся предметам духовным и божественным.

В наше время верят многому тому, чему не следует верить; истинную веру христианскую считают заблуждением и ересью, а мертвые обычаи принимают за веру. Между людьми произошло разделение: *одна сторона обвиняет другую в ереси*, и из-за этого возникают войны и распри, убийства, сожжение людей и многие другие грехи; так что веру теперь не легко узнать, ибо вся она смердит ересью и враждою. В таких обстоятельствах разумные люди должны хранить истинную веру, которая изложена апостолами и единожды дана была богом через И. Христа, и не увлекаться теми новыми верованиями, к которым теперь побуждают людей.

Между первыми христианами апостолы установили равенство: никто не был ничем обязан друг другу, но все должны были любить друг друга и служить друг другу из любви, составляя одно тело, соединенное из многих членов, и имея главою Христа. Между ними не было правителей с языческими должностями: судей, городских советников. Хотя христиане жили под властью язычников, которым должны были платить дань, но сами не занимали языческих должностей. *Так продолжалось более трехсот лет*, до Константина: он первый вмешался в среду христиан с языческим господством и с чиновниками, которые приличествовали язычникам. Цель, к которой вели христиан апостолы, была гораздо возвышеннее и совершеннее, чем та, которую преследовали языческие власти, ибо составлять одно тело и руководиться одним духом Божиим в целях религиозных и нравственных гораздо выше, чем соблюдать ту земную справедливость, которая поддерживается языческими властями посредством разных принудительных мер.

Суды в судилищах хотя и помогают возвращению отнятой собственности, вводят в грехи, от которых христиане не иначе могут избавиться, как отказавшись от таких судов. Христиане не должны никому причинять несправедливость и никого не обманывать, а причиненную *несправедливость должны терпеливо переносить, не воздавая злом за зло*.

Взаимные отношения, установленные апостолами между первыми христианами, основаны были на законе Христове, который определяет, как должно поступать с противниками веры, соблазнителями, еретиками: их нужно увещавать и обличать *сначала один на один*, в случае же неуспеха – при свидетелях, наконец, поведать о них церкви; если же они и церковь преслушают, то поступать с ними, как с язычниками и мытарями, т. е. не общаться с ними. В таком же смысле апостол запрещает общение с прелюбодеями и др. Такое евангельское устройство общества скорее может исправить испорченный род человеческий, чем языческое, при помощи царей земных и городских судей: при первом грешник может снова приобрести Благодать Божию, которой лишили его грехи, а при втором всем таким грешникам определена смерть.

Итак, одного закона Христова было вполне достаточно для устройства общин первых христиан, и, руководясь им одним, они преуспевали в нравственном отношении; но потом, когда примешались к ним два закона, гражданский и папский, нравственность стала падать. Это признают те, которые пишут хроники, и мы своими глазами видим, как эти два закона разрушают и умерщвляют веру и закон Божий. Поэтому мы, поздние потомки, сидя как бы под тенью этих законов, неуверенно говорим о законе Божием и управлении Божием, ибо тьма этих двух законов заслоняет очи. Поэтому, так сказать, ошупью и гадая, я задаю вопрос: *достаточно*

ли закона Христова, без приданных к нему законов человеческих, для того чтобы основать и устроить здесь, на земном пути, вполне христианскую религию? Я отвечаю, хотя и с трепетом: да, достаточно и теперь, потому что и прежде его было достаточно для устройства христианского общества. Закон Христов не ослабляется *ни от сопротивлений*, которые ему оказывают, *ни от множества* обращенных к нему: напротив, от этого он приобрел еще большую силу, а потому его одного всегда достаточно. Далее, если его было *достаточно для обращения* неверующих к вере, *то достаточно и для устройства* в жизни и нравах, ибо последнее легче. А так как управление при помощи учения Христова лучше, чем с помощью человеческих примесей, то кто усомнится, что люди были бы совершеннее, руководясь законом Божиим, чем напоая себя, как ядом, разными примесями.

Право гражданское, или *право языческих царей*, имеет цель установить между людьми справедливость во всем, что касается тела человека и телесного имущества; напротив, право евангельское имеет целью духовное совершенствование людей. Так как язычники полагают свое благо только в безопасности тела и имущества, то они и держатся гражданского управления. Точно так же и те христиане, которые обратились в язычество, отвергнув Бога и его закон, и стремятся только к земным удовольствиям, к свободе и покою в мире и к телесному обогащению, те также стоят за светскую власть, которая поблажает их желаниям, а в случае опасности, угрожающей их жизни или имуществу, употребляет в дело оружие или дает возможность судом возратить потерянную собственность. Справедливость, которую стремится водворить светская власть, необходима для самих правителей: если бы один пошел на другого и вообще делал зло другому, то и царство бы разрушилось. О других добродетелях светская власть не заботится и потому кроме несправедливости допускает всякие другие грехи.

Управление Христово устроит человека духовно в добродетелях и приводит его к такой невинности, при которой он может угодить Богу и заслужить награду в вечности. При этом управлении человек совершенно иначе относится к телесным лишениям: не мстит за них и не ищет удовлетворения на суде, а терпеливо переносит их.

Между христианами установлено было равенство, и никто не должен был возвышать себя над другими; поэтому истинный христианин никогда не посмел бы сделаться царем над христианами. Кроме того, для христиан обязательна апостольская заповедь – друг друга тяготы носить: *как же добрый христианин может решиться сам быть бременем для других, сделавшись царем?*

Что царская власть есть тяжкое бремя для подданных, видно из того, что по смерти Соломона иудеи просили сына его облегчить их от работы отца его жестокой и от ярма его тяжкого, а Ровоам, посоветовавшись с такими же безумцами, каким был сам, отвечал сурово: «Перст мой будет вам тяжелее хребта отца моего». Из этого видно, что и наимудрейший Соломон своей властью был тяжким бременем для народа.

Сам Иисус Христос запретил ученикам своим возноситься друг над другом: «Цари господствуют над народами, и владеющие ими благодетелями называются. А вы не так: но кто из вас больше, будь как меньший, и начальствующий как служащий». И в Ветхом завете Гедеон отказался от предложения иудеев быть над ними царем и отвечал: «Не возобладаю аз вами, и не возобладает сын мой вами: Господь да владеет вами».

Вызвать в человеке любовь к Богу нельзя принудительными мерами: она основана на свободной воле человека и порождается словом Божиим. Если же царь будет исправлять злых людей проповедью слова Божия, то он обратится в священника и не станет прибегать к той власти, которая не иначе исправляет людей, как только вешая их.

К людям, которые присваивают языческую власть для того, чтобы ценою страданий других устраивать себе роскошную жизнь, может быть применена ветхозаветная *притча о деревьях*, которые обратились к маслине, смоковнице и виноградной лозе с просьбою царствовать над ними. Ни та, ни другая, ни третья не согласилась, потому что должны были лишиться

всего, что составляло их прелесть, и только терновник ответил: «Если вы выбрали меня царем, то войдите под мою сень, а если не хотите, то пусть выйдет из меня огонь и пожрет кедры ливанские».

Люди, обладающие дарами Благодати Божией, не променяют их на блага тела и света, на господство и повышение, зная, что все это влечет за собою жестокость, немилосердие, насилие, грабеж над своими же братьями: а терновник, острый и жестокий, смело говорит: «Так как вы меня выбрали господином, то знайте, что я ваш господин и буду властвовать над вами так, что на иных и кожа не останется целою: я им обрежу крылья, обдеру мужика, как липу». А другой еще скажет на это: «Ничего! дери с мужика: оправится, как верба у воды». Люди, живущие в роскоши, с толстым брюхом, проросшим салом, оправдывают такое отношение к простому народу.

Ни один человеческий закон не может в такой степени содействовать нравственному совершенствованию людей, как закон Божий. Закон Моисеев был хороший закон, но христианский правитель не может руководствоваться этим законом, так как он уже перенесен и заменен другим законом – законом Христовым, а закон Христов весь основан на любви к Богу и ближнему.

Вмешательство двух владык, светского и духовного, в христианскую церковь нарушило то состояние чистоты и невинности, в котором она была установлена апостолами и пребывала триста двадцать лет. И хотя многие люди считают это вмешательство полезным для веры, но этот яд никогда не был и не будет верою, а всегда останется ядом, отравляющим людей и мертвящим веру, а потому христиане должны помнить, что, соблюдая истинную веру, они не могут господствовать над другими по обычаю языческому. А между тем апостолы антихристовы считают эту светскую власть третьей частью церкви.

По учению римской церкви, светская власть основана на св. писании и прежде всего на следующем тексте: «Спрашивали его также и воины: а нам что делать? И сказал им: никого не обижайте, не клеветайте и довольствуйтесь своим жалованьем» (Луки 3, 14).

Эти слова сами по себе не могли бы наточить меча христианам, дабы они могли ими проливать человеческую кровь, но великий столп церкви римской (Августин), который сильно поддерживает ее, чтобы она не пала, придал этому месту смысл острого меча между христианами. Он выражается так: «Если бы христианское учение совершенно осуждало войну, то обратившимся к Иоанну воинам скорее был бы дан спасительный совет сложить оружие и оставить воинское звание; если же он велит им быть довольными своими оброками, то воинского звания не отвергает и войну не порицает».

Второе место, на которое ссылается римская церковь, следующее: «Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены» и т. д. (Римл. 13, 1 и дал.). Это главное основание, на котором утверждают светскую власть ученые, и один магистр Пражского университета сказал мне, что и я должен признавать это, а если не признаю, то буду еретиком.

Вот еще некоторые из доводов магистра в доказательство того, что закон человеческий, наказывающий людей за некоторые поступки смертью, не противоречит закону Божию: 1) заповедь «не убий» не запрещает наказание виновных смертью, ибо в таких случаях не судья убивает, а закон его к этому понуждает; 2) Бог размножает жизнь и смерть, поэтому он может и убить: Аз убию и жити сотворю: цари же поставлены Богом и потому могут так же поступать; 3) ап. Павел говорит: «Таковая творящий достойни смерти суть и небо без ума меч носит»; 4) в Евангелии: «Врагов же моих, тех, которые не хотели, чтобы я царствовал над ними, приведите сюда и избежите предо мною»; 5) Киприан по поводу ветхозаветной заповеди убивать идолопоклонников говорит, что, если такая заповедь была до пришествия Христова, тем более она должна соблюдаться по Его пришествии, как это подтверждается словами ап. Павла: «Таковая творящий достойни смерти суть».

В таком же роде толкуют заповедь «не убий» Августин и Иероним.

Так же рассуждает об этом св. Григорий и снова св. Августин. Из всех этих доводов выходит, что Бога хотят учинить двуустым так, чтобы одними устами Он говорил: не убий, а другими – убий.

Иисус теперь очень беден; не ходят больше за ним толпы народа, разве какой-нибудь отверженный и неразумный жалко тащится за ним, как муха из помой. Зато ученые очень богаты и славны в свете, много породили слуг Божиих с мечом, и весь мир взирает на них. Взглянет мудрый света на Иисуса, увидит, что он покинут всеми, облечен бедностью, терпит невзгоды, и бросит его и пойдет к ученым, что, по законам своим, целыми толпами служат Богу в церквах, на войне, при пытках, в государственных учреждениях, под позорными столбами и у виселиц. За такую широкую службу Богу и ухватится мудрый света, а за Иисусом пойдет только безумец, и свет освищет его.

Более всего противна учению Христову служба мечом потому, что вся она состоит в оплате злом за зло. Хотя и оговариваются, что меч поднимается за дело не свое, а Божье; но Бог ведает, насколько искренна эта оговорка: если бы так было, то люди, за причиненные себе обиды и несправедливости, не мстили бы: на деле же оказывается, что они не оставляют без возмездия самой легкой обиды словом, а поругание Богу допускают. Христос, напротив, заповедал любить врагов своих и платить им добром за зло. Не принятый самарянами, он не позволил апостолам низвести огонь с неба. Христос больше заботился о душах врагов своих, чем о своих временных страданиях. Если бы люди верили словам Христа и следовали его примеру, то не было бы войн на земле. И битвы, и иные убийства, и всякие враждебные посягательства на других, и всякое возмездие злом за зло происходит только оттого, что не любим врагов своих и не переносим с терпением причиняемые нам обиды.

С устройством истинно христианского общества, указанным в св. писании, меч и все деяния его, т. е. бои и всякие кровопролития, не имеют ничего общего, как противные призванию христиан и тем добродетелям, которые им приличествуют. Христиане соединены одною верою Христовой, молятся друг за друга: остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим, связаны между собою союзом любви и мира: может ли, после всего этого, какой-нибудь из давних монахов, прославленных святыми, доказать на основании веры, что у христиан должны быть бои и убийства? Христиане, воздвигающие войны и совершающие другие кровопролития, только по имени христиане и последуют язычникам, с тою только разницею, что язычники не знали бога и не имели участия в тех духовных благах, на которые имеют притязание христиане. Нельзя сравнивать бои между христианами и с боями иудейскими, ибо последние были допущены законом.

Христиане, убивающие друг друга в боях, во всяком случае лишены участия в духовных благах, обещанных Христом. Если они будут оправдываться тем, что им приходится иметь слишком много дела с светом, и потому некогда думать о высших духовных предметах и постигать их, в таком случае им можно ответить коротко: напрасно они веруют во Христа, напрасно крестятся. Если же христиане считают себя участниками в страданиях Христовых и надеются на спасение, а в то же время распинают в себе Христа, убивая друг друга, тогда их ждет наказание и проклятия большие, чем язычников.

Бои между христианами противны закону христианской любви, который возбраняет всякое враждебное посягательство на ближнего, на его тело, душу, имущество, честь, – делом или словом, а учит переносить безропотно те несправедливости, которые причиняют нам другие.

Взаимные же отношения между христианами апостол определяет так: «Не оставайтесь должными никому ничем, кроме взаимной любви» (Римл. 13, 8). В этих словах сказывается разница между делами веры и делами языческого господства: одни не могут быть другими. Поэтому и соединение язычества с христианством не могло состояться в самом начале. Вначале одни находили утешение пить кровь Христову, другие проливать кровь человеческую;

теперь же и те и другие соединились в общем служении богу: пьют кровь Христову и точат кровь своих ближних.

Есть две крайности: или совершенно отвергнуть Бога и отступить от Него, или всем сердцем прилепиться к Нему. Но людям не легко ни то, ни другое: ибо человек не так порочен, чтобы всецело отвергнуть Бога; с другой же стороны, немного найдется и таких, которые захотели бы всем сердцем прилепиться к Богу. Вера, основанная на папских законах, представляет нечто среднее между тем и другим, и на этом большинство людей успокаивается. Она предписывает различные добрые действия, лживые и мнимые, которые выражаются в разных внешних обрядах, и люди думают, что они соблюдают истинную веру, исповедая Бога одними устами и выражая свое почитание одними внешними знаками.

Петр Хельицкий (в 15 веке)

14 ОКТЯБРЯ (Искусство)

Искусство есть человеческая деятельность, соединяющая людей в одном и том же чувстве. Если чувства эти хорошие, то деятельность искусства благотворна; и наоборот.

1

Всегда, во всякое время и во всяком человеческом обществе есть общее всем людям этого общества религиозное сознание того, что хорошо и что дурно, и это-то религиозное сознание и определяет достоинство чувств, передаваемых искусством.

2

Христианское искусство должно сделать то, чтобы чувства братства и любви к ближним, доступные теперь только лучшим людям общества, стали привычными чувствами, инстинктом всех людей. Вызывая в воображении всех людей чувства братства и любви, христианское искусство приучит людей в действительности испытывать те же чувства. Оно прокладывает в душах людей те рельсы, по которым естественно пойдут поступки людей, воспитанных таким искусством.

3

Сущность христианского сознания состоит в признании каждым человеком своей сыновности Богу и вытекающего из него единения людей с Богом и между собой, как и сказано в Евангелии (Иоан. 17–21), и потому содержание христианского искусства – это такие чувства, которые содействуют единению людей с Богом и между собой.

4

Произведениями христианского искусства могут быть только те произведения, которые соединяют всех людей без исключения, или тем, что вызывают в людях сознание одинаковости их положения по отношению к Богу и ближнему, или тем, что вызывают в людях одно и то же чувство, хотя и самое простое, но не противное христианству и свойственное всем без исключения людям.

5

Христианское учение так изменило идеал людей, что, как сказано в Евангелии, то, что было велико перед людьми, стало мерзостью перед Богом. Идеалом стало не величие фараона и римского императора, не красота грека или богатства Финикии, а смирение, целомудрие, сострадание, любовь.

Героем стал не богач, а нищий Лазарь; Мария Египетская не во время своей красоты, а во время своего покаяния; не приобретатели богатства, а те, которые отказываются от него, живущие не в палатах, а в катакомбах и хижинах.

6

Назначение искусства в наше время в том, чтобы перевести из области рассудка в область чувства истину о том, что благо людей в их единении между собою, и установить на место царствующего теперь насилия, то Царство Божие, т. е. любви, которое представляется всем нам высшею целью жизни человечества.

7

Разнообразие чувств, вытекающих из религиозного сознания, бесконечно, и все они новы, потому что религиозное сознание есть не что иное, как указание нового отношения человека к миру, тогда как чувства, вытекающие из желания наслаждения, не только ограничены, но давным-давно изведаны и выражены. И потому безверие высших европейских классов привело их и к самому бедному по содержанию искусству.

Может быть, в будущем искусству откроются новые, еще высшие, чем теперешние, идеалы, и искусство будет осуществлять их; но в наше время назначение искусства ясно и определено.

Задача христианского искусства – вызывание в людях чувства братского единения.

15 ОКТЯБРЯ (Рост)

Назначение человека есть соблюдение своей души. Соблюдение же своей души есть возрастание, расширение ее. Расширение это совершается любовью.

1

«Ибо Я сошел с небес не для того, чтобы творить волю Мою, но волю пославшего Меня Отца; воля же пославшего Меня Отца есть та, чтобы из того, что Он Мне дал, ничего не погубить», сказано у Иоанна (6, 38–39), т. е. сохранить, возрастить в себе, довести до высшей возможной степени божественности ту искру духовной жизни, которая дана, поручена мне, как дитя няньке. Что же нужно для того, чтобы исполнить это? Не удовлетворение похоти, не людская слава, а труд, борьба, лишения, страдания, унижения, гонения, то самое, что сказано много раз в Евангелии. И вот это самое, то, что нужно нам, и посылается нам в самых разнообразных формах, и в малых, и в больших размерах. Только бы мы умели принять это как следует, как нужную нам, а потому радостную работу, а не как нечто досадное, нарушающее наше животное существование, которое мы считаем жизнью.

2

Дела праведных, это – семена, которые иногда долго лежат неподвижно в почве истории, но, получив тепло и влагу, впитав в себя новые, здоровые соки, свежие силы, семена эти начинают произрастать, цвести и приносить плоды; посеянное же насилием и неправдой гниет, чахнет и бесследно исчезает.

Талмуд

3

Человек рожден для того, чтобы быть переделывателем того, что сделал человек, обличителем обманов, восстановителем истины и добра, подражая той великой природе, которая обнимает всех нас и которая ни минуты не спит на старом прошедшем, но всякий час исправляет сама себя, давая нам каждое утро новый день и с каждым часом новую жизнь.

Эмерсон

4

Назначение жизни человека есть и личное совершенствование, и служение тому делу, которое совершается всею жизнью мира.

Пока есть жизнь в человеке, он может совершенствоваться и служить миру. Но служить миру он может, только совершенствуясь, а совершенствоваться, только служа миру.

5

Совершенствоваться значит все более и более переносить свое я из жизни телесной в жизнь духовную, для которой нет времени, нет смерти и для которой все благо.

6

От пятилетнего ребенка до меня только шаг. От новорожденного до пятилетнего страшное расстояние. От зародыша до новорожденного – пучина. А от несуществования до зародыша отделяет уже не пучина, а непостижимость.

С детства и до смерти, когда бы ни наступила она, растет душа человека, все больше и больше сознает она свою духовность, приближается к Богу, к совершенству. Знаешь ты или не знаешь, хочешь или не хочешь этого, движение это совершается. Но если знаешь и хочешь того, чего хочет Бог, то жизнь становится свободной и радостной.

16 ОКТЯБРЯ (Божественная природа души)

Сознание в себе Бога возможно для каждого человека. Пробуждение этого сознания и есть то, что в Евангелии называется воскресением.

1

Лепестки цветов опадают, когда плод начинает расти. Так отпадут от тебя твои слабости, когда начнет расти в тебе сознание Бога.

Хотя бы в продолжение тысячелетий мрак наполнял пространство, оно становится тотчас же светло, когда свет проникает в него. Так и твоя душа: как бы долго она ни была поглощена мраком, она тотчас вся осветится, как только Бог откроет в ней глаза Свои.

*Браминская мудрость*⁴⁶

2

Самоуважение происходит от нашего созерцания Божества в своей душе. Основы самоуважения в религии. Лучший пример этого есть величие в смирении. Никакой аристократ, ни принц, рожденный на троне, не может сравниться в самоуважении с святым. Святой унижен потому, что, опираясь на величие Бога, которого он чувствует в себе, он хочет быть униженным.

Эмерсон

3

Искусен тот, кто знает людей; но истинно просвещен тот, кто знает самого себя.

Кто знает самого себя – тот познает Бога.
Восточная мудрость

4

Бог близко от тебя, Он с тобой, Он в тебе. Божественный Дух пребывает в нас, всегда свидетель наших добрых и дурных дел, и как мы поступаем с ним, так и он поступает с нами. Человек не может быть хорош без Бога.

Сенека

5

Если тебе тяжело, углубись в себя, и на известной глубине ты найдешь Бога; а как только познаешь его в себе, все тяжелое станет легким, почувствуешь любовь и радость.

⁴⁶ Рамакришна

Если человек не чувствует в себе силы Божьей, это не доказывает того, что сила Божья не живет в нем, а только то, что человек не научился еще сознать ее в себе.

17 ОКТЯБРЯ (Бог)

Если есть люди и есть Бог, то не может не быть отношения между Богом и людьми. И то отношение, которое было в древние времена, не важнее, не обязательнее того, которое есть теперь. Теперешнее отношение понятнее и ближе нам, и потому не теперешнее отношение должно быть проверяемо древним, а наоборот.

1

Как удивительно то, что мир терпит и воспринимает из высших откровений истины только самые древние и теперь уже несвоевременные, но всякое прямое откровение, всякую самобытную мысль считает ничтожной и большей частью старательно отвергает.

Торо

2

Религиозное сознание человечества не неподвижно, а не переставая изменяется, более и более уясняясь и очищаясь.

3

Когда кто-либо привязывается к одной какой-нибудь, хотя бы и верной, идее, то он, в сущности, попадает в то же положение, в каком находился бы человек, привязавший себя к столбу, для того чтобы не заблудиться. То, что может быть желанной истиной на известной ступени духовного роста, может быть помехой к этому росту и заблуждением на другой, более высокой ступени.

Люси Малори

4

Одно из самых вредных суеверий есть суеверие о том, что мир сотворен, что он произошел из ничего и что есть Бог творящий.

В сущности, мы не имеем никакого основания и никакой нужды предполагать Бога-творца (китайцы и индейцы не знают этого понятия), а между тем Бог творец и промыслитель несовместим с христианским Богом отцом, Богом духом, частица которого живет во мне, составляет мою жизнь и проявить и вызвать которую составляет смысл моей жизни, – Богом любовью.

Бог творец равнодушен и допускает страдание и зло. Бог дух избавляет от страдания и зла и есть всегда совершенное благо.

Есть я, познающий мир данными мне орудиями чувств и знающий внутренне своего Отца Бога, но Бога творца я не знаю и не могу знать.

Есть много хорошего и в Коране, и в буддийских, и в конфуцианских книгах, и в писаниях стоиков, и в Библии, и в Упанишадах, и в Евангелии, но больше всего нужного и понятного в ближайших нам религиозных мыслителях.

18 ОКТЯБРЯ (Божественная природа души)

Прошедшего уже нет, будущее не наступило, есть только настоящее. В нем одном проявляется божественная свободная сущность души человека.

1

Тогда Иисус сказал им: еще на малое время свет есть в вас; ходите, пока есть свет, чтобы не объяла вас тьма, а ходящий во тьме не знает, куда идет.
Ин. гл. 12, ст. 35

2

Каждый знает, что всякая привычка от упражнения усиливается и укрепляется. Например, чтобы сделаться хорошим ходоком, надо часто и много ходить; чтобы сделаться хорошим бегуном, надо много бегать; чтобы выучиться хорошо читать, надо много читать и т. д. Наоборот, если перестанешь делать то, к чему привык, то и сама привычка понемногу пропадет. Если ты, например, пролежишь 10 дней не вставая и потом станешь ходить, то увидишь, как слабы стали твои ноги. Значит, если ты хочешь привыкнуть к какому-нибудь делу, то тебе нужно часто и много делать это дело; и, наоборот, если ты желаешь отвыкнуть от чего-нибудь, то не делай этого. То же самое бывает и со способностями нашей души: когда ты сердисься, то знай, что ты делаешь не одно это зло, но что вместе с тем ты усиливаешь в себе привычку к гневу, — ты подкладываешь дров в огонь. Когда ты поддался плотскому соблазну, то не думай, что ты провинился только в этом — и больше ничего: нет, ты в то же время усилил еще привычку к похотливым поступкам. Всякий разумный человек скажет тебе, что наши душевные недуги, наши злые помыслы и желания так именно и усиливаются. А потому, если ты не хочешь приучать себя к гневу, то всячески сдерживай свой гнев и не давай привычке нарастать. Но каким путем приобретается такая сила в борьбе с своими помыслами?

В борьбе с соблазнительными мыслями бывает полезно искать общества людей более добродетельных, чем ты сам, или вспоминать и читать поучения мудрых людей, живших прежде тебя. Истинный борец — тот, кто борется со своими порочными помыслами. Борьба эта святая и приближает тебя к Богу. От успешности ее зависит спокойствие и счастье твоей жизни. Помни всегда два времени: одно — настоящее время, в которое, уступив порочным помыслам, ты будешь наслаждаться похотью, и другое — то, в которое, насытившись ею, ты будешь каяться и укорять себя. Прими также в соображение то удовольствие, которое будешь испытывать, если воздержишься. Помни и то, что трудно будет воздержаться, если однажды преступил меру. Но если ты будешь уступать своим порочным помыслам и уверять себя, что ты победишь завтра, а завтра скажешь то же самое, то ты этим доведешь себя до такой слабости, что на будущее время перестанешь даже замечать свои ошибки, а если и заметишь,

то у тебя всегда найдется готовое оправдание для всех твоих порочных поступков.

Эпиктет

3

Помни, что если ты можешь сделать хорошее дело, то надо делать его сейчас, потому что пройдет случай и не возвратится.

Всякое раскаяние полезно, потому что оно есть всегда сожаление о том, что не воспользовался настоящим так, как было свойственно той силе, которая проявляется в настоящем. Раскаяние есть напоминание о том, как должно поступать в настоящем.

19 ОКТЯБРЯ (Смысл жизни)

Смысл жизни открывается тотчас же тому, кто готов покориться тому, что откроется ему, и скрывается от того, кто вперед уже решил, что он признает истинным только такой смысл жизни, который не нарушит любимой им и привычной ему жизни.

1

«Что такое я? Что должен я делать? Во что могу я верить и на что надеяться? к этому сводится все в философии», говорит философ Лихтенберг. Из этих вопросов главный – средний. Если человек узнает, что ему делать, то он узнает все, что ему нужно знать.

2

О том, как сохранить платье от моли, железо от ржавчины, картофель от гниения и т. п., мое мнение может изменяться, но как сохранить от гниения душу, мне нечему учиться, мне надо только исполнять *то, что я знаю.*
Торо

3

Блажен тот, кто нашел свое дело; пусть он не ищет другого блаженства. У него есть дело и цель жизни.
Карлейль

4

Горе людям, которые видят, не зная что, которые стоят, не зная на чем.
Талмуд

5

Несчастливы люди, не знающие смысла своей жизни, а между тем уверенность в том, что этого нельзя знать, так распространена между людьми, что они даже гордятся, как мудростью, тем, что не желают знать этого.
Паскаль

6

Человек сидит в тюрьме и не знает, какой приговор о нем постановлен. У него остается всего час времени для того, чтобы узнать об этом, и если он узнает, что он приговорен к смерти, то этого часа достаточно, чтобы ему

выхлопотать отмену этого приговора. Неужели же он употребит этот час не на то, чтобы узнать, каков приговор, а на игру в карты? Это было бы ни с чем не сообразно. А между тем так точно поступают люди, не думающие о Боге и о вечности.

Паскаль

7

Всякая птица знает, где делать свое жилище. Зная, где ее жилище, она показывает, что знает свое назначение. Неужели человек, умнейшее из всех существ, не может знать того, что знает птица: в чем назначение его жизни?

Китайская мудрость

Уразумение истинного смысла жизни или недоступно, если отыскивать смысл жизни всего мира, или так просто, что открывается малоумным и младенцам, если отыскивается смысл моей жизни – что мне делать.

20 ОКТЯБРЯ (Служение)

Жизнь человека только тогда разумна, когда она понимается как исполнение долга, служение.

1

Одно только мы знаем несомненно, что нас ждет смерть. «Подобно ласточке, пролетевшей через комнату, жизнь человека». Мы приходим, неведомо откуда, и уходим, неизвестно куда. Непроницаемая тьма позади, густые тени впереди. Когда придет наше время, какое значение будет иметь для нас то, что мы ели вкусные кушанья или не ели, носили или не носили мягкие одежды, оставили большое состояние или не оставили никакого, пожинали лавры или были презираемы, считались учеными или невеждами, — сравнительно с тем, как мы употребили вверенный нам Господином талант.

Генри Джордж

2

Тот, кто признает луч божественной силы в мельчайших вещах мира, тот человек высокого понимания и высоких стремлений. Такой человек уважает себя и других и не пренебрегает ничтожными делами, но смотрит на них как на проявления божеской силы.

Персидский Джелаледин Руми

3

Добродетель есть служение, которое обязан совершать человек самому себе. Если бы не было ни неба, ни Бога, управляющего миром, добродетель была бы все-таки обязательным законом жизни. Знать, что справедливо, и исполнять это — в этом и обязанность и преимущество человека.

Рамаяна

4

Сходясь с человеком, думай не о том, чем он может быть полезен тебе, а о том, чем ты можешь служить ему.

5

Нам дан несомненный закон всех действий наших, и действия по этому закону не могут быть ни остановлены, ни стеснены никакой властью. Исполнение этого закона возможно в тюрьме и под угрозой истязаний и смерти.

6

Ясно то, что моя жизнь в этом Божьем мире имеет значение не самостоятельное, но служебное. Ясно, что в плотском смысле нам предстоит быть побежденными и предстоит умереть; это видят наши глаза, об этом говорит наш разум, об этом свидетельствует вся природа; таков закон жизни Божьего мира, так угодно Богу. И человек, который достиг этого понимания, мало-помалу, по мере уяснения этой простой истины, все больше и больше теряет охоту бороться и враждовать с людьми за блага своей плотской жизни, за блага этого, как оказывается, чужого, временного и жестокого владыки.

Бука

Ищите только для себя доброй, согласной с волею Бога жизни – и вы исполните предназначенное вам служение.

Недельное чтение

Ламенэ

Большие умы и горячие сердца, те люди, которые оставляют после себя глубокий след, представляют в своей жизни с особенной яркостью те самые ступени развития, которые проходятся, в большей или меньшей степени, всеми обыкновенными людьми.

Ступени эти такие: 1) Детская, внушенная вера, полное подчинение авторитету, спокойное и уверенное общение со всеми окружающими. 2) Углубление в сущность этой внушенной и принятой по доверию веры, невысказанные сомнения в ее истинности и особенный задор в ее утверждении и распространении. Одобрение и восхваление со стороны окружающих. 3) Попытка очистить принятое на веру вероучение от всего ложного, излишнего, суеверного, улучшить его и на нем основать жизнь; разрыв с прежде сочувствовавшими, их недоброжелательство, и, наконец, 4) совершенное освобождение от принятого по доверию учения, признание только того, что согласно с разумом и совестью, сознание своего одиночества среди людей и единства с Богом, высокая и сильная любовь малого числа близких, и страх и ненависть большинства и – конец.

Все люди, хотят они или не хотят этого, более или менее сознательно проходят эти ступени. Сначала 1) полное доверие, потом 2) иногда чуть заметные, но все-таки сомнения, потом 3) иногда самые слабые, но все-таки попытки кое-как утвердить свое понимание жизни и, наконец, 4) становление лицом к лицу с Богом, полное познание истины, одиночество и – конец.

Все люди проходят эти состояния, но у Ламенэ они проявились особенно сильно и плодотворно.

Фелиситэ Ламенэ родился в Бретани в 1782 году. В 1816 он был посвящен в священники. Хотя Ламенэ был всегда религиозен с детства, он пошел в священники не по одному своему желанию. Из писем Ламенэ видно, что он стал священником только потому, что на этом настаивали его близкие. Родные его, видя его религиозность, хотели употребить ее на пользу церкви. И действительно, Ламенэ, сделавшись священником, все силы свои посвятил на служение своей католической церкви, в истинности которой он не сомневался. Ламенэ видел упадок веры в обществе и народе и старался поднять ее, доказав ее истинность преимущественно тем, что католичество самая распространенная религия, признаваемая большинством человечества. По его тогдашнему мнению, истинность не постигается отдельным человеком, истина постигается только совокупностью людей. Наибольшее количество признает католичество, и потому истинность католичества несомненна. А так как католичество представляет из себя высшую истину, то этой истине должно подчиняться и государство. Государство не может быть без религии, религия не может быть без церкви, церковь – без папы.

Таково было тогда убеждение Ламенэ. В этом духе написано им одно из первых его сочинений: «Опыт о равнодушии в делах веры». Это был первый фазис душевного состояния Ламенэ, – веры без сомнений. Так как Ламенэ возлагал надежды на государственную власть как на защитницу католической религии, то эти мысли сблизили его с крайними защитниками монархической власти, и он стал писать в газете «Консерватор». В газете этой он занимал исключительное положение, и, в то время как сотрудники его писали в защиту и пользу монархии, Ламенэ всегда и прежде всего имел в виду религию; монархическая власть интересовала его только в той мере, в которой она могла содействовать торжеству католичества. Но скоро Ламенэ увидал, что интересы власти и религии не только не одинаковы, но большей частью противоположны; так что даже иногда власти выгодно притеснять религию. Увидав это, Ламенэ изменил свой взгляд и, перейдя в другую газету, стал уже от власти требовать не помощи

для религии и союза с ней, а полной свободы и невмешательства в дела религии. Ламенэ не мог остановиться и на этом и вскоре пошел еще далее и стал требовать отделения церкви от государства и, осуждая правительственную власть, невольно стал на сторону революционеров, оправдывая революцию 1830 года. Это был второй фазис душевного состояния Ламенэ.

Во время революции 30-го года Ламенэ стал в сотрудничестве с Монталамбером, Лакордером издавать журнал «Будущность», в котором проповедывалось: 1) отделение церкви от государства, 2) гарантии личности, 3) уничтожение палаты пэров и крайностей централизации, 4) уничтожение обязательного ценза и установление всеобщего голосования. В этой газете он высказывал мысль о том, что как государственная власть не должна вмешиваться в церковные дела, так и церковная власть не должна участвовать в государственных делах, и потому папа должен отказаться от светской власти, а духовенство от государственного жалования. Такие мысли не могли найти сочувствия в Риме. Предвидя это, Ламенэ поехал туда, надеясь убедить папскую власть в необходимости таких уступок, ради удержания народов во власти церкви. Но в Риме Ламенэ не был принят папой, и на его предложение ему не дали никакого ответа. Уже сильно разочарованный в надежде обновить католичество, Ламенэ вернулся в Париж и еще некоторое время продолжал издавать свой журнал, в котором высказывал мысль о необходимости изменения форм католичества, для того чтобы оно могло продолжать властвовать над народами. Это был третий фазис.

В 1832 году вышла папская энциклика, осуждавшая все мысли, выраженные Ламенэ, и, как ни тяжело было Ламенэ отказаться от всего того, чему он верил и служил, он признал неизлечимость, неисправимость католичества. С этого времени он прервал все сношения с Римом и написал свое знаменитое сочинение «Слова верующего». В форме библейских псалмов и евангельских притч Ламенэ в этом сочинении нападает на существующий экономический и политический строй, стоящий в противоречии с требованиями религии. Книга эта тотчас же была осуждена папой. И тогда Ламенэ уже совсем отделился от церкви и посвятил последние годы своей жизни служению народу, это был четвертый и последний фазис.

Последние годы своей жизни Ламенэ провел вдали от политической деятельности, почти в уединении и бедности, посвятив себя исключительно литературным занятиям. Он, между прочим, кончил набросок «философии» и написал одно из лучших комментариев к четырем Евангелиям.

Основная мысль Ламенэ, которую он выражал во всех своих книгах, статьях и речах (когда он был депутатом в парламенте), в том, что народ должен быть сам решателем своих судеб и устройтеlem своей жизни. Как и в защите католической церкви, он руководствуется тем же принципом, что носителем истины и нравственного совершенства может быть не отдельный человек, а совокупность людей – толпа, народ и в своем пределе человеческий род. Предоставляя полную власть народу, Ламенэ, однако, не переставая доказывал, что никакие внешние реформы и перемены в области государственного устройства не могут улучшить положение народа, если народ не будет постоянно стремиться к нравственному совершенствованию. «Желайте лишь справедливого, – говорил он народу. – Справедливость всегда восторжествует. Уважайте право даже тех, кто попирает ваше право. Пусть безопасность всех без исключения будет для вас священна. Долг для всех и всегда обязателен. Если вы раз нарушите долг, где вы остановитесь? Беспорядку не помогают беспорядком. В чем обвиняют вас ваши враги? В том, что вы хотите заменить вашим господством их господство, хотите злоупотреблять властью, как злоупотребляют они, – в том, что вы питаете мысли о мести, тиранические намерения. Отсюда неопределенный страх перед вами, которым ваши враги ловко пользуются, чтобы продолжить ваше рабство».

«Ничто невозможно в социальной области без духовной работы в общественных глубинах», – говорил он.

К социалистическим и коммунистическим системам Ламенэ всегда относился отрицательно. По его мнению, учения эти не принимают во внимание законы человеческой природы, заменяя естественный ход жизни насилием власти. Он не одобрял этих учений преимущественно за то, что все они имели в виду лишь материальные цели и не признавали необходимости религии. Во всяком общественном переустройстве он считал необходимым не материальные, а духовные цели, достигаемые победой разума и долга над страстями.

В начале пятидесятых годов Ламенэ заболел и, почувствовав, что болезнь его была смертельной, призвал своего друга Барбэ и назначил его распорядителем при его жизни в доме во время болезни и после смерти по завещанию. Кроме того, он оставил письменное заявление, что желает быть погребенным среди бедных и как бедный: на могиле просил не ставить никакого памятника, тело должно быть перенесено прямо на кладбище и не вносимо в церковь. Несмотря на все попытки духовенства вернуть его к церкви, Ламенэ, как и раньше, на все такого рода попытки отвечал кротким, но решительным отказом принять священника. Он умер спокойно и твердо с той же живой верой в Бога, с которой жил все время своей сознательной жизни. Последние слова его были: «Я чувствую, что конец пришел, надо покориться воле Божией, мне будет хорошо, когда я буду с ним». И в самые последние минуты он повторил несколько раз: «Это счастливая минута». Он умер 27 февраля 1854 года.

Дело Ламенэ, «l'oeuvre», как говорят французы, большое и далеко не оцененное. Он, как и все большие умы и горячие сердца, проложил тот путь, по которому неизбежно пойдет и идет уж человечество, путь освобождения от внешней, отрешенной от жизни, ложно-христианской веры и установления того основного христианского учения, которое изменяет как жизнь отдельного человека, так и всего человеческого общества.

Л. Н. Толстой

21 ОКТЯБРЯ (Спокойствие)

Как бури волнуют воды и уничтожают их прозрачность, так и страсти, тревоги, страхи, смущая душу, мешают человеку сознать свою сущность.

1

Люди с великой и прекрасной душой всегда спокойны и довольны; люди, ничтожные духом, все недовольны и печальны.

Манчжурская пословица

2

Люди затрудняются, беспокоятся и волнуются только тогда, когда они заняты внешними делами, от них не зависящими. В этих случаях они тревожно спрашивают себя: «Что я стану делать? что-то будет? что из этого выйдет? как бы не случилось того или другого». Так бывает с теми, которые постоянно заботятся о том, что им не принадлежит.

Наоборот, человек, занятый тем, что от него самого зависит, и полагающий свою жизнь в работе самосовершенствования, не станет так тревожить себя. Если бы он и стал беспокоиться о том, удастся ли ему держаться истины и избегать лжи, то я сказал бы: успокойся, – то, что тревожит тебя, находится в твоих собственных руках, гляди только за своими мыслями и поступками и старайся всячески исправлять себя. Так и не говори: «Что-то будет?» Все, что ни случится, ты обратишь себе в поучение и пользу.

– А если я умру в борьбе с несчастиями?

– Ну что же? В таком случае ты умрешь смертью человека честного, совершая то, что ты должен совершать. Нужно же тебе все равно умереть, и смерть должна же застать тебя за каким-нибудь делом. Я был бы доволен, если бы смерть застала меня за делом, достойным человека, за делом добрым и полезным всем людям; или чтобы она застала меня в то время, когда я стараюсь исправлять себя. Тогда я мог бы поднять руки к Богу и сказать ему: «Господи, Ты знаешь сам, насколько я воспользовался тем, что Ты дал мне для понимания Твоих законов. Упрекал ли я Тебя? Возмущался ли против того, что со мною случилось? Уклонялся ли от исполнения своего долга? Благодарю Тебя за то, что я родился, за все дары Твои. Я пользовался ими довольно, возьми их назад и распорядись ими как Тебе угодно, – ведь они Твои!»

Может ли быть лучшая смерть? Чтобы дожить до такой смерти, тебе не нужно многого лишиться, хотя, правда, этим самым ты много приобретешь. Если же ты захочешь удержать то, что не твое, то ты непременно потеряешь и то, что твое.

Кто хочет иметь успех в мирских делах, тот не спит по целым ночам напролет, постоянно хлопочет и суетится, подделывается к сильным людям и вообще поступает как подлый человек. И в конце концов чего он всем этим добился? Он добился того, что его окружают некоторыми почестями, что его боятся и что он, сделавшись начальником, распоряжается другими людьми. Неужели же ты не захочешь сколько-нибудь потрудиться для того, чтобы освободить себя от всех таких забот и спать спокойно, ничего не боясь и ничем не мучаясь? Но знай, что такое спокойствие души не достается даром.

Эпиктет

3

Кто положил свою жизнь в свете разума и служит ему, для того не может быть отчаянных положений в жизни, тот не знает мучений совести, не боится одиночества и не ищет шумного общества, – такой человек имеет высшую жизнь, не бежит от людей и не гоняется за ними. Его не смущают помыслы о том, надолго ли дух его заключен в плотской оболочке: поступки такого человека будут всегда одинаковы, даже в виду близкой смерти. Для него одна забота – жить разумно в мирном общении с людьми.

Марк Аврелий

4

Только когда человек ясно узнает свое место в мире, определится и настроение его души. Когда же настроение души определится, то прекратится всякое душевное волнение. Когда же прекратится душевное волнение, то наступит полное спокойствие души, и человек, обладающий таким ненарушимым душевным спокойствием, делается способен к работе мысли. Работа же мысли делает человека восприимчивым ко всему истинному.

Китайская мудрость

5

Истинная сила человека не в порывах, а в ненарушительном спокойствии.

Всегдашнее спокойствие невозможно, но, когда наступают времена спокойствия, надо дорожить ими, стараться продлить их. Это те времена, в которые возникают, уясняются и укрепляются мысли – руководители жизни.

22 ОКТЯБРЯ (Осуждение)

Убедиться в том, что не должно осуждать брата, можно уже потому, что сотни раз пришлось и приходится раскаиваться в том, что осудил брата, а никогда в том, что не осудил его.

1

Когда ты видишь, что человек заблуждается, не гневайся на него: пойми, что нельзя нарочно заблуждаться. Никто не может хотеть, чтобы рассудок его затемнялся. Заблуждающийся – тот, кто искренно принимает ложь за истину.

Но бывает и так, что люди не заблуждаются, а нарочно не принимают истины даже тогда, когда она раскрыта перед ними до полной очевидности. Они не принимают ее не потому, что не могут понять ее, а потому, что она обличает их злые дела, отнимает у них оправдание их пороков. Эти люди также заслуживают не гнева, а сострадания, потому что они больны не телом, а душою.

Эпиктет

2

Время проходит, но сказанное слово остается.

3

Если толпа ненавидит кого-нибудь, надо, прежде чем судить, внимательно исследовать, почему это. Если толпа пристрастилась к кому-нибудь, надо тоже внимательно исследовать это, прежде чем судить.

Китайская мудрость

4

Обуздывать свой язык есть признак великой добродетели.

Из «Благочестивых мыслей»

5

Наши тревоги зависят преимущественно от того, что мы стараемся исправлять других, забывая о своем собственном исправлении.

Люси Малори

6

Душа человеческая не добровольно, а силой отвращается от правды и добра: чем яснее это уразумеешь, тем кротче будешь относиться к людям.

Марк Аврелий

Если считаешь нужным осудить ближнего, то осуждай его в глаза. И осуждай так, чтобы не вызвать недоброго к себе чувства.

23 ОКТЯБРЯ (Совесьть)

Совесьть есть сознание божественного начала, живущего в нас.

1

«Совесьть! Детские заблуждения, предрассудки воспитания, – слышу я дружные голоса мнимых мудрецов. – В уме человека нет ничего, кроме того, что дано опытом», – говорят они.

Даже больше, они отвергают очевидное и всеобщее согласие всех народов, и против поразительного единства суждения всех людей о том, что добро и что зло, они разыскивают какой-нибудь известный им одним пример (как будто свойства всех людей могут быть уничтожены извращением какого-нибудь описываемого путешественником темного народца) и полагают, что как только доказано, что есть уроды, то общее свойство всего человечества уже ничего не значит. «Все, – говорят они, – если содействуют общему благу, то делают это только ради своей выгоды». Но почему же есть люди, которые служат общему благу для своей явной невыгоды? Как это идти на смерть ради своей выгоды?

Конечно, каждый действует для своего блага, но если нет нравственного, духовного блага, то объяснить выгодой можно только поступки злых людей. Какая ужасная философия была бы та, при которой нельзя было бы объяснить добродетельные поступки иначе, как подыскав для них подлые побуждения.

Совесьть! Да, совесьть верный судья добра и зла, совесьть – это то, что делает человека подобным Богу, только совесьть составляет превосходство природы человека. Без совести в человеке нет ничего, что возвышало бы его над животным, кроме печального преимущества блуждать без какого-нибудь руководства от заблуждения к заблуждению.

Руссо

2

Не делай того, что осуждает твоя совесьть, и не говори того, что несогласно с правдой. Поступай так, и ты исполнишь всю задачу своей жизни.

Никто не может насиловать твою волю; на нее нет ни вора, ни разбойника; не желай неразумного, желай общего блага, а не личного, как большая часть людей.

Задача жизни не в том, чтобы быть на стороне большинства, а в том, чтобы жить согласно с внутренним, сознаваемым тобою законом.

Марк Аврелий

3

Тысячи внешних голосов зовут нас куда-то в сторону, но только один внутренний, слабый голос совести может быть нашим надежным руководителем.

Люси Малори

4

Всем людям свойственно грешить.

Различие между людьми бывает в степени угрызений совести после греха.

Альфieri

Нельзя бороться с требованиями совести – это требования Бога, и потому лучше сразу покориться им.

24 ОКТЯБРЯ (Единение)

Если бы основа жизни всех нас не была бы одна и та же, ничем нельзя бы было объяснить испытываемое нами чувство сострадания.

1

Ничем нельзя смягчить нашего гнева, даже справедливого, так быстро, как сказавши гневающемуся: «Да ведь он – несчастный!» Ибо что дождь для огня, то и сострадание для гнева. Пусть всякий человек, вспыхнув гневом против другого человека и задумав причинить ему страдание, живо представит себе, что он уже сделал это, и видит теперь его страдающим духовно или телесно или в борьбе с нуждой и нищетой и может сказать себе: это дело моих рук. Если не другое что, то это может потушить его гнев.

Шопенгауэр

2

Прямой путь или правило поведения, которому надо следовать, недалеко от людей. То, что далеко от людей, т. е. несогласно с их природой, не должно быть принимаемо за правило поведения. Плотник, вытесывающий топорище, имеет перед собою образец того, что делает. Взяв в руки топорище того топора, которым он тешет, он смотрит на него с той и другой стороны и, после того как сделал новое топорище, рассматривает их оба, чтобы видеть, насколько они сходны; так и мудрый человек, который питает к другим такие же чувства, какие он питает к себе, находит верное правило поведения. Он не делает другим того, что он не желает, чтобы ему сделали.

Конфуций

3

Когда ты бранишь человека и враждуешь с ним, ты забываешь, что люди – твои братья, и ты делаешься им врагом, вместо того чтобы быть их другом. Этим ты сам себе вредишь, потому что, когда ты перестал быть добрым и общительным существом, каким тебя Бог создал, и вместо того стал диким зверем, который подкрадывается, раздирает и губит свою жертву, тогда ты потерял самую дорогую свою собственность. Ты чувствуешь потерю кошелька с деньгами, почему же ты не чувствуешь своего убытка, когда ты потерял свое лучшее богатство: доброту души?

Эпиктет

4

Есть много людей, более несчастных, чем ты. Это изречение, правда, не служит кровлей, под которой можно было бы жить, однако оно достаточно для того, чтобы под ним укрыться от ливня.

Лихтенберг

5

Ты стонешь от своих несчастий. Если б ты помнил то, что испытывают другие, ты меньше жаловался бы на свои страдания.

Солон

Истинное сострадание начинается только тогда, когда, поставив себя в воображении на место страдающего, испытываешь действительное страдание.

25 ОКТЯБРЯ (Достоинство человека)

Человек, сознающий свое назначение, этим самым и сознает свое достоинство. Сознает же свое назначение только человек религиозный.

1

Царь спросил святого человека: думаешь ли ты обо мне? Святой отвечал:
думаю, когда забываю Бога.
Саади

2

Мы чтим Бога каждый раз, когда чувствуем жизнь наших близких так же, как нашу собственную жизнь.
Иосиф Мадзини

3

Ничто так не характеризует человека, как его обращение с дураками.
Амиель

4

Стоит освободить себя от обязанности уважения к одному человеку на том основании, что он дурной, глупый, неисправимый, и не будет уже того предела неуважения к людям, до которого мы допустим себя.

5

Пора бы, наконец, человеку узнать себе цену. Что же, в самом деле, разве он какое-нибудь незаконнорожденное существо? Подобаает ли ему прятаться и робко озираться по сторонам? Нет, пусть голова моя твердо и прямо держится на плечах. Жизнь дана мне не напоказ, а для того, чтобы я жил ею. Я сознаю свою обязанность говорить правду, чистую правду на всех перекрестках. Я должен заботиться не о мнении людей обо мне, а об истинном своем назначении.
Эмерсон

6

Свобода лица – величайшее дело, на ней и только на ней может вырасти свобода народа. В себе самом человек должен уважать свою свободу и чтить ее не менее, чем в ближнем, чем в целом народе.

Герцен

Только человек, сознающий себя духовным существом, может сознать человеческое достоинство свое и других людей, и только такой человек не унижит ни себя, ни ближнего поступком или положением, недостойным человека.

26 ОКТЯБРЯ (Дела)

Для нравственной жизни важность дела измеряется не вещественным значением дела и его возможными последствиями, а только степенью доброго усилия.

1

Большинство людей, желая исправить свою жизнь, более желают совершить что-нибудь трудное и необыкновенное, чем очистить свои желания и отказаться от самоугождения в обыкновенных обязанностях своего положения. А между тем последнее гораздо важнее первого.

По Фенелону

2

Тот, кто не исполняет того дела, которое он чувствует, что должен бы сделать, только потому, что оно кажется ему слишком малым, обманывает самого себя. Он не делает его не потому, что оно слишком мало, а потому, что оно слишком велико для него.

Пёзей

3

Ты не обязан доводить работу до конца, но и не должен уклоняться от нее.

Поручивший тебе работу надежен.

Талмуд

4

Если человек не считает себя призванным к исполнению поручения, посольства, он не может быть просвещенным человеком.

Китайская мудрость

5

Человек познает себя не думая, но действуя. Только в усилиях исполнить должное он узнает себе цену.

Гёте

6

Перенести свое я из телесного в духовное – значит сознательно желать только духовного. Тело мое может желать телесного, но душа не желает и не хочет желать ничего телесного, но не может уйти из тела точно так же, как я не желал бы того, чтобы меня тянуло к земле, но, что бы я ни делал, где бы я ни был, я не уйду от этого. И так же, как, несмотря на то, что тело мое не переставая тянется к земле, я отделяюсь от нее, двигаюсь, хожу, прыгаю, в этом моя телесная жизнь, то же самое с душою и телом. Тело не переставая тянет меня к себе, а я отделяюсь от него, даже пользуюсь им, живу духовно. В этом моя истинная жизнь.

Ничто так не вредит нравственному совершенствованию, как пренебрежение к делам, которые считаются неважными в мирском смысле.

27 ОКТЯБРЯ (Лжеучение)

Истинная религия не может быть противна разуму.

1

Не верьте тому, чтобы в деле религии можно бы было не доверять разуму. Вера в силу разума лежит в основании всякой другой веры. Нельзя верить в Бога, если мы умаляем значение той способности, посредством которой мы познаем Бога. Если после добросовестного и беспристрастного использования наших лучших способностей известное вероучение кажется нам противоречивым или не согласным с главными истинами, в которых мы не сомневаемся, мы, несомненно, должны воздержаться от веры в это учение. Я более убежден в том, что моя разумная природа от Бога, чем в том, что какая-либо книга есть выражение Его воли.

Чаннинг

2

Если бог, как предмет нашей веры, выше нашего разумения и мы не можем обнять его разумом, то из этого еще не следует, что мы должны пренебрегать деятельностью разума, считая ее вредною.

Хотя предметы веры, без всякого сомнения, находятся вне круга нашего разумения, выше его, однако разум и по отношению к ним имеет такое важное значение, что мы без него обойтись никак не можем.

Федор Страхов

3

Еще наивен, как взрослый ребенок, тот, кто может серьезно верить, что когда-то какие-то нечеловеческие существа растолковали нашему человеческому роду существование и цель его и всего мира. Нет иного откровения, кроме мыслей мудрецов, хотя мысли их и подвержены заблуждению, – по участи всего человеческого, и часто облачаются в форму удивительных аллегорий и мифов, принимая тогда название откровений. И потому, казалось бы, все равно, полагаться ли на свои мысли или на чужие, потому что мысли, которые передаются нам как откровения, все-таки только человеческие мысли. И все же – обыкновенно люди более склонны полагаться на чужие головы, обладающие будто бы сверхчеловеческими источниками мысли, чем на свои собственные. Впрочем, если принять в расчет все умственное неравенство людей, то, пожалуй, мысли одного действительно могут казаться сверхъестественным откровением для другого.

Шопенгауэр

4

Стараются сделать невозможным не только высказывание и передачу истины, но даже самое размышление о ней и открытие ее, с самого детства отдавая голову на обработку духовенству, которое так глубоко вдавит колею, в которой впредь будут двигаться основные мысли, что они в большинстве случаев сложатся и установятся на всю жизнь.

Шопенгауэр

5

Свет остается светом, хотя слепой и не видит его.

6

Доколе свет в вас, веруйте в свет, да будете сынами света.

Ин. гл. 12, ст. 36

Не подавлять свой разум, как этому учат лжеучители, нужно для того, чтобы познать истину, а напротив, очищать, напрягать его, проверять им все, что предлагается.

Недельное чтение

Откровение и разум (Из «Исповеди Савойского викария» Руссо)

То, что выдают за откровение Бога, только унижает Бога, приписывая Ему человеческие страсти. Вместо того, чтобы уяснить понятие о Великом Существе, частные догматы только запутывают его; вместо того чтобы облагородить наше понятие о Боге, они унижают Его, к тайнам непостижимым, которые окружают Его, они прибавляют бессмысленные противоречия, делающие человека гордым, нетерпимым, жестоким; вместо того чтобы установить мир на земле, они вносят борьбу. Я спрашиваю себя, зачем это, и не знаю, что отвечать. Я вижу в этом только преступление людей и несчастье человечества.

Мне говорят, что необходимо было откровение для того, чтобы научить людей служить Богу: в доказательство этого приводят различия верований, которые учреждены в мире, и не хотят видеть того, что это различие происходит именно от откровений. Как только народы вздумали заставить говорить Бога, каждый заставил Его говорить по-своему, заставил Его сказать то, чего сам хотел. Если бы мы слушали только то, что Бог говорит в сердце человека, была бы только одна религия на земле.

Говорят: нужно однообразное богопочитание; но богопочитание, которого требует себе Бог, это богопочитание сердца; оно всегда однообразно, если оно искренно. Безумно воображать, что для Бога так важно одеяние священника, последовательность слов, которые он произносит, и движения, которые он совершает перед алтарем, и его коленопреклонения. Нет, друг мой, стой во весь рост, и ты будешь все-таки достаточно близок к земле. Бог хочет, чтобы Ему поклонялись в духе и истине, и в этом обязанность всех религий, всех стран и всех людей.

Рассматривая развитие сект, которые царствуют на земле и которые взаимно упрекают друг друга во лжи и заблуждении, я спрашивал: *какая же из них настоящая?* и все отвечали мне: моя. Каждый говорил: «Только я один и мои сторонники думаю правильно, все остальные заблуждаются». «Но почему вы знаете, что ваша секта истинная?» – «Потому что Бог сказал это». – «А кто вам сказал, что Бог сказал это?» – «Мой священник, он хорошо знает. Мой священник говорит, чтобы я верил так, как он говорит, – я так и верю, он уверяет меня, что все, не согласные с ним, лгут, и я их не слушаю».

Как! – думал я: неужели истина не одна? И то, что справедливо у нас, может быть несправедливо у вас? Если способ убеждения того, кто идет верным путем, и того, кто заблуждается, один и тот же, то чем же отличается один от другого? Выбор, стало быть, есть дело случая: и обвинять людей за это значит обвинять их за то, что они родились в такой, а не в другой стране.

Или все религии хороши и приятны Богу, или есть одна, которую Он предписал Сам людям и за непризнание которой Он наказывает, в таком случае Он, верно, дал несомненные и явные признаки, по которым можно узнать эту истинную религию. Признаки эти должны быть одинаково доступны всем людям, великим и малым, ученым и невеждам, европейцам, индейцам, африканцам, диким.

Если бы была религия на земле такая, за неисповедание которой накладывают вечные мучения, и если где бы то ни было есть хоть один искренно ищущий правды смертный, который бы не был убежден ее очевидностью, то Бог такой религии самый жестокий и несправедливый тиран.

Мне говорят: «Подчини свой разум». Но это может сказать мне только тот, кто меня обманывает. Мне нужно доказательство, чтобы подчинить мой разум.

Так как все люди одной породы со мною, то все, что человек может постигнуть естественным путем, могу постигнуть и я, и всякий человек может ошибаться так же, как и я: если я верю тому, что мне говорят, то верю не потому, что это говорит тот или другой человек, но потому, что он доказывает мне то, что говорит. И поэтому свидетельства людей в сущности суть только свидетельства моего же разума и ничего не прибавляют к тем естественным средствам, которые Бог дал мне для познания истины. Апостолы истины, что можете вы сказать мне такого, в чем бы я не был судья? – «Сам Бог сказал это: слушайтесь Его откровения. Вот как Бог сказал». – «Это великое слово, но кому же Он сказал это?» – «Он сказал это людям». – «Почему же я ничего не слыхал об этом?» – «Он поручил другим людям передать вам Его слова». – «Хорошо: стало быть, люди будут говорить мне о том, что сказал Бог? Не лучше ли было бы, если бы Бог прямо сказал мне? Для Него бы было это не труднее, а я бы был избавлен от возможности обмана». – «Но Он свидетельствует истину Своих слов, утверждая посланничество Своих апостолов». – «Каким образом?» – «Чудесами». – «Где эти чудеса?» – «В книгах». – «А кто сделал эти книги?» – «Люди». – «А кто видел эти чудеса?» – «Люди, которые утверждают их». – «Как, опять свидетельства людские! Все люди, которые рассказывают мне о том, что рассказывают другие люди. Сколько людей между Богом и мною! Однако все-таки рассмотрим, сверимте. Ах, если бы Бог избавил меня от всего этого труда, разве я с меньшим усердием служил бы Ему!»

И заметьте, в какое ужасное рассуждение мы теперь вовлекаемся, какая нужна ученость для того, чтобы различать все эти древности, рассматривать, взвешивать, сличать пророчества, откровения, факты, все памятники веры, предложенные во всех странах мира, для того чтобы определить время, место, авторов и условия. Какую точность критики нужно иметь, чтобы разобраться между памятниками настоящими и предполагаемыми, чтобы сличить возражения с ответами, переводы с оригиналами; чтобы судить о беспристрастии свидетелей, об их здравом смысле, об их просвещении, чтобы решить, не исключили ли, не прибавили ли, не переставили ли чего-нибудь; чтобы уничтожить те противоречия, которые остаются, для того, чтобы судить о значении молчания противников, о том, что против них говорилось, узнать, известно ли было им то, что говорили против них, и т. д. и т. д.

Признав, наконец, эти памятники несомненными, нам придется перейти к доказательствам действительности посланничества их авторов. Надо знать вероятия возможности осуществления предсказания без вмешательства чудесного, надо знать дух языков, чтобы уметь различать, что в этих языках предсказания и что в них только ораторская форма, какие события естественные и какие сверхъестественные, решить, до какой степени человек ловкий мог обмануть глаза простых людей, удивить даже людей образованных, найти признаки настоящего чуда и ту степень действительности, по которой оно должно быть признано и за непризнание его можно наказывать, сравнить доказательства истинных и ложных чудес, найти верные правила, чтобы различать их, решить наконец для чего Бог для утверждения Своего слова употребляет средства, нуждающиеся в подтверждении, точно как будто Он нарочно забавляет людей и умышленно избегает средств, которые бы могли убедить их.

Допустим, что величие Божие может спуститься до того, чтобы сделать одного человека органом своей священной воли; разумно ли, справедливо ли требовать, чтобы весь род человеческий повиновался голосу этого избранного, не сделав явным его призвания? Справедливо ли, в виде утверждения его призвания, сделать несколько особенных знаков перед небольшим количеством темных людей, тогда как все остальные люди узнают про это только по слухам? Если признать справедливыми все чудеса, которые народ и темные люди говорили, что видели, то всякая секта была бы одна настоящая и было бы больше чудес, чем естественных событий. Неизменный порядок вещей более всего утверждает меня в признании мудрости Божией. Если

бы порядок этот допускал так много исключений, я не знал бы, что и думать о нем, и я слишком твердо верю в Бога, чтобы верить в такое количество чудес, недостойных Его. Чудеса же, про которые вы говорите, совершались в темных углах, в пустынях, там, где легко удивить зрителей, уже готовых всему поверить. Кто скажет мне, сколько нужно очевидцев для того, чтобы сделать чудо достоверным? Если ваши чудеса, которые делаются для доказательства вашего учения, нуждаются еще в доказательстве, то к чему они? Можно было и вовсе их не делать.

Остается теперь еще рассмотреть самый главный вопрос в провозглашаемом учении, а именно то, что если те, которые говорят, что Бог делает чудеса, говорят тоже, что и дьявол часто подражает им, то самые лучшие засвидетельствованные чудеса не решают дела: и так как волхвы фараона при самом Моисее производили те же чудеса, которые он делал по воле Бога, то ничто не мешало им утверждать в отсутствие Моисея, что чудеса их делаются во имя Бога. Так что, доказав учение посредством чудес, чтобы не смешать дело дьявола с делом Божиим, приходится доказывать чудеса посредством учения.

Учение, происходящее от Бога, должно иметь священный, божественный характер. Оно должно не только уяснить смутные представления наши о божестве, но оно должно предложить нам нравственное учение и правила, соответствующие свойствам, которые мы приписываем божеству.

Так что, если бы учение представляло нам только бессмысленные положения, если бы оно возбуждало в нас чувство отвращения к нашим ближним, если бы оно представляло нам Бога гневного, ревнивого, мстительного, пристрастного, ненавидящего людей, Бога войны и сражений, всегда готового уничтожить и раздавить, всегда говорящего о мучениях, наказаниях и хвастающегося тем, что он наказывает невинных, мое сердце не было бы привлечено к такому ужасному Богу. Ваш Бог не мой Бог, сказал бы я этим сектантам. Бог, который начинает с того, что избирает себе один народ и исключает остальной род человеческий, не может быть общим отцом людей; тот, кто предназначает к вечному мучению большинство своих созданий, не есть милосердный и добрый Бог, которого мне открыл мой разум.

Относительно догматов разум говорит мне, что они должны быть ясны, прозрачны и поразительны своей очевидностью. Вера утверждается пониманием, лучшая из всех религий самая ясная; та же, которая наполняет тайнами, противоречиями то богопочитание, которое она проповедует, заставляет меня вследствие этого самого остерегаться ее. Обожаемый мною Бог не Бог мрака. Он дал мне разум не для того, чтобы запретить мне употребление его. Когда мне говорят, чтобы я подчинил свой разум, я вижу в этом оскорбление его творцу.

28 ОКТЯБРЯ (Страдание)

Как ощущение боли есть необходимое условие сохранения нашего тела, так и страдания суть необходимые условия нашей жизни от рождения и до смерти.

1

Как наше тело лопнуло бы, если бы прекратилось давление на него атмосферы, так если бы прекратилось давление на людскую жизнь нужды, тягостного труда и всякого рода превратностей судьбы, – надменность людей возросла бы хотя и не до опасности лопнуть, но все же до явлений необузданнейшей дури и даже умопомешательства.

Шопенгауэр

2

Врач прописывает одному больному одно лечение, другому другое, так и Провидение прописывает нам болезни, увечья и прискорбные потери.

Как предписание врача клонится к восстановлению здоровья больного, так точно и случайности, которым Провидение подвергает человека, клонятся к нравственному оздоровлению его, к восстановлению связи его оторванного личного существования с общей жизнью всего человечества.

Итак, принимай все то, что выпадает тебе на долю, как принимают больные лекарства врача. Восстановление здоровья тела – вот смысл этих горьких лекарств: но ведь для всеобщей разумной природы сохранение каждым существом своего назначения так же важно, как для больного сохранение здоровья тела.

Поэтому тебе надо приветствовать все то, что с тобой приключается, даже самое горькое, и по смыслу таких случайностей есть здоровье и цельность мироздания. Природа, живая Его разумом, действует разумно, и все, что от нее исходит, безошибочно содействует сохранению единства.

Марк Аврелий

3

Страдание – это побуждение к деятельности, а только в ней мы чувствуем нашу жизнь.

Кант

4

Благо для человека переносить несчастья этой земной жизни, ибо это влечет его в священное уединение его сердца, где он находит себя как бы изгнанником из своей родной земли и обязанным не доверяться никаким

мирским радостям. Благо для него также встречать противоречия и упреки, когда о нем дурно думают, говорят, хотя бы намерения его были чисты и поступки правильны, ибо такой образ действий держит его в смирении и является противоядием пустой славе. В этом благо, главным образом, потому, что в такие минуты, когда нас в миру презирают, не уважают и лишают любви, мы можем беседовать с тем Богом, который живет в нас.

Фома Кемпийский

5

Если бы Бог давал нам таких наставников, о которых мы знали бы достоверно, что они посланы им, то мы ведь повиновались бы им свободно и радостно.

Мы и имеем таких наставников: это нужда и вообще все несчастные случаи жизни.

Паскаль

6

Только в буре вполне выказывается искусство мореплавателя, только на поле сражения испытывается храбрость воина; мужество же человека познается только по тому, чем он является в затруднительных и опасных положениях жизни.

Даниэль

7

И то, что мы называем счастьем, и то, что мы называем несчастьем, одинаково полезно нам, если мы смотрим на то и на другое как на испытание.

8

Не привыкай к благоденствию – оно преходяще: кто владеет – учись терять, кто счастлив – учись страдать.

Шиллер

9

Мучения, страдания испытывает только тот, кто, отделив себя от жизни мира, не видя тех своих грехов, которыми он вносил страдания в мир, считает себя не виноватым и потому возмущается против тех страданий, которые он несет за грехи мира.

Как справедлива по мысли легенда о вечном жиде, в наказание обреченном на вечную жизнь без смерти, так же справедлива была бы легенда о человеке, в виде наказания обреченном на жизнь без страданий.

29 ОКТЯБРЯ (Внушение)

Для каждой входящей в сознание людей истины, заменяющей прежнее заблуждение, бывает период, когда заблуждение явно и очевидна истина, долженствующая заменить его, но заблуждение продолжает по инерции владеть людьми. В такие периоды не столько нужны разъяснения истины, сколько пример жизни, согласной с нею.

1

Я всегда удивляюсь тому, как могут короли так легко верить тому, что в них все, и народ – верить про себя, что он ничто.

Монтэнь

2

Нет ничего заразительнее примера. Он заставляет нас совершать поступки, которые мы никогда не совершили бы без воздействия примера. И потому общение с развратными, чувственными и жестокими людьми губит душу. И наоборот.

3

Кто не мыслит самостоятельно, тот находится под внушением другого, мыслящего за него. Отдать кому-нибудь в собственность свою мысль есть более унижительное рабство, чем отдавать кому-нибудь в собственность свое тело.

4

Если ты чувствуешь желание подражать тому, что делают вокруг тебя люди, непременно остановись и подумай, разумно ли или нет следовать общему примеру. Великие преступления и бедствия личные и общественные происходят только от необдуманного следования внушению.

5

Кто боится нестрашного и не содрогается перед действительно страшным, тот, следуя ложному мнению, вступает на злой путь гибели.

*Буддийская мудрость*⁴⁷

6

Наша главная и самая трудная обязанность, как членов общества, состоит в том, чтобы уметь пользоваться благами общества, но не подчиняться его ярму; быть готовым воспринимать мысли и убеждения других, но твердо

⁴⁷ Дхаммапада

держаться священного права своего суждения; воспринимать побуждения от других, но действовать по требованиям своей души; действовать с другими, но следовать своей совести; уметь соединять уважение к мнению других и самоопределение.

Чаннинг

Злое внушение уничтожается только добрым внушением. Средство же доброго внушения самое могущественное есть добрая жизнь.

30 ОКТЯБРЯ (Самоотречение)

Себялюбие, переходящее известные пределы, есть душевная болезнь. Доведенное до высшей степени, оно проявляется той душевной болезнью, которая называется манией величия.

1

Люди думают, что самоотречение нарушает свободу. Такие люди не знают, что только самоотречение дает нам истинную свободу, освобождая нас от нас самих, от рабства нашей развращенности. Наши страсти – самые жестокие тираны: только уступи им, и будешь в самом жестоком рабстве без силы вздохнуть свободно. Только самоотречение избавляет от этого рабства.

Фенелон

2

Себялюбие нужно только для сохранения отдельной жизни тела, и когда оно проявляется в этих пределах, оно естественно и законно. Когда же разум, по свойству своему предназначенный на разрешение всякой отделенности, употребляется на утверждение этой отделенности, тогда себялюбие становится вредным и мучительным.

3

Полное отречение от себя есть жизнь божеская, себялюбие не нарушаемое ничем, есть жизнь ниже животной. Разумная жизнь человека есть постепенный переход от жизни животной к жизни божеской.

4

Беспристрастие так же редко, как и справедливость. Личный интерес есть неисчерпаемый источник самообманов для самооправдания. Число людей, желающих видеть правду, чрезвычайно мало. Над людьми властвует страх перед истиной, если только эта истина им не полезна. Люди житейской философии считают истину чем-то таким, что может быть допущено, может быть и не допущено в жизни. И вот таким образом предрассудок самолюбия защищает все предрассудки мышления, которые вытекают из этой уловки эгоизма. Единственный желаемый человечеством прогресс – это увеличение наслаждений. Самопожертвование – это наслаждение великих душ – никогда не было законом общества.

Амиель

5

Наслаждающихся и самодовольных мыслителей и художников не бывает. Единственный несомненный признак присутствия призвания есть самоотвержение, есть жертва собой для

проявления вложенной в человека на пользу другим людям силы. Без мук не рождается и духовный плод.

Учить тому, сколько козявок на свете, рассматривать пятна на солнце, писать романы и оперу – можно с личными целями, но учить людей их благу, которое не только в отречении от себя и в служении другим, и выражать сильно это учение нельзя без самоотречения.

Недаром умер Христос на кресте, недаром жертва страдания побеждает все.

Трудность необходимого освобождения себя от себялюбия заключается в том, что себялюбие есть необходимое условие жизни. Оно необходимо и естественно в детстве, но должно ослабевать и уничтожаться по мере уяснения разума и, главное, проявления истинной любви. Ребенок не чувствует укоров совести за свое себялюбие, но по мере уяснения разума и проявления любви себялюбие все более и более ослабевает и при приближении смерти должно совершенно уничтожиться.

31 ОКТЯБРЯ (Лжеучение)

Ничто не препятствует так сильно распространению истины, как упорство в удержании древнего, освященного временем предания.

1

Говорят, Бог создал человека по образу Своему. Это значит, вероятно, то, что человек по своему образу создал Бога.

Лихтенберг

2

В склонности верить в то, что нам говорят, заключается добро и зло. Именно эта склонность делает возможным поступательное движение общества и именно она делает это поступательное движение столь медленным и мучительным, каждое поколение, благодаря ей, без усилия получает достоящееся ему по наследству знание, приобретенное тяжелым трудом, и каждое поколение, благодаря ей, оказывается поработанным ошибками и заблуждениями своих предшественников.

Генри Джордж

3

Человечество медленно, но не останавливаясь, движется вперед, к все большему и большему уяснению истины о смысле и значении своей жизни и установлению жизни, соответствующей с этим уясненным сознанием. И потому понимание людьми своей жизни и самая жизнь человеческая постоянно изменяются. Люди, более чуткие к истине, понимают жизнь соответственно тому высшему свету, который им виден, и соответственно этому свету устраивают свою жизнь, люди менее чуткие держатся прежнего понимания жизни и прежнего строя жизни и стараются отстоять его.

Так что в мире всегда есть рядом с людьми, указывающими передовое, последнее выражение истины и старающимися жить соответственно этому выражению, люди, отстаивающие прежнее – отжившее и уже ненужное понимание ее и прежние порядки жизни.

4

Из всех обманов веры самый жестокий – внушение ложной веры детям. Он состоит в том, что ребенку, спрашивающему у старших, живших прежде его и имевших возможность познать мудрость прежде живших людей, о том, что такое этот мир и его жизнь и какое отношение между тем и другим, отвечают не то, что думают и знают сами эти старшие, а то, что думали люди, жившие тысячи лет тому назад и во что никто из больших уже не верит и не может верить. Вместо духовной, необходимой ему жизни, о которой просит ребенок, ему дается губящий его духовное здоровье яд, от которого он может исцелиться только величайшими усилиями и страданиями.

Неуважение к преданию не сделало 1/1000 того зла, которое производит это уважение к обычаям, законам, учреждениям, не имеющим уже в наше время никакого разумного оправдания.

НОЯБРЬ

1 НОЯБРЯ (Смирение)

Человек, считающий себя хозяином своей жизни, не бывает смиренен, потому что думает, что он ничем ни перед кем не обязан. Человек же, полагающий свое назначение в служении Богу, не может не быть смиренен, так как постоянно чувствует себя не исполнившим своих обязанностей.

1

И сказали апостолы Господу: умножь в нас веру.

Господь сказал: кто из вас, имея раба пахущего или пасущего, по возвращении его с поля скажет ему: пойдя скорее садись за стол?

Напротив, не скажет ли ему: приготовь мне поужинать и, подпоясавшись, служи мне, пока буду есть и пить, и потом ешь и пей сам?

Станет ли он благодарить раба сего за то, что он исполнил приказание? не думаю.

Так и вы, когда исполните все повеленное вам, говорите: мы рабы ничего не стоящие, потому что сделали, что должны были сделать.

Лк. гл. 17, ст. 5 – 10

2

Скромность истинно добрых людей выражается в забвении: они так поглощены тем, что сейчас делают, что упускают из виду то, что уже сделали.

Китайская пословица

3

Человек, стоящий на цыпочках, не может долго стоять. Человек, сам себя выставяющий, не может светить. Кто доволен самим собою, тот не может прославиться. Кто хвастается, тот не может иметь заслуги. Кто горд, тот не может возвыситься. Перед судом разума такие люди подобны отбросам пищи и вызывают отвращение всех. Поэтому тот, кто имеет разум, не полагается на себя.

Лао-Тсе

4

Чем глубже спускается человек в самого себя и чем ничтожнее он представляется себе, тем выше он поднимается к Богу.

Фома Кемпийский

5

Для исповедующего христианское учение достижение всякой ступени совершенства вызывает потребность вступления на высшую ступень, с которой открываются еще высшие, и так без конца. Исповедующий закон Христа всегда чувствует себя несовершенным, не видя позади себя пути, который он прошел, а видя всегда впереди себя тот путь, который он не прошел еще.

6

Человек, когда живет, нежен и гибок. Когда он умирает, он делается жестким и сухим.

Все вещи, трава, так же как и деревья, нежны и гибки, пока они живут. Когда они умирают, они делаются черствы и сухи. Жесткое и крепкое, это – спутники смерти. Мягкое и нежное – спутники жизни. Поэтому тот, кто силен руками, не победит. Когда дерево стало крепко, оно обречено на смерть. Сильные и большие находятся внизу, нежные и мягкие наверху их.

Лао-Тсе

7

Тот, кто ищет учености, растет с каждым днем и все больше и больше возвышается в глазах людей.

Тот, кто ищет добродетели, с каждым днем умалется и становится все ниже и ниже в глазах людей.

Он умалется все больше и больше до тех пор, пока не дойдет до полного смирения. Когда же он дойдет до полного смирения, тогда он становится совсем свободен и против своей воли становится учителем людей.

Лао-Тсе

Помни, что ты не имеешь ни на что никакого права, что ты раб того начала, которое дало тебе жизнь, и потому у тебя есть только обязанности.

2 НОЯБРЯ (Соблазн)

Поступок, сделанный только для славы людской, всегда дурной, какие бы ни были его последствия. Поступок, в котором в равной доле участвовало желание добра и желание славы людской, – поступок безразличный.

Хороший поступок только такой, в котором главная побудительная причина – исполнение воли Бога.

1

Свободное существо, которое отдается самому себе, этим же самым отдает себя дьяволу; в нравственном мире нет земли без хозяина, а неопределенные земли принадлежат лукавому.

Амиель

2

Если бы ты ведал, из какого источника текут людские суждения и интересы, то перестал бы домогаться одобрения и похвалы людей.

Марк Аврелий

3

Если заботишься об одобрении людей, то никогда ни на что не решишься. Оценки людей бесконечно разнообразны. Ты скажешь: «Я ищу одобрения хороших людей», – но ведь хорошими людьми ты называешь тех, которые, ты знаешь, одобряют предполагаемый тобою поступок.

4

Мы не довольствуемся нашей истинной внутренней жизнью, мы хотим жить еще другою, воображаемой жизнью в мыслях людей, и мы заставляем себя казаться для этого не тем, что мы в действительности. Мы непрестанно трудимся, украшая это воображаемое существо, и пренебрегаем действительным. Если мы обладаем спокойствием, верностью, великодушием, мы стараемся как можно скорее возвестить об этом, с тем чтобы присвоить эти добродетели воображаемому существу.

Чтобы придать эти качества воображаемому существу, мы способны лишить себя их. Мы готовы быть трусами, только бы прослыть за храбрых.

Паскаль

5

В каждом хорошем поступке есть доля желания одобрения людей. Беда, если поступок делается только для славы людской: если же в желании добра и участвует доля желания одобрения, добрый поступок остается добрым. Но насколько бы он был лучше, если бы делался только для Бога.

Пусть одобрение людей будет последствием твоего поступка, а не целью.

Для того чтобы приучить себя жить только для Бога, хорошо делать такие дела, о которых никто никогда не узнает. Делай такие дела, и ты узнаешь особенную радость.

3 НОЯБРЯ (Богатство)

Есть только один непреложный закон – закон Божий, общий всем людям; закон же человеческий может быть законом только до тех пор, пока он не несогласен с законом Бога.

1

Иисус, отвечая им, сказал: Мое учение – не мое, но Пославшего Меня; кто хочет творить волю Его, тот узнает о сем учении, от Бога ли оно, или Я Сам от Себя говорю.

Ин. гл. 7, ст. 16 – 17

2

Что такое голос долга, если не внушение Бога?

Но, может быть, это предписание вашего же воображения? Повелительное наклонение вашей беседы с самим собой?

Или, может быть, это только отзвук человеческих мнений, покорность требованиям общественного мнения?

Но нет: если бы это был закон, нами самими выдуманный, мы могли бы простить себе нарушение его, могли бы отменить его. Но мы чувствуем, что сила этого закона вне нашей власти и что мы не можем пренебречь им.

Не можем допустить и того, чтобы это было влияние общественного мнения, потому что голос этот часто поднимал нас выше общественного мнения, давал нам силы бороться с несправедливостью толпы, бороться во имя добра одному и без надежды успеха. Скорее вы уверите меня, что дневной свет есть произведение моих глаз или общественного мнения, чем в том, что сознание добра не есть прямое сознание Бога.

Как ощущения учат нас тому, что вне нашего тела, так сознание Бога – тому, что вне нашей духовной личности, учит нас тому, что справедливость, доброта, правда не суть произведения моей личности, а вложены в меня Богом.

Мартину

3

Первая трудность, представляющаяся теперь для осуществления закона Бога, состоит в том, что существующие человеческие законы прямо противоположны ему.

4

Законы человеческие хороши и ценны, лишь поскольку они сообразуются с законом Бога, применяя и развивая его. И дурны всегда, когда противоречат этому закону, и в таком случае мы не только вправе, но и обязаны уничтожить их.

Иосиф Мадзини

5

Всякому человеку, для того чтобы приступить к изучению важнейших вопросов жизни, необходимо прежде решения их еще опровергнуть веками нагроможденные и всеми силами изобретательности ума поддерживаемые постройки лжи по каждому из самых существенных вопросов жизни.

6

Учреждение правительства есть в сущности явный признак того, что человек потерял в общественной жизни сознание своей божественности и потому должен прибегнуть к внешней власти. Потеряв это сознание, он должен опираться на внешний закон. Внешний же закон всегда ошибочен. Если бы каждый человек удерживал это сознание, единое с сознанием своих ближних, не могло бы быть этого разлада, но когда сознание это ослабевает, становятся необходимыми искусственные средства для поддержания его, и таким образом с ослаблением сознания своего единства возникает форма правительства, не представляющая действительного выражения жизни всего народа, но только внешне принудительную власть правящего класса.

По Карпентеру

Закон Божий противоречит закону человеческому: что же делать? Скрыть закон Бога и провозгласить человеческий? Это делают уже 1900 лет, но закон божеский становится все виднее и виднее и внутреннее противоречие все сильнее и мучительнее. Остается одно: заменить закон человеческий законом Бога.

Недельное чтение

Божеское и человеческое

I

Это было в 70-х годах в России, в самый разгар борьбы революционеров с правительством.

Генерал-губернатор южного края, здоровый немец, с опущенными книзу усами, холодным взглядом и безвыразительным лицом, в военном сюртуке, с белым крестом на шее, сидел вечером в кабинете за столом, с четырьмя свечами в зеленых абажурах, и пересматривал и подписывал бумаги, оставленные ему правителем дел. «Генерал-адъютант такой-то», выводил он с длинным росчерком и откладывал.

В числе бумаг был и приговор к смертной казни через повешение кандидата Новороссийского университета Анатолия Светлогуба за участие в заговоре, имеющем целью низвержение существующего правительства. Генерал, особенно нахмурившись, подписал и эту. Белыми, сморщенными от старости и мыла, выхоленными пальцами он аккуратно сравнял края листов и отложил в сторону. Следующая бумага касалась назначения сумм на перевозку провианта. Он внимательно читал эту бумагу, думая о том, верно или неверно высчитаны суммы, как вдруг ему вспомнился его разговор с своим помощником о деле Светлогуба. Генерал полагал, что найденный у Светлогуба динамит еще не доказывает его преступного намерения. Помощник же его настаивал на том, что кроме динамита было много улик, доказывающих то, что Светлогуб был главой шайки. И, вспомнив это, генерал задумался, и под его сюртуком с ватой на груди и крепкими, как картон, лацканами неровно забилося сердце, и он стал так тяжело дышать, что большой белый крест, предмет его радости и гордости, зашевелился на его груди. Можно еще воротить правителя дел и если не отменить, то отложить приговор.

«Воротить? Не воротить?»

Сердце еще неровнее забилося. Он позвонил. Скорым, неслышным шагом вошел курьер.

– Иван Матвеевич уехал?

– Никак нет-с, ваше высокопревосходительство, в канцелярию изволили пройти.

Сердце генерала то останавливалось, то давало быстрые толчки. Он вспомнил предупреждение слушавшего на днях его сердце врача.

«Главное, – сказал врач, – как только почувствуете, что есть сердце, кончайте занятия, развлекайтесь. Хуже всего волнения. Ни в каком случае не допускайте себя до этого».

– Прикажете позвать?

– Нет, не надо, – сказал генерал. «Да, – сказал он сам себе, – нерешительность хуже всего волнует. Подписано и кончено. „Ein jeder macht sich sein Bett und muss drauf schlafen“,⁴⁸ – сказал он сам себе любимую пословицу. – Да и это меня не касается. Я исполнитель высшей воли и должен стоять выше таких соображений», – прибавил он, сдвигая брови, чтобы вызвать в себе жестокость, которой не было в его сердце.

И тут же ему вспомнилось его последнее свидание с государем, как государь, сделав строгое лицо и устремив на него свой стеклянный взгляд, сказал: «Надеюсь на тебя: как ты не жалел себя на войне, ты так же решительно будешь поступать в борьбе с красными, – не дашь ни

⁴⁸ «Каждый готовит себе постель и должен на ней спать» (нем.).

обмануть, ни испугать себя. Прощай!» И государь, обняв его, подставил ему свое плечо для поцелуя. Генерал вспомнил это и то, как он ответил государю: «Одно мое желание – отдать жизнь на служение своему государю и отечеству».

И, вспомнив чувство подобострастного умиления, которое он испытал перед сознанием своей самоотверженной преданности своему государю, он отогнал от себя смутившую его на мгновение мысль, подписал остальные бумаги и еще раз позвонил.

– Чай подан? – спросил он.

– Сейчас подадут, ваше высокопревосходительство.

– Хорошо, ступай.

Генерал глубоко вздохнул и, потирая рукой место, где было сердце, тяжелой походкой вышел в большую пустую залу и по свеженатертому паркету залы в гостиную, из которой слышались голоса.

У жены генерала были гости: губернатор с женой, старая княжна, большая патриотка, и гвардейский офицер, жених последней, незамужней дочери генерала.

Жена генерала, сухая, с холодным лицом и тонкими губами, сидя за низким столиком, на котором стоял чайный прибор с серебряным чайником на конфорке, фальшиво грустным тоном рассказывала толстой, молодящейся даме, жене губернатора, о своем беспокойстве за здоровье мужа.

– Всякий день новые и новые донесения открывают заговоры и всякие ужасные вещи...

И это все ложится на Базиля, – он должен все решать.

– Ах, не говорите! – сказала княжна. – *Je deviens feroce quand je pense a cette maudite engeance.*⁴⁹

– Да, да, ужасно! Верите ли, он работает двенадцать часов в сутки, и с его слабым сердцем. Я прямо боюсь...

Она не договорила, увидав входящего мужа.

– Да, вы непременно послушайте его. Барбини – удивительный тенор, – сказала она, приятно улыбаясь губернаторше, о вновь приехавшем певце так натурально, как будто они только об этом и говорили.

Дочь генерала, миловидная, полная девушка, сидела с женихом в дальнем углу гостиной, за китайскими ширмочками. Она встала и вместе с женихом подошла к отцу.

– Каково, мы и не видались нынче! – сказал генерал, целуя дочь и пожимая руку ее жениху.

Поздоровавшись с гостями, генерал подсел к столику и разговорился с губернатором о последних новостях.

– Нет, нет, о делах не разговаривать, – запрещено! – перебила речь губернатора жена генерала. – А вот, кстати, и Кольев; он нам что-нибудь веселое расскажет. Здравствуйте, Кольев.

И Кольев, известный весельчак и остряк, действительно рассказал последний анекдот, который рассмешил всех.

II

– Да нет, этого не может быть, не может, не может! Пустите меня! – кричала, взвизгивая, мать Светлогуба, вырываясь из рук учителя гимназии, товарища сына, и доктора, которые старались удержать ее.

Мать Светлогуба была не старая, миловидная женщина, с седеющими локонами и звездой морщинками от глаз. Учитель, товарищ Светлогуба, узнав о том, что смертный приговор подписан, хотел осторожно подготовить ее к страшному известию, но только что он начал гово-

⁴⁹ Я свирепею, когда думаю об этой проклятой породе (*фр.*).

рять про ее сына, она, по тону его голоса, по робости взгляда, угадала, что случилось то, чего она боялась.

Это происходило в небольшом номере лучшей гостиницы города.

– Да что вы меня держите, пустите меня! – кричала она, вырываясь от доктора, старого друга их семьи, который одной рукой держал ее за худой локоть, другой ставил на овальный стол перед диваном стеклянку капель. Она рада была, что ее держат, потому что чувствовала, что ей надо что-то предпринять, а что – она не знала и боялась себя.

– Успокойтесь. Вот выпейте валерьяновых капель, – говорил доктор, подавая в рюмке мутную жидкость.

Она вдруг затихла и почти сложилась вдвое, склонив голову на впалую грудь, и, закрыв глаза, опустила на диван.

И ей вспомнилось, как сын ее три месяца тому назад прощался с ней с таинственным и грустным лицом. Потом вспомнила она восьмилетнего мальчика в бархатной курточке с голыми ножками и длинными выющимися колечками белокурых волос.

«И его, его, этого самого мальчика... сделают с ним это!»

Она вскочила, оттолкнула стол и вырвалась из рук доктора. Дойдя до двери, она опять упала на кресло.

– А они говорят – Бог есть! Какой он Бог, если он позволяет это! Черт его возьми, этого Бога! – кричала она, то рыдая, то закатываясь истерическим хохотом. – Повесят, повесят того, кто бросил все, всю карьеру, все состояние отдал другим, народу, все отдал, – говорила она, всегда прежде упрекавшая сына за это, теперь же выставившая перед собой заслугу его самоотречения. – И его, его, с ним сделают это! А вы говорите, что есть Бог! – вскрикнула она.

– Да я ничего не говорю, я только прошу вас выпить капли.

– Ничего не хочу. Ха-ха-ха! – хохотала и рыдала она, упиваясь своим отчаянием.

К ночи она так измучилась, что не могла уже ни говорить, ни плакать, а только смотрела перед собой остановившимся, сумасшедшим взглядом. Доктор вспрыснул ей морфий, и она заснула.

Сон был без сновидений, но пробуждение было еще ужаснее. Ужаснее всего было то, что люди могли быть так жестоки, не только эти ужасные генералы с бритыми щеками и жандармы, но все, все: коридорная девушка, с спокойным лицом приходившая убирать комнату, и соседи в номере, которые весело встречались и о чем-то смеялись, как будто ничего не было.

III

Светлогуб второй месяц сидел в одиночном заключении и за это время пережил многое.

С детства Светлогуб бессознательно чувствовал неправду своего исключительного положения богатого человека, и, хотя старался заглушить в себе это сознание, ему часто, когда он встречался с нуждой народа, а иногда просто когда самому было особенно хорошо и радостно, становилось совестно за тех людей – крестьян, стариков, женщин, детей, которые рождались, росли и умирали, не только не зная всех тех радостей, которыми он пользовался, не ценя их, но и не выходили из напряженного труда и нужды. Когда он кончил университет, чтобы освободиться от этого сознания своей неправоты, завел школу у себя в деревне, образцовую школу, лавку потребительного товарищества и приют для бездомных стариков и старух. Но, странное дело, ему, занимаясь этими делами, еще гораздо более было совестно перед народом, чем когда он ужинал с товарищами или заводил дорогую верховую лошадь. Он чувствовал, что все это было не то, и хуже чем не то: тут было что-то дурное, нравственно-нечистое.

В одном из таких состояний разочарования в своей деревенской деятельности он приехал в Киев и встретился с одним из наиболее близких товарищей по университету. Товарищ этот три года после этой встречи был расстрелян во рву киевской крепости.

Товарищ этот, горячий, увлекающийся и с огромными дарованиями человек, привлек его к участию в обществе, цель которого состояла в просвещении народа, вызове в нем сознания его прав и образования в нем объединенных кружков, стремящихся к освобождению себя от власти землевладельцев и правительства. Беседы с этим человеком и его друзьями как бы привели в ясное сознание все то, что до тех пор смутно чувствовалось Светлогубом. Он понял теперь, что ему надо было делать. Не прерывая сношений с новыми товарищами, он уехал в деревню и начал там совсем новую деятельность. Он сам стал школьным учителем, устроил классы для взрослых, читал им книги и брошюры, объяснял крестьянам их положение; кроме того, он издавал нелегальные народные книги и брошюры и отдавал все, что мог, не отнимая у матери, на устройство таких же центров по другим деревням.

С первых же шагов этой новой деятельности Светлогуб встретил два неожиданных препятствия: одно в том, что большинство людей народа не только было равнодушно к его проповедям, но почти презрительно смотрело на него. (Понимали его и сочувствовали ему только исключительные личности и часто люди сомнительной нравственности.) Другое препятствие было со стороны правительства. Школа была запрещена ему, и у него и у близких ему людей были сделаны обыски и отобраны книги и бумаги.

Светлогуб мало обратил внимания на первое препятствие – равнодушие народа, так как был слишком возмущен вторым препятствием: притеснениями правительства, бессмысленными и оскорбительными. То же испытывали и его товарищи в своей деятельности и в других местах, и чувство раздражения против правительства, взаимно разжигаемое, дошло до того, что большая часть этого кружка решила силою бороться с правительством.

Главою этого кружка был некто Меженецкий, человек, как его считали все, непоколебимой силы воли, непобедимой логичности и весь преданный делу революции.

Светлогуб подчинился влиянию этого человека и с той же энергией, с которой он прежде работал в народе, отдался террористической деятельности.

Деятельность эта была опасна, но эта-то опасность более всего и привлекала Светлогуба.

Он говорил себе: «Победа или мученичество, а если и мученичество, то мученичество – это та же победа, но только в будущем». И огонь, загоревшийся в нем, не только не потухал в продолжение семи лет его революционной деятельности, а все более и более разгорался, поддерживаемый любовью и уважением тех людей, среди которых он вращался.

Тому, что он отдал почти все свое состояние – состояние, перешедшее ему от отца, – на это дело, он не приписывал никакой важности, не приписывал и тем трудам и той нужде, которые он переносил часто в этой деятельности. Одно только огорчало его: это то горе, которое он доставлял этой деятельностью своей матери и той девушке, ее воспитаннице, которая жила с его матерью и любила его.

В последнее время мало любимый им и неприятный товарищ террорист, преследуемый полицией, просил его спрятать у себя динамит. Светлогуб без колебания согласился именно потому, что не любил этого товарища, и на следующий день в квартире Светлогуба сделан был обыск и найден динамит. На все вопросы о том, как, откуда он приобрел динамит, Светлогуб отказался отвечать.

И вот то мученичество, которое он ожидал, началось для него. В последнее время, когда столько друзей его было казнено, заключено, сослано, когда пострадало столько женщин, Светлогуб почти желал мученичества. И в первые минуты ареста и допросов он чувствовал особенное возбуждение, почти радость.

Он испытывал это чувство, когда его раздевали, обыскивали и когда ввели в тюрьму и заперли за ним железную дверь. Но когда прошел день, другой, третий, прошла неделя, другая, третья в грязной, сырой, наполненной насекомыми камере и в одиночестве и невольной праздности, прерываемой только перестукиваниями с товарищами заключенными, передававшими все недобрые и нерадостные вести, да изредка допросами холодных, враждебных людей, ста-

равшихся выпытывать от него обвинения товарищей, нравственные силы его вместе с физическими постоянно ослабевали, и он только тосковал и желал, как он говорил себе, какого-нибудь конца этого мучительного положения. Тоска его увеличивалась еще тем, что он усомнился в своих силах. На второй месяц своего заточения он стал заставлять себя на мысли сказать всю правду, только бы быть освобожденным. Он ужасался на свою слабость, но не находил уже в себе прежних сил и ненавидел, презирал себя и тосковал еще больше.

Самое же ужасное было то, что ему в заточении так жалко стало тех молодых сил и радостей, которыми он так легко жертвовал, пока был на воле, и которые ему теперь казались так обаятельны, что он раскаивался в том, что считал хорошим, раскаивался иногда во всей своей деятельности. Ему приходили мысли о том, как счастливо, хорошо он мог бы жить на свободе – в деревне, на воле, за границей, среди любимых и любящих друзей. Жениться на ней, а может быть, и на другой и жить с ней простой, радостной, светлой жизнью.

IV

В один из мучительно однообразных дней заключения второго месяца смотритель при обычном обходе передал Светлогубу маленькую книжку с золоченым крестом на коричневом переплете, сказав, что тюрьму посетила губернаторша и оставила Евангелия, которые разрешено передать заключенным. Светлогуб поблагодарил и слегка улыбнулся, кладя книжку на привинченный к стене столик.

Когда смотритель ушел, Светлогуб переговорился стуками с соседями о том, что был смотритель и ничего не сказал нового, а только принес Евангелие, и сосед ответил, что и ему тоже.

После обеда Светлогуб раскрыл склеившуюся от сырости листами книжонку и стал читать. Светлогуб никогда еще, как книгу, не читал Евангелия. Все, что он знал о ней, было то, что в гимназии проходил законоучитель и что нараспев читали в церкви попы и дьяконы.

«Глава первая. Родословие Иисуса Христа, сына Давидова, сына Авраамова, Исаак родил Иакова, Иаков родил Иуду»... читал он. «Зоровавель родил Авиуда», продолжал он читать. Все это было то самое, чего он ожидал: какая-то запутанная, ни на что не нужная бессмыслица. Если бы это было не в тюрьме, он не мог бы дочитать одной страницы, а тут он продолжал читать для процесса чтения: «как гоголевский Петрушка», подумал он про себя. Он прочел первую главу о рождении девой и о пророчестве, состоящем в том, что нарекут рожденному имя Эммануил, означающее: «с нами Бог». «И в чем же тут пророчество?» подумал он и продолжал читать. Он прочел и вторую главу о ходячей звезде и третью об Иоанне, питающемся стрекозами, и четвертую о каком-то дьяволе, предлагавшем Христу гимнастическое упражнение с крыши. Так все это казалось ему неинтересно, что, несмотря на скуку тюрьмы, он уже хотел закрыть книгу и начать обычное свое вечернее занятие – ловлю блох в снятой рубашке, – как вдруг вспомнил, что на экзамене пятого класса гимназии он забыл одну из заповедей блаженства и розоволицый, кудрявый батюшка вдруг рассердился и поставил ему двойку. Он не мог вспомнить, какая была эта заповедь, и прочел блаженства. «Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть царство небесное», прочел он. «Это, пожалуй, и к нам относится», подумал он. «Блаженны вы, когда будут поносить и гнать вас. Радуйтесь и веселитесь: так гнали и пророков, бывших прежде вас». «Вы – соль земли. Если соль потеряет силу, то чем сделаешь ее соленою? Она уже ни к чему не годна, как разве выбросить ее вон на поприще людям».

«Это совсем уж к нам относится», подумал он и продолжал читать дальше. Прочтя всю пятую главу, он задумался. «Не сердитесь, не прелюбодействуйте, терпите зло, любите врагов».

«Да, если бы все так жили, – думал он, – и не нужно бы и революции». Читая дальше, он все больше и больше вникал в смысл тех мест книги, которые были вполне понятны. И чем дальше он читал, тем все больше и больше приходил к мысли, что в этой книге сказано что-

то особенно важное. И важное, и простое, и трогательное, такое, чего он никогда не слышал прежде, но что как будто было давно знакомо ему.

«Ко всем же сказал: если кто хочет идти за мной, отвергнись себя и возьми крест свой и следуй за мной. Ибо кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее, а кто потеряет свою душу ради меня, тот сбережет ее. Ибо что пользы человеку приобрести весь мир, а себя самого погубить или повредить себе».

– Да, да, это самое! – вдруг вскрикнул он со слезами на глазах. – Это самое я и хотел делать. Да, хотел этого самого именно, отдать душу свою, не сберечь, а отдать. В этом радость, в этом жизнь. «Многое я делал для людей, для славы людской, – думал он, – не славы толпы, а славы доброго мнения тех, кого я уважал и любил: Наташи, Дмитрия Шеломова, и тогда были сомнения, было тревожно. Хорошо мне было только тогда, когда я делал только потому, что этого требовала душа, когда хотел отдать себя, всего отдать».

С этого дня Светлогуб большую часть времени стал проводить за чтением и обдумыванием того, что было сказано в этой книге. Чтение это вызвало в нем не только умиленное состояние, которое выносило его из тех условий, в которых он находился, но и такую работу мысли, которой он прежде никогда не сознавал в себе. Он думал о том, почему люди, все люди не живут так, как сказано в этой книге. «Ведь жить так хорошо не одному, а всем. Только живи так – и не будет горя, нужды, будет одно блаженство. Только бы кончилось это, только бы быть мне опять на свободе, – думал он иногда, – выпустят же они меня когда-нибудь или сошлют в каторгу. Все равно, везде можно жить так. И буду жить так. Это можно и надо жить так; не жить так – безумие».

V

В один из тех дней, когда он находился в таком радостном, возбужденном состоянии, в камеру к нему вошел в необычное время смотритель и спросил, хорошо ли ему и не желает ли он чего. Светлогуб удивился, не понимая, что означает эта перемена, и попросил папирос, ожидая отказа. Но смотритель сказал, что он сейчас пришлет, и, действительно, сторож принес ему пачку папирос и спички.

«Должно быть, кто-нибудь похотатайствовал за меня», подумал Светлогуб и, закулив папиросу, стал ходить взад и вперед по камере, обдумывая значение этой перемены.

На другой день его повели в суд. В помещении суда, где он уже бывал несколько раз, его не стали допрашивать. Но один из судей, не глядя на него, встал с своего кресла, встали и другие и, держа в руках бумагу, стал читать громким, ненатурально невыразительным голосом.

Светлогуб слушал и смотрел на лица судей. Все они не смотрели на него и с значительными, унылыми лицами слушали.

В бумаге было сказано, что Анатолий Светлогуб за доказанное участие в революционной деятельности, имеющей целью ниспровержение, в более близком или далеком будущем, существующего правительства, приговаривается к лишению всех прав и к смертной казни через повешение.

Светлогуб слышал и понимал значение слов, произносимых офицером. Он заметил нелепость слов в более близком или далеком будущем и лишения прав человека, приговоренного к смерти, но совершенно не понимал того значения, которое имело для него то, что было прочитано.

Только долго после того, как ему сказали, что он может идти, и он вышел с жандармом на улицу, он начал понимать то, что ему было объявлено.

«Тут что-то не то, не то... Тут какая то бессмыслица. Этого не может быть», говорил он себе, сидя в карете, которая везла его назад в тюрьму.

Он чувствовал в себе такую силу жизни, что не мог представить себе смерти, не мог соединить сознания своего «я» с смертью, с отсутствием «я».

Вернувшись назад в свою тюрьму, Светлогуб сел на койку и, закрыв глаза, старался живо представить себе то, что его ожидает, и никак не мог этого сделать. Он никак не мог представить себе того, чтобы его не было, не мог представить себе и того, чтобы люди могли желать убить его.

«Меня, молодого, доброго, счастливого, любимого столькими людьми, – думал он, – он вспомнил о любви к себе матери, Наташи, друзей, – меня убьют, повесят! Кто, зачем сделает это? И потом, что же будет, когда меня не будет? Не может быть», говорил он себе.

Пришел смотритель. Светлогуб не слышал его входа.

– Кто это? Что вы? – проговорил Светлогуб, не узнавая смотрителя. – Ах, да, это вы? Когда же это будет? – спросил он.

– Не могу знать, – сказал смотритель и, постояв молча несколько секунд, вдруг вкрадчивым, нежным голосом проговорил: – Тут наш батюшка желал бы... напугать... желал бы видеть вас...

– Мне не надо, не надо, ничего не надо! Уйдите! – вскрикнул Светлогуб.

– Не нужно ли вам написать кому-нибудь? Это можно, – сказал смотритель.

– Да, да, пришлите. Я напишу.

Смотритель ушел.

«Стало быть, утром, – думал Светлогуб. – Они всегда так делают. Завтра утром меня не будет. Нет, этого не может быть, это сон».

Но пришел сторож, настоящий, знакомый сторож, и принес два пера, чернильницу, пачку почтовой бумаги и синеватых конвертов и поставил табуретку к столу. Все это было настоящее и не сон.

«Надо не думать, не думать. Да, да, писать. Напишу маме», подумал Светлогуб, сел на табуретку и тотчас же начал писать.

«Милая, родная! – написал он и заплакал. – Прости меня, прости за все горе, которое я причинил тебе. Заблуждался я или нет, но я не мог иначе. Об одном прошу: прости меня». «Да это я уж написал, – подумал он. – Ну да все равно, теперь некогда переписывать». «Не тужи обо мне, – писал он дальше. – Немного раньше, немного позже... разве не все равно? Я не боюсь и не раскаиваюсь в том, что делал. Я не мог иначе. Только ты прости меня. И не сердись на них, ни на тех, с которыми я работал, ни на тех, которые казнят меня. Ни те, ни другие не могли иначе: прости им, они не знают, что творят. Я не смею о себе повторять эти слова, но они у меня в душе и поднимают и успокаивают меня. Прости, целую твои милые, сморщенные, старые руки! – Две слезы одна за другой капнули на бумагу и расплылись на ней. – Я плачу, но не от горя или страха, а от умиления перед самой торжественной минутой моей жизни и оттого, что люблю тебя. Друзей моих не упрекай, а люби. Особенно Прохорова, именно за то, что он был причиной моей смерти. Это так радостно любить того, кто не то что виноват, но которого можно упрекать, ненавидеть. Полюбить такого человека – врага – такое счастье. Наташе скажи, что ее любовь была моим утешением и радостью. Я не понимал этого ясно, но в глубине души сознавал. Мне было легче жить, зная, что она есть и любит меня. Ну, сказал все. Прощай!»

Он перечел письмо и, в конце его прочтя имя Прохорова, вдруг вспомнил, что письмо могут прочесть, наверное прочтут, и это погубит Прохорова.

– Боже мой, что я наделал! – вдруг вскрикнул он и, разорвав письмо на длинные полосы, стал старательно сжигать их на лампе.

Он сел писать с отчаянием, а теперь чувствовал себя спокойным, почти радостным.

Он взял другой лист и тотчас же стал писать. Мысли одна за другой толпились в его голове.

«Милая, голубушка мама! – писал он, и опять глаза его затуманились слезами, и ему надо было вытирать их рукавом халата, чтобы видеть то, что он пишет. – Как я не знал себя, не знал всю силу той любви к тебе и благодарности, которая всегда жила в моем сердце! Теперь я знаю и чувствую, и когда вспоминаю наши размолвки, мои недобрые слова, сказанные тебе, мне больно и стыдно и почти непонятно. Прости же меня и вспоминай только то хорошее, если что было такого во мне.

Смерти я не боюсь. По правде сказать, не понимаю ее, не верю в нее. Ведь если есть смерть, уничтожение, то разве не все равно умереть тридцатью годами или минутами раньше или позже? Если же нет смерти, то уж совсем все равно, раньше или позже».

«Но что я философствую, – подумал он, – надо сказать то, что было в том письме, – что-то хорошее в конце. Да. – Друзей моих не упрекай, а люби, и особенно того, кто был причиной невольной моей смерти. Наташу поцелуй за меня и скажи ей, что я любил ее всегда».

Он сложил письмо, запечатал и сел на кровать, положив руки на колена и глотая слезы.

Он все не верил, что должен умереть. Несколько раз он, опять задавая себе вопрос, не спит ли он, тщетно старался проснуться. И эта мысль навела его на другую: о том, что и вся жизнь в этом мире не есть ли сон, пробуждение от которого будет смерть. А если это так, то сознание жизни в этом мире не есть ли только пробуждение от сна предшествующей жизни, подробности которой и я не помню? Так что жизнь здесь не начало, а только новая форма жизни. Умру и перейду в новую форму. Мысль эта понравилась ему, но, когда он хотел опереться на нее, он почувствовал, что эта мысль, да и всякая мысль, какая бы ни была, не может дать бесстрашия перед смертью. Наконец он устал думать. Мозг больше не работал. Он закрыл глаза и долго сидел так, не думая.

«Как же? Что же будет? – опять вспомнил он. – Ничего? Нет, не ничего. А что же?»

И ему вдруг совершенно ясно стало, что на эти вопросы для живого человека нет и не может быть ответа.

«Так зачем же я спрашиваю себя об этом? Зачем? Да, зачем? Не надо спрашивать, надо жить так, как я жил сейчас, когда писал это письмо. Ведь мы все приговорены давно, всегда, и живем. Живем хорошо, радостно, когда... любим. Да, когда любим. Вот я писал письмо, любил, и мне было хорошо. Так и надо жить. И можно жить везде и всегда: и на воле, и в тюрьме, и нынче, и завтра, и до самого конца».

Ему хотелось сейчас же ласково, любовно поговорить с кем-нибудь. Он постучал в дверь, и, когда часовой заглянул к нему, он спросил его, который час и скоро ли он будет сменяться, но часовой ничего не ответил ему. Тогда он попросил позвать смотрителя. Смотритель пришел, спрашивая, что ему нужно.

– Вот я написал письмо матери, отдайте, пожалуйста, – сказал он, и слезы выступили ему на глаза при воспоминании о матери.

Смотритель взял письмо и, обещая передать его, хотел уходить, но Светлогуб остановил его.

– Послушайте, вы добрый. Зачем вы служите в этой тяжелой должности? – сказал он, ласково трогая его за рукав.

Смотритель неестественно жалостно улыбнулся и, опустив глаза, сказал:

– Надо же жить.

– А вы оставьте эту должность. Ведь всегда можно устроиться. Вы такой добрый. Может быть, я бы мог...

Смотритель вдруг всхлипнул, быстро повернулся и вышел, хлопнув дверью.

Волнение смотрителя еще больше умилило Светлогуба, и, удерживая радостные слезы, он стал ходить от стены до стены, не испытывая теперь уже никакого страха, а только умиленное состояние, поднимавшее его выше мира.

Тот самый вопрос, что будет с ним после смерти, на который он так старался и не мог ответить, казался разрешенным для него и не каким-либо положительным, рассудочным ответом, а сознанием той истинной жизни, которая была в нем.

И он вспомнил слова Евангелия: «Истинно, истинно говорю вам, если пшеничное зерно, падши на землю, не умрет, то останется одно, а если умрет, то принесет много плода». «Вот и я упадаю в землю. Да, истинно, истинно», думал он.

«Заснуть бы, – вдруг подумал он, – чтобы не ослабеть потом». Он лег на койку, закрыл глаза и тотчас же заснул.

Он проснулся в шесть часов утра, весь под впечатлением светлого, веселого сновидения. Он видел во сне, что он с какой-то маленькой белокурой девочкой лазает по развесистым деревьям, осыпанным спелыми черными черешнями, и собирает в большой медный таз. Черешни не попадают в таз и сыплются на землю, и какие-то странные животные, вроде кошек, ловят черешни и подбрасывают кверху и опять ловят. И, глядя на это, девочка заливается, хохочет так заразительно, что и Светлогуб тоже весело смеется во сне, сам не зная чему. Вдруг медный таз выскальзывает из рук девочки, Светлогуб хочет поймать его, но не успевает, и таз с медным грохотом, толкаясь о сучья, падает на землю. И он просыпается, улыбаясь и слушая продолжающийся грохот таза. Грохот этот есть звук отворяемых железных запоров в коридоре. Слышны шаги по коридору и бряканье ружей. Он вдруг вспоминает все. «Ах, если бы заснуть опять!», думает Светлогуб, но заснуть уже нельзя. Шаги подошли к его двери. Он слышит, как ключ ищет замка и как, отворяясь, скрипит дверь.

Вошли жандармский офицер, смотритель и конвой.

«Смерть? Ну, так что же? Уйду. Да, это хорошо. Все хорошо», думает Светлогуб, чувствуя, как возвращается к нему то умиленно-торжественное состояние, в котором он был вчера.

VI

В той же тюрьме, где содержался Светлогуб, содержался и старик раскольник, беспоповец, усомнившийся в своих руководителях и искавший истинную веру. Он отрицал не только никонианскую церковь, но и правительство со времени Петра, которого считал антихристом, – царскую власть называл «табачной державой» и смело высказывал то, что думал, обличая попов и чиновников, за что и был судим и содержим в остроге и пересылался из одной тюрьмы в другую. То, что он не на воле, а в тюрьме, что над ним ругались смотрители, что на него надевали кандалы, что над ним издевались сотоварищи узники, что все они, так же как и начальство, отреклись от Бога и ругались друг над другом и оскверняли всячески в себе образ божий, все это не занимало его, все это он видел везде в мире, когда был на воле. Все это, он знал, происходило оттого, что люди потеряли истинную веру и все разбрелись, как слепые щенята от матери. А между тем он знал, что истинная вера есть. Знал он это потому, что чувствовал эту веру в своем сердце. И он искал эту веру везде. Больше всего он надеялся найти ее в откровении Иоанна.

«Неправедный пусть еще делает неправду, нечистый пусть еще сквернится; праведный да творит правду еще и святой да освящается еще. Се грядет скоро, и возмездие мое со мною, чтобы воздать каждому по делам его». И он постоянно читал эту таинственную книгу и всякую минуту ждал «грядущего», который не только воздаст каждому по делам его, но и откроет всю божескую истину людям.

Утро казни Светлогуба он услышал барабаны и, влезши на окно, увидел через решетку, как подвезли колесницу и как вышел из тюрьмы юноша с светлыми очами и вьющимися кудрями и, улыбаясь, взошел на колесницу. В небольшой белой руке юноши была книга. Юноша прижимал к сердцу книгу, – раскольник узнал, что это было Евангелие, – и, кивая в окна заключенным, улыбаясь, переглянулся с ним. Лошади тронулись, и колесница с сидевшим в

ней светлым, как ангел, юношей, окруженная стражниками, громыхая по камням, выехала за ворота.

Раскольник слез с окна, сел на свою койку и задумался. «Этот познал истину, – думал он. – Антихристовы слуги затем и задавят его веревкой, чтоб не открыл никому».

VII

Было пасмурное осеннее утро. Солнца не видно было. С моря дул влажный, теплый ветер.

Свежий воздух, вид домов, города, лошадей, людей, смотревших на него, – все это развлекало Светлогуба. Сидя на скамейке колесницы, спиной к кучеру, он невольно вглядывался в лица конвоирующих его солдат и встречавшихся жителей.

Был ранний час утра, улицы, по которым его везли, были почти пусты и встречались только рабочие. Обрызганные известкой каменщики в фартуках, поспешно шедшие ему навстречу, остановились и вернулись назад, равняясь с колесницей. Один из них что-то сказал, махнул рукой, и все они повернулись и пошли назад к своему делу, извозчики – ломовики, везущие гремящие полосы железа, своротив своих крупных лошадей, чтобы дать дорогу колеснице, остановились и с недоумевающим любопытством смотрели на него. Один из них снял шапку и перекрестился. Кухарка в белом фартуке в чепчике, с корзинкой в руке вышла из ворот, но, увидав колесницу, быстро вернулась во двор и выбежала оттуда с другой женщиной, и обе, не переводя дыхания, широко раскрытыми глазами проводили колесницу до тех пор, пока могли видеть ее. Какой-то растерзанно одетый, небритый седоватый человек что-то очевидно неодобрительное с энергическими жестами внушал дворнику, указывая на Светлогуба. Два мальчика рысью догнали колесницу и с повернутыми головами, не глядя перед собой, шагали рядом с ней по тротуару. Один постарше шел быстрыми шагами; другой, маленький, без шапки, держась за старшего и испуганно глядя на колесницу, короткими ножонками с трудом, спотыкаясь, поспевал за старшим. Встретившись с ним глазами, Светлогуб кивнул ему головой. Этот жест страшного человека, везомого на колеснице, так смутил мальчика, что он, выпучивши глаза и раскрыв рот, собрался плакать. Тогда Светлогуб, поцеловав свою руку, ласково улыбнулся ему. И мальчик вдруг неожиданно ответил милой, доброй улыбкой.

Во все время переезда сознание того, что ожидает его, не нарушало спокойно-торжественного настроения Светлогуба.

Только когда колесница подъехала к виселице и его свели с нее и он увидел столбы с перекладиной и слегка качавшейся на ней от ветра веревкой, он почувствовал как будто физический удар в сердце. Ему вдруг стало тошно. Но это продолжалось недолго. Вокруг помоста он увидел черные ряды солдат с ружьями. Впереди солдат ходили офицеры. И как только его стали сводить с колесницы, раздался неожиданный, заставивший его вздрогнуть, треск барабанной дроби. Позади рядов солдат Светлогуб увидел коляски господ и дам, очевидно приехавших смотреть на зрелище. Вид всего этого в первую минуту удивил Светлогуба, но тотчас же он вспомнил себя, какой он был до тюрьмы, и ему стало жалко того, что люди эти не знают, что он знал теперь. «Но они узнают. Я умру, но истина не умрет. Они будут знать. И как все – уж не я, а все они могли бы быть и будут счастливыми».

Его ввели на помост, и вслед за ним вошел офицер. Барабаны замолкли, и офицер прочел ненатуральным голосом, особенно слабо звучащим среди широкого поля и после треска барабанов, тот глупый смертный приговор, который ему читали на суде о лишении прав того, кого убивают, и о близком и далеком будущем. «Зачем, зачем они делают все это? – думал Светлогуб. – Как жалко, что они еще не знают и что я уже не могу передать им всего, но они узнают. Все узнают».

К Светлогубу подошел худощавый, с длинными редкими волосами священник в лиловый рясе, с одним небольшим золоченым крестом на груди и с другим большим серебряным

крестом, который он держал в слабой, белой, жилистой, худой руке, выступавшей из черно-бархатного обшлага.

– Милосердный господь, – начал он, перекладывая крест из левой руки в правую и поднося его Светлогубу.

Светлогуб вздрогнул и отстранился. Он чуть было не сказал недоброго слова священнику, участвующему в совершаемом над ним деле и говорящему о милосердии, но, вспомнив слова Евангелия «не знают, что творят», сделал усилие и робко проговорил:

– Извините, мне не надо этого. Пожалуйста, простите меня, но мне, право, не надо! Благодарю вас.

Он протянул священнику руку. Священник переложил опять крест в левую руку и, пожав руку Светлогуба, стараясь не смотреть ему в лицо, спустился с помоста. Барабаны опять затрещали, заглушая все другие звуки. Вслед за священником, колебля доски помоста, быстрыми шагами подошел к Светлогубу среднего возраста человек с покатыми плечами и мускулистыми руками в пиджаке сверх русской рубахи. Человек этот, быстро оглянув Светлогуба, совсем близко подошел к нему и, обдав его неприятным запахом вина и пота, схватил его цепкими пальцами за руки выше кисти и, сжав их так, что стало больно, загнул их ему за спину и туго завязал. Завязав руки, палач на минуту остановился, как бы соображая и взглядывая то на Светлогуба, то на какие-то вещи, которые он принес с собой и положил на помосте, то на висевшую на перекладине веревку. Сообразив то, что ему нужно было, он подошел к веревке, что-то сделал с ней, подвинул Светлогуба вперед ближе к веревке и обрыву помоста.

Как при объявлении смертного приговора Светлогуб не мог понять всего значения того, что объявлялось ему, так и теперь он не мог обнять всего значения предстоящей минуты и с удивлением смотрел на палача, поспешно, ловко и озабоченно исполняющего свое ужасное дело. Лицо палача было самое обыкновенное лицо русского рабочего человека, не злое, но сосредоточенное, какое бывает у людей, старающихся как можно точнее исполнить нужное и сложное дело.

– Еще сюда вот подвинься или подвиньтесь, – проговорил хриплым голосом палач, толкая его к виселице. Светлогуб подвинулся.

– Господи, помоги, помилуй меня! – проговорил он.

Светлогуб не верил в Бога и даже часто смеялся над людьми, верящими в Бога. Он и теперь не верил в Бога, не верил потому, что не мог не только словами выразить, но мыслью обнять его. Но то, что он разумел теперь под тем, к кому обращался, – он знал это, – было нечто самое реальное из всего того, что он знал. Знал и то, что обращение это было нужно и важно. Знал это потому, что обращение это тотчас успокоило, укрепило его.

Он подвинулся к виселице и, невольно окинув взглядом ряды солдат и пестрых зрителей, еще раз подумал: «Зачем, зачем они делают это?» И ему стало жалко и их и себя, и слезы выступили ему на глаза.

– И не жалко тебе меня? – сказал он, уловив взгляд бойких серых глаз палача.

Палач на минуту остановился. Лицо его вдруг сделалось злое.

– Ну вас! Разговаривать, – пробормотал он и быстро нагнулся к полу, где лежала его поддевка и какое-то полотно, и, ловким движением обеих рук сзади обняв Светлогуба, накиннул ему на голову холстинный мешок и поспешно обдернул его до половины спины и груди.

«В руки твои предаю дух мой», вспомнил Светлогуб слова Евангелия.

Дух его не противился смерти, но сильное, молодое тело не принимало ее, не покорялось и хотело бороться.

Он хотел крикнуть, рвануться, но в то же мгновение почувствовал толчок, потерю точки опоры, животный ужас задыхания, шум в голове и исчезновение всего.

Тело Светлогуба, качаясь, повисло на веревке. Два раза поднялись и опустились плечи.

Подождав минуты две, палач, мрачно хмурясь, положил руки на плечи труп и сильным движением потянул его. Все движения трупа прекратились, кроме медленного покачивания висевшей в мешке куклы с неестественно выпяченной вперед головой и вытянутыми в арестантских чулках ногами.

Сходя с помоста, палач объявил начальнику, что труп можно снять с петли и похоронить.

Через час труп был снят с виселицы и отвезен на неосвященное кладбище.

Палач исполнил то, что хотел и что взялся исполнить. Но исполнение это было нелегко. Слова Светлогуба: «и не жалко тебе меня» – не выходили у него из головы. Он был убийца, каторжник, и звание палача давало ему относительную свободу и роскошь жизни, но с этого дня он отказался впредь исполнять взятую на себя обязанность и в ту же неделю пропил не только все деньги, полученные за казнь, но и всю свою относительно богатую одежду и дошел до того, что был посажен в карцер, а из карцера переведен в больницу.

VIII

Один из главарей революционеров террористической партии Игнатий Меженецкий, тот самый, который увлек Светлогуба в террористическую деятельность, пересылался из губернии, где его взяли, в Петербург. В той же тюрьме сидел и старик раскольник, видевший казнь Светлогуба. Его пересылали в Сибирь. Он все так же думал о том, как и где бы ему узнать, в чем истинная вера, и иногда вспоминал про того светлого юношу, который, идя на смерть, радостно улыбался.

Узнав, что в одной с ним тюрьме сидит товарищ этого юноши, человек одной с ним веры, раскольник обрадовался и упросил вахтера, чтобы он свел его к другу Светлогуба.

Меженецкий, несмотря на все строгости тюремной дисциплины, не переставал сноситься с людьми своей партии и ждал каждый день известия о том подкопе, который им же был выдуман и придуман для взрыва на воздух царского поезда. Теперь, вспоминая некоторые упущенные им подробности, он придумывал средства передать их своим единомышленникам. Когда вахтер пришел в его камеру и осторожно, тихо сказал ему, что один арестант хочет видаться с ним, он обрадовался, надеясь, что это свидание даст ему возможность сообщения с своей партией.

– Кто он? – спросил он.

– Из крестьян.

– Что ж ему нужно?

– Об вере говорить хочет.

Меженецкий улыбнулся.

– Ну что же, пошлите его, – сказал он. «Они, раскольники, тоже ненавидят правительство. Может быть, и пригодится», подумал он.

Вахтер ушел и через несколько минут, отворив дверь, впустил в камеру сухого невысокого старика с густыми волосами и редкой, седеющей, козлиной бородкой, с добрыми, усталыми голубыми глазами.

– Что вам надо? – спросил Меженецкий.

Старик вскинул на него глазами и, поспешно опустив их, подал небольшую, энергичную, сухую руку.

– Что вам надо? – повторил Меженецкий.

– Слово до тебя есть.

Какое слово?

– Об вере.

– О какой вере?

– Сказывают, ты одной веры с тем вьюношем, что в Одесте антихристовы слуги задавили веревкой.

– Каким юношей?

– А в Одесте по осени задавили.

– Верно, Светлогуб?

– Он самый. Друг он тебе? – старик при каждом вопросе пытливо взглядывал своими добрыми глазами в лицо Меженецкого и тотчас опять опускал их.

– Да, близкий был мне человек.

– И веры одной?

– Должно быть, одной, – улыбаясь, сказал Меженецкий.

– Об этом самом и слово мое к тебе.

– Что же собственно вам нужно?

– Веру вашу познать.

– Веру нашу. Ну, садитесь, – сказал Меженецкий, пожимая плечами. – Вера наша вот в чем. Верим мы в то, что есть люди, которые забрали силу и мучают и обманывают народ, и что надо не жалеть себя, бороться с этими людьми, чтобы избавить от них народ, который они эксплуатируют, – по привычке сказал Меженецкий, – мучают, – поправился он. – И вот их-то надо уничтожить. Они убивают, и их надо убивать до тех пор, пока они не опомнятся.

Старик раскольник вздыхал, не поднимая глаз.

– Вера наша в том, чтобы не жалеть себя, свергнуть деспотическое правительство и установить свободное, выборное, народное.

Старик тяжело вздохнул, встал, расправил полы халата, опустился на колени и лег к ногам Меженецкого, стукнувшись лбом о грязные доски пола.

– Зачем вы кланяетесь?

– Не обманывай ты меня, открой, в чем вера ваша, – сказал старик, не вставая и не поднимая головы.

– Я сказал, в чем наша вера. Да вы встаньте, а то я и говорить не буду.

Старик поднялся.

– В том и вера того юноши была? – сказал он, стоя перед Меженецким и изредка взглядывая ему в лицо своими добрыми глазами и тотчас же опять опуская их.

– В том самом и была, за то его и повесили. А меня вот за ту же веру теперь в Петропавловку везут.

Старик поклонился в пояс и молча вышел из камеры.

«Нет, не в том вера того юноши, – думал он. – Тот юноша знал истинную веру, а этот либо хвастался, что он одной с ним веры, либо не хочет открыть. Что же, буду добиваться. И здесь и в Сибири. Везде Бог, везде люди. На дороге стал, о дороге спрашивай», думал старик и опять взял Новый Завет, который сам собой раскрывался на Откровении, и, надев очки, сел у окна и стал читать его.

IX

Прошло еще семь лет. Меженецкий отбыл одиночное заключение в Петропавловской крепости и пересылался на каторгу.

Он много перенес за эти семь лет, но направление его мыслей не изменилось, и энергия не ослабела. При допросах, перед заключением в крепость, он удивлял следователей и судей своей твердостью и презрительным отношением к тем людям, во власти которых он находился. В глубине души он страдал оттого, что был пойман и не мог закончить начатого дела, но не показывал этого: как только он приходил в соприкосновение с людьми, в нем поднималась

энергия злобы. На вопросы, которые ему делали, он молчал и только тогда говорил, когда был случай уязвить допрашивающих – жандармского офицера или прокурора.

Когда ему сказали обычную фразу: «Вы можете облегчить свое положение искренним признанием», он презрительно улыбнулся и, помолчав, сказал:

– Если вы думаете выгодой или страхом заставить меня выдать товарищей, то судите по себе. Неужели вы думаете, что, делая то дело, за которое вы меня судите, я не готовился к самому худшему. Так вы ничем ни удивить, ни испугать меня не можете. Делать со мной можете, что хотите, а говорить я не буду.

И ему приятно было видеть, как они смущенно переглянулись между собой.

Когда его в Петропавловской крепости поместили в маленькую с темным стеклом в высоком окне, сырую камеру, он понял, что это не на месяцы, а на годы, – и на него нашел ужас. Ужасна была эта благоустроенная, мертвая тишина и сознание того, что он не один, а что тут за этими непроницаемыми стенами сидят такие же узники, приговоренные на десять, двадцать лет, убивающиеся и вешаемые и сходящие с ума и медленно умирающие чахоткой. Тут и женщины, и мужчины, и друзья, может быть... «Пройдут годы, и ты так же сойдешь с ума, повешишься или умрешь, и не узнают про тебя», думал он.

И в душе его поднималась злоба на всех людей и в особенности на тех, которые были причиной его заключения. Злоба эта требовала присутствия предметов злобы, требовала движения, шума. А тут мертвая тишина, мягкие шаги молчаливых, не отвечающих на вопросы людей, звуки отпираемых, запираемых дверей, в обычные часы пища, посещение молчаливых людей и сквозь тусклые стекла свет от поднимающегося солнца, темнота и та же тишина, те же мягкие шаги и одни и те же звуки. Так нынче, завтра. И злоба, не находя себя выхода, разъедала его сердце.

Пробовал он стучать, но ему не отвечали, и стук его вызывал только опять те же мягкие шаги и ровный голос человека, угрожавшего карцером.

Единственное время отдыха и облегчения было время сна. Но зато ужасно было пробуждение. Во сне он всегда видел себя на свободе и большей частью увлекающимся такими делами, которые он считал несогласными с революционной деятельностью. То он играл на какой-то странной скрипке, то ухаживал за девицами, то катался в лодке, то ходил на охоту, то за какое-то странное научное открытие был провозглашен доктором иностранного университета и говорил благодарственную речь за обедом. Сны эти были так яркие, а действительность так скучна и однообразна, что воспоминания мало отличались от действительности.

Тяжело было в сновидениях только то, что большей частью он просыпался в тот момент, когда вот-вот должно было совершиться то, к чему он стремился, чего желал. Вдруг толчок сердца – и вся радостная обстановка исчезала, оставалось мучительное, неудовлетворенное желание, опять эта с разводами сырости серая стена, освещенная лампочкой, и под телом жесткая койка с примятым на один бок сеником.

Сон был лучшим временем. Но чем дольше продолжалось заключение, тем меньше он спал. Как величайшего счастья, он ждал сна, желал его, и чем больше желал, тем больше разгуливался. И стоило ему задать себе вопрос «засыпаю ли я?» – и проходила вся сонливость.

Беганье, прыганье по своей клетке не помогало. От усиленного движения только делалась слабость и еще большее возбуждение нервов, делалась головная боль в темени, и стоило только закрыть глаза, чтобы на темном с блестками фоне стали выступать рожи лохматые, плешивые, большеротые, криворотые, одна страшнее другой. Рожи гримасничали самыми ужасными гримасами. Потом рожи стали являться уже при открытых глазах, и не только рожи, но целые фигуры, стали говорить и плясать. Становилось страшно, он вскакивал, бился головой о стену и кричал. Форточка в двери отворялась.

– Кричать не полагается, – говорил спокойный, ровный голос.

– Позовите смотрителя! – кричал Меженецкий.

Ему ничего не отвечали, и форточка закрывалась.

И такое отчаяние охватывало Меженецкого, что он одного желал – смерти.

Один раз в таком состоянии он решил лишиться себя жизни. В камере был душник, на котором можно было утвердить веревку с петлею и, став на койку, повеситься. Но не было веревки. Он стал разрывать простыню на узкие полосы, но полос этих оказалось мало. Тогда он решил заморить себя голодом и не ел два дня, но на третий день ослабел, и припадок галлюцинаций повторился с ним с особенной силой. Когда принесли ему пищу, он лежал на полу без чувств с открытыми глазами.

Пришел доктор, положил его на койку, дал ему бром и морфину, и он заснул.

Когда на другой день он проснулся, доктор стоял над ним и покачивал головой. И вдруг Меженецкого охватило знакомое ему прежде бодрящее чувство злобы, которую он давно уже не испытывал.

– Как вам не стыдно, – сказал он доктору, в то время как тот, наклонив голову, считал его пульс, – служить здесь! Зачем вы меня лечите, чтобы опять мучать! Ведь это все равно как присутствовать при сечении и разрешать повторить операцию.

– Потрудитесь на спинку лечь, – сказал невозмутимо доктор, не глядя на него и доставая инструмент для оскультации из бокового кармана.

– Те залечивали раны, чтобы догнать остальные пять тысяч палок. К черту, к дьяволу! – вдруг закричал он, скидывая ноги с койки. – Убирайтесь, издохну без вас!

– Нехорошо, молодой человек, на грубости есть у нас свои ответы.

– К черту, к черту!

И Меженецкий был так страшен, что доктор поспешил уйти.

Х

Произошло ли это от приемов лекарств, или он пережил кризис, или поднявшаяся злоба на доктора вылечила его, но с этой поры он взял себя в руки и начал совсем другую жизнь.

«Вечно держать меня здесь они не могут и не станут, – думал он. – Освободят же когда-нибудь. Может быть – что всего вероятнее, – изменится режим (наши продолжают работать), и потому надо беречь жизнь, чтобы выйти сильным, здоровым и быть в состоянии продолжать работу».

Он долго обдумывал наилучший для этой цели образ жизни и придумал так: ложился он в девять часов и заставлял себя лежать – спать или не спать, все равно – до пяти часов утра. В пять часов он вставал, убирался, умывался, делал гимнастику и потом, как он себе говорил, шел по делам. И, в воображении, он шел по Петербургу, с Невского на Надеждинскую, стараясь представлять себе все то, что могло встретиться ему на этом переходе: вывески, дома, городские, встречающиеся экипажи и пешеходы. В Надеждинской он входил в дом своего знакомого и сотрудника, и там они, вместе с пришедшими товарищами, обсуживали предстоящее предприятие. Шли прения, споры, Меженецкий говорил и за себя, и за других. Иногда он говорил вслух, так что часовой в окошечко делал ему замечания, но Меженецкий не обращал на него никакого внимания и продолжал свой воображаемый петербургский день. Пробыв часа два у приятеля, он возвращался домой и обедал, сначала в воображении, а потом в действительности, тем обедом, который ему приносили, и ел всегда умеренно. Потом он, в воображении, сидел дома и занимался то историей, математикой и иногда, по воскресеньям, литературой. Занятие историей состояло в том, что он, избрав какую-нибудь эпоху и народ, вспоминал факты и хронологию. Занятие математикой состояло в том, что он делал наизусть выкладки и геометрические задачи. (Он особенно любил это занятие.) По воскресеньям он вспоминал Пушкина, Гоголя, Шекспира и сам сочинял.

Перед сном он еще делал маленькую экскурсию, в воображении ведя с товарищами мужчинами и женщинами шуточные, веселые, иногда серьезные разговоры, иногда бывшие прежде, иногда вновь выдумываемые. И так шло дело до ночи. Перед сном он для упражнения делал в действительности 2000 шагов в своей клетке и ложился на свою койку и большей частью засыпал.

На другой день было то же. Иногда он ехал на юг и подговаривал народ, начинал бунт и вместе с народом прогонял помещиков, раздавал землю крестьянам. Все это, однако, он воображал себе не вдруг, а постепенно, со всеми подробностями. В воображении его революционная партия везде торжествовала, правительственная власть слабела и была вынуждена созвать собор. Царская фамилия и все угнетатели народа исчезали, и устанавливалась республика, и он, Меженецкий, избирался президентом. Иногда он слишком скоро доходил до этого и тогда начинал опять сначала и достигал цели другим способом.

Так он жил год, два, три, иногда отступая от этого строгого порядка жизни, но большей частью возвращаясь к нему. Управляя своим воображением, он освободился от непроизвольных галлюцинаций. Только изредка на него находили припадки бессонницы и видения рожи, и тогда он глядел на отдушник и соображал, как он укрепит веревку, как сделает петлю и повесится. Но припадки эти продолжались недолго. Он преодолевал их.

Так прожил он почти семь лет. Когда срок его заключения кончился и его повезли на каторгу, он был вполне свеж, здоров и в полном обладании своих душевных сил.

XI

Везли его, как особенно важного преступника, одного, не давая ему сообщаться с другими. И только в красноярской тюрьме ему в первый раз удалось войти в общение с другими политическими преступниками, тоже сосланными на каторгу, их было шесть человек – две женщины и четверо мужчин. Это были все молодые люди нового склада, незнакомого Меженецкому. Это были революционеры следующего за ним поколения, его наследники, и потому они особенно интересовали его. Меженецкий ожидал встретить в них людей, идущих по его стопам и потому долженствующих высоко оценить все то, что было сделано их предшественниками, особенно им, Меженецким. Он готовился ласково и снисходительно обойтись с ними. Но, к неприятному удивлению его, эта молодежь не только не считала его своим предшественником и учителем, но обращалась с ним как бы снисходительно, обходя и извиняя его устарелые взгляды. По мнению их, этих новых революционеров, все то, что делал Меженецкий и его друзья, все попытки возмущения крестьян и, главное, террор и все убийства губернатора Крапоткина, Мезенцова и самого Александра II, – все это был ряд ошибок. Все это привело только к реакции, торжествовавшей при Александре III и вернувшей общество назад, почти к крепостному праву. Путь освобождения народа, по мнению новых, был совсем иной.

В продолжение двух дней и почти двух ночей не переставали споры между Меженецким и его новыми знакомыми. Особенно один, руководитель всех, Роман, как его все звали только по имени, мучительно огорчал Меженецкого непоколебимой уверенностью в своей правоте и снисходительным, даже насмешливым отрицанием всей прошедшей деятельности Меженецкого и его товарищей.

Народ, по понятию Романа, грубая толпа, «быдло», и с народом, стоящим на той степени развития, на которой он стоит теперь, ничего сделать нельзя. Все попытки поднять русское сельское население – это все равно что пытаться зажечь камень или лед. Нужно воспитать народ, нужно приучить его к солидарности, и это может сделать только большая промышленность и выросшая на ней социалистическая организация народа. Земля не только не нужна народу, но она-то и делает его консерватором и рабом. Не только у нас, но и в Европе. И он на память приводил мнения авторитетов и статистические цифры. Народ надо освободить от

земли. И чем скорее это сделается, тем лучше. Чем больше их идут на фабрики и чем больше забирают в руки землю капиталисты и чем больше угнетают их, тем лучше. Уничтожиться деспотизм, а главное капитализм, может только солидарностью людей народа, а солидарность эта может быть достигнута только союзами, корпорациями рабочих, т. е. только тогда, когда народные массы перестанут быть земельными собственниками и станут пролетариями.

Меженецкий спорил и горячился. Особенно раздражала его одна из женщин, недурная волосатая брюнетка, с очень блестящими глазами, которая, сидя на окне и как будто не принимая прямого участия в разговоре, изредка вставляла словечки, подтверждавшие доводы Романа, или только презрительно посмеивалась на слова Меженецкого.

– Разве можно переделать весь земледельческий народ в фабричных? – говорил Меженецкий.

– Отчего же нельзя? – возражал Роман – Это общий экономический закон.

– Почему мы знаем, что закон этот всеобщий? – говорил Меженецкий.

– Прочтите Каутского, – презрительно улыбаясь, вставила брюнетка.

– Если и допустить, – говорил Меженецкий (я не допускаю этого), – что народ переделается в пролетариев, то почему вы думаете, что он сложится в ту, вперед предназначенную ему вами форму?

– Потому что это научно обосновано, – вставляла брюнетка, поворачиваясь от окна.

Когда же речь зашла о форме деятельности, которая нужна для достижения цели, разногласие стало еще больше. Роман и его друзья стояли на том, что нужно подготавливать армию рабочих, содействовать переходу крестьян в фабричных и пропагандировать социализм среди рабочих. И не только не бороться открыто с правительством, а пользоваться им для достижения своих целей. Меженецкий же говорил, что надо прямо бороться с правительством, терроризировать его, что правительство и сильнее и хитрее вас. «Не вы обманете правительство, оно вас. Мы и пропагандировали народ, и боролись с правительством».

– И как много сделали? – иронически проговорила брюнетка.

– Да я думаю, что прямая борьба с правительством, – неправильная трата сил, – сказал Роман.

– Первое марта трата сил! – закричал Меженецкий. – Мы жертвовали собой, жизнями, а вы спокойно сидите по домам, наслаждаясь жизнью, и только проповедуете.

– Не очень-то наслаждаемся жизнью, – спокойно сказал Роман, оглядываясь на своих товарищей, и победоносно расхохотался своим незаразительным, но громким, отчетливым, самоуверенным смехом.

Брюнетка, покачивая головой, презрительно улыбалась.

– Не очень-то наслаждаемся жизнью, – сказал Роман – А если и сидим здесь, то обязаны этим реакции, а реакция – произведение именно первого марта.

Меженецкий замолчал. Он чувствовал, что задыхается от злобы, и вышел в коридор.

ХП

Стараясь успокоиться, Меженецкий стал ходить взад и вперед по коридору. Двери камер до вечерней переключки были открыты. Высокий белокурый арестант, с лицом, добродушие которого не нарушалось до половины выбритой головой, подошел к Меженецкому.

– Арестантик тут, в нашей камере, увидел ваше степенство, – позови, говорит, его ко мне.

– Какой арестант?

– «Табачная держава», так ему прозвище. Старичок он, из раскольников. Позови, говорит, ко мне того человека. Про ваше степенство, значит.

– Где же он?

– Во тут, в нашей камере. Покличь, говорит, того барина.

Меженецкий вошел с арестантом в небольшую камеру с нарами, на которых сидели и лежали арестанты.

На голых досках, под серым халатом, на краю нар лежал тот самый старик раскольник, который семь лет тому назад приходил к Меженецкому расспрашивать о Светлогубе. Лицо старика, бледное, все ссохлось и сморщилось, волосы все были такие же густые, редкая борода была совсем седая и торчала кверху. Глаза голубые, добрые и внимательные. Он лежал навзничь и, очевидно, был в жару: на маслаках щек был болезненный румянец.

Меженецкий подошел к нему.

– Что вам? – спросил он.

Старик с трудом поднялся на локоть и подал трясущуюся сухую, небольшую руку. Он, собираясь говорить, как бы раскачиваясь, стал тяжело дышать и, с трудом переводя дыхание, тихо заговорил:

– Не открыл ты мне тогда, Бог с тобой, а я всем открываю.

– Что же открываете?

– Про агнца... про агнца открываю... тот юноша с агнцем был. А сказано: агнец победит я, всех победит... И кто с ним, те избранныи и вернии.

– Я не понимаю, – сказал Меженецкий.

– А ты понимай в духе. Цари область примут со зверем. А агнец победит я.

– Какие цари? – сказал Меженецкий.

– И цари семь суть: пять их пало и один остался, другой еще не прииде, не пришел, значит. И егда приидет, мало ему есть... значит, конец ему придет... понял?

Меженецкий покачивал головой, думая, что старик бредит и слова его бессмысленны. Так же думали и арестанты, товарищи по камере. Тот бритый арестант, который звал Меженецкого, подошел к нему и, слегка толкнув его локтем и обратив на себя внимание, подмигнул на старика.

– Все болтает, все болтает табачная держава наша, – сказал он. – А что, и сам не знает.

Так думали, глядя на старика, и Меженецкий, и его сотоварищи по камере. Старик же хорошо знал, что говорил, и то, что он говорил, имело для него ясный и глубокий смысл. Смысл был тот, что злу недолго остается царствовать, что агнец добром и смирением побеждает всех, что агнец утрит всякую слезу, и не будет ни плача, ни болезни, ни смерти. И он чувствовал, что это уже совершается, совершается во всем мире, потому что это совершается в просветленной близости к смерти душе его.

– Ей гряди скоро! Аминь. Ей гряди, господи Иисусе! – проговорил он и слегка значительно и, как показалось Меженецкому, сумасшедше улыбнулся.

ХІІІ

«Вот он, представитель народа, – подумал Меженецкий, выходя от старика. – Это лучший из них. И какой мрак! Они (он разумел Романа с его друзьями) говорят: с таким народом, каков он теперь, ничего нельзя сделать».

Меженецкий одно время работал свою революционную работу среди народа и знал всю, как он выражался, «инертность» русского крестьянина, сходил и с солдатами на службе и отставными и знал их тупую веру в присягу, в необходимость повиновения и невозможность рассуждением подействовать на них. Он знал все это, но никогда не делал из этого знания того вывода, который неизбежно вытекал из него. Разговор с новыми революционерами расстроил, раздражил его.

«Они говорят, что все то, что делали мы, что делали Халтурин, Кибальчич, Перовская, что все это было не нужно, даже вредно, что это-то и вызвало реакцию Александра III, что благодаря им народ убежден, что вся революционная деятельность идет от помещиков, убивших

царя за то, что он отнял у них крепостных. Какой вздор! Какое непонимание и какая дерзость думать так!» – думал он, продолжая ходить по коридору.

Все камеры были закрыты, исключая одной той, в которой были новые революционеры. Подходя к ней, Меженецкий услышал смех ненавистной ему брюнетки и трескучий, решительный голос Романа. Они, очевидно, говорили про него. Меженецкий остановился слушать. Роман говорил:

– Не понимая экономических законов, они не отдавали себе отчета в том, что делали. И большая доля тут была...

Меженецкий не мог и не хотел дослушать, чего тут была большая доля, но ему и не нужно было знать этого. Один тон голоса этого человека показывал то полное презрение, которое испытывали эти люди к нему, к Меженецкому, герою революции, погубившему двенадцать лет жизни для этой цели.

И в душе Меженецкого поднялась такая страшная злоба, какой он еще никогда не испытывал. Зло на всех, на все, на весь этот бессмысленный мир, в котором могли жить только люди, подобные животным, как этот старик, с своим агнцем, и такие же полуживотные палачи и тюремщики, эти наглые, самоуверенные, мертворожденные доктринеры.

Вошел дежурный вахтер и увел политических женщин на женскую половину. Меженецкий отошел в дальний конец коридора, чтобы не встречаться с ним. Вернувшись, вахтер запер дверь новых политических и предложил Меженецкому войти к себе. Меженецкий машинально послушался, но попросил не запираť своей двери.

Вернувшись в свою камеру, Меженецкий лег на койку лицом к стене.

«Неужели в самом деле так понапрасну погублены все силы: энергия, сила воли, гениальность (он никогда никого не считал выше себя по душевным качествам) погублены задаром!» Он вспомнил недавно, уже по дороге в Сибирь, полученное им письмо от матери Светлогуба, упрекавшей его по-женски, глупо, как он думал, за то, что он погубил ее сына, увлекши в террористическую партию. Получив письмо, он только презрительно улыбнулся: что могла понимать эта глупая женщина о тех целях, которые стояли перед ним и Светлогубом. Но теперь, вспомнив письмо и милую, доверчивую, горячую личность Светлогуба, он задумался сначала о нем, а потом и о себе. Неужели вся жизнь была ошибка? Он закрыл глаза и хотел заснуть, но вдруг с ужасом почувствовал, что возвратилось то состояние, которое он испытывал первый месяц в Петропавловской крепости. Опять боль в темени, опять рожи, большепотые, мохнатые, ужасные, на темном фоне с звездочками, и опять фигуры, представляющиеся открытым глазам. Новое было то, что какой-то уголовный в серых штанах, с бритой головой, качался над ним. И опять, по связи идей, он стал искать отдушника, на котором можно бы было утвердить веревку.

Невыносимая злоба, требующая проявления, жгла сердце Меженецкого. Он не мог сидеть на месте, не мог успокоиться, не мог отогнать своих мыслей.

«Как? – стал он уж задавать себе вопрос. – Разрезать артерию? Не сумею. Повеситься? Разумеется, самое простое».

Он вспомнил о веревке, которой была перевязана вязанка дров, лежащая в коридоре. «Стать на дрова или на табуретку. В коридоре ходит вахтер. Но он заснет или выйдет. Надо выждать и тогда унести к себе веревку и утвердить на отдушнике».

Стоя у своей двери, Меженецкий слушал шаги вахтера в коридоре и изредка, когда вахтер уходил в дальний конец, выглядывал в отверстие двери. Вахтер все не уходил и все не засыпал. Меженецкий жадно прислушивался к звукам его шагов и ожидал.

В это время в той камере, где был больной старик, среди темноты, чуть освещаемой коптящей лампой, среди сонных ночных звуков дыхания, ворчания, кряхтения, храпа, кашля происходило величайшее в мире дело. Старик раскольник умирал, и духовному взору его открылось все то, чего он так страстно искал и желал в продолжение всей своей жизни. Среди

ослепительного света он видел агнца в виде светлого юноши, и великое множество людей из всех народов стояло перед ним в белых одеждах, и все радовались, и зла уже больше не было на земле. Все это совершилось, старик знал это, и в его душе и во всем мире, и он чувствовал великую радость и успокоение.

Для людей же, бывших в камере, было то, что старик громко хрипел предсмертным хрипом, и сосед его проснулся и разбудил других; и когда хрип кончился и старик затих и похолодел, товарищи его по камере стали стучать в дверь.

Вахтер отпер дверь и вошел к арестантам. Минут через десять два арестанта вынесли мертвое тело и понесли его вниз в мертвецкую. Вахтер вышел за ними и запер дверь за собою. Коридор остался пустой.

«Запирай, запирай, – подумал Меженецкий, следивший из своей двери за всем, что делалось: – Не помешаешь мне уйти от всего этого нелепого ужаса».

Меженецкий не испытывал уже теперь того внутреннего ужаса, который до этого томил его. Он весь был поглощен одной мыслью: как бы что-нибудь не помешало ему исполнить свое намерение.

С трепещущим сердцем он подошел к вязанке дров, развязал веревку, вытянул ее из-под дров и, оглядываясь на дверь, понес к себе в камеру. В камере он влез на табуретку и накинул веревку на отдушник. Связав оба конца веревки, он перетянул узел и из двойной веревки сделал петлю. Петля была слишком низко. Он вновь перевязал веревку, опять сделал петлю, примерил на шею и, беспокойно прислушиваясь и оглядываясь на дверь, влез на табуретку, всунул голову в петлю, оправил ее и, оттолкнув табуретку, повис...

Только при утреннем обходе вахтер увидел Меженецкого, стоявшего на согнутых в коленях ногах подле лежавшей на боку табуретки. Его вынули из петли. Прибежал смотритель и, узнав, что Роман был врач, позвал его, чтобы оказать помощь удушеннику.

Были употреблены все обычные приемы для оживления, но Меженецкий не ожил.

Л. Н. Толстой

4 НОЯБРЯ (Слово)

Споры всегда больше содействуют затемнению, чем уяснению истины.

Истина должна созреть в уединении. Когда же она созреет, она так ясна, что принимается без спора.

1

Большая сила в человеке, который сумеет промолчать, хотя он и прав.
Катон

2

Воздержись от спора – спор есть самое невыгодное условие для убеждения. Мнения – как гвозди: чем больше по ним колотить, тем больше они влезают.
Ювенал

3

Если кто вас опечалил или оскорбил, остерегайтесь возражать, пока вы встревожены, а если необходимо оправдание, то прежде всего успокойте свое душевное волнение.
Из «Благочестивых мыслей»

4

Не утверждайте того, в чем вы не совершенно уверены. Не верьте легко всему что слышите.
Из «Благочестивых мыслей»

5

Если ты не можешь тотчас же утишить гнев, удержи язык. Помолчи, и ты скорее успокоишься.
Бакстер

6

Можешь ли ты разумно негодовать на человека, одержимого каким-нибудь отвратительным недугом. Чем он виноват, что его соседство тебе противно. Точно так же относись и к нравственным недугам.

«Но, – скажешь ты, – у человека есть разум, с помощью которого он может сознавать свои пороки». Это верно. Следовательно, и ты обладаешь разумом и можешь разумным обхождением привести ближнего к сознанию своих недостатков; так прояви же свой разум, сумей пробудить в человеке совесть и исцели ею слепоту без гнева, нетерпения и надменности.

Марк Аврелий

7

Слово – ключ сердца. Если разговор ни к чему не ведет, то и одно слово – лишнее.

Китайское изречение

8

Когда ты один, думай о своих грехах, когда в обществе – забывай чужие грехи.

Китайское изречение

Чем больше хочется говорить, тем больше опасность, что скажешь дурное.

5 НОЯБРЯ (Сила мысли)

Мысль есть уяснение истины, и потому дурные мысли – это только недодуманные мысли.

1

То, что еще спокойно, может быть удержано в покое. То, что еще не появилось, может быть легко предупреждено. То, что еще слабо, может быть легко сломано. То, чего еще мало, может быть легко рассеяно.

Заботьтесь о вещах прежде, чем они существуют. Учреждайте порядок прежде, чем начнутся беспорядки.

Толстое дерево началось с тонкого прута. Девятиэтажная башня началась с кладки малых кирпичей. Путешествие в тысячу верст начинается с одного шага. Будьте внимательны к своим мыслям – они начало поступков.

По Лао-Тсе

2

С самого утра надо следить за собой и сказать себе: я могу сейчас прийти в столкновение с человеком дерзким, неблагодарным, наглым, лицемерным, докучливым или озлобленным, ибо такими пороками одержим всякий, не знающий, что хорошо и что дурно. Но если я сам твердо знаю, в чем добро и зло, понимаю, что зло для меня есть только то дурное дело, которое я сам делаю, то никакой обидчик не может повредить мне, ибо никто не может заставить меня, против воли моей, делать зло. Если же я вдобавок помню еще и то, как близок мне всякий человек, не по плоти и крови, а по духу, который в каждом из нас от бога и составляет ту сущность нашу, которая выше плоти, то я не могу сердиться или негодовать на столь близкое мне существо, ибо мы сотворены друг для друга, призваны помогать друг другу, как рука – руке, нога – ноге, как глаза и зубы, которые всегда заодно помогают друг другу. Поэтому отворачиваться от ближнего, оскорбившего нас, противно истинной природе нашей. Однако против этого грешит всякий человек, ненавидящий другого за обиду.

Марк Аврелий

3

О, ты, ищущий истины, владей своими мыслями, если ты хочешь достигнуть своей цели! Устремь взор своей души на тот единый чистый свет, который свободен от страсти.

Браминская мудрость

4

Для того чтобы пламя могло дать спокойный свет, нужно, чтобы светильник был поставлен в защищенное от ветра место. Ежели же пламя подвергнуто переменяющимся ветрам, то оно будет дрожать и кидать обманчивые тени, темные и странные. Такие же тени будут бросать дурные мысли на белую поверхность твоей души.

Браминская мудрость

5

В суете мира и среди возбуждения соблазнов некогда искать средств противодействия нашим желаниям.

Установи свои цели тогда, когда ты один и отсутствуют соблазны. Только тогда ты будешь в силе бороться с искушающими тебя соблазнами.

Бентам

6

Размышление – путь к бессмертию, легкомыслие – путь к смерти. Бодрствующие в размышлении не умирают никогда, легкомысленные, неведущие подобны мертвым.

Пробуждай сам себя, – тогда, защищенный собою и бодро внимлющий, ты будешь неизменен.

Буддийская мудрость (Дхаммапада)

Нельзя отогнать дурную мысль, когда она появилась в уме, но можно понять, что появившаяся мысль дурная, и можно вызвать те мысли, которые ослабят или уничтожат ее. Появилась мысль о недостатках ближнего: я не могу отогнать ее, но, поняв, что мысль эта дурная, могу вызвать мысль о том, что осуждение дурно, что я сам плох, что в нем тот же Бог, как и во мне, и что поэтому я не могу не любить его.

6 НОЯБРЯ (Осуждение)

Осуждение ближнего неразумно: оно ни на что не нужно, а между тем вредно и себе и другим.

1

Когда в конце вечернего собрания один из гостей простился и вышел, оставшиеся стали судить о нем и сказали про него много дурного. То же было и со вторым ушедшим. Так разошлись все гости до одного. «Позвольте мне остаться ночевать, – сказал этот последний. – Я слышал, как пострадали все ушедшие, и боюсь за себя».

2

Пословица говорит: об умерших говори доброе или молчи. Я думаю, что наоборот надо не говорить дурного о живых, потому что это может сделать им больно и испортить их отношение к живым, но о мертвых, о которых принято говорить льстивую ложь, ничто не мешает говорить полную правду.

3

Осуждение тем особенно дурно, что то самое суждение о недостатках человека, которое, будучи сказано в глаза, могло бы быть полезно ему, скрывается от того, кому оно может быть нужно, и сообщается тем, кому оно вредно, возбуждая в них дурное чувство к осуждаемому.

4

Будьте строги к самим себе и снисходительны к другим, и вы не будете иметь врагов.
Китайская мудрость

5

Человек перестает осуждать других, как только победит самого себя.

6

Я знал старичка, который нарочно растягивал слова так, что проходило несколько секунд между каждым словом. Он делал это умышленно, боясь согрешить словом.

7

Мы все дурны, и потому все то, что мы осуждаем в других, мы всегда найдем в себе. Давайте же прощать друг другу. Одно средство жить нам в мире – это взаимное прощение.

Слово – выражение мысли, мысль – проявление божеской силы, и потому слово должно соответствовать тому, что оно выражает. Оно может быть безразлично, но не может и не должно быть выражением зла.

7 НОЯБРЯ (Бессмертие)

Можно смотреть на жизнь, как на сон, и на смерть – как на пробуждение.

1

Я не могу отрешиться от мысли, что я умер прежде, чем родился, и в смерти возвращаюсь снова в то же состояние. Умереть и снова ожить с воспоминанием своего прежнего существования – мы называем обмороком; вновь пробудиться с новыми органами – значит родиться.

Лихтенберг

2

Если я умертвил животное – собаку, птичку, лягушку, даже хотя бы только насекомое, то, строго говоря, все-таки немислимо, чтобы от моего злобного или легкомысленного поступка могло превратиться в ничто это существо, или, вернее, та первоначальная сила, благодаря которой это столь удивительное явление еще минуту тому назад представало пред нами во всей своей энергии и жизнерадостности. А с другой стороны, миллионы животных всякого рода, каждое мгновение вступающих в жизнь в бесконечном разнообразии, полных силы и стремительности, – не могли совершенно никогда не существовать до акта своего рождения и не бывши ничем – начать быть. Если, таким образом, я замечаю, что одно скрывается у меня из виду неведомо куда, а другое появляется неведомо откуда, и притом то и другое имеет одинаковую форму и сущность, одинаковый характер, но только не одну и ту же материю, которая, впрочем, и в продолжение их существования непрестанно отбрасывается и заменяется новой, – то само собой напрашивается предположение, что то, что исчезает, и то, что становится на его место, есть одно и то же существо, испытавшее лишь небольшое преобразование, обновление формы своего существования и, стало быть, то, что сон для индивида, то смерть для вида.

Шопенгауэр

3

Во сне мы живем почти так же точно, как и наяву. Паскаль говорит, что если бы мы видели себя во сне постоянно в одном и том же положении, а наяву в различных, то мы считали бы сон за действительность, а действительность за сон.

Это не совсем справедливо.

Действительность отличается от сна тем, что в действительной жизни мы обладаем нашей способностью поступать сообразно с нашими нравственными требованиями. Во сне же мы часто знаем, что совершаем отвратительные, безнравственные поступки, но не властны удержаться. Так что я бы сказал, что если бы мы не знали жизни, в которой бы мы были более властны в удовлетворении нравственных требований, чем во сне, то мы сон считали бы вполне жизнью и никогда не усомнились бы в том, что это не настоящая жизнь.

Теперь наша вся жизнь, от рождения до смерти, со своими снами не есть ли, в свою очередь, сон, который мы принимаем за действительность, за действительную жизнь и в действительности которой мы не сомневаемся только потому, что не знаем жизни, в которой наша свобода следовать нравственным требованиям души была бы еще больше, чем та, которой мы владеем теперь.

4

Я не жалею о том, что родился и прожил здесь часть моей жизни, потому что я жил так, что имею причину думать, что принес некоторую пользу. Когда же придет конец, то я оставлю жизнь так же, как я бы ушел из гостиницы, а не из своего настоящего дома, потому что я думаю, что пребывание наше здесь предназначено нам, как переходное и только временное.

Цицерон

5

Если бы я даже ошибался, полагая, что душа бессмертна, я был бы счастлив и доволен своей ошибкой; и пока я живу, ни один человек не в силах отнять у меня эту уверенность, которая дает мне такое неизменное спокойствие, такое полное удовлетворение.

Цицерон

Мы неправильно ставим вопрос, когда спрашиваем: что будет после смерти? Говоря о будущем, мы говорим о времени, а умирая, мы уходим из времени.

8 НОЯБРЯ (Бог)

Сознание нашей жизни по отношению к Богу есть то же, что наши чувства по отношению к миру, к вещам. Не было бы чувств, мы ничего не знали бы о мире, о вещах; не было бы в нас сознания нашей жизни – мы ничего бы не знали о Боге.

1

Есть только один способ чтить Бога. Способ этот в том, чтобы исполнять свои обязанности и поступать согласно законам, данным разумом. Бог существует – это, по моему мнению, не может означать ничего другого, кроме того, что я, сохраняя свою свободную волю, чувствую себя вынужденным поступать по Правде. Это Бог. Вообще Бога познает сердце наше, и сделать это познание понятным разуму, несомненно, трудно, если не совсем невозможно. Вопрос еще, мог ли бы один разум, без сердца, дойти когда-нибудь до Бога. После того как сердце познало Бога, стал искать его и разум.

Лихтенберг

2

Идея Бога, несмотря на все свое величие, есть идея нашей духовной природы, только очищенная и возвеличенная до бесконечности.

Основа понятия Божества находится в нас.

Чаннинг

3

Бояться Бога хорошо, но еще лучше – любить. Лучше же всего воскресить Его в себе.

Ангелус Силезиу

4

Найти Бога можно только в себе.

Ангелус Силезиус

5

Хороший работник, наверное, не знает всех подробностей жизни хозяина, а только ленивый работник старается, ничего не делая, разузнать о жизни и вкусах хозяина, чтобы угодить ему. То же отношение человека к Богу. Важно то, чтобы признавать Его хозяином и знать, чего Он от меня требует; а что Он сам такое и как Он живет, я никогда не узнаю, потому что я Ему не пара, я – работник, а не хозяин.

Понимают Бога каждый, как ему свойственно, но исполняют волю Его все одинаково.

9 НОЯБРЯ (Гордость)

Себялюбие есть начинающаяся гордость. Гордость – это незадержанное распустившееся себялюбие.

1

Кто не питает отвращения к своему самолюбию, к тому свойству, которое заставляет его ставить себя выше всего в мире, тот вполне ослеплен, потому что это противоречит и справедливости и истине. Противоречит справедливости потому, что все желают того же, т. е. быть выше других, и противоречит истине потому, что нельзя быть выше всего в мире.

Паскаль

2

Есть два сорта людей: одни – праведны, но считают себя грешниками; другие грешны, но считают себя праведниками.

Паскаль

3

Человек – дробь. Числитель – это его внешние, телесные и умственные качества, сравнительно с другими; знаменатель – это оценка человеком самого себя. Увеличить своего числителя – свои качества – не во власти человека, но уменьшить своего знаменателя – свое мнение о самом себе, и этим уменьшением приблизиться к совершенству – во власти каждого человека.

4

Чем легче и менее плотно вещество, тем больше оно занимает места. Так же легковесны и те достоинства, которые приписывает себе гордый человек.

5

Много есть людей, ставящих себя учителями других, тогда как им самим надо только начинать учиться.

Восточная мудрость

6

Плохое колесо всегда громче скрепит. Пустой колос выше стоит. Таково же и свойство гордости.

7

Низшая природа человеческая противна смирению, сердце человеческое возмущается при одной мысли о презрении, об унижении, и мы тщательно скрываем все, что может унижить нас в глазах других, мы стараемся скрыть худое в себе даже от самих себя; мы не хотим видеть себя такими, каковы мы на самом деле. Чем сильнее в нас это свойство, тем нужнее нам бороться с ним.

Главное дело жизни есть совершенствование. А какое же возможно совершенствование, когда человек, как всякий гордец, вполне доволен собой.

10 НОЯБРЯ (Лжеучение)

С того часа, как первые члены соборов сказали: «изволися нам и святому духу», т. е. вознесли внешний авторитет выше внутреннего, признали результат жалких человеческих рассуждений на соборах важнее и святее того единого истинно святого, что есть в человеке, — его разума и совести, с того часа началась та ложь, ублаживающая и тела и души людей, которая погубила миллионы человеческих существ и продолжает до сей поры свое ужасное дело.

1

Как ни странно может это показаться, несомненно то, что только в тех учениях, которые назывались ересями, проявлялось и двигалось, т. е. уяснилось и осуществлялось христианство. Ереси могли заключать в себе заблуждения, но могли заключать в себе и истинное христианство; учения же, признаваемые государственными, поддерживаемые властью, насилием, не могли быть христианством, так как основа их, насилие, была антихристианская. Католичество, православие, лютеранство, англиканство не могли быть христианскими учениями, потому что отрицали одно из основных требований христианства — любовное вразумление, и на место его употребляли самые антихристианские приемы насилия, доходившие до величайших мучительств, казней, сожжений. Все эти соединившиеся с государственной властью церкви, которые недаром сектанты называют апокалипсической блудницей, не только никогда не были христианскими, но и всегда были злейшими врагами христианства и продолжают и теперь, не раскаиваясь в своих преступлениях, а признавая все свое прошедшее священным, хотя и в более мягких формах, точно так же бороться против истинного христианства, представляя из себя главное препятствие для восприятия народами открытой им истины.

2

Англиканство было с самого начала самым раболепным и усердным слугою угнетения, старавшимся с помощью светской власти и посредством пышной торжественности достигнуть того же положения, которого достиг католицизм в Европе. Оно при каждом трудном случае обращалось к помощи государственной власти.

Лекки

3

В 1682 году в Англии доктор Лейтон, почтенный человек, написавший книгу против епископства, был судим и приговорен к следующим, совершенным над ним, наказаниям. Его жестоко высекли, потом отрезали одно ухо и распороли одну сторону носа, потом горячим железом выжгли на щеке буквы SS: сеятель смут. После семи дней его опять высекли, несмотря на то, что рубцы на спине еще не зажили, и распороли другую сторону носа, и отрезали другое ухо, и выжгли клеймо на другой щеке. Все это было сделано во имя христианства.

Морисон Давидсон

4

Христос не основывал никакой церкви, не устанавливал никакого государства, не дал никаких законов, никакого правительства, ни внешнего авторитета, но Он старался написать закон Бога в сердцах людей с тем, чтобы сделать их самоуправляющимися.

Гербер Ньютон

5

В 1415 году Иоанна Гуса за его обличение безбожных поступков папы признали еретиком, судили и приговорили к смерти без пролития крови, т. е. к сожжению.

Место казни находилось за городскими воротами, между садами, подле Рейна. Когда Гуса привели на место казни, он упал на колени и стал молиться. Когда палач велел ему войти на костер, Гус выпрямился и сказал громко:

– Иисусе Христе! Эту ужасную, позорную смерть я терплю ради проповеди Твоего слова; буду терпеть покорно и со смирением!

Палачи раздели Гуса и привязали ему руки назад к столбу; ноги Гуса стояли на скамье. Вокруг него положили дрова и солому. Костер достигал Гусу до подбородка. В последний раз имперский маршал фон-Поппенгейм предложил Гусу спасти жизнь отречением от ереси.

– Нет, – сказал Гус, – я не знаю за собою вины.

Тогда палачи зажгли костер.

Гус запел гимн: «Христе, Сыне Бога живого, помилуй меня!» Пламя, раздуваемое ветром, поднялось высоко, и Гус вскоре умолк.

6

Говорят, истинно верующие составляют церковь. Есть ли эти истинно верующие, или нет их, мы не можем знать. Каждый из нас естественно желал бы быть таким истинно верующим, и каждый старается быть им; но никто не может сказать ни про себя, ни про тех, которые верят так же, как он, что они одни истинно верующие. Тот, кто может сказать это, этим самым отрекается от истинного христианства.

Если есть церковь, то она не может быть видна тем, кто находится в ней.

Недельное чтение

Христианство и разделение людей

Христианский писатель Петр Хельчицкий написал в 15 веке сочинение «Сеть веры», обличающее церковь. В сочинении этом упадок веры христианской Петр Хельчицкий объясняет тем, что император и папа, признав себя христианами, извратили истинное христианство. И это извращение ими истинной веры Хельчицкий сравнивает с раздиранием рыболовной сети большими рыбами. Как все пойманные рыбы ушли в дыры, сделанные большими рыбами, так и все пойманные в сети Христа люди лишились веры вследствие извращения ее папами и императорами.

Дальше приводим слова самого Хельчицкого.

Уловленные апостолами долго удерживались в целой, неповрежденной сети, но когда после них с течением времени люди, чувствуя себя безопасными, заснули, явился враг и насеял плевел между пшеницею, и плевелы так размножились, что пересилили пшеницу и ослабили ее. Крепким сном объаты были христиане в то время, когда император наделил первосвященника имуществом и властью; бесчувственные от тяжкого сна, они дерзнули отвергнуть нищету, в которой пребывали во имя Христово, и променять ее на владычество и честь императорскую и даже выше императорской. Сначала укрывались они в ямах, пещерах и лесах, а потом, глядь, сам император возит священника по Риму, посадив его на белую кобылу. Этим была нарушена чистота и невинность апостольского звания. Поэтому сеть Петрова сильно разодралась, когда вошли в нее эти два великих кита, т. е. первосвященник с королевским владычеством и честью, превышающею императорскую, и император, ввалившийся под кожу веры с языческою властью и должностями. Когда оба эти кита повернулись в сети, она так разодралась, что теперь немного уже остается от нее в целости. От этих двух китов народились множество неправдивых сословий, которые, в свою очередь, дерут сеть веры: во-первых, монахи различного покроя и цвета, потом ученые люди, школьные, университетские, затем настоятели приходов; потом из неученых: разные дворянские роды, украшенные гербами, потом сословия горожан. Каждое из этих собраний и сословий стремится господствовать, приобретая себе земли или хитростью, или насилием, или куплею, или по наследству. Одни из них планы духовные, другие – светские.

Церковь римская разделилась на три части: светские паны, короли и князья дерутся и защищают церковь, духовенство – молится, а третью часть составляет рабочий люд, который должен обеспечивать телесные потребности первых двух частей. Какое неравенство происходит от такого разделения! Двум сторонам хорошо: они праздны, много жрут, им нипочем тратить деньги или лежать на третьей стороне, подобравши ее под себя, а эта третья сторона в страданиях несет на себе роскошь тех двух обжор. Такое разделение противно Христову учению, по которому весь свет должен составлять едино множество, едино сердце и един дух.

Более всего разодрали сеть веры и дерут ее постоянно два сильных кита: главный владыка духовный и главный владыка светский. *Владыка духовный* – папа – нарушает закон Христов тем, что, отвергнув нищету, труд, проповедь и другие пастырские обязанности, он приобрел светскую власть и почет и требует, чтобы перед ним кланялись до земли, как перед Богом. Он размножил свои законы, противные закону Божию и вере, так что из-за этих законов люди забыли закон Божий и веру и думают, что вера есть не что иное, как законы великого священника. Во всех своих священных действиях духовенство руководствуется этими законами: оно иначе не умеет молиться, как бормоча установленные законами и нарочито составленные часы, которыми исписаны толстые книги. Считается молитвою, когда в церкви во всеуслышание один поп перекидывается с другим словами и стихами. Невежественный народ, не рассуж-

дая, принимает все это за веру христианскую, и неудивительно, потому что о вере он только и слышал, что Бога можно видеть в церкви да что в воскресенье нельзя пахать.

Другой кит, ввалившийся в сеть веры и разодравший ее, есть *император с языческим управлением*, языческими учреждениями, с языческими правами и законами. До принятия христианства Константином христиане руководились одним законом Христовым без примеси папских и императорских постановлений, не имели короля из своей среды и должны были только платить дань и исполнять другие повинности, как подданные язычников. Когда же император Константин был принят в веру с языческим управлением и языческими законами, тогда невинность и чистота христиан была нарушена.

Нельзя перечислить всех языческих особенностей, которыми осквернена истинная вера и богопочитание; скажем о некоторых, имеющих отношение к императору. Желая господствовать над христианами, Константин и его преемники должны были бы показывать пример самого высокого благочестия, а между тем они живут среди христиан, отступая от веры и совершая дела самые богопротивные. И их слуги и челядь ведут также самую недостойную жизнь, так что они являются в христианском обществе падалью, которая смрадом своим всех заражает. А духовенство и магистры еще оправдывают их, как третью сторону церкви сатанинской, и говорят: «Так подобает их сану, придворные люди должны быть веселыми, свободными, развязными».

Император пользуется языческою властью своевольно, с гордым довольством и смелостью, вовсе не помышляя о том, что он христианин и властвует над христианами. *Не так еще важны телесные притеснения*, которые делает император своим подданным, облагая их податями и т. п.: этим наносится ущерб имуществу, и люди обременяются тяжелою работою, но совесть от этого не страдает, если только все эти стеснения переносятся терпеливо. Гораздо важнее то, что светская власть не вменяет себе в грех убивать людей и учинять всякие насилия и заставляет христиан ходить войною друг на друга, и таким образом, *преступать заповедь Христову*.

Состояние первой церкви, когда язычники не имели ничего общего с христианами, было самое благоприятное для христиан и могло бы существовать до настоящего времени, если бы по козням сатаны и по слепоте двух лиц, Сильвестра и Константина, не был влит яд в христианство, т. е. власть папская и императорская. С церковью Христовою совершилось подобное тому, что было с иудеями. Прибыв в землю обетованную, они прожили там более четырехсот лет, не имея над собою никаких земных владык и находясь только под охраною Бога и Его закона, но потом, отвергнув Бога, они стали просить у Самуила царя. Желание их было исполнено, но во свидетельство великого греха, ими учиненного, Бог послал знамение: гром и дождь. Подобное произошло и с христианами с тою лишь разницею, что иудеи желали иметь царя из привязанности к земному, надеясь, что их земные дела пойдут лучше при царе земном, чем при царе небесном; христиане же не отвергали Бога и не желали иметь царя с языческим управлением, но это совершилось *под видом блага для церкви*, которого ждали от принятия императором христианской веры. Последствия оказались противоположные: чего император прежде не мог ввести между христианами, подвергая их мукам, то он ввел под видом приязни к ним и, соединившись с ними верою, увлек их в языческое неверие. Виновны в этом зле Сильвестр и Константин, но не менее виноваты и те последующие христиане, которые, считая себя совершеннейшими и мудрейшими в понимании веры, *доказывают необходимость светской власти для блага церкви*.

С течением времени ко множеству рыб, уловленных апостолами, или, иначе, ко множеству верующих, присоединилось много рыб, или сбродов людей, которые разодрали сеть веры. Эти сброды не хотят пребывать в вере или следовать ей, а тянут веру за собою и, имея каждый свои особенности, противные вере, хотят, чтобы они признавались за веру. Прежде всего поведем речь о сбродах и поколениях, украшенных гербами.

Эти многообразные поколения, украшенные гербами, ведут жизнь, противную заповедям Божиим, и превосходят других людей в поругании Сына Божия. Эти поколения вдвойне рождаются во грехе: 1) во грехе Адамовом, как и все люди, и 2) с греховным сознанием благородства своего происхождения. В силу этого благородства они стараются выделить себя перед другими людьми всем, чем только можно: именами, манерою себя держать, одеждою, пищею, постройкою жилища, правами и обращением. Во всем их образе жизни, обычаях и речи выражается тщеславие. Они стремятся обладать всеми благами тела и света, чтобы пользоваться почетом и славою, и избегают всего неприятного, что должны переносить люди за свои грехи. Им неприличны усиленный труд, терпение, преследование, простота, унижение, услужливость: им нужна жизнь свободная, праздная, легкая, пресыщение земными благами, чистота, красота, одежда особых затейливых и изящных покровов; они должны задавать роскошные пиры на удивление всем, как боги и богини; им нужны чистые и мягкие ложа, речь сладкая и вкрадчивая, исполненная лести, с приговариванием: «не угодно ли вашей милости». Благородство заставляет их прибегать к частым и отвратительным омовениям с помощью прислужников, доходящим до мерзости: благородство заставляет их белиться; наконец, благородство требует языческого господства, и действительно, это поколение, украшенное гербами, захватило землю и приобрело власть над другими людьми. Страданиями и потом холопов и «крепкоголовых дураков» оно может доказать свое благородство, и стоит только холопу перестать работать, как все это благородство поблекнет и сравняется с пастушьим.

Благородство происхождения основывается на языческом обычае добывать гербы от императоров и королей. Одни приобретают их службою в воздаяние за какие-нибудь геройские поступки; другие же покупают их для почета, например ворота, волчью или собачью голову, лестницу, полконя, трубу, ножи, свиную колбасу и т. п. На этих гербах и держится все благородство, и вся цена ему та же, что и гербам. Не будь денег для его поддержки, голод заставил бы бросить гербы да взяться за плуги. Не в гербах, а в деньгах главная сила благородства, и когда нет денег, пан сравнивается с холопом и, стыдясь приняться за работу, не имеет и хлеба на обед.

Двойное рождение благородного сословия – во грехе Адамовом и в сознании своего благородства, основанного на гербах, влечет за собою новые и многочисленные грехи. Сознание благородства порождает тщеславие, отсутствие смирения и терпения. Назови кто-нибудь пана подлым или холопом, он тотчас же потянет его в суд, чтобы очистить себя от холопства и подлости. Другие грехи, вытекающие из того же источника, – праздность, стремление к роскоши, языческому господству, жестокость, насилие. А духовенство потворствует этим грехам и говорит панам: «В этом нет вреда, это следует или это подобает вашему сану». Такими и подобными речами оно как бы увлажняет эти грехи, чтобы они скорее росли, и обращает их в добродетели.

Грехи эти от родителей переходят к детям, которых они воспитывают в тех же заблуждениях, в которых пребывают сами, и таким образом отнимается от Бога его творение. По благородству своего происхождения паны считают нужным посылать своих детей ко дворам в немецкие земли, чтобы они научились там разным похвальбам и иным мерзостям, приличиям, вежливым позам с поклонами и опились тем ядом, который подносят при дворах. Все это происходит от тщеславия: они слишком любят мирское величие, и так как дома им трудно этого достигнуть, то они и посылают детей к великим людям, чтобы через них достигнуть какого-нибудь почета, чтобы старшим было чем похвастаться, что вот-де сын ваш был у короля коморником, а дочка у королевы хвост оправляет или носит. До такой степени размножились эти гербовые поколения, что земли им становится мало. Все хотят господствовать в богатстве, а иным не на что: многих гнетет бедность, а работать не хотят, работы стыдятся, а глотка у всех большая. Иные должают без конца, выманивая деньги льстивыми речами и разными обещаниями, а работать ни за что не хотят, чтобы не опозорить трудом своего благородного происхождения. Обширнейшими и наилучшими землями завладели эти паны, и обратились эти земли

в пустыни, и волки по ним бегают, а сами они по-придворному встают, садятся и проводят все время в бесконечных разговорах о разных новостях. В св. писании нет нигде указаний, чтобы одни люди были лучшего рода, чем другие. Сам Соломон признавал свое ничтожество, а если в Ветхом и Новом завете встречается слово «благородный», то оно означает благородство, основанное на добродетелях и мудрости. Как гнусна жизнь этих благородных людей, так гнусна и одежда, которую носят мужчины и женщины. Вообще ни язычники, ни иудеи не оскверняли веру Христову в такой степени, как эти поколения, основанные на гербах и неправо примешавшиеся к вере. Они и Богу не угодны, и людям во вред и в тягость. Рабочий люд несет на себе бремя их благородства, а они готовы проглотить его, и все, что только есть на земле доброго, стараются захватить и проглотить. Великий вред от них всем людям происходит оттого, что они всех облачают в себя и заражают собою других, как труп с терпким смрадом, что морит людей. Прежде всего они облачают в себя своих детей и слуг, уча их тщеславию и всем придворным поступкам, а затем и городское сословие перенимает от них их образ жизни.

Все это написано для того, чтобы познан был в этих сброды гербовых тот антихрист, о котором говорит ап. Павел, называя его человеком беззакония и сыном погибели.

11 НОЯБРЯ (Усилие)

Совершенство нравственное недостижимо, но приближение к нему есть закон жизни человеческой.

1

Нет никакого нравственного закона, если я не могу исполнять его. Люди говорят: мы рождены эгоистами, скупыми, похотливыми и не можем быть иными.

Нет, мы можем. Первое дело – сердцем почувствовать, чем мы должны быть. И это чувство даст нам силу.

Солтер

2

Вы – свободные деятели, и вы это чувствуете. Всевозможные софизмы той жалкой философии, которая старается противопоставить фаталистическое учение громкому голосу человеческой совести, человеческого сознания, не в силах были заставить замолчать двух неподкупных свидетелей человеческой свободы: укоров совести и величия мученичества. Начиная с Сократа и до Христа и от Христа вплоть до тех людей, которые из века в век умирают за истину, все мученики веры протестуют против этого рабского учения и громко говорят нам: «Мы тоже любили жизнь и всех людей, которыми жизнь наша была красна и которые умоляли нас прекратить борьбу. Каждое биение нашего сердца громко взывало к нам: живи! но ради исполнения долга мы предпочли смерть». И начиная с Каина и вплоть до самого жалкого шпиона наших дней, все изменники и предатели, избравшие путь зла, слышат в глубине души голос осуждения, укора, голос, не дающий им покоя, который вечно твердит им: «Зачем вы свернули с истинного пути? Вы деятели свободные, а стало быть, ответственны за свои поступки».

Мадзини

3

Если ты спросишь: «что же делать?», то позволь мне ответить: что таков, каков ты теперь, ты ничего сделать не в силах. Дело, которое тебе предстоит сейчас, состоит в том, чтоб по возможности перестать быть пустым отголоском своего и чужого себялюбия и легкомыслия и стать хотя бы и не великой, но честной душой. Ты должен заглянуть в себя и убедиться, есть ли там хоть след души. До тех пор ничего нельзя сделать. О, братья, мы должны, насколько возможно, восстановить в себе душу и совесть, заменить наше легкомыслие искренностью и наши мертвые, каменные сердца живыми! Только тогда мы начнем понимать предстоящий нам бесконечный ряд хороших дел в их более

или менее ясной последовательности. Сделайте первый шаг, и второй будет легче, яснее, выполнимее.

Карлейль

4

Человек уронил дорогой жемчуг в море и, чтоб достать его, стал черпать ковшом воду. Морской дух вышел и спросил: «Скоро ли ты перестанешь?» Человек сказал: «Когда вычерпаю море и достану жемчужину». Морской дух вынес ему жемчужину.

Последствия внешние не в нашей воле, но усилие всегда возможно, и благотворные внутренние последствия всегда сопутствуют усилию.

12 НОЯБРЯ (Внушение)

Земля есть общее и равное достояние всех людей и потому не может быть предметом собственности отдельных лиц.

1

Если я родился на земле, то где же моя часть? Будьте так добры, господа этого мира, покажите мне мой лесной участок, где бы я мог рубить свои дрова; мое поле, где бы я мог сеять мой хлеб; мою усадьбу, где бы я мог поставить свой домик. Но господа этого мира кричат мне: только дотронься до леса, до поля или до усадьбы, тебе достанется, но ты можешь прийти и работать на наших землях, и мы дадим тебе кусок хлеба.

Эмерсон

2

Мой разум учит меня, что земля не может быть продаваема. Великий Дух дал ее своим детям, чтобы им жить на ней, по нужде обрабатывать ее для своего содержания, и пока они занимают и обрабатывают ее, они имеют право на землю.

Блак Хаук

3

Земля не может быть продаваема никогда, потому что земля Моя, а вы все странники.

Левит, гл. 25, ст. 23

4

Строго говоря, земля принадлежит двоим: всемогущему Богу и всем сынам людским, которые работали на ней или которые будут работать на ней.

Карлейль

5

Услышь меня, справедливый дух творения, и рассуди, кто вор: тот ли, кто отнимает у меня свободу пользоваться землею, которая дана мне с моим рождением, или я, когда пользуюсь частью земли для того, чтобы жить на ней и кормиться ею.

Жерард Винстанлей

6

Все люди с самого начала и прежде всякого юридического акта находятся во владении землею, т. е. имеют право быть там, где природа или случайность поместила их.

Кант

7

Разве Бог дал что-нибудь одному, не дав того же другому? Разве всеобщий Отец исключил кого-нибудь из Своих детей? Вы, требующие исключительного права пользоваться его дарами, покажите то завещание, по которому Он лишил своего наследства других братьев.

Ламенэ

8

Владение землей как собственностью есть одно из самых противоестественных преступлений. Отвратительность этого преступления незаметна нам только потому, что в нашем мире преступление это признается правом.

9

В то время как я собирал орехи в лесу, лесник высунулся из кустов и спросил меня, что я тут делаю? Я отвечал, что собираю орехи.

– Собираешь орехи? – сказал он. – Как ты смеешь это делать?

– Отчего же не собирать? – сказал я. – Ведь берут же орехи и обезьяны и белки?

– Я говорю тебе, – сказал он, – что лес этот не общий, а принадлежит портландскому герцогу.

– Вот как! – сказал я – Поклонись же от меня герцогу и скажи ему, что лес этот знает об нем столько же, сколько и обо мне. И потому обо всем том, что родится в лесу, правило такое: кто первый пришел, тот и берет, так что если герцогу Портландскому нужны орехи, так скажи ему, чтобы он не зевал.

Томас Спенс

Несправедливость признания права собственности на землю за отдельными лицами в наше время сознается людьми так же, как сознавалась несправедливость рабства в половине девятнадцатого столетия.

13 НОЯБРЯ (Самосовершенствование)

Самосовершенствование уже потому свойственно человеку, что он никогда, если он правдив, не может быть доволен собою.

1

Человек должен развивать свои задатки к добру. Провидение не заложило их в человеке вполне готовыми, это только одни задатки. Сделать самого себя лучше – к этому должен стремиться и этого должен достигать человек.

Кант

2

«Корень зла в незнании истины», сказал Будда.

Из этого же корня вырастает дерево заблуждения со своими плодами страдания, насчитываемыми тысячами.

Против незнания есть только одно средство – знание. Истинное же знание может быть достигнуто только через личное совершенствование. Следовательно, и улучшение общественного зла может быть достигнуто только тем, что люди усвоят более высокое миросозерцание и, сделавшись лучше, будут поступать соответственно высшему миросозерцанию.

И потому тщетны все попытки улучшить жизнь мира до тех пор, пока сами люди не станут лучше, улучшение каждого отдельного человека есть вернейшее средство улучшения жизни мира.

Гартман

3

Тот, кто требует от жизни только улучшения своего существа в смысле внутреннего удовлетворения и религиозной покорности, менее, чем кто-либо, подвержен опасности не исполнить призвания своей жизни.

Амиель

4

Христианин не может быть только учителем или только учеником, он всегда то и другое вместе, а потому он всегда идет вперед, и нет для него конца совершенствованию.

Считай себя каждый не иначе как школьником и учеником. Не думай, чтобы ты был стар, чтобы учиться, что ты дошел до настоящей зрелости и развития и что характер и душа твоя уже таковы, какими должны быть, и не

могут быть лучшими. Для христианина нет оконченного курса, он до самого гроба ученик.

По Гоголю

5

Мыслящий человек испытывает скорбь, которая может, пожалуй, даже повести к порче нравственности и о которой поверхностный человек не имеет понятия именно, когда он задумывается над несчастиями, которые так сильно угнетают человеческий род, и, по-видимому, не имея надежды на что-нибудь лучшее, он испытывает недовольство Провидением, управляющим мировым порядком. Но не осуждать Провидение (хотя бы оно предназначило нам сейчас в нашей земной жизни такой трудный путь) – в высшей степени важно: частью для того, чтобы мы не теряли среди тягостей жизни мужества, частью для того, чтобы мы, сваливая вину на Провидение, не упускали из виду нашей собственной вины, которая, может быть, есть единственная причина всех наших зол.

Кант

6

Как отучаешь себя от дурных привычек, так можно и должно отучать себя от эгоизма. Захочешь увеличить свое удовольствие, захочешь выставить себя, вызвать любовь других – остановись. Если не хочется ничего делать для других – не делай, но только не делай для себя ничего, кроме того, что неизбежно нужно.

7

Первое правило для достижения добродетели то, чтобы думать только о своем самосовершенствовании, а не поступать в виду похвал от людей.

Китайский Ши-Кинг

8

Тот, чьи злые дела покрываются добрыми, освещает этот мир, как месяц, выходящий из-за туч.

Лучше, чем завладеть всей землей, лучше, чем взойти на небо, лучше, чем властвовать над всем миром, лучше всего этого радость первых шагов к святости.

Дхаммапада

9

Еще другой сказал: я пойду за Тобою, Господи! но прежде позволь мне проститься с домашними моими.

Но Иисус сказал ему: никто, возложивший руку свою на плуг и озирающийся назад, не благонадежен для Царствия Божия.
Лк. гл. 9, ст. 61 – 62

10

Тот, кто положил жизнь свою в совершенствовании, смотрит только вперед. Оглядывается на то, что он сделал, только тот, кто остановился.

Недовольство собою есть необходимое условие разумной жизни. Только это недовольство побуждает к работе над собой.

14 НОЯБРЯ (Знание)

Важнее всех других то знание, которое руководит деятельностью жизни.

1

Очень важно знать законы жизни, но знание, ведущее нас к самосовершенствованию, есть знание первейшей важности.

Спенсер

2

Вредно есть, когда не голоден, и искусственными средствами вызывать в себе голод. Еще вреднее предаваться половой похоти без неудержимого влечения и вызывать в себе ее. Вреднее же всего заставлять себя думать, когда нет этой потребности, и искусственно вызывать в себе умственную деятельность, как делают это люди, пользуясь своими умственными способностями для улучшения своего общественного положения.

3

Лучше овладеть с смирением малой долей здравого смысла, чем с самодовольством величайшими сокровищами наук. Нет ничего дурного в учености, и всякое знание чего бы то ни было приятно само по себе, но добрая совесть и добродетельная жизнь всегда должна быть поставлена впереди знаний.

Фома Кемпийский

4

Развитие науки не содействует очищению нравов. У всех народов, жизнь которых мы знаем, развитие наук содействовало развращению народов. То, что мы теперь думаем противное, происходит от того, что мы смешиваем наши пустые и обманчивые знания с истинным высшим знанием. *Наука, в ее отвлеченном смысле, наука вообще, не может не быть уважаема, но теперешняя наука, то, что безумцы называют наукой, достойна только насмешки и презрения.*

Руссо

5

От учителя мы ждем, что он сделает из своего слушателя прежде всего рассудительного человека, потом разумного и под конец уже ученого.

Такой прием имеет ту выгоду, что, если ученик и не достигнет никогда последней ступени, как то обыкновенно и бывает в действительности, он все-

таки выиграет от обучения и станет более подготовленным, если не для школы, то для жизни.

Если же этот прием вывернуть наизнанку, тогда ученик схватывает что-то вроде разума прежде, чем в нем выработается рассудок, и выносит из обучения заимствованную науку, которая только как бы приклеена, но не срослась с ним, причем его духовные способности остаются такими же бесплодными, как и раньше, но в то же время уже сильно испорчены воображаемой ученостью. В этом причина, почему мы так часто встречаем ученых (вернее, обученных людей), лишенных и рассудка и разума, и почему из академий выходит в жизнь больше нелепых голов, чем из какого-нибудь другого общественного класса.

Кант

6

Только тот истинно учен, кто хорошо поступает.
Индийское Гитопадее

7

Воля не будет справедлива, пока не исправлены привычки ума, так как они больше всего влияют на волю. Привычки ума, однако, тогда лишь станут наилучшими, когда будут основаны на вечных законах жизни в ее целом.

Сенека

8

Внимай речам мудрого человека с вниманием, хотя бы дела его не соответствовали его учению. Человек должен поучаться, хотя бы поучение было написано на стене.

Саади

В знаниях важно не количество, а правильная расценка им. Важно знать, какие знания самые важные, какие второй важности, третьей и т. д. и какие самой последней.

15 НОЯБРЯ (Богатство)

Радости богатства обманчивы.

1

Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут, но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут; ибо где сокровище ваше, там будет и сердце ваше.

Мф. гл. 6, ст. 19 – 21

2

«Где сокровища ваши, там будет и сердце ваше».

В какой же ужасной грязи сердце человека, сокровища которого – богатство.

3

Люди, увидав светлые дома, множество полей, толпы слуг, серебряные сосуды, большое собрание одежд, – всячески стараются иметь еще больше, так что самые богатые бывают причиной этого зла для менее богатых, а эти для еще менее достаточных. Между тем если бы богатые не собирали богатств и не расточали их, то не были бы учителями сребролюбия для менее богатых и бедных. А пристрастие к богатству хуже всякого тиранства: оно порождает заботы, зависть, коварство, ненависть, наговоры и бесчисленные препятствия к добродетели – беспечность, распутство, любостяжание, пьянство. А это и свободных делает рабами, и даже хуже рабов: рабами не людей, но ужаснейшей из страстей и болезней души. Такой человек решается на многое, что противно и Богу и людям, из опасения, чтобы кто не исторг его из-под этого владычества. Горькое, рабское, дьявольское владычество! В особенности пагубно здесь то, что, находясь в столь несчастном положении, мы лобызаем свои оковы и, обитая в узилище, исполненном тьмы, не желаем выйти на свет, но привязываемся к злу и услаждаемся болезнью. Потому-то не можем и освободиться и находимся в худшем положении, чем те, которые работают в рудниках, так как подвергаемся трудам и бедствиям, но не пользуемся плодами. Хуже же всего то, что, если бы кто и захотел избавить нас от этого тяжкого плена, мы не только не позволяем, но еще гневаемся и негодуем, и таким образом являемся ничем не лучше безумных и даже гораздо несчастнее всех их, потому что не хотим расстаться с своим безумием. Ужели для того родился человеком, чтобы только собирать золото? Не для этого создал тебя Господь по образу своему: Он создал тебя для того, чтобы ты исполнял его волю.

Иоанн Златоуст

4

И богатство, и власть, и все то, что с таким старанием устраивают и берегут люди, – все это, ежели и стоит чего-нибудь, то только по тому наслаждению, с которым все это можно бросить.

5

Люди в тысячу раз больше хлопочут о наживании себе богатства, нежели об образовании своего ума и сердца; хотя для нашего счастья то, что есть в человеке, несомненно важнее того, что есть у человека.

Шопенгауэр

6

Когда вы купили для себя модное украшение, вам надо купить еще десять вещей для того, чтобы все на вас отвечало одно другому.

Эмерсон

7

Зачем человеку быть богатым? Для чего ему нужны дорогие лошади, хорошие одежды, прекрасные комнаты, право на вход в публичные места увеселения? Все это от недостатка мыслей.

Дайте этому человеку внутреннюю работу мысли – и он будет счастливее самых богатых людей.

Эмерсон

8

Бедный человек смеется чаще и беззаботнее, чем богатый.

Сенека

Для живущих духовной жизнью богатство не только не нужно, но стеснительно: оно препятствует истинной жизни.

16 НОЯБРЯ (Вера)

Вера отвечает на те вопросы, на которые разум не может дать ответа, но которые он же не может не ставить себе.

1

Христос был великий человек. Он проповедывал истинную, всеобщую религию – любви к Богу и к человеку. Но я не сомневаюсь в том, что у Бога в будущем есть еще более великие люди. Говоря это, я не уменьшаю величие характера Христа, но утверждаю всемогущество Бога. И когда придут такие люди, возобновится прежняя борьба: вновь побьют живого пророка и обоготворят умершего.

Но как бы там ни было, Христос учит нас теперь истинам, совершенно противоположным тем, которым обыкновенно обучают. Если бы Он согласовал Свое учение с тем, что Ему говорили о людях, если бы Он согласовался только с плотью и кровью, Он бы был только бедным евреем и мир потерял бы драгоценнейшее сокровище религиозной жизни, радостную весть единой, всеобщей и истинной религии.

Что, если бы Он, как другие, сказал: никто не может быть выше и вернее Моисея? Он бы был ничто, и Дух Божий покинул бы его душу. Но Он общался не с людьми, а с Богом, слушался Своих надежд, а не Своих страхов. Он трудился для людей, с людьми и посредством людей, верил в Бога и чистый, как Истина, не побоялся ни церкви, ни государства и не смутился, когда Пилат и Ирод подружились только затем, чтобы распять Его. Мне всегда кажется, что я слышу голос этого возвышенного духа, который говорит мне и вам: «Не бойся, бедный брат, и не отчаивайся. Доброта, которая была во Мне, возможна и тебе. Бог так же близок к тебе, как Он близок был тогда ко Мне, и так же богат истиной и так же готов вдохновлять каждого, кто захочет служить Ему».

Паркер

2

Смерть, безмолвие, бездна – страшные тайны для существа, которое стремится к бессмертию, к благу, к совершенству. Где буду я завтра, через несколько времени, когда я больше не буду дышать? Где будут те, которых я люблю? Куда мы идем? Что мы такое? Вечные загадки постоянно стоят перед нами в их неумолимой торжественности. Тайны со всех сторон. Вера – единственная звезда в этом мраке неизвестности...

Ну, что же? лишь бы мир был произведением блага и лишь бы сознание долга не обмануло нас. Доставлять счастье и делать добро – вот наш закон, наш якорь спасения, наш маяк, смысл нашей жизни. Пусть погибнут все религии, только бы оставалась эта, у нас будет идеал – и стоит жить.

Амиель

3

Есть только одна истинная религия, хотя может быть много разных вер.
Кант

4

Только вера порождает те твердые, мощные убеждения, ту энергию и то единство, которыми общество только и может быть исцелено.
Иосиф Мадзини

5

Один, только один есть у нас непогрешимый руководитель, Всемирный Дух, проникающий нас всех вместе и каждого, как единицу, влагающий в каждого стремление к тому, что должно, тот самый Дух, который в дереве велит ему расти к солнцу, в растении велит ему возрастить и бросить семя и в нас, велит нам стремиться к Богу и в этом стремлении все более и более соединяться друг с другом.

Пока человек живет, он верит. Чем ближе его вера к истине, тем счастливее его жизнь; чем дальше от истины эта вера, тем человек несчастнее.

Без веры же человек не живет, он умирает естественной смертью или убивает себя.

17 НОЯБРЯ (Настоящее)

Мы страдаем от прошедшего и портим себе будущее только потому, что пренебрегаем настоящим. Прошедшее и будущее – мечты, настоящее одно действительно есть.

1

Будь внимателен к настоящему. Только в настоящем мы познаем вечность.⁵⁰

2

Одно из самых обычных заблуждений то, что настоящий час не есть критический, решающий час. Запиши в своем сердце, что каждый день – самый лучший день всего года.

Эмерсон

3

Всякое поколение почитай своих выдающихся людей и не говори: «предшественники их были достойнее».

Талмуд

4

Все не важно, кроме того, что мы делаем в настоящую минуту.

5

Пользуйся сейчас своим сосудом (своим телом), завтра он может разбиться.

Талмуд

6

То ли ты делал, что тебе нужно делать, – получает огромную важность, потому что единственный смысл жизни твоей только в том, то ли ты делаешь в этот короткий, данный тебе срок жизни, то ли делаешь, чего хочет от тебя тот, кто послал тебя в жизнь?

Талмуд

⁵⁰ По Гёте

7

Нет ни прошлого, ни будущего, потому что кто же когда проникал в эти призрачные царства. Есть только настоящее. Не беспокойся о завтрашнем, потому что нет завтра. Живи в нынешнем и для нынешнего, и если твое нынче хорошо, то оно добро навсегда.

Журнал «Вим»

Когда тебе тяжело, ты страдаешь от воспоминаний о прошедшем или тревожишься о будущем, вспомни, что жизнь только в настоящем, направь на него все твои силы, и все страдания твои о прошедшем и тревоги о будущем исчезнут, и ты почувствуешь свободу и радость.

Недельное чтение

Требования любви

Представим себе людей, мужчину и женщину – мужа, жену, брата, сестру, отца, дочь, мать, сына – богатого класса, которые живо поняли грехи жизни роскошной и праздной среди нищеты и подавленности трудом народа и ушли из города, отдали кому-нибудь, так или иначе избавились от своего излишка, оставили себе в бумагах, скажем, 150 рублей в год на двоих, даже ничего не оставили, а зарабатывают это каким-либо мастерством – положим, рисование на фарфоре, переводы хороших книг – и живут в деревне, в середине русской деревни, наняв или купив себе избу и своими руками обрабатывая свой огород, сад, ходя за пчелами и вместе с тем подавая помощь сельчанам медицинскую, насколько они знают, и образовательную – учат детей, пишут письма, прошения и т. п.

Казалось бы, чего лучше такой жизни? Но жизнь эта очень скоро перестанет быть радостной, если люди эти не будут лицемерить, лгать, если они будут искренни. Ведь если люди эти отказались от всех выгод и радостей, украшений жизни, которые им давали город и деньги, то сделали они только потому, что они признают людей братьями, равными перед Отцом, – не равными по способностям, достоинствам, если хотите, но равными в своих правах на жизнь и на все то, что она может дать им.

Если возможно сомнение о равенстве людей, когда мы их рассматриваем взрослыми с отдельным прошедшим каждого, то сомнения этого уже не может быть, когда мы видим детей. Почему этот ребенок будет иметь все заботы, всю помощь знания для своего физического и умственного развития, а этот прелестный ребенок с теми же и еще лучшими задатками делается рахитиком, вырожденным, полукарликом от недостатка молока и останется безграмотным, диким, связанным суевериями человеком, – только грубой рабочей силы?

Ведь если люди эти уехали из города и поселились жить, как они живут в деревне, то только потому, что они не на словах, но на деле верят в братство людей и хотят если не осуществить, то осуществлять его в своей жизни. И эта-то попытка осуществления должна, если только они искренни, – должна привести их в ужасное, безвыходное положение.

С своими с детства приобретенными привычками порядка, удобства, главное, чистоты, они переехали в деревню и, наняв или купив избу, очистили ее от насекомых, может быть даже сами оклеили ее обоями, привезли остаток мебели, не роскошной, а нужной: железную кровать, шкаф, письменный столик. И вот они живут. Сначала народ дичится их: ожидает, как и от всех богатых, насилием ограждения своих преимуществ и потому не приступает к ним с просьбами и требованиями. Но вот понемногу настроение новых жителей уясняется: сами они вызываются служить безвозмездно, и самые смелые, назойливые люди из народа опытом узнают, что новые люди эти не отказывают и можно пожить около них.

И вот начинаются заявления всякого рода требований, которые становятся все больше и больше.

Начинаются не только выпрашивания, но и естественные требования поделить тем, что есть лишнего против других, и не только требования, но сами поселившиеся в деревне люди, всегда в близком общении с народом, чувствуют неизбежную необходимость отдавать свой излишек там, где есть крайняя нужда. Но мало того, что они чувствуют необходимость отдавать свой излишек до тех пор, пока у них останется то, что должно быть у всех, т. е. у среднего – определения этого среднего, того, что должно быть у всех, – нет никакого, и они не могут остановиться, потому что всегда вокруг них есть вопиющая нужда, а у них излишек против этой нужды; казалось бы, нужно удержать себе стакан молока, но у Матрены двое детей:

грудной, не находящий молока в груди матери, и двухлетний, начинающий чахнуть. Казалось, подушку и одеяло можно удержать, чтобы заснуть в привычных условиях после трудового дня, но больной лежит на вшивом кафтане и зябнет ночью, покрываясь дерюжкой. Казалось, можно бы удержать чай, пищу, но ее пришлось отдать странникам, ослабевшим и старым. Казалось, можно бы удержать хоть чистоту в доме, но пришли нищие мальчики, и их оставили ночевать, и они напустили вшей.

Нельзя остановиться, и где остановиться?

Только те, которые не знают совсем того чувства сознания братства людей, вследствие которого эти люди приехали в деревню, или которые так привыкли лгать, что и не замечают разницы лжи от истины, скажут, что есть предел, на котором можно и должно остановиться. В том-то и дело, что предела этого нет, что то чувство, во имя которого делается это дело, таково, что предела ему нет, что если ему есть предел, то это значит только то, что этого чувства совсем не было, а было одно лицемерие.

Продолжаю себе представлять этих людей. Они целый день работали, вернулись домой, кровати у них уже нет, подушки нет, они спят на соломе, которую достали, и вот, поев хлеба, легли спать, осень, идет дождь со снегом. К ним стучатся. Могут ли не отпереть? Входит человек мокрый и в жару. Что делать? Пустить ли его на сухую солому? Сухой больше нет. И вот приходится или прогнать больного, или положить его, мокрого, на пол, или отдать свою солому, и самому, потому что надо где-нибудь спать, лечь с ним. Но и этого мало: приходит человек, которого вы знаете за пьяницу и развратника, которому вы несколько раз помогали и который всякий раз пропивал то, что вы ему давали, – приходит теперь с дрожащими челюстями и просит дать ему 3 рубля, которые он украл и пропил и за которые, если он не отдаст их, его посадят в тюрьму. Вы говорите, что у вас только и есть 4 рубля и они вам необходимы завтра для уплаты. Тогда пришедший говорит: «Да, это значит только разговоры, а когда дело до дела, то вы так же как и все: пускай погибает тот, кого мы на словах называем братом, только бы мы были целы».

Как тут поступить? Что сделать? Положить лихорадочного больного на сыром полу, а самому лечь на сухое, – еще хуже не заснешь. Положить его на свою постель и лечь с ним – заразишься и вшами и тифом. Дать просящему последние три рубля значит остаться завтра без хлеба. Не дать – значит, как он и говорит, отречься от того, во имя чего живешь. Если можно остановиться здесь, то почему не остановиться было раньше? Почему было помогать людям? Зачем отдавать состояние, ходить из города? Где предел? Если есть предел тому делу, которое ты делаешь, то все дело не имеет смысла или имеет только один ужасный смысл лицемерия.

Как же тут быть? Что делать? Не остановиться – значит погубить свою жизнь, завшиветь, зачахнуть, умереть, и без пользы как будто.

Остановиться – значит отречься от всего того, во имя чего делалось то, что делалось, во имя чего делалось что-либо доброе. И отречься нельзя, потому что ведь это не выдуманно мною или Христом, что мы братья и должны служить друг другу, ведь это так, и нельзя вырвать это сознание из сердца человека, когда оно вошло в него. Как же быть? Нет ли еще какого выхода?

И вот представим себе, что люди эти, не испугавшись того положения, в которое их ставила необходимость жертвы, приводящей к неизбежной смерти, решили, что их положение происходит от того, что средства, с которыми они пришли на помощь народу, слишком малы, и что этого не было бы и они принесли бы большую пользу, если бы у них было много денег. Представим себе, что люди эти нашли источники помощи, собрали большие, огромные суммы денег и стали помогать. И не прошло бы недели, как случилось бы то же самое. Очень скоро все средства, как бы велики они ни были, разлились бы в те углубления, которые образовала бедность, и положение осталось бы то же.

Но, может быть, есть еще третий выход? И есть люди, которые говорят, что он есть и состоит в том, чтобы содействовать просвещению людей, и тогда уничтожится это неравенство.

Но выход этот слишком очевидно лицемерный, нельзя просвещать население, которое всякую минуту находится на краю гибели от голода. А главное, неискренность людей, поведующих этот выход, видна уже по тому, что не может человек, стремящийся к установлению равенства, хотя бы через науку, поддерживать это неравенство всей своей жизнью.

Но есть еще четвертый выход – тот, чтобы содействовать уничтожению тех причин, которые производят неравенство, – содействовать уничтожению насилия, производящего его.

И выход этот не может не прийти в голову тем искренним людям, которые будут пытаться в жизни своей осуществлять свое сознание братства людей.

«Если мы не можем жить здесь, среди этих людей, в деревне, – должны будут сказать те люди, которых я представляю себе, – если мы поставлены в такое ужасное положение, что мы неизбежно должны задохнуться, зашнуровать и умереть медленной смертью или отказаться от единственной нравственной основы нашей жизни, то это происходит от того, что одни богатые, а другие нищие, неравенство же это происходит от насилия, и потому, так как основа всего – насилие, то надо бороться против него». Только уничтожение этого насилия и вытекающего из него рабства может сделать возможным такое служение людям, при котором не было бы неизбежности жертвы своей жизнью.

Но как уничтожить это насилие? Где оно? Оно в солдате, в полицейском, в старосте, в замке, который запирает мою дверь. Как же мне бороться с этим насилием? Где, в чем?

Так ли, как борются люди, живущие насилием и борющиеся с насилием насилием же?

Но для человека искреннего это невозможно. Насилием бороться с насилием значит ставить новое насилие на место старого. Помогать просвещением, основанным на насилии, значит делать то же самое. Собрать деньги, приобретенные насилием, и употреблять их на помощь людям, обделенным насилием, значит насилием лечить раны, произведенные насилием.

Если же и бороться с насилием не насилием, а проповедью ненасилия, обличением насилия и, главное, примером ненасилия и жертвы, то все-таки для человека, живущего христианской жизнью среди жизни насилия, нет другого выхода, как жертва, – и жертва до конца.

Человек может не найти в себе силы броситься в эту пропасть, но человеку искреннему, желающему исполнить сознанный им закон Бога, нельзя не видеть свою обязанность. Можно не идти на эту жертву, но если хочешь следовать требованиям любви, то надо так и знать и говорить, считать себя виноватым, если не отдал всего и всю свою жизнь, а не обманывать себя.

И так ли страшна жертва до конца, как это кажется. Ведь дно нужды не глубоко, и мы часто, – как тот мальчик, который с ужасом провисел целую ночь на руках в колодце, в который он упал, боясь воображаемой глубины, а под мальчиком на пол-аршина было сухое дно.

Л. Н. Толстой

18 НОЯБРЯ (Добро)

Добро нельзя измерять ни нуждой получающего, ни жертвою дающего, а только тем общением в Боге, которое устанавливается между дающим и получающим.

1

Жизнь не всегда благо. Благо только хорошая жизнь.
Сенека

2

Природа устроила так, что обиды помнятся больше, чем добрые поступки. Добро забывается, а обиды упорно держатся в памяти.
Сенека

3

Это не добродетель, а только обманчивый слепок и подобие ее, когда мы приведены к исполнению долга ожиданием награды.
Цицерон

4

Не клеветщи, чтобы клевета и бесчестие не обратились на тебя самого, ибо всякий злой дух нападает спереди, клевета же всегда сзади.

Не поддавайся гневу, потому что человек, поддавшийся гневу, забывает свои обязанности и упускает свои добрые дела.

Берегись сладострастия, потому что его плодами будут хворь и раскаяние.

Не держи зависти в сердце, чтобы не отравить своего существования.

Не впадай в грех из стыда.

Будь прилежен и молчалив, живи своим трудом и откладывай из своего заработка для неимущих. Этот обычай будет самым достойным делом в твоей деятельности.

Не воруй чужого добра и не упускай своей собственной работы, ибо кто не кормится собственной работой, а заставляет других прокармливать себя, тот людоед.

С человеком лукавым не затягивайся в спор и лучше оставь его совсем в покое.

С человеком жадным не вступай в союз и не доверяйся его руководству.

Не вступай в объяснения с глупцом, от злодея не бери денег и с клеветником не имей дела.

Восточная мудрость

5

Когда спрашивают, что же такое, собственно, чистая нравственность, которую, как пробным камнем, мы должны испытать нравственное содержание каждого поступка, то я должен сознаться, что только философы могли сделать решение этого вопроса сомнительным, ибо для здравого человеческого смысла этот вопрос давно уже решен, правда, не с помощью отвлеченных общих рассуждений, а посредством различия совершаемых добрых и злых поступков, которые мы различаем так же несомненно, как правую и левую руку.

Кант

6

Твори добро друзьям своим, чтобы они еще более любили тебя, твори его своим врагам, чтобы они сделались когда-нибудь твоими друзьями.

Когда ты говоришь о враге твоём, помни, что может прийти день, когда он станет твоим другом.

Клеовуд

7

Все люди более или менее приближаются к одному из двух противоположных пределов: один – жизнь только для себя, другой – только для Бога.

8

Приставлять одно доброе дело к другому так, чтобы между ними не было промежутка, – вот что я называю счастливой жизнью.

Марк Аврелий

Добро истинное совершается нами только тогда, когда мы не замечаем его, а выходим из себя, чтобы жить в другом.

19 НОЯБРЯ (Зло)

Вещественное зло, совершенное человеком, может в этом мире не вернуться на того, кто совершил его, но то злое чувство, которое вызвало дурной поступок, наверное оставит свой след в душе человека и так или иначе заставит его страдать.

1

Решение безгрешного состоит в том, чтобы не причинять печали другим, хотя бы он мог через это и получить великую выгоду.

Решение безгрешного в том, чтобы не делать зла тем, кто сделал ему зло.

Если человек заставит страдать даже тех, которые без причины ненавидят его, он в конце концов будет иметь неустранимую печаль.

Наказание делающим зло состоит в том, чтобы сделанным им великим добром заставить их устыдиться своих дел.

Какая польза в учености того, кто не старается избавить от страданий своего ближнего столько же, как и самого себя.

Если человек поутру хочет сделать зло другому, ввечеру зло посетит его.
Индийский Курал

2

Так же, как времена года сами собой достигают своих свойственных каждому времени признаков, так и поступки всех существ – сами собою приводят эти существа в свойственные им положения.

Обиженный может сладко спать и радостно просыпаться и радостно жить, но обидчик погибает.

Пусть никто не бывает гневлив, хотя бы он и страдал, пусть не оскорбляет никого ни делом, ни мыслью, пусть не произносит такого слова, которое может быть неприятно кому-нибудь, потому что все это препятствует достижению блага.

Индийское Ману

3

Мы не должны бежать из этой жизни потому, что зло оказывается связанным с ней. Зло есть наше дело, следствие нашего незнания истинного закона. Незнание истинного закона делает нас несчастными в этой жизни, и оно будет делать нас несчастными всюду. Начнем же с того, что освободимся от нашего незнания, и наши несчастья прекратятся сами собою.

Люси Малори

4

Злой человек вредит самому себе прежде, чем повредит другим.
Августин

5

Человек может избежать несчастий, ниспосылаемых Небом, но от тех несчастий, которые он сам навлекает на себя, нет спасения.
Восточная пословица

6

Есть люди, которые нарочно ставят себя в самые мрачные условия жизни для того, чтобы иметь право быть мрачными. Они для того же всегда спешно и упорно заняты. Главное удовольствие и потребность этих людей состоит в том, чтобы, встретив оживление жизни, бросить этому оживлению в глаза свою мрачную, упорную деятельность. Люди эти очень несчастны, но они должны понять, что они одни виновники своего несчастья.

7

Тот, кто не делает добро, когда имеет возможность делать его, будет страдать.
Саади

8

Пусть каждый человек сделает себя таким, каким он учит быть других. Кто победил себя, тот победит и других. Труднее всего победить себя.

Каждый властен только сам над собою. Зло, сделанное самим собою, самим собою воспитанное, губит человека, как алмаз разбивает камень. Сам делаешь зло – сам от себя страдаешь, сам уничтожаешь зло – сам очищаешься от зла.

Пусть никто не забывает своего долга из угождения другому, кто бы он ни был.

Дхаммапада

Никакое вещественное благо не может возместить того ущерба души, которое производит совершенное зло.

20 НОЯБРЯ (Мужество)

Если добрая жизнь людей вызывает не любовь, а гонение среди людей, живущих злою жизнью, то это не только не колеблет уверенности в правильности такой жизни, но, напротив, самым несомненным признаком подтверждает ее.

1

Остерегайтесь же людей: ибо они будут отдавать вас в судилища и в синагогах своих будут бить вас, и поведут вас к правителям и царям за Меня, для свидетельства перед ними и язычниками. Когда же будут предавать вас, не заботьтесь, как и что сказать: ибо в тот час дано будет вам что сказать; ибо не вы будете говорить, но Дух Отца вашего будет говорить в вас.

Мф. гл. 10. ст. 17–20

2

Даже смерть не в силах уничтожить торжество того, кто из всех сил борется за правое дело. Борись же, непреклонное, верное сердце, иди вперед, невзирая на счастье и несчастье, и будь уверено, что правое дело, за которое ты борешься, победит. Погибнет только все несправедливое, правое же дело не может быть побеждено, потому что оно совершается не по твоей воле, а по вечным законам бога.

Карлейль

3

Препятствие на пути добра, преодоленное напряжением духа, придает мне новые силы; то, что грозило быть преградой к достижению добра, само становится добром, и светлый путь открывается внезапно там, где не видно было исхода.

Марк Аврелий

4

«Претерпевший до конца спасен будет».

Как часто человек отчаивается и останавливается или даже поворачивает назад тогда, когда нужно было только небольшое усилие для того, чтобы достигнуть цели.

5

Гонения, если только они переносятся с христианской кротостью, производят действие, обратное тому, к которому стремятся гонители. Люди хотят скрыть показавшийся в лесу огонь и, чтобы затушить его, прижимают его к земле всем тем, что у них есть под рукой: листом,

травой, хворостом, дровами, и огонь разгорается все больше и больше, и свет его распространяется все дальше и дальше.

6

Гонения и потому страдания – необходимое условие исполнения христианского закона. Степень страдания внешнего показывает степень нашего следования Христу, как трение показывает степень напряжения всякой работы.

7

Гонения драгоценны тем, что они подламывают всякие искусственные подпорки и вызывают наружу ту настоящую веру, которой живет человек.

8

В гонениях опасны не страдания, а соблазн сожаления к себе и возникающего из него недоброго отношения к гонителям.

Не ищи любви людей и не смущайся их нелюбовью. Часто любят за дурное и не любят за хорошее. Старайся угождать не людям, а Богу.

21 НОЯБРЯ (Служение)

Нет того особенного подвига, который бы мы могли совершить в этой жизни. Вся жизнь наша должна быть этим подвигом.

1

При каждом пробуждении задавайся вопросом: что бы доброго совершить сегодня? и думай: ведь солнце, закатясь, унесет с собой частицу предназначенной мне жизни.

Индийское изречение

2

Добротелъ человека измѣряется не его необыкновенными усилиями, а его ежедневнымъ поведением.

Паскаль

3

Выгода служения Богу перед служением людям в том, что перед людьми невольно хочешь выказаться в лучшем свете и огорчаешься, когда тебя выставляют в дурном; перед Богом же ничего этого нет. Он знает тебя, каков ты, и перед Ним никто тебя оклеветать не может, так что тебе не нужно стараться казаться, а нужно только действительно быть лучше.

4

Да будет каждая утренняя заря для вас как бы началом жизни, а каждый закат солнца как бы концом ее, и пусть каждая из этих коротких жизней оставляет по себе след любовного дела, совершенного для других, и доброго усилия над собой.

Джон Рёскин

5

Я – орудие, которым работает Бог. Мое благо истинное в том, чтобы участвовать в его работе. Участвовать же в его работе я могу только тем, чтобы держать в порядке, чистоте, остроте, правильности то орудие, которое дано мне: мою душу.

6

Всякое дело, самое сложное и запутанное, становится просто и ясно, если удастся поставить его независимо от людей перед судом одного Бога.

7

Смысл жизни в том, чтобы наилучшим образом делать то дело, которое от нас требует та сила, которая послала нас в мир. Знать же, делаешь или не делаешь это дело, всегда можно: совесть есть указатель этого. Надо только слушать ее и стараться делать ее все более и более чуткой.

По отношению к служению Богу все наши поступки – те, которые считаются важными, и те, которые считаются ничтожными, – одинаково значительны или одинаково незначительны. Мы не знаем, какое будет сделано из них употребление, но знаем то, что мы должны делать.

22 НОЯБРЯ (Устройство жизни)

Чем меньше человек доволен собою и занят улучшением своей внутренней жизни, тем больше он проявляет себя во внешней общественной жизни.

1

Мы так привыкли к рассуждениям о том, что одним людям свойственно устраивать жизнь других людей, – людей вообще, что такие рассуждения нам не кажутся странными. А между тем такие рассуждения не могли бы никогда существовать между религиозными и потому свободными людьми. Такие рассуждения суть последствия признания законности управления людьми одним человеком или несколькими.

Так рассуждают и сами управители, и люди, подчиняющиеся им.

Заблуждение это не только совершенно бессмысленно, потому что нет никакого основания, почему одни люди – и большинство – должны подчиняться воле других – меньшинству наименее нравственных людей: оно еще и особенно вредно тем, что ослабляет во всех людях сознание необходимости исправлять себя, тогда как это единственное действительное средство доброго воздействия на других людей.

2

Цель представительного правления не в том, чтобы была осуществлена большая справедливость, а в том, чтобы люди, подчиняясь дурному управлению, не имели права жаловаться на него.

3

Если старцы (люди, умудренные опытом) скажут тебе: «разрушай», а молодежь: «созидай», то разрушай, а не созидай, ибо разрушение старцев – созидание, а созидание молодежи – разрушение.

Талмуд

4

Все конституционные хартии ни к чему не ведут, это контракты между господином и рабами: задача не в том, чтобы рабам было лучше, но чтоб не было рабов.

Герцен

5

Не только один человек не имеет права распоряжаться многими, но и многие не имеют права распоряжаться одним.

Владимир Чертков

6

Что такое истина? Истина для большинства людей обозначает правдоподобие, – нечто такое, что можно измерять числом полученных в ее пользу голосов.

Томас Карлейль

7

Мерилом справедливости не может быть большинство голосов.

Шиллер

8

Не только саблю и ружье мы назначаем на ту полку в музее, где лежат орудия пытки; но не можем не знать, что скоро и полицейское устройство и выборный ящик последуют за ними.

Эрнест Кросби

9

Когда я сижу здесь у моря и прислушиваюсь к волнам, с плеском разбивающимся об этот берег, я чувствую себя свободным от всех обязательств, и народы всего мира могут без меня пересматривать свои конституции.

Генри Давид Торо

Никогда не строй, но всегда сажай, потому что в первом случае природа будет мешать тебе, разрушая произведения твоего труда, во втором же случае будет помогать твоему делу, даруя рост всему насажденному тобою. То же и в духовной области: делай то, что согласно с вечными законами природы человека, а не то, что согласно с временными установлениями людей или только с твоими желаниями.

23 НОЯБРЯ (Смысл жизни)

Определение смысла жизни или очень трудная и неразрешимая задача – такова она, когда человек спрашивает бога: зачем он его послал в этот мир? – или очень простая, когда человек спрашивает себя: что ему делать?

1

Жизнь человеческая, всякую секунду могущая быть оборванной, для того чтобы не быть самой грубой насмешкой, должна иметь смысл такой, при котором значение жизни не зависело бы от ее продолжительности или кратковременности.

2

Проезжие грязнят и разоряют помещение постоялого двора и потом осуждают владельца постоялого двора, отдавшего его в полное распоряжение проезжающих. Так же люди осуждают Бога за зло мира.

3

Мудрому человеку так же несвойственно рассуждать много о природе существ, стоящих выше его, как и о природе существ ниже его. Слишком нескромно предполагать, что человек может постичь первых, как и слишком унижительно предполагать, что он может всецело сосредоточивать свое внимание на вторых. Признавать свое вечное относительное величие и ничтожество, познавать и себя и свое место в природе, быть довольным своей подчиненностью Богу, не в силах будучи постичь Его, и управлять низшими тварями с любовью и добротой, не разделяя их животных страстей и не подражая им, – вот что значит быть смиренным по отношению к Богу, добрым по отношению к Его тварям и мудрым по отношению к себе.

Джон Рёскин

4

Для того чтобы жить, не понимая смысла своей жизни, есть только одно средство: жить в постоянном дурмане телесном, производимом табаком, алкоголем, морфием, или в постоянном чувственном дурмане развлечений и всякого рода потех и увеселений.

5

Этот мир не шутка, не юдоль испытания только и перехода в мир лучший, вечный, а это один из вечных миров, который прекрасен, радостен и который мы не только можем, но должны сделать прекраснее и радостнее для живущих с нами и для всех, которые после нас будут жить в нем.

6

То, что совершенствование нашей души есть единственная цель нашей жизни, справедливо уже потому, что всякая другая цель, в виду смерти, бессмысленна.

Не думай, чтобы недоумение перед смыслом человеческой жизни и непонимание его представляло что-либо возвышенное или трагическое. Недоумение человека перед смыслом жизни подобно недоумению человека, попавшего в общество, занятое чтением хорошей книги. Недоумение этого человека, не вслушивающегося или не понимающего то, что читают, и суетящегося среди занятых людей, представляет не нечто возвышенное и трагическое, а нечто смешное, глупое и жалкое.

24 НОЯБРЯ (Милосердие)

Милосердие состоит не столько в вещественной помощи, сколько в духовной поддержке ближнего. Духовная же поддержка прежде всего в неосуждении ближнего и уважении к его человеческому достоинству.

1

Будьте сострадательны к тем бедным, которые нетерпеливы и озлоблены. Подумайте, как трудно терпеть несчастному бедствия всякого рода, в убогом жилище, между тем как в нескольких шагах от него проходят люди пресыщенные и роскошно одетые.

Из «Благочестивых мыслей»

2

Не считайте себя милосердными, когда вы уделяете бедному не только от избытка вашего, но и жертвуя необходимым для жизни. Истинная любовь требует от вас, чтобы сверх этого вы дали ему еще и место в своем сердце.

Из «Благочестивых мыслей»

3

Тот истинно милосерд, кто не обращает внимания на клеветы и злословие.

4

Не верь без доказательств ничему дурному о ближнем и не передавай никому ничего дурного о другом.

Пэн

5

Хорошему человеку, – говорит Теофраст, – непременно придется сердиться на злых. Но если так, то чем лучше человек, тем сердитее он должен быть, а между тем он, наоборот, делается тем мягче и свободнее от страстей и никого не ненавидит. Рассудительный человек не станет ненавидеть заблудшихся, иначе он должен бы ненавидеть самого себя. Стоит ему только припомнить, как часто он сам погрешал против добродетели и как многие из его поступков нуждаются в снисходительном суде, и тогда он станет сердиться и сам на себя; ибо справедливый судья и себя судит тем же судом, как своего ближнего. Никто не в состоянии оправдать себя и невинным можно назвать себя только перед людьми, но не перед своей совестью. Гораздо человечнее встречать заблуждающегося кротко, с любовью и не преследовать

его, а постараться вернуть на правый путь. Ведь заблудившегося на нашей земле мы не станем гнать прочь, а выведем его на настоящую дорогу.

Исправление заблуждающегося наш долг, и мы должны исправлять его ради него самого и ради других серьезными наставлениями, но без гнева. Какой врач сердится на своего пациента?

Сенека

6

Будь правдив, не служи гневу, давай просящему, – ведь он просит тебя о немногом; к святым приблизишься ты, шествуя этими тремя путями.

Дхаммапада

7

Если кто смущается и соблазняется при виде ближнего своего, впадающего в грех, и под предлогом любви к добру питает злобу, тот не имеет истинного милосердия, основанного на любви к Богу, ибо все, что истекает от Него, носит на себе печать спокойствия и смирения и побуждает нас обращать мысли на свои недостатки.

Из «Благочестивых мыслей»

8

Милосердием и кротостью, отречением от себя ты обезоружишь всякого врага. От недостатка дров тухнет всякий огонь.

Сингalezское буддийское

Старайся не запрячивать в темные углы постыдные воспоминания своих грехов, а, напротив, старайся держать их всегда наготове, чтобы воспользоваться ими, когда тебе придется судить о ближнем.

Недельное чтение

Епископ Мириель

В 1815 году преосвященный Шарль-Франсуа-Биенвеню-Мириель был епископом в Д. Однажды в дверь епископского дома кто-то постучался.

– Войдите, – отозвался епископ.

Дверь отворилась разом настежь со всего размаха, как будто ее из всех сил толкнули снаружи.

Вошел человек, сделал шаг вперед и остановился, не затворяя за собой двери. За плечами у него был ранец, в руках он держал палку. Лицо его было смелое, сердитое, утомленное и грубое. Огонь камина освещал его.

Епископ спокойно смотрел на вошедшего. Он только что раскрыл рот, собираясь спросить, что нужно, как вошедший, опершись обеими руками на палку и смерив глазами старика, заговорил:

– Вот. Имя мое Жан Вальжан. Я каторжник. Девятнадцать лет провел на галерах. Четыре дня, как меня освободили, и вот иду в Понторлье, туда меня назначили. Четыре дня иду из Тулона. Сегодня прошел тридцать верст. Здесь в трактире меня выгнали за мой желтый паспорт. Пошел в другой трактир, и там меня не приняли. «Убирайся!» – говорят. Пошел в тюрьму – сторож не впустил. Пошел в собачью конуру – собака укусила меня и выгнала, словно и она – человек, словно и она узнала, кто я. Хотел ночевать в поле – да темно, подумал – соберется дождь, и вернулся в город, чтобы прилечь где-нибудь под воротами. Совсем собрался лечь спать на каменной скамье, да какая-то старушка показала мне вашу дверь и говорит: «Постучись туда!» Я и постучался. Что здесь у вас? Трактир? У меня деньги сто девять франков есть, заработанные на каторге. Я заплачу. Деньги есть. Я устал, ведь прошел тридцать верст, да и голоден. Что ж, оставаться?

– Мадам Маглуар, – сказал епископ своей служанке, – поставьте еще прибор.

Путешественник сделал три шага вперед и пододвинулся к лампе, стоявшей на столе.

– Послушайте, – сказал он, как бы не поняв хорошенько распоряжения. – Вы расслышали, что я каторжник? Прямо с каторги, – он вынул из кармана и развернул желтый лист. – Вот мой паспорт. Желтый – видите. Из-за него меня отовсюду выгоняли. Хотите, прочитайте? Я умею читать, на каторге выучился. Там есть школа для желающих. Посмотрите, что написано: «Жан Вальжан, освобожденный от каторги, уроженец... „это вам все равно. «Пробыл на каторге девятнадцать лет. Пять лет за кражу со взломом; четырнадцать за четыре попытки к побегу. Очень опасный“. Вот все и гонят меня вон; а вы впустите меня? А то нет ли у вас конюшни?

– Мадам Маглуар, постелите чистое белье на постель в алькове.

Мадам Маглуар ушла исполнять приказание. Епископ обернулся к посетителю.

– Сядьте, сударь, и обогрейтесь. Мы сейчас будем ужинать, во время ужина вам приготовят постель.

Путешественник, очевидно, понял. Выражение лица его, угрюмое и жестокое, перешло в удивленное, недоверчивое, радостное, и он принялся бормотать, как человек, сбитый с толку:

– Вот как? Вишь ты! Так оставаться? Не гоните меня! Каторжника! Называете сударем. Говорите «вы», а не «ты»! Не говорите: ступай прочь собака, как говорили мне все. Я ждал, что вы меня вытолкаете. Потому-то я уж сразу и сказал вам, кто я такой. А вы зовете ужинать и постель с бельем, как у всех! Девятнадцать лет я не спал в постели! Хорошие же вы люди!

Извините, господин трактирщик, как ваше имя? Я заплачу, сколько бы вы ни потребовали. Вы честный человек. Ведь вы трактирщик?

– Я священник, – ответил епископ.

– Священник! – возразил каторжник. – Вы, верно, священник этой большой церкви? В самом деле, одурел же я, что не заметил вашей скуфы.

Говоря это, он положил в угол ранец и палку, спрятал паспорт в карман и сел.

Пока он говорил, епископ встал и запер дверь, оставшуюся незатворенной.

Мадам Маглуар вернулась. Она принесла еще прибор и поставила его на стол.

– Мадам Маглуар, – сказал епископ, – поставьте прибор поближе к огню, – и, обращаясь к гостю, прибавил: – ночной ветер холоден в Альпах. Вы, сударь, верно, прозябли?

Всякий раз, как он произносил слово «сударь» своим серьезным, кротким голосом, лицо каторжника сияло.

Сказать каторжнику «сударь» – то же, что подать стакан воды жаждущему. Унижение жаждет уважения.

– Как эта лампа тускло горит! – заметил епископ.

Мадам Маглуар поняла и отправилась в спальню епископа за серебряными подсвечниками, которые принесла с зажженными свечами и поставила на стол. Она знала, что епископ любил, чтобы их зажигали, когда у него были гости.

– Добрый вы, – сказал каторжник, – не презираете меня. Приняли меня. Я не скрыл от вас, откуда я и кто я.

Епископ ласково взял каторжника за руку: «Вы могли и не говорить мне, кто вы. Этот дом не мой, а божий. Эта дверь не спрашивает у входящего, есть ли у него имя, а есть ли у него горе. Вы страдаете, вас мучают голод и жажда, милости просим, входите. Я вас принимаю не у себя, здесь хозяин тот, кто нуждается в крове. Все, что здесь есть, – все ваше. Для чего мне знать ваше имя? Прежде чем вы назвали себя, я уже знал, как вас назвать».

Гость с удивлением взглянул на него.

– В самом деле? Вы знали, как меня зовут?

– Да, – ответил епископ, – я знал, что вас зовут моим братом.

– Да, я был голоден, когда вошел сюда, – сказал гость, – но вы так удивили меня, что и голод прошел!

Епископ взглянул на него и спросил:

– Вы очень страдали?

– Ах, красная куртка, ядро, привязанное к ноге, доска вместо постели, холод, жара, работа, палочные удары, двойные кандалы за всякий вздор, карцер за слово ответа и цепи даже в постели, даже в больнице. Собаки, собаки и те счастливее! И это девятнадцать лет. Теперь мне сорок шесть лет. Ступай живи с желтым паспортом!

– Да, – сказал епископ, – вы вышли из места печали. Но послушайте, на небе будет больше радости ради заплаканного лица раскаявшегося грешника, чем ради незапятнанной ризы ста праведников. Если вы вынесли из этой обители страдания злобу и ненависть против людей, вы достойны сожаления; если же вы вынесли чувства кротости, мира и снисхождения – вы лучше всех нас.

Между тем мадам Маглуар принесла ужин.

Лицо епископа приняло вдруг веселое выражение гостеприимного хозяина.

– Пожалуйте за стол, – сказал он с оживлением, с каким обыкновенно приглашал гостей к столу.

Епископ прочел молитву, потом разлил суп. Гость жадно принялся за еду.

– Мне кажется, что чего-то недостает за столом, – вдруг сказал епископ.

Действительно, мадам Маглуар подала на стол только три необходимых прибора. Между тем вошло в привычку класть на стол все шесть серебряных приборов, когда ужинает кто-нибудь из посторонних.

Мадам Маглуар поняла намек, молча вышла и чрез мгновение приборы, потребованные епископом, блистали уже на скатерти, симметрично разложенные перед каждым из сидящих за столом.

После ужина епископ взял со стола один из серебряных подсвечников, подал второй своему гостю и сказал:

– Я провожу вас в вашу комнату.

Каторжник пошел за ним. В ту минуту, как они проходили по спальне, мадам Маглуар прятала серебро в стенной шкаф, находившийся над изголовьем постели епископа. Она делала это всякий вечер, перед тем как идти спать.

Епископ довел гостя до алькова, в котором была приготовлена чистая постель, поставил подсвечник на столик и, пожелав ему спокойной ночи, удалился.

Когда на соборной колокольне пробило два часа, Жан Вальжан проснулся. Его разбудило то, что постель была слишком мягка. Он уже двадцать лет не спал на хорошей постели, и хотя он лег не раздеваясь, но слишком непривычное ощущение мешало ему крепко заснуть. Много различных мыслей приходило ему в голову, но одна постоянно возвращалась и заслоняла другие: он заметил шесть серебряных приборов и большую суповую ложку, положенные мадам Маглуар на стол. Эти приборы не давали ему покоя. Они лежали тут, в нескольких шагах от него. Проходя по спальне, он видел, как старая служанка прятала их в шкафчик над изголовьем постели. Он хорошо приметил шкафчик. Он находился на правой руке по выходе из столовой. Приборы были массивные, из старинного серебра; продав их, он мог выручить вдвое больше того, что заработал в течение своего девятнадцатилетнего пребывания на каторге.

Он провел целый час в колебаниях и в борьбе.

Пробило три часа. Он раскрыл глаза, приподнялся на постели, протянул руки и ощупал ранец, брошенный им в угол алькова, потом спустил ноги и сел.

Он оставался несколько минут в раздумье в этом положении, потом встал на ноги, еще несколько минут постоял в нерешительности, прислушиваясь: в доме все было тихо. Затем сунул башмаки в карман, затянул ранец ремнями и взял его на плечи. Сдерживая дыхание и осторожно ступая, он направился к соседней комнате, служившей спальней епископу. Дверь спальни была притворена: епископ даже не запер ее за собой. Жан Вальжан нахлобучил на лоб шапку и быстро, не глядя на епископа, прошел прямо к шкафчику. Ключ торчал в дверце, он отворил ее; первая вещь, бросившаяся ему в глаза, была корзина с серебром; он взял ее, прошел через комнату быстрыми шагами без всяких предосторожностей и, не обращая внимания на производимый им шум, дошел до окна и, схватив свою палку, перешагнул через подоконник, сунул серебро в ранец и, быстро перебежав сад, перелез через забор и скрылся.

На следующий день на восходе солнца епископ прогуливался по саду. Мадам Маглуар прибежала к нему в тревоге.

– Ваше преосвященство! Он ушел и унес наше серебро. Глядите, вот он перелез тут!

Епископ стоял с минуту молча, затем, подняв задумчивый взор, кротко сказал:

– Прежде всего надо еще спросить, наше ли было серебро? Я давно неправильно держал его у себя; оно принадлежит бедным. А этот человек бедный.

Немного времени спустя епископ сел завтракать за тот же стол, за которым накануне сидел Жан Вальжан.

Он только собирался встать из-за стола, как в дверях раздался стук.

– Войдите, – отозвался епископ.

Двери отворились. Три человека держали за ворот четвертого. Трое людей были жандармы, четвертый – Жан Вальжан.

Епископ приблизился к ним со всей живостью, какую позволял ему его преклонный возраст.

– Ах, это вы! – сказал он, глядя на Жана Вальжана. – Очень рад вас видеть. Послушайте, однако, я ведь подарил вам подсвечники, они серебряные, как и все остальное. Отчего вы не взяли их вместе с приборами?

Жан Вальжан поднял глаза и посмотрел на епископа с выражением, которого не может передать ни один человеческий язык.

– Так этот человек говорил правду, ваше преосвященство? – спросил жандарм. – Мы встретили его: он имел вид беглеца. Мы задержали его, обыскали и нашли серебро...

– И он сказал вам, – проговорил епископ, улыбаясь, – что это подарил ему старик-священник, путивший его на ночлег? А вы привели его сюда? Это недоразумение.

– Следовательно, мы можем отпустить его?

– Без сомнения, – отвечал епископ.

Жандармы выпустили Жана Вальжана, который попятился.

– Правда ли, что меня освобождают? – проговорил он беззвучно, как говорят люди во сне.

– Да, тебя отпускают, разве ты не слышал? – сказал один из жандармов.

– Мой друг, – обратился к нему епископ, – прежде чем вы уйдете, возьмите же ваши подсвечники. Вот они.

Он подошел к камину, взял серебряные подсвечники и подал их Жану Вальжану.

Жан Вальжан трясся всем телом. Он машинально взял подсвечники и растерянно смотрел на них.

– Идите с миром! – сказал ему епископ. – Кстати, мой друг, если вы еще придете, то лишнее ходить через сад. Вы можете всегда приходить и уходить в дверь с улицы. Она запирается днем и ночью на щеколду.

Затем, обращаясь к жандармам, он прибавил:

– Господа, можете идти.

Жандармы удалились. Жан Вальжан чувствовал, что он близок к обмороку.

Епископ подошел к нему и сказал шепотом:

– Не забывайте, не забывайте никогда вашего обещания: вы дали слово употребить эти деньги на то, чтобы сделаться честным человеком.

Жан Вальжан, не помнивший никаких обещаний, смутился. Епископ произнес эти слова с особенным ударением. Он продолжал торжественно:

– Жан Вальжан, брат мой, отныне вы перестаете принадлежать злу и поступаете во власть добра. Я купил вашу душу. Изгоняю из нее дух тьмы и вручаю ее Богу.

Виктор Гюго

25 НОЯБРЯ (Война)

Большинство людей уже понимает теперь не только бесполезность для них, но и безумие и жестокость войны, но не может избавиться от нее, потому что ищут избавления в общих правительственных решениях, а не в своих, отдельных людей, поступках.

1

Нельзя не признать того, что 19-й век стремится ступить на новый путь. Люди этого века начинают понимать, что должны существовать *законы и суды и для народов* и что преступления народа против народа, хотя и совершаемые в великих размерах, не менее ненавистны, чем преступления человека против человека.

Кетлэ

2

Когда изучаешь не поверхностно, но основательно различные деятельности человеческие, то нельзя воздержаться от следующего печального размышления: сколько тратится жизней для продолжения на земле царства зла, и как этому злу содействует больше всего учреждение постоянных армий.

Удивление и чувство печали увеличиваются еще при мысли о том, что все это не нужно, что это зло, принимаемое так благодушно огромным большинством людей, происходит только от их глупости, только оттого, что они позволяют относительно малому числу людей, искусных и развращенных, эксплуатировать себя.

Патрис Ларрок

3

Обитатели земной планеты находятся еще в таком состоянии нелепости, неразумия, тупости, что каждый день читаешь в журналах цивилизованных стран обсуждение дипломатических отношений глав государств, имеющих целью союзы против предполагаемого врага, приготовление войн, при которых народы позволяют своим руководителям располагать ими, как скотом, ведомым на бойню, как будто не подозревая того, что жизнь каждого человека есть его личная собственность.

Обитатели этой странной планеты все воспитаны в убеждении, что есть народы, границы, знамена, и все имеют такое слабое сознание человечности, что это чувство совершенно исчезает перед представлением отечества. Правда, что если бы мыслящие люди сумели согласиться, — это положение изменилось бы, так как лично никто не желает войны. Но есть такие политические сцепления, вследствие которых существуют еще миллионы паразитов, и этим-то паразитам и нужна война, и они-то мешают людям согласиться.

Фламарион

4

Медведей убивают тем, что над корытом меда вешают на веревке тяжелую колоду. Медведь отталкивает колоду, чтобы есть мед. Колода возвращается и ударяет его, медведь сердится и сильнее толкает колоду, она сильнее бьет его. И это продолжается до тех пор, пока колода не убивает медведя. Неужели люди не могут быть разумнее медведей?

5

Война есть убийство. И сколько бы людей ни собралось вместе, чтобы совершить убийство, и как бы они себя ни называли, убийство все же самый худший грех в мире.

До тех пор пока будет признаваться власть правительства и право его управлять народом, налагать подати, учреждать суды, наказывать, война никогда не прекратится. Война есть последствие власти правительства.

26 НОЯБРЯ (Устройство жизни)

Как одна свеча зажигает другую и одной свечой зажигаются тысячи, так и одно сердце зажигает другое, и зажигаются тысячи.

1

Остерегайтесь людей, отговаривающих вас от стремления к добру на том основании, что совершенство недостижимо.

Никогда не считайте бесполезным подчиняться влиянию, которое может пробудить в вас благородные чувства.

Джон Рёскин

2

Лучше верить в самое отдаленное и невозможное добро, чем верить в то, что хотя бы самое малое зло свойственно людям.

3

Чтение хороших книг есть внушение доброе; хорошее искусство есть такое же внушение добра; молитва есть самовнушение добра; но самое могущественное внушение добра есть пример доброй жизни. От этого-то добрая жизнь людей становится благом, – не для тех только, кто живет ею, но для всех тех, которые видят, знают и узнают впоследствии про такую жизнь.

4

Как часто приходится видеть, что человек добрый, умный, правдивый, зная незаконность, преступность дела, которое он делает – как, например, война, мясоедение, владение землей, на которой он не работает, уголовный суд и др., спокойно продолжает делать признаваемое им дурным дело. Отчего это удивительное явление? Происходит это оттого, что такой человек действует под влиянием внушения, которое сильнее требований его совести и разума. Часто можно видеть, или как внушение более и более овладевает человеком и он начинает делать дела, противные своей совести, или же как понемногу ослабевает такое внушение, усиливаются требования разума, начинаются колебания, и наконец разум одерживает победу.

5

Если вы хотите убедить человека в том, что он живет дурно, живите хорошо; но не убеждайте его словами. Люди верят тому, что видят.

Торо

6

Человек не заблуждается один. Заблуждаясь, всякий распространяет свое заблуждение между окружающими.

Сенека

7

Трудно привести к добру наравоучениями, легко примером.

Сенека

Бойтесь не только общества вредного для души и избегайте его, но дорожите общением добрым и ищите его.

27 НОЯБРЯ (Божественная природа души)

Если страсть овладевает тобою, то помни, что твое страстное желание не составляет твоей души, а только темный налет, временно скрывающий от тебя ее истинные свойства.

1

Будь светильником для самого себя. Будь убежищем для себя. Держись света твоего светильника и не ищи другого прибежища.

Буддийская Сутта

2

Душу можно сравнить с прозрачным шаром, освещенным изнутри собственным светом своим. Этот огонь есть для нее не только источник всякого света и истины, но и освещает ей все внешнее. В таком состоянии она свободна и счастлива, только пристрастие к внешнему может взволновать и омрачить ее гладкую поверхность, причиняя преломление и ущерб света.

Марк Аврелий

3

Во всех людях есть чувство милосердия, стыда и ненависти к пороку. Каждый может посредством самовоспитания возрастить эти чувства или дать им завянуть. Чувства эти составляют часть самого человека, так же как и члены его тела. И чувства эти так же, как и члены тела, могут быть воспитаны. На горе Никоншау растут прекрасные деревья. Когда их стволы срезаны, вырастают постоянно новые побеги; если пустить по ним скотину, то гора делается голой. Оголение горы не свойственно ей. Так же и развращение души: если мы допустим низкие страсти поедать благородные побеги милосердия, стыда, ненависти к пороку в нашем сердце, разве мы скажем вследствие этого, что всех этих чувств нет в сердце человека? Знать закон Неба – значит развивать высшие свойства нашей природы.

Менций

4

В тебе самом, внутри тебя источник добра. Он не перестанет журчать по мере того, как ты будешь раскапывать его.

Марк Аврелий

5

Душа человека есть зеркало, в котором можно видеть образ
Божественного Разума.

Джон Рёскин

Как только почувствуешь вождление страсти, вызови в себе сознание своей божественности. Как только почувствуешь затемнение своей божественности, знай, что тобой обладают страсти – борись с ними.

28 НОЯБРЯ (Бессмертие)

Жизнь не уничтожается, но только видоизменяется смертью.

1

Довлеет дневи злоба его. Не тратьте свою жизнь в сомнениях и страхах. Отдайтесь делу жизни, будучи уверены, что хорошее исполнение обязанностей настоящего часа есть лучшее приготовление для часов или веков, которые будут следовать за ним.

Будущее состояние наше всегда будет казаться иллюзией для нашего теперешнего состояния. Важна не длина жизни, но глубина ее. Дело не в продолжении жизни, но в том, чтобы изъять душу из времени, как это делает всякий высокий поступок души; когда мы живем полной жизнью, мы не задаем себе вопроса о времени.

Иисус ничего не разъяснял о жизни вечной, но влияние Его уносило людей из времени, и они чувствовали себя вечными.

Эмерсон

2

Дом, в котором живет человек, может быть разрушен и уничтожен; но то жилище, которое строит для себя дух из чистых мыслей и добрых дел, не боится даже вечности, и ничто не может причинить вреда живущему в нем.

Люси Малори

3

Верить в *будущую* жизнь нельзя, можно не только верить, но знать, что жизнь настоящего не уничтожима.

4

Вера в бессмертие дается не рассуждением, а жизнью.

5

Убеждают в необходимости будущей жизни не доводы, а то, когда идешь в жизни рука об руку с человеком, и вдруг человек этот исчезнет *там в нигде*, и ты сам останавливаешься перед этой пропастью и заглядываешь туда.

6

Степень страха, который мы испытываем перед смертью, есть показатель степени истинности понимания нами жизни.

Чем меньше страха смерти, тем больше свободы, спокойствия, сознания могущества духа и радости жизни. При полном освобождении от этого страха, при полном сознании единства жизни этой с бесконечной истиной должно быть полное, ничем не нарушимое спокойствие.

Сознание бессмертия свойственно душе человека. Только зло, которое мы делаем, и в той мере, в которой мы делаем его, лишает нас сознания нашего бессмертия.

29 НОЯБРЯ (Слово)

Слово есть поступок.

1

Не говорите никогда того, чего вы не чувствуете. Да не омрачится
никогда ложью ваша душа.
Из «Благочестивых мыслей»

2

Наши враги могут для нас быть полезнее наших друзей, ибо друзья часто прощают нам
наши слабости, тогда как враги обыкновенно отмечают их и привлекают к ним наше внимание.
Не пренебрегай суждениями врагов.

3

Даже самое щепетильное тщеславие, если только оно хорошо понимает
себя, должно заметить, что не меньше заслуги в том, чтобы дать себя убедить,
чем в том, чтобы убедиться самому, и что первое, может быть, делает еще
более истинной чести человеку, потому что для этого требуется больше
самоотречения и самовоспитания, чем для второго.
Кант

4

*Мудрый человек не приписывает значения человеку за его слова и не
пренебрегает словами только потому, что они произнесены ничтожным
человеком.
Китайская мудрость*

5

Язык человека – достаточное орудие, чтобы передать идеи, возникающие
в человеческом уме; но в области истинного и глубокого чувства он только
слабый переводчик.
Кошут

6

Каждое слово имеет только то значение, в каком может воспринять его
слушатель. Вы не уясните значения чести человеку бесчестному или любви

тому, кто чужд ей. Стараясь низвести значение этих слов до их понимания, вы дойдете только до того, что у вас не будет больше слов для выражения и чести и любви.

Джон Рёскин

Никогда никакие цели не могут оправдать лжи.

30 НОЯБРЯ (Смирение)

Смиренный человек, отрешаясь от себя, соединяется с Богом.

1

Нет в мире ничего нежнее и уступчивее, чем вода, а между тем жесткое и твердое не может устоять против нее. Слабый побеждает сильного. Нежный побеждает жестокого. Все в мире знают это, но никто не хочет исполнять это.
Лао-Тсе

2

Кто насилует обстоятельства, того обстоятельства насилуют в свою очередь, а кто им уступает, тому и они делают уступку.

Когда ты видишь, что обстоятельства не благоприятствуют тебе, то ты им не сопротивляйся, а предоставь их естественному ходу, потому что кто идет против обстоятельств, делается рабом их, а кто покоряется им, делается их господином.
Талмуд

3

Когда мудрец держится закона добродетели, то он скрывает это от взоров людей и не жалеет о том, что он никому не известен.
Конфуций

4

В стране парфян, рассказывает Саади, меня встретил человек, едущий верхом на тигре. Увидав это, я так испугался, что не мог ни бежать, ни двинуться с места. Но человек этот сказал мне: «Не удивляйся, Саади, тому, что ты видишь. Не высвобождай только своей шеи из-под ярма Бога, и ничто не будет иметь силы освободить свою шею от твоего ярма».

5

Человек очень силен, когда он хочет быть только тем, что он есть, и очень слаб, когда хочет подняться выше человечества.
Руссо

6

Человек, усердствуя в смирении, как будто спускается с вершины конуса к основанию его. Чем больше он спускается, тем шире круг его духовной жизни.

7

Слабейшее в мире побеждает сильнейшее: поэтому велико преимущество смирения и выгода молчания. Только немногие в мире могут быть смиренны.

Лао-Тсе

Чем смиреннее человек, тем он свободнее и сильнее.

ДЕКАБРЬ

1 ДЕКАБРЯ (Женщина)

Женщина не отличается от мужчины в своем основном жизненном призвании. Призвание это – служение Богу. Различие – только в предмете служения. Хотя призвание в жизни женщины то же, как и призвание мужчины: в служении Богу, и выполняется тем же средством – любовью, – для большинства женщин предмет этого служения более определен, чем для мужчины. Предмет этот: возвращение и воспитание в любви все новых и новых работников дела Божия.

1

Скажи мне, роскошная женщина, если бы кто спросил у тебя, чего бы ты лучше желала – тело ли иметь чистое, здоровое и прекрасное, а одеяние носить бедное, или – иметь тело уродливое и больное, но притом ходить в золоте и щеголять убранством. Не гораздо ли скорее ты захотела бы иметь благообразие в самой природе своего тела, чем в пышности одежд? Ужели же ты в отношении к телу пожелаешь этого, а по отношению к душе противного? Имея душу отвратительную, безобразную и черную, ужели ты думаешь что-нибудь выиграть чрез золотые украшения? Не крайнее ли это безумие?

Иоанн Златоуст

2

Если бесконечна доброта женщины, то бывает, что и злости ее нет конца. Хорошая жена – многоценный мужу подарок, злая – злокачественная язва для него.

Талмуд

3

Кроткие слова и немногие составляют лучшее украшение женщины.

Пройдите по большому городу и посмотрите на то, что продается в лучших магазинах, что стоит миллионы и есть произведение тяжелого, часто губительного труда миллионов рабочих. Все это предметы роскоши, употребляемые женщинами, такие, без которых можно обойтись. Если бы женщины только понимали то зло, которое производит их легкомысленная, ненужная роскошь!

5

Чем красивее женщина, тем она должна быть честнее, потому что только честностью она может противодействовать тому вреду, который может произвести ее красота.

Лессинг

6

Не муж выбирает жену, а жена выбирает мужа. Для того чтобы выбрать лучшего отца своим детям, женщина должна знать, в чем добро и в чем зло. И вот этому-то должны бы прежде всего учиться женщины.

7

Истинно целомудренная девушка, которая всю данную ей силу материнского самоотвержения отдаст служению Богу, проявляющемуся любовью к людям, есть самое прекрасное и счастливое человеческое существо.

8

Ничто так не свойственно женщине, как самоотвержение. И ничто так не отталкивает от нее, как себялюбие.

Совершенство для мужчины и женщины одно и то же: совершенство любви. Если мужчина часто превосходит женщину в разумности и твердости любви, то женщина всегда превосходит мужчину в самоотвержении в любви.

Недельное чтение

I. Женщины

Призвание всякого человека, мужчины и женщины, в том, чтобы служить людям. С этим общим положением, я думаю, согласны все небезнравственные люди. Разница между мужчинами и женщинами в исполнении этого назначения только в средствах, которыми они его достигают, т. е. чем они служат людям.

Мужчина служит людям и физической работой – приобретая средства пропитания, и работой умственной – изучением законов природы для побеждения ее, и работой общественной – учреждением форм жизни, установлением отношений между людьми. Средства служения людям для мужчины очень многообразны. Вся деятельность человечества, за исключением деторождения и кормления, составляет поприще этого служения. Женщина же, кроме своей возможности служения людям всеми теми же, как и мужчина, средствами, по строению своему призвана, привлечена к тому служению, которое одно исключено из области служения мужчины.

Служение человечеству само собой разделяется на две части: одно – увеличение блага в существующем человечестве, другое – продолжение самого человечества. К первому призваны преимущественно мужчины, так как они лишены возможности служить второму. Ко второму призваны преимущественно женщины, так как они исключительно способны к нему. Этого различия нельзя, не должно и грешно (т. е. ошибочно) не помнить и стирать. Из этого различия вытекают обязанности тех и других – обязанности, не выдуманные людьми, но лежащие в природе вещей. Из этого же различия вытекает оценка добродетели и порока женщины и мужчины, – оценка, существовавшая во все века и теперь существующая, и никогда не перестающая существовать, пока в людях есть и будет разум.

Всегда было и будет то, что мужчина, проводящий большую часть своей жизни в свойственном ему многообразном физическом и умственном, общественном труде, и женщина, проводящая большую часть своей жизни в свойственном исключительно ей труде рождения, кормления и возвращения детей, будут одинаково чувствовать, что они делают то, что должно, и, делая эти дела, будут одинаково возбуждать уважение и любовь других людей, потому что оба исполняют то, что предназначено им по их природе.

Призвание мужчины многообразнее и шире, призвание женщины однообразнее и уже, но зато глубже, и потому всегда было и будет то, что мужчина, имеющий сотни обязанностей, изменив одной, десяти из них, остается недурным, невредным человеком, исполнившим все-таки часть своего призвания. Женщина же, имеющая малое число обязанностей, изменив одной из них, тотчас же нравственно падает ниже мужчины, изменившего десяти из сотни своих обязанностей. Таково всегда было общее мнение, и таково оно всегда будет, потому что такова сущность дела.

Мужчина для исполнения воли Бога должен служить Ему и в области физического труда, и мысли, и нравственности: он всеми этими делами может исполнить свое назначение. Для женщины средства служения Богу суть преимущественно и почти исключительно (потому что, кроме нее, никто не может этого сделать) дети. Только через произведения свои призван служить Богу и людям мужчина, только через детей своих призвана служить женщина.

И потому любовь к своим детям, вложенная в женщину, исключительная любовь, с которой совершенно напрасно бороться рассудочно, всегда будет и должна быть свойственна женщине-матери. Любовь эта к ребенку в младенчестве есть вовсе не эгоизм, а это есть любовь

работника к той работе, которую он делает, в то время как она у него в руках. Отнимите эту любовь к предмету своей работы – и невозможна работа.

То же и с матерью. Мужчина призван служить людям через многообразные работы, и он любит эти работы, пока их делает. Женщина призвана служить людям через своих детей, и она не может не любить этих своих детей, пока она их родит, кормит, воспитывает.

По общему призванию – служить Богу и людям – мужчина и женщина совершенно равны, несмотря на различие в форме этого служения. Равенство в том, что одно служение столь же важно, как и другое, что одно немыслимо без другого, что одно обуславливает другое и что для действительного служения как мужчине, так и женщине одинаково необходимо знание истины, без которого деятельность как мужчины, так и женщины становится не полезной, но вредной для человечества. Мужчина призван исполнять свой многообразный труд; но труд его тогда только полезен, и его работа – и физическая, и умственная, и общественная – тогда только плодотворна, когда она совершается во имя истины и блага других людей.

То же и с призванием женщины: ее рождение, кормление и возвращение детей будут полезны человечеству только тогда, когда она будет выращивать не просто детей для своей радости, а будущих слуг человечества; когда воспитание этих детей будет совершаться во имя истины и для блага людей, т. е. она будет воспитывать детей так, чтобы они были наилучшими работниками для других людей.

«Ну а те, у которых нет детей, которые не вышли замуж, вдовы?»

Те будут прекрасно делать, если будут участвовать в мужском многообразном труде.

Всякая женщина, отрожавшая, если у нее есть силы, успеет заняться этою помощью мужчине в его труде. Помощь женщины в этом труде очень драгоценна; но видеть молодую женщину, готовую к деторождению и занятую мужским трудом, всегда будет жалко. Видеть такую женщину – все равно что видеть драгоценный чернозем, засыпанный щебнем для плаца или гулянья. Еще жальче: потому что земля эта могла бы родить только хлеб, а женщина могла бы родить то, чему не может быть оценки, выше чего ничего нет, – человека. И только она одна может это делать.

Л. Н. Толстой

II. Сестры

I

3-го мая 1882 года из Гавра отплыл в китайские моря трехмачтовый корабль «Богородица Ветров». Он сдал свой груз в Китае, взял там новый груз, отвез его в Буэнос-Айрес и оттуда повез товары в Бразилию.

Переезды, повреждения, починки, затишья по несколько месяцев, ветры, стонявшие корабль далеко с дороги, морские приключения и несчастья задерживали его так, что он четыре года проплавал по чужим морям, и только 8 мая 1886 года пристал к Марселю с грузом жестяных ящиков с американскими консервами.

Когда вышел корабль из Гавра, на нем были капитан, его помощник и 14 матросов. Во время путешествия один матрос умер, четыре пропали при разных приключениях и только девять воротились во Францию.

Вместо выбывших матросов на корабле наняли двух американцев, одного негра и одного шведа, которого нашли в одном кабаке в Сингапуре.

На корабле подобрали паруса и завязали на мачте крест-накрест снасти. Подошел буксирный пароход и, пыхтя, потащил его на линию кораблей. Море было тихо, у берега еле-еле плескался остаток зыби. Корабль вошел в линию, где стояли вдоль набережной бок о бок корабли из всех стран света, и большие и малые, всяких размеров, форм и оснасток. «Богородица Ветров» стала между итальянским бригом и английской галлетой, которые потеснились, чтобы дать место новому товарищу.

Как только капитан разделался с таможенными и портовыми чиновниками, он отпустил половину матросов на всю ночь на берег.

Ночь была теплая, летняя. Марсель был весь освещен, на улицах пахло едой из кухонь, со всех сторон слышался говор, грохот колес и веселые крики.

Матросы с корабля «Богородица Ветров» месяца четыре не были на суше и теперь, сойдя на берег, робко, по двое шли по городу, как чужие, отвыкшие от городов люди. Они осматривались, обнюхивая улицы, ближайšie к пристани, как будто чего-то искали. Четыре месяца они не видали женщин, и их мучила похоть. Впереди их шел Селестин Дюкло, здоровенный и ловкий парень. Он всегда водил других, когда они сходили на берег. Он умел находить хорошие места, умел и отделаться, когда надо было, и не ввязывался в драки, что частенько бывает с матросами, когда они сходят на берег; но если драка завязывалась, то он не отставал от товарищей и умел постоять за себя.

Долго матросы толкались по темным улицам, которые, как стоки, все спускались к морю и из которых несло тяжелым запахом подвалов и чуланов. Наконец Селестин выбрал один узкий переулок, в котором горели над дверями выпуклые фонари, и вошел в него. Матросы, зубоскаля и напевая, шли за ним. На матовых раскрашенных стеклах фонарей были огромные цифры. Под низкими потолками дверей сидели на соломенных стульях женщины в фартуках; они выскакивали при виде матросов и, выбегая на середину улицы, загораживали им дорогу и заманивали каждая в свой притон.

Иной раз в глубине сеней нечаянно распахивалась дверь. Из нее показывалась полураздетая девка в грубых бумажных обтянутых штанах, в коротенькой юбке и в бархатном черном нагруднике с позолоченными позументами. «Эй, красавчики, заходите!» звала она еще издали и иногда выбегала сама, цеплялась за кого-нибудь из матросов и тащила его изо всех сил к дверям. Она впивалась в него, как паук, когда он волочит муху сильнее себя. Парень, размякший от похоти, упирался слабо, а остальные останавливались и смотрели, что будет;

но Селестин Дюкло кричал: «Не здесь, не заходи. Дальше!» И парень слушался его голоса и силой вырывался у девки. И матросы шли дальше, провожаемые бранью рассерженной девки. На шум вдоль всего переулка выскакивали другие, накидывались на них и хриплыми голосами нахваливали свой товар. Так они шли все дальше и дальше. Изредка попадались им навстречу то солдаты, стучавшие шпорами, то поодиночке мещанин или приказчик, пробиравшиеся в знакомое место. В других переулках светились такие же фонари, но матросы шли дальше и дальше, шагая через вонючую жижу, сочившуюся из-под домов, полных женскими телами. Но вот Дюкло остановился около одного дома, получше других, и повел туда своих ребят.

II

Матросы сидели в большой зале трактира. Каждый из них выбрал себе подругу и уже не расставался с нею весь вечер; такой был обычай в трактире. Три стола были сдвинуты вместе, и матросы прежде всего выпили вместе с девками, потом они поднялись и пошли с ними наверх. Долго и громко стучали толстые башмаки двадцати ног по деревянным ступенькам, пока они все ввалились через узкие двери и разбрелись по спальным комнатам. Из спальных комнат они сходили опять вниз пить, потом опять шли наверх.

Гульба шла вразвал. Все полугодовое жалованье пошло за четыре часа разгула. К 11 часам они все были уже пьяны и с налитыми кровью глазами несвязно кричали, сами не зная что. У каждого на коленях сидела девка. Кто пел, кто кричал, кто стучал кулаком по столу, кто лил себе в глотку вино. Селестин Дюкло сидел среди товарищей. Верхом у него на коленке сидела крупная, толстая, краснощекая девка. Он выпил не меньше других, но не был еще совсем пьян; у него в голове бродили кое-какие мысли. Он разнежился и искал, о чем бы заговорить с своей подругой. Но мысли приходили ему и тотчас же уходили, и он никак не мог поймать их, вспомнить и высказать.

Он смеялся и говорил:

– Так, так-то... так-то... И давно уж ты здесь?

– Шесть месяцев, – отвечала девка.

Он кивнул головой, как будто одобрял ее за это.

– Ну, что же, и хорошо тебе?

Она подумала.

– Привыкла, – сказала она. – Надо же как-нибудь. Все же лучше, чем в прислугах или прачках.

Он одобрительно кивнул головой, как будто и за это он одобрял ее.

– И ты не здешняя?

Она покачала головой в знак того, что не здешняя.

– Дальняя?

Она кивнула.

– А откуда?

Она подумала, как будто припоминала.

– Из Перпиньяна я, – проговорила она.

– Так, так, – проговорил он и замолчал.

– А ты, что же, моряк? – спросила теперь она.

– Да, моряки мы.

– Что ж, далеко были?

– Да, не близко. Всего насмотрелись.

– Пожалуй, и вокруг света ездили?

– Не то что раз, чуть не два раза объехали.

Она как будто раздумывала, припоминая что-то.

- Я чай, много встречали кораблей? – сказала она.
- А то как же?
- Не попадалась вам «Богородица Ветров»? Такой корабль есть.
- Он удивился, что она назвала его корабль, и вздумал пошутить.
- Как же, на прошлой неделе встретили.
- Правду, в самом деле? – спросила она и побледнела.
- Правду.
- Не врешь?
- Ей-богу, – побожился он.
- Ну а не видал ты там Селестина Дюкло? – спросила она.
- Селестина Дюкло? – повторил он и удивился, и испугался даже. Откуда могла она знать его имя?
- А его разве знаешь? – спросил он. Видно было, что и она чего-то испугалась.
- Нет, не я, а женщина тут одна его знает.
- Какая женщина? Из этого дома?
- Нет, тут поблизости.
- Где же поблизости?
- Да недалеко.
- Кто же она такая?
- Да просто женщина, такая же, как я.
- А зачем же он ей нужен?
- Почему же я знаю. Может, землячка его.
- Они пытливо смотрели прямо в глаза друг другу.
- Хотелось бы мне повидаться с этой женщиной, – сказал он.
- А зачем? Сказать что хочешь?
- Сказать...
- Что сказать?
- Сказать, что видел Селестина Дюкло.
- А ты видел Селестина Дюкло? И жив он и здоров?
- Здоров. А что?
- Она замолчала, опять собираясь с мыслями, и потом тихо сказала:
- А куда же идет «Богородица Ветров»?
- Куда? В Марсель.
- Правду?! – вскрикнула она.
- Правду.
- И ты знаешь Дюкло?
- Да ведь сказал, что знаю.
- Она подумала.
- Так, так. Это хорошо, – тихонько сказала она.
- Да зачем он тебе?
- А коли увидишь его, ты ему скажи... Нет, не надо.
- Да что?
- Нет, ничего.
- Он смотрел на нее и тревожился все больше и больше.
- Да ты-то знаешь его? – спросил он.
- Нет, не знаю.
- Так зачем же он тебе?
- Она, не отвечая, вдруг вскочила, побежала к конторке, за которой сидела хозяйка, взяла лимон, разрезала его, надала соку в стакан, потом налила туда воды и подала Селестину.

– На, выпей-ка, – сказала она и села, как и прежде сидела, ему на колени.

– Это зачем? – спросил он, взяв от нее стакан.

– Чтобы хмель прошел. Потом скажу. Пей.

Он выпил и утер рукавом губы.

– Ну, говори, я слушаю.

– Да ты не скажешь ему, что меня видел? Не скажешь, от кого слышал то, что скажу?

– Ну, хорошо, не скажу.

– Побожись!

Он побожился.

– Ей-богу?

– Ей-богу.

– Так ты ему скажи, что его отец умер и мать померла, брат тоже помер. Горячка была.

В один месяц все трое померли.

Дюкло почувствовал, что вся кровь его стеснилась у сердца. Несколько минут просидел он молча, не зная, что сказать, потом выговорил:

– И ты верно знаешь?

– Верно.

– Кто ж тебе сказал?

Она положила руки ему на плечи и посмотрела прямо в глаза.

– Побожись, что не разболтаешь.

– Ну, побожился: ей-богу.

– Я сестра ему.

– Франсуаза! – вскрикнул он.

Она пристально посмотрела на него и тихо-тихо пошевелила губами, почти не выпуская слов.

– Так это ты – Селестин!

Они не шевелились, замерли, как были, смотрели в глаза друг другу.

А вокруг них остальные орали пьяными голосами. Звон стаканов, стук ладонями и каблуками и пронзительный визг женщин перемешивались с гамом песен.

– Как же это так? – тихо, так тихо, что даже она едва-едва разобрала его слова, проговорил он.

Глаза ее вдруг налились слезами.

– Да так, померли. Все трое в один месяц, – продолжала она. – Что ж мне было делать? Осталась я одна. В аптеку, да к доктору, за похороны троих... продала, что было, вещей, расплатилась и осталась, в чем была. Поступила в прислуги к барину Кашо, – помнишь, хромой такой. Мне только что пятнадцать лет минуло; мне ведь и четырнадцати еще не было, когда ты-то уехал. С ним согрешила... Дура ведь наша сестра. Потом в няньки поступила к нотариусу. Он тоже. Сначала взял на содержание, жила на квартире. Да недолго. Бросил он меня, я три дня не евши жила, никто не берет, и поступила вот сюда, как и прочие.

Она говорила, и слезы ручьем текли у ней из глаз, из носа, мочили щеки и вливались в рот.

– Что ж это мы наделали? – проговорил он.

– Я думала, и ты тоже умер, – сказала она сквозь слезы. – Разве это от меня? – прошептала она.

– Как же ты меня не узнала? – также шепотом сказал он.

– Я не знаю, я не виновата, – продолжала она и еще пуще заплакала.

– Разве я мог узнать тебя? Разве ты такая была, когда я уехал? Ты-то как не узнала?

Она с отчаянием махнула рукой.

– Ах! Я их столько, этих мужчин, вижу, что они мне все на одно лицо.

Сердце его сжималось так больно и так сильно, что ему хотелось кричать и реветь, как маленькому мальчику, когда его бьют.

Он поднялся, отстранил ее от себя и, схватив своими большими матросскими лапами ее голову, пристально стал вглядываться в ее лицо.

Мало-помалу он узнал в ней, наконец, ту маленькую, тоненькую и веселенькую девочку, которую он оставил дома с теми, кому она закрыла глаза.

– Да, ты Франсуаза! Сестра! – проговорил он.

И вдруг рыдания, тяжелые рыдания мужчины, похожие на икоту пьяницы, поднялись в его горле. Он отпустил ее голову, ударил по столу так, что стаканы опрокинулись и разлетелись вдребезги, и закричал диким голосом.

Товарищи его обратились к нему и уставились на него.

– Вишь, как надулся! – сказал один. – Будет орать-то, – сказал другой. – Эй! Дюкло! Что орешь? Идем опять наверх, – сказал третий, одной рукой дергая Селестина за рукав, а другой обнимая свою хохотавшую, раскрасневшуюся, с блестящими черными глазами подругу в шелковом розовом открытом лифе.

Дюкло вдруг замолк и, затаив дыхание, уставился на товарищей. Потом с тем странным и решительным выражением, с которым, бывало, вступал в драку, он, шатаясь, подошел к матросу, обнимавшему девку, и ударил рукой между им и девкой, разделяя их.

– Прочь! Разве не видишь, она сестра тебе! Все они кому-нибудь да сестры. Вот и эта сестра Франсуаза. Ха-ха-ха-ха... – зарыдал он рыданиями, похожими на хохот, и он зашатался, поднял руки и грянулся лицом на пол. И стал кататься по полу, колотясь о него и руками и ногами, хрипя, как умирающий.

– Надо его уложить спать, – сказал один из товарищей, – а то как бы на улице не засадили его.

И они подняли Селестина и втащили наверх в комнату Франсуазы и уложили его на ее постель.

Л. Н. Толстой (по Мопассану)

2 ДЕКАБРЯ (Вегетарианство)

Не убий относится не к одному убийству человека, но и к убийству всего живого. И заповедь эта была записана в сердце человека, прежде чем она была услышана на Синае.

1

Как бы убедительны ни были доводы против безубойного питания, но человек не может не испытывать жалости и отвращения к убийству овцы или курицы, и большинство людей всегда предпочтут лишиться удовольствия и пользы мясной пищи, чем самим совершать эти убийства.

2

«Но если надо жалеть овец и кроликов, то надо жалеть и волков и крыс», – говорят враги вегетарианства. – Мы и жалеем их и стараемся жалеть их, отвечают вегетарианцы, и отыскиваем против наносимого ими вреда средства помимо убийства, и средства эти находятся. Если же вы говорите то же о насекомых, то мы хотя не испытываем к ним непосредственной жалости (Лихтенберг говорит, что жалость наша к животным прямо пропорциональна их величине), но думаем, что можно испытывать и к ним жалость (как Сильвио Пеллико к пауку), и против них могут быть найдены средства помимо убийства.

«Но ведь растения тоже живые существа, и вы уничтожаете их жизнь», говорят еще противники вегетарианства. Но этот самый довод лучше всего определяет сущность вегетарианства и указывает средства удовлетворения его требованиям. Идеальное вегетарианство есть питание плодами, т. е. оболочкой семени, заключающей жизнь: яблоки, персики, арбузы, тыквы, ягоды. Гигиенисты признают эту пищу самой здоровой, и при этой пище человек не уничтожает жизнь. Знаменательно при этом еще то, что приятность вкуса плодов, оболочки семян, делает то, что люди, срывая и съедая плоды, разносят их по земле и размножают.

3

По мере просвещения и увеличения населения люди переходят от поедания людей к поеданию животных, от поедания животных к питанию зернами и кореньями и от этого способа питания к самому естественному питанию плодами.

4

Захват крупными собственниками больших пространств земли сделал то, что плоды составляют роскошь. Чем равномернее распределена земля, тем больше разводят плодов.

5

Чтение и письмо отнюдь не составляют образования, если они не помогают людям быть добрее ко всем тварям.

Джон Рёскин

Неразумие, незаконность и вред, нравственный и вещественный, питания мясом в последнее время до такой степени выяснился, что мясоедение держится теперь уже не рассуждениями, а только внушением давности, преданием, обычаем. И потому в наше время уже не нужно доказывать всем очевидное неразумие мясоедения. Оно само собой прекращается.

3 ДЕКАБРЯ (Искусство)

Искусство есть деятельность человеческая, состоящая в том, что один человек сознательно, известными внешними приемами передает другим испытываемые им чувства, а другие люди заражаются этими чувствами и переживают их.

1

Настоящее произведение искусства делает то, что в сознании воспринимающего уничтожается разделение между ним и художником, и не только между ним и художником, но между ним и всеми людьми, которые воспринимают то же произведение искусства. В этом-то освобождении личности от своего отделения от других людей, от своего одиночества, в этом слиянии личности с другими и заключается главная привлекательная сила и доброе свойство искусства.

2

Как произведение мысли только тогда произведение мысли, когда оно передает новые соображения и мысли, а не повторяет того, что известно, точно так же и произведение искусства только тогда произведение искусства, когда оно вносит новое чувство в обиход человеческой жизни.

3

Искусство есть один из двух органов прогресса человечества. Через слово человек общается мыслью, через образы искусства он общается чувством со всеми людьми не только настоящего, но и будущего.

Как происходит совершенствование знаний, т. е. более истинные, нужные знания вытесняют и заменяют знания ошибочные и ненужные, так точно происходит совершенствование чувств посредством искусства, вытесняя чувства низшие, менее добрые и менее нужные для блага людей высшими, более добрыми, более нужными для этого блага.

В этом назначение искусства.

4

Музыка показывает человеку те возможности величия, которые есть в его душе, говорит Эмерсон. То же можно сказать и про всякое истинное искусство.

5

Искусство есть цвет жизни целого общества. Не может быть хорошим цвет такого общества, как общество жестоких паразитов высшего круга нашего христианского мира. Оно неизбежно будет развращенным и уродливым.

Таково и есть искусство нашего общества, дошедшее в последнее время до высшей степени развращенности и уродливости.

6

Если бы был поставлен вопрос о том, что лучше нашему христианскому миру: лишиться ли всего того, что теперь считается искусством, вместе с ложным, и всего хорошего, которое есть теперь, то я думаю, что всякий разумный и нравственный человек опять решил бы вопрос так же, как решал его Платон для своей республики и решали все христианские и магометанские учителя человечества, т. е. сказал бы: «Лучше пускай не было бы никакого искусства, чем продолжалось бы то развращенное искусство или подобие его, которое есть теперь».

7

Деятели нынешней науки и искусства не исполнили и не могут исполнить своего призвания, потому что они из обязанностей своих сделали права.

Наше утонченное, развращенное искусство могло возникнуть только на рабстве народных масс и может продолжаться только до тех пор, пока будет это рабство.

4 ДЕКАБРЯ (Достоинство человека)

Не случайно сказано, что весь закон в том, чтобы любить Бога и ближнего. Любовь к ближнему есть частный случай. Ближний может быть и не быть. Бог всегда есть. И потому человек один в пустыне, в тюрьме может исполнять закон, любя Бога и все доступные ему проявления Его хотя бы в воспоминаниях, в представлениях, мыслях.

1

Помни, что в каждом человеке живет дух Божий – тот же, который дает тебе жизнь, и потому не только люби, но чтить, как святыню, душу каждого человека.

2

Лошадь спасается от врага своим быстрым бегом, и она несчастна не тогда, когда не может петь петухом, а тогда, когда потеряла то, что ей дано, – свой быстрый бег.

Собака имеет чутье; когда она лишается того, что ей дано, – своего чутья, она несчастна, а не бывает несчастна тогда, когда она не может летать.

Точно так же и человек становится несчастным не тогда, когда он не может осилить медведя, или льва, или злых людей, а тогда, когда он теряет то, что ему дано, – доброту и рассудительность. Вот такой-то человек воистину несчастен и достоин сожаления.

Не то жалко, что человек умер, что он лишился своих денег, дома, имущества: все это не принадлежит человеку. А то жалко, когда человек теряет свою истинную собственность – свое человеческое достоинство.

Эпиктет

3

Не делай ничего противного твоей совести ни на людях, ни наедине.

4

В наше время люди забывают, что прежде всего они должны в самих себе свято чтить человека. Высшее же свойство человека состоит в том, что при душевном равновесии сознание его способно, вступая в общение с Источником разума, сливаться с беспредельною духовною жизнью. А между тем люди, вместо того чтобы непосредственно черпать духовную пищу из этого источника, предпочитают нищенски вымалывать друг у друга по кружке застоявшейся воды.

Эмерсон

5

Самый жалкий из нас обладает все-таки каким-нибудь даром, и как бы ни был этот дар, по-видимому, зауряден, но, составляя нашу особенность, он может, при правильном применении, стать даром для всего человечества.

Джон Рёскин

Кроме обязанностей к ближнему, у каждого человека есть обязанность к себе как к сыну Божию.

5 ДЕКАБРЯ (Разум)

Чем дольше живет человечество, тем больше освобождается оно от суеверий и тем проще представляются ему законы жизни.

1

Наш век – истинный век критики.

Религия и законодательство обыкновенно думают ускользнуть от критики. Религия – с помощью своей святости, законодательство – с помощью своего внешнего величия.

Но этим самым они возбуждают против себя подозрение и не могут рассчитывать на непритворное уважение, потому что разум относится с уважением только к тому, что в состоянии выдержать его свободное и публичное испытание.

Кант

2

Миссионеры старательно распространяют христианство в Индии. Но может ли церковное христианство дать Индии более завидный удел, чем тот, какой она имела в прошлом? Может ли оно дать ей более умственной и духовной силы, чем сколько есть у нее и сколько было со времен незапамятных? Есть ли у церковного христианства более высокое представление о вездесущем, всемогущем и всезнающем божестве, чем у последователей браминского учения? Неужели мысль о Боге, который прогуливался по саду с Адамом и Евой и не слышал того, что говорили они, потому что отошел от них на некоторое расстояние, который испугался нападения на Его небесную твердыню со стороны строителей какой-то башни и ел жареных ягнят со стариками, который приходил в ярость из-за разных пустяков, и то и дело проклинал несчастных, созданных им людей за их ошибки, – может ли мысль о таком Боге быть чем-либо высшим сравнительно с представлением о невидимом, всезнающем, всемогущем существе, которое проявляет свою волю всюду во вселенной? А вера в божественность Христа, в его воплощение, воскресение и искупительную жертву? Разве не есть это кощунство – впутывать высшее и величайшее существо в дела смертных? Если индусы должны верить в воплощение, то почему им не верить в воплощение Кришны или Рамы: почему они должны верить не в них, а в Христа? Однако Бог, как это сказано в истинно священном писании человечества, не имеет тела и не был рожден (Иоан. 4 гл.) и не может воплощаться. Учение о воскресении – не более как сказка: могила никогда не выдавала своих мертвецов, если они точно были мертвецами. Что же касается искупления, то учение это противоречит уже самым первобытным понятиям о справедливости.

Люси Малори

3

Все исследуй, давай разуму первое место.
Пифагор

4

Жизнь состоит в том, чтобы добывать все более и более истину о своем назначении и жить более и более согласно с этой истиной. Все же ложные религии говорят, что у них в писании или предании находится готовая, полная, совершенная истина (Веды, Библия, Коран) и есть средство жить сообразно с этой истиной (вера, жертвы, молитва, благодать). Так что ни искать истины не нужно, ни трудиться над улучшением своей жизни. Это ужасно.

Не надо бояться тех разрушений, которые совершает разум в установленных людьми преданиях. Разум не может ничего уничтожать, не заменяя его истиной. Таково его свойство.

6 ДЕКАБРЯ (Заблуждение)

Заблуждаемся мы не оттого, что не можем правильно мыслить, а оттого, что живем дурно.

1

Незнание никогда не делает зла; пагубно только заблуждение. Заблуждаются же люди не потому, что не знают, а потому, что воображают себя знающими.

Руссо

2

Всякое заблуждение есть яд, и потому не может быть безвредных заблуждений; тем более не может быть прекрасных и неприкосновенных заблуждений.

На что мне такие утешения, над которыми висит непрестанно дамоклов меч разочарования? Безопасна только одна истина. Одна истина тверда, и на одну ее можно положиться. Только в ней истинное утешение; она одна неразрушимый алмаз. Освободить человека от лжи значит не отнять что-либо, но дать. Знание того, что неправда – неправда, есть истина. Заблуждение всегда вредит. Рано или поздно оно отзовется человеку, который держится его.

Шопенгауэр

3

Мы видим мир при посредстве наших мыслей, видим его не таким, каков он есть, а в том свете, какой придают ему наши мысли. Ненависть делает его для нас – как будто мы надели черные очки – туманным и мрачным.

Люси Малори

4

Есть такие заблуждения, которых нельзя опровергнуть. Надо сообщить заблуждающемуся уму такие знания, которые его просветят. Тогда заблуждение исчезнет само собою.

Кант

5

Одно из злых свойств человека состоит в том, что он любит и уважает самого себя, желает себе блага. Но беда ему, если он любит только самого

себя: он захочет быть великим, а увидит, что он маленький; захочет быть счастливым, а увидит себя несчастным; захочет быть совершенным, а увидит себя полным несовершенства; захочет себе любви и уважения от людей, а увидит, что его недостатки отвращают от него людей и внушают им презрение к нему. Видя неисполнение своих желаний, такой человек впадает в самое преступное дело: он начинает ненавидеть ту правду, которая идет ему наперекор; он хочет истребить эту правду, и так как он сделать этого не может, то он в своей душе и в мыслях других старается извращать правду, когда только может; и таким способом он надеется скрыть свои недостатки и от других, и от самого себя.

Паскаль

6

Борьба духовной и телесной природы одна и та же во всех людях, и потому люди впадают в одни и те же заблуждения. Находясь же в одних и тех же заблуждениях, они еще более утверждают в них и принимают их за несомненную истину, потому что большее количество людей разделяет их.

Накормить голодного, одеть голого, посетить больного – все добрые дела, но несравнимое со всем этим доброе дело – освобождение брата от заблуждения.

7 ДЕКАБРЯ (Бессмертие)

Вся телесная жизнь человеческая есть ряд незаметных ему, но подлежащих наблюдению изменений. Но начало этих изменений, совершившееся в первом детстве, и конец их – в смерти – недоступны человеческому наблюдению.

1

Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода; любящий душу свою погубит ее, а ненавидящий душу свою в мире сем сохранит ее в жизнь вечную.

Ин. 12 гл. ст. 24 – 25

2

Жизнь постоянно изменяет свою внешность. Только невежда, который видит не глубже поверхности вещей, думает, что жизнь уничтожается, когда она пропадает в одной какой-либо форме. Ибо если она пропадает в одной какой-либо форме, то только для того, чтобы вновь явиться в другой. Гусеница пропадает и вновь является в виде бабочки, дитя пропадает, но вместо него является юноша; животный человек пропадает и вновь является как человек духовный.

Люси Малори

3

Что такое желудь, как не дуб, лишенный своих ветвей, листьев, ствола, корней, т. е. всех форм, всех особенностей, но который сосредоточен в своей сущности, в своей производительной силе, который вновь может завоевать все, что она отбросила? Это обеднение, стало быть, есть только внешнее сокращение. Возвратиться к своей вечности – это-то и значит умереть. Умереть значит не уничтожиться, но возвратиться к своей потенциальности.

Амиель

4

Разве мы не воскресли уж однажды из того состояния, в котором мы о настоящем знали меньше, чем в настоящем знаем о будущем? Как наше предшествующее состояние относится к теперешнему, так теперешнее относится к будущему.

Лихтенберг

5

Неужели тебя страшит перемена? Ведь ничто на свете не делается без перемены. Нельзя согреть воды, без того чтобы не совершилось превращение с дровами; питание невозможно без изменения пищи. Вся мировая жизнь есть не что иное, как перемена. Пойми, что ожидающее тебя превращение имеет такой же точно смысл, что оно необходимо по самой природе вещей. Надо заботиться об одном, как бы не сделать чего-нибудь противного истинной природе человеческой, и поступать во всем так, как она укажет.

Марк Аврелий

6

Все в мире растет, цветет и возвращается к своему корню. Возвращение к своему корню означает успокоение, согласное с природой. Согласное с природой означает вечное; поэтому разрушение тела не включает в себе никакой опасности.

Лао-Тсе

Смерть есть изменение той формы, с которой соединен наш дух. Не надо смешивать форму с тем, что соединено с ней.

8 ДЕКАБРЯ (Закон)

Как легко, казалось бы, исполнение закона Бога, выраженного в христианском учении, и как все еще далеки мы от этого исполнения!

1

Вы слышали, что сказано древним: не убивай; кто же убьет, подлежит суду (Исход 20, 13).

А Я говорю вам, что всякий, гневающийся на брата своего, подлежит суду.

Вы слышали, что сказано древним: не прелюбодействуй (Исход 20, 14).

А Я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем.

Еще слышали вы, что сказано древним: не преступай клятвы, но исполняй пред Господом клятвы твои (Левит 19, 12, Второзак. 23, 21).

А Я говорю вам: не клянись вовсе... Но да будет слово ваше: «да, да», «нет, нет»; а что сверх этого, то от лукавого.

Вы слышали, что сказано: око за око, и зуб за зуб (Исход 21, 24).

А Я говорю вам: не противься злому; но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую.

И кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду.

И кто принудит тебя идти с ним одно поприще, иди с ним два.

Просящему у тебя дай и от хотящего занять у тебя не отвращайся.

Вы слышали, что сказано: люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего (Левит 19, 17–18).

А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас.

Да будете сынами Отца вашего Небесного; ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных.

Ибо, если вы будете любить любящих вас, какая вам награда? Не то же ли делают и мытари?

И если вы приветствуете только братьев ваших, что особенного делаете? Не так же ли поступают и язычники?

Итак, будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный.

Мф. 5 гл., ст. 21, 22, 27, 28, 33, 34, 37 – 48

2

В пяти заповедях Христа выражены условия исполнения закона; указано все то, что препятствует этому исполнению. Стоит людям следовать этим 5-ти заповедям, и на земле установится Царство Бога. И следовать им легко даже нам, испорченным воспитанием. Что же было бы, если бы все дети воспитывались в этих заповедях?

3

Постоянное движение вперед религии — в сближении ее с нравственностью. Если в богословии мнения изменяются, убеждения людей относительно поведения неизменны.

Эмерсон

4

Закон жизни для мудрых неясен, но он все более и более выясняется по мере того, как они ему следуют. Закон жизни для обыкновенных людей ясен, но он все более и более затемняется по мере того, как они ему следуют.

Конфуций

5

Существует только один вечный, неизменный закон, управляющий всеми народами во все времена. Не повинующийся этому закону отрекается от себя, презирает человеческую природу, а этим самым такой человек, хотя и может избежать человеческого наказания, накладывает на себя исходящее не от людей, но самое тяжелое наказание.

Цицерон

Для осуществления закона Бога, насколько он выяснен нам, нужно наше усилие, и усилие это делается людьми, и, как ни медленно, мы все-таки приближаемся к этому осуществлению.

Недельное чтение

Учение двенадцати апостолов

Предисловие

В 1883 году митрополит греческий Вриений нашел в Константинополе в старинном сборнике древних христианских поучений сочинение под названием: «Учение 12 апостолов», или «Учение Господа, преподанное народам через 12 апостолов». Об этой книге, почитаемой некоторыми учителями Церкви священной, известно было до этого только ее заглавие.

Сочинение это содержит в себе самую сущность христианского учения. Оно передает иными словами и с некоторыми прибавлениями и разъяснениями те великие истины и поучения, которые изложены в нагорной проповеди Матфея и в 6-й главе Луки. Так, например, в поучении о том, чтобы давать просящему, прибавлено: «Блажен дающий по заповеди; ибо он свободен от наказания; но горе принимающему, ибо кто берет, имея нужду, тот прав; неимеющий же нужды даст отчет, почему и для чего брал». Также есть отсутствующее в Евангелиях разъяснение о том, что милостыня только тогда милостыня, когда она исходит из потной руки, то есть когда то, что дается, заработано трудами подающего.

То же еще яснее сказано в гл. 4-й. Там сказано, что христианин ничего не должен считать своею собственностью и помогать нуждающемуся может только своим трудом.

Есть еще в этом сочинении не встречающееся в Евангелиях прекрасное и очень важное поучение о том, как должен относиться христианин к людям, смотря по их душевному состоянию. «Не имей ненависти ни к кому, – сказано там, – но одних обличай, за других молись, а иных люби больше души своей».

Очевидно, совет обличать одних относится к тем, которые заблуждаются по неведению, по увлечению, к таким, обличение которых может помочь им вступить на добрый путь. Молиться же советуется о тех, которые глухи к обличению и увещанию. Это, очевидно, относится к тем, про которых сказано в Евангелии, что не следует метать бисер перед теми, которые не могут оценить его. Здесь та же мысль выражена мягче и добрее. Не отворачиваться от таких людей советует это учение, но молиться о них, т. е. не переставая желать им истинного блага и всегда быть готовым, в случае их смягчения, прийти на помощь им. Любить же более души своей, очевидно, относится к тем, которые соединены одною верою.

Важно и ново тоже в гл. 6-й поучение о том, как отвечать на обычное возражение против учения Христа людей, не желающих принять его. «Исполнять, так уже исполнять все», говорят такие возражатели. «Если же исполнять все, то надо отказаться от жизни, а это невозможно». Ответ на это возражение такой:

«Берегись того, кто будет совращать тебя с этого пути, так как он учит тебя не по-Божьи, потому что, если ты можешь понести все иго Господне, то будешь совершенен, а если не можешь, то делай то, что можешь».

Кроме этих и многих других новых и замечательных разъяснений, в этой книге есть определенные указания о том, как должно производить крещение. Сказано, крестить надо так: сообщив все вышесказанное учение крещаемому (следовательно, взрослому), крестите во имя Отца и Сына и Святого духа. Так же об евхаристии сказано, как о благодарственной молитве, читаемой в общем собрании за трапезой, без всякого намека на таинство. О молитве сказано то же, что в Евангелии, что молитва должна состоять в чтении «Отче наш».

Еще даны наставления о том, как избирать епископов и дьяконов – как должностных выборных лиц общины, без малейшего указания на рукоположения. Есть еще многие другие постановления об апостолах и пророках, совершенно не сходящиеся с существующими теперь установлениями.

И вот является эта книга, признанная всеми учеными произведением конца первого или начала второго века, т. е. христианский памятник более ранний, чем Евангелие Луки, и одновременный с Евангелием Иоанна, голос, подтверждающий, уясняющий и усиливающий все то, что мы знаем о нравственно-жизненной стороне христианства, и несогласный во многом и в самом существенном с внешней стороной христианства. И что же? Казалось бы, открытие такого памятника должно произвести величайшее волнение в христианском мире. Все христиане, казалось бы, должны ухватиться за этот памятник, разбирать его содержание, вникать в смысл его, сличить с ним свои установленные положения, по нем исправить их, должны бы были в миллионах экземпляров распространить это сочинение в народе, в церквях читать его. Ничего подобного нет и не было. Десяток ученых рассмотрели этот памятник с точки зрения общецерковной и исторической, несколько специалистов по части лже толкований из священников придумали кое-какие рассуждения, по которым выходит, что правы позднейшие установления, а не те, о которых писано в этом сочинении, так что открытие «Учения Господа народам через 12 апостолов», т. е. услышание голоса святых людей первых веков христианства, голоса, подтверждающего, уясняющего и усиливающего все то, что мы знаем о нравственной стороне христианства, открытие этого памятника производит гораздо меньшее впечатление на христианское общество, чем открытие куска голой Венеры в какой-нибудь раскопке.

Открываются посмертные сочинения какого-нибудь несчастного безумца Ницше или Верлена, и сотни тысяч экземпляров печатаются и распространяются. А раздаются слова того Христа, которого мы будто бы исповедуем, и мы только стараемся как-нибудь поскорее отделаться от них, чтобы они не мешали нам заниматься нашими важными делами: открытием новой планеты, спорами о происхождении видов, рассуждениями о свойствах радия, ни на что не нужными.

Да, вот уже именно: «Огрубело сердце людей сих, и ушами с трудом слышат, и глаза свои сомкнули, да не увидят глазами и не услышат ушами, и не уразумеют сердцем, и да не обратятся, чтобы Я исцелил их» (Исаии 6, 9 – 10, Матфея 13, 15).

Но, слава Богу, еще в народных массах есть люди, для которых важен этот голос из времен первого века и которые с радостью найдут в нем еще большее уяснение и подтверждение той истины, которая освещает их жизнь и дает им силы. Для этих-то людей я и пишу это и перепечатаваю это сочинение.

Л. Н. Толстой

Учение Господа, преподанное народам 12-ю апостолами

Есть два пути: путь жизни и путь смерти. И разница великая между этими двумя путями. Путь жизни такой:

Во-первых, люби Бога, создавшего тебя.

Во-вторых, ближнего своего, как самого себя, и потому не делай другому всего того, чего не хочешь, чтобы тебе сделали.

Учение этих двух слов такое:

1

Первая заповедь учения: люби Бога, создавшего тебя.

Благословляйте проклинающих вас; молитесь за врагов ваших, за нападающих на вас и поститесь за тех, которые обижают вас, потому что – то не добро, чтобы любить только тех, которые любят вас. То же делают и язычники. Они любят своих и ненавидят врагов, и потому у них есть враги. Вы же любите ненавидящих вас, и тогда не будет у вас врагов.

Берегитесь телесных и мирских побуждений.

Если кто ударит тебя в правую щеку, обрати к нему и другую, и будешь совершенен. Если кто принудит тебя пройти с ним одну версту, иди с ним две. Если кто возьмет у тебя кафтан твой, отдай и рубаху. Если кто взял у тебя твое, не возвращивай назад, потому что этого нельзя делать. А всякому просящему у тебя дай и не требуй назад, потому что Отец хочет, чтобы у каждого было то свое, которое Он дал всем людям. Блажен тот, кто по заповеди дает: тот прав; но горе тому, кто берет, потому что прав только тот, кто берет по нужде; тот же, кто берет без нужды, должен дать отчет, почему и для чего он взял. Кто пойман в сети Маммона, тот будет мучим за то, что Он сделал, и не высвободится из них до тех пор, пока не отдаст последнее. Об этом-то сказано: пусть милосердие твое выходит потом из рук твоих, куда ты еще и не знаешь, кому ты дашь.

2

Вторая заповедь учения: люби ближнего, как самого себя, т. е. не делай другому того, чего не хочешь, чтобы с тобою сделали.

Не убивай, не прелюбодействуй, не оскверняй детей, не распутничай, не крадь, не колдуй, не отравляй, не умерщвляй младенца в утробе матери и рожденного не убивай, не желай иметь того, что у ближнего твоего, не клянись, не лжесвидетельствуй, не сквернословь, не скверномысли, не будь двумыслен, ни двуязычен – двуязычие есть сеть смерти. Чтобы твое слово не было ни лживо, ни пусто, но всегда полно дела; не будь ни алчным, ни хищным, ни лицемером, ни угрюмым, ни гордым. Не держи зла на ближнего своего, не ненавидь никакого человека, но одних обличай, за других молись, а иных люби более души своей.

3

Чадо мое! Избегай всякого зла и всего того, что похоже на него. Не входи в гнев, гнев ведет к убийству; не входи в задор, в споры, в горячность – от всего этого бывают убийства. Чадо мое! Избегай похоти, похоть ведет к распутству; не сквернословь и не озирайся на то, чего тебе не нужно видеть; это ведет к прелюбодеяниям. Чадо мое! Не ворожи, потому что это ведет к идолопоклонству; не волхвуй, не чернокнижничай, не делай заговоров и не присутствуй при подобных делах, потому что это идолопоклонство. Чадо мое! не будь обманщиком, потому что обман приводит к воровству; не будь корыстолюбив и тщеславен – и это доводит до воровства. Чадо мое! не будь недовольным, недовольство ведет к ругательству; не будь самодовольным и осуждающим, потому что и это ведет к ругательству; будь кроток, потому что кроткие наследуют землю; будь терпелив, милостив, и незлобив, и смиренен, и добр, и со страхом при всяком случае вспоминай слова эти, которые ты слышал. Не возвышай сам себя и не допускай самоуверенность в сердце свое. Сердце твое чтоб не лежало к высоким и сильным, но пусть прилепляется оно к праведным и смиренным. Все же, что случается с тобою, принимай, как благо, зная, что без Бога ничего не бывает.

4

Чадое мое! И днем и ночью вспоминай того, кто учит тебя слову Божию, и почитай его, как Господа, потому что Господь там, откуда ты узнал про Него. Всегда отыскивай святых людей и общайся с ними, чтобы в словах их находить успокоение душе своей. Не желай разделения между людьми, но примиряй враждующих. Рассуживай их по правде и, невзирая на лица, уличай их в грехах. Не двоедушничай и не говори: можно так, можно и этак. Не протягивай руку, когда приходится брать, и не сжимай ее, когда приходится давать. То, что ты заработал руками своими, давай как выкуп за грехи свои. Не раздумывай давать и, когда дал, не жалеешь, потому что ты узнаешь, в чем лучшая награда за добро твое. Не отворачивайся от нуждающегося, но пусть все то, что есть у тебя, будет общим с братом твоим, и не называй ничего своей собственностью, потому что если то, что бессмертно, все у вас общее, то тем паче должно быть общим между вами все тленное. Не переставай руководить сына своего или дочь свою, но от юности учи их страху Божию. Не повелевай рабу или служанке: они веруют тому же Богу, как ты. А то как бы от огорчения они не перестали бояться того Бога, который над вами обоими; потому что приходится повелевать не по лицам, а тому, кого назначил Дух.

Ненавидь всякое лицемерие и все, что не угодно Богу. Не оставляй заповедей Господа, но храни те, которые получил, ничего не прибавляя и не откидывая. Среди верующих кайся в грехах своих и не думай молиться, пока у тебя есть зло на сердце.

Таков путь жизни.

5

Путь же смерти такой: прежде всего он бедственен и полон мерзостей. Убийства, прелюбодеяние, похоти, распутство, воровство, идолопоклонство, колдовство, отравление, грабежи, обманы, лицемерие, двоедушные, хитрость, гордость, злоба, самоуверенность, алчность, сквернословие, зависть, дерзость, высокоумие, тщеславие, гонители добрых, ненавистники истины, любители лжи, не признающие награды за праведность, не прилепляющиеся к добру и не знающие правильного суждения, те, которые заботятся и хлопочут не о добром, а о злом, не знающие кротости и терпения, любители пустяков, искатели мирских наград, не жалеющие нищего, не трудящиеся для утружденного, не знающие того, кто создал их самих, убийцы и соблазнительницы детей, погубители образа Божия, отвращающиеся от нуждающегося и домучивающие трудом измученного, утешители богатых и незаконные судьи бедных, – кругом и во всем грешники. Берегитесь, чада мои, таких людей!

Смотри, чтобы кто-нибудь не сбил тебя с этого пути учения.

Любите друг друга (Обращение к кружку молодежи)

Мне хотелось бы на прощание (в мои годы всякое свидание с людьми есть прощание) вкратце сказать вам, как, по моему понятию, надо жить людям для того, чтобы жизнь наша не была злом и горем, какою она теперь кажется большинству людей, а была бы тем, чего желает Бог и чего мы все желаем, т. е. благом и радостью, какою она и должна быть.

Все дело в том, как понимает человек свою жизнь. Если понимать свою жизнь так, что жизнь эта дана мне в моем теле, Ивану, Петру, Марье и что все дело жизни в том, чтобы добыть как можно больше всяких радостей, удовольствий, счастья этому своему «я», Ивану, Петру, Марье, то жизнь всегда и для всех будет несчастна и озлоблена.

Несчастливая и озлобленная жизнь будет потому, что всего, чего хочется для себя одному человеку, того же самого хочется и всякому другому. А так как каждому хочется всякого для себя добра как можно больше и добро это одно и то же для всех таких людей, то добра этого для всех никогда не хватает. А потому если люди живут каждый для себя, то не миновать им отнимать друг у друга, бороться, злиться друг на друга, и от этого жизнь их не бывает счастливою. Если же временами люди и добудут себе того, чего им хочется, то им всегда мало, и они стараются добыть все больше и больше, и кроме того, еще и боятся, что у них отнимут то, что они добыли, и завидуют тем, которые добыли то, чего у них нет.

Так что, если люди понимают свою жизнь каждый в своем теле, то жизнь таких людей не может не быть несчастною. Такая она и есть теперь для всех таких людей. А такую, т. е. несчастною, жизнь не должна быть. Жизнь дана нам на благо, и так мы все и понимаем жизнь. Для того же, чтобы жизнь была такою, людям надо понимать, что жизнь наша настоящая никак не в нашем теле, а в том духе, который живет в нашем теле, и что благо наше не в том, чтобы угодить и делать то, чего хочет тело, а в том, чтобы делать то, чего хочет этот дух один и тот же, живущий в нас так же, как и во всех людях. Хочет же этот дух блага себе, духу. А так как дух этот во всех людях один и тот же, то и хочет он блага всем людям. Желать же блага всем людям значит любить людей. Любить же людей никто и ничто помешать не может; а чем больше человек любит, тем жизнь его становится свободнее и радостнее.

Так что выходит, что угодить телу человек, сколько бы он ни старался, никогда не в силах, потому что то, что нужно телу, не всегда можно добыть, а если добывать, то надо бороться с другими; угодить же душе человек всегда может, потому что душе нужна только любовь, а для любви не нужно ни с кем бороться; не только не нужно бороться с другими, а напротив, чем больше любишь, тем больше сближаешься с другими людьми. Так что любви ничто помешать не может, и всякий человек что больше любит, то все больше и больше не только сам делается счастливым и радостным, но и делает счастливыми и радостными и других людей.

Так вот это-то, милые братья, мне хотелось сказать вам на прощание, сказать то, чему учили вас все святые и мудрые люди, и Христос, и все мудрецы мира: а именно тому, что жизнь наша бывает несчастна от нас самих, что та сила, которая послала нас в жизнь и которую мы называем Богом, послала нас не затем, чтобы мы мучились, а затем, чтобы имели то самое благо, какого мы все желаем, и что не получаем мы это предназначенное нам благо только тогда, когда понимаем жизнь не так, как должно, и делаем не то, что должно.

А то мы жалуемся на жизнь, что жизнь наша плохо устроена, а не думаем того, что не жизнь наша плохо устроена, а что делаем мы не то, что нужно. А это все равно, как если бы пьяница стал жаловаться на то, что спился он оттого, что много завелось трактиров и кабаков, тогда как завелось много трактиров и кабаков только оттого, что много развелось таких же, как он, пьяниц.

Жизнь дана людям на благо, только бы они пользовались ею, как должно ею пользоваться. Только бы жили люди не завистью друг к другу, а любовью, и жизнь была бы непрерывающим благом для всех.

Теперь вот со всех сторон говорят только одно: жизнь, говорят, наша дурная и несчастная оттого, что она дурно устроена, – давай переделаем дурное устройство на хорошее, и жизнь наша будет хорошая.

Милые братья, не верьте этому, не верьте тому, что от такого или иного устройства жизнь ваша может быть хуже или лучше. Не говорю уже о том, что все те люди, которые заботятся об устройстве лучшей жизни, все не согласны между собою, все спорят промежду собою: одни предлагают одно устройство, считая его самым лучшим, другие же говорят, что это устройство самое дурное, а что хорошо только то, которое они предлагают. А третьи забраковывают и это и предлагают свое самое лучшее, и т. д. Но если бы даже и было такое, самое лучшее устройство, если даже согласиться с тем, что придумано самое лучшее устройство, то как же сделать, чтобы люди жили по этому устройству, как удержать это хорошее устройство, когда люди привыкли и любят жить дурно? А то мы теперь привыкли и любим жить дурно, за что ни возьмемся, все гадим, а говорим, что хорошо станем жить, когда будет устройство хорошее. Да как же быть хорошему устройству, когда люди плохие?

Так что если и есть такое самое лучшее устройство жизни, то, для того чтобы добиться его, надо людям становиться лучше. Вам же обещают хорошую жизнь после того, как вы, кроме вашей теперешней дурной жизни, будете еще бороться с людьми, насиловать людей, даже убивать их, чтобы ввести это хорошее устройство, т. е. вам обещают хорошую жизнь после того, как вы сами сделаетесь еще хуже, чем теперь.

Не верьте, не верьте этому, милые братья. Для того чтобы жизнь была хорошая, есть только одно средство: самим людям быть лучше. А будут люди лучше, и сама собою устроится та жизнь, какая должна быть среди хороших людей.

Спасение ваше и всех людей никак не в греховном, насильническом устройстве жизни, а в устройстве своей души. Только этим, таким устройством души, добудет каждый человек и тебе и другим людям самое большое благо и самое лучшее устройство жизни, какого могут только желать люди. Истинное благо, то, какого ищет каждое сердце человеческое, дано нам не в каком-либо будущем устройстве жизни, поддерживаемом насилием, а сейчас всем нам везде, во всякую минуту жизни и даже смерти, достигаемое любовью.

Благо это дано нам из века, но люди не понимали его и не брали его. Теперь же пришло время, когда нам нельзя уже не принять его, нельзя не принять первое, потому что безобразия и страдания нашей жизни довели нас до того, что жизнь наша становится непереносимо мучительной. Второе то, что все более и более раскрывающееся нам истинное учение Христа стало теперь так ясно, что нам уже для нашего спасения нельзя не признать и не принять его. Спасение наше теперь в одном: в признании того, что истинная жизнь наша не в теле нашем, а в том духе божьем, который живет в нас, и что поэтому все те усилия, которые мы клали прежде на улучшение нашей телесной, как отдельной, так и общественной, жизни, мы можем и должны класть на одно-единственное нужное и важное для человека дело, на то, чтобы каждому в самом себе воспитывать и утверждать любовь не только к любящим нас, а, как говорил Христос, ко всем людям, и в особенности к чуждым нам людям, к ненавидящим нас.

Жизнь наша теперь так далека от этого, что в первую минуту такое перенесение всех своих усилий, вместо заботы о мирских делах, на одно невидное, непривычное нам дело – на любовь ко всем людям кажется невозможным.

Но это только так кажется: любовь ко всем людям, даже к ненавидящим нас, гораздо больше свойственна душе человека, чем борьба с ближними и ненависть к ним. Перемена понимания смысла жизни не только не невозможна в наше время, но, напротив, невозможно продолжение той озлобленной всех против всех жизни, которую мы ведем теперь. Перемена

эта не только не невозможна, но, напротив, только она одна может вывести людей из тех бедствий, от которых они страдают, и потому перемена эта неизбежно рано или поздно должна совершиться.

Милые братья, зачем, за что вы мучаете себя? Только помните, что вам предназначено величайшее благо, и возьмите его. Все – в вас самих. Это так легко, так просто и так радостно.

Но, может быть, люди страдающие, бедные, угнетенные скажут: «Да, это, может быть, хорошо для богатых и властвующих; легко богатым и властвующим любить врагов, когда враги эти во власти их. Но это трудно для нас, страждущих и угнетенных». Но это неправда. Милые братья, изменить свое понимание жизни одинаково нужно и властвующим, богатым, и подчиненным, бедным. И подчиненным и бедным это легче, чем богатым. Подчиненным и бедным нужно только, не изменяя своего положения, не только не делать дел, противных любви, но не принимать участия в этих делах, как дела насилия, и все это враждебное любви устройство падет само; властвующим же гораздо труднее принять и исполнить учение любви. Для того чтобы им исполнить это учение, им надо отказаться от обладающих ими соблазнов власти, богатства; и это труднее им; бедным же и подчиненным надо только не делать новых насилий и, главное, не принимать участия в старом.

Как растет человек, так растет и человечество. Сознание любви росло, растет в нем и доросло в наше время до того, что мы не можем не видеть, что оно должно спасти нас и стать основой нашей жизни. Ведь то, что теперь делается, – это последние судороги умирающей насильнической, злобной, нелюбовной жизни.

Ведь теперь уже не может быть не ясно, что все эти борьбы, вся эта ненависть, все эти насильственные устройства, все это бессмысленные, ни к чему, кроме как к все увеличивающимся бедствиям, не ведущие обманы. И не может не быть ясно, что единственное, самое простое и легкое спасение от всего этого есть сознание основного начала жизни всех людей – любви – этого начала, которое неизбежно, без всякого усилия заменяет величайшее зло величайшим благом.

Есть предание о том, что апостол Иоанн, достигши глубокой старости, был весь поглощен одним чувством и все одними и теми же словами выражал его, говоря только одно: «Дети, любите друг друга». Так выразилась старость, т. е. дожившего до известного предела жизни жизнь одного человека. Так точно должна выразиться жизнь человечества, дожившая до известного предела.

Ведь это так просто, так ясно: ты живешь, т. е. родился, растешь, мужаешь, стареешься и вот-вот умрешь. Неужели цель твоей жизни может быть в тебе? – наверное нет. Что же такое, – спрашивает себя тогда человек, – что я такое? И ответ один: я что-то такое любящее – в первое время кажется, что любящее только себя, но стоит немного пожить, немного подумать, чтобы увидеть, что любить себя, проходящего через жизнь, умирающего, нельзя, незачем. Чувствуешь, что я должен любить и люблю себя. Но, любя себя, я не могу не чувствовать, что предмет моей любви недостоин ее; но не любить я не могу. В любви есть жизнь. Как же тут быть? Любить других, близких, друзей, любящих? Сначала кажется, что это удовлетворяет потребности любви, но все эти люди, во-первых, несовершенны, во-вторых, изменяются, главное, умирают. Что же любить? И ответ один: любить всех, любить начало любви, любить любовь, любить Бога. Любить не для того, кого любишь, не для себя, а для любви. Стоит понять это, и сразу уничтожается все зло человеческой жизни и становится явным и радостным смысл ее.

«Да, это хорошо бы было. Чего же лучше? – скажут люди. – Хорошо бы было любить и жить для любви, если бы все так жили. А то я буду жить для любви, отдавать все другому, а другие будут жить для себя, своего тела; что же будет со мною, да еще и не со мною одним, а с семьей, с теми, кого я люблю, не могу не любить? Разговоры о любви давно говорятся, да никто им не следует. Да и нельзя следовать. Отдать свою жизнь любви можно бы было только тогда, когда бы все люди сразу каким-то чудом переменили жизнь мирскую, телесную на

жизнь духовную, божескую. Но чуда этого нет, а потому все это слова, а не дело». Так говорят люди, успокаивая себя в своей ложной, привычной жизни. Они говорят так, но в глубине души они знают, что они не правы. Они знают, что рассуждения эти неверны. Они неверны потому, что только для выгоды мирской, телесной жизни нужно, чтобы люди все сразу изменили свою жизнь; но не то для духовной жизни: любви, любви к Богу и людям. Любовь дает благо человеку не в своих последствиях, а в самой любви, дает ему благо совершенно независимо от того, как поступают другие люди и что вообще совершается во внешнем мире. Любовь дает благо тем, что человек, любя, соединяется с Богом и не только ничего не желает для себя, но желает отдать все, что имеет, и свою жизнь другим, и в этом отдавании себя Богу находит благо. И потому все то, что делают другие люди, все то, что может совершиться в мире, не может иметь влияния на его поступки. Любить – значит отдаться Богу, делать то, чего хочет Бог, а Бог есть любовь, т. е. хочет блага всем и потому не может хотеть того, чтобы человек погибал, исполняя Его закон.

Любящий человек, и один среди нелюбящих, не погибает. А если и погибает среди людей, как Христос погиб на кресте, то и смерть его и радостная для него и значительная для других, а не отчаянная и ничтожная, каковы бывают смерти мирских людей.

Так что отговорка о том, что я не отдаюсь любви потому, что не все сделают то же, и останусь один, и неправильная и нехорошая. Это – то же, как если бы человек, которому нужно работать для того, чтобы кормить себя и детей, не брался бы за работу потому, что другие не работают.

Да, милые братья, положим нашу жизнь в усилении в себе любви и предоставим миру идти, как он хочет, т. е. как определено ему свыше. Поступим так, и поверьте мне, что мы получим наибольшее благо себе, сделаем все то добро людям, какое мы только можем сделать.

Ведь это так просто, так легко и так радостно. Только люби каждый человек, люби не одних любящих, а всех людей, особенно ненавидящих, как учил Христос, и жизнь – непрерывающаяся радость, и все вопросы, которые заблудшие люди так тщетно пытаются разрешить насилием, не только разрешаются, а перестают существовать. «И мы знаем, что перешли от смерти в жизнь, если любим братьев. Не любящий брата не имеет жизни вечной. Только любящий брата своего имеет жизнь вечную, пребывающую в нем».

Еще одно слово, милые братья.

Ни про одно дело нельзя узнать, хорошо ли оно или дурно, если не испытал его на деле в жизни. Если земледельцу говорят, что хорошо сеять рожь рядами, или пчеловоду, что хорошо ульи делать рамочные, то разумный земледелец и пчеловод, чтобы верно узнать, правда ли, что ему говорят, сделает опыт и следует или не следует тому, что ему предлагали, смотря по тому, насколько он находит подтверждения в опыте.

То же и во всем деле жизни. Для того чтобы верно узнать, насколько применимы в жизни поучения о любви, испытайте их.

Попробуйте: возьмите на себя на известный срок следовать во всем требованиям любви: жить так, чтобы во всех делах прежде всего помнить, чтобы со всяким человеком, с вором, пьяницей, с грубым начальником или подчиненным, не отступить от любви, т. е., имея с ним дело, помнить о том, что нужно ему, а не себе. И, прожив так положенный срок, спросите себя: тяжело ли вам было и испортили ли вы себе или улучшили жизнь, и, смотря по тому, что даст вам опыт, решайте уже, правда ли то, что исполнение любви дает в жизни благо, или это только одни слова. Испытайте это, постарайтесь вместо того, чтобы отплатить злом за зло обидчику, вместо того, чтобы осудить за глаза человека, живущего дурно, и т. п., – вместо этого постарайтесь отвечать добром на зло, ничего не сказать дурного о человеке, не обойтись грубо даже со скотиной, с собакой, а с добротой и лаской, проживите так день, два или больше (для опыта) и сравните ваше за это время душевное состояние с тем, какое бывало прежде. Испытайте это, и вы увидите, как вместо хмурого, сердитого и тяжелого состояния вы будете светлы, веселы, радостны. А живите так и другую и третью неделю, и вы увидите, как душевная

радость ваша все будет расти и расти, и дела ваши не только не будут разлаживаться, а будут все только больше и больше спориться.

Только испытайте это, милые братья, и вы увидите, что учение о любви – не слова, а дело, самое, самое близкое, всем понятное и нужное дело.

Л. Н. Толстой

9 ДЕКАБРЯ (Отечество)

Назначение человека – служение всем, всем людям, а не такое служение одним, при котором неизбежно делание зла другим.

1

Для христианина любовь к отечеству стоит преградой для любви к ближнему. И как в древнем мире любовь к семье должна была быть принесена в жертву любви к отечеству, так в христианском мире любовь к отечеству должна уступить любви к ближнему.

2

Если неестественно ослепление людей, не старающихся узнать смысл своей жизни, то еще ужаснее ослепление верующих в Бога и живущих дурно. Почти все люди находятся в том или другом ослеплении.

Паскаль

3

Если человек потерял истинную природу, – все, что угодно, делается его природой; точно так же, если потеряно истинное благо, – все, что угодно, делается его благом.

Паскаль

4

Последнее прибежище негодяя – патриотизм.

Джонсон

5

Патриотизм не добродетель: жертвовать своей жизнью ради отжившего суеверия государства не может быть нашей обязанностью.

Теодорус

6

Патриотизм в наше время выставляется поводом оправдания и всякого общественного зла, и личной подлости. Человеку внушают, чтобы он ради блага своей страны отказался от всего, что делает страну его достойной уважения: ради патриотизма человек должен подчиниться всякому

постыдному делу, которое, развращая честных людей, ведет к гибели весь народ.

Бичер

7

Много злого совершают люди ради себялюбия, еще больше зла совершают они ради семьи; самые же ужасные злодеяния – шпионства, поборы с народа и ужасные смертоубийства, войны – совершаются людьми ради патриотизма, и совершающие их гордятся этими злодеяниями.

8

Проповедывать в наше время всемирного общения народов исключительную любовь к своему народу и всегдашнюю готовность к войне с другим народом – все равно что проповедовать в наше время среди мирных людей исключительную любовь к своей деревне и в каждой деревне собирать войска и строить крепости. Любовь к своему исключительному отечеству, которая прежде соединяла людей одной страны, в наше время, когда люди уже соединены путями сообщения, торговлей, промышленностью, наукой, искусством, а главное, нравственным сознанием, уже не соединяет, а разъединяет людей.

9

Любовь к своему отечеству, так же как и любовь к своей семье, есть естественное свойство, но так же, как и любовь к семье, никак не может быть добродетелью, но может быть пороком, когда преступает те пределы, при которых нарушается любовь к ближнему.

Патриотизм до такой степени несвойственен людям нашего времени, что он может быть возбуждаем только внушением.

Это самое и делают правительства и те, которым патриотизм выгоден: они внушают его тем, которые уже не испытывают его и которым он невыгоден. Надо быть настороже против этого обмана.

10 ДЕКАБРЯ (Соблазн)

Один из самых обычных и ведущих к самым большим бедствиям соблазнов есть соблазн, выражаемый словами: «все так».

1

Горе миру от соблазнов, ибо надобно прийти соблазнам; но горе тому человеку, чрез которого соблазн приходит. Если же рука твоя или нога твоя соблазняет тебя, отсеки их и брось от себя: лучше тебе войти в жизнь без руки или без ноги, нежели с двумя руками и с двумя ногами быть ввержену в огонь вечный; и если глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя: лучше тебе с одним глазом войти в жизнь, нежели с двумя быть ввержену в геенну огненную.

Мф. гл. 18, ст. 7 – 9

2

Главным препятствием во всяком предстоящем полезном деле служит всегда соображение о том, что «мы не можем отказаться от нашего положения в свете».

Для большинства людей, пользующихся этой отговоркой, сохранить то положение, в какое они поставлены жизнью или «Провидением», значит сохранить все свои экипажи, всех своих лакеев, все те обширные дома, которые они имеют возможность оплачивать. Я же думаю, что если Провидение поставило их в подобного рода положение, что довольно сомнительно, то оно же и требует от них, чтобы они оставили это положение.

Положение Левия состояло в соборе податей; Петра – быть рыбарем на Галилейском озере; Павла – находиться в прихожей первосвященника. И все эти положения они оставили, потому что сочли это должным.

Джон Рёскин

3

Если не поранена рука человека, он может коснуться змеиного яда, – не опасен яд здоровой руке. Только для того безвредно зло, кто сам не творит злого.

Буддийская мудрость

4

И никто к ветхой одежде не приставляет заплаты из небеленой ткани, ибо вновь пришитое отдерет от старого, и дыра будет еще хуже.

Не вливают также вина молодого в мехи ветхие; а иначе прорываются мехи, и вино вытекает, и мехи пропадают; но вино молодое вливают в новые мехи, и сберегается то и другое.

Мф. гл. 9, ст. 16—17

5

Человек находится в большой опасности, когда он связал себя такими обязательствами с грехами, что освобождение от них мучительно. Сначала человеку стыдно сознаться в своем грехе, потом трудно развязаться с ним; потом делается то, что отказаться от грехов – значит погубить себя в мнении света. Кто не остановится на первой ступени греха, дойдет до последней.

Бакстер

6

Там, где представляются вещи достойными нашего особого уважения, надо оголить их, снять с них все те слова, которыми их прославляют, потому что внешний блеск способен извращать разум. Потому что именно когда ты вполне уверен, что ты занят делами, заслуживающими твоего уважения, тогда-то ты и хуже всего обманут.

Марк Аврелий

7

Было старцу искушение: мучился он мыслями о том, зачем попускает Бог зло в мире. И упрекал он за это Бога.

И увидел он сон: видит он, что спускается ангел Божий с неба и держит в руке светлый венок и оглядывает и ищет того, на кого бы возложить его. И возгорелось сердце старца. И говорит он ангелу Божию: «Чем заслужить светлый венок? Все сделаю, чтобы получить эту награду».

И говорит ангел: «Гляди сюда». И повернувшись, указал ангел перстом на северную сторону. И оглянулся старец и увидел великую черную тучу. Туча застилала половину неба и спустилась на землю. И вот раздвинулась туча, и стало видно великое полчище черных эфиопов, надвигавшихся на старца; позади же их всех стоял столь великий и страшный один эфиоп, что огромными ногами своими он стоял на земле, а косматой головой с страшными глазами и красными губами он упирался в небо.

«Поборись с ними, победи их, и на тебя возложу венок».

И ужаснулся старец и сказал: «Могу и буду бороться со всеми, но великий эфиоп, стоящий ногами на земле и упирающийся головой в небо, не по силам человеку. Не могу бороться с ним».

«Безумный! – сказал ангел Божий. – Все мелкие эфиопы, с которыми ты не хочешь бороться из-за страха перед великим эфиопом, все эти мелкие эфиопы – это малые людские страсти, и побороть их можно. Великий же эфиоп это из этих же малых людских страстей возникшее зло мира, то самое, за

которое ты упрекал Бога, и бороться с ним нет надобности – он весь пустой. Побори страсти, и зло само собой исчезнет из мира».

Легенда

8

Ложный стыд есть излюбленное орудие дьявола. Он больше достигает им, чем даже ложной гордостью. Ложной гордостью он только поощряет зло, а ложным стыдом останавливает добро.

Джон Рёскин

Зла нет в мире. Все зло в нашей душе и может быть уничтожено.

11 ДЕКАБРЯ (Труд)

Из всех родов труда самый радостный – это труд земледельческий.

1

Все народы в конце концов признают истину, давно уже постигнутую теми людьми, которые были их умственными руководителями, а именно ту, что первая добродетель человечества состоит в признании своего несовершенства и в подчинении законам высшего существа. «Прах ты и в прах возвратишься», есть первая истина, которую мы познаем относительно себя, а вторая заключается в том, чтобы возделывать землю, из которой мы взяты, что и составляет главную нашу обязанность. В этой работе и тех отношениях, которые она устанавливает между нами, животными и растениями, заключаются основные условия развития наших высших способностей и нашего величайшего благополучия. Без этой же работы немыслимы для человека ни мир, ни развитие его ума и духовных сил.

Джон Рёскин

2

Кто покупает хлеб на базаре, того можно уподобить осиротевшему грудному ребенку: многие кормилицы кормят его, но ребенок все-таки голодает; кто же потребляет собственный хлеб, тот подобен ребенку, вскармливаемому грудью материнскую.

Талмуд

3

Все рабочие и мастеровые люди возвратятся впоследствии к земледелию, как говорит писание.

«И сойдут с кораблей своих все владеющие веслом, все плавающие по морю... к земле пристанут» (Иезекииль 22, 27).

Талмуд

4

Воистину самая лучшая пища та, которую вы сами или ваши дети заработали.

Магомет

5

«В поте лица снеси хлеб твой». Это неизменный закон физический. Женщине дан закон родить, мужчине работать. Женщина не может освободиться от своего закона. *Если она усыновит не ею рожденного ребенка, это будет все-таки чужой ребенок, и она лишится радости материнства.* То же с трудами мужчин. Если мужчина ест хлеб, выработанный не им, он лишается всей радости труда.

Бондарев

6

Большого уважения заслуживает живущий от трудов рук своих, чем тот, кто кичится одною своею богобоязненностью.

Стыдно человеку, когда ему советуют в трудолюбии подражать муравью; вдвойне стыдно, если он совету этому не следует.

Талмуд

Земледелие не есть одно из занятий, свойственных людям. Земледелие есть единственное занятие, свойственное всем людям и дающее наибольшую независимость и благо.

12 ДЕКАБРЯ (Доброта)

Доброта побеждает все, а сама непобедима.

1

Против всего можно устоять, но не против доброты.
Руссо

2

Не осуждение зла, а возвеличение добра устанавливает согласие и единение в личной и мировой жизни. Человек осуждает зло и творящего его, а это самое осуждение зла и тех, кто его делают, только содействует росту зла, тогда как пренебрежение к злу и забота только о благе уничтожают зло.
Люси Малори

3

Если доброе дело имеет побудительную причину, оно уже не добро; если оно имеет своим предвидимым последствием награду, оно тоже не добро. Добро вне цепи причин и следствий.

4

Подобно тому как факелы и фейерверки бледнеют и делаются невидимыми при свете солнца, так и ум, даже гений, а равно и красота блекнут и затмеваются перед сердечной добротой.
Шопенгауэр

5

Беспредельная нежность есть величайший дар и достояние всех истинно великих людей.
Джон Рёскин

6

Самые нежные растения прокладывают себе путь через самую жесткую землю, через трещины скал. Так и доброта. Какой клин, какой молот, какой таран может сравниться с силой доброго, искреннего человека? Ничто не может противостоять ему.
Торо

7

Где есть человек, там есть и случай сделать ему доброе.

Сенека

8

Нам кажется, что мы любим тех, кто нам нравится, кто нас хвалит, делает нам добро, но это не любовь, а или пристрастие, или обмен выгоды: он нас хвалит, и мы его хвалим, он нам делает добро, и мы ему платим тем же. В таком чувстве нет ничего дурного, но это не истинная любовь, не любовь Божеская. Любовью Божеской, истинной мы любим только тогда, когда любим человека не за то, что он приятен нам или сделал нам доброе, а потому, что в нем, как и в каждом человеке, видим дух Божий.

Только когда мы так любим людей, мы можем любить, как учил Христос, не одних любящих нас, а и дурных, вредных нам и всему миру людей, врагов наших. И такая любовь не только не уменьшается от того, что люди дурны и ненавидят нас, а, напротив, становится сильнее и прочнее. Она становится сильнее потому, что чем больше одержим человек злобою, тем нужнее ему любовь. Прочнее же такая любовь, чем любовь пристрастная и к любящим нас, потому, что никакие перемены в том, кого мы любим, не могут изменить ее.

Ответить добрым словом на злое, оказать услугу за обиду, подставить другую щеку, когда ударили по одной, есть верное и всегда для всех доступное средство укрощения злобы.

13 ДЕКАБРЯ (Вера)

Вера только тогда вера, когда дела жизни согласны с нею и ни в каком случае не противоречат ей.

1

Что пользы, братия мои, если кто говорит, что он имеет веру, а дел не имеет? может ли эта вера спасти его? Если брат или сестра наги и не имеют дневного пропитания, а кто-нибудь из вас скажет им: идите с миром, грейтесь и питайтесь, но не даст им потребного для тела: что пользы? Так и вера, если не имеет дел, мертва сама по себе. Но скажет кто-нибудь: ты имеешь веру, а я имею дела; покажи мне веру твою без дел твоих, а я покажу тебе веру мою из дел моих. Ибо как тело без духа мертво, так и вера без дел мертва.

Посл. Иакова гл. 2, ст. 14–18, 26

2

Кто любит христианство более, чем истину, очень скоро полюбит свою церковь или секту больше христианства и неизбежно кончит тем, что будет любить только себя более всего на свете.

Кольридж

3

В сущности, есть только одно средство почитания Бога – это исполнение своих обязанностей и поведение, сообразное с законами разума.

Лихтенберг

4

Религиозные упражнения для славы людской или для внешнего вида святости не имеют цены и происходят от низших требований души. Покаяние и самоистязание или истязание других происходят из ложных учений. Покаяние для тела – это целомудрие. Покаяние для речи – это то, чтобы говорить всегда правду и с добротою. Покаяние для мысли – это то, чтобы владеть собою, очищать душу и быть расположенным к добру.

Магабарата

5

Поступай днем так, чтобы ночью твой сон был спокоен, а в молодости так, чтобы старость твоя была спокойна.

Индийская поговорка

6

Тот, чья вера слаба, не может и в других возбудить веры.

Лао-Тсе

7

У кого религия на втором месте, у того ее совсем нет. Бог совместим со многим в сердце человека, но несовместимо одно, чтобы Он был в сердце на втором месте. Тот, кто отводит Ему второстепенное место, – не отводит никакого.

Джон Рёскин

8

Конечная цель жизни человека и всего мира не может быть понятна для него как для работника, доставляющего строительные материалы для постройки, не может быть понятна ни форма, ни назначение строящегося здания. Но человек может знать и знает, что то, в созидании чего он участвует, есть нечто разумное, прекрасное и нужное для него и для всего мира. В этом вера.

Не верьте словам ни своим, ни чужим, верьте только делам и своим и чужим.

14 ДЕКАБРЯ (Божественная природа души)

Душа человеческая однородна с божеством.

1

Человек приобщается Богу настолько, насколько Бог уже живет в нем, и, как говорит Ангелус, мистический поэт 17 века, тот глаз мой, которым я вижу Бога, есть тот самый глаз, которым Бог видит меня.

Амиель

2

Душа человека – светильник Бога.

Талмуд

3

Услышали раз рыбы в реке, что люди говорят, что рыбы могут жить только в воде. И, услышав это, рыбы очень удивились и стали спрашивать друг у друга, не знает ли кто, что такое вода. Тогда одна умная рыба сказала: «Говорят, в море живет старая мудрая и ученая рыба, она все знает, поплывем к ней и спросим у нее, что такое вода». И вот поплыли рыбы в море к тому месту, где жила мудрая рыба, и спросили ее, что такое вода и как узнать ее. И старая мудрая рыба сказала: «Вода – это то, чем мы живем, в чем живем. Вы оттого и не знаете воды, что живете в ней и живете ею».

Так и люди не знают Бога, тогда как – живут Им и живут в Нем.

Суфи

4

Для того, кто поднимается мыслью на небо, всегда будут ясные дни: над облаками всегда сияет солнце.

5

Дух Божий охватывает наши души, проникает в них. Мы не видим Его, потому что Он слишком близок нам. И Он близок нам не только для того, чтобы мы познавали Его, но чтобы Он действовал на нас, влиял на нас, сообщал нам свою божественность. В этом великий отеческий дар Бога.

Чаннинг

6

Если ты чего-нибудь желаешь, чего-нибудь боишься, то это значит, что ты не веруешь в того Бога любви, который есть в тебе. Если бы ты верил в Него, то ничего не мог бы желать, потому что все желания того Бога, который живет в тебе, всегда исполняются, а ничего не боялся бы потому, что для Бога ничего не страшно.

7

Природа души так глубока, что, как бы мы ни пытались узнать ее, мы никогда не будем в состоянии определить ее.

Гераклит

8

Если сравнивать наши силы с силами природы, мы – ничтожные игрушки судьбы. Но если мы, вместо того чтобы сравнивать себя с вещественным творением, узнали в себе душу творца, мы сознаем себя несоизмеримыми со всем вещественным миром и однородными со всемирным духом.

По Эмерсону

Что бы ни постигло тебя, ты не можешь быть несчастлив, сознавая свое единство с Богом.

15 ДЕКАБРЯ (Истина)

Правда сама по себе не есть добродетель, но она необходимое условие всего доброго.

1

Есть ложь сознательная, когда человек знает, что он говорит неправду, но он говорит ее потому, что она ему выгодна, и есть ложь невольная, когда человек и желал бы, но не умеет сказать правду.

2

Только заблуждение нуждается в искусственной поддержке. Истина может стоять одна.

3

Все блага — ничто пред благом истины; все сладости — ничто пред сладостью истины; блаженство истины безмерно превосходит все радости.
Буддийская мудрость

4

Человек не может быть вполне правдив, потому что в нем всегда борются, усиливаются и ослабевают самые различные и противоположные стремления, и точно выразить их человек бывает не в силах.

5

Заблуждения держатся лишь некоторое время, истина же остается всегда тем, чем была, и после всех нападок, затемнений, уловок, софизмов, уверток и всякой лжи.

6

Надо постоянно учиться делать, говорить и думать правду. Только тот, кто начнет учиться этому, поймет, как мы далеки от правды.

7

Вредна ложь во всех житейских делах: продать старое за свежее, порченное за целое, обещать отдать долг и знать, что не отдашь, и т. п., но всякая такая ложь — ничто перед ложью в делах духовных: выдавать за Бога то, что не есть Бог, уверять в спасительности для души того, что не дает блага душе, выдавать за грех и худое то, что праведно и добро и т. п. В таких делах — главное зло неправды.

Нет человека безгрешного и нет человека вполне правдивого. Разница между людьми не в том, что один вполне безгрешен и правдив, а другой – весь грешен и лжив, а в том, что один стремится к наибольшей безгрешности и правдивости, а другой не стремится к этому.

Недельное чтение

Гаррисон и его «провозглашение»

Гаррисон как человек просвещенный светом христианства, начав с практической цели – борьбы с рабством, – очень скоро понял, что причина рабства не случайное, временное завладение южанами несколькими миллионами негров, но давнишнее и всеобщее, противное христианскому учению признание права насилия одних людей над другими. Поводом к признанию этого права всегда было то зло, которое люди считали возможным искоренить или уменьшить грубой силой, т. е. злом же. И, поняв это, Гаррисон выставил против рабства не страдания рабов, не жестокости владельцев, не гражданскую равноправность людей, а вечный христианский закон непротивления злу насилием, *non resistance*. Гаррисон понимал то, чего не понимали самые передовые борцы против рабства: что единственным неопровержимым доводом против рабства было отрицание права одного человека на свободу другого при каких бы то ни было условиях. Аболюционисты старались доказать, что рабство незаконно, невыгодно, жестоко, развращает людей и т. п., но сторонники рабства столь же основательно доказывали несвоевременность, опасность и вредные последствия, могущие произойти от освобождения. И ни те, ни другие не могли убедить друг друга. Гаррисон же, понимая, что рабство негров было только частным случаем всеобщего насилия, выставил общий принцип, с которым нельзя было не согласиться, – тот, что ни один человек ни под каким предлогом не имеет права властвовать, т. е. употреблять насилие над себе подобными. Гаррисон не столько настаивал на праве рабов быть свободными, сколько отрицал право какого бы то ни было человека или собрания людей принуждать к чему-нибудь силою другого человека. Для борьбы с рабством он выставил принцип борьбы со всем злом мира.

Выставленный Гаррисоном принцип этот был неопровержим, но он затрагивал, разрушал все основы установившегося порядка, и потому люди, дорожающие своим положением при существующем порядке, испугались провозглашения и тем более приложения к жизни этого принципа, старались замолчать, обойти его, надеялись достигнуть своей цели без провозглашения и приложения к жизни принципа непротивления насилию, разрушающего, как им казалось, всякое благоустройство человеческой жизни. И последствием этого уклонения от признания незаконности насилия была та братоубийственная война, которая, решив вопрос внешним образом, внесла новое, едва ли не большее зло развращением, сопутствующим всякой войне, в жизнь американского народа. Сущность же вопроса осталась неразрешенной, и тот же вопрос, только в новой форме, стоит теперь перед народом Соединенных Штатов. Тогда вопрос был в том, как освободить негров от насилия рабовладельцев; теперь вопрос в том, как освободить негров от насилия всех белых и белых от насилия черных.

И разрешение этого вопроса в новой форме совершится, конечно, не линчеванием негров и не какими-либо искусными и либеральными мерами американских политиков, а только приложением к жизни того же принципа, который полвека тому назад был провозглашен Гаррисоном.

Хотят или не хотят этого люди, только во имя этого принципа могут освободиться люди от порабощения и угнетения друг друга. Хотят или не хотят этого люди, принцип этот лежит в основе всех совершившихся и имеющих совершиться истинных усовершенствований в жизни людей. Людям кажется, что приложение принципа непротивления к жизни во всей его полноте сразу уничтожает все столь дорого стоившее или с таким трудом установленное устройство этой жизни; но люди забывают, что принцип непротивления не есть принцип насилия, а – согласия и любви, и потому не может быть сделан обязательным для людей. Принцип этот

может только быть свободно принят. И в той мере, в которой он свободно принимается людьми и прилагается к жизни, только в той мере и совершается истинный прогресс в жизни людей.

Гаррисон первый провозгласил этот принцип, как правило для устройства жизни людей, и в этом его великая заслуга.

Если он тогда и не достиг мирного освобождения рабов в Америке, он указал на путь освобождения всех людей вообще от власти грубой силы.

Л. Н. Толстой

Провозглашение основ, принятых членами общества, основанного для установления между людьми всеобщего мира

Бостон 1838 г.

Мы не признаем никакого человеческого правительства. Мы признаем только одного Царя и Законодателя, только одного Судью и Правителя над человечеством. Отечеством нашим признаем весь мир, соотечественниками своими признаем все человечество. Мы любим свою родину столько же, сколько мы любим и другие страны. Интересы, права наших сограждан нам не дороже интересов и прав всего человечества. Поэтому мы не допускаем того, чтобы чувство патриотизма могло оправдывать мщение за обиду или за вред, нанесенный нашему народу.

Проповедуемое церквями положение о том, что все государства на земле установлены и одобряемы Богом и что все власти, существующие в Соединенных Штатах, в России, в Турции, соответствуют воле Бога, столь же нелепо, как и кощунственно. Это положение представляет творца нашего существом пристрастным и устанавливающим и поощряющим зло. Никто не решится утверждать того, чтобы власти, существующие в какой бы то ни было стране, действовали по отношению к своим врагам в духе учения и по примеру Христа. И потому деятельность этих властей не может быть приятна Богу, и потому и власти эти не могли быть установлены Богом и должны быть низвергнуты – не силою, но духовным возрождением людей.

Мы признаем нехристианскими и незаконными не только самые войны – как наступательные, так и оборонительные, – но и все приготовления к войнам: устройство всяких арсеналов, укреплений, военных кораблей; признаем нехристианским незаконным существование всяких постоянных армий, всякого военного начальства, всяких памятников, воздвигнутых в честь побед или павших врагов, всяких трофеев, добытых на поле сражения, всяких празднований военных подвигов, всяких присвоений, совершенных военной силой; признаем нехристианским и незаконным всякое правительственное постановление, требующее военной службы от своих подданных.

Вследствие всего этого мы считаем для себя невозможным не только службу в войсках, но и занятие должностей, обязующих нас принуждать людей поступать хорошо под страхом тюрьмы или смертной казни. Мы поэтому добровольно исключаем себя из всех правительственных учреждений и отказываемся от всякой политики, от всяких земных почестей и должностей.

Не считая себя вправе занимать места в правительственных учреждениях, мы точно так же не считаем себя вправе и избирать на эти места других лиц. Мы также считаем себя не вправе судиться с людьми, чтобы заставить их возратить взятое у нас. Мы считаем, что мы обязаны отдать и кафтан тому, кто взял нашу рубашку, но никак не подвергать его насилию (Мф. 5, 40).

Мы верим в то, что уголовный закон Ветхого Завета: око за око, зуб за зуб, отменен Иисусом Христом и что по Новому Завету всем его последователям проповедуются прощение врагам вместо мщения, во всех случаях без исключения. Вымогать же насилием деньги, запира́ть в тюрьму, ссы́лать или казнить, очевидно, не есть прощение обид, а мщение.

История человечества наполнена доказательствами того, что физическое насилие не содействует нравственному возрождению и что греховные наклонности человека могут быть подавлены лишь любовью, что зло может быть уничтожено только добром, что не должно надеяться на силу руки, чтобы защищать себя от зла, что настоящая безопасность для людей нахо-

дится в доброте, долготерпении и милосердии, что лишь кроткие наследуют землю, а поднявшие меч от меча погибнут.

И поэтому, как для того, чтобы вернее обеспечить жизнь, собственность, свободу, общественное спокойствие и частное благо людей, так для того, чтобы исполнить волю того, кто есть царь царствующих и господь господствующих, мы от всей души принимаем основное учение непротивления злу злом, твердо веруя, что это учение, отвечая всем возможным случайностям и выражая волю Бога, в конце концов должно восторжествовать над всеми злыми силами.

Мы не проповедуем революционного учения. Дух революционного учения есть дух мести, насилия и убийства. Он не боится Бога и не уважает личности человека. Мы же желаем быть преисполнены духа Христова. Следуя основному нашему правилу непротивления злу злом, мы не можем производить заговоров, смут и насилий. Мы подчиняемся всем узаконениям и всем требованиям правительства, кроме тех, которые противны требованиям Евангелия. Сопротивление наше ограничивается покорным подчинением наказаниям, имеющим быть наложенными на нас за неповиновение. Намереваясь без сопротивления переносить все направленные на нас нападения, мы между тем, с своей стороны, намерены, не переставая, нападать на зло мира, где бы оно ни было, вверху или внизу, в области политической, административной или религиозной, стремясь всеми возможными для нас средствами к осуществлению того, чтобы царства земные слились в одно царство Господа нашего Иисуса Христа. Мы считаем несомненной истиной то, что все то, что противно Евангелию и духу его и потому подлежит уничтожению, должно быть сейчас же уничтожаемо. И потому, если мы верим предсказанию о том, что наступит время, когда мечи перекуются на орала и копыя на серпы, мы сейчас же, не откладывая этого на будущее время, должны делать это по мере сил наших.

Наша задача может навлечь на нас оскорбления, обиды, страдания и даже смерть. Нас ожидает непонимание, ложное толкование и клевета. Против нас должна подняться буря. Гордость и фарисейство, честолюбие и жестокость, правители и власти – все это может соединиться, чтобы уничтожить нас. Таким образом поступали с мессией, которому мы стремимся подражать по мере сил своих. Но нас не пугают эти ужасы. Мы надеемся не на людей, а на всемогущего Господа. Если мы отказались от человеческого заступничества, что же может поддержать нас, как не одна вера, побеждающая мир? Мы не будем удивляться тем испытаниям, которым мы подвергаемся, а будем радоваться тому, что удостоимся разделить страдания Христа.

Вследствие всего этого мы предаем души свои Богу, веруя тому, что сказано, что тот, кто оставит дома и братьев, и сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или поля ради Христа, получит во сто раз больше и наследует жизнь вечную.

Итак, твердо веруя, несмотря на все, что может вооружиться против нас, в несомненное торжество во всем мире основ, выраженных в этом «Провозглашении», мы прилагаем здесь свои подписи, надеясь на разум и совесть человечества, более же всего на силу Божью, которой и вручаем себя.

16 ДЕКАБРЯ (Любовь)

Только увеличение любви между людьми может изменить существующее общественное устройство.

1

Существа уничтожают друг друга, но в то же время существа любят и помогают друг другу. Жизнь поддерживается не страстью разрушения, а чувством взаимности, которое на языке нашего сердца называется любовью.

Насколько я могу видеть развитие жизни мира, я вижу в нем проявление только этого закона взаимной помощи. Вся история есть не что иное, как все более и более ясное обнаружение этого единственного закона взаимного согласия всех существ.

2

Любовь опасное слово. Во имя любви к семье совершаются злые поступки, во имя любви к отечеству еще худшие, а во имя любви к человечеству самые страшные ужасы. Что любовь дает смысл жизни человеческой – давно известно, но в чем любовь? Этот вопрос, не переставая, решается мудростью человечества и решается всегда отрицательным путем: показывается, что то, что неправильно называлось и проходило под фирмой любви, не есть любовь.

3

Любовь даст новый вид этому усталому, старому миру, в котором мы живем, как язычники и враги друг друга; она согреет сердце так, что люди скоро увидят, как легко исчезнут и тщетная дипломатия государственных людей, и огромные армии, и флоты, и линии крепостей, и люди только будут удивляться, зачем так долго предки их трудились над этими ни на что не нужными, дурными делами.

Эмерсон

4

Сила любви в приложении к великим интересам человеческих обществ стала устаревшей и забытой. Раз или два в истории она прилагалась и всегда с великим успехом. Но придет время и любовь станет общим законом жизни людей, и исчезнут все те бедствия, от которых теперь страдают люди, растают во всеобщем свете солнца.

Эмерсон

5

Если можно внушать и внушается уважение к воображаемым святыням: причастиям, мощам, книгам, то во сколько раз нужнее внушать детям и малодумающим людям уважение не

к чему-либо воображаемому, но к самому действительному, и всем понятному, и радостному чувству любви людей к людям.

И придет время, то самое время, про которое говорил Христос, что Он томится в ожидании его, – придет время, когда люди будут гордиться не тем, что они завладели силой людьми и их трудами, и радоваться не тому, что они внушают страх и зависть людям, а гордиться тем, что они любят всех, и радоваться тому, что, несмотря на все огорчения, причиняемые им людьми, они испытывают это чувство, освобождающее их от всего дурного.

6

Среди китайских мудрецов был один, Ми-ти, который предлагал правителям внушать людям не уважение к силе, к богатству, власти, храбрости, а к любви. Он говорил: «Воспитывают людей так, чтобы они ценили богатство, славу – и они ценят их. Воспитывайте их так, чтобы они любили любовь – и они будут любить любовь». Мен-дзе, ученик Конфуция, не соглашался с ним и опровергал его, и учение Ми-ти не восторжествовало. Но прошло 2000 лет, и это учение должно осуществиться у нас в христианском мире после того, как будет откинута все то, что заслоняло от людей лучи света истинного христианства, проповедующего это самое.

7

Есть один несомненный признак, разделяющий поступки людей на добрые и злые: увеличивает поступок любовь и единение людей – он хороший; производит он вражду и разъединение – он дурной.

Время согласия, прощения и любви, которое должно заменить время раздора, войн, казней и ненависти, не может не наступить, потому что люди знают уже, и несомненно знают, что ненависть губительна как для души, так и для тела, как для личности, так и для общества, а что любовь дает и внутреннее и внешнее благо и каждому человеку, и всем людям.

Время это приближается. От нас зависит делать все то, что приблизит его, и удерживаться от того, что отдаляет его.

17 ДЕКАБРЯ (Единение)

То, что мы сознаем себя существами, отделенными от других, и другие существа отделенными от себя и друг от друга, есть представление, вытекающее из условий жизни во времени и пространстве. Чем более уничтожается эта отделенность, тем более мы признаем свое единство со всеми живыми существами и тем легче и радостнее становится наша жизнь.

1

Тело же не из одного члена, но из многих. Если нога скажет: я не принадлежу к телу, потому что я не рука, то неужели она потому не принадлежит к телу?

И если ухо скажет: я не принадлежу к телу, потому что я не глаз, то неужели оно потому не принадлежит к телу?

Если все тело глаз, то где слух? Если все слух, то где обоняние?

Не может глаз сказать руке: ты мне не надобна; или также голова ногам: вы мне не нужны.

Напротив, члены тела, которые кажутся слабейшими, гораздо нужнее.

Посему страдает ли один член, страдают с ним все члены; славится ли один член, с ним радуются все члены.

1 Коринф. гл. 12, ст. 14–17, 21, 22, 26

2

Ветвь, отрезанная от своего сука, тем самым отделилась и от целого дерева. Человек при раздоре с другим человеком отрывается от всего человечества. Но ветвь отсекается посторонней рукой, человек же сам отчуждает себя от ближнего своего ненавистью и злобой, не ведая, правда, что он тем самым отрывает себя от всего человечества. Но божество, призвавшее людей, как братьев, к жизни общей, одарило их свободой после раздора снова примириться между собою.

Марк Аврелий

3

Бог, сотворивши небо и землю, которые не чувствуют счастья своего существования, захотел сотворить существа, которые сознавали бы это счастье и составляли бы тело из мыслящих членов. Все люди – члены этого тела; для того чтобы быть счастливыми, они должны сообразовать свою волю со всеобщей волею, управляющей всем телом. А между тем человек часто думает, что он – все; не видя тела, от которого он зависит, думает, что он зависит только от самого себя, и хочет самого себя сделать центром и телом. Но в этом положении человек подобен члену, отделенному от своего тела, который, не имея в себе начала жизни, только блуждает и удивляется непонятности своего существа. Когда же наконец человек доходит

до понимания своего назначения, он как бы возвращается к себе, сознает, что он не все тело, а только член всеобщего тела, что быть членом значит иметь жизнь только через жизнь и для жизни всего тела, что член, отделенный от своего тела, имеет только умирающую и гибнущую жизнь, и что любить себя надо только для этого тела или, вернее сказать, что надо любить только это всеобщее тело, потому что, любя его, любишь себя, так как жизнь только в нем и через него.

Чтобы определить ту любовь, какую надо иметь к себе, надо представить себе тело, составленное из мыслящих членов, потому что мы члены всего, и решить, как должен любить себя каждый отдельный член.

Тело любит руку, и рука, если бы имела волю, должна бы любить себя, как ее любит тело. Всякая любовь больше этой незаконна. Если бы руки и ноги имели свою особенную волю, они были бы в порядке, только если бы подчинялись телу; вне этого они в беспорядке и бедствии, желая же блага телу, они достигают своего блага.

Члены нашего тела не чувствуют счастья своего соединения, своего удивительного согласия, не чувствуют того, как заботилась природа, внушив им дух согласия, заставить их расти и существовать. Если же бы они, получивши разумение, воспользовались им для того, чтобы удерживать в себе получаемую пищу, не передавая ее другим членам, они были бы не только несправедливы, но и несчастны, не любили бы друг друга, а, скорее, ненавидели бы: так как их блаженство, так же как и обязанность, – в согласии с деятельностью общей души, к которой они принадлежат и которая любит их больше, чем они сами себя.

Паскаль

Сознание единства нашего существа со всеми другими проявляется в нас любовью. Любовь есть расширение своей жизни. Чем больше мы любим, тем обширнее, полнее и радостнее становится наша жизнь.

18 ДЕКАБРЯ (Прогресс)

Человечество не переставая совершенствуется, и совершенствуется не само собой, а теми усилиями, которые делают люди для своего личного совершенствования. Царство Божие устанавливается усилиями.

1

Ирод – это человек власти, самоуправства, человек особой природы, который другим не обязан ничем, но которому все обязаны, царь прошлого, которого свергнет с престола царь будущего. Уже в первом известии о рождении этого царя будущего он слышит угрозу. Что же он делает? Сперва он хитрит и притворяется. За ложью следует убийство. Он без разбора совершает множество убийств, он убивает детей, еще сосущих материнское молоко, ибо он страшится ребенка, неизвестного ребенка. Для того чтобы его уничтожить наверное, у него нет иного средства. Поэтому пусть все умирают, лишь бы он погиб. Однако он не погибает. Царь грядущего будет жить для того, чтобы бороться с царем прошлого. Это будет долгая борьба, она будет продолжаться из века в век, от Ирода к Ироду, среди страданий, плача и крови, среди крови детей и отцов, среди плача матерей и страданий всех. Но эти бедствия да не смущают вас; не падайте духом, мужайтесь, боритесь постоянно, неослабно, без страха и без сомнения, ибо царь грядущего восторжествует.

Ламенэ

2

Часто слышишь рассуждения о том, что все усилия для изменения жизни, искоренения зла и установления справедливой жизни – бесполезны, все это делается само собой, прогресс делает все. Люди плыли на веслах, но гребцы доехали и вышли на берег, оставшиеся же в лодке путешественники не берутся за весла, предполагая, что, как прежде двигалась лодка, она будет двигаться и теперь.

3

Здесь, на земле, нет и не должно быть покоя. Жизнь – это стремление к цели, к которой можно приблизиться, но которой немислимо достигнуть, поэтому здесь и нет покоя. Покой безнравственен. Я не решаюсь указать, в чем заключается эта цель; но какова бы она ни была, она есть или должна быть. Без нее жизнь бессмыслица; допустить это – значит отрицать Бога; мало того, это значило бы признать жизнь злой и глупой шуткой.

Иосиф Мадзини

4

Вся история подтверждает ту неоспоримую истину, что Бога можно постичь не рассуждениями, а повиновением, что присутствие вечного порядка в мире становится очевидно лишь при подчинении этому порядку и что только этим путем мы можем на земле познать Его волю.

Джон Рёскин

5

Только мы одни можем внести справедливость в жизнь мира. Природные силы без нас ничего не могут сделать. Если человечество, как совокупность сознательных существ, не делает этого, никто не делает.

Гижицкий

6

Если мы будем признавать то, что вещи не могут быть иными, чем они есть, мы делаемся участниками той силы, которая удерживает мир в его прежнем состоянии.

Если же мы не покоряемся, мы становимся частью тех сил, которые изменяют вещи.

Сольтер

7

Большинство людей живет не думая; большинство людей так расточает свои силы в борьбе за существование, что у них не остается времени, чтобы подумать, они просто принимают то, что есть, за то, что должно быть. Вот почему бывает так трудна задача общественного реформатора и так тяжел его путь. Вот почему на людей, впервые поднимающих свой голос на защиту какой-либо великой истины, обрушиваются насмешки высших классов и проклятия черни, почему их гонят и мучают, одевают во власяницы и украшают терновыми венцами.

Генри Джордж

Как ни незаметно и ничтожно твое участие в общем изменении к лучшему жизни мира, оно необходимо, потому что из таких ничтожных, незаметных усилий множества складывается все то движение к благу, которым ты пользуешься. И потому не фальшивь, а натягивай постромки, хотя никто и не видит и не погоняет.

19 ДЕКАБРЯ (Благо)

Истинное благо всегда в наших руках. Оно, как тень за предметом, следует за доброй жизнью.

1

Все, что может нас сделать лучше и счастливее, Бог поставил прямо перед нами или близко от нас.

Сенека

2

Нет такого крепкого и здорового тела, которое никогда не болело бы; нет таких богатств, которые не пропадали бы; нет такой высокой власти, под которую не подкапывались бы. Все это тленно и скоропреходяще, и человек, положивший жизнь свою во всем этом, всегда будет беспокоиться, бояться, огорчаться и страдать. Он никогда не достигнет того, чего желает, а впадет в то самое, чего хочет избежать.

Одна только душа человеческая безопаснее всякой неприступной крепости. Почему же мы всячески стараемся ослабить эту нашу единственную твердыню? Почему занимаемся такими вещами, которые не могут доставить нам душевной радости, а не заботимся о том, что одно только и может дать покой нашей душе?

Мы все забываем, что если совесть наша чиста, то никто не может нам повредить, и что только от нашего неразумия и желания обладать внешними пустяками происходят всякие ссоры и вражды.

Эпиктет

3

Тот, кто положил жизнь свою в духовном совершенствовании, не может быть недоволен, потому что то, чего он желает, всегда в его власти.

Паскаль

4

Счастье, истинное счастье есть сама добродетель.

Спиноза

5

Деятельность людей, не понимающих истинной жизни, всегда направлена на приобретение наслаждений, на избавление себя от страданий и на удаление от себя неизбежной смерти.

Но желание наслаждений усиливает напряженность борьбы, усиливает чувствительность к страданиям и приближает смерть. С целью скрыть от себя приближение смерти такие люди знают только одно средство: все больше увеличивать наслаждения. Но наслаждениям есть граница, дальше которой они переходят в страдания и страх все более и более приближающейся смерти.

Для людей, не понимающих жизни, главная причина этих страданий кроется в том, что они считают наслаждением то, что не может быть равномерно распределено между всеми людьми и должно быть отнимаемо у других силой. Отнимание же у других силою того, что им нужно, уничтожает возможность того благоволения ко всем, того состояния любви, которое одно дает истинно благо людям.

И потому чем напряженнее деятельность, направленная на достижение таких наслаждений, тем невозможнее становится единственное благо, доступное человеку, – любовь.

6

Есть два рода счастливого душевного состояния: 1) спокойствие духа (чистая совесть); 2) всегда веселое сердце. Первое создается под условием, что человек не сознает за собою никакой вины, ясным представлением ничтожества земных благ, второе – дар природы.

Кант

7

Сделать возможно лучшим каждое мгновение жизни, из какой бы руки судьбы, благоприятной или неблагоприятной, оно нам ни выпадало на долю, это и есть искусство жизни и истинное преимущество разумного существа.

Лихтенберг

8

Самые надежные и чистые радости человеческой жизни достигаются без душевных тревожений и вспоминаются без угрызений совести

Джон Рёскин

Тот, кто говорит, что, делая добро, он чувствует себя несчастным, тот или не верит в Бога, или то, что он делает и считает добром, не есть добро.

20 ДЕКАБРЯ (Приближение Царства Божия)

Церковное извращение христианства отдалило от нас осуществление Царства Божия, но истина христианства – как огонь в костре, заглушенный на время наваленным сырым хворостом, который уже высушил сырые прутья, начинает охватывать их и выбиваться наружу. Истинное значение христианства теперь уже видно всем, и влияние его уже сильнее того обмана, который скрывает его.

1

Нужно высвободить ту религию, которую исповедывал Иисус, от той религии, предмет которой есть Иисус. И когда мы узнаем состояние сознания, составляющего основную ячейку и начала вечного Евангелия, надо будет держаться его.

Как жалкие плоски деревенской иллюминации или маленькие свечи процессий потухают перед великим чудом света солнца, так же потухнут ничтожные, местные, случайные и сомнительные чудеса перед законом жизни духа, перед великим зрелищем человеческой истории, руководимой Богом.

Амиель

2

Я вижу новую религию, основанную на доверии к человеку; призывающую к тем нетронутым глубинам, которые живут в нас: проповедующую то, что человек может любить добро без мысли о награде, то, что божественное начало живет в человеке.

Сольтер

3

То, что нам нужно, что нужно народу, то, чего требует наш век, для того чтобы найти выход из той грязи эгоизма, сомнения и отрицания, в которые он погружен, – это вера, в которой наши души могли бы перестать блуждать в отыскивании личных целей, могли бы все идти вместе, признавая одно происхождение, один закон, одну цель. Всякая сильная вера, которая возникает на развалинах старых изжитых верований, изменяет существующий общественный порядок, так как каждая сильная вера неизбежно прилагается ко всякой отрасли человеческой деятельности.

Человечество повторяет в разных выражениях и различных степенях слова молитвы Господней: «да приидет царствие твое на земле, как и на небе».

Мадзини

4

Есть люди, которые любят только себя, это люди ненависти, потому что любить только себя значит ненавидеть других.

Есть люди гордости, которые не могут переносить себе равных и всегда хотят повелевать и властвовать.

Есть люди корысти, которые требуют золота, почестей, наслаждений и никогда не бывают насыщены.

Есть люди грабители, которые высматривают слабого, чтобы силою или хитростью обобрать его, и рыскают около дома вдовы и сироты.

Есть люди убийства, которые полны мыслями насилия. Они говорят: вы наши братья и убивают тех, которых называют своими братьями, как только подозревают их в противодействии их замыслам, и их кровью пишут свои законы.

Есть люди страха, которые трепещут перед злым и целуют его руку, надеясь этим избежать его угнетения.

Все эти люди разрушают мир, безопасность и свободу на земле.

Но что бы могли сделать эти угнетатели народов, если бы они были предоставлены самим себе без поддержки народа?

Если бы для того, чтобы держать народ в рабстве, они пользовались только помощью тех, которым выгодно рабство, что бы значило это малое число против целых народов?

Премудрость Божия так устроила мир, чтобы люди всегда могли противодействовать деспотизму, и деспотизм был бы невозможен, если бы люди понимали премудрость Божию.

Но владыки мира противопоставили премудрости Божией премудрость князя мира сего – дьявола, и дьявол, царь угнетателей народов, научил их адской хитрости, для того чтобы утвердить их деспотизм.

Он сказал им: «Вот что надо делать. Возьмите в каждой семье молодых людей самых сильных, дайте им оружие и научите их действовать им, и они будут сражаться против своих отцов и братьев, потому что я внушу им, что в этом их слава. Я сделаю им двух идолов, которые назовутся честью и верностью и закон которых будет называться беспрекословным послушанием. И они будут обожать этих идолов и слепо подчиняться этому закону, потому что я извращу их ум, и вам нечего будет бояться».

И угнетатели народов сделали то, что им сказал дьявол, и дьявол сделал то, что обещал угнетателям народов.

И вот люди из народа подняли руку против своих, чтобы избивать своих братьев и заточать своих отцов и даже забывать про тех, которые носили их под сердцем. И когда им говорили: «Во имя всего святого, подумайте о несправедливости и жестокости того, что вам приказывают», они отвечали: «Мы не думаем, мы повинемся».

И когда им говорили: «Разве у вас нет любви к вашим отцам, матерям, братьям?», они отвечали: «Мы не любим, мы повинемся».

И когда им говорили про Бога и Христа, они говорили: «Наши боги – это верность и честь».

Истинно говорю вам: не было соблазна, более ужасного этого.

Но соблазн этот приходит к концу.

Еще немного, и дьявол исчезнет вместе с угнетателями народов.

Ламенэ

5

Нельзя надеяться увидеть пришествие Царства Божия, но не надо сомневаться в том, что оно придет. Оно не переставая придвигается.

Не думай, чтобы церковное христианство было неполным, односторонним, формальным христианством, но все-таки христианством. Не думай так: церковное христианство не только не христианство, но самый злой враг истинного христианства. Это церковное христианство стоит теперь по отношению к истинному христианству, как преступник, пойманный на месте преступления. Ему только два выхода: или уничтожить само себя, или совершать все новые и новые преступления. И как ни безнадежно его положение, оно все еще продолжает свою ужасную, преступную деятельность.

21 ДЕКАБРЯ (Молитва)

На высшей точке своего сознания человек одинок. Одиночество это бывает странно, непривычно и кажется тяжело. Неразумные люди спасаются от тяжести сознания этого одиночества рассеяниями и тотчас же спускаются с этой высшей точки на низшую; разумные люди удерживают себя на этой высоте молитвою.

1

Отношение к Богу, то, которого Он хочет от нас, это постоянное исполнение в жизни Его воли. Но интересы жизни, наши страсти постоянно, всякую минуту отвлекают нас от этого. И вот, сознав это, мы прибегаем к внешнему, словесному выражению своего отношения к Богу, к молитве, стараясь вызвать в себе живое сознание своей зависимости от Бога. Такая молитва напоминает нам наши грехи, наши обязанности и спасает от соблазнов, если мы в минуты соблазнов успеваем вызвать в себе молитвенное настроение.

2

Личность есть ограничение, и потому Бог, как бы его ни понимали, не есть личность. Молитва же есть обращение к Богу.

Как же обращаться к безличному?

Астрономы знают, что движутся в их поле зрения не звезды небесного свода, но земля, на которой они стоят с своей обсерваторией и трубой, а между тем записывают не движение земли, а движение звезд. Нельзя иначе. Точно то же и в молитве. Бог не личность. Но я личность, и потому я иначе не могу выразить свое отношение к Богу, как к Богу личному, хотя и знаю, что Он не может быть личностью.

3

Человек, безнадежно заваленный в шахте, замерзающий во льдах, с голоду умирающий в море или в одиночном заключении или просто умирающий, оглохший и ослепший, чем стал бы жить остаток своей жизни такой человек, если бы не было молитвы?

4

*Как хорошо бывает человеку, когда он истомится в напрасных поисках
за благом в мирской жизни и протянет, усталый, свои руки к Богу.*
Паскаль

Можно жить без молитвы только тогда, когда или страсти вполне завладеют человеком, или когда вся жизнь его есть служение Богу. Но для человека, борющегося со страстями и еще далекого от исполнения того, что он считает своим долгом, молитва есть необходимое условие жизни.

22 ДЕКАБРЯ (Устройство жизни)

Ничто не препятствует столько улучшению общественного устройства, как предположение о том, что такое улучшение может быть достигнуто изменением внешних форм. Ложное предположение это направляет деятельность людей на то, что не может содействовать и отвлекает от того, что может содействовать улучшению жизни людей.

1

Общественная жизнь опирается на сознание, а не на науку. Цивилизация – прежде всего дело нравственное. Если нет честности, нет уважения к праву, нет уважения к обязанностям, нет любви к ближнему – словом, если нет добродетели, все находится в опасности, все рушится: и ни науки, ни искусства, ни роскошь, ни промышленность, ни риторика, ни полиция, ни таможня не в состоянии задержать висящее на воздухе здание, не имеющее основания. Государство, основанное только на расчете и скрепленное страхом, представляет сооружение и гадкое и непрочное. Только нравственность масс есть прочный фундамент всякой цивилизации; краеугольным камнем его служит долг. Те, которые в тиши исполняют его, подавая этим добрый пример, являются таким образом спасением и поддержкой того блестящего света, который и не знает о них. Девять праведников могли спасти Содом, но нужны тысячи и тысячи добрых людей, чтобы спасти народ от развращения и гибели.

Амиель

2

Истинное направление мысли состоит не в том, чтобы установить новые законы для светской или духовной власти, а в том, чтобы признать нравственное достоинство каждого человека. Такое направление мысли будет содействовать прогрессу человечества несравненно более, чем все несчастные попытки слепых предводительствовать слепыми, при которых все они падают в яму догматов и авторитетов.

Иатс

3

Вопрос состоит совсем не в том, что из двух выбирать: христианство или социализм?

Нельзя даже и сравнивать эти два учения между собою, – настолько они различны по существу.

Христианство учит о вечном смысле всего мироздания, о божественности и потому о неуничтожаемости нашей духовной сущности, о назначении человека и, между прочим, о вытекающем отсюда правильном способе удовлетворения материальных нужд его.

Социализм же есть сравнительно с христианством небольшой второстепенный вопрос о материальных нуждах рабочего класса, стоящий вне связи с главным вопросом о смысле человеческой жизни.

Можно задаваться вопросами о совместимости христианства с социализмом, но нельзя задаваться вопросом о том, что из двух выбирать: христианство или социализм?

Феодор Страхов

4

Анархисты правы во всем: и в отрицании существующего, и в утверждении того, что при существующих нравах ничего не может быть хуже насилия власти; но они грубо ошибаются, думая, что анархию можно установить революцией. Анархия установится, но установится только тем, что все больше и больше будет людей, которым будет не нужна защита правительственной власти, и все больше и больше людей, которые будут стыдиться прилагать эту власть или принимать в ней участие.

5

Я думаю, что мы прежде всего должны быть людьми, а уже потом подданными. Нежелательно воспитывать в себе уважение к закону такое же, как к добру. Закон никогда не делал людей более справедливыми, а, напротив, вследствие уважения к закону хорошие люди делаются исполнителями несправедливости.

Торо

6

Мы, люди, должны понимать, что все мы – дети одного Отца, призванные выполнять здесь, на земле, один общий закон; что каждый из нас должен жить не для себя, а для других; что цель жизни не в том, чтобы быть более или менее счастливым, а чтобы самому становиться и другим помогать быть более добродетельными; что бороться против несправедливости и заблуждения всюду, где бы мы их ни встречали, есть не только наше право, но и наша обязанность, – обязанность всей нашей жизни, пренебрегать или нарушать которую мы не можем, не впадая в тяжелый грех.

Иосиф Мадзини

7

Анархия не значит отсутствие учреждений, а только отсутствие таких учреждений, которыми заставляют людей подчиняться насильно. Казалось бы, что иначе как без насилия и не могло и не должно бы быть устроено общество существ, одаренных разумом.

8

Социальная задача не знает границ.

Виктор Гюго

Признавая ложные и насильнические законы и подчиняясь им, нельзя не только установить правду, но и уменьшить неправду.

Недельное чтение

Поврежденный

Когда я пришел в гостиницу, на дворе уже было очень жарко, я сел на балконе. Перед глазами тянулась длинной ниткой обожженная солнцем дорога; она шла у самого моря, по узенькой нарезке, огибавшей гору. Мулы, звоня бубенчиками и украшенные красными кисточками, везли бочонки вина, осторожно переступая с ноги на ногу; медленное шествие их нарушилось дорожной каретой, почтальон хлопал бичом и кричал, мулы жались к скалистой стене, возчики бранились, карета, покрытая густыми слоями пыли, приближалась больше и больше и остановилась под балконом, на котором я сидел. Почтальон соскочил с лошади и стал откладывать; толстый трактирщик в фуражке национальной гвардии отворил дверцы и два раза приветствовал княжеским титулом сидевших в карете, прежде нежели слуга, спавший на козлах, пришел в себя и, потягиваясь, сошел на землю.

«Так спят на козлах и так аппетитно тянутся только русские слуги», подумал я и пристально посмотрел на его лицо, русые усы, сделавшиеся светло-бурыми от пыли, широкий нос, бакенбарды, пущенные прямо в усы на половине лица, и особый национальный характер всех его приемов убедили меня окончательно, что почтенный незнакомец был родом из какой-нибудь тамбовской, пензенской или симбирской передней. Как ни философствуй и ни клеветничай на себя, но есть что-то шевелящееся в сердце, когда вдруг неожиданно встречаешь в дальней дали своих соотечественников. Между тем из кареты выскочил человек лет тридцати с сытым, здоровым и веселым видом, который дает беззаботность, славное пищеварение и не излишне развитые нервы. Он посадил на нос верховые очки, висевшие на шнурке, посмотрел направо, посмотрел налево и с детским простодушием закричал спутнику в карете:.

– Чудо какое место, ей-Богу, прелесть! Вот Италия, так Италия, небо-то, небо синее, яхонт! Отсюда начинается Италия!

– Вы это шестой раз говорите с Авиньона, – заметил его товарищ усталым и нервным голосом, медленно выходя из кареты.

Это был худощавый, высокий человек, гораздо постарше первого, он почти весь был одного цвета, на нем было светло-зеленое пальто, фуражка из небеленого батиста, под цвет белокурым волосам, покрытым пылью, слабые глаза его оттенялись светлыми ресницами, и наконец, лицо завялое и болезненное было больше изжелта-зеленоватое, нежели бледное.

Печальная фигура посмотрела молча в ту сторону, в которую показывал его товарищ, не выражая ни удивления, ни удовольствия.

– Ведь это все оливы, все оливы! – продолжал молодой человек.

– Оливковая зелень прескучная и преоднообразная, – возразил светло-зеленый товарищ, – наши березовые рощи красивее.

Молодой человек покачал головой, как будто хотел сказать: неисправим, хоть брось! и взглянул вверх. Лицо его показалось мне знакомо, но сколько я ни старался, я не мог припомнить, где я его видел. Русских вообще трудно узнавать в чужих краях, они в России ходят по-немецки без бороды, а в Европе по-русски – отращивая с невероятной скоростью бороду.

Мне не пришлось долго ломать головы. Молодой человек, с тем добродушием и с той беззаботной сытостью в выражении, с которыми радовался оливам, бежал ко мне и кричал по-русски.

– Вот не думал, не гадал, истинно говорят: гора с горой не сходится. Да вы меня, кажется, не узнаете? Старых знакомых забывать стали?

– Теперь-то очень узнаю, вы ужасно переменялись, и борода, и растолстели, и похорошели, такие стали кровь с молоком.

– *In corpore sano mens sana*,⁵¹ – отвечал он, от души смеясь и показывая ряд зубов, которым бы позавидовал волк. – И вы переменялись, постарели – а что? жизнь-то кладет свои нарезки? Впрочем, мы четыре года не видались, много воды утекло с тех пор.

– Немало. Как вы сюда попали?

– Еду с больным.

Это был лекарь Московского университета, исправлявший некогда должность прозектора, лет пять перед тем я занимался анатомией и тогда познакомился с ним. Он был добрый, услужливый малый, необыкновенно прилежный, усердно занимавшийся наукою *a livre ouvert*, т. е. никогда не ломая себе головы ни над одним вопросом, который не был разрешен другими, но отлично знавший все разрешенные вопросы.

– А! так этот зеленый товарищ ваш больной. Куда же вы его дели?

– Это такой экземпляр, что и в Италии у вас не скоро сыщешь. Вот чудак-то! Машина была хороша, да немного повредилась (при этом он пальцем показал на лоб), я и чиню ее теперь. Он шел сюда, да черт меня дернул сказать, что я вас знаю, он перепугался, – ипохондрия, доходящая до мании. Иногда он целые дни молчит, а иногда говорит, говорит такие вещи – ну просто волос дыбом становится: все отвергает, все; оно уж этак через край, я сам, знаете, не очень бабьим сказкам верю, однако все же есть что-то. Впрочем, он претихий и предобрый. Ему ехать за границу вовсе не хотелось. Родные уговорили, знаете, с рук долой, ну да и языка-то его побаивались – лакеи, дворники – все на откуп у полиции, – поди там оправдывайся. Ему хотелось в деревню, а именье у него с сестрой неделимое, та и перепугалась, – коммунизм будет мужикам проповедывать, тут и собирай недоимку. Наконец он согласился ехать, только непременно в южную Италию, – *Magna Graecia*! Отправляется в Калабрию и ваш покорный слуга с ним в качестве лейб-медика. Помилуйте, что за место, там кроме бандитов да попов человека не найдешь. Я вот проездом в Марсели купил себе пистолет-револьвер, – знаете, четыре ствола так повертываются?

– Знаю. Однако же должность ваша не из самых веселых – быть беспрестанно с сумасшедшим.

– Ведь он не в самом деле на стену лезет или кусается. Он меня даже любит по-своему, хотя и не дает слова сказать, чтобы не возразить. Я, впрочем, совершенно доволен, получаю тысячу серебром в год на всем готовом, даже сигарок не покупаю. Он очень деликатен, что до этого касается. Чего-нибудь стоит и то, что на свет посмотришь. Да, послушайте, надобно вам показать моего чудака, я притащу моего пациента, ну, что вам в самом деле, через час разъедетесь, он предобрейший человек и был бы преумный.

– Если бы не сошел с ума.

– Это несчастье вам, ей-Богу, все равно, а ему рассеяние и нужно и полезно.

– Вы уже меня начинаете употреблять с фармацевтическими целями, – заметил я, но лекарь уже летел по коридору.

Я не подчинился бы его желанию и его русской распорядительности чужой волей, но меня интересовал светло-зеленый коммунист-помещик, и я остался его ждать. Он взошел робко и застенчиво, кланялся мне как-то больше, нежели нужно, и нервно улыбался. Чрезвычайно подвижные мускулы лица придавали странное и неуловимое колебание его чертам, которые беспрерывно менялись и переходили из грустно-печального в насмешливое, а иногда даже в простоватое выражение. В его глазах, по большей части никуда не смотревших, была заметна привычка сосредоточенности и большая внутренняя работа, подтверждавшаяся морщинами на лбу, которые все были сдвинуты над бровями. Недаром и не в один год мозг выдавил через

⁵¹ В здоровом теле здоровый дух (*лат.*).

костяную оболочку свою такой лоб и с такими морщинами, недаром и мускулы лица сделались такими подвижными.

– Евгений Николаевич, – говорил ему лекарь, – позвольте вас познакомить, – представьте, какой странный случай, вот где встретился – старый приятель, с которым вместе кошек и собак резали.

Евгений Николаевич улыбался и бормотал:

– Очень рад – случай... так неожиданно... вы извините.

– А помните, – продолжал лекарь, – как мы собачонке сторожа Сычева перерезали пневмогастрический нерв, – закашляла голубушка.

Евгений Николаевич сделал гримасу, посмотрел в окно и, откашлянув раза два, спросил меня:

– Вы давно изволили оставить Россию?

– Пятый год.

– И ничего, привыкаете к здешней жизни? – спросил Евгений Николаевич и покраснел.

– Ничего.

– Да-с, но очень неприятная, скучная жизнь за границей.

– И в границах, – прибавил развязный лекарь.

Вдруг, чего я никак не ожидал, мой Евгений Николаевич покатился со смеху и наконец после долгих усилий успел настолько успокоиться, чтобы сказать прерывающимся голосом:

– Вот Филипп Данилович все со мной спорит. Ха-ха-ха! Я говорю, что земной шар или неудавшаяся планета, или больная, а он говорит, что это пустяки. Как же после этого объяснить, что за границей и дома жить скучно, противно? – И он опять расхохотался до того, что жилы на лбу налились кровью.

Лекарь лукаво подмигнул мне с таким видом превосходства, что мне стало его ужасно жаль.

– Отчего же не быть больным планетам, – спросил пресерьезно Евгений Николаевич, – если есть больные люди?

– Оттого, – отвечал лекарь за меня, – что планета не чувствует, где нет нервов, там нет и боли.

– А мы с вами что? Да для болезни нервов и не нужно, – бывает же виноград болен и картофель? Я того и смотрю, что земной шар или лопнет, или сорвется с орбиты, полетит. Как это будет странно – и Калабрия, и Николай Павлович с зимним дворцом, и мы с вами, Филипп Данилович, все полетит, и вашего пистолета не нужно будет.

Он снова расхохотался и в ту же минуту продолжал со страстной настойчивостью, обращаясь ко мне:

– Так жить нельзя. Ведь это, очевидно, надобно, чтобы что-нибудь да сделалось, лучше планете сызнова начать, настоящее развитие очень неудачно, есть какой-то фаут. При составе, что ли, или когда месяц отделялся, что-то не сладилося, все идет с тех пор не так, как следует. Сначала болезни были острые, каков был жар внутренний во время геологических переворотов! Жизнь взяла верх, но болезнь оставила следы. Равновесие потеряно, планета мечется из стороны в сторону. Сначала ударились в количественную нелепость: ну, пошли ящерицы с дом величины, папоротники такие, что одним листом экзерциргаус покрыть можно, – ну, разумеется, все это перемерло. Как же таким нелепостям жить? Теперь в качественную сторону пошло – еще хуже – мозг, мозг, нервы развивались, развивались до того, что ум за разум зашел. История сгубит человека, вы что хотите говорите, а увидите – сгубит!

После этой выходки Евгений Николаевич замолчал.

Подали завтрак, он очень мало ел, очень мало пил и во все время ничего не говорил, кроме «да» и «нет». Перед концом завтрака он спросил бордо, налил рюмку, отведал и поставил ее с отвращением.

– Что, – спросил лекарь, – видно, скверное?

– Скверное, – отвечал пациент, и лекарь принялся стыдить трактирщика, бранить слугу, удивляться корыстолюбию людей, их эгоизму, упрекал в том, что трактирщики берут 35 процентов и все-таки обманывают.

Евгений Николаевич равнодушно заметил, что он не понимает, за что сердится лекарь, что он с своей стороны не видит, отчего трактирщику не брать 65 процентов, если он может, и что он очень умно делает, продавая скверное вино, пока его покупают. Этим нравственным замечанием кончился наш завтрак.

Поврежденный с самого первого разговора удивил меня независимою отвагой своего больного ума. Он был явным образом «надломлен», и, хотя лекарь уверял меня, что он во всю жизнь не имел ни большого несчастья, ни больших потрясений, я плохо верил в психологию моего доброго прозектора.

Мы поехали вместе в Геную и остановились в одном из дворцов, разжалованном в наш мещанский век в отель. Евгений Николаевич не показывал ни особенного интереса к моим беседам, ни особенного отвращения от них. С доктором он беспрестанно спорил.

Когда темные минуты ипохондрии подавляли его, он удалялся, запирался в комнате, редко выходил, был желто-бледен, дрожал, как в ознобе, а иногда, казалось, глаза его были заплаканы. Лекарь побаивался за его жизнь, брал глупые предосторожности, удалял бритвы и пистолеты, мучил больного разводящими и ослабляющими нервы лекарствами, сажал его в теплую ванну с ароматической травой. Тот слушался с желчной и озлобленной страдательностью, возражая на все и все исполняя, как избалованное дитя.

В светлые минуты он был тих, мало говорил, но вдруг речь его неслась как из прорвавшейся плотины, прерываемая спазматическим смехом и нервным сжатием горла, и потом, скошенная середь дороги, она останавливалась, оставляя слушавшего в тоскливом раздумье. Его странные парадоксальные выходки казались ему легкими, как таблица умножения. Взгляд его действительно был верен и последователен тем произвольным началам, которые он брал за основу.

Он много знал, но авторитеты на него не имели ни малейшего влияния – это всего более оскорбляло хорошо учившегося лекаря, который ссылался, как на окончательный суд, на Кювье или на Гумбольдта.

– Да отчего мне, – возражал Евгений Николаевич, – так думать, как Гумбольдт. Он умный человек, много ездил, интересно знать, что он видел и что он думает, но меня-то это не обязывает думать, как он. Гумбольдт носит синий фрак, что же, и мне носить синий фрак? Вот небось Моисею так вы не верите.

– Знаете ли, – говорил глубоко уязвленный доктор, обращая речь ко мне, – что Евгений Николаевич не видит разницы между религией и наукой – что скажете?

– Разницы нет, – прибавил тот утвердительно, – разве то, что они одно и то же говорят на двух наречиях.

– Да еще то, что одна основана на чудесах, а другая на уме, одна требует веры, а другая знания.

– Ну, чудеса-то там и тут, все равно, только что религия идет от них, а наука к ним приходит. Религия так уж откровенно и говорит, что умом не поймешь, а есть, говорит, другой ум поумнее, тот, мол, сказывал вот так и так. А наука обманывает, воображая, что понимает как ... а в сущности и та и другая доказывают одно, что человек неспособен знать всего, а так кое-что-таки понимает; в этом сознаться не хочется, ну, по слабости человеческой люди и верят одни Моисею, другие Кювье. Какая проверка тут? Один рассказывает, как Бог создавал зверей и траву, а другой – как их создавала жизненная сила. Противоположность не между знанием и откровением в самом деле, а между сомнением и принятием на веру.

– Да на что же мне принимать на веру какие-нибудь патологические истины, когда я их умом вывожу из законов организма?

– Конечно, было бы не нужно, да ведь ни вы и никто другой не знает этих законов, ну так оно и приходится верить да помнить.

– Вы так рассуждаете, – сказал я ему шутя и взяв его за обе руки, – что я нисколько не удивлюсь, если после вашего возвращения Николай Павлович сделает вас министром народного просвещения.

– Не обвиняйте меня, пожалуйста, не обвиняйте, – возразил он с чувством, – и не шутите над моими мыслями. Я сам шутил над Руссо и знаю, как Вольтер ему писал, что учиться ходить на четвереньках поздно. Трудом тяжелым и мученическим дошел я до того, что понял, откуда все зло, понял и сам оробел. Я никому не говорил, молчал, но когда страдания и плач людей становились громче и громче, зло очевиднее и очевиднее, тогда я перестал прятать истину. Мы погибшие люди, мы жертвы вековых отклонений и платим за грехи наших праотцев. Где нас лечить! Будущие-то поколения, может, опомнятся.

– Итак, *a la fin des fins*,⁵² выздоровление человека начнется тогда, когда вместо прогресса люди пойдут вспять, с целью зачислиться со временем в орангутанги, – сказал лекарь, закури- вая свежую сигару.

– Приблизиться к животным не мешает после неудачных опытов сделаться ангелами. Все звери рассчитаны по среде, в которой жить должны, перестановки почти всегда гибельны. Реч- ная вода для нас приятнее и чище морской, а пустите в нее какого-нибудь морского моллюска – он умрет. Человек вовсе не так богато одарен природой, как воображает; болезненное раз- витие его нервов и мозга увлекает его в жизнь, ему не свойственную, высшую, в ней он гибнет, чахнет, мучится! Где люди переломили эту болезнь, там они успокоились, там они довольны и были бы счастливы, если бы их оставляли в покое. Посмотрите на эти ряды поколений где- нибудь в Индии, природа им дала все с избытком. Язва государственной и политической жизни прошла, болезненное преобладание ума над другими отправлениями организма утихло. Все- мирная история их забыла, и они жили так, как людям хорошо живется, так, как людям воз- можно жить, до проклятой Ост-Индской кампании, которая все перепортила.

– Впрочем, – заметил лекарь, – толпа почти так и у нас живет.

– Это было бы важнейшее доказательство в мою пользу. То, что вы называете толпой, это-то и есть человеческий род. Но толпе не дают жить так, как она хочет, – вот беда в чем. Просвещение страшно дорого стоит. Государство, религия, солдаты морят с голоду низшие слои. Да чтобы окончательно их сгубить, развешивают перед их глазами свои богатства, они развивают в них неестественные вкусы, ненужные потребности и отнимают средства удовле- творения даже необходимых. Какое печальное, раздирающее душу положение! Снизу кишит задавленное работой, изнуренное голодом население, сверху вянет и выбивается из сил другое население, задавленное мыслью, изнуренное стремлениями, на которые так же мало ответа, как мало хлеба на голод бедных. А между этими двумя болезнями, двумя страданиями, между лихорадкой от дурной жизни и чахоткой от сумасшедших нервов, между ними лучший цвет цивилизации, ее балованные дети, единственные люди, кой-как наслаждающиеся. Кто же они? Наши помещики средней руки и здешние лавочники. Но природа себя в обиду не дает... Она клеймит за измену не хуже всякого палача, – продолжал он, ходя по комнате, и вдруг остано- вился перед зеркалом: – Ну, посмотрите на эту рожу – ха-ха-ха! ведь это ужасно, сравните любого крестьянина нашего со мной, новая *varietas*,⁵³ которую Блуменбах проглядел, «кавказ- ско-городская», к ней принадлежат чиновники и лавочники, ученые, дворяне и все эти альби- носы и кретины, которые населяют образованный мир, племя слабое, без мышц, в ревматизме,

⁵² В конце концов (*фр.*).

⁵³ Разновидность (*фр.*).

и притом глупое, злое, мелкое, безобразное, неуклюжее, точь-в-точь я, старик в тридцать пять лет, беспомощный, ненужный, который провел всю жизнь как кресс-салат, выращенный зимой между двух войлоков – фу, какая гадость! Нет, нет, так продолжаться не может, это слишком нелепо, слишком гнило! К природе... к природе на покой! Полно строить и перестраивать вавилонскую башню общественного устройства! Оставить ее, да и кончено! Полно домогаться невозможных вещей! Это хорошо влюбленным девочкам мечтать о крыльях, von einer besseren Natur, von einem andern Sonnenlichte.⁵⁴ Пора домой на мягкое ложе, приготовленное природой, на свежий воздух, на дикую волю самоуправства, на могучую свободу безначалия!

И Евгений Николаевич, покрасневшийся в лице, с жилами, налившимися кровью на лбу, вдруг сморщился, сделал серьезный вид и упорно замолчал.

А. И. Герцен

⁵⁴ О лучшей природе, об ином солнечном сиянии (нем.).

23 ДЕКАБРЯ (Мудрость)

Мудрость есть знание вечных истин, приложимых к жизни.

1

Сократ первый, сведя философию с небес, распространил ее между людьми, побуждая их изучать науку жизни, человеческих нравов и следствия добрых и злых дел.

Цицерон

2

Только чистотою уничтожается нечисть на теле; то же самое и в человеческих обществах. Пусть человеческие общества сделаются чистыми и здоровыми в духовном отношении, и питающиеся на них паразиты церкви и государства пропадут сами собой, как пропадают насекомые на чистом и здоровом теле.

3

Ученость редко совмещается с мудростью. Ученый знает много вещей, большею частью ненужных и сомнительных. Мудрец же знает немного вещей, но все, что он знает, нужно ему и людям, и то, что он знает, он знает на верное.

4

Тот, кто познает свою душу, тот узнает в себе божественное начало. Познав же в себе божественное начало, он и будет всегда так действовать и думать, чтобы быть достойным полученного им божественного дара.

Цицерон

5

Тот, кто в Евангелии не сумеет отделить сердцем основного, важного от неважного и ненужного, тот никаким изучением критики не узнает этого. А кто умеет отличать, тому это изучение не нужно. Умеет же отличать тот, кому нужно руководство Евангелия для жизни, а не для мудрствования.

6

Умные не бывают учены; ученые не бывают умны.

Лао-Тсе

7

Люди современной науки полагают дело науки не в том, в чем оно должно быть: в определении *того, что должно*, а в описании *того, что есть*. То, что есть, мы все так или иначе знаем, и описание этого никому не нужно. Люди пьют вино, курят табак, и наука ставит себе задачей физиологически оправдывать употребление вина и табаку. Люди убивают друг друга, отнимают для малого числа землю или орудия труда у всех, и науки – юриспруденция и экономическая – оправдывают это. Люди верят в нелепицы, и теологическая наука оправдывает это. Задачей науки должно быть познание того, что должно быть, а не того, что есть. Теперешняя же наука, напротив, ставит себе своей главной задачей отвлечь внимание людей от того, что должно быть, и привлечь его к тому, что есть и что поэтому никому знать не нужно.

Блага, даваемые мудростью, в сравнении со всеми остальными знаниями так же важны, как важен в пустыне сосуд с водою в сравнении с пудами золота.

24 ДЕКАБРЯ (Рост)

С детства начинается рост духовной и уменьшение телесной силы. Как два конуса, обращенные вершинами к основаниям, равномерно уменьшается телесная сила и растет сила духовная.

1

Гармоничный рост как в природе, так и в человеке всегда совершается в молчании, в тишине; шумно бывает только все разрушительное, порочное и грубое.

Однако немногие понимают необходимость жизни в тиши и молчании для истинного духовного роста и развития. Большею частью люди живут в суете и сумятице и скучают, когда им приходится оставаться одним.

Только в тишине уединения может человек найти могущественную силу жизни и роста. Это самое говорил Христос словами: «Когда же молишься, войди в клеть твою». Мир страшно нуждается в этом молчаливом росте для осуществления мира. Его отвлекают от истинного духовного роста тысячи голосов, сулящих ему спасение в виде разных новых учений, которые будто бы могут спасти его.

Нам нужно больше быть в тишине, и голос молчания сообщит нам ту истину, которая освободит нас.

Люси Малори

2

Просвещенный человек постоянно возвышается в разуме и проницательности; непросвещенный же человек постоянно опускается в невежество и порок.

Китайская мудрость

3

Чем старше становятся люди, живущие духовною жизнью, тем больше расширяется их умственный кругозор, тем более яснее их сознание; люди же, живущие мирской жизнью, с годами тупеют все больше и больше.

Талмуд

4

Надо постареть, чтобы стать добрее; я не встречаю никогда ошибки, которой я уже не сделал бы.

Гёте

5

Созревание души дороже, чем блеск и избыток сил, и вечное в нас должно воспользоваться тем разрушением, которое производит в нас время.
Амиель

6

Рост физический – это только приготовление запасов для работы духовной, служения Богу и людям, которое начинается при увядании тела.

7

Все в мире растет, цветет и возвращается к своему корню. Возвращение к своему корню означает успокоение, согласное с природой. Согласное с природой означает вечное; поэтому разрушение тела не включает в себе никакой опасности.
Лао-Тсе

8

Растите духовно и помогайте расти другим. В этом вся жизнь.

Ужасно положение того, кто не сознает в себе духовной жизни и ее роста. Была одна телесная жизнь – и та неудержимо уничтожается и вот-вот исчезнет.

Сознай свою духовную сущность, живи ею, и вместо отчаяния ты узнаешь ничем не нарушимую и все увеличивающуюся радость.

25 ДЕКАБРЯ (Милосердие)

Милосердие, чтобы быть истинным, должно быть совершенно независимо от одобрения людей и предполагаемой награды в загробной жизни.

1

Смотрите, не творите милостыни вашей пред людьми с тем, чтобы они видели вас: иначе не будет вам награды от Отца вашего небесного. Итак, когда творишь милостыню, не труби перед собою, как делают лицемеры в синагогах и на улицах, чтобы прославляли их люди. Истинно говорю вам: они уже получают награду свою.

У тебя же, когда творишь милостыню, пусть левая рука твоя не знает, что делает правая.

Чтобы милостыня твоя была в тайне, и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно.

Мф. гл. 6, ст. 1 – 4

2

Лепта бедной вдовы не только равноценна богатейшим дарам, но только эта лепта и есть настоящее милосердие.

Только бедные, трудящиеся могут иметь счастье милосердия. Богатые, праздные лишены этого.

3

Благотворительные учреждения могут быть бесполезны или вредны, могут быть полезны (что бывает очень редко), но никогда не могут быть нравственны. Такие учреждения только яснее всего указывают на полное исчезновение в людях, устраивающих их, не только чувства, но и понятия сострадания и вытекающего из него милосердия.

4

Милосердие начинается дома. Если для проявления милосердия нужно куда-то ехать, то то, что ты хочешь проявить, едва ли есть милосердие.

5

Помощь, которую оказывают открыто богатые люди бедным, есть в лучшем случае дело учтивости, но никак не милосердия. Человек спрашивает вас: как пройти в такое-то место? Из учтивости надо остановиться и сказать ему. Другой просит дать ему 5 копеек, 5 или 50 рублей. Если у вас есть лишние 5 копеек, рублей или десятков рублей, надо дать их ему, это тоже будет дело учтивости, но в поступке этом не будет ничего общего с милосердием.

Вещественное милосердие только тогда добро, когда оно жертва. Только тогда получающий вещественный дар получает и духовный дар.

Если же это не жертва, а излишек, то это только раздражает получающего.

26 ДЕКАБРЯ (Воспитание)

Детский возраст есть возраст, подлежащий внушению. И потому самое важное в воспитании – это выбор внушений, могущих влиять на ребенка.

1

В настоящее время большинство людей только воображают себе, что они, исповедуя христианство, держатся христианской нравственности. В действительности они следуют только языческой нравственности, и эту нравственность ставят идеалом воспитания молодого поколения.

2

Люди более всего восприимчивы к внушению в детском возрасте. Рассуждение не имеет на них 1/1000 того влияния, которое имеет на них пример

И потому тщетны и смешны все проповеди о поведении, читаемые детям, когда они на примере видят обратное проповеди.

3

Религия ребенка зависит от образа действия, а не от словесных наставлений его родителей. Внутренний и бессознательный идеал,двигающий их жизнью, вера их – вот что влияет на ребенка; слова же их, выговоры, наказания, вспышки даже для него не что иное, как случайности; веру же их он предчувствует и чувствует инстинктом.

Ребенок видит, каковы мы, сквозь то, чем мы хотим казаться; от этого-то его репутация физиономиста.

Вот почему первый принцип воспитания следующий: воспитывай сам себя; и первое правило, которому надо следовать для того, чтобы владеть волей ребенка, – овладей своею.

Амиель

4

Старшие, может быть, и толкуют детям, что не следует быть жестокими к животным и вообще ко всем слабым существам. Но стоит только ребенку войти в кухню, и он сейчас же увидит убитых и ошипанных кур и гусей. Какую же пользу могут принести детям прекрасные рассуждения о нравственности, которым так резко противоречат варварские и безнравственные поступки взрослых, совершающиеся у них на глазах?

Струве

5

Уменьшение потребностей – вот что следовало бы внушать во что бы то ни стало юношеству и для чего нужно бы стараться закалить его. *Чем меньше потребностей, тем счастливей* – старая, но далеко не признанная истина.
Лихтенберг

6

Склонность к приятной жизни для человека хуже всех бедствий в жизни. Поэтому в высшей степени важно, чтобы дети приучались еще с юных лет работать.
Кант

7

Для детей важнее всего приучить их к умеренности, простоте жизни, труду и милосердию. Но как же приучить их к этому, когда дети видят, что родители дорожат роскошью и увеличением ее, предпочитают праздность труду и живут в избытке среди людей нуждающихся.

Все нравственное воспитание детей сводится к доброму примеру. Живите хорошо или хоть старайтесь жить хорошо, и вы по мере вашего успеха в хорошей жизни хорошо воспитаете детей.

27 ДЕКАБРЯ (Духовная природа)

Все, что мы видим и знаем, мы видим и знаем не таким, каким оно есть в действительности, а каким оно представляется нашей познавательной способности.

1

Небо и земля велики, но они имеют цвет, образ и величину. В человеке же есть нечто, не имеющее ни цвета, ни образа, ни числа, ни величины, – и это нечто разумно.

Если бы мир сам по себе был неодушевлен, то он был бы одушевлен разумом только человека. Но мир бесконечен, разум же человека ограничен, и потому разум человека не может быть разумом всего мира.

Из этого видно, что мир должен быть одушевлен разумом, и разум этот должен быть бесконечен.

Конфуций

2

Когда говорят о небе, как о месте, где находятся блаженные, то обыкновенно представляют себе его где-то высоко над собою в необъятных мировых пространствах. Но при этом забывают о том, что наша земля, рассматриваемая из тех мировых пространств, так же представляется одною из небесных звезд и что жители тех миров с таким же правом могли бы показать на землю и сказать: «Видите вон ту звезду – место вечного блаженства, небесный приют, приготовленный для нас, куда мы когда-нибудь попадем». Дело в том, что по странной ошибке нашего ума полет нашей веры всегда соединен с понятием о восхождении вверх, причем не думают о том, что, как бы высоко мы ни поднялись, нам все-таки придется опять спуститься вниз, чтобы стать твердой ногой в каком-нибудь другом мире.

Кант

3

Вместо того чтобы говорить, что мир отражается в нас, скорее следовало бы сказать, что наш разум отражается в мире. Мы не можем иначе: мы должны признавать в мире порядок и мудрое управление – это вытекает из устройства наших мыслительных способностей. Но из этого совсем не следует еще, что нечто, необходимое для нашего мышления, таково и в действительности, так как о действительном устройстве внешнего мира мы не имеем никакого понятия.

Лихтенберг

4

Взгляните на эту разодетую тень, хилую, одержимую желаниями, нет в ней силы, не может она защищаться, истощено это тело, хилое и немощное, будто готово оно рассыпаться на куски, жизнь в нем уже переходит в смерть. Голый череп похож на тыкву, сорванную осенью. Можно ли радоваться, можно ли еще веселиться?

Эта крепость была сделана для костей, покрыта мясом и напитана соком крови, и вот – обитает в ней старость и смерть, гордость и высокомерие. Разрушаются драгоценные колесницы царей, старость близит к разрушению тело; только учение добрых не стареет, не рушится.

Буддийская мудрость

5

Стоит человеку взглянуть на себя как на телесное только существо, и он становится неразгадываемой загадкой, нераспутываемым противоречием.

Для того чтобы понимать истинное значение вещей, необходимо сводить все видимое к невидимому, все телесное к духовному.

28 ДЕКАБРЯ (Знание)

То, что называется наукой, представляет или самую важную человеческую деятельность, когда цель ее открыть законы жизни людей, или самое ничтожное и одуряющее занятие – исследование всего того, что может вызвать любопытство праздных людей.

1

Казалось бы, что для того чтобы признать важность занятия тем, что называется наукой, надо бы доказать, что эти занятия полезны. Люди же науки обыкновенно утверждают, что так как мы занимаемся известными предметами, то занятия эти, наверное, когда-нибудь, где-нибудь и для кого-нибудь будут полезны.

2

Существует грубое научное суеверие, происшедшее из того же источника, как и религиозное суеверие из желания потворства человеческим слабостям, и столь же, если не более, вредное, чем религиозное. Люди заблуждаются, живут дурно. Естественное свойство людей в том, чтобы, сознав неправильность своей жизни, постараться изменить ее, но вот является «наука»: наука государственного, финансового, церковного, уголовного, полицейского и всякого другого права, наука политическая экономия, история и самая модная – социология, и оказывается, что дурная жизнь людей происходит по неизменным законам, и дело людей не состоит в том, чтобы бороться с своими слабостями и изменять свою жизнь от худшего к лучшему, а только в том, чтобы присутствовать при течении своей жизни по законам, открываемым учеными. Суеверие это так явно противоречит и здравому смыслу и совести человеческой, что оно никогда не могло бы быть принято людьми, если бы оно не было так успокоительно, оправдывая людей в их дурной жизни.

Никогда никакие религиозные суеверия не производили, не могут произвести такого зла людям, как это.

3

У нас не хватает знаний, чтобы понять даже хоть жизнь человеческого тела. Посмотрите, что нужно знать для этого: телу нужно место, время, движение, теплота, свет, пища, вода, воздух и многое другое. В природе же все так тесно связано между собою, что нельзя познать одного, не изучив другого. Нельзя познать части, не познав целого. Жизнь тела нашего мы поймем только тогда, когда изучим все то, что нужно ему, а для этого необходимо изучить всю вселенную. Но вселенная бесконечна, и познание ее недостижимо для человека. Следовательно, мы не можем вполне уяснить себе и жизнь нашего тела.

Паскаль

4

Изучать ненужные для духовной жизни науки, как астрономия, математика, физика и т. п., так же, как пользоваться всякими удовольствиями, играми, катаниями, прогулками, можно тогда, когда эти занятия не мешают исполнению обязанностей, но одинаково безнравственно заниматься науками, не содействующими истинному, духовному благу человечества, как и удовольствиями, в ущерб своих прямых обязанностей.

Наука не есть то, что люди назовут этим именем, а то, что составляет высший и нужнейший для блага людей предмет познания.

29 ДЕКАБРЯ (Война)

До тех пор, пока будет насилие, будет и война. Победить насилие можно не насилием, а непровлечением ему и неучастием в нем. Но что подумает тогда то лучшее человечество о той так называемой утонченной цивилизации, которой мы так гордимся? А почти то же, что мы думаем о древнемексиканском народе и его каннибализме, в одно и то же время воинственном, набожном и животном.

Летурно

1

Если бы мои солдаты начали думать, ни один не остался бы в войске.
Фридрих II

2

Дикий инстинкт военного убийства так заботливо в продолжение тысячелетий культивировался и поощрялся, что пустил глубокие корни в мозгу человеческом. Надо надеяться, однако, что лучшее, чем наше, общество сумеет освободиться от этого ужасного преступления.

3

И я понял дисциплину, именно то, что капрал всегда прав, когда он говорит с солдатом, сержант – когда он говорит с капралом, унтер-офицер – когда он говорит с сержантом, и т. д. до фельдмаршала, хотя бы они говорили, что дважды два – пять. Сначала это трудно понять, но пониманию этого помогает то, что в каждой казарме висит табличка, и ее прочитывают, чтобы уяснить свои мысли. На этой табличке написано все то, что может желать сделать солдат, как, например, возвратиться в свою деревню, отказаться от исполнения службы, не покориться своему начальнику и прочее, и за все это обозначены наказания: смертная казнь или пять лет каторжной работы.

Эркман-Шатриан

4

Я купил негра, он мой. Он работает как лошадь, я плохо кормлю его, так же одеваю и бью его, когда он не слушается. Что же тут удивительного? Разве мы лучше обращаемся с своими солдатами? Разве они не лишены свободы так же, как этот негр? Разница только в том, что солдат стоит гораздо дешевле. Хороший негр стоит теперь по крайней мере 500 экю, хороший солдат стоит едва 50. Ни тот, ни другой не может уйти с того места, где их держат, и того и другого бьют за малейшую ошибку, жалование почти одинаково, но негр имеет

преимущество перед солдатом в том, что не подвергает опасности свою жизнь,
а проводит ее с своей женой и детьми.

Анатоль Франс

Война уничтожится только тогда, когда люди не будут принимать никакого участия в насилии и будут готовы нести все те гонения, которым они могут подвергнуться за это. Это одно средство уничтожения войны.

Недельное чтение

О секте Назарен, распространившейся в Венгрии, Сербии и Хорватии

Сущность учения назарен состоит в следовании учению Нового Завета, преимущественно нагорной проповеди. Они не признают никакой иерархии, писаного учения и вообще организации, учение их не установившееся, изменяющееся, различно в догматическом отношении в различных общинах, – даже в одной и той же общине есть члены, верующие по-своему. Но нравственное учение у всех одно и то же. Все они ведут строго нравственную воздержную жизнь. Считают главными правилами жизни трудолюбие, кротость в обращении с людьми, смиренное перенесение обид и воздержание от участия в насилии. Они не признают суда, не платят добровольно податей, не присягают и отказываются от военной службы и вообще к государству относятся, как к ненужному им учреждению.

В свои общины, состоящие преимущественно из трудового народа, назарены принимают только «воскресших духом», покаявшихся и живущих новой жизнью. Поэтому дети назарен не считаются назаренами, пока не придут в сознательный возраст и сами не пожелают вступить в общину верующих.

Отказ назарен от воинской повинности вызывает против них гонения австрийского правительства. Но назарены твердо держатся своего убеждения о несогласии с христианством военной службы и покорно несут накладываемые на них наказания, не изменяя закону Христа.

Свои отказы от воинской повинности назарены основывают на словах Христа «А Я говорю вам не противься злему» (5, 38 Матф.) и «любите врагов ваших, благословляйте проклинаящих вас и молитесь за обижающих вас» (5, 44 Матф.).

Простые крестьянские парни, назарены, часто удивляют своих гонителей той твердостью, с которой они переносят всякие мучения. И так поступают не только рекруты, но и запасные, т. е. такие, которые уже после отбытия действительной службы сделались назаренами. Когда их призывают на маневры, они отказываются брать оружие в руки. Зная, что их за это могут приговорить к пожизненному заключению, они заблаговременно распоряжаются своим хозяйством так, чтобы жена могла управляться одна, и прощаются как бы навеки с своими семьями. Семьи их большей частью сочувствуют их мученичеству.

Так, несколько лет тому назад Йога Радованов (серб) из Вечбаса (Бачка), будучи зачислен в Пеште в 6 полк 6 роту, отказался взять оружие, сказав, что вера его не позволяет ему этого. Суд приговорил его к заключению на 2 года. Старший брат его, приговоренный к заключению в 1894 г., сидел уже 10-й год. Мать этих обоих братьев пришла навестить младшего. Начальство ей не разрешило свидания. Она стояла и плакала на дворе тюрьмы. И в это время увидела в одном из окон лицо сына и сейчас же крикнула ему: «Сыне мой злати, не мой за Бога узети пушку! (Сынок мой золотой, Бога ради, не бери ты ружья!)»

В конце августа 1895 г. призывались запасные Сегединского резервного полка. Когда запасным раздавали ружья, двое из них не хотели принять ружья, потому что, как они сказали, им это не позволяет назаренская вера. Капитан Олчвари стал говорить им, что Бог любит войско, что ведь теперь идут не на войну, а только на маневры, где никто не будет проливать крови. Назарены на это ответили: «Но нас для того ведут на маневры, чтобы выучить убивать людей».

Капитан пытался подействовать на них страхом. Он сказал им, что прошлой осенью один назарен тоже так себя вел и его несколько раз наказывали и наконец заключили на 17 лет в крепостную тюрьму.

– Пусть нас застрелят, – спокойно ответили назарены, – но не можем идти против законов Бога.

Другие запасные пошли к семьям этих назарен, и жены их, не находившиеся еще в секте, с плачем просили мужей, чтобы те покорились власти, но они не согласились. Капитан посадил их предварительно на 10 дней тяжелого ареста. Когда их отводили, они, плача, расставались с семьями.

– Оставайтесь с Богом, – говорили они, – нас заживо похоронят ради Господа Бога, ради святой невинности и чистоты душевной, потому что люди должны быть, как агнцы Божии.

Франко Новак должен был отбывать военную службу в Тамешваре. Когда его в первый раз повели вместе с другими рекрутами на учебный плац, он отказался принять оружие. Заметив суету около Новака, бывший на плацу генерал подъехал к этому месту и спросил, что случилось. Ему доложили. Генерал ласково спросил Новака, почему он не хочет взять оружие. Новак вынул из кармана маленькое Евангелие и сказал: «Высшие власти разрешают печатать эту книжку, а также не запрещают жить по высказанным в ней заветам. В книге же этой сказано: „Люби ближнего, как самого себя“. Не принимаю оружия потому, что хочу следовать заветам Спасителя».

Генерал спокойно выслушал до конца Новака, потом сказал ему: «Однако в этой же книжке сказано: кесарево – кесарю, Божье – Богу».

Новак сначала смутился и молчал, но потом, одумавшись, снял военную фуражку, оружие, мундир и, положив все это, сказал: «Вот все это его величества кесаря, вот и я отдам ему все, что его».

В 1897 году к городскому нотариусу Великой Кокинды пришел дряхлый старик. В руках у него был лист бумаги: свидетельство о праве на пенсию инвалиду 48-го года.

– Извольте записать, господин нотариус, – сказал старик, – что я отказываюсь от своей пенсии.

Удивленный нотариус спросил старика:

«Что вы, Ванда, разве нашли клад?»

– Верно, совершенно верно, господин нотариус, – ответил старик, – я нашел клад. Нашел я, господин нотариус, своего Господа, который дороже мне всех кладов мира сего и которому не нравится, чтобы раб его питался хлебом, доставленным ему оружием.

Несмотря на строгие меры, употребляемые против них правительством, назарены не изменяют своей веры.

В. Ольховский (из книги «Назарены в Венгрии». Издание «Посредника»)

30 ДЕКАБРЯ (Единение)

Сознание братства и равенства всех людей все более и более распространяется в человечестве.

1

Тот, кто сказал: «Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас», сделался сам через это слово средоточием всего человечества, ибо все человечество живет под гнетом притеснения и труда.

Сочтите тех, кто не несет этой тяжести, а налагает ее на других, тех, кто пользуется трудами других и притеснением их, – много ли таковых? На одного господина миллион рабов, на одного счастливого, в смысле сатаны, миллион существ, согбенных до земли, которую они орошают потом и слезами. Эти обездоленные создания – это овцы Доброго Пастыря, овцы Христовы, те, для которых Он отдал Свою жизнь. Он их зовет к себе, и мало-помалу, по мере того, как приближаются обещанные времена, они, подняв головы, слушают Его голос, узнают Его и готовятся Ему следовать. Из всех овчарен, из среды всякого народа прибегут эти овцы, ибо все принадлежат Доброму Пастырю, и Он соберет их. Рассеянные, разъединенные, они толпятся в смутном ожидании того, кто поведет их на такие пастбища, где они не будут отданы во власть наемников, которые, завидя приближающегося волка, покидают своих овец и убегают, или людям чужим, которые, заботясь лишь о своей выгоде, об удовлетворении своей алчности, присваивают их себе, одеваются их шерстью, питаются их мясом. И придя к Доброму Пастырю, все овцы соберутся вокруг Него, и будет едино стадо и един Пастырь.

Цель земной миссии Христа: составить из всех людей народ братьев, соединить всех людей между собой, соединив их с Богом, утвердить их в единении под святым законом бесконечного и беспредельного прогресса любви, которая есть жизнь вечная всего существующего.

Ламенэ

2

Понимаем ли мы наше духовное братство? Понимаем ли наше происхождение от одного Небесного Отца, образ которого мы носим в себе и к совершенству которого мы постоянно можем приближаться? Признали ли мы то, что в душах всех людей, так же как и в нашей, одна и та же божественная жизнь? А между тем это одно составляет истинную, свободную связь людей между собой.

Для изменения строя жизни людей необходимо новое уважение людей друг к другу. До тех пор пока люди смотрят друг на друга, как теперь, почти как на скотину, они не перестанут скотски обращаться с людьми, будут продолжать силою или хитростью делать их орудиями достижения своих целей. Не может быть братства между людьми до тех пор, пока они не поймут свое сродство и отношение к Богу, и то великое назначение,

для которого дана им жизнь. Теперь же на такие мысли смотрят как на фантазии, и на учителя, который надеется найти в людях веру в свое братство и сыновность Богу, смотрят как на мечтателя. А между тем признание этой простейшей истины христианства перевернуло бы все общество и установило бы между людьми такие отношения, которых мы не можем себе представить теперь. Никто из нас не может вообразить себе ту перемену в обращении, ту нежность, уважение, мягкость и ту энергию усилий для общественного улучшения, которые возникли бы по мере того, как люди проникали бы до духовной части друг друга и понимали бы значение души каждого самого низшего человеческого существа. Тогда те оскорбления, огорчения, угнетения, которых теперь мы и не замечаем, возмущали бы нас более, чем теперешние величайшие преступления. Тогда всякий человек был бы священен в глазах человека, и оскорбление, нанесенное человеку, представлялось бы враждою против Бога. Признавая эту истину, человек не мог бы надругаться над ближним, потому что видел бы в нем божественное. Нельзя себе представить истины столь практической, как это учение. Да, нам нужно новое откровение – не о рае и аде, а о том духе, который живет в нас.

Чаннинг

3

Нельзя любить ни того, кого ты боишься, ни того, кто тебя боится.

Цицерон

4

Люди, проповедующие нравственность и ограничивающие ваши обязанности пределами вашей семьи и родины, проповедуют вам эгоизм, более или менее широкий, но тем не менее вредный и вам и другим. Семья и родина – два круга, заключающиеся в еще более широком круге – человечестве. Это две ступени, которые нужно пройти, но на которых не следует останавливаться.

Иосиф Мадзини

Сознание своего единства со всем человечеством, вытекающее из сознания единого во всех божественного начала, дает людям наивысшее и внутреннее – личное и внешнее – общественное благо. Мешают этому сознанию более всего суеверия государственные, народные, сословные и религиозные. Устанавливает это сознание истинная религия.

31 ДЕКАБРЯ (Настоящее)

Прошедшего нет, будущее не наступило. Настоящее есть бесконечно малая точка соприкосновения несуществующего прошедшего с несуществующим будущим. И в ней-то, в этой безвременной точке и совершается истинная жизнь человека.

1

«Время проходит!» привыкли мы говорить. Времени нет; движемся мы.
По Талмуду

2

Время за нами, время перед нами, при нас его нет.

3

Я состою из духа и тела. Для тела все безразлично, ибо вещество лишено способности различать что бы то ни было. Для духа же все то, что не исходит от духа, тоже безразлично, ибо жизнь духа самостоятельна. Но жизнь духа не имеет ни малейшего значения ни в прошедшем, ни в будущем. Вся ее важность сосредоточена в настоящем времени.
Марк Аврелий

4

Время есть величайшая иллюзия. Оно есть только внутренняя призма, через которую мы разлагаем бытие и жизнь, образ, под которым мы постепенно видим то, что вневременно, в идее. Глаз не видит шара всего сразу, хотя шар существует весь сразу. Нужно одно из двух: либо чтобы шар вертелся перед глазом, который смотрит на него, либо чтобы глаз обошел вокруг наблюдаемого им шара.

В первом случае – это мир, разворачивающийся или как будто разворачивающийся во времени; во втором случае – это наша мысль, анализирующая и постепенно восстанавливающая. Для высшего разума нет времени: что будет, то есть. Время и пространство – это раскрытие бесконечного для пользования им существами конечными.

Амиель

5

Можно себе представить такое мыслящее существо, которому легче предвидеть будущее, чем помнить прошедшее. Уже в инстинктах насекомых есть нечто, заставляющее нас предполагать, что они руководятся будущим

больше, чем прошедшим. Если бы животные настолько же обладали воспоминанием прошлого, как предчувствием будущего, то некоторые насекомые превосходили бы нас, на самом же деле сила предчувствия всегда, по-видимому, находится в обратном отношении к памяти о прошлом.

Лихтенберг

6

Наша душа брошена в тело, где она находит число, время, измерение. Она рассуждает об этом и называет это природой, необходимостью и не может мыслить иначе.

Паскаль

Времени нет. Есть только бесконечно малое настоящее. В нем-то и совершается жизнь. И потому на одно настоящее должен направить человек все свои духовные силы.

Приложение Месячные чтения

ЯНВАРЬ

См. Ламенэ, 20 декабря, 4.

ФЕВРАЛЬ

Самая старая коренная и огромная ошибка нашей жизни есть ошибка поклонения. Нет на земле большей святыни – святыни человека, живого носителя божества, а между тем мы видим, что то, что происходит от человека, изделия, вымыслы и дела человеческие, возвеличиваются выше человека, творение ставится выше творца.

Но пора увидеть и понять всем ту несомненную очевидность, что все усилия жизни лучших, праведных и мудрых людей, от Моисея до нашего времени, с Иисусом Христом во главе, направлены всегда на борьбу с обманами, с этими самыми возвеличенными выше человека человеческими вымыслами, на борьбу с этими идолами, чтобы показать людям это изуверство, чтобы выяснить перед людьми достойную веры истину, чтобы привести человека к сознанию источника жизни и всяких дел в самом себе, чтобы возвратить человека в волю бога и тем освободить его.

Моисей отверг вещественных идолов, но оставил обрезание и создал субботу, а последующие учителя еврейства создали новых идолов: обрядности и предания старцев. Христианские учителя отвергли и субботу, и обрезание, и обрядности еврейские, но создали крещение и преломление хлеба, а потом боги посыпались как из рога изобилия: Святой Дух, Спас, Богородица, ангелы, святители и святые, угодники и чудотворцы, иконы и кресты и бесчисленные вещественные изображения и предметы; и что всего удивительнее, даже остатки мертвецов, эти новые египетские мумии.

И что в религии, то и в общественной жизни: дело человеческое ставится выше человека. Монархия, олигархия, конституция, республика – меняются названия, формы, но всегда ставится нечто, чему человек должен жертвовать своей духовной свободой; так называемое общественное благо покупается ценою личного порабощения. Всякая религия, всякая форма общественной жизни, как внешнее выражение законов жизни, должны служить носителю в себе сущности жизни и воплощению божества, человеку, а не порабощать его. Не унижение и отвержение достоинства разумного существа в человеке должно царствовать между людьми, а освобождение и возвеличение его. Не внешняя власть, не страх страдания и смерти, происходящий извне, должны связывать страсти и злую волю человека (они и не связывают) и давать людям уверенность спокойствия (они его не дают), а сознание вечного закона жизни, сознание духовного единства людей, власть, исходящая свыше, власть Бога, власть разума, власть совести – та внутренняя духовная власть, которая лежит в природе человека и которая проявляется теперь лишь слабо под дружным и систематическим гнетом церкви и государства; освободившись, она станет могущественною уздою всякого зла и природною и надежною твердынею личного и общественного спокойствия и благоденствия. Эту самую внутреннюю силу, этот всеобщий свет разума и следует поставить человеку во главу своей собственно личной и общественной жизни. И как тает сумрак ночи перед светом восходящей зари, как невежество и суеверие, чудеса и колдовство сами собой гибнут пред светом науки, как лешие, водяные и домовые исчезли перед светом знания и разума, так пред лицом того же огня и света сойдут на нет все теперь такие величественные обманные и насильнические общественные учреждения, и всякая злоба, насилие и рабство между людьми исчезнут сами собой.

Бука

МАРТ

Мы знаем, что в старину люди поклонялись истуканам. Случится, например, неурожай, люди думают, что есть особенный Бог урожая, что он обиделся почему-нибудь на человека, что поэтому надо его умиловать, и люди делали из дерева истукана, называли его Богом урожая, кланялись ему и приносили жертвы. И когда после того случался урожай, то люди думали, что это оттого, что они молились истукану и приносили ему жертвы. Но мы теперь знаем, что старинные люди обманывались; теперь мы знаем, что есть Бог, который открывается человеку в разуме законами жизни, но что особенного Бога урожая нет, что оттого, что они кланялись и приносили жертвы своему же человеческому изделию, никакого прироста не могло быть, что если и случался потом урожай, то так следовало по порядку мировой жизни, о которой те люди не имели понятия. Это мы теперь знаем, но не знаем того, что мы и теперь еще больше обманываемся, еще с большим унижением поклоняемся и еще неизмеримо больше приносим жертвы и все по-прежнему тому же человеческому изделию. Разница только та, что старинные люди поклонялись вещественному изделию, а мы поклоняемся выдумке. Мы, теперешние люди, наделали себе разных церквей, разных вер и все самых православных и правых, наделали себе многие государства и в них насадили царей, придумали правительства, губернаторства, земства, и в них насадили министров, губернаторов, председателей, членов и разных чиновников, имя же им, как годдаринским бесам, легион. Люди наделали сами себе столько предметов поклонения и жертвоприношения, что нельзя шагу ступить, чтобы не натолкнуться на какого-нибудь истукана. И люди верят, что все эти учреждения, все эти идолы нужны, и до последней возможности унижают себя поклонением и приносят в жертву не только все, что имеют, но даже и самих себя, воображая, что от этого будет им какой-то прирост. Но прироста никакого на самом деле нет, если же мы еще кое-как дышим, то это, конечно, не оттого, что у нас много всяких общественных, священных учреждений, а несмотря на это, — не все еще, значит, законы жизни подменены, значит, истинный Бог еще живет в людях.

Обман состоит в том, что внутренняя сила нашего собственного и непосредственного разума и отношения к Богу извне насильственно умаляется в нашей жизни и скрадывается подменом всевозможными общественными учреждениями; или в том, что одни люди, будучи на самом деле такими же, как и все, свое грешное, противучеловеческое, звериное дело насильничества придумали возвеличить во святое право и, пользуясь этой выдумкой, присвоили себе положение исключительной разумности и мнимое представительство перед Богом.

Мирской обман этот, от которого мы никак не можем прийти в себя, начался давно, еще в Ветхом Завете. Из Ветхого Завета мы знаем, что евреи, среди которых явился Христос (веру которого, мы хвалимся, что будто бы исповедуем), — евреи отличались от всех других народов тем, что поклонялись Богу истинному, что поклонение Богу истинному выражалось не в каких-нибудь униженных и разорительных действиях, вроде наклонения головы до земли, отречения от своей воли, совести, человеческого достоинства, от всей своей собственной жизни до последней капли крови, как это мы делаем теперь перед своими богами, а что поклонение Богу истинному состояло в исполнении людьми законов жизни, выраженных для еврея в десяти заповедях, из которых первая говорит о том, чтобы люди ведали Бога истинного и не делали себе никаких других богов; в этом состояло первое, отличительное свойство народа Божия. Но евреи, как народ своего времени, не могли постоянно держаться на той высоте жизни, на которую так неподражаемо они были поставлены Моисеем; мало-помалу они соблазнялись, падали, поклонялись богам чужим и через это жизнь их расстраивалась, делалась невыносимо бедственной, и они каялись и возвращались к Богу истинному; но погубили они свое еврейское благо совсем без возврата тем, что сделали сами себе идола — выдумку.

Глава восьмая Первой Книги Царств повествует о том, как собрались старейшины еврейские к пророку Самуилу и потребовали, чтобы он дал им царя. Писание повествует, что не понравились эти слова народа пророку Самуилу, и он спросил Господа, и Господь ответил ему великим вечным словом. Он сказал: «Не тебя они отвергли, но отвергли меня, чтобы я не царствовал над ними. Итак, что же делать, если они отвергли меня; они делают это уже не в первый раз. Послушай голоса их, дай им царя, только представь и объяви им права царя, который будет царствовать над ними». И говорил Самуил народу: «И сынов ваших и дочерей ваших и земли ваши лучшие возьмет царь и отдаст слугам своим, и сами вы будете ему рабами и восстанете тогда от царя вашего и не будет Господь отвечать вам тогда. Господь Бог ваш – царь ваш!» Но не послушался народ, и Самуил дал им царя. Так отверг и потерял Израиль данную ему Богом через Моисея свободу, для которой он вывел его из Египта из дома рабства.

До этого в книге Судей и в книге Руфь писалось: «В те дни не было царя у Израиля, каждый делал то, что ему казалось справедливым». А при царе, стало быть, этот порядок прекратился: каждый перестал делать то, что находил справедливым, и не доискивался, что справедливо, что несправедливо, потому что на это есть царь. Может быть, и кажется, что так лучше, но как бы ни были мудры цари и как бы ни были совершенны их законы, никогда они не могут заменить живого в человеке разума, и нельзя допустить и то, и другое, потому что одно вытесняет и уничтожает другое и потому что «никто не может служить двум господам, ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить, или одному будет усердствовать, а о другом нерадеть».

Так царем начался в Ветхом завете мирской обман, который терзал народ еврейский тысячи лет и от которого мы теперь другие тысячи лет не можем очнуться.

Бука

АПРЕЛЬ

Что такое в наше время правительства, без которых людям кажется невозможно существовать?

Если было время, когда правительства были необходимое и меньшее зло, чем то, которое происходило от беззащитности против организованных соседей, то теперь правительства стали не нужное и гораздо большее зло, чем все то, чем они пугают свои народы.

Правительства, не только военные, но правительства вообще, могли бы быть, уже не говорю – полезны, но безвредны только в том случае, если бы они состояли из непогрешимых, святых людей, как это и предполагается у китайцев. Но ведь правительства, по самой деятельности своей, состоящей в совершении насилия, всегда состоят из самых противоположных святости элементов, из самых дерзких, грубых и развращенных людей.

Всякое правительство поэтому, а тем более правительство, которому предоставляется военная власть, есть ужасное, самое опасное в мире учреждение.

Правительство, в самом широком смысле, включая в него и капиталистов, и прессу, есть не что иное, как такая организация, при которой большая часть людей находится во власти стоящей над ними меньшей части; эта же меньшая часть подчиняется власти еще меньшей части, а эта еще меньшей и т. д., доходя наконец до нескольких людей или одного человека, которые посредством военного насилия получают власть над всеми остальными. Так что все это устройство подобно конусу, все части которого находятся в полной власти тех лиц или того лица, которое находится на вершине его.

Вершину же этого конуса захватывают те люди или тот человек, который более хитер, дерзок и бессовестен, чем другие, или случайный наследник тех, которые были более дерзки и бессовестны.

Нынче Борис Годунов, завтра Григорий Отрепьев, нынче распутная Екатерина, удушившая со своими любовниками мужа, завтра Пугачев, послезавтра безумный Павел, Николай I, Александр II, нынче Николай II с китайско-японской войной. Нынче Наполеон, завтра Бурбон или Орлеанский, Буланже или компания панамистов, нынче Гладстон, завтра Сольсбери, Чемберлен, Роде.

И таким-то правительствам предоставляется полная власть не только над имуществом, жизнью, но и над духовным и нравственным развитием, над воспитанием, религиозным руководством всех людей.

Устроят себе люди такую страшную машину – власть, предоставляя захватывать эту власть, кому попало (а все шансы за то, что захватит ее самый нравственно-дряной человек), и рабски подчиняются и удивляются, что им дурно... Боятся мин, анархистов, а не боятся этого ужасного устройства, всякую минуту угрожающего им величайшими бедствиями.

Люди нашли, что для того чтобы им защищаться от врагов, им полезно связать себя, как это делают защищающиеся черкесы. Но опасности нет никакой, и люди продолжают связывать себя.

Старательно свяжут себя так, чтобы один конец мог со всеми ими делать все, что захочет; потом конец веревки, связывающей их, бросят болтаться, предоставляя первому негодяю или дураку захватить ее и делать с ними, что им нужно.

Ведь что же, как не это самое, делают народы, подчиняясь, учреждая и поддерживая организованное с военной властью правительство?

Л. Толстой

МАЙ

Добровольное рабство, сочинение французского писателя Боэти, половины 16-го века

Разумно любить добродетель, уважать подвиги, признавать добро, откуда бы мы его ни получили, и даже лишаться своего удобства для славы и выгоды того, кого любишь и кто того заслуживает: таким образом, если жители страны нашли такое лицо, которое показало им большую мудрость, чтобы охранять их, большую храбрость, чтобы их защищать, и великую заботу, чтобы управлять ими; и если вследствие этого они привыкли повиноваться ему так, чтобы предоставить ему некоторые выгоды, то я не думаю, что это было неразумно.

Но, Боже мой! Как назовем мы то, когда видим, что большое число людей не только повинуются, но служат, не только подчиняются, но раболепствуют перед одним человеком и раболепствуют так, что не имеют ничего своего: ни имущества, ни детей, ни даже самой жизни, которые бы они считали своими, и терпят грабежи, жестокости, не от войска, не от варваров, но от одного человека, и не от Геркулеса или Самсона, но от человека, большей частью самого трусливого и женственного из всего народа. Как назовем мы это? Скажем ли мы, что такие люди трусы? Если бы два, три, четыре не защищались от одного, это было бы странно, но все-таки возможно, и можно было бы сказать, что это от недостатка мужества, но если сто тысяч людей, сто тысяч деревень, миллион людей, не нападают на того одного, от которого все страдают, будучи его рабами, как мы назовем это? Трусость ли это?

Во всех пороках есть известный предел: двое могут бояться одного и даже десятерых; но тысяча, но миллион, но тысяча деревень, если они не защищаются против одного, то это не трусость, она не может дойти до этого; так же как и храбрость не может дойти до того, чтобы один взял крепость, напал на армию и завоевал государство. Итак, какой же это уродливый порок, не заслуживающий даже названия трусости, порок, которому нельзя найти достаточно скверного названия, который противен природе и который язык отказывается назвать.

Мы удивляемся храбрости, которую внушает свобода тем, которые ее защищают. Но то, что совершается во всех странах со всеми людьми всякий день, именно то, что один человек властвует над ста тысячами деревень и лишает их свободы; кто бы поверил этому, если бы только слышал, а не видел это. И если бы это можно было видеть только в чужих и удаленных землях, кто бы не подумал, что это скорее выдумка, чем справедливо. Ведь того одного человека, который угнетает всех, не нужно побеждать, не нужно от него защищаться, он всегда побежден, только бы народ не соглашался на рабство. Не нужно ничего отнимать у него, нужно только ничего не давать ему. Стране не нужно ничего делать, только бы она ничего не делала против себя, и народ будет свободен. Так что сами народы отдают себя во власть государям; стоит им перестать рабствовать, и они станут свободны. Народы сами отдают себя в рабство, перерезают себе горло. Народ, который может быть свободным, отдает сам свою свободу, сам надевает себе на шею ярмо, сам не только соглашается с своим угнетением, но ищет его. Если бы ему стоило чего-нибудь возвращение своей свободы, и он не искал бы ее, этого самого дорогого для человека, естественного права, отличающего человека от животного, то я понимаю, что он мог бы предпочесть безопасность и удобство жизни борьбе за свободу. Но если для того, чтобы получить свободу, ему нужно только пожелать ее, то неужели может быть народ в мире, который бы считал ее купленной слишком дорогой ценой, если она может быть приобретена одним желанием? Человек может посредством одного желания возвратить благо, которое можно выкупать ценой своей крови и которое, если потеряно, то жизнь становится мучительной и смерть спасительной, и не желает этого. Как огонь от одной искры делается

большим и все усиливается, чем больше он находит дров, тухнет сам собой, если только не подкладывают дров, сам себя уничтожает и теряет свою форму и перестает быть огнем; таким же образом и властители, чем больше они грабят, чем больше требуют, чем больше разоряют и уничтожают, чем больше им дают и им служат, тем они больше усиливаются, становятся сильнее и жаднее к уничтожению всего, тогда как если им ничего не дают, не слушаются их, то они без борьбы, без битвы становятся голы и ничтожны, становятся ничем, так же как дерево, которое не имеет соков и пищи, становится сухой и мертвой веткой.

Смелые люди не боятся опасности, чтобы приобретать то благо, которого желают, умные не отказываются от труда. Если трусливые и не умеют переносить страдания и приобрести благо, они не стремятся к нему вследствие своей трусости, но желание иметь его остается в них. Это желание свойственно и мудрым, и неразумным, и храбрым, и трусам. Все они желают приобрести те вещи, которые сделают их счастливыми и довольными; только одно из них, я не знаю почему, люди не желают ее, а именно – свободы, которая составляет такое великое благо, что как скоро оно потеряно, то все другие бедствия следуют за ним, и даже те блага, которые остаются после него, теряют свой вкус и свою прелесть. И это-то великое благо, которое люди получили бы, как скоро они бы пожелали его, они не желают приобрести как будто только потому, что оно слишком легко.

Бедные, несчастные люди, бессмысленные народы, упорные в своем зле, слепые к вашему добру, вы позволяете отбирать от вас лучшую часть вашего дохода, грабить ваши поля, ваши дома, вы живете так, что можете сказать, что ничто не принадлежит вам. И все эти бедствия и разорения происходят не от врагов, но от врага, которого вы сами себе делаете, за которого вы мужественно идете на войну, за величие которого вы не отказываетесь идти на смерть. Тот, кто так властвует над вами, имеет только два глаза, две руки, одно тело и ничего не имеет, чего бы не имел ничтожный человек из бесчисленного количества ваших братьев; преимущество, которое он имеет перед вами, – только то право, которое вы даете ему, истреблять вас. Откуда бы взял он столько глаз, чтобы следить за вами, если бы вы не давали их ему? Как бы он имел столько рук, чтобы бить вас, если бы он не брал их у вас? Или откуда взялись бы у него ноги, которыми он попирает ваши села, откуда они у него, если они не ваши? Откуда бы была у него власть над вами, если бы вы не давали ее ему? Как бы он мог нападать на вас, если бы вы не были заодно с ним? Что бы он мог сделать вам, если бы вы не были укрывателями того вора, который вас грабит, участниками того убийцы, который убивает вас, если бы вы не были изменниками самим себе? Вы сеете и для того, чтобы он уничтожил ваши посевы, вы наполняете и убираете ваши дома для его грабежей; вы воспитываете ваших детей, с тем чтобы он вел их на свои войны, на бойню, чтобы он делал их исполнителями своих похотей, своих мщений; вы надываетесь в труде для того, чтобы он мог наслаждаться удовольствиями и гваздаться в грязных и гадких удовольствиях; вы ослабляете себя для того, чтобы сделать его сильнее и чтоб он мог держать вас на узде. И от этих ужасов, которых животные не перенесли бы, вы можете освободиться, если захотите не только освободиться, но только пожелать этого. Решитесь не служить более, и вы свободны. Я не хочу, чтобы вы бились с ним, нападали на него, но чтобы вы только перестали поддерживать его, и вы увидите, что он, как огромная статуя, из-под которой вынули основание, упадет от своей тяжести и разобьется вдребезги.

ИЮНЬ

27 января 1894 года в больнице Воронежской тюрьмы умер от воспаления легких некто Дрожжин, бывший сельский учитель Курской губернии. Тело его брошено в могилу на острожном кладбище, как кидают туда тела всех преступников, умирающих в тюрьме. Между тем это был один из самых святых, чистых и правдивых людей, какие бывают в жизни.

В августе 1891 года он был призван к отбыванию воинской повинности, но, считая всех людей братьями и признавая убийство и насилие самым большим грехом, противным совести и воле бога, он отказался быть солдатом и носить оружие. Точно так же признавая грехом отдавать свою волю во власть других людей, могущих потребовать от него дурных поступков, он отказался и от присяги. Люди, жизнь которых основана на насилии и убийстве, заключили его сначала на год в одиночное заключение в Харькове, а потом перевели в Воронежский дисциплинарный батальон, где в течение 15 месяцев мучили его холодом, голодом и одиночным заключением. Наконец, когда у него от непрерывных страданий и лишений развилась чахотка и он был признан негодным к военной службе, его решили перевести в гражданскую тюрьму, где он должен был отсидывать еще 9 лет заключения. Но при доставлении его из батальона в тюрьму в сильный морозный день полицейские служители по небрежности своей повезли его без теплой одежды, долго стояли на улице у полицейского дома и поэтому так простудили его, что у него сделалось воспаление легких, от которого он и умер через 23 дня.

За день до смерти Дрожжин сказал доктору: «Жил я хотя недолго, но умираю с сознанием, что поступил по своим убеждениям, согласно со своей совестью. Конечно, об этом лучше могут судить другие. Может быть... нет, я думаю, что я прав», сказал он утвердительно.

На другой день он умер.

Е. И. Попов

Письмо военного врача А. Шкарвана, отказавшегося от военной службы в 1894 году

Господин старший врач!

Я должен был бы устно сообщить вам то, что пишу, но пользуюсь пером, так как боюсь, что лично я мог бы это сделать недостаточно ясно и спокойно.

Я решил не возвращаться более к своим военным обязанностям, решил перестать быть солдатом, а следовательно, не буду ни носить военного мундира, ни исполнять госпитальной службы, которая в сущности — та же военная.

Отказываюсь я от этого потому, что это противоречит моим убеждениям, моему образу мыслей, моим познаниям, моему религиозному чувству. Я — христианин и, как таковой, не могу способствовать милитаризму ни словом, ни делом. До сих пор я делал это потому, что не имел достаточно духовной силы для того, чтобы одному противостоять такой могучей силе, какую представляет военная организация. Теперь мое решение укрепилось и произошло это не в какую-нибудь патетическую минуту, но оно есть последовательный результат моих мыслей и стремлений в продолжение нескольких лет.

Мне ясно представляется, каким глупым, греховным и смешным должно показаться военному суду мое намерение. Знаю также и то, что за это я

должен буду претерпеть тяжелое наказание, что власти будут держать меня в тюремном заключении столько, сколько им пожелается.

Но я отдаюсь власти, которая выше всей могущественной Европы. Я хочу согласовать свою жизнь с требованиями одной только истины, т. е. вечной, единой, божественной истины. Эта истина повелевает мне не гнуть более шеи под тем всеобщим рабским ярмом военицины, которое все правительства налагают в настоящее время на человечество.

Что военный врач должен преследовать, как об этом говорят и пишут, более гуманные и благородные цели, я считаю неверным, потому что он так же, как прочие военные, не что иное, как лишенное воли орудие, существующее для того, чтобы делать правильно, хорошо и последовательно то, что требует устав, а именно иметь заботу о том, чтобы войско могло возможно дольше выполнять свою грубую бесчеловечную работу.

Вот все, что я имею сказать. Прошу сохранить это письмо для того, чтобы оно могло быть передано суду, так как я и там едва ли буду иметь что прибавить к тому, что сказано в нем.

Я буду ожидать на своей квартире в «Кронен Казерне» вашего распоряжения.

Д-р А. Шкарван

Кроме этого письма А. Шкарван высказал в следующей статье те причины, по которым он нашел невозможным служить военным врачом.

Почему нельзя служить военным врачом

Многих поражает то обстоятельство, что я отказался продолжать военную службу в качестве врача. Многие допускают, что отказ от строевой службы еще понятен, так как назначение строевого солдата несомненно состоит в том, чтобы обучаться убийству, и если начальство того потребует, то и совершать убийства.

«Но, – спрашивают люди, – как может отказаться от своей службы военный врач, звание и обязанность которого состоит совсем не в убийстве людей, а, наоборот, в том, чтобы подавать помощь больным, страдающим и, следовательно, – творить дела гуманные, дела милосердия?»

«Деятельность врача, – добавляют еще такие люди, – есть сама по себе христианская деятельность, и потому тот, кто бросает эту деятельность, заслуживает даже с нравственной точки зрения скорее осуждения, чем сочувствия».

И люди, при общей, свойственной им склонности не разбирать настоящего положения вещей, охотно принимают такого рода рассуждения, считая вопрос решенным, и кладут его в сторону, чтобы больше не думать о нем. Такие возражения мне пришлось слышать не только от военных, но равно и от гражданских людей, не только от матерьялистов, но даже и от людей несомненно религиозных. Это самое мне выражали даже некоторые назарены, люди, понявшие греховность военной службы, отказывающиеся от нее, и за это убеждение всю свою молодость просидевшие в тюрьмах и умирающие там.

Является вопрос, как может мнение назарен быть согласно с мнением людей совсем других взглядов на войну? И другой вопрос: справедливо ли это мнение?

Для меня несомненно то, что назарены пошли на более тонкий, но в сущности тот же самый самообман, когда они между собой решили поступать – если потребуют власти – в санитарные роты, как они теперь и делают. В этом и все объяснение.

Утверждать же, что служба военного врача, а с ней и служба санитарного солдата, не противны духу Христа, что такая служба составляет как бы добродетель, – очень грубая ошибка.

Ошибка заключается в том, что из всякого дела и занятия можно сделать дело дьявола (как это и доказывает практика многих врачей), все зависит лишь от того, как делающий известное дело относится к нему. Поэтому и неверно утверждение, что вообще занятие врача само по себе есть занятие благородное. Кроме того, путает этот вопрос еще и то обстоятельство, что громадное большинство людей относится к медицинской науке суеверно, даже не подозревая того, насколько справедливо изречение Фауста: «Der Sinn der Medizin ist leicht zu fassen; du durchstudirst die grosse und die kleine Welt, um es am Ende gehn zu lassen, wie's Gott gefällt». (Сущность медицины легко усвоить; изучаешь великий и малый мир только затем, чтобы в конце концов оставить все на Божью волю.)

Но главное, что делает преступным службу военного врача, это та тесная связь, которая существует между его деятельностью и убийством людей, – настоящим назначением армий. Связь эта лицемерно прикрыта плащом гуманности и потому не так очевидна людям. Тем не менее она существует, и всякий желающий видеть может ее видеть, ибо очень легко поднять этот плащ, под которым скрывается тот же разбойник.

Военный врач свидетельствует солдат, т. е. решает, кто из людей годится для пушечного мяса, кто нет, осматривает тех солдат, которых наказывает начальство, т. е. решает, кого можно затворить в темницу, на кого можно надеть кандалы, кого можно лишить еды и т. п., следовательно, постоянно содействует бесчеловечному, зверскому насилию над людьми.

Но предположим даже, что он всего этого не будет вынужден делать и что, кроме добросовестного лечения больных солдат, не будет ничем другим заниматься, – даже это ничуть не уничижило бы греховности его деятельности, ибо нельзя не спросить себя, нельзя не видеть того, какая цель преследуется этим лечением. Военный врач во всяком случае представляет наемника за деньги, нанятого организованной шайкой убийц единственно для того, чтобы наблюдать за здоровьем людей, предназначенных на убой и на совершение убийства.

И нельзя в этом случае не сознавать того, что всем известно, – того, что быть пособником в каком бы то ни было виде безнравственному, дикому учреждению, – постыдно и унижительно, какое бы хорошее название ни давали этому делу, какой бы красивый мундир за это ни надевали, сколько бы золотых крестиков ни дарили за такую службу. Ведь, наверное, ни одна честная женщина ни за какие деньги не согласится поступить в кухарки в шайку разбойников, хотя приготовление кушанья не только не составляет греха само по себе, но нужное и необходимое для людей условие жизни. И в чем же разница между разбойниками и армиями? Единственно лишь в размерах грабежа.

Пора бы нам всем понять, что постыдно и унижительно продавать свои знания тем, кто нуждается в них, для более легкого достижения своих злых намерений!

Пора бы понять, что всякое малейшее содействие в основанных на насилии делах правительства составляет для человека, желающего себе и другим блага, – унижение собственного достоинства и великое преступление против самых элементарных требований не только любви, но даже простой гуманности!

ИЮЛЬ

Письмо крестьянина Петра Ольховика, отказавшегося от военной службы

См. Недельное чтение после 14 июля (III).

АВГУСТ

Недавно приходит ко мне полицейский надзиратель с городовым и с двумя понятыми и говорит: «Господин исправник в комиссии с воинским начальником прислали меня пригласить вас в полицейское управление по делу о вашей неявке на проверку призывных по воинской повинности списков». Я немного растерялся и замялся в словах, а он прибавил: «Они сейчас в полицейском управлении ожидают вас». Я говорю: «Зачем же они ожидают, я не обещался приходить».

– Но они вас просят, – понимаете: исправник и воинский начальник прислали меня.

– Так, – я говорю, – но мне-то их совершенно не нужно.

– Значит, не пойдете?

– Да-а! Не пойду.

– Значит, вы не признаете властей, идете против власти?

– Я не иду против властей, пускай власти стоят, может быть, они кому-нибудь и нужны, но я-то не имею до них никакой нужды. Вот вы так грозно говорите: «исправник, воинский начальник» и «против властей», а я понимаю, что это тоже люди, рожденные, как и я, из утробы матери, пьющие, едящие, согрешающие и умирающие, словом, как все люди. И согласитесь сами, зачем же я пойду к человеку, которого мне совершенно не нужно. Если же, как вы говорите, я им нужен, – ну тогда пускай ко мне придут.

– Ну, да, – сказал полицейский, – но если так допустить, то никто не будет ходить, а через это уничтожатся власти, – значит, вы идете против властей?

– Но вы поймите, что я говорю: мне они не нужны. Если я делаю какое-либо дело и оно не нужно людям, то как же я могу заставить их нуждаться в моем деле. То же и с властью. Она мне не нужна. Если я ошибаюсь, то, конечно, власти не уничтожатся оттого, что я, какой-то там ничтожный человек, сделал ошибку. Если же, как вы опасаетесь, что власти таким образом всем будут не нужны и через это уничтожатся, то что же делать, такова, значит, будет воля Божия.

– Так и не пойдете?

– Ну, конечно!

– В таком случае до свиданья!

– Будьте здоровы.

Зло властей в том, что они насильственны. Чтобы избавиться от насилия, надо научиться ладить друг с другом по добру, не нуждаясь в насильственности. А этого достигнуть можно только сознательной верой, разумением жизни, в исполнении воли отца нашего, иже есть на небесах, т. е. вечного закона. Пусть о всяком предстоящем деле всякий человек прежде удостоверится своим разумом, согласно ли оно с волей Божией или не согласно. И если согласно, то пусть делает его, но пальцем не шевелит, не произнесет ни одного звука на пользу такого дела. И тогда то, что не нужно, то уничтожится само собой по воле Бога. Что будет развязано на земле, то развяжется и на небесах. Мудрость жизни состоит в том, чтобы соблюсти волю Божию, чтобы суметь воздать за зло добром.

Бука

СЕНТЯБРЬ

Откровение и разум

См. Недельное чтение после 27 октября.

ОКТАБРЬ

Раскрываемые перед нами историей ужасы всех религиозных гонений до Христа и после Христа, от Нероновых факелов до инквизиции, Варфоломеевской ночи, обоюдоострого меча Ислама и до совершающихся сейчас гонений, мучений и убийств наших русских сектантов – все эти ужасы так убедительно свидетельствуют о безумии насилия и противления в целях духовного объединения, что трудно прибавить что-нибудь к этим кровавым свидетельствам.

Но самое главное, покрывающее все другие рассуждения, высшее разумение состоит в том, что люди живут на земле не затем, чтобы делать свою волю, а затем, чтобы исполнять волю Божию, которая, кроме того, что выражена в признаваемом нами священном предании, заложена у каждого человека в разум и сердце. Все эти царства, правительства, суды, полиции и законы суть выражения обманчивой человеческой воли о том, чтобы люди все жили так, как это себе представляют желательным некоторые люди, но выходит всегда не так, по расписанию человеческому, а так, как угодно Богу. Поскольку человеческие установления не мешают людям исполнять волю Божию, постольку они вносят благо, счастье и порядок в жизнь людей, а уставщики обольщают себя, что это так хорошо будто все от них. Поскольку человеческие установления противны воле Божией, постольку они вносят зло, несчастье и беспорядок в жизнь людей, и обнаруживается глупость и богопротивность уставщиков. Не лучше ли и не проще ли заботиться обо одном, чтобы делать предметом всеобщего познания, уяснения и возвеличения самую волю Божию на место всех многочисленных, мудреных и часто непонятных и бессмысленных учреждений и законов человеческих? Люди, желающие сделать обязательными свои законы для людей, только мутят этим жизнь человеческую и отнимают их от исполнения воли Божией. «Ищите прежде Царствия Божия и правды его, а прочее все приложится», – сказал Христос. Ведь это Моисей говорил своему жестоковейному народу, что Бог сам, своим перстом начертил заповеди на каменных скрижалях, да еще наши попы морочат ребят своим святым духом, но мы этому уже давно не верим, про наших же законодателей верно знаем, что они на Синай не лазят и вдохновляются законами не дальше своих кабинетов, департаментов и трактиров. А если так, то чем же они руководствуются, сочиняя законы? – в лучшем случае не чем другим, конечно, как только присущим всякому человеку разумом. Так не лучше ли вместо больших сложных выдумок – общественных учреждений – употребить непосредственно самый разум орудием достижения всякого общественного блага? Разум дан нам Богом не на то, чтобы нас обмануть, а он только в том и состоит, только на то и дан нам, чтобы выводить нас из заблуждения и наводить на познание воли Божией. Сделайте такую милость, господа правители и законодатели, поймите, что все мы под Богом ходим, все мы одинаковые люди, и разум у нас у всех есть, а насилие ваше и не нужно, и бессмысленно, и возмутительно, и главное, заразительно и пагубно для нас господствующим примером.

А. Бука

НОЯБРЬ

Трудолюбие и тунеядство, или торжество земледельца сочинение крестьянина Т. Бондарева

Предисловие

Как бы странно и дико показалось утонченно образованным римлянам первой половины 1-го столетия, если бы кто-нибудь сказал им, что неясные, запутанные, часто нелепые письма странствующего еврея к своим друзьям и ученикам будут в сто, в тысячу, в сотни тысяч раз больше читаться, больше распространены и больше влиять на людей, чем все любимые утонченными людьми поэмы, оды, элегии и элегантные послания сочинителей того времени. А между тем это случилось с посланиями Павла.

Точно так же странно и дико должно показаться людям теперешнее мое утверждение, что сочинение Бондарева, над наивностью которого мы снисходительно улыбаемся с высоты своего умственного величия, переживет все те сочинения, описываемые в историях русской литературы, и произведет больше влияния на людей, чем все они, взятые вместе. А между тем я уверен, что это так будет. А уверен я в этом потому, что как ложных и никуда не ведущих и потому ненужных путей бесчисленное количество, а истинный, ведущий к цели и потому нужный путь только один, так и мыслей ложных, ни на что не нужных, бесчисленное количество, а истинная, нужная мысль, или скорее истинный и нужный ход мысли, только один, и этот один истинный и нужный ход мысли в наше время излагает Бондарев в своем сочинении с такой необыкновенной силой, ясностью и убеждением, с которой никто еще не излагал его. И потому все, кажущееся столь важным и нужным теперь, бесследно исчезнет и забудется, а то, что говорит Бондарев и к чему призывает людей, не забудется, потому что люди самой жизнью будут все больше и больше приводиться к тому, что он говорит.

Открытие всяких научных отвлеченных и научных прикладных, и философских, и нравственных, и экономических истин всегда совершается так, что люди ходят все более и более суживающимися кругами около этих истин, все приближаясь и приближаясь к ним, и иногда только слегка захватывая их, до тех пор, пока смелый, свободный и одаренный человек не укажет самой середины этой истины и не поставит ее на ту высоту, с которой она видна всем.

И это самое сделал Бондарев по отношению нравственно-экономической истины, которая подлежала открытию и уяснению нашего времени.

Многие говорили и говорят то же самое. Одни считают физический труд необходимым для здоровья, другие – для правильного экономического устройства, третьи – для нормального развития всесторонних свойств человека, четвертые считают его необходимым условием для нравственного совершенства человека. Так, например, один из величайших писателей Англии и нашего времени, почти столь же не оцененный культурной толпой нашего времени, как и наш Бондарев, несмотря на то, что Рёскин образованнейший и утонченнейший человек своего времени, т. е. стоящий на противоположном от Бондарева полюсе, – Рёскин этот говорит: «Физически невозможно, чтобы существовало истинное религиозное познание или чистая нравственность между сословием народа, которое не зарабатывает себе хлеба своими руками».

Многие ходят около этой истины и выговаривают ее с разными оговорками, как это делает Рёскин, но никто не делает того, что делает Бондарев, признавая хлебный труд основным религиозным законом жизни. И он делает это не потому (как это нам приятно думать), что он невежественный и глупый мужик, не знающий всего того, что мы знаем, а потому, что

он гениальный человек, знающий то, что истина только тогда истина, когда она выражена не с урезками и оговорками и прикрытиями, а тогда, когда она выражена вполне.

Как истина о том, что сумма углов в треугольнике равна двум прямым, выраженная так, что сумма углов в треугольнике бывает иногда приблизительно равна двум прямым, теряет всякий смысл и значение, так и истина о том, что человек должен работать своими руками, выраженная в виде совета, желательности, утверждения о том, что это может быть полезно с некоторых сторон и т. п., теряет весь свой смысл и свое значение. Смысл и значение эта истина получает только тогда, когда она выражена как непреложный закон, отступление от которого ведет за собой неизбежные бедствия и страдания и исполнение которого требуется от нас Богом или разумом, как выразил это Бондарев.

Бондарев не требует того, чтобы всякий непременно надел лапти и пошел ходить за сохой, хотя он и говорит, что это было бы желательно и освободило бы погрязших в роскоши людей от мучающих их заблуждений (и действительно, кроме хорошего, ничего не вышло бы и от точного исполнения даже и этого требования), но Бондарев говорит, что всякий человек должен считать обязанность физического труда, прямого участия в тех трудах, плодами которых он пользуется, своей первой, главной, несомненной священной обязанностью и что в таком сознании этой обязанности должны быть воспитываемы люди. И я не могу себе представить, каким образом честный и думающий человек может не согласиться с этим.

Лев Толстой

Трудолюбие и тунеядство

*«В поте лица твоего снеси хлеб твой, дондеже возвратиши в
землю, от нее же взят»
(Бытия 3, 19)*

Я от имени всех земледельцев пишу и ко всем, сколько есть вас в свете, не работающих хлеб для себя.

Ты, высший класс, тысячи книг написал. Мало ли там неуместного и даже вредного? И, несмотря на то, все они приняты, одобрены и обнародованы.

Мы же, низший класс, с своей стороны написали одну коротенькую, настоящую повесть, – это за все веки и вечности, – в защиту себя, а ты за один только недостаток красноречия и за худость почерка опровергнешь ее, – так уверяли меня многие. Это будет высшей степени обида для нас, – также, мне кажется, и для Бога.

Вся моя история состоит только в двух словах: во-первых, почему вы по первородной заповеди сами для себя своими руками хлеб не работаете, а чужие труды поедаете? Во-вторых, почему у вас ни в богословских, ни в гражданских и ни в каких писаниях хлебный труд и трудящийся в нем не одобряются, а донельзя унижаются?

На два круга разделяю я мир весь: один из них возвышенный и почтенный, а другой униженный и отверженный. Первый, богато одетый и за столом, сластями наполненным, в почтенном месте величественно сидящий, – это богатый, а второй – в рубище, изнуренный сухоядением и тягчайшими работами, с унижением и плачевным видом перед ним у порога стоящий – это бедные земледельцы. Истину слова моего подтверждает евангельская притча (Луки 16, 20).

Адам, за преступление Богом данной ему заповеди не вкушать от запрещенного дерева плодов, не то что сам лишился блаженства, но и весь будущий род свой до скончания века подверг тому же бедствию. Из этого видно, что он сделал величайшее беззаконие из всех беззаконий, а никак не буквально яблоко съел.

Потом начал он скрываться в кустарниках сада того, как повествует нам св. Писание: «Скрылся же Адам и жена его посреди древа райска».

А от кого скрывался? – тогда людей не было. Конечно, от Бога.

Вот видишь ли, в какое безумие ввергает грех человека. Да разве же можно скрыться от Бога?

Из этого видно, что он, оценив свое преступление, чаял выше всех мер получить от Бога наказание; а сверх чаяния он получил божественный приговор такой: «за преступление данной мною тебе заповеди вот тебе наказание: „в поте лица твоего снеси хлеб твой, дондеже возвратишься в землю, от нее же взят“.

Не работал ли затем Адам в продолжение своей жизни (930 лет) до кровавого пота для себя хлеб своими руками, исполняя наложенную на него эпитимию?

А ты, высший класс, его же корня отрасль, почему же ты во всю свою жизнь и близко к этой эпитимии подойти не хочешь, а ешь много раз в день? Пусть бы ты был такой заброшенный, как я и подобные мне земледельцы. Нет, ты вот насколько (указывая рукою своей выше головы моей) умнее и образованнее, а какое великое перед богом и людьми делаешь преступление.

Бог сказал Еве: «Умножая умножу печали твоя и воздыхания твоя (какое страшное изречение), в болезнях родиши чада твоя».

Теперь спрашиваю, почему в женской эпитимии никаких тайных изворотов и иносказаний нет, а как сказал Бог, так все буквально и сбывается.

Как жене, живущей в убогой хижине, так и царице, на престоле сидящей, на голове корону имеющей, одна и та же участь: «в болезнях родиши чада своя». Ни малейшей разницы нет. Да! до такой степени в болезнях, что по дням лежит полумертвой, а иногда и совсем умирает.

Но вот эта именитая жена могла бы сказать так: «Мне родить некогда, я занята нужными и необходимыми государственными делами, а рождением более убытку принесу государству, нежели пользы. Да еще и потому прилично ли мне равняться с последнею крестьянкою, с мужичкою? Поэтому я лучше за деньги найму другую женщину родить для меня дитя или за деньги куплю готового ребенка, и он будет мой собственный, как и тот, которого я сама рожу». Она могла бы рассудить и сделать так? Нет, нельзя переменить постановление Божие.

Собери со всего света сокровища и отдай их за дитя, а оно не будет твоим, а как было чужое, так чужим тебе и останется. Чье же оно? Да той матери, которая его родила. Так же и муж: и он тоже может отказаться от хлебной работы, купить деньгами один фунт хлеба; а он как был чужой, так и будет чужим. Чей же он? Да того, кто его работал. Потому что как Богом положено: жене не должно прикрываться деньгами или какими-либо изворотами от рождения детей, так и муж должен для себя, и для жены, и для детей своими руками работать хлеб, а не прикрываться деньгами или другими изворотами, несмотря ни на какое достоинство.

Самим Богом жене сказано: «Не хлеб работать, а в болезнях родить чада». Почему же наши жены работают? Пока твоего, читатель, ответа дожидаться, я сам делаю оный.

Вас, поедающих наших трудов хлеб, найдется в России до 30 миллионов, да если еще удалить по заповедям от этого труда жен ваших, тогда что же выйдет? да одно, что весь мир должен голодною смертью погибнуть. Вот теперь ясно и законно открылось нам, что наши жены вашу часть и на вас, белоручки, работают хлеб против заповеди. Вы их труды поедаете.

Жена, убившая плод чрева своего, во всю жизнь раскаивается, из глубины души своей вздыхает и просит у Бога прощения, а под старость накладывает на себя посты, молитвы, чем, можно думать, и вымолит у Бога прощение за уничтожение своей заповеди.

Раскаиваешься ли ты, читатель, в том, что всю свою жизнь чужих трудов хлеб ешь! Простишь ли ты у Бога и у людей прощение? Никогда и нисколько, да тебе и на разум это не приходит, а положился смело на деньги, да живешь весь свой век припеваючи и признаешь себя вполне правым перед Богом.

Если бы эта первородная и самим Богом изреченная заповедь, которая есть мать и родительница всех добродетелей и подательница временных и вечных, земных и небесных благ, была тобою принята и уважаема, тогда до того возлюбили бы хлебный труд, что многие отцы отдали бы детям своим такое завещание: «Если я приближусь к смерти, то отведи меня на хлебную ниву, чтобы там разлучилась душа моя с телом; на ней же и погребви прах мой».

А теперь что же? Которые работают, не ждут себе от Бога награды, а которые чужие труды пожирают, не ждут наказания.

Если бы, опять повторяю, эта заповедь была тобою принята и уважаема, какое великое поощрение подали бы вы собою земледельцам к хлебному труду! Они до того приложили бы попечение, что одна десятина принесла бы за пять нынешних.

Если бы мы все уклонялись от нее, то вы имеете право нас неволею к тому принудить; а если вы удалились от оной, или, вернее сказать, от заповедавшего ее, как евангельский блудный сын от отца своего, то кто вас принудит к тому?

А за что на нас такая низость?

Разве Бог не в силах был избрать иной путь к производству в свет хлеба, а эпитимию в том наложил за грехи наши, т. е. как человек не может без греха прожить на свете, и без хлеба не может жить, как будто невольно заставил нас избавиться от грехов наших?

И вы такое дорогое лекарство бросили под ноги свои, как выше сказано, в гроб положили, чтобы никто из живущих на земле не мог найти; а вместо того поставили, что одною только верою в единого Бога без понесения трудов можно спастись.

Да и дьявол верит, что единый есть Бог, и повинуется Ему, как мы видим у Иова, глава II.

Да хотя бы хлебный труд к маленьким добродетелям причли, – и того не удостоили; из головы хоть сделали бы его хвостом, и того не сподобили.

Будете вы тяжело и без малейшей пощады наказаны Богом за то, что на столько тысяч лет уложили эту заповедь под тяжелый гнет и из живого существа сделали мертвое.

Сколько ни есть на свете разных злодеяний и великих преступлений, как-то: воровство, убийство, грабежи, обманы, взятки и разного рода лихоимства, а всему тому причина то, что эта заповедь от людей скрыта.

Богатый делает все это с тою целью, чтобы не приблизиться к этому гнусному занятию, а бедный, чтобы избавиться от оногo. Поставь же эту заповедь перед очи всего мира во всей ее силе и достоинстве, тогда в короткое время прекратится всякое злодеяние и избавятся люди от тяжелой нищеты и несносного убожества.

Не всуе же Бог вначале никаких добродетелей не назначил, кроме хлебного труда, и ни от каких пороков не приказал удаляться, как только от беганья от оногo.

Из этого видно, что этот труд все добродетели в себя забрал. Напротив того, леность да праздность все пороки присвоили. А если ныне есть из земледельцев злодей, то это потому, что он этого закона не знает. Но при этом нужно не упускать из вида, что и прочие труды есть добродетель, но только при хлебе, т. е. своих трудов хлеба наевшись.

Хлебный труд есть священная обязанность для всякого и каждого и не должно принимать в уважение никаких отговоров: чем выше человек, тем более должен пример показывать собою другим в этом труде, а не прикрываться какими-нибудь изворотами, да не хорониться от него за разные углы.

Потому я извлекаю здесь доказательства из богословия, что, кроме богословия, мне взять не из чего доказательства об этом труде.

А второе потому, что люди нашего класса сильно верят в бога, в будущую жизнь, в святое писание. Они, услышав все это, как алчущие к хлебу и как жаждущие к воде, будут стремиться к этому труду, а потом и ко всем трудам.

Тогда темная ночь для них будет светлый день, дождь – ведро, грязь – сухо, мороз – тепло, буран – тихо, дряхлая старость – цветущая молодость, немощь – полное здоровье.

Хлеб нельзя продавать, и покупать, и им торговать, и из него богатства наживать, потому что стоимость его выходит за пределы человеческого разума. В крайних уважительных случаях его нужно даром давать, как-то: на больницы, на сиротские дома, на сидящих в темницах, на истомленные неурожаем области, на разоренных пожаром, на вдов, сирот и калек, на дряхлых и бездомных.

Земледелца побуждает к великому милосердию на хлеб голос природы и помянутая заповедь.

Но если бы к этому милосердию да мог бы он проникнуть в глубину ее таинств, то исполнилось бы все сказанное в предыдущем вопросе. Тогда не просил бы один у другого: дай мне хлеба, а просил бы: прими от меня хлеб, да едва ли и нашел бы охотника есть чужие труды.

Сколько тысяч пудов пшеницы, сколько зерен, сколько рублей серебром в год собирается с нас податей, акцизов, пошлин и разного рода сборов.

Кроме того, господа помещики, купечество и все богачи имеют несосчитаемые миллионы; деньги же даром не даются, их нужно кровавыми мозолями выработать, по сказанной заповеди, руками, а не языком и пером.

Спрашиваю: чьи руки трудились над этими деньгами? Конечно, наши. В чьи же они идут? Конечно, в ваши, – белые, – на роскоши ваши. Словом, весь свет лежит на руках наших.

Это в высшей степени обида для нас, а для вас унижение.

Я знаю, что ты во сто раз умней и образованней меня, потому ты и берешь с меня деньги и хлеб. А если ты умен, то ты должен умилосердиться надо мною, слабым, как сказано: «люби ближнего своего, как самого себя», а ведь я ближний твой, а ты мой.

Почему мы бедны и глупы? – потому что сами в своих трудах хлеб едим и вас кормим. Есть ли нам время учиться да образоваться? Вы как хлеб наш, так вместе с ним и разум наш или тайно украли, или нагло похитили, или коварно присвоили.

Вам следует перед обедом не у Бога просить благословения, а у нас, земледелцев. И после обеда не Богу отдавать благодарность, а нам.

Если бы вам Бог послал с неба манну, как Израилю в пустыне, тогда бы вы должны были отдавать ему благодарность, а если через наши руки, то нам, потому что мы вас, как малых детей или калек, кормим.

Неужели Бог дал эту тяжелую заповедь нам одним, а вам приказал деньгами прикрываться от нее?

– «У меня, – говорит богач, – деньги работают хлеб».

Врешь ты, – деньги перед Богом не согрешили, потому им и заповедь не положена. Да они и хлеба не едят, потому и работать не обязаны. Как же ты говоришь: «У меня деньги работают».

Вы отмахиваетесь от хлебного труда еще тем, что земли и без того мало, а если все будут работать, где взять ее (тем более, как ты начнешь работать, то всю землю спашешь).

Вы законною защитой для себя признаете и такую отговорку от хлебного труда: у меня есть одно дело, и мне не разорваться, чтобы успеть здесь и там; заняться земледелием – тогда некогда подумать о другом деле.

Спрашиваю: у меня, кроме хлеба, есть еще много дел, как же я успеваю думать и на деле выполнять, я – необразованный мужик? А если бы у меня было столько ума и образования, сколько у тебя, я бы тогда тысячу дел выполнил. Почему же ты такую бездну разума имеешь, а, кроме одного дела, о другом и подумать не можешь?

Говорят: другой в двадцать раз больше земледелца трудится, – можно ли его назвать тунеядцем?

335 дней в году работай, чего хочешь, и занимайся, чем знаешь, а 30 дней в разные времена года должен всякий человек работать хлеб.

Если бы Бог положил тебе за грехи такую заповедь: Возьми в сто пудов камень и носи, – ты сказал бы: – я этого не могу, ты мне столько силы не дал, и еще: летай по воздуху, как птица, – ты мне крыльев не дал, потому я этого сделать не могу и т. д.

Такое оправдание уважительное.

А хлеб почему не можешь работать? Конечно, только потому: «кто я? у меня руки белые и нежные, а хлеб колкий».

Ты прикрываешься от хлебного труда еще и тем, что кто бы чем ни занимался, все относится к той заповеди: «В поте лица твоего снеси хлеб твой».

Один из вас говорит: «Я сегодня несколько строк написал, значит, я в поте лица ем хлеб».

Другой: «Я сегодня несколько приказов словесных людям отдал, чтобы они старательно мне работали, поэтому я в поте лица ем хлеб».

Третий: «Я сегодня в богатой карете по городу прокатился, и я в поте лица ем хлеб».

Четвертый: «Я сегодня гнилой товар за хороший, дешевый за дорогой продал и неопытных людей обманул, поэтому и я в поте лица ем хлеб».

А вор в свою очередь говорит: «Я всю ночь не спал, своими руками работал, я более всех вас в поте лица хлеб ем» и т. д.

Если не истиною, то красноречием и хитростью все делаются правы, как говорит Крылов: «Все те звери, которые когтями и зубами богаты, все они вышли правы, чуть не святы, а на смиренного вола подняли толки, кричат тигры и волки, и они его задушили и на костер свалили».

Из всех предыдущих вопросов видно, что нет в свете отвратительнее нечистоты, как чужих трудов хлеб. Напротив же того, нет душеспасительней святости, как своих трудов хлеб. Это я говорю не по догадке, а по коренным божественным законам, с чем согласен и естественный наш закон.

О, умиلسердись, великосветский класс, сам над собою. Не предай ты этого дела к уничтожению. А если есть здесь что-либо сильно противузаконное, то уничтожь лучше меня одного, а дело это положи на вечное время в архив, где хранятся важнейшие государственные акты. Может статься, в последующих поколениях найдется настолько справедливый человек, что во всем настоящем составе обнародует его. Пусть же я один погибну, а миллионы земледельцев получают величайшую радость и облегчение в трудах своих.

Во всем мире жалоба на Бога такая: Если в Боге бесконечная милость, то откуда же бесчисленные бедствия, которым подвергаются бедные люди.

Если Бог правосудный правитель мира, то откуда же неравенство между людьми? Почему порок счастлив, а добродетель несчастна? Да виновато ли зеркало, когда у самих нас рожа крива, то есть причина ли тому Бог, что мы первородный его закон, который ведет к равенству всех, опровергли?

Утверди такой закон, чтобы ни один человек не осмелился ни одной крошки хлеба есть чужих трудов без уважительных причин. Тогда люди хотя и не сравниваются, а все-таки много ближе станут друг к другу, – хлебный труд подсечет крылья гордости.

Ведь мы бедны от вашего богатства, а вы богаты от нашей бедности.

Пусть бы была эта обида временная, нет – она вечная. Как прошедшие, так и настоящие наши поколения пили, пьют и будут пить эту горькую чашу. Не видать им покровителя и защитника никогда. А все потому, что вы нашу родительницу, т. е. заповедь живую, в гроб положили.

Хотя я и во всю свою жизнь видал, но слепо, а теперь, по исследовании мною этой заповеди, вижу ясно следующее: разъехались люди по всем полям всего света и сильно работают хлеб, даже малые дети и грудные малютки, которые еще не ели его, а также хлеба ради страдают. Не суть ли они истинные пчелы, которые летают по полям и собирают мед в свой улей? А

высший класс, представил я себе, не есть ли трутни, которые только поют и ничего не делают, а знают одно: чужие труды поедают.

Много на свете ловят воров, но то не воры, а шалуны. Вот я поймал вора, так вора! Он обворовал церковь и Бога живого и унес первородный закон, нам, земледельцам, принадлежавший; нужно же указать лично на этого вора. Кто не работает для себя хлеб своими руками, а чужие труды пожирает, тот вор, – возьмите его и предайте суду.

Пчелы трутням крылья подсекают, чтобы их трудов мед не ели. Вот дошла и наша очередь до вас, трутней, – и мы вам крылья подсекли, чтобы вы наших трудов хлеба не ели. Я знаю, что вы и после этого будете есть, да еда эта такая будет: ты хлеб в глотку, а совесть тебя за глотку, – от нее ничем не избавишься.

Если бы хлеб был, как и прочие вещи, неправдою приобретенные, их положил куда подальше, – они лежат там преспокойно. Нет, хлеб нужно в рот класть! Об этом стоит подумать.

Я слышу часто, что хотят всю вселенную соединить в одну веру. Верный ли этот слух, – не знаю. Если верный, то, вместо того чтобы соединить, она еще разделится на столько же толков, сколько их ныне, и выйдет не то что полезный, а даже вредный труд.

Хорошо было соединять в древности, когда народ был дикий, – куда хочешь, туда его и веди, он нитки не перервет. А теперь его тройным канатом не стащишь, – во-первых, по привычке к своему обыкновению, а во-вторых, по гордости, чтобы не покоряться один другому. А утверди веру на одном первородном законе без примеси посторонних правил, тогда в короткое время сольется вся вселенная в одну веру в Бога, потому что хлеб самого закоснелого преклонит, смягчит и на путь добродетели наставит.

О! Слеп ты, слеп, ученый человек! Смотришь во все глаза в св. писание, а не видишь тех дверей, в которые бы мог выйти и порученное тебе от Бога стадо вывести из-под гнета греха, и не видишь ты прямо ведущей стези в жизнь вечную; слепота твоя подобна содомеянам, которые были поражены слепотой, «ищуще дверей Лотовых».

Но те слепоту свою в себе видели, а ты, будучи слеп, думаешь, что смотришь светло и все видишь ясно, и сам все знаешь без толкователей и никто тебе ни в чем указывать не должен. Слепота твоя подобна еще Валааму, который ехал на осле, а ангел господний стоял с обнаженным мечом на пути, осел, который под Валаамом, ангела видит, а Валаам нет. Я осел, а ты Валаам, и едешь ты на мне от юности моя.

Разделилась вселенная вся на тысячу вероучений, то как одна должна быть вера, как и Бог один.

Первородный закон «в поте лица твоего снеси хлеб твой» все вероучения собрал бы воедино, и если бы только они узнали всю силу благодати его, то прижали бы его к сердцу своему. И он в одно столетие, а то и ближе, всех людей, от востока до запада, от севера до юга, соединил бы в одну веру, в единую церковь и единую любовь.

ДЕКАБРЬ

Сказка об иване дураке и его двух братьях:

Семене-воине и Тарасе-брюхане, и немой сестре Маланье, и о старом дьяволе и трех чертенятах

I

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был богатый мужик. И было у богатого мужика три сына: Семен-воин, Тарас-брюхан и Иван-дурак, и дочь Маланья-вековуха, немая. Пошел Семен-воин на войну, царю служить, Тарас-брюхан пошел в город к купцу, торговать, а Иван-дурак с девкою остался дома работать, горб наживать. Выслужил себе Семен-воин чин большой и вотчину и женился на барской дочери. Жалованье большое было и вотчина большая, а все концы с концами не сводил: что муж соберет, все жена-барыня рукавом растрясет; все денег нет. И приехал Семен-воин в вотчину доходы собирать. Приказчик ему и говорит:

– Не с чего взять; нет у нас ни скотины, ни снасти, ни лошади, ни коровы, ни сохи, ни бороны; надо всего завести – тогда доходы будут.

И пошел Семен-воин к отцу:

– Ты, – говорит, – батюшка, богат, а мне ничего не дал. Отдели мне третью часть, я в свою вотчину переведу.

Старик и говорит:

– Ты мне в дом ничего не подавал, за что тебе третью часть давать? Ивану с девкой обидно будет.

А Семен говорит:

– Да ведь – он дурак, а она – вековуха немая; чего им надо?

Старик и говорит:

– Как Иван скажет.

А Иван говорит:

– Ну что ж, пускай берет.

Взял Семен-воин часть из дома, перевел в свою вотчину, опять уехал к царю служить.

Нажил и Тарас-брюхан денег много – женился на купчихе, да все ему мало было, приехал к отцу и говорит:

– Отдели мне мою часть.

Не хотел старик и Тарасу давать часть.

– Ты, – говорит, – нам ничего не подавал, а что в доме есть, то Иван нажил. Тоже и его с девкой обидеть нельзя.

А Тарас говорит:

– На что ему, он дурак; жениться ему нельзя, никто не пойдет, а девке немой тоже ничего не нужно. Давай, – говорит, – Иван, мне хлеба половинную часть; я снасти брать не буду, а из скотины только жеребца сивого возьму, – тебе он пахать не годится.

Засмеялся Иван.

– Ну что ж, – говорит, – я пойду обротаю.

Отдали и Тарасу часть. Увез Тарас хлеб в город, увел жеребца сивого, и остался Иван с одной кобылой старой по-прежнему крестьянствовать – отца с матерью кормить.

II

Досадно стало старому дьяволу, что не поссорились в дележе братья, а разошлись по любви. И кликнул он трех чертенят.

– Вот видите, – говорит, – три брата живут: Семен-воин, Тарас-брюхан и Иван-дурак. Надо бы им всем перессориться, а они мирно живут: друг с дружкой хлеб-соль водят. Дурак мне все дела испортил. Подите вы втроем, возьмитесь за троих и смутите их так, чтобы они друг дружке глаза повыдрали. Можете ли это сделать?

– Можем, – говорят.

– Как же вы делать будете?

– А так, – говорят, – сделаем: разорим их сперва, чтоб им жрать нечего было, а потом собьем в одну кучу, они и передерутся.

– Ну, ладно, – говорит, – я вижу – вы дело знаете; ступайте и ко мне не ворочайтесь, пока всех троих не смутите, а то со всех троих шкуру спущу.

Пошли чертенята все в болото, стали судить, как за дело братья; спорили, спорили, каждому хочется полегче работу выгадать, и порешили на том, что жеребий кинуть, какой кому достанется. А коли кто раньше других отделается, чтоб приходил другим подсоблять. Кинули жеребий чертенята и назначили срок, опять когда в болоте собраться, узнать, кто отделался и кому подсоблять идти.

Пришел срок, и собрались по уговору чертенята в болоте. Стали толковать, как у кого дела. Стал рассказывать первый чертенок – от Семена-воина.

– Мое дело, – говорит, – ладится. Завтра, – говорит, – мой Семен домой к отцу придет.

Стали его товарищи спрашивать:

– Как ты, – говорят, – сделал?

– А я, – говорит, – первым делом храбрость такую на Семена навел, что он обещал своему царю весь свет завоевать, и сделал царь Семена начальником, послал его воевать индейского царя. Сошлись воевать. А я в ту же ночь в Семеновом войске весь порох подмочил и пошел к индейскому царю из соломы солдат наделал видимо-невидимо. Увидали Семеновы солдаты, что на них со всех сторон соломенные солдаты заходят, – заробели. Велел Семен-воин палить: пушки, ружья не выходят. Испугались Семеновы солдаты и побежали, как бараны. И побил их индейский царь. Осрамился Семен-воин, отняли у него вотчину и завтра казнить хотят. Только мне на день и дела осталось, из темницы его выпустить, чтобы он домой убежал. Завтра отделаюсь, так сказывайте, кому из двух помогать приходить?

Стал и другой чертенок, от Тараса, рассказывать про свои дела.

– Мне, – говорит, – помогать не нужно. Мое дело тоже на лад пошло, больше недели не проживет Тарас. Я, – говорит, – первым делом отрастил ему брюхо и навел на него зависть. Такая у него зависть на чужое добро сделалась, что, что ни увидит, все ему купить хочется. Накупил он всего видимо-невидимо на все свои деньги и все еще покупает. Теперь уж стал на заемные покупать. Уж много на шею набрал и запутался так, что не распутается. Через неделю сроки подойдут отдавать, а я из всего товара его навоз сделаю – не расплатится и придет к отцу.

Стали спрашивать и третьего чертенка, от Ивана.

– А твое дело как?

– Да что, – говорит, – мое дело не ладится. Наплевал я ему первым делом в кувшин с квасом, чтобы у него живот болел, и пошел на его пашню, сбил землю, как камень, чтоб он не осилил. Думал я, что он не вспашет, а он, дурак, приехал с сохой, начал драть. Кряхтит от живота, а сам все пашет. Изломал я ему одну соху – поехал дурак домой, переладил другую,

подвои новые подвязал и опять принялся пахать. Залез я под землю, стал за сошники держать, не удержишь никак – налегает на соху, а сошники острые: изрезал мне руки все. Почти все допахал, одна только полоска осталась. Приходите, – говорит, – братцы, помогать, а то, как мы его одного не осилим, все наши труды пропадут. Если дурак останется да крестьянствовать будет, они нужды не увидят, он обоих братьев кормить будет.

Пообещал чертенок от Семена-воина назавтра приходить помогать, и разошлись на том чертенята.

III

Вспахал Иван весь пар, только одна полоска осталась. Приехал допахивать. Болит у него живот, а пахать надо. Выхлестнул гужи, перевернул соху и поехал пахать. Только завернулся раз, поехал назад – ровно за корень зацепило что-то – волочит. А это чертенок ногами вокруг рассохи заплел – держит. «Что за чудо! – думает Иван. – Корней тут не было, а корень». Запустил Иван руку в борозду, ощупал – мягкое. Ухватил что-то, вытащил. Черное, как корень, а на корне что-то шевелится. Глядь – чертенок живой.

– Ишь ты, – говорит, – пакость какая!

Замахнулся Иван, хотел о приголовок пришибить его, да запищал чертенок:

– Не бей ты меня, – говорит, – а я тебе что хочешь сделаю.

– Что ж ты мне сделаешь?

– Скажи только, чего хочешь.

Почесался Иван.

– Брюхо, – говорит, – болит у меня – поправить можешь?

– Могу, – говорит.

– Ну лечи.

Нагнулся чертенок в борозду, пошарил, пошарил когтями, выхватил корешок-тройчатку, подал Ивану.

– Вот, – говорит, – кто ни проглотит один корешок, всякая боль пройдет.

Взял Иван, разорвал корешки, проглотил один. Сейчас живот прошел.

Запросил опять чертенок.

– Пусти, – говорит, – теперь меня, я в землю проскочу – больше ходить не буду.

– Ну что ж, – говорит, – бог с тобой!

И как только сказал Иван про бога – юркнул чертенок под землю, как камень в воду, только дыра осталась. Засунул Иван два остальных корешка в шапку и стал допахивать. Запахал до конца полоску, перевернул соху и поехал домой. Отпряг, пришел в избу, а старший брат, Семен-воин, сидит с женой – ужинают. Отняли у него вотчину, – насилу из тюрьмы ушел и прибежал к отцу жить.

Увидел Семен Ивана.

– Я, – говорит, – к тебе жить приехал, корми нас с женой, пока место новое выйdet.

– Ну что ж, – говорит, – живите.

Только хотел Иван на лавку сесть, не понравился барыне дух от Ивана. Она и говорит мужу.

– Не могу я, – говорит, – с вонючим мужиком вместе ужинать.

Семен-воин и говорит:

– Моя барыня говорит, от тебя дух нехорош, ты бы в сенях поел.

– Ну что ж, – говорит. – Мне и так в ночное пора – кобылу кормить.

Взял Иван хлеба, кафтан и поехал в ночное.

IV

Отделался в эту ночь чертенюк от Семена-воина и пришел по уговору Иванова чертенка искать – ему помогать дурака донимать. Пришел на пашню, поискал, поискал товарища – нет нигде, только дыру нашел. «Ну, – думает, – видно с товарищем беда случилась, надо на его место становиться. Пашня допахана – надо будет дурака на покосе донимать».

Пошел чертенюк в луга, напустил на Иванов покос паводок, затащило весь покос грязью. Вернулся на зорьке Иван из ночного, отбил косу, пошел луга косить. Пришел Иван, стал косить, махнет раз, махнет другой – затупится коса, не режет, точить надо. Бился, бился Иван.

– Нет, – говорит, – пойду домой, отбой принесу да и хлеба ковригу. Хоть неделю пробыюсь, а не уйду, пока не выкошу.

Услыхал чертенюк – задумался.

– Калян, – говорит, – дурак этот, не проймешь его. Надо на другие штуки подниматься.

Пришел Иван, отбил косу, стал косить. Залез чертенюк в траву, стал косу за пятку ловить, носком в землю тыкать. Трудно Ивану, однако выкосил покос – осталась одна делянка в болоте. Залез чертенюк в болото, думает себе:

«Хоть лапы перережу, а не дам выкосить».

Зашел Иван в болото, трава – смотреть – не густая, а не проворотить косы. Рассердился Иван, начал во всю мочь махать, стал чертенюк подаваться – не поспевает отскакивать, видит – дело плохо, забился в куст. Размахнулся Иван, шаркнул по кусту, отхватил чертенку половину хвоста. Докосил Иван покос, велел девке грести, а сам пошел рожь косить.

Вышел с крюком, а кургузый чертенюк уж там, перепутал рожь так, что на крюк нейдет. Вернулся Иван, взял серп и принялся жать – выжал всю рожь.

– Ну, теперь, – говорит, – надо за овес браться.

Услыхал кургузый чертенюк, думает: «На ржи не донял, так на овсе дойму, дай только утра дожждаться». Прибежал чертенюк утром на овсяное поле, а овес уже скошен. Иван его ночью скосил, чтоб меньше сыпался. Рассердился чертенюк.

– Изрезал, – говорит, – меня и замучил дурак. И на войне такой беды не видал! Не спит, проклятый, за ним не поспеешь! Пойду, – говорит, – теперь в копны: прогнойю ему все.

И пошел чертенюк в ржаную копну, залез между снопами – стал гноить: согрел их и сам согрелся и задремал.

А Иван запряг кобылу и поехал с девкой возить. Подъехал к копне, стал кидать на воз. Скинул два снопа, сунул – прямо чертенку в зад; поднял – глядь, на вилах чертенюк живой, да еще кургузый барахтается, ужимается, соскочить хочет.

– Ишь ты, – говорит, – пакость какая! Ты опять тут?

– Я, – говорит, – другой, то мой брат был. А я, – говорит, – у твоего брата Семена был.

– Ну, – говорит, – какой ты там ни будь, и тебе то же будет! – Хотел его об грядку пришибить, да стал его просить чертенюк:

– Отпусти, – говорит, – больше не буду, а я тебе что хочешь сделаю.

– Да что ты сделать можешь?

– А я, – говорит, – могу из чего хочешь солдат наделать.

– Да на что их?

– А на что, – говорит, – хочешь их поверни, они все могут.

– Песни играть могут?

– Могут.

– Ну что ж, – говорит, – сделай.

И сказал чертенюк:

– Возьми ты вот сноп ржаной, тряхни его о землю гузом и скажи только: «Велит мой холоп, чтоб был не сноп, а сколько в тебе соломинок, столько бы солдат».

Взял Иван сноп, потрянул оземь и сказал, как велел чертенок. И расскочился сноп, и сделались солдаты, и впереди барабанщик и трубач играют. Засмеялся Иван.

– Ишь ты, – говорит, – как ловко! Это, – говорит, – хорошо – девок веселить.

– Ну, – говорит чертенок, – пусти же теперь.

– Нет, – говорит, – это я старновки делать буду, а то даром зерно пропадает. Научи, как опять в сноп поворотить. Я его обмолочу.

Чертенок и говорит:

– Скажи: «Сколько солдат, столько соломинок. Велит мой холоп, будь опять сноп!»

Сказал так Иван, и стал опять сноп.

И стал опять проситься чертенок.

– Пусти, – говорит, – теперь.

– Ну что ж!

Зацепил его Иван за грядку, придержал рукой, сдернул с вил.

– С Богом, – говорит. И только сказал про Бога – юркнул чертенок под землю, как камень в воду, только дыра осталась.

Приехал Иван домой, а дома и другой брат, Тарас, с женой сидят – ужинают. Не расчелся Тарас-брюхан, убежал от долгов и пришел к отцу. Увидал Ивана.

– Ну, – говорит, – Иван, пока я расторгуюсь, корми нас с женой.

– Ну что ж, – говорит, – живите.

Снял Иван кафтан, сел к столу.

А купчиха говорит:

– Я, – говорит, – с дураком кушать не могу: от него, – говорит, – потом воняет.

Тарас-брюхан и говорит:

– От тебя, – говорит, – Иван, дух нехорош – поди в сенях поешь.

– Ну что ж, – говорит.

Взял хлеба, ушел на двор.

– Мне, – говорит, – кстати в ночное пора – кобылу кормить.

V

Отделался в эту ночь и от Тараса чертенок – пришел по уговору товарищам помогать – Ивана-дурака донимать. Пришел на пашню, поискал, поискал товарищей – нет никого, только дыру нашел. Пошел на луга – в болоте хвост нашел, а на ржаном жнивье и другую дыру нашел. «Ну, – думает, – видно, над товарищами беда случилась, надо на их место становиться, за дурака приниматься».

Пошел чертенок Ивана искать. А Иван уж с поля убрался, в роще лес рубит.

Стало братьям тесно жить вместе, велели дураку себе на избы лес рубить, новые дома строить.

Прибежал чертенок в лес, залез в сучья, стал мешать Ивану деревья валить. Подрубил Иван дерево как надо, чтоб на чистое место упало, стал валить – дуrom пошло дерево, повалилось куда не надо, на суках застряло. Вырубил Иван рочаг, начал отворачивать – насилу свалил дерево. Стал Иван рубить другое – опять то же. Бился, бился, насилу выпростал. Взялся за третье – опять то же. Думал Иван хлыстов полсотни срубить, и десятка не срубил, а уж ночь на дворе. И замучился Иван. Валит от него пар, как туман по лесу пошел, а он все не бросает. Подрубил он еще дерево, и заломило ему спину, так что мочи не стало, воткнул топор и присел отдохнуть. Услыхал чертенок, что затих Иван, обрадовался. «Ну, – думает, – выбился из сил – бросит; отдохну теперь и я». Сел верхом на сук и радуется. А Иван поднялся, вынул топор,

размахнулся да как тяпнет с другой стороны, сразу затрещало дерево – грохнулось. Не спопанился чертенок, не успел ног выпростать, сломался сук и защемил чертенка за лапу. Стал Иван очищать – глядь: чертенок живой. Удивился Иван.

– Ишь ты, – говорит, – пакость какая! Ты опять тут?

– Я, – говорит, – другой. Я у твоего брата Тараса был.

– Ну, какой бы ты ни был, а тебе то же будет!

Замахнулся Иван топором, хотел его обухом пристукнуть. Взмолился чертенок.

– Не бей, – говорит, – меня, я тебе что хочешь сделаю.

– Да что ж ты сделать можешь?

– А я, – говорит, – могу тебе денег сколько хочешь наделать.

– Ну что ж, – говорит, – наделай!

И научил его чертенок.

– Возьми ты, – говорит, – листу дубового с этого дуба и потри в руках. Наземь золото падать будет.

Взял Иван листьев, потер – посыпалось золото.

– Это, – говорит, – хорошо, когда на гулянках с ребятами играть.

– Пусти же, – говорит чертенок.

– Ну что ж! – Взял Иван рочаг, выпростал чертенка. – Бог с тобой! – говорит. И как только сказал про Бога – юркнул чертенок под землю, как камень в воду, только дыра осталась.

VI

Построили братья дома и стали жить порознь. А Иван убрался с поля, пива наварил и позвал братьев гулять. Не пошли братья к Ивану в гости.

– Не видали мы, – говорят, – мужицкого гулянья.

Угостил Иван мужиков, баб и сам выпил – захмелел и пошел на улицу в хороводы. Подошел Иван к хороводам, велел бабам себя величать.

– Я, – говорит, – вам того дам, чего вы в жизнь не видали. – Посмеялись бабы и стали его величать. Отвеличали и говорят:

– Ну что ж, давай.

– Сейчас, – говорит, – принесу. – Ухватил севалку, побежал в лес. Смеются бабы: «То-то дурак!» И забыли про него. Глядь: бежит Иван назад, несет севалку полную чего-то.

– Одевать, что ли?

– Одевай.

Захватил Иван горсть золота – кинул бабам. Батюшки! Бросились бабы подбирать; выскочили мужики, друг у дружки рвут, отнимают. Старуху одну чуть до смерти не задавили. Смеется Иван.

– Ах вы дурачки, – говорит, – зачем вы бабушку задавили. Вы полегче, а я вам еще дам. – Стал еще швырять. Сбежался народ, расшвырял Иван всю севалку. Стали просить еще. А Иван говорит:

– Вся. Другой раз еще дам. Теперь давайте плясать, играйте песни.

Заиграли бабы песни.

– Не хороши, – говорит, – ваши песни.

– Какие же, – говорят, – лучше?

– А я, – говорит, – вот вам покажу сейчас.

Пошел на гумно, выдернул сноп, обил его, поставил на гузо, стукнул.

– Ну, – говорит, – сделай холоп, чтоб был не сноп, а каждая соломинка – солдат.

Расскочился сноп, стали солдаты, заиграли барабаны, трубы. Велел Иван солдатам песни играть, вышел с ними на улицу. Удивился народ. Поиграли солдаты песни, и увел их Иван

назад на гумно, а сам не велел никому за собой ходить, и сделал опять солдат снопом, бросил на одонье. Пришел домой и лег спать в закуту.

VII

Узнал наутро про эти дела старший брат Семен-воин, приходит к Ивану.

– Открой ты мне, – говорит, – откуда ты солдат приводил и куда увел?

– А на что, – говорит, – тебе?

– Как на что? С солдатами все сделать можно. Можно себе царство добыть.

Удивился Иван.

– Ну? Что ж ты, – говорит, – давно не сказал? Я тебе сколько хочешь наделаю. Благо мы с девкой много насторожили.

Повел Иван брата на гумно и говорит:

– Смотри же, я их делать буду, а ты их уводи, а то коли их кормить, так они в один день всю деревню слопают.

Обещал Семен-воин увести солдат, и начал Иван их делать. Стукнет по току снопом – рота, стукнет другим – другая, наделал их столько, что все поле захватили.

– Что ж, будет, что ли?

Обрадовался Семен и говорит:

– Будет! Спасибо, Иван.

– То-то, – говорит. – Коли тебе еще надо, ты приходи, я еще наделаю. Соломы нынче много.

Сейчас распорядился Семен-воин войском, собрал их как следует и пошел воевать.

Только ушел Семен-воин, приходит Тарас-брюхан – тоже узнал про вчерашнее дело, стал брата просить:

– Открой мне, откуда ты золотые деньги берешь? Кабы у меня такие вольные деньги были, я бы к этим деньгам со всего света деньги собрал.

Удивился Иван.

– Ну! Ты бы давно, – говорит, – мне сказал. Я тебе сколько хочешь натру.

Обрадовался брат.

– Дай мне хоть севалки три.

– Ну что ж, – говорит, – пойдем в лес, а то лошадь запряги – не унесешь.

Поехали в лес, стал Иван с дуба листья натирать. Насыпал кучу большую.

– Будет, что ли?

Обрадовался Тарас.

– Пока будет, – говорит. – Спасибо, Иван.

– То-то, – говорит. – Коли тебе еще надо, приходи, я натру еще – листу много осталось.

Набрал Тарас-брюхан денег воз целый и уехал торговать.

Уехали оба брата. И стал Семен воевать, а Тарас торговать. И завоевал себе Семен-воин царство, а Тарас-брюхан наторговал денег кучу большую.

Сошлись братья вместе и открылись друг другу, откуда у Семена солдаты, а у Тараса деньги.

Семен-воин и говорит брату:

– Я, – говорит, – царство себе завоевал, и мне жить хорошо, только у меня денег нехватка – солдат кормить.

А Тарас-брюхан говорит:

– А я, – говорит, – нажил денег бугор большой, только одно, – говорит, – горе – караулить денег некому.

Семен-воин и говорит:

– Пойдем, – говорит, – к брату Ивану, – я велю ему еще солдат наделать – тебе отдам твои деньги караулить, а ты вели ему мне денег натереть, чтобы было чем солдат кормить.

И поехали они к Ивану. Приезжают к Ивану, Семен и говорит:

– Мне мало, братец, моих солдат, сделай мне, – говорит, – еще солдат, хоть копны две переделай.

Замотал головой Иван.

– Даром, – говорит, – не стану больше тебе солдат делать.

– Да как же, – говорит, – ты обещал?

– Обещал, – говорит, – да не стану больше.

– Да отчего ж ты, дурак, не станешь?

– А оттого, что твои солдаты человека до смерти убили. Я наемни пашу у дороги, вижу, баба по дороге гроб везет, а сама воет. Я спросил: «Кто помер?» Она говорит: «Мужа Семеновы солдаты на войне убили». Я думал, что солдаты будут песни играть, а они человека до смерти убили. Не дам больше.

Так и уперся, не стал больше делать солдат.

Стал и Тарас-брюхан просить Ивана-дурака, чтоб он ему еще золотых денег наделал.

Замотал головой Иван.

– Даром, – говорит, – не стану больше тереть.

– Да как же, ты, – говорит, – обещал?

– Обещал, – говорит, – да не стану больше.

– Да отчего же ты, дурак, не станешь?

– А оттого, что твои золотые у Михайловны корову отняли.

– Как отняли?

– Так отняли. Была у Михайловны корова, ребята молоко хлебали, а наемни пришли ее ребята ко мне молока просить. Я и говорю им: «А ваша корова где?» Говорят: «Тараса-брюхана приказчик приезжал, мамушке три золотые штучки дал, а она ему и отдала корову, нам теперь хлебать нечего». Я думал, ты золотыми штучками играть хочешь, а ты у ребят корову отнял: не дам больше!

И уперся дурак, не дал больше. Так и уехали братья.

Уехали братья и стали судить, как им своему горю помочь. Семен и говорит:

– Давай вот что сделаем. Ты мне денег дай солдат кормить, а я тебе половину царства с солдатами отдам – твои деньги караулить.

Согласился Тарас. Поделились братья, и стали оба царями и оба богаты.

VIII

А Иван дома жил, отца с матерью кормил, с немой девкой в поле работал.

Только случилось раз, заболела у Ивана собака дворная старая, опаршивела, стала издыхать. Пожалел ее Иван – взял хлеба у немой, положил в шапку, вынес собаке, кинул ей. А шапка продралась, и выпал с хлебом один корешок. Сlopала его с хлебом собака старая. И только проглотила корешок, вскочила собака, заиграла, залаяла, хвостом замахала – здорова стала.

Увидали отец с матерью, удивились.

– Чем ты, – говорят, – собаку вылечил?

А Иван и говорит:

– У меня два корешка были – от всякой боли лечат, так она и слопала один.

И случилось в это время, что заболела у царя дочь, и повестил царь по всем городам и селам – кто вылечит ее, того он наградит, и если холостой, за того и дочь замуж отдаст. Повестили и у Ивана в деревне.

Позвали отец с матерью Ивана и говорят ему:

– Слышал ты, что царь повешает? Ты сказывал, что у тебя корешок есть, поезжай, вылечи царскую дочь. Ты навек счастье получишь.

– Ну что ж, – говорит.

И собрался Иван ехать. Одели его, выходит Иван на крыльцо, видит – стоит побирушка косорукая.

– Слышала я, – говорит, – что ты лечишь? Вылечи мне руку, а то и обуться сама не могу.

Иван и говорит:

– Ну что ж!

Достал корешок, дал побирушке, велел проглотить. Проглотила побирушка и выздоровела, сейчас стала рукой махать. Вышли отец с матерью Ивана к царю провожать, услышали, что Иван последний корешок отдал и нечем царскую дочь лечить, стали его отец с матерью ругать.

– Побирушку, – говорят, – пожалел, а царскую дочь не жалеешь!

Жалко стало Ивану и царскую дочь. Запряг он лошадь, кинул соломы в ящик и сел ехать.

– Да куда же ты, дурак?

– Царскую дочь лечить.

– Да ведь тебе лечить нечем?

– Ну что ж, – говорит, и погнал лошадь.

Приехал на царский двор и только ступил на крыльцо – выздоровела царская дочь.

Обрадовался царь, велел звать к себе Ивана, одел его, нарядил.

– Будь, – говорит, – ты мне зятем.

– Ну что ж, – говорит.

И женился Иван на царевне. А царь вскоре помер. И стал Иван царем. Так стали царями все три брата.

IX

Жили три брата – царствовали.

Хорошо жил старший брат Семен-воин. Набрал он со своими соломенными солдатами настоящих солдат. Велел он по всему своему царству с десяти дворов по солдату поставлять, и чтобы был солдат тот и ростом велик, и телом бел, и лицом чист. И набрал он таких солдат много и всех обучил. И как кто ему в чем поперечит, сейчас посылает этих солдат и делает все, как ему вздумается. И стали его все бояться.

И житье ему было хорошее. Что только задумает и на что только глазами вскинет, то и его. Пошлет солдат, а те отберут, и принесут, и приведут все, что ему нужно.

Хорошо жил и Тарас-брюхан. Он свои деньги, что забрал от Ивана, не растерял, а большой прирост им сделал. Завел он у себя в царстве порядки хорошие. Деньги держал он у себя в сундуках, а с народу взыскивал деньги. Взыскивал он деньги и с души, и с водки, и с пива, и со свадьбы, и с похорон, и с проходу, и с проезду, и с лаптей, и с онуч, и с оборок. И что ни вздумает, все у него есть. За денежки к нему всего несут и работать идут, потому что всякому деньги нужны.

Неплохо жил и Иван-дурак. Как только похоронил тестя, снял он все царское платье – жене отдал в сундук спрятать, – опять надел посконную рубаху, портки и лапти обул и взялся за работу.

– Скучно, – говорит, – мне: брюхо расти стало, и еды и сна нет.

Привез отца с матерью и девку немую и стал опять работать.

Ему и говорят:

– Да ведь ты царь!

– Ну что ж, – говорит, – и царю жрать надо.

Пришел к нему министр, говорит:

– У нас, – говорит, – денег нет жалованье платить.
– Ну что ж, – говорит, – нет, так и не плати.
– Да они, – говорит, – служить не станут.
– Ну что ж, – говорит, – пускай, – говорит, – не служат, им свободнее работать будет, пускай навоз вывозят, они много его нанавозили.
Пришли к Ивану судиться. Один говорит:
– Он у меня деньги украл.
А Иван говорит:
– Ну что ж! значит, ему нужно.
Узнали все, что Иван – дурак. Жена ему и говорит:
– Про тебя говорят, что ты дурак.
– Ну что ж, – говорит.
Подумала, подумала жена Иванова, а она тоже дура была.
– Что же мне, – говорит, – против мужа идти? Куда иголка, туда и нитка.
Подняла царское платье, положила в сундук, пошла к девке немой работе учиться. Научилась работать, стала мужу подсоблять.
И ушли из Иванова царства все умные, остались одни дураки. Денег ни у кого не было. Жили – работали, сами кормились и людей добрых кормили.

Х

Ждал, ждал старый дьявол вестей от чертенят о том, как они трех братьев разорили, – нет вестей никаких. Пошел сам проведать, искал, искал нигде не нашел, только три дыры отыскал. «Ну, – думает, – видно, не осилили – надо самому приниматься».

Пошел разыскивать, а братьев на старых местах уже нет. Нашел он их в разных царствах. Все три живут-царствуют. Обидно показалось старому дьяволу.

– Ну, – говорит, – возьмусь-ка я сам за дело.

Пошел он прежде всего к Семену-царю. Пошел он не в своем виде, а оборотился воеводой – приехал к Семену-царю.

– Слышал я, – говорит, – что ты, Семен-царь, воин большой, а я этому делу твердо научен, хочу тебе послужить.

Стал его расспрашивать Семен-царь, видит – человек умный, взял на службу.

Стал новый воевода Семена-царя научать, как сильное войско собрать.

– Первое дело – надо, – говорит, – больше солдат собрать, а то, – говорит, – у тебя в царстве много народа дурно гуляет. Надо, – говорит, – всех молодых без разбора забрить, тогда у тебя войска впятеро против прежнего будет. Второе дело – надо ружья и пушки новые завести. Я тебе такие ружья заведу, что будут сразу по сту пуль выпускать, как горохом будут сыпать. А пушки заведу такие, что они будут огнем жечь. Человека ли, лошадь ли, стену ли – все сожжет.

Послушался Семен-царь воеводы нового, велел всех подряд молодых ребят в солдаты брать, и заводы новые завел; наделал ружей, пушек новых и сейчас же на соседнего царя войной пошел. Только вышло навстречу войско, велел Семен-царь своим солдатам пустить по нем пулями и огнем из пушек: сразу перекалечил, пережег половину войска. Испугался соседний царь, покорился и царство свое отдал. Обрадовался Семен-царь.

– Теперь, – говорит, – я индейского царя завоюю.

А индейский царь услышал про Семена-царя и перенял от него все его выдумки, да еще свои выдумал. Стал индейский царь не одних молодых ребят в солдаты брать, а и всех баб холостых в солдаты забрал, и стало у него войска еще больше, чем у Семена-царя, а ружья и пушки все от Семена-царя перенял, да еще придумал по воздуху летать и бомбы разрывные сверху кидать.

Пошел Семен-царь войной на индейского царя, думал, как и прежнего, повоевать, да – резала коса, да нарезалась. Не допустил царь индейский Семенова войска до выстрела, а послал своих баб по воздуху на Семеново войско разрывные бомбы кидать. Стали бабы сверху на Семеново войско, как буру на тараканов, бомбы посыпать, разбежалось все войско Семеново, и остался Семен-царь один. Забрал индейский царь Семеново царство, а Семен-воин убежал куда глаза глядят.

Обделал этого брата старый дьявол и пошел к Тарасу-царю. Оборотился он в купца и поселился в Тарасовом царстве, стал заведение заводить, стал денежки выпускать. Стал купец за всякую вещь дорого платить, и бросился весь народ к купцу деньги добывать. И завелось у народа денег так много, что все недоимки выплатили и в срок все подати подавать стали.

Обрадовался Тарас-царь. «Спасибо, – думает, – купцу, теперь у меня денег еще прибавится, житье мое еще лучше станет». И стал Тарас-царь новые затеи затевать, зачал себе новый дворец строить. Повестил народу, чтоб везли ему лес, камень и шли работать, назначил за все цены высокие. Думал Тарас-царь, что по-прежнему за его денежки повалит к нему народ работать. Глядь, весь лес и камень к купцу везут, и весь рабочий народ к нему валит. Прибавил Тарас-царь цену, а купец еще накинул. У Тараса-царя денег много, а у купца еще больше, и перебил купец царскую цену. Стал дворец царский; не строится. Затеян был у Тараса-царя сад. Пришла осень. Повещает Тарас-царь, чтоб народ шел к нему сад сажать, – не выходит никто, весь народ купцу пруд копает. Пришла зима. Задумал Тарас-царь мехов собольих купить на шубу новую. Посылает покупать, приходит посол, говорит:

– Нету соболей – все меха у купца, он дороже дал и из соболей ковер сделал.

Понадобилось Тарасу-царю себе жеребцов купить. Послал покупать, приходят послы: все жеребцы хорошие у купца, ему воду возят пруд наливать. Стали все дела царские, ничего ему не делают, а все делают купцу, а ему только купцовы деньги несут, за подати отдают.

И набралось у царя денег столько, что класть некуда, а житье плохое стало. Перестал уж царь затеи затевать; только бы уж как-нибудь прожить, и того не может. Во всем стеснение стало. Стали от него и повара, и кучера, и слуги к купцу отходить. Стало уж и еды доставать. Пошлет на базар купить что – ничего нет: все купец перекупил, а ему только денежки за подати несут.

Рассердился Тарас-царь и выслал купца за границу. А купец на самой на границе сел – все то же делает: все так же за купцовы денежки от царя тащат все к купцу. Совсем плохо царю стало, по целым дням не ест, да еще слух прошел, что купец хвалится, что он у царя и жену его купить хочет. Заробел царь Тарас и не знает, как быть.

Приезжает к нему Семен-воин и говорит:

– Поддержи, – говорит, – меня – меня индейский царь повоевал.

А Тарасу-царю самому уж узлом к гузну дошло.

– Я, – говорит, – сам два дни не ел.

XI

Обделал старый дьявол обоих братьев и пошел к Ивану. Оборотился старый дьявол в воеводу, пришел к Ивану и стал его уговаривать, чтоб он у себя войско завел.

– Царю, – говорит, – не годится без войска жить. Ты мне прикажи только, а я соберу из твоего народу солдат и войско заведу.

Отслушал его Иван.

– Ну что ж, – говорит, – заведи, да песни их научи играть половчее, я это люблю.

Стал старый дьявол по Иванову царству ходить, солдат по воле собирать. Объявил, чтоб шли все лбы брить, – каждому штоф водки и красная шапка будет.

Посмеялись дураки.

– Вино, – говорят, – у нас вольное, мы сами курим, а шапки нам бабы какие хочешь, хоть пестрые сошьют, да еще с мохрами.

Так и не пошел никто. Приходит старый дьявол к Ивану.

– Нейдут, – говорит, – твои дураки охотой – надо их силом пригонять.

– Ну что ж, – говорит, – пригоняй силом.

И повестил старый дьявол, чтоб шли все дураки в солдаты записываться, а кто не пойдет, того Иван смерти предаст.

Пришли дураки к воеводе и говорят:

– Говоришь ты нам, что, коли мы в солдаты не пойдём, нас царь смерти предаст, а не сказываешь, что с нами в солдатстве будет. Сказывают, и солдат до смерти убивают.

– Да, не без того.

Услыхали это дураки, уперлись.

– Не пойдём, – говорят. – Уж лучше пускай дома смерти предадут. Ее и так не миновать.

– Дураки вы, дураки! – говорит старый дьявол. – Солдата еще убьют ли, нет ли, а не пойдешь – Иван-царь наверно смерти предаст.

Задумались дураки, пошли к царю Ивану-дураку спрашивать:

– Проявился, – говорят, – воевода, велит нам всем в солдаты идти. «Коли пойдете, – говорит, – в солдаты, там вас убьют ли, нет ли, а не пойдете, так вас царь Иван наверно смерти предаст». Правда ли это?

Засмеялся Иван.

– Как же, – говорит, – я один вас всех смерти предам? Кабы я не дурак был, я бы вам растолковал, а то я и сам не пойму.

– Так мы, – говорят, – не пойдём.

– Ну что ж, – говорит, – не ходите.

Пошли дураки к воеводе и отказались в солдаты идти.

Видит старый дьявол – не берет его дело, пошел к тараканскому царю, подделался.

– Пойдем, – говорит, – войной, завоюем Ивана-царя. У него только денег нет, а хлеба и скота и всякого добра много.

Пошел тараканский царь войною. Собрал войско большое, ружья, пушки наладил, вышел на границу, стал в Иваново царство входить.

Пришли к Ивану и говорят:

– На нас тараканский царь войной идет.

– Ну что ж, – говорит, – пускай идет.

Перешел тараканский царь с войском границу, послал передовых разыскивать Иваново войско. Искали, искали – нет войска. Ждать-пождать – не окажется ли где? И слуха нет про войско, не с кем воевать. Послал тараканский царь захватить деревни. Пришли солдаты в одну деревню – выскочили дураки, дуры, смотрят на солдат, дивятся. Стали солдаты отбирать у дураков хлеб, скотину, дураки отдают, и никто не обороняется. Пошли солдаты в другую деревню – все то же. Походили солдаты день, походили другой – везде все то же, все отдают – никто не обороняется и зовут к себе жить.

– Коли вам, сердешные, – говорят, – на вашей стороне житье плохое, приходите к нам совсем жить.

Походили, походили солдаты, видят – нет войска, а все народ живет, кормится и людей кормит, и не обороняется, и зовет к себе жить.

Скучно стало солдатам, пришли к своему тараканскому царю.

– Не можем мы, – говорят, – воевать, отведи нас в другое место, добро бы война была, а это что – как кисель резать. Не можем больше тут воевать.

Рассердился тараканский царь, велел солдатам по всему царству пройти, разорить деревни, дома, хлеб сжечь, скотину перебить.

– Не слушаете, – говорит, – моего приказа, всех, – говорит, – вас расказню.

Испугались солдаты, начали по царскому указу делать. Стали дома, хлеб жечь, скотину бить. Все не обороняются дураки, только плачут. Плачут старики, плачут старухи, плачут малые ребята.

– За что, – говорят, – вы нас обижаете? Зачем, – говорят, – вы добро дурно губите? Коли вам нужно, вы лучше себе берите.

Гнусно стало солдатам. Не пошли дальше, и все войско разбежалось.

ХП

Так и ушел старый дьявол – не пронял Ивана солдатами.

Оборотился старый дьявол в господина чистого и приехал в Иваново царство жить, хотел его, так же, как Тараса-брюхана, деньгами пронять.

– Я, – говорит, – хочу вам добро сделать, уму-разуму научить. Я, – говорит, – у вас дом построю и заведение заведу.

– Ну что ж, – говорят, – живи.

Переночевал господин чистый и наутро вышел на площадь, вынес мешок большой золота и лист бумаги и говорит:

– Живете вы, – говорит, – все, как свиньи, – хочу я вас научить, как жить надо. Стройте мне, – говорит, – дом по плану по этому. Вы работайте, а я показывать буду и золотые деньги вам буду платить.

И показал им золото. Удивились дураки, у них денег в заводе не было, а они друг дружке вещь за вещь меняли и работой платили. Подивились они на золото.

– Хороши, – говорят, – штучки.

И стали господину за золотые штучки вещи и работу менять. Стал старый дьявол, как и у Тараса, золото выпускать, и стали ему за золото всякие вещи менять и всякие работы работать. Обрадовался старый дьявол, думает: «Пошло мое дело на лад! Разорю теперь дурака, как и Тараса, и куплю его с потрохом со всем». Только забрались дураки золотыми деньгами, роздали всем бабам на ожерелья, все девки в косы вплели, и ребята уж на улице в штучки играть стали. У всех много стало, и не стали больше брать. А у господина чистого еще хоромы наполовину не отстроены и хлеба и скотины еще не запасено на год, и повещает господин, чтоб шли к нему работать, чтоб ему хлеб везли, скотину вели, за всякую вещь и за всякую работу золотых много давать будет.

Нейдет никто работать и не несут ничего. Забежит мальчик или девочка, яичко на золотой променяет, а то нет никого – и есть ему стало нечего. Проголодался господин чистый, пошел по деревне – себе на обед купить. Сунулся в один двор, дает золотой за курицу – не берет хозяйка.

– У меня, – говорит, – много и так.

Сунулся к бобылке – селедку купить, дает золотой.

– Не нужно мне, – говорит, – милый человек, у меня, – говорит, – детей нет, играть некому, а я и то три штучки для редкости взяла.

Сунулся к мужику за хлебом. Не взял и мужик денег.

– Мне не нужно, – говорит. – Нешто ради Христа, – говорит, – так погоди, я велю бабе отрезать.

Заплевал даже дьявол, убежал от мужика. Не то что взять ради Христа, а и слышать-то ему это слово – хуже ножа.

Так и не добыл хлеба. Забрались все. Куда ни пойдет старый дьявол, никто не дает ничего за деньги, а все говорят:

– Что-нибудь другое принеси, или приходи работать, или ради Христа возьми.

А у дьявола нет ничего, кроме денег, работать неохота, а ради Христа нельзя ему взять. Рассердился старый дьявол.

– Чего, – говорит, – вам еще нужно, когда я вам деньги даю? Вы на золото всего купите и всякого работника наймете.

Не слушают его дураки.

– Нет, – говорят, – нам не нужно: с нас платы и податей никаких нейдет – куда же нам деньги?

Лег, не ужинавши, спать старый дьявол.

Дошло это дело до Ивана-дурака. Пришли к нему, спрашивают:

– Что нам делать? Проявился у нас господин чистый: есть, пить любит сладко, одеваться любит чисто, а работать не хочет и Христа ради не просит и только золотые штучки всем дает. Давали ему прежде всего, пока не забрались, а теперь не дают больше. Что нам с ним делать? Как бы не помер с голода.

Отслушал Иван.

– Ну что ж, – говорит, – кормить надо. Пускай по дворам, как пастух, ходит.

Нечего делать, стал старый дьявол по дворам ходить.

Дошла очередь и до Иванова двора. Пришел старый дьявол обедать, а у Ивана девка немая обедать собирала. Обманивали ее часто те, кто поленивее. Не работамши, придут раньше к обеду, всю кашу поедят. И исхитрилась девка лодырей по рукам узнавать: у кого мозоли на руках, того сажает, а у кого нет, тому обеды дает. Полез старый дьявол за стол, а немая девка ухватила его за руки, посмотрела – нет мозолей, и руки чистые, гладкие, и когти длинные. Замычала немая и вытащила дьявола из-за стола. А Иванова жена ему и говорит:

– Не взыщи, господин чистый, золовка у нас без мозолей на руках за стол не пускает. Вот, дай срок, люди поедят, тогда доедай, что останется.

Обиделся старый дьявол, что его у царя с свиньями кормить хотят. Стал Ивану говорить:

– Дурацкий, – говорит, – у тебя закон в царстве, чтобы всем людям руками работать. Это вы по глупости придумали. Разве одними руками люди работают? Ты думаешь, чем умные люди работают?

А Иван говорит:

– Где нам, дуракам, знать, мы все норовим больше руками да горбом.

– Это оттого, что вы дураки. А я, – говорит, – научу вас, как головой работать; тогда вы узнаете, что головой работать скорее, чем руками.

Удивился Иван.

– Ну, – говорит, – не даром нас дураками зовут!

И стал старый дьявол говорить:

– Только не легко, – говорит, – и головой работать. Вы вот мне есть не даете оттого, что у меня нет мозолей на руках, а того не знаете, что головой во сто раз труднее работать. Другой раз и голова трещит.

Задумался Иван.

– Зачем же ты, – говорит, – сердешный, так себя мучаешь? Разве легко, как голова затрещит? Ты бы уж лучше легкую делал работу – руками да горбом.

А дьявол говорит:

– Затем я себя и мучаю, что я вас, дураков, жалею. Кабы я себя не мучил, вы бы век дураками были. А я головой поработал, теперь и вас научу.

Подивился Иван.

– Научи, – говорит, – а то другой раз руки уморятся, так их головой переменить.

И обещался дьявол научить.

И повестил Иван по всему царству, что проявился господин чистый и будет всех учить, как головой работать и что головой можно выработать больше, чем руками, – чтоб приходили учиться.

Была в Ивановом царстве каланча высокая построена, и на нее лестница прямая, а наверху вышка. И свел Иван туда господина, чтобы ему на виду быть.

Стал господин на каланчу и начал оттуда говорить. А дураки собрались смотреть. Дураки думали, что господин станет на деле показывать, как без рук головой работать. А старый дьявол только на словах учил, как не работамши прожить можно.

Не поняли ничего дураки. Посмотрели, посмотрели и разошлись по своим делам.

Простоял старый дьявол день на каланче, простоял другой – все говорил. Захотелось ему есть. А дураки и не догадались хлебца ему на каланчу принести. Они думали, что если он головой может лучше рук работать, так уж хлеба-то себе шутя головой добудет. Простоял и другой день старый дьявол на вышке – все говорил. А народ подойдет, посмотрит-посмотрит и разойдется. Спрашивает и Иван:

– Ну, что, господин, начал ли головой работать?

– Нет еще, – говорят, – все еще лопочет.

Простоял еще день старый дьявол на вышке и стал слабеть; пошатнулся раз и стукнулся головой об столб. Увидал один дурак, сказал Ивановой жене, а Иванова жена прибежала к мужу на пашню.

– Пойдем, – говорит, – смотреть: говорят, господин зачинает головой работать.

Подивился Иван.

– Ну? – говорит.

Завернул лошадь, пошел к каланче. Приходит к каланче, а старый дьявол уж вовсе с голоду ослабел, стал пошатываться, головой об столбы постукивать. Только подошел Иван, спотыкнулся дьявол, упал и загремел под лестницу торчмя головой – все ступеньки пересчитал.

– Ну, – говорит Иван, – правду сказал господин чистый, что другой раз и голова затрещит. Это не то что мозоли, от такой работы желваки на голове будут.

Свалился старый дьявол под лестницу и уткнулся головой в землю. Хотел Иван подойти посмотреть, много ли он работал, вдруг расступилась земля, и провалился старый дьявол сквозь землю, только дыра осталась. Почесался Иван.

– Ишь ты, – говорит, – пакость какая! Это опять он! Должно, батька тем – здоровый какой!

Живет Иван и до сих пор, и народ весь валит в его царство, и братья пришли к нему, и их он кормит. Кто придет – скажет:

– Корми нас.

– Ну что ж, – говорит, – живите – у нас всего много.

Только один обычай у него и есть в царстве: у кого мозоли на руках – полезай за стол, а у кого нет – тому обьедки.

Указатель содержания дней «Круга чтения»

Бессмертие. 20 янв., 12 фев., 9 апр., 10 июня, 22 сент., 6 нояб., 28 нояб., 7 дек.
Благо. 6 июля, 19 авг., 19 дек.
Бог. 22 фев., 6 мар., 24 мар., 12 апр., 26 апр., 15 июня, 7 июля, 3 сент., 7 окт., 17 окт., 8 нояб.
Богатство. 27 фев., 19 мар., 28 мая, 31 июля, 12 сент., 3 окт., 3 нояб., 15 нояб.
Божественная природа души. 14 фев., 22 апр., 25 апр., 14 мая, 18 мая, 29 мая, 18 июня, 1 июля, 18 июля, 29 авг., 18 сент., 9 окт., 16 окт., 18 окт., 27 нояб., 14 дек.
Болезнь. 29 апр., 6 окт.
Брак. 11 мар.
Вегетарианство. 21 фев., 6 мая, 20 июня, 24 сент., 2 дек.
Вера. 2 янв., 8 янв., 13 янв., 15 янв., 13 фев., 17 апр., 16 мая, 26 июля, 18 авг., 28 авг., 11 сент., 2 окт., 16 нояб.
Взаимное служение. 25 мар.
Внушение. 5 авг., 28 сент., 29 окт., 12 нояб.
Воздержание. 4 мар., 29 мар., 23 мая.
Возмездие. 15 апр., 3 авг.
Война. 22 янв., 9 фев., 9 мар., 8 апр., 17 июня, 6 июля, 29 сент., 25 нояб., 29 дек.
Воспитание. 10 янв., 5 мая, 26 дек.
Все в себе. 7 мая, 13 мая, 11 авг., 27 авг.
Гордость. 11 окт., 9 нояб.
Дела. 12 мар., 1 июня, 22 июня, 22 июля, 26 окт.
Детство. 8 сент.
Добро. 3 мар., 7 апр., 21 мая, 18 нояб.
Доброта. 7 янв., 3 фев., 30 мар., 8 июня, 17 авг., 12 дек.
Достоинство человека. 16 апр., 25 окт., 4 дек.
Дух. 1 фев., 10 мая, 5 июня.
Духовная природа. 16 фев., 27 дек.
Единение. 4 янв., 10 мар., 3 июня, 12 июля, 16 авг., 24 окт., 17 дек., 30 дек.
Женщина. 2 июня, 1 дек.
Заблуждение. 6 сент., 6 дек.
Закон. 28 янв., 11 фев., 19 мая, 24 июля, 26 сент., 8 дек.
Зло. 23 янв., 11 апр., 6 июня, 9 авг., 19 нояб.
Знание. 1 янв., 9 янв., 25 янв., 16 мар., 1 апр., 18 апр., 3 мая, 9 июля, 27 июля, 22 авг., 9 сент., 16 сент., 23 сент., 14 нояб., 28 дек.
Идеал. 29 фев., 11 мая.
Искусство. 28 фев., 2 июля, 31 авг., 14 окт., 3 дек.
Истина. 24 фев., 15 мая, 23 авг., 15 сент., 15 дек.
Лжеучение. 12 янв., 31 янв., 4 июня, 10 июля, 8 авг., 1 сент., 19 сент., 27 окт., 31 окт., 10 нояб.
Любовь. 14 янв., 27 янв., 15 мар., 24 мая, 8 июля, 21 июля, 4 окт., 16 дек.
Милосердие. 25 янв., 11 июля, 24 нояб., 25 дек.
Молитва. 25 фев., 8 мар., 21 авг., 21 дек.
Мудрость. 17 янв., 24 янв., 29 янв., 13 мар., 28 мар., 21 июня, 13 авг., 13 сент., 30 сент., 1 окт., 23 дек.

Мужество. 27 мар., 24 апр., 1 мая, 18 окт., 20 нояб.
Наказание. 4 июля, 5 сент.
Насилие. 17 июля, 14 авг., 14 сент., 13 окт.
Настоящее. 10 авг., 17 нояб., 31 дек.
Наука. 8 окт.
Одурманивание. 1 сент.
Осуждение. 18 мар., 27 апр., 14 июня, 27 сент., 22 окт., 6 нояб.
Отечество. 9 дек.
Покаяние. 31 мар., 28 июля.
Приближение Царства Божия. 26 мар., 10 апр., 14 июля, 30 авг., 20 дек.
Прогресс. 20 фев., 18 дек.
Просвещение. 18 янв.
Простота. 15 фев., 23 апр., 19 июля, 20 авг.
Равенство. 17 фев.
Радость. 4 апр., 31 мая, 15 авг.
Разум. 7 фев., 14 мар., 13 апр., 13 июня, 26 июня, 29 июля, 6 авг., 5 дек.
Рост. 22 мая, 12 июня, 24 авг., 15 окт., 24 дек.
Самоотречение. 19 янв., 18 фев., 20 апр., 4 авг., 30 окт.
Самосовершенствование. 21 янв., 7 фев., 6 апр., 13 нояб.
Свобода. 20 мая, 23 июня, 3 июля, 1 авг.
Семья. 28 июня.
Сила мысли. 8 фев., 4 мая, 11 июня, 21 сент., 5 нояб.
Слияние своей воли с волей Бога. 2 мар., 15 июля, 12 авг.
Слово. 5 янв., 8 фев., 26 фев., 2 мая, 25 мая, 16 июля, 4 нояб., 29 нояб.
Служение. 20 окт., 21 нояб.
Смерть. 2 фев., 1 мар., 3 апр., 12 мая, 26 мая, 24 июня, 2 авг., 7 сент., 10 окт.
Смирение. 11 янв., 10 фев., 5 мар., 8 мая, 7 июня, 30 июля, 1 нояб., 30 нояб.
Смысл жизни. 21 мар., 30 апр., 19 окт., 23 нояб.
Соблазн. 27 мая, 2 нояб., 10 дек.
Совесь. 19 июня, 9 сент., 23 окт.
Сострадание и вегетарианство. 20 июля.
Спокойствие. 21 окт.
Справедливость. 22 мар., 26 авг.
Страдание. 19 апр., 25 июля, 28 окт.
Страсти. 6 фев.
Тайна. 20 мар.
Труд. 19 фев., 7 мар., 5 апр., 28 апр., 25 авг., 25 сент., 11 дек.
Тщеславие. 25 июня, 7 авг.
Уныние. 29 июня.
Усилие. 6 янв., 2 апр., 9 мая, 27 июня, 23 июля, 4 сент.,
20 сент., 5 окт., 11 нояб.
Устройство жизни. 3 янв., 16 янв., 30 янв., 23 фев., 17 мар., 23 мар., 14 апр., 21 апр., 30
мая, 9 июня, 16 июня, 30 июня, 13 июля, 17 сент., 22 нояб., 26 нояб., 22 дек.
Юродство. 17 мая.

Комментарии Источники публикации

«Круг чтения» печатается по тексту второй редакции книги, воспроизведенному в 41 – 42-м томах Юбилейного издания Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого в 90 томах (М., 1907). Том и страницы этого издания указываются в скобках. Текст сверен и уточнен по наборному экземпляру второго издания «Круга чтения», хранящемуся в Гос. Музее Толстого (1 – А-2, № 459–461) и представляющему собой экземпляр первого издания с многочисленными дополнениями, изменениями и перестановками, внесенными Толстым при подготовке второго издания, которое не было осуществлено при жизни писателя. В настоящем издании в основном сохранены пунктуация и лексические особенности толстовского текста.

В рукописи первого издания в Музее Толстого (1 – А-2, № 436–447) обозначена тематика записей каждого дня. В настоящем издании это толстовское обозначение тем вынесено в Содержание. Публикуется также Указатель содержания дней «Круга чтения», приложенный к первому изданию и уточненный нами в связи с перестановками текстов, произведенными Толстым при подготовке второго издания.

Настоящее издание является первым, в котором раскрываются источники многочисленных высказываний русских и иностранных авторов, включенных в «Круг чтения». Эти источники установлены (особенно античные, немецкие и американские) на основе просмотра черновиков первого издания, а также в результате работы коллектива авторов следующих ниже послесловий.

Думается, что читателю будет небезынтересно узнать, из каких именно произведений приведены высказывания в «Круге чтения».

Особенно это относится к авторам, менее известным нашему читателю.

В отличие от записей на каждый день источники Недельных и Месячных чтений «Круга чтения» прокомментированы в Юбилейном издании.

ВОРОВ СЫН. Краткое и свободное изложение рассказа Н. С. Лескова «Под Рождество обидели», напечатанного в «Петербургской газете» 25 декабря 1890 г. и тогда же посланного автором Толстому. В собрания сочинений Лескова рассказ не включался.

КАЮЩИЙСЯ ГРЕШНИК. Легенда написана Толстым в 1886 г. и помещена в «Круге чтения» без изменения текста.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ. Отрывок из книги Ф. Р. Ламенне «Евангелия» (1846, комментарий к 5-й главе Евангелия от Матфея), переведенный С. Л. Толстым. Две записи Толстого, добавленные к переводу из Ламенне, заимствованы из книги: Афоризмы и избранные мысли Л. Н. Толстого, собранные Л. П. Никифоровым. М., 1905. Вып. 1, № 138, 139. Первый отрывок взят из письма Толстого к В. Г. Черткову 19 мая 1884 г., второй – из XIX главы трактата Толстого «О жизни».

СУЩНОСТЬ ХРИСТИАНСКОГО УЧЕНИЯ. Выдержка из первой части трактата Толстого «Христианское учение», написанного в 1894–1897 гг.

РАЗУМ. Первый отрывок взят из книги А. Шопенгауэра «Мир как воля и представление», т. 2, гл. VI (по поводу учения об отвлеченном познании или познании разумом). Второй отрывок был предложен Ф. А. Страховым из его неопубликованных заметок.

БУДДА. Сведения о жизни Будды заимствованы Толстым из статьи «Буддизм» в 8-м полутоме Энциклопедического словаря издания Брокгауза и Ефрона.

САМООТРЕЧЕНИЕ. Отрывок из Ламенне взят из книги его «Евангелия» (комментарии к 12-й главе Евангелия от Иоанна). Отрывок из Толстого составлен из двух записей в книге: Афоризмы и избранные мысли Л. Н. Толстого, собранные Л. П. Никифоровым, № 243 и 164.

Первый абзац заимствован из статьи Толстого «Первая ступень» (29, 69), а далее соединены две выдержки из статьи Толстого «О голоде» (29, 110).

СВОБОДНЫЙ ЧЕЛОВЕК. XXI глава третьей части романа «Воскресение».

АРХАНГЕЛ ГАВРИИЛ. Легенда, принадлежащая персидскому поэту Феридеддину Аттару. Перевод из книги: *The Sacred Anthology. A Book of Ethical Scriptures* /Ed. by M. D. Conway. London, 1874. P.133–134.

МОЛИТВА. Рассказ связан с легендой, слышанной Толстым от олонекского крестьянина-сказителя В. П. Щеголенка, гостившего в Ясной Поляне летом 1879 г. Впервые напечатан в «Круге чтения».

БЕДНЫЕ ЛЮДИ. Прозаический перевод стихотворения В. Гюго из его «Легенды веков», принадлежащий Л. И. Веселитской (В. Микулич) и напечатанный в общедоступном издании «Посредник» (М., 1904).

ЕДИНЕНИЕ. Отрывок из сочинения А. Шопенгауэра «Об основе морали», 22 (метафизическая основа).

МОРСКОЕ ПЛАВАНИЕ. Сокращенный вариант одного из «Стихотворений в прозе» И. С. Тургенева.

НЕПРОТИВЛЕНИЕ ЗЛУ НАСИЛИЕМ. Сокращенный перевод «Катехизиса непротivления» А. Балу из первой главы трактата Толстого «Царство Божие внутри вас».

СУРАТСКАЯ КОФЕЙНАЯ. Рассказ Толстого написан в 1887 г.

КОРНЕЙ ВАСИЛЬЕВ. Рассказ написан Толстым в феврале 1905 г.

ДОБРО. Выдержка из пятой главы рукописи сочинения А. И. Архангельского (псевдоним: Бука) «Кому служить?», изданной в 1920 г. в Москве Обществом истинной свободы в память Л. Н. Толстого и Трудовой общины-коммуны «Трезвая жизнь».

УЛИЧНЫЙ ТОРГОВЕЦ. Перевод рассказа А. Франса «Кренкбиль», сделанный В. М. Величкиной, был впервые напечатан в журнале «Образование», 1903, № 4.

ИЗ ПИСЬМА. Сокращенный вариант письма Александра Дюма-сына, включенного Толстым в его статью «Неделание», написанную в 1893 г.

ЗЕРНО С КУРИНОЕ ЯЙЦО. Сказка Толстого написана в 1886 г.

ВОСПИТАНИЕ. Отрывок из книги: *Избранные мысли Иосифа Мадзини*, собрал Л. П. Никифоров. М., 1905. С. 20–21.

ИЗ ПИСЬМА О ВОСПИТАНИИ. В первом издании под названием «Из письма к П. И. Б.» было дано с сокращениями письмо Толстого к П. И. Бирюкову 5 мая 1901 г.

СМЕРТЬ В ГОСПИТАЛЕ. Отрывок с сокращениями из первой главы («Госпиталь») второй части «Записок из Мертвого дома» Ф. М. Достоевского.

ЗАКОН НАСИЛИЯ И ЗАКОН ЛЮБВИ. Выдержка с сокращениями из пятой главы рукописи А. И. Архангельского (Бука) «Кому служить?».

СУД НАД СОКРАТОМ И ЕГО ЗАЩИТА. Свободное изложение, сделанное Толстым, отрывка из «Апологии» Сократа, написанной Платоном.

ДУШЕЧКА. С. А. Толстая отмечает чтение Толстым вслух этого самого любимого им чеховского рассказа в течение двух дней подряд, 14 и 15 января 1899 г. Толстой сократил ряд мест, в которых он находил ироническое отношение автора к героине.

ПОСЛЕСЛОВИЕ К РАССКАЗУ ЧЕХОВА «ДУШЕЧКА». Написано в феврале 1905 г.

НЕУЖЕЛИ ТАК НАДО? Отрывок из первой главы статьи Толстого «Неужели это так надо?», оконченной в 1900 г.

ПЕРВОЕ ГОРЕ. Рассказ Л. А. Авиловой, рекомендованный Толстому Ф. А. Страховым, впервые напечатан в журнале «Русское богатство», 1900, № 8.

ДОБРОВОЛЬНОЕ РАБСТВО. Два отрывка из сочинения французского мыслителя XVI в. Этьена Ла Боэси «Добровольное рабство» переведены Толстым.

ОРЕЛ. Отрывок из шестой главы («Каторжные животные») второй части «Записок из Мертвого дома» Ф. М. Достоевского.

ЯГОДЫ. Рассказ написан 10 и 11 июня 1905 г.

ПАСКАЛЬ. Статья написана Толстым для «Круга чтения». С книгой Б. Паскаля «Мысли» Толстой познакомился в 1876 г., и она стала одной из его любимых книг.

УСТРОЙСТВО МИРА. Отрывок из книги Ф. Ламенне «Евангелия» (комментарии к 15-й главе Евангелия от Иоанна).

ОТНОШЕНИЕ ПЕРВЫХ ХРИСТИАН К ВОЙНЕ. По цензурным условиям статья не вошла в прижизненные издания «Круга чтения» и впервые была напечатана в бесцензурном издании «Июля» «Круга чтения» в 1917 г. в Москве под редакцией В. Г. Черткова.

ПИСЬМО КРЕСТЬЯНИНА ОЛЬХОВИКА, ОТКАЗАВШЕГОСЯ ОТ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ. Отрывок из брошюры «Письма Петра Васильевича Ольховика», выпущенной в Англии в 1899 г. под редакцией В. Г. Черткова. По цензурным условиям в «Круг чтения» не вошло и появилось в 1917 г. в бесцензурном издании «Июля» «Круга чтения» под редакцией В. Г. Черткова (Москва).

НЕВЕРУЮЩИЙ. Толстой перевел рассказ В. Гюго «Атеист» из книги «Постскрипtum моей жизни» (1901).

ПОКАЯНИЕ. Отрывок из рукописи пятой главы сочинения А. И. Архангельского (Бука) «Кому служить?».

КАМНИ. Притча из статьи «Задонский юродивый Антоний Алексеевич» в книге Е. Поселянина (псевдоним Е. Погожева) «Русские подвижники 19-го века». СПб., 1901.

БОЛЬШАЯ МЕДВЕДИЦА (КОВШ). Легенда, переведенная Толстым из английского журнала «Herald of Peace».

ВОРОБЕЙ. Одно из «Стихотворений в прозе» И. С. Тургенева, в текст которого Толстой внес небольшие изменения.

ОДИНОЧЕСТВО. Рассказ Мопассана, переведенный, по совету Толстого, Л. П. Никифоровым и напечатанный впервые в книге: Мопассан Г. де. Одиночество и другие рассказы. М., 1899.

КАТОЛИЦИЗМ И ХРИСТИАНСТВО. Отрывок из статьи Ф. Ницше «Критика высших ценностей», напечатанной в журнале «Новый путь» (1904, № 9). Перевод отредактирован Ф. А. Страховым.

ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ ЗЕМЛИ ПО УЧЕНИЮ ГЕНРИ ДЖОРДЖА. Статья написана переводчиком сочинений Генри Джорджа С. Д. Николаевым и отредактирована Толстым.

ДЛЯ ЧЕГО ЛЮДИ ОДУРМАНИВАЮТСЯ? Отрывок из первой главы статьи Толстого «Для чего люди одурманиваются?», написанной в 1890 г.

БЕГЛЕЦ. Рассказ написан А. П. Чеховым в 1886 г. и помещен в «Круге чтения» без изменений.

СИЛА ДЕТСТВА. Изложение Толстым рассказа В. Гюго «Гражданская война», произнесенное им для фонографа 19 апреля 1908 г. Впервые напечатан с цензурными пропусками во втором издании «Круга чтения» в 1912 г.

ПЕТР ХЕЛЬЧИЦКИЙ. Статья написана Толстым 31 марта 1905 г. Русский перевод сочинения Петра Хельчицкого «Сеть веры» был издан Академией наук под редакцией Ю. С. Анненкова в 1893 г.

ИЗ ЗАВЕЩАНИЯ МЕКСИКАНСКОГО ЦАРЯ. Источник этой легенды не установлен.

СМЕРТЬ СОКРАТА. Написано Л. Н. Толстым на основе книги: Платон. Федон. Разговор. Перевод Дм. Лебедева. М., 1896.

ЗА ЧТО? Источником послужил рассказ в третьей части книги С. В. Максимова «Сибирь и каторга» (первое издание – 1871, второе – 1891, третье – 1901).

ЖИВЫЕ МОЩИ. Сокращенный вариант рассказа из «Записок охотника» И. С. Тургенева.

ЗАКОН БОГА И ЗАКОН МИРА СЕГО. Переработанный Толстым отрывок из первой части книги Петра Хельчицкого «Сеть веры». В 1907 г. полный текст «Сети веры» перепечатан с академического издания 1893 г. книгоиздательством «Посредник». Постановлением Московской судебной палаты 8 ноября 1911 г. эта статья была вырезана из первого издания «Круга чтения» и во втором издании не появилась.

ЛАМЕННЭ. Основой для статьи Толстого стала книга: Котляревский С. А. Ламеннэ и новейший католицизм. М., 1904.

ОТКРОВЕНИЕ И РАЗУМ. Отрывок из «Исповедания веры савойского викария» в четвертой книге трактата Ж. – Ж. Руссо «Эмиль, или О воспитании». Перевод А. А. Русановой.

БОЖЕСКОЕ И ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ. 8 августа 1879 г. в Одессе были повешены за подготовку покушения на Александра II трое революционеров: Д. А. Лизогуб, С. Ф. Чубаров и И. Я. Давиденко. Толстой обратился к личности и судьбе Дм. Лизогуба, именуемого в рассказе Светлогубом. Одним из источников послужила книга С. М. Степняка-Кравчинского «Подпольная Россия» (на русском языке в 1893 г.).

ХРИСТИАНСТВО И РАЗДЕЛЕНИЕ ЛЮДЕЙ. Отрывки из 14 – 27-й глав первой части и 1 – 4-й глав второй части «Сети веры» Петра Хельчицкого. Постановлением Московской судебной палаты 8 ноября 1911 г. статья вырезана из первого издания «Круга чтения» и не появилась во втором издании.

ТРЕБОВАНИЕ ЛЮБВИ. Выдержка из Дневника Толстого от 25 июня 1893 г. Впервые опубликована В. Г. Чертковым в «Листках Свободного слова», издававшихся в Англии (1899, № 3).

ЕПИСКОП МИРИЕЛЬ. Сокращенный перевод эпизода из романа В. Гюго «Отверженные».

ЖЕНЩИНЫ. Сокращенный отрывок из трактата Толстого «Так что же нам делать?», написанного в 1882–1886 гг.

СЕСТРЫ. Рассказ Толстого «Франсуаза», написанный в 1890 г. по рассказу Мопассана «В порту» (1889), вошел во второе издание «Круга чтения» под названием «Сестры». В 1905 г. рассказ появился в издании «Посредник».

УЧЕНИЕ ДВЕНАДЦАТИ АПОСТОЛОВ. ПРЕДИСЛОВИЕ. Написано Толстым 1 апреля 1905 г.

УЧЕНИЕ ГОСПОДА, ПРЕПОДАННОЕ НАРОДАМ 12-Ю АПОСТОЛАМИ. Памятник древней христианской письменности. Опубликован в 1883 г. Толстой познакомился с ним в 1885 г. и заново перевел его с греческого.

ЛЮБИТЕ ДРУГ ДРУГА. Написано в 1907 г., напечатано во втором издании «Круга чтения».

ГАРРИСОН И ЕГО «ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ». Отрывок из предисловия Толстого, написанного в 1903–1904 гг. к биографии У. Л. Гаррисона, составленной В. Г. Чертковым и его сотрудницей Флоренс Хода.

ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ ОСНОВ, ПРИНЯТЫХ ЧЛЕНАМИ ОБЩЕСТВА, ОСНОВАННОГО ДЛЯ УСТАНОВЛЕНИЯ МЕЖДУ ЛЮДЬМИ ВСЕОБЩЕГО МИРА. Сокращенная перепечатка «Провозглашения...» У. Л. Гаррисона из первой главы трактата Толстого «Царство Божие внутри вас». Постановлением Московской судебной палаты 8 ноября 1911 г. статья Толстого и само «Провозглашение» Гаррисона вырезаны из первого издания «Круга чтения» и не появились во втором издании.

ПОВРЕЖДЕННЫЙ. Сокращенный текст рассказа А. И. Герцена из его «Прерванных рассказов» (1854). Толстой читал рассказ в 4-м томе «Сочинений» Герцена (Лондон, 1878).

О СЕКТЕ НАЗАРЕН, РАСПРОСТРАНИВШЕЙСЯ В ВЕНГРИИ, СЕРБИИ И ХОРВАТИИ. Выдержки из книги: Ольховский В., Бонч-Бруевич В. Д. Назарены в Венгрии и Сербии (К истории сектантства). М., 1905.

Месячные чтения, предназначавшиеся Толстым для включения в «Круг чтения», не были по цензурным условиям напечатаны (в первом прижизненном издании).

ФЕВРАЛЬ

Переработанный отрывок из книги: Архангельский А. И. (Бука). Кому служить? М., 1920. С. 74–77 (из рукописи четвертой главы).

МАРТ

Отрывок из рукописи третьей главы той же книги.

АПРЕЛЬ

Измененный отрывок из шестой главы статьи Толстого «Патриотизм и правительство» (1900).

МАЙ

Перевод Толстым отрывка из «Рассуждения о добровольном рабстве» Ла Боэси.

ИЮНЬ

Первый отрывок из книги: Попов Е. И. Жизнь и смерть Е. Н. Дрожжина. (Англия), 1903. С. 3–4, 127–128. Второй отрывок из книги: Шкарван А. Мой отказ от военной службы. (Англия), 1898. С. 25–26, 46–49.

АВГУСТ

Отрывок из рукописи книги: Архангельский А. И. Кому служить? М., 1920. С. 93–95.

ОКТАБРЬ

Отрывок из рукописи той же книги (с. 104–106).

НОЯБРЬ

Толстой дважды писал предисловие к работе Т. М. Бондарева «Трудолюбие и тунеядство, или Торжество земледельца» – в 1886 г. для журнала «Русское богатство» и в 1895 г. для «Критико-биографического словаря русских писателей и ученых» С. А. Венгерова. Для «Круга чтения» Толстым было намечено второе предисловие. Отрывки из сочинения Т. М. Бондарева приведены по сокращенному изданию, выпущенному «Посредником» в 1906 г.

ДЕКАБРЬ

«Сказка об Иване-дураке и его двух братьях: Семене-воине и Тарасе-брюхане, и немой сестре Маланье, и о старом дьяволе и трех чертенятах» написана Толстым в 1885 г. В отдельном издании «Посредника» сказка вышла в 1886 г. с цензурными изъятиями, а в 1887 г. второе отдельное издание ее было арестовано Московским цензурным комитетом.

А. Н. Николюкин